

РУССКАЯ СТАРИНА

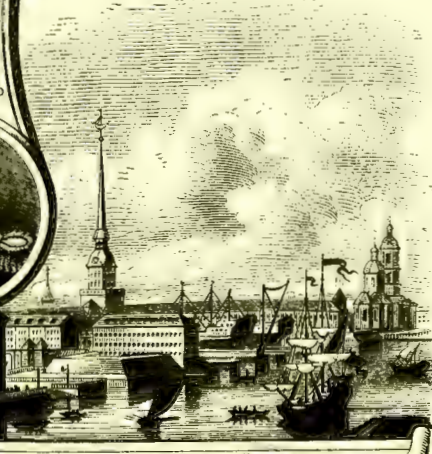
ЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XIV.
1875.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Состав. А. Шарагинъ.

Рис. К. Бронъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Разсылаемый при этой книгѣ **Алфавитный Указатель личныхъ именъ**, находящихся въ XIII-мъ томѣ „Русской Старины“, долженъ быть приложенъ къ концу Августовской книги.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

СЕНТЯБРЬ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ: 1. «Маскарадъ», драма въ пяти дѣйствіяхъ, по неизданной рукописи. Сообщ. П. А. Ефремовъ	1	1842 г. Сообщ. В. С. Шевкунъ. Предисловіе и примѣчанія профессора О. Ѳ. Миллера.	99
2. Наброски стихотвореній и письмо Лермонтова 1831—41 гг. Сообщ. П. А. Ефремовъ	57	VII. Воспоминанія О. А. Прицлавскаго: цензура прошлаго времени.	131
3. Воспоминаніе о Лермонтовѣ. Сообщ. Я. И. Костенецкій	60	VIII. Моя трудовая жизнь, разсказъ академика гравера Л. А. Стрѣнова. Гл. I и II, 1824—1844 гг.	161
4. Портреты Лермонтова, замѣтка. Сообщ. П. А. Ефремовъ	66	IX. В. Н. Каразинъ, основатель Харьковскаго университета. 1803 г.	185
II. К. Ѳ. Рыльевъ: 1) Письма къ нему родителей и 2) Записка о его службѣ. 1818—21 гг. Сообщ. П. А. Ефремовъ	70	X. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Распоряженіе о полковникѣ де-Виттѣ, 1808 г. (201). 2) Черта изъ жизни митрополита Гавріила. Сообщ. Г. И. Кузминскій (202). 3) Митрополитъ Серафимъ и изувѣръ Лямъ (204). 4) Архимандритъ Фотій и графиня Орлова. Сообщ. И. И. Европеусъ (209). 5) Убитство фельдмаршала гр. М. Ѳ. Каменскаго, 1811 г. (212). 6) Газета изъ ада. Сообщ. В. И. Лѣвстицынъ. (213).	
III. Дневникъ В. И. Мюхельбергера, 1833—1834 гг. Сообщ. Ю. В. Косова	75	XI. Библиографическій листокъ О. Ѳ. Миллера (на оберткѣ).	
IV. Последніе дни жизни А. С. Пушкина, 1837 г. Разсказъ очевидца	92		
V. Моему отцу, посланіе А. И. Одоевскаго	97		
VI. Николай Васильевичъ Гоголь и неизданныя его письма, 1835—			

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки о Россіи генерала Манштейна, 1727—1744 гг. Переводъ съ французской подлинной рукописи автора. Часть первая, главы XII—XV, событія 1740 г. II. Портретъ М. Ю. Лермонтова, писанный съ него красками въ сентябрѣ 1839 г. и отпечатанный у Лемерсье, въ Парижѣ.

Подписеа на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

IX-я книга „Русской Старины“, вышла 1-го сентябрѣ.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Восемнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра Великаго. Москва, 1872 г. (420, 92 и XLVII стр.). Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ. Москва, 1874 г. (492 стр.). (Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣвскимъ, изданы обществомъ любителей россійской словесности подъ редакціей и съ дополненіями П. А. Безсонова. Выпуски 9-й и 10-й).

По большому объему этихъ двухъ книгъ нельзя заключать о количествѣ помѣщенныхъ въ нихъ пѣсень. Всего болѣе мѣста отведено тутъ замѣчаніямъ и разнообразнымъ изслѣдованіямъ П. А. Безсонова. Нельзя не признать заслугъ этого ученаго по изданію переданнаго ему богатаго сборника незабвеннаго П. В. Кирѣвскаго. Пусть другіе находятъ излишними тѣ дополненія изъ другихъ сборниковъ и изъ собственнаго пѣсеннаго запаса, которыхъ оказывается въ 9 и 10 выпускахъ даже такъ много, что пѣсни, собранныя самимъ Кирѣвскимъ, проглядываютъ лишь кое-гдѣ. Пишущій эти строки готовъ и за это, какъ за менѣе обильныя дополненія къ прежнимъ выпускамъ, поблагодарить г. Безсонова; онъ находитъ только, что можно бы быть не столь щедрымъ на канты и вирши, которые позволительны въ сборникѣ народныхъ пѣсень развѣ въ небольшомъ числѣ, какъ обращенія для сравненія. Трудолібію и свѣдѣніямъ г. Безсонова, какъ объяснителя и изслѣдователя пѣсней, рецензентъ тоже готовъ отдать полную справедливость; но, признавая интересныи даже изслѣдованія о графинѣ П. И. Шереметевой, которой (бывшей крестьянкѣ) приписывается одна пѣсня, и объ отношеніяхъ Потемкина къ М. И. Нарышкиной (по поводу такъ называемыхъ «Нарышкинскихъ пѣсней»), рецензентъ находитъ однако же, что можно бы обойтись и безъ подробнаго описанія шереметевскихъ палатъ и перечисленія шереметевскаго штата (въ 9-мъ выпускѣ), а также и безъ разсужденій въ такомъ родѣ (въ 10-мъ выпускѣ): «если бы для сего произведенія (пѣсенки, представляющей г. Безсонову не виданною и не слышанною) не было дѣйствительной Марьи Львовны, мы должны бы сыскать, а не сыскавши создать такую же, равную Марью Львовну Нарышкину. Если бы создали, въ созданной нашли бы не кого другаго, какъ только именно Марью Львовну. Но вѣтъ нужды искать и создавать, когда она есть. Пѣсня ея одинока и единственна во всей области нашего творчества и искусства: единственна и одинока въ исторіи нашей — Марья Львовна Нарышкина» (стр. 362). Какъ бы ни была велика подвигъ такого открытія, но отводить ему цѣлыхъ двѣсти тридцать страницъ самаго убогистаго шриф-

та въ сборникѣ пѣсень русскаго народа — значить уже слишкомъ безцеремонно втискивать свои открытія, г. е. себя, въ монументальный трудъ П. В. Кирѣвскаго, скромно стремившагося только къ тому, чтобы сохранить намъ вѣковой поэтической трудъ русскаго народа. Какъ г. Безсоновъ не подумаетъ о томъ, что, распложая, ради своихъ излюбленностей, страницы вѣтреннаго ему изданія, а тѣмъ самымъ и возвышая его цѣну, онъ дѣлаетъ недоступнымъ для большинства тѣ произведенія народнаго творчества, которыхъ, по взгляду П. В. Кирѣвскаго, конечно, должны быть распространяемы всѣми средствами. Надо удивляться и тому, что общество любителей россійской словесности не только позволяетъ г. Безсонову хозяйничать такимъ образомъ въ изданіи, вѣтренномъ обществу, но и не краснѣетъ за повторяемые имъ предостереженія: «не смѣйте, молъ, заимствовать цѣликомъ какулюбо пѣсню изъ нашего сборника». Впрочемъ, этотъ сборникъ лучшею своею частью — не вашъ, а покойнаго П. В. Кирѣвскаго, который никогда бы не вздумалъ приписывать себѣ какія-то безграничныя права собственности на поэтическое достояніе русскаго народа. Во-вторыхъ же, самъ г. Безсоновъ коритъ (въ своемъ 8-мъ выпускѣ) нашихъ «учебныхъ руководителей» за то, что они усердно выбираютъ въ свои Христоматіи изъ не въ мѣру имъ унижаемаго И. П. Сахарова «Образцы нашему бѣдному юношеству» (стр. 342). Но что же дѣлать нашимъ «учебнымъ руководителямъ»? Теперь передъ ними неизвѣрно, разумится, лучший въ научномъ смыслѣ собирательскій трудъ Кирѣвскаго, но къ нему приставленъ, въ лицѣ г. Безсонова, грозный стражъ, объявляющій, что всякое заимствование отсюда для нашего «бѣднаго юношества» будетъ кражею у него, г. Безсонова, который однако же такъ беззащитно возвысилъ расходы по изданію и его цѣну. Къ счастью, примѣру г. Безсонова не слѣдуетъ другой, много и дѣльно потрудившійся собиратель, къ которому также приставили было въ видъ хозяина г. Безсонова; но который, — слава Богу, живъ — могъ постоять за себя и за собранное имъ добро народное. Да, П. Н. Рыбниковъ никогда не объявлялъ, что онъ считаетъ запретными какія-либо заимствования изъ его превосходнаго сборника. На спросъ о томъ пишущаго эти строки онъ прямо отвѣтилъ, что у него можно заимствовать въ Христоматіи сколько угодно. Г. Безсонову слѣдовало бы послѣдовать прекрасному, въ чисто-русскомъ духѣ, примѣру П. Н. Рыбникова, вѣсто того, чтобы печатать про него ту неблагоприятную шлет-

Imp Lemercier & Ce, r. de Seine 52, Paris

M. Lermontov

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», 1875 г.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

1814—1841.

I.

При этой книгѣ «Русской Старины» приложенъ портретъ Лермонтова, точный снимокъ съ подлинника, писаннаго художникомъ Клиндеромъ авварелью, съ натуры, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839-го года. — Снимокъ воспроизведенъ, по нашему заказу, въ Парижѣ, хромофотографически, въ мастерской Лемерсье, пользующагося, извѣстностью лучшаго хромофотографа въ Европѣ.

Представляя нынѣ портретъ гениальнаго поэта, мы, благодаря содѣйствію П. А. Ефремова, извѣстнаго нашего библиографа, соединили въ этой-же книгѣ нѣсколько новыхъ матеріаловъ для біографіи и для изслѣдованія литературно-художественной дѣятельности Лермонтова. Матеріалы эти состоятъ въ слѣдующемъ:

I. «Маскарадъ» — новая, неизвѣстная до сихъ поръ редакція этой драмы, значительно разнящаяся съ текста, вошедшаго въ собранія сочиненій Лермонтова;

II. Нѣсколько неизвѣстныхъ до сихъ поръ черновыхъ набросковъ его стихотвореній;

III. Подлинное письмо Лермонтова въ одному изъ товарищей его молодости, и

IV. Воспоминаніе о Лермонтовѣ, сообщенное Я. П. Костенецкимъ.

Изъ этихъ матеріаловъ безспорно наибольшее значеніе принадлежитъ вновь открытому списку «Маскарада», пьесы, сочи-

неніе которой относятъ къ 1834 году. Разность вновь открытаго и здѣсь представляемаго текста отъ извѣстнаго уже изъ многихъ изданій состоитъ въ слѣдующемъ: въ текстѣ «Русской Старины» (будемъ такъ его называть) является новое дѣйствующее лицо, Олинька, и отсутствуютъ: баронесса Штраль, Маска и Чпновники—выведенные въ печатныхъ изданіяхъ. Олинькѣ—бѣдной дѣвушкѣ и компаньонкѣ главной героини пьесы, Нины, предоставлена благодарная и симпатичная роль. Казаринъ въ рукописи, сообщенной П. А. Ефремовымъ, очерченъ несравненно болѣе рѣзкими чертами, нежели въ печатныхъ изданіяхъ; въ новомъ спискѣ—авторъ предоставилъ Казарину гораздо больше простора для словъ и дѣйствій, нежели въ извѣстной до сихъ поръ редакціи пьесы. Затѣмъ, только первая половина перваго дѣйствія «Маскарада» — какъ нашего изданія, такъ и всѣхъ прежнихъ,—почти буквально сходны; послѣдующія же сцены значительно разнятся не только въ общемъ ходѣ и характерѣ драмы, но и въ подробностяхъ и въ отдѣльныхъ сценахъ.

«Маскарадъ» Лермонтова, въ томъ видѣ, какъ онъ впервые является нынѣ въ «Русской Старинѣ» — значительно живѣе и естественнѣе во всемъ ходѣ дѣйствія и развязкѣ, нежели какъ онъ извѣстенъ по другимъ изданіямъ, гдѣ пьеса растянута многими вставленными, вялыми, и едвали полезными для ея развитія сценами. Въ виду этого является вопросъ: не считать-ли нынѣ являющійся въ свѣтъ списокъ «Маскарада» (1837 г.) послѣднею его редакціею, окончательно отдѣланною, а извѣстную уже редакцію пьесы (впервые напечатанную только послѣ смерти Лермонтова)—раннимъ первоначальнымъ наброскомъ его пера?

Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, переходимъ къ самой пьесѣ, причемъ просимъ читателей не поспѣвать, что мы, ради общей связи, не опустили и первыхъ двухъ явленій, совершенно сходныхъ съ извѣстными уже въ печати; послѣдующія же сцены, какъ напр. третья въ первомъ актѣ, весь второй актъ, многія сцены третьяго и четвертаго актовъ, наконецъ, развязка — не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ напечатаннымъ и извѣстнымъ до сихъ поръ текстомъ «Маскарада».

Ред.

МАСКАРАДЪ

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

М. Ю. ДЕРМОНТОВА.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПО РУКОПИСИ АВТОРА, ОКОНЧАТЕЛЬНО ПУТЬ ОТДѢЛАННОЙ.

1837.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евгеній Александровичъ Арбенинъ.

Нина, его жена.

Олинъка.

Базаринъ.

Князь Звѣздичъ.

Шприхъ.

Игроки.

Гости.

МАСКАРАДЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е ¹⁾.

ИГРОКИ, КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ, КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ.

(За столомъ мечутъ банкъ и контируютъ. Кругомъ стоятъ).

1-й контеръ.

Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

Банкометъ.

Извольте.

1-й контеръ.

Сто рублей.

Банкометъ.

Цдетъ.

2-й контеръ.

Ну, добрый путь.

3-й контеръ.

Вамъ надо счастье поправить...

И не мѣшало бы загнуть.

2-й контеръ.

На все?... Нѣтъ, жжется!

¹⁾ Первоначально было: «1-я сцена; выходъ первый», т. е. какъ напечатано въ прежнихъ изданіяхъ «Маскарада» П. Е.

4-й понтеръ.

Послушай, милый другъ, кто нынечѣ не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

3-й понтеръ (*тихо первому*).

Смотри во всѣ глаза.

Князь Звѣздичъ.

Ва—банкъ.

2-й понтеръ.

Эй, князь!

Гнѣвъ только портить кровь, играйте не сердясь.

Князь.

На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

Банкометъ.

Убита.

Князь.

Чортъ возьми.

Банкометъ.

Позвольте получить...

2-й понтеръ (*иссмѣливо*).

Я вижу, вы въ пылу, готовы все спустить.

Что стоять ваши эполеты?

Князь.

Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не кунить.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ТѢЖЕ И ДРВЕВИНЪ.

Арбенинъ (*входитъ; кланяется подхода къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ КАЗАРНИКЪМЪ*).

Арбенинъ.

Ну что, ужъ ты не мечешь?... а? Казарникъ?

Базаринъ.

Смотрю, братъ, на другихъ.

А ты, любезнѣйшій,—женатъ, богатъ, сталъ баринъ,
И позабылъ товарищей своихъ!

Арбенинъ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

Базаринъ.

Дѣламп занять все?

Арбенинъ.

Любовью.... не дѣламп.

Базаринъ.

Съ женой по баламп?

Арбенинъ.

Нѣтъ.

Базаринъ.

Играешъ?

Арбенинъ.

Нѣтъ..... утихъ!

Но здѣсь есть новыя, кто этотъ франтикъ?

Базаринъ.

Шприхъ.

Адамъ Петровчъ!.. я васъ познакомлю разомъ —

(Шприхъ подходитъ и кланяется).

Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ.

Арбенинъ.

Шприхъ.

Я васъ знаю.

Арбенинъ.

Помнится, что намъ

Встрѣчаться не случалось.

Шприхъ.

По рассказамъ...

И столько я о васъ слыхалъ того сего,

Что познакомиться давнымъ давно желаю.

Арбенинъ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;

Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.

(Раскланивается опять.—Шприхъ, скорчивъ кислую мику, уходитъ).

Онъ мнѣ не нравится.... видалъ я много рожъ,

А этакой не выдумать нарочно:

Улыбка злобная, глаза.... стеклянуръ точно,

Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

Казаринъ.

Эхъ, братецъ мой, что видѣ наружный?
 Пусть будетъ хоть самъ чортъ!.... да человекъ онъ нужный.
 Лишь адресуйся—одолжить.
 Какой онъ нации, сказать не знаю смѣло:
 На всѣхъ языкахъ говорить,—
 Вѣрнѣй всего, что жидъ.
 Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
 Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
 Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
 Съ святошей—езуитъ, межъ нами—злой картежникъ,
 А съ честными людьми—пречестный человекъ.
 Короче, ты его полюбишь,—я увѣренъ.

Арбенинъ.

Портретъ хорошъ—оригиналь-то скверенъ!
 Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
 И нарумяненный въ добавокъ?
 Конечно, житель модныхъ лавокъ,
 Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
 Конечно онъ герой не въ дѣлѣ
 И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

Казаринъ.

Почти... онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
 Или за то, что не былъ на дуэли:
 Боялся быть убійцей, да и мать
 Къ тому-жъ строга... потому лѣтъ черезъ пять
 Былъ вызванъ онъ опять,
 И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ¹⁾.

Арбенинъ.

А этотъ маленький каковъ?
 Съ крестомъ, растрепанный?...

Казаринъ.

Труцовъ.
 Онъ малый необыкновенный!
 Не знаю, штатской, иль военный,
 Но въ Грузіи когда то онъ служилъ
 Иль посланъ былъ туда съ какимъ то генераломъ,
 Кого-то тамъ изъ за угла хватилъ;
 Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ,
 И крестъ на шею получилъ.

¹⁾ До этого стиха, начиная съ стиха: «Ну, а вонъ тотъ», зачеркнуто.

Игроки (кричатъ Казарину).

Пожалуйте сюда.

Казаринъ.

Иду!

1-й понтеръ.

Скорѣй!

Казаринъ.

Какая тамъ бѣда?

(Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ).

Арбенинъ.

Князь, какъ вы здѣсь? Ужель не въ первый разъ?

Князь *(недовольно)*.

Я то-же самое хотѣлъ спросить у васъ.

Арбенинъ.

Я вашъ отвѣтъ предупреду, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни... пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь....
Они погибли быстро предо мною.
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

Князь *(съ чувствомъ беретъ его за руку)*.

Я проигрался!

Арбенинъ.

Что-жь? Топиться?

Князь.

О! я въ отчаяннѣ!

Арбенинъ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру во вѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобъ у нихъ выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;

Вамъ надо испытать, ощущать безпристрастно
 Свои способности и душу; по частямъ
 Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
 Чтатъ на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
 Всѣ побужденья, мысли;—годы
 Употребить на упражненье рукъ;
 Все презирать: законъ людей, законъ природы;
 День думать, ночь играть, отъ мукъ не звать свободы—
 И чтобъ нѣчто не помялъ вашихъ мукъ!
 Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
 Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
 И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
 «Подлецъ!»

(Молчитъ. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи).

Князь.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

Арбенинъ.

Что хотите.

Князь.

Быть можетъ, счастье....

Арбенинъ.

О, счастья здѣсь нѣтъ!

Князь.

Я все вѣдь проигралъ..... Ахъ, дайте-мнѣ совѣтъ!

Арбенинъ.

Совѣтовъ не даю.

Князь.

Ну, сяду...

Арбенинъ *(вдругъ беретъ его за руку).*

Погодите!

Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды,—я былъ

Неопытенъ когда-то и моложе;

Какъ вы, заносчивъ, опрометчивъ тоже.

И еслибъ... *(останавливается)* кто-нибудь меня остановилъ,

То... *(смотритъ на него пристально).*

(Пережмивъ тонъ). Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,

А остальное ужъ не ваше дѣло!

(Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто).

Не откажите инвалиду:

Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,

И дастъ-ли невѣрнымъ поклонникамъ въ обиду

Она стариннаго раба?

Казаринъ.

Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое!
(Тихо). Ну, не ударься въ грязь лицомъ,
И докажи имъ, что такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

Игроки.

Позвольте, вамъ и вниги въ руки: вы хозяинъ,
Мы гости.

1-й понтеръ (на ухо второму).

Берегись, пмѣй теперь глаза!
Не по-вутру мнѣ этотъ Ванька Капнъ
И притузить онъ моего туза.

(Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола;
иногда разные возгласы; въ продолженіе слѣдующаго
разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола).
(Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина).

Шприхъ (лукаво).

Стопнулись въ бучку всѣ; важись, наша гроза.

Казаринъ.

Задасть онъ имъ на мѣсяцъ страху!

Шприхъ.

Видно,

Что мастеръ!

Казаринъ.

Былъ.

Шприхъ.

Былъ? а теперь...

Казаринъ.

Теперь?

Женился и богатъ, сталъ человекъ солидный;
Глядитъ ягненоккомъ, а, право, тотъ же звѣрь...

Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить! Дуракъ, это говорятъ:

Пусть ангеломъ и притворится.

Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.

И ты, мой другъ (ударивъ по плечу), хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертѣнсеъ.

(Подходятъ игроки).

Что, господа, или не подѣ силу—а?...

1-й игрокъ.

Арбенникъ вашъ мастакъ.

Казаринъ.

И, что вы, господа!

(Волненіе между игроками).

3-й понтеръ.

Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячь на сто.

4-й понтеръ *(въ сторону)*.

Обрѣжется...

5-й понтеръ.

Посмотримъ.

Арбенинъ *(встаетъ)*.

Баста!

(Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шпигхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку Князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блаженствуетъ).

Князь.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...

Вы жизнь мою спасли...

Арбенинъ.

И деньги ваши тоже.

(Горько) А право, трудно разрѣшнить,

Которое изъ этихъ двухъ дороже.

Князь.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

Арбенинъ.

Ничуть.

Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привести въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь;
Я съѣлъ играть—какъ вы пошли бы на сраженье.

Князь.

Но, проиграться вы могли?

Арбенинъ.

Я? Нѣтъ!... Тѣ дни блаженныя прошли!
Я вижу все насквозь... всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

Князь.

Вы избѣгаете признательность мою...

Арбенинъ.

По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ,
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.
(Арбенинъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 3-е ¹⁾.

ТѢЖЕ, КРОМѢ АРБЕНИНА.

Князь.

Мнѣ кажется, онъ говорилъ съ презрѣньемъ....
Досадно!—деньги я не долженъ былъ принять.

Казаринъ.

Задумался,—о чемъ, нельзя-ль узнать?

Князь.

Смущенъ я страннымъ приключеньемъ.
Великодушнѣмъ....

Казаринъ.

Арбенинъ не таковъ—
Онъ никого безъ видовъ не обяжетъ!
За то вы можете сегодня-жъ безъ чиновъ
Въ пухъ обыграть его—онъ ничего не скажетъ.

Князь.

Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться неприятно
Тому, кто по сердцу для насъ совсѣмъ чужой

Казаринъ.

Особенно, когда онъ знатный
И требуетъ покорности нѣмой!
Или когда хогимъ мы влочатся
За дочерью его или за его женой,—
Все это можетъ же случиться!
Жена Арбенина собою не дурна,
И, кажется, въ него не очень влюблена,
И я замѣтилъ вотъ недавно,
Какъ у Нероновыхъ движеньемъ томныхъ глазъ
Она кругомъ искала васъ,—да, васъ!
Э, князь! да вы себя ведете славно,

¹⁾ Съ этого явленія представляемая вынѣ редакція «Маскарада» весьма значительно разнится отъ извѣстнаго уже въ печати текста. П. Е.

По вашимъ вы ступаете слѣдамъ.
 Мое благословенье вамъ.
 Что нынче молодежь! Трудятся, изнуряютъ
 Себя для службы и награды,
 О добродѣтели кричатъ,
 И возлѣ женщины порядочно зѣваютъ.
 Жить не умѣютъ, мой отецъ!
 Стыдятся неудачъ, боятся приключеній,
 И чѣмъ кончаютъ наконецъ?
 Лѣтъ въ 25 всѣ женятся отъ дѣвиц¹⁾.

Князь.

Да кто же вамъ сказалъ? Какъ догадаться вамъ?

Казаринъ.

Когда Арбенинъ былъ въ деревнѣ
 Вы ѣздили къ Настасьѣ Алексѣевнѣ
 По вечерамъ и по утрамъ.

Князь.

Вы правы—что же тутъ дурнаго?

Казаринъ.

Напротивъ...

Князь.

Я боюсь молвы,
 И потому надѣюсь, что вы
 Объ этомъ никому ни слова...

Казаринъ.

Мнѣ измѣнить вамъ! Васъ предать?

Князь.

Но вы Арбенину пріятель.

Казаринъ.

Ха! ха! ха! ха! о мой Создатель!
 Да, онъ мой другъ! вамъ негодно-ль знать
 Начало дружбы нашей: я былъ молодъ,—

¹⁾ Въсто двухъ послѣднихъ стиховъ было:

Вотъ видите-ль, толкуютъ наконецъ:
 Отъ волокитства, обьяненій
 У ногъ застѣпчивой красы
 Бѣгутъ полезныя часы
 И протираются колѣни.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ,—
 Неопытевъ, п пылокъ, п богатъ,
 Но онъ—въ его груди ужъ крылся этотъ холодъ,
 То адское презрѣнье ко всему,
 Которымъ онъ гордится всюду!
 Не знаю приписать его къ уму,
 Иль обстоятельствомъ—я разбирать не буду.
 Разъ, онъ меня завелъ подъ вечерокъ
 Къ себѣ—я вѣрилъ счастью! Кошелекъ
 Мой полонъ былъ... я сѣлъ играть (признаться,
 Страстника эта ужъ владѣла мной)
 И проигралъ... Отецъ мой былъ скупой
 И строгій человекъ; я вздумалъ отыграться!
 Но онъ меня въ когтяхъ своихъ держалъ
 И я все снова проигралъ.
 Я предался отчаянью: тутъ былъ,
 Я стану правду говорить,
 И слезы п мольбы... Онъ въ немъ возбудилъ
 Одинъ холодный смѣхъ.—о! лучше бы пронзить
 Меня кинжаломъ!—

И съ того мгновенья
 Покинулъ я забавы юныхъ лѣтъ,
 Мечтанья вѣжнныя п сладкія волненья
 И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ.
 Миръ, безобразныхъ странныхъ ощущеній,
 Миръ обществомъ отвергнутыхъ людей,
 Самолюбивыхъ думъ п ледяныхъ страстей,
 И увлекательныхъ мученій!
 Я увидалъ, что деньги—даръ земли,
 И поклонился имъ... Года прошли,
 Все унеслось—богатство п здоровье,
 На вѣкъ передо мной закрылась счастья дверь,
 Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье.
 И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь,
 Умѣренный игрокъ п наблюдатель строгій,
 Не дѣйствую нигдѣ, за то ужъ вижу много.

Енязь.

Послушать васъ: Арбенникъ вамъ злодѣй.

Базаринъ.

Однако-жъ явно мы повинѣ
 Не спорились, хотя въ душѣ, ей-ей!
 Я не терплю его...

Енязь.

Поѣду завтра къ Нинѣ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Балъ.

(Музыка въ другой комнатѣ).

1-й гость.

Угодно-ли?

Нина.

Я не танцую;
Я васъ сейчасъ рекомендую
Премилой дамѣ.

1-й гость.

Жертвую собой
Для вашей прихоти.

Нина.

Вы истинный герой!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Енязь.

Охота вамъ такъ много суетиться.

Нина.

Всѣмъ надо угодить.

Енязь.

Нельзя-ли, хоть на смѣхъ,
Меня въ число поставить всѣхъ...

Нина.

Неблагодарный! есть за что сердиться!
Подумайте, мы не одни...

Князь.

Для свѣта—все, а мнѣ
Ни взора вкнутъ не хощте,
Ни слова нѣжнаго промолвить.

Нина.

Погодите! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Арбенинъ (*Олинъва*).

Гдѣ Нина? Отчего ты не тавпуешь?

Олинъва.

Съ кѣмъ?

Арбенинъ.

А! не хотицца до пляски..
Послушай, Олинъва, когда приѣдутъ маски,
Вели отказывать не всѣмъ. (*Олинъва уходитъ*).
(*Гостю*). Вотъ истинная компаньонка!..
Какъ не скучаетъ съ ней жена!
Всегда молчить: блѣдна, грустна,
За то послушайте ребенка!..

Гость.

Давно-ль у васъ она живетъ?..

Арбенинъ.

Ужъ скоро третій годъ;
Я взялъ ее, когда женился;
У матери жены моей
Она росла, спротка съ раннихъ дней.

Гость.

Да, если такъ—а то я-бъ подвигся.
(*Арбенинъ, пожавъ плечами, уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

ГОСТЬ ВЫХОДЕТЬ ИЗЪ ЗАЛЫ КЪ ДАМѢ.

Дама.

Вы съ нѣкоторыхъ поръ на мѣр, какъ на содомъ,
Глядите строгимъ мудрецомъ!..

2-й гость.

Премудрость выпѣшняго свѣта
Не смотритъ за предѣлы балета!

Балетъ на сценѣ—въ обществѣ балетъ,
 Страдаютъ ноги и паркеты,—
 Куда какъ весело, ей-Богу!
 Захочется у насъ кому
 Въ beau monde открыть себѣ дорогу,
 Работы пѣтъ его уму,
 Умѣй онъ поднимать лишь ногу.
 И все, чтобы сказать: сегодня я туда,
 А завтра буду тамъ... есть изъ чего стараться.
 Тоска!..

Дама.

Зачѣмъ же вы сюда
 Приѣхали?

2-й гость.

Куда же мнѣ дѣваться?

Дама.

Вамъ не понравится, боюсь, мой совѣтъ...

2-й гость.

Здѣсь отъ передней до гостиной
 Все такъ высоко, холодно и чинно,
 Такъ приторно и такъ невнятно,
 Что мочи нѣтъ!

Дама.

Тѣмъ лучше...

ЯЗВЛЕНІЕ 5-Е.

3-й гость.

Объ закладъ побиться не хотите-ли,
 Что онъ московскій житель;
 Но впрочемъ не дивлюсь, что здѣсь скучаетъ онъ:
 Блестящій балъ, да что за томъ,
 La société est si mêlée
 De ces figures qu'on voit passer
 Aux boulevards, à l'assemblée
 Madame, voudrez vous bien valser.

(Музыка; въ ходитъ).

Олинька (одна).

Имъ весело, для нихъ судьбою
 Жизнь такъ роскошно убрана,
 А я одна, всегда одна!
 Всѣмъ быть обязанной, всѣмъ жертвовать собою,
 И никого не смѣть любить,

О! развѣ это значить жить?..
Счастливыя царицы моды!
Имъ не измѣнить свѣтъ, ихъ не измѣнять годы.
За что же?.. Красота моя
Ихъ красотѣ поддѣльной не уступить:
Жемчугъ, алмазы, всея
Морщинъ и глупости собою не искупить,
Но счастье ихъ!.. восторга своего
Несутъ имъ дань мужчины ежечасно!
Я лучше, я умнѣй!.. Напрасно!..
Никто не видитъ ничего!

*(Сзади проходитъ нѣсколько гостей и
между ними маска).*

И онъ, онъ также какъ другіе
Бѣжитъ за вѣтреной толпой
И мимоходомъ лишь порою
Мнѣ кинетъ взглядъ... мечты пустыня...
И какъ его вникнуть, и какъ ему узнать,
Что я ему готова жизнь отдать
За мигъ одинъ... за слово!..
Все ждать да ждать... О, Боже... это онъ!
Разстроенъ, кажется, смущень...

Князь (быстро подходитъ).

Ахъ, извините, я васъ принялъ за другую.

Олинъка.

И потому лишь подошли.

Князь.

Вы размышляли! отъ земли
Мечты васъ вѣрно унесли
Въ мѣръ лучшей, жизнь другую.
Я не прощу себѣ! такъ дерзко помѣшать...

Олинъка.

Чему?

Князь.

Мечтамъ.

Олинъка.

Дай Богъ вамъ не мечтать!
Вдаваться вредно въ заблужденъе...

Князь.

Вы правы: чувства, страсти—все обманъ.

Олинъка.

О! для чего-жъ отъ нихъ такое намъ мученье.

Князь.

Васъ взволновалъ какой-нибудь романъ?

Олинъка (*въ сторону*).

Нѣтъ, истинное приключенье.

Князь.

Не вѣрьте сердцу, ни уму,
Когда они бываютъ въ спорѣ.

Олинъка.

Чему же вѣрять?

Князь.

Ничему ¹⁾.

(*Отходитъ въ сторону*).

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Князь.

Не въ духѣ я болтать о вздорѣ,
А компаньонка мнѣ нужна.

Нина (*входитъ*).

Измучилась!...

Князь.

Но къ вамъ идетъ усталость.

Нина.

Я думала найти въ васъ жалость.

Князь.

Гдѣ есть любовь, тамъ жалость ужъ смѣшна.

Нина.

О! вы не знаете какъ тягостно, какъ скучно
Жить для толпы; всегда въ ея глазахъ,
Не смѣть ни передъ кѣмъ открыться простодушно;
Вездѣ съ улыбкою являться на губахъ.
Для выгоды мужа, бить съ однимъ любезной,

¹⁾ Въмѣсто зачеркнутого: «Кому же вѣрять?—Никому».

Холодностію мстить другому за него,
И слышать: «Нина, это мнѣ полезно;
Благодарю тебя!» и больше ничего.

Енявъ.

Восторгъ толпы и свѣта удивленье
Замѣнять счастье легко.

Нина.

Къ толпѣ я чувствую презрѣнье.

Енявъ.

Чего-жь вамъ надобно?

Нина.

Любви хоть на мгновенье!

Енявъ.

О вамъ искать недалеко!...
Любви вы ищите, глубокой, сильной, страстной:
Она предъ вами здѣсь, въ груди моей;
Вы это знаете—и сколько, сколько дней
Я мучился и думалъ: все напрасно!
Но я любимъ, я былъ любимъ всегда?
О, я молю: скажите, да!...
Когда, вы помните, на балѣ
Мы увидались въ первый разъ,
Лежало облако печали
На свѣтломъ небѣ вашихъ глазъ.
Они усталые, безъ цѣлп,
Бродили медленно вокругъ.
И не искалъ ихъ встрѣчи вашъ супругъ
И на него поднять вы ихъ не смѣли.
И онъ стоялъ близъ васъ безчувственный какъ сталь,
Съ лицомъ исполненнымъ безстрастья,
Какъ неизбежная печаль
Близъ неожиданнаго счастья.
Тогда во мнѣ проснулся чудный звукъ...
Я появился любить и клятву не нарушу,—
Я чувствовалъ: вамъ нуженъ другъ —
И въ жертву я принесъ вамъ душу.

Нина.

Насъ могутъ слышать! умоляю васъ,
Уйдите!...

Енявъ.

Нѣтъ, скажите мнѣ хоть разъ,
Что я любимъ, скажите, общайте.

Нина.

Да, я люблю васъ!.. Боже мой, ступайте!..

Князь (*хватаетъ ея руку*).

Одинъ лишь поцѣлуй на счастье въ залогъ,
Одинъ, не больше, видитъ Богъ.

Нина (*не вырывая руки*).

Неблагодарный! вотъ мужчины:
Похожи всѣ на одного!
Теперь вамъ мало сердца Нины,
Теперь вамъ хочется всего!
Вамъ надо честь мою на поруганье!
Чтобъ встрѣтившись на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ рассказать
Друзьямъ смѣшное приключенье,
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она, и пальцемъ указать.

(*Маска въ дверяхъ*).

Князь.

Обидно ваме подозрѣнье,
И я васъ долженъ наказать (*срываетъ браслетъ*).
Вотъ мнѣ залогъ любви. Доволенъ я! Прощайте!

Нина (*въ испугѣ*).

Ахъ! что вы сдѣлали! Отдайте мнѣ, отдайте!
Мой мужъ замѣтитъ, онъ меня убьетъ!
Да—нѣтъ, вы шутите! о, это злая шутка,
Отдайте, я лишусь разсудка.
Вы такъ-то любите? Всѣ обѣщанья вотъ!..
Вотъ за довѣренность какъ нынче отвѣчаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-Е.

Олинъка (*становится между ими*).

Скорѣй, скорѣй, за вами примѣчаютъ!

Нина (*убытая*).

Хоть пощадите честь мою.

Князь (*задумываясь*).

Мнѣ кажется... что я ее люблю.

Олинъка.

Хотя-бъ сказалъ: благодарю!
Ни взгляда, ни привѣта,

Онъ вѣрно думаетъ, что платять мнѣ за это.
Нѣтъ, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки—жертвовать собой.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Князь.

Что дѣлаешь ты здѣсь, таинственная маска?

Маска.

Смотрю на вашъ романъ,
Завязка дѣльная, да будетъ-ли развязка?

Князь.

Узнать нельзя-ль, кто вы?

Маска.

Изъ дальнихъ странъ
Пріѣзжій... Вамъ знакома Уналаска?

Князь.

Пусть такъ, на этотъ разъ;
Тамъ, вѣрно, принято у васъ
Подсматривать, подслушивать стараться,
И не въ свои дѣла мѣшаться!
Но это здѣсь, мой милый другъ,
Не такъ свободно сходить съ рукъ!

Маска.

Угрозы!.. и еще какія!..
Гостепрѣимства нѣтъ въ Россіи!

Князь (*увидавъ Арбенниа*).

Теперь не время... по...

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

КАЗАРИНЪ (*снимаетъ маску и хохочетъ*).

Арбенниа (*подходитъ*).

Что Звѣздичъ такъ взбѣшонъ?..
Ужъ вѣрно задѣпилъ его ты эниграммой.

Казаринъ.

Нѣтъ, сердится за то, что видѣлъ я, какъ онъ
Любезничалъ съ одною дамой!

Арбенинъ.

Съ кѣмъ, съ Оливькой?

Казаринъ.

Быть можетъ... не совсѣмъ.

Арбенинъ.

Ты для друзей и слѣпъ, и пѣтъ,
А помнится глаза-то были зорки...
Бывало, тотчасъ различать
Хоть за версту пятерку отъ шестерки;
Подобный глазъ для мужа кладь!
Вотъ я такъ ничего не вижу и не знаю,
Женѣ свободу полную даю,
Мечтаю, что любимъ, о вѣрности мечтаю,
Лишь потому, что вѣренъ и люблю.

Казаринъ.

Мечтай, мечтай, судьба твоя завидна!
Безпечность рѣдка въ такихъ, какъ ты, мужьяхъ.

Арбенинъ.

Ты правъ, я не молодъ.

Казаринъ.

И опытенъ; — обидно
Съ такимъ уномъ...

Арбенинъ.

Ну что же?

Казаринъ.

Ахъ!

Не спрашивай.

Арбенинъ.

Ужъ вѣрно подозрѣнъ...

Казаринъ.

Нѣтъ, я тебя оставлю въ заблужденнѣ,
Тебя, мой старшій, первый другъ.
Вступилъ ты въ новый, лучший кругъ
И знаешь сердца, знаешь свѣта
Ты презрѣлъ для любви—закононой и святой,
И лаской женщины душа твоя согрѣта.
Я не дивлюся, Богъ съ тобой!
Вѣдь это иногда бываетъ:
Кто въ дѣтствѣ разсуждалъ, тотъ въ старости мечтастъ:
Но я все тотъ, каковъ и былъ....

Арбенинъ.

Чужаго счастья отчаянный Зопль,
Ну, что же? продолжай! вѣдь пѣльмй часъ хлопочешь;
Прищурься, ха-ха-ха! поохай, пожадѣй.

Казаринъ.

Такъ... если самъ ты этого ужъ хочешь...

Арбенинъ.

Ужъ эти мнѣ разнощипы вѣстей!

Казаринъ.

Я радъ, что ты какъ прежде хладнокровенъ,
И стану говорить слѣдѣй:
Союзъ вашъ нѣсколько неровенъ,
И начинаю думать я,
Что ты не вовсе безъ расчета.
Пожалуй, есть мужья—
Имъ подражать кому охота:
Ревнуютъ, бѣсятся, шумятъ.
Провелъ меня ты славно, братъ.
И надо-бъ отомстить, да литука мастерская,
И я мирюсь, искусство уважая!
Великодушіемъ прямымъ
Князька ты одурачилъ славно;
Началомъ пользуясь такимъ,
Ты оберешь его исправно.
Пускай женѣ въ отсутствіи твоемъ,
Онъ платитъ нѣжные визиты,
Тебѣ же платится за карточнымъ столомъ,
И дѣло слажено—вы квиты!

Арбенинъ (*въ недоуманіи*).

Казаринъ!

Казаринъ.

Видѣлъ я сейчасъ,
Какъ нѣбничалъ, шепталъ онъ съ нею...
Я издали смотрѣлъ и утверждать не смѣю,—
Трельяжъ ихъ закрывалъ отъ любопытныхъ глазъ,—
Два вздоха слышала я, да звуки подѣлуя,
И больше ничего, поклясться въ томъ могу я.

Арбенинъ.

Ты видѣлъ, слышала, помни, что сказала!
Я доберусь до истины! Терпѣнья
Достанетъ у меня, но если ты солгалъ,
Казаринъ, о! тогда не жди спасенья,
Ты въ десять лѣтъ успѣлъ меня узнать.

Я въ жизни разъ лишь былъ обмануть—разъ—не болѣ,
И отомстилъ, и отомщу опять!
И страшно отомстить—въ моей, ты знаешь, волѣ.

Базаринъ.

Мой бѣдный другъ, все тотъ же онъ,
Все тотъ же чортъ, когда взбѣишь!
Дни, объ которыхъ я тоскую,
Невольно ты напомнилъ мнѣ теперь,
Жизнь безпокойную, кипучую, лихую,
Тогда ты былъ не человекъ, а звѣрь.

(Смѣясь уходитъ).

Арбенинъ.

О, кто мнѣ возвратитъ всѣ буйныя надежды,
Вась, нестерпимые, но сладостные дни?
За васъ отдамъ я счастье невѣжды,
Безпечность и покой—не для меня они!
Мнѣ-ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ-ль, мнѣ-ль, который испыталъ
Всѣ ужасы и сладости злодѣйства
И съ нимъ лицомъ къ лицу ни разу не дрожалъ.

(Погружается въ задумчивость, музыка играетъ и онъ садится).

Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ,
Любимъ былъ часто пѣжно, страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не началъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви—какъ няня сказку.
И скучно стало мнѣ и тяжело жить,
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить.
И я нашелъ жену—покорное созданье,
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на заклапѣ,
Мной къ алтарю она приведена,
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся!
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ—и увидаль, что я ее люблю,
И стыдно молвить...: ужаснулся!
И снова ревность, бѣшенство, любовь,
Въ пустой груди бунтуютъ на просторѣ,
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море!
Вернусь-ли къ пристани я вновь?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Арбенинъ (*одинъ*).

Ночь, проведенная безъ сна,
Страхъ видѣть истину,—и миллионъ сомнѣній!
Съ утра по улицамъ бродилъ, подобно тѣни,
И не усталъ—и въ сердцѣ мысль одна!..
Одинъ лишь злой намекъ обманчивый, быть можетъ,
Разбилъ въ куски спокойствіе мое!
И все воскресло вновь—и все меня тревожитъ:
Былое, будущность, обманъ и правда—все!..
Но я рѣшился, буду твердъ.... узнаю прежде,
Увѣрюсь.... доказательства.... да!... да....
Мнѣ доказательства надо.... и тогда....
Тогда.... конецъ любви.... конецъ надеждъ!..

ЯВЛЕНІЕ 2-Е.

Арбенинъ (*входитъ Нина*).

А, здравствуй, Нина!.. Наконецъ....

Нина.

Недавно я проснулась.

Арбенинъ.

Поздно....

Я жду тебя ужъ цѣлый часъ....

Нина.

Серьезно?

Ахъ, какъ ты милъ!..

Арбенинъ.

А думаешь: глупецъ....

Нина.

Вотъ ты опять не въ духѣ, смотришь грозно
И на тебя ни чѣмъ не угодишь....

Арбенинъ.

Случаю я съ тобою розно.

Нина.

А встрѣтimsя—ворчишь.

(Ласкаясь) Сважи мнѣ просто: «Нина,

Клянись свѣтъ, я буду жить съ тобою

И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,

Какой-нибудь бездушный и пустой,

Бульварный франтъ, затлнутый въ корсетѣ,

Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ;

А я лишь часъ какой на дню

Могу сказать тебѣ два слова!»—

Скажи мнѣ это—я готова:

Въ деревнѣ молодость свою я скоропю.

Но что меня умчало

Воображенье... и къ чему?

Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,

Что даже не ревнуешь ни къ кому!

Арбенинъ.

Какъ быть, я жить привыкъ безопасно,

А ревновать смѣшно.

Нина.

Конечно.

Ты столько видѣлъ, испыталъ,

И ревность и любовь тебѣ не нова....

Ты отдыхаешь....

Арбенинъ (*въ сторону. Въ продолженіе
этого монолога онъ по време-
намъ останавливается и наблю-
даетъ Ницу*).

О, недолго отдыхалъ.

(Ей) Послушай, насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда ошибкой, можетъ быть,

Не мнѣ и не тебѣ судить!..

Ты молода лѣтами и душою;

Въ огромной книгѣ жизни ты прочла

Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою

Открыто море счастья и зла.

Иди любой дорогой:

Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,

А въ прошломъ жизнь твоя бѣла.
 Ни сердца своего, ни моего не зная
 Ты отдалася мнѣ и любишь—вѣрю я—
 И безотчетно чувствами играя
 И рѣзвясь какъ дитя.
 Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
 Все перечувствовалъ, все понималъ, все узналъ;
 Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,—
 И болѣе всего—страдалъ.
 Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
 То самъ себя не понималъ я,
 То мѣръ меня не понималъ.
 На жизни я своей узналъ печать проклятья,
 И холодно закрылъ объятя
 Для чувствъ и счастья земли;
 Таеь годы многіе прошли!
 О дняхъ, отравленныхъ волненъемъ
 Порочной юности моей,
 Съ какимъ глубокимъ отвращенъемъ
 Я мыслю на груди твоей!
 Таеь, прежде я тебѣ дѣны не зналъ, несчастный;
 Но нынче черствая кора
 Съ моей души слетѣла—мѣръ прекрасный
 Моимъ глазамъ открылся не напрасно,
 И я воскресъ для жизни и добра.
 Но иногда оятеь какой-то духъ враждебный
 Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
 Стираетъ съ памяти моей
 Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный;
 Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
 Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ,
 Боюсь осквернить тебя прикосновеньемъ,
 Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
 Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
 Тогда ты говоришь: меня не любить онъ!
(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ.)

Нина.

Тебя понять, ей-Богу, трудно;
 Чего ты требуешь, могу-ль я отгадать.

Арбенинъ.

Да! требовать любви конечно безразсудно,
 И я не требую — мнѣ поздно покаянъ
 Лукавый поцѣлуй признаваньями и лестью,
 Моя душа съ твоей душой
 Не встрѣтились... что дѣлать—Богъ съ тобой..
 Позволь мнѣ дорожить по крайней мѣрѣ честью!
 Честь, имя — вотъ чего я требую отъ васъ.

Вы ихъ толпѣ на поруганье дали
Я внятно говорю... вы все не понимали,
Поймите же меня, хотя на этотъ разъ.

Нина.

Мнѣ отвѣчать вамъ было-бъ стыдно.

Арбенинъ.

Стыдъ, такъ... пора!... его давно не видно...
Зачѣмъ явился онъ теперь!
Гоните прочь его скорѣй, въ окно или въ дверь,
Откуда входятъ къ вамъ любезный,
Чувствительный, услужливый князь.

Нина.

Такъ вотъ что? Это мнѣ урокъ.

Арбенинъ.

И вѣрно бесполезный.

Нина.

Не знаю, кто оклеветалъ меня!
Я это заслужила:
Смѣялась, рѣзвилась, шутила;
Нѣтъ, съ нынѣшняго дня
Не будетъ смѣть ко мнѣ приблизиться мужчина
На разстояньи въ три аршина! (*съ ироніей*)
Рѣшусь не говорить, рѣшуся не смотреть,
Не танцовать, за картами сидѣть
Какъ кукла, какъ статуя,
Тогда на васъ козачко угожу я.
Тогда вы скажите — вотъ вѣрная жена!
Какъ зло на всѣхъ глядитъ она! (*смѣясь*).
Смѣшно, смѣшно ей-Богу,
Не стыдно-ли, не грѣхъ,
Изъ пустяковъ поднять тревогу.

Арбенинъ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой послѣдній смѣхъ.

Нина.

О если ваши продолжатся бредни,
То это вѣрно не послѣдній.

Арбенинъ.

Увидимъ.

Нина.

И тебя люблю,
Мнѣ жаль тебя, Евгенийъ.

Арбенинъ.

Ну, по чести,
Признание въ-пору..

Нина.

Выслушай, мою;
Я оправдаюсь.

Арбенинъ.

Нѣтъ!

Нина.

Чего-жь ты хочешь?

Арбенинъ.

Мести!

Нина.

Кому-жь ты хочешь мстить?

Арбенинъ.

О, часъ придетъ,
И, право, мнѣ вы надпвигаетесь!

Нина.

Не мнѣ-ль?

Арбенинъ.

Геройство къ вамъ нейдетъ.

Нина.

Кому-жь?

Арбенинъ.

Вы за кого бонетесь?

Нина.

О, это нестерпимо!. Что-жь онъ самъ
Не явится сюда, мой тайный обвинитель?
Пусть повторитъ при мнѣ, пускай покажетъ вамъ
Всѣ доказательства, вы этого хотите.

А если онъ не явится? Какой!

Найдете вы предлогъ, чтобъ оправдаться.

(Плача) Но, право, вы слезы не стоите одной

И мнѣ приличнѣе смѣяться.

Арбенинъ.

Такъ суждено мнѣ, можетъ быть,
 Весельемъ оскорблять, страданіемъ смѣшнть.
 И что за диво? У другихъ на свѣтѣ
 Надеждъ и цѣлей миллионъ.
 У одного богатство есть въ предметѣ,
 Другой въ науки погруженъ.
 Тотъ добивается чиновъ, крестовъ и славы,
 Тотъ любитъ общество, забавы,
 Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь;
 Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
 Постигъ друзей, коварную любовь,
 Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
 Богатъ и безъ гроша былъ скукою томимъ,
 Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
 Нигдѣ не преклонился.
 Все, что осталось мнѣ отъ жизни, это ты,
 Созданье слабое, но ангелъ красоты:
 Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье —
 Я человекъ, пока они мои:
 Безъ нихъ — нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
 Ни чувства, ни существованья!
 Но если я обмануть..... если я
 Обмануть, если на груди моей змѣя
 Такъ много дней была согрѣта,—если точно
 Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
 Съ другимъ осмѣянь былъ заочно?
 Послушай, Нина..... я рождень
 Съ дуней кинучею, какъ лава:
 Покуда не растопится, тверда
 Она какъ камень... но плоха забава
 Съ ея потокомъ встрѣтнться! тогда,
 Тогда не ожидай прощенья!
 Закона и на мѣсть свою не призову,
 Но самъ безъ слезъ и сожалѣнья
 Двѣ нани жизни разорву!
 (Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ отъ стороны).

Нина.

Не подходи..... о, какъ ты страшенъ!

Арбенинъ.

Неужели?
 Я страшенъ! нѣтъ, ты шутнишь, и смѣшнотъ;
 Да, ты своей достигла цѣли;
 Зачѣмъ же не пришелъ полюбоваться оиъ
 Моимъ отчаяньемъ!.. теперь блд очень кстати

Вчерашній разговоръ вамъ повторить живой.

Чай въ промежуткахъ ласкъ, объятій,
Смѣялись вы жестоко надо мной?

Нина.

Вчера!...

Арбенинъ.

Вчера на балѣ.

Нина (въ сторону).

Онъ все знаетъ!

(Ему). Такъ вотъ причина! А ты, видѣлъ самъ?

Ты видѣлъ... нѣтъ! Кто-жъ обвиняетъ
Меня? Никто... ты слѣдуешь мечтамъ,
Тебѣ спокойствіе и счастье надоѣло!

Прекрасно! продолжай же смѣло!...

Ты хочешь правды? Вѣрь или не вѣрь,

Тебѣ я все скажу теперь.

Князь любить Олиньку... давно-ли — я не знаю,—

И безъ тебя онъ для нея одной

Ѣзжалъ сюда... онъ не бывалъ со мной,

Онъ избѣгалъ меня... вчера, я понимаю!..

Вчера онъ съ ней, отъ бала удалясь,

Былъ здѣсь... и на меня подумать!... Этотъ князь

Хвастунъ, мальчишка... да, я ихъ застала

Вчера; вдругъ Олинька, краснѣя, убѣжала.

И я за это, я терплю

Угрозы ревности, упреки подозрѣнья!...

Арбенинъ.

Я вѣрю... и сейчасъ за Олинькой пошлю.

Нина.

Избавьте хоть ее отъ пытокъ и мученья.

Чего еще вамъ надо?

Арбенинъ.

Убѣжденья!

Нина.

Но не теперь, въ другой хоть разъ...

Арбенинъ (звонитъ; лакей входитъ).

Поди и позови мнѣ Олиньку — сейчасъ.

Нина.

Евгеній, я прошу, не говори съ ней строго,

Она такъ молода... вина ее скорѣй

Простая вѣтренность...

ЯВЛЕНИЕ 3-Е.

ВХОДИТЬ ОЛИНЬКА.

Нина (*подбѣгая къ ней, тихо говорить*).
Не бойся, будь смѣлѣй.

Олинъка.

Что вамъ угодно?

Арбенинъ.

Много! очепь много!...

Олинъка.

Что сдѣлалось?...

Нина (*ей тихо*).

Не погуби меня (*упадал въ кресло*)
Молчи, молчи!...

Олинъка.

Готова слушать я...

Арбенинъ.

Скажи мнѣ, Олинъка... на сердцѣ руку смѣло...
Всю правду, какъ предъ Богомъ, все скажи.

Олинъка.

Я не охотница, вы знаете, до лжи.

Арбенинъ.

О да! я знаю, ты всегда умѣла
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить;
Ты чувствовать умѣла одолженья,
Не замѣчать, не помнить зла.
Какъ ангель-примпритель, ты жила
Въ семействѣ нашемъ... Но ужасныя мученья
Столпились къ сердцу моему.
И я теперь не вѣрю ничему.
Клянись... по можетъ быть моленье
Отверженъ ты мое,
И что мудренаго! кому моей судьбою
Заняться! я суровъ, я холодеиъ душою..
Одинъ лишь разъ, одинъ пожертвуй ты собою
Не для меня, пѣтъ — для нее...

Олинъга.

О, мнѣ конечно ничего не стоитъ
Собой пожертвовать для васъ.
Вы точно знаете, васъ это успокоитъ?
Извольте... гдѣ? когда? сейчасъ?..

Арбенинъ.

Вотъ, видишь, это дѣло важно: въ свѣтѣ
Смѣюсь надъ этимъ самъ,
А въ сердцѣ дѣлѣй адъ... такъ знай, въ твоемъ отвѣтѣ
Жизнь или смерть обоимъ намъ.
Я былъ въ отлучкѣ долго... слухъ промчался,
Что Звѣздичъ въ Нику былъ влюбленъ.
Онъ каждый день сюда являлся,
Но для кого? свѣтъ часто ошибался:
Его сужденья не законъ.
Вчера здѣсь слышали призыванья, объясненья,
Вы обѣ были тутъ — съ которой же изъ васъ?
Я долженъ знать сейчасъ...
О, если не съ тобой — то нѣтъ ему спасенья!..

Олинъга.

Теперь я понимаю... онъ убьетъ,
Убьетъ его...

Арбенинъ.

Ты видишь, рѣчь идетъ
О жизни, счастьи и чести.
Я истины хочу: она сказала мнѣ,
Что съ княземъ здѣсь вы оставались вмѣстѣ?

Олинъга.

Она сказала? съ нимъ? наединѣ?

Арбенинъ.

Она! а ты молчишь?

Олинъга.

Что дѣлать, Боже!

Арбенинъ.

Я вашу связь не осуждаю... что же...
Но если это такъ, то домъ оставитъ мой
Должна ты завтра же: не ссорюсь я съ тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку свѣта, я предъ свѣтомъ обнаружу.

Олимпика.

А я? Куда я двнусь?.. Ни родныхъ,
 Ни друга на землѣ,—чѣмъ жить... въ презрѣнны
 У всѣхъ... въ мои лѣта... за что? о, въ этотъ мигъ
 (Нина) Отъ васъ я требую, да, требую спасенья,
 Защиты—вы должны, вы можете одѣлать...

Арбенинъ.

Она не признается. Для терпѣнья
 Граница есть...

Нина.

Но что же дѣлать мнѣ?

Арбенинъ.

Подумай, Олимпика: одно лишь средство
 Окончить все: скажи мнѣ: да или нѣтъ;
 Скорѣй, скорѣй, какой-нибудь отвѣтъ!
 Но также вспомни время дѣтства,
 Заботы, ласки матери ея
 Тебя не покидали на мгновение.
 Чужая ей, ты съ ней дѣлила все...
 Есть сердце у тебя? Смущенье,
 Страхъ, обморокъ!.. ну, право, я не зифирь.
 Прону лишь слова правды.. не хотите,
 Ошибся я—не надобно, идите.

Олимпика (черезъ силу).

Минуту погодите!..
 Да... я всему виной... довольны-ль вы теперь?

Арбенинъ.

О, наконецъ!

(Послѣ молчанья, жемт).

Здѣсь на колѣна

Я упадаю предъ тобой
 Прости, прости меня... глупецъ я злой
 И недостойный! можетъ-ли измѣна
 Такую душу омрачить!
 Я чувствую: я недостойно жить.
 Здѣсь, здѣсь клянусь не знать успокоенья,
 Пока коварный клеветникъ,
 Какъ я передъ тобой теперь, у ногъ моихъ
 Не будетъ умолять о жизни и прощенья.
 На Божій судъ пойду я съ нимъ...
 Скажи мнѣ: я прощенъ? Я вновь тобой любимъ?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Базаринъ.

Я утверждалъ всегда,
Чего судьба упрямая захочетъ,
Пусть дѣльный міръ хлопочетъ,
А сбудется навѣрно,—да!
Князь Звѣздичъ, напрімѣръ, была ему острастка,
А нынче самъ ко мнѣ на вечеръ назвался.
Играть не станетъ онъ, посмотримъ, только сказка,—
Ужъ быть тому, за что я разъ взялся!
Вотъ кажется онъ самъ,—какое нетерпѣнье:
Явился прежде всѣхъ. (*Отворяя дверь*). А, князь, мое почтенье.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

БАЗАРИНЪ И АРБЕНИНЪ.

Базаринъ (*оправившись*).

Ну, братъ, не ждалъ я, виновать;
Я, впрочемъ, очень радъ.

Арбенинъ.

Не торопись заранѣ веселиться!

Базаринъ.

Мой бѣдный другъ, какъ пріунылъ!
Да что-жъ могло съ тобой случиться?
Ахъ помню! видишь-ли я правду говорилъ!
Изъ благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомни связь,
Умѣрь себя, ко мнѣ сегодня будетъ князь.
Хоть нынче помолчи, его я обыграю,
А завтра дѣлай съ нимъ, чего душа
Попросить...

Арбенинъ.

Мысль отъѣнно хороша,
Я князю не скажу ни слова.

Казаринъ.

Вотъ сердце доброе! да, въ свѣтѣ нѣтъ такого.

Арбенинъ.

Тебѣ же я скажу всю правду, какъ привыкъ:
Ты, милой мой, презрѣннѣй клеветникъ,
Клеймомъ стыда, и вась, сударь, отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.

Казаринъ.

Ахъ, Боже мой... меня, за что-жъ меня?
Вотъ хлопочи, совѣтуй другу?
Зло за добро, брань за услугу!..
Что? Этакъ дѣлаютъ друзья!..

Арбенинъ.

Да, да! я помню, время было,
Когда съ тобой однимъ путемъ
Стремленіе страстей насъ уносило,
Я нуженъ былъ тебѣ, искусствомъ и умомъ,
Я защищаль тебя въ опасныя мгновенья,
Съ тобой добычу я дѣлилъ—
И только! вотъ твоё о дружбѣ мнѣнье,
Иначе въ жизни ты ни разу не любилъ.
Когда всю ночь я въ шумномъ кругу:
Сидѣлъ и хохоталъ съ истерзанной душой,
Искалъ-ли я въ тебѣ, какъ въ другѣ,
Надежды, жалости?.. бывалъ-ли я съ тобой
Таковъ какъ иногда бываю
Однѣ съ моимъ Творцомъ, когда подъ гнетомъ бѣды
За преступленія юныхъ лѣтъ
Я, горько плача, умоляю?
Нѣтъ, нѣтъ!
Ты мнѣ завидуешь, тебя-жъ я презираю!

Казаринъ.

Пусть такъ! возьми назадъ, возьми
Ты дружбу глупую, — все кончено межъ нами,
Я никогда не дорожилъ людьми,
Тѣмъ болѣ гордецами!
А чѣмъ же лучше ты меня?
Тѣмъ, что бѣспуешься, кричишь ты безъ разбору,
А я, разсудокъ свой храня,

Не много говорю, да въ-пору!..
Чѣмъ виновать я, что жена
Тебѣ немного невѣрна...
Съ такую совѣстью, измученной и грозной,
Тебѣ бы въ монастырь, а ужъ влюбляться поздно.
А хочешь ты купить прощеніе грѣховъ,
Молчи, терпи...

Арбенинъ.

О вѣтъ, я не таковъ!..
Я не стерплю стыда и оскорбленья;
При первомъ подозрѣннѣ,
Тебѣ я это ужъ сказалъ,
И все-жъ ты на нее безстыдно клеветалъ,
Но я отырылъ глаза... и будешь ты наказанъ,
Да, совѣстью моею не такъ еще я связанъ,
Какъ ты, быть можетъ, полагалъ.

Казаринъ.

Твоихъ угрозъ я не пугаюсь, право.

Арбенинъ.

Посмотримъ! помнишь-ли, совѣтникъ мой лукавый,
Второе сентября, семь лѣтъ тому назадъ...

Казаринъ (*смущаясь*).

Что-жъ, помню.

Арбенинъ.

Очень радъ.
Я стану говорить короче,
Дольчипп, ты и Штраль, товарищъ твой,
Играли вы до поздней ночи;
Я рано убрался домой;
Когда я уходилъ, во взорахъ итальянца
Блестала радость; на его щекахъ
Безжизненныхъ игралъ огонь румянца;
Колода картъ тряслась въ его рукахъ
И золото предъ нимъ катилось, вы же оба
Разсѣлись тѣнями, возставшими изъ гроба.
Ты это помнишь-ли?..

Казаринъ.

Ну, что-жъ?

Арбенинъ.

Сейчасъ
Я кончу мой рассказъ.
Предъ вашимъ домомъ, утромъ рано,

Дольчини былъ найденъ на мостовой
 Въ крови, съ разбитой головой.
 Вы всѣхъ увѣрили, что пьяный
 Онъ выскочилъ въ окно,
 Такъ это и осталось! Но
 Волшебной сказкою меня не обморочили,
 И вѣкъ опъ былъ убитъ, скажу я, если хочешь.

Казаринъ.

Ты доказать не можешь ничего.

Арбенинъ.

Конечно! вотъ письмо, кто написалъ его?

Казаринъ (*упадаетъ на стулъ*).

Злодѣй! вѣдь я погибъ...

Арбенинъ.

Твой другъ мнѣ пропалъ
 И отдалъ свой бумажникъ. Въ немъ
 Нашелъ я этотъ кладъ,—кто въ дуракахъ остался?
 Ты мнѣ хотѣлъ вредить... за зло плачу я зломъ.

Казаринъ.

Помилуй, сказался, я твой рабъ отпущенъ,
 Конечно, что ужъ дѣлать,—согрѣшилъ,
 Но я клянусь...

Арбенинъ.

Какой свѣтлицей?

Казаринъ (*плача*).

Я ужъ раскаялся.

Арбенинъ.

А, плачешь, крокодилъ!

Казаринъ (*оскакиваетъ*).

(*Въ сторону*). Одно осталось средство для спасенья.
 (*Громко*). Пстой, смотри, вотъ шкафъ и отъ него ключи,
 Тамъ тысячь пятьдесятъ, съ условіемъ—молчи,
 Тебѣ все, все мое имѣнье!

Арбенинъ.

Ха-ха-ха-ха! смѣшное предложеніе!..

Казаринъ.

Не хочешь?

Арбенинъ.

Я богатъ.

Еазаринъ.

Онъ правъ, но если такъ.
Я остаюсь при первомъ мнѣнн.

Арбенинъ.

Что? Что?

Еазаринъ.

Я, просто, былъ дуракъ.
Что испугался, — докажи сначала,
Что я солгалъ.. да, — докажи сперва,
Что мнѣ вредить имѣешь ты права
И что жена тебѣ не пзмѣняла,
Ты мужъ, какихъ на свѣтѣ мало,
Всѣмъ вѣрилъ! Прежде мнѣ,
Потомъ проказницѣ женѣ;
Съ тобой, я вижу, надо осторожно...

Арбенинъ.

Изволь, тебя утѣшить можно,
Ты знаешь Оливьку — она,
Бѣдняжка, въ князя влюблена,
Онъ для нея ѣзжалъ ко мнѣ—межъ ними
Что было, я не знаю, только все
Упало на жену; намеками своими
Ты очернилъ ее!
Но я хотѣлъ знать правду... и немного
Трудился — Оливька призналась... строго
Я поступилъ, — но требуетъ пужда:
Она мой домъ оставить навсегда.

Еазаринъ.

Сама призналась?

Арбенинъ.

Да!

Еазаринъ.

Заставили признаться?

Арбенинъ.

Сама!

Еазаринъ.

Не можетъ быть! уговорить легко!

Арбенинъ.

Мнѣ любопытно знать, какъ можетъ далеко
Такая дерзость простираться.

Базаринъ.

Я милости прошу—минуть черезъ пять
Князь будетъ здѣсь—дай слово не мѣшать.

Арбенинъ.

Въ чемъ?

Базаринъ.

Ради Бога!

Арбенинъ.

Про жену ни слова!

Базаринъ.

Пусть, ни гугу!

Арбенинъ.

Посмотримъ, это ново!
Послѣднее то будетъ шельмовство,
Пѣснь лебеди... а тамъ къ расчету.

Базаринъ.

Заплатишь, милый, за охоту
Знать верхъ искусства моего.

(Ходитъ по комнатѣ).

Онъ скоро будетъ... кажется идетъ,
Нѣтъ, если онъ не будетъ — право
Злой духъ меня толкнетъ
Съ нимъ заключить расчетъ кровавый.

ЯВЛЕНІЕ 3-Е.

ТѢЖЕ. ВХОДИТЪ КНЯЗЬ.

Базаринъ *(тихо)*.

Насилу! Кажется, еще на этотъ разъ
Судьба меня спасти взялась. *(Князю)*
Князь, поздно поздно! что? откуда?

Князь.

Я былъ въ театрѣ.

Базаринъ.

Что дають?

Князь.

Балетъ.

Казаринъ.

А я про васъ здѣсь слышать чудо
И вѣрить не хотѣлъ...

Князь.

Конечно, не секретъ?

Казаринъ.

Сказать бы радъ,—да мудро рѣшиться:
Не вздумали бы разсердиться.

Князь.

За правду не сержусь, а если ложь—
На васъ сердиться мнѣ за что-жь?

Казаринъ.

Люблю за это нашу молодежь!
Разсудить прежде, послѣ свяжетъ.
Бывало, намъ ничто языкъ не свяжетъ:
Врутъ, хотъ сердись, хотъ не сердись.
Зато и доврались.

Князь.

Да что-жь вы про меня узнали?

Казаринъ.

Да вотъ что! бѣдная... ее вы наказали
За жертвы, за любовь... любилъ васъ, шалуновъ,
Потомъ терил. Кто-жь виноватъ—она-ли?
Анъ нѣтъ! Чай сколько просьбъ и словъ,
Угрозъ и ласкъ, и слезъ, и обѣщаній
Вы расточили передъ ней,
И все зачѣмъ?—изъ сущей дрянн:
Повеселиться пять, шесть дней!
Прекрасно, князь, прекрасно!
Скажете-ка: она васъ любить страстно?
Вы долго волочились?... О! злодѣй.

Князь.

Позвольте хотъ узнать, о комъ вы говорите?

Казаринъ.

Не знаетъ! о невпипность! посмотрите,
Какой серьезный видъ и недовольный взоръ,
Да я не зналъ, что вы таковой актеръ!
А для кого, скажите-ка по чести,
Бѣжали вы къ нему такъ часто въ домъ?

А кто съ утра ждалъ подъ окномъ
 Какъ вы пройдете... ужъ я на вашемъ мѣстѣ,
 Теперь, когда открылося, когда
 Она безъ крова, жертвою стыда
 Осуждена псалъ дневнаго пропитанья,
 Ужъ я женился бы... хотя-бъ изъ состраданья.

Князь.

Да, ради Бога, кто-жъ она? И въ чемъ
 Я виноватъ?

Базаринъ.

Нашли же вы на комъ.
 На компаньонѣ пробовать искусство,
 И трудно-ль обмануть простое чувство
 И погубить невинное дитя:
 За это я возьмусь шута!

Князь.

Послушайте, зашли вы дальше шута.

Базаринъ.

Да, я и не шучу... я правду вамъ сказалъ;
 Арбенникъ Олнйку прогналъ...
 Что-жъ дѣлать, у него свои есть предрасудки.

Князь.

Помпуйте, да вы сошли съ ума,
 Кто такъ наклеветалъ безбожно?

Базаринъ.

Она сама призналась.

Князь.

Какъ?

Базаринъ.

Она сама.

Князь.

Не можетъ быть.

Базаринъ.

Случилось—такъ возможно.

Князь.

Не можетъ быть. Ея признанье ложно;
 Я не хочу, чтобъ за меня она,
 Она страдала. Я помочь не въ силахъ, право...
 Я не люблю ее... жениться мысль смѣшна.

Арбенинъ.

И то, зачѣмъ?... Ужь вы покрылись славой.

Князь.

Съ чего вы вздумали, что я жениусь на ней?

Арбенинъ.

Ну, князь, я думалъ вы честнѣй...

Князь.

Вы это думали?... А! это оскорбленье!

Останьтесь же при первомъ мнѣнн

И, прежде чѣмъ рѣшить свинецъ,

Я докажу, что я не трусъ и не подлець.

Хотите правду знать?

Арбенинъ.

Посмотримъ.... Что же?

Князь.

Вы не раскаяетесь?

Арбенинъ.

У васъ спрошу я тоже.

Князь.

Хотите?

Арбенинъ.

Да!

Князь.

Скажите лучше: нѣтъ!

Арбенинъ.

Хочу.

Князь (*подавая браслетъ*).

Смотрите: чей браслетъ?

Узнали-ль?

Арбенинъ.

Да—узнать!

Князь.

Я думаю узнали.

Теперь раскаялись?..

Арбенинъ.

Нѣтъ! вы его украли!...

А! вы подумали, что можете со мной

Шутить, какъ съ мальчикомъ... глупцы вы оба, дѣти...

Вы видите, какъ ваши сѣти
 Я разрываю одной рукой...
 А, князь — вы сами захотѣли
 Себя достойно наказать!
 Какъ вы рѣшились, какъ вы смѣли
 Въ глаза все это мнѣ связать!
 Скорѣе на колѣни, на колѣни.
 Нѣтъ! очень радъ! тѣмъ меньше затрудненій,
 Вамъ жизнь наскутила, — не страшно. Жизнь глупца,
 Жизнь площаднаго волокиты,
 Утѣштесь же теперь, вы будете убиты.
 Умрите-жъ съ именемъ и смертью подлца.

Князь.

Скорѣе часъ и мѣсто!

Базаринъ.

Ну, насилу
 Побавлюсь отъ него: не въ крѣпость, такъ въ могилу.

Арбенинъ.

Я жду васъ завтра къ девяти часамъ
 П у себя. (*Подходитъ къ Базарину*).

Базаринъ (*смѣясь*).

Не спорь со мною.

Арбенинъ.

Не веселись по пустякамъ,
 Твои дѣла сегодня-жъ я устрою.
 (*Уходитъ быстро*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Базаринъ (*Нѣсколько времени поражетъ,
потомъ вскакиваетъ*).

Князь, я вашъ секундантъ! угодно?

Князь.

Очень радъ!
 (*Въ сторону*). Я глупо поступилъ, да ужъ нельзя назадъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КОМНАТА АРБЕНИНА. НИНА СПИТЬ НА КАНАПЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Арбенинъ (*входя, оборачивается въ дверь*).

Князь Звѣздичъ скоро долженъ быть. Ко мнѣ
Его проси. Ступай! Какъ ты сюда попала?

Служанка.

Тихонько-съ! барыня сейчасъ заочивала;
Ждала васъ цѣлу ночь и бредила во снѣ...
Потомъ чѣмъ-свѣтъ одѣлась, встала,
Изволила придти къ вамъ въ кабинетъ,
Да и уснула здѣсь на креслахъ.

Арбенинъ.

Я исправитъ
Хочу вину свою... ты можешь насъ оставить.

(Служанка уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

Арбенинъ (*подходя къ Нинѣ*).

Спать! точно спать! сомнѣнья нѣтъ:
Улыбка по лицу струится
И грудь колыхается и смутныя слова
Межъ губъ скользятъ едва, едва!..
Повясть не трудно, кто ей снится.
О! эта мысль запала въ грудь мою,
Бѣжить за мной и шепчетъ: мщенье, мщенье!
А я, безумный, все еще ловлю
Надежду сладкую, и сладкое сомнѣнье!
И кто подумалъ бы и кто смѣлъ ожидать?

Меня.. меня.. меня продать
 За поцѣлуй глупца—меня, который
 Готовъ былъ жизнь за ласку ей отдать!
 Мнѣ измѣнить! мнѣ—и такъ скоро!

(Задумывается).

Да... да... я этого хочу
 Я вырву у нея признание
 Угрозой, страхомъ!.. Я ей отомщу;
 Какъ прежде мстилъ—безъ состраданья.

(Молчаніе).

Бывало, я искалъ могучею душой
 Заботъ, трудовъ, глубокихъ ощущеній,
 Въ страданіяхъ мой пробуждался геній
 И весело боролся я съ судьбой.
 И былъ я гордъ, и силенъ, и свободенъ,
 На жизнь глядѣлъ какъ на игрушку я,
 И въ злобѣ былъ я благороденъ,
 И жалость не смѣшна казалася моя.

Но часъ пришелъ, и я упалъ—ничтожный
 Безумецъ, безоруженъ противъ мукъ и зла.
 Добро, какъ счастье, мнѣ стало невозможно
 И мечь какъ жизнь мнѣ тяжела.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

АРБЕНИНЪ, ОЛИНЬКА И ОЛИНЬКА.

Олинъка (входя увидавъ).

Ахъ, Боже мой!.. онъ здѣсь.

Арбенинъ.

Не разбуди... *(увидавъ узель)*

Что это значить?

Олинъка.

Я пришла проститься..

Арбенинъ.

Къ кому же ты пойдешь?

Олинъка.

Къ кому случится,

Прощайте!

Арбенинъ.

Погоди!

Мнѣ жаль тебя... бѣдняжка, ни роднова,
 Ни друга на землѣ..

Олинъка.

Что-жъ? Я на все готова.

Арбенинъ.

Легко сказать, презрѣнье, нищета...
Ужасно!

Олинъва.

Да, ужасно!..

Арбенинъ.

Тебѣ упрехомъ будетъ красота,
Придутъ и скажутъ: да, она прекрасна.
Съ подобнымъ личикомъ невинность сохранить
Задача трудная! Къ тому-жь, вѣдь надо жить!..

Олинъва.

О, я умру!

Арбенинъ.

Кто виновать, не ты-ли?..

Подумай.

Олинъва.

Я!

Арбенинъ.

Подумай! ¹⁾

Олинъва.

Я одна.

Арбенинъ.

Признайся мнѣ: вы въ заговорѣ были;
Тебя солгать заставила она...
Ты гибнешь. Если нѣтъ—признайся—спасена!...
Есть время...

Олинъва.

О, не искушайте!

Арбенинъ.

Я жду послѣдній твой отвѣтъ.

Олинъва (*уходя*).

Прощайте

Арбенинъ.

Постой.. войди сюда.. и черезъ часъ
Я влѣзну... можетъ быть, и прежде.

Олинъва.

Для чего же?

Арбенинъ.

Узнаешь (*она входитъ*).

¹⁾ Напечатанное курсивомъ было зачеркнуто.

ЯВЛЕНІЕ 4-Е.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

Арбенинъ.

Боже! Боже!

Дай твердость мнѣ въ послѣдній разъ.

(подходя къ Нинѣ)

Прогнись... пора...

Нина.

Ахъ, это ты, Евгений!

Какой тяжелый сонъ... толпа видѣній
 Въ умѣ моемъ еще тѣснится... сплось мнѣ,
 Что ты ласкалъ меня такъ страстно;
 А говорятъ, что все во снѣ
 Наоборотъ—и вѣрять имъ опасно
 Боюсь, что ждетъ меня бѣда!

Арбенинъ.

Предчувствіямъ я вѣрю иногда.

Нина.

Тебя я жду всю ночь—была готова
 Послать искать.

Арбенинъ.

О, рѣдная жена!

Нина.

Послушай, милый другъ, я что-то нездорова.

Арбенинъ *(съ стороны)*.

Судьба мнѣ помогаетъ снова.

Нина.

Я очень, кажется, больна.

Арбенинъ.

Мнѣ жаль.

Нина.

Послушай, я сказать тебѣ должна,
 Со мною ты ужасно измѣнился,
 Сталъ холоденъ и принужденъ.
 И отчего?

Арбенинъ.

Какъ быть, мнѣ также снился
 Зловѣщій сонъ!...

Нина.

Все грустенъ, все ворчишь — мнѣ въ тягость жизнь такая.

Арбенинъ.

Ты права, что такое жизнь? Жизнь — вещь пустая;

Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,

Все въ мѣрѣ намъ и радость и отрада,

Пройдутъ года желаній и страстей

И все вокругъ темнѣй, темнѣй!

Что жизнь? Давно извѣстная шарада

Для упражненія дѣтей.

Гдѣ первое — рожденье, гдѣ второе —

Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,

Гдѣ смерть — послѣднее... а цѣлое — обманъ.

Нина.

О, нѣтъ! я жить хочу.

Арбенинъ.

Пустое!

Нина.

И умереть боюсь...

Арбенинъ.

Жизнь — вѣчность, смерть — лишь мигъ.

Нина.

Нельзя-ль отъ шутокъ мнѣ твоихъ

Избавиться. Я слушать все готова,

Но не теперь... Евгенийъ, я молю:

Пошли за докторомъ.— Я очень нездорова

И голова кружится.

Арбенинъ.

Не пошлю.

Нина.

О, ты меня не любишь...

Арбенинъ.

А за что же

Тебя любить?... за то-ль скажи,

Что быть обманутъ я? Ты требуешь любви —

Насмѣшка горькая...

Нина.

О, Боже!

Арбенинъ.

Тому назадъ лѣтъ десять я вступалъ
 Еще на поприще разврата.
 Разъ въ ночь одну я все до бабли проигралъ;
 Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
 Но цѣну жизни я не зналъ.
 Я былъ въ отчаяннѣ, — ушелъ п яду
 Купилъ — и возвратился вновь
 Къ прогному столу. Въ груди кипѣла кровь;
 Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
 Стаканъ, въ другой четверку шпѣ.
 Послѣднй рубль въ карманѣ дождался
 Съ завѣтнымъ порошкомъ. Рискъ, право, былъ великъ,
 Но счастье вынесло п въ часъ я отыгрался!
 И этотъ порошокъ я долго сберегалъ
 Среди волненій жизни шумной,
 Какъ тапсманъ тапственнй п чуднй
 Хранилъ на чернй день, и этотъ день насталъ.

Нина.

Что хочешь ты сказать? Не мучь меня, Евгений!
 Но ты дрожишь? Ты сталъ блѣднѣ тѣни?

Арбенинъ.

Тутъ былъ стаканъ — онъ пустъ.. это выпилъ лимонадъ?

Нина.

Я выпила.. Смѣешься?..

Арбенинъ.

Да — я радъ!

Нина.

Что-жъ было въ немъ?

Арбенинъ.

Что? Ядъ!

Нина.

Не вѣрю, невозможно, и съ такою
 Холодностью смѣяться надо мною,
 И въ чемъ виновна я — ни въ чемъ,
 Что балы я люблю, вотъ вся бѣда въ одномъ.
 Ядъ! ядъ! О, это было бы ужасно!
 Нѣтъ, поскорѣй разсѣй мой страхъ...
 Зачѣмъ терзать меня напрасно.
 Взгляни сюда! О, смерть въ твоихъ глазахъ!

Арбенинъ (бросая браслетъ на столъ).

Ты измѣнила мнѣ, — вотъ обвиненье!

Нина.

Не вѣрь — не вѣрь... изъ сожалѣнья...

Арбенинъ.

Признайся!

Нина.

Не могу.

Арбенинъ.

Подумай, ты умрешь.

Нина.

Но я невинна!

Арбенинъ.

Ложь!

Нина.

Такъ нѣтъ спасенья?

Арбенинъ.

Нѣтъ спасенья!

(Нина плачетъ).

Да, горько я ошибся — возмечталъ

О счастья — думалъ снова

Любить и вѣровать — но часъ судьбы насталъ

И все прошло, какъ бредъ больнова.

Я могъ бы воскресить погнбшія мечты,

Я могъ бы, вѣруя надеждѣ,

Быть снова гѣмъ, чѣмъ былъ я прежде,

Ты не хотѣла, — ты!

Плачь, плачь — но что такое, Нина,

Что слезы женскія? — Вода!

Я-жъ плакалъ! Я, мужчина!

Отъ злобы, ревности, мученья и стыда.

Я плакалъ — да!

А ты не знаешь, что такое значить

Когда мужчина плачетъ!

Въ тотъ мигъ къ нему не приходи ¹⁾;

Смерть у него въ рукахъ — и адъ въ его груди.

Нина.

О, ты ужасенъ! О помилуй! пощади.

Я все исполню, я признаюсь... поскорѣе,

Еще есть время. Говори, чего

¹⁾ Было: «О, въ этотъ мигъ» и пр.

Ты хочешь... смерть всего страшнѣе...
 Смерть, смерть—да, я люблю его...
 Нѣтъ, нѣтъ—то было заблужденье,
 Ребятство, обманъ, воображенья
 Я не любила никого.
 Позволь обнять твои колѣни,
 Ты видишь я у ногъ твоихъ, Евгений!
 Скажи, скажи какою дѣной
 Купить мнѣ жизнь... дѣной мученій...
 Чѣмъ хочешь буду я—твоей рабой...
 Я молода, жизнь таѣь прекрасна
 О! ты меня спасешь—ты не злодѣй,
 Я знаю, жалость есть въ душѣ твоей,
 Помучишь и простишь—напрасно, все напрасно...
 Мнѣ вѣжется, я чувствую въ груди
 Огонь, огонь—о сжался, пощади!...
 (*Бросается къ дверямъ*).
 Сюда, сюда... на помощь!... умираю!...
 Ядъ, ядъ! не слышать... понимаю!
 Ты остороженъ и ко мнѣ нейдешь,
 Но помни, я тебя жестокой проклинаю
 И ты придешь на вѣчный судъ¹⁾!

ЯВЛЕНІЕ 5-Е.

АРБЕНИНЪ, НИНА И ОЛИНЬКА.

Олинъка.

Я здѣсь! Что съ вами?

Нина.

Ахъ, скорѣе, ради Бога!
 Покуда время есть! Я жить хочу, жить, жить!
 Ужели и тебя мнѣ надо таѣь молить.

Олинъка.

О, что вы сдѣлали?...

Арбенинъ (*помолчавъ*).

Перепугалъ немного!
 Хотѣлъ знать правду и узнать...
 Опомнитесь, и встаньте, я солгалъ
 Я не ношу съ собою яда...
 Въ васъ сердце низкаго разряда,
 И ваша казнь не смерть, а стыдъ.
 Что вы дрожите, будьте вновь спокойны,

¹⁾ Было: «Но помни: есть небесный судъ,
 И я тебя, жестокой, проклинаю!».

Вамъ долго жить на свѣтѣ суждено,
 И счастье вамъ еще возможно—но
 Ни чьей любви, ни чьей вы мести недостойны.
 Да, вынѣ чувствую—я старъ,
 Измученъ долгою борьбою.
 Послѣдній на меня упалъ судьбы ударъ,
 И я поникъ покорной головою.
 Желаній нѣтъ, надежды нѣтъ,
 Я выброшенъ пзъ круга жизни шумной,
 Съ несносной памятью невозвратимыхъ лѣтъ,
 Страдалецъ мрачный и безумный.
 (*Садится. Входитъ князь съ пистолетами.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

АРБЕНИНЪ, ЕЕНА, СМЪЖКА, КНЯЗЬ И КАЗАРИНЪ.

Князь.

Что это значить, смѣю васъ спросить?
 Дуэль въ кругу семейства—очень ново!
 Тѣмъ лучше, случая такого
 Мнѣ, вѣрно, болѣ не najить.

Казаринъ.

По чести, странный выборъ секундантовъ.
 Гдѣ о дуэляхъ рѣчь, тамъ я въ числѣ педантовъ.

Князь.

Мнѣ все равно, безъ дальнихъ словъ.
 Вотъ пистолеты,—я готовъ....

Арбенинъ (*встаетъ*).

День, часъ тому назадъ, хотѣлъ я крови, мести,
 Защитникъ правъ своихъ и чести,
 Съ надеждой третейной въ груди,
 Я думалъ отразить позоръ и обвиненье,
 И я ошибся. Съ глазъ слетѣло заблужденье
 Вы правы—торжествуйте! Впереди
 Васъ ждутъ побѣды славныя, какъ эта,
 Отчаянныя мужей, рукоплесканья свѣта...
 И мало-ль женщинъ есть, во всемъ подобныхъ ей—
 Онѣ того, кто посмѣли!!!
 Смотрите, какъ блѣдна, почти безъ чувства.
 А отчего, не отгадаешь вдругъ,
 Что это? стыдъ, раскаянье, искусство?
 Ничуть! испугъ, одинъ испугъ!
 Ни вы, ни я, мы не имѣли власти

Въ ней поселить хоть искру страсти.
 Ея душа безсильна и черства,
 Мольбой не тронется, боится лишь угрозы.
 Въ замѣнъ любви у ней—слова.
 Въ замѣнъ печали—слезы.
 За что-жъ мы будемъ драться? Пусть—убьютъ
 Одинъ изъ насъ другаго; такъ что-жъ далѣ?
 Мы-жъ въ дуракахъ. На первомъ багѣ,
 Она любовница, или мужа вновь найдетъ.
 Теперь стрѣляться вы хотите?
 Вотъ грудь моя обнажена,
 Возьмите жизнь мою,—возьмите,
 Она ни мнѣ, ни міру не нужна.

Казаринъ.

Стрѣляйте же скорѣй, скорѣй.

Арбенникъ.

Молчите?

Задумались?... и такъ, оставьте насъ!

Мы квиты...

(Князь уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Казаринъ.

Обманулъ! еще разъ увернулся!
 Скорѣй и мнѣ убраться съ глазъ,
 Покуда не очнулся. (Уходитъ).

Арбенникъ.

Куда бѣжишь постой, постой,
 Разсчетъ у насъ не кончился съ тобой.

(Послѣ долгаго молчанья).

Я ѣду, Оливья! прощай!
 Будь счастлива—прекрасное созданье,
 Душѣ твоей удѣлъ—небесный рай —
 Душѣ благородныхъ воздаянье.
 Какъ угѣшенье, образъ твой
 Я унесу въ изгнаніе съ собой.
 Пустьъ прошедшее тебя не возмущаетъ.
 Я будущность твою устрою: ни нужды,
 Ни бѣдность вновь тебѣ не угрожаетъ.

Оливья.

Вы возвратитесь?...

Арбенникъ.

Никогда!

КОНЕЦЪ.

II.

Наброски стихотвореній и письмо Лермонтова.

Напечатанная выше новая редакція „Маскарада“ найдена нами въ подлинныхъ рукописяхъ Лермонтова, пожертвованныхъ года 2—3 тому назадъ Чертковской библиотекѣ г-жею В. Д. Арнольди (рожденной Свербеевой). Личное наше мнѣніе, раздѣляемое редакціей „Русской Старины“, склоняется къ тому, что это не первоначальный, необработанный текстъ, а напротивъ, переработка той редакціи, которая до сихъ поръ была извѣстна въ печати.

Кромѣ внутренняго, на нашъ взглядъ, превосходства новой редакціи надъ прежнею, вотъ тѣ, такъ сказать, внѣшніе признаки, на основаніи которыхъ мы позволяемъ себѣ считать новую редакцію за позднѣйшую: 1) Рукопись „Маскарада“ находится въ числѣ другихъ несомнѣнно и исключительно относящихся только къ 1837—1841 гг., и преимущественно къ послѣднему. 2) Она переписана писарскою рукою и исправлена Лермонтовымъ, между тѣмъ, какъ всѣ произведенія свои до выхода изъ школы Лермонтовъ всегда переписывалъ самъ. 3) Въ печати „Маскарадъ“ появился годъ спустя послѣ смерти Лермонтова и напечатанъ не съ подлинной рукописи, а по списку 1834 г. Тамъ, въ 1-мъ дѣйствіи, въ 1-й сценѣ, въ разговорѣ Арбенина съ Казаринымъ помѣщено 12 стиховъ, отмѣченныхъ нами выше, на 8-й страницѣ, которые во вновь открытой рукописи также были написаны, но потомъ зачеркнуты и замѣнены текстомъ, не бывшимъ въ первомъ печатномъ изданіи „Маскарада“. Отсюда, кажется, можно заключить, что новая рукопись писана позднѣе прежней. 4) Относительно времени, къ какому относится издаваемый нынѣ списокъ „Маскарада“, не можетъ-ли служить указаніе Андрея Ник. Муравьева въ его „Воспоминаніяхъ о знакомствѣ съ русскими писателями“ (брошюра, изд. въ Кіевѣ, 1872 г.), а именно: по свидѣтельству Муравьева Лермонтовъ незадолго до высылки его изъ Петербурга за стихи на смерть Пушкина (1837 г.) хлопоталъ о постановкѣ „Маскарада“ на сцену. Не передѣлалъ-ли онъ тогда эту пьесу въ видахъ удовлетворенія требованій сцены? Извѣстно, что театральная цензура не разрѣшила тогда постановку „Маскарада“.

Кромѣ „Маскарада“, въ числѣ упомянутыхъ рукописей Чертковской библиотеки, встрѣчается нѣсколько ненапечатанныхъ отрывковъ и набросковъ Лермонтова. Пользуемся случаемъ подѣлиться съ читателями тѣми немногими стихами, которые намъ удалось разобрать:

Послѣ стихотворенія: „Не смѣйся надъ моею мучительной тоскою“

(см. сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 133), относящемуся къ 1841 г. сохранился конецъ какого-то неизвѣстнаго стихотворенія:

.
 Великій мужъ! Здѣсь нѣтъ награды
 Достойной доблести твоей!
 Ее на небѣ сыщутъ взгляды
 И не найдутъ среди людей.

Но безпристрастное преданье
 Твой славный подвигъ сохранить
 И, услыхавъ твое, пазванье
 Твой сынъ душою закипитъ.

.
 Свершить блистательную трпзну
 Потомокъ поздній надъ тобой;
 И съ непритворною слезой
 Промолвитъ: «онъ любилъ отчизну!»

Послѣ стихотвореній: „Она поетъ“ (т. II, стр. 156) и „Кинжалъ“ (т. I, стр. 124) написано карандашомъ цѣлое шуточное стихотвореніе: „Росписку просишь ты, гусаръ“, въ 25 стиховъ, которое, судя по одному стиху: „И легче мнѣ судьбы ударъ“, можетъ относиться къ 1837 г., когда постигъ поэта первый „судьбы ударъ“ за его стихотвореніе: „На смерть Пушкина“, или-же къ 1840 г., когда обрушился на него „второй ударъ“ за дуэль съ Барантомъ. Двѣ первыя строфы совсѣмъ неудобны для печати, почему приводимъ только заключительную, имѣющую, впрочемъ, ошибку, по которому вмѣсто Моисея является Ааронъ:

Табь вѣкогда въ степи безводной
 Премудрый пастырь Ааронъ
 Услышалъ плачь и вопль народной,
 И жезлъ священный поднялъ онъ;
 И на чель его угрюмомъ
 Надежды лучъ блеснулъ живой,
 И тронулъ камень онъ вѣмой,
 И брызнулъ влючь съ прिवѣтнымъ шумомъ
 Новорожденною струей.

Къ той же эпохѣ, вѣроятно, слѣдуетъ отнести эпиграмму по поводу представленія драмы Н. Кукольника: „Скопинъ-Шуйскій“. Эпиграмма эта набросана на оборотѣ листка, первая страница котораго занята стихотвореніями: „Я, мать Божія“ (т. I, стран. 64), „Разстались мы“ (т. I, стр. 66) и „Ангель“ (т. I, стр. 1).

Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ.
 Давали Скопина. Я слушалъ и смотрѣлъ.
 Когда же завѣсъ при пьескахъ опустился,
 Тогда сказалъ знакомый мнѣ одинъ:
 Что, братецъ, жаль! вотъ умеръ и Скопинъ!
 Ну, право, лучше-бъ не родился.

Кстати приводимъ одну записку Лермонтова, заключающую маленькую черту для будущей его біографіи. В. Н. Поливановъ доставилъ ред. „Русской Старины“ письмо В. Шеншина къ Николаю Ивановичу Поливанову изъ Москвы отъ 7-го іюня 1831 года. На этомъ письмѣ находится приписка рукою Лермонтова, которую приводимъ здѣсь буквально съ значками и звѣздочкою, какъ въ подлинникѣ:

„Любезной другъ, здравствуй! протяни руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь сумасшедшій совсѣмъ. Насъ судьба разноситъ въ разныя стороны, какъ ветеръ листы осени. Завтра свадьба твоей кузины Лужиной, на которой меня не будетъ (*?!); впрочемъ, мнѣ теперь не до подробностей. Чортъ возьми всѣ свадебные пиры. Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы. Я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры — Source intarissable. Много со мной было. Прощай; напиши что-нибудь веселѣе. Что ты дѣлаешь? Прощай, другъ мой. М. Лермонтовъ“.

Самое письмо В. Шеншина не представляетъ интереса и ничего не упоминаетъ о свадьбѣ, а о Лермонтовѣ въ немъ говорится: „мнѣ здѣсь очень душно и только одинъ Лермонтовъ, съ которымъ я уже пять дней не видался (онъ былъ въ вашемъ сосѣдствѣ, у Ивановыхъ), меня утѣшаетъ своею бесѣдою“, и потомъ, при совѣтѣ бросить меланхолю, прибавлено: „слѣдуй Шпигельбергу, а не Лермонтову, котораго ты безжалостно изувѣчилъ, подражая ему на французскомъ языкѣ“. Подпись письма довольно характеристична: „твой другъ, хотя тебя и увѣряетъ твой папенька, что мы пострѣлы, негодяи, но пожалуста не вѣрь, впрочемъ самъ знаешь,—дѣйствуй по сердцу. В. Шеншинъ“.

Въ заключеніе мы приводимъ одно изъ воспоминаній о Лермонтовѣ, хотя и малосодержательное, но интересное въ томъ отношеніи, что оно передаетъ первоначальныя слухи о послѣдней дуэли поэта. Мы надѣемся, что оно вызоветъ отъ кого слѣдуетъ или опроверженіе, или поправку. Въ послѣднее время „друзья“ Лермонтова, мужскаго и женскаго пола, дали о немъ нѣсколько воспоминаній

такого рода, которыя еще болѣе затемнили и безъ того загадочную личность поэта. Читая ихъ, какъ-то невольно прилагаешь къ нему его же стихи:

Или на «немъ» тяготить преступленіе,
Или друзей клевета ядовитая....

Особенно темнымъ мѣстомъ въ біографіи его является причина предсмертной дуэли. Самъ г. Мартыновъ, какъ извѣстно, отказался сообщить о ней какия-нибудь свѣдѣнія въ печати. (См. приложенія къ „Запискамъ Хвостовой“, изданіе редакціи „Русской Старины“, Спб., 1871 г., стр. 257), а кн. А. П. Васильчиковъ, близко знающій обстоятельства этого событія и давшій въ „Рус. Архивѣ“ (1872 г., тетрадь 1-я) статейку въ защиту г. Мартынова, до того наполнилъ ее недомолвками и умолчаніями, что прежнія недоумѣнія не только не разрѣшились, но еще болѣе запутались. Намъ кажется, что г. Мартынову не слѣдовало бы отказываться отъ печатнаго изложенія этого несчастнаго событія или откладывать это до „посмертныхъ записокъ“, въ его же собственномъ интересѣ. То, что явится отъ его имени при жизни очевидцевъ дуэли и не будетъ ими опровергнуто, должно будетъ считаться несомнѣннымъ, тогда какъ въ „посмертныхъ запискахъ“ оно останется или безъ возраженія, или уже некому будетъ отвѣтить на сдѣланное замѣчаніе и явится широкое поле для произвольныхъ толкованій. Для примѣра укажу на одинъ фактъ. Принято почти всѣми біографіями, будто г. Мартыновъ выстрѣлилъ не цѣлясь и убилъ Лермонтова на повалъ, а мнѣ передавали за достовѣрный фактъ люди близкіе къ этой дуэли, будто г. Мартыновъ такъ долго цѣлился въ Лермонтова, подошедшаго къ барьеру, что секунданты закричали ему: „стрѣляйте же, или мы васъ разведемъ!“ Въ послѣднемъ случаѣ уже вовсе устраняется ненамѣренность смертельной раны. Кто же разъяснить это?

П. А. Вфремовъ.

III.

Воспоминаніе о Лермонтовѣ.

Когда я былъ ужъ на третьемъ курсѣ этико-политическаго факультета въ Московскомъ университетѣ, въ 1831-мъ году, поступилъ въ университетъ по тому же факультету студентъ Лермонтовъ, неуклюжій, сутуловатый, маленький, лѣтъ шестнадцати юноша, брюнетъ, съ лицомъ оливковаго цвѣта и большими черными глазами, какъ бы изподлобья смотрѣвшими. Вообще студенты послѣдняго курса не очень-то сходились съ первокурсни-

гами, а потому и я былъ мало знакомъ съ Лермонтовымъ, хотя онъ почти всегда на лекціяхъ садился возлѣ меня. Тогда никто и не подозрѣвалъ въ немъ никакого поэтическаго таланта.

Прошло десять лѣтъ. На Кавказѣ, въ 1841 году, находился я въ Ставрополѣ, въ штабѣ командовавшаго войсками генерала Граббе, гдѣ я, въ должности старшаго адъютанта, завѣдывалъ первымъ, т. е. строевымъ отдѣленіемъ штаба. Однажды входя въ кабинетъ въ канцелярію офицеръ въ полной формѣ и рекомендуетъ мнѣ поручикомъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовымъ. Въ то время мнѣ уже были извѣстны его поэтическія произведенія, возбуждавшія такой восторгъ, и поэтому я съ особеннымъ волненіемъ сталъ смотрѣть на него, и попросивъ его садиться, спросилъ, — не учился-ли онъ въ Московскомъ университетѣ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, я сказалъ ему мою фамилію, и онъ припомнилъ наше университетское съ нимъ знакомство. Послѣ этого онъ объяснилъ мнѣ свою надобность, приведшую его въ канцелярію штаба. Ему хотѣлось узнать, что сдѣлано по запросу о немъ военнаго министра. Я какъ-то и не помнилъ этой бумаги, велѣлъ писарю отыскать ее, и когда писарь принесъ мнѣ бумагу, то я прочелъ ее Лермонтову. Въ бумагѣ этой въ командовавшему войсками военный министръ писалъ, что государь императоръ, вслѣдствіе ходатайства бабки поручика Тенгинскаго полка Лермонтова такой-то (не помню фамиліи¹⁾) объ отпускѣ его въ С.-Петербургъ для свиданія съ нею, приказалъ узнать о службѣ, поведеніи и образѣ жизни этого офицера.

— Что же вы будете отвѣчать на это? спросилъ меня Лермонтовъ.

По обыкновенію, въ штабѣ по нѣкоторымъ бумагамъ, не требовавшимъ какой-либо особенной отписки, писаря сами составляли черновые отпуски, и вотъ въ эту-то категорію бумагъ попалъ какъ-то случайно и запросъ министра о Лермонтовѣ; исправный писарь уже начернилъ и отпускъ.

— А вотъ вамъ и отвѣтъ, сказалъ я, засмѣявшись, Лермонтову, — и началъ читать ему этотъ составленный писаремъ отпускъ, въ которомъ было сказано, что такой-то поручикъ Лер-

¹⁾ Елисавета Алексѣевна Арсеньева, рожденная Столыпина. П. Е.

монтовъ служить исправно, ведетъ жизнь трезвую и добродетельную и ни въ какихъ злобачественныхъ поступкахъ не замѣченъ.

Лермонтовъ сильно хохоталъ надъ такою его аттестаціей, увѣрялъ, что ничего не можетъ быть для него лестнѣе, что здѣсь заключается все, что только необходимо знать о немъ государю, и просилъ меня не измѣнять выраженій аттестаціи, и этими же самыми словами отвѣчать министру, чего, разумѣется, нельзя было такъ оставить.

Послѣ этого свиданія моего съ Лермонтовымъ тотчасъ же былъ посланъ министру самый лестный о немъ отзывъ, вслѣдствіе котораго былъ разрѣшенъ ему двадцативосьмидневный отпускъ въ Петербургъ. Это было зимой въ началѣ 1841-го, роковаго для Лермонтова, года. Въ маѣ мѣсяцѣ, по случаю болѣзни, я отправился въ Пятигорскъ для пользованія минеральными водами, куда вскорѣ приѣхалъ Лермонтовъ, возвратившійся изъ Петербурга.

Въ Пятигорскѣ знакомство мое съ Лермонтовымъ ограничивалось только нѣсколькими словами при встрѣчахъ, сойтися ближе мы не могли. Во-первыхъ, онъ былъ вовсе не симпатичная личность, и скорѣе отталкивающая, нежели привлекавшая къ себѣ; а главное, въ то время, даже на Кавказѣ, былъ особенный извѣстный родъ изящныхъ молодыхъ людей,—людей великосвѣтскихъ, считавшихъ себя выше другихъ по своимъ аристократическимъ манерамъ и свѣтскому образованію, постоянно говорившихъ по-французски, развязныхъ въ обществѣ, ловкихъ и смѣлыхъ съ женщинами, и высокоумно презиравшихъ весь остальной людъ; всѣ эти барчата съ высоты своего величія гордо смотрѣли на нашего брата армейскаго офицера, и сходились съ нами развѣ только въ экспедиціяхъ, гдѣ мы, въ свою очередь, съ сожалѣніемъ на нихъ смотрѣли и издѣвались надъ ихъ аристократизмомъ. Къ этой категоріи принадлежала бѣольшая часть гвардейскихъ офицеровъ, ежегодно тогда посылаемыхъ на Кавказъ; въ этой же категоріи принадлежалъ и Лермонтовъ, который, сверхъ того, и по характеру своему не любилъ дружить съ людьми: онъ всегда былъ высокоумрень, ѣдокъ, и едва-ли во всю жизнь имѣлъ хотя одного друга.

Выдержавъ курсъ леченія минеральными водами, въ іюлѣ

мѣсяцѣ 1841 года, уѣхалъ я изъ Пятигорска. Имѣя отпускъ, я прямо поѣхалъ домой въ Малороссію, гдѣ скоро по приѣздѣ получилъ отъ одного моего пріятеля письмо изъ Ставрополя, съ извѣстіемъ о гибельной для Лермонтова дуэли его съ Мартыновымъ.

Считаю не лишнимъ рассказать здѣсь все, что я только зналъ и слышалъ въ Пятигорскѣ и потомъ узналъ изъ писемъ ко мнѣ моихъ кавказскихъ товарищей объ отношеніяхъ Лермонтова къ Мартынову и объ ихъ дуэли—свѣдѣнія, за вѣрность которыхъ я хотя и не могу ручаться, но какъ онѣ рассказывались и до, и вскорѣ послѣ самаго этого происшествія, то я думаю, что въ нихъ есть хотя часть правды, и что они хотя сколько-нибудь могутъ послужить къ разъясненію причины этой дуэли,—причины, до сихъ поръ ниѣмъ не разъясненной.

Мартыновыхъ было два брата, оба гвардейскіе офицеры. Старшій изъ нихъ прибылъ на Кавказъ въ 1839-мъ году, былъ прикомандированъ къ нашему Куринскому полку, участвовалъ въ экспедиціи этого года подъ Ахульго, гдѣ былъ слегка раненъ пулей въ бровь, и получивъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ, уѣхалъ въ Ставрополь, куда въ 1840-мъ году прибылъ его меньшей братъ. Въ это время я служилъ въ Ставрополѣ, въ штабѣ командовавшаго войсками, и квартировалъ вмѣстѣ съ адъютантами генерала Граббе: Альбини, моимъ университетскимъ товарищемъ, и Викторовымъ, хорошо игравшимъ на фортепяно. Къ намъ на квартиру почти каждый день приходилъ меньшей Мартыновъ. Это былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, высокаго роста, блондинъ, съ вздернутымъ немного носомъ. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ подъ фортепяно романсы, и полонъ надеждъ на свою будущность: онъ все мечталъ о чинахъ, орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина. Послѣ онъ уѣхалъ въ Гребенской казачій полкъ, куда былъ прикомандированъ, и въ 1841 году я увидѣлъ его въ Пятигорскѣ. Но въ какомъ положеніи! Вмѣсто генеральскаго чина, онъ былъ уже въ отставкѣ всего майоромъ, не имѣлъ никакого ордена, и изъ веселаго и свѣтскаго изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ: отпустилъ огромные бакенбарды, въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ винжаломъ, нахлобу-

ченной бѣлой папакой, вѣчно мрачный и молчаливый! Какая была причина такой сворой съ нимъ переменны—осталось мнѣ неизвѣстнымъ: знакомство мое съ нимъ въ это время было, какъ говорится, шапочное, и хотя въ послѣдствіи, уже на желѣзныхъ водахъ, гдѣ насъ было всего два паціента, я съ нимъ и сошелся нѣсколько ближе, но все же не настолько, чтобы имѣть право на его откровенность. Мнѣ кажется, причиной такого страннаго образа дѣйствій Мартынова было желаніе играть роль Печорина, героя тогдашняго времени, котораго Мартыновъ, къ несчастію, и дѣйствительно вполне олицетворилъ собою.

Когда Лермонтовъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ знакомъ съ родителями Мартынова, то ему будто бы очень понравилась сестра Мартынова, и онъ хотѣлъ было на ней жениться, о чемъ будто бы и объяснился съ отцомъ дѣвицы. Но отецъ, будучи не особенно хорошаго мнѣнія о Лермонтовѣ, далъ ему уклончивый отвѣтъ. Когда Лермонтовъ, передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ, пришелъ проститься съ семействомъ Мартынова, то отецъ просилъ его доставить письмо отъ него къ своему сыну въ Пятигорскъ, со вложеніемъ пятисотъ рублей ассигнаціями денегъ. Лермонтовъ взялъ письмо, и, предполагая, что вѣроятно въ немъ отецъ пишетъ къ сыну что-нибудь о его предложеніи и желая знать его о себѣ мнѣніе, дорогою будто бы распечаталъ письмо, въ которомъ и прочелъ самый неблагоприятный о себѣ отзывъ старика Мартынова. Письмо это Лермонтовъ уничтожилъ, а по приѣздѣ въ Пятигорскъ, сказалъ Мартынову, что у него было къ нему отъ его отца письмо съ деньгами, но что онъ его потерялъ, деньги же отдалъ Мартынову. Вотъ это-то обстоятельство, будто бы, было причиной тайнаго неудовольствія Лермонтова въ Мартынову, хотя по наружности онъ оставался его пріателемъ.

Въ Пятигорскѣ жило въ то время семейство генерала Верзилина, находившагося на службѣ въ Варшавѣ при князѣ Паскевичѣ, состоявшее изъ матери и трехъ взрослыхъ дочерей—дѣвицъ. Это былъ единственный домъ въ Пятигорскѣ, въ которомъ почти ежедневно собиралась вся изящная молодежь пятигорскихъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ были Лермонтовъ и Мартыновъ. Въ особенности привлекала въ этотъ домъ старшая Верзилина—Эмилія, дѣвица уже не совсѣмъ молодая, которая еще во время посѣщенія Пятигорска Пушкиннымъ прославлена

была имъ какъ «звѣзда Кавказа», дѣвушка очень умная, образованная, свѣтская, до невѣроятности обворожительная, и превосходная музыкантша на фортепьяно, отчего въ домѣ ихъ, кромѣ фешенбельной молодежи, собирались и музыканты.... Она была лихая наѣздница, часто составляла кавалькады, на которыхъ была одѣта всегда въ какомъ-нибудь фантастическомъ костюмѣ.

Однажды пришелъ къ Верзилинымъ Лермонтовъ въ то время, когда Эмплія, окруженная толпою молодыхъ наѣздниковъ, собиралась ѣхать верхомъ за городъ. Она была опоясана черкесскимъ хорошенькимъ кушачкомъ, на которомъ висѣлъ маленькій, самой изящной работы, черкесскій кинжалчикъ. Вынувъ его изъ ножонъ и показывая Лермонтову, она спросила его:

— Неправда-ли, хорошенькій кинжалчикъ?

— Да, очень хорошъ, отвѣчалъ онъ, имъ особенно ловко колотъ дѣтей! — намекая этимъ на одинъ совершенно нелѣпый слухъ; этотъ случай характеризуетъ всегдашнюю язвительность и злость Лермонтова, который, какъ говорится, для краснаго словца не жалѣлъ ни матери, ни отца.

Такъ, говорили, поступалъ онъ и съ Мартыновымъ, при всякомъ удобномъ случаѣ отпуская ему въ публикѣ самыя ѣдвія колкости. Мартыновъ будто бы неоднократно просилъ его не говорить такихъ колкостей въ обществѣ, а особливо при дамахъ, на которыя ему, «какъ другу его», хотя не слѣдуетъ сердиться, но и сносить же ихъ можетъ быть для него иногда предосудительно, наконецъ что подобныя преребанія между ними могутъ довести ихъ до самыхъ неприятныхъ послѣдствій. Лермонтовъ однако не унимался, и даже, какъ бы нарочно, старался раздражать Мартынова. Наконецъ, когда однажды въ домѣ Верзилиныхъ — Лермонтовъ, подсмѣиваясь при дамахъ надъ костюмомъ Мартынова и его кинжаломъ, саркастически назвалъ его какъ бы даннымъ ему прозвищемъ: Г-нъ большой кинжалъ (*M-le grand poignard*), то Мартыновъ, не выдержавъ болѣе, будто бы тамъ же отвѣтилъ ему при всѣхъ: послѣ этого я вижу, что ты большой дуракъ!... и это будто бы послужило поводомъ къ ихъ роковой дуэли.

Насколько всѣ подробности, мною приведенныя, справедливы — утверждать не берусь, но считаю ихъ не безынтересными, какъ обрисовывающія характеръ Лермонтова и показывающія не-

симпатію къ его личности того общества, которое такъ восхищалось его поэзіей. О Лермонтовѣ у насъ вообще еще мало написано, а объ этой послѣдней его эпохѣ жизни — менѣе всего. Весьма желательно, чтобы самъ Мартыновъ, если онъ живъ еще, прервалъ свое молчаніе и сообщилъ публикѣ вѣрныя свѣдѣнія, необходимыя для біографіи нашего великаго поэта.

Я. И. Костенецкій.

IV.

Портреты Лермонтова.

Почти 22 года со смерти Лермонтова въ публикѣ обращался только одинъ его портретъ: въ армейскомъ сюртукѣ, съ пашкою. Оригиналъ этого портрета былъ рисованъ красками въ 1841 г. художникомъ К. А. Горбуновымъ, и, по словамъ его, остался неоконченнымъ за отъѣздомъ Лермонтова на Кавказъ. Когда же оттуда пришла внезапная вѣсть о кончинѣ поэта, то А. А. Краевскій обратился къ художнику за портретомъ, который и былъ доконченъ и переданъ ему.

Съ этого оригинала появились многочисленныя литографіи и полиптижи, а наконецъ и гравюра Ф. Гордана (1859), прилагавшіяся къ изданіямъ сочиненій Лермонтова съ 1856 г. по 1863 г., и кромѣ того, помѣщенные въ „Альбомъ русскихъ писателей“ Н. Н. Полеваго (М., 1860), въ „Иллюстраціи“ (1861, № 153), въ „Литературномъ подаркѣ дѣтямъ“ (М., 1862), въ „Портретной галлерей“ Мюнстера (Спб., 1869), и при дешевомъ изданіи: „Пѣсня про царя Ивана Васильевича“ (Спб., 1866).

Слыша много разъ отъ лицъ, знавшихъ Лермонтова, что портретъ этотъ очень неудовлетворителенъ, что выраженіе лица поэта осталось въ немъ совершенно непереданнымъ, я ужъ давно занимался розысканіемъ другаго оригинала, но долго не находилъ слѣдовъ и даже не могъ свѣрить: насколько литографіи и гравюра отступили отъ подлинника К. А. Горбунова; г. Краевскій обѣщалъ мнѣ этотъ подлинникъ и не дальше какъ зимой 1875 года пересматривалъ свое собраніе портретовъ, но Лермонтовскаго не нашелъ, да и не могъ найти, потому что портретъ этотъ, къ сожалѣнію, уже не существуетъ. Случайно, нынѣшней весной, я узналъ отъ лица, взявшаго портретъ у г. Краевскаго для копировки, что, повѣшенный на сырую стѣну, онъ совсѣмъ уничтожился отъ сырости.

Только въ 1862 году, въ № 7 „Русскаго Художественнаго Листка“ г. Титма, появился второй портретъ Лермонтова съ оригинала, принадлежащаго княгинѣ С. И. Ухтомской, сдѣланнаго художникомъ Р. Шведе на другой день послѣ кончины поэта. Желая приложить

хотя это изображеніе, взамѣнъ прежняго, къ приготавливавшемуся тогда второму, подъ фирмою С. Дудышкина, собранію сочиненій Лермонтова, я обратился къ г. Тимму. За полученіемъ оригинала онъ направилъ меня къ А. И. Арнольди, у котораго однако-жъ я уже не нашелъ портрета, возвращеннаго имъ владѣльцѣ.

Продолжая видаться съ г. Тиммомъ, я узналъ отъ него, что долженъ существовать еще портретъ Лермонтова, рисованный съ натуры авварелью художникомъ Клиндеромъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Послѣ долгихъ розысковъ мнѣ, наконецъ, удалось найти г. Клиндера въ одной изъ петербургскихъ фотографій. Художникъ припомнилъ, что въ 1838 или 1839 г. онъ рисовалъ нѣсколько экземпляровъ портретовъ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ для взаимнаго обмѣна между сослуживцами, между прочими: для М. Ю. Лермонтова, М. Хомутова, А. Л. Поталова, кн. Абамелика и кн. В. А. Меншикова. Оставалось достать одинъ изъ этихъ оригиналовъ. Названой атаманъ, генералъ Хомутовъ, жилъ далеко; князя Абамелика не было въ Петербургѣ; кн. Меншиковъ былъ за границую, но оказалось возможнымъ обратиться къ А. Л. Поталову, что и было сдѣлано мною чрезъ посредство одного изъ моихъ знакомыхъ. Александръ Львовичъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ въ просьбѣ и выписалъ портретъ Лермонтова изъ своего имѣнія; но вмѣсто Лермонтовскаго, оттуда, по ошибкѣ управляющаго, выслали портретъ другаго лица, который при перевозкѣ до того испортился, что грѣшно было бы просить владѣльца подвергнуть такой же участи и портретъ Лермонтова. Въ это время возвратился изъ-за границы кн. В. А. Меншиковъ, который не отказалъ А. П. Глазунову въ дозволеніи снять фотографію съ портрета Лермонтова, находившагося въ его подмосковномъ имѣніи. Для большаго точности сняты были тогда двѣ фотографическія копіи: одна въ величину оригинальнаго рисунка, а другая—въ уменьшенномъ видѣ, въ форматѣ изданія сочиненій Лермонтова, и посланы къ Бробгаузу, въ Лейпцигъ. Сдѣланная имъ съ этихъ снимковъ гравюра была приложена къ изданію 1863 г., при которомъ осталась и гравюра Э. Иордана, съ прежняго оригинала, такъ какъ розыскать новый удалось только уже по отпечатаніи стараго портрета. Новая гравюра была повторена при послѣднемъ изданіи соч. Лермонтова, 1873 г., а полтипажи съ нея помѣщены въ обоихъ изданіяхъ „Очерковъ исторіи русской литературы“ П. Н. Полеваго (Спб., 1872 и 1874 г.) и во 2-мъ томѣ „Русской Библіотеки“ М. М. Стасюлевича (Спб., 1874 г.).

Въ началѣ 1865 г. до меня дошла копія съ четвертаго оригинальнаго портрета. Г. Муренко прислалъ изъ Саратова И. И. Глазунову фотографическій снимокъ, сдѣланный имъ съ портрета Лермонтова въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, съ наброшенной на плечо ши-

велью и съ треугольною шляпою въ ругѣ. Оригиналъ былъ рисованъ художникомъ Захаровымъ, масляными красками, для г. Столыпина вскорѣ по выходѣ Лермонтова изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (т. е. около 1836—1837 гг.). Такъ какъ новаго изданія сочиненій Лермонтова вскорѣ не предвидѣлось, а отдѣльно изданные портреты у насъ вовсе не расходятся, то г. Глазуновъ согласился издать въ большомъ форматѣ, съ рисунками г. Шарлеманя, „Пѣсню про царя Пвана Васильевича“, и приложить къ ней новый портретъ Лермонтова, который и былъ награвированъ у Брокгауза. Замѣчу, что покойный Лонгиновъ считалъ этотъ портретъ самымъ схожимъ, тогда какъ товарищъ Лермонтова по школѣ, г. Меринскій, находилъ его прикрашеннымъ, а сдѣланный съ оригинала кн. Меншикова считалъ весьма похожимъ.

Въ половинѣ 1873 г. отыскался еще одинъ, пятый, оригиналъ портрета. Подлинникъ этотъ, въ числѣ 34-хъ портретовъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка 1838—1849 гг., принадлежалъ товарищу Лермонтова по полку В. Д. Бакаеву († 1871); послѣ его смерти перешелъ къ Николаю Петровичу Васильеву, а имъ, вмѣстѣ со всею коллекціею, переданъ въ редакцію „Русской Старины“ (см. „Р. С.“ 1873 г., томъ VIII, стр. 811—812). Въ подписи подъ портретомъ видно, что его рисовалъ (акварелью) тоже Клиндеръ въ сентябрѣ 1839 г., между тѣмъ этотъ портретъ, схожій съ оригиналомъ кн. Меншикова по одеждѣ Лермонтова, существенно отличается въ рисовкѣ лица и обороту. Намъ не удалось на этотъ разъ розыскать г. Клиндера (по справкѣ въ адресномъ столѣ его, не оказалось въ Петербургѣ), чтобъ разъяснить вопросъ объ этой разницѣ.

Съ послѣдняго оригинала прилагается теперь копія, хромолитографированная, по заказу редакціи „Русской Старины“, въ Парижѣ, въ мастерской Лемерсье, художника пользующагося вполне заслуженною извѣстностью.

Сообщ. П. А. Ефремовъ

Примѣчаніе. Упомянутая выше коллекція портретовъ лейбъ-гусаровъ состоитъ изъ 34-хъ портретовъ, почти одинаковаго формата (въ 4-ю долю большаго листа); рисованы акварелью нѣкоторые (какъ отозвался о нихъ профессоръ В. И. Якобій) весьма искусно, но ни одинъ изъ нихъ не подписанъ. А. Л. Потаповъ—одинъ изъ товарищей Лермонтова по полку, — которому мы показали эту коллекцію, весьма обязательно объяснилъ, кого изображаетъ тотъ или другой портретъ этого собранія. Вотъ списокъ этихъ лейбъ-гусаровъ: кн. С. Д. Абамеликъ-Лазаревъ, — гр. Ф. Д. Алопеусъ, — В. Д. Бакаевъ, — П. А. Баратынскій, — Н. И. Вухаровъ, — кн. Э. А. Бѣлосельскій-Бѣло-

зерскій,—кн. Витгенштейнъ (два портрета),—баронъ Э. О. Герсдорфъ,— П. П. Годаевъ,—И. Н. Гончаровъ,—кн. Р. А. Долгоруковъ,—И. П. Ершовъ,—Д. Д. Засѣцкій,—гр. І. К. Ламбертъ,—М. Ю. Лермонтовъ,— Ломоносовъ,—кн. В. А. Меншиковъ,—А. О. Мосоловъ,—В. П. Никитинъ,—П. И. Пашинъ,—М. В. Пашковъ,—Пономаревъ,—А. Г. Реми,— баронъ Д. Г. Розень,—П. Д. Саломирскій,—А. А. Столыпинъ—А. Г. Столыпинъ,—А. О. Тиранъ,—Ульяновскій,—М. Г. Хомутовъ,—С. И. Храповицкій,—Д. Д. Шепелевъ и кн. Д. Г. Щербатовъ.

Всѣ эти портреты рисованы красками, акварелью, Клиндеромъ, что и видно изъ помѣты, сдѣланной почти на каждомъ портретѣ, съ обозначеніемъ года и мѣсяца, когда исполнена работа. За отсутствіемъ въ тѣ годы (1830—1840) дагеротипа и фотографіи, богачи лейбъ-гусары, желая имѣть у себя полныя коллекціи портретовъ своихъ товарищей по полку, по объясненію А. Л. Потапова, заказывали ихъ акварелистамъ; однимъ изъ искуснѣйшихъ—былъ въ то время Клиндеръ. Нѣкоторыя коллекціи были гораздо полнѣе поступившей въ распоряженіе „Русской Старины“ и стоили владѣльцамъ до 2 т. рублей. Портретъ Лермонтова хотя и не можетъ быть отнесенъ къ самымъ удачнымъ произведеніямъ кисти Клиндера, но совершенно похожъ на оригиналь. Въ виду этого, воспроизведеніе его въ точныхъ снимкахъ, разрисованныхъ красками, оказалось вполне интереснымъ для почитателей великаго таланта Лермонтова и мы представляемъ эти снимки читателямъ „Русской Старины“.

К. Θ. РЫЛѢВЪ.

1795 — 1826.

Въ предисловіи къ первому изданію сочиненій Рылѣева¹⁾, сдѣланному мною въ 1872 г., я указалъ годъ его рожденія—1797 (сентября 18-го). День рожденія, т. е. число мѣсяца, указанъ въ одномъ изъ писемъ самого Рылѣева, но годъ былъ поставленъ приблизительно, по семейнымъ преданіямъ, вопреки показанію Д. А. Кропотова въ его статьѣ: „Воспоминанія о К. Θ. Рылѣевѣ“ („Рус. Вѣстн.“ 1869 г., № 3). При этомъ я прибавилъ, что указываемый г. Кропотовымъ 1789 г. едва-ли вѣренъ, хотя это основано на спискахъ кадетскаго корпуса, обозначающихъ, что Рылѣевъ опредѣленъ былъ туда 23-го января 1801 г., двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Я полагалъ не ошибка-ли или не описка-ли это вмѣсто 1807 г., вслѣдствіе чего годомъ рожденія былъ бы 1795, что гораздо ближе подходитъ къ 1797, чѣмъ къ 1789. По выходѣ изданія, мнѣ было указано „Русскою Стариною“ (1872 г., томъ VI, стр. 438), что въ статьѣ А. А. Бестужева, соиздателя съ Рылѣевымъ „Полярной Звѣзды“, годъ рожденія послѣдняго прямо указанъ 1795-й („Пол. Зв.“ 1823 г., стр. 29), почему онъ и былъ принятъ мною при второмъ изданіи сочиненій Рылѣева. Несмотря, однаю, на свидѣтельство Бестужева, г. Кропотовъ продолжалъ настаивать на своемъ прежнемъ мнѣніи, считая единственно вѣрными данныя списковъ кадетскаго корпуса („Рус. Стар.“ 1872 г., томъ VI, стр. 602—604) и недовѣрчиво относился даже къ указанію приложенийъ къ „Исторіи императора Александра I“—М. П. Богдановича, гдѣ означено, что Рылѣеву, во время производства дѣла, было 29 лѣтъ (т. VI, стр. 62 прил.), т. е. годомъ рожденія надо бы принять 1796-й или

¹⁾ 2-е изданіе вышло въ 1875 г. См. о немъ въ «Библиографическомъ листкѣ» «Русской Старины» (май 1875 г.).

Ред.

1797-й, смотря потому въ 1825 или 1826 году относится указанное свидѣніе.

По выходѣ втораго изданія сочиненій К. Ѳ. Рылѣва мнѣ удалось получить три документа, изъ которыхъ по каждому году рожденія Рылѣва опредѣляется 1795-й, безъ всякаго сомнѣнія. Документы эти отличаются достовѣрностью и сами относятся къ различнымъ годамъ, именно: 1) Письмо отца К. Ѳ. Рылѣва отъ 30-го апрѣля 1813 г.; 2) Письмо матери отъ 19-го октября 1817 г. и 3) Подлинный формулярный списокъ, составленный въ 1821 г., о службѣ К. Ѳ. Рылѣва, какъ засѣдателя отъ дворянства с.-петербургской палаты уголовнаго суда.

Чтобы разъ навсегда покончить вопросъ, привожу всѣ три документа въ ихъ полномъ составѣ, тѣмъ болѣе, что письма отца и матери представляютъ матеріалъ для будущей біографіи Рылѣва.

П. А. Ефремовъ.

I.

Кіевъ.—30-го апрѣля 1813 г.

Письма твои, любезнѣйшій мой Кондратій Ѳеодоровичъ, одно съ адъютантомъ, откуда ѣздившимъ, другое отъ 17-го декабря минувшаго года и третіе безъ числа, по почтѣ полученное мною сего апрѣля въ 26-й день, съ одной стороны утѣшили меня тѣмъ, что, по благости Всевышняго, ты здоровъ, а съ другой, и огорчили немало, какъ потому-что не получилъ я отъ тебя удовлетворительнаго на письмо мое отвѣта, такъ и для того, что ты, любезный сынъ, вмѣсто поспѣдованія отцовскому, не говорю уже предписанію, но предусмотрѣнному относительно изъ корпуса твоего выпуска совѣту, наполнилъ свои письма, особенно же послѣднее, выдуманнѣйшими, если къ-нибудь не настроенными, то прямо дѣтскими затѣями, которыя нетожемо отцу, но и чужому, сѣдинами покрытому мужу юноша (8 лѣтъній¹⁾) едва-ли рѣшился бы на бумагу сколько пространно, столько безъ участія прямаго сердца, и еще трикратно излагать!.. Ахъ, любезный сынъ! сколь утѣшительно читать отъ сердца написанное, буде то сердце во всей наготѣ неповинности откровенно и просто изливается, говоря собственными его, а не чужими, либо выученными словами! Скольже, напротивъ того, человекъ дѣлаетъ самъ себя почти отвратительнымъ, когда говоритъ о сердцѣ, и обнаруживаетъ при томъ, что оно наполнено чужими умозаключеніями, натянутыми и несвязными выраженіями, и что всего гнуснае, то для того и повторяетъ о сердечныхъ чувствованіяхъ

¹⁾ Вычтя изъ 1813-ти 18, получимъ 1795.

П. Е.

часто, что сердце его занято однѣми деньгами.... Надобны-ли онѣ ему дѣйствительно, или можно и безъ нихъ обойтись?... Вотъ, любезный сынъ, истинная причина, для которой пріостановился я къ тебѣ писать, мня, что не получилъ моего отвѣта на два твои письма; винни-жъ со вниманіемъ въ смыслъ моего, съ адъютантомъ отсюда отправленнаго къ тебѣ отзыва.... Тамъ предусмотрительно писалъ я въ разсужденіи твоего выпуска, когда бы онъ ни случился, что тебѣ, по долгу сына къ отцу, сдѣлать тогда надлежало. И ежели я твой родитель, то долженъ ты изъ сыновняго уваженія, вступая въ новое для тебя поприще, не размышляя ни о чемъ другомъ, прежде всего бростись въ отцовскія объятія и вѣрить благонадежно тому, что онъ, съ лутчею противу всякаго другаго благодѣтеля твоего горячностію приметъ, обьметъ и благословитъ по возможности! Да и пріятнѣе ему будетъ видѣть тебя, вмѣсто двухъ дорогостоящихъ, въ одномъ и отъ казны даемомъ мундирѣ, и буде ты пріѣдешь тѣми деньгами, которыя на проѣздъ тоже казна жалуетъ. Тако все и изъ всѣхъ мѣстъ выпускныя, въ пользу опредѣляемыя, отъ благодѣтельной казны снабждаются, съ дозволеніемъ даже не только къ родителямъ, но и къ дальнимъ родственникамъ заѣзжать, и довлѣетъ-ли тебѣ только одному не пользоваться толкими щедротами отъ общаго нашего отца! Не сердись на меня, мой милый Кондраша, за сія истинны. Я съ ними удерживался и ожидалъ отъ тебя, какъ выше сказано, дабы ты выразумѣлъ смыслъ моего отзыва, но когда ты и въ третіемъ письмѣ не отсталъ отъ внушеній, худими людьми тебѣ преподанныхъ, то ты же и вынудилъ отъ меня сіе отцовское изложеніе. Время содѣлаетъ, что самъ познаешь, что ни ложнаго, ни суетнаго говорить, а тѣмъ меньше на бумагу излагать, не можетъ и не долженъ, по всей строгой справедливости, тебя токмо любящій и благословляющій отецъ твой, Ѳеодоръ Рылѣвъ.

Р. S. Женѣ моей, а твоей матери, объявля постоянную мою къ ней приверженность, кланяйся и цѣлуй за меня ея руки; скажи ей, что не пишу я къ ней для того, что и она ко мнѣ не пишетъ. И какъ сіе письмо, такъ и то, которое писалъ я къ тебѣ съ адъютантомъ, непременно покажи и дай ей прочитать; увѣряя, что буде она ко мнѣ напишетъ, то я съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ возобновить съ нею переписку, жаждущую мною выше всякаго удовольствія. Я и прежде къ тебѣ писалъ и теперь напоминаю, чтобъ ты, взявъ отъ Анны Ѳеодоровны письмо, ко мнѣ оно при своемъ доставилъ и обстоятельно увѣдомилъ бы меня: гдѣ она и чѣмъ занимается?

Ожидая отъ тебя, любезнѣйшій мой Кондратій Ѳеодоровичъ, скорого и удовлетворительнаго на прежнее и на сіе письмо отвѣта!

II.

Петродаръ.—19 октября 1817 года.

Другъ мой, Кондратій Ѳедоровичъ, письмо я твое получила. Правда твоя, что я не была счастлива: отецъ твой не умѣлъ устроить мое и твое спокойствіе; что дѣлать, Богу такъ было угодно. Благодаритель мой и другъ, Петръ Ѳедоровичъ, далъ мнѣ кусокъ хлѣба. Тебѣ, мой другъ, извѣстно, деревня не такъ велика: ревизскихъ душъ 42, а работниковъ 17, то самъ посуди, сколько они могутъ наработать: земля у насъ не такая, какъ тамъ, гдѣ ты теперь; долгу на мнѣ много, деревня въ закладъ, тебѣ извѣстно, что я насилу могу проценты платить, и то съ помощію друга моего, Петра Ѳедоровича; а что пишешь въ разсуждіе женитьбы, я не запрещаю: съ Богомъ, только подумай самъ хорошенько: жену надо содержать хорошо, а ты чѣмъ будешь ее поконить? Петродаръ не много доходу приноситъ, только что и можно продать одинъ овесъ, и то не болѣе какъ 50 четвертей. Посуди самъ, Наталія и ты будете горе терпѣть, а я, глядя на васъ, плакать. Я совѣтую тебѣ, какъ мать и другъ твой вѣрной, подумай хорошенько и скажи невѣстѣ и родителямъ ея правду, сколько ты богатъ; то я не думаю, чтобъ они захотѣли бы, чтобъ дочь ихъ милая терпѣла нужду. Посуди самъ, тебѣ только 22 года недавно¹⁾, и служба, и чинъ твой такъ малы; если и въ статскую службу идти по твоему чину, то я не знаю, какое мѣсто; я удивляюсь, что тебѣ наскучила военная служба: что ты будешь дѣлать въ деревнѣ? чѣмъ займешься; скоро все тебѣ наскучитъ и самъ будешь жалѣть, что скоро поспѣшили отставку; можешь и женатый служить: ты не первой, много женатыхъ, да служатъ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ; впрочемъ, самъ лучше знаешь, ты имѣешь умъ; любовь скоро проходитъ, какъ у стариковъ, такъ и у молодыхъ, посуди хорошенько, чтобъ не сдѣлать Наташу несчастной и родителей ея не заставляй раскаяваться, что они дочь свою милую отдали за тебя. Ты говоришь: люблю ее и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно. Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь какая эта птица—любовь! какъ прилетитъ, такъ и улетитъ; покойный отецъ твой говорилъ мнѣ: вѣчно любить тебя стану — и его любовь улетѣла.

Я вижу, другъ мой Кондраша, письмо мое тебѣ навесетъ много неприятностей, будь терпѣливъ, прочитай со вниманіемъ, современемъ будешь благодарить меня. Ты еще такъ молодъ и не можешь судить, сколько обязанностей священныхъ въ супружествѣ должно хранить.

¹⁾ Вычтя изъ 1817-ти 22, получимъ 1795.

Я—мать и хочу съ сыномъ говорить откровенно: женитьба твоя меня не огорчаетъ, а что ты выходишь изъ службы, то меня поразило.

Петра Ѳедоровича я давно не видала, потому что я живу въ деревнѣ; письмо твое прислала ко мнѣ и прежде прочтала, не знаю какъ онъ судитъ о твоей отставкѣ; я просила его письмомъ, чтобъ онъ къ тебѣ написать какъ отецъ и благодѣтель; онъ самъ служилъ Богу и государю, но болѣзнь его принудила выйти въ отставку. Дядя твой и старикъ все еще служить и ничего не имѣеть, однимъ жалованьемъ жить.

Прощай, другъ мой Кондраша, будь здоровъ и весель и покоенъ. чего желаетъ тебѣ мать и другъ твой вѣрной и молитъ Господа Бога, чтобъ онъ тебя не оставилъ своимъ святымъ покровомъ; пиши посворѣй, успокой мать твою. Настасья Рылѣва.

Я сколько разъ тебя спрашивала: у тебя-ли Абрамъ? увѣдомь, если онъ бѣжалъ, то я подамъ объявку; напиши ко мнѣ. Третью ночь какъ я не могу спать, а все твоя отставка, милый мой Кондраша! Подумаи хорошенько, ты такъ молодъ и мало служилъ.

Сообщ. П. А. Шфремовъ.

III.

Свѣдѣнія изъ формулярнаго списка, составленнаго въ 1821 году.

Подпоручикъ Кондратъ Ѳедоровъ Рылѣвъ, 26-ти лѣтъ, изъ дворянъ въ службу вступилъ изъ кадетскаго корпуса прапорщикомъ 1-й резервной артиллерійской бригады въ конную № 1 роту, которая переименована въ 11-ю и напослѣдокъ въ 12-ю—1814 года, 10 февраля. Былъ въ походахъ 1814 года въ Швейцарію и Францію; 1815 года, апрѣли съ 12-го, вторично во Францію и обратно въ Россію. По высочайшему приказу уволенъ отъ службы съ чиномъ подпоручика 1818 года 26-го декабря. Избранъ дворянствомъ въ санктпетербургскую палату уголовного суда засѣдателемъ 1821 года, января 24 дня. Женатъ.

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

ДНЕВНИКЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1832—1845.

III¹⁾.

1832 годъ.

«Вѣстникъ Европы», Каченовскаго.—Гн. Шаликовъ.—Быльиы, собранныя Киршей-Даниловымъ.—Мистикп.—Старые дневники, 1832 г.

ноябрь.— декабрь.

7-го ноября 1832 г.

Въ книжкѣ „Вѣстникъ Европы“ 1817 г. заключающей 17-й и 18-й номера, прочелъ я свою собственную статейку (переведенную Каченовскимъ изъ „Conservateur Impartial“) — Взглядъ на нынѣшнее (1817 г.) состояніе русской словесности. Нахожу, что въ мысляхъ своихъ я мало перемѣнился.

14-го ноября.

Прочелъ сегодня 12 книгу Tales of the Hall и Соца возраженіе на мою статью, напечатанную въ 77-мъ номерѣ „Conservateur Impartial“ 1817 года. Помнится, что Гнѣдичъ гораздо болѣе меня разсердился на это возраженіе: да и быть не могло иначе.

18-го ноября.

Я за собой замѣтилъ, что если въ „Вѣстникѣ Европы“ мнѣ попадается статья кого-нибудь, съ бѣмъ я былъ въ ссорѣ, то читаю ее съ особеннымъ вниманіемъ и искренно радуюсь, когда нахожу въ ней что-нибудь дѣльное.

Уважать Воейкова, какъ человѣка, мнѣ невозможно. да врядъ-ли возможно и лучшимъ его друзьямъ, однако же, какъ писатель, можно сказать, что онъ заслуживаетъ быть отличеннымъ отъ толпы исагъ безталанныхъ: въ немъ точно иногда проблески дарованія.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 333—382; 490—531.

21-го ноября 1832 г.

Въ „Вѣстникѣ“ мнѣ попался Софокль—родственника и пріятеля моего Катенина: это истинно прекрасное стихотвореніе. Несмотря на всѣ нападки, Катенинъ человѣкъ съ большимъ дарованіемъ—и не съ однимъ дарованіемъ: чтобъ написать стихи, каковы слѣдующіе два:

«Когда же мстить врагамъ обиду
«Душой великіе могли?»

надобно имѣть не мелкую душу. Благодарю, любезный Павелъ Александровичъ, за эти два стиха: желалъ бы, чтобъ ихъ когда-нибудь ко мнѣ приноровили.

23-го ноября.

Начинаются въ „Вѣстникѣ“ щелчки Каченовскаго исторіографу: надобно признаться, что они не глупы и очень злы. Всего забавнѣе письмо къ издателямъ харьковскаго „Вѣстника“: это истинно предательская шутка. Подъ предлогомъ, будто не вѣрить, что извѣстныя записки о московскихъ достопамятностяхъ сочинены Карамзинимъ, критикъ говоритъ о нихъ такія вещи, отъ которыхъ нѣтъ другаго средства, какъ только отмалчиваться. (Записки точно Карамзина: это я знаю, потому что, по просьбѣ Жуковскаго, перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ съ своеручнаго подлинника покойнаго Николая Михайловича).

25-го ноября 1832 г.

Есть писатели такіе, которые темны отъ богатства и глубины мыслей; есть другіе, которые также темны отъ совершеннаго отсутствія мыслей. Первыхъ человѣкъ не глухой, наконецъ, пойметъ, поломавши нѣсколько надъ ними голову; но вторыхъ не поняли бы ни Гомеръ, ни Ньютонъ, ни Шеллингъ, если бы и вмѣстѣ стали ихъ читать и сообщать другъ другу свои догадки. Возможно-ли, напримѣръ, добраться до смысла нѣкоторыхъ фразъ Шаликова? Невозможно, ибо въ нихъ ровно никакого смысла нѣтъ и не бывало. Это, конечно, справедливо: но есть и у Шаликова иногда кое-что, показывающее, что онъ истинно добрый малый, хотя и плохой писака: таково, напримѣръ, въ „Вѣстникѣ“ на 13-й годъ было его описаніе всего того, что нѣкоторые его знакомые претерпѣли въ Москвѣ въ роковой 1812 годъ и чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ,—эту статейку нельзя читать безъ того, чтобы не зашевелилось въ сердцѣ; таковы еще его извѣстія о бѣдныхъ—тутъ всякій разъ видно, что онъ въ нихъ принимаетъ искреннее участіе; таково, наконецъ, слѣдующее правило (особенно, если онъ ему слѣдуетъ) „сносить терпѣливо всѣ неудовольствія и непріятности отъ человѣка, ссорившагося со мною“. Ну, князь Петръ

Ивановичъ, думаль-ли ты, что злой, насмѣшливый Кюхельбекеръ посвятить почти цѣлую страницу въ дневникѣ своемъ разсужденію о тебѣ и, сверхъ того, искренней, вовсе не насмѣшливой хвалѣ того, что въ тебѣ достойно хвалы?

30-го ноября 1832 г.

Прекрасна статья Снегирева: „Матвѣевъ“. Впрочемъ, характеръ Матвѣева такъ высокъ, что едва-ли возможно совершенно исказить его даже и дурнымъ изображеніемъ, было бы оно только не злонамѣренное, каково, напримѣръ, изображеніе лица, почти столь же возвышеннаго, Василія Шуйскаго, въ ...¹⁾). Но *exempla sunt odiosa*. Жаль мнѣ историковъ, въ глазахъ которыхъ кто несчастливъ, тотъ и виновать.

Въ Рихтеровой исторіи медицины указъ Θεодора I объ учрежденіи больницы и дома призрѣнія бѣдныхъ: въ этомъ указѣ дышетъ такой духъ, который бы принесъ честь и XIX вѣку.

5-го декабря.

Изъ 12-ти первыхъ повѣстей въ „Собраніи древнихъ стихотвореній“ (изд. Калайдовича) лучшія: самая извѣстная изъ всѣхъ Соловей Будиміровичъ, гдѣ разсказчикъ истинно достигаетъ иногда эпической высоты; забавная Novella (въ родѣ Боккачьевыхъ) Гость Терентьище; Волкъ Всеславичъ, гдѣ много воображенія и поэзіи почти восточной; Три года Добрынюшка столничаль, сказка, сходная по духу съ предъидущею; Женитьба князя Владимира (ее бы лучше назвать: Дунай Ивановичъ), которой трагическое и вмѣстѣ волшебное окончаніе отзывается чѣмъ-то похожимъ на многія катастрофы въ Овидіевыхъ „Превращеніяхъ“; наконецъ, Василій Буслаевъ (и продолженіе этой сказки подъ № 18). При чтеніи начала этой повѣсти родилась во мнѣ мысль: нѣтъ-ли, быть можетъ, историческаго основанія разсказанному тутъ происшествію, искаженному изустнымъ преданіемъ? Не былъ-ли Буслаевъ въ самомъ дѣлѣ счастливымъ демагогомъ, покорившимъ помощію удалцевъ, которыхъ счумѣлъ привлечь къ себѣ щедростію,—Новгородскую республику? Что онъ точно былъ посадникомъ, доказываетъ лѣтопись, а что онъ былъ необыкновеннымъ, мирнымъ, законнымъ посадникомъ — явствуетъ изъ преданія, сохранившаго, во 1-хъ, въ сказкѣ Кирши Давилова память о насильственныхъ его поступкахъ; во-2-хъ, въ другой сказкѣ, въ прозѣ (въ собраніи Левшина), воспоминаніе о необыкновенной власти, ибо тутъ его величаютъ старославенскимъ княземъ Василіемъ Богуслаевичемъ.

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

6-го декабря 1832 г.

Статья Буткова о Спорахъ и Норикахъ, хотя и основана на довольно зыбкомъ основаніи, — на этимологін именъ славянскихъ, — однако же содержитъ много любопытнаго. Догадка о кавказскомъ происхожденіи славянъ заслуживаетъ изслѣдованія: по сію пору есть на Кавказѣ народъ, который называется чехами; также лезги или лехи, лехи близко подходят своимъ именемъ къ ляхамъ. Впрочемъ, языки кавказскихъ чеховъ и леховъ не представляютъ никакого сходства ни между собою, ни съ языками польскимъ или богемскимъ. (Говорю: никакого, по крайней мѣрѣ, такого, по которому можно бы было и теперь узнать ихъ одинакое происхожденіе. Такое сходство существуетъ между языками славянскими, германскими, еракійскими (т. е. греческимъ и латинскимъ) и персидскимъ; напротивъ того, доказано, что языки лезгинскій, черкесскій и проч. корнями своими ото всѣхъ отъ нихъ отличаются и сходятся съ ними только мужественною гармонією своихъ звуковъ). Мимоходомъ замѣчу, что и прочіе языки различныхъ племенъ кавказскихъ и прикавказскихъ очень мало имѣютъ сходнаго между собою, — и это явленіе довольно странное.

9-го декабря.

Прочелъ я еще 12 повѣстей Кирши Данилова. По моему мнѣнію, лучшія изъ нихъ: „Ставръ Бояринъ“ — сказка очень замысловатая; „Добрыня Чудъ покорилъ“ — повѣсть истинно-юмористическая; „Потомъ Михайло Ивановичъ, — богатая воображеніемъ, игривая, мѣстами страшная; „Сорокъ каликъ съ каликою“ — легенда, по вымыслу и слогу, быть можетъ, перлъ всего собранія. „Алѣша Поповичъ“ Улиссъ между богатырями Владиміра: его характеръ чуть-ли не рѣзче всѣхъ прочихъ обозначенъ, тщательнѣе всѣхъ прочихъ дорисованъ и почти вездѣ выдержанъ. Самъ Владиміръ болѣе похожъ на Карла, нежели на Артура.

Въ сказкѣ: „Царь Саулъ Левановичъ“ что-то восточное, что-то напоминающее Ша-Намъ. Думаю, что она соотечественница Еруславу Лазаревичу, т. е. переселена къ намъ изъ Ирана или, по крайней мѣрѣ, изъ Татаріи.

13-го декабря 1832 г.

Вечеромъ послѣ ужина прочелъ я первую книгу Краббевой поэмы: „The Village“. Судя по началу, Краббева фламандская картина не въ пригѣрѣ занимательнѣе, чѣмъ Томсоно-Демшевскія чувствительно-безхарактерныя собранія возгласовъ, изображеній и поученій, называемыя сельскими или описательными поэмами.

15-го декабря 1832 г.

Гете въ одной изъ Римскихъ эпиграммъ своихъ называетъ мухъ, помѣшавшихъ спать ему, вдохновительницами (Musageten); моимъ вдохновителемъ съ понедѣльника было ненастье, отъ котораго въ моей канурѣ такъ было темно, что я не могъ внести съ доски въ тетрадь окончанія второй пѣсни поэмы моей, а потому по неволѣ долженъ былъ выхаживать новые стихи; мыслей для третьей пѣсни не было.—и такъ, плодомъ комнатнаго моего путешествія оказалось посланіе къ матушкѣ.

23-го декабря 1832 г.

Жаль мнѣ, что я сегодня разбилъ трубку, которая служила мнѣ болѣе полугода; я привыкъ къ ней, любилъ ее; надо же любить что-нибудь!

26-го декабря.

Многіе осуждаютъ Лафатера, Юнга-Штиллинга и другихъ мистиковъ за то, что они вѣрили непосредственнымъ, видимымъ дѣйствіямъ Провидѣнія Божія, наставлявшаго ихъ, помогавшаго имъ въ ихъ частной жизни вещественными, такъ сказать, знаками, чудесами. Чтобъ знать, заслуживаютъ-ли мистики порицаніе своихъ противниковъ, надобно бы, чтобъ обстоятельства ихъ, ихъ характеръ и проч. были мнѣ нѣсколько болѣе извѣстными, чѣмъ теперь. Конечно, надменно полагать, чтобъ Всевышній нарушеніемъ своихъ вѣчныхъ законовъ сталъ помогать намъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ нашей мелкой, частной жизни. Но есть чудеса другаго рода: дѣйствія видимаго отеческаго попеченія Господа о нашемъ благѣ, такія дѣйствія, которыя до того кажутся естественными, что мы, слѣпцы неблагодарные, приписываемъ ихъ случаю; а между тѣмъ въ нихъ-то открылось бы для насъ милосердіе Божіе, чудесное, если бы мы только сами не закрывали глазъ своихъ. И я нѣсколько разъ въ жизни испытывалъ надъ собою такого рода чудеса и не полагаю, чтобы называть ихъ чудесами было гордостію или суевѣріемъ. Сегодня былъ со мною подобный случай (говорю случай, потому что въ свѣтѣ это назвали бы случаемъ). Осудивъ въ сердцѣ своемъ кое-кого изъ ближнихъ своихъ, быть можетъ, и не совершенно противъ меня правыхъ, я въ библіи искалъ притчу, которую въ умѣ своемъ къ нимъ приравнивалъ, въ книгѣ жизни я искалъ смертельнаго яда; — но вѣсто яду Отецъ мой небесный подалъ мнѣ горькое, но спасительное лекарство: не та притча, какой я искалъ, попалась мнѣ, а другая, совершенно приуроченная къ грѣху, въ который впалъ я, — притча о рабѣ, неуплатимо должномъ Господу своему и прощенномъ, а не хотѣвшемъ клевету своему простить ничтожнаго долга.

23-го декабря 1832 г.

На дняхъ я вынулъ изъ чемодана свои старые дневники; при окончаніи года недурно обозрѣть прошедшее. Сегодня прочелъ я дневникъ послѣднихъ чиселъ декабря 1831 года. Два или три мѣста поразили меня: 22-го числа я спрашиваю: „буду-ли живъ черезъ годъ и въ такомъ-ли я состояніи души, чтобъ могъ безъ страха подумать о другой жизни?“—а 29-го: „въ ситость мнѣ этотъ 1831 годъ, въ ситость и въ тягость такъ, какъ давно ни одинъ не былъ“. Первый вопросъ и теперь могу повторить: и нынѣ еще слишкомъ привязанъ къ землѣ; особенно слишкомъ дорожу своими стихотворными занятіями; положимъ, что самолюбіе меня не ослѣпляетъ, положимъ, что я въ самомъ дѣлѣ не безъ таланта, но, во-1-хъ, талантъ еще не есть несомнѣнная порука за то, что не забудутъ меня (особенно, когда всѣ внѣшнія обстоятельства, кажется, соединились для того, чтобъ подавить всякую надежду на будущую извѣстность); во 2-хъ, пусть и достигну своего желанія, пусть приобрету то, что чествятъ здѣсь на землѣ безсмертіемъ.—этотъ пустой, ничтожный самозванецъ, это безсмертіе, что въ сравненіи съ тѣмъ другимъ истиннымъ безсмертіемъ, къ которому я каждый день и часъ долженъ бы готовиться въ сей земной гостинницѣ?

Вторая отмѣтка должна нынѣ исполнить сердце мое живѣйшей благодарности къ Господу: нынѣшній годъ для меня былъ гораздо легче прошлаго; конечно, онъ былъ не безъ неприятностей, не безъ тяжелыхъ минутъ, однако же такихъ живыхъ, такихъ мучительныхъ страданій, какъ въ 1831 году, въ немъ для меня не было.

31-го декабря.

Пишу письма къ своимъ: за ними меня застанетъ и новый годъ.

IV.

1833 годъ.

Сны.—Кн. В. О. Одоевскій.—П. А. Катенинъ.—Историческія изслѣдованія Арцыбашева.—А. Писаревъ.—Оборона «Горя отъ ума».—Посланіе къ Д. Г. Глинкѣ.—Профессоръ Павловъ.—Стихотвореніе: «Любовь».

Январь—мартъ.

3-го января.

У меня сегодня были опять живые сны: между прочимъ, за какимъ-то обѣдомъ, гдѣ много было дамъ, я съ рюмкою въ рукѣ говорилъ похвальное слово прекрасному полу; когда проснулся, я еще помнилъ эту рѣчь во всѣхъ ея частяхъ и хотѣлъ было внести ее въ дневникъ, но теперь забылъ.

4-го января.

Наконецъ, у меня опять книги: съ удовольствіемъ прочелъ я Поединокъ Казановы съ Броницкимъ; пройдоха тутъ видѣнъ на каждой строкѣ, но пройдоха умный.

5-го января.

Получилъ письма отъ матушки, Сашеньки и тетеньки, да посылку: жаль мнѣ, что не могу исполнить просьбы добрыхъ моихъ племянницъ: онѣ прислали мнѣ вязанныя туфли своей собственной работы и хотятъ, чтобъ я ихъ носилъ, но туфли-то мнѣ маловаты.

6-го января.

Въ книжкахъ „Вѣстника Европы“ на 1822 годъ нѣсколько статей о нѣмецкой философіи въ духѣ совершенно противномъ тому, въ какомъ были прежнія Каченовскаго и его сотрудниковъ; но, признаюсь, и ими я не совсѣмъ доволенъ. Въ нихъ все слишкомъ молодо, не зрѣло. Конечно, 17-ти-лѣтнему Одоевскому онѣ приносятъ величайшую честь: мало юношей и постарѣе его, которые бы такъ писали и такъ успѣшно занимались предметами самыми отвлеченными; однако же ученичество все-таки кое-гдѣ проглядываетъ, напримѣръ, въ страсти сражаться съ вѣтранными мельницами, съ Баттэ и Эшенбургомъ, о которыхъ едва-ли еще кто помнилъ въ 1822 году. Таже молодость видна и въ пристрастіи къ мистическимъ формамъ, затиѣвающимъ только дѣло.

7-го января.

Міръ поэта—Катенина одно изъ самыхъ лучшихъ лирическихъ твореній, какія только имѣемъ на русскомъ языкѣ. Начало: о предметахъ поэтическихъ у евреевъ, потомъ переходъ отъ евреевъ къ грекамъ и окончаніе—необыкновенно хороши.

Слѣдующіе стихи безподобны:

И на крылахъ воображенья,
Какъ ластица, скиталца полей,
Летитъ душа, собирая наслажденія
Съ обильныхъ жатвъ давно минувшихъ дней:
Вѣтръ свѣжій вѣетъ отъ востока,
Отъ тучныхъ, счастливыхъ земель,
Гдѣ міра и людей святая колыбель.

Изображеніе Авраама прекрасно; столь же почти хорошо свиданіе Іосифа съ братьями. Эпизоду Руѣ я подражалъ, однако же безъ намѣренія, въ первой пѣсни своего Давида, а гдѣ Катенинъ говоритъ о Давидѣ, мы встрѣтились почти слово въ слово. Вотъ два стиха Катенина, которые у меня почти повторены:

«Царь, пастырь, воинъ и пѣвецъ,
Весь жпзни цвѣтъ собралъ въ себѣ единомъ».

Во второй половинѣ Промееей Эсхилловъ единственъ. Но лучше всего мнѣ нравится окончаніе; оно напоминаетъ окончаніе и Гетевой: „Euphrosyne“ и Шиллеровой „Прогулки“, но не есть имъ подражаніе. Стихи, каковы въ этомъ случаѣ:

«Нѣтъ, нѣтъ! въ лице ихъ узнаю

.
Я вижу, движется ихъ строй,
Ихъ очи смотря, грудь ихъ дышетъ....
Промолвите, герои древнихъ лѣтъ,
Да жадный слухъ вашъ гласъ услышитъ!
Хочу рукой моею коснуться васъ.... Ахъ, нѣтъ!
Нѣтъ ихъ, нѣтъ никого!.....

.
Вокругъ меня зари свѣтъ слабый льется,
Лицо горитъ, мретъ голосъ, сердце бьется
И слезы каплютъ изъ очей».

Такіе стихи являютъ поэта истинно восторженнаго, истинно изступленнаго: ихъ и лучшій подражатель никогда не напишетъ.

10-го января 1833 г.

Очень дѣльная статья Арцыбашева: „Два съѣзда князей“ (отрывокъ изъ Нестора). Какъ тутъ все живо и хорошо. Кажется, что все видишь: не лучше-ли это нашихъ такъ называемыхъ прагматическихъ исторій? Противу послѣднихъ очень умно вооружается и Сегюръ въ предисловіи къ своему сокращенію „Всеобщей Исторіи“.

Наконецъ попалась мнѣ статья довольно путная въ „Вѣстникѣ Европы“: Изъяславъ II или середина XII-го столѣтія въ Россіи, статья Арцыбашева. Это отдѣленіе нашей исторіи удачно въ послѣдствіи обработано Полевымъ, но я увѣренъ, что Арцыбашева трудъ ему былъ очень полезенъ.

11-го января.

Давно я не читалъ ничего Гофмана. Въ „Вѣстникѣ“ его повѣсть „Счастье игроковъ“, которой начало истинно мастерское. Подъ конецъ слишкомъ много происшествій; однако же они, быть можетъ, произвели бы сильное дѣйствіе, если бы были болѣе развиты, если бы были разсказаны не черезъ чуръ бѣгло и нѣсколько спутано.

Въ статьяхъ Одоевскаго я вездѣ узнаю своего любезнаго сотрудника ¹⁾: какъ все у него зелено! но изъ него могъ бы выйти человѣкъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, что онъ теперь творить? Неужто женитьба его совсѣмъ переродила и онъ ужъ совершенно сталъ

¹⁾ По изданію журнала «Мнемозина», въ 1823.

похожъ на тѣхъ, надъ которыми, бывало, такъ бѣдо и неосторожно смѣялся?

12-го января 1833 г.

Много въ „Вѣстникѣ“ на 1823 годъ статей Одоевскаго. Не изъ лучшихъ—„Дни досадъ“. Охота человѣку, не знающему людей, писать баррикатуры и называть ихъ людьми!

Посланіе Загосейна къ Людмилѣ принадлежитъ къ хорошимъ сатирамъ на русскомъ языкѣ, а число хорошихъ сатиръ у насъ не слишкомъ велико: въ немъ много vers à retenir.

Одно изъ послѣднихъ стихотвореній Капниста—„Въ память Береста“; оно прекрасно не по отдѣльнымъ разительнымъ стихамъ, которыхъ въ немъ вовсе нѣтъ, а по своему цѣлому и по подробностямъ въ самомъ вымыслѣ.

17-го января.

Перечитывая сегодня поутру начало третьей пѣсни своей поэмы,—я замѣтилъ въ механизмѣ стиховъ и въ слогѣ что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талантъ Пушкина, но, признаться, мнѣ бы не хотѣлось быть въ числѣ его подражателей. Впрочемъ, никакъ не могу понять отчего это сходство могло произойти: мы, кажется, шли съ 1820 года совершенно различными дорогами, онъ всегда выдавалъ себя (искренно ли или нѣтъ—это иное дѣло!) за приверженца школы такъ называемыхъ очистителей языка,—а я вотъ ужъ 12 лѣтъ служу въ дружинѣ славянъ подъ знаменами Шишкова, Катенина, Грибовдова, Шихматова.—Чуть-ли не стихи четырехстопные сбили меня: ихъ столько на пушкинскую статью, что невольно заговоришь языкомъ, который онъ и легіонъ его послѣдователей присвоили этому размѣру.

19-го января.

Съ понедѣльника (16-го числа) начались здѣсь жестокіе морозы, какихъ прошедшею зимою вовсе не было. Въ первый разъ въ бытность мою здѣсь льдомъ совершенно почти покрыло окно мое.

20-го января.

Читалъ я когда-то,—не помню ужъ въ какой книгѣ,—будто знающіе древніе языки потому только превозносятъ Гомера, Пиндара etc., что имъ стоило много труда изучить ихъ. Это мнѣніе, конечно, не стоитъ опроверженія. Замѣчу однако же, что напряженное вниманіе, нужное для того, чтобы понять писателя, употребляющаго языкъ, который не совершенно знаемъ, который изучаемъ, дѣйствительно иногда открываетъ намъ красоты, коихъ мы безъ того бы не замѣтили.

6*

Десять разъ, быть можетъ, на своемъ вѣку читалъ я 7-ю пѣснь Иліады и въ отличныхъ переводахъ, напримѣръ, въ Фоссовомъ:

«Hielt er (Ajax) unter die Hand, und hinein warf, pochend, der Herold».

28-го января.

А. Писаревъ былъ человѣкъ съ талантомъ. Если бы не кулисная жизнь и мелкія литературныя сплетни, онъ, статьяся можетъ, въ исторіи русской поэзіи оставилъ бы значительное имя:—но его погубили ранніе успѣхи, вскружившіе ему голову, заставившіе его слишкомъ много думать о себѣ, когда онъ на то никакого еще не приобрѣлъ права.

30-го января.

Перелагаю притчу Дмитрія Ростовскаго въ бѣлые ямбы. Началь 8-ю книгу Иліады.

5-го февраля 1833 г.

„The Marchant of Venice“—безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ лучшихъ твореній Шекспира. Послѣднія два дѣйствія превосходны; пятое люблю я еще болѣе четвертаго, хотя и чувствую, что для созданія четвертаго нужно было большее усиліе дарованія, нежели для пятаго. Музыкальное начало послѣдняго (въ Шиллеровомъ значеніи этого слова) необыкновенно удачно противопоставлено пластикѣ четвертаго дѣйствія: въ одномъ—день, движеніе, блескъ, страсти, ужасъ, жалость. все живо, все рѣзко; въ другомъ—ночь, полусвѣтъ, тишина, фантазія, вѣга, роскошь, все чуть отгѣнено, неопредѣленно, сладостно.

7-го февраля.

Нападки М. Дмитріева и его клеветовъ на „Горе отъ ума“ совершенно показываютъ степень ихъ просвѣщенія, познаній и понятій. Степень эта истинно не завидная. Но пусть, они въ этомъ не виноваты: есть, однако же, въ ихъ статьяхъ такія вещи, за которыя ихъ можно бы обвинить передъ такимъ судомъ, котораго никакой писатель, съ талантомъ-ли, или безъ таланта, съ обширными свѣдѣніями или нѣтъ, не долженъ терять изъ виду,—говорю о судѣ чести. Предательскія похвалы удачнымъ портретамъ въ комедіи Грибоѣдова—грѣхъ гораздо тяжчайшій, чѣмъ ихъ придирки и умничанья. Очень понимаю, что они хотѣли сказать, но знаю (и знать это я очень могу, потому что Грибоѣдовъ писалъ „Горе отъ ума“ почти при мнѣ, по крайней мѣрѣ, мнѣ первому читалъ каждое отдѣльное явленіе непосредственно послѣ того, какъ оно было написано), знаю, что поэтъ никогда не былъ намѣренъ писать подобные портреты: его прекрасная душа была выше такихъ мелочей. Впрочемъ, qui se sent galent qu'il se gratte! Завтра напишу нѣсколько замѣчаній объ этой

комедіи: она, конечно, имѣетъ недостатки (все человѣческое подвержено этому жребію), однако же вовсе не тѣ, какіе г. Дмитриевъ изволить въ ней видѣть, и вопреки своимъ недостаткамъ, она чуть-ли ни останется лучшимъ цвѣткомъ нашей поэзіи отъ Ломоносова до извѣстнаго мнѣ времени.

8-го февраля 1833 г.

„Нѣтъ дѣйствія въ „Горе отъ ума“! говорятъ гг. Дмитриевъ. Вѣдунгъ и братія. Не стану утверждать, что это несправедливо, хотя и не трудно было бы доказать, что въ этой комедіи гораздо болѣе дѣйствія или движенія, чѣмъ въ большей части тѣхъ комедій, которыхъ вся занимательность основана на завязкѣ. Въ „Горе отъ ума“, точно, вся завязка состоитъ въ противоположности Чацкаго прочимъ лицамъ; тутъ, точно, нѣтъ никакихъ намѣреній, которыхъ одни желаютъ достигнуть, которымъ другіе противятся, нѣтъ борьбы выгодъ, нѣтъ того, что въ драматургіи называется интригою. Данъ Чацкій, даны прочіе характеры, они сведены вмѣстѣ, и показано, какова непременно должна быть встрѣча этихъ антиподовъ,—и только. Это очень просто, но въ сей-то именно простотѣ—новость, смѣлость, величіе того поэтического соображенія, котораго не поняли ни противники Грибоѣдова, ни его неловкіе защитники. Другой упрекъ касается неправильностей, небрежностей слога Грибоѣдова, и онъ столь же мало основателенъ. Ни слова уже о томъ, что не гг. Писаревымъ, Дмитриевымъ и подобнымъ молодцамъ было говорить о неправильностяхъ, потому что у нихъ едва-ли гдѣ найдется и 20 стиховъ сряду безъ самыхъ грубыхъ ошибокъ грамматическихъ, логическихъ, риторическихъ. словомъ, какихъ угодно. Но что такое неправильности слога Грибоѣдова? (кромя нѣкоторыхъ и то очень рѣдкихъ исключеній). Съ одной стороны опущенія союзовъ, сокращенія, подразумѣванія, съ другой плеоназмы,—словомъ. именно то, чѣмъ разговорный языкъ отличается отъ книжнаго. Ни Дмитриеву, ни Писареву, ни Шаховскому и Хмельницкому (за ихъ хорошо написанныя сцены), но автору 1-й главы Онѣгина¹⁾, Грибоѣдовъ могъ бы сказать тоже, что какому-то философу, давнему переселенцу, но все же не аѳинянину,—сказала аѳинская торговка: „вы иностранцы“. — „А почему?“ — „Вы говорите слишкомъ правильно; у васъ нѣтъ тѣхъ мнимыхъ неправильностей, тѣхъ оборотовъ и выраженій, безъ которыхъ живой разговорный языкъ не можетъ обойтись, но о которыхъ молчатъ ваши грамматики и риторики“.

¹⁾ Въ послѣдствіи Пушкинъ очень хорошо позналъ тайну языка Грибоѣдова и ею воспользовался. В. К.

11-го февраля 1833 г.

Статьи Арцыбашева должны быть очень полезны для отечественной исторіи. Въ „Вѣстникѣ“ 1825 года заслуживаютъ вниманія слѣдующія: „Униженіе Кіева“ и „Мятежи въ великомъ княжествѣ Владимірскомъ“. Ужасна смерть Андрея Боголюбскаго, такъ ужасна, что, кажется, тутъ и для трагедіи невозможно найти ничего такого, чтобы не возмущало сердца самымъ не поэтическимъ образомъ.

13-го февраля.

Покойный Черевинъ былъ человѣкъ истинно достойный; у насъ были общіе знакомые и пріатели (Нечаевъ, Пушкинъ и другіе), однако же мнѣ не удалось съ нимъ лично познакомиться. Напечатанная уже по смерти Черевина его статья: „О преподаваніи исторіи дѣтямъ“ заслуживаетъ, чтобы ее перевели и на иностранныя языки; она у насъ рѣдкое явленіе; тутъ русскій мыслящій писатель говоритъ истинное и при томъ новое, новое не для однихъ русскихъ. „Я называю“, говоритъ Черевинъ, „сокращенныя исторіи, исторіи для дѣтей нелѣпостью“. Въ этомъ я совершенно съ нимъ согласенъ, согласенъ также съ его мнѣніемъ о предметахъ, какими при первоначальномъ ученіи надлежало бы замѣнить совершенно бесполезный, даже вредный курсъ исторіи, будто бы приспособленный къ понятіямъ ребенка.

16-го февраля.

Хочу послать племяннику Дмитрію ¹⁾ свое переложеніе притчи св. Дмитрія. Вотъ нѣсколько стиховъ, которые, такъ сказать, должны служить введеніемъ къ оному:

Племяннику, Д. Г. Глинкѣ, при пересылкѣ притчи св. Дмитрія.

Ты далеко отъ насъ, въ странѣ чужой,
Ты тамъ, гдѣ въ старину король морской ²⁾,
Бывало, спустить въ пѣнистыя волны
Коней пучины, дерзостныя челны,
И отплыть съ дружиной удалой
Въ сѣдую даль, на славу и разбой.
Ты тамъ, гдѣ голосъ скальдовъ вдохновенныхъ
И вѣщій строй полночныхъ арфъ гремѣлъ,
И юный витязь трепеталъ, влилъ
Отъ пламенныхъ стиховъ пѣвцовъ священныхъ
И въ дождь бросался кровожадныхъ стрѣлъ;

¹⁾ Дмитрій Григорьевичъ Глинка, нынѣ русскій посолъ при Лиссабонскомъ дворѣ, писатель и ученый. Ред.

²⁾ Королями морскими—викингами назывались вожди нормандскихъ удалцевъ, опустошавшихъ приморья Европы съ IX по XIII столѣтіе. Они обыкновенно были младшіе братья королей. В. К.

Въ отчизнѣ ты и цѣпей, и отваги,
 Въ землѣ Одена, Бальдера и Браги,
 Въ землѣ, которой чудодѣйный духъ
 Великаго очаровалъ поэта,
 И онъ склонилъ къ ея преданьямъ слухъ
 И завѣщалъ безсмертію Гамлета.

Но Русь святую помнишь ты и тамъ,
 Ты вѣренъ всюду и всегда друзьямъ.
 Нѣтъ! праведника мудрое сказанье
 Смиреннаго, чье имя носишь ты,
 Не объ отечествѣ напоминае—
 Однѣмъ залогъ любви сѣмъ чергъ!
 Прими же притчу! я обрѣлъ отраду,
 Души богазнямъ въ ней обрѣлъ цѣльбу:
 Да будетъ и тебѣ она въ усладу!
 Благословляю Вышняго судьбу:
 Стоишь, какъ пальма, въ красотѣ могущей,
 Ты твердъ и свѣтелъ въ юности цвѣтущей,
 Надежды полнъ, и доблестенъ, и смѣлъ....
 Дай Богъ тебѣ безбурныхъ дней предѣлъ!
 Но не поднять завѣсы съ тьмы грядущей,
 Земля—юдоль искуса, а не рай:
 И ты, мой другъ, ненастья ожидай,
 Лишь не забудь: и радость, и страданье—
 Одной отеческой руки даанье.

17-го февраля.

Жаль, что Московскій университетъ истинно гениальнаго Павлова заставилъ читать „Сельское хозяйство“; это почти тоже, что Ахиллесу приказать быть хлѣбопекомъ или Платону танцмейстеромъ. Въ моей „Мнемозинѣ“ одна изъ лучшихъ статей—первая въ 4-й части—его же, Павлова: по моему мнѣнію, онъ чуть-ли не самый умный, самый лучший послѣдователь Шеллинга изъ нашихъ соотечественниковъ. Не только Одоевскому, но, кажется, и П. Давыдову далеко до него. Я съ нимъ былъ знакомъ еще въ Берлинѣ: тогда онъ въ полномъ смыслѣ былъ еще нѣмецкимъ студентомъ,—боекъ, уменъ, burschikos, молодець. Потомъ меня забавляли его смѣшныя отмѣтки въ записныхъ тетрадяхъ, какія хранятся для путешественниковъ въ примѣчательныхъ мѣстахъ такъ называемой Саксонской Швейцаріи. Наконецъ, я съ нимъ свидѣлся опять ужъ въ Москвѣ при публичномъ чтеніи общества любителей русской словесности. Тутъ я въ немъ замѣтилъ какую-то робость, унылость, застѣнчивость, которая ясно показывали, что онъ не слишкомъ доволенъ своимъ положеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, каково читать Сельское хозяйство тому, кто предполагалъ, что получить каѳедру философіи,—каѳедру, боей былъ бы онъ истиннымъ украшеніемъ!

18-го февраля 1833 г.

Кончилъ 8-ю книгу Илиады: это значитъ, что я ужъ прочелъ третью долю всей поэмы. Объ успѣхахъ же своихъ могу судить по сему: въ два часа съ небольшимъ разобралъ я сегодня около 150 стиховъ.

19-го февраля.

Всякій разъ, когда читаю что-нибудь Мерзлякова, во мнѣ рождается чувство сожалѣнія къ этому человѣку съ истиннымъ дарованіемъ, погибшимъ отъ обстоятельствъ и недостаточнаго образованія. Въ его одѣ „Трудъ“ между множествомъ стиховъ, до смысла коихъ трудно добраться, есть также и такія, которые служатъ сильнымъ доказательствомъ, что ему, точно, было знакомо вдохновеніе.

27-го февраля.

Рѣдко случается или, лучше сказать, рѣдко удается намъ замѣтить, чтобы была связь между сномъ, который видимъ, и другимъ, видѣннымъ нами давно. Это было со мною сегодня: я во снѣ вспомнилъ другой, давно ужъ забытый. Если такія воспоминанія бываютъ чаще, чѣмъ мы замѣчаемъ (въ чемъ я почти увѣренъ), нельзя-ли изъ того вывести заключенія, что дѣятельность нашей души во снѣ имѣетъ гораздо болѣе существеннаго, нежели обыкновенно предполагаютъ? А если это такъ, сколько тутъ открывается предметовъ для размышленія; сколько представляется сравненій сна съ бодрствованіемъ, сравненій такихъ, которыя съ перваго взгляду не слышномъ клонятся въ пользу дѣйствительной жизни, однако же при болѣшемъ вниманіи открываютъ для сердца вѣрующаго богатый источникъ надеждъ и упованій.

6-го марта.

Примѣчательный день: былъ у меня въ первый разъ молодой пасторъ, имя ему Савеніусъ. Получилъ я отъ него рейнгардовы проповѣди. Такимъ образомъ я въ эти послѣдніе два года познакомлюсь съ тремя лучшими, можетъ быть, нѣмецкими проповѣдниками: Дрезеке, Чирнеромъ и Рейнгардомъ¹⁾.

16-го марта.

Любопытна статейка самаго Каченовскаго въ „Вѣстникѣ Европы“: „О старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ“; особенно что онъ говоритъ о скотѣ, скотницѣ въ смыслѣ 24-й части гривны. Онъ это слово производитъ отъ шведскаго skatt, skott и отвергаетъ мнѣніе Карамзина, что монета получила названіе отъ скота въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова. Признаю сродство между шведскимъ словомъ

¹⁾ О первыхъ двухъ говорилось въ утраченныхъ тетрадахъ моего дневника.

skatt, skott, итальянскимъ scudi, варварскимъ латинскимъ scotus и нашимъ: но почему же не полагать, что народы западные заняли свое названіе монетъ у славянъ?

20-го марта 1833 г.

Нынѣшній день — день рожденія матушки — я освятилъ окончаніемъ 5-й пѣсни своей поэмы и окончаніемъ чтенія 9-й книги Псалты.

24-го марта.

Къ младшей сестрѣ посылаю стихи: „Любовь“, основанные на 13-й главѣ посланія 1-го св. Павла къ Коринтоянамъ. Эту главу я зналъ наизусть, но, было, забылъ; теперь опять вытвердилъ.

Любовь.

Высокая сила дана человѣку:
 Пусть вѣкъ его малъ, и рождается слабъ,
 И бури съ рожденья грозятъ его вѣку,
 Пусть онъ и страданья и тлѣнія рабъ;
 Но мысль его, искра чудесная,
 Влеститъ и во мракъ земномъ;
 Душа его—гостя небесная:
 Не вѣчно же прахъ ему домъ.

По тѣлу былинки,—и чтожь? дерзновенный.
 Свѣтила и солнца владеть на вѣсы,
 И слышать бѣненіе сердца вселенной,
 Гармонію звѣздъ, міровые часы.
 Поютъ пѣснопѣвцы потоками
 Увидшія души племень,
 Предъ полными Бога пророками
 Спадаетъ завѣса времянь.

Таъ! дивна же данная смертному сила,
 Но сонъ его дни: и вождя, и царя,
 И мудраго—всѣхъ ожидаетъ могила:
 Увидѣла гордаго славой заря;
 Луна же, со свода туманнаго,
 Сребра вертоградъ земли,
 Узрѣла его бездыханнаго;
 Заутра слѣда не нашли.

Пусть каждая мнѣ покорится стихія,
 И каждого знаю народа языкъ,
 И скажутъ: «онъ ангелу равный влгнѣ»,
 И всѣхъ превзойду могою владыкѣ,
 Пусть будутъ мнѣ книгой открытою
 Дѣла нерожденнаго дѣя;
 Но бездной пожрусь же несытою.
 Но гробъ же поглотить меня.

Потребно единое въ области свѣта,
 Въ той области, гдѣ Судія возсѣдитъ,
 Гдѣ будетъ не въ тѣло земное одѣта,
 Куда, все покинувъ, душа воспаритъ:
 Любовь!—Безъ любви оживляющей
 Я только звенящій вимвалъ,
 Тотъ звукъ, что подъ дланью играющей
 Трепещущій бубень издастъ.

Пной не падитъ ни трудовъ, ни сокровищъ,
 И служить убогому, жертвуя всѣмъ,
 Безстрашенъ и твердъ, и летитъ на чудовищъ,
 Въ мученіи пламени крѣпокъ и нѣмъ;
 Дымяся геройскою кровію,
 Земля да прославитъ его;—
 Но, если влекошь не любовію,
 Предъ Господомъ онъ—ничего.

Хотя бы и силой владѣлъ чудотворной,
 И молвилъ бы, вѣры божественной полнъ,
 Горѣ, его грозному зову покорной:
 «Повергнися въ лоно бездонное волн!»
 Качая главою лѣсистую,
 Та двинется въ море,—но самъ,
 Объятъ не любовію чистою,
 Творца-ли предстанеть очамъ?

Обиды любовь, милосердая, сносить,
 Любви не смутятъ и навѣты вражды,
 Любовь похвалы за даанье не проситъ
 И стона не ждетъ и моленья нужды;
 Себѣ же не ищетъ и праваго,
 Не хочетъ и злобному зла,
 Не мыслитъ во вѣки лукаваго,
 Всегда, какъ зеркало, свѣтла.

Сворбитъ о неправдѣ, но въ чистую радость—
 Священная, вѣчная истина ей;
 Грѣхъ покрываетъ и горечь за сладость,
 Враговъ же готова считать за друзей;
 Все ею пріемлется съ вѣрою,
 На чемъ только блага печать:
 Злодѣйству же равною мѣрою
 Любви-ли возможно воздать?

Какъ дымъ или сиящаго мужа мечтанья,
 Какъ облака легкаго быстрый полетъ,
 Такъ пышность, и сила, и мудрость, и знанія,
 Все брѣнное въ день разрѣшенья минеть—
 Настанетъ одно совершенное,

Любовь воцарится одна;
 Вожатый въ жилище блаженное,
 Предстатель за грѣшныхъ—она!

Тебѣ подобаетъ Единному слава,
 О, Сынъ Всемогущаго, бездна любви,
 Ты, коего вѣчны и власть и держава!
 Распятый! Тебѣ я молюсь: обновь
 Любви воскрешающей пламенемъ
 Остывшее сердце во мнѣ!
 Да буду не льдомъ и не каменемъ,
 Да буду Твоимъ въ той странѣ!

27-го марта.

Въ началѣ своего заточенія я выучилъ наизусть нѣсколько мѣстъ Священнаго Писанія, но потомъ позабылъ. Хочу ихъ постепенно возобновить въ своей памяти: на прошедшей недѣлѣ вытвердилъ и начало 13-й главы I-го Посланія къ Коринтянамъ, а потомъ 2-ю главу Иисуса сына Сирахова.

29-го марта 1833 г.

Вчера и сегодня я прочелъ еще 24 главы пророка Іезекииля. Изложеніе его до чрезвычайности живописно; 14-ти первымъ стихамъ 37-й главы никогда не перестану удивляться! они выше всего того, что встрѣчается подобнаго у свѣтскихъ писателей: нѣсколько крупиць съ трапезы Іезекиилевой довольно было, чтобы Шиллеровъ знаменитый разговоръ Франца Мора и старика Даніила превратить въ богатое, роскошное пиршество для изумленнаго воображенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

Письмо очевидца о его кончинѣ.

5-го февраля 1837 г.

Вижу изъ твоего нынѣшняго письма и изъ твоихъ впечатлѣній, что Тургеневъ передалъ тебѣ не полный отчетъ о послѣднихъ дняхъ Пушкина. Впрочемъ, оно не могло быть иначе. Тургеневъ не былъ безотлучно при немъ днемъ и ночью, подобно мнѣ. Жуковскому, Вильгорскому. Постараюсь пополнить рассказъ его.

Первое слово его женѣ, когда внесли его въ комнату раненаго и положили на диванъ, было слѣдующее:

— Какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня! Будь покойна: ты невиновата, я знаю, что ты невиновата.

Между тѣмъ онъ скрывалъ отъ нея опасность раны своей, которую докторъ, по его требованію, откровенно объявилъ ему смертельною.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ тутъ Шольцу, который первый изъ докторовъ видѣлъ его (на мѣстѣ поединка доктора не было, и впрочемъ, по существу раны, имъ полученной, докторъ былъ бы бесполезенъ),— что вы сказали мнѣ правду, какъ честный человѣкъ: теперь займусь дѣлами моими.

Всборѣ послѣ того пріѣхалъ Арендтъ и подтвердилъ ему мнѣніе перваго доктора о безнадежности положенія его и смертельности раны, имъ полученной. Разставаясь съ нимъ, Арендтъ сказалъ ему:

— Ёду къ государю, не прикажете-ли что сказать ему?

— Скажите, отвѣчалъ Пушкинъ, что умираю и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса (братъ московскаго, бывшій лицейскимъ товарищемъ, вѣрнымъ другомъ въ жизни и по смерти, и за часъ до поединка попавшійся ему на улицѣ и взятый въ секунданты).

Ночью возвратился къ нему Арендтъ и привезъ ему для прочтенія собственноручную записку, карандашомъ написанную государемъ,

почти въ такихъ словахъ: „Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки“.

Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами и убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но государь велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратить.

— „Скажите государю,—говорилъ Пушкинъ Арендту,—что жалѣю о потерѣ жизни, потому что не могу изъяснить ему мою благодарность, что я былъ бы весь его“.

Эти слова слышаны мною и врѣзалпсь въ память и сердце мое по чувству, съ коимъ они были произнесены.

Пришелъ священникъ, исповѣдалъ и причастилъ его. Священникъ говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ *esprit fort*, по крайней мѣрѣ, не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей; напротивъ, онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать евангеліе, былъ проникнутъ красотой многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ.

Жену призывалъ онъ часто, но не позволялъ ей быть безотлучно при себѣ, а ее увѣрялъ онъ, что раненъ въ ногу и доктора, по требованію его, въ томъ же ее удостовѣрили. Когда мучительная боль вырывала невольнo крики изъ груди его, отъ которыхъ онъ по возможности удерживался, зажимая ротъ свой, онъ всегда прибавлялъ:

— Бѣдная жена! бѣдная жена!—и посылалъ докторовъ успокоивать ее.

Въ эти два дня онъ только и начиналъ говорить, что о ней и о государѣ. Ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного холоднаго, черстваго слова не слышали мы. Если онъ и просилъ докторовъ не заботиться о продолженіи жизни его, дать ему умереть скорѣе, то единственно отъ того, что онъ зналъ о неминуемости смерти своей и терпѣлъ лютейшія мученія. Арендтъ, который видѣлъ много смертей на вѣку своемъ и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ со слезами на глазахъ отъ постели его и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго, такого терпѣнія при такихъ страданіяхъ. Еще сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ Арендтъ замѣчательное и прекрасное утѣшительное слово объ этомъ несчастномъ приключеніи:

— Для Пушкина жалъ, что онъ не былъ убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы; но для чести жены его—это счастье, что

онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ.

Эти слова въ устахъ Арендта, который не имѣлъ никакой личной связи съ Пушкинымъ и былъ при немъ, какъ былъ бы онъ при каждомъ другомъ въ томъ же положеніи, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его разсѣянность, его привычку къ подобнымъ сценамъ, чтобы понять всю силу его впечатлѣнія. Стало быть, видимое имъ было такъ убѣдительно, такъ поразительно и полно истины, что пробудило и его вниманіе и имъ овладѣло.

— Простилъ-ли царь моего Данзаса? спросилъ Пушкинъ у Арендта, — и на довольно успокоительный отвѣтъ его изъявилъ снова преданность и благодарность къ государю.

Кажется, Вельегорскому сказалъ онъ однажды: „жду Арендта и царскаго слова, чтобы умереть спокойно“.

Ожесточенія (?) къ жизни въ немъ вовсе не было. Онъ желалъ смерти, какъ конца мученій, и, отчаяваясь въ жизни, не хотѣлъ продолжать ее насильственно бесполезными мѣрами и новыми мученіями. Но на другой день, когда сдѣлалось ему получше, и замѣтилъ онъ, что и доктора поободрились, и онъ сдѣлался податливымъ къ надеждѣ, слушался докторовъ, самъ приставлялъ себѣ своеручно пѣявицы, принималъ лекарства, и когда доктора обѣщали ему хорошія послѣдствія отъ лекарствъ, онъ отвѣчалъ имъ:

— Дай Богъ, дай Богъ!

Но этотъ оборотъ къ лучшему былъ непродолжителенъ и онъ вновь убѣдился въ неминуемости близкой кончины, и ожидалъ ее спокойно, наблюдая ходъ ея, какъ въ постороннемъ человѣкѣ, щупалъ пульсъ свой и говорилъ:

— Вотъ смерть идетъ“. — Спрашивалъ: „въ которомъ часу, полагаютъ Арендтъ, что онъ долженъ умереть?“ и изъявлялъ желаніе, чтобы предсказаніе Арендта сбылось въ тотъ же день. Прощаясь съ дѣтьми, перекрестилъ онъ ихъ. Съ женою прощался нѣсколько разъ и всегда говорилъ ей съ нѣжностью и любовью. Съ нами прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но съ духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. У меня крѣпко пожалъ онъ руку и сказалъ:

— Прости, будь счастливъ.

Пожелалъ онъ видѣть Карамзину. Мы за нею послали. Прощаясь съ нею, просилъ онъ ее перекрестить его, что она и исполнила. Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Гекерену, спросилъ его: не поручить-ли онъ ему чего-нибудь, въ случаѣ смерти, касательно Гекерена?

— Требую, отвѣчалъ онъ ему, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианиномъ.

Вотъ все, что на эту минуту могу припомнить изъ всего того, что мы видѣли. Ручаюсь совѣстью, что нѣтъ тутъ лишняго слова и никакого преувеличенія. Напротивъ, вѣроятно, многого нѣтъ. Собираемъ теперь, что каждый изъ насъ видѣлъ и слышалъ, чтобы составить полное описаніе, засвидѣтельствованное нами и докторами. Пушкинъ принадлежитъ не однимъ близкимъ и друзьямъ, но и отечеству, и исторіи. Надобно, чтобы память о немъ сохранилась въ чистотѣ и плѣности истины. Но изъ сказаннаго здѣсь мною ты можешь видѣть, въ какихъ чувствахъ, въ какомъ расположеніи ума и сердца своего кончилъ жизнь Пушкинъ. Дай Богъ намъ каждому подобную кончину! О томъ, что было причиною этой кровавой и страшной развязки—говорить много нечего. Многое осталось въ этомъ дѣлѣ темнымъ и таинственнымъ для насъ самихъ. Довольно намъ имѣть твердое, задушевное убѣжденіе, что жена Пушкина непорочна и что мужъ ея жилъ и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ, что любовь и ласковость къ ней не измѣнились въ немъ ни на минуту.

Пушкина въ гробъ положили и зарѣзали жену его городскія сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургскихъ салоновъ, безыменныя письма. Пылкая, страстная душа его, африканская кровь, не могли вытерпѣть раздраженія, произведеннаго сомнѣніями и подозрѣніями общества.

— „Il y a deux espèces de cocus, — говорилъ онъ д'Аршіаку, секунданту Гекерена, за часъ до поединка, — ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir: le cas de ceux qui le sont par la grâce du public, est plus embarrassant et c'est le mien“.

Когда д'Аршіакъ требовалъ секунданта отъ Пушкина для переговоровъ о причинахъ поединка, онъ письменно отвѣчалъ ему:

— „Je ne me soucie pas de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes secrets de famille. Je ne consens à aucun pour parler entre les témoins“.

Послѣ пришлю я тебѣ всѣ письма, относящіяся до этого дѣла. Покажи, пожалуйста, мое письмо Ив. Ив. Дмитріеву и Сонцову, или, лучше, дай имъ копію съ него и вообще показывай письмо всѣмъ, кому заблагоразсудишь. Повторяю, все въ немъ сказанное есть сущая, но развѣ неполная истина.

Скажи Сергѣю Львовичу (отцу поэта), что Наталья Николаевна (жена поэта) очень слаба, о горести ея и говорить нечего. Она тотчасъ просила меня написать ему о случившемся несчастіи, но, право, я ни духа, ни силы физической писать не имѣлъ. Наталья Нико-

лаевна ожидаетъ брата старшаго изъ Калужской губерніи, и поѣдетъ съ нимъ и съ семействомъ своимъ тотчасъ въ Калужскую губернію. Скажи ему, что всѣ порядочные люди, начиная отъ царской фамиліи, пріемлютъ въ ней живѣйшее участіе. убѣждены въ ея невинности, и признаютъ всю эту бѣдственную исторію какимъ-то фаталитетомъ, который невозможно объяснить и невозможно было предупредить. Анонимныя письма причина всего: они облили горячимъ ядомъ раздражительное сердце Пушкина: ему съ той поры нужна была кровавая развязка.

Пожалуйста дай и мнѣ копію съ письма моего, чтобы сохранить его въ памяти. Прочти Владиміру Пушкину, и, если можешь отыскать, Павлу Воиновичу Нащокину, другу покойнаго Пушкина.

А. И. Тургеневъ отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ, для погребенія, въ монастырь Святныя горы, Псковской губерніи, близъ деревни Пушкина. Не до смѣха было, а нельзя было намъ воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожные.

Примѣчаніе. Кѣмъ и въ кому писано это письмо, попадающее намъ во многихъ спискахъ и почему оно до сихъ поръ, сколько помнимъ, не было еще напечатано,—мы не знаемъ. Несомнѣнно однако, что документъ этотъ имѣетъ общій интересъ и значеніе для біографіи Пушкина, такъ какъ въ немъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія, не находящіеся въ извѣстныхъ разсказахъ Жуковскаго. Дала. Спасаго п друг. лицъ о послѣднихъ дняхъ жизни великаго поэта.

Ред.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ОДОЕВСКОЙ.

1804 — 1839.

Въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 571—579, напечатано нѣсколько стихотвореній даровитаго поэта А. И. Одоевского, столь преждевременно скончавшагося на Кавказѣ вскорѣ послѣ гибели Пушкина и незадолго до таковой же судьбы своего друга Лермонтова.

Помѣщаемъ здѣсь еще одно стихотвореніе того же поэта, А. И. Одоевского, къ его отцу, съ которымъ онъ былъ связанъ самою нѣжною любовью и дружбою; хотя посланіе это и было напечатано („От. Зап.“ 1841 г., № 7; въ „Сборн. для легкаго чтенія“ 1856 г. т. III, и въ „Собр. стихотвореній“ изд. 1862 г., въ Лейпцигѣ), но съ ошибками. Мы печатаемъ его по подлинной рукописи автора, сохранившейся въ бумагахъ покойнаго генерала С. П. Лепарскаго. Достойно замѣчанія, что стихотвореніе это весьма распространено и еще недавно крестьянинъ И. Самсоновъ прислалъ намъ одинъ изъ списковъ этого посланія.

Ред.

Какъ недвижны волны горь,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ,
Непроницаемою гранью!
За ними, — полный жизни міръ,
А здѣсь я одинокъ и сирь, —
Отдалъ всю жизнь воспоминаю!

* *

Всю жизнь... Остатокъ прежнихъ силъ
Теперь въ одно я чувство слилъ —
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный.
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

* *

*

Проснется-ль темный сводъ небесъ,
 И загорится-ль дальній гѣсъ,
 И золотой зашепчетъ колосъ,
 Въ лунѣ,—въ туманной выси горъ,
 Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
 Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

* *

Когда-жъ объ отчій твой порогъ
 Пыль чуждую съ изсохшихъ ногъ
 Страхнетъ твой первенецъ-изгнанникъ,—
 Взойдетъ — растаетъ весь въ любовь,
 И небо въ душу приметъ вновь,
 И на землѣ не будетъ странникъ?.....

* *

Нѣтъ! Не входить мнѣ въ отчій домъ,
 И не молиться мнѣ съ отцемъ
 Предъ домашнею иконою,
 Не утѣшать его сѣдницъ,
 Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ,
 Его младенцамъ обороной.

* *

Меня въ чужбину вихрь умчалъ
 И бросилъ на девятой валь
 Мой челнъ, скользливый безъ кормла
 Очнулся я въ степи глухой,
 Гдѣ мнѣ, не кровною рукой,
 Но вьюгой вырыта могила.

* *

Съ тѣхъ поръ, засвѣтитъ-ли зоря,
 Молю я — солнышко царя
 И вашу свѣтлую царичу:
 Меня — о солнце, воскреси.
 И дай мнѣ на святой Руси
 Увидѣть хоть одну денницу.

* *

Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
 Игралище безумныхъ воляъ,
 На океанъ твоей державы.
 Съ небесъ мнѣ кроткой лучъ пролей,
 И грѣшной юности моей
 Не помяни ты въ царствѣ славы.

(Сибирь).

А. Одоевской.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

I.

Гоголь въ своихъ письмахъ.

1820 — 1842.

Внутренно я не измѣнился никогда.

(Письмо къ С. Т. Аксакову).

Человѣкъ большой плутъ.

(Письмо къ г-жѣ Смирновой).

Есть во мнѣ что-то хлестаговское.

(Письмо къ Жуковскому).

Письма нашего великаго писателя, занимающія, какъ извѣстно, въ изданіи П. А. Кулиша цѣлыхъ два тома (508 и 554 стр. большаго формата), все еще пополняются вновь доставляемыми его друзьями въ редакціи нашихъ историко-литературныхъ журналовъ-сборниковъ.

П. А. Кулишъ заявилъ въ своемъ изданіи, что „нѣкоторыя письма погибли невозвратно; другихъ издатель не имѣлъ возможности собрать; многія изъ собранныхъ печатать еще рано“. Быть можетъ, г. Кулишъ нашелъ бы, что и теперь еще рано печатать нѣкоторыя изъ тѣхъ писемъ, которыя читатель прочтетъ на страницахъ „Русской Старины“, получившей ихъ отъ сына покойнаго Ст. Петр. Шевырева, Бориса Степановича. Другимъ же можетъ, наоборотъ, казаться, что пора бы пополнить и тѣ пропуски и сокращенія, которыя такъ часто попадаются въ письмахъ, напечатанныхъ г. Кулишомъ, едва-ли не руководившимся при этихъ пропускахъ, между прочимъ, и своими панегиристическими отношеніями къ Гоголю. Такія отношенія къ знаменитымъ писателямъ все еще не выходятъ у насъ изъ употребленія, какъ одно изъ уродливыхъ проявленій нашего такъ-называемаго „патріотизма“. Такія отношенія особенно поражаютъ въ томъ случаѣ, когда рядомъ съ ними встрѣчаешь самыя скороспѣло-смѣлыя прини-

7*

зительныя сужденія вообще о своемъ народѣ. Видно, мы все еще не можемъ совершенно сойти съ точки зрѣнія прошлаго вѣка—съ его презрительнымъ поглядываньемъ на массу, при чисто-рабскомъ почитаніи великихъ людей.

Редакція „Русской Старины“ предложила мнѣ просмотрѣть доставленныя ей письма Гоголя и приложить къ нимъ мою замѣтку. Хотя письма эти писаны, главнымъ образомъ, къ одному лицу (Ст. Петр. Шевыреву; кромѣ того, только одно къ Языкову и одно къ П. А. Плетневу) и относятся, за исключеніемъ одного, ко второму періоду жизни Гоголя (съ 1842 г.) я счелъ нужнымъ разсмотрѣть ихъ въ связи со всѣми прежде извѣстными письмами не только этого послѣдняго, но и перваго періода его жизни. Уже А. Н. Пыпинъ въ своей характеристикѣ Гоголя указалъ на то, что оба періода самымъ непосредственнымъ образомъ между собою связаны, такъ что въ сущности въ Гоголѣ вовсе не произошло того крутаго перелома, о которомъ такъ много у насъ говорили. Но, указавъ на существованіе въ Гоголѣ уже издавна возможности тѣхъ сторонъ его міровоззрѣнія и характера, которыя окончателно выступили наружу со времени его „Переписки съ друзьями“, А. Н. Пыпинъ объяснялъ это преимущественно умственною несостоятельностью Гоголя, а эту послѣднюю—невысокимъ умственнымъ уровнемъ той общественно-литературной среды, въ которой онъ вращался. Разсмотрѣвъ выдающіяся черты прежде извѣстныхъ писемъ Гоголя въ связи съ тѣми, которыя печатаются теперь, я надѣюсь вмѣстѣ съ тѣмъ высказать свои усиленныя замѣчанія на взглядъ г. Пыпина, которому несомнѣнно принадлежитъ та заслуга, что онъ первый посмотрѣлъ на Гоголя, какъ на человѣка, снявъ его съ тѣхъ подмостковъ, на которые громоздили его, не удовлетворяясь тѣмъ высокимъ мѣстомъ, какое, несмотря ни на что, останется за его громаднымъ талантомъ въ исторіи нашей литературы ¹⁾.

Письма Гоголя, какъ извѣстно, идутъ съ его ученическихъ годовъ. Въ своихъ нѣжинскихъ посланіяхъ онъ нерѣдко обращается къ родителямъ за деньгами, рассказывая иногда о своихъ картинахъ: „ежели бы вы ихъ увидѣли, то вѣрно бы не могли повѣрить, что я рисо-

¹⁾ Къ неблагопріятнымъ заключеніямъ о характерѣ Гоголя нельзя не прийти, если приняться за его письма безъ предвзятой мысли, подобно тому, какъ, совершенно на оборотъ, безпристрастному человѣку нельзя не признать, что чѣмъ болѣе открывается матеріаловъ для біографіи Жуковскаго, тѣмъ привлекательнѣе становится онъ, какъ человѣкъ. Съ Гоголемъ же, какъ человѣкомъ, примиряетъ то, что онъ не всегда только цеголялъ смиренномудріемъ своего всеароднаго покаянія, но что въ немъ сказывалось и искреннее сознаніе своихъ слабостей, усиливавшееся съ годами въ уровень съ успеніемъ въ немъ самолюбиваго мистицизма.

валь“, но оставаясь при одномъ желаніи послать имъ кое-какія изъ нихъ, рисованныя „сухими колерами“. „Нѣкоторыя изъ нихъ, поясняютъ онъ, еще не докончены, а другія, боюсь, чтобы не потерялись дорогою, потому что рисовка ихъ весьма нѣжна“. Въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти отца Гоголь пишетъ матери, что перенесъ этотъ ударъ „съ твердостью истиннаго христіанина“, при томъ же, „не давъ никому замѣтить, что былъ опечаленъ“, тогда какъ была будто бы минута, когда онъ „хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ“. (Кулишъ, V, 18 и 19). Откровеннаго сознанія въ слабыхъ успѣхахъ не видно въ этихъ письмахъ, но передъ пріѣздомъ на банкетъ говорится: „знаю, что вамъ не можетъ быть подарка лучшаго, какъ привезть вамъ сердце доброе, пылающее къ вамъ самою нѣжною любовью.... но смѣю вамъ сказать, что я пріобрѣлъ уже довольно и другихъ качествъ.... обработалъ таки свои понятія, которыя сдѣлались гораздо проникательнѣе, дальновиднѣе“... (24). Между тѣмъ, приближалось время выпуска, когда должно было оказаться, что, кромѣ „душевныхъ качествъ“ и „обработанныхъ понятій“, Гоголь ничѣмъ почти не запасся въ Нѣжинскомъ лицѣѣ. Онъ сталъ готовить къ этому такимъ образомъ: „о потерянномъ времени жалѣть нечего. Нужно стараться вознаграждать его, и въ короткіе эти полгода я хочу произвести, и произведу (я всегда достигалъ своихъ намѣреній), вдвое болѣе, нежели во все время моего здѣсь пребыванія.... при моемъ желѣзномъ терпѣніи“, и т. д. Когда же плодовъ этого „желѣзнаго терпѣнія“ все-таки не оказалось, молодому дипломату пришлось, наконецъ, сознаться: „я, точно, во многомъ, очень во многомъ предъ вами виноватъ, почтеннѣйшая маменька. Недавно только понялъ я, что имѣлъ нужды не по своему состоянію....“ Но пришлось пойти еще далѣе въ вынужденной откровенности: „я не говорилъ никогда, пишетъ Гоголь, что утерялъ цѣлые шесть лѣтъ даромъ“; потомъ однако же слѣдуетъ оговорка, исполненная опять самооправданія: „нужно удивляться, что я могъ столько узнать еще. Вы изъявляли сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете-ли, что для этого нужны были тысячи? Да что бы изъ этого было? Если я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ....“ Затѣмъ появляется даже риторика въ трагическомъ вкусѣ: „Я больше поиспыталъ горя и нужды, нежели вы думаете.... Врядъ-ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія, и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слышалъ моихъ жалобъ ... Правда, и почитаюсь загадкою для всѣхъ“.... (стр. 71). И это говорить юноша, только еще готовящійся выступить на поприще жизни!

Но вотъ учебные годы кончились. Побывавъ у матери, молодой

Гоголь отправляется въ Петербургъ искать мѣста. Какъ вдругъ она получаетъ отъ него письмо, изъ котораго узнаетъ, что онъ ѣдетъ за границу. На это онъ употребляетъ деньги, высланныя ему матерью для внесенія въ опекунскій совѣтъ (взявъ изъ этого учрежденія четырехмѣсячную отсрочку). „Поступокъ рѣшительный, безразсудный, сознается Гоголь, но что же было мнѣ дѣлать? Всѣ деньги, слѣдующія въ опекунскій совѣтъ, оставилъ я себѣ и теперь могу рѣшительно сказать: больше отъ васъ не потребую.... Что же касается до того, какъ вознаградить эту сумму, какъ внести ее сполна, вы имѣете полное право данною и прилагаемою мною при семъ довѣренностью продать слѣдующее мнѣ имѣнiе, часть или все, заложить его, подарить и проч.“ Въ объясненiе такого, какъ самъ онъ выражается, безразсуднаго поступка, Гоголь приводитъ ни больше, ни меньше, какъ волю Божию. „Я хотѣлъ-было, увѣряетъ онъ, противиться этимъ вѣчно неутомляемымъ желанiямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственной разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать свои страсти въ тишинѣ, въ уединенiи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состоянiи разсѣивать благо и работать на пользу мiра.... Несмотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше (мать, стало быть, оказывается виновною—она противилась голосу Бога, раздававшемуся въ душѣ ея сына), я рѣшился служить здѣсь во что бы то ни стало; но Богу не было это угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи.... Люди совершенно неспособные, безъ всякой протекцiи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей не могъ достигнуть“. Далѣе—исполненное пристыженности сознание въ томъ, чѣмъ наказалъ его Богъ за неповиновенiе своей волѣ.... „Вы знаете,—говоритъ онъ,—что я былъ одаренъ твердостью, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ....“ И вдругъ—этотъ твердый человѣкъ влюбился! „Но она была слишкомъ высока, высока!“ Пришлось бѣжать отъ этой любви—новая причина поѣздки за границу. Впрочемъ въ слѣдующемъ письмѣ, уже изъ Любека, дроглядываетъ чувство совѣсти: „мысль, что я вамъ причиняю симъ, тяжелымъ камнемъ налегла на душу, говоритъ Гоголь, и напрасно я старался увѣрить самого себя, что я принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, который управляетъ нами свыше“. Но, совершенно, повидимому, искренно предаваясь раскаянiю, онъ и тутъ опять особеннымъ образомъ впутываетъ Высочайшее существо. „Часто я думаю о себѣ: зачѣмъ Богъ создалъ сердце, можетъ быть, единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мiрѣ, чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему

высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія“. Надо думать, что у Гоголя, въ промежутокъ времени между двумя этими письмами, поколебалась надежда подѣйствовать на религиозное чувство матери указаньемъ на волю Божию: теперь онъ невольно попадаетъ въ тонъ ропота на своего создателя. способный оскорбить ея религиозное чувство. Между тѣмъ, желая привести болѣе извинительныя причины своей поѣздки, онъ говоритъ дажѣ, что главную, вѣжется, забылъ объявить въ предъидущемъ письмѣ. „Во все почти время весны и лѣта въ Петербургѣ я былъ боленъ: теперь хотя и здоровъ, но у меня высыпала по всему лицу и рукамъ большая сыпь“. На бѣду, этотъ оправдательный изворотъ только возбудилъ совершенно неожиданныя подозрѣнія со стороны матери. Она истолковала себѣ болѣзнь его въ такомъ смыслѣ, что ему пришлось въ слѣдующемъ письмѣ восклицать: „какъ вы могли, маменька, подумать даже, что я — добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія челоуѣчества! наконецъ, рѣшились мнѣ приписать болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса даже самыя мысли мои“.

Совѣсть заставила Гоголя вскорѣ, какъ извѣстно, вернуться въ Петербургъ. Но, прискававъ себѣ наконецъ мѣсто съ небольшимъ жалованьемъ, онъ, еще такъ недавно увѣрявшій мать, что болѣе ничего отъ нея не потребуетъ, спрашиваетъ теперь: „въ состояніи-ли вы выдавать мнѣ въ каждый мѣсяць по 100 р.“ (стр. 89, 95, 107). Вскорѣ послѣ того, объявивъ матери, что на этотъ годъ ему достаточно получить отъ нея 500 рублей „какъ послѣдніе“, онъ затѣмъ съ радостью объявляетъ ей о представившемся случаѣ оставить свою ничтожную службу: „ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, Богъ знаетъ, за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто“. Дѣло въ томъ, что Гоголю представилось другое: мѣсто учителя въ патріотическомъ институтѣ. Объ этомъ совершенно простомъ обстоятельстве онъ съ торжественностью писалъ матери: „сударыня привазала мнѣ читать въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвиць“. И нѣсколько позже, посылая матери первый томъ своихъ „Вечеровъ на Хуторѣ“, онъ счелъ нужнымъ написать про эту книгу: „она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ сударыни“ (129, 134). Въ новомъ качествѣ педагога, года два спустя, онъ даетъ наставленіи своей матери, какъ она должна воспитывать его сестру: „говорите ей поболѣе о будущей жизни.... при всякомъ ея поступкѣ, худомъ или хорошемъ.... Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства....“ Онъ узналъ

это на собственномъ опытѣ, совершенно случайно, такъ какъ въ сущности его только хотѣли воспитать хорошо, но не сумѣли, потому что „родители рѣдко бывають хорошими воспитателями дѣтей своихъ“. Гоголь самъ напросился на „потрясеніе своихъ дѣтскихъ чувствъ“: „я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и возбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело въ послѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“. На этомъ-то, случайно разрывшемся передъ нимъ, началъ застращиваній и приманокъ хотеть онъ основать религіозно-нравственное воспитаніе своей сестры, воображая, что такимъ образомъ можно оградить ее отъ ошибки, сдѣланной при его собственномъ воспитаніи, доведшемъ его до того, что онъ „глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать ему“ (186).

Этими послѣдними словами Гоголь мѣтко обозначилъ корень одного изъ своихъ недостатковъ—той непомѣрной требовательности, которая, связываясь сначала въ отношеніяхъ къ матери, въ послѣдствіи стала связываться и въ отношеніи къ друзьямъ. Гоголь до конца оставался баловнемъ, который хотя и увѣрялъ мать, что она напрасно его считаетъ гениемъ¹⁾, но на самомъ дѣлѣ постоянно выдвигалъ впередъ, какъ передъ нею, такъ и передъ друзьями, особенности своей исключительной природы, широта которой будто бы не давала ей укладываться въ обыкновенныя рамки. Еще въ лицѣ воображая себя какою-то загадкой для всѣхъ, онъ и въ послѣдствіи не желалъ давать разгадать себя друзьямъ, усиленно того добивавшимся. При сильно развитомъ воображеніи, онъ, говоря о себѣ, невольно вдавался въ преувеличенія и даже въ выдумки, составлявшія своего рода самообманъ его непомѣрнаго самолюбія²⁾. Такое самолюбіе въ дѣйствительно гениальномъ баловнѣ связывалось нерѣдко какою-то черствою снисходительностью къ одолженіямъ и заботамъ о немъ, какъ бы къ какой-то должной, хотя иногда и излишней дани. Такъ, благодаря мать за связанные для него чулки, онъ какъ бы милостиво замѣчаетъ ей: „хотя я совсѣмъ не ношу нитяныхъ чулокъ, но, какъ драгоценность, какъ труды рукъ вашихъ, буду беречь у себя. Прошу, однако же, васъ ничѣмъ не забочиваться для меня...“ (150). Впрочемъ, лучшая сторона Гоголя

¹⁾ Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1835 г.

²⁾ Самъ онъ въ послѣдствіи (въ 1847 г.) писалъ С. Т. Аксакову: «поэты лгутъ иногда невиннымъ образомъ, обманывая самъ себя» (Кулишъ VI, 437). С. Т. Аксаковъ говоритъ о Гоголѣ: «онъ былъ не лгуна, а выдумщикъ» (Зап. о жизни Гоголя I, 231).

тутъ же внушила ему и слѣдующія слова: „я не знаю, какъ уплатить вамъ хотя сотую долю старыхъ долговъ“ и т. д. Но когда нѣсколько лѣтъ спустя добрая мать вздумала потѣшить себя новымъ подаркомъ ему—опять работою своихъ рукъ, онъ отвѣчалъ на это такими ледяными словами: „напрасно вы нашили мнѣ рубашекъ. Я ихъ во всякомъ случаѣ не могу носить и не буду, потому что онѣ спиты не такъ, какъ я привыкъ“; хотя далѣе и тутъ прибавлено: „во всякомъ случаѣ не нахожу словъ, какъ благодарить васъ за ваши заботы“ (379). По ходящимъ рассказамъ, Гоголь въ послѣдствіи не менѣе холодно-величаво отвѣчалъ и на подобнаго рода предупредительность своихъ друзей и знакомыхъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ шире становится кругъ лицъ, съ которыми переписывается Гоголь. Въ 1833 г. особенно любопытны его письма къ М. А. Максимовичу и къ М. П. Погодину о профессурѣ, которой онъ, во что бы ни стало, искалъ, вообразивъ не шутя, что она ему будетъ по силамъ. Когда Погодину при этомъ захотѣлось познакомиться съ записками ученицъ Гоголя, въ отвѣтъ на это онъ получилъ отговорку такого рода: „журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ очень обезображенъ посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжекъ, какія попадутся имъ въ руки¹⁾. При томъ же я только такое подносилъ имъ, что можно понять женскимъ мелкимъ умомъ. Лучше обождать нѣсколько времени: я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое подготавливаю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ заглавіемъ: „Земля и люди“. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ. Да, я только теперь прочелъ издавнаго вами Беттигера. Это, точно, одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя“. На вопросъ Погодина о продолженіи „Вечеровъ на Хуторѣ“ Гоголь презрительно отвѣчаетъ: „чортъ съ ними!... хотя денежныя приобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки, не могу.... Да обрекутся онѣ неизвѣстности, покажѣтъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня!...“ (168—169). Въ письмѣ къ Максимовичу о профессурѣ въ Кіевѣ, Гоголь говоритъ: „нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ пзвѣстныхъ людей туда впахнуть, истинно просвѣщенныхъ и также

¹⁾ Нѣсколько другую причину «непослалъ журнальца» приводитъ Гоголь въ нѣсколько позднѣйшемъ письмѣ къ М. П. Погодину («Р. А.», стр. 2370).

чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою“ (193)¹⁾. Въ связи со стремленіемъ въ Кіевъ находится „Исторія Малороссіи“, за которую будто бы принялся Гоголь, не оставяя и своей „Всеобщей исторіи“. „Мнѣ кажется, пишетъ онъ Погодину, что сдѣлаю кое-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней ужъ слишкомъ горитъ, но исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!“ (196). О той же своей „Исторіи Малороссіи“ сообщаетъ онъ Максимовичу: „Исторію Малороссіи“ я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ“ (198). Понятно, что почитателямъ Гоголя могло захотѣться прочесть хоть какіе-нибудь отрывки изъ этой исторіи, но Гоголь умѣлъ отклонить и это, какъ въ свое время отклонилъ сообщеніе записокъ своихъ ученицъ. „Скажи Надеждину,—пишетъ онъ Погодину,—что болѣзнь помѣшала мнѣ прислать обѣщанный ему отрывокъ изъ исторіи. Она у меня въ такомъ забытіи и такою облечена пылью, что я боюсь подступить къ ней, и чтобы вырвать изъ нея отрывокъ для печати, нужно ее хорошенько перечистить“ (202). На письмѣ Максимовича о Цухѣ (который получилъ въ Кіевскомъ университетѣ вожделѣнную Гоголемъ каѳедру всеобщей исторіи) Гоголь отвѣчаетъ удивленнымъ вопросомъ: „развѣ есть какое-нибудь официальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобы я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ“ (204). Отказавшись затѣмъ отъ адъюнктура въ Москвѣ, переговоры о которомъ шли черезъ М. П. Погодина, Гоголь однако же принялъ его, наконецъ, въ Петербургѣ, окончательно разувѣрившись въ возможности добиться большаго. Вотъ какъ онъ извѣщаетъ объ этомъ Погодина, отъ 23-го іюля 1834 г.: „на время рѣшился занять здѣсь каѳедру

¹⁾ Настоящій перлъ переписки этого времени, несмотря на склонность въ пропускахъ, не усумнился выключить въ свои «Записки о жизни Гоголя» г. Кулишъ. «Когда будешь писать въ В**, напусти ему обо мнѣ вотъ какии образъ: «что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, еслибы залучили въ университетъ Гоголя», что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы какъ будто вскользь» (Зап. I, 135). Хороши также совѣты, даваемые Гоголемъ Максимовичу на счетъ преподаванія въ университетѣ: «не сиди надъ книгами!.. говори свое, и то какъ можно поменьше. Студенты твои — (опять пропусти)... Лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними разборы... Такъ дѣлаютъ всѣ благоразумные люди» (тамъ же, 142). Къ счастью, благородный М. А. Максимовичъ не послѣдовалъ такимъ *sine cur'нымъ* совѣтамъ. О. М.

исторіи, и именно средних вѣковъ. Если ты этого желаешь, то я пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты въ замѣнъ прислалъ мнѣ свои. Весьма недурно, если бы ты отнялъ у какаго-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій. особенно о среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы... мнѣ теперь же" (221). Дипломатизируя такимъ образомъ, Гоголь, повидимому, самолюбиво воображалъ, что все это очень тонко, и что друзья его очень просты... не умѣли еще разувѣриться въ возможности получить отъ него самого какаго-нибудь лекціи и понять, на что ему могутъ быть нужны чужія... Известно, какимъ позорнымъ образомъ разыграна была Гоголемъ профессорская роль въ Петербургѣ. Это не помѣшало ему однако же въ письмѣ къ Погодину, отъ 14-го декабря того же года, тономъ снисходительнаго ученаго выправлять свой прежній, не совсѣмъ благопріятный, отзывъ о Геренѣ. „Я бы отъ души радъ былъ,—говоритъ Гоголь—если-бъ намъ подавали побольше Гереновъ. Изъ нихъ можно таскать обѣими руками. Съ твоими мыслями я уже давно былъ согласенъ, и если ты думаешь, что я отсѣкаю народы отъ челоуѣчества, то ты неправъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они давно писаны: не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ въ департаментскомъ журналѣ. Она сказана только такъ, чтобы сазать что-нибудь и только раздорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался возбудить только чувства и воображеніе. Клянусь, цѣль у меня высшая“. Но, такъ какъ все же нельзя было не принять въ расчетъ того, что до Погодина, конечно, дошелъ слухъ о жалкомъ бласо профессора Гоголя, то далѣе и дѣлается переходъ къ этому неприятному обстоятельству, но такъ, что выходитъ по пословицѣ: „съ больной головы на здоровую“. Гоголь начинаетъ жаловаться: „я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ лицѣ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками.... Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ“. Оказывается, что во всемъ виноваты студенты, какъ прежде виноваты были ученицы Гоголя, или ихъ „мелкій женскій умъ“, къ которому долженъ онъ былъ спускаться, или какъ виновата была его мать, когда, желая, чтобы онъ дѣло дѣлалъ въ Петербургѣ, противилась волѣ Божіей, звавшей его попутешествовать за границей! Но въ письмѣ отъ 5-го декабря слѣдующаго 1835 г. Гоголю пришлось писать къ

тому же Погодину уже другимъ тономъ: „я распаевался съ университетомъ, и черезъ пять мѣсяцевъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный, я взошелъ на каедрѣ и неузнанный схожу съ нея (и такъ все таки — только неузнанный! но далѣе уже совсѣмъ другоё....). Въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣнiе говорить, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ“, и т. д. (246). А еще въ началѣ года у него хватило духу увѣрять Максимовича, при сообщенiи ему о выходѣ въ свѣтъ „Исторiи пугачевскаго бунта“ Пушкина: „я пишу исторiю среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8-и, если не изъ 9-ти“ (231). Между тѣмъ, хотя г. Кулишъ и находилъ возможнымъ вѣрить или увѣрять, что здоровье Гоголя было изнурено, между прочимъ, и этими трудами (Зап. I, 186), извѣстно, что, кромѣ тѣхъ набросковъ, о которыхъ говорить Гоголь въ письмѣ къ М. П. Погодину, въ бумагахъ его никакой всеобщей или малороссiйской исторiи никогда и не бывало, какъ не бывало того, чтобы очаровательное созданiе Гоголя, Хлестаковъ, написалъ, независимо отъ Загоскина, какого-то своего „Юрiя Милославскаго“¹⁾.

Вскорѣ послѣ того громкiй успѣхъ „Ревизора“, вмѣстѣ съ „высокимъ заступничествомъ за него государя“,—какъ выразился самъ Гоголь,—даже ненависть, вызванная „Ревизоромъ“ въ извѣстной части нашего общества, должны были вполне вознаградить Гоголя за вполне имъ заслуженное безславiе на каедрѣ. Въ письмахъ этого времени онъ ублажаетъ свое самолюбiе жалобами на крики противъ „Ревизора“, но находитъ возможнымъ и нужнымъ и тутъ, какъ прежде въ своихъ письмахъ къ матери, искать „утѣшенiя“ въ религiи, т. е. въ мысли объ особомъ о себѣ попеченiи Промысла. „Все, что ни дѣлалось со мною,—пишетъ онъ Погодину,—все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленiя, всѣ неприятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣнiемъ на мое воспитанiе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой“ (261). Мы знаемъ уже, что воля эта однажды направила его, какъ онъ увѣрять, за границу — отвести тамъ душу и собраться съ духомъ. Теперь онъ еще рѣшительнѣе направляетъ свой „поэтическiй побѣгъ“, но уже не къ нѣмцамъ (которыхъ онъ прежде

¹⁾ Любопытно, что г. Кулишъ, приводя все это въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя», все-таки находилъ возможнымъ приходить въ каедрѣ и отъ его характера. Дѣлая порою пропуски, какъ я уже замѣтилъ, онъ не считалъ однако же нужнымъ пропустить въ своихъ «Запискахъ» то мѣсто изъ письма Гоголя къ матери о присылкѣ бытовыхъ матерьяловъ изъ Малороссiи, гдѣ онъ выражаетъ желанiе величайшей точности въ названiяхъ, потому что сочиненiе его «если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ» (!) (Зап. I, 78). О. М.

называть добрыми, теперь же находить, что ихъ Германія — самая отвратительная отрыжка табаку и пива), а подь благодатное небо Итали. „Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ,—пишетъ онъ отъ 30-го марта 1837 г. изъ Рима Погодину.—Для чего? Не для того-ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ?.. Не видалъ я развѣ дорогаго сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ?“ Но, вспомнивъ, кому онъ пишетъ, Гоголь считаетъ нужнымъ и логически не невозможнымъ заиграть при этомъ на стрункѣ патриотизма: „Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, мѣръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій мѣръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства, предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня“ (289). Позже (въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 17-го марта 1842 г.) Гоголемъ была измышлена особенная причина пребыванія его за границею: „уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо мѣръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ“ (465). И всѣ мы повѣрили ему въ этомъ на слово, страннымъ образомъ позабывъ, сколько прежнихъ произведеній написано было Гоголемъ о Россіи въ Россіи и какъ они тѣмъ не менѣе были хороши. Мы даже были готовы влючить слова Гоголя въ теорію творчества, какъ какой-нибудь несомнѣнный, имъ открытый законъ. А на самомъ дѣлѣ это только ловкая фраза, немного уступающая той, какую онъ вставилъ однажды въ письмо къ М. П. Б—ой: „родину души своей я увидѣлъ (въ Римѣ), гдѣ душа моя жила прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ“ (315). Въ письмѣ къ матери онъ ссылается на болѣе простую и понятную причину своего пребыванія въ Итали—на свое нездоровье, требующее лѣченія хорошимъ климатомъ, а такое лѣченіе медленно! Но онъ старается и этому придать особый религиозный отгѣнокъ, говоря: „прежде всего мы должны повиноваться Тому, кто предписываетъ намъ благоразуміе“ (302). Мать, вѣроятно, убѣдилась этимъ доводомъ, узнавъ, что и государю дѣло должно было быть представлено съ этой стороны, такъ какъ онъ пожаловалъ Гоголю 5,000 руб. Но хотя Гоголь и писалъ Плетневу, что это дастъ ему возможность полтора года прожить безбѣдно въ Итали, это не помѣшало ему въ скоромъ времени обращаться за деньгами къ своимъ друзьямъ, съ такою же, какъ бы дѣтскою, беззащитчивостью, съ какою онъ бывало обращался за ними къ матери. Но какъ прежде; такъ и теперь въ письмахъ Гоголя мелькаетъ порою искреннее, повидимому, сознание

своихъ слабостей и ошибокъ. Когда мать изъ одного его письма заключила, что онъ дѣлаетъ ей упреки, Гоголь, увѣряя ее въ противномъ, говорить ей: „я не облегчилъ трудовъ, я не устроилъ спокойствія моей матери, я не доставилъ ей беззаботной, счастливой жизни и радостной старости; напротивъ, я обременилъ ее, я взвалилъ на нее всю возможную тяжесть, которую болѣе вѣрныя силы не вынесли бы“ (362). Семейныя обстоятельства стали требовать возвращенія Гоголя въ Россію. Уступивъ имъ, онъ, отъ 29-го декабря 1839 года, писалъ Даннлевскому: „Да, я въ Россіи. Послѣднюю нужно принести жертву. Присутствіе мое было необходимо... Я былъ въ Петербургѣ и взялъ оттуда сестеръ... (т. е. изъ института). Я не буду въ Малороссіи и не имѣю никакой возможности это сдѣлать, но, желая исполнить сыновній долгъ, т. е. доставить случай маменькѣ меня видѣть, приглашаю ее въ Москву на двѣ недѣли. Мнѣ же предстоитъ, какъ самъ знаешь, путь не малый въ мой любезный Римъ: тамъ только найду успокоеніе“ (394). На свою поѣздку, какъ мы узнаемъ изъ его письма къ Погодину, досталъ онъ 4,000 р. черезъ Жуконскаго; матери же писалъ вскорѣ послѣ того: „если бы вы знали, какъ бы мнѣ теперь хотѣлось повидаться съ вами! Но все возлагаю на Бога, какъ Онъ устроитъ. Если бы вы могли достать себѣ денегъ, хоть только на поѣздъ въ Москву“ (398). Около того же времени Гоголь выказываетъ наставническую заботливость объ одной изъ выпущенныхъ изъ института сестеръ, внушая ей въ письмѣ: „когда случится тебѣ быть больной, то занимайся въ это время тѣмъ, чѣмъ можно заниматься въ постелѣ, и чаще молись, чтобы умъ твой не былъ ни на минуту празденъ и не имѣлъ бы времени выдумывать чего-нибудь соблазнительнаго“ (397). Наставленія эти могутъ, кажется, быть отнесены къ разряду тѣхъ, какія онъ давно уже давалъ матери, говоря ей, что она должна потрясать дѣтскія чувства другой его сестры ужасами ада и приманками рая. По возвращеніи на родину души своей — въ Римъ — Гоголь пишетъ оттуда письмо къ другой сестрѣ — подходящаго содержанія. Онъ тутъ находитъ нехорошимъ то, что она мало работаетъ по случаю множества праздниковъ, соблюдаемыхъ въ ихъ Васильевкѣ. Это, по мнѣнію Гоголя, неизвинительная уступка окружающимъ людямъ съ ихъ суетностью. „Я тебѣ приказываю, — пишетъ онъ, — работать и заниматься именно въ праздникъ, натурально только не въ тѣ часы, которые посвящены Богу, и если кто-нибудь станетъ тебѣ замѣчать, что это нехорошо, ты не входи ни въ какія разсужденія и не старайся даже убѣждать въ противномъ, а скажи прямо, коротко и твердо: это желаніе моего брата. Я люблю своего брата, и

потому всякое малѣйшее его желаніе для меня законъ⁴⁾ (414). И Гоголь все болѣе и болѣе усвоивалъ себѣ этотъ тонъ, такъ что онъ сталъ у него сказываться въ письмахъ къ различнымъ лицамъ, несмотря на то, что по временамъ онъ продолжаетъ проявлять и способность откровенно виниться: „сколько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями, — пишетъ онъ Погодину вскорѣ послѣ только что приведеннаго письма къ сестрѣ;—когда я ихъ выплачу! А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ готова у меня вещь, которая за однимъ разомъ меня выкупитъ, сниметъ тяжести, которыя лежатъ на моей безсовѣстной совѣсти“ (419). Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, писанномъ двумя мѣсяцами позже, онъ радостно извѣщаетъ о томъ, что эта искупительная вещь близка къ концу. „Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ душъ... Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, современемъ (выйдетъ) кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы“ (427). Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу (въ мартѣ слѣдующаго 1841 г.) Гоголь патетически говоритъ: „созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета. О, если бы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего (т. е., надо думать, „Мертвыхъ душъ“ въ полномъ видѣ)...“ Далѣе дѣло сводится на то, что для него нужно сдѣлать заемъ: „Погодинъ вамъ скажетъ. Въ началѣ же 1842 г. выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго года (т. е., конечно, первый томъ „Мертвыхъ душъ“), уже достаточно для уплаты“. На замѣчаніе Аксакова, что не худо бы Гоголю прислать что-нибудь въ журналъ Погодина, Гоголь, тономъ жреца, которому помѣшали во время священнодѣйствія, отвѣчаетъ: „Тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго; и для презрѣннаго-ли журнальнаго пошлаго занятія ежедневными дрязгами, я долженъ совершать непрощаемыя преступленія?“ (438). Въ письмѣ къ своему родственнику, А. С. Данилевскому, Гоголь является уже — мало сказать: жрецомъ, а какимъ-то вѣщимъ-непогрѣшимымъ: „Теперь ты

⁴⁾ Курсивъ въ изданіи г. Кулиша.

долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому бы ни было, неслушающему моего слова!... О, вѣрь словамъ моимъ! Властью вышнюю облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнить мое слово!" (447). А все дѣло заключалось въ томъ, чтобы побудить Данилевскаго засѣсть для хозяйства въ деревню, т. е. сдѣлать то, къ чему бы ни за что не привололитъ себя Гоголь. Полтора мѣсяца спустя, онъ пишетъ такимъ же тономъ одержимаго благодатию человѣка къ поэту Языкову: „Отнынѣ взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ — для сего была наша встрѣча. И если при расставаніи нашемъ, при пожатіи ружъ нашихъ, не отдѣлилась отъ моей руки искра крѣпости душевной въ душу тебѣ, то, значить, ты не любишь меня. И если когда-нибудь одолѣетъ тебя скука и ты, вспомнивши обо мнѣ, не въ силахъ одолѣть ее, то, значить, ты не любишь меня. И если мгновенный недугъ отяжелитъ тебя и низу поклонится духъ твой, то, значить, ты не любишь меня" (451). Еще мѣсяца два спустя онъ точно также пишетъ живописцу Иванову: „Теперь самое главное — крѣпитесь! идите бодро и ни въ какомъ случаѣ не упадите духомъ; иначе будетъ значить, что вы не помните меня и не любите меня: помнящій меня несетъ силу и крѣпость въ душѣ" (455). Чтò удивительнаго, если полгода позже (это шло у него crescendo), онъ пишетъ еще богоноснѣе С. Т. Аксакову: „Крѣпки и сильны будьте душой, ибо крѣпость и сила почіетъ въ душѣ пишущаго сіи строки, а между любящими душами все передается и сообщается отъ одной къ другой, и потому сила отдѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу" (475). Поставивъ себя въ положеніе какаго-то свѣтоносца и свѣтодавца, Гоголь прямо выказываетъ готовность уединиться, подобно древнимъ подвижникамъ, на какой-нибудь столпъ, или въ какую-нибудь пустыню, чтобы не растерять своего свѣта среди обыкновенныхъ людей, исчадіи будничной суеты, а только выдѣлять его имъ издалека по частичкамъ. „Нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха", пишетъ онъ 10-го февраля 1842 года Языкову (459). „Я теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской", увѣряетъ онъ 10-го апрѣля того же года Н. Д. Бѣлозерскаго (468). Вскорѣ послѣ того (4-го іюня) онъ уже заключаетъ письмо къ матери слѣдующими, вполне подходящими къ аскету, словами: „посылаю вамъ мое благословеніе и всѣмъ моимъ сестрамъ" (475). На счастье, его „тихимъ пристанищемъ", его недосыгаемо — высокимъ столпомъ могъ быть вѣчный Римъ съ его чудной природой и его чудесами искусства. Приволоенный (на этотъ разъ уже литературными своими дѣлами) на время заглянуть отсюда въ

міръ—въ Россію, Гоголь пишетъ одной изъ своихъ почитательницъ: „съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется какъ-будто я очутился на чужбинѣ“ (457). Понятно, что ему хотѣлось бы попрочнѣе прикрѣпить себя—не къ этой земной, а къ своей душевной родинѣ, къ тому мѣсту, гдѣ онъ „спасался“,—къ Риму, и вотъ онъ пишетъ изъ Москвы къ Жуковскому: „Ф. Ф. получилъ, какъ вамъ извѣстно, мѣсто директора основывающейся нынѣ въ Римѣ нашей академіи художниковъ съ 2,000 р. жалованья въ годъ. Такъ какъ при директорахъ всегда бываетъ конференцъ-секретарь, то почему не сдѣлаться мнѣ секретаремъ его? Здѣсь я даже могу быть полезнымъ, я, рѣшительно бесполезный во всемъ прочемъ (идушее, въ своемъ родѣ, къ аскету—смиреніе паче гордости). А ужъ для меня-то навѣрно это будетъ полезно, потому что тогда мнѣ, можетъ быть, дадутъ рублей 1,000 сер. жалованья“ (471).

Вотъ какимъ уже вполне выказался передъ друзьями Гоголь въ то время, когда публика продолжала высоко цѣнить его по повѣстямъ „Миргорода“, по „Ревизору“, и находилась еще подъ живымъ впечатлѣніемъ только что вышедшаго въ свѣтъ I т. „Мертвыхъ душъ“. Если совершенно понятно то удивленіе, растворенное негодованіемъ и недоумѣніемъ, какое было въ послѣдствіи возбуждено въ публикѣ неожиданнымъ выходомъ въ свѣтъ „Переписки съ друзьями“, вмѣсто нетерпѣливо ожидавшагося втораго тома великой юмористической поэмы, то друзьямъ нашего юмориста нечему было тутъ удивляться или недоумѣвать—кромѣ, развѣ, того апогея самоиѣнія, какимъ только и можно объяснить его рѣшимость—сунуть публикѣ эти клочки старыхъ писемъ: дорожите, молъ, всѣмъ, что бы ни упало съ высоты моего подвижническаго столпа.

II.

Неизданныя письма Гоголя.

(1835) 1842—1848.

Въ началѣ помѣщается здѣсь письмо къ С. П. Шевыреву, стоящее особнякомъ, какъ относящееся еще къ 1-му періоду. Оно должно быть писано въ 1835 г.

Марта 10.

Посылаю вамъ мой „Миргородъ“ и желаю бы отъ всего сердца, чтобы онъ для моей собственной славы доставилъ вамъ удовольствіе.

Изъявите ваше мнѣніе, напимѣръ, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, въ этомъ меня обяжете много: вашимъ мнѣніемъ я дорожу.

Я слышалъ также, что вы хотѣли сказать кое-что объ „Арабескахъ“. Я просилъ князя Одоевскаго не писать разбора, за который онъ хо-

тѣлъ было приняться, потому что мнѣніе его я могъ слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно. Я къ вамъ пишу уже слишкомъ безъ церемоній. Но, кажется, между нами такъ быть должно. Если мы не будемъ понимать другъ друга, то я не знаю, будутъ-ли тогда кто-нибудь понимать насъ. Я васъ люблю почти десять лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать „Московский Вѣстникъ“, который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще дониндѣ не совершенно развернулось. Вамъ просьба отъ лица всѣхъ, отъ литературы, литераторовъ и отъ всего, что есть литературнаго. Поддержите „Московский Наблюдатель“, все будетъ зависѣть отъ успѣха его. Ради Бога, уговорите москвичей работать, грѣхъ, право, грѣхъ имъ всѣмъ. Скажите Кирѣевскому, что его ругнетъ все, что будетъ послѣ насъ, за его бездѣйствіе. Да, впрочемъ, этотъ упрекъ можно присоединить ко многимъ. Я съ своей стороны радъ все употребить. На дняхъ, я, можетъ быть, окончу повѣсть для „Московского Наблюдателя“ и начну другую. Ради Бога, поспѣшите первыми книжками. Здѣсь большая часть потому не подписывается, что не увѣрена въ существованіи его, потому что Сенковскій и прочая челядь разглашаетъ, будто бы его совсѣмъ не будетъ и онъ уже запрещенъ. Подгоните съ своей стороны всѣхъ, кого слѣдуетъ и, самое главное, посоветуйте употребить всѣ старанія къ тому, чтобы аккуратно выходили¹⁾ книжки. Это чрезвычайно дѣйствуетъ на нашу публику. Москвѣ предстать старая ея обязанность—спасти насъ отъ нашествія иноплеменныхъ языковъ. Прощайте! Жму ерѣпко вашу руку и прошу²⁾ убѣдительно вашей³⁾ дружбы. Вы приобрѣтаете такого человѣка, которому можно все говорить въ глаза и который готовъ употребить Богъ знаетъ что, чтобы только услышать правду.

Обнимите за меня Кирѣевскаго и вручите ему посылаемый при семъ экземпляръ. Другой экземпляръ прошу васъ отправить Надеждину.

Желаю вамъ всего хорошаго, труда, спокойствія и прочаго. Остаюсь вашимъ покорнымъ слугою Ник. Гоголь.

Рядъ писемъ 1842 г. отърывается здѣсь письмомъ, венгѣющимъ даты, но по содержанию относящимся къ началу іюня, ко времени незадолго до отъѣзда Гоголя изъ Петербурга обратно въ Римъ⁴⁾. Адреса не сохранилось, но надо думать, что письмо это, какъ и большая часть остальныхъ, относилось къ С. П. Шевыреву, въ бумагахъ котораго и найдено вмѣстѣ съ другими.

¹⁾ Тутъ зачеркнуто слово: «всѣ».

²⁾ Зачеркнуто слово: «вашъ».

³⁾ Зачеркнуто слово: «руку».

⁴⁾ Одновременно съ письмомъ къ С. Т. Аксакову, напечатаннымъ у г. Кушпа въ V т., на стр. 475.

Пишу къ тебѣ за нѣсколько минутъ до моего отъѣзда. Ухлопотался сильно и едва могъ кое-какія обдѣлать главныя дѣла. Прокоповичъ занялся ревностно изданіемъ сочиненій моихъ въ 4 томахъ; выйдутъ всѣ томы къ октябрю. О „Мертвыхъ душахъ“ Прокоповичъ пишетъ тебѣ отчетъ; я взялъ у него изъ вырученныхъ денегъ 500 рублей для себя, которые понадобились мнѣ сильно. Впрочемъ, они пополнятся скоро царскимъ подаркомъ, который, говорятъ, послѣ моего отъѣзда послѣдуетъ. Но это все —¹⁾ дѣла. Обнимаю тебя. Образъ твой предо мной. Твое нѣжное участіе, и дружба, и прекрасная душа впечатлѣлись неизгладимо и вѣчно въ мою душу. Прощай, да хранить небо свѣтлость и торжественный покой души твоей, выше чего нѣтъ ничего въ мірѣ. Посылаю тебѣ сердечный поцѣлуй мой. Изъ Гастейна напишу къ тебѣ. Твой Гоголь.

За письмомъ этимъ слѣдуютъ, помѣщенные у г. Кулиша въ V т., на стр. 475—492, писанныя опять изъ-за границы. Въ письмѣ къ Жуковскому, отъ 26-го іюня, изъ Берлина, Гоголь говорилъ: «съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей... не безъ дѣли и значенія были мои поѣздки, удаленія и отлученія отъ міра... совершилось незримо въ нихъ воспитаніе души моей... я сталъ далеко лучше того, какимъ заечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ... Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвигъ и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія... Силюю стремленій моихъ, силюю слезъ, силюю душевной жажды быть достойнымъ того, благословляю васъ. Благословеніе это не бесплотно, и потому съ вѣрой примите его... Посылаю вамъ «Мертвыя души». Это первая часть... Я передѣлалъ ее много съ того времени, какъ читалъ вамъ первыя главы, но все, однако же, не могу не видѣть ея малозначительности въ сравненіи съ другими, имѣющими послѣдователей, частями» (479—480). Въ слѣдующихъ затѣмъ письмахъ къ разнымъ лицамъ Гоголь выказывалъ желаніе познакомиться съ критиками на первый томъ. С. Т. Аксакову онъ писалъ: «Ваше мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы появля съ перваго разу «Мертвыя души», совершенно справедливо и должно распространяться на всѣхъ, потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ...» Далѣе Гоголь старался тутъ разсѣять недоумѣніе, возбужденное въ Аксаковѣ слухомъ объ его сборахъ въ «отдаленное путешествіе». «Что вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу, писалъ онъ, или хотя на это простодушное богомольство или набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею...» Онъ же, совершенно напротивъ того, какъ видно изъ письма къ Жуковскому, и хотѣлъ стать, и сталъ, и долженъ стать еще лучшемъ. «Какъ же вы хотите,—писалъ онъ Аксакову,—чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жизни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слова любви сей человѣкамъ... Человѣку, не носящему ни клобука, ни митры, смѣшливому и смѣшашему людей, считающему и

¹⁾ Слово неразобрано.

донный важным дѣломъ выставитъ неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку — неправда-ли? — странно предпринять такое путешествіе? ..Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ («Мертвыми душами»).... и между симъ отдаленнымъ моимъ путешествіемъ?... Помните, что въ то время, когда мальче всего становится мѣръ, когда пустѣе жизнь, въ эпозмъ и холодь облекается все и никто не вѣритъ чудесамъ, въ то время плавно можетъ совершиться чудо, чудеснѣе всѣхъ чудесъ....» Т. е. орудіемъ такого чуда можетъ сдѣлаться онъ, не даромъ остающійся загадкою для своихъ друзей, и взывающій въ этомъ письмѣ къ одному изъ нихъ: «свѣтлѣй и свѣтлѣй да будутъ съ каждымъ днемъ и минутой вашъ мысля, и свѣтлѣй всего да будетъ неотразимая вѣра ваша въ Бога.... Вотъ что вамъ говорить человѣкъ, смѣшавшій людей!...» (487 — 491). Письмо это писано 6-го августа, изъ Гастейна. За нимъ должны быть помѣщены слѣдующія къ С. П. Шевыреву.

Августа 12-го. Гастейнъ.

Пишу къ тебѣ подъ вліяніемъ самаго живаго о тебѣ воспоминанія. Во-первыхъ, я былъ въ Мюнхенѣ, вспомнилъ пребываніе твое, барона Моля, переписку нашу, серебряныя платежи, смутившія спокойствіе невозмущеннаго городка Данау; потомъ въ Гастейнѣ у Языкова нашель я „Москвитянина“ за прошлый годъ и перечель съ жадностью всѣ твои рецензіи и критики — это доставило мнѣ много наслажденій и родило весьма сильную просьбу, которую, можетъ быть, ты уже и предчувствуешь. Грѣхъ будетъ на душѣ твоей, если ты не напишешь разбора „Мертвыхъ душъ“. Кромѣ тебя, врядъ-ли кто другой можетъ правдиво и какъ слѣдуетъ оцѣнить ихъ. Тутъ есть надъ чѣмъ потрудиться; поприще двой(н)ственное (?). Во-первыхъ, опредѣлить и дать значеніе сочиненію, вслѣдствіе твоего собственнаго эстетическаго мѣрила, и потомъ разсмотрѣть впечатлѣнія, произведенныя имъ на массу публики, дать имъ повѣрку и указать причины такихъ впечатлѣній. (Первыя впечатлѣнія, я думаю, должны быть непріятны, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, уже вслѣдствіе самаго сюжета, а все то, что относится къ достоинству творчества — все то невидится въ началѣ). Притомъ тутъ тебѣ болѣе, нежели гдѣ-либо, предстоитъ полная свобода. Узъ дружбы нашей таковы, что мы можемъ прямо въ глаза указать другу наши собственные недостатки, не опасаясь затронуть какой-нибудь щекотливой и самолюбивой струны. Во имя нашей дружбы, во имя правды, которой нѣтъ ничего святѣе въ мѣрѣ, и во имя твоего же душевнаго, вѣрнаго чувства, я прошу тебя быть какъ можно строже. Чѣмъ болѣе отыщешь ты и выступишь моихъ недостатковъ и пороковъ, тѣмъ болѣе будетъ твоя услуга. Я знаю, есть въ любящемъ насъ человѣкѣ вѣчная внутренняя осторожность пройти мимо того, что кажется слишкомъ чувствительно и щекотливо, я вспомнилъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи я подалъ даже, можетъ

быть, самъ поводъ думать друзьямъ моимъ обо мнѣ, какъ о самолюбивомъ человѣкѣ. Можетъ быть, даже самыя кое-какіе лирическіе порывы въ „Мертвыхъ душахъ“... но въ сторону все это, вѣрь въ эту минуту словамъ моимъ. Нѣтъ, можетъ быть, въ цѣлой Россіи человѣка, такъ жаднаго узнать всѣ свои пороки и недостатки. Я это ¹⁾ говорю въ сердечномъ полномъ изліяніи и нѣтъ лжи въ моемъ сердцѣ. Есть еще старое повѣрье, что предъ публикою нужно болѣе скрыть, чѣмъ выставить слабыя стороны ²⁾, что это охлаждаетъ читателей, отгоняетъ покупателей. Это неправда. Голосъ благороднаго безпристрастія долговѣчнѣй и доходитъ равно во всѣ души. Если же уменьшится чрезъ то тридцать, сорокъ или сотня покупателей, то это еще не бѣда, это временное дѣло ³⁾ и вознаградится съ барышомъ въ послѣдствіи. Еще: будь такъ добръ и вели тиснуть одинъ экземпляръ (если будетъ критика печататься въ „Москвитянинѣ“) отдѣльно на листкахъ потонѣе, чтобы можно было всю критику прислать мнѣ прямо въ письмѣ; если не умѣстится въ одномъ, можно раздѣлать на два, на три и дать часть другимъ, которые будутъ писать ко мнѣ письма. Прощай! Цѣлую тебя поцѣлуемъ души. Въ немъ много любви, а любовь развивается и растетъ вѣчно. Передай мой душевный поклонъ Софьѣ Борисовнѣ и поцѣлуй Бориса. Если будешь писать скоро послѣ полученія письма моего, то адресуй въ Венецію, но вѣрнѣе прямо въ Римъ. Я вспомнилъ на счетъ распредѣленія уплаты моихъ долговъ: можетъ быть, никто не захочетъ получить первый, отговариваясь, что ему не такъ нужно... и потому вотъ непремѣнный порядокъ. Погодину полторы тысячи, я полагаю, заплачено. Затѣмъ слѣдуетъ заплатить Свербѣеву, потомъ неизвѣстному, кому именно, не знаю: Аксаковъ мнѣ не сказалъ, потомъ Павлову, потомъ Хомякову, а вторая серія, какъ слѣдуетъ по писанному. Этотъ порядокъ ни начеиъ не основанъ, даже не на алфавитѣ, а просто зажмура глаза и потому каждый не можетъ отказываться.

Языковъ тебѣ кланяется.

Дюссельдорфъ, сентября 20.

Получивши твое письмо отъ 20 августа, я писалъ тотъ же часъ къ Прокоповичу, напишу еще къ Плетневу. Не могу никакъ понять, чтобы значила эта неакуратность. Въ случаѣ неимѣнія денегъ нужно будетъ занять. Языковъ мнѣ писалъ еще недавно, что если встрѣтится мнѣ надобность въ нихъ, адресоваться бы къ нему безъ всякой церемоніи. Но къ этому нужно приступить не иначе, какъ

¹⁾ Зачеркнуто слово: «въ полномъ».

²⁾ Въмѣсто: «слабыя стороны», сначала написано было «недостатки».

³⁾ Въмѣсто: «временное дѣло», было написано: «притомъ все это».

прежде распросивъ его стороною, точно-ли онъ при лишнѣхъ деньгахъ, иначе онъ послѣднее обстоятельство скроетъ. Что-жъ дѣлать? Конечно, лучше если бы всѣ дѣла мои были въ Москвѣ, и всѣ тѣ препятствія, о которыхъ я писалъ, могли бы быть побѣждены, но, я думаю, ты замѣтилъ, что въ томъ же письмѣ, гдѣ я исчислялъ причины, заставившія меня печатать сочиненія мои въ Петербургѣ, есть что-то, какъ будто, недосказанное. Что-жъ дѣлать, такъ ужъ видно на роду мнѣ написано быть скрытнымъ. Но за то вотъ мое слово, все будетъ до послѣдняго движенія явно. Многого я не потому не могу сказать, чтобъ не хотѣлъ сказать, но не могу потому сказать, что не нашель еще словъ, какъ сказать. Иногда человекъ не отъ того не понять другими, что его не могутъ понять, но отъ того, что онъ еще глупъ, невоспитанъ и не умѣетъ такъ выразиться, чтобы его поняли. Чего не съумѣешь объяснить, о томъ лучше молчи¹⁾. Ну что, еслибъ я сказалъ, напримѣръ, что одинъ изъ васъ былъ невинною причиною того, что я рѣшился утвердительно печатать сочиненія мои въ Петербургѣ? Воображаю, какими бы вопросами осыпали меня и ты, и другіе, а я бы на то не отвѣчалъ именно потому, чтобы вы меня потомъ похвалили сами за то, что я молчалъ. Но оставимъ все это, эти дѣла не важныя и не ведутъ къ дѣлу. За письмо твое много благодарю, хотя оно и говоритъ только о дѣлѣ, но въ немъ есть нѣсколько драгоценныхъ мнѣ строкъ, показывающихъ твое душевное состояніе. Въ душевномъ твоёмъ состояніи, кромѣ другаго, слышна, между прочимъ, какая-то грусть,—грусть человека, взглянувшаго на положеніе журнальной литературы. На это я тебѣ скажу вотъ что: это чувство непріятно и мнѣ оно вполне знакомо. Но является оно тогда, когда приглядываешься болѣе чѣмъ слѣдуетъ въ этомъ кругу. Это зло представляется тогда огромнымъ и какъ-будто обнимающимъ всю область литературы; но какъ только выберешься хотя на мигъ изъ этого круга и войдешь на мгновеніе въ себя, увидишь, что это такой ничтожный уголокъ, что о немъ даже и помышлять не слѣдуетъ. Вблизи, когда побудешь съ ними, мало-ли чего не вообразится? покажется даже, что это вліяніе страшно для будущаго, для юности, для воспитанія; а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это на минуту, все

¹⁾ Въ одномъ изъ позднѣйшихъ (1847 г.) писемъ къ С. Т. Аксакову Гоголь говоритъ, что «былъ скрытенъ, потому что былъ не глупъ—вотъ и все» (VI, 324). Г. Кулишъ и эту черту въ характерѣ Гоголя истолковываетъ панегиристически: «Онъ не любилъ обнаруживать даже и передъ близкими друзьями сокровеннѣйшихъ движеній души своей, и то, что для него всего было священнѣе, онъ всего глубже таилъ въ своемъ сердцѣ» (Зап. I. 187). А между тѣмъ, свои религиозныя чувства онъ сталъ выставлять на показъ чуть не всему народу!

подъ влияніемъ моды. Оглянешься: ужъ на мѣсто одного—другое: сегодня гегелисты, завтра шелингисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Что-жъ дѣлать? уже таково стремленіе общества быть какими-нибудь истами. Человѣчество бѣжить опротивѣю, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжить, такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижно у огня истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся. Хороводъ этотъ кружится, кружится, а наконецъ, можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ огонь истины. Что-жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блистателей и если увидать, что святыя огни пылаютъ не полнымъ свѣтомъ? Не опроверженіемъ мнутаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ необщіяе всѣмъ дары. Человѣку, рожденному съ силами большими, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться съ міромъ, глубоко воспитать себя. Если-жъ онъ будетъ живо принимать къ себѣ все, что современно, онъ выйдетъ изъ состоянія душевнаго спокойствія, безъ котораго невозможно наше воспитаніе. По всему видно, что мода не поддержится долго и будетъ, наконецъ, и ей нанесенъ сильный ударъ, какъ уже многому тому наносились удары смертельные, что считалось отъ міра Богомъ и неподверженнымъ сокрушенію. И такъ, мнѣ кажется, современная журнальная литература должна производить въ разумномъ скорѣе равнодушіе къ ней, чѣмъ какое-либо сердечное огорченіе. Это просто плошка, которая не только что подъ-часъ плохо горитъ, но даже еще и воняетъ.

Одинъ предводитель дворянства, вскорѣ послѣ 1814 года, далъ балъ своему дворянству, внутренность зала ухитрился онъ освѣтить салными плошками въ совокупности съ скипидарнымъ масломъ. То есть, онъ болѣе понадѣялся на неприхотливость гостей. Но однако-жъ гости чрезъ нѣсколько времени замѣтили, что нестерпимо воняетъ—а ужъ куда были неприхотливы—и предводитель приказалъ вынести плошекъ.

Жуковскій благодаритъ тебя за поклонъ и отвѣчаетъ тѣмъ же; онъ трудится за Одиссеей. Двѣ пѣсни уже есть, я просилъ хоть одну въ „Москвитянинъ“, но онъ не хочетъ теперь еще печатать, по причинѣ безпрестанныхъ переправокъ. Единственная пьеса, которая была у него отдѣльная, послана имъ Плетневу подъ названіемъ: „Маттео Фальконе“, она прекрасна. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души: передай это объятіе всѣмъ близкимъ душѣ моей, которыхъ люблю также много, какъ и они меня любятъ. Твой Гоголь.

Затѣмъ въ изданіи г. Кулиша слѣдуютъ письма Гоголя къ различнымъ лицамъ изъ Рима. Въ письмѣ отъ 2-го ноября къ П. А. Плетневу онъ говоритъ: «Я къ вамъ съ борыстолюбивою просьбой, другъ души моей, П. А., узнайте,

что дѣлають экземпляры «М. Д.» назначенные мною къ представленію — ¹⁾ и оставленные мною для этого у гр. В**. Въ древнія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ обыкновенно что-нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень, очень было бы нужно..... Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не вслѣдствіе какого-нибудь великодушія, а вслѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня. Конечно, я не имѣю никакого права, основываясь на этихъ причинахъ, ждать вспоможенія, но прошу, чтобы меня не исключили изъ круга другихъ писателей, которымъ изъясняется царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участие» (199). Въ ноябрѣ же, безъ обозначенія самаго числа (на штемпелѣ значится какъ будто 12-е). Гоголь отправилъ Шевыреву слѣдующее письмо, замѣчательное тѣмъ, что изъ него видна способность друзей Гоголя не безусловно хвалить его — даже и какъ писателя.

Римъ. — Ноябрь.

Благодарю тебя много, много за твои обѣ статьи, которыя я получилъ въ исправности отъ вянгины Волконской, хотя нѣсколько поздно. Въ обѣихъ статьяхъ твоихъ, кромѣ большаго ихъ достоинства и значенія для нашей публики, есть очень много полезнаго собственно для меня. Замѣчаніе твое о неполнотѣ комическаго взгляда, берущаго только въ полюбохвата предметъ, могло быть сдѣлано только глубокимъ критикомъ — созерцателемъ. Замѣчанія объ излишествѣ моей расточительности тоже большая правда. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты на одномъ экземплярѣ замѣтилъ на поляхъ карандашомъ всѣ тѣ мѣста, которыя отданы даромъ читателю, или лучше сказать, навязаны на него безъ всякой просьбы съ его стороны. Это мнѣ очень нужно, хотя я уже и самъ много кое-чего вижу, чего не видалъ прежде, но человекъ требуетъ всякой помощи отъ другихъ и только послѣ указаній, которыя намъ сдѣлають другіе, мы видимъ яснѣе собственные грѣхи. Ты пишешь въ твоемъ письмѣ, чтобы я, не глядя ни на какія критики, шелъ смѣло впередъ. Но я могу идти смѣло впередъ только тогда, когда взгляну на тѣ критики. Критика придаетъ мнѣ крылья. Послѣ критики, всеобщаго шума и разноголосья, мнѣ всегда яснѣй предстаетъ мое творенье. А ты самъ, я думаю, чувствуешь, что, не извѣдавъ себя со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ своихъ недостаткахъ, нельзя избавиться отъ своихъ недостатковъ. Мнѣ даже критики Булгарина приносятъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни. Но какую же пользу можетъ принести мнѣ критика, подобная твоей, гдѣ дышетъ такая чистая любовь къ искусству и гдѣ я вижу столько душевной любви ко мнѣ, ты можешь судить самъ. Я много освѣжился душой по прочтеніи твоихъ статей и ощутилъ

¹⁾ Тутъ опять одинъ изъ тѣхъ пропусковъ, которые считалъ нужными г. Булшшъ.

въ себѣ прибавившуюся силу. Я жалѣлъ только, что ты, вровень съ достоинствами сочиненія, не обнажилъ побольше его недостатковъ. У насъ никто не повѣритъ, если я скажу, что мнѣ хочется, и душа моя даже требуетъ¹⁾, чтобы меня болѣе оуждали, чѣмъ хвалили, но художникъ-критикъ долженъ понять художника-писателя. Прощай, обнимаю тебя много разъ. Пожалуйста присылай мнѣ всѣ критики, которыя случится написать обо мнѣ, прямо по почтѣ, не затрудняясь тѣмъ, что письмо будетъ толсто и придется много платить за него. Я готовъ вчетверо заплатить и все еще буду въ барышахъ. Прокоповичу я послалъ все, что слѣдуетъ и потому нѣтъ никакихъ препятствій къ скорому выходу моихъ сочиненій. Увѣдомь меня, когда они получатся въ Москву. Узнай также отъ Аксакова, Серг. Тим., высланы-ли деньги мнѣ въ Римъ и какимъ путемъ посланы онѣ. Меня очень изумляетъ, что ихъ до сихъ поръ здѣсь нѣтъ, тѣмъ болѣе, что Сергѣй Тимошеевичъ хотѣлъ послать ихъ даже раньше того срока, въ которому я просилъ. Я просилъ его выслать въ Римъ къ 1-му октября, а теперь уже, слава Богу, 10-е ноября²⁾. Языковъ тебѣ кланяется. Адресуй:

Via Felice, № 12^b, 3 piano.

Передай Софьѣ Борисовнѣ, вмѣстѣ съ самимъ искреннимъ и душевнымъ поклономъ моимъ, множество благодарностей за великодушное участіе ея въ хозяйственныхъ дѣлахъ по части „Мертвыхъ душъ“.

Далѣе, послѣ немногихъ писемъ къ разнымъ лицамъ, должно быть помѣщено слѣдующее къ Н. М. Языкову:

Нпцда, декабря 21 (января 2).

Я получилъ два письма твои, адресованныя одно въ Дюссельдорфъ, другое—въ Ниццу. Состояніе твоего здоровья меня не удовлетворяетъ, но куражь! Мы должны бодрить другъ друга и подавать другъ другу руку; я самъ тоже одолѣваемъ разными недугами, тѣмъ болѣе несносными для меня, что они наводятъ томленіе, тоску и мѣшаютъ какъ слѣдуетъ работать. Гребу рѣшительно противу волнъ, иду противъ себя самаго, то есть противу находящаго бездѣйствія и томительнаго безпокойства. Сила свыше не оставляетъ меня, но тѣлу моему потребно возобновленіе. Подумываю, наконецъ, сурьезно о Греффенбергѣ; перекрестясь и благословясь, рѣшусь погрузиться въ холодную воду. Хотя бы даже никакой помощи противу недуговъ коренныхъ не подала вода, но и освѣженіе чего-нибудь да стоитъ. Чувствую, что неспокой-

¹⁾ Зачеркнуто слово «этого».

²⁾ Зачеркнуты двѣ строчки.

ство духа, смѣшанное съ непонятною тоскою, есть нынѣ болѣзнь повсемѣстная, слѣдствіе какаго-то тягостнаго расположенія въ воздухѣ; всѣ времена года перепортились, я насилу ушелъ отъ дождей и то, можетъ быть, потому, что засѣлъ въ Ниццѣ, гдѣ, какъ тебѣ извѣстно, дуютъ вѣтры только съ одной стороны, стало быть весьма рѣдко. Погода прекрасная, то есть всегдашнее солнце, но не работается такъ какъ бы хотѣлъ. Живу я въ виду небольшого хвостика моря, на которое, впрочемъ, кожу глядѣть вблизи. Здѣсь нашелъ нѣсколько русскихъ знакомыхъ, семейство Вильгорскихъ, Солдогоба, который тебѣ влается и который, кажется, охотнѣе больше ѣздитъ по вечеринкамъ, чѣмъ писать. Кн. Мещерскіе—московскіе, съ которыми я познакомился недавно, и Смирнова, съ которою знакомъ уже давно и которую знаешь и ты по пирогамъ, присланнымъ нѣкогда въ Римъ. Впрочемъ, я вижусь съ ними не такъ часто, какъ бы могъ. Хочу насильно заставить себя что-нибудь сдѣлать и потому веду жизнь уединенную и преданную размышленіямъ. Вотъ все, что пока могу сказать о себѣ. Теперь отношусь къ тебѣ съ просьбой: если ты при деньгахъ, то ссуди меня тремя тысячами на полгода или даже двумя, когда не достанетъ. Книжныя дѣла моц, какъ, я думаю, тебѣ тоже извѣстно, пошли весьма скверно. Если найдутся у тебя лишнія деньги, то дай знать объ этомъ Швыреву: онъ, обративъ ихъ на вексель, пришлетъ мнѣ. Если же не случится, то на нѣтъ, какъ говорится, и суда нѣтъ. Затѣмъ поздравляю тебя съ наступающимъ годомъ; дай Богъ, чтобъ онъ тебѣ былъ плодovitъ во всѣхъ отношеніяхъ; а потомъ пожелаемъ того же и всѣмъ, кто только предпринялъ какое-нибудь дѣло во благо и пользу общую. Затѣмъ прощай; душевно обнимаю. Не забывай иногда перечитывать письмо мое, которое я писалъ тебѣ предъ сномъ; тамъ найдутся тѣ совѣты, которые мнѣ доставляли почти всегда значительную пользу, когда я ихъ слушалъ. Гдѣ-то я начиталъ, что совѣты всегда нужно давать и никакъ не слѣдуетъ останавливаться тѣмъ, что самъ не готовъ. Потому что, давая совѣты другимъ, сдѣлается стыдно самому, когда увидишь, что все это слѣдуетъ прежде обратить къ себѣ, и кончится тѣмъ, что, наконецъ, придетъ въ умъ исправиться самому совѣтнику. Увѣдоми о Петрѣ М. и всемъ его семействѣ, а равно и о другихъ, которымъ всѣмъ передай мой поклонъ. Нащокина поблагодари за поклонъ и скажи ему, что я самъ тоже безъ денегъ и безъ мѣста, стало быть, мы должны крѣпиться духомъ равно и прибѣгать къ одной силѣ, поддерживающей человѣка. Надеждѣ Наколаевнѣ передай это письмо. Авдотѣ Петровнѣ, равно какъ и всѣмъ Елагинымъ и Кирѣевскимъ, передай мое душевное поздравленіе съ новымъ годомъ и пожелаай имъ всѣмъ отъ меня всякаго счастья. Твой Гоголь.

Забирай, пожалуйста, отъ Н. Н. Шереметевой письма въ свое письмо; письма, запечатанныя въ одинъ пакетъ, обойдутся гораздо дешевле. Мнѣ не хочется, чтобы для меня издерживалась она такъ много.

Слѣдующее за этимъ письмо къ С. П. Шевыреву—самое, кажется, замѣчательное изъ печатаемыхъ теперь. Оно самымъ полнымъ образомъ дорисовываетъ черты, проявившіяся уже въ прежнихъ письмахъ, а потому и не нуждается въ особыхъ комментаріяхъ.

Февраля 28 (1843 г.)—Римъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ молчаній со всѣхъ сторонъ я получилъ письмо отъ тебя, безцѣнный другъ мой! Поблагодаривши тебя за него отъ всей души, я принимаюсь отвѣчать на всѣ его пункты: 1) Ты говоришь, что я плохо распорядился относительно дѣлъ моихъ и, между прочимъ, не сказалъ, какъ и въ чемъ плохо и относительно какихъ именно дѣлъ. Что я плохо распорядился—это для меня не новость, и не долженъ, и не могу заниматься моими житейскими дѣлами, вслѣдствіе многихъ глубокихъ душевныхъ и сердечныхъ причинъ, но о нихъ послѣ. Но тебѣ ни въ какомъ случаѣ не должно со мною церемониться: ты долженъ говорить все на прямикъ, не опасаясь никакимъ образомъ задѣть какихъ бы то ни было струнъ самолюбія-ли авторскаго или просто человѣческаго, или чего бы то ни было, что называется обыкновенно чувствительною и цвѣтливою стороною. Все будетъ принято благодарно и съ любовью. Это я тебѣ говорю разъ на всегда, и прошу, ради дружбы нашей, не заставить меня повторить это въ другой разъ. Сколько я могу догадываться, вѣроятно, плохое распоряженіе относится къ изданію моихъ мелкихъ сочиненій, и, вѣроятно, Прокоповичъ сдѣлалъ, по неопытности, какую-нибудь глупость. Впрочемъ, вотъ причины, почему я печатаніе ихъ предпринялъ въ Петербургѣ и распорядился не такъ, какъ бы слѣдовало, относительно, разныхъ выгодъ житейскихъ. Изданіе всѣхъ сочиненій моихъ непременно нужно было произвести, не откладывая и не затягивая этого дѣла, въ новому году или сейчасъ послѣ новаго года: взглянувши на все и сообразя все, ты самъ, можетъ быть, проникнешь въ необходимость этого. Признаюсь, я помышлялъ-было обратиться къ тебѣ, несмотря на то, что совѣсть кричала противъ этого. Но когда я увидѣлъ, что и Погодина ѣдетъ за границу и что „Москвитяинъ“ взваленъ на тебя, у меня не достало духу. Я думалъ обратиться къ Серг. Т., но Сергѣй Тимоѣ. сказалъ, что онъ будетъ лѣтомъ въ деревнѣ; впрочемъ, молодые люди (К. С. и братья) могутъ, оставаясь въ городѣ, завѣдывать печатаньемъ. Я уже думалъ было поручить дѣло въ Москвѣ, но меня вдругъ смутила мысль, что дѣло пойдетъ на страшную проволочку. Не говоря о медленности москов-

скихъ типографій, меня сильно остановило ценсурное дѣло. Изъ всѣхъ ценсоровъ одинъ только Никитенко былъ подвигнутъ ко мнѣ участіемъ псыреннимъ, но безпрестанная пересылка мелкихъ пьесъ изъ Москвы въ Петербургъ (онѣ же поступали и къ цензору не въ одно время), письменныя объясненія и недоразумѣнія, все это мнѣ предвѣщало такую возню, что у меня просто не поднимались руки. И какъ я вспомню, чего мнѣ стоило вытребовать и получить изъ Петербурга рукопись М. Д. послѣ того какъ она уже цѣлый мѣсяць была пропущена комитетомъ... И притомъ, Никитенко, при всемъ доброжелательствѣ, малороссіянинъ и лѣнивъ, его нужно было подталкивать безпрестанно личными посѣщеніями. Все это заставило меня печатаніе производить въ Петербургѣ. Прокоповичу я поручилъ потому, что знаю его совершенно съ дѣтства, какъ лучшаго школьнаго товарища: это человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ честный и благородный, и дѣятельный, когда того потребуютъ. Плетнева я просилъ напугать его во всякихъ затрудненіяхъ. У Прокоповича было все лѣто совершенно свободно и онъ могъ неутомимо и безостановочно заняться печатаніемъ. Этой работой я имѣлъ отчасти намѣреніе возбудить его къ дѣятельности, усыпленной нѣсколько его черствой и непитательной работой. Доходовъ отъ этого изданія я не могъ ожидать. Хотя, конечно, нѣсколько неизвѣстныхъ пьесъ (которыхъ я имѣлъ благоразуміе не печатать въ журналахъ) могли придать нѣкоторый интерес новости книгѣ, но все же она не новость. Она изъ четырехъ томовъ, стало быть, высокой цѣны никакъ нельзя было назначить. Большаго куска вынуть изъ кармана, при теперешнемъ безденежьи, не такъ легко, какъ вынуть пять или десять рублей. Но при томъ я не имѣю духа и совѣстности возвысить цѣну, зная, что мои покупатели, болѣею частію, люди бѣдные, а не богатые, и что иной, можетъ быть, платить чуть не послѣднюю копѣйку. Тутъ это мерзкое сребролюбіе подлѣи и гадье чѣмъ въ какомъ-либо другомъ случаѣ. И такъ, несмотря на то, что напечатаніе стало свыше 16-ти тысячъ и что въ книгѣ 126 листовъ, я велѣлъ ее не продавать никакъ дороже 25 рублей. Первые экземпляры пойдутъ, конечно, шибче и окупятъ, можетъ быть, изданіе, но тамъ медленно. Половину экземпляровъ или треть я хотѣлъ было назначить, по отправкѣ въ Москву, къ тебѣ, но не знаю удобно-ли тебѣ и какъ это сдѣлать, объ этомъ меня увѣдоми. И такъ, вотъ тебѣ всѣ причины моего распоряженія, которое сдѣлалъ я относительно этого дѣла; конечно, можно было распорядиться и умнѣе, но у меня не было силъ на то, не было силъ потому, что я и не могу, и не долженъ заниматься многимъ, что относится къ житейскому, но объ этомъ будетъ рѣчь послѣ. Весьма можетъ быть, что Прокоповичъ,

какъ еще неопытный, многое сдѣлать не такъ какъ слѣдуетъ, и потому ты, пожалуйста, извѣсти меня обо всемъ. Я, натурально, не скажу Прокоповичу, что слышалъ отъ тебя, а издалека дамъ ему знать быть осмотрительнѣй и благоразумнѣй. Но довольно объ этомъ, поговоримъ о 2-мъ пунктѣ твоего письма. Ты говоришь, что пора печатать второе изданіе „М.Д.“, но что оно должно выдти необходимо вмѣстѣ со 2-мъ томомъ. Но если такъ, тогда нужно слишкомъ долго ждать. Еще разъ я долженъ повторить, что сочиненіе мое гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ можно предполагать по его началу. И если надъ первою частью, которая оглянула едва десятую долю того, что должна оглянуть вторая часть, просидѣлъ я почти пять лѣтъ, чего, натурально, никто не замѣтилъ, одинъ ты замѣтилъ долговременную и тщательную обработку многихъ частей. И такъ, если надъ первой частью просидѣлъ я столько времени, не думай, чтобъ я былъ когда-либо преданъ праздному бездѣйствію; въ продолженіе этого времени я работалъ головою даже и тогда, когда думали, что я вовсе ничего не дѣлаю и живу только для удовольствія своего. И такъ, если надъ первой частью просидѣлъ я такъ долго, рассуди самъ, сколько долженъ просидѣть я надъ второй. Это правда, что я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе, благодаря тѣмъ подвигамъ, которые я предпринималъ къ воспитанію моему и которыхъ тоже никто не замѣтилъ. Напримѣръ, никто не зналъ, для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ пьесъ, тогда какъ я производилъ ихъ, основываясь на разумѣннѣи самого себя, на устройствѣ головы своей. Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навывнуть, производить плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполне ясное и совершенное въ высокой трезвости духа. Послѣ сихъ и другихъ подвиговъ, предпринятыхъ во глубинѣ душѣ, я, разумѣется, могу теперь двигать работу далеко успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ прежде; но нужно знать и то, что горизонтъ мой сталъ чрезъ то необходимо шире и пространнѣй, что мнѣ теперь нужно обхватить болѣе того, что вѣрно бы не вошло прежде. И такъ, если предположить самую непрерывную и ничѣмъ не останавливаемую работу, то два года—это самый короткий срокъ. Но я не смѣю объ этомъ и думать, зная мою необеспеченную нынѣшнюю жизнь и многія житейскія дѣла, которыя иногда въ силѣ будутъ разстроить меня, хотя употребляю всѣ силы держать себя отъ нихъ подалѣ и меньше сколько можно о нихъ думать и заботиться. Понужденіе къ скорѣйшему появленію второго тома, можетъ быть, ты сдѣлалъ вслѣдствіе когда-то помѣщеннаго въ „Москвитянинѣ“ объявленія, и потому вотъ тебѣ настоящая истина: никогда и никому я не говорилъ, сколько и что именно у меня готово,

и когда, въ величайшему изумленію моему, напечатано было въ „Москвитинѣ“ извѣщеніе, что два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выйдетъ въ продолженіе года, тогда не была даже кончена первая часть. Вотъ какъ трудно созидаются тѣ вещи, которыя на видъ инымъ кажутся вовсе не трудны. Если ты подѣ словомъ необходимость появленія втораго тома разумѣешь необходимость истребить непріятное впечатлѣніе, ропотъ и негодованіе противъ меня, то вѣрь мнѣ: мнѣ бы слишкомъ хотѣлось самому, чтобъ меня поняли въ настоящемъ значеніи, а не въ превратномъ. Но нельзя упреждать время, нужно, чтобъ все излилось прежде само собою, и ненависть противъ меня (слишкомъ тяжелая для того, кто бы захотѣлъ заплатить за нее, можетъ быть, всею силою любви), ненависть противъ меня должна существовать и быть въ продолженіе нѣкотораго времени, можетъ быть, даже долгаго. И хотя я чувствую, что появленіе втораго тома было бы свѣтло и слишкомъ выгодно для меня, но въ то же время, проникнувши глубже въ ходъ всего текущаго предъ глазами, вижу, что все и самая ненависть есть благо. И никогда нельзя придумать человѣку умнѣй того, что совершается свыше и чего иногда въ слѣпотѣ своей мы не можемъ видѣть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Вѣрь мнѣ, что я не такъ безпеченъ и неразуменъ въ моихъ главныхъ дѣлахъ, какъ неразуменъ и безпеченъ въ житейскихъ. Иногда силой внутренняго глаза и уха я вижу и слышу время и мѣсто, когда должна выйти въ свѣтъ моя книга, иногда по тѣмъ же самымъ причинамъ, почему бываетъ ясно мнѣ движеніе души человѣка, становится мнѣ ясно и движеніе массы. Развѣ ты не видишь, что еще и до сихъ поръ всѣ принимаютъ мою книгу за сатиру и личность, тогда какъ въ ней нѣтъ и тѣни сатиры и личности, что можно замѣтить вполне только послѣ нѣсколькихъ чтеній; а книгу мою, большую частію, прочли только по одному разу всѣ тѣ, которые встаютъ противъ меня. Еще, смотри, какъ гордо и съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ всѣ на героев моихъ; книга писана долго, нужно чтобъ дали трудъ всмотрѣться въ нее долго. Нужно чтобы устоялось мнѣніе. Противъ перваго впечатлѣнія я не могу дѣйствовать. Противъ перваго впечатлѣнія должна дѣйствовать критика, и только тогда съ помощью ея впечатлѣнія получаютъ образъ, выйдутъ сколько-нибудь изъ перваго хаоса и станутъ опредѣлительны и ясны, тогда только я могу дѣйствовать противъ нихъ. Вѣрь, что я употребляю всѣ силы производить успѣшно свою работу, что виѣ ея я не живу и что давно умеръ для другихъ наслажденій. Но вслѣдствіе устройства головы моей я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній, и никакая сила не можетъ заставить меня произвести,

а тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ; я могу умереть съ голода, но не выдать безразсуднаго, необдуманнаго творенія. Не осуждай меня. Есть вещи, которыя нельзя изъяснить. Есть голосъ, повелѣвающій намъ, предъ которыми ничтоженъ нашъ жалкій разсудокъ, есть много того, что можетъ только почувствоваться глубиною души въ минуту слезъ и молитвъ, а не въ минуты житейскихъ расчетовъ! Но, довольно. Теперь я приступаю къ тому, о чемъ давно хотѣлъ поговорить и для чего какъ-то не имѣлъ достаточныхъ силъ. Но, помолясь, приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вмѣстѣ: ты, Погодинъ и Серг. Тим. Съ вами ближе связана жизнь моя, вы уже оказали мнѣ тѣ высокія знаки святой дружбы, которые основаны не на земныхъ отношеніяхъ и узакъ и отъ которыхъ не разъ струились слезы въ глубинѣ души моей. Отъ васъ я теперь потребую жертвы, но эту жертву вы должны принести для меня. Возьмите отъ меня на три или на четыре даже года всѣ житейскія дѣла мои. Тысячи есть причинъ, внутреннихъ и глубокихъ причинъ, почему я не могу и не долженъ и не властенъ думать о нихъ. Не въ силахъ я изъяснить вамъ ихъ, они всѣ находятся въ такихъ соприкосновеніяхъ со внутренней моею жизнью, что я не въ силахъ стать въ холодное и вполне спокойное состояніе души моей, дабы изъяснить все сколько-нибудь понятнымъ языкомъ. Ничего не могу я вамъ сказать, какъ только то, что это слишкомъ важное дѣло. Вѣрьте словамъ моимъ и больше ничего. Если человѣкъ въ полномъ разумѣ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ, а не въ пору опрометчивой юности, человѣкъ сколько-нибудь чуждый неумѣренностей и излишествъ, омрачающихъ очи, говорить, не будучи въ силахъ объяснить безсильнымъ словомъ, говорить только изъ глубины растроганной глубоко души,— вѣрьте мнѣ, тогда нужно повѣрить словамъ такого человѣка. Не стану вамъ говорить, что благодарность моя будетъ за это вамъ безконечна, какъ безконечна къ намъ любовь Христа Спасителя нашего. Прежде всего я долженъ быть обезпеченъ на три года. Распорядитесь какъ найдете лучше со вторымъ изданіемъ и съ другими, если только послѣдуютъ, но распорядитесь такъ, чтобъ я получалъ по шести тысячъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ всякій годъ. Это самая строгая сдѣла; я бы могъ издерживать и меньше, если бы оставался на мѣстѣ; но путешествіе и перемѣны мѣстъ мнѣ также необходимы, какъ насущный хлѣбъ. Голова моя такъ странно устроена, что иногда мнѣ вдругъ нужно пронестись нѣсколько сотъ верстъ и пролетѣть разстояніе для того, чтобъ мѣнять одно впечатлѣніе другимъ, уяснить духовный взоръ и быть въ силахъ обхватить и забра(ти)ть въ одно то, что мнѣ нужно. Я уже не говорю, что изъ каждаго угла Европы взоръ мой видитъ

новыя стороны Россіи и что въ полный обхватъ ее обнять я могу только, можетъ быть, тогда, когда оглянѣ всю Европу. Побѣда въ Англію будетъ слишкомъ необходима мнѣ, хотя внутренно я не лежу къ тому и хотя не знаю еще, будутъ-ли на то какія средства. Изданіе и пересылку денегъ ты, какъ человѣкъ точный болѣе другихъ, долженъ принять на себя. Высылку денегъ раздѣлить на два срока: 1-й—къ 1-му октябрю и другой—къ 1-му апрѣлю, въ мѣсто, куда я напишу, по три тысячи; если же почему-либо не удобно, то на три срока по двѣ тысячи. Но, ради Бога, чтобы сроки были акуратны. Въ чужой землѣ иногда слишкомъ приходится трудно. Теперь, напримѣръ, я прѣхалъ въ Римъ въ увѣренности, что уже найду здѣсь деньги, назначенныя мною къ 1-му октябрю, и вмѣсто того вотъ уже шестой мѣсяць я живу безъ копѣйки, не получая ни откуда. Въ первый мѣсяць мы даже побѣдствовали вмѣстѣ съ Языковымъ; но, слава Богу, ему прислали сверхъ ожиданья больше и я могъ у него занять двѣ тысячи слишкомъ. Теперь мнѣ слѣдуетъ ему уже и выплатить; ни отсюда не шлютъ мнѣ, изъ Петербурга я не получилъ ни одного изъ тѣхъ подарковъ, которые я получалъ преждѣ, когда былъ тамъ Жуковскій. Вотъ уже четвертый мѣсяць, какъ я не получаю даже ни письма, ни извѣстія и не знаю, что дѣлается съ печатаніемъ. Подобныя обстоятельства бывають иногда для меня роковыми, не житейскимъ бѣдствіемъ своимъ и нищетою стѣсненной нужды, но состояніемъ душевнымъ. Это бываетъ роковымъ, когда случается въ то время, когда мнѣ нужно вдругъ сняться и сдвинуться съ мѣста и когда я слышалъ къ тому душевную потребность, состояніе мое бываетъ тогда глубоко тяжело и оканчивается иногда тяжелой болѣзнью. Два раза уже въ моей жизни мнѣ приходилось слишкомъ трудно... Не знаю, дадите-ли вы вѣру словамъ моимъ, но слова мои душевная правда. И много у меня пропало чрезъ то времени, за которое не знаю, чего бы не заплатилъ; я также расчелливъ на него, какъ расчелливъ на ту копѣйку, которую прошу себѣ (у меня уже давно все мое состояніе—самый крохотной чемоданъ и четыре пары бѣлья). И такъ, обдумайте и посудите объ этомъ. Если не станетъ для этого денегъ за выручку моихъ сочиненій, придумайте другія средства. Разсудите сами, я думаю, я уже сдѣлалъ настолько, чтобы дали мнѣ возможность окончить трудъ мой, не заставляя меня бѣгать по сторонамъ, подыматься на аферы, чтобы, такимъ образомъ, приводить себя въ возможность заниматься дѣломъ, тогда какъ мнѣ всякая минута дорога; или (?) и тогда, какъ я вижу необходимость скорѣйшаго окончанія труда моего. Если-жъ средствъ не отыщется другихъ, тогда прямо просите для меня; въ какомъ бы то ни было видѣ были мнѣ даны, я ихъ благодарно приму,

и, можетъ быть, всякая копѣйка, брошенная мнѣ, помолится о спасеніи душъ тѣхъ, которые бросили мнѣ эту копѣйку. Но если эта копѣйка будетъ брошена вслѣдствіе отказа въ чемъ-либо нужномъ себѣ, тогда не берите этой копѣйки; я не долженъ никому стоять лишенья и теперь еще не имѣю права. Относительно другой части дѣлъ моихъ, на счетъ матери моей и сестеръ, я буду писать къ Сергѣю Тимоѣевичу и Погодину и изложу имъ, какимъ образомъ по имѣнію поступить наилучше, если потребуется надобность такая. Я, сдѣлавъ все, что могъ, отдалъ имъ свою половину имѣнія, сто душъ, и отдалъ, будучи самъ нищимъ, и не получа достаточнаго для своего собственнаго пропитанія. Наконецъ, я одѣвалъ и платилъ за сестеръ, и это дѣлалъ не отъ доходовъ и излишествъ, а занимая, и надѣлалъ долговъ, которые долженъ уплачивать. Погодинъ меня часто упрекалъ, что я сдѣлалъ мало для семьи и матери. Но откуда же и чѣмъ я могъ сдѣлать больше, мнѣ не указалъ никто на это средство. Я даже полагаю, что въ дѣлахъ моей матери гораздо важнѣе и полезнѣе будетъ умный совѣтъ, чѣмъ другая помощь. Имѣніе хорошо, 200 душъ, но, конечно, маменька, не будучи хозяйкой, не въ силахъ хорошо управиться, но въ помощяхъ такого рода должно прибѣгать къ радикальнымъ средствамъ, и объ этомъ я буду писать къ Сергѣю Тимоѣевичу и Погодину, надѣясь на прекрасныя души ихъ и на нѣжное участіе ихъ. И дай Богъ, чтобъ я въ силахъ былъ написать только; но мнѣ кажется, что они лучше могутъ почувствовать мое положеніе, если только вникнуть глубоко въ мое положеніе. Боже! какъ часто не достаетъ ни словъ, ни выраженій мнѣ тогда, какъ толпится въ душѣ много того, чтобъ хотѣла выразить и сказать моя душа и какъ ужасно тяжело бываетъ мнѣ написать письмо... Есть миллионы причинъ, почему я не могу войти въ дѣла житейскія и относящіяся ко мнѣ. Еще разъ я долженъ сказать это: отнимите отъ меня на три или четыре года все это. Если Погодинъ и Сергѣй Тимоѣевичъ найдутъ необходимость точно помочь иногда денежнымъ образомъ моей матери, тогда, разумѣется, взять изъ моихъ денегъ, вырученныхъ за продажу, если только она окажется; но нужно помнить тоже слишкомъ хорошо мое положеніе, взвѣсить то и другое, какъ повелитъ благоразуміе. Они на своей землѣ, въ своемъ имѣніи, и, слава Богу, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть безъ куса хлѣба. Я въ чужой землѣ и прошу только насущнаго пропитанія, чтобъ не умереть мнѣ въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ, четырехъ лѣтъ. Но да внушитъ вамъ Богъ и вразумитъ васъ. Вы всячески сдѣлаете умнѣе и лучше меня. Напиши мнѣ, могу-ли я надѣяться получить въ самомъ короткомъ времени, то есть, накопилось-ли въ кассѣ для меня денегъ? Мнѣ нужны, по край-

ней мѣрѣ, 3.500; двѣ тысячи слишкомъ я долженъ отдать Языкову, да тысячу слишкомъ мнѣ нужно впередъ для прожитья и поднятья изъ Рима. Что касается до моего приѣзда въ Москву, то ты видишь, что мнѣ для этого необходимость настоять и, взглянувши глубокимъ окомъ на все, ты увидишь даже, что я не долженъ этого дѣлать прежде окончанія труда моего. Это, можетъ быть, даже слишкомъ тягостная мысль для сердца. потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво все, что окружаетъ меня здѣсь и глаза мои все(го) смотрятъ только въ Россію и нѣтъ мѣры любви моей къ ней, какъ нѣтъ мѣры любви моей къ вамъ, которой я не въ силахъ и не могу рассказать. Прощайте, пишите мнѣ хоть по одной строчкѣ, хоть по самой незначительной строчкѣ. Письма ваши очень важны для меня и они будутъ послѣ еще важнѣе и значительнѣй, когда я останусь одинъ и потребую пустыней и удаленій отъ всего для глубокаго воспитанья, душевнаго воспитанья, которое совершается внутри меня святой чудесной волею Небеснаго Отца нашего. Прощай, я буду къ тебѣ писать, можетъ быть, скоро, вслѣдствіе другой уже моей потребности душевной. Цѣлую и обнимаю тысячи разъ... На это письмо дай немедленный отвѣтъ, чтобы я зналъ, что ты получилъ его. И если набрались деньги, ты высылай ихъ немедленно на имя Валентини, piazza Apostoli, palazzo Walentini, потому что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мы думаемъ подняться изъ Рима. Твой Гоголь.

Сообщ. В. С. Шевыревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

Ценсура.

1830—1865.

„Le plus cruel des despotismes, c'est l'arbitraire de l'ignorance“.
Анонимъ.

Учрежденія, создаваемые людьми для регулированія отправления жизни народовъ, составляютъ живыя умственные существа (*êtres de raison*). Эти невещественныя личности подчиняются однако-жъ общимъ бытовымъ условіямъ; совершая предназначенный имъ циклъ, они проходятъ обыкновенныя фазисы всякой органической жизни. Имѣя назначеніемъ достиженіе упомянутой цѣли, они должны неотступно слѣдовать за роковыми фазисами жизни народа, развиваться вмѣстѣ съ ея развитіемъ, вполнзмѣняться сообразно съ возникающими въ ней новыми потребностями, порождающими новыя формы жизненныхъ отправления.

Слѣдуя такому правильному ходу, учрежденія со временемъ перерождаются до того, что первоначальный ихъ характеръ почти совершенно сглаживается; остаются неприкосновенными одни лишь коренныя основы, на которыхъ и для которыхъ они были построены. Тогда основы эти облекаются уже въ новыя формы, сообразныя съ появившимися новыми условіями.

Таковъ естественный ходъ, такова судьба всѣхъ человѣческихъ установленій и всѣхъ законодательствъ. Удерживать, во что бы то ни стало, отжившій *status quo*—это насловать натуральный порядокъ, это вводитъ разладъ между справедливыми доводами прогресса и учрежденіями, и, вмѣсто нормальныхъ, создавать ненормальныя, искусственныя и тѣмъ самымъ стѣсн-

тельные положенія, и потому счастливо то политическое тѣло, члены котораго не томятся въ долгомъ ожиданіи осуществленія разумныхъ своихъ пожеланій, гдѣ сама власть одновременно съ обществомъ уразумѣваетъ насущныя потребности и соображаетъ съ ними постепенное развитіе учреждений. На такомъ естественномъ пути прогресса совершились у насъ въ послѣднее двадцатилѣтіе благодѣтельные преобразованія всѣхъ прежнихъ установленій. Въ числѣ ихъ цензура подверглась такимъ измѣненіямъ, что недавнее прошедшее ея должно считать переселившимся уже въ царство тѣней, и будемъ надѣяться, что говорить о ней уже возможно, какъ объ учрежденіи, совершившемъ свой циклъ безвозвратно. *Que la terre lui soit legère!*

Я имѣю нѣкоторое право считать себя свѣдущимъ въ біографіи покойной цензуры: сперва какъ издававшій въ Петербургѣ, съ 1830 по 1858 годъ, политико-литературную газету, на польскомъ языкѣ, а потомъ, съ 1853 по 1865 годъ, какъ членъ главныхъ управленій по дѣламъ печати.

Согласно этимъ различнымъ положеніямъ, обзоръ періода 1830—1865 годовъ естественно раздѣляется на два разнохарактерныхъ разсказа. Для полноты этихъ разсказовъ необходимо представить прежде всего подробности перваго изъ такихъ положеній.

I.

Въ 1820-хъ годахъ польская періодическая пресса находилась въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Въ Вильнѣ издавался «Литовскій Курьеръ» (*Kuryer Litewski*), собственность генерала Влодека, доставшаяся ему по наслѣдству. Газета эта, арендуемая Марцинкевичемъ, выходившая три раза въ недѣлю, заключала въ себѣ одни внутреннія и заграничныя извѣстія; никакой литературы въ ней не было и главнымъ матеріаломъ ея были официальные объявленія, на которыя изданіе это имѣло исключительную привиллегію. Оно вообще редактировано было съ крайнею небрежностью, рассчитывая на упомянутыя объявленія, содѣлывавшія газету необходимою для присутственныхъ мѣстъ, для всѣхъ должностныхъ и многихъ частныхъ лицъ. Почти

тоже самое было и въ Варшавѣ. Тамъ любимцемъ читающей публики постоянно былъ летучій ежедневный листокъ: «Варшавскій Курьеръ», болѣе чѣмъ на половину наполненный чисто мѣстными извѣстіями о загородныхъ гуляньяхъ, завтракахъ, «подвечеркахъ» и т. п., съ плохими шарадами и каламбурами. Другія варшавскія газеты не давали ничего собственно литературнаго. Онѣ наполнялись отчасти утилитарными, отчасти критическими статьями, но эти послѣднія сами были ниже всякой критики, какъ это доказано Мицкевичемъ въ его знаменитомъ «Предисловіи» въ петербургскому изданію его стихотвореній. Вообще въ тогдашней польской письменности чувствовался недостатокъ серьезнаго изданія, которое было бы проводникомъ текущей литературы и распространяемой университетами науки.

Въ 1829 году, трое насъ, товарищей по Виленскому университету: Францискъ Малевскій, Александръ Парчевскій и я, по внушенію и какъ бы по уполномочію другихъ товарищей, въ томъ числѣ Мицкевича, рѣшились на попытку осуществить давно задуманное намѣреніе — издавать въ Петербургѣ газету на польскомъ языкѣ, которая хотя отчасти восполняла бы упомянутый недостатокъ, открывая поле для дѣятельности даровитыхъ писателей молодого поколѣнія, не находившей себѣ простора. Никто изъ насъ въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ никакой опытности, но ее, какъ показали послѣдствія, замѣнило трудолюбіе и усердіе въ благонамѣренной цѣли.

Наша ассоціація составилаь на слѣдующихъ основаніяхъ: для первоначальныхъ издержекъ мы положили капиталъ въ 6,000 рублей асс., изъ котораго я внесъ половину, а два участника — по $\frac{1}{4}$. Въ такой же соразмѣрности мы должны были дѣлить между собою доходъ отъ подписки и убытки, въ случаѣ недостаточности ея.

По особымъ уваженіямъ, званіе, права и обязанности отвѣтственнаго издателя-редактора, съ полнымъ «*ius gladii*», предоставлены были мнѣ, и въ исходѣ 1829 г. я исходатайствовалъ разрѣшеніе издавать въ Петербургѣ, на польскомъ языкѣ, политико-литературную газету, по одному разу въ недѣлю, подъ названіемъ «*Tygodnik*» («Еженедѣльникъ»). Кромѣ обыкновенныхъ объявленій и нѣсколькихъ писемъ въ тѣмъ, которыхъ призывали въ корреспонденты, мы не сдѣлали ничего для пріобрѣтенія заранѣе подписчиковъ. О печатаніи газеты я заключилъ договоръ съ управленіемъ

военной типографіи на довольно выгодныхъ условіяхъ; предъ частными подобными заведеніями оно имѣло то преимущество, что не закрывалось въ опредѣленные часы, посылать «оригиналь» для набора и дѣлать корректуру можно было и поздно ночью. Два отряженные для меня наборщика, которымъ я платилъ хорошее жалованье, очень скоро выучились набирать съ польскаго письма, хотя не понимая ни слова ¹⁾). Во весь періодъ своего существованія, съ 1830 по 1859 годъ, газета печаталась въ той же типографіи.

Въ первомъ году изданія, 1830 г., наша ассоціація приготовилась было встрѣтить дефицитъ, но это опасеніе не оправдалось; въ концѣ года намъ пришлось получить изъ чистой прибыли небольшой дивидендъ. Видя въ этомъ хорошее предзнаменованіе и имѣя порядочный запасъ матеріаловъ, я предположилъ издавать съ 1831 года газету по два раза въ недѣлю, увеличивъ число листовъ, но не увеличивая годовой платы 50 руб. асс. (въ послѣдствіи переложенной въ 15 руб. сереб.) и сохраняя первоначальное названіе. Такъ, безъ измѣненія, газета издавалась уже до конца 1858 года включительно ²⁾).

Въ теченіе своего существованія «Тигодникъ» годъ отъ году прибрѣталъ болѣе извѣстности и доброй славы. Я это говорю откровенно и смѣло потому, что за такіе успѣхи на мою долю собственно приходится мало заслуги. Всѣ—рѣшительно всѣ знаменитые того времени писатели содѣйствовали этимъ успѣхамъ: они постоянно сообщали для моей газеты не только отдѣльныя статьи, но и не мало произведеній, составляющихъ цѣлые томы, которые печатались фельетонами. Въ той и другой формѣ «Ти-

¹⁾ Одна изъ примѣровъ удивительной понятливости русскаго челоуѣка. Однажды, въ 1846 году, императоръ Николай I посѣтилъ военную типографію, очень замѣчательную по громадности производимыхъ въ ней работъ и образцовому порядку. Обходя съ военнымъ министромъ огромную залу, гдѣ работали десятки людей и на одной такъ называемой «кассѣ» замѣтивъ набирающихъ съ польскаго оригинала мою газету, государь спросилъ наборщиковъ: понимаютъ-ли они по-польски?—«Никакъ нѣтъ—съ в. и. в.», былъ отвѣтъ.—«Какъ же вы можете набирать?»—«По привычкѣ, в. и. в.». Тогда, обратившись къ министру, Николай Павловичъ сказалъ: «Il faut que j'amène ici l'impératrice, je lui montrerais des machines, comme il n'y en a pas en Angleterre. (Надо бы привести сюда императрицу посмотреть такія машины, какихъ и въ Англии нѣтъ).

²⁾ Вскорѣ потомъ газета перешла въ полную мою собственность, съ обязанностию выплачивать одному изъ участниковъ извѣстный процентъ отъ чистой прибыли. Другой соучастникъ уступилъ мнѣ вполнѣ свое право. О. П.

годниѣ» заключилъ въ себѣ множество литературныхъ и научныхъ произведеній: митрополита Головинскаго, Ромуальда Губе, Ник. Малиновскаго, графа Генриха Ржевускаго, Элеоноры Штюрмеръ (псевдонимъ), Ходзько, М. Грабовскаго, І. Крашевскаго, К. Малковскаго, К. Буйницкаго, графа Холонѣвскаго и многихъ другихъ. Такимъ образомъ собраніе нумеровъ моей газеты за двадцать девять лѣтъ, начиная съ 1830 года, остается живымъ памятникомъ и лучшимъ представителемъ польской письменной интеллигенціи за этотъ періодъ. Мое личное участіе въ литературной части газеты ограничивалось критическими разборами новыхъ книгъ, полемикой въ необходимыхъ случаяхъ и юмористическими статьями изъ петербургской и обще-европейской жизни. Впрочемъ, я не писалъ ничего подъ моимъ именемъ, а нѣкоторыя статьи и въ моемъ, и въ другихъ изданіяхъ подписывалъ или буквами І. Е. герба Г., или Е. Г., или псевдонимами: Фалена, Миерось, Ципринусъ. Существенная же дѣятельность моя состояла въ строгомъ выборѣ всего, что печаталось и въ постоянной заботѣ о сохраненіи въ моемъ изданіи непривосновеннымъ однажды избраннаго, зрѣло обдуманнаго направленія. Если по особымъ уваженіямъ помѣщались иногда статьи, хотя нѣсколько расходящіяся съ моимъ образомъ мыслей, то это всякій разъ оговаривалось въ выноскахъ, въ формѣ мотивированнаго протеста редакціи. Это не всѣмъ нравилось, но мнѣ базалось необходимымъ для того, чтобы изданіе, въ своемъ цѣломъ, сохранило ненаружимыми свои принципы, свой характеръ и колоритъ, и этого я достигъ.

Предпріятіе основалось при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ это время продолжалась мода на все польское; такое происхожденіе служило хорошею рекомендаціею и въ обществѣ, и для службы. Одноплеменнымъ съ русскими полякамъ легко было бы изъ таковаго расположенія извлечь и частную для себя выгоду, и способствовать общей пользѣ, во всякомъ же случаѣ приобрѣсть то значеніе, которое, вопреки общественному чутью, упрочили за собою иноплеменные туземцы одной изъ окраинъ имперіи. Но поляки не сумѣли этимъ воспользоваться. А между тѣмъ наступилъ 1830 годъ и плачевныя событія послѣднихъ мѣсяцевъ этого года въ одно мгновеніе превратили прежнее расположеніе въ противоположное чувство. Появленіе въ слѣдующемъ году холеры,

которую невѣжество приписало польской интригѣ, сдѣлало положеніе поляковъ въ Петербургѣ тѣмъ болѣе тяжелымъ, что (*mirabile dictum!*) и многіе изъ образованныхъ классовъ повѣрили этому гаму неразумной толпы ¹⁾).

Но до наступленія таковаго переворота, моя газета считала уже почти годъ существованія и въ это время она возбудила сочувствіе и въ той части русской публики, которой не чужды были польскій языкъ; въ русскихъ изданіяхъ появились переводы замѣчательнѣйшихъ статей «Еженедѣльника».

Съ конца 1830 года газета «Тигодникъ» сдѣлалась органомъ самаго энергичнаго осужденія преступнаго варшавскаго движенія и не преставала всѣми силами противодѣйствовать революціоннымъ доктринамъ, которыми, подъ знаменемъ лже-патріотизма, значительная часть польскаго народа вовлечена была въ преступленіе и пагубу. Для таковаго противодѣйствія, какъ и для всякаго ратоборства за правду, въ виду господствовавшаго въ царствѣ и западномъ краѣ фанатизма, требовалось не мало не только гражданскаго мужества, но и самоотреченія, такъ какъ газета и ея редакторъ съ такимъ направленіемъ не могли нравиться тогдашней польской публикѣ.

Въ 1832 году правительство присвоило нашей газетѣ названіе и права официальной газеты Царства Польскаго.

Почти одновременно, кажется въ началѣ 1833 г., редакторъ, вмѣстѣ съ четырьмя товарищами его по университету, остававшимися, какъ и онъ, въ государственной службѣ, парижскимъ эмигрантскимъ трибуналомъ были приговорены къ смерти и казнены по портретамъ на Батиньольскомъ полѣ.

Все это связано для того, чтобы показать, что «Тигодникъ» заслуживалъ полнаго довѣрія со стороны правительства, представлялъ всѣ ручательства благонамѣренности и преданности долгу. За всѣмъ тѣмъ, по возникновеніи польскаго мятежа, положеніе редакціи, особенно при тогдашней взыскательной ценсурѣ, содѣлалось крайне деликатнымъ, хотя, впрочемъ, взыскательность эта и не могла устрашать меня. То, что мы сами, я и мои сотрудники по редакціи, писали, не могло возбуждать даже сомнѣ-

¹⁾ Смотри мою статью въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ X.

нія; для статей же, сообщаемыхъ посторонними, я былъ самымъ строгимъ цензоромъ. Одно, о чемъ я молилъ Провидѣніе, это, чтобы моимъ цензоромъ былъ умный человѣкъ, такой, который понималъ бы все въ томъ прямомъ смыслѣ, въ какомъ написано; не искалъ бы, какъ французы говорятъ, «полдня въ четырнадцатомъ часу», и на бѣлой бумагѣ между строкъ не усиливался читать то, чего тамъ нѣтъ. Я давно сдѣлалъ замѣчаніе, что, въ своемъ описаніи «Ада», Данте пропустилъ одно изъ тяжкихъ человѣческихъ мученій: это положеніе редактора журнала, имѣющаго дѣло съ глухимъ цензоромъ, и вотъ чего я страшно боялся на этомъ еще свѣтѣ.

О ценсурѣ вообще я составилъ себѣ собственную теорію; она чрезвычайно упрощала взаимныя отношенія печати къ наблюдательной власти и содѣлывала излишнимъ особый ценсурный уставъ, хотя таковой и красовался въ общемъ сводѣ законовъ. Продолжая мои изданія 29 лѣтъ и, въ наиболѣе щекотливомъ положеніи польской газеты въ Петербургѣ, не подвергшись ни разу взысканію, я собственнымъ опытомъ убѣдился въ практичности моей теоріи. Она заключается въ слѣдующемъ:

Для удовлетворительнаго, по возможности безошибочнаго сужденія о какомъ бы то ни было предметѣ, прежде всего необходимо уяснить себѣ его всесторонне, изслѣдовать конечное, внутреннее значеніе предмета и, такимъ образомъ, приведя вопросъ о немъ къ наипростѣйшему выраженію, сопоставить съ ближайшимъ ему по аналогіи, вполне уясненнымъ и окончательно уже опредѣленнымъ предметомъ. Тогда, подобно математическому процессу, не упуская руководящей нити, добытой изъ извѣстнаго, исхать по ней неизвѣстнаго. Внутреннее значеніе и самое назначеніе ценсуры, подвергнувъ такой аналитической операциі, ближайшимъ аналогическимъ къ нему терминомъ окажется значеніе и назначеніе полиціи.

Полиція же есть учрежденіе, имѣющее цѣлью дѣйствующіе въ данной странѣ, въ данное время, писанные законы приводить въ фактическое исполненіе и предотвращать всякое, также фактическое ихъ нарушеніе. Слѣдовательно, то, что требуется отъ полиціи въ области матеріальныхъ дѣяній, требуется отъ ценсуры въ кругѣ дѣйствія интеллектуальномъ: сущность и той, и другой

одинаково, хотя и въ различныхъ сферахъ, состоитъ въ охраненіи отъ нарушенія дѣйствующаго закона.

Изъ этого слѣдующія заключенія:

Цензура, бывъ ни что иное какъ полиція печатнаго слова, не нуждается для своего руководства ни въ какомъ спеціальному уставѣ; во всемъ, что приходитъ въ ея сужденію, она должна имѣть въ виду общіе обязательные законы. По такому взгляду, всякія разсужденія и апологіи о томъ, что закономъ предписывается или чего законъ не запрещаетъ, слѣдуетъ считать позволительными и наоборотъ — не допускаться.

Законодательства всѣхъ цивилизованныхъ государствъ согласны между собою въ главныхъ основаніяхъ. Всѣ имѣютъ цѣлью охранять установившуюся форму правленія, упрочивать въ странѣ порядокъ и спокойствіе на началахъ религіи и нравственности, обезпечивать правильное отправленіе правосудія и администраціи и давать наилучшее направленіе народному просвѣщенію. При примѣненіи однако-жъ этихъ общихъ положеній, представляются слѣдующія уваженія. Въ тѣхъ же цивилизованныхъ государствахъ, кромѣ писанныхъ, существуютъ и соблюдаются законы и неписанные, почти на столько же обязательные. Это — правила приличія и общежитія во всѣхъ ихъ примѣненіяхъ, начиная съ личныхъ, затѣмъ общественныхъ до государственныхъ и до между-народныхъ. Сверхъ того, тогда какъ для сужденія о позволительности, или непозволительности дѣянія, наблюдательная власть, полиція, имѣетъ прямой, наглядной критерій въ буквѣ закона, подобное сужденіе въ области печатнаго слова требуетъ особой способности, особаго чутья для оцѣнки отношеній печатаемаго къ писанному и неписанному закону, такъ какъ искусившіеся въ писательскомъ дѣлѣ нерѣдко успѣваютъ, затемнивъ эти отношенія, обойти и тотъ, и другой законъ.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ сами собою явствуютъ условія, необходимыя для правильнаго дѣйствія цензуры, гдѣ она существуетъ, и для полученія тѣхъ результатовъ, для которыхъ учреждена.

Первое изъ этихъ условій есть самый строгій, самый цѣлесообразный выборъ лицъ — исполнителей требованій учрежденія. Дабы въ лицѣ ценсора соединены были ручательства и для власти, въ соблюденіи ея интересовъ, и для частныхъ лицъ, въ обезпе-

ченіи ихъ отъ притѣсненій, нужно, чтобы онѣ знали писанные и неписанные законы, чтобы были не чужды ходу общихъ политическихъ дѣлъ, общественному быту и движенію, не чужды наукамъ и литературѣ, а болѣе всего, на столько уменъ, чтобы взгляды и сужденія его не шли въ разрѣзъ степени общественнаго развитія въ предѣлахъ законности. Надо бы сказать себѣ однажды навсегда, что хорошій цензоръ есть своего рода элѣгическая спеціальность, и что если гдѣ фамусовскій фаворитизмъ вреденъ, такъ это по преимуществу въ назначеніи цензоровъ. И предвидѣть невозможно, сколько вреда и частнымъ интересамъ, и общей пользѣ можетъ причинить на этомъ мѣстѣ человекъ, неспособный по чему-либо: по незнанію, по излишней мнительности съ одной стороны, а съ другой—по ложному либерализму и жаднѣ популярности, хотя, впрочемъ, послѣднее случается у насъ очень рѣдко.

По такому уясненіи себѣ всѣхъ сторонъ положенія, при чистотѣ намѣреній и отсутствіи всякаго лицепріятія, я имѣлъ право ожидать, что мнѣ будетъ возможно спокойно слѣдовать по пути избраннаго поприща.

Моей газетѣ, при ея дебютѣ, посчастливилось и въ цензурномъ отношеніи. Съ 1830-го по 1847 годъ включительно она находилась въ разсмотрѣніи людей умныхъ, образованныхъ и вполне знающихъ польскій языкъ. Это были, одинъ послѣ другаго, К. С. Сербиновичъ, Ф. П. Сенковскій, П. П. Гаевскій, Иг. Іаков. Ивановскій; два изъ нихъ занимали профессорскія кафедры въ университетѣ. Въ этомъ періодѣ «Тигодникъ», не встрѣчая нераціональныхъ препятствій, помѣстилъ въ себѣ замѣчательнѣйшія статьи и цѣлыя сочиненія лучшихъ современныхъ, выше поименованныхъ писателей.

Но за этимъ періодомъ послѣдовалъ и продолжался почти девять лѣтъ другой, который можно бы назвать смутнымъ временемъ газеты. Несмотря на то, что въ 1848 и 1849 годахъ, по случаю революціонныхъ волненій во всей Европѣ, бдительность ценсуры была естественно возбуждена и строгость ея усилена, «Тигодникъ», однако-жъ, всегда вѣрный своимъ основнымъ началамъ, не престававъ бы процвѣтать по прежнему, если бы былъ оставленъ въ своемъ прежнемъ нормальномъ положеніи относительно наблюдавшей за нимъ власти. Но, къ сожалѣнію,

сперва съ 10-го сентября 1847 по 1851 годъ, а потѣмъ, съ малымъ промежуткомъ, по 1857 годъ, газета попала въ руки двухъ новыхъ личностей, впрочемъ, очень почтенныхъ, но вліяніе которыхъ отразилось на ней самымъ тяжелымъ образомъ. Я и теперь удивляюсь себѣ, какъ у меня достало на столько силы воли, чтобы въ такихъ обстоятельствахъ продолжать изданіе. Оно, лишенное всякаго литературнаго достоинства, всякой занимательности, должно было компрометировать меня въ глазахъ читателей, которые не могли уяснить себѣ причины такой внезапной перемѣны, которой я не могъ имъ объяснить.

Причины такого неблагопріятнаго вліянія двухъ разновременно, но одинъ за другимъ, ценсуровавшихъ «Тигоднивъ», были различны и чисто—личны, но отъ этого мнѣ было не легче. Первый, умный и ученый, не былъ официальнымъ ценсоромъ; онъ занималъ значительное положеніе въ ученой сферѣ и былъ имъ очень занятъ. Обязанность ценсуровать мою газету была ему навязана сверхъ настоящаго его званія и навязана безъ всякаго за то вознагражденія, потому только, что онъ зналъ польскій языкъ. Онъ самъ откровенно признался мнѣ, что при отвѣтственности, которая въ тогдашнее тревожное время лежала на ценсурѣ, и при своихъ занятіяхъ, едва-ли онъ можетъ считать обязанностью давать себѣ трудъ вникать съ полнымъ ценсорскимъ вниманіемъ въ смыслъ литературныхъ произведеній: трудъ былъ бы не производительный, а рискъ напрасный. Я и самъ не могъ не сознавать нѣкоторой основательности такого реального взгляда, и долженъ былъ отказаться отъ всякой литературы, ограничась въ моей газетѣ официальными внутренними, полуофициальными иностранными извѣстіями и самою невинною, безпѣтной смѣсью. Такимъ образомъ осталась недоконченною въ «Тигодникѣ» одна прекрасная повѣсть Крашевскаго.

Я не былъ такъ близко извѣстенъ моему полу-ценсору, чтобы пользоваться такимъ его довѣріемъ, какое имѣли ко мнѣ его предшественники,—до такой степени, что одинъ изъ нихъ подписывалъ не читавши мои корректуры и ни разу въ этомъ не раскаялся.

Другой, читавшій мое злополучное изданіе во второмъ періодѣ тяжелаго времени, былъ уже официальнымъ ценсоромъ. Но онъ, кромѣ чрезвычайной боязливости, имѣлъ одинъ маленький

недостатокъ: онъ не зналъ ни слова по-польски ¹⁾). При всемъ расчетѣ времени на долю его мнительности, я не могъ не замѣтить, что мои корректурные листы онъ продерживалъ слишкомъ долго, часто до поздней ночи. Но я пересталъ удивляться этому, когда узналъ, что каждый разъ онъ посылаетъ за однимъ студентомъ, уроженцемъ западнаго края, который переводитъ ему устно каждое слово. По устраненіи этого лингвистическаго—выступали на сцену интеллектуальныя препятствія. Почти каждое слово, переведенное съ грѣхомъ по поламъ, возбуждало сомнѣніе, вызывало колебанія и нескончаемыя размышленія. Въ результатѣ, цензоръ многое самъ исключалъ, бѣольшую же часть статей останавливалъ для доклада ценсурному комитету. Не производя самъ и не пропуская ничего даже сомнительнаго, я напрасно въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ старался постигнуть тотъ умственный процессъ, который моего цензора дѣлалъ такимъ, каковымъ онъ былъ. И до сихъ поръ я остаюсь въ невѣдѣніи, чего онъ хотѣлъ, чего боялся и чѣмъ можно было угодить ему? И при немъ я принужденъ былъ отказаться отъ всякой литературы, отъ всякихъ статей съ разсужденіями и умозаключеніями. Газета болѣе чѣмъ когда-нибудь осуждена была на пошлую, прозябательную жизнь. Дабы никто не могъ заподозрить меня въ преувеличеніи и дабы дать понятіе о такомъ ценсорѣ и о моемъ тогдашнемъ положеніи, приведу изъ многихъ слѣдующіе два примѣра.

Отъ знаменитаго владѣльца сахарнаго завода, волынскаго помѣщика Зенона Головинскаго, я получилъ письмо изъ Брюсселя, которымъ онъ просилъ напечатать, что въ этомъ городѣ видѣлъ примѣненіе въ фабрикаціи сахара ново-выдуманнаго процесса, по коему кристаллизованный рафинадъ получается въ одни сутки прямо изъ свѣжаго свековичнаго сока. Авторъ письма предостерегаетъ фабрикантовъ, чтобы они воздержались отъ всякихъ другихъ нововведеній до его возвращенія въ имѣніе, а тогда онъ всѣмъ сообщитъ новый способъ, которому теперь учится въ Бельгіи.

Что могло быть ценсурно-невиннѣе этой статьи? Это такъ казалось мнѣ, двуглазому простому смертному. Но мой стоикий Аргусъ высмотрѣлъ въ ней нѣчто такое, что заставило его отло-

¹⁾ «Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable».

жить статью для внесенія ея въ комитетъ. Если бы по этому случаю назначена была премія за догадливость, то и тогда, я увѣренъ, никто не нашель бы того, что затруднило моего цензора. Я отправился къ нему съ подлиннымъ письмомъ. Тутъ на мой вопросъ г. А., всячески извиняясь передо мною, сказалъ:

— Помилуйте, я не могъ неусумниться: въ статьѣ говорится и о кристаллизаціи, и о центробѣжной силѣ, и о распространеніи новости въ краѣ. При томъ же изобрѣтатель—Руссо! Не ясно-ли тутъ видна аллегорія?

Я не зналъ, что отвѣчать и, на силу удержавшись отъ смѣха, поворился въ надеждѣ, что комитетъ разрѣшитъ статью. Не тутъ-то было, въ довершенію курьёза, письмо Головинскаго было окончательно запрещено. Но каково было удивленіе и первой, и аппеляціонной инстанціи, осудившей его за коварную аллегорію, когда недѣли чрезъ двѣ послѣ такого рѣшенія въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» появилась испрошенная г. Руссо привиллегія на его изобрѣтеніе. Тогда цензоръ наивно, и даже не покраснѣвши, сказалъ мнѣ, что теперь къ напечатанію письма Головинскаго «препятствія не имѣется».

Другой курьёзъ былъ слѣдующій:

Въ химіи съ давняго времени оставался нерѣшленнымъ вопросъ: что такое кураре (Curare), страшный ядъ, которымъ дикіе Южной Америки и нѣкоторыхъ острововъ напитываютъ свои стрѣлы, винжалы, и т. п., и который мгновенно причиняетъ смерть отъ малѣйшей раны. Наконецъ, Гумбольдтъ въ послѣднее свое путешествіе разрѣшилъ этотъ вопросъ; онъ видѣлъ и описалъ какъ готовятъ ядъ. Это—экстрактъ корней дерева, растущаго въ гніющихъ водахъ тропическихъ странъ, изъ рода *Strychnos*, вида *Strychnos toxifera*. Къ экстракту дикіе прибавляютъ еще яда гремучей змѣи (*Crotalus horridus*) и другой *Trigonocephalus Lachesis*. Найдя извѣстіе объ этомъ въ одномъ англійскомъ журналѣ, я повторилъ его въ отдѣлѣ смѣси. Неудивительно, что проницательный цензоръ, убоавшійся кристаллизаціи сахара, утратился также и кураре. Онъ удержалъ статейку для представленія на разрѣшеніе своего ареопага. Когда я спросилъ его о причинѣ, то онъ, съ свойственною ему тонкостію соображенія, отвѣчалъ:

— Это извѣстіе можетъ послужить злomu человѣку рецептомъ для составленія такого смертоноснаго вещества.

Напрасно я представлялъ, что для этого злomu человѣку нужно бы совершить путешествіе въ тѣ страны, гдѣ растетъ дерево и гдѣ живутъ названныя змѣи; ценсоръ былъ непреклоненъ. Комитетъ однако-жъ на этотъ разъ не раздѣлилъ съ нимъ его ультра-гуманнхъ опасеній.

Я могъ бы привести множество подобныхъ примѣровъ, повторявшихся регулярно два раза въ недѣлю въ моихъ корректурахъ, но думаю, что и двухъ достаточно, чтобы дать понятіе о моемъ положеніи и о той грусти, которую я чувствовалъ, безъ всякой вины съ моей стороны, за упадокъ моего изданія, которое въ первыя 16 лѣтъ занимало такое почетное мѣсто въ періодической литературѣ. Помочь же этому было по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно; я зналъ навѣрно, что жалобы на ценсора, и именно на моего ценсора, не повели бы ни къ чему и еще, къ плачевной неспособности его, прибавилось бы личное ко мнѣ неудовольствіе.

Впрочемъ, я не во многомъ могъ позавидовать другимъ, даже и русскимъ изданіямъ. Ценсоровъ, удовлетворявшихъ требованіямъ своего званія, было очень немного: они составляли исключенія. По городу ходили презабавныя анекдоты о подвигахъ ценсуры 1840-хъ и начала 50 годовъ. Всѣмъ извѣстенъ казусъ съ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ.

Его императорское высочество издавалъ описаніе съ рисунками російскихъ монетъ и медалей; въ числѣ ихъ было изображеніе рубля, выпущеннаго въ такомъ году царствованія Петра I, когда монархъ этотъ титуловался еще царемъ и великимъ княземъ. Ценсоръ не преминулъ вычеркнуть этотъ рисунокъ и надписать глубокомысленное замѣчаніе, что Петръ Великій былъ не царь, а императоръ Всероссийскій. Для августѣйшаго издателя, это, конечно, не имѣло послѣдствій: но каково было сочинителямъ и издателямъ *du complot des martyrs*, которые должны были покоряться подобнымъ приговорамъ?

Не менѣе распространенъ былъ и анекдотъ съ какою-то книжкою вухонныхъ рецептовъ, изъ которыхъ ценсоромъ исключено было одно кушанье потому, что оно приготавлилось на вольномъ

духѣ, и т. п., и т. п. Такиѣ случаи по истинѣ превосходили вѣроятіе, имѣли всѣ признаки выдумки.

Начальнику моему и по службѣ, и по официальнойности моей газеты, министру статсъ-секретарю Царства Польскаго, я не разъ объяснялъ причины упадка этого изданія и рассказывалъ странности цензора; но я замѣтилъ, что покойный Тургуль какъ-будто подозрѣваетъ меня въ преувеличваніи. Мнѣ легко было подтвердить мои слова, показавъ ему исцалѣченные корректуры, и я хотѣлъ уже вытребовать ихъ изъ типографіи, но это оказалось ненужнымъ. Разъ министръ, возвращаясь изъ дворца отъ доклада, зашелъ въ книжный магазинъ Беллизара (теперь Мелліе), гдѣ обыкновенно покупалъ книги; тогда издавался тамъ журналъ «Revue étrangère».

Пгнатій Лаврентьевичъ Тургуль засталъ издателя въ страшно-возбужденномъ состояніи. Въ припадкѣ своей furia francese, онъ бѣгалъ по комнатамъ и рвалъ себѣ волосы.

— Что съ вами? спросилъ Тургуль.

— А вотъ, посмотрите, г. министръ, — и Беллизаръ подалъ только что полученную обратно корректуру.

Тутъ, въ одной фразѣ Бальзака, слова: «la majesté de la nature» были зачеркнуты и противъ нихъ красовалось слѣдующее поучительное замѣчаніе цензора г. П—ра: «Le mot majesté ne se dit que de têtes couronnées» (Величество говорится только о коронованныхъ головахъ).

Тургуль, разсмѣявшись отъ души, напрасно старался успокоить расхоловавшегося француза. Возвратившись домой, онъ намъ, чиновникамъ, рассказалъ курьезъ, а затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Извините меня, Пржецлавскій, я не совсѣмъ довѣрялъ вашимъ жалобамъ, теперь же вѣрю всему.

Какъ могло случиться, что отрасль управленія, столь близко, какъ цензура, связанная съ интересомъ общества, оказалась на степени такой аномаліи и долго на ней оставалась? Я затрудняюсь въ прямомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ; мнѣ, конечно, извѣстны истинныя причины такой аномаліи, мнѣ извѣстно и то, почему и на какиихъ условіяхъ такая жалкая неспособность, какъ мой послѣдній цензоръ, назначена была для газеты, которой онъ даже читать не умѣлъ, но на этотъ разъ я не намѣренъ говорить то

что знаю. Скажу только, что вина такого положенія упала непосредственно не на главную, а на среднюю ценсурную власть. Она въ выборѣ лицъ руководилась произволомъ, и почти всегда личными видами. Все-таки нельзя было не посѣтовать на центральную власть за допущеніе того, что дѣлалось: до нея, хотя и рѣдко, доходили жалобы.

Я упомянулъ уже, что во все время существованія «Еженедѣльника», ни я самъ и никто изъ моихъ ценсоровъ, не подверглись ни разу взысканіямъ. Это такъ, да иначе и быть не могло при отсутствіи всякой вины. Это однако-жъ не помѣшало нѣкоторымъ личнымъ недоброжелателямъ покушаться повредить мнѣ и моему изданію, а вмѣстѣ и выказать свою преданность правительству.

Къ главнымъ начальникамъ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, подъ наблюденіемъ котораго состояла моя газета, поступило на меня разновременно нѣсколько тяжкихъ доносовъ; но эти попытки были крайне неудачны. Каждый разъ призывали меня для объясненій и мнѣ слишкомъ легко было въ нѣсколькихъ словахъ выказать недоразумѣніе, а чаще, еще и грубое невѣжество доносчиковъ, въ родѣ пресловутой кристаллизаціи. Наконецъ, меня совсѣмъ оставили въ покоѣ. Въ послѣдствіи, когда я сдѣлался товарищемъ по главному управленію ценсуры Л. В. Дубельта, то узналъ отъ него, что по многимъ доносамъ, на меня поступавшимъ, даже не тревожили меня, и они рѣшались совершаемымъ въ III-мъ отдѣленіи, по субботамъ, сожженіемъ доносовъ, оставляемыхъ безъ послѣдствій. Равнымъ образомъ, не знаю почему, вѣроятно по изданію мною газеты, приказано было на почтѣ вскрывать мои письма. Я, кромѣ покойной матери, не переписывался ни съ кѣмъ, но получалъ много писемъ. Многія изъ нихъ, по всерытіи, были очень неуклюже припечатаны; это было слишкомъ замѣтно, а между тѣмъ не мало писемъ было попорчено. Отдѣленіе почтамта, гдѣ это дѣлалось, называлось также ценсурой. Я разъ обратился къ начальнику этого отдѣленія г. У—ву и просилъ его не давать себѣ труда припечатывать всерытныя письма, а доставлять ихъ во мнѣ въ особомъ пакетѣ. У—въ хотѣлъ увѣрить меня, что я ошибаюсь, но я легко уличилъ его имѣющимся со мною письмомъ. На немъ почтовый штемпель о полученіи былъ приложенъ такъ

что пришлось на складку конверта; онъ долженъ бы составлять правильный замкнутый кругъ, въ моемъ же случаѣ вышло два полукруга, не сходившіеся съ собою. По такомъ наглядномъ доказательствѣ, я узналъ, что приказаніе, касающееся моихъ корреспонденцій, было отдано давно, тотчасъ по возникновеніи польскаго мятежа 1830 года, но и до 1846 года не было отмѣнено. Съ тѣхъ поръ, однако-жь, я сталъ получать письма въ цѣлости.

II.

Въ маѣ 1853 года въ изданіи газеты и въ моемъ служебномъ положеніи произошла слѣдующая перемена.

Въ Варшавѣ существовалъ ценсурный комитетъ на все царство для разсмотрѣнія произведеній печати и внутренней, и иностранной. Послѣ 1830-го года онъ состоялъ въ непосредственной зависмости попечителя учебнаго округа, но, по уничтоженіи границы, существовавшей между имперіею и царствомъ, комитетъ этотъ, относительно иностранныхъ книгъ, подчиненъ былъ главному управленію цензуры. Вскорѣ въ этомъ послѣднемъ сдѣлалось ощутительною потребностью имѣть въ своемъ составѣ члена, представляющаго интересы царства и знающаго польскій языкъ, такъ какъ много книгъ на этомъ языкѣ привозилось изъ-за границы и могли поступать жалобы на рѣшенія варшавскаго комитета. По соглашенію объ этомъ министра, статсъ-секретаря Туркула, съ княземъ Варшавскимъ и министромъ народнаго просвѣщенія и по докладу того же покойнаго Туркула, которому предоставленъ былъ выборъ лица, послѣдовалъ, 27-го мая 1853 года, указъ о назначеніи меня членомъ главнаго управленія цензуры отъ Царства Польскаго, сверхъ настоящей моей должности директора канцеляріи кодификаціонной комисіи царства, съ правомъ голоса по всѣмъ вообще дѣламъ.

По такомъ назначеніи, офиціальное званіе издателя и редактора газеты я передалъ одному изъ чиновниковъ статсъ-секретаріата (покойному Ходынскому), оставаясь собственникомъ ея и не преставаая принимать въ ея изданіи, по прежнему, дѣятельное участіе, такъ что всѣ описанныя невзгоды, испытываемыя газетою (прекратившеюся по личнымъ моимъ обстоятельствамъ только съ концемъ 1858 г.), упали на меня. Но, несмотря на мое новое

положеніе, я не могъ сразу сдѣлать ничего, чтобы помочь этому; въ послѣдніе же два года, ценсорамъ «Тигодника» были уже люди способные, и въ эти годы могъ быть возстановленъ прежній характеръ изданія.

Я охотно сознаюсь, что мысль о назначеніи новаго члена къ центральному учрежденію подана была мною и что я самъ старался о назначеніи меня. Покойный Тургулъ, убѣдившись уже въ грустной несостоятельности тогдашней ценсуры, призналъ мысль мою основательною, а меня, по моей опытности, компетентнымъ для обращенія ея на общую пользу.

Я началъ присутствовать въ главномъ управленіи, въ министерствѣ, и подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова. О составѣ присутствія существовало тогда правило, чтобы въ немъ находились представители всѣхъ главныхъ вѣдомствъ. Членомъ отъ св. синода былъ К. С. Сербиновичъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ А. Г. Тройницкій, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Ѡ. А. Бюлеръ; общіе правительственные интересы представлялъ управляющій III-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, генераль Дубельтъ, а правительства Царства Польскаго—я. Сверхъ того, присутствовали, по особому высочайшему повелѣнію, сенаторъ П. Г. Митусовъ, и, по своему званію, попечитель петербургскаго учебнаго округа и предсѣдатель ценсурнаго комитета Мусинъ-Пушкинъ¹⁾. Членомъ считался также, по званію президента академіи наукъ, графъ Д. Н. Блудовъ, но онъ рѣдко посѣщалъ засѣданія. Военное вѣдомство не имѣло у насъ представителя, но интересы его были вполне обезпечены: въ петербургскомъ ценсурномъ комитетѣ засѣдалъ членъ отъ военнаго министерства, генераль Л. Л. Штюрмеръ, на предварительное разсмотрѣніе котораго поступало все, что о военномъ вѣдомствѣ и о военномъ дѣлѣ предназначалось къ напечатанію.

Со временемъ составъ главнаго управленія измѣнился какъ выбытіемъ нѣкоторыхъ членовъ и назначеніемъ новыхъ, такъ и

¹⁾ Присутствованіе его казалось мнѣ не только лишнимъ, но и нецѣлесообразнымъ, такъ какъ намъ приносили жалобы на дѣйствія комитета, и такимъ образомъ предсѣдатель его былъ судьбою въ собственномъ дѣлѣ. Къ довершенію аномаліи, предсѣдатель иностранной ценсуры не принадлежалъ къ вашему составу.

вслѣдствіе принятаго въ исходѣ 1850 годовъ правила, что цензура должна быть однородна, а не раздроблена по отдѣльнымъ вѣдомствамъ.

Пытавъ на самомъ себѣ весь вредъ дурной цензуры для общества, слѣдовательно и для власти, я сознавалъ за собою и гражданскій, и служебный долгъ—въ новомъ моемъ званіи содѣйствовать по возможности къ улучшенію этой части. Но въ первое время сильное къ тому препятствіе составлялъ присутствовавшій съ нами предсѣдатель ценсурнаго комитета, Мусинъ-Пушкинъ, горячо отстаивавшій ценсоровъ, опредѣленныхъ по его избранію. На тотъ разъ нужно было ограничиться настояніемъ о болѣе строгомъ выборѣ лицъ, вновь назначаемыхъ въ ценсорскія должности. Это продолжалось не долго; по выбитіи Мусина-Пушкина и по замѣщеніи его другимъ предсѣдателемъ комитета, приняты уже были мѣры, дабы поставить петербургскую цензуру на степень, соответствовавшую раціональнымъ требованіямъ тогдашняго законодательства о печати.

Обыкновенныя занятія въ засѣданіяхъ состояли въ разсмотрѣніи представленій комитетовъ: иностранной цензуры, варшавскаго и провинціальныхъ, о сомнительныхъ случаяхъ и о предполагаемыхъ въ исключенію неодобряемыхъ ими мѣстъ въ иностранныхъ книгахъ, также въ разсмотрѣніи жалобъ частныхъ лицъ на низшія ценсурныя инстанціи, прошеній о новыхъ периодическихъ изданіяхъ и т. п. Кромѣ участія въ этихъ занятіяхъ, я вносилъ въ главное управленіе разныя предположенія, имѣющія цѣлью упрощеніе ценсорской практики и точное, по возможности, опредѣленіе круга дѣйствія ценсоровъ для отвращенія произвола.

Съ половины 1850-хъ годовъ цензура стала ощутительно свободнѣе. Это имѣло благотвительное вліяніе на письменность вообще. Но какъ обыкновенно бываетъ послѣ продолжительнаго стѣсненія, это породило на первыхъ порахъ поползновеніе къ нѣкоторому своеволю (?). Симптомомъ его было появленіе почти во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ такъ называемой обличительной литературы. Ее составляли статьи, въ которыхъ описывались иногда въ смѣшномъ, часто въ оскорбительномъ видѣ разныя, болѣе извѣстныя столичныя и провинціальныя личности, скандальныя съ ними случаи, слабья и дурныя ихъ стороны, а иногда

возводимы были на нихъ и тяжбѣя обвиненія, такъ что бѣльшая часть этихъ статей подходили подъ опредѣленіе диффамациа, влеть, даже просто доноса. Хотя лица не назывались по имени, но въ ихъ фамиліяхъ дѣлались незначительныя измѣненія, а ихъ общественное и служебное положеніе и вся обстановка были такъ съ натуры снопірованы, что въ тождествѣ описываемаго субъекта не могло быть сомнѣнія. А между тѣмъ обиженные не могли жаловаться, какъ потому, что тогда не было еще гласнаго суда, который одинъ можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ публичнаго очищенія отъ позора, такъ и потому, что жаловаться на подобныя нападкы, болѣе или менѣе аллегорическія, значило узнавать себя въ пасквильномъ изображеніи.

Такая литература сдѣлалась почти господствующею модою, такъ какъ она въ высшей степени интересовала читающую публику, вѣроятно, вслѣдствіе того недобраго расположенія, которое Ларошфуко замѣтилъ въ человѣческой природѣ. Но были и добрые, и умные люди, одобрявшіе это своеволіе; они видѣли въ немъ справедливую кару за смѣшное и предосудительное, находили даже пользу для общественной нравственности, не замѣчая, что подобныя представленія частныхъ случаевъ и лицъ могутъ быть уродливо преувеличены, или даже вполнѣ выдуманы и служить орудіемъ для злобы и личностей, какъ это часто и случалось.

Съ первыхъ же явленій этого жанра я энергично высказался противъ него по двоякому моему служебному званію: какъ членъ ценсуры, я не могъ одобрять пасквильнаго характера, проникавшаго въ печать; а какъ чиновникъ юридической части—я находилъ его противнымъ общему духу законодательствъ, въ особенности нашего. Это послѣднее мнѣніе основывалось на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Оглашеніе посредствомъ печати чьего-либо неблаговиднаго, предосудительнаго или даже неразумнаго поступка, или непохвальныхъ подробностей частной жизни,—есть наказаніе, и нерѣдко тяжкое ¹⁾.

Изъ этого опредѣленія сами собою вытекаютъ слѣдующія заключенія:

¹⁾ Въ это время, вслѣдствіе обличительной статьи, одинъ молодой человѣкъ лишилъ себя жизни. О. П.

Всякое наказаніе можетъ быть налагаемо единственно надлежащимъ судомъ, и не иначе какъ: а) по предварительному удостовѣренію въ дѣйствительности осуждаемаго дѣянія, и б) по потребованію отъ обвиняемаго объясненія и по принятію въ совокупному соображенію всего, что онъ могъ бы привести въ свое оправданіе.

Черезъ возводимыя публично на частныхъ лицъ обвиненія и дѣянія выходы, нарушались всѣ эти необходимыя условія справедливости. Факты приводились бездоказательно; возраженія на нихъ были невозможны и наказаніе налагалось любымъ аматѣромъ скандала, неподписывавшимся, или принявшимъ вымышленное имя. Въ конечномъ анализѣ это было присвоеніе себѣ частными, безыменными лицами судейской власти, безъ уполномочія на то и безъ всякаго ручательства въ праведности суда.

Поэтому всѣ обличительныя статьи, хотя бы въ нихъ изображались и правдивыя факты, должны признаваться пасквилями потому именно, что оглашеніе ихъ составляетъ наказаніе, то есть такое юридическое дѣйствіе, которое не можетъ быть предоставлено произволу частныхъ лицъ, особенно принявъ въ уваженіе, что законное оглашеніе по суду примѣнялось къ весьма рѣдымъ случаямъ.

Такой взглядъ казался мнѣ тѣмъ болѣе справедливымъ, что, при несуществованіи еще въ то время гласнаго суда, потерпѣвшіе отъ обличительныхъ статей не могли получать удовлетворенія полного, то есть на столько публичнаго, на сколько публично было помраченіе ихъ доброй славы.

Къ тому слѣдуетъ еще замѣтить, что въ обличительныхъ статьяхъ приходился очень значительный процентъ болѣе или менѣ ложныхъ, почти же всѣ остальные отличались непомятымъ преувелченіемъ. Достоверно то, что великое большинство ихъ внушено было не какою-либо благонамѣренностью, а личнымъ озлобленіемъ и мщеніемъ.

Соображенія эти представлены были мною главному управленію цензуры. Я прибавилъ къ нимъ проектъ наставленія ценсoramъ, заключающаго указанія признаковъ, по которымъ различается позволительная сатира отъ неодобряемаго пасквиля. Главный изъ этихъ признаковъ то, что первая имѣетъ предметомъ не лица, общіе типы, свойственные цѣлымъ группамъ, цѣлымъ катего-

ріявъ, а послѣдній—всегда только отдѣльныя личности. Затѣмъ слѣдовало подраздѣленіе этого главнаго признака на второстепенные признаки и подробности, послѣдованіе которыхъ вело къ положительному опредѣленію: къ какому изъ двухъ жанровъ слѣдуетъ причислить данную юмористическую или сатирическую статью, дабы ни въ какомъ случаѣ нельзя было взять одинъ за другой. Въ этомъ проектѣ наставленія, какъ на примѣръ образцовой сатиры, я указывалъ на «Горе отъ ума», на «Мертвыя души», на «Ревизора» и другія драматическія сочиненія.

Здѣсь я позволю себѣ небольшое отступленіе и изъ упомянутаго наставленія приведу кстаті слѣдующее: когда появилось «Горе отъ ума», всѣ сразу отдали ему справедливость, но въ томъ числѣ были многіе, которые въ дѣйствующихъ лицахъ предполагали и даже узнавали изображеніе живыхъ московскихъ личностей и въ вѣрности портретовъ находили главное достоинство этой прекрасной драматической сатиры. Взглядъ совершенно ошибочный. Грибоѣдовъ и не думалъ писать портреты; если бы это было такъ, то значеніе «Горя отъ ума» было бы очень кратко-временно; оно затерялось бы вмѣстѣ со смертью тѣхъ, которые служили оригиналами для очерковъ. Да и въ продолженіе ихъ жизни достоинство сочиненія на много было бы ниже истиннаго. Грибоѣдовъ превосходно схватилъ и изобразилъ не отдѣльныя личности, а типы, жизнь которыхъ очень продолжительна, и также долговѣчна будетъ заслуга и слава его мастерскаго произведенія. Если оно и переживетъ типы, то останется драгоценною страницей въ исторіи общественнаго развитія, точкою сравненія будущаго съ прошедшимъ. Тоже самое примѣняется и въ другимъ, названнымъ образцовымъ сатирамъ, а теперь и въ превосходнымъ, вполне художественнымъ, талантливымъ очеркамъ Щедрина (М. Е. Салтыкова).

Ценсура стала серьезнѣе и съ большою разборчивостью относиться къ обличительной литературѣ, да и въ самомъ обществѣ появилась реакція противъ этого злоупотребленія печати, особенно послѣ нѣсколькихъ вопіющихъ примѣровъ недобросовѣстности. И такъ, мода на это нездоровое направленіе держалась не долго и въ каіе-нибудь два года прошла совсѣмъ. Если и теперь являютя иногда въ газетахъ статейки, которыя можно бы причислить къ отжившему жанру, то онѣ не имѣютъ пасквиля-

наго характера. а какъ скоро такой появится, то влечь за собою расправу въ гласномъ судѣ и наказаніе.

Въ январѣ 1860 года, когда еще цензура состояла при министерствѣ народнаго просвѣщенія, послѣдовало преобразование состава главнаго управленія, согласно признанной упомянутой выше потребности—единства цензуры. Нѣкоторые изъ прежнихъ членовъ остались, поступили новые, а же былъ оставленъ по прежнему, вслѣдствіе ходатайства министра, покойнаго Е. П. Ковалевскаго.

Послѣ такого преобразования возбужденъ былъ вопросъ и о преобразованіи общаго цензурнаго устава. Е. П. Ковалевскій, человекъ весьма умный и просвѣщенный, самъ сочинялъ почти всѣ новые проекты; они были по возможности примѣняемы къ вѣрнѣйшимъ взглядамъ вслѣдствіе совершившихся уже въ настоящее царствованіе и предполагаемыхъ благодѣтельныхъ реформъ. Копія этого проекта были розданы членамъ и каждый отъ себя представилъ по немъ свои замѣчанія: Но графъ Блудовъ, вѣроятно зная о предстоящемъ коренномъ преобразованіи цензуры въ настоящее ея состояніе, заявилъ въ засѣданіи главнаго управленія, что онъ нивѣднѣхъ замѣчаній на проектъ дѣлать не будетъ, такъ какъ, по его мнѣнію, подробный уставъ о ценсурѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ былъ бы дѣломъ несвоевременнымъ, и что уставъ можетъ быть замѣненъ немногими пунктами правилъ, заключающихъ общія положенія въ руководствѣ къ практикѣ.

И такъ, проектъ новаго устава не былъ разсматриваемъ въ законодательномъ порядкѣ, а вскорѣ изданы были упомянутыя правила въ нѣсколькихъ пунктахъ, утвержденныя въ 1862 г.¹⁾

Между тѣмъ кодификаціонная коммисія, въ которой я служилъ, вслѣдствіе учрежденія въ Царствѣ Польскомъ мѣстнаго государственнаго совѣта, была упразднена въ іюнь 1861 года, и по высочайшей волѣ я былъ оставленъ членомъ главнаго управленія. Въ этомъ званіи я находился въ министерства графа Путятина и А. В. Головинна.

Еще Е. П. Ковалевскій находилъ нецѣлесообразнымъ, что

¹⁾ Въ этихъ правилахъ замѣчался тотъ самый взглядъ на значеніе цензуры, который я изложилъ и развилъ въ упомянутомъ моемъ представленіи въ главное управленіе.

ценсура состояла при министерствѣ просвѣщенія; онъ раздѣлялъ взглядъ на цензуру, какъ на полицію, и поэтому думалъ, что она должна принадлежать министерству внутреннихъ дѣлъ, или III-му отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи. Онъ говаривалъ при случаѣ: «въ моемъ положеніи я чувствую въ себѣ какое-то тяжкое раздвоеніе: какъ министр просвѣщенія, я долженъ способствовать возможнымъ успѣхамъ литературы, умноженію числа повременныхъ изданій, а въ то же время, какъ генераль-ценсоръ, я, по необходимости, принужденъ останавливать это движеніе, нерѣдко запрещая и новыя, и прежнія изданія».

Предвидѣнія Евграфа Петровича сбылись въ министерство А. В. Головкина: въ мартѣ 1862 года высочайшимъ указомъ учреждена новая центральная ценсурная власть, подъ названіемъ «Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія». Высочайшимъ приказомъ 16-го того же марта я былъ назначенъ членомъ этого совѣта; кромѣ меня, оставшагося отъ бывшаго главнаго управленія, всѣ члены были вновь избранные. Въ числѣ ихъ былъ академикъ, нѣкогда ценсоръ, А. В. Нивитенко и извѣстный авторъ «Обломова», Н. А. Гончаровъ. Предсѣдатель комитета цензуры иностранной, Ф. И. Тютчевъ, считался также нашимъ членомъ, но онъ всего одинъ разъ присутствовалъ; онъ какъ-будто не признавалъ подсудности своего комитета нашей юрисдикціи. Совѣтъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра, бывшаго члена главнаго управленія, А. Г. Тройницкаго.

Кругъ нашихъ занятій по совѣту былъ нѣсколько расширенъ противъ прежняго; кромѣ обязанностей, исполняемыхъ въ главномъ управленіи, между членовъ распределены были повременныя изданія для наблюденія за тѣмъ, что въ нихъ печаталось, и для представленія объ этомъ замѣчаній. На мою долю достались разновременно: «Современникъ» (въ послѣдствіи запрещенный), «Библіотека для чтенія», «День», какой-то медицинскій журналъ и два такъ называемые юмористическіе: издаваемый въ Петербургѣ «Оса» и въ Москвѣ — «Развлеченіе». Сверхъ того, ежедневные журналы читались чиновниками особыхъ порученій и замѣчанія по нимъ поступали на разсмотрѣніе совѣта. Протоколы его, съ замѣчаніями членовъ и упомянутыхъ чиновниковъ и съ нашими по нимъ заключеніями, представляемы были на утвержденіе министра.

И имѣлъ довольно дѣла съ моими питомцами: «День», а особенно «Современникъ» требовали (?) неусыпнаго наблюденія (?). Въ послѣднемъ, въ мое время, появился надѣлавшій столько шума романъ: «Что дѣлать?» Онъ былъ напечатанъ по странному недоразумѣнію. Первая часть, появившаяся въ одномъ изъ номеровъ «Современника», не заключала ничего предосудительнаго. Между тѣмъ сочинитель, по какому-то политическому дѣлу, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ статсъ-секретарь у принятія прошеній, князь Голицынъ. Авторъ обратился къ нему съ просьбою дозволить ему докончить романъ, за который онъ получилъ отъ редакціи деньги впередъ. Князь согласился и рукописи двухъ послѣднихъ частей поступили на разсмотрѣніе къ нему. Такъ какъ онѣ, вѣроятно, ценсурованы были только въ политическомъ отношеніи, то статсъ-секретарь, не найдя въ нихъ ничего политическаго, пропустилъ ихъ. Цензоръ же, разсматривавшій «Современникъ» послѣ пропуска рукописи княземъ Голицынымъ, не смѣлъ уже останавливать печатаніе ея. Такимъ образомъ проскользнуло въ русскую литературу это произведеніе.

«Оса» заключала иногда нехорошія вещи и цензоръ ея подвергался замѣчаніямъ. По одному, очень безнравственному стихотворенію, напечатанному въ ней, я представилъ совѣту разсужденіе, гдѣ изложены были общіе взгляды на вредность подобныхъ статей, особенно въ формѣ куплетовъ, которые легко остаются въ памяти. Въ «Осѣ» они были тѣмъ болѣе предосудительны, что въ ней прилагались музыкальныя ноты, и поэтому журналъ находился въ рукахъ молодыхъ дѣвушекъ, а стихи къ нимъ именно и относились. При разсмотрѣніи журнала совѣта съ этимъ разсужденіемъ, министръ призналъ его имѣющимъ общую примѣнимость и приказалъ копіи съ него сообщить циркулярно ценсурнымъ комитетамъ для руководства.

Что касается «Развлеченія», то журналъ этотъ, при маломъ литературномъ достоинствѣ, на которое онъ, впрочемъ, и притязанія не имѣлъ, оказывалъ иногда правительству услугу. Въ немъ встрѣчались статьи, которыя хотя и можно было назвать обличительными, но онѣ имѣли признаки правдивости и благонамѣренности. Въ нихъ описывались продѣлки и даже притоны московскихъ мошенниковъ, возмутительные примѣры такъ называемаго

«самодурства», злоупотребленія и бездѣйствіе власти въ низшихъ слояхъ администраціи, и все это безъ прямого отношенія въ личностямъ. Такія указанія, находимыя въ «Развлеченіи», были отъ нашего совѣта сообщаемы департаменту полиціи, и, по надлежащемъ дознаніи, нѣсколько разъ послужили въ обнаруженію и пресѣченію зла.

Совѣтъ нашъ былъ учрежденіе временное; въ продолженіе его занятій выработывались, по инициативѣ министра П. А. Валуева, проекты того положенія, которое теперь существуетъ. Это переходное состояніе понималось и болѣе или менѣе отражалось на нашихъ дѣйствіяхъ. Взглядъ на произведенія печати незамѣтно смягчался и нѣкоторымъ изданіямъ сходили съ рукъ такія прегрѣшенія, которыя въ другое время подвергли бы ихъ строгому взысканію, и здѣсь «будущее бросало свою тѣнь передъ собою».

Въ 1863 году я былъ въ Карлсбадѣ, гдѣ тогда пользовалась водами великая княгиня Елена Павловна. Въ бесѣдахъ, которыхъ удостоивала меня по предметамъ, относящимся до моего званія, говоря о готовящейся реформѣ цензуры, ея императорское высочество энергично высказывалась въ пользу ея либеральнаго направленія. Разумѣется, что такое мнѣніе, заявленное знаменитою принцессою, особою высокаго ума, и, какъ было извѣстно, слѣдившею за государственнымъ движеніемъ, было принято мною какъ *avis au lecteur*, «въ свѣдѣнію и къ надлежащему, въ потребномъ случаѣ, исполненію».

По случаю отъѣзда, въ концѣ іюня 1864 года, товарища министра за границу, на время его отсутствія поручено мнѣ было министромъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Это продолжалось до половины декабря того же 1864-го года.

Между тѣмъ преобразование цензуры совершилось, и высочайшимъ указомъ сенату, 31-го августа 1865 года, «по случаю упраздненія временнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденія по дѣламъ книгопечатанія», я былъ уволенъ отъ должности члена этого учрежденія.

III.

Мое положеніе въ главномъ управленіи, какъ католица и какъ чинovníка царства, было нѣсколько исключительно; но и то, и другое послужило къ разъясненію встрѣчаемыхъ нерѣдко вопросовъ, которые безъ того остались бы въ настоящемъ ихъ значеніи темными. Приведу здѣсь нѣсколько анекдотическихкихъ тому примѣровъ.

Когда въ Римѣ состоялся догматъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и булла о немъ была напечатана; то возникъ въ комитетѣ цензуры иностранной вопросъ: можетъ-ли она быть пропущена? Въ главномъ управленіи, гдѣ вопросъ разсматривался, спросили моего мнѣнія, и я отвѣчалъ, что такъ какъ католическая вѣра въ російской имперіи терпима, а новый догматъ со времени установленія его пошелъ въ число статей этой вѣры (article de foi), то запрещеніемъ буллы нарушена была бы вѣротерпимость въ ея полнотѣ. Этимъ доводомъ присутствіе убѣдилось и булла была пропущена. Затѣмъ нѣкоторые члены пожелали знать въ чемъ заключается новый догматъ. Я объяснилъ, что по сущности его, въ зачатіи Богородицы не признается никакого различія отъ обыкновеннаго (физиологическаго) процесса, но въ виду назначенія пресвятой дѣвы быть матерью Сына Божія, церковь вѣруетъ, что для нея сдѣлано было исключеніе и снята та скверна первороднаго грѣха, съ которою рождаются всѣ человѣки. До послѣдняго собора позволялось не раздѣлять этого вѣрованія, хотя оно было личнымъ убѣжденіемъ всѣхъ папъ, и поэтому Пій IX пожелалъ рѣшить единожды и этотъ сомнительный пунктъ; теперь же, когда вопросъ о непорочности рѣшенъ соборомъ утвердительно, то прежнее вѣрованіе обращено въ канонически обязательное. Члены благодарили меня за ясное опредѣленіе предмета и прибавили, что до того имѣли о немъ темное и даже ошибочное понятіе. Я же, обращаясь къ министру Норову, сенатору Митусову и генералу Дубельту, сказалъ:

— Не мнѣ бы вамъ, господа, объяснять значеніе догмата, а отъ васъ поучиться, вѣдь вы кавалеры ордена непорочнаго зачатія.

— Какъ такъ? спросили они, крайне удивленные.

Тутъ я объяснилъ, что такое было первоначальное названіе ордена Бѣлаго Орла, учрежденнаго королемъ Владиславомъ. Кавалеровъ было всего двѣнадцать и каждый давалъ присягу, что вѣруеть, какъ и самъ учредитель, въ непорочное зачатіе Богородицы и обязывается вѣровать это защищать до послѣдней капли крови. Никто изъ нашихъ кавалеровъ Бѣлаго Орла не зналъ о такомъ происхожденіи ордена; современемъ онъ и перемѣнилъ форму, и утратилъ первоначальное значеніе.

Въ одномъ магазинѣ, въ Москвѣ, продавались парижскія картинки съ изображеніемъ разныхъ святыхъ и съ французскими надписями ихъ именъ. Одна изъ нихъ показала мѣстному духовному начальству несоотвѣтствующую религіознымъ преданіямъ и оно ходатайствовало о запрещеніи ея къ продажѣ. Картина, присланная въ главное управленіе, была слѣдующая: изображенъ красивый молодой человѣкъ, нѣжно обнимающій ребенка лѣтъ 7—8; внизу надпись: «Saint Joseph Patriarche». Принявъ это за изображеніе св. Іосифа—супруга пресв. Дѣвы, а ребенка за Христа—отрока, просители осуждали рисунокъ за то, что, вопреки церковной традиціи, святой представленъ молодымъ, «съ французской бородкой», и что вокругъ его головы и головы отрока нѣтъ сіянія. На вопросъ предсѣдателя о моемъ мнѣніи, я отвѣчалъ, что жалоба есть слѣдствіе простой ошибки и анахронизма. Тутъ очевидно, какъ это и въ надписи значитъ, изображены не св. Іосифъ—супругъ, и не Христосъ, а св. Іосифъ, ветхозавѣтный патріархъ, ласкающій младшаго изъ своихъ братьевъ, Веніамина. Въ изображеніяхъ святыхъ ветхаго завѣта, какъ извѣстно, сіянія не бываетъ, на основаніи, что въ ихъ время «истинный свѣтъ» (Lux vera) не нисходилъ еще на землю¹⁾. Представленіе патріарха молодымъ и красивымъ согласно съ преданіемъ, присвоившимъ ему даже названіе «прекраснаго», а справедливость этого прилагательнаго доказывается эпизодомъ съ женою Пентефрія (Putiphar). По такомъ разъясненіи недоразумѣнія, картина была разрѣшена въ продажѣ.

Въ главное управленіе прислано было изъ таможи нѣсколько фуляровыхъ носовыхъ платковъ съ портретами (очень похожими):

¹⁾ Еванг. отъ Іоанна, гл. I, стр. 9.

императора австрійскаго, короля прусскаго, королевы англійской и папы Пія IX. Министръ Норовъ полагалъ запретить продажу этихъ платковъ, находя, по легко оцѣняемой причинѣ, брайнѣ неумѣстнымъ ихъ назначеніе; что же касается портрета папы, то онъ спросилъ моего мнѣнія. Я отвѣчалъ, что, не касаясь даже католическаго вопроса, предметъ этотъ разрѣшенъ уже имъ самимъ, министромъ, изъ справедливаго уваженія къ изображеніямъ лицъ монарховъ, такъ какъ и папа (пользовавшійся тогда еще свѣтскою властью) также монархъ. Всѣ эти платки были запрещены.

Какая-то дама (фамиліи не помню) вошла въ главное управленіе съ прошеніемъ о разрѣшеніи ей издавать модный журналъ, съ картинками и выкройками. Подписная цѣна назначалась очень умѣренная. Въ программѣ обѣщался и текстъ для легкаго чтенія, притомъ же было въ ней сказано, что подписчикамъ предназначается нѣсколько премій, состоящихъ изъ дамскихъ платьевъ и другихъ уборовъ. Нумера подписныхъ билетовъ, по истеченіи каждой половины года подвергнутые тиражу, и преміи будутъ доставлены тѣмъ, чьи билеты выйдутъ. Просительница вручила министру письмо отъ одной высоко-поставленной особы, ходатайствовавшей о скорѣйшемъ разрѣшеніи изданія.

Предсѣдатель и члены высказывались уже въ томъ же смыслѣ, но я, въ общему удивленію, запротестовалъ. Я это сдѣлалъ по слѣдующимъ уваженіямъ. Предположеніе просительницы, по которому предоставлялись преміи вслѣдствіе тиража, есть ничто иное, какъ розыгрышъ ея журнала въ лотерею; а подписные билеты — ничто иное, какъ лотерейные билеты, которые многіе будутъ брать не столько для самаго изданія, сколько въ надеждѣ выигрыша, цѣнность котораго на много превосходитъ подписную плату. Если мы разрѣшимъ это одному изданію, то не будетъ основанія къ отказу въ томъ же и всѣмъ другимъ, а тогда большіе журналы, какъ академическая газета, «Сѣверная Пчела», «Библіотека для чтенія», имѣющіе и безъ того тысячи подписчиковъ, станутъ назначать въ преміи цѣлыя дома въ столицахъ или большія суммы денегъ и, по извѣстному пристрастію общества къ азартной игрѣ, приобрѣтутъ уже не тысячи и не десятки, а сотни тысячъ подписчиковъ; лотерея, подъ предлогомъ под-

писки на журналы, распространится въ огромныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ частныя лотереи запрещены и допускаются нашимъ законодательствомъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія высшей власти. Кромѣ того, въ Царствѣ Польскомъ существуетъ правительственная, такъ называемая «классная» лотерея, составляющая одну изъ статей казеннаго дохода, которому всякія частныя того же рода операціи не могутъ не принести ущерба. Я прибавилъ, что въ случаѣ разрѣшенія большинствомъ голосовъ моднаго журнала на просимомъ издательницей основаніи, я буду принужденъ, въ интересѣ казны царства и общаго закона, подать особое мнѣніе и объ этомъ случаѣ донести по начальству. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній кончилось тѣмъ, что модный журналъ былъ разрѣшенъ съ исключеніемъ выигрышныхъ премій. Проектъ г-жи *** былъ хорошо придуманъ, съ расчетомъ на порядочный доходъ; тайна нашихъ о немъ преній не была сохранена и въ издательницѣ и ея покровителяхъ я нашлъ себѣ сильныхъ враговъ. Это часто неразлучно съ исполненіемъ долга.

Приведенные примѣры показываютъ, что имѣть въ составѣ центральной цензуры члена, свѣдущаго въ католицизмѣ и въ польскихъ дѣлахъ, было въ извѣстныхъ случаяхъ небезполезно, чтобы не сказать — необходимо.

Для всѣхъ историческихъ рассказовъ существуетъ правило: «suum cuique»; поэтому, безъ ложной скромности, я исчислю здѣсь нѣсколько общихъ мѣръ, которыя, кромѣ упомянутыхъ выше, приняты были по моей инициативѣ и дѣйствуютъ въ настоящее время:

Отмѣненъ ценсорскій пропускъ на листахъ съ литографированными линейками для чистописанія (транспарантахъ). На нихъ, вѣроятно потому, что былъ заголовокъ въ нѣсколько словъ и номеръ, внизу, подъ линіями, красовались: «Печатать дозволяется», годъ, мѣсяцъ, число и подпись ценсора. Я случайно узналъ, что одинъ господинъ, отъѣзжая за границу, накупилъ въ гостиниомъ дворѣ множество такихъ транспарантовъ съ тѣмъ, чтобы показывать ихъ въ Европѣ, какъ образчики бдительности нашей цензуры.

Отмѣнена подпись ценсора на пропускахъ. Я догадывалъ, что въ Австріи и другихъ странахъ, гдѣ есть цензура, пропускъ печатается безъ подписи, по тому уваженію, что и современникамъ, и потомству нѣтъ никакой надобности знать, кто именно цен-

суровать напечатанное, а извѣстность фамиліи можетъ въ томъ или въ другомъ направленіи вліять на дѣйствія цензора. Онъ не можетъ не оглядываться болѣе или менѣе на общественное мнѣніе, тогда какъ оно, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ прямою обязанностию ценсорскаго званія. Но какъ при этой отмінѣ, вмѣсто подписи, принята была формула: «одобрено ценсурою», то въ послѣдствіи, по переходѣ уже ценсурь въ министерству внутреннихъ дѣлъ, по моему же представленію о несвойственности выраженія «одобрено», принята и до сихъ поръ осталась, болѣе соответствующая дѣйствию наблюдательной власти, формула: «Дозволено ценсурою».

Въ извѣстіяхъ полицейскихъ газетъ о кражахъ всегда назывались лица, въ нихъ подозрѣваемые. По уваженію, что, по формальному слѣдствію, подозрѣнія эти могли не подтвердиться, между тѣмъ какъ названныя лица оставались опозоренными, было предписано: въ извѣстіяхъ этого рода не именовать никого, а въ дополненіе первоначальныхъ свѣдѣній публиковать окончательные результаты слѣдствія и суда.

Для полноты настоящаго очерка я чувствую обязанность упомянуть въ немъ о нѣкотораго рода контръ-ценсурѣ, которая была учреждена въ исходѣ 1840-хъ годовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго генералъ-адъютанта Анненкова; но вмѣстѣ съ этимъ я долженъ признаться въ невозможности сказать о ней что-нибудь положительное. Это было учрежденіе не гласное, а хотя было вообще извѣстно, что оно наблюдаетъ за печатью и повѣряетъ дѣйствія ценсуры, но лично до меня, какъ издателя журнала, послѣдствія ея дѣятельности не доходили ни разу, а о подробностяхъ ихъ я не старался узнавать. Помню только, что цензора моей газеты страшно боялись этой контръ-ценсуры и излишнюю свою осторожность оправдывали этимъ опасеніемъ. Врочемъ, этотъ комитетъ не долго существовалъ и отъ дѣятельности его не осталось воспомнанія о чемъ-нибудь замѣчательномъ. Это составляетъ, быть можетъ, лучшую похвалу учрежденій такого рода.

О. А. Пржецлавскій.

МОЯ ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ,

разсказъ гравера, академика Л. А. Сѣрякова.

1824—1875.

„Русская Старина“ представила на своихъ страницахъ записки и воспоминанія весьма многихъ достопамятныхъ дѣятелей земли русской, прославившихъ себя на различныхъ поприщахъ служенія своему отечеству.

Большое собраніе неизданныхъ еще мемуаровъ находится въ нашемъ распоряженіи въ рукописяхъ и всѣ они постепенно появятся на страницахъ „Русской Старины“.

Но изъ всѣхъ Записокъ редація „Русской Старины“ особенно дорожить и интересуется разсказами русскихъ самородковъ, талантливыхъ труженниковъ въ области науки, литературы или искусствъ.

Къ числу такихъ самородковъ-талантовъ принадлежитъ академикъ Лаврентій Аксеновичъ Сѣряковъ, превосходныя произведенія котораго — портреты, гравюры на деревѣ, давно извѣстны читателямъ „Русской Старины“.

Сынъ крестьянина-солдата, потомъ питомецъ баталіона военныхъ кантонистовъ, рядовой фронтальной солдатъ, потомъ пѣвчій, флейтистъ въ солдатскомъ хорѣ музыкантовъ, фельдфебель и учитель кантонистовъ, военный писарь, наконецъ, топографъ — Сѣряковъ прошелъ крайне тяжелую, вполнѣ тернистую дорогу, прежде чѣмъ, по волѣ покойнаго императора Николая Павловича, предъ нимъ, нижнимъ чиномъ, отворились двери академіи художествъ, откуда онъ вышелъ академикомъ, первымъ и пока единственнымъ съ этимъ высокимъ званіемъ въ Россіи граверомъ на деревѣ. Трудомъ и талантомъ академикъ Л. А. Сѣряковъ приобрѣлъ званіе гравера Его Императорскаго Величества.

Жизнь людей, подобныхъ Сѣрякову, чрезвычайно поучительна, особенно для нашего общества, въ которомъ нерѣдко гибнутъ таланты, поѣдаемые невѣжественною средою и столь мало энергическихъ, съ твердою волею труженниковъ, готовыхъ съ полнымъ самоотверженіемъ преодолѣть житейскія невзгоды, чтобы прѣбитъ на поприще болѣе широкое для развитія даннаго судьбою дарованія.

Въ виду этого мы убѣдили Л. А. Сѣрякова разсказать свою жизнь.

Разсказъ этотъ, стенографически записанный, передаемъ здѣсь въ той безыскусственной формѣ, какъ слышали его отъ нашего уважаемаго и талантливаго художника.

Ред.

I.

Мои родители.—Дѣтство.—Бунтъ военныхъ поселенъ.—Казнь бунтовщиковъ.
1824—1832.

Отецъ мой былъ крѣпостной крестьянинъ села Холопова, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ, которые, какъ старшіе, заправляли всѣми дѣлами по своему хозяйству. Будучи предприимчивы и трудолюбивы, братья, состоя на оброкѣ, занимались торговлею желѣзомъ въ Петербургѣ. Вели они жизнь обезпеченную, можно сказать, даже богатую, пользовались доброю славою между односельцами и были на хорошемъ счету у помѣщика.

А помѣщику, — владѣльцу отца моего и его братьевъ, — господину Макавѣеву, — угодить было трудно. Это былъ представитель крайне необузданнаго крѣпостнаго произвола. Нерѣдко, напримѣръ, случалось, что онъ, за какіе-нибудь незначительные проступки, во время лѣтней жары повелѣвалъ обмазывать провинившагося крестьянина дегтемъ, обсыпалъ пухомъ и перьями и выставлялъ несчастнаго на солнцепекъ; мухи и другія насѣкомыя роемъ налетали на страдальца. Собственноручно же бить крестьянъ, рвать бороды, какъ это однажды случилось, напримѣръ, по разсказамъ моей матери, съ моимъ дѣдушкой, у Макавѣева было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Вотъ у такого-то человѣка мой отецъ и его братья были на хорошемъ счету. Впрочемъ и то сказать, вѣдь помѣщику того времени главное было — оброкъ; а онъ данъ эту платили настолько

исправно, что ихъ прозвали даже «графами»; графы эти одѣвались, впрочемъ, очень бѣдно, сѣро, поэтому и дали имъ прозвище «сѣряки»; отъ этого прозвища образовалась наша фамилія.

Съ юныхъ лѣтъ отецъ мой проживалъ въ Петербургѣ, въ мальчибахъ при желѣзныхъ лавкахъ своихъ братьевъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ, въ 1814 году, отправился на родину, въ с. Холопово, женился здѣсь на крестьянкѣ, моей матери, и скоро опять возвратился въ Петербургъ.

Послѣ женитьбы отецъ повелъ жизнь неладную: сталъ играть на билліардѣ, въ карты и попивалъ водочку. Староста, наблюдавшій отъ лица своего помѣщика за «оброчниками» въ Петербургѣ, донесъ барину, что-де младшій Сѣряковъ ведетъ жизнь зазорную. Отца вытребовали въ деревню и, въ примѣръ другимъ, забили въ солдаты. Это случилось въ 1820 году.

Послѣ этого братья выдѣлили отъ себя моего отца, давъ ему 6,000 руб. асс., которые, впрочемъ, онъ получилъ не вдругъ, а по частямъ, мало по малу.

Отецъ поступилъ въ 3-й карабинерный полкъ гренадерскаго корпуса, и чтобы избѣжать службы въ строю, а съ нею вмѣстѣ неизбѣжныхъ тогда палокъ и затрещинъ, онъ, при опросѣ начальствомъ — не знаетъ-ли какого мастерства, назвалъ слесаремъ. Мастерства этого, однако, онъ вовсе не зналъ, такъ что когда понадобилось сдѣлать командиру полка замокъ съ секретомъ, то отецъ мой купилъ совершенно новый замокъ, разобралъ, и по немъ уже, какъ по модели, выполнилъ требуемый заказъ.

Невеселія воспоминанія остались у меня объ отцѣ. Онъ былъ большой кутила и при томъ буйнаго характера. Бывало, придетъ пьяный, выгонитъ насъ съ матушкой изъ избы, и если не пріютимся у кого-либо изъ сосѣдей, то мовнемъ на дождѣ, мерзнемъ на холодѣ. Вообще мы перенесли отъ него много горя. Впрочемъ, это былъ человекъ не безъ способностей: самозанецъ-слесарь, отецъ мой весьма скоро не только освоился съ этимъ мастерствомъ, но сдѣлался отличнымъ часовщикомъ; былъ даже по-своему рѣзчикомъ, такъ напримѣръ, искусно рѣзалъ буквы на стали для штампованія на солдатскихъ погонахъ шифровъ полка.

Полкъ, при которомъ отецъ состоялъ слесаремъ, двигался изъ города Бѣлева (Тульской губ.) въ городъ Калзду (Калужской губ.). Это было 28-го января 1824 года. Отецъ и бере-

менная мною мать слѣдовали въ обозѣ за полкомъ, въ саняхъ-розвальняхъ безъ подрѣзей. Спускаясь въ оврагъ, сани раскатились и потащили лошадеку на дно оврага; мать страшно перепугалась, упала съ саней, вскрикнула и я родился на снѣгу, на днѣ оврага. На второй день, т. е. 29-го января, на постояломъ дворѣ меня окрестили и назвали Лаврентіемъ.

Изъ Калужской губерніи 3-й карабинерный полкъ назначенъ былъ, въ 1827 г., подъ Старую Руссу для производства работъ по проведенію какаго-то канала и для вырубкн лѣсовъ подъ расчистку полей. Черезъ годъ полкъ пришелъ въ село Перегино, Новгородской губерніи, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ и въ концѣ 1830 г. отправился въ польскую кампанію. Остался одинъ резервный баталіонъ, а при немъ и я съ матушкой, — отецъ же ушелъ вмѣстѣ съ полкомъ.

На седьмомъ году отъ рожденія я началъ учиться грамотѣ у унтеръ-офицера Остроухова. Кромѣ чтенія и письма, учитель-грамотѣй преподавалъ еще цифирь, развивалъ своихъ питомцевъ чтеніемъ часослова, псалтири и проч.

Наступилъ весьма памятный 1831-й годъ.

13-го іюля я возвращался отъ моего учителя изъ связей¹⁾ въ Перегино. Подходя къ селу, я замѣтилъ большую толпу народа, вооруженную топорами, вилами, глыжебойками и тому подобными орудіями. Толпа бушевала; раздавались крики, брань, угрозы; шумъ становился все сильнѣе и сильнѣе... Пробравшись кое-какъ съвозъ толпу, прибѣжалъ я домой къ матушкѣ.

Надобно замѣтить, что отецъ мой, проведя молодость въ Петербургѣ, старался и жизнь вести во многомъ отличную отъ крестьянъ; такъ, между прочимъ, мы съ матушкой одѣвались не по-деревенски: напримѣръ, вмѣсто сарафановъ, она носила платья, кофты и проч.

Лишь только явился я домой, какъ вбѣжалъ къ намъ мальчикъ, сынъ крестьянина, у котораго мы жили, и закричалъ матушкѣ:

— Марѳа Емельяновна, царская рука пришла — всѣхъ господъ бить! Надѣньте скорѣе сарафанъ, а то и васъ убьютъ!

Мы переодѣлись, и я украдкою выскочилъ на улицу.

¹⁾ Связями назывались деревянные казармы верстахъ въ двухъ отъ села.
Л. С.

Въ Перегинѣ жилъ одинъ изъ начальниковъ округа, штабъ-офицеръ Вонилевичъ. Бунтовщики, которые были по преимуществу не изъ нашего, а изъ другихъ округовъ, направились прежде всего къ его дому; все, что было здѣсь цѣннаго, разграбили; мебель и другія домашнія вещи разломали; наконецъ, перепились найденнымъ въ погребѣ виномъ. Скоро добрались и до самаго Вонилевича: его поволокли за ноги по щербю большой дороги, били чѣмъ попало и замертво бросили на площади у часовни.

Жена несчастнаго Вонилевича, будучи беременна, бросилась съ двумя малютеками въ бродъ чрезъ обмелѣвшую рѣку Ловать; ее провожали два крестьянина, вѣроятно, жители села Перегина; на срединѣ рѣки бѣглецы были настигнуты нѣсколькими мятежниками поселянами, которые и вытащили у ней изъ вармана 40 руб.; при этомъ несчастная такъ перепугалась, что тотчасъ же на берегу разрѣшилась отъ бремени.

Между тѣмъ мятежь по нашей сторонѣ Ловати разгорался.

Въ числѣ прочихъ злополучныхъ жертвъ былъ офицеръ, по фамилиі Свитинъ; его страшно избили и замертво кинули въ глубокой оврагъ. Ночью проходившая по краю оврага жена горниста Минаева услышала стонъ. Прибѣжавъ домой, рассказала объ этомъ хозяину, который тотчасъ же, вмѣстѣ съ Минаевой, спустился въ оврагъ. Избитаго, обезображеннаго Свитина принесли они въ избу и оказали ему необходимую помощь Мѣсяца черезъ два больной совершенно выздоровѣлъ.

Бывшій мой учитель, унтеръ-офицеръ, грамотѣй Остроуховъ, не избѣгъ печальной участи: избитаго, полуживаго его привязали къ столбу. Поздно вечеромъ мимо столба проходила моя матушка; замѣтивъ учителя, она тихонько его окликнула. Страдалецъ узналъ ее и чуть слышнымъ голосомъ сказалъ:

— Матушка, дай мнѣ, пожалуйста, напиться; у меня въ горлѣ горитъ.

— Я бы, Иванъ Федоровичъ, со всѣмъ удовольствіемъ исполнила твою просьбу,— отвѣчала съ состраданіемъ матушка,— да вѣдь меня сейчасъ убьютъ за это; тутъ ходятъ мужичье-разбойники, головорѣзы, съ топорами и ножами.

Тѣмъ не менѣе она непремѣнно хотѣла помочь страдальцу. Поэтомъ у, встрѣтивъ въ толпѣ знакомаго поселянина, попросила

его дать Остроухову напигься. Поселянинъ немедленно зачерпнулъ шапкою изъ канавы воды и утолилъ жажду несчастнаго. Послѣ этого Остроуховъ далъ знакъ рукою матушкѣ, чтобы она къ нему подошла и сказала ей:

— Иди ты въ моему хозяину на квартиру, тамъ у меня на чердакѣ есть узелокъ, въ которомъ лежатъ разныя бумаги, казенныя деньги и мои собственныя¹⁾.

Матушка это исполнила, и взятый узелокъ оставила у себя на храненіе. Вскорѣ затѣмъ полумертваго учителя отвязали отъ столба и одинъ крестьянинъ взялъ его къ себѣ на свое попеченіе. Оправившись, Остроуховъ прожилъ только четыре года.

Ночью бунтовщики, по большой части пьяные, расхаживали по селу, пѣли пѣсни и вообще были какъ бы въ чадѣ отъ совершенныхъ ими безумствъ. На каждомъ шагу встрѣчались сцены въ родѣ слѣдующей: сидитъ небольшая группа бунтовщиковъ, распиваютъ награбленное вино и закусываютъ громадными обломками сахара, забрызганными человѣческою кровью.

На второй или третій день, т. е. около 14-го іюля, повѣсили священника одного изъ приходовъ округа за ноги, внизъ головой, (фамилія его не упомяну²⁾). Когда у этого, ни въ чемъ неповиннаго страдальца начинала изъ носу и изо рта капать кровь, его опривидывали и держали головою вверхъ, пока не прекращалось истеченіе крови; послѣ этого опять вѣшали за ноги, и такая пытка продолжалась нѣсколько часовъ.

Въ этотъ же день бунтовщики разграбили полковой цейхгаузъ, захватили оттуда ружья, тесаки и другое оружіе. На слѣдующій день вся толпа бунтующихъ припельцевъ удалась изъ нашего села³⁾. Многіе изъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ начали сознавать, что поступили съверно, или, по крайней мѣрѣ, необдуманно. «Головы отрубили, а языки-то (т. е. жены и дѣти)

¹⁾ Остроуховъ былъ каптенармусомъ при полковомъ цейхгаузѣ. Л. С.

²⁾ Рѣчь, кажется, идетъ о священникѣ села Коломны, Іоаннѣ Парвовѣ. См. книгу «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія» 1871 г., изд. «Русской Старины», стр. 30 и слѣд. Ред.

³⁾ Считаю не лишнимъ замѣтить, что въ это тяжелое время пущены были въ ходъ разныя незлые слухи. Такъ, мальчикъ, сынъ крестьянина, у котораго мы жили, передавалъ намъ:

— Плохо дѣло, сыпчется въ овесъ. Нашли кулъ сулемы въ рѣкѣ, которымъ хотѣли отравить насъ,— вотъ поэтому и пришла царская рука. Л. С.

остались, слышалось между бунтовщиками. Слышалось, повторяю, и раскаянье. Старшина въ сѣромъ кафтанѣ, съ галунами, какъ у унтеръ-офицеровъ, говорилъ моеѣ матушкѣ:

— Да, Марѣа Емельяповна, мы такую кашу заварили, что и не расхлебать. Вѣдь мы, кажется, невинныя души-то погубили. Господь накажетъ насъ за это.

Скоро разнеслась вѣсть, что изъ лагеря приближаются резервы. Крестьяне села Перегино, которыя собственно далеко не всѣ принимали участіе въ мятежѣ, но между коими были бунтовщики-подстрекатели изъ другихъ округовъ, съ заряженными ружьями вышли за село, на встрѣчу резервамъ, намѣреваясь вступить въ битву. Но, разумѣется, изъ этого ничего не вышло: лишь только поселяне завидѣли стройно идущія колонны солдатъ, какъ немедленно разбѣжались. Это было дней пять спустя послѣ начала мятежа.

Во время этого бунта въ одномъ нашемъ округѣ убито было 11 человекъ офицеровъ и чиновниковъ. Тѣла ихъ лежали подъ рогожами посреди села до прибытія резервовъ: похоронены они были безъ всякой церемоніи, въ простыхъ бѣлыхъ гробахъ и не на кладбищѣ, а между связями и Ловатью, на склонѣ горы.

Кромѣ убитыхъ, нѣсколько человекъ посажено было мятежниками на гауптвахту. Къ этимъ заключеннымъ матушка носила чай, разные съѣстные припасы и вообще помогала всѣмъ, чѣмъ только могла. Разумѣется, за такія услуги признательность была полная не только въ это время, но и гораздо позднѣе, отъ лицъ, большаю частію ей совершенно незнакомыхъ. Такъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бунта, матушка получила однажды подарки, присланные незнакомымъ лицомъ изъ другаго округа. Вѣроятно, какой-нибудь добрый человекъ, вспомнивъ посильную помощь, полученную въ тяжелые дни отъ моеѣ матушки, рѣшился отблагодарить ее, когда возмѣтилъ къ тому возможность.

То село, откуда шель мятежъ, отстояло отъ нашего села верстъ за 15 или 20. Перегино состояло въ XII-мъ округѣ, самомъ крайнемъ изъ всѣхъ военнопоселенныхъ округовъ; здѣсь бунтъ окончился и далѣе не шель.

Вскорѣ по возвращеніи резервовъ, пришли въ наше село донсіе казаки и немедленно начался захватъ виновныхъ и слѣдствіе надъ участниками мятежа.

Меня очень интересовали казаки и ихъ отношеніе въ поселянамъ. Я хорошо ихъ помню, помню и то, что ихъ поставили на полное содержаніе обывателей. Каждому домохозяину ставилось обыкновенно во дворъ человекъ 10 или 15; казаки распоряжались въ домѣ на правахъ полныхъ хозяевъ, и поселяне съ своими семействами были у нихъ покорнѣйшими слугами; казаки приказывали волотъ для себя куръ, овецъ, даже бить коровъ, и это исполнялось безпрекословно. Сядеть, бывало, казакъ обѣдать, на столъ подають огромную сковороду жаренаго картофеля.

— Эй ты, тетка, масла-то, масла побольше! кричитъ казакъ.

— Что ты, родимый, посмотри, вѣдь картофель плаваетъ въ маслѣ, совсѣмъ плаваетъ,—робко замѣчаетъ хозяйка.

— Нечего разтабарывать!—кричитъ казакъ, расправляя усы,—тутъ нужно столько масла, чтобы я могъ коня моего напоить!

Казаки вполне разорили поселянъ въ теченіе восьми-мѣсячной стоянки у нихъ по дворамъ. Во все это время, днемъ и ночью, расхаживали по селу пѣшіе и конные патрули изъ казаковъ и солдатъ для предупрежденія, чтобы не произошло какого-нибудь сговора между поселянами. Село наше было совершенно въ осадномъ положеніи.

Во время обхода патрули оказывали тоже безучастно-суровое отношеніе въ обывателямъ. Много разъ бывалъ я свидѣтелемъ таковыхъ, напимѣръ, сценъ: патруль изъ 5-ти или 6-ти казаковъ объѣзжаетъ село, въ это время по улицѣ бѣгаютъ поросянокъ. Одинъ изъ казаковъ ударить нагайкою лошадь и съ пиккою наперевѣсъ полетитъ за поросенкомъ, секунда — и поросенокъ на пикѣ. Казакъ везетъ добычу въ себѣ на квартиру и приказываетъ изготовить вуханье.

Въ то время, какъ происходила эзекучія, то есть стоянка казаковъ по дворамъ поселянъ, продолжались поимки и аресты поселянъ-участниковъ въ мятежахъ. Виновныхъ отыскивали легко. Призовутъ, бывало, старшину, тотъ и долженъ указать бунтовщиковъ. Старшина называлъ нѣсколькихъ лицъ; оговореннымъ давали очные ставки. Тѣ путались въ своихъ объясненіяхъ, уличали другъ друга и при этомъ оговаривали другихъ.

Такимъ образомъ, виновныхъ въ нашемъ округѣ оказалось около 300 человекъ. Въ связяхъ квартиры убитыхъ штабъ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ, докторовъ и другихъ лицъ обращены

были въ арестантскія тюрьмы, въ окна вставили желѣзныя рѣшетки. Въ эти временныя тюрьмы, въ деревянныхъ тяжелыхъ колодежахъ, были рассажены арестованные. Охраняли ихъ казаки и солдаты резервовъ, потому присланъ былъ еще баталіонъ солдатъ, вѣзется, изъ Петербурга.

Обвиняемые, сколько помню про нашъ округъ, просидѣли въ тюрьмахъ до великаго поста 1832 г., въ томительномъ ожиданіи окончательнаго рѣшенія своей участи. Наконецъ, участь эта была рѣшена: однихъ приговорили къ наказанію кнутомъ на таѣ называемой кобылѣ, а другихъ—къ прогнанію шпицрутенами.

Я живо помню эти орудія казни. Кобыла — это доска, длиннѣе человѣческаго роста, дюйма въ 3 толщины и въ полъаршина ширины; на одномъ концѣ доски вырѣзана для шеи, а по бокамъ—вырѣзки для рукъ, таѣ что, когда преступника клали на кобылу, то онъ обхватывалъ ее руками, и уже на другой сторонѣ руки скручивались ремнемъ; шея притягивалась таже ремнемъ, равно какъ и ноги. Другимъ концомъ доска вѣрѣчко врывалась въ землю наискось, подъ угломъ.

Кнутъ состоялъ изъ довольно толстой и твердой рубояты, къ которой привѣрѣплялся плетеный кнутъ, длиною аршина полтора, а на кончикѣ кнута навязывался 6-ти или 8-ми вершковый, въ карандашъ толщиною, четырехгранный сыромятный ремень.

Что же касается до шпицрутеневъ, то я вполне ясно помню, что два экземпляра ихъ, для образца, были присланы (какъ я позже слышалъ) Клейнмихелемъ въ канцелярію округа изъ Петербурга. Эти образцовые шпицрутены были присланы, какъ потомъ мнѣ рассказывали, при бумагахъ, за красною печатью, при чемъ предписывалось изготовить по нимъ столько тысячъ, сколько потребуется. Шпицрутень — это палеа, въ діаметрѣ нѣсколько менѣе вершка, въ длину—сажень; это гибкій, гладкій лозовый пруть. Такихъ прутьевъ для предстоящей казни бунтовщиковъ варублено было безчисленное множество, многіе десятки возовъ.

Наступило время казни. Сколько помню, это было на первой или на второй недѣлѣ великаго поста. Подстрѣваемый дѣтскимъ любопытствомъ (мнѣ шелъ 9-й годъ), я бѣгалъ на плацъ, лежащій между штабомъ и церковью, каждый день, во все время казней. Морозы стояли въ тѣ дни самые лютые.

На плацу, какъ теперь вижу, была врыта кобыла; близъ нея

прохаживались два палача. парни лѣтъ 25-ти, отлично сложенные, мускулистые, широкоплечіе, въ красныхъ рубахахъ, плісовыхъ шароварахъ и въ сапогахъ съ напускомъ. Кругомъ плаца разставлены были казаки и резервный баталіонъ, а за ними толпились родственники осужденныхъ.

Около 9-ти часовъ утра прибыли на мѣсто казни осужденные въ кнуту, которыхъ, помнится, въ первый день казни было 25 человекъ. Одни изъ нихъ приговорены были къ 101-му удару кнута, другіе — къ 70-ти или 50-ти, третьи — къ 25-ти ударамъ кнута. Приговоренныхъ вляли на кобылу поочередно, такъ что въ то время, какъ одного наказывали, всѣ остальные стояли тутъ же и ждали своей очереди. Перваго положили изъ тѣхъ, которымъ было назначено 101 ударъ. Палачъ отошелъ шаговъ на 15 отъ кобылы, потомъ медленнымъ шагомъ сталъ приближаться къ наказываемому; кнутъ тащился между ногъ палача по снѣгу; когда палачъ подходилъ на близкое разстояніе отъ кобылы, то высоко взмахивалъ правою рукою кнутъ, раздавался въ воздухѣ свистъ и затѣмъ ударъ. Палачъ опять отходилъ на прежнюю дистанцію, опять начиналъ медленно приближаться и т. д.

Наивно-дѣтскими, любопытными глазами слѣдилъ я за взмахами кнута и взглядывалъ на спину казнимыхъ: первые удары дѣлались крестъ на крестъ, съ праваго плеча по ребрамъ, подъ лѣвый бокъ, и съ лѣва на право, а потомъ начинали бить вдоль и поперекъ спины. Мнѣ казалось, что палачъ съ перваго же раза весьма глубоко прорубалъ кожу, потому что послѣ каждаго удара онъ лѣвою рукою смахивалъ съ кнута полную горсть врови. При первыхъ ударахъ обильно слышенъ былъ у казнимыхъ глухой стонъ, который умолкалъ скоро; затѣмъ уже ихъ рубили какъ мясо. Во время самаго дѣла, отсчитавши, напримѣръ, ударовъ 20 или 30, палачъ подходилъ къ стоявшему тутъ же на снѣгу полуштофу, наливалъ стаканъ водки, выпивалъ и опять принимался за работу. Все это дѣлалось очень, очень медленно.

При казни присутствовали священникъ и докторъ. Когда наказываемый не издавалъ ни стона, никакого звука, не замѣчалось даже признаковъ жизни, тогда ему развязывали руки и докторъ давалъ нюхать спиртъ. Когда при этомъ находили, что человекъ еще живъ, его опять привязывали къ кобылѣ и продолжали наказывать.

Подъ вѣнцомъ, сколько помню, ни одинъ не умеръ (помирали на второй или третій день послѣ казни); между тѣмъ каждый получилъ опредѣленное приговоромъ число ударовъ.

Но ударами вѣнута казнь не оканчивалась. Послѣ вѣнута наказаннаго снимали съ кобылы и сажали на барабанъ; на спину, которая походила на высоко вздутое рѣбенное масо, навидывали какой-то тулупъ. Палачъ бралъ коробочку, вынималъ изъ нея рукоятку, на которой сдѣланы были бугвы изъ стальныхъ шпильевъ въ $\frac{1}{2}$ дюйма длины; шпильки эти изображали, помнится, бугву К и еще какия-то бугвы. Палачъ, держа рукоятку въ лѣвой рукѣ, приставлялъ штемпель ко лбу несчастнаго, затѣмъ правой рукой со всего размаху ударялъ по другому концу рукоятки; шпильки вонзались въ лобъ и, такимъ образомъ, получалось требуемое клеймо; такимъ же приѣмомъ быстро высѣкались бугвы на обѣихъ щекахъ. Послѣ отнятія клейма, изъ ранокъ сочилась кровь; палачъ затиралъ кровавыя бугвы какимъ-то порошкомъ, чуть-ли ни порошкомъ, такъ что въ каждой порѣзѣ оставался черный слѣдъ. Такимъ образомъ получался знакъ, который въ послѣдствіи, какъ я слышалъ, дѣлается совершенно бѣлымъ и не можетъ уничтожиться очень долго, во всю жизнь.

Казнь вѣнцомъ продолжалась до сумерекъ и во все это время били барабаны.

Наказаніе шпицрутенами происходило на другомъ плацу, за оврагомъ. На эту казнь я бѣгалъ по нѣскольку разъ въ день въ теченіи двухъ недѣль; холодно, устану: сбѣгаю домой, отогрѣюсь, и опять прибѣгу. Музыка, видите-ли, играла тамъ цѣлый день—барабанъ да флейта—это и привлекала толпу ребятишекъ.

На этомъ плацу, за оврагомъ, два баталіона солдатъ, всего тысячи въ полторы, построены были въ два параллельныхъ другъ другу круга, шеренгами лицомъ къ лицу. Каждый изъ солдатъ держалъ въ лѣвой рукѣ ружье у ноги, а въ правой—шпицрутень. Начальство находилось по срединѣ и по списку выкликало—кому когда выходить и сколько пройти круговъ, или, что тоже, получить ударовъ. Вызывали человекъ по 15 осужденныхъ, сначала тѣхъ, которымъ слѣдовало каждому по 2,000 ударовъ. Тотчасъ спускали у нихъ рубашки до пояса; голову оставляли открытою. Затѣмъ каждого ставили одинъ за другимъ, гуськомъ, такимъ образомъ: руки преступника привязывали къ применутому

штыку такъ, что штыкъ приходился противъ живота, причемъ, очевидно, впередъ бѣжать было уже невозможно; нельзя также и остановиться или попытаться назадъ, потому что спереди тянуть за прикладъ два унтеръ-офицера. Когда осужденныхъ устанавливали, то подъ звуки барабана и флейты они начинали двигаться другъ за другомъ. Каждый солдатъ дѣлалъ изъ шеренги правой ногой шагъ впередъ, наносилъ ударъ и опять становился на свое мѣсто. Наказываемый получалъ удары съ обѣихъ сторонъ, поэтому, каждый разъ голова его, судорожно откидываясь, поворачивалась въ ту сторону, съ которой слѣдовалъ ударъ. Во время шествія кругомъ, по зеленой улицѣ, слышны были только крики несчастныхъ: «братцы! помилосердуйте, братцы, помилосердуйте!»

Если кто при обходѣ вкругъ падалъ и далѣе не могъ идти, то подѣвжали сани, розвальни, которыя везли солдаты; вали на нихъ обезсиленнаго, помертвѣвшаго и везли вдоль шеренгъ; удары продолжали раздаваться до тѣхъ поръ, пока несчастный ни охнуть, ни дохнуть не могъ. Въ такомъ случаѣ подходилъ докторъ и давалъ нюхать спирту. Мертвыхъ выволакивали вонъ, за фронтъ.

Начальство зорко наблюдало за солдатами, чтобы изъ нихъ кто-нибудь не сжалился и не ударилъ бы легче, чѣмъ слѣдовало.

При этой казни, сколько помню, женщинамъ не позволялось присутствовать, а, по приказанію начальства, собраны были только мужчины, въ числѣ которыхъ находились отцы, братья и другіе родственники наказываемыхъ. Всѣмъ зрителямъ довелось пережить страшные, едва-ли нѣ болѣе мучительные часы, чѣмъ казнямымъ. Но мало того. Были случаи, что между осужденными и солдатами, ихъ наказывающими, существовали близкія родственныя связи: братъ бичевалъ брата, сынъ истязывалъ отца... Наказанныхъ развозили по домамъ обывателей на саняхъ, конвоируемыхъ нѣсколькими казаками. Надобно замѣтить, что такъ какъ всѣхъ 300-тъ человѣкъ, наказанныхъ въ одномъ только нашемъ округѣ, въ лазаретѣ помѣстить было нельзя, то для нихъ отведены были нѣкоторыя избы поселянъ. Сюда уже безпрепятственно ходили всѣ родные, приносили больнымъ съѣстные припасы и воду для обмыванія ранъ: водка предохраняла раны отъ гніенія.

Ни одному изъ наказанныхъ шпицрутенами не было назна-

чено, какъ мнѣ потомъ разсказывали, менѣе 1,000 ударовъ; большею же частію — давали по 2, даже по 3 тысячи ударовъ; братьямъ Ларичамъ, какъ распространителямъ мятежа, дано по 4,000 ударовъ каждому; оба на другой день послѣ казни умерли. Перемерло, впрочемъ, много изъ казненныхъ; этому способствовало: недостатокъ докторовъ, отсутствіе медицинскихъ средствъ, немѣнне хорошихъ помѣщеній, недостатокъ надлежащаго ухода за больными и проч.

Въ народѣ во все время казней и всѣхъ ихъ послѣдствій не замѣчалось никакого озлобленія, ни малѣйшаго ропота противъ начальства; говорили только: «Господь наказываетъ насъ за грѣхи».

II.

Поступленіе въ полковые пѣвчіе и въ музыканты.—Опредѣленіе въ кантонисты.—Въ полубаталіонѣ кантонистовъ во Псковѣ.—Отправка въ Петербургъ.

1832—1843.

Осенью 1832 г. полкъ нашъ возвратился изъ польской кампаніи и скоро мѣстомъ штабъ-квартиры назначенъ былъ городъ Холмъ (Псковской губ.). Мы съ матушкой отправились въ Холмъ, гдѣ прожили только до весны слѣдующаго года, когда полкъ переведенъ былъ въ Порховъ.

Въ это время 3-й карабинерный полкъ былъ раскассированъ: первый баталіонъ поступилъ во 2-ю гренадерскую дивизию, въ полкъ принца Оранскаго, второй баталіонъ—въ Кіевскій полкъ, третій и четвертый баталіоны—въ другіе полки дивизіи. Я остался при полку принца Оранскаго. Со времени возвращенія нашего бывшаго полка изъ польской кампаніи, я носилъ форму кантониста. Затѣмъ, въ 1833 г., меня сдѣлали полковымъ пѣвчимъ и приказали ходить въ лагери. Такъ прошло около двухъ лѣтъ.

Если не ошибаюсь, въ 1835 г., по случаю открытія памятника Александру I, 30-го августа, вся дивизія назначена была на большіе маневры подъ Красное Село. Разумѣется, и нашъ полкъ отправился туда, а вмѣстѣ съ нимъ и я. Насъ, пѣвчихъ, таскали вездѣ потому, что мы должны были пѣть въ полковой церкви.

Наступилъ сентябрь; пошли дожди; между тѣмъ, я, какъ прежде, при хорошей погодѣ, такъ и теперь имѣлъ квартиру

подъ фурую. Нечего упоминать, что на ночь ложился въ грязи, а утромъ просыпался при довольно сильномъ морозѣ, такъ что съ трудомъ отдиралась примерзшая къ грязи шинель. Въ то время дивизионнымъ командиромъ былъ генераль-лейтенантъ Полѣшко. Однажды онъ услышалъ меня поющимъ и напелъ, что голосъ мой—диссанта — очень хорошъ, вслѣдствіе чего приказалъ взять меня въ дивизионныя пѣвчіе. По прибытіи полка съ большихъ маневровъ въ Порховъ, меня взяли отъ матушки и немедленно отправили по этапу во Псковъ, гдѣ былъ дивизионный штабъ. За то, что у меня оказался хорошій диссанта, я долженъ былъ пройти по этапу 90 верстъ, вмѣстѣ съ арестантами, бѣглыми и бродягами, которыхъ вели въ кандалахъ.

Послѣ четырехдневнаго перехода явился я въ канцелярію. Здѣсь мнѣ сообщили, что пѣвчіе расположены въ деревнѣ, версты за 8 отъ города. Меня отправили туда.

Началась для меня самая неприглядная жизнь. Мнѣ шелъ 12-й годъ. Въ праздники и вообще, когда въ дивизионной церкви полагалась служба, я долженъ былъ являться изъ деревни къ заутрени и обѣдни. Въ этихъ случаяхъ приходилось вставать въ 2 часа ночи и тащиться 8 верстъ въ городъ: зимою по сугробамъ, осенью — по грязи и дождю, а лѣтомъ въ жары. Жилъ я у одного бѣднаго крестьянина, который въ тому же былъ пьяница; жена его была очень добрая женщина и меня весьма любила, вѣрнѣе сказать, — жалѣла. Въ избѣ, вмѣсто печи, находилась какая-то каменка, сложенная изъ груды камней. Бывало, въ глупую осень или зимой затопятъ эту «печь» и уйдутъ молотить на гумно; дымомъ наполняется изба, но такъ какъ дверь всегда бывала при этомъ растворена, то врывавшійся холодный воздухъ препятствовалъ дыму достигать пола. Я спалъ обыкновенно на лавкѣ, но когда затапливали «печь», мнѣ доводилось перебираться на полъ, подъ лавку, чтобы не задохнуться дымомъ. Но и на новомъ мѣстѣ не находилъ я покоя, такъ какъ, кромѣ рѣзко-холоднаго воздуха, меня стѣсняло близкое сосѣдство свиней, куръ и прочей животины. Поэтому зимою и осенью я считалъ за наслаждение спать въ ригѣ или на гумнѣ: тамъ, по крайней мѣрѣ, животныя не тревожили; придя на гумно, я прорывалъ себѣ въ соломы дыру, вставлялъ подушку и, залѣзши туда, спалъ крѣпкимъ сномъ. нерѣдко при порядочномъ морозѣ.

Всѣхъ дивизионныхъ пѣвчихъ было 24 человекъ; для насъ, мальчиковъ-кантонистовъ, была школа, въ которой учили читать, писать и ариѳметику. Сколько помню, незадолго до того времени изданъ былъ указъ, по которому стали брать въ солдаты изъ причетниковъ. Поэтому у насъ въ школѣ былъ учителемъ семинаристъ, уволенный изъ среднихъ классовъ, слѣдовательно, человекъ все-таки свѣдущій, а для насъ, солдатскихъ ребятъ, такъ и весьма образованный.

Пѣвчимъ не полагалось никакого жалованья; отпускался только провіантъ по 1 пуду 32 фун. въ мѣсяцъ, да и этотъ скудный провіантъ не доходилъ до насъ сполна; большую часть его мы обыкновенно отдавали крестьянамъ, и за это получали какой-нибудь приварокъ. Впрочемъ, пѣвчіе имѣли и нѣкоторые доходы. Такъ, въ большіе праздники, какъ Рождество Христово, Пасха, пѣвчіе ходили къ разнымъ начальникамъ, къ богатымъ вупцамъ и вообще къ зажиточнымъ людямъ, и пѣли здѣсь церковно-праздничные концерты. При этомъ набирали мы иногда рублей 40 или 50 асс. Однако же изъ этихъ денегъ собственно мы, дисванты, получали лишь по нѣскольку копѣекъ, такъ какъ львиная доля доставалась всѣгда басамъ и частью тенорамъ.

Такіе доходы, очевидно, не могли обезпечить насъ настолько, чтобы жить безбѣдно. Поэтому лѣтомъ, когда по рѣкѣ Великой приходили въ Псковъ барки съ дровами, то мы нанялись выгружать дрова на берегъ.

Лично о себѣ и долженъ сказать, что за скромность всѣ крестьяне въ деревнѣ меня любили; зажиточные изъ нихъ нерѣдко посылали за «Лаврешкой», чтобы онъ приходилъ обѣдать, или ѣзды ѣсть, и т. п. Разумѣется, отъ этихъ приглашеній я никогда не отказывался.

Въ описываемое время строилась во Псковѣ такъ-называемая Красныя казармы. Предсѣдателемъ строительной комисіи былъ генералъ Полѣшко; постройка обошлась казнѣ что-то ужъ слишкомъ дорого, такъ что даже казна охнула. Донесли о какихъ-то злоупотребленіяхъ, допущенныхъ Полѣшко; наряжена была слѣдственная комиссія. Однажды Полѣшко ѣхалъ, чуть-ли ни для объясненій, въ эту комиссію, но его привезли мертваго: онъ, по слухамъ, отравился.

Вмѣсто Полѣшко назначенъ былъ ген.-лейтенантъ баронъ Ро-

зень. Лишь только онъ вступилъ въ командованіе дивизіей, какъ сдѣлалъ распоряженіе объ уничтоженіи дивизионныхъ пѣвчихъ и о зачисленіи ихъ во фронтъ. Мальчиковъ лѣтъ 16—17-ти зачислили въ рядовые, а меня, какъ 13-ти-лѣтняго, въ полкъ—кантонистомъ. Это было въ 1836 году.

Въ полкъ, расположенный въ Порховѣ, я прибылъ опять по этапу и меня опредѣлили въ музыканты. Сначала началъ я играть на кларнетѣ; но это оказалось трудно и меня стали приобучать къ флейтѣ. Въ слѣдующемъ 1837 г. я ходилъ уже на разводы, и въ осени игралъ марши.

Въ началѣ 1838 г. продолжалъ заниматься тѣмъ же. Но тутъ замѣтили у меня кровохарканье и посовѣтовали матушкѣ, съ которою я жилъ въ это время, чтобы она попросила объ увольненіи меня изъ музыкантовъ. Матушка обратилась къ полковому командиру Володевичу съ просьбою, чтобы меня опредѣлили въ роту, во фронтъ. Просьба была исполнена.

Во фронтъ началось, разумѣется, ученье, шагистика, хожденіе въ караулъ и т. д.

Въ это время мнѣ прибавили лишній годъ, чтобы записать на дѣйствительную службу. Хотя, такимъ образомъ, я и сталъ 16-ти-лѣтнимъ, но на дѣйствительную службу не попалъ. Дѣлю въ томъ, что тутъ состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы кантонистовъ свыше 16-ти лѣтъ при полвахъ не держать, а отправлять ихъ въ ближайшіе баталіоны военныхъ кантонистовъ. Вслѣдствіе этого мнѣ предстояло или поступить въ военные кантонисты, или же оставаться въ полву солдатомъ. Мы съ матушкой избрали первое. Скоро, по распоряженію Володевича, приготовлены были необходимыя бумаги, и точно такъ же по этапу меня отправили изъ Порхова во Псковъ¹⁾.

Въ апрѣлѣ 1838 г. я прибылъ въ псковскій полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ. Въ канцеляріи справились у меня, знали я грамотѣ и затѣмъ приказали написать что-нибудь; такъ какъ я былъ порядочнаго, для своихъ лѣтъ, роста и имѣлъ красивый почеркъ, то меня зачислили въ 1-ю роту и опредѣлили

¹⁾ Нижніе воинскіе чины пересклялись обмененно по этапу, частью для того, чтобы они не могли убѣжать. Такихъ пересылочныхъ, въ отличіе отъ ихъ сопутниковъ — воровъ и мошенниковъ — на официальном языкѣ называли «въ родѣ арестантовъ».

заниматься въ канцеляріи. Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени меня сдѣлали снова пѣвчимъ. Такимъ образомъ я долженъ былъ заниматься въ канцеляріи, ходить на спѣвца, являться на ротныя ученья и вмѣстѣ съ тѣмъ въ классы.

Жизнь въ полубаталіонѣ военныхъ кантонистовъ проходила слѣдующимъ образомъ.

Утромъ мы должны были вставать въ пять часовъ, но вставали собственно въ три и вотъ по какой причинѣ. Полы у насъ были не крашенныя, чистота требовалась необыкновенная, такъ что, бывало, если пылинку замѣтитъ начальникъ на полу, то сейчасъ же потребуетъ на лицо дежурныхъ — офицера, унтеръ-офицера, капральнаго, ефрейтора, словомъ, всѣхъ, до того только дѣло касается, и ужъ каждому достанется за то, что оказалась на полу пылинка. Въ то время царилъ еще духъ арабчевскихъ временъ и самъ начальникъ нашъ, бригадный командиръ Анджиговъ, былъ питомецъ арабчевской школы. Полъ въ каждой камерѣ долженъ былъ содержаться поразительно чисто. Для этого въ четвертомъ часу утра приносили въ камеру нѣсколько ведеръ воды и куля два или три опилокъ. Всѣ кантонисты, проживающіе въ камерѣ, человекъ 50—60, вставши въ 3 часа, принимались чистить полъ такимъ манеромъ: засучивъ брови, они становились на колѣни въ рядъ и, прижимая руками разсыпанныя по полу опилки, начинали тереть полъ. Камера была, приблизительно, сажень въ 30, и приходилось проползти ее раза четыре или пять. Работа эта трудна и вредна была особенно зимой, когда приносилась въ камеру для мытья вода холодная, со льдомъ.

Вымывши полъ, кантонисты шли умываться и одѣваться; въ 5 часовъ были подъемъ для означенія, что кантонисты встали. Послѣ подъема мы получали, въ палецъ толщиною, кусочикъ чернаго хлѣба, затѣмъ отправлялись на ученье, которое продолжалось съ 6 до 8 часовъ; потомъ до 11 ч. были классы; 12-й часъ проходилъ во фронтномъ ученьи, затѣмъ обѣдали. Послѣ обѣда, по барабану, опять шли въ классы до 6 час. вечера: съ 6 до 8-ми фронтное ученье; въ 8-мъ — ужинъ; 9-й часъ назначался для приготовленія уроковъ въ слѣдующему дню, наконецъ, въ 9 часовъ, послѣ зари, ложились спать.

Фронтное ученье у насъ было вполне во вкусѣ того времени: шагистика практиковалась въ три приѣма, такъ что на одной

ногѣ приходилось иногда стоять очень долго, до тѣхъ поръ, пока командиръ проходилъ съ праваго фланга до лѣваго, поправляя ноги; стойба была такая, чтобы грудь выходила изъ носковой линіи. А чуть замѣчали отклоненіе отъ этой линіи назадъ, такъ сей часъ же колотили булабами въ спину, или «наставникъ» напиралъ въ спину колѣномъ, чтобы грудь выдалась впередъ. Если это не помогало, то прибѣгали къ слѣдующимъ средствамъ: тѣхъ, у кого была мало развита грудь, на ночь вляли на доску и къ ней туго на туго привязывали. До того доходило, что натопять, бывало, жарко баню, положить опять таки къ доскѣ привязаннаго, чуть ни привинченнаго кантониста и въ такомъ видѣ заставить его прѣть въ банѣ и выпрямляться.

Кантонистовъ приготовляли главнымъ образомъ въ писаря и въ учебные карабинерные полки, откуда разсылали ихъ, какъ образцы, во всѣ арміи унтеръ-офицерами. Четыре карабинерные полка составлены были преимущественно изъ кантонистовъ, т. е. изъ такихъ лицъ, которые прошли огонь и воду, потому что при обученіи ихъ почти въ буквальномъ смыслѣ допускалось возможнымъ замучить 9 изъ 10-ти, но лишь бы этотъ одинъ, десятый, остался образцовымъ.

Такъ прожилъ я два года. Въ апрѣлѣ 1840 г. состоялся приказъ о зачисленіи меня, въ рангѣ рядоваго солдата, учителемъ въ баталіонъ кантонистовъ, значить, на дѣйствительную службу. Учителя эти черезъ 19 лѣтъ получали офицерскій чинъ; они обязаны были прослужить въ званіи учителя 3 года рядовымъ и 16 лѣтъ унтеръ-офицеромъ съ содержаніемъ 12 руб. асс. въ годъ. Учитель-офицеръ получалъ 300 руб. асс. въ годъ.

Въ учителя произвели меня 18-ти лѣтъ и произвели, быть можетъ, потому, что я довольно основательно изучилъ въ полубаталіонѣ алгебру съ геометріей и весьма недурно рисовалъ. Портретъ императора Николая, нарисованный мною французскимъ карандашомъ, висѣлъ въ классѣ долго послѣ того, какъ меня перевели въ Петербургъ. Насколько помню, портретъ этотъ нарисованъ былъ очень хорошо. Надобно замѣтить, что въ полубаталіонѣ, когда я учился, нѣкоторые изъ учителей были окончившіе курсы въ гимназіи. По приказанію Аракчеева, нѣкоторыхъ кантонистовъ отсылали въ гимназіи, а по окончаніи курса ихъ опредѣляли въ учителя. Изъ этихъ учителей для меня достоинъ

примѣчанія нѣкто Кузьминъ, учитель рисованія. Кромѣ казенныхъ рисунковъ, изображавшихъ барабаны, штыки, разныя трубы и т. под., онъ давалъ мнѣ свои литографированные рисунки—пейзажи, головы и проч.

Я былъ въ полубаталіонѣ учителемъ рисованія и ариеметикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ должность фельдфебеля во 2-й ротѣ и состоялъ пѣвчимъ. Дежурнымъ по полубаталіону приходилось быть черезъ день. Совмѣщеніе столькихъ обязанностей въ одномъ лицѣ дѣлало жизнь просто невыносимою. Въ самомъ дѣлѣ, на моей отвѣтственности состояло 250 мальчиговъ, начиная съ семи лѣтъ и кончая 15-ти лѣтнимъ возрастомъ. Уснулъ ли кантонистъ въ классѣ, не вычищены ли у кого пуговицы, разорвалось ли по шву, словомъ сказать, за все, про все отвѣчалъ я. Напримѣръ, происходили такіе случаи: на ученьи у одного кантониста лопнулъ сапогъ и сталъ видѣтъ палець. Баталіонный командиръ Якубовскій, который, впрочемъ, ко мнѣ былъ очень расположенъ, сейчасъ же призвалъ меня для представленія объясненій.

— Это что такое? кричить командиръ, указывая на виднѣвшійся изъ сапога палець. Чего ты смотришь?

Я молчу. Приказано было снять сапогъ и оказалось, что кантонистъ позабылъ наверху на ноги портянки. Хотя, какъ я уже говорилъ, командиръ и любилъ меня, но, для примѣра другимъ, приказалъ принести розогъ. Это для учителя-то, исправляющаго должность фельдфебеля и проч. Принесли розги; окончилось однако тѣмъ, что меня на двѣ недѣли посадили въ карцеръ на хлѣбъ и воду. На моей же отвѣтственности было до 10 тысячъ штукъ бѣлья, хранившагося въ ротномъ цейхгаузѣ; каждую недѣлю приходилось отдавать бѣлье прачкѣ и получать обратно, повѣряя все-ли въ цѣлости. Бѣда, если какъ-нибудь затеривалась казенная вещь: такъ доставалось, что вспоминать даже больно. Повторяю: я долженъ былъ расплачиваться за все.

Таже власть, которая угнетала меня, вынуждала въ свою очередь являться лютымъ начальникомъ предъ подчиненными, изъ которыхъ были нѣкоторые унтеръ-офицеры, бывали георгиевскіе кавалеры, словомъ, такія лица, которые пробыли на службѣ лѣтъ по 15, и по возрасту могли быть мнѣ отцамъ. Въ ротѣ было четыре капральства и капральными этими были заслуженные

унтеръ-офицера. Напримѣръ, я зналъ, что баталіонный командиръ имѣлъ обыкновеніе проходить по камерамъ ночью, являясь въ неопредѣленные часы. Понятное дѣло, я старался въ этихъ случаяхъ предупредить командира: обходя камеры, замѣчаю, напримѣръ, беспорядокъ: кантонисты не спятъ, а при свѣтѣ лампы играютъ въ карты и пьютъ водку. Капральный спитъ; ну, что дѣлать? подойдешь къ нему, и,—отвратительно и больно вспомнить,—ударить его въ зѣбы, да такъ, что иногда щеку въ кровь разобьешь. Повторяю, отвратительно вспомнить, но въ окружающей меня пошлости я не сознавалъ тогда мерзости подобныхъ поступковъ; при томъ своя-то шкура ближе; не хотѣлось мнѣ получать за нихъ наказаніе: вѣдь 200—300 розогъ вкатать самому фельдфебелю ни за что, ни про что.

Да, тяжелое было время....

Курсъ класснаго ученія равнялся, я думаю, нынѣшнему уѣздному училищу; только у насъ прибавлялись: фортификація, низшая геодезія, топографія, съемка, рекрутская служба, весь строевой уставъ, всѣ построения и т. д. Школа раздѣлялась на 4 класса, изъ коихъ первымъ былъ классъ взаимнаго обученія. Съ него начинался курсъ, потому что много было кантонистовъ изъ деревень, много жидовъ изъ западныхъ губерній, большую частію безграмотныхъ. Практиковалась у насъ, такъ называемая, ланкастерская система обученія. Ученики становились въ кругъ, и одинъ изъ знающихъ писалъ буквы на доскѣ, а всѣ другіе писали тѣже буквы на бѣломъ пескѣ, и если въ послѣднемъ случаѣ выходило не удачно, то брали дощечку съ ручкой, сравнивали песокъ и писали снова. Обученіе шло быстро, такъ что недѣли въ двѣ—три выучивались писать.

Меня очень стѣсняло запрещеніе отлучаться хотя бы на ночь изъ роты; послѣ вечерняго рапорта, что все обстоитъ благополучно, я непременно долженъ былъ всю ночь находиться при ротѣ. Между тѣмъ, мнѣ хотѣлось видѣться съ матушкой, хотя бы послѣ зари, и хоть часика три отдохнуть отъ ежедневной ваторги.

Однажды, когда мнѣ было какъ-то особенно грустно, я рѣшился на ночь отправиться къ матушкѣ, которая жила въ Петровскомъ посадѣ, у самаго Дмитріевскаго кладбища, во Псковѣ. И такъ, послѣ зари и рапорта, я ушелъ къ матушкѣ.

Какъ на бѣду, въ эту самую ночь изъ моей роты бѣжали два правофланговые кантониста: одинъ былъ изъ бродягъ, не помнящихъ родства, а другой—какой-то латышь. Оба уже были назначены на службу въ карабинерный полкъ. Надобно замѣтить, что каждый годъ изъ департамента военныхъ поселеній присылалось въ баталіонъ росписаніе сколько кантонистовъ должно было поступить въ писаря, сигналисты и фельдшера; въ послѣднюю должность назначались по преимуществу жида. Вотъ двое изъ такихъ-то предназначенныхъ уже на дѣйствительную службу кантонистовъ и бѣжали въ мое отсутствіе.

Утромъ явился я въ роту; дежурный капральный уже распорядился мытьемъ половъ. Мнѣ сейчасъ же сообщили, что двое кантонистовъ бѣжали. Я—къ дежурному офицеру, объяснилъ, какъ могъ, дѣло.

— Чего же ты смотрѣлъ? Гдѣ шатался? закричалъ офицеръ.

— Виноватъ,—отвѣчалъ я,—я не ночевалъ въ ротѣ; но я, во что бы то ни стало, отыщу бѣглыхъ.

Это было часовъ въ пять пополудни. Я выбѣжалъ на дворъ; морозъ стоялъ изрядный, шелъ небольшой снѣгъ. Я обѣжалъ кругомъ каменной стѣны и въ одномъ мѣстѣ нашелъ слѣдъ, оканчивающійся у самой стѣны, черезъ которую бѣглецы, очевидно, и перелѣзли. Когда я перелѣзъ въ томъ же мѣстѣ стѣну, то на тротуарѣ увидѣлъ такой же слѣдъ, ведущій къ дорогѣ. Здѣсь слѣдъ потерялся.

Съ перваго раза я не зналъ, на что рѣшиться. Но скоро, однако же, сообразилъ, что такъ какъ одинъ изъ бѣглецовъ латышь, а другой бродяга, то вѣроятно они отправились куда-нибудь по направленію къ Дерпту. Я побѣжалъ на Завеличье (часть города Пскова), поворотилъ къ Красному кресту и очутился въ полѣ. Морозъ былъ градусовъ 10, вѣтеръ дулъ рѣзкій, снѣгъ залѣплялъ глаза. Я снялъ шинель, подъ которою носить ничего не позволялось, и съ открытою грудью пустился въ путь. Мнѣ не только не было холодно, но потъ градомъ катился съ лица и мучила меня жажда, которую я удовлетворялъ на бѣгу снѣгомъ. Къ закату солнца я былъ уже въ 40 верстахъ отъ Пскова. Попадавшихся на встрѣчу крестьянъ спрашивалъ, не встрѣчались-ли имъ двое—одинъ изъ себя черноватъ, а другой бѣлокуръ? Отвѣты были утвердительные. Точно также спрашивалъ я и по деревнямъ.

Иная деревушка верстахъ въ двухъ отъ дороги, я забѣгалъ и въ нее, прямо по сугробамъ: некогда было колесить по проселочнымъ дорогамъ.

Снѣгъ пересталъ; начинало темнѣть. Подошелъ я еще къ одной деревушкѣ и у катающихся на льду ребятишекъ спросилъ, не видали-ли они двоихъ людей, въ такихъ-то шинеляхъ?

— Нѣтъ, отвѣчали мнѣ; а вотъ тутъ проходили два швеца (портные), вонъ въ ту избу прошли.

Я тотчасъ же догадался, что это они, бѣглецы. Вошелъ въ избу и увидалъ ихъ. Одинъ занимался починкою сапога, а другой спалъ на печи. Лишь только бѣглець замѣтилъ меня, какъ схватилъ ножъ и всталъ въ оборонительное положеніе. Въ избѣ въ это время, кромѣ насъ, никого не было. Но я не испугался и врынулся на него по русски. Другой, слыша знакомый голосъ, тотчасъ же проснулся. Въ это время я врынулся кого-нибудь изъ волоковаго ойна; вошли двѣ женщины, изъ коихъ одну я послалъ за сотскимъ. Скоро изба наполнилась любопытными; явился сотскій. Бѣглецамъ скрутили руки назадъ, снарядили двѣ подводы и мы немедленно отправились во Псковъ.

Когда мы въѣхали въ городъ, благовѣстили въ заутрени.

Баталіонный командиръ зналъ, что я пропалъ вмѣстѣ съ сбѣжавшими вантонистами; поэтому нѣсколько человѣкъ было послано уже для отысканія меня самого; опасались, чтобы съ отчаянія я какънибудь не покончилъ съ жизнію.

Командиръ очень обрадовался, когда я возвратился съ пойманными и благодарилъ меня. Неприятно было бы ему, если бы сбѣжавшіе не отыскались, такъ какъ о бѣглыхъ доносилось государю. Ну, а меня-то, какъ не ночевавшаго при ротѣ, конечно, отдали бы подъ военный судъ.

Теперь же подъ этотъ судъ отдали бѣглецовъ: дали имъ предъ всѣми вантонистами по пяти сотъ каждому розогъ, унесли на рогожкахъ въ лазаретъ, а когда несчастные выздоровѣли, ихъ сослали въ арестантскія роты.

Не могу не сказать еще нѣсколько словъ о нашемъ бригадномъ командирѣ генералѣ Анджиговѣ. Это былъ лютый звѣрь въ полномъ смыслѣ этого слова. Идетъ, бывало по камерѣ, смотритъ пристально на полъ и вдругъ зарычитъ: «баталіонный командиръ, ротный командиръ! Это что такое? я пройти не могу!»

Оказывается, что на полу лежитъ какой-нибудь камешекъ, чуть ни съ булавочную головку. Вотъ чрезъ такое-то препятствіе Анджиновъ и не могъ бывало пройти; изъ-за этого поднималъ шумъ и крикъ. Затѣмъ бригадный командиръ смотрѣлъ, какъ мы равняемся, стоя линіею у постелей. Если кантонистъ не такъ равнялся, то у генерала была привычка тотчасъ всѣми пальцами пройти по зубамъ виноватаго, и, бывало, какъ ударить крайняго кантониста праваго фланга, такъ десятожь—другой летить на землю.

Все это, въ концѣ концовъ, меня ужасно возмущало, и я задумалъ, какъ бы мнѣ избавиться отъ такой каторжной жизни. Былъ у меня въ Петербургѣ, въ департаментѣ военныхъ поселеній, знакомый писарь, нѣкто Дорогихъ. Я написалъ ему, чтобы онъ показалъ тамъ мой почеркъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не было никакихъ извѣстій. На третій мѣсяць получено было предписаніе Клейнмихеля объ отправленіи меня въ Петербургъ, въ департаментъ военныхъ поселеній, въ писаря.

Это было въ 1843 году.

Я оттянулъ, такимъ образомъ, ляжку въ званіи учителя почти три года; какой-нибудь мѣсяць мнѣ оставался до полученія унтеръ-офицерскихъ галуновъ. Якубовскій призвалъ меня, объявилъ предписаніе Клейнмихеля и пожелалъ счастья на новой службѣ.

Съ арестантами, по этапу, отправился я въ Петербургъ, проходя ежедневно отъ 20-ти до 25-ти верстъ; на продовольствіе полагалось по 6 коп. въ сутки. Но этихъ денегъ я не могъ употребить въ свою пользу. При мнѣ былъ ранецъ, въ которомъ находились всѣ базенныя вещи, выданныя на 1843 г., т. е. пара сапогъ и т. д.; да кромѣ того, своихъ вещей войчего было, такъ что всего набралось пуда два. Такую ношу на плечахъ нести тяжело, такъ я и отдавалъ копѣйки 2 или 3 этапному унтеръ-офицеру, для того, чтобы онъ позволилъ положить ранецъ на подводу для больныхъ арестантовъ. На остальные копѣйки покупалъ себѣ чернаго хлѣба съ солью, на привалѣ обмакивалъ его въ ручейкѣ и такъ завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ.

Идешь, бывало, цѣлый день по грязи, а въ избѣ на этапѣ—холодно, просушиться негдѣ, повѣсишь только портянки на ночь у печки, чтобы онѣ немного попрѣли. На 21-й день та-

кого похода я вошелъ въ Петербургъ, двадцатилѣтнимъ парнемъ, вѣршимъ физически, бодрымъ духомъ. Много горя оставалось назади, и какъ ни неприглядна казалась будущность, тѣмъ не менѣе, что-то шептало мнѣ, что Господь поддержитъ мои силы и трудомъ, терпѣніемъ и энергіей я рано или поздно, но добьюсь лучшей доли.....

Л. А. Сѣряковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Основаніе Харьковского университета.

1802—1804.

III¹⁾.

Муравьевъ передалъ всѣ представленія Каразинныхъ бумаги министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому, а этотъ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею. Начались справки: губернатора харьковского запросили, во 1-хъ, изъ какихъ средствъ дворяне думаютъ дѣлать пожертванія на университетъ? не на счетъ-ли крестьянъ? хотя въ представленіи Каразина ясно было сказано, что „дворянство приносить въ даръ не избытки, излишними налогами на крестьянъ собранные, но свято-принадлежащую ему собственность: произведенія своихъ имѣній“; во 2-хъ, на какой домъ, назначенный, будто бы, для присутственныхъ мѣстъ, указываютъ дворяне въ своемъ протоколѣ; въ 3-хъ, какъ предполагаютъ жертвователи распредѣлить сроки взноса пожертвованныхъ ими суммъ? и тому подобныя вопросы, которые разрѣшились бы сами собою въ послѣдствіи. Министерство финансовъ запросили о 66-ти т. руб., незаплаченныхъ казною дворянамъ за поставку фуръ и лошадей въ 1789 году, несмотря на то, что дворяне представили подробныя объ этомъ свѣдѣнія: словомъ, какъ-будто искали только предлоговъ медлить дѣломъ. II дѣйствительно, прошелъ мѣсяць, прошелъ другой, а разрѣшенія никакого не было. Напрасно Каразинъ, — и какъ депутатъ отъ жертвователей, и какъ правитель дѣлъ „комисіи училищъ“, заинтересованной въ ско-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 329—338; томъ XIII, стр. 61—80.

рѣйшемъ осуществленіи новаго высшаго учебнаго заведенія въ Россіи,—надоѣдалъ всѣмъ властямъ словесными просьбами объ ускореніи отвѣта харьковцамъ, которые безпрестанно ему напоминали въ письмахъ своихъ о нетерпѣливомъ ихъ ожиданіи результата своихъ приношеній. Кочубей откладывалъ со дня на день докладъ свой государю. Наконецъ, пылкій Каразинъ потерялъ терпѣніе и написалъ слѣдующее письмо:

„Сіятельнѣйшій графъ! Простите смѣлость, съ которою я, нагнувъ нынѣшняго доклада вашего его величеству, напомню благосклонное ваше обѣщаніе представить и о харьковскомъ дѣлѣ. Несчастное сіе дѣло столько лежитъ у меня на сердцѣ, что я предался бы совершенному отчаянію, еслибъ не подкрѣпляла меня надежда, что в. с. дадите ему истинный видъ. Губернія, вѣрившая мнѣ представленіе о приношеніи ея государству, два мѣсяца слишкомъ ждетъ моего отзыва и обвиняетъ меня. Каждая почта приноситъ мнѣ новыя укоризны или страхи; ибо отдаленность и мое глубокое, налагаемое обстоятельствами молчаніе, представляютъ тамъ всѣ вещи въ иномъ видѣ, а здѣсь встрѣчаю я день ото дня болѣе препятствій съ той самой стороны, откуда важнѣйшихъ пособій и съ наибольшимъ, кажется, правомъ ожидалъ. Удостойте обратить мгновенное ваше, с. г., вниманіе на мое положеніе..

„Съ увѣренностію, что заведеніе сего рода можетъ быть величайшимъ подаркомъ для Украины и всей полуденной Россіи, что оно необходимо тамъ даже въ физическомъ, или коммерческомъ отношеніи, я питалъ мысль о немъ гораздо прежде, нежели заботливое око правительства, развлеченное въ началѣ тысячами другихъ предметовъ, могло остановиться на учлищахъ. Мнѣ удалось воспользоваться самыми благоприятными случаями для сего предпріятія: съ одной стороны высочайшимъ вниманіемъ, обращеннымъ на университетъ Московскій и жалкое его положеніе¹⁾; съ другой—учрежденіемъ губернскихъ военныхъ корпусовъ и готовностію, какую по сему поводу встрѣтилъ я въ моихъ единоземцахъ. Слишкомъ годъ неуспѣшно занимался я сею мечтою, двѣ тягостныя поѣздки предпринималъ я для нее. Наконецъ, она перешла въ событіе, она принята благосклонно августѣйшимъ монархомъ: прежде учрежденія нынѣшней „коммисіи объ училищахъ“, два раза удостоилъ онъ показать свое благоволеніе.

¹⁾ Новый уставъ Московскаго университета составленъ В. Н. Каразиннымъ въ качествѣ производителя дѣлъ комитета, занимавшагося составленіемъ ученымъ въ Россійской имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ; у меня есть всѣ черновыя, писанныя его рукою; также уставы академіи наукъ и художествъ.

Авт.

Всѣ члены прежняго комитета, вмѣстѣ съ идеею объ учрежденіи университетовъ, единогласно полагали одинъ изъ нихъ въ Харьковѣ. руководствуясь къ сему мѣстнымъ лишь его положеніемъ. Дворянство и граждане сей губерніи не только предварили сіе мнѣніе особъ. чрезъ которыхъ, казалось, въ семъ случаѣ само правительство дѣйствовало, но они обнаружили неожиданнѣйшій и понинѣ въ своемъ родѣ единственный порывъ патріотизма. Не взирая на всѣ противо-дѣйствія, крамолы и недоразумѣнія, 70 тысячъ рублей ежегоднаго дохода представляются въ пособіе къ той суммѣ, какая на прочіе университеты изъ казны назначена быть можетъ. Цѣлая губернія, въ лицѣ депутата своего, повергается къ престолу и приноситъ свой обѣтъ. Въ самое сіе время учреждается министр и комисія просвѣщенія; шесть университетовъ назначаются въ Россіи. Суммы, какія государство на сіи издержки, прежде не бывшія въ виду, отдѣлить въ состояніи, будутъ не достаточны. Одобреніе и ласки, оказанныя одной губерніи, подающей собою примѣръ, вонечно, воспламенили бы прочія къ подражанію и патріотическіе дары полились бы со всѣхъ сторонъ: стоило бы только взять мѣры, чтобъ они не пали на счетъ низшихъ состояній народа, чтобъ они были дѣйствительное пожертваніе, а не пустой блескъ, какимъ часто государей обманывали.—и такія мѣры взять не трудно. Въ сихъ-то, до того счастливыхъ обстоятельствахъ, что ихъ можно почестъ находкою,—если позволено такъ выразиться,—въ сихъ счастливѣйшихъ стеченіяхъ случаевъ, кто сталъ бы воображать, что предпріятіе наше будетъ осуждено къ такимъ послѣдствіямъ, какія мы нынѣ претерпѣваемъ!.. Я ѣхалъ сюда съ восхищеннымъ сердцемъ, успѣвшивши предварительно послать извѣстіе ¹⁾. Дворяне и малочисленное наше купечество остались въ полной надеждѣ, что они будутъ замѣчены своимъ монархомъ съ хорошей стороны. Радость и любопытство, что скажетъ имъ добрый, воз-

¹⁾ Извѣстіе это было послано двоякимъ образомъ: офиціально, чрезъ губернатора, и частно, чрезъ Д. П. Трошчинскаго, при которомъ В. Н. Каразинъ числился тогда на службѣ. Въ отвѣтъ на офиціальное послѣдовало изъявленіе харьковскому дворянству высочайшаго благоволенія, объявленное чрезъ губернатора, но съ тѣмъ, что если жертвуютъ на счетъ крестьянъ, то его величество не принимаетъ этой жертвы. Трошчинскій же оставилъ письма Каразина безъ всякаго отвѣта. Когда же въ послѣдствіи былъ спрошенъ о нихъ, то прислалъ Кочубею слѣдующій отзывъ: «отыскавъ два письма, полученные мною изъ Харькова отъ г. Каразина, препровождаю ихъ къ вашему сіятельству. Изъ нихъ вы позволите увидѣть, что онъ адресовался ко мнѣ не офиціально, къ чему не было и слѣда. когда я даже не извѣщенъ былъ о предметѣ отправленія его, такъ какъ я, по возвращеніи его, не имѣлъ чести съ нимъ и видѣться, не считая сіе и нужнымъ для себя, а еще меньше мѣшался въ дѣло, совсѣмъ до меня не принадлежащее».

Авт.

любленный государь, другъ просвѣщенія, наполняли душу каждаго, и молва, проливнувшая въ другія губерніи, умножала сіи чувствованія. Теперь!.. Ваше сіятельство! Я пишу какъ отчаянный человѣкъ; простите меня ради Бога! Посрамленіе на вѣки предъ обществомъ здѣшнимъ, месть сильныхъ, возненавидѣвшихъ меня еще больше презрѣно, угоризны и клятвы оскорбленной чести многихъ сотенъ дворянъ, которые увидятъ, что пожертвовали только для того, чтобъ быть предметомъ всеобщаго посмѣянія, — все это ожидаетъ меня! Унылое мое состояніе умножается еще мыслію, что на долго будетъ упущенъ случай оживить дѣятельность въ странѣ плодородной и способнѣйшей къ заведеніямъ всякаго рода, но понинѣ, со всѣмъ изобиліемъ своимъ, мало полезной для Россіи. Скажу болѣе: на вѣки, можетъ быть, потерянь будетъ случай, самый рѣдкій, произвести въ російскихъ дворянахъ энтузіазмъ къ общему добру и къ успѣхамъ воспитанія; и — увы! самымъ убѣдительнымъ образомъ будетъ доказано, что покушенія частныхъ людей, къ сему клонящіяся, суть ни что иное, какъ безразсудство, ведущее къ тому, чтобъ быть осмѣяннымъ и угнетеннымъ!..

„Графъ! представьте всемилостивѣйшему государю всю мою дерзость съ вами, но вмѣстѣ и истину, которая ей служитъ основаніемъ. Вручивъ вамъ все, что можетъ послужить къ оправданію моему и моей губерніи, я ввѣрилъ вамъ дѣйствительно участь нашу. Разрѣшите неизвѣстность и успокойте всеобщую молву! Вашего сіятельства всегдашій почитатель и всепокорнѣйшій слуга Василій Каразинъ“.

Декабря 4-го 1802 г.

Послѣдствіемъ письма этого было приказаніе графа: „немедленно составить докладъ“. Но это немедленно продолжилось еще около двухъ мѣсяцевъ. Сочли необходимымъ докончить всѣ справки, чтобъ внести ихъ въ докладъ; между тѣмъ время не останавливалось и украинцы не переставали допрашивать своего депутата о ходѣ ихъ дѣла. Положеніе его становилось невыносимо тяжелымъ!... Странная, въ самомъ дѣлѣ, была судьба этого человѣка: сама верховная власть вызвала его изъ толпы, приблизила къ себѣ, и не только дозволила, но и положительно приказала ему всегда откровенно говорить ей правду; посылала его въ разныя мѣста Россіи прислушиваться къ общественному мнѣнію и безбоязненно сообщать ей услышанное; удостоивала его такихъ, напримѣръ, собственноручныхъ призывовъ: „mon cher Karazine, venez, j'ai quelque chose à vous parler“; поручала сенаторамъ производить слѣдствія по его указаніямъ (дѣло Лопухина); писала къ нему письма на нѣсколькихъ страницахъ (одно, между прочимъ, 1801 г., въ день своего рожденія, 12-го декабря, въ кото-

ромъ была слѣдующая фраза: „продолжайте всегда говорить такъ откровенно. еслибъ даже вы и замѣтили, что это мнѣ не нравится; вѣрьте, что, рано или поздно, я буду умѣть оцѣнить подвигъ. влекущій васъ“); давала ему обрабатывать проекты такихъ важныхъ государственныхъ реформъ, какъ народное образованіе; нерѣдко одобряла откровенныя замѣчанія на свои дѣйствія; вела его очевидно къ занятію какого-нибудь важнаго въ государственномъ управленіи поста (два чина, цѣнный подарокъ, нѣсколько благоволеній и орденъ св. Владимира даны ему были въ теченіе полтора года); довѣряла ему производство дѣлъ въ комитетахъ и комисіяхъ, занимавшихся составленіемъ новыхъ уставовъ ученыхъ и учебныхъ заведеній; и вдругъ эта самая власть въ то время, когда онъ совершилъ подвигъ сверхъ силу частнаго человѣка, когда нѣсколько губерній по его внушенію несли небывалые дары казнѣ на пользу просвѣщенія,—не допускаетъ его къ себѣ и велитъ дѣлать докладъ по начальству чрезъ людей, которые не могли имѣть никакого понятія о подробностяхъ дѣла!¹⁾...

¹⁾ Одному изъ писавшихъ о В. Н. Каразинѣ вздумалось сдѣлать предположеніе, что, вѣроятно, императоръ Александръ I-й вскорѣ разочаровался въ интеллигентныхъ силахъ минутнаго своего любимца и, очень естественно, поспѣшилъ отдалить его отъ себя. Въ опроверженіе такого предположенія я могъ бы привести множество находящихся у меня отзывовъ о В. Н. Каразинѣ, разнаго времени, людей замѣчательныхъ: но считаю это неумѣстнымъ здѣсь, особенно въ виду имѣющаго выйти въ свѣтъ въ скоромъ времени полного собранія дневныхъ записокъ и корреспонденціи Василія Назаровича. Любопытствующихъ имѣть пока хотя какое-нибудь понятіе объ этихъ отзывахъ, отсылаю къ газетѣ «Сѣверная Пчела» 1860 г., апр. 23, № 92, гдѣ было помѣщено нѣсколько писемъ къ Каразину въ періодъ времени отъ 1801 до 1842 годовъ разныхъ лицъ, начиная отъ государственнаго канцлера и до крестьянина. Газету эту можно найти въ Имп. публич. библіотекѣ. Здѣсь же не могу не привести хотя одной изъ нѣсколькихъ лежащихъ передо мною записочекъ къ нему М. М. Сперанскаго. Вотъ она съ стереотипною точностію:

«Весьма весьма вамъ благодаренъ: я сижу точно какъ въ туманѣ окруженъ мыслями о законахъ, о установленіяхъ, о порядкѣ, коего титетно въ мірѣ и въ годовѣ моей пишу и который нахожу въ вашихъ бумагахъ. Теперь начинаю писать наказъ. Завтра ожидаю васъ по утру: если не застанете меня дома прошу немного подождать я въ 7^{1/2} возвращусь».

На другомъ листочкѣ, вложенномъ въ этотъ:

«1) о крестьянахъ { 1) обѣщаніе
2) источникъ коммерціи
3) дѣсное управленіе.

«2) о государственныхъ дѣлахъ какія суть государственныя дѣла, или какія должны быть предметы управленія совѣта».

То есть, пришлите-ка мнѣ обѣщанное, да сверхъ того мысли ваши о томъ-то и томъ-то. А Сперанскій былъ вѣдь не изъ дошлыхъ мыслителей своего времени.

Авт.

Въ январѣ 1803 г. получилъ Василій Назаровичъ письмо отъ новороссійскаго губернатора, Миклашевскаго, человѣка едва ему знакомаго. письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что дворяне ввѣренной ему губерніи, узнавъ, что харьковцы учреждаютъ у себя университетъ, рѣшили съ своей стороны пожертвовать на это высшее училище 108 тысячъ рублей. Каразинъ немедля садится и пишетъ опять къ Кочубею:

„Простите великодушно смѣлость, которую я беру отвлечь васъ на нѣсколько мгновеній отъ занятій вашихъ: сердце мое говоритъ, что вы теперь заняты дѣломъ, къ которому относится приложенное здѣсь, сію минуту полученное мною, письмо новороссійскаго губернатора, весьма мало меня знающаго, какъ это вы изволите усмотрѣть изъ ошибки въ моемъ имени ¹⁾. Бумага эта послужитъ вамъ доказательствомъ, что примѣръ харьковскаго дворянства понынѣ даже, не взирая на то, что онъ не отличенъ правительствомъ, не взирая, что разнеслась молва, будто бы онъ возбудилъ даже его неблаговоленіе и сдѣлалъ меня только несчастнымъ, а дворянъ нашихъ только смѣшными, сей примѣръ производитъ уже свои плоды. Что-жъ ожидать должно, если вы докажете противное, если вы подрѣшите доброе намѣреніе! Мужи, умѣющіе цѣнить его! Я ожидаю безмолвно вашего приговора. Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга В. К.“

Наконецъ, 28-го января 1803 г., состоялся докладъ государю. Его величество изволилъ приказать: благодарить дворянъ и купцовъ; губернскому предводителю дать орденъ Владимира 3-й ст., городскому головѣ чинъ коллежскаго ассесора, протоіерею Фотіеву (который содѣйствовалъ и словомъ и дѣломъ успѣху предпріятія) золотой наперсный крестъ.

Не такого рѣшенія ожидалъ Каразинъ: хотя бытіе университета въ Харьковѣ и утверждалось окончательно такою на этотъ разъ уже безусловною (не такъ какъ въ сентябрѣ 1802 года) высочайшею благодарностію, но гуртовое, обыкновеннымъ порядкомъ, чрезъ посред-

¹⁾ Въмѣсто Василія Назаровича Миклашевскій назвалъ его Николаемъ Назаровичемъ. Здѣсь встаетъ упомянуть и о томъ, что почти въ тоже время дворяне Херсонской губерніи изъявили готовность пожертвовать на Харьковскій университетъ сорокъ тысячъ рублей. Вообще, можно сказать, что если бы предоставлена была Каразину свобода дѣйствій по университетскому дѣлу, то не сотни тысячъ, а миллионы поступили бы на пользу этого училища отъ частныхъ людей. Между тѣмъ какъ по оставкѣ его не только никакихъ новыхъ пожертвованій не сдѣлано, но и прежнія перестали поступать въ надлежащіе сроки, такъ что вмѣсто шести лѣтъ, на которыя онъ былъ въ началѣ распределенъ, были еще недопмынъ тридцать шесть лѣтъ спустя и послѣднія сложена потому, что многихъ изъ жертвователей не было уже на свѣтѣ. Авт.

ство губернатора объявленіе оной дворянамъ и отличіе, оказанное только одному изъ нихъ и притомъ именно тому, который менѣе другихъ сочувствовалъ идеи учрежденія университета и совѣтовалъ построить лучше богадѣльню въ изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ за подтвержденіе правъ Малороссіи (о чемъ онъ уже и оповѣщалъ дворянъ до прибытія въ Харьковъ Василія Назаровича), казалось виновнику пожертвованій на пользу просвѣщенія недостаточнымъ признаніемъ со стороны правительства подвига жертвователей; онъ желалъ бы, чтобъ монаршая милость выражена была въ особыхъ, прямо на имя дворянъ и на имя гражданъ Украины, высочайшихъ рескриптахъ, которые они могли бы хранить у себя на вѣчныя времена, какъ памятникъ заслугъ ихъ на пользу просвѣщенія. Проникнутый такими мыслями, Каразинъ составляетъ докладную отъ имени внутреннихъ дѣлъ записку, къ которой прилагаетъ списокъ лицъ, оказавшихъ наиболѣе усердія въ дѣлѣ пожертвованій, и идетъ къ графу Кочубею. Этотъ находитъ мнѣніе его заслуживающимъ уваженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ неловкость своего положенія перекладывать вновь дѣло уже рѣшенное. Каразинъ проситъ дозволенія написать докладную записку отъ своего имени¹⁾ и представить ее черезъ посредство его сіятельства. Графъ соглашается. На слѣдующій же день Каразинъ послалъ графу при особомъ письмѣ слѣдующую бумагу:

„Имѣвъ честь слышать отъ е. с. господина министра внутреннихъ дѣлъ о всемилостивѣйшемъ назначеніи нѣкоторыхъ отличій Слободско-Украинской губерніи, беру смѣлость просить его вмѣстѣ съ изъявленіемъ моей всеподданнѣйшей, глубочайшей благодарности), довести до свѣдѣнія августѣйшаго монарха слѣдующія обстоятельства, умолять о которыхъ было бы противно моей свѣсти.

„Безъ сомнѣнія, намѣреніе Е. И. В., при изліяніи своихъ милостей на упомянутую губернію, есть показать вниманіе къ ея просвѣщенному патриотизму и вѣрноподданническому усердію. Отличая сіи гражданскія добродѣтели, онъ желаетъ повсемѣстно возбудить ихъ въ сердцахъ своихъ подданныхъ. Онъ жалуетъ орденъ дворянскому предводителю губерніи, поелику невозможно отличить подобнымъ знакомъ

¹⁾ Къ такой самонадѣянности дало ему поводъ то обстоятельство, что за нѣсколько дней до этого, именно 24-го января 1803 г., былъ высочайше утвержденъ, — хотя, къ сожалѣнію, не безъ нѣкоторыхъ пзмѣненій, — составленный имъ «предварительныя правила народнаго образованія», и его назначили правителемъ дѣлъ полагавшагося по этимъ правиламъ главнаго правленія училищъ, что и показалось ему какъ бы возвращеніемъ монаршей къ нему довѣренности.

Авт.

благозоленія всѣхъ дворянъ, предполагая, что они всѣ равно участвовали. Если мнѣ, какъ первому производителю сего дѣла, должно оно быть извѣстно во всѣхъ его подробностяхъ: если я, какъ полный повѣренный всѣхъ участвовавшихъ въ немъ особъ, заслуживаю и предъ лицомъ монарха какую-либо довѣренность; если, наослѣдокъ, совершенное и рѣшительное передъ нимъ отрицаніе отъ всего, что наградою назваться можетъ¹⁾, даетъ мнѣ малѣйшее право говорить о наградахъ другихъ, то я долженъ донести, пока есть еще время, что исключительное изъявленіе милости одному предводителю не можетъ быть милостію для цѣлой губерніи, поелику ей извѣстно сколь слабо, сколь косвенно онъ дѣйствовалъ во все время протекшаго полутора года, когда возникло сіе намѣреніе. Тѣмъ менѣе дворянское общество можетъ быть равнодушно къ удаленію отъ всякаго знака милости тѣхъ именно особъ, которыя въ глазахъ его, такъ сказать, распинались за успѣхъ сего намѣренія, которые не щадили ни трудовъ, ни собственности. Жалѣть будутъ объ участи сихъ почтенныхъ людей, давно уже приобрѣвшихъ общее уваженіе и признательность; не поймутъ причины, для чего правительство не удостоило раздѣлить сихъ чувствованій въ то самое время именно, когда оно своимъ вниманіемъ можетъ навсегда опредѣлить имъ цѣну. Нынѣшній случай есть самый рѣдкій: едва-ли не въ первый разъ еще цѣлое общество, безъ внушенія и побужденія начальства, пожелало добра и произвело его, весьма счастливо встрѣтаясь съ намѣреніями единственнаго изъ монарховъ, то есть: едва-ли не въ первый разъ еще обнаружилась искра общественнаго духа, столь необходимаго для поддержанія исполнскаго состава Россіи, и—увы! столь мало въ ней примѣтнаго. Цѣлыя общества нигдѣ и никогда не дѣйствуютъ массою: всегда должны быть первые виновники, которые, приступя къ дѣлу, начальное потрясеніе произведутъ въ умахъ. Предпріятіе ихъ не легко: должно бороться съ недоразумѣіемъ, предразсудками и завистію, должно приготовиться къ озлобленію и посмѣянію въ случаѣ неудачи. И если правительство не уважитъ таковыхъ людей, если не станетъ ихъ отличать отъ толпы, которую они двинули своими усиліями, если оно не захочетъ даже примѣтить ихъ пожертвованій, то въ другомъ мѣстѣ и при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ общая готовность къ добру надолго можетъ остаться мертвою. Государя награждаютъ исполненіе повелѣній ихъ: но самопроизвольныя стремленія къ общему

¹⁾ За нѣсколько времени до того его спросили отъ лица государя, какую награду онъ желалъ бы получить за возбужденіе украинцевъ къ такимъ жертвованіямъ. Онъ отвѣчалъ, что всеподданнѣйше просить не давать ему никакой, чтобъ не сказали, что онъ дѣйствовалъ изъ личныхъ видовъ. Авт.

добрѣ, предупреденіе, такъ сказать, таковыхъ повелѣній, сообразное съ законами, но ими не предписываемое, едва-ли не болѣе должно быть отличено.

„Искавши вмѣстѣ мысли мои въ наименьшемъ пространствѣ, я здѣсь останавливаюсь, и въ заключеніе донесу, что я умышленно обратилъ спискомъ достойнѣйшихъ дворянъ, отличившихся усердіемъ, умолчавъ даже о такихъ, каковы, напримѣръ, предводитель купянского округа, сумской помѣщикъ, майоръ Палицынъ, и нѣкоторые другіе. Такимъ образомъ, наименовавши нынѣ только пять человекъ изъ дворянъ, которые наиболѣе видны были, которые по всѣмъ другимъ отношеніямъ заслуживаютъ награды, я привелъ себя въ самыя тѣсныя предѣлы. Всепокорнѣйше прошу его сія-во министра внутреннихъ дѣлъ еще разъ представить всемилостивѣйшему государю объ отличеніи двухъ дворянскихъ предводителей: Щербинина и Алферова чинами и двухъ изъ упомянутыхъ въ запискѣ моей дворянъ: Ковалевскаго и Кондратьева орденами, хотя св. Анны. Впрочемъ, да удостоитъ благонамѣреннѣйшій, непоколебимый въ своихъ началахъ государь вспомнить, что онъ орденъ св. Владимира назначилъ въ награду „мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей“. Намѣреніе его при возобновленіи сего ордена было божественно: намѣреніе умножить число добрыхъ гражданъ и прямыхъ сыновъ отечества во всѣхъ состояніяхъ, не исключая изъ нихъ ни единого¹⁾. На сѣмъ было основано мое представленіе“.

Ходатайство Каразина было уважено. А именно: награды даны были всѣмъ тѣмъ лицамъ, о которыхъ онъ просилъ, и всѣ уѣздные предводители поименованы въ особомъ высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ на имя губернскаго предводителя.

Такое милостивое рѣшеніе государя заставило Каразина питать себя вновь сладкими мечтами и твердо рѣшиться продолжать идти по трудному пути, за два года передъ тѣмъ ему указанному державною волею, по пути правдоговоренія.

Случай заявить себя на этомъ пути не замедлил ему представиться. За нѣсколько времени до рѣшенія дѣла харьковцевъ, именно въ декабрѣ 1802 года, поступилъ въ правительствующій сенатъ высочайше конфирмованный докладъ государственной военной коллегіи о правахъ дворянъ относительно военной службы. Докладъ этотъ во многихъ статьяхъ явно противорѣчилъ прежнимъ по этому пред-

¹⁾ Пересмотръ статута этого ордена порученъ былъ также Каразину, какъ я вижу изъ его замѣтокъ на имѣющемся у меня экземплярѣ этого статута.

Авт.

мету постановленіямъ Екатерины II и Петра III. Между тѣмъ, за три мѣсяца до того государю императору угодно было повелѣть сенату, въ случаѣ если бы сей послѣдній встрѣтилъ въ новомъ какомъ-нибудь узаконеніи затрудненіе къ приведенію его въ исполненіе по причинѣ несогласія съ прежними законами или другимъ какимъ неудобствамъ, то чтобъ доносить о томъ его величеству. Никто, однако-жь, изъ сенаторовъ, кромѣ графа Потоцкаго, не рѣшался на такое донесеніе; высочайшая подпись останавливала ихъ: они привыкли считать ее ненарушимою. Потоцкій остался при особомъ мнѣніи. Но, не владѣя свободно русскимъ языкомъ, онъ отправился къ Каразину, котораго зналъ по коммисіи училищъ, просить его помощи въ этомъ случаѣ. Каразинъ охотно согласился и редактировалъ по-русски французскій набросокъ мыслей графа. И редація эта, и самый набросокъ лежатъ теперь передо мною; на послѣднемъ, сверху, надпись рукой Василія Назаровича, позднѣйшаго уже времени, судя по почерку: „1803. Brouillon autographe du C-te Potozky, d'après lequel j'ai rédigé son fameux мнѣніе, qui a commencé par nous culbuter tous les deux“. Это то самое мнѣніе, про которое упоминаетъ Державинъ въ своихъ запискахъ и которое надѣлало тогда столько шума въ Петербургѣ. Четыре раза сенатъ назначалъ время для его слушанія и въ каждый разъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ откладывалъ. Каразинъ зналъ это и не утерпѣлъ, написалъ къ императору:

„Государь! Кто чтить, кто любитъ васъ искреннѣе, тотъ долженъ быть и дерзновеннѣе другихъ: ничто меня не оставовить, когда дѣло идетъ о славу вашей. Въ сенатѣ не смѣли читать извѣстнаго вамъ уже мнѣнія графа Потоцкаго не доложася. Приобыкли, бѣдные, и шагу для общаго добра не сдѣлать безъ имяннаго повелѣнія. Сегодня, думаю, министръ юстиціи, къ стыду россиянь, представитъ вамъ на разрѣшеніе, позволите-ли сенаторамъ выслушать только сію бумагу, не взирая, что всякъ изъ нихъ ясно видитъ, что она писана на основаніи вашего точнаго дозволенія. Я не говорю о самомъ мнѣніи, предугадывая какъ Александръ поступитъ, если сенатъ, уваживъ оное, взойдетъ съ формальнымъ докладомъ. Но осмѣливаюсь и спѣшу донести, что люди, преданные вамъ и общему добру, ожидаютъ на нынѣшнее представленіе министра отвѣта отъ васъ гласнаго, назначеннаго сдѣлаться извѣстнымъ публичнѣе, отъ которой, конечно, не укроется, что васъ о семъ спрашивали. Первый еще случай вы имѣете, государь, обожающему васъ народу и Европѣ вмѣстѣ съ нимъ, доказать рѣшительно образъ вашихъ мыслей и возродить сѣмена любви къ отечеству и общественнаго духа. Важный случай сей есть, можетъ быть, и единственный, ибо эгоизмъ и низость ждутъ только малѣй-

шаго движенія вашего въ ихъ пользу, чтобъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ лѣтъ впередъ обезпечить свое владычество“.

„В. П. В. извѣстный вѣрноподанный, ежедневно болѣе липаемый милости“.

Прошелъ цѣлый мѣсяць, а мнѣніе Потоцкаго все еще лежало подъ сукномъ. Самъ онъ назначенъ былъ, между тѣмъ, попечителемъ учреждаемаго въ Харьковѣ (такъ сказано въ указѣ отъ 24-го января 1803 г.) университета. Принсканы уже были Каразинымъ для этого университета и 4 профессора: Рижскій изъ горнаго корпуса для русской словесности; Осиповскій изъ с.-петербургской учительской семинаріи для физики; Делавинъ ¹⁾ для естественной исторіи и ботаники, и Тимковскій для юридико-политическихъ наукъ. Велась переписка съ Харьковомъ о временномъ помѣщеніи университета въ домъ, построенномъ при Екатеринѣ для генераль-губернаторовъ, должность которыхъ въ Слободско-Украинской губерніи была при Павлѣ упразднена, а также о другомъ, противоположномъ этому, домѣ, при Екатеринѣ же выстроенномъ для торжества открытія намѣстничества (домъ, о которомъ въ протоколѣ дворянъ 1-го сентября 1802 г. упоминалось, оказался не удобнымъ къ уступкѣ для университета). Пора было думать о дѣйствіяхъ на мѣстѣ, въ самомъ Харьковѣ. Но Потоцкій сталъ замѣчать неблаговоленіе къ себѣ не только со стороны министра, графа Завадовскаго, который съ самаго начала оказывалъ явную холодность къ дѣлу харьковцевъ, но и со стороны даже самаго государя. Семейныя дѣла Потоцкаго требовали между тѣмъ поѣздки за границу (отецъ его, жившій въ Вѣнѣ, умеръ). Онъ отпросился въ отпускъ, поручивъ Каразину, ѣхавшему въ тоже время съ высочайшаго разрѣшенія на 3 мѣсяца въ Харьковъ, дѣлать тамъ все, что сочтетъ нужнымъ для устройства университета. Никакой письменной инструкціи не далъ ему, кромѣ слѣдующаго письма, которое хранится у меня въ оригиналѣ:

„Милостивый государь мой Василій Назарьевичъ! По случаю отпущенія вашего въ Харьковъ, прошу васъ немедленно по прибытіи туда принять всевозможныя мѣры касательно первоначальнаго устройства университета, дабы приготовить все къ открытію его, какъ только обстоятельства позволятъ; въ распоряженіяхъ вашихъ будутъ вамъ вспомоствовать, съ одной стороны, г. профессоръ Тимковскій, котораго я неумедлю отправить отсюда въ качествѣ визитатора по учи-

¹⁾ Французскій докторъ медицины. «членъ разныхъ ученыхъ обществъ, извѣстный уже по нѣкоторымъ своимъ сочиненіямъ, изданнымъ и съ похвалою принятымъ въ Германіи», сказано въ релортѣ Потоцкаго министру. Авт.

лицной части всего высочайше мнѣ вѣреннаго округа, съ другой— комиссия тамошняго благороднаго дворянства и бунечества, какъ скоро оная по избранію составлена будетъ. Ежели время допустить вамъ отлучиться изъ Слободской Украинской губерніи въ другія, находящіяся въ округѣ Харьковскаго университета, то прошу васъ не упустить случаевъ ходатайствомъ вашимъ располагать мѣстныя начальства какъ гражданскія, такъ и духовныя, къ благотворительному содѣйствію въ пользу вѣренной мнѣ части, наипаче въ томъ, что принадлежитъ собственно до университета. Зная усердіе ваше, я добрыхъ успѣховъ ожидаю отъ таковыхъ вамъ порученій; но въ каждомъ случаѣ, требующемъ особеннаго разрѣшенія отъ меня по причинѣ отъѣзда моего въ Вѣну, имѣете относиться къ его превосходительству Николаю Николаевичу Новосильцову, которому безпредѣльно вѣрять я все принадлежащее до званія попечителя. Его имѣете вы увѣдомлять о всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ и получать отъ него наставленія и начальственныя распоряженія. Къ нему же изволите вы адресовать изъ тамошней кассы патріотическаго приношенія то, что нужно на отправленіе изъ С.-Петербурга профессоровъ и на другія потребности, до времени пока высочайше ассигнуемая на университетъ суммы могутъ быть въ полученіи. Пребываю съ почтеніемъ и преданностію (подписалъ) графъ Северинъ Потоцкій.

С.-Петербургъ, февраля 17-го 1803 года.

Въ подкрѣпленіе этого письма графъ, по просьбѣ Каразина, увѣдомилъ о своемъ распоряженіи харьковскихъ: губернскаго предводителя и градскаго главу, прося ихъ озаботиться о составленіи комисіи, и далъ въ руки Каразину рекомендательныя письма къ начальникамъ губерній, сопредѣльныхъ Харьковской.

18-го февраля 1803 г. Каразинъ отправился въ Харьковъ. Мысли о сенатской исторіи не покидали его и въ пути: онъ придавалъ ей особенную важность въ дѣлѣ развитія въ Россіи общественнаго духа. Проѣздомъ черезъ Москву, онъ нарочно остановился тамъ на нѣсколько дней, чтобы прислушаться къ говору древней столицы объ этой исторіи и вездѣ слышалъ одобренія поступка Потоцкаго и порицанія несмѣлости другихъ сенаторовъ. Тогда онъ написалъ, изъ Орла уже, новое письмо къ государю, которое позволяю себѣ также привести здѣсь съ имѣющагося у меня черноваго наброска. Вотъ оно:

„Всемиловѣннѣйшій государь! Если я еще долженъ себя оправдывать въ нынѣшнемъ вѣрноподданническомъ моемъ отношеніи, если должно мнѣ еще доказывать, что не личныя какіе-либо виды заставляютъ меня говорить, то я слишкомъ несчастливъ и лучше бы мнѣ было мол

чать цѣлый мой вѣкъ. По крайней мѣрѣ удостойте, государь, судить о сильномъ влеченіи писать къ вамъ теперь и вмѣстѣ о безкорыстности моихъ побужденій по тому, что я чрезъ сіе письмо нагло рискую вашимъ благоволеніемъ, для меня высшимъ всякаго счастья. Я знаю это, чувствую всю опасность, которой подвергаюсь, и совсѣмъ тѣмъ пишу къ вамъ! Я пишу изъ пути въ Украину, куда спѣшить имѣлъ я всѣ причины на свѣтѣ, но я пробылъ въ Москвѣ нѣсколько дней съ намѣреніемъ узнать и донести вашему величеству какъ заключается тамошняя публіка, составляющая, можно сказать, половину мыслящей политической Россіи, о извѣстномъ сенатскомъ дѣлѣ относительно конфирманнаго доклада военной коллегіи.

„Я успѣлъ говорить съ первостатейными знатными, средними дворянами и людьми другихъ состояній. Всѣ въ мнѣніи графа Потоцкаго находятъ только ту вину, что оно писано не природнымъ россіяниномъ. Всѣ охуждаютъ возраженіе министра юстиціи; всѣ увѣрены, что высочайшая ваша воля уважить докладъ сената, коль скоро оный внесенъ будетъ. Двѣ сильныя причины, — говорятъ они, — убѣдятъ ваше величество въ его пользу; первая—вы въ семъ рѣшительномъ случаѣ не упустите доказать свѣту, что слова ваши, въ манифестахъ сязанныя, суть и въ вѣкъ пребудутъ словами самой истины; не станете, слѣдовательно, ни подъ какимъ видомъ ограничивать того, что единожды нарекли кореннымъ, непрелагаемымъ закономъ; вы поддержите духъ разлитой во всѣхъ дѣяніяхъ вашего царствованія, духъ совершенной политической свободы; вы не захотите однимъ ударомъ уничтожить на полвѣка по крайней мѣрѣ всякую смѣлую дѣятельность въ томъ сословіи, которое сами желали ободрить и возвысить (увы, сіе, безъ сомнѣнія, случится, если не будетъ уважено первое сего сословія по обязанности предъ государствомъ представленіе, если виновники его понесутъ хотя малѣйшій знакъ вашего неблаговоленія); вторая причина, по словамъ ихъ, не менѣе убѣдительна: вы не захотите показать недостатокъ вниманія вашего къ дворянству въ то самое время, когда прочія состоянія осыпаете милостями и даете имъ новыя права ¹⁾).

„Такова молва древней столицы, государь! Я оставилъ вещи въ пномъ видѣ при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, и потому, менѣе имѣя надеждъ, дерзновенно прибавлю слѣдующее: вельможи, завоснѣвшіе въ безчувственномъ своемъ эгонизмѣ, не любятъ, не могутъ лю-

¹⁾ Въ докладѣ военной коллегіи былъ, между прочимъ, одинъ пунктъ, которымъ уничтожалась свобода дворянина выходить въ отставку прежде 12-лѣтняго срока службы.

Авт.

бить тебя: среднее и низшее дворянство совершенно тебѣ преданы. Утверди преданность сію нынѣ снисхожденіемъ къ его слабости, слабости обнаруживаемой въ гласномъ его ропотѣ! Ласками, дворянству оказанными, — ты болѣе дашь себѣ правъ благотворить прочимъ состояніямъ. Тебѣ, мой благотворитель, извѣстно пристрастенъ-ли я къ привилегіямъ аристократіи? Говоривъ противъ нихъ въ каждой изъ моихъ бумагъ, безуміемъ было бы защищать ихъ въ одномъ семъ случаѣ съ колоссальнымъ упорствомъ, съ толикою же и наглостію. Но я желаю лишь утвердить всеобщую любовь къ тебѣ, всеобщую довѣренность къ твоимъ священнымъ словамъ, къ постоянству твоихъ началъ. П какъ мнѣ не дорожить сею довѣренностію, поелику отъ нея зависитъ для славы твоей, для нашего благоденствія такъ много! Вотъ цѣль моя. Я не прошу прощенія въ моемъ дерзновеніи: если ты тотъ Александръ, любимецъ и надежда Россіи, которымъ заняты были всѣ мечтанія моея юности, къ которому усердія жаръ и нынѣ еще, въ возрастѣ зрѣлаго ума, увлекаетъ меня въ легкомысленныя, по стремительности своей, поступки; если ты тотъ подлинно, — то на что мнѣ извиняться? Мнѣ должно быть увѣрену въ моемъ прощеніи. Если же ты только самодержецъ, то никакія оправданія не помогутъ уменьшить вины моея, и я готовъ понести за нее наказаніе, готовъ теперь, въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ моея жизни, среди радостей и надеждъ, ожидающихъ меня въ преддверіи, можетъ быть, моего брака, всѣмъ симъ пожертвовать, и громко сіе произношу предъ лицомъ всевѣдущаго!“

Оба письма остались безъ всякихъ непріятныхъ для писавшаго послѣдствій; напротивъ, докладъ военной коллегіи былъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ измѣненъ, хотя и безъ той огласки, которую желалъ преждевременный мечтатель объ общественномъ духѣ въ Россіи.

Кстати, приведу еще одно изъ многихъ, у меня имѣющихся, письменныхъ свидѣтельствъ пламеннаго желанія Каразина возможной въ то время, по его понятіямъ, общественной гласности на пользу правительственной власти. Говорю кстати потому, что случай относится къ тому же времени. Проѣздомъ черезъ Москву услышалъ онъ тамъ рассказы о вновь заводимой, въ одномъ недалекомъ отъ столицы селеніи (Павловскомъ), суконной фабрики. Слухи были не въ пользу правительственнаго предпріятія; говорили даже о бунтѣ крестьянъ. Онъ тотчасъ ѣдетъ на мѣсто, разузнаетъ всѣ обстоятельства дѣла и пишетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

„С. гр. м. г.! Оставляя суетность, которая могла бы заимствовать отъ патріотизма причины къ нынѣшнему донесенію, скажу я просто, что личная, безпредѣльная моя приверженность къ единственному въ числѣ властей земныхъ (я говорю сіе по опытамъ и глубокоу убѣж-

денію сердца) нашему государю запрещает мнѣ молчать и заставляет донести вамъ, какъ министру, въ высочайшей степени одобренному мнѣніемъ народнымъ и всею душою принадлежащему своей части, слѣдующее обстоятельство:

„Въ проѣздъ мой черезъ Москву разговоръ въ двухъ значущихъ домахъ обратилъ вниманіе мое на неповиновеніе крестьянъ, приобрѣтенныхъ въ казну отъ графа Ягужинскаго. Заводимыя тамъ, будто противъ воли и въ отягощеніе крестьянъ, фабрики; отправленіе туда войскъ, силою которыхъ правительство расположено заставить ихъ работать и которыя держатъ явно ихъ сторону; сосѣдство съ ними многихъ тысячъ подобной же вольницы, приобыкшей самымъ свободнымъ образомъ говорить и дѣйствовать среди изобилія, которымъ они почти безъ всякаго труда наслаждаются; близость многолюдного и въ нравственныхъ началахъ до крайности развращеннаго города,—города, почитающаго себя главою и образцомъ градовъ российскихъ, все это вмѣстѣ возмутило мое воображеніе: мнѣ показалось, что я долженъ немедленно узнать въ чемъ точно состоитъ дѣло и въ простотѣ сердца и дѣйствій, составляющей мою систему, довести самую чистую истину къ свѣдѣнію государя. Слѣдующаго утра, я, подъ видомъ посѣщенія офицера, кантонировавшаго въ тѣхъ селеніяхъ и дѣйствительно, къ счастью, мнѣ знакомаго (капитана Юни¹⁾), отправился туда. Случилось совсѣмъ нечаянно, что и извозчикъ, котораго я, въ отвращеніе всякаго слуха, взялъ съ биржи на дрожжахъ, былъ изъ числа крестьянъ сосѣдственныхъ селу Павловскому, въ которомъ учреждается фабрика. Въ продолженіе дороги онъ предварилъ меня о точномъ образѣ мыслей черни о сей фабриктѣ. Слова его я признаю и долженъ признать общимъ образомъ мыслей, потому что во всей округности я слышалъ ихъ повтореніе. Чернь думаетъ, что сіе скоростижное преображеніе оброчныхъ крестьянъ въ фабриканты, сопровождаемое въ самомъ началѣ жестокостію и насиліемъ, есть дѣло небывалое въ государевыхъ волостяхъ, и что совсѣмъ невозможно, чтобъ такова была истинная воля царева. Но что, впрочемъ, такъ какъ они отчаялись въ возможности объяснить нужду свою и получить облегченіе, ибо видятъ-де они, что большіе баревсѣ на сторонѣ Сребрякова (начальника фабрики и члена комисса-

¹⁾ Родной братъ этого Юни, Францъ, былъ, по ходатайству Каразина, опредѣленъ на службу въ главное правленіе училищъ вмѣстѣ съ Д. Блудовымъ (въ послѣдствіи графомъ), Д. Кавелинымъ, В. Молчановымъ, С. Бестужевымъ, Н. Брусловымъ, В. Анастасевичемъ и другими, сдѣлавшимися, въ послѣдствіи, болѣе или менѣе извѣстными по своей служебной карьерѣ.

Авт.

риатскаго), то и не находятъ другаго пути довести правду до ушей государя, какъ явное неповиновеніе. „Мы-де знаемъ, что быть худу; но коли иначе нельзя!... пусть насъ Богъ судить: вина не наша“. Вотъ точныя слова, слышанныя мною не отъ одного человѣка въ селѣ Павловскомъ и деревнѣ Покровской, отстоящей далѣе пятью верстами отъ Москвы. Въ сей послѣдней деревнѣ (откуда я, для лучшаго прикрытія своего намѣренія, съ женою упомянутаго офицера ѣздилъ въ сосѣдственный монастырь и, слѣдовательно, имѣлъ случай быть два раза) примѣтилъ я очень явственно пріязнь солдатъ съ крестьянами, которая не общается важнаго пособія со стороны первыхъ для усмиренія непокойствъ, если оныя нагло обнаружатся. Многіе изъ нихъ открыто сожалѣютъ объ участи крестьянъ и роищутъ вмѣстѣ на притѣсненія. Многія другія обстоятельства, которыя лучше всего изустно объяснить я могу предъ вами, с. гр., или и предъ монархомъ, если ему угодно будетъ призвать меня, заставили меня мыслить, что сіе дѣло требуетъ розысканія со стороны самаго безпристрастнаго человѣка, который бы въ Москвѣ особливо извѣстенъ былъ кротостію къ крестьянамъ, значеніемъ и общою довѣренностію въ городѣ. Весьма полезно будетъ, если таковая особа соединяетъ въ себѣ и познанія по комисариатской части, чтобы справедливѣе судить о степени выгоды, которую казна приобрѣсти можетъ отъ заведенія сей фабрики, соразмѣрно съ употребляемыми издержками и неудобствами, въ самомъ ея основаніи открывшимися. Можетъ быть, окажется, что и заведеніе несравненно облегчить можно и виду притѣсненія избѣгнуть, который не безъ причины обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ благомыслящихъ людей въ столицѣ... Какъ бы то ни представилось дальнѣйшему прозрѣнію вашему, м. г., и мудрости его императорскаго величества, тѣмъ не менѣе успокоено мое сердце послѣ сего донесенія. Имѣю честь быть и пр., іюня 14-го дня 1803 года“. На верху письма надпись: „по секрету“.

Послѣдствіемъ этого письма было тщательное розысканіе дѣла, порученное генералъ-губернатору, и успокоеніе крестьянъ. Но фабрика таки состоялась и была уничтожена уже въ царствованіе императора Николая I по невыгодности для казны.

Воспитанникъ Харьковского университета
1820-хъ годовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Распоряженіе Александра I о полковникѣ Виттѣ.

1808 г.

Секретно.

Господину дѣйствительному статскому совѣтнику, Подольскому гражданскому губернатору Чевкину.

Разнесся тутъ слухъ, что полковникѣ Виттѣ намѣревается вызвать на поединокъ генераль-маіора графа Виттенштейна, и что можетъ статься и былъ уже между ними сей поединокъ.

Причина вражды полковника Витта противъ генераль-маіора графа Виттенштейна, по сказаніямъ, есть неудовольствіе по службѣ. Къ сему слуху присоединяется здѣсь молва, что полковникѣ Виттѣ рѣшился, по сей самой причинѣ, вызвать также на поединокъ и генераль-лейтенанта князя Багратиона.

Въ томъ уваженіи, что никакіе, а тѣмъ еще болѣе таковыя между подчиненныхъ и начальниковъ поединки, весь порядокъ службы и дисциплину ея разрушающіе, отнюдь не должны быть терпимы, по свѣдѣніямъ о пребываніи полковника Витта въ Подольской или Волынской губерніи, я повелѣваю вамъ:

1) Есть-ли слухи сіи въ Подольской губерніи неизвѣстны, то, не оглашая ихъ, ограничиться ближайшимъ и точнѣйшимъ надзоромъ за поведеніемъ полковника Витта, какъ въ томъ случаѣ, буде онъ въ губерніи сей нынѣ находится, такъ и въ томъ, когда въ оную возвратится.

2) Есть-ли слухи сіи справедливы и достовѣрно, что полковникѣ Виттѣ похваляется или ищетъ случая имѣть поединокъ съ генераль-маіоромъ графомъ Виттенштейномъ, то въ такомъ случаѣ немедленно ограждать его самымъ надежнымъ присмотромъ, посредствомъ коего

все то, что онъ ни дѣлаетъ, было бы вамъ извѣстно, и который бы, конечно, отнюдь не допустилъ полковника Витта имѣть сей поединокъ.

3) Есть-ли сей поединокъ, сверхъ чаянiя, былъ уже на самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ полковника Витта, буде онъ находится въ Подольской губерни, или коль скоро въ оной покажется, взять подъ стражу и мнѣ о семъ донести.

4) Между тѣмъ, въ семъ послѣднемъ случаѣ, представить мнѣ, какимъ образомъ и гдѣ было сіе происшествiе, какія оно имѣло послѣдствiя и кто были съ той и другой стороны секунданты, равно какъ и о томъ, какъ, гдѣ и кѣмъ полковникъ Виттъ безъ предписаннаго паспорта пропущенъ за границу, есть-ли дошедшiй сюда слухъ основателенъ, якобы онъ имѣлъ уже поединокъ и послѣ его уѣхать за границу. Александръ.

Въ Санктпетербургѣ. Генваря 26 дня 1808 года.

Конграсигнировалъ: К. Алексѣй Куракинъ.

Помѣта В. Чевкина: «Получено 1 февраля въ ночь, въ часъ, 1808 года.»

Примѣчанiе: Владимiръ Ивановичъ Чевкинъ, (род. 1754, † 1831), отецъ ген-адъют. К. В. Чевкина воспитанный въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, произведенъ въ поручикъ въ 1771 году, былъ въ походѣ: въ Крымъ, на Дунай и въ Польшу; а съ 1797 года, въ чинѣ генералъ-майора, былъ шефомъ Ямбургскаго вѣваспрскаго имени его полка; въ 1801 году, при назначенiи подольскимъ губернаторомъ, переименованъ въ д. ст. совѣтникъ.

Черта изъ жизни изъ С.-Петербургскаго митрополита Гавриила, въ царствованiе Екатерины II¹⁾).

Родовое имѣнiе покойныхъ господъ Кузминскихъ, д. ст. сов. Александра и отца моего ст. сов. Ивана Гавриловичей, было С.-Петербургской губерни, Новоладожскаго уѣзда, село Оломна, съ деревнями. Лѣтомъ они живали въ своемъ нераздѣльномъ помѣстьѣ, а зимою въ Петербургѣ.

Тутъ, гдѣ теперь, за оградю Невской лавры, красуется зданiе духовной академiи, стоялъ, до ея постройки, обширный, одно-этажный, нѣкогда архіерейскiй, деревянный домъ, съ сухимъ, по Шлюссельбургской дорогѣ, ровомъ и цвѣтущимъ палисадникомъ, который сообщался съ пространнымъ архіерейскимъ садомъ. Родной дядя мой, Александръ Гавриловичъ, старый артиллеристъ временъ Меллсина, находясь уже въ отставкѣ, нанималъ тотъ домъ отъ лавры, и какъ семейный чело-

¹⁾ Пыщный карарскаго мрамора, въ великолѣпной бронзовой рамѣ, поясной портретъ Гавриила находится въ Невскомъ соборѣ, на стѣнѣ, противъ раки св. Александра Невскаго.

вѣкъ, по русской широкой натурѣ своей, держалъ дворню до 40 человекъ обоого пола.

Видно, что такое неумѣренное число прислуги, въ концѣ золотого вѣка царствованія Екатерины II, оправдывалось гостепрѣимствомъ роднаго мнѣ хлѣбосола.

Бывши, по сосѣдству, знакомъ съ тогдашнимъ с.-петербургскимъ митрополитомъ Гаврииломъ, дядя мой нерѣдко отправлялся къ нему побесѣдовать за вечернимъ чаемъ, и не могъ довольно нахвалиться радушнымъ всегда приемомъ этого архипастыря.

Однажды въ селѣ Оломенѣ произошелъ соблазнъ: тамошній діаконъ, во хмѣлю, на посидѣлкахъ пошелъ, подъ дѣвичью пѣсню, плясать. Добрые люди посмѣялись тому, да и только; а недоброжелатели довели о томъ до свѣдѣнія благочиннаго, вслѣдствіе чего плясунъ потребованъ былъ къ отвѣту въ консисторію.

Тотъ, семейный бѣднякъ, не имѣя средствъ ни оправдаться, ни откупиться, угрожаемый разстриженіемъ, въ отчаянномъ положеніи нашелъ случай, черезъ одну изъ барскихъ барынь, просить супруга дяди моего, о томъ, чтобы онъ, какъ милостивый помѣщикъ, защитилъ своего дьякона¹⁾.

Александръ Гавриловичъ, по добротѣ своей, охотно согласился быть ходатаемъ за недурнаго, впрочемъ, человека; и потому вечеромъ пошелъ къ высокопреосвященному, а между тѣмъ приѣзжалъ, чтобы дьяконъ дожидался на всякій случай у подъѣзда митрополничьяго.

За чаемъ дядя, воспользовавшись благопріятнымъ расположеніемъ духа Гавриила, просилъ его помиловать дьякона. И хотя въ тѣ простые времена Оломенской соблазнъ могъ возмущать совѣсть многихъ людей, но мудрый святитель, снисходя къ невѣжеству провинившагося и мня въ немъ семьянина, отвѣчалъ дядѣ:

— Хорошо, Александръ Гавриловичъ,—я, по желанію вашему, составлю его на прежнемъ мѣстѣ; однако-жь велю сюда вытребовать и самъ его взглянуть.

— Онъ здѣсь, ваше высокопреосвященство, отвѣчалъ дядя.

— Тѣмъ лучше, прервалъ митрополить, и приказалъ келейнику вестн виновнаго.

¹⁾ Подчеркнутыя дьяконскія слова съ точностію показываютъ отношенія въ то время сельскихъ духовныхъ лицъ къ помѣщикамъ; и мудрено-ли, когда, не болѣе десяти лѣтъ предъ симъ, я самъ видѣлъ, какъ въ одной Новоладожскаго уѣзда деревнѣ, старіиш діаконъ по окончаніи обѣдни, здороваясь съ помѣщикомъ, при всемъ народѣ цѣловалъ у него руку, въ знакъ признательности.

Этотъ—огромнаго роста, неуклюжій, неловкій дьяконъ, съ трепетомъ переступивъ порогъ гостиной кельи и очутивъ передъ митрополитомъ лицомъ въ лицу, кинулся ему въ ноги.

Митрополитъ просто сказалъ:

— Встань, окаянный, расскажи какъ было дѣло!

— Виноватъ, владыко! (отвѣчалъ плаксиво дьяконъ) я на поспѣлкахъ плясалъ въ присядку.

— По какой пѣсни?

— По „воробышку“, ваше высокопреосвященство.

Тутъ добродушный старецъ обмѣнялся съ моимъ дядей невольной улыбкой и, сдѣлавъ сокрушенному дьякону краткое архипастырское нравоученіе, благословилъ его возвратиться на прежнее мѣсто въ село Оломну.

Г. И. Кузминскій.

Петръ Лямсъ.

11-го августа 1839 г. въ домѣ с.-петербургскаго митрополита Серафима, въ приемной залѣ, между другими просителями и ждавшими благословенія преосвященнаго, стоялъ крестьянинъ, не обращавшій на себя ничего вниманія.

Преосвященный, собравшійся ѣхать въ синодъ, вышелъ въ свою залу, выслушивалъ, по обыкновенію, просьбы, раздавалъ милостыню и благословеніе.... Вдругъ крестьянинъ, о которомъ мы сказали и къ которому подошелъ митрополитъ, взмахнулъ рукой и закричавъ „Еретикъ, сынъ антихриста!“ ударилъ его. Преосвященный въ тоже время нагнулъ голову и ударъ пришелся болѣе по клубуку, однако-жъ старикъ зашатался и былъ поддержанъ подбѣжавшими къ нему служителями. Митрополитъ сохранилъ все приличное сапу его спокойствіе. Отступивъ, сначала спросилъ онъ: „За что ты меня ударилъ?“ но потомъ, какъ бы жалѣя, что сдѣлалъ и этотъ вопросъ, сказалъ: „Я прощаю тебя!“ вышелъ изъ комнаты и поѣхалъ въ синодъ, не давъ никакого приказанія на счетъ крестьянина. Уже безъ него взяли этого крестьянина и отправили въ полицію. Сначала крестьянинъ называлъ себя то странникомъ, то богомольцемъ, не открывая настоящаго своего имени; но на другой день, при полицейскомъ слѣдствіи, сказалъ, что онъ крестьянинъ Улеоборгской губерніи, Петръ Лямсъ.

Императоръ Николай Павловичъ, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора графа Протасова, изъявилъ сожалѣніе митрополиту о случившемся съ нимъ, и повелѣлъ тому же графу Протасову и генералу Дубельту произвести строжайшее слѣдствіе.

Въ воскресенье (13-го августа 1839 г.) меня вызвали изъ-за обѣда и

потребовали въ домъ графа Протасова. Тутъ я узналъ подробности жизни и характера Петра Лямса.

Онъ—незаконнорожденный сынъ чухонки—сначала вращенья былъ по обрядамъ лютеранскаго исповѣданія и названъ Іоганномъ, а потомъ, въ Комѣ или Кемп, перекрестили его и дали ему имя Петра. Молодость свою провель онъ въ Архангельскѣ, бывалъ въ раскольниковыхъ скитахъ и вступилъ въ секту беспоповщины, Даниловскаго или Филипповскаго согласія. Хотя Лямсъ не сознавался, но по всему видно, что онъ былъ убравщикомъ (проповѣдникомъ) своей секты. Онъ зналъ, можно сказать, наизусть, тропари, кормчую книгу и слова Іоанна Златоуста, слышался или начитался русской исторіи и, коверкая мысли и происшествія, такъ и рѣзать по начитанному. Въ Петербургѣ жилъ онъ четыре года, служилъ въ работникахъ у извозиковъ.

Лямсъ не имѣлъ намѣренія ни убить, ни нанести сильнаго удара митрополиту: онъ хотѣлъ только ударить его—и больше ничего. Объ немъ нельзя сказать, что онъ сознался въ преступленіи: онъ откровенно и съ удовольствіемъ описывалъ свой подвигъ, какъ дѣло совѣсти и угодное Богу. Посмотрѣли бы вы на этого маленькаго мужиченка, лѣтъ 45-ти отъ роду, исхудалаго, со впалыми щеками, съ рѣдкой щетинистой бороденкой, въ минуту, когда онъ говорилъ объ исполненіи своего намѣренія; вы бы удивились огню его глазъ, силѣ выраженій его, такъ сказать чорту, который тогда сидѣлъ въ немъ! Это былъ пророкъ своего бога!

По мнѣнію Лямса, всѣ православные—еретики и противозаконники, а больше всѣхъ—митрополитъ. „Каждый изъ васъ“,—говорилъ онъ,—„только одного себя губить; а митрополитъ тащить всѣхъ въ адъ“. Въ добавокъ къ этому, въ него вкоренилась другая мысль, еще сильнѣйшая: ему представилось, будто Богъ повелѣлъ ему ударить митрополита. Съ 1-го августа 1839 г. онъ началъ поститься и по 11-е число совершенно ничего не ѣлъ и не пилъ. Даже по взятіи его, во время заключенія въ тюремномъ замкѣ, онъ продолжалъ этотъ строгій постъ, и, несмотря ни на какія убѣжденія, рѣшительно не принималъ никакой пищи. Онъ говорилъ, что, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, онъ и послѣ почти ничего не будетъ ѣсть. „Вы слѣпые“—говорилъ онъ—„ничего не видите! Но пришли послѣднія времена: черезъ день, черезъ два, настанетъ конецъ міру!“

Въ Петербургѣ въ 1839 году было довольно много раскольниковъ изъ секты беспоповщины: была даже моленная ихъ, называвшаяся Касцовой, и при ней больница собственно для этихъ сектаторовъ. Какъ было въ то время велико число беспоповщинцевъ въ Петербургѣ,

видно изъ того, что въ мартѣ и апрѣлѣ 1838 г. лежало въ ихъ больницѣ 25 человекъ.

Слѣдствіемъ, впрочемъ, не открыто, чтобы кто подучалъ Лямса или участвовалъ въ его поступкѣ. Этотъ фанатикъ отъ всѣхъ тайлъ мысль свою. Старшина секты безпоповщины былъ призываемъ генераломъ Дубельтомъ. Религіозныя понятія онъ совершенно раздѣлялъ съ Лямсомъ, но сказалъ, что правила ихъ не требуютъ бить другихъ. „Мы только молимся“, — говорилъ старшина Дубельту — „чтобъ Богъ обратилъ васъ на путь истинный; вы также можете молиться о насъ, если считаете свои правила лучше нашихъ; и какъ мы вамъ ни въ чемъ не мѣшаемъ, такъ и вы не мѣшайте намъ думать по своему: это дѣло не принужденія, а совѣсти“.

Хозяйка квартиры, въ которой жилъ Лямсъ, дѣвча-старообрядка, повезала, что онъ всегда постился и былъ набоженъ, дичился другихъ, часто бродилъ задумавшись, для молитвы уединялся на чердакъ; пищи она давала ему только по ломтю хлѣба въ день, пилъ онъ одну воду. Она подтвердила, что съ 1-го августа не видѣла, ѣлъ-ли и пилъ-ли онъ что-нибудь. 7-го августа случился съ нимъ припадокъ. Взойдя на чердакъ, для молитвы, онъ сталъ сначала плавать, потомъ стонать и, ударившись о землю, бился... Спавшіе на чердакѣ работники, пробудившись, должны были связать ему руки и ноги, снести внизъ и положить на кровать. Съ марта по 16-е іюня мѣсяца 1839 г. онъ былъ боленъ и лежалъ въ больницѣ при Касдовой моленной. Ни тогда, ни при освидѣтельствованіи его послѣ преступленія, медики не замѣтили въ немъ слѣдовъ сумасшествія. Петербургскій физикатъ отзывался, что случившіяся съ Лямсомъ болѣзни и припадки суть слѣдствіе изнуренія и сильнаго фанатизма.

Все доказывало, что Лямсъ былъ фанатикъ въ высшей степени, доходившій иногда до болѣзненнаго и изступленнаго состоянія. Въ разговорахъ онъ былъ смѣль и дерзокъ: фанатизмъ внушалъ ему мысли и выраженія сильныя и оригинальныя. На вопросъ, какъ онъ смѣль ударить митрополита, и почему онъ рѣшился на это, тогда какъ другіе безпоповщины уважаютъ нашихъ священныхъ особъ, — онъ отвѣчалъ: „Слабый покоряется, а сильный борится; я сильнѣй богатыря; я истинный Христовъ воинъ!“

— „Но отчего же, говорили ему графъ Протасовъ и Дубельтъ, ты считаешь себя въ правѣ быть самоуправнымъ и дерзкимъ, когда видишь, даже и мы съ тобою обходимся вротко?“

— „Вы дѣти антихриста, вы къ пону ходите, слѣдовательно, не угождаете Господу. Теперь, какъ вы допрашиваете меня, такъ и

дурнаго слова не услышишь отъ васъ, а бабъ кончите, то и тираните, какъ тиранили Иисуса Христа!“

— „А что, спросилъ его графъ Протасовъ, вѣдь ты и насъ побилъ бы, если-бъ былъ сильнѣе насъ“.

— „Побилъ бы!“ отвѣчалъ онъ рѣшительно.

Наравнѣ съ этимъ шли у Лямса мысли о правительствѣ. Онъ не признавалъ высшей власти надъ собой. „Были благочестивые цари“—говорилъ онъ—„но они кончились съ Алексѣемъ Михайловичемъ; съ табачника—Петра начались еретики и беззаконники“.—„Вы теперь въ гору пойдете, всю вселенную попрете, но это все только до того свѣта. Арій — продолжалъ онъ — былъ одинъ виноватъ; но за него всѣ пошли въ адъ: такъ и вы, хоть бы были негрѣшны, да глава вашъ беззаконникъ, и всѣ за него погибните. Главу должно слушаться, если не трогаетъ закона, если же тронуть — то не слушаться!“

Физикать не призналъ въ Лямсѣ явнаго сумасшествія, но слѣдователи нашли, что самый поступокъ его съ митрополитомъ есть послѣдствіе разгоряченнаго духомъ секты воображенія или изступленія, которому онъ по временамъ подверженъ. Хотя не открыто, чтобы другіе его подучали, но обнаруженный имъ образъ мыслей секты обязывалъ обратить на нее особенное вниманіе.

Митрополитъ Серафимъ, принявъ съ благодарностію изъявленное ему сожалѣніе государя, поручилъ графу Протасову доложить его величеству, что онъ не чувствуетъ никакихъ вредныхъ послѣдствій для своего здоровья, и считаетъ случившуюся съ нимъ непріятность не больше, какъ бы ушибъ отъ разбитія лошадей или отъ другой случайной причины.

Обо всемъ этомъ, 14-го августа 1839 г., посланъ былъ, въ Петергофъ, докладъ государю. Графъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ, разговаривая въ промежуткѣ этого времени, боялись, чтобы государь, по пылкости своей, не присудилъ Лямса къ народной казни. Она въ настоящемъ случаѣ была бы неприлична: дѣло это, какъ полагали они, такого рода, что лучше вести и кончить его въ тайнѣ.

Государь написалъ на докладѣ: „Лямса заключить въ Алексѣевскій равелинъ, а за сектой имѣть строгое наблюденіе“. Это рѣшеніе, кажется, было самое ближайшее въ истинѣ. Изступленнаго фанатика не за что казнить, но и нельзя было оставить въ обществѣ, хотя бы въ отдаленномъ краю, челоуѣка, котораго рука оскорбила нашего митрополита. Лямсъ въ 1840-хъ гг. умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Разсказанное происшествіе было послѣднимъ выходящимъ изъ ряду событіемъ въ 75-ти лѣтней жизни митроп. Серафима. Молодость его тоже ознаменовалась особымъ случаемъ.

Когда Серафимъ былъ учителемъ Троицкой семинаріи, подъ именемъ Степана Глаголевскаго, онъ, красивой наружностью, умомъ своимъ и познаніями, приобрѣлъ любовь къ себѣ знаменитаго митрополита Платона.

Платонъ всячески старался и никакъ не могъ склонить его къ монашеству. Скоро молодой красавецъ попалъ самъ подъ клобукъ. Онъ давалъ уроки дочери секретаря Сергіевскаго посада и скоро влюбился въ маменьку ученицы. Секретарь узналъ объ этомъ и ведѣлъ подстеречь молодаго учителя. Разъ, въ то время, когда онъ возвращался отъ секретарши, его схватили, отколотили и, завязавъ въ мѣшокъ, потащили къ рѣкѣ, чтобы утопить. Но имъ встрѣтились лаврскіе студенты, и мстители, бросивъ мѣшокъ, бѣжали. Студенты развязали мѣшокъ и, къ удивленію своему, извлекли оттуда Степана Глаголевскаго. Они скрыли происшествіе, но секретарь, боясь, чтобы оно не обнаружилось другими путями, донесъ обо всемъ московскому губернатору, а тотъ написалъ митрополиту Платону, требуя Степана въ Москву, для производства слѣдствія. Тутъ-то митрополитъ, призвавъ Степана, предложилъ ему на выборъ: красную шапку или клобукъ. Разумѣется, клобукъ все-же не красная шапка, и Степанъ былъ постриженъ, подъ именемъ Серафима (въ 1787 г.).

Въ то время Платонъ написалъ превосходное письмо къ московскому губернатору. Извѣщая, что Глаголевскій постригся, онъ говорилъ, что это разлучило виновнаго съ міромъ, въ которомъ онъ оставилъ и проступокъ свой, и что самые законы не должны преслѣдованія своего за черту, гдѣ начинается уже ангельскій чинъ. Губернаторъ приказалъ прекратить дѣло о Степанѣ Глаголевскомъ и о секретарѣ.

Любимецъ митрополита быстро возвышался по монашескимъ степенямъ. За красоту свою и проповѣди, онъ сдѣлался любимцемъ публики. По Москвѣ тотчасъ разносились слухи если хорошенькій—Серафимчикъ, какъ называли его барыни, готовился сказывать проповѣдь. Лучшее общество Москвы, особенно дамы, съѣзжались въ церковь слушать его; Платонъ подвигалъ кресла свои ближе къ молодому проповѣднику, и, по окончаніи проповѣди, всегда давалъ ему подарокъ или деньги.

Въ 1799 году Серафимъ хиротонисованъ въ епископа Дмитровскаго, викарія московской митрополіи. Тогда былъ обычай, что каж-

дній новий архіерей долженъ былъ ѣхать въ Вифанію и сказать рѣчь митрополиту. Исполняя этотъ обычай, Серафимъ на другой же день, утромъ, отправился въ Вифанію. По тому же обычаю, тамъ ждали его, и у митрополита собрались другіе духовные чины, между которыми находился одинъ монахъ-балагуръ, постоянно служившій при Платонѣ. Докладываютъ, что пріѣхалъ новопоставленный епископъ. Всѣ ждутъ, тѣмъ съ большимъ любопытствомъ, что Серафимъ уже пріобрѣлъ славу краснорѣчиваго проповѣдника. Онъ входитъ и, ставъ передъ Платономъ, начинаетъ:

„Се зрю чертогъ патриаршій!...“

Вдругъ монахъ-балагуръ продолжаетъ:

„Пропалъ Степанъ отъ секретарши!“ И, несмотря на строгость правилъ митрополита и свиты его, всѣ начали смѣяться, такъ что ни они не могли остановить своего смѣха, ни Серафимъ продолжать своей рѣчи.

Покойная императрица Марія Феодоровна благоволила къ Серафиму и, говорятъ, въ завѣщаніи своемъ сыну—императору просила не трогать его съ мѣста. Впрочемъ, при послѣднемъ проществіи, съ Ляжсомъ, Серафимъ столько показалъ монашескаго смиренія и власти надъ самимъ собой, что полученное имъ оскорбленіе приняло совершенно другой видъ и обида пропала въ его незлобіи и спокойствіи митрополита. Можно сказать, что эта обида принесла ему честь.

Серафимъ умеръ 17-го января 1843 г.

М. М.

Встрѣчи съ Фотіемъ.

Я поздно познакомился съ архимандритомъ Фотіемъ, и то по личному его желанію, только за годъ до его кончины, ибо, зная его образъ мыслей о людяхъ неправославнаго исповѣданія, считалъ излишнимъ ѣздить въ Юрьевъ монастырь, тѣмъ болѣе, что я въ это время еще не былъ домашнимъ врачомъ графини Орловой, скончавшейся внезапно 5-го октября 1848 г., на моей лѣвой рукѣ, въ то время, когда я у ней щупалъ пульсъ правою рукою.

Архимандритъ Фотій, увидавъ меня на Хутынскомъ праздникѣ (9-я пятница послѣ Пасхи), спросилъ у архимандрита Феодосія:

— Не этотъ-ли вашъ жилецъ, г. Европеусъ?

Я подошелъ подъ благословеніе и онъ укорилъ меня въ томъ, что меня никогда не видитъ у себя въ Юрьевѣ. Я извинился службою.

— Прошу быть знакомымъ.

Онъ всталъ и скоро уѣхалъ.

Воздвиженіе Креста Господня, т. е. 14-е сентября, празднова-

лось въ Юрьевѣ съ особеннымъ торжествомъ. Туда спѣшила въ этотъ день не только вся знать новгородская, но и десятки тысячъ народа, въ надеждѣ получить по крестнику, смотря по рангамъ, отъ золотого до простаго мѣднаго съ ржавчиной. Закончивъ свои обязанности по госпиталю, спѣшилъ и я въ Юрьевъ, гдѣ засталъ уже всю знать, начиная съ корпуснаго командира и губернатора до секретаря консисторіи, въ гостиной у архимандрита. Я подошелъ подъ благословеніе и сѣлъ недалеко отъ Фотія. Скоро вошла хозяйка, графиня Анна Алексѣевна Орлова, одѣтая въ широкое бѣломъ балахонѣ или, скорѣе, рубахѣ, опоясанной широкимъ голубымъ кушакомъ. Я всталъ и поклонился низко, какъ грѣшнику подобаетъ.

— Чудо Анна, что-жъ ты не угостишь нашего новаго гостя, доктора! воскликнулъ архимандритъ Фотій.

Графиня вышла въ боковую комнату, принесла мнѣ кусочекъ пирога, а за ней какой-то щеголь поднесъ мнѣ водку. Съ этимъ визитомъ кончилось мое знакомство съ от. архимандритомъ Фотіемъ.

Онъ умеръ 6-го февраля 1838 г. Пользовавшій его докторъ Соколовскій увѣрялъ насъ, своихъ сотоварищей, что Фотій умеръ отъ истощенія, вслѣдствіе атрофіи кишокъ, такъ какъ онъ, кромѣ просфоры и краснаго вина съ горячею водою, ничего не употреблялъ; даже, имѣвши у себя значительный запасъ чая, приказалъ бросить его въ Волховъ.

И. И. Европеусъ.

Г. Красный Холмъ.

Примѣчаніе. Покойная Прасковья Николаевна Бороздина (рожд. Львова), жена бывшаго въ концѣ 1820-хъ годовъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, женщина весьма образованная, рассказывала, что она нѣсколько разъ встрѣчала у своей родственницы, вдовы Дарьи Державиной, архимандрита Фотія, тутъ же видѣла она и графиню Орлову.

— „Поражала меня вся фигура Фотія и возмущала грубость обращенія съ Державиной и гр. Орловой, его духовными дочерьми. Представьте себѣ грязнаго, ципическаго въ манерахъ и выраженіяхъ, самаго дюжиннаго монаха.... Мнѣ казалось даже, что отъ него несло даже, пахло какъ-то дурно....“

— „Ну, что ты, дщерь Анна, тамъ засунулась, поди поцѣлуй мою рубу; а ты, Дарья, чего зѣваешь, подойди, расскажи какъ плоть свою спасаешь“. Вотъ какимъ языкомъ говорилъ обыкновенно Фотій съ благоговѣвшими предъ нимъ духовными его овцами.

Г. П. К.—й рассказывалъ со словъ покойнаго А. А. Жаудра, что въ 20-хъ годахъ одна его весьма хорошая знакомая, г-жа М.—чъ.

пожелала посмотреть на Фотія. Онъ еще не былъ въ новгородской епархіи и какъ-то проживалъ въ Александро-Невской лаврѣ, но извѣстность его уже была довольно велика въ Петербургѣ.

М—чъ отправилась въ лавру съ своей воспитанницей, дѣвочкой лѣтъ 12-ти, весьма хорошенькой. Долго имъ не удавалось встрѣтиться съ Фотіемъ; наконецъ, увидѣли худаго, изможденнаго, съ жиденькой бородкой монаха. Смотрѣлъ онъ болѣе въ землю или изподлобія, изъ-подъ надвинутаго клобука. Подошли къ нему подь благословеніе. Вдругъ Фотій отпрянулъ отъ нихъ какъ ужаленный.

— Что ты меня преслѣдуешь? или ты хочешь соблазнять меня этою дѣвочкой? Табъ знай, что я плюю на женскую прелесть....

Насилу удалось успокоить расходившагося монаха.

Вотъ письмо Фотія, къ монаху Кіпѣѣ, сообщ. А. Н. Яхонтовымъ:

+

„Радуйся! съ праздникомъ тебя поздравляю. Радуйся! есть нѣчто пріятное тебѣ сказать. Слышу-бо пріятное и все доброе едино. Ожидая тебя днесъ къ 9 или 10 часу. Можетъ быть у тебя и праздновать не чѣмъ. Радуйся! + В. Т. о. Фотій.

1832 года. Дев. 29 дня.

P. S. Ежели можно, то и ранѣе обѣдни желаю видѣть днесъ.“

Кончина гр. Анны Орловой.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Съ невыразимымъ чувствомъ душевнаго прискорбія суждено мнѣ, недостойному, передать вашему высокопреосвященству истинно горестное извѣстіе, что великая благотворительница св. обителей и Божіихъ храмовъ, истинная мать всѣхъ сирыхъ и бѣдствующихъ, сокровенная о Господѣ подвижница, ея сіятельство графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, тихо, съ вѣрою во Христа Спасителя и съ упованіемъ на Пречистую Божію Матерь, скончалась 5-го сего октября (1848 г.) въ $3\frac{1}{4}$ 6 часа пополудни. Въ сей день, по случаю тезоименитства своего родителя и отъѣзда въ С.-Петербургъ, она исповѣдалась и сподобилась приобщиться св. тайнамъ за раннюю литургію. Въ 4 часа пополудни прибыла она въ обитель нашу, прямо въ церковь для слушанія панихиды по покойномъ отцѣ архимандритѣ Фотіѣ: послѣ оной заходила на гробъ своего родителя, что въ паперти Георгіевскаго собора, затѣмъ въ келію духовнаго отца своего для пріятія въ путь благословенія, наконецъ, пришла и въ мои покои. И, о Боже праведный и непостижимый въ судьбахъ своихъ! здѣсь, сидя на диванѣ, предъ образомъ иверскія Божія Матери, въ той комнатѣ

что подлѣ теплой церькви, тихо уснула сладкимъ сномъ вѣчности, почувствовавъ за нѣсколько минутъ предъ сномъ, при входѣ еще въ комнату, крайнее вдругъ стѣсненіе въ груди и оставивъ намъ горькія по себѣ слезы. Вся обитель наша глубоко чувствуетъ сей крестъ Божій, и всѣ мы, по истинѣ, не можемъ даже вообразить всей величости потери незабвенной благотворительницы и истинной Христоролюбивой матери Вѣруемъ, что вы, владыко святыи, вознесете вашу святую молитву о блаженномъ успокоеніи души новопреставившейся рабы Божіей и не лишите насъ недостойныхъ сего духовнаго утѣшенія. Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, имѣю честь и истинный долгъ пребыть навсегда покорнѣйшимъ послушникомъ, Юрьева монастыря архимандритъ Мануилъ.

1848 года, октября 9 дня.

Сообш. Н. А. Виноградовъ.

Убийство фельдмаршала гр. М. Ѳ. Каменскаго.

Письмо гр. Августа Деллагарди къ Юлію Гриенту.

Бердичевъ. Іюль 1811 г.

Въ 30-ти верстахъ отсюда, въ деревнѣ, называемой Иванково, совершилось ужасное преступленіе, которое должно возбудить глубокія размышленія, относительно настоящаго положенія рабства въ Россіи. Графъ Каменскій, отецъ того же имени главнокомандующаго въ Валахіи, отправилъ въ Лейпцигъ двухъ своихъ крѣпостныхъ учить музыкѣ. Эти молодые люди пріобрѣли тамъ, кромѣ превосходныхъ познаній въ своемъ искусствѣ, идеи о свободѣ и независимости, совершенно противныя той участи, на которую судьба обрекла ихъ съ дня рожденія. По возвращеніи ихъ къ помѣщику, онъ обращался съ ними сначала съ нѣкоторымъ уваженіемъ, которое они заслуживали своимъ искусствомъ, но нѣсколько дней тому назадъ, за одинъ маловажный проступокъ, помѣщикъ приказалъ ихъ высѣчь, и они были подвергнуты этому наказанію въ присутствіи своихъ товарищей. Тогда эти несчастные, видя только жаждѣ мести, ожидали наступленія ночи для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній. Съ топорами въ рукахъ они проникли въ спальню графа, упрекали его за то, что вздумалъ извлечь ихъ изъ той сферы, въ которой природа произвела ихъ на свѣтъ и далъ имъ возможность оцѣнить чрезъ пагубное для нихъ просвѣщеніе настоящее достоинство человѣка, для того чтобъ ввергнуть ихъ опять въ самое унижительное рабство.

Сказавъ это, они убили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ безоружнаго старика. Потомъ сами явились въ Житомиръ, городъ Волинской губерніи и объявили суду о совершенномъ ими преступленіи, и ожидаютъ тамъ заслуженнаго ими наказанія.

Убийцамъ дадутъ каждому по 300 ударовъ кнутомъ, и если они послѣ этого останутся живы, то будутъ сосланы въ Сибирскіе рудники, такъ какъ смертная казнь уничтожена въ имперіи, съ царствованія императрицы Елисаветы.

Это происшествіе произвело здѣсь сильное и печальное впечатлѣніе, ибо гр. Каменскій былъ вообще всѣми уважаемъ. И сосѣдніе помѣщички начали толковать о томъ, какъ опасно для нихъ просвѣщать своихъ рабовъ, не сдѣлавъ ихъ свободными, или освободить, не просвѣтивъ ихъ сперва. Рабство, безъ сомнѣнія, чудовищное злоупотребленіе, которое описываетъ философъ, но которое только одно время и человѣколюбивый законодатель могутъ переобразовать въ этихъ страпахъ.

Примѣчаніе. Письмо это переведено изъ книги: «Voyage de Moscou à Vienne par le comte Delagard en 1811». Подробности убійства старика гр. Каменскаго, передаваемыя въ этомъ письмѣ, весьма рознятся съ тѣми, которыя заключаются въ біографіяхъ этого фельдмаршала. Ред.

Крестыанская газета изъ ада.

Эта вѣдомость изъ ада—тетрадка въ 13 листиковъ желтоватой бумаги, въ осьмунку, написанная прекраснымъ славянскимъ полууставомъ, съ киншварными заглавными буквами, получена В. И. Дѣствицынымъ изъ дер. Артакова Даниковского уѣзда, Ярославской губ. Эта народная сатира давно извѣстна во многихъ спискахъ, изъ коихъ нѣкоторые были напечатаны (см. въ I-мъ томѣ Библиографическихъ Записокъ, стр. 77—87, статью А. Н. Афанасьева). Сообщаемый списокъ имѣетъ нѣкоторыя разности противу напечатанныхъ. Ред.

Съ того свѣта пришла грѣшнымъ новая газета. Принесли отъ сатаны бѣсы съ совѣта, отъ его чести принесли такія новыя вѣсти, гдѣ будетъ грѣшнымъ тамо во адѣ сѣсти. Отъ Божія сотворенія десницы давно приготовлены адовы темницы. Тамо грѣшныя вси человѣки будутъ мучится въ безконечныя вѣки. Попеже не имѣли на Бога надежды, за то совлеклися первыя одежды, которыя при святомъ крещеніи намъ была дана и ту скинулъ съ насъ сатана. Въ нинѣшній вѣкъ зри всякъ земнородный человѣкъ. Нинѣ царствуетъ въ мірѣ грѣхъ надо всѣхъ: правда сгорѣла, а истина охрамѣла; ложь нинѣ присутствуетъ, честь и вѣрность возлюбили всяку скверность, православная вѣра въ пустыню залетѣла, добрую совѣсть попрали ногами, самочиніе въ монастыряхъ проживаетъ, гордость со мнхамъ познакомилась, братоненавидѣніе икономомъ поставлено, добронравіе прочь отставлено, тщеславіе игуменствуетъ, невѣжество старѣйшенствуетъ, строители стали гопители, сластолюбіе и лакомяство поставлено въ діаконство, духовныя и мірскія власти пожелали временныя сласти, всѣ добрыя дѣла—какъ погода помела.

Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ аду наполнить огнемъ, послалъ бѣсовъ разгнѣвать адскую глубину, гдѣ бы можно грѣшнѣе посадить за вину. Потомъ сатана сѣлъ на сѣдало и завопилъ весьма яро: „что грѣшнѣе прибываетъ весьма мало?“ Бѣсъ къ нему подскочилъ, горбатой и мохнатой, и рекъ: „Еще не скончался вѣкъ, а когда придетъ міру конецъ, тогда ты будешь имъ какъ родной отецъ“. Во первыхъ представились предъ него монахи-чернецы, которые были пѣшцы и подлещи. Онъ, видя ихъ, разсмѣхнулся, едва съ престола не свернулся. Онъ говорилъ имъ велегласно: „Что будетъ вамъ здѣсь свѣтло и ясно. Зачѣмъ вы, святіи отцы суды зашли? или въ царство небесное пути не нашли? Знать вы путь во царство небесное потеряли. Вы проживали жизнь свою въ скитахъ, во всѣхъ суетахъ, не было вамъ въ монастыряхъ ладу, за то будетъ вамъ сидѣть со мною въ преисподнемъ аду“.

Бѣсъ подскочилъ, безъ хвоста, и сказалъ, что они не наблюдали поста, лѣнны были Богу молиться, и жить имъ въ раю не годится, и предать они должны вашему разсужденію, чтобы ихъ доставить разному мученію.

Что видятъ сатана, ихъ отецъ, что приходитъ къ нимъ самой послѣдней конецъ, приказалъ съ нихъ мантии скинуть и во тьму кровѣшную на вѣки вринуть.

Они устрашилися грозныхъ тѣхъ словъ, не дождался лютыхъ по нихъ пословъ, потащились во адъ, только никто имъ былъ не радъ.

И еще притащили бѣси изъ нѣкоей веси опойцу во адъ и ему сатана былъ весьма радъ и рекъ ему: „Экъ, ты любезный мой другъ, пріятель, вуди ты ко мнѣ близко припятилъ? До чего ты и дожилъ, что и ноги свои съезжилъ? Припасите про него адскую темницу и вверзите его туда до страшнаго суда, и егда въ трубы затрубятъ, тогда и его погрузятъ“.

И въ то время явились тати и воры, тогда сатана имъ отвѣчалъ: „О милые, мои любезные други! какъ вы обирали всѣхъ въ круги!“ И по окончаніи той рѣчи, приказалъ ихъ посадить въ огненны печи, „что вамъ было никого не жалко, и здѣсь будетъ вамъ не жарко“.

И еще пришли къ сатанѣ во адъ гордые купцы и бояре господа. Тогда проклятой бѣсъ самъ съ престола къ нимъ слѣзъ и кланяется весьма низко, потому что они пришли къ нему близко. Привѣтствуетъ ихъ ласковыми словами, что называетъ ихъ господами. „Честнѣйшіе господа, пожалуйте и вы къ намъ сюда! Я буду васъ самъ угощать, огонь горящъ и жупель возгнещать, и никто мнѣ не будетъ воспрепятствовать. А какъ вы не будете тужить, я самъ буду со усердіемъ про вашу честность служить. Милостивые мои государи! И здѣсь велю

про васъ ставить самовары. Еще прибаву я слугамъ своимъ одно слово, стануть они варить про васъ олово и смолу. Еще велю про васъ варить сладкой квасъ, котораго бы было надолго про васъ. Еще прибаву подносить вамъ, честнымъ господамъ, сладкія водки, чтобы наполнить несмытыя ваши глотки“.

И сказалъ сатана бѣсу косому: „Чтобы завсегда тебѣ ходить босому, что ты не ускоряешь, адскихъ вратъ не открываешь!“ Сатана крикнулъ, аки сильной громъ, косою бѣсъ, только съ печи недавно слѣзъ, потащилъ ихъ, багромъ облапиль тѣхъ господъ, потащилъ ихъ всѣхъ головамъ vysподъ. Тѣ господа весьма на него засучали, что у нихъ ноги застучали и на тотъ разъ сталъ великой, сильной мразъ, только зубы застучали.

И послѣ того взялъ онъ рогатину и негдѣ взялъ купца богатыню, которой процентами много себѣ богатства накопилъ и во адѣ себѣ мѣсто откупилъ.

Сатана его спросилъ и громко завопилъ: „Ой, еси ты мой милый, любезной, дорогой! Много-ли процентами ты богатства накопилъ?“

И онъ самъ горько возопилъ: „Что я столько накопилъ, чтобы весь твой несмытой адъ откупить“.

И на то бѣсъ ему сказалъ: „Что тебѣ, видно, и здѣсь необходимо: не тужи, мой благопріятель, есть-бо у меня таковой же другъ любезный пріятель, іюда хриstopродатель. Не знаю я, куда дѣватца, не могу на него налюбоватца. И не будетъ вамъ съ нимъ никакія тоски и скуки, что попали вы съ нимъ въ мои руки. Что приготовлены у меня про васъ разныя муки. Видно ты и здѣсь хочешь раскочно проживать. время тебѣ въ преисподнюю побывать, и тамъ будешь у бѣдныхъ въ самыхъ послѣднихъ“.

Еще привели предъ него нѣкоего священника, озорника и мошенника, да діавона болтушку, плута и мотушку. Тогда сатана столько имъ обрадѣлъ, что и на своемъ престолѣ не усидѣлъ, и своей головой потрясъ и испустилъ свой громкій гласъ: „Ой еси вы, мои благодѣтели, сколько вы мнѣ сдѣлали добродѣтели! Вы при церквахъ своихъ проживали, а завсегда волю мою совершали, и въ дѣйствіяхъ гога и магога прогнѣвали превышняго Бога, законы его порушили, а души свои погубили; что сладкую пищу любили, табакомъ носъ набили, а вино и пиво пили—ровно воду въ ротъ свой лили и безъ памяти напивались и, какъ свиньи, валялись, о себѣ же и о стадѣ своемъ не печлися, души ихъ дабы спаслися, только приносы ихъ обирали и кутю сладкую хлебали, а должны бѣ Богу молитвы не возсылали, назывались богомольцы и учителя, а равно были какъ злые мучители, и за то мнѣ весьма удружили, а сіе мѣсто себѣ заслужили, разсудки

галии были гнили и въ томъ сдѣлались мнѣ весьма милы, поступки ваши были равны со мною, того ради дамъ я мѣсто подо мною". И повелѣлъ съ нихъ священническую снять ризу и послать ихъ къ низу.

И еще привели къ нему прекрасныхъ дѣвицъ, пѣсенныхъ самихъ мастерицъ, которыя понимали отъ него сіе дѣло. Пѣуть къ нему смѣло: понеже у нихъ хорошее было ремесло, что во адъ ихъ занесло. Тогда сатана засмѣялся и ихъ такой смѣлости удивлялся, потрясъ головой и потопалъ ногой, свой страхъ оказалъ, а пѣть одно слово сказалъ: „Ахъ вы мои милыя ученицы, пѣсельныя мастерицы! Уже я давно васъ дожидался и охотно про васъ припасался. Варю про васъ сладкой квасъ, смолу и сѣру, довольно будетъ въ вашу мѣру. Живите вы тутъ безъ скуки, потому что хорошо вы понимали мои разныя науки, завсегда были въ весельѣ, что пѣли пѣсни въ воскресенье, скакали, плясали и моихъ бѣсовъ перенгнали, носили рубашки большоворотки и, пѣвши пѣсни, надсажали свои глотки, и тамъ вы были оченно веселы, а здѣсь и головы свои повѣсили". И потомъ сатана, ихъ отецъ, сказалъ имъ послѣдній конецъ и повелѣлъ ихъ въ свою одежду нарядить и во тьму кромѣшнюю посадить.

И еще потомъ пришли нищія и смиренія духомъ, съ голоднымъ своимъ брюхомъ. Сказалъ сатана: „Вы зачѣмъ пришли сюда до страшнаго суда? Куда вы, убогіе, зашли? Али вы въ царство небесное пути не нашли? И вы о грѣхахъ своихъ болѣли день и ночь и во адѣ себѣ мѣста готовить не велѣли. Здѣсь всѣ мѣста заняли люди непростые, богатые и толстые: болари и вельможи, что завсегда мнѣ были угрожи.

И тѣ убогіе бѣдницы полѣзли вверхъ по лѣстницѣ, ухватили свои кѣтомы, покамѣсть имъ бока не отботаны.

Сія исторія писана на глумъ, а вы берпте, братія и сестры, на умъ. Аще кая въ сей исторіи прегрѣшенія, прошу о всемъ прощенія.

Заявленіе г. Яковлева.

Я, нижеподписавшійся, прочтавъ въ декабрьской книжкѣ 1874 года «Русской Старины», на страницѣ 778-й: «При началѣ восточной войны, растрата Полтковского была покрыта камергеромъ Яковлевымъ, пожертвовавшимъ, въ два раза, миллионъ рублей серебромъ», снмъ свидѣтельствую, что никогда не покрывалъ растраты Полтковского никакимъ пожертвованіемъ.

Августа 13-го дня 1875 года.

Камергеръ Яковлевъ.

Примѣчаніе. Помѣстивъ это заявленіе, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что сколько намъ извѣстно, въ статьѣ о Полтковскомъ дѣло идетъ о другомъ Яковлевѣ.
Ред.

нию, которую, между прочимъ, запечатанъ предыдущій, 8-й (къ тому же еще посвященный юбилею Петра Великаго) выпускъ сборника пѣсенъ Кирѣевскаго, также беззастѣнливо распространенный г. Безсоновымъ.

Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изсѣдovanje А. Незеленова (XIV и 446 стр.), 1875 г.

Въ предисловіи своемъ авторъ подробно указываетъ на все, сдѣланное до него для разъясненія возвышенной личности Новикова. Писано было не мало различными лицами, но во взглядахъ оставались противорѣчія, а нѣкоторые существенные вопросы не были съ достаточнымъ вниманіемъ затронуты. Изъ такихъ вопросовъ авторъ имѣлъ въ виду въ своей книгѣ преимущественно слѣдующіе: «былъ-ли самъ Новиковъ писателемъ или нѣтъ? Какія идеи проводилъ онъ въ своихъ журналахъ? Какъ послѣдовательно развивались эти идеи въ его сознаніи въ связи съ событіями его жизни? и, наконецъ, можетъ-ли Новиковъ считаться представителемъ нашего масонства прошедшаго столѣтія?» Для выясненія значенія идей Новикова въ нашей жизни, прибавляетъ авторъ, — я счелъ нужнымъ сдѣлать въ моемъ сочиненіи очеркъ правоваго русскаго общества екатерининскихъ временъ и представить картину нашего тогдашняго масонства». Основаніемъ для упомянутого очерка послужили изданные у насъ уже въ довольно значительномъ количествѣ мемуары прошедшаго столѣтія, а также произведенія нашей тогдашней литературы. Можно замѣтить односторонность въ сужденіи автора о вліятельной, какъ извѣстно, и у насъ, личности Вольтера, а равно о степени зависимости отъ его взглядовъ Екатерины II, но нельзя, кажется, не согласиться съ исключительно-невыгодною оцѣнкою авторомъ нашего вольтеріанства. Въ главѣ о масонствѣ, основанной главнымъ образомъ на монографическихъ трудахъ нашихъ изсѣдователей, а отчасти и на новыхъ рукописныхъ данныхъ, авторъ высказываетъ самостоятельный взглядъ на масонство, быть можетъ также нѣсколько односторонній, т. е. обращающій недостаточно вниманія на свѣтлую его сторону. Новикова авторъ выставляетъ въ лучшихъ проявленіяхъ его дѣятельности мало зависившимъ отъ масонства. Если тутъ и есть нѣкоторое преувеличеніе, то автору безусловно удалось доказать, что Новиковъ былъ менѣ ревностнымъ масономъ, чѣмъ обыкновенно у насъ полагаютъ (кромя послѣднихъ годовъ, послѣ несчастной катастрофы, когда онъ уже находился въ ненормальномъ состояніи). Капитальную часть труда г. Незеленова составляетъ подробный разборъ, такъ называемыхъ мистическихъ журналовъ Новикова, которые

оставались у насъ почти совершенно нетронутыми—именно потому, что они считались исключительно мастацескими. Авторъ положительно доказалъ, что въ нихъ не мало жаваго общественнаго начала, а мѣстами и сатиризма, такъ что они сохраняють несомнѣнную связь съ журналами перваго періода. Авторъ въ значительной степени увлекается, превознося тѣ философскія идеи, которыя онъ, между прочимъ, находитъ въ новиковскихъ журналахъ втораго періода, а равно и немного преувеличиваетъ, въ пылу того же увлеченія, степень вліянія новиковскихъ идей на нашу литературу прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Заключительная глава, въ которой говорится объ этомъ вліянніи, должна быть признана самою слабою. Относительно новиковскихъ журналовъ перваго періода г. Незеленову трудно было высказать много новаго, такъ какъ они уже были въ значительной мѣрѣ разработаны въ нашей ученой литературѣ. Впрочемъ и тутъ онъ высказываетъ своеобразныя, хотя, можетъ быть, и не неоспоримыя соображенія о взаимовліянніи между идеями Новикова и тѣми, которыя проводились въ сатирическихъ статьяхъ Екатерины II. Говоря объ идеяхъ Новикова, авторъ, какъ бы считаясь доказанною принадлежностью ему весьма значительной части того, что печаталось въ его изданіяхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему удалось лишь доказать, что Новиковъ несомнѣнно былъ не только издателемъ, но и писателемъ—но въ какой мѣрѣ послѣднимъ, это еще остается, а можетъ быть и навсегда останется, невыясненнымъ. Увлеченія г. Незеленова, надо думать, вызовутъ оживленный споръ на диспутъ въ университетѣ (книга его написана на степень магистра). Но даже и по этимъ увлеченіямъ она, при обычной сухости и узкой специальности нашихъ диссертаций, представляетъ явленіе, невольно вызывающее пріятъ и сочувствіе. Это увлеченія молодого, несомнѣнно даровитаго и не мало порабатываго для своей книги ученаго, притомъ же увлеченія, вызванныя такою крупною и многосторонне-сочувственною личностью, какъ знаменитый «отставной поручикъ», ставшій, наконецъ, такою общественною силою, что съ нею стала считаться сама «Сѣверная Семирамида».

Въ заключеніе полезно будетъ обратить вниманіе читателей на подробную и любопытную статью о книгѣ г. Незеленова—почтеннаго профессора Кіевскаго университета В. С. Иконникова, помѣщенную въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ», которыя, къ сожалѣнію, мало у насъ читаются, хотя вполнѣ бы заслуживали большаго распространенія.

Орестъ Миллеръ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Пѣна годовому изданію,—двѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраний.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старинѣ“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старинѣ“ принимаетъ постоянное участіе М. И. Семеvскій.

Отвѣтств. ред.-пзд. В. Семеvскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

ОКТАБРЬ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ - Таврической. Біографическій очеркъ, 1739—1791 гг. Гл. VIII—XIII. (Окончаніе) . . .	217	нова. Глава III — IV, 1844 — 1858 гг.	339
II. В. Н. Каразинъ, основатель харьковскаго университета, 1803—1804 гг.	268	VII. Эпизодъ изъ литературной исторіи славянофиловъ, 1852 — 1853 гг.	366
III. Алексѣй Николаевичъ Оленинъ: 1) Переписка съ гр. Аракчеевымъ, 1816—1833 гг. и 2) Ссылка Лабзина въ 1822 г. Сообщ. Н. И. Стояновскій.	280	VIII. Кн. Паскевичъ и кн. М. Д. Горчаковъ на Дунаѣ въ 1854 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	380
IV. Николай Васильевичъ Гоголь и неизданныя его письма, 1843—1845 гг. Сообщ. В. С. Шевыревъ; примѣчанія профессора О. В. Миллера	297	IX. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Указъ Елисаветы о льготахъ протопопу въ Полтавѣ, 1744 г. (393). 2) Два повелѣнія Павла генералу Брандту 1799 г. Сообщ. А. А. Пovalo-Швъйковскій (394). 3) И. Г. Кузминскій (394). 4) Три мяѣнія митрополита Филарета. (397). 5) Замятки о рукописи «Маскарадъ» Лермонтова. Сообщ. Е. А. Лопухина. (403).	
V. Александръ Николаевичъ Строровъ, его замѣтки и письма о музыкѣ, 1841—1842 гг. Сообщ. В. В. Стасовъ	328	X. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
VI. Моя трудовая жизнь, разсказъ академика гравера Л. А. Стря-			

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки о Россіи генерала Манштейна, 1727—1744 гг. Переводъ съ французской подлинной рукописи автора. Часть вторая, главы I—V, событія 1740—1741 гг.—II. Рисунокъ памятника кн. Потемкину-Таврическому въ Херсонѣ.—III. Планъ собора въ Херсонѣ съ чертежомъ могилы кн. Потемкина.

Отпечатано и продается **третье изданіе** „Русской Старины“ 1870 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Принимается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

Х-я книга „Русской Старины“, вышла 1-го октября.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Славянскій Сборникъ. Изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго комитета. 1875.

Дѣятельность нашего славянскаго комитета по изданію книгъ, знакомящихъ насъ съ прошедшимъ и настоящимъ нашихъ братьевъ по племени, такъ же благотворна, какъ и въ другихъ отношеніяхъ. На дняхъ къ изданнымъ имъ въ прежнее время сочиненіямъ Гильфердинга: «Гусь и «Общеславянская азбука», Будиловича, «Чехія и Моравія», Успенскаго: «Первыя славянскія монархіи на сѣверозападѣ» и православной этнографической карты славянскихъ народностей—Мирковича, вышедшей уже 3-мъ изданіемъ, присоединился любопытный сборникъ, въ 40 листовъ слишкомъ. Въ немъ помѣщено десять большихъ статей и нѣсколько мелкихъ: три изъ нихъ неокончены. «Карпатская Русь» Я. О. Головацкаго, «Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія столѣтія» Пича и «Видные дѣятели западно-славянской образованности» В. И. Ламанскаго;— послѣдней статьи напечатано одно введеніе и предисловіе. О важности и интересѣ этихъ статей для всего славянскаго міра было бы излишне говорить. Кромѣ того, въ сборникѣ помѣщены весьма любопытныя статьи: «О галицкой Руси» И. Наумовича; «Положеніе угорскихъ русскихъ подъ управленіемъ Стефана Панковича, епископа мукачевскаго» Урилла Метсера, гдѣ подробно приведены всѣ позорныя поступки этого врага славянской народности, преслѣдующаго угорскихъ русскихъ; «О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ» А. С. Будиловича; «Очеркъ исторіи старообрядцевъ въ Добруджѣ» и, наконецъ, статья П. А. Попова: «Положеніе райи въ современной Босніи», являющаяся какъ нельзя болѣе крѣпко и рисующая самыми вѣрными, хотя и печальными красками безотрадное положеніе славянскаго племени, вынужденнаго чрезвычайными угнетеніями турокъ взятыя, въ настоящее время, за оружіе. Почтенный авторъ, знатокъ славянскаго міра приводитъ въ своей статьѣ ужасающія подробности мусульманскаго гнета надъ райями, перечисляетъ восемь видовъ царскихъ податей, пять господарскихъ (то-есть бекамъ), приводитъ 22 вида всеобщихъ тягостей и угнетеній и, наконецъ, къ стыду славинства, 12 видовъ побороновъ, которые вымогаютъ у православныхъ раевъ ихъ собственныя владыки, угнетающіе и свою паству, и поповъ.

Объясняютъ скорый выходъ втораго и третьяго тома «Славянскаго Сборника», подъ редакціей гг. Зосимовича и Гильтебрандта. Мы, вѣроятно, найдемъ въ

этихъ томахъ статьи и о другихъ славянскихъ народностяхъ, но болѣе всего ждали бы встрѣтить хотя краткіе очерки исторіи и настоящаго положенія всѣхъ славянскихъ странъ, а то даже для нашей публики, не говоря уже о европейской, многія славянскія страны—совершенно terra incognita. Первый томъ «Сборника» изданъ подъ редакціей г. Страхова; смотрящаго, какъ намъ кажется, нѣсколько пристрастно на славянскій міръ и его отношенія къ германскому племени. Такъ, говоря въ предисловіи совершенно справедливо, что Германія, задолго до своего политическаго соединенія, была уже едина въ духовномъ и уственномъ отношеніи, онъ находитъ, что нынѣшняя политическая жизнь поведаетъ къ паденію духовнаго уровня, и что «славянская самобытность не поддается чужимъ элементамъ, не угасаетъ». Едва-ли это справедливо, и скорѣе можно согласиться съ г. Будиловичемъ, который, въ той же книгѣ «Сборника» (стр. 595), дѣлая бѣглый обзоръ современнаго положенія славянскихъ племенъ, восклицаетъ: «и такъ, всюду гибнетъ славянство!»

Россия и Англія. Первая сорокъ лѣтъ сношеній между Россією и Англією (1553—1593). Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Юріемъ Толстымъ, 1875 г., 50, I, II, 441 и 15 стр.

Въ юньской книгѣ «Русской Старины» мы имѣли случай представить краткую оцѣнку замѣчательнаго историческаго труда Ю. В. Толстаго «Московія Мильтона», а теперь почтенный изслѣдователь нашей исторіи является съ новымъ трудомъ, имѣющимъ еще болѣе значеніе и стоившимъ издателю его многихъ лѣтъ кропотливой и тяжелой, но полезной работы. Томъ этотъ, напечатанный четкимъ, убористымъ шрифтомъ, содержитъ въ себѣ исторію первыхъ торговыхъ и потомъ дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Англією въ царствованіи Ивана IV, Федора и Бориса Годунова. Во время пребыванія своего въ Лондонѣ, Ю. В. Толстой отыскалъ въ лондонскомъ королевскомъ архивѣ и въ бібліотекѣ британскаго музея любопытныя документы, относящіеся къ этимъ сношеніямъ и бросающіе на нихъ новый свѣтъ. Документы эти, числомъ 82, издалъ онъ теперь въ свѣтъ, предпославъ имъ прекрасно написанное вступленіе, излагающее подробную исторію сорокалѣтнихъ сношеній и переговоровъ между двумя странами. Это же вступленіе переведено издателемъ на англійскій языкъ, также какъ и нѣкоторыя изъ документовъ, не отысканные въ англійскихъ подлинникахъ. Такимъ образомъ, книга эта дѣлается въ тоже время интересною и для англичанъ, такъ какъ она издана собственно на двухъ

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

1739—1791.

VIII ¹⁾.

Къ положенію Россіи въ 1789 году справедливо можно при-
мѣнить выраженіе, что она находилась между двухъ огней. На
сѣверѣ, война съ Швеціей съ каждымъ днемъ принимала болѣе
и болѣе угрожающіе размѣры; на югѣ — продолжалась упорная
борьба съ Турціей, уклонявшейся отъ мира. Дѣла на сѣверѣ
особенно тревожили Екатерину, хотя и на югѣ они внушали
большія опасенія. Миръ съ Турціей былъ необходимъ; но онъ
былъ немислимъ, если бы Россіи пришлось нисходить на уступки,
а побудить Турцію къ миру было возможно не иначе, какъ по
нанесеніи ей потрясающихъ ударовъ. Именно этой мыслию и
задался Потемкинъ, а между тѣмъ, по стеченію обстоятельствъ
внутренней политики Турціи, необходимо было выжидать, не спѣ-
шить военными дѣйствіями: султанъ Абдулъ-Гамидъ умеръ
(26-го марта 1789 г.) и ему наследовалъ Селимъ III. Верховный
визирь, оставаясь въ бездѣйствіи у Исавчи, ждалъ повелѣній
новаго своего властелина.

Планъ Потемкина, на случай возобновленія военныхъ дѣйствій,
состоялъ въ томъ, чтобы вытѣснить турокъ изъ мѣстъ, ими за-
нимаемыхъ: Киплинева, Бендеръ, Каушанъ, Аермана, Измаила
и Килии. Бывшую украинскую армію онъ раздѣлил на три кор-
пуса, ввѣривъ начальство надъ ними: кн. Н. В. Репнину, гене-
ралъ-аншефу Кречетникову и А. В. Суворову. Екатеринославская

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 481—522; 681—700;
томъ XIII, стр. 20—40; 159—174.

армія состояла изъ пяти дивизій: первую командовалъ самъ Потемкинъ, второю — вн. Ю. В. Долгорукій, третью — Суворовъ, четвертою — генераль-поручикъ П. В. Гудовичъ, пятою — генераль-маіоръ баронъ Ферзенъ. Таврическимъ корпусомъ командовалъ генераль-аншефъ Каховскій; кавказскимъ — генераль-аншефъ графъ И. П. Салтыковъ; кубанскимъ — генераль-поручикъ баронъ Розенъ. Наши союзники, австрійцы, ограничивались оборонительнымъ положеніемъ.

10-го августа 1789 г. главная квартира русской арміи была въ Дубоссарахъ. Ставка Потемкина, по словамъ очевидца, князя Ю. В. Долгорукаго, «весьма похожа была великолѣпіемъ на визирскую; даже полковникъ Боуръ насадилъ вокругъ нея садъ въ англійскомъ вкусѣ. Капельмейстеръ Сарти, съ двумя хорами роговой музыки и прочихъ многихъ музыкантовъ, насъ ежедневно забавлялъ. Казалось, что свѣтлѣйшій князь тутъ намѣренъ былъ остаться навсегда». Однако эта роскошная обстановка не ослабляла дѣятельности Потемкина: ведя непрерывную переписку съ императрицею, онъ зорко слѣдилъ какъ за дѣйствіями турокъ, такъ и за ходомъ войны со Швеціею* на далекомъ сѣверѣ. Съ половины іюля по октябрь мѣсяць на театрѣ войны съ Турціею произошли слѣдующія событія.

Новый султанъ Селимъ III, продолжая дѣйствовать въ воинственномъ духѣ предшественника, повелѣлъ верховному визирю вытѣснить австрійцевъ изъ Молдавіи. Съ этой цѣлію 25,000 турокъ переправились на лѣвый берегъ Дуная и двинулись къ Фокшанамъ. Суворовъ, соединивъ свои войска съ корпусомъ принца Кобургскаго, 21-го іюля разбилъ непріятеля при самыхъ Фокшангахъ. Вѣсть объ этой побѣдѣ получена была въ Петербургѣ 7-го августа и императрица была ею весьма довольна. «Это зажметъ ротъ тѣмъ, — сказала она, — кои разсѣивали, что мы съ ними (съ австрійцами) не въ согласіи». Черезъ шесть дней (13-го августа) нашъ гребной балтійской флотъ одержалъ надъ шведскимъ побѣду, которую Екатерина сравнила съ чесменскою. О ней было немедленно сообщено Потемкину и въ отвѣтъ императрицѣ онъ писалъ слѣдующее:

«31-го августа.»

„Послѣднее писаніе, матушка-государыня, меня много порадовало; дай Боже дальнихъ успѣховъ. Что ежели бы обобратъ суда по обѣимъ

берегамъ, то бы шведы въ Финляндіи должны были умереть съ голоду, не имѣя большихъ магазейновъ.

„Je suis content comme Vous de nouveau et comme je désire que cela continue. Vous savez, ma chère mère, combien je Vous suis attaché et combien votre repôs me tient à coeur. (Я опять доволенъ, какъ и вы, и желаю, чтобы такъ оно продолжалось. Вы знаете, матушка дорогая, какъ я привязанъ къ вамъ и какъ спокойствіе ваше близко моему сердцу). Прости моя, матушка родная. Отъ поляковъ много хлопотъ. Я жду писемъ отъ известной намъ дружественной особы секретныхъ и доставлю. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный князь Потемкинъ-Таврическій“.

Екатерина II писала Потембину (письмо безъ числа, 1788 или 1789 г.):

„Что ты пишешь отъ усердія, о томъ спора нѣту, но какъ мною сдѣлано все возможное, то мнѣ кажется, что съ меня и болѣе требовать нѣтъ возможности, не унижая достоинства, а безъ сей ни жизни, ни короны мнѣ не нужно. Кой часъ общать Польшѣ чего ни есть изъ земель турецкихъ нынѣ, тотъ же часъ его королевское прусское величество намъ о семъ прешеніе со угрозами непременно чинить будетъ съ принятымъ съ нами рубымъ тономъ, который либо глотать должно будетъ, либо отыпать, и для того полагаю избѣгнуть лучше, не оббиная полякамъ ничего и давая имъ блажить, дондеже перестанутъ, то есть у себя въ Польшѣ пусть мрутъ и дѣлаютъ, что хотятъ, по къ себѣ ихъ не нуцъ и для того полки, кои къ Лубнамъ обращены, пусть пойдутъ къ Бѣлорусіи“.

„Бое мнѣніе есть: фельдмаршала Румянцева отозвать отъ арміи и поручить тебѣ обѣ арміи, дабы согласіе дѣло шло.“

„Я гнѣвныхъ израженій, мой другъ, съ тобою, кажется, не употребляла, а что оскорбленія короля прусскаго принимаю съ нетерпѣніемъ и съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ прилично,—за сіе прошу меня не осуждать, ибо я-бъ не достойна была своего мѣста и званія, еслибъ я сего чувства въ своей душѣ не имѣла“.

„Все, что пишешь о операциіи арміи, весьма хорошо и мое мнѣніе было всегда, чтобъ Бендеры и Бессарабія были предметомъ сей кампаніи, а на Олту (Ялту) не зачѣмъ“.

Раздраженный пораженіемъ, нанесеннымъ ему при Фокшанахъ, великій визирь, умноживъ свои войска до 100,000 ¹⁾ и рассчитывая

¹⁾ По показанію гр. А. Н. Самойлова.—Висковатовъ же («Русскій Вѣстникъ» 1841 г., № 6, стр. 590) опредѣляетъ ихъ въ 90,000; Л. Н. Энгельгардтъ (Записки, 15*

на подкрѣпленіе ихъ 30,000 турокъ и татаръ, выведеннымъ изъ Измаила Гассанъ-пашею (бывшимъ капуданъ-пашею въ 1788 г.), устремился на позицію, занимаемую принцемъ Кобургскимъ. Но это движеніе, предусмотрѣнное Потемкинымъ, было разстроено: корпуса князя Репнина и Кречетникова преградили путь измаильскому сераскиру и, разбивъ его при рѣкѣ Сальчѣ (7-го сентября), отгѣснили къ Измаилу, куда Гассанъ-паша вошелъ и едѣсь заперся. Князь Репнинъ, послѣ безуспѣшной и несовсѣмъ обдуманной попытки овладѣть Измаиломъ, отступилъ. Но эта неудача была вполнѣ заглажена полезными послѣдствіями разединенія силъ верховнаго визиря и Гассана-паши, ибо оно содѣйствовало знаменитой побѣдѣ Суворова при рѣкѣ Рымникѣ—11-го сентября 1789 года.

Наканунѣ этого дня, Потемкинъ, находившійся въ Кишиневѣ (съ 4-го сентября), занятомъ нашими войсками, писалъ къ императрицѣ слѣдующее письмо:

«10-го сентября.—Кишиневъ.»

„Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Больше всего и напередъ всего я озабоченъ вашею болѣзнію; Боже, дай здоровье и силу!

„Грозный исполинъ, бывшій капитанъ-паша, пораженъ будучи казаками, ушелъ тайно, не дождавшись атаки отъ войскъ; я приказалъ живо преслѣдовать и, получа послѣдніе рапорты, пришло обстоятельное донесеніе съ братомъ Платона Александровича (Зубова); сіе дѣло меня разрѣшило идтить и я завтра выхожу очищать всѣ, внѣ крѣпостей стоящее. Помози, Боже! Жду теперь отъ флота и отъ корпуса, къ Хаджи-бею посланнаго; но больше всего меня беспокоитъ цесарской корпусъ.

„Кобургъ почти караулъ кричитъ; Суворовъ къ нему пошолъ, но естли правда, что такъ непріятель близко, то не успѣютъ наши придтить, хотя вѣрно визирь не сильнѣй Кобурха. Надежда на Бога.

„Матушка родная! Я ждалъ, чѣмъ рѣшится и для того не прежде курьера отправилъ. Турки тутъ стали весьма умно, чтобы насъ держать въ нерѣшимости, ибо они съ сего пункта и къ Коушанамъ и за Прутъ могли обратиться; но Богъ здѣлалъ какъ Ему угодно. Прости.

стр. 104, полагаетъ въ 80,000. Наконецъ, Балтышъ-Каменскій — въ 60,000. Ниже увидимъ, что даже въ показаніи числа войскъ рымникской побѣды, биографы противорѣчатъ одинъ другому.

матушка, я очень ослабѣлъ отъ мучительнаго гемороида. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный князь Потемкинъ-Таврическій“.

(Адресъ на оборотѣ того же почтоваго золотообрѣзнаго листа: «Ея императорскому величеству всемилоостивѣйшей государынѣ». Остатки печати (съ гербомъ князя) краснаго сургуча).

Изъ этого письма явствуетъ, что наканунѣ рымникской битвы положеніе австрійскаго корпуса было почти отчаянное и Потемкинъ сомнѣвался въ успѣшномъ движеніи Суворова для соединенія съ войсками принца Кобургскаго. Кромѣ того, въ этомъ письмѣ Потемкинъ, обходя молчаніемъ дѣйствія Репнина подъ Измаиломъ, относитъ только казацкимъ войскамъ заслугу отгѣсненія Гассана-паши. Дѣйствіями князя Репнина Потемкинъ былъ недоволенъ по причинамъ весьма уважительнымъ. Воображая, что Измаиль 1789 года такъ же легко взять, какъ то было въ 1770 г., Репнинъ, безъ всякаго предварительнаго сношенія съ фельдмаршаломъ, хотѣлъ съ одного удара овладѣть крѣпостью, но встрѣтилъ отчаянный отпоръ и принужденъ былъ довольствоваться только пожаромъ, произведеннымъ въ стѣнахъ Измаила нашими гранатами.

Рымникская побѣда была предтечею и пособницею послѣдующихъ успѣховъ нашихъ войскъ: 13-го сентября 1789 г. генераль-поручикъ графъ де-Бальменъ овладѣлъ Коушанами; 14-го — Гудовичъ и Рибасъ взяли штурмомъ Хаджи-бей; 23-го числа вазачій полковникъ Платовъ занялъ Паланку; 30-го — послѣдовала сдача Аермана; затѣмъ, съ небольшимъ черезъ мѣсяць, 4-го ноября, сдались Бендеры.

Нѣкоторые біографы, основываясь невѣдомо на какихъ данныхъ, обвиняютъ Потемкина въ зависти къ Суворову и проискахъ противъ великаго полководца. Но если Потемкинъ завидовалъ Суворову, на сколько свойственно человѣку талантливому завидовать другому, даровитѣйшему, гениальному, то это не доброе чувство не заглушало въ сердцѣ Потемкина чувствъ справедливости и онъ, какъ мы довазали уже выше подлинными его письмами, всегда по достоинству цѣнилъ заслуги великаго Суворова, искренно уважалъ героя рымникскаго, который иногда самъ бывалъ виновникомъ нѣкоторой натянутости отношеній къ нему князя Таврическаго. Суворовъ не щадилъ его, позволяя себѣ сатирическія выходки, нерѣдко и колкіе, язвительные отвѣты. «Съ

парями у меня другой языкъ!» сказалъ онъ Потемкину, когда тотъ удивлялся его глубокомысленнымъ рѣчамъ при бесѣдахъ съ Еватериною. «Я—не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться!» отвѣчалъ Суворовъ Потемкину, когда тотъ встрѣтилъ его послѣ взятія Измаила (1790 г.) съ распростертыми объятіями и, какъ начальникъ, съ вопросомъ: «Чѣмъ наградить васъ за ваши заслуги?» Самый безпристрастный отзывъ о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ полководцевъ можно выразить немногими словами: Суворовъ гордился заслугами, за которыя пріобрѣталъ почести, Потемкинъ—почестями, которыя сколь возможно старался оправдывать заслугами.

Къ рымниевской побѣдѣ, 11-го сентября 1789 года¹⁾, Потемкинъ отнесся съ самымъ радушнымъ сочувствіемъ. Черезъ одиннадцать дней онъ писалъ императрицѣ слѣдующее:

«22-го сентября.—Каушаны.»

„Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Поздравляю васъ, кормилица, съ торжествомъ коронаціи, со днемъ, въ которой былъ столь доволенъ.

„Флоту нашему штурмъ сильной препятствовалъ выйдти и онъ едва мелкія суда спасъ отъ поврежденія; однако же не безъ починки; иначе вся бы флотилія турецкая была у насъ въ рукахъ; можетъ, Богъ подастъ еще лутчее. Ёду теперь къ Хаджи-бею чрезъ Палацку, которую послалъ занять всю войсками, кромѣ тѣхъ, что за Прутомъ сообраю къ Бендерамъ, а потомъ, что Богъ дастъ. Дѣлаю на 12 тысячъ теплую обувь и всю зиму буду дѣйствовать; но с семь, матушка, прошу, чтобы никто не зналъ.

„Скажу вамъ съ Ломоносовымъ, какъ онъ Петру Великому придалъ, что

«Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и лстивныхъ!»

„Не всё, матушка, рукой, но и умомъ усыпить прусскаго короля нужно, ибо если онъ будетъ видѣть наше худое въ нему разположеніе впередъ, то непрестанетъ намъ вредить теперь, и такъ мы никогда съ турками не кончимъ; дать же ему надежду—онъ не помѣшаетъ помириться, и тогда вы всё с' нимъ здѣлаете, что хотите; на сіе и

¹⁾ Повторяемъ это точное число, о которомъ біографы разнорѣчатъ. У Вангша-Каменскаго—12-го сентября, у Висковатова—7-го сентября. У Энгельгардта и у графа Самойлова чиселъ вовсе не означено. Кромѣ того, послѣдній гораздо болѣе распространяется о собственныхъ своихъ подвигахъ, нежели о побѣдѣ Суворова: онъ про аванпостныя стычки повѣствуетъ подробнѣе, чѣмъ о Рымнѣяхъ.

союзника согласить можно; поляковъ нужно будетъ тогда усмирить, но теперь и подумать нельзя.

„Будьте увѣрены, что я всю здѣлаю здѣсь что можно.

„По смерть вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный князь Потемкинъ-Таврическій“.

„Р. С. Скоро пришло подробную реляцію о суворовскомъ дѣлѣ; ей, матушка, онъ заслуживаетъ вашу милость и дѣло важное; я думаю, что бы ему, но не придумаю; Петръ Великой графами за ничто жаловаль: коли бы его съ придаткомъ Римникской? баталія была на сей рѣкѣ.

„Р. С. Это правда, матушка, что въ Финляндіи на будущій годъ начинать да саро (сначала), да и не будетъ толку; зимою же нужно вскорѣ всю укомплектовать и привести въ порядокъ; учить стрѣлять слѣдуетъ больше всего; коли бы Мусина—въ Москву; Салтыкова на его мѣсто: на Кавказѣ политиковать нужно тамъ съ народами, на сіе его не станетъ: азіяты хитры, а подъ Петербургомъ военныя дѣла онъ поведѣютъ лутче; Русанова¹⁾ прочь; Кнорринга²⁾ сюда; кавказскую и кубанскую по прежнему ко мнѣ, а я туда поплю Репнина или Суворова, ежели наступательно пойдемъ, то и будетъ хорошо. Кн. Потемкинъ-Таврическій.

„Благодаренъ много за шубки, къ статѣ теперь³⁾).

18-го октября 1789 г.

.... „Каковы цесарцы бы ни были—отвѣчала, между прочимъ, Екатерина Потемкину—и какова ни есть отъ нихъ тягость, но она будетъ несравненно менѣе всегда нежели прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано поноснымъ и несноснымъ. Мы пруссаковъ ласкаемъ; но каково на сердцѣ терпѣть ихъ грубости и ругательствомъ наполненныя слова и дѣла!“

10-го января п 6-го февраля 1790 г.

.... „Императоръ самъ ко мнѣ пишетъ, что онъ очень болѣнъ и опасенъ по причинѣ потери Нидерландіи. Если въ чемъ его оправдать нельзя, то въ семъ дѣлѣ: сколько тутъ перемѣнъ было! То онъ отъ нихъ все отнималъ, то возвращалъ; то паки отнималъ и паки отдавалъ. О союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ, имѣя

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Русановъ, военный совѣтникъ при графѣ В. П. Мусинѣ-Пушкинѣ.

²⁾ Богданъ Ѳеодоровичъ Кноррингъ (р. 1746, † 1825 г.).

³⁾ Писано на большомъ листѣ толстой, синеватой бумаги. На оборотѣ: «Ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ». Печать большая, краснаго сургуча.

ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единого вѣрнаго человѣка, который бы ему говорилъ: пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ, ненавидамъ всѣми. Венгерцы мать его спасли въ 1740 году отъ потери всего: я-бъ на его мѣстѣ ихъ на рукахъ носила“.

Взятіе Бендеръ (4-го ноября 1789)¹⁾ закончило кампанію и, по случаю зимняго времени, военныя дѣйствія прекратились. Избравъ себѣ главною квартирою Яссы и распустивъ войска по зимнимъ квартирамъ, Потемкинъ даже не отправился въ Петербургъ, нуждаясь въ отдыхѣ отъ недавней усиленной дѣятельности. Несмотря на успѣхи нашего оружія и на благоприятныя задатки успѣховъ въ будущемъ, Потемкинъ не скрывалъ отъ государыни тягостнаго положенія войскъ. Такъ онъ писалъ къ ней отъ 22-го ноября... «13-го числа сего мѣсяца началась зима и продолжается. Первые дни были жестоки морозомъ и мателицею. Не бывало никогда столь вѣтливой и нечаянной зимы; рѣки стали вдругъ, превратились транспорты, черезъ что въ провіантѣ и всякаго рода доставленіи сдѣлалась остановка. Полкамъ трудно отходить въ квартиры, особливо тѣмъ, которые пошли въ Екатеринославскую губернію степью, а и всѣмъ генерально до Кишинева степь же проходить было надобно. Но, слава Богу, многіе уже достигли квартиръ безвредно и время настало мягче. О скотѣ я уже не упоминаю; радуюсь, что люди цѣлы. Не могу довольно описать В. И. В. безконечныхъ затрудненій въ приведеніи всего въ порядокъ. Заботы превосходятъ почти мои силы. Какъ доставлять провіантъ отдаленнымъ частямъ, аммуницію и рекрутовъ по толь великому некомплекту. Они поздно собираются, почему, ради усиленія полковъ, другія нужны мѣры“.

Измаильскій сераскиръ Гассанъ-паша убѣждалъ диванъ прекратить разорительную войну съ Россіею. Потемкинъ сообщилъ проектъ мирныхъ условій чрезъ акверманскаго пашу измаильскому сераскиру, который вошелъ въ сношенія съ Потемкинымъ. „Турки въ крайнемъ страхѣ отъ войскъ вашихъ“, писалъ онъ императрицѣ, „а, вонечно, миръ выгодный могъ бы быть, когда бы

¹⁾ Бантышъ-Каменскій показываетъ 5-го ноября, Висковатовъ—30-го октября; мы придерживаемся точнѣйшей цифры, показанной у Храповицкаго.

не случилось помѣшательствъ отъ другихъ, а не менѣе и отъ союзниковъ нашихъ, которые себѣ хотятъ всего, а намъ—ничего; турки же расположены къ намъ, а къ нимъ нѣтъ».

26-го декабря 1789 года послѣдовалъ на имя Потемкина благодарственный рескриптъ: бывший Новотроицкій кирасирскій полкъ, въ 1783 году названный Екатеринославскимъ, былъ переименованъ въ честь своего шефа «князя Потемкина кирасирскимъ полкомъ»; сверхъ того, князю присланы были въ Яссы 100,000 рублей и лавровый вѣнокъ, осыпанный брилліантами, въ 150,000 руб. Въ январѣ 1790 года князь былъ пожалованъ «великимъ гетманомъ казацкихъ войскъ—екатеринославскихъ и черноморскихъ».

Объ образѣ его жизни въ Яссахъ сохранилось множество рассказовъ очевидцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ называютъ Яссы—Капуей Потемкина. Окруженный въ своемъ дворцѣ цѣлымъ гаремомъ красавицъ (большую часть женъ его генераловъ знатнѣйшихъ фамилій), Потемкинъ изошрялъ всю свою изобрѣтательность на устройство пышныхъ пировъ, баловъ, домашнихъ спектаклей. Нарочно выписалъ изъ Петербурга балетмейстера Розетти съ фигурантами. Капельмейстеръ Сарти, безотлучно находившійся при князѣ съ оркестромъ изъ трехсотъ человекъ, увеселялъ общество концертами и сочинялъ торжественныя ораторіи. Онъ переложилъ на музыку: «Тебѣ Бога хвалимъ», введя въ оркестровку батарею изъ десяти пушекъ, гремѣвшую бѣглымъ огнемъ при стихѣ: «святъ, святъ, святъ!» Въ Яссахъ Потемкинъ пробылъ до половины іюля 1790 года. Л. Н. Энгельгардтъ (Записки, стр. 106), рассказывая о пребываніи Потемкина въ Яссахъ, говоритъ между прочимъ:

„Его свѣтлость одѣвался нерѣдко въ гетманское платье, которое было шито щегольски и фасонъ котораго онъ выдумалъ, бывъ пожалованъ гетманомъ екатеринославскихъ и черноморскихъ казаковъ. Въ самое то время, когда онъ такъ щегольски одѣвался и такъ нарядомъ своимъ занимался, приказалъ сдѣлать себѣ и мундиръ изъ солдатскаго сукна, дабы своимъ примѣромъ подать недостаточнымъ офицерамъ средство не издерживать изъ малаго своего жалованья на покупку тонкаго сукна, которое, за отдаленіемъ торгующихъ купцовъ онымъ товаромъ, было дорого. Почему въ угожденіе его всѣ генералы сдѣлали таковыя мун-

диры. И такъ, хотя приказа и не было, но почти всѣ штабъ- и оберъ-офицеры съ удовольствіемъ во всю войну одѣвались въ куртки толстаго сукна, какъ солдаты, но однако-жь не запрещалось, по желанію, носить мундиры и тонкаго сукна¹⁾».

„По прибытіи свѣтлѣйшаго князя въ Яссы, одинъ разъ онъ только былъ у фельдмаршала графа Румянцева въ Жижѣ и изрѣдка посылалъ дежурнаго генерала, племянника своего, В. В. Энгельгардта, съ привѣтствіемъ. Остальные генералы изъ подлости и раболѣпства рѣдко посѣщали графа, да и то самое малое число. Одинъ только графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ оказывалъ ему уваженіе; послѣ всякаго своего дѣла и движенія, посылая курьера съ донесеніемъ главнокомандующему, особеннаго курьера посылалъ съ донесеніемъ и къ маститому фельдмаршалу, такъ какъ бы онъ еще командовалъ арміей“.

Но не въ праздныхъ только забавахъ Потемкинъ проводилъ время въ Яссахъ и, удѣляя «дѣлу—время, потѣхѣ—часъ», онъ велъ дѣятельную дипломатическую переписку съ Петербургомъ, чужими краями и съ сераскиромъ измаильскимъ. Курьеръ, скакавшій сломя голову въ Петербургъ за какимъ-нибудь балетмейстеромъ, везъ въ тоже время важное, секретное порученіе; точно также, посланный, ѣхавшій въ чужіе края за лакомствами, привозилъ къ Потемкину вмѣстѣ съ ними необходимыя свѣдѣнія и тайныя извѣстія. Праздность и роскошь до нѣкоторой степени служили князю Таврическому личинами для прикрытія его трудовъ по дипломатической части; Сарти своей музыкой развлекалъ бдительность аргусовъ, окружавшихъ Потемкина: говоримъ о союзникахъ, которымъ онъ не вполне довѣрялъ и въ чемъ былъ совершенно правъ. Такова была изнанка роскошной обстановки, окружавшей Потемкина.

Переговоры о мирѣ тянулись и затягивались, и прекратились на время за смертію верховнаго визиря, а вскорѣ послѣ него и Иосифа II, императора австрійскаго. Новый визирь, Шерафъ-паша, изъявилъ готовность продолжать переговоры о мирѣ и ихъ велъ статскій совѣтникъ Лашкаревъ. Къ сожалѣнію, догово-

¹⁾ Точно такъ же черезъ шестьдесятъ четыре года, въ крымскую кампанію, въ нашихъ войскахъ были введены для штабъ- и оберъ-офицеровъ солдатскія шинели, и это преобразование обмундировки, помимо дешевизны, много способствовало сбереженію жизни командировъ.

ривавшіяся стороны плохо согласовались въ желаніяхъ: Потемкинъ говорилъ рѣшительно: миръ или война. Визирь желалъ только перемирія. Тогда на дѣлѣ оправдалось древнее изрѣченіе: хочешь мира—готовься къ войнѣ, и непріязненные дѣйствія возобновились: 8-го іюля 1790 г. контръ-адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ одержалъ блистательную побѣду надъ капуданомъ-пашею, преградивъ ему путь въ Азовское море, а 28-го и 29-го августа разбилъ турецкій флотъ совершенно. Недовѣріе Потемкина къ австрійцамъ-союзникамъ вполне оправдалось: 16-го іюля Австрія заключила миръ съ Портою Оттоманскою. Новый императоръ Леопольдъ склонился на предложенія Пруссіи, Англіи и Голландіи, предлагавшихъ свое посредничество и петербургскому кабинету, но они были отвергнуты Екатериною¹⁾. Изъ слѣдующихъ отрывковъ изъ писемъ Потемкина къ Суворову и Лашкареву очевидны какъ затрудненія переговоровъ, такъ и смѣтливость и быстрота соображеній Потемкина. Самая краткость слога — любопытная черта къ его характеристикѣ.

18-го іюля (Суворову): „Вотъ, мой милостивый другъ, австрійцы кончили... Что курьеръ пріѣдетъ, то вы въ свое мѣсто“.

1-го августа (ему же): „Какъ уже кончено у австрійскаго двора съ берлинскимъ мирное съ Портою положеніе, о чемъ принцъ Кобургъ долженъ быть увѣдомленъ, а ежели и нѣту, то все равно: не для чего драться и терять людей за удержаніе земли, которую слѣдуетъ отдать“.

16-го августа (Лашкареву): „Визирь говорилъ вамъ о перемиріи. На что оно, когда миръ мы сдѣлать готовы? Кондиціи, которыя я предложилъ, суть крайнія и маловажныя. Ежели они хотятъ быть чисто-сердечны, то все кончится въ скорости. Ежели отвѣтъ замѣшкается, то

¹⁾ Вотъ интересные отрывки изъ писемъ Екатерины II къ Потемкину, за это время:

5-го августа 1790 г. Велѣлъ Богъ одну лапу высвободить изъ вязкаго мѣста. Сего утра я получила отъ барона Игельстрома курьера, который привезъ подписанный имъ и барономъ Армфельдомъ миръ безъ посредничества. Отстали они, если смѣтъ сказать, моею твердостью личною одною, отъ требованія, чтобъ принять ихъ ходатайство у турокъ.

29-го августа 1790 г. . . . Ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ съ шведами; на сіе тебѣ скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро наши прибавить должно мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь.

долго не ждите, ибо я терпѣть не буду. Дайте мнѣ знать о числѣ ихъ войскъ; въ разговорахъ какъ можно меньше говорить о пруссакахъ, а напротивъ, коли случай дойдетъ видѣться, то обходитесь сколь можно глаже. При случаяхъ толкуйте имъ, сколь мала наша претензія, о мирѣ же скажите, что они увидятъ сколь оный будетъ сохраняемъ чистосердечно. Мнѣ странно, что они объ Очаковѣ упомянули: вы имъ на-чисто скажите: ежели объ немъ говорить, то и мира нѣтъ“.

29-го августа (ему же): „Ты имъ скажи отъ себя: я сажусь сейчасъ въ карету и не скажу куда ѣду—что Богъ дастъ. Въ разговорѣ сдѣлайте разсужденіе, что какъ имъ не стыдно вилать. Черезъ сіе для переду дѣлается недовѣрка. Мы съ ними хотимъ помириться и жить дружно, чему Богъ свидѣтель. Купи мнѣ, ежели найдешь, хорошую бирюзу, или курильницу богатую и другое (что) хорошее турецкое“.

7-го сентября: „Наскучили уже турецкія басни; ихъ министерство и насъ, и своихъ обманываетъ. Тянули столько и вдругъ теперь выдумали медицію прусскую, да и мнѣ предлагаютъ. Это дѣло не мое, а дворахъ принадлежитъ. Мои инструкціи: или миръ, или война. Вы имъ изъясните, что коли мириться—то скорѣе: иначе буду ихъ бить....“

8-го сентября. (нашему резиденту въ Варшаву). Плѣйте на ложныя разглашенія, которыя у васъ на нашъ счетъ дѣлаются. Суворовъ, слава Богу, цѣлехонекъ; на сухомъ пути дѣла не было нигдѣ; турки и смотрѣтъ на насъ близко не смѣютъ. Какъ имъ (полякамъ) не наскучить лгать? Лучше бы подумали, что если бы были съ нами дружны, то Молдавія была бы уже ихъ. На морѣ намъ Богъ помогъ совершенно разбить флотъ непріятельской“.

30-го сентября 1790 года командовавшіе нашими войсками на Кубани генераль-маіоры Германъ, Булгаковъ и бригадиръ Мансуровъ близъ истока Кубани разбили на голову и взяли въ плѣнъ турецкаго сераскира Баталь-пашу. По этому поводу Потемкинъ отправилъ въ Екатеринославъ слѣдующее:

„Ордеръ г. статскому совѣтнику намѣстничества екатеринославскаго, вице-губернатору и кавалеру Тибѣкину.

„Войскамъ, у Кубани и Кавказа расположеннымъ, повелѣно было отъ меня идти и атаковать армію турецкую, въ сорока тысячахъ къ Кубани слѣдовавшую подъ начальствомъ сераскира, трехъ-бунчужнаго паши Баталь-бея, столь въ Азіи знаменитаго. Сентября 30-го дня, одинъ изъ отряженныхъ корпусовъ, подъ командою г. генераль-маіора Германа, встрѣтилъ сію армію близъ Кубани, выше..... мыса и, не зирая на несоразмѣрность силъ непріятельскихъ, по жестокомъ сраже-

ніа, одержалъ совершенную побѣду: весь лагерь турецкій и вся ихъ артиллерія, болѣе тридцати орудій, достались намъ въ добычу, а самъ сераскиръ паша Баталь-бей со всею его свитою взяты въ плѣнъ. Я даю вамъ о семъ знать для объявленія въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и принесенія благодарственнаго Всевышнему моленія“.

Помѣта: «Получень 28-го октября 1790 года».

Эта побѣда вознаградила за неудачную экспедицію къ Анапѣ генераль-поручика Бибикова. Потемкинъ, смѣнивъ его, требовалъ у него строгаго отчета, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ уваженіе трудовъ и безпрекословнаго повиновенія, оказанныхъ войсками, испросилъ у императрицы для нижнихъ чиновъ серебряныя медали на андреевской лентѣ, съ надписью: «за вѣрность». Черта справедливости тѣмъ болѣе похвальная, что и въ позднѣйшія времена, не только что тогда, терпѣніе и безропотная покорность не вмѣнялись даже и въ заслугу русскимъ солдатамъ.

18-го октября, послѣ довольно сильнаго сопротивленія, крѣпость Килія сдалась Гудовичу.

Такимъ образомъ успѣшно осуществлялся планъ кампаніи, начертанный Потемкинымъ; русскія войска, овладѣвая крѣпостями дунайскаго и черноморскаго побережья, вытѣснили оттуда турокъ. Но для увѣнчанія успѣховъ нашего оружія оставалось еще овладѣть неприступною твердынею — Измаиломъ. Эту крѣпость защищаль сорокатысячный гарнизонъ, который, при самыхъ благоприятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, могъ выдержать самую долговременную осаду. Взятіе Измаила приступомъ, по мнѣнію турокъ и даже опытнѣйшихъ европейскихъ инженеровъ, было немислимо. Потемкинъ предписалъ Гудовичу обложить крѣпость съ сухаго пути, а Рибасу, съ гребнымъ флотомъ, зайти со стороны Дуная. Рибасъ, при содѣйствіи казаковъ, очистилъ дунайскія гирла отъ находившихся тамъ турецкихъ судовъ и, взявъ крѣпости Тульчу и Исакчу, пресѣкъ сообщеніе измаильскому гарнизону съ правымъ берегомъ рѣки. Обложеніе съ сухаго пути началось 21-го ноября 1790 года отрядомъ генераль-маіора Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова¹⁾, къ которому присоединились и

¹⁾ Памяти маститаго вождя русскаго народа въ достопамятную эпоху 1812 г. посвящены многія страницы «Русской Старины»; изъ нихъ къ его ратному поприщу до 1791 года относятся: рескриптъ Екатерины II и его письма къ жентѣ; изъ нихъ одно, весьма любопытное, о взятіи Измаила, приложено къ

войска Гудовича, прибывшія изъ Киліи. Позднее время года, проливные дожди и болѣзни въ нашихъ войскахъ побудили генераловъ на общемъ военномъ совѣтѣ рѣшить отступление отъ стѣнъ Измаила на зимнія квартиры. Рибасъ былъ противнаго мнѣнія, но его возраженія были оставлены безъ вниманія. Потемкинъ пригласилъ изъ Галаца находившагося тамъ Суворова.

Суворовъ послѣдовалъ къ стѣнамъ Измаила и, встрѣтивъ войска, уже отступавшія, воротилъ ихъ. 2-го декабря онъ прибылъ; 3-го числа размѣстилъ войска на прежнія позиціи; четыре дня прошли въ безуспѣшныхъ переговорахъ съ сераскиромъ Аудузлу-пашею... Утромъ 11-го декабря Суворовъ писалъ Потемкину: «Нѣтъ крѣпче крѣпости, ни отчаяннѣе обороны, какъ Измаиль, падшій предъ трономъ Е. И. В. кровопролитнымъ штурмомъ! Низайше поздравляю вашу свѣтлость!» Съ своей стороны, Потемкинъ въ первомъ донесеніи своемъ писалъ императрицѣ:

„Не Измаиль, но армія турецкая, состоявшая въ тридцати слишкомъ тысячахъ, истреблена въ укрѣпленіяхъ пространныхъ. Слава Богу, всегда насъ побѣдительными творящему! Положеніе локальное сего мѣста навело бы всегдашнее безпокойствіе квартирамъ и разрывало бы Килію съ Серетскимъ кордономъ, флотилія же осталась бы безъ сообщенія. Сія резонна, а паче высочайшая воля наноситъ всегда вредъ непокоряющемуся злодѣю, рѣшили меня предписать штурмъ. Храбрый генералъ графъ Суворовъ-Рымникскій избранъ былъ мною къ сему предпріятію. Богъ помогъ! Непріятель истребленъ; болѣе уже двадцати тысячъ сочтено тѣлъ, да слишкомъ семь тысячъ взято въ плѣнъ и еще отыскиваютъ. Знаменъ триста десять уже привезены и еще собираютъ. Пушекъ будетъ до трехсотъ. Войска ваши оказали мужество примѣрное и неслыханное. Обстоятельства донесу послѣ; отправляюсь ради осмотра Дуная, а флотилія уже готовится на новыя предпріятія. Повергаю къ освященнымъ стопамъ В. И. В. командовавшаго штурмомъ генерала графа Суворова-Рымникскаго, его подчиненныхъ, отличво храброе войско и себя“.

Изъ подробнаго донесенія Потемкина о взятіи Измаила приводимъ только отзывы его о Суворовѣ:

„Отдавъ справедливость исполнившимъ долгъ свой военачальникамъ, не могу я достойной прописать похвалы искусству, неустрашимости и

«Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ II-й, въ точномъ снимкѣ, стр. 513—520, и друг.

добрымъ распоряженіямъ главнаго въ семь дѣлъ вождя, графа А. В. Суворова-Рымникскаго. Его неустрашимость, бдѣніе и прозорливость всюду содѣйствовали сражающимся, всюду ободряли изнемогающихъ и, направляя удары, обращавшіе вотще непріятельскую оборону, совершили славную сію побѣду“.

Курьеромъ о взятіи Измаила былъ отправленъ въ Петербургъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, братъ Платона Зубова, тогдашняго любимца.

IX.

Взятіемъ Измаила былъ достойно завершенъ славный для русскаго оружія 1790-й годъ, событія котораго воспѣты Державинымъ и описаны многими отечественными біографами былыхъ временъ. Но если поэзія — льстивая и пристрастная—выставляла только лицевую сторону, а исторія, заимствуя языкъ у реляцій, обходила молчаніемъ трудности тогдашняго военного быта и нѣкоторыя неудачи въ дѣйствіяхъ военачальниковъ, тѣмъ не менѣе находились люди настолько правдолюбивые, чтобы, не ослѣпяясь успѣхами, высказывать о герояхъ горькую правду. Въ декабрѣ 1790 года Потемкинъ закончилъ свое поприще полководца и именно въ это время былъ написанъ въ Яссахъ небольшой фантастическій рассказъ, посвященный весьма рѣзкой и не вполне справедливой оцѣнкѣ дѣятельности князя Таврическаго на поприщѣ военной администраціи. Авторомъ этого злого памфлета признанъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ¹⁾, въ послѣдствіи герой Кавказа.

Предъ нами два списка этого сатирическаго очерка: одинъ изъ нихъ, болѣе точный, сообщенъ И. И. Ореусомъ. Приводимъ изъ него нѣкоторыя, особенно яркія мѣста. Заглавіе памфлета: «Бесѣда трехъ російскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ, служившихъ въ трехъ разныхъ войнахъ противъ турокъ», то есть при фельдмаршалахъ: гр. Минихѣ, во вторую при гр. Румянцевѣ-Задунайскомъ и при кн. Потемкинѣ-Таврическомъ.

Въ небольшомъ вступленіи, авторъ, нѣсколько витіевато, рассказываетъ, будто въ минуту грустнаго настроенія духа онъ

¹⁾ Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ род. 1754 г., предательски убитъ въ Баку, въ 1806 г. О заслугахъ его см. «Русская Старина» 1872 г., томъ V, стр. 715—717.

уснулъ и въ сновидѣніи перенесся въ царство мертвыхъ. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ бесѣды солдата: Сергѣя Двужильнаго, умершаго отъ раны, полученной на измаильскомъ штурмѣ, съ двумя другими солдатами, опередившими его въ царствѣ мертвыхъ, Иваномъ Гавриловымъ, современникомъ Миниха, и Степаномъ Статнымъ, служившимъ при Румянцевѣ. Языкъ собесѣдниковъ простъ, ясенъ и искусно поддѣлывается подъ солдатскій складъ. Въ разказахъ Двужильнаго о его недавнемъ житѣ-бытѣ слышится грустный отголосокъ солдатъ, не совсѣмъ довольныхъ своею участію и преобразованіями, совершенными Потемкинымъ въ нашихъ войскахъ. Двужильный два раза попадалъ въ полевую службу. «Вздумалось,—говоритъ онъ,—вышней командѣ сдѣлать новое войско, нарядить съ ногъ до головы его въ зеленое сукно и назвать егарями... Теперь ихъ сдѣлано семь корпусовъ: въ каждомъ корпусѣ 4 баталіона, въ каждомъ баталіонѣ 4 роты, въ ротѣ 212 рядовыхъ. Такимъ-то манеромъ, при формированіи сказанныхъ корпусовъ, надобно было, чтобъ заводъ въ нихъ былъ изъ старыхъ солдатъ, а потому, какъ изъ полковъ взяли, такъ и изъ гарнизоновъ начали набирать солдатскихъ дѣтей отъ 14-ти лѣтъ. У меня было четыре сына, которыхъ взяли... я тогда былъ уже 6 лѣтъ въ гарнизонѣ, послужа Богу и государю въ полевой 20 лѣтъ. Набиралъ насъ генераль ***¹⁾, который послѣ съ ума сошелъ, видно Богъ его за меня наказалъ. Этотъ-то генераль и меня завербовалъ, хотя я нигуда отъ старости не годился; и когда командиры мои зачали ему представлять, что я послужилъ довольно и что мнѣ ужъ въ походѣ не снести ноши, такъ онъ сказалъ при мнѣ самомъ, что «онъ годится артельщикомъ быть». Потому-то меня и прозвали Двужильнымъ».

Затѣмъ разсказчикъ переходитъ къ обмундировкѣ и вооруженію. «Что лѣто, то новая одежда. Ноша-то таже, какъ и на другихъ, да въ прибавокъ повѣсили намъ по пистолету безъ шомпола; а одинъ шомполъ дали на двухъ егарей. Ужъ командиры послѣ отъ себя на каждого по одному сдѣлали. По штату поло-

¹⁾ С. А. Ф. показано въ выноскѣ рукописи, т. е. Сергѣй Андреевичъ Фамнищынъ, шефъ Вѣлорускаго егерскаго корпуса. Онъ помѣшался въ апрѣлѣ 1787 г. У Храповицкаго подъ 14 числомъ: «Съ чувствительностію услышали что помѣшался ген.-майоръ Сергѣй Андреевичъ Фамнищынъ; о немъ писано къ Ерепкину съ нарочною штафетою».

жена каска; эта каска составляется изъ 17-ти штукъ, стоитъ 70 коп., а толку ни малаго нѣтъ; ни на что не походить: тяжела, зимою не грѣеть, лѣтомъ — за шею и дождикъ, и слякоть идетъ; только и толку, что спереди козырь, чтобъ солнце въ глаза не свѣтило. А теперь дали намъ кивера тавіе, что у гусаръ были; это попокойнѣе — да зимою безъ ушей и безъ щекъ будешь. (Каска похожа) развѣ на оципаннаго пѣтуха. Прежде сего у ней было двѣ лопасти, которыми зимою можно подвизывать щеки было, а теперь въ фельдмаршальскомъ гренадерскомъ полку сдѣлали одну лопасть сзади, которая ни къ чему не пригодна; такъ и во всей арміи начали дѣлать».

Затѣмъ солдатъ сѣтуетъ на переименованія полковъ... «даютъ тавія имена, что инаго рекрутъ и въ годъ не затвердить». Собесѣдники спрашиваютъ Двужильнаго, каково нынѣ ученье рекрутовъ и обхождение съ ними? Извѣстно, что Потемкинъ внушалъ начальникамъ не особенно утруждать солдатъ и человѣчнѣе обходиться съ ними. Несочувственно отнеслись къ этимъ мѣрамъ не только начальники, но будто бы и сами солдаты. Тѣ и другіе, если только вѣрять памфлету, сроднились съ палками и фуктелями, безъ которыхъ солдатская муштровка весьма долго почиталась дѣломъ невозможнымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если по поводу ослабленія звѣрства при обхожденіи съ солдатами авторъ «бесѣды» влагаетъ въ уста солдата слѣдующія рѣчи:

— «Все твердятъ, чтобы натурально было и непринужденно; а вы сами знаете, каковъ нашъ братъ, изъ крестьянства взятый во время рекрутства, пока не наторѣетъ; подлинно, что непринужденно стоитъ. У меня на рукахъ довольно ихъ перебывало; инаго чорта года въ два не уломаешь (!), чтобъ онъ тебѣ на право кругомъ поворотился. Дерутся меньше: за то и толку меньше и службы меньше! Прошлой зимою свѣтлѣйшій отдалъ приказъ, чтобы унтеръ-офицеръ больше семи лозановъ не смѣлъ дать. Что-жь изъ этого вышло? Ты нашу братью знаешь: не только что унтеръ-офицера не слушаютъ, да и передъ офицеромъ шапочки не ломаютъ; а инаго, который посмирнѣе, такъ и м..... загнетъ. Станешь его бить за ослушаніе, то онъ пойдетъ да нажалуется, и тогда — правда-ли, не правда-ли — у полковника польъ отымутъ, а офицера арестуютъ. Такъ, такова и служба.

Нашъ братъ палку любитъ, лишь бы до него все положенное доходило».

Собесѣдникъ спрашиваетъ: какъ же оно доходить?

— «А вотъ какъ: екатеринославская армія три трети жалованья не получала. Да какъ и даютъ его, то червонецъ курсомъ въ 3 р. 70 коп., хотя за него нигдѣ больше не дадутъ трехъ рублей. Провіантскія зимою отпускаютъ деньгами, то есть общаціями; для того, что ихъ почти никогда не выдаютъ.

— «Чѣмъ-же вы кормитесь?

— «Чѣмъ? Мужичьимъ харчемъ, т. е. кукурузою, да папушомъ. Охъ, это кушанье надоѣло! (Въ артеляхъ) какому богатству быть. Да еще сколько лошадей каждый годъ въ артеляхъ перемретъ, для того, что до генваря въ походѣ бываемъ, а сѣна не даютъ; говорятъ: чѣмъ хочешь корми; можно-де еще на подножномъ, а подножной-то — свѣгъ. (Провіантъ даютъ) какъ случится. Прошлою зимою (1789 г.) въ Бендерахъ давали такой гнилой хлѣбъ, что за зиму-то человекъ по 60 и болѣе изъ роты померло. Командиръ-то тутъ былъ какой-то намѣстникъ — дѣвичій прелестникъ: такъ его прозвали. Онъ изъ Калуги къ намъ пожаловалъ¹⁾. Человекъ онъ придворный: пріѣдетъ въ Яссы, наряжается въ венгерки съ свѣтлѣйшимъ одинаково, да говоритъ ему: вездѣ благоденствіе, гдѣ онъ командуетъ; а тамъ хоть трава не рости. Послѣ хватились, да поздно; послали стараго ген.-аншефа Меллера, барона Закомельскаго²⁾, такъ онъ ужъ представилъ и, по его уже представленію, велѣли перестать производить тотъ гнилой хлѣбъ въ пищу, а между тѣмъ народу много повалили».

Слѣдуютъ сѣтованія на упадокъ дисциплины:

— ...«Чему доброму быть, какъ въ нашемъ братѣ страха нѣтъ, или военной дисциплины, о которой намъ читывали въ артикулѣ. Я таки самъ ефрейторомъ былъ: бывало наряжаешь куда, такъ онъ ты не слушаетъ, да и все тебѣ тутъ! Говорить: «не спиши, что ты разворчался!» Пожалуешься старшему сержанту, тотъ ударитъ его палкой, а онъ говоритъ: «не бей меня, я въ свѣтлѣйшему пойду!»

¹⁾ Рѣчь идетъ о генералъ-поручикѣ Михаилѣ Никитичѣ Кречетниковѣ (р. 1723, † 1793 г.).

²⁾ Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, генералъ отъ артиллеріи, скончался отъ раны, полученной при осадѣ Кишиня, 10-го октября 1790 г.

Какъ образецъ упадка не только дисциплины, но и духа въ войскахъ, авторъ влагаетъ въ уста словоохотливому-солдату слѣдующій, въ высшей степени любопытный, рассказъ:

— «Подъ Киліей назначено было овладѣть ретраншементомъ, у котораго ровъ не шире двухъ аршинъ былъ. Къ тому дѣлу посланъ былъ Херсонской гренадерскій полкъ и корпусы лифляндскихъ егарей, а командовалъ всѣми генераль-поручикъ ¹⁾ и самъ былъ посредникъ Херсонскаго полку. Лишь пришли колонны ко рову, то сѣли, да и не пошли; а въ ретраншементѣ ни одной души не было. Зачали стрѣлять, и хвостъ колонны по переднимъ началъ жарить. Командировъ не слушаютъ; генераль-поручику нечего дѣлать: присѣлъ, чтобы задніе не застрѣлили, а передніе въ эту пору начали пятиться и сшибли съ ногъ того генераль-поручика, потомъ побѣжали. Вся колонна чрезъ его высокопревосходительство перешла и всего его затоптала, хотя тутъ всѣ, окружающіе его, кричали, что генераль-поручика топчутъ! Потомъ, видя, что въ ретраншементѣ никого нѣтъ, оборотившись, сунулись прямо подъ стѣны (т. е. Херсонской полкъ), хотя приказано отъ старика Меллера, только занявъ ретраншементъ, остановиться и обречься. Надобно вамъ знать, что турки не были еще тогда выгнаны изъ форштата. А потому-то какъ сунулись херсонцы подъ стѣны — такъ съ крѣпости картечью, а изъ домовъ — изъ ружей какъ начали жарить, то они и оробѣли: впередъ некуда и нельзя: безъ лѣстницъ были и безъ фашинъ; а назадъ не смѣютъ. Генераль-поручикъ не зналъ, что дѣлать, для того, что его не слушали. Послалъ за старикомъ генераль-аншефомъ Меллеромъ, который лишь пришелъ съ Екатеринославскимъ гренадерскимъ и Орденскимъ гренадерскимъ коннымъ полкомъ, при бригадирѣ Шереметевѣ ²⁾, то и выручилъ ихъ и отвелъ... Да, бѣднаго старика тутъ ранили, послѣ чего онъ скоро и умеръ».

— «Послѣ смерти генерала аншефа Меллера присланъ былъ генераль-поручикъ И. В. Гудовичъ, который пріѣхалъ туда въ

¹⁾ Выписка въ рукописи: «А. Н. Сам...», то есть Александръ Николаевичъ Самойловъ, племянникъ и биографъ свѣтлѣйнаго. Само собою разумѣется, что онъ объ этомъ событіи умалчиваетъ въ своемъ жизнеописаніи князя Потемкина.

²⁾ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ командовалъ коннымъ полкомъ съ 24-го ноября 1772 г. по 28-е января 1793 г. Выключенъ изъ списковъ полка по словесному приказу 7-го января 1797 г.

то время, когда уже изъ форштата турки были выгнаны, и, по приѣздѣ своемъ, велѣлъ сдѣлать, по приказу, траншеи и брешъ-батарею, начатую однако же еще при генералѣ Меллерѣ, вторая въ два дни сдѣлала такой проломъ, что можно было взводу, въ 14 рядовъ, пройти свободно, и тогда-то турки сдались съ тѣмъ, чтобъ быть выпущенными съ военною честію, оставя намъ городъ и все принадлежащее государю. Эта комедія происходила двѣ недѣли, только что городъ взяли. (Солдаты и тутъ) показали свое неповиновеніе. Наряжено было 1,500 человекъ работниковъ дѣлать брешъ-батарею. Они пришли, начали рыть: какой-то дурень вдругъ закричалъ только: «турки!», то вся орава кинула работу и, оставя на батарее одного инженеръ-ген.-маіора Кнорринга, побѣжала назадъ. Да полно, къ счастью того инж.-ген.-маіора случились тутъ двѣ роты бывшаго Санктпетербургскаго гренадерскаго полка, переименованнаго въ (полкъ) св. Николая, для прикрытія, изъ которыхъ одна вступила на батарею, а другая бѣгущихъ работниковъ прикладами поворотила назадъ.

— «А вотъ какой (Гудовичъ) молодець. Будучи командиромъ подъ Киліей, онъ ни разу не былъ на брешъ-батареѣ, а все смотрѣлъ въ подзорную трубку отъ резерва, резервъ же стоялъ двѣсти сажень за ретраншементомъ позади. Да еще что говорить: бывало и въ туманъ прегустой все въ трубу смотреть.

— «Никого за взятіе этого города (Кили) не пожаловали. Мало отличались и егари, для того, что и они вѣдь тутъ же при взятіи ретраншементовъ оставались и не пошли. Да и послѣ, кромѣ третьяго баталіона, всѣ, сунувшись впередъ, ворвались въ армянскій монастырь, гдѣ всѣ христіане спастись хотѣли. Армянскій архимандритъ, съ крестомъ и евангеліемъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, какъ видно, думая, что они, убоясь Господа Бога, спасутъ ихъ всѣхъ; а они, безбожники, какъ того архимандрита, такъ и всѣхъ христіанъ перекололи и послѣ сосуды и ризы продавали въ лагерѣ у маркитантовъ..... въ лагерѣ никакихъ карауловъ нѣтъ,бору не бьютъ и смѣна не дѣлается. За водою кто какъ хочетъ и когда, офицера никогда не посылаютъ. За дровами тоже... однимъ словомъ, что хочешь, то и дѣлай. Полковникъ, два мѣсяца стоя въ лагерѣ, не бываетъ на лѣвомъ флангѣ ни разу. Въ Бендерахъ, при главной квартирѣ свѣтлѣйшаго, было 7 гренадерскихъ, 5 мушкатерскихъ, 1 кирасирскій,

2 конноегарскихъ, 5 легкоконныхъ полковъ, да и казаковъ тысячь до пяти. Свѣтлѣйшій никогда къ разводу не выходитъ и не смотритъ, да никто и изъ генераловъ не бываетъ, а коли этого мало, такъ и полковники тѣхъ полковъ, чья смѣна, иногда, въ дурную погоду, не бывають. И дежурный генераль не бываетъ. Да полно, онъ хотя бы и былъ, такъ толку мало; для того, какъ я посмотрѣлъ, такъ его никто ни во что не ставитъ и дякуюша-то его, свѣтлѣйшій, говорятъ, при всей арміи, то есть при большомъ собраніи, назвалъ его ж . . . и принудилъ его самого себя такъ назвать».

— «У всякаго генерала челоуѣкъ по двадцати въ домѣ солдатъ служатъ лакеями; да таки и у самаго свѣтлѣйшаго на дворѣ челоуѣкъ до 200-тъ солдатъ: то конюхами, то гусарами, то лакеями и, чортъ знаетъ, какихъ людей нѣтъ! А что всего хуже, что этихъ гусаровъ, лакеевъ и конюховъ, которые у него служатъ, свѣтлѣйшій производитъ въ офицеры тотчасъ. То-то, братъ, досадно нашему брату. Ты лобъ подставляй, да животь неси на смерть, а твой набитый братъ, за то только, что великъ выросъ и хорошо тарелку подаешь, черезъ годъ выскочить въ офицеры, да и дубасить тебя не на животь, а на смерть».

— «Такъ много нашей братии—офицерства?»

— «Да какихъ нашихъ братьевъ! Много есть и мастеровыхъ. Это еще хуже! Нашъ братъ хоть потому стоитъ того, что несетъ голову за отечество, а то шустерь какой-нибудь! Вотъ-таки я въ Бендерахъ слышалъ, что портнаго, за то только, что хорошо шилъ платье на кн. До . . . ¹⁾, свѣтлѣйшій въ поручики пожаловалъ; серебрянника взялъ къ себѣ въ полкъ въ корнеты; булочника, который съ нами былъ подъ Хотиномъ и пекъ хлѣбы на гр. И. П. Салтыкова, пожаловали въ подпоручики. Плѣнненнаго турку въ Хотинѣ, что у Архангелогородскаго полку полковника Арсеньева былъ конюхомъ, перекрестили, да прямо офицеромъ пожаловали».

— «О какой княгинѣ Дол. говоришь? Какая же нужда свѣтлѣйшему за питье ея платья жаловать?»

— «Какая нужда? Говорять, что свѣтлѣйшій влюбленъ былъ въ нее: балы, балеты, да разные праздники для нея дѣлалъ...»

¹⁾ Княгиня Екатерина Федоровна Долгорукова, рожденная Барятинская, супруга князи В. В. Долгорукова. Далѣе будетъ упомянуто, какъ Потемкинъ обходился съ этимъ снисходительнымъ супругомъ.

однимъ словомъ, крѣпко влюбленъ былъ. Да онъ не только что танцовщиковъ и танцовщицъ за собою вездѣ возить, еще человѣкъ до 200-тъ пѣвчихъ и музыкантовъ».

— «Куда, я чай, у него деньгамъ великъ расходъ?»

— «А что ему до того нужды: вѣдь все государства казна. да приближенные полковники завѣдуютъ. Лошадей у него до 200-тъ; кормятся онѣ овсомъ на счетъ его кирасирскаго и С.-Петербургскаго драгунскаго полка. Людямъ же жалованье и расходъ домашній изъ экстраординарной суммы идетъ. Я самъ видѣлъ, какъ четыре скрыпача итальянскихъ, которымъ даютъ по 1,500 руб. на годъ, приходили провіантскаго генерала благодарить за то, что велѣлъ выдать имъ жалованье».

— «Скажи намъ что нибудь о Измаильскомъ штурмѣ».

— «Извольте, я вамъ до-подноготно расскажу. Когда генер. Рибасъ вошелъ съ флотиліею въ Дунай и взялъ Тульчу, а Гудовичъ—Килію, то по рапорту перваго о томъ, что Измаиль легко можно взять, свѣтлѣйшій приказалъ Гудовичу перейти на островъ противъ Измаила, сдѣлать батареи и бомбардировать городъ. Между тѣмъ ген.-пор. (Павелъ Серг.) Потемкину велѣно было съ корпусомъ подойти съ земли къ городу. Потомъ прислано было, чтобы всѣмъ генераламъ сдѣлать совѣтъ о возможности взять городъ. Гудовичъ и Самойловъ, который съ нимъ былъ, сдѣлали военный совѣтъ и (П. С.) Потемкина не позволили на оный; а тотъ за это разсердился и отступилъ отъ города. Свѣтлѣйшій, узнавъ объ этомъ, Гудовича отозвалъ въ Бендеры и управилъ на Кубань и, въ тоже время, послалъ повелѣніе къ графу Суворову, чтобы онъ ѣхалъ подъ Измаиль, принялъ команду и, во что бы то ни стало, взялъ городъ. Этотъ молодецъ—забубенная головушка: на страхъ Божій пуцаться лихъ. Онъ тутъ прискакалъ верхомъ изъ Галаца, съ своимъ Фанагорійскимъ гренад. полкомъ и зачалъ проказы дѣлать, т. е. приказалъ навязать сноповъ соломы, да наставить передъ лагеремъ въ виду города и всякій день учить всѣ войска палить въ снопы. Потомъ сдѣлали батареи для потѣхи, (для того, что онѣ не могли вредить городу) и назначили день къ штурму. Съ земли назначено было идти 6-ю колоннами, а съ воды тремя. Пошли мы изъ лагеря въ 2 часа пополудни; пришли ко рву въ 3 часа—зги не видно еще было. Тутъ, надобно сказать правду матку,

что русскіе показали себя и въ темнотѣ: дрались упорно до разсвѣту; хоть порядку было мало, для того что генераль-аншефъ (Суворовъ) и ген.-поручикъ (Ш. Потемкинъ) не осматривали мѣста, на которыя надлежало бы идти колоннамъ, а вѣрно было самимъ колоножнымъ командирамъ наканунѣ осмотрѣть пункты, на которые вести. Кому досталось не на перекрестные, или кто умѣлъ на самый уголъ провести, такъ тому меньше и досталось. У насъ былъ ген.-маіоръ Ласси и у насъ мало побито. Лѣстницы у всѣхъ были коротки; плана города вѣрнаго совсѣмъ не было. такъ что, гдѣ на планѣ были ворота, тамъ ихъ въ самомъ дѣлѣ не было. а гдѣ на планѣ назначена была городская стѣна, тутъ были ворота; а потому то и дистанціи предписанныя нельзя было порядочно занять. Взощедъ на валъ, приказано было остановиться: да нашу братью тутъ кто удержитъ!—и отъ того-то вышла такая сѣча, что 4 часа прошло—никто еще не зналъ на чьей сторонѣ побѣда и чей верхъ! Наши притомились такъ, что уже хоть бы и полно. Послали за резервами, и еслибъ они нескоро подошли, такъ худо бы нашимъ было. Бѣднаго нашего баталіоннаго командира, батюшку Дим. Мих. Лачинова, тутъ убили. То-то командиръ былъ!—мы поплакали довольное число. Генераль Суворовъ и два генераль-поручика стояли, гдѣ, видно, имъ надлежало, то есть версты за двѣ».

— «Невѣрныхъ тысячь до тридцати передупшли. Вѣдь вы знаете нашу братью, что они бѣольшую (часть) колятъ тогда, когда уже турки «аманъ» кричатъ, то есть прощенія просятъ. Да 9,000 чел. взяли въ полонъ».

— «Нашихъ побито, говорятъ, до 3,000; да ранено тысячь пять, изъ которыхъ развѣ только четвертая часть (осталась) живыхъ, оттого что лекарей мало, да лекарствъ совсѣмъ не было. Иные раненые, говорятъ, двей по 8-ми между мертвыми безъ перевязки лежали».

«Слава Богу, что и 9,000 человекъ-то турокъ спаслось».

— «Какое спаслось! Послали ихъ въ Бендеры съ новодонскими казаками, которые обобрали у нихъ до рубашки. Время было холодное, то иные съ голоду иные съ холоду померли, а иныхъ перекололи».

«Какъ перекололи? Вѣдь ты сказывалъ, что они сдались, такъ за что-же ихъ колоть?.. Развѣ они бунтовали?»

— «Какой тебѣ бунтъ отъ бабья! Развѣ онѣ когда-нибудь бунтуютъ! А вотъ какимъ образомъ: баба, дѣвка, мальчикъ или больной турокъ озябнетъ, или съ голоду пристанетъ, то тутъ его или ее и приколятъ, такъ что отъ Измаила до Бендеръ, не знаяши дороги, можно было доѣхать по мертвымъ ихъ тѣламъ! Да чего вамъ лучше: отъ ставки генераль-поручика (П. С.) Потемкина до ставки же генераль-маіора Лассія не было больше 100 шаговъ, а тутъ до 100 человекъ уже положили провожатые».

Приведа рассказъ, въ которомъ обнаружены нѣкоторыя темныя стороны характера князя Таврическаго, дополнимъ ихъ еще нѣсколькими чертами заносчивости и нравственной разнузданности. Вотъ рассказъ Л. Н. Энгельгардта (Записки, стр. 107—108). Это было весною 1790 года:

«Когда шведскій флотъ былъ запертъ, генераль Кречетниковъ, управлявшій тогда малороссійскими губерніями, услышалъ отъ какого-то проѣзжаго изъ Петербурга, что будто шведскій флотъ сдался. Съ симъ пріятнымъ извѣстіемъ къ свѣтлѣйшему князю прислалъ Кречетниковъ курьера. Не только во всей арміи стрѣляли вѣкторію, но свѣтлѣйшій князь о сей мнимой побѣдѣ отправилъ курьера къ австрійскому императору. Черезъ нѣсколько дней Кречетниковъ прислалъ извиненіе, что по слухамъ донесъ о семъ ложно. Курьеръ съ симъ извѣстіемъ прибылъ во время обѣда; князю чрезвычайно было прискорбно, что долженъ былъ послать курьера къ императору о таковой скоропоспѣшной неосмотрительности. Князь сталъ бранить Кречетникова; князь В. В. Долгоруковъ, сидѣвшій подлѣ самаго князя, сталъ его защищать. Свѣтлѣйшій князь до того разсердился, что вышелъ изъ себя, схватилъ Долгорукова за георгіевскій крестъ, сталъ его дергать и сказалъ:

— «Какъ ты смѣешь защищать его! ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма Очаковского струсилъ!»

«Вставши изъ-за стола, подошелъ князь къ австрійскимъ генераламъ, на тотъ разъ тутъ бывшимъ, и сказалъ: *«Pardon, messieurs, je me suis oublié; je connais ma nation et je l'ai traité comme il mérite»* (извините, господа, я забылся; я знаю нашъ народъ и съ нимъ обошелся такъ, какъ онъ заслуживаетъ).

«Его свѣтлость большія тогда дѣлалъ угожденія княгинѣ К. Ѳ. Долгорукой (супругѣ кн. В. В. Д.). Между прочими увеселеніями сдѣлана была землянка противъ Бендеръ, за Днѣстромъ. Внутренность сей землянки поддерживаема была нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всѣмъ тѣмъ, что только роскошь можетъ выдумать. Изъ великолѣпной сей подземельной залы особый былъ будуаръ, въ который входили только тѣ, кого князь самъ приглашалъ. Вокругъ землянки княземъ поставлены были полки: Екатеринославскій и Конно-гренадерскій, имѣя ружья, заряженные холостыми патронами, и въ сумахъ по 40 патроновъ на cadaго человѣка; близъ онаго карея поставлена была батарея изъ ста пушекъ; обоихъ полковъ барабанщики собраны были въ землянкѣ. Однажды князь вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина и приказалъ ударить тревогу по знаку, по которому, какъ полками, такъ и изъ батарей, произведенъ былъ батальный огонь; тѣмъ и кончился праздникъ въ землянкѣ».

X.

Избравъ Яссы для мѣстопробыванія главной квартиры, Потемкинъ отправился въ Петербургъ, куда прибылъ 28-го февраля.

Придворные по прежнему раболѣпно кланялись могущественному князю; его появленіе при дворѣ произвело обычное дѣйствіе: императрица встрѣтила его ласково, царедворцы смиренно преклонились, кромѣ одного, заносчиво взглянувшего на князя Таврическаго. Этотъ вельможа былъ новый любимецъ, Платонъ Зубовъ, второй изъ четырехъ сыновей бывшаго оберъ-прокурора сената, красавецъ собою, но бѣдный дарованіями, еще недавно смиренный, теперь же почти вичливый предъ Потемкинымъ. Благоклонность императрицы къ Платону Зубову и братьямъ его, Валеріану и Николаю, была неограничена. Въ этомъ красивомъ юношѣ «Платошѣ» Потемкинъ угадалъ опаснаго совмѣстника. Прислѣшники Зубова и онъ самъ успѣли предубѣдить престарѣлую, довѣрчивую Екатерину II противъ Потемкина: князь, еще недавно ближайшій сотрудникъ императрицы во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, былъ теперь какъ бы низведенъ нѣсколькими ступенями трона ниже.

Въ «Запискахъ Храповицкаго» находимъ отрывчатая свѣдѣ-

ніа о пребываніи Потемкина въ Петербургѣ съ марта по іюль 1791 года, — свѣдѣнія, какъ бы сѣвось туманъ обрисовывающія положеніе князя при дворѣ въ тѣ дни, когда звѣзда его счастья близилась въ закату. «6-го марта князь давалъ ужинъ, на которомъ присутствовали государь цесаревичъ съ великою княгинею. 17-го — Захаръ (камердинеръ императрицы) изъ разговора съ княземъ узналъ, что упрямясь, ничьихъ совѣтовъ не слушаетъ. Онъ намѣренъ браниться. Она плачетъ съ досады; не хочетъ снисойти и переписываться съ королемъ прусскимъ. Князь сердитъ на Мамонова, зачѣмъ, обѣщавъ, его не дождался и оставилъ свое мѣсто глупымъ образомъ. 9-го апрѣля... сего же утра, князь съ графомъ Безбородвой составили записку для отклоненія отъ войны. Князь говорилъ Захару: какъ рскрутамъ драться съ англичанами? Развѣ не наскучила здѣсь шведская пальба? Князь былъ въ вечеру у государыни и оттуда пошелъ на исповѣдь. 10-го (апрѣля). Въ день омовенія ногъ князь, въ большой придворной церкви, приобщался съ втш (?)¹⁾ вмѣстѣ. 26-го (апрѣля) гр. Суворовъ-Рымниевскій посланъ осмотрѣть шведскую границу. Недовѣрчивость къ шведскому королю внушилъ князь, говорить, будто бы для того, чтобъ отдалить Суворова отъ праздника и представленія плѣнныхъ пашей. 28-го (апрѣля). Великолѣпный праздникъ у кн. Григорія Александровича».

Ослабить значеніе Зубова и его партіи оказалось выше силъ кн. Таврическаго. Очевидно изъ его дѣйствій въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія при дворѣ, что онъ какъ бы растерялся до того, что даже сталъ искать опору въ благосклонности цесаревича, отношенія котораго къ Потемкину вовсе не были пріязненны. Зубовымъ покровительствовалъ вельможа, ближайшій къ великому князю, воспитатель его сыновей, Н. И. Салтыковъ. Совѣщанія Потемкина съ императрицею, раздраженною, недомогающею, были безуспѣшны. Тѣмъ не менѣе она осыпала Потемкина милостями за минувшія заслуги...

¹⁾ Въ «Запискахъ Храповицкаго» встрѣчаются весьма часто сокращенія, нѣкоторыя изъ которыхъ въ изданіи 1874 года остались не разъясненными. Здѣсь, по нашему мнѣнію, сокращеніе: втш—должно быть Птш., вѣроятно, означаетъ Платоша, т. е. Зубова, такъ какъ авторъ Записокъ всюду называетъ его уменьшительнымъ именемъ, а въ одномъ мѣстѣ (стр. 378) даже «Дурачекъ Зубовъ».

XI

Для своего времени праздникъ данный Потемкинымъ 28-го апрѣля 1791 г., былъ вполнѣ чудомъ роскоши и изящества.

Таврической дворецъ, или, какъ его тогда называли, Конно-гвардейскій домъ, подаренный Потемкину вторично ¹⁾, по своему мѣстоположенію, не соотвѣтствовалъ условіямъ для устройства народнаго праздника и самъ еще не вполнѣ былъ отдѣланъ. Прямо передъ главнымъ подъѣздомъ тянулся заборъ, скрывавшій развалины какого-то строенія на берегу Невы ²⁾. По повелѣнію Потемкина, въ три дня заборъ былъ снесенъ, мѣсто расчищено и такимъ образомъ, устроена была обширная площадь, простиравшаяся до самой Невы. Здѣсь воздвигнуты были триумфальныя ворота и разставлены были стелажы для иллюминаціи. На этой площадкѣ разставлены были, въ день празднества, закуски для народа, медовой квасъ и сбитень. Тутъ же развѣшаны были для подарковъ простолюдинамъ: сапоги, коты, лапти, шляпы, бушаны и т. п. Эта часть праздника, т. е. народное гулянье передъ дворцомъ, совершенно не удалась: сигналъ къ началу народнаго праздника приказано было подать при прибытіи императрицы, но народъ преждевременно набинудся на выставленныя лакомства и подарки; этотъ беспорядокъ потребовалъ вмѣшательства полиціи и вмѣсто праздника произошло нещадное избіеніе бѣднаго народа, жаждавшаго веселья. «Солдаты — прикладами, казаки — плетьюми», рассказываетъ очевидецъ, «полицейскіе — трубами заливыми въ такой страхъ привели чернь, что она опрометью бросилась назадъ, давая другъ друга».

Внутреннимъ устройствомъ дворца и сочиненіемъ программы праздника распоряжался самъ князь Таврической. Суммы, затраченныя имъ, были несмѣтны. По городу ходили слухи, будто для шкаликовъ и иллюминаціи залъ дворца Потемкинымъ былъ скупленъ весь наличный воскъ, находившійся въ Петербургѣ, и за нимъ посланъ былъ нарочный въ Москву; куплено было воску всего на 70,000 рублей. Для прислуги готовились новыя ливрен;

¹⁾ Въ первый разъ онъ былъ ему пожалованъ въ 1788 году; Потемкинъ его продалъ въ казну за 460,000 руб., потомъ выпросилъ его обратно.

²⁾ Площадка эта, нынѣ называемая Ковшъ (пристань сѣнныхъ барожъ), занята зданіемъ башни общества столичныхъ водопроводовъ.

помимо множества закупленной посуды, болѣе двухсотъ люстръ взято было изъ лавоѣ на прокатъ; стеклянный заводъ былъ исключительно занятъ выдѣлкою шкаликoвъ, фонарей, вазъ, плодовъ и проч. Программа праздника была повтореніемъ (но въ увеличенномъ видѣ) маскарада, даннаго Потемкинымъ царской фамиліи въ 1785 г. (см. «Записки Л. Н. Энгельгардта», стр. 56—57). На этотъ разъ Потемкинымъ были приглашены три тысячи особъ первыхъ пяти классовъ; начало маскарада назначено въ 5 час. пополудни; дворъ прибылъ въ 6 часовъ. Отъ сѣней до самаго малаго покоя убранство дворца представляло чудную смѣсь азіятской роскоши съ европейскимъ изяществомъ. Особенно великолѣпны были двѣ огромныя залы, отдѣленныя одна отъ другой 18-ю колоннами. Первая, танцевальная, была украшена люстрами, зеркалами, вазами изъ карарскаго мрамора и печами изъ лазурнаго камня; въ другой устроенъ былъ зимній садъ, ослѣпительно иллюминированный, и, кромѣ фонтановъ, украшенный статуею императрицы изъ паросскаго мрамора (подпись: «матери отечества и мнѣ премилосердой»), жертвенниками «благодарности» и «усердія» и бюстами славнѣйшихъ мужей древности. На лужайкѣ зимняго сада высилась пирамида, оправленная въ золото, съ таковыми же вазами, цѣпочками, осыпанная драгоценными камнями и украшенная вензелемъ Екатерины II. Всѣ гости были въ маскарадныхъ платьяхъ; самъ Потемкинъ явился въ аломъ кафтанѣ и въ епанчѣ изъ черныхъ кружевъ; шляпа его, украшенная галуномъ изъ брилліантовъ, была до того тяжела, что ее носилъ за княземъ адъютантъ. Когда императрица заняла приготовленный ей тронъ, въ танцевальной залѣ начался балетъ (вадриль), исполненный въ двадцать четыре пары знатнѣйшими дамами и кавалерами, въ числѣ которыхъ были великіе князья Александръ и Константинъ. Всѣ участвовавшіе были въ бѣлыхъ одеждахъ, украшенныхъ брилліантами на десять милліоновъ рублей. Въ заключеніе вадриля танцевалъ соло знаменитый въ то время балетмейстеръ Ле-Пикъ¹⁾. Балъ открылся польскимъ: кромѣ музыки инструментальной и грохота пушекъ, замѣнявшихъ литавры, польскій сопровождался хоромъ:

¹⁾ Имя его увѣковѣчилось въ Павловскѣ названіемъ одной улицы: «Пиковъ переулокъ».

Громъ побѣды раздавайся!
Веселися, храбрый Россѣ! и т. д.

Во время бала государыня удалилась для отдохновенія въ гостиную, смежную съ бальной залой. Стѣны гостиной украшены были гобеленами съ вытканными на нихъ изображеніями изъ исторіи Мардохея и Амана. Въ описаніи праздника Державинъ весьма простоудушно примѣняетъ эти изображенія въ себѣ лично: однако же безъ всякихъ поясненій понятно, кого разумѣлъ Потемкинъ въ лицахъ Амана и Мардохея. Въ сосѣдней комнатѣ поставленъ былъ золоченый слонъ, обвѣшанный бахромами изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ ¹⁾. Сидящій на немъ автоматъ персіянина, ударивъ въ колоколь, подалъ сигналъ въ началу театральнаго представленія: на изящно устроенномъ театрѣ даны были два балета и двѣ комедіи: «Ложные любовники» (les faux amants) и «Смирнскій купецъ»; въ послѣдней продажными невольниками явились жители всѣхъ странъ, кромѣ Россіи. Изъ театра собраніе возвратилось въ зимній садъ и въ танцевальную залу, иллюминированная ослѣпительнѣе прежняго. Балъ возобновился и продолжался до ужина, который былъ сервированъ на мѣстѣ театра на 600 особъ. Послѣ ужина императрица съ августѣйшею фамиліею уѣхала; балъ продолжался до утра. При выходѣ Екатерины изъ залы, на хорахъ, подъ аккомпаниментъ органа, пропѣта была итальянская кантата. Приводимъ ее, какъ лебединую пѣснь «великолѣпнаго князя Тавриды»:

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ твоихъ!
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышитъ все твоей душой;
Лишь твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.
Что въ богатствѣ и чести? —
Что въ великости моеи?
Если мысль — тебя не зрѣть
Духъ ввергаетъ въ ужась!
Стой и не лети, ты, время,

¹⁾ Этотъ слонъ, вмѣстѣ съ великолѣпными часами, извѣстными подъ названіемъ павлинъ, былъ поднесенъ Потемкинымъ въ подарокъ Екатерины II. Часы донынѣ сохрываются въ Эрмитажѣ, слонъ же въ 1829 году былъ подаренъ императоромъ Николаемъ I персидскому шаху.

И благъ нашихъ не лишай!
 Жизнь наша есть путь печалей
 Пусть по ней цвѣтутъ цвѣты!

Потемкинъ, преклонивъ колѣна, въ глубокомъ умиленіи плакалъ, припавъ устами къ рукѣ императрицы. Эти слезы заключили великолѣпный праздникъ, воспоминаніе о которомъ навсегда сохранилось въ лѣтописяхъ и въ преданіяхъ столицы...

Послѣ этого праздника императрица (2-го іюля) еще разъ посѣтила князя Таврическаго въ его дворцѣ, гдѣ изволила обѣдать; подъ 24-мъ числомъ іюля въ «Запискахъ Храповицкаго» находимъ: «Отправился изъ Царскаго Села князь Потемкинъ, въ 5 часовъ утра, по бѣлорусской дорогѣ».

Два мѣсяца, промедленные имъ въ Петербургѣ послѣ праздника, были какъ бы въ тягость двору. Озабоченный, постоянно грустный, князь не скрывалъ отъ приближенныхъ ни снѣдавшей его скорби, ни ея причины, ни даже суевѣрныхъ предчувствій близкой смерти. Онъ медлилъ отъѣздомъ, ссылаясь на больной зубъ, который желалъ выдернуть, намекая на Зубова... Но этотъ зубъ пустилъ слишкомъ крѣпкіе корни и Потемкину не удалось даже его пошатнуть.

О цѣли продолжительнаго пребыванія Потемкина въ Петербургѣ сохранилось нѣсколько преданій, очевидно измышленныя завистью и клеветой. Такъ, напримѣръ, говорили, будто онъ домогался у императрицы разрѣшенія основать изъ областей, отнятыхъ у Турціи, особое царство и владѣть имъ въ немъ подъ покровительствомъ русской державы. По другимъ сказаніямъ, Потемкинъ, еще далѣе простирая властолюбивые замыслы, предлагалъ Екатеринѣ сочетаться съ нимъ бракомъ. Къ этому прибавляли, что дерзкое желаніе Потемкина было причиною его гибели....

Военныя дѣйствія возобновились съ марта мѣсяца 1791 г. и ознаменовались блестящими успѣхами нашего оружія. Въ концѣ мѣсяца князь С. О. Голицынъ овладѣлъ Мачиномъ и двумя укрѣпленіями на островѣ Концефанѣ и близъ Браилова; въ началѣ іюня М. И. Голенищевъ-Кутузовъ разбилъ турокъ при Бабадагѣ, а 22-го числа того же мѣсяца Гудовичъ овладѣлъ Анапою, при чемъ взялъ въ плѣнъ лжепророка Шихъ-Мансура; 25-го числа овладѣлъ крѣпостью Суджувъ-Кале; 28-го іюня князь Н. В. Реп-

нинъ одержалъ блистательную побѣду надъ верховнымъ визиремъ при Мачинѣ. 31-го іюля контръ-адмиралъ Ушаковъ у мыса Калавѣи разбилъ соединенный турецко-алжирскій флотъ и въ этотъ же день въ Галацѣ подписаны были княземъ Репнинымъ и верховнымъ визиремъ предварительныя условія мира, при чемъ княземъ Репнинымъ соблюдены были интересы Россіи и строгое охраненіе ея достоинства. При тогдашнихъ обстоятельствахъ миръ едва-ли не одинаково былъ необходимъ, какъ Россіи, такъ и Турціи. Еще существуетъ преданіе, будто Потемкинъ негодовалъ на Репнина за содѣйствіе къ прекращенію разорительной войны, тѣшившей честолюбіе князя Таврическаго; однако же изъ документовъ, относящихся къ заключенію мира, видимъ, что Потемкинъ отдалъ Репнину должную справедливость, объявляя ему благопризнательность государыни.

Князь Таврическій прибылъ въ Галацъ въ началѣ августа, совершивъ весь путь отъ Петербурга до этого, ему ненавистнаго, города, изнуренный душевно и тѣлесно. Съ дороги онъ писалъ нѣсколько писемъ императрицѣ: въ нихъ, жалуясь на нездоровье, онъ высказывалъ предчувствіе о близкой кончинѣ.

„Я Бога прошу, — отвѣчала Екатерина на одно изъ писемъ, — чтобы отъ тебя отворотилъ сію скорбь, а меня избавилъ отъ такого удара, о которомъ и думать не могу безъ крайняго огорченія!“

Но предчувствія Потемкина не только не разсѣивались, а усиливались, будучи питаемы суевѣрными примѣтами, на которыя князь Таврическій обращалъ особенное вниманіе. Малодушный страхъ смерти обуялъ человѣка, нѣсколько разъ выдавашаго смерть лицомъ къ лицу. 12-го августа происходило въ Галацѣ погребеніе принца Карла Виртембергскаго, брата великой княгини Маріи Феодоровны. Потемкинъ, присутствовавшій въ церкви, мрачный, разстроенный, вышелъ на паперть. Возничій траурной колесницы, вообразивъ, что выносятъ гробъ, подъѣхалъ къ Потемкину. Нѣкоторые біографы говорятъ, будто князь въ разсѣянности сѣлъ на погребальныя дроги, но это очень сомнительно; достаточно уже и того, что это недоразумѣніе разстроило его и онъ совершенно упалъ духомъ, мучимый мнительностью и тоскою. Къ душевнымъ его страданіямъ присоединились лихорадочныя припадки и князь обратился къ помощи докторовъ Гимаѣна, Массота и штабъ-лекаря Санковскаго. 20-го августа Потем-

инъ писалъ вн. Репнину о скоромъ своемъ переѣздѣ изъ Галаца въ Яссы. «Продолжающіяся мои страданія, — говорилось письмѣ, — довели меня до совершенной слабости». Слѣдомъ за этимъ письмомъ отправлено было второе:

„Одно средство къ сохраненію людей нахожу я—въ удаленіи ихъ изъ Галаца. Мѣсто сіе, наполненное трупами человѣческими и животныхъ, болѣе походитъ на гробъ, нежели (на) обиталище живыхъ. Постарайтесь вывести оттуда всю нашу команду къ другому, удобнѣйшему мѣсту и меня объ этомъ увѣдомьте. Болѣзнь меня замучила и я теперь въ крайнѣйшей слабости“.

Прибывъ въ мѣстечко Гужи на пути изъ Галаца къ Яссамъ, Потемкинъ назначилъ на тамошній конгрессъ полномочными: А. Н. Самойлова, де-Рибаса и статскаго совѣтника Лашкарева. Воображеніе Потемкина, распаленное огнемъ горячки, представляло ему возможнымъ дѣломъ присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи. Полномочнымъ внушено было не упускать изъ виду этой капитальной статьи мирнаго договора съ Турціей. Въ Яссахъ болѣзнь Потемкина усилилась, а присоединившаяся къ ней тоска побуждала князя раза два выѣзжать изъ города въ сосѣднія деревни и опять возвращаться въ Яссы. При всей своей мнительности, Потемкинъ не охотно повиновался предписаніямъ докторовъ и лишь только ослабѣвали приступы лихорадки, онъ не соблюдалъ никакой діеты, либо во время припадковъ пользовался средствами собственной выдумки: обливалъ себѣ голову о-де-болонемъ, при испаринѣ употреблялъ холодныя примочки и т. д. Сомнѣваясь въ выздоровленіи, или во врачебной помощи, князь Таврическій дважды приобщался св. таинъ. Вѣсти о ходѣ его болѣзни возбуждали въ императрицѣ большія опасенія: читая бюллетени докторовъ, она плакала. А. В. Браницкая (рожденная Энгельгардъ) поѣхала изъ Кіева въ Яссы, чтобы ходить за больнымъ.

27-го сентября князь Таврическій изъявилъ желаніе ѣхать изъ Яссъ въ свой любезный Николаевъ; столицу Молдавіи онъ называлъ своимъ гробомъ. Уступая однако же просьбамъ окружавшихъ и настоянціямъ докторовъ, больной продлил свой отъѣздъ до субботы, 4-го октября 1791 г. Когда былъ готовъ экипажъ (шести-мѣстная карета) Потемкинъ подписалъ дрожащею рукою слѣдующее письмо, диктованное имъ В. С. Попову, послѣднее письмо

къ императрицѣ, полученное ею уже послѣ кончины князя Таврическаго:

Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мнѣ мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ и я велѣлъ себя везти къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною. Вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный. Одно спасеніе уѣхать.

Наканунѣ, 3-го октября, императрица писала больному:

Октября 3-го ч. 1791 г.

„Другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ, письма твои отъ 25-го и 27-го я сегодня, чрезъ нѣсколько часовъ, получила и признаюсь, что онѣ крайне меня беспокоятъ, хотя вижу, что послѣднія три строки твои не много лучше написаны и доктора твои увѣряютъ, что тебѣ лучше. Бога молю, да возвратитъ тебѣ скорѣе здоровье“.

Быль седьмой часъ утра (5-го октября); густой туманъ застилалъ окрестности. Потемкина въ креслахъ вынесли въ карету, за которою въ другихъ экипажахъ слѣдовали: Боуръ, адъютантъ свѣтлѣйшаго, кн. С. Ѡ. Голицына, бригадиръ Фалѣевъ, А. В. Браницкая и доктора. На первую станцію, Пунчешты, путники прибыли благополучно и здѣсь князь уснулъ часа три, а по пробужденіи, весело бесѣдовалъ до полуночи. Ночь однако-жъ провелъ безъ сна, жалуюсь на ломъ въ костяхъ и тоскливо спрашивая, скоро-ли разсвѣтетъ? На зарѣ приказалъ закладывать, но исполненіемъ замедлили, ссымаясь на то, будто лошади уведены на водопой. Замѣтивъ обманъ, больной велѣлъ вынести себя на свѣжій воздухъ, и увидя, что карета заложена, приказалъ ѣхать далѣе... Отъѣхавъ съ полверсты, велѣлъ остановиться, говоря, что ему очень худо; потомъ, почувствовавъ себя полегче, спросилъ есть-ли вблизи деревня? Приказалъ ѣхать туда, но, отъѣхавъ 37 верстъ отъ станціи, опять велѣлъ остановиться.

— Будетъ теперь.... произнесъ онъ, — некуда ѣхать.... я умираю! Выньте меня изъ коляски, я хочу умереть въ полѣ....

Его вынесли на постели и положили на траву. Помочивъ голову спиртомъ и полежавъ болѣе трехъ четвертей часа, онъ сталъ отходить.... зѣвнулъ раза три и скончался ровно въ полдень, въ воскресенье, 5-го октября 1791 года. Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ въ его свитѣ, положилъ покойному на глаза два

мѣдныя гроша, чтобы вѣщи сомкнулись. Въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ нищихъ перебивали «двѣ лепты», замкнувшія очи тому, кто всю свою жизнь безъ счету сыпалъ золотымъ дождемъ. Къ ночи трупъ Потемкина, сопровождаемый фавелоносцами, былъ привезенъ обратно въ Яссы.

Разсказъ о послѣднихъ минутахъ князя Таврическаго заимствуемъ изъ донесенія императрицѣ В. С. Попова. Графъ А. Н. Самойловъ въ біографіи своего дяди влагаетъ ему въ уста послѣднія слова: «прости, милосердая мать-государыня!» но это—риторическая прикраса, измышленная почтеннымъ біографомъ. В. С. Поповъ, писавшій свое донесеніе со словъ очевидца, бригадира Фалѣева, умалчиваетъ о предсмертной фразѣ князя Таврическаго и этому свидѣтельству нельзя не вѣрить.

Сохранилась донинѣ клевета о смерти Потемкина, особенно излюбленная иностранными писателями: изъ нихъ многіе утверждаютъ, будто онъ еще въ Петербургѣ былъ отравленъ Зубовымъ; но это нелѣпая выдумка, и въ данномъ случаѣ Зубовъ былъ убійцею только въ переносномъ, а не въ прямомъ смыслѣ слова. Одинъ изъ иностранныхъ біографовъ, Гельбигъ говоритъ: «Князь Потемкинъ-Таврическій умеръ въ октябрѣ 1791 г. не отъ яда, какъ нѣкоторые увѣряли, а отъ изнурительной болѣзни — слѣдствія беспорядочной жизни¹⁾». Авторъ пасквиля на Потемкина — нѣмецкій актеръ Альбрехтъ²⁾ приводитъ молву о дуэли Потемкина (чуть-ли не съ Румянцевымъ), слѣдствіемъ которой была рана шпагою, на которую попалъ нечаянно соевъ ядовитой травы, причинившій смерть князю Таврическому... Но подобныя нелѣпости не заслуживаютъ и опроверженія.

Вѣсть о кончинѣ князя Таврическаго привезена была въ Петербургъ курьеромъ, въ пять часовъ пополудни, 12-го октября. «Слезы и отчаяніе,— говоритъ въ своихъ Запискахъ Храповицкій.— Въ 8 часовъ пустили кровь, въ 10 легли въ постель. 13-го (октября) проснулись въ огорченіи и слезахъ. Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться».

¹⁾ Russische Günstlinge. S. 388.

²⁾ Pansalwin, Fürst der Firsterniss und seine Geliebte. Germanien. 1794, 404 S. in 8°.

На другой день (14-е октября опущено въ Запискахъ) императрица обнародовала слѣдующій манифестъ:

«Намъ любезновѣрнымъ сухопутныхъ и морскихъ нашихъ силъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ и всему вѣрноподданному нашему воинству:

«Мы получили извѣстіе о кончинѣ нашего генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, въ 5-й день октября послѣдовавшей. Раздѣляя печаль съ вами о кончинѣ вождя побѣдоноснаго и попечительнаго о васъ, сугубо оную ощущаемъ, лишившись въ особѣ его вѣрнаго намъ слуги, отличнымъ къ намъ усердіемъ, рвеніемъ ко славѣ нашей и величію государства многими побѣдами противу непріятели и устройствомъ въ войскѣ и въ разныхъ ввѣренныхъ ему частяхъ, правленіяхъ знаменитомъ. Воздавъ памяти его должную справедливость, удостовѣрены мы, что каждый изъ васъ, при непорочной вѣрѣ къ Богу, вѣрности къ намъ и отечеству и при храбрости, російскому народу издревлѣ свойственныхъ, проходя служеніе свое съ усердіемъ и радѣніемъ, исполняя узаконенія наши съ точностію, наблюдая воинскій порядокъ и подчиненность, являющее основаніе службы и залогъ побѣдъ, сохраните навсегда честь оружія нашего и во всякомъ случаѣ пойдете тѣмъ же путемъ побѣдоноснымъ, которымъ и предки ваши и вы сами шествовали. Пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, октября 14-го дня 1791 г. Екатерина»¹⁾.

По прибытіи тѣла Потемкина въ Яссы, оно было анатомировано и бальзамировано; на мѣстѣ кончины свѣтлѣйшаго «при спускѣ горы, находящейся между селеній Резины и Волчинцовъ въ яесскомъ округѣ», оставленъ былъ казачій пикетъ съ воткнутыми копьями, въ томъ предположеніи, что тутъ будетъ воздвигнуть памятникъ, что и было исполнено, впоследствии.

Современный корреспондентъ говорить далѣе:

«Теперь приступимъ къ описанію слѣдствій, происходившихъ по кончинѣ его (князя). Василій Степановичъ (Поповъ), пріѣхавши отъ него прямо въ канцелярію, взявши запечаталъ

¹⁾ Этотъ манифестъ не включенъ въ полное собраніе законовъ. Документъ этотъ былъ напечатанъ въ Читеніяхъ общества исторіи и древностей російскихъ, изд. 1872 г.

все и отправа бурьера, объявилъ, что князя болѣе нѣтъ въ живыхъ; то сей слухъ разнесся по всему городу менѣе четверти часа: на улицахъ только было и видно разнаго народа, толпами идущаго на княжой дворъ, таеъ что даже у всѣхъ молдаванъ и у жидовъ были полные глаза слезъ, а о служащихъ нечего и говорить. Когда я вошелъ въ залу княжюю и найдя много знакомыхъ, стали говорить о его смерти, то подошелъ къ намъ, не знаю, какой-то генераль, сказавъ намъ: «Таеъ, братцы, мы лишились не фельдмаршала, но отца!» И, словомъ тебъ сказать, что все таеъ перемянилось, что не видно было, кто генераль и кто офицеръ».

Замѣтимъ еще, что официальнаго извѣстія о кончинѣ Потемкина въ вѣдомостяхъ не было; тутъ, можетъ быть, дѣло не обошлось безъ происковъ Зубова. За то поэты того времени — отъ мала и до велика, отъ Державина до Цвѣткова — воспѣли кончину князя Таврическаго. Были изданы гравюры, изображавшія печальное событіе; изъ нихъ особенно была распространена довольно изящно выполненная съ элегіей Петрова:

О, видъ плачевный, смерть жестока,
Кого отъемлешь ты отъ насъ?
Какъ искра во мгновенье ока,
Герой, твой славный вѣкъ погасъ!

На мѣстѣ кончины воздвигнуть былъ каменный, круглый столбъ съ овальнымъ щитомъ на верху и на немъ надписью, представляющую какъ бы перифразъ строфы «Водопада»:

Покровъ имѣя твердь
И землю одръ,
Средь поля оставилъ міра
Таеъ мятежную онъ юдолю!

Памятникъ этотъ еще существовалъ въ 1811 году; нынѣ остались-ли отъ него какіе-нибудь слѣды — намъ неизвѣстно.

Первый погребальный обрядъ въ Яссахъ происходилъ 13-го октября 1791 года. Не повторяемъ изданнаго въ то время описанія всей пышной обстановки погребальной церемоніи. Надпись у великолѣпнаго катафалка гласила слѣдующее:

«Въ бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій и проч., и проч., усерднѣйшій сынъ

отечества, присоединитель къ Россійской имперіи: Крыма, Тамана, Кубани; основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ; побѣдитель силъ турецкихъ на сушѣ и морѣ; завоеватель: Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Авермана, Килии, Измаила, Анапы, Суджукъ-Кале, Сунни, Тульчи, Исаки, острова Березаньскаго, Гаджибея и Паланки; прославившій оружіе Россійской имперіи въ Европѣ и Азіи; приведшій въ трепетъ столицу и потрясшій сердце Оттоманской имперіи побѣдами на моряхъ и положившій основаніе къ преславному миру съ оною; основатель и соорудитель многихъ городовъ; покровитель наукъ, художествъ и торговли; мужъ, украшенный всѣми общественными добродѣтелями и благочестіемъ, скончалъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 37-ми верстахъ отъ столичнаго города Яссы, 1791 года, октября въ 5-й день, на 52-мъ году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести нетокмо благодѣтельницамъ, но и едва вѣдающихъ его».

Еще 12-го октября одинъ изъ генераловъ, два генералъ-адъютанта, на лошадяхъ, въ сопровожденіи одного эскадрона полка князя Потемкина, въ траурномъ видѣ, съ литаврами, покрытыми чернымъ сукномъ, возвѣстили городу о времени выноса тѣла, назначеннаго 13-го числа, въ 8 часовъ утра. Въ этотъ день гренадерскіе полки: Екатеринославскій и Малороссійскій, и Днѣпровскій мушкатерскій стали шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы, гдѣ должно было происходить погребальное шествіе, и когда собралось духовенство, то время выноса возвѣщено было 71-мъ пушечнымъ выстрѣломъ и колокольнымъ звономъ, при чемъ пальба продолжалась черезъ каждую минуту до самаго внесенія тѣла въ монастырь Голлія.

Тѣло выносили изъ особаго усердія генералы; балдахинъ же несли гвардіи офицеры, а висти поддерживали полковники; кортежъ шествія состоялъ изъ множества войска, духовенства, генералитета и длинной вереницы разныхъ чиновныхъ лицъ, несшихъ на подушкахъ ордена и всѣ регаліи, являвшихъ званія князя Потемкина.

Погребальный обрядъ совершалъ архіепископъ Амвросій (Серебрянниковъ) екатеринославскій и херсонесо-таврическій, а съ 1789 г. мѣстоблюститель экзархіи молдавлахійской. Его съ покойнымъ княземъ связывали узы тѣснѣйшей дружбы. По окон-

чаніи обряда, Амвросій хотѣлъ произнести надгробное слово, но зарыдавъ удалился въ алтарь.

По совершеніи литургіи, когда зашѣли «вѣчную память», сдѣланъ былъ 71 пушечный выстрѣлъ, а войскомъ — троекратный огонь изъ ружей.

Отпѣтое тѣло Потемкина покоилось въ Яссахъ до половины ноября 1791 года; 23-го ноября оно было перевезено въ Херсонь.

О дальнѣйшей участи останковъ Потемкина будетъ упомянуто въ концѣ этого очерка, для полноты котораго упомянемъ о наружности и нравственныхъ качествахъ князя Таврическаго.

XII.

Несмотря на недостатокъ (кривой глазъ), Потемкинъ принадлежалъ къ числу красивѣйшихъ мужчинъ своего времени: высокій ростомъ, величавый осанкою и необыкновенно стройный, онъ, по какому-то странному капризу, не позволялъ снимать съ себя портретовъ до 1789 года. Портретъ Потемкина, находящійся въ фельдмаршальской залѣ Зимняго дворца, былъ написанъ по желанію Екатерины II. Онъ нѣсколько польщенъ, но даетъ вѣрное понятіе о наружности князя Таврическаго. Много вредили его красотѣ: угрюмость, часто омрачавшая его лицо, и, еще того болѣе, нѣкоторыя дурныя привычки, отъ которыхъ онъ никогда не хотѣлъ, можетъ быть, и не могъ, отстать. Изъ нихъ особенно неприятно было постоянное грызеніе ногтей и частое почесываніе головы. Обдумывая какое-либо дѣло, Потемкинъ имѣлъ привычку чистить щеточкою свои брилліантовые перстни, тереть драгоценный камень о камень, или раскладывать изъ нихъ узоры и арабески. Вкусъ его, какъ мы уже выше упоминали, былъ какъ-то болѣзненно извращенъ: онъ ѣлъ съ жадностью, чуждою всякаго гастрономическаго изящества, шилъ умѣренно; за то во всѣхъ прочихъ страстяхъ не зналъ и не хотѣлъ знать ни мѣръ, ни предѣловъ. Въ женолюбіи превосходилъ Людовика XIV, или Августа II. Разказы о его причудливыхъ выходкахъ могли бы составить весьма объемистый томъ, но они ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить данными къ точному опредѣленію страннаго характера князя Таврическаго. Въ этихъ выходкахъ онъ являлъ, попеременно, то доброту, великодушіе, истинное благородство;

то обнаруживалъ въ нихъ дивую, необузданную натуру, ограниченный умъ, даже пошлость. Въ нравственномъ отношеніи Потемкинъ явилъ собою живое доказательство той великой истины, что постоянное счастье, удачи всегда и во всемъ, ведутъ человека къ пресыщенію и разочарованію. Въ этомъ однажды сознался и самъ князь Таврическій, въ послѣдній годъ жизни. На веселомъ пиршествѣ въ его пышномъ дворцѣ, онъ, сидя за столомъ, сказалъ окружающимъ:

— Можеть-ли человекъ быть счастливѣе меня? Все, чего я ни желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись какъ-будто какимъ очарованіемъ. Хотѣлъ чиновъ—имѣю, орденовъ—имѣю, любилъ играть—проигрывалъ суммы несмѣтныя, любилъ давать праздники—давалъ великолѣпныя, любилъ покупать имѣнія—имѣю, любилъ строить дома—построилъ дворцы, любилъ дорогія вещи—имѣю столько, что ни одинъ частный человекъ не имѣеть такъ много и такихъ рѣдкихъ... словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполняются!

И тутъ Потемкинъ, ударивъ кулакомъ по фарфоровой тарелкѣ, разбилъ ее въ дребезги, выпелъ изъ-за стола и удалился въ свою опочивальню. Въ этихъ словахъ случайно вылилась искренняя исповѣдь души, больной неизлечимо, самый недугъ которой былъ пресыщеніе счастьемъ.

Самыми вѣрными данными для характеристики Потемкина и для оцѣнки его значенія могутъ служить отзывы великихъ его современниковъ.

Императрица Екатерина II цѣнила, по достоинству, умъ и дарованія князя Таврическаго и всегда отзывалась о немъ съ глубокимъ сочувствіемъ. Приводимъ нѣкоторые изъ ея отзывовъ изъ «Записокъ Храповицкаго».

«Во время турецкой кампаніи 1769—1774 годовъ:—много умомъ и совѣтомъ помогъ кн. Г. А. Потемкинъ. Онъ до безконечности вѣренъ, и тогда-то досталось Чернышеву, Вяземскому и Панину. Умъ кн. Потемкина превосходный; да еще былъ очень уменъ князь Орловъ, который, подущаемъ братьями, шелъ противъ князя Потемкина, но когда призванъ былъ для уличенія кн. Потемкина въ худомъ правленіи частію воинскою, то убѣжденъ былъ его резонами и отдалъ ему всю справедливость. Федоръ Орловъ не такъ уменъ; а Алексѣй Орловъ совсѣмъ другаго

сорта. Кн. Потемкинъ глядитъ волкомъ и за то не очень любимъ, но имѣетъ хорошую душу. Хотя дастъ щелчка, однако-жъ самъ первый станетъ просить за своего недруга».

— «Конечно, князь можетъ надѣяться (на защиту императрицы), оставленъ не будетъ; онъ не знаетъ другаго государя; я сдѣлала его изъ сержантовъ фельдмаршаломъ; не такіе его злодѣи нынѣ (1788 г.), каковы были кн. Орловъ и графъ Никита Ивановичъ Панинъ; тѣхъ качества я уважала. Князь Орловъ всегда говорилъ, что Потемкинъ уменъ, какъ чортъ»...

Корсаковъ, одинъ изъ любимцевъ, позволилъ себѣ однажды особенно небрежно отозваться о кн. Потемкинѣ. Императрица не только словесно указала Корсакову до какой степени неприятна ей его несправедливая выходка, но собственноручно написала слѣдующую замѣтку въ руководство ему на будущее время.

«Примѣчаніе о словѣ общій врагъ: Бude бы въ обществѣ или въ людяхъ справедливость и благодарность за добродѣяніе превосходили властолюбіе и инныя страсти, то бы давно доказано было, что никто (болѣе кн. Потемкина) вообще друзьямъ и недругамъ, и безчисленному множеству людей не дѣлалъ болѣе неисчисленнаго же добра, начавъ сей счетъ съ первѣйшихъ людей, и даже до малыхъ; вреда же или несчастья не нанесъ ни единой твари, ниже явнымъ своимъ врагамъ,—напротиву того во всѣхъ случаяхъ первымъ ихъ предстателемъ часто весьма оказался. Но какъ людскимъ страстямъ (онъ) укоръ нерѣдко бываетъ, того для—общимъ врагомъ нареченъ».

«Доказательства выпечисанному не трудно сыскать. Трудно будетъ именовать, кому дѣлалъ несчастье. Кому же дѣлалъ добро, въ случаѣ потребномъ, подамъ реестръ предлинный тѣхъ однихъ, кого упомяну».

«Отвѣтъ мой Корсакову, который называлъ кн. По: ¹⁾ общимъ врагомъ».

Получивъ вѣсть о кончинѣ Потемкина, императрица говорила: «Какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить! Все будетъ не то. Кто могъ подумать, что его переживутъ Чернышевъ и другіе старики? Да и всѣ теперь, какъ улитка, станутъ высовывать головы». Храповицкій возразилъ, что все это ниже ея величества. «Такъ

¹⁾ Князя Потемкина-Таврическаго.

(отвѣчала Екатерина), да я стара. Онъ-быль настоящій дворянинъ, умный человекъ; его не можно было купить*.

Увѣдомляя принца Нассау-Зигена о кончинѣ Потемкина, императрица писала: «C'etoit mon ami chéri, mon élève, homme de génie; il faisait le bien à ses ennemis et c'est par là qu'il les desarmoit» (онъ былъ мой дражайшій другъ, ученикъ мой, человекъ гениальный; благотворилъ своимъ врагамъ и этимъ ихъ обезоруживалъ¹⁾).

Искренній другъ и любимѣйшій собесѣдникъ князя Таврическаго, митрополитъ Платонъ писалъ казанскому архіепископу Амвросію: «Опочи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ; древо великое пало; былъ человекъ необыкновенный. Теперь много, рушившуся сему центру, куда все почти относилось, должно послѣдовать вѣй чего. Я объ немъ пожалѣлъ отъ глубины сердца не только въ разсужденіи бывшей съ нимъ дружбы и многихъ одолженій, но и въ разсужденіи союза общественнаго».

Личный врагъ Потемкина, его соперникъ и завистникъ, Румянцевъ, при вѣсти о его смерти, заплакалъ.

— Чему удивляетесь вы, — сказали онъ при этомъ своимъ приближеннымъ. — Потемкинъ былъ моимъ соперникомъ, но Россія лишилась въ немъ великаго мужа, а отечество потеряло усерднѣйшаго сына.

Суворовъ-Рымникскій былъ скупъ на похвалы и въ Потемкину находилъ не въ пріязненныхъ отношеніяхъ; тѣмъ болѣе дорогъ его отзывъ о князѣ Таврическомъ: «великій человекъ и человекъ великій: великъ умомъ, великъ и ростомъ. Не походилъ на того высокаго французскаго посла въ Лондонѣ, о которомъ канцлеръ Бавонъ сказалъ, что чердакъ обыкновенно худо мебелируютъ».

¹⁾ Помѣщаемъ собственноручное письмо Екатерины II къ Павлу Сергѣевичу Потемкину, написанное по поводу кончины князя Таврическаго:

Екатерина II къ Павлу Сергѣевичу Потемкину.

(Собственноручно): «Павелъ Сергѣвичъ. Братъ вашъ Михаила Сергѣевичъ, бывъ очевидной свидѣтель печали моей при получении извѣстія о рановременной кончинѣ Князя, я на него ссылаюсь; какъ прежде, такъ и нынѣ, съ отменнымъ благоволеніемъ смотрю на рѣвностные подвиги ваши, пребывая къ вамъ доброжелательна. Екатерина».

«Ноя: 19 ч. 1791 года».

Перейдемъ въ отзывамъ иностранцевъ объ умѣ, сердцѣ и способностяхъ Потемкина.

Графъ Валентинъ Эстергази ¹⁾ писалъ въ женѣ своей: «Со смерти Потемкина все облечено здѣсь скорбію. Императрица ни разу не выходила; эрмитажа не было, она даже не играла въ карты во внутреннихъ покояхъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ были слишвомъ огорчены. Многіе, какъ слышно, весьма довольны разрушеніемъ этого колосса. Что касается до меня, то мнѣ очень жаль, что я не зналъ его. Мнѣ кажется, никто не станетъ отрицать въ немъ обширныхъ, гениальныхъ способностей, приверженности къ монархіи, радѣнія о государственной славѣ. Но ему ставятъ въ упрекъ его лѣнность, нарушение заведенныхъ порядковъ, страсть къ богатству и роскоши, чрезмѣрное уваженіе собственной личности и разныя причуды, до такой степени странныя, что иной разъ рождалось сомнѣніе, въ здоровомъ-ли онъ умѣ? Отъ всего этого онъ скучалъ жизнью и былъ несчастливъ; и ты легко поймешь это, моя милая: онъ не любилъ ничего!»

Принцъ де-Линь ²⁾, сподвижникъ Потемкина, знавшій его коротко, говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ:

«Потемкинъ съ виду лѣнтяй, а трудится безъ усталы; постоянно лежитъ — и не знаетъ сна ни днемъ, ни ночью; передъ опасностью тревожится, а при наступленіи ея веселится; скучаетъ въ своихъ чертогахъ; несчастливъ отъ избытка счастья; то искусный министръ, превосходный политикъ, то десятилѣтній ребенокъ; любить Бога — называя себя его «баловнемъ» и весьма боится чорта; то свирѣпо хмурится, то глядитъ привѣтливо; въ одно и тоже время похожъ на надменнѣйшаго восточнаго сатрапа и на любезнѣйшаго царедворца Людовика XIV. Но въ чемъ же заключается его чародѣйственная сила? Въ гени, въ гени и опять-таки въ гени: природный умъ, удивительная память, великодушіе, остроуміе безъ ехидства, хитрость безъ лгуавства; щедрость, изящество, справедливость при наградахъ; большое умѣнье

¹⁾ Графъ Валентинъ-Владиславъ Эстергази (р. 1740, † 1815 г.) дипломатическій агентъ графа д'Артуа.

²⁾ Карлъ-Юанъ принцъ де-Линь (р. 1735, † 1814 г.). (См. о немъ «Русская Старина» 1872 г., томъ V, 672, 1873 г., т. VII, 76—78, 80; т. VIII, 727—728).

держатъ себя, способность угадывать то, что ему невѣдомо, наконецъ, отличнѣйшее знаніе людей».

Графъ Сегюръ, свидѣтель величія князя Таврическаго, со свойственнымъ ему остроуміемъ рисуеъ портретъ Потемкина широкою кистью и яркими красками:

«Странный случай создалъ Потемкина для его эпохи: въ личности своей онъ сочеталъ самыя противоположныя недостатки и достоинства. Скупой и расточительный, деспотъ и любимецъ народа, политикъ и довѣрчивый, вольнодумецъ и суевѣръ, отважный и робкій — Потемкинъ не имѣлъ себѣ равнаго въ дѣятельности воображенія и въ физической лѣни. Ревнивый во всему, что только не было его созданіемъ, случалъ тѣмъ, что создавалъ. Былъ беспорядоченъ во всемъ: въ трудахъ, въ удовольствіяхъ, въ нравѣ, въ поступкахъ. Казался стѣсненнымъ во всякомъ обществѣ, стѣсняя всѣхъ и важдаго своимъ присутствіемъ. Высоко мѣрно обходился съ тѣми, которые его боялись и ласкалъ обходившихся съ нимъ безъ чиновъ. Потемкинъ можетъ служить живымъ олицетвореніемъ имперіи российской: подобно ей — исполнить, онъ совмѣстилъ въ своемъ умѣ области плодоносныя и степи. Въ немъ являлась смѣсь азійскаго, европейскаго, татарскаго и казацкаго; грубость одиннадцатаго вѣка и испорченность восемнадцатаго».

Массонъ ¹⁾, удѣляя Потемкину немногія страницы, возводя на его память обвиненія неосновательныя, сознается однако, что князь Таврическій былъ человѣкъ необыкновенный:

«Онъ созидалъ или разрушалъ, или спутывалъ все, но и оживлялъ все. Когда отсутствовалъ — только и рѣчей было, что о немъ; появлялся — и глядѣли исключительно на него одного. Вельможи, его ненавистники, игравшіе нѣкоторую роль въ бытность его въ арміи — при его появленіи, казались, уходили въ землю, уничтожались при немъ. Принцъ де-Линъ говорилъ: «въ этомъ характерѣ есть много исполнскаго, романическаго и варварскаго» — и это правда. Смерть его произвела громадный пробѣлъ въ имперіи и смерть эта была такъ же необыкновенна, какъ и жизнь».

¹⁾ Mémoires secrets sur la Russie, t. I, p. 149—150.

Лавернь, авторъ исторіи Суворова ¹⁾, упоминая о Потемкинѣ, весьма удачно очертилъ его характеристику немногими словами:

— «...На исполнсовой аренѣ явился знаменитый Потемкинъ, человекъ — одновременно столь необыкновенный и обыденный; великій и малый; дѣятельный и лѣнивый; столь разумный въ нѣкоторыхъ своихъ предпріятіяхъ и причудливый въ другихъ, столь нерасчетливый при ихъ осуществленіи вообще. Характеръ непостижимый для всѣхъ народовъ, но могущій служить законченнымъ образомъ характера русскаго человека, совмѣщая въ себѣ всѣ его добродѣтели и пороки».

Изъ нѣмецкихъ историковъ — Архенгольцъ (въ журналѣ «*Minerva*»), одинъ изъ немногихъ правдивый биографъ Потемкина, отдаетъ справедливость его дарованіямъ, Гельбигъ въ своей книгѣ удѣляетъ ему три страницы ²⁾, отзываясь о Потемкинѣ съ крайнимъ пренебреженіемъ, не признаетъ въ немъ ни ума, ни способностей.

Но отзывъ Гельбига покажется панегирикомъ, если его сравнить съ ядовитымъ пасквилемъ, о которомъ мы выше упоминали. Пасквиль этотъ, озаглавленный: «Пансалвинъ, князь тьмы» былъ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ спустя три года послѣ смерти Потемкина. Эта книжонка, переведенная и на русскій языкъ (Москва, 1809 г., 435 стр., въ 8 д. л.), нынѣ составляетъ библиографическую рѣдкость и находится въ библиотекѣ редакціи «Русской Старины». Авторъ этого пасквиля (какъ подозрѣваютъ) авторъ нѣмецкой труппы — Альбрехтъ, писалъ, повидимому, въ угоду врагамъ кн. Потемкина, каковы были кн. Платонъ Зубовъ и другіе. Но авторъ до того пересолил въ желаніи угодить своимъ милостивцамъ, что въ лицѣ своего героя вывелъ чудовище, нимало не похожее на князя Таврическаго.

XIII.

Гробъ, привезенный изъ Яссъ съ тѣломъ князя Таврическаго, былъ поставленъ въ ноябрѣ 1791 года въ подпольномъ склепѣ Херсонской ерѣвостной церкви св. Еватеринны, начатой постройкою въ 1782 году, но въ 1791-мъ году еще неоконченной и не

¹⁾ Histoire du feldmaréchal Souvaroff. Paris, 1809, 8°, p. 104.

²⁾ Russische Günstlinge S. 386—389.

освященной. Въ склепъ вель внутренній сходъ, впоследствии на глухо задѣланный ¹⁾).

Гробъ оставался неопущеннымъ въ землю съ 23-го ноября 1791 г. по 28-е апрѣля 1798 г. Признательные жители Херсона, и воины благодѣтельствованные фельдмаршаломъ, во временномъ склепѣ служили панихиды и молебны предъ иконою Спасителя, которою императрица Екатерина II благословила Потемкина, отправляя его въ 1774 году на новороссійское генераль-губернаторство. Эта богато-украшенная икона въ 1793 году была вытребована племянникомъ князя—графомъ А. Н. Самойловымъ.

Дошедшій до императора Павла Петровича слухъ, что тѣло Потемкина болѣе семи лѣтъ, вопреки православному обычаю, стоитъ не преданнымъ землѣ, вызвалъ въ 1798 году слѣдующія распоряженія.

«Секретно».

«Милостивый государь Иванъ Яковлевичъ! — писалъ генераль-прокуроръ кн. А. Куракинъ новороссійскому ген.-губернатору Селецкому. Извѣстно государю императору, что тѣло покойнаго кн. Потемкина донныи еще не предано землѣ, а держится на поверхности во особо сдѣланномъ подъ церковью погребу и отъ людей бываетъ посѣщаемо ²⁾, а потому, находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало. Вслѣдствіе чего, о таковой высочайшей волѣ вашему превосходительству сообщая, есмь впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя моего, поворный слуга князь Алексѣй Куравинъ. Марта 27-го дня 1798 г.» (получено 15-го апрѣля).

Селецкій послѣдшилъ передать высочайшую волю къ исполне-

¹⁾ Нѣкоторыя подробности о могилѣ кн. Таврическаго мы извлекаемъ изъ рукописной статьи, сообщенной намъ въ сентябрѣ 1874 года В. И. Журавскимъ, и изъ весьма обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ же предметѣ, напечатанныхъ Н. Н. Мурзавичемъ въ IX-мъ томѣ редактируемыхъ имъ Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей 1875 г., стр. 390—396.

²⁾ Рассказываютъ, что приходили поклониться праху Потемкина преимущественно старообрядцы, которыхъ Потемкинъ вызвалъ изъ Турціи и заселилъ имп вновь прибрѣтенные и построенные города, въ томъ числѣ и Херсонъ.

В Ж.

нію и 6-го мая 1798 года получилъ слѣдующій секретный рапортъ отъ херсонскаго коменданта, полковника Тернера:

«Въ сходство ордера вашего высокопревосходительства отъ 19-го апрѣля, за № 73-мъ, касательно высочайшаго его императорскаго величества соизволенія, чтобы тѣло покойнаго князя Потемкина, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ мѣстѣ погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ былъ землею и изглаженъ таеъ, каеъ бы его нивогда не было, мною полученнаго 25-го апрѣля и въ тоже самое время тое тѣло въ ямѣ похоронено и мѣсто изглажено, о чемъ вашему превосходительству и доношу. Комендантъ Тернеръ» (№ 530, апрѣля 28-го дня 1798 г., городъ Херсонъ).

Этими распоряженіями преслѣдованія памяти Потемкина не ограничились. Екатерина II, въ день мирнаго торжества съ Портою Оттоманскою (29-го декабря 1791 г.) повелѣла: «въ память Потемкина заготовить грамоту съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ соборной церкви города Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ того-же града помѣстить его изображение и въ честь ему выбить медаль».

Повелѣнія государыни были исполнены; по свидѣтельству Гельбига ¹⁾, грамота хранилась въ серебряномъ ларцѣ въ Херсонскомъ соборѣ; памятникъ въ томъ же храмѣ былъ воздвигнутъ; портретъ былъ выставленъ. Неизвѣстно, сохранились-ли грамота и портретъ, но памятникъ въ 1798 году подвергся той же участи, которая постигла и останки Потемкина. Еще почти три недѣли до предписанія новороссійскому генераль-губернатору, князю Куракину отъ высочайшаго имени сообщилъ графу М. Каховскому объ уничтоженіи памятника князю Таврическому; исполнение не замедлило, о чемъ графъ Каховскій и увѣдомилъ И. Я. Селецкаго.

(Секретно): «Милостивый государь мой, Иванъ Яковлевичъ! Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ генераль-прокуроръ и кавалеръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, отъ 10-го минувшаго марта, сообщилъ мнѣ высочайшее его императорскаго

¹⁾ Russische Günstlinge. S. 388.

величества повелѣніе, на имя его данное, чтобы сооруженный въ Херсони отъ казны въ память князю Потемкину памятникъ былъ уничтоженъ. А потому, предписавъ о точномъ и немедленно исполненіи сего высочайшаго соизволенія херсонскому коменданту, нужнымъ почитаю объ ономъ извѣстить симъ и ваше превосходительство. Имѣю честь быть и проч. графъ Михайло Каховскій» (№ 617, апрѣля 27-го дня 1798 г., Акмечеть).

Склепъ съ гробомъ кн. Потемкина былъ засыпанъ землею, ночью, и полъ со входомъ въ склепъ задѣланъ секретно; все это подало основаніе молвѣ, быстро облетѣвшей Россію и принявшей за границу—будто тѣло кн. Потемкина изъ гроба вынута и гдѣ-то во рву Херсонской крѣпости зарыто безслѣдно. Между тѣмъ тѣло оставалось въ гробу неприкосновеннымъ, въ чемъ и удостовѣрились нѣкоторые очевидцы: такъ, въ 1818 году, при объѣздѣ епархіи екатеринославскимъ архіепископомъ Іовомъ Потемкинымъ, въ проѣздъ его изъ г. Алешевъ въ Херсонъ, архіепископъ, по родству, пожелалъ убѣдиться въ справедливости носившагося слуха; по этому, ночью, 4-го іюля, въ присутствіи нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, поднявъ церковный полъ, проломалъ сводъ склепа, и вскрывъ гробъ, удостовѣрился въ нахожденіи тѣла въ гробу. Говорятъ, что родственникъ вынулъ изъ склепа какой-то сосудъ и помѣстилъ въ свою карету. Догадываются, что въ сосудѣ находились внутренности покойнаго послѣ бальзамированія. Одни связывали, что сосудъ отправленъ былъ въ село Чижево, Смоленскаго уѣзда, родину свѣтлѣйшаго, другіе—Кіевской губерніи, въ Бѣлую церковь. Преданіе гласитъ, что, захвативъ изъ склепа сосудъ, іерархъ взялъ и портретъ императрицы Еватерины II, осыпанный брилліантами, лежавшій въ гробѣ.

9-го сентября 1859 года, по случаю внутреннихъ починовъ церкви св. Еватерины въ Херсонской крѣпости, пять лицъ спустилось чрезъ проломину въ склепъ, могилу кн. Потемкина, и, вынувъ изъ разваливашагося гроба, засыпаннаго землею, черепъ и нѣкоторыя кости покойнаго, вложили ихъ въ особый ящикъ съ задвижкой и оставили въ склепѣ; около того-же времени, какъ рассказываютъ—изъ склепа взяты всѣ до послѣдней пуговицы, куски золотого позумента, даже сняты полустлѣвшія туфли съ костей ногъ кн. Таврическаго.

Вокругъ той же крѣпостной цеѣ сви, гдѣ погребень кн. Потемкинъ, похоронены тѣла нѣкоторыхъ лицъ, положившихъ жизнь свою за отечество и перевезенныхъ туда по приказанію самаго князя Таврическаго. Такъ, здѣсь покоится прахъ: строителя крѣпости и города Херсони инженеръ полков. Корсакова, см. № 4); убитаго въ 1789 г. при осадѣ Килійской крѣпости генерала артиллеріи барона И. И. Меллеръ-Закомельскаго) см. на пл. № 3); умершаго въ 1791 г. въ Галацѣ принца Александра Виртембергъ-Штудгартскаго (брата императрицы Маріи Ѳеодоровны, см. на планѣ № 6); бывшаго господаря молдавскаго Эмануила Россета (см. на пл. № 5); генер. Максимовича; генер. Князя Сергѣя Аврамовича Волконскаго; убитаго при штурмѣ Очакова въ 1788 г. бригадира Горича-Бисевскаго; войска Донскаго полковника Мартыновича и др.

Помѣщаемъ планъ упоминаемой церкви съ чертежа, приложеннаго къ IX-му тому записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей, съ находящимися около нея могилами (см. стр. 265).

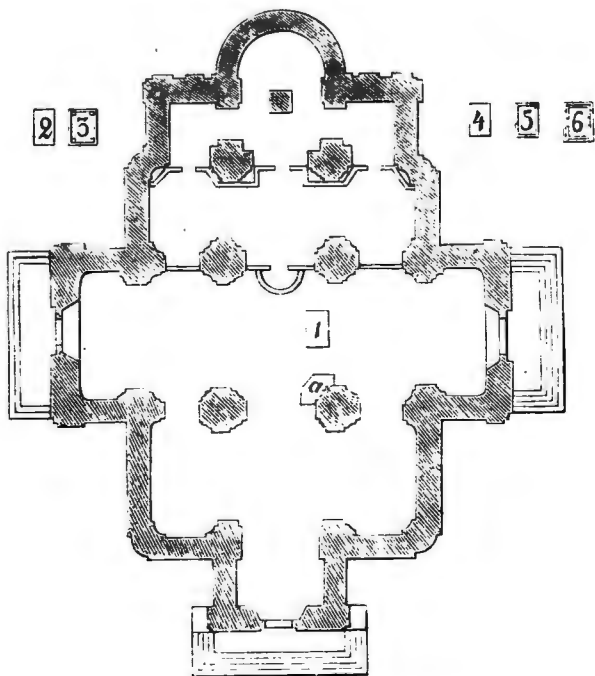
Памятники эти, частію отъ времени, частію отъ порчи жившими прежде въ крѣпости кантонистами, пришли совсѣмъ въ полуразрушенное состояніе.

Императорское Одесское общество исторіи и древностей, обязанное по уставу заботиться о сохраненіи на югѣ Россіи отечественныхъ памятниковъ древности, желая сохранить эти надгробія отъ дальнѣйшаго разрушенія и не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ для этого средствъ, ходатайствовало у военнаго министра поддержать ихъ въ должномъ видѣ на средства военнаго вѣдомства. Благодаря просвѣщенному содѣйствію Дмитрія Алексѣевича Милютина и начальника инженеровъ Одесскаго военнаго округа, въ вѣденіи коего состоитъ Херсонская крѣпость со всѣми въ ней зданіями, дѣлу этому данъ былъ дальнѣйшій ходъ и рѣшено было привести въ надлежащій видъ, какъ самые памятники,—строго придерживаясь первоначальнаго ихъ вида и дополнивъ недостающіе въ нихъ надписи,—такъ и надъ прахомъ фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго сдѣлать мраморную плиту съ его гербомъ и приличною надписью, окруживъ мѣсто его погребенія рѣшоткою.

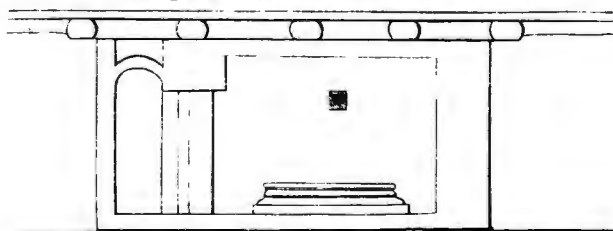
27-го августа 1874 г., коммисія изъ нѣсколькихъ лицъ, при участіи уполномоченнаго отъ Одесскаго общества исторіи и древностей

Н. Н. Мурзакевича, приступила къ изслѣдованію мѣста погребенія кн. Потемкина для предстоящей работы, въ особенности относительно положенія надгробной плиты; такъ какъ необходимо было удостовѣриться въ прочности свода надъ склепомъ, то для этого подняли нѣсколько досокъ въ деревянномъ полу церкви, въ мѣстѣ, указываемомъ старожилами.

Планъ церкви св. Екатерины въ Херсонѣ.

Разрѣзь могилы кн. Потемкина.

На планѣ: а) — ступь Екатерины II; № 1-я — могила кн. Потемкина.

По вскрытіи пола въ церкви, обнаружился сводъ склепа, который оказался проломаннымъ въ двухъ мѣстахъ, изъ коихъ одно

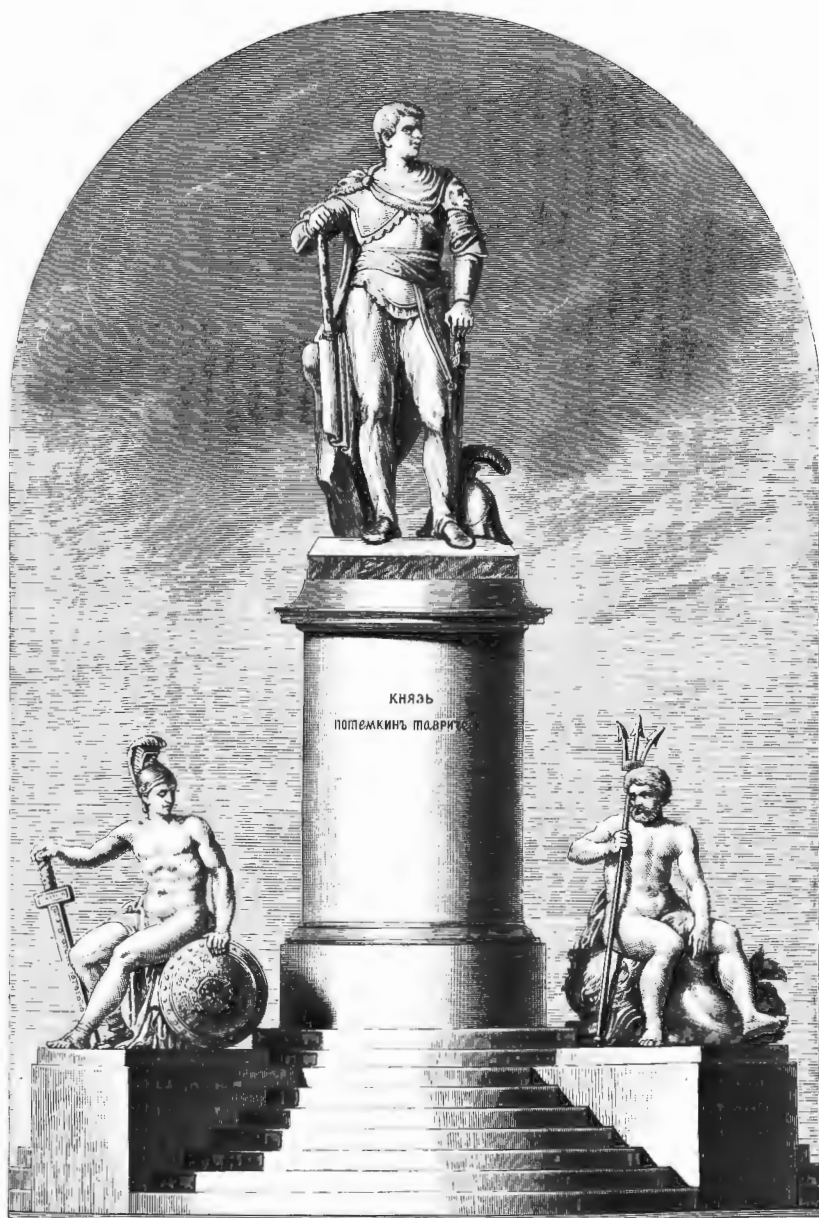
было заложено на глухо каменьями, а другое просто досками; по снятіи послѣднихъ открылся самый склепъ, частію засыпанный землею.

Въ склепѣ найденъ деревянный церковный ящикъ небольшой величины; въ немъ лежалъ цѣльный съ нижнею челюстью черепъ, съ выпиленною съ задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамированія; на затылкѣ черепа были видны влочки темнорусыхъ волосъ, тутъ же лежало нѣсколько другихъ человѣческихъ костей.

Тутъ же въ склепѣ, въ разрыхленной землѣ, были найдены части истлѣвшаго деревяннаго (изъ ясени) гроба и куски свинцовога, разрушеннаго, очевидно, не временемъ, а человѣческими руками; также остальные кости съ истлѣвшими частями роскошнаго одѣянія, на которомъ открыты три шитыя канителью звѣзды первой степени, именно: Георгія Побѣдоносца, св. Владиміра и Андрея Первозваннаго. Тутъ же лежалъ небольшой желѣзный ломъ, куски золотого позумента, которымъ былъ обитъ гробъ покойнаго, куски истлѣвшаго бархата и нѣсколько серебряныхъ гробовыхъ скобъ и такихъ же подножій; на ножныхъ костяхъ замѣтны были слѣды шелковыхъ чулокъ.

Коммисія положила: собрать всѣ кости покойнаго фельдмаршала и положить ихъ въ особый свинцовый ящикъ, который и поставить тутъ же въ склепѣ; отверстія въ сводѣ задрѣзать и уложить на оный мраморную надгробную доску, обнеся ее приличною чугуною рѣшеткою, а позументъ, скобы, подставки и звѣзды уложить въ особый ящикъ, который и оставить въ ризницѣ ерѣвостнаго собора на память о покойномъ.

И такъ, продырявленный черепъ съ прядью темнорусыхъ волосъ, да нѣсколько костей — вотъ единственные нынѣ останки великолѣпнаго князя Таврическаго, но заслуги его и «рвеніе ко славѣ и величію отечества» — по выраженію Екатерины II — пребудутъ навсегда незабвенными.

Составилъ Проф. Мартосъ.

Граф. Акад. Стржкоки.

КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ ТАВРИЧЕСКОМУ ВЪ ХЕРСОНЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 8 АПРѢЛЯ 1875 Г. — ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГOTOВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Памятникъ князю Потемкину.

1836 г.

Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ покоятся останки князя Таврическаго, въ Херсонѣ, на повсемѣстный въ Россіи сборъ воздвигнуть ему, въ 1836 г., памятникъ. Величественная статуя изображаетъ фельдмаршала въ кавалергардской формѣ екатерининскаго времени, съ гербомъ и надписями русскою и латинскою; статуя вылита и надписи отчеканены мастеромъ В. Якимовымъ по проекту академика И. П. Мартоса, но при этомъ не воспроизведены атрибуты Марса и Нептуна — эмблемы: войска и флота. Рисунокъ, прилагаемый при этой книгѣ «Русской Старины», сообщенный намъ барономъ Э. А. Бюлеромъ, воспроизводитъ проектъ Мартоса вполнѣ. Памятникъ поставленъ въ плохомъ городскомъ садикѣ Херсона.

Надписи на памятникѣ гласятъ слѣдующее:

I. Князю Потемкину-Таврическому Новороссійскій край.

II. Памятникъ сей воздвигнуть въ царствованіе государя императора Николая Перваго при новороссійскомъ и бессарабскомъ генераль-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ, при херсонскомъ гражданскомъ губернаторѣ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Гансгау, въ 1836 г.

III. *Regnante Nicolao primo omnium Rossiarum imperatore Autocratore, Michaelo comite Worontsow supremo Novae Russiae atque Bessarabiae gubernatore, Jacobo Hanskau gubernatore Chersonensis provinciae principi Gregorio Potemkin Tavriczeskiy Nova Russia grata hoc monumentum anno MDCCCXXXVI erexit.*

IV. Гербъ свѣтлѣйшаго князя.

Въ 1873 году херсонское земство на подписную сумму поѣсило въ церкви, въ память князя Таврическаго, небольшую овальную мраморную доску.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Основаніе Харьковскаго университета.

1802—1804.

IV ¹⁾.

По приѣздѣ въ Харьковъ, Каразинъ приступилъ немедленно, со всею свойственною ему пылкостью, къ исполненію даннаго ему гр. Потоцкимъ порученія. Прежде всего онъ освѣдомился, что сдѣлано дворянами и гражданами относительно комисіи, которая должна была завѣдывать дѣлами по устройству университета, комисіи, которую онъ признавалъ необходимою еще тогда, когда уговаривалъ всѣхъ къ пожертвованіямъ, и о которой и въ протоколахъ 1-го сентября 1802 года, и въ „предначертаніи“ университета, и, наконецъ, въ письмѣ Потоцкаго къ нему, и въ сообщеніяхъ къ губернскому предводителю и къ городскому головѣ упоминалось. Къ крайнему своему удивленію и прискорбію онъ узналъ, что къ составленію комисіи и не думали приступать, потому что жертвователи отозвались, что пока деньги не собраны, имъ дѣлать нечего, и что, впрочемъ, они Каразину въ дѣйствіяхъ его совершенно довѣряютъ; а къ сбору денегъ не было приступлено потому, что никакого къ тому распоряженія не было сдѣлано со стороны губернскаго предводителя и городскаго начальства. А между тѣмъ четыре профессора договорены и одинъ изъ нихъ уже на пути въ Харьковъ! Отчаяніе чуть не овладѣло Каразиннымъ на первыхъ же порахъ его дѣйствій, но онъ скоро преодолѣлъ себя и потребовалъ, на основаніи распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ,

¹⁾ См. «Русская Старина» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 329—338; томъ XIII, стр. 61—80; томъ XIV, стр. 185—200.

сдачи въ свое вѣденіе генераль-губернаторскаго дома для приведенія его въ надлежащій видъ, хотя бы то собственными своими средствами. Но и тутъ встрѣтилъ тьму препятствій: во 1-хъ, въ министерской бумагѣ не сказано было „форменно сдать“, а только просто „сдать“, и во 2-хъ, не знали, куда дѣвать приказъ общественнаго призрѣнія, губернскую чертежную и аукціонную камеру, которые помѣщались въ этомъ домѣ. Губернаторъ Артаковъ, жившій также въ немъ, хотя и изъяснилъ, по усиленнымъ просьбамъ Каразина, согласіе перейти въ другое помѣщеніе, нанятое на счетъ жертвованныхъ суммъ, но суммъ этихъ еще не было на лицо, къ тому же, улицы харьковскія были тогда непроходимы отъ весенней грязи, такъ, по крайней мѣрѣ, губернаторъ писалъ въ рапортѣ къ Кочубею отъ 20-го марта. Пришлось по неволѣ ждать. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, наконецъ, домъ былъ очищенъ и сданъ, но все-таки не „форменно“, Каразину, который и приступилъ тотчасъ же къ внутренней его передѣлкѣ, приспособляя все, по возможности, къ потребностямъ университетскимъ. Надѣялся Каразинъ, что жертвованныя деньги скоро поступятъ, по крайней мѣрѣ, тѣ 69,910 руб., которые лежали готовыми въ Петербургѣ, слѣдовавшіе слободско-украинскому дворянству за поставку къ арміи фуръ и лошадей въ 1789 году; но и ихъ не присылали, несмотря на послѣдовавшій, еще передъ отъѣздомъ Каразина изъ Петербурга, отзывъ министра финансовъ, что на выдачу ихъ препятствій не имѣется; сборъ же другихъ жертвованныхъ суммъ отложенъ былъ до особаго стѣзда дворянъ въ Харьковъ по случаю послѣдовавшаго изъ министерства внутреннихъ дѣлъ вопроса: на какіе именно сроки думаютъ они распределить свои взносы? Такимъ образомъ Каразину пришлось тратить собственные свои деньги, а за неимѣніемъ ихъ дѣлать долги: мастеровымъ необходимо было платить безотлагательно. Сверхъ того, надобно было думать и объ учебныхъ пособіяхъ для университета: о бібліотекѣ, лабораторіи, разныхъ кабинетахъ (физическомъ, зоологическомъ, минералогическомъ и пр.), а также о типографіи, которую онъ считалъ необходимою для распространенія въ край, отдаленномъ отъ центровъ просвѣщенія, полезныхъ иностранныхъ книгъ, о переводѣ которыхъ на русской языкъ онъ заблаговременно озаботился, употребивъ на плату переводчикамъ не одну тысячу рублей изъ своего кармана, какъ это видно изъ имѣющихся у меня документовъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ присылки денегъ изъ Петербурга, или взноса отъ жертвователей; но Петербургъ молчалъ, а дворяне не собирались для рѣшенія срока взносовъ, хотя нѣкоторые и давали, по усиленнымъ его просьбамъ, кой-что въ счетъ будущихъ благъ. Пришлось закладывать въ харьковскій приказъ общественнаго

призрѣнія отцовское наслѣдство, часть котораго и безъ того была уже заложена въ банкѣ при раздѣлѣ наслѣдниковъ. Но, наконецъ, всѣ его средства истощились, и онъ отправился въ Петербургъ, поручивъ одному доброму своему пріятелю, кол. сов. Шишкину, доканчивать передѣлку домовъ, уступленныхъ для временнаго помѣщенія университета, и озаботившись присканіемъ мѣста, гдѣ бы можно было устроить его навсегда. Мѣсто это нашель онъ за Сумской заставой: пространство въ 318 тысячъ квадратныхъ саженей готовы были ему уступить за 6 тысячъ рублей (что въ послѣдствіи и было исполнено съ нѣкоторою еще сбавкою съ этой ничтожной цѣны)¹⁾. Это—то самое мѣсто, гдѣ теперь университетскій садъ, институтъ для дѣвицъ и ветеринарное училище; мѣсто возвышенное, сухое, живописное. Тутъ онъ предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный учебный, такъ сказать, городокъ; въ серединѣ садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ, три церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекционными залами крытыми галлереями; на задней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія. Планъ всего этого былъ представленъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Я видѣлъ копію съ него въ кручанской библіотекѣ Василя Назаровича до ея пожара въ 1839 году.

Пусть припомнятъ читатели „предначертаніе“ университета, помѣщенное мною въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1875 г. томъ XIII, стр. 66 и друг.), это предначертаніе нѣсколькихъ высшихъ училищъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, и тогда легко представить себѣ грандіозность плана. Скажутъ, можетъ быть, что предначертаніе была фантазія, что на его выполнение потребовались бы громадныя суммы. Но вѣдь онъ и увѣренъ былъ, что не сотни тысячъ рублей (какъ оказалось при неожиданныхъ его несчастіяхъ), а милліоны будутъ собраны на университетъ, и это такъ и было бы, еслибъ дали ему свободу дѣйствовать, еслибъ не явились тормозители тамъ, откуда онъ ожидалъ помощи.

¹⁾ Въ настоящее время прилегающая къ университетскому саду земля цѣнится, или, правильнѣе сказать, цѣнилась въ то время, когда я забиралъ справки объ этомъ, въ 1862 году, отъ 75 е. до 1 руб. квад. сажень; значить, Каразинъ приобрѣлъ университету однимъ этимъ мѣстомъ капиталъ въ 250 тысячъ рублей по крайней мѣрѣ. Не худо было бы подумать объ этомъ тѣмъ лицамъ, которые ужасаются громаднымъ издержкамъ, сдѣланнымъ имъ на покупку рѣдкой аделунговской коллекціи эстамповъ за 5 тысячъ рублей и на вынску изъ Петербурга 32-хъ семействъ мастеровыхъ за 12 тысячъ рублей, о чемъ будетъ сказано ниже.

Авт.

По возвращеніи въ Петербургъ, въ іюнѣ 1803 года, и по вступленіи въ отправленіе своей должности правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, началъ онъ прежде всего хлопотать о деньгахъ для Харьковскаго университета. Оказалось, что переписка о дворянскихъ 69,910 рублѣхъ еще продолжалась. Сумма же, назначенная вообще на потребности въ 1803 году учебныхъ округовъ, около полумилліона, изъ которыхъ на харьковскій приходилось 125 т. руб., не была еще отпущена изъ министерства финансовъ. Наконецъ, удалось ему довести графа Кочубея до сдѣланія доклада императору объ упомянутыхъ дворянскихъ деньгахъ и 30-го іюня 1803 г. было высочайше повелѣно выдать ихъ; но когда сообщили объ этомъ министру финансовъ, то отъ него послѣдовало увѣдомленіе, что также по высочайшему повелѣнію опредѣлено отложить выдачу ихъ до будущаго года! Между тѣмъ Каразинъ получилъ отъ графа Потоцкаго, изъ Вѣны, письмо, которое я считаю нужнымъ привести здѣсь вполнѣ: такъ оно любопытно по своему содержанію. Писано оно по-французски. У меня находится оно въ копіи, на верку которой надпись руки Василія Назаровича: „Подлинникъ отданъ при письмѣ моемъ государю въ Каменно-островскомъ дворцѣ, чрезъ камердинера Александра Гаврилова, августа 16-го, поутру“.

(Переводъ): „На два вашихъ письма буду отвѣчать разомъ, дорогой мой г. Каразинъ. Прежде всего примите душевную мою благодарность за всѣ выраженія вашей дружбы: я слишкомъ много васъ уважаю. чтобъ не умѣть цѣнить ея вполнѣ и слишкомъ увѣренъ въ вашей искренности, чтобъ сомнѣваться въ вашихъ словахъ. Надѣюсь, что и вы также не усомнитесь въ моей къ вамъ сердечной привязанности. Извѣстіе о неудавшейся вашей женитьбѣ тронуло меня до глубины души какъ потому, что это васъ сильно огорчило, такъ и по чувству сожалѣнія, что, можетъ быть, я былъ невольной причиной неудачи, подавъ первый вамъ поводъ къ разладу съ опаснымъ и до безконечности мстительнымъ челоукомъ. Дай Богъ, чтобъ я былъ когда-нибудь въ состояніи загладить хотя нѣсколько эту мою вину. Относительно же того, что вы мнѣ пишете о нетерпѣніи, съ какимъ ждутъ меня харьковцы, то я вижу въ этомъ, признаюсь вамъ, больше всегдашнюю вашу ко мнѣ доброту, чѣмъ мои какія-нибудь заслуги передъ ними; несомнѣнно только то, что съ моей стороны я питаю къ нимъ чувства полнаго желанія добра. Счастливымъ счелъ бы я себя, еслибъ мнѣ удалось быть дѣйствительно полезнымъ для всего округа, высочайше мнѣ ввѣреннаго; и обстоятельства могли бы, казалось, благоприятствовать этому во время моего путешествія по Германіи и дажѣ: можно было бы легко прискаты здѣсь дѣльныхъ профессоровъ; но,

къ сожалѣнію, всѣ средства къ исполненію этого у меня отняты: мнѣ не высылаютъ денегъ, о которыхъ я такъ настоятельно просилъ предъ отъѣздомъ, а безъ нихъ ничего не подѣлаешь, никто изъ порядочныхъ людей не согласится оставить свое мѣсто и пуститься въ дальній путь, не имѣя въ карманѣ, по крайней мѣрѣ, третнаго жалованья и сотни четыре, или пять рублей на дорогу, что составитъ болѣе 1,000 руб. на человѣка, а я рѣшительно не могу тратить теперь такихъ суммъ изъ собственнаго своего кармана. Признаюсь вамъ, что я не мало уже компрометировалъ себя, начавъ переговоры съ нѣсколькими лицами и не имѣя возможности кончить ихъ по недостатку денегъ. Мнѣ кажется, что и достоинство самаго правительства нашего терпитъ отъ этого не мало: всѣ газеты протрубили о нашихъ новыхъ учрежденіяхъ на пользу просвѣщенія, всѣ ждутъ, что Россія потребуетъ изъ-за границы множество нужныхъ ей людей, безъ которыхъ въ началѣ нельзя ей обойтись, — и между тѣмъ мы совершенно бездѣйствуемъ!... Согласитесь, дорогой мой другъ, что при такомъ положеніи вещей мнѣ не къ чему торопиться ѣхать въ Харьковъ: что въ самомъ дѣлѣ стану я тамъ дѣлать съ четырьмя только, находящимися уже тамъ, профессорами и не имѣя возможности привести отсюда ни одного больше? Не насмѣшка-ли надъ нашимъ университетомъ было бы мое тамъ пребываніе безъ всякаго дѣла? Кромѣ того, семейныя мои дѣла нашелъ я здѣсь въ такомъ разстроенномъ положеніи послѣ смерти моего отца, что мнѣ необходимо просить продолженія отпуска, чтобъ привести ихъ сколько-нибудь въ порядокъ, и я надѣюсь его получить отъ добраго нашего государя, тѣмъ больше, что присутствіе мое въ Россіи въ настоящее время совершенно бесполезно. Что же касается вопросовъ вашихъ о полученныхъ нами для университета домахъ и планахъ новыхъ построекъ, то опять таки безъ денегъ нельзя ни къ чему приступать; а также бесполезенъ былъ бы и вызовъ изъ разныхъ семинарій воспитанниковъ, пока университетъ только еще на бумагѣ. О г. Баузе скажу еще разъ, что я очень готовъ принять его, если только онъ самъ рѣшается. Пусть г. Новосильцевъ, которому я довѣрилъ все относящееся до Харьковскаго университета, распорядится въ этомъ случаѣ какъ признаетъ удобнѣйшимъ. Я пишу къ нему съ нынѣшнею же почтою, о деньгахъ особенно; съ будущею же — напишу къ министру и къ товарищу его. Васъ же покорнѣйше прошу хлопотать сколько возможно. Неужели въ самомъ дѣлѣ мы вновь докажемъ справедливость приобрѣтенной уже нами молвы, что мы работаемъ только ради газетныхъ похвалъ!... Харьковцевъ же увѣрьте, пожалуйста, что я не виноватъ въ плохомъ ходѣ нашего дѣла, и что чѣмъ больше они, по добротѣ своей, на меня

надѣятся, тѣмъ прискорбнѣ для меня не быть въ состояніи оправдывать эти надежды и заставлятъ ихъ думать, что я объ нихъ забочусь. Скоро я отправляюсь во Львовъ, куда и адресуйте мнѣ письма. Хотя удобное время и упущено уже, но все-таки если поторопятся выслать мнѣ 7 или 8 тысячъ рублей посредствомъ векселя на контору Фриса, то я успѣю еще, можетъ быть, приобрести 6 или 7 профессоровъ. Простите, дорогой г. Каразинъ. Будьте всегда моимъ другомъ, какъ не перестанетъ никогда быть вашимъ С. Потоцкій“.

Видя изъ этого письма такое некрасивое положеніе харьковскаго дѣла, Каразинъ рѣшился обратиться опять къ „другу души своей“, какъ называлъ онъ, съ полнѣйшею искренностью, императора Александра Павловича.

Привожу этотъ документъ вполнѣ: онъ ярко рисуеть состояніе высшаго управленія народнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи въ началѣ текущаго столѣтія:

„Всемиловѣйшій государь! Многія обстоятельства заставляютъ меня думать, что я день со дня становлюсь далѣе отъ вашего сердца. Вотъ причина, для чего я давно уже ничего къ вамъ не смѣю писать. Я боюсь быть скучнымъ, или, что хуже, смѣшнымъ въ глазахъ особы, которую, независимо отъ власти ея, обожаю всесовершенно. Богъ знаетъ, найду-ли я случай или средства оправдать себя предъ вами, и позволите-ли вы мнѣ это? По крайней мѣрѣ я чувствую, что нѣкогда должно сдѣлать послѣдній опытъ объясниться съ другомъ души моей. Между тѣмъ простите мнѣ, государь, сіе письмо: я его пишу по обязанности службы, и въ противномъ случаѣ вы сами будете обвинять меня за молчаніе.

„Часть, по которой вамъ угодно было употребить меня, идетъ самымъ несчастнымъ образомъ. До сихъ поръ я заключалъ себя въ строжайшихъ предѣлахъ безмолвія: претерпѣвая тысячи непріятностей отъ своего министра, я боялся, не личныя-ли однѣ неудовольствія представляютъ мнѣ все прочее въ превратномъ видѣ. Бывши удаленъ отъ мѣста, которое вы мнѣ въ указѣ 8-го сентября очевидно назначить изволили, бывъ гласно обяженъ и со стороны чести, и со стороны жалованья моего и моихъ подчиненныхъ, униженіемъ противъ министерской канцеляріи, которой позволили присвоить исключительно имя департамента, и трактовать меня какъ подчиненнаго, бывши пренебреженъ даже до того, что именно запретили сообщать мнѣ всѣ бумаги, поступающія въ сей мнимый департаментъ, не взирая, что я и для истиннаго назначенъ вами отъ самаго его, такъ сказать, зарожденія въ умѣ вашемъ, и что къ основанію его малыя мои силы содѣйствовали. Бывши ежедневно смѣшиваемъ въ отправленіи должности

и уничижаемъ всѣми образы, я въ продолженіе десяти мѣсяцевъ заключалъ въ себѣ самомъ эти жалобы, предоставлялъ истинѣ дойти до васъ обыкновеннымъ путемъ; и, безъ сомнѣнія, годы еще молчалъ бы безъ особливаго случая, который меня теперь рѣшаетъ.

„Я видѣлъ во всѣхъ частяхъ министерскаго попеченія безпечность. и тяжѣлый, съ правилами ни мало несоображенный ходъ; но въ разсужденіи Харьковскаго университета сверхъ того открытое недоброжелательство. Не взирая на всѣ мои усилія, послѣ отъѣзда графа Потоцкаго ни шагу не сдѣлано въ пользу сего заведенія. По подписаніи предварительныхъ правилъ и штатовъ, пожаловали вы полмилліона на издержки нынѣшняго года въ четырехъ округахъ народнаго просвѣщенія: повѣрите-ли, всемилостивѣйшій государь, что понинѣ сія сумма совсѣмъ нетронута, и что государственный казначей хотѣлъ уже просить у министра позволеніе сдѣлать изъ нея предварительно другое употребленіе! Удивился я нашедши, что до наступленія іюня мѣсяца ничего еще не было отправлено гр. Потоцкому на высылку иностранныхъ профессоровъ и путевыя ихъ издержки. Упросилъ Николая Николаевича (Новосильцева), получившаго отъ графа полную довѣренность занимать его мѣсто, сдѣлать представленіе объ ассигнованіи сорока тысячъ на всѣ издержки по университету, въ томъ числѣ въ Вѣну двадцати тысячъ. Министръ во всемъ рѣшительно отказалъ; онъ забылся въ семь случаевъ даже до того, что мнѣніе объ устройствѣ университетовъ называлъ вздоромъ, поелику-де гимназіи еще не устроены. Я спросилъ его, что-жъ онъ прикажетъ дѣлать съ положеннымъ уже началомъ Харьковскаго, съ четырьмя, напримѣръ, профессорами, высочайше подтвержденными, которые уѣхали и живутъ безъ дѣла въ Харьковѣ. Черезъ нѣсколько дней потомъ сталъ онъ увѣрять, будто гр. Потоцкій предъ своимъ отъѣздомъ общалъ писать въ нему, если будетъ имѣть нужду въ деньгахъ. Имѣя въ глазахъ реестръ предположеннымъ издержкамъ, подписанный графомъ для исполненія по оному въ его отсутствіе, я терзался внутренно, но принужденъ былъ принять спокойный видъ, поелику отвѣтъ министровъ успокоивалъ, казалось, Николая Николаевича. При томъ же текуція издержки на первый случай замѣнились суммою, присланною заимобразно изъ Харькова, изъ числа приношенія дворянъ, которое все вообще оба попечителя назначили на построеніе университета по мѣрѣ какъ оно вступать будетъ. Другимъ представленіемъ министру, сдѣланнымъ уже 11-го іюля (1803 г.), испрашивали хотя 20,000 руб. на издержки по харьковскому округу, который дотолѣ отнюдь ничѣмъ не пользовался, имѣя право, по расчисленію, на 125,000 изъ пожалованной суммы. „Сперва отказано также рѣшительно, какъ и на прежнее представле-

ніе, съ оговоркой, что въ подтвержденномъ штатѣ ничего не постановлено о починкѣ строеній (о которой въ семъ представленіи, между прочимъ, упомянуто было). Но на послѣдокъ, заключая изъ выговоренныхъ мною въ первое движеніе словъ, что я предприиму какой-нибудь отчаянный поступокъ, согласились на 18,000, росписавъ, однако, ихъ употребленіе; такъ что, на примѣръ, на заведеніе вновь физическаго кабинета назначены только положенныя по штату на ежегодное (и то слишкомъ ограниченное) его поддержаніе пятьсотъ рублей, за которую сумму невозможно купить и одного порядочнаго инструмента. Н. Н. рѣшился не требовать сей суммы по ея маловажности. Такимъ образомъ, поелику и все прочее шло тѣми же путями и столько же успѣшно, сія часть совершенно остановилась. Изъ прилагаемаго письма, выражающаго стыдъ нашъ, отъ коего російскій сенаторъ спасся выѣздомъ изъ Вѣны, можете, ваше величество, судить, какъ основательны всѣ оговорки на сдѣланныя представленія. Сіе письмо, возмущивъ меня выше всего, что сказать можно, заставило предпринять сей скрытый шагъ къ собственному лицу вашему. И начавъ уже говорить о семъ предметѣ народнаго просвѣщенія, которымъ, конечно, дорожить ваше сердце, изъ котораго не одну лишь молву хотѣли вы создать, беру дерзновеніе представить слѣдующее съ тою безпредѣльною искренностію, которую вы мнѣ, — по крайней мѣрѣ прежде, — милостиво позволяли.

„1) Проходить годъ времени съ учрежденія министерія народнаго просвѣщенія и еще не проведены начальныя черты общаго плана. Кромѣ предварительныхъ правилъ, написанныхъ извѣстнымъ вамъ образомъ, выщель одинъ только уставъ одного университета, и то по дѣятельности и особливому значенію попечителя его. Дерптскимъ, котораго проектъ слѣдовало только просмотрѣть, занимались мы доселѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

„2) До сихъ поръ департаментъ не знаетъ о точномъ числѣ и состояніи училищъ въ губерніяхъ, ни о способахъ, которыми въ нихъ должно дѣйствовать, равно какъ и многія губерніи не знаютъ о томъ отношеніи, въ которомъ училища ихъ находятся къ департаменту. Понинѣ еще во многихъ губерніяхъ предполагаютъ существованіе прежней комисіи о народныхъ училищахъ на прежнемъ ея основаніи, что доказывается надписью и содержаніемъ присылаемыхъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія бумагъ и продолженія прежняго порядка въ дѣлахъ училищъ.

„3) До сихъ поръ отъ членовъ правленія закрыта сумма, вообще правленію принадлежащая, равно и тѣ суммы, которыя частному рас-

поряженію попечителей или непосредственно высочайше предоставлены, или должны бы находиться въ ихъ вѣденіи по губерніямъ.

„4) Въ казанскій округъ, заключающій въ себѣ четырнадцать губерній и болѣе восьми милліоновъ такого народа, который болѣе требуетъ вниманія правительства съ сей стороны, опредѣленъ попечителемъ челоувѣкъ, занимавшій нѣкогда мѣсто въ учености, но мелочной въ своихъ правилахъ, престарѣлый и безъ дѣятельности, который и одного училища, ввѣреннаго ему прежде, то есть здѣшней академической гимназіи, не былъ въ состояніи призрѣть, а разстроилъ ее до основанія. Я Богомъ упрасивалъ въ то время, чтобъ не умножали у насъ Свистуновыхъ, не отягощали бы болѣе хода машины, и безъ того довольно уже тяжелой, чтобъ представили вамъ кого-нибудь изъ людей, подобныхъ петербургскому или виленскому попечителямъ (и таковые, конечно, могли бы быть въ виду), а семидесятипяти-лѣтняго вице-президента академіи, по предположенію прежняго нашего комитета, можно бы легко удовлетворить ненсию.

„5) Въ производствѣ дѣлъ до того нѣтъ порядка и правилъ, что правленіе иногда совсѣмъ не знаетъ, что дѣлается у попечителей, иногда же попечители относятся къ министру; сей посылаетъ въ правленіе, а правленіе отсылаетъ къ попечителямъ, которые нерѣдко представляютъ опять министру одно и тоже дѣло, утолстившееся только на круговомъ пути своимъ отъ бесполезныхъ таковыхъ отношеній, предложеній и представленій. Стыжусь приложить образецъ сему, который теперь у меня предъ глазами. Опредѣленія и подтвержденія важнѣйшихъ чиновниковъ въ округахъ дѣлаются совсѣмъ различными образами, судя потому, въ какой степени представляющій попечитель уважаетъ министра. (Н. Н. Новосильцевъ недавно доведень былъ до необходимости настоять, чтобъ постановили что-нибудь о семъ предметѣ. Но министръ нечувствительно отклонилъ о семъ разсужденіе и дѣло начинаетъ забываться).

„6) Въ самыхъ засѣданіяхъ до такой степени нѣтъ порядка, что правленіе, имѣя домъ, не имѣетъ собственнаго мѣста: собираются у министра въ гостиной комнатѣ за ломбернымъ его столомъ, и въ его присутствіи читаютъ его же предложенія, на нихъ отвѣтствуютъ и собственные разсужденія дѣлаютъ, поминутно прерываемыя его сбивчивыми и темными фразами. Такъ, что онъ въ одно время бываетъ и предлагатель, и исполнитель, и членъ, и предсѣдатель, и министръ. (Сего недовольно: часто онъ, забывшись, собственные свои приговоры принимаетъ за мнѣнія членовъ, оспариваетъ ихъ, или беретъ къ себѣ въ кабинетъ исправлять; а послѣ нѣсколькихъ дней читаютъ въ собраніи ту же бумагу и опять исправляютъ какъ бы новость, кото-

рая прежде никогда не была предметомъ разсужденій; и сей порядокъ — увы! нерѣдко возобновлялся два и три раза сряду надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ.

„7) Въмѣсто одной канцеляріи департамента, которая должна бы сводить все обрабатываемое попечителями по частямъ ихъ, удерживать всегда систематическій ходъ, и для сего быть подъ однимъ управленіемъ, теперь, по недовѣдомымъ причинамъ, существуетъ, кромѣ особыхъ письмоводствъ попечителей, три канцеляріи, не имѣющія между собою ни связи, ни сношенія: 1) канцелярія министра, присвоившая себѣ названіе департамента, подъ начальствомъ надворнаго совѣтника Мартынова, которая, кромѣ малаго числа заграничныхъ отвѣтовъ (не сношеній!), пишетъ предложенія попечителямъ, подтверждающія или останавливающія ихъ дѣйствія и ежегодно стоитъ около 22,000 рублей изъ государственныхъ суммъ; 2) канцелярія правленія, которая подъ моимъ вѣдѣніемъ, обрабатываетъ общія дѣла округовъ, и выходящія для нихъ и вообще по сей части учрежденія, и стоитъ ежегодно близь 13,000 (такъ какъ чиновники ея получаютъ жалованье почти въ половину противу первыхъ) изъ доходовъ шукинскаго дома; напослѣдокъ. 3) контора подъ управленіемъ статскаго совѣтника Ростовцева, которая записываетъ сборъ упомянутыхъ доходовъ, и стоитъ на счетъ ихъ ежегодно болѣе 5,000 рублей. И вотъ въ короткихъ словахъ настоящее положеніе нашего департамента, государь! департамента, который надѣлалъ столько шуму въ чужихъ краяхъ, учрежденіе котораго составляло особенный предметъ вашихъ попеченій; а главное управленіе одно каждый годъ будетъ стоить болѣе ста тысячъ рублей государственной вашей сокровищницѣ. Сличите, государь, смѣлое мое представленіе съ тѣмъ, что узнать можете отъ князя Адама Адамовича (Чарторижскаго), Николая Николаевича (Новосильцева), господина Клингера и даже Михаила Никитича (Муравьева). Они и сами все видѣли и слышали мои безпрестанныя о семъ жалобы. Но, благотворитель мой, вы, конечно, не захотите поссорить меня съ ними сообщеніемъ сего письма, особливо съ княземъ Адамъ Адамовичемъ, котораго я душевно почитаю; и если вы на меня не гнѣваетесь, если хотите меня успокоить въ моемъ положеніи, то удостойте одною строкою вашего отвѣта, что вы его получили.

„Еще нѣсколько словъ дерзаю здѣсь прибавить, всемилостивѣйшій государь: скромнѣйшее и ближайшее средство къ оживленію сей части, умирающей, по предсказанію публики, въ самомъ ея началѣ, подобно и комисіи о законахъ, и къ произведенію на самомъ дѣлѣ вашихъ намѣреній, кажется, есть то, чтобъ вы изволили повелѣть дѣятельнѣйшимъ тремъ членамъ правленія, въ особомъ засѣданіи, обрабо-

тать планъ общаго наказа департаменту и его письмоводства и поднести оный непосредственно на высочайшее утверждѣніе, о чемъ и было уже говорено съ упомянутыми членами¹⁾“.

Черновая этого письма хранится у меня. На верху надпись: „Августа 16-го 1803 г. под. въ Каменно-островскомъ дворцѣ чрезъ камердинера Гаврилова, и того-жъ часа отвѣтъ получилъ чрезъ оберъ-гофмаршала“. Въ чемъ состоялъ этотъ отвѣтъ—не знаю; но вѣроятно, въ записочкѣ, что письмо прочтено и что отвѣтъ будетъ, потому что есть у меня списокъ съ другаго его письма, отъ 12-го сентября, изъ котораго видно, что до тѣхъ поръ онъ еще оставался въ ожиданіи болѣе удовлетворительнаго отвѣта. Вотъ оно, хотя и не относится къ харьковскому дѣлу, но служить къ бѣльшей обрисовкѣ характера Каразина.

„Я не беспокою ваше величество напоминаніемъ о послѣднемъ письмѣ моемъ и о разрѣшеніи жребія департамента просвѣщенія. Кромѣ того, что васъ, по возвращеніи²⁾, безъ сомнѣнія, встрѣтило множество дѣлъ, я долженъ желать, чтобъ вы нѣсколько дней рѣшительное ваше слово отложить изволили: вы симъ изволите давать мнѣ время представить вамъ еще нѣкоторыя мысли по сему важному предмету, что я неукоснительно и исполню. Приложенное здѣсь письмо изъ Грузіи, которое почелъ я достойнымъ прочтенія вашего, получилъ и отъ одного изъ тѣхъ корреспондентовъ моихъ въ обширной Россіи, которыхъ я старался приобрѣсть въ намѣреніи быть вамъ сколько-нибудь болѣе полезнымъ, нежели по обыкновенной службѣ: вѣжета, и упоминалъ я о нихъ нѣкогда въ моихъ письмахъ, хотя не успѣлъ еще представить статистическаго результата сихъ сношеній. Государь! я умоляю васъ вызвать сего вѣрнопопдааннаго, достойнаго лучшей участи, изъ гибельнаго онаго края. Онъ, какъ сами изволите видѣть, можетъ быть употребленъ съ пользою внутри государства. Опредѣленіе на вакансію совѣтника въ слободско-украинскомъ губернскомъ правленіи почелъ бы я милостію....“

Не знаю, кто былъ тотъ грузинскій его корреспондентъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, и былъ-ли онъ опредѣленъ въ харьковское губернское правленіе совѣтникомъ; но знаю, что и губернаторъ харьковскій, Ив. Ив. Бахтинъ, былъ назначенъ по ходатайству Каразина: я имѣю черновое его объ этомъ письмо къ государю. Познакомившись съ этимъ достойнымъ человѣкомъ во время службъ своей въ государственномъ вѣзначействѣ, онъ осмѣлился указать на

¹⁾ Послѣдняя фраза: «о чемъ... членами» зачеркнута.

²⁾ Должно быть, изъ Каменно-островской резиденціи.

него императору, когда слухи шли о переимѣнѣ Артакова, и имѣлъ утѣшеніе видѣть желаніе свое исполненнымъ. Помню рассказъ его объ этомъ: узнавъ, что указъ уже подписанъ, но еще не объявленъ, онъ досталъ копію съ него и напросился къ Ивану Ивановичу на обѣдъ. Тотъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о новомъ своемъ назначеніи. Къ концу обѣда Каразинъ предлагаетъ ему выпить рюмочку шипучаго за здоровье харьковскаго губернатора и при этомъ встаетъ, идетъ въ переднюю, гдѣ была поставлена имъ, за дверьми, бутылка клико, проситъ рюмокъ, откупориваетъ и наливаетъ. Иванъ Ивановичъ не понимаетъ, что все это значитъ. Василій Назаровичъ настаиваетъ на томъ, чтобъ прежде всего взята была рюмка въ руки, что онъ-де знаетъ, что губернаторъ хорошій человѣкъ и стоитъ того, чтобъ ему пожелать здоровья. Иванъ Ивановичъ, улыбаясь, беретъ рюмку. Тогда Каразинъ провозглашаетъ тостъ „за здоровье новаго харьковскаго губернатора, Ивана Ивановича Бахтина“, и при этомъ вынимаетъ изъ кармана указъ и читаетъ. Можно себѣ представить изумленіе и радость Бахтина! Они остались по жизнь друзьями. И это былъ единственный изъ харьковскихъ губернаторовъ, который удостоенъ былъ, послѣ окончанія своей карьеры, продолжавшейся 13 лѣтъ, единодушнѣй, существеннѣй признательности жителей: они, съ высочайшаго разрѣшенія, поднесли ему сумму денегъ, достаточную для уплаты всѣхъ сдѣланныхъ имъ во время его губернаторства долговъ, простиравшихся до 40 т. рублей. Имя Бахтина было вырѣзано на мраморной доскѣ, долго красовавшейся въ залѣ харьковскаго дворянскаго собранія; а бюстъ его я помню еще въ Кручицкѣ стоявшимъ на живописномъ, окруженномъ тѣнистыми деревьями, мѣстѣ, противъ жилища Каразина. Графъ Потоцкій, въ рапортѣ своемъ къ Заводовскому отъ 19-го апрѣля 1804 года, такъ отзывался о Бахтинѣ: „за обязанность поставлю засвидѣтельствовать о благорасположеніи къ университету и истинномъ усердіи къ общей пользѣ въ семъ краѣ господина здѣшняго гражданскаго губернатора, котораго попеченіямъ первоначальныя успѣхи университета во многомъ приписать должно будетъ“⁴¹).

Воспитанникъ Харьковскаго университета
1820-хъ годовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

⁴¹) П. И. Бахтинъ († 1818 г.), отецъ покойнаго члена государственнаго совѣта Николая Ивановича Бахтина, былъ въ свое время довольно талантливый литераторъ, стихотворецъ и человѣкъ большаго ума и образованія. См. біографическую о немъ замѣтку въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 451—454. Ред.

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ОЛЕНИНЪ.

1763 — 1843.

Долголѣтняя и многосторонняя дѣятельность Алексѣя Николаевича Оленина на поприщѣ государственной службы, его заслуги родному слову, художествамъ и наукѣ, еще ждутъ должной и безпристрастной оцѣнки. Разнорѣчивые толки о его личности составляютъ камень преткновенія для будущаго біографа; пріязненные или враждебные отзывы о немъ до того односторонни, что изъ нихъ трудно выработать вѣрную характеристику этого государственнаго дѣятеля царствованія Александра I. Не дѣлая никакого окончательнаго вывода изъ фактическихъ данныхъ, приводимъ нѣкоторые біографическія свѣдѣнія объ Алексѣѣ Николаевичѣ Оленинѣ, которому донинѣ еще не удѣлено мѣста даже ни въ одномъ изъ нашихъ справочныхъ энциклопедическихъ словарей — явленіе въ высшей степени странное, не дѣлающее чести составителямъ этихъ словарей.

А. Н. Оленинъ родился въ 1763 году. Образование получилъ за границею, именно въ Страсбургскомъ университетѣ и въ Дрезденскомъ артиллерійскомъ училищѣ. По окончаніи курса военныхъ наукъ, поступилъ въ русскую государственную службу; въ офицерскомъ чинѣ участвовалъ въ шведской кампаніи 1789—90 годовъ и въ усмиреніи польскихъ конфедератовъ 1792 года. Во время войны со шведами онъ обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства возведеніемъ укрѣпленій въ Финляндіи. Военную свою карьеру А. Н. Оленинъ продолжалъ и въ царствованіе Александра I. Только въ 1807 или 1808 г. перешелъ онъ въ службу гражданскую, сохранивъ мундиръ милиціоннаго оберъ-офицера, съ которымъ не разставался до первыхъ лѣтъ царствованія Николая I. Въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, имѣя высшія степени орденовъ, А. Н. Оленинъ носилъ ихъ звѣзды на мундирѣ оберъ-офицера милиціи 1806 года. Эта странность въ одеждѣ, при чрезвычайно маломъ ростѣ Оленина, придавала его наружности тотъ

видъ оригинальности, которая, бросаясь въ глаза, врѣзывалась въ память каждаго, кто хотя однажды его видѣлъ.

Въ 1811 году А. Н. Оленинъ, въ званіи государственнаго секретаря, былъ назначенъ первымъ директоромъ Императорской публичной библиотеки, а съ 1817 года былъ президентомъ императорской академіи художествъ. Эти обѣ должности сблизили европейски образованнаго Оленина съ двумя сферами—литературною и художественною, и въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ Оленинъ былъ ихъ средоточіемъ, а домъ его—мѣстомъ собраній литераторовъ и художниковъ. Одаренный въ высшей степени эстетическимъ чувствомъ и умѣніемъ угадывать талантъ въ самомъ его зародышѣ, Алексѣй Николаевичъ былъ истиннымъ меценатомъ, другомъ и покровителемъ отечественныхъ писателей и художниковъ александровскаго вѣка. При этомъ замѣчательно то, что не они заискивали покровительства Оленина: онъ самъ искалъ ихъ пріязни, гордился ею и дѣлалъ все, что только было въ его силахъ, чтобы дать имъ ходъ и очистить ихъ путь къ извѣстности отъ всякихъ препонъ и тормазовъ. Нѣтъ біографіи отечественнаго писателя, отъ Державина до Пушкина, въ которой не было бы страницы, посвященной памяти Оленина; не было художника и артиста, котораго Оленинъ обошелъ бы своимъ вниманіемъ, или не принялъ радушно въ своей гостиной, въ которую стекались представители отечественной словесности и изящныхъ искусствъ. Друзьями Оленина были: Г. Р. Державинъ, И. И. Дмитріевъ, Н. И. Гнѣдичъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Озеровъ, В. А. Жуковскій, кн. П. А. Вяземскій, П. А. Плетневъ, А. Ш. Тургеневъ, С. С. Уваровъ, Д. Н. Блудовъ, Д. В. Дашковъ, кн. А. А. Шаховской и многіе другіе. Поэтъ-слѣпецъ И. И. Козловъ нашелъ въ А. Н. Оленинѣ добраго себѣ покровителя: что же касается до И. А. Крылова, то Оленину онъ былъ обязанъ и упроченіемъ своей авторской славы и тѣмъ родственнымъ пріютомъ, который престарѣлый, одинокій баснописецъ, нашъ холостой „дѣдушка“, всегда находилъ въ доброй и радушной семьѣ своего просвѣщеннаго друга. Тотъ же Оленинъ былъ покровителемъ К. Н. Батюшкова и молодаго А. С. Пушкина, за котораго былъ ходатаемъ во время постигшей его опасности и его удаленія въ южную Россію.... Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности И. А. Крылова (2-го февраля 1838 года) было совершено по почину его друга, А. Н. Оленина, принимавшаго въ устройствѣ этого торжества самое дѣятельное участіе. Высокое положеніе на государственной службѣ не отдалило его ни отъ литературы, ни отъ художествъ, а давало ему лишь возможность еще болѣе содѣйствовать и литераторамъ, и художникамъ.

Вотъ что говорить о немъ гр. Ѳ. П. Толстой въ своихъ запискахъ („Русская Старина“ изд. 1873 г., томъ VII, стр. 133): „Я былъ весьма хорошо принятъ въ домъ Оленина, бывшаго тогда государственнымъ секретаремъ, человѣка весьма образованнаго, чрезвычайно начитаннаго и большаго любителя наукъ, художествъ и искусствъ. Въ назначенные дни недѣли у него собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошо образованнаго, отличавшагося своими дарованіями, умомъ и познаніями. Подобные дома могутъ считаться хорошими шеолами для молодыхъ людей, ищущихъ просвѣщенія. Въ это время мѣня Оленина въ столицѣ пользовались неоспоримымъ авторитетомъ“. Къ этому свидѣтельству необходимо добавить, что тотъ же А. Н. Оленинъ способствовалъ развитію въ графѣ Ѳ. П. Толстомъ того изящнаго вкуса къ классическимъ образцамъ живописи и ваенія, которымъ проникнуты произведенія этого знаменитаго художника. Какъ рисовальщикъ, несомнѣнно даровитый, А. Н. Оленинъ былъ предтечею гр. Ѳ. П. Толстаго: многіе изъ его рисунковъ къ стихотвореніямъ Державина запечатлѣны строгимъ и съ тѣмъ вмѣстѣ изящнымъ характеромъ, свойственнымъ классическимъ антикамъ.

Оленинъ былъ другомъ художниковъ трехъ поволеній. Домъ его посѣщали: Боровиковскій, Венеціановъ, Варнекъ, Гальбергъ, Галактионовъ, Демуть-Малиновскій, Егоровъ, Зауервейдъ, Иорданъ, Кипренскій, Лосенко, Мартосъ, Орловскій, Пименовъ, Резановъ, Тербеневъ, Щедринъ—словомъ, всѣ наши знаменитости по части живописи, водчества и ваенія. Изъ нихъ многіе слѣдовали совѣтамъ Оленина—тонкаго знатока изящнаго. Прибавимъ къ этому, что А. Н. Оленинъ, кромѣ изученія изящныхъ художествъ, весьма дѣятельно занимался археологіею вообще, а отечественною въ особенности. Вообще въ исторіи русской литературы, изящныхъ искусствъ, отечественной исторіи и археологіи въ царствованія Александра I и Николая имя Оленина должно занять весьма видное и по достоинству заслуженное мѣсто.

Онъ скончался въ 1843 году, въ преклонной старости, переживъ многихъ изъ своихъ друзей, дѣятелей времени минувшихъ, на рубежѣ новыхъ временъ, когда словесность и искусства у насъ въ Россіи вступали въ новую эру, чуждую преданіямъ классицизма.

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ еще ждетъ своего биографа. Къ счастью для отечественной исторіи, просвѣщенная дочь Алексѣя Николаевича, Варвара Алексѣевна Оленина (вдова Г. Н. Оленина), свято чтя память незабвеннаго своего родителя, сохранила множество матеріаловъ для его биографіи и для изученія его ученой, литературной и художественной дѣятельности. Матеріалы эти, переданные Варварой Алексѣевной ея зятю, Н. И. Стояновскому, приведены имъ въ

строгий систематическій порядокъ и подвергнуты весьма обстоятельной научной обработкѣ.

Помѣщаемая ниже переписка А. Н. Оленина съ гр. Аракчеевымъ весьма характеристична, какъ по отношенію къ Оленину — смѣло, твердо, съ большимъ достоинствомъ отстаивавшаго свои убѣжденія и самостоятельность ввѣренной ему академіи художествъ предъ могущественнымъ и злымъ временщикомъ, такъ въ особенности по отношенію къ самому Аракчееву: въ письмахъ владѣльца села Грузина къ Оленину внимательный читатель встрѣтитъ нѣсколько чертъ, отлично обрисовывающихъ Аракчеева; интересно, между прочимъ, какъ разнится тонъ писемъ этого человѣка на верху силы и власти съ письмами, какія онъ посылалъ во время опалы.... Между тѣмъ А. Н. Оленинъ все тотъ же, чуждый ласкательства и приниженія, но одинаково любезный и обязательный....

Долгомъ считаемъ засвидѣтельствовать признательность Н. И. Стояновскому за его интересное сообщеніе.

Ред.

I.

ПЕРЕПИСКА СЪ ГРАФОМЪ АРАКЧЕЕВЫМЪ.

1817—1833.

Москва. 16-го декабря 1817 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ, приношу вашему прев-ству мою благодарность за письмо ваше отъ 8-го декабря и за присылку эстампа, который, по дружбѣ вашей, я получилъ и который выгравированъ очень аккуратно. Басательно занятій вашихъ, я объ оныхъ знаю болѣе всѣхъ другихъ и цѣню вашу дѣятельность, а по множеству дѣлъ, конечно, вамъ нѣтъ времени гулять по гостямъ.

Теперь обращаюсь до присланной вами официальной бумаги отъ академіи художествъ, по коей я долженъ своего человѣка Семенова взять изъ оной, что я нынѣ же и приказалъ Льву Григорьевичу Невѣровскому явиться къ вашему прев-ству и просить вашего объ ономъ приказанія, прося только, дабы онъ, Семеновъ, снабженъ былъ формальнымъ аттестатомъ отъ академіи въ его знаніяхъ и дабы позволено ему было взять съ собою его рисунки, и, кажется, несправедливо будетъ, если господа академія не объяснитъ въ данномъ ему аттестатѣ, что онъ заслужилъ полученіе медали, которая ему назначена

19*

была настоящимъ актомъ. Наконецъ, по дружбѣ вашей ко мнѣ, я долженъ былъ на васъ посѣтовать, что вы сдѣлали такое постановленіе, по коему воспретили отдавать помѣщикамъ людей. Это, кажется, напрасно; почему господамъ не имѣть права отдавать выучить и сдѣлать настоящимъ человѣкомъ изъ своихъ людей, но приневолить меня никто не можетъ сдѣлать его вольнымъ; я сдѣлаю его по его мнѣ заслугѣ, а не по приказанію. Но буди ваша воля, вы, философы нынѣшняго вѣка, дутче знаете насъ, псалтырниковъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и дружбою пребуду вашего прев—ства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

Помѣта А. Н. Оленина: «21-го декабря 1817 г.»

Оленинъ—гр. Аракчееву ¹⁾.

31-го декабря 1817 г.

Милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ. Я долго замедлилъ отвѣчать вашему сія-ву на почтеннѣйшее письмо ваше отъ 16-го декабря, заупрямившись писать мое письмо собственною моею рукою, несмотря на боль, которую я въ ней чувствую, уповательно отъ простуды. Наконецъ, доведя до самаго нельзя, рѣшился я просить помощи у чужой руки, и нынѣ поспѣшаю уже донести, что помянутое почтеннѣйшее письмо вашего сія-ва, отъ 16-го декабря, я имѣлъ честь получить 21-го числа сего мѣсяца отъ Льва Григорьевича Невѣровскаго. Благосклонныя въ семь писемъ выраженія вашего сія-ва обо мнѣ и откровенное объясненіе мыслей вашихъ, по особому ко мнѣ благоволенію, побуждаютъ меня со всею искренностію изложить передъ вашимъ сія-вомъ причины, заставившія императорскую академію художествъ приняться за старый свой порядокъ.

Новое главное начальство министерства просвѣщенія, выигнувъ въ разстроенное положеніе сего знаменитаго и полезнаго заведенія, усмотрѣло многія вкравшіяся слабостью, временемъ и обстоятельствами (смѣю прямо сказать) злоупотребленія.

Судьбѣ угодно было назначить меня къ исправленію оныхъ. Я говорю судьбѣ, ибо мѣсто президента императорской академіи художествъ я получилъ, когда о немъ ни думалъ, ни гадалъ. Многіе тому не вѣрятъ, но я въ томъ могу присягнуть, а впрочемъ, вслѣдѣ воленъ думать, что ему угодно.

И такъ, новое главное начальство министерства просвѣщенія по

¹⁾ Подлинникъ руки А. Н. Оленина переписанъ и затѣмъ вновь имъ исправленъ. Съ этой послѣдней рукописи напечатанъ здѣсь этотъ документъ.

ставило мнѣ на видѣ, между многими послабленіями, и допущеніе принимать, на ряду съ вольными казенными воспитанниками и учениками императорской академіи художествъ помѣщичьихъ людей крѣпостнаго состоянія въ противность 1-й статьѣ 1-го разряда 1-й главы академическаго устава и высочайше утвержденной привиллегіи. Сія статья начинается слѣдующими словами:

„Первому приему состоятъ изъ 60-ти мальчиковъ, какого-бъ званія ни были, исключая однихъ крѣпостныхъ, не имѣющихъ отъ господъ своихъ увольненій“.

Отступленіе отъ сего кореннаго правила произошло отъ стѣсненныхъ обстоятельствъ императорской академіи художествъ.

Бывшее начальство оной, видя паденіе цѣны на бумажныя наши деньги и непомѣрное возвышеніе оной на всѣ припасы, товары и художественныя пособія, не рѣшилось однако-жъ уменьшить число учащихся; но, усмотрѣвъ, что нѣкоторые изъ гг. профессоровъ имѣютъ у себя на квартирахъ учениковъ изъ крѣпостныхъ людей (въ числѣ коихъ былъ и тотъ, который нынѣ столь удачно гравировалъ старинное знамя, вашему сія-ву принадлежащее) и что профессора получаютъ за то отъ помѣщиковъ изрядный себѣ доходъ, вздумало тѣмъ же средствомъ помогать разстроеннымъ финансамъ императорской академіи художествъ, и отложивъ само-собою коренныя правила, верховною властью для сего заведенія установленныя, стало уже принимать въ училище академіи и въ самую академію крѣпостныхъ людей, подъ видомъ пансіонеровъ.

При вступленіи моемъ въ званіе президента императорской академіи художествъ, большая часть, или, лучше сказать, всѣ гг. академики, совѣтники оной и профессора, между прочимъ, и старшій изъ нихъ, знаменитый нашъ художникъ и вашему сія-ву столь знакомый, при всѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь касалась до сего нововведенія, единогласно возставали противъ онаго, исключая только г-на конференцъ-секретаря, который находилъ сію мѣру полезною. Всѣ прочіе члены академическаго совѣта приписывали ей видимое истребленіе нравственности между казенными учениками и укорененіе между ими многихъ гнусныхъ пороковъ. Вотъ какія были неоднократныя замѣчанія гг. профессоровъ, которыя И. П. Мартосъ, конечно, вашему сія-ву подтвердитъ, если захочетъ быть искреннымъ.

Сверхъ того, дошедшее до меня роптаніе отборнѣйшихъ поведеніемъ своимъ вольныхъ учениковъ, какъ казенныхъ, такъ и пансіонеровъ, о смѣшеніи ихъ съ крѣпостными людьми, принадлежащими къ холопскому званію, столь уничижительному нетокмо у насъ, но и во всѣхъ земляхъ свѣта, побудило меня рассмотреть сіе дѣло са-

мымъ прилежнымъ образомъ и сообразить, безъ всякаго пристрастія, выгоду или вредъ, отъ онаго проистекающіе для пользы общей, для пользы академіи, для пользы помѣщиковъ, и какимъ образомъ можно соединить пользу общую и пользу академіи съ пользою помѣщиковъ, не разстраивая установленнаго издавна порядка.

Изъ сего соображенія произошли слѣдующія заключенія:

1) Истиннымъ, обществу полезнымъ художникомъ, безъ добраго поведенія, благороднаго любочестія и нѣкоторой возвышенности духа, быть никакъ не можно. Сообщение же, а кольми паче сожительство съ порочными людьми, особливо въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, совершенно подавляютъ всѣ способности къ художествамъ. По несчастію, гнусные самыя пороки вообще принадлежатъ холопскому или рабскому состоянію, въ которомъ они получаютъ, такъ сказать, въ наслѣдство, а потому тѣсное сообщеніе сего рода людей и равенство оныхъ въ воспитаніи съ юношами свободнаго состоянія, болѣе приноситъ общаго вреда, нежели пользы.

2) За симъ уже нѣтъ нужды распространяться въ доказательствахъ, что сіе смѣшеніе состояній между воспитанниками императорской академіи художествъ для нея весьма вредно.

3) Но полезно-ли оно для помѣщиковъ? Полезно на первый взглядъ, но въ существѣ своемъ не менѣе для выгодъ ихъ вредно, какъ и для академіи. Если-бъ помѣщики получали изъ оной исправныхъ только мастеровыхъ, какъ-то: хорошихъ маляровъ, искусныхъ рѣзчиковъ, опытныхъ строителей или каменщицкихъ старость, то, конечно, весьма бы выгодно было почти даромъ получать знающаго свое дѣло мастераго, а подѣ кудую статью и работника. Но въ академіи воспитываются художники, въ которыхъ, по существу ихъ званій, должно непремѣнно, для истинной пользы и возвышенія искусства, возвышать и мысли, и чувствованія, образовывать ихъ умъ и сердце, говорить имъ безпрестанно о свободѣ мыслей, о свободѣ въ выборѣ предметовъ ученія, о свободныхъ художествахъ, ибо они такъ изъ-покояи вѣда называются всѣми просвѣщенными народами.

Такижъ образомъ крѣпостной человѣкъ, нѣсколько лѣтъ сряду приучившійся, по наставленіямъ учителей своихъ и товарищей, къ слову „свобода“ и къ понятіямъ о личной свободѣ, о необходимости оной для свободныхъ художествъ, о правахъ художника, объ открытой ему дорогѣ къ полученію посредствомъ успѣха въ оныхъ чиновъ и личнаго даже дворянства, возвращается, наконецъ, въ домъ къ своему помѣщику въ крѣпостное состояніе, и тутъ нетоже въ совершенномъ отчаяніи и въ жестокой самой къ нему ненависти, но съ ненавидѣніемъ даже и того дарованія, посредствомъ коего онъ мыслить

выдти изъ несноснаго для него крѣпостнаго состоянія. Тутъ, по общей привычкѣ русскаго народа, онъ начинаетъ съ горя пить и кончаетъ свое поприще достиженіемъ, вмѣсто лавроваго вѣнка, присвоеннаго издревле художествамъ, такъ называемою у насъ красною шапкою, а отъ чего? отъ того только, что этотъ бѣдный человѣкъ выведенъ съ той стези, на которую онъ судьбою былъ поставленъ. И что-жъ, наконецъ, происходитъ изъ всѣхъ на него употребленныхъ издержекъ, времени и попеченій? Что онъ, по просту сказать, дѣлается негоденъ ни Богу, ни государю, ни помѣщику, ни самому себѣ.

4) Размышляя такимъ образомъ о невыгодѣ общаго воспитанія крѣпостныхъ людей съ людьми свободнаго состоянія, я обратилъ вниманіе мое на способы соединить выгоды помѣщиковъ съ пользою общеою и съ пользою академіи, и, по прилежномъ соображеніи, нанель, что если-бъ академія не отступала отъ своего устава и держалась прежняго порядка, то есть, если-бъ она сама принимала въ училище свое однихъ только вольнаго состоянія людей, а профессорамъ позволяла бы держать у себя крѣпостныхъ безъ тѣснаго ихъ по сожителству сообщенія съ казенными воспитанниками, то польза всѣхъ была бы тѣмъ сохранена: польза общая—распространеніемъ въ народѣ большой массы познаній; польза академіи—меньшимъ допущеніемъ несвойственныхъ художествамъ пороковъ; польза помѣщиковъ—приобрѣтеніемъ искусныхъ, если не художниковъ, по крайней мѣрѣ, отличныхъ мастеровыхъ; польза профессоровъ—полученіемъ прибавки къ доходамъ ихъ, которые они у насъ въ Россіи съ большимъ трудомъ получаютъ, и, наконецъ, польза самихъ крѣпостныхъ людей, которые, по сему порядку не будучи выводимы изъ ихъ состоянія слишкомъ для нихъ возвышеннымъ воспитаніемъ, терпѣливо и безъ вреднаго для общаго мнѣнія ропота, сносятъ ту низкую участь, въ которую они судьбою поставлены.

Вотъ какія были мои заключенія по предмету изъясненныхъ мнѣ единогласно замѣчаній гг. членовъ академическаго совѣта о недопущеніи крѣпостныхъ людей въ училище академіи наравнѣ съ дѣтскими людьми свободнаго состоянія, и вотъ что меня побудило сдѣлать надлежащее по оному представленіе высшему начальству.

Если ваше сія-во удостоите вникнуть въ сіи обстоятельства, то, конечно, увидите, что я къ тому былъ побужденъ не такъ какъ философы нынѣшняго времени, какимъ вы меня, вѣрно шутя, изволите называть, но поступилъ въ семъ случаѣ какъ человѣкъ, также первоначально учившійся по буеварю, часовнику и псалтирю, ибо мнѣ уже 54-й годъ отъ роду. (Тутъ слѣдуютъ нѣсколько строкъ, помаранныхъ

такъ, что разобрать ихъ нельзя) ¹⁾. Слѣдственно человѣкъ, по моему мнѣнію, крѣпостной и долженъ имѣть ту степень воспитанія и познаній, которая сообразна съ его состояніемъ, тогда онъ будетъ полезенъ, въ противномъ же случаѣ—вреденъ для помѣщика, для сотоварищей и, слѣдственно, для общества.

Имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и проч.

Гр. Аракчеевъ—Оленину.

Москва. — 31-го декабря 1817 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. При самомъ моемъ отъѣздѣ изъ Москвы доставили ваше пре-во ко мнѣ дѣло изъ государственнаго совѣта, Давыдовой съ Муравьевымъ, которое я и передалъ для доклада, по принадлежности, статс-секретарю Марченко со всѣми приложеніями. Но, найдя въ ономъ дѣлѣ письмо ваше, милостивый государь, по сему дѣлу, которое меня, признаюсь вамъ, крайне удивило, ибо не мое дѣло судить качества людей, а особенно еще почтенныхъ, каковымъ я всегда привыкъ считать и ваше пре-во. Послѣ онаго я долго размышлялъ отдать ли сіе письмо г. Марченкѣ или возвратить вашему пре-ву, и, наконецъ, по моимъ заключеніямъ, нашелъ я, что лучше возвратить вамъ оное. Если сямъ нѣсколько васъ и огорчу, но не сдѣлаю того, чтобы его кто-либо другой читалъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего пре-ва почтительный слуга гр. Аракчеевъ.

18-го ноября 1819 г.

(Собственноручно). Покорно благодарю вашего пре-ва, Алексѣя Николаевича, что вы снисходите немощамъ дряхлыхъ людей. Время на присылку моего голоса прошло по случаю моей болѣзни, и я со-глашаюсь во всемъ со всѣми господами членами, чѣмъ самымъ и до-ношу вашему пре-ву съ истиннымъ почитаніемъ.

15-го (14-го?) декабря.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Вчерась, отдавая вашему пре-ву дѣла государственнаго совѣта, забылъ еще вамъ объявить волю государя императора, то, извиняясь

¹⁾ Выписываемъ эти строки изъ черноваго подлинника: «И сверхъ того какъ человѣкъ, воспитанный у родителей, вовсе неизвѣстныхъ о либеральной снотезѣ или о правилахъ филантропіи, и которые мнѣ потому и натолковали съ самыхъ молодыхъ лѣтъ старинную русскую пословицу: «всякій сверчокъ знай свой шестокъ».

вамъ въ ономъ, прошу сдѣлать мнѣ одолженіе, прислать ко мнѣ того вамъ угодно, дабы я могъ оное изъяснить на словахъ; я же сегодня цѣлое утро буду дома до перваго часа.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть на всегда вашего пре-ва покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Примѣчаніе. Исполнено мною лично. Отъ графа А. А. я прямо поѣхалъ къ графу Д. А. Гурьеву и съ нимъ объяснился по дѣлу о дополнительныхъ статьяхъ къ уставу о продажѣ вина, и статьи сіи получилъ, исправленныя того же вечера (14 декабря) отъ его сія-ва. А. Оленинъ.

17-го марта, пятница. (Около 1823 г.).

(Собственноручно). Не имѣю ни времени, ни позволенія оное докладывать, а можете ваше пре-во при иныхъ докладахъ дѣлать все что угодно, ибо мы имѣемъ не государя, а отца, который ото всѣхъ выслушиваетъ; а потому и прошу, какъ на сей разъ, такъ и впредь извинить.

Дурно пишу, ибо ѣду сейчасъ въ Царское Село.

17-го декабря.

(Собственноручно). Я никогда не приказывалъ беспокоить вашего прев-ства, Алексѣй Николаевичъ, а видно сіе вышло недоразумѣніе, а спросить только о дѣлахъ, тѣхъ самыхъ, о которыхъ вы мнѣ сами говорили, и отъ вашего прев-ства зависѣть будетъ оныя дѣла на нынѣшней недѣлѣ предложить въ департаментъ или оставить до будущаго года; о чемъ и буду ожидать вашего извѣщенія, а о назначеніи времени я ни слова не говорилъ, да и надобности въ томъ нѣтъ васъ беспокоить.

(Бумага 1822 г.)

20-го февраля 1824 года Аракчеевъ подарилъ А. Н. Оленину брошюру: «Рескрипты и записки государя императора Павла I къ графу Аракчееву». Брошюра эта перепечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г.

17-го апрѣля, субота. (1824 г.)

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ, Вчера съ забылъ я съ вашимъ пре-вомъ говорить о прилагаемыхъ у сего бумагахъ, а равномѣрно и о дѣлѣ по архіеревскому московскому подворью, то просилъ бы васъ, милостивый государь, со мною увидѣться сего числа пополудни въ 7 часовъ, чѣмъ одолжите пребывающаго съ почтеніемъ покорнаго слугу, гр. Аракчеевъ.

Помѣта А. Н. Оленина: «19 апрѣля 1824 года».

Царское Село.—16-го іюня 1824 г.

Милостивый государь мой, Алексѣй Николаевичъ. Помня обѣщаніе вашего пре-ва посѣтить меня въ Грузинѣ и давъ вамъ слово заблаговременно васъ увѣдомить о времени, когда я могу васъ принять, я имѣю честь извѣстить васъ, милостивый государь мой, что смотръ государемъ императоромъ военныхъ поселеній окончится 2-го будущаго іюля, а 4-го я располагаю уже возвратиться въ Грузино. По сему и доставите вы мнѣ удовольствіе, если пожелаете ко мнѣ въ Грузино 5-го іюля къ ночи, тѣмъ болѣе, что 6-го іюля у меня деревенскій праздникъ. Мнѣ пріятно будетъ также, если и Федоръ Петровичъ Львовъ пріѣдетъ съ вами вмѣстѣ, какъ онъ того желалъ.

Имѣю честь и пр. „графъ Аракчеевъ“.

Грузино.—14-го сентября 1829 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Служа вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ, я думалъ, что ваше пре-во замѣтили мою откровенность, которая во мнѣ и подъ старость осталась въ томъ же видѣ.

Я признаюсь вамъ, милостивый государь, что пріятель мой, П. В. Ильинъ, смѣло поступилъ, адресовавшись къ вамъ отъ имени моего. Я не смѣлъ бы онаго сдѣлать, воображая различное наше съ вами нынѣшнее положеніе: вы заняты службою, а я больной старикъ, въ деревнѣ живущій, отъ котораго просьбы государственными людьми принимаются сухо и безъ вниманія. Но письмо вашего пре-ва меня удивило, что вы, милостивый государь, столь добры, что обратили все ваше вниманіе къ моей просьбѣ, за что спѣшу принести вамъ, милостивому государю, мою искреннюю благодарность, и увѣряю вашего пре-ва, что сверхъ оной и праведная душа благосклоннаго Александра упросить у Господа Бога его благословеніе на васъ и на все ваше семейство! Ваше письмо я принимаю въ полной цѣнѣ вашего къ себѣ дружества и всѣ ваши въ немъ помѣщенныя замѣчанія уважаю и передаю г. Гольбергу, съ коимъ на сихъ дняхъ заключаю законное условіе о сооруженіи памятника общему нашему государю и благодѣтелю. Прошу васъ, милостиваго государя, сдѣлать мнѣ милость продолжать ваше къ сей работѣ вниманіе и оказывать Гольбергу нужное пособіе, чтѣ я все передамъ потомству особою на монументѣ надписью.

Нынѣ же я препоручилъ П. В. Ильину приступить къ договору и съ г. Якимовичемъ объ отливкѣ онаго памятника; а потомъ займусь и приготовленіемъ фундамента и чугуннаго пьедестала.

Повторяю мою благодарность и продолжая мое удивленіе христиан-

своему доброму вашего пре-ва ко мнѣ расположенію, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ вашего пре-ва, милостиваго государя, покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Грузино. — 14-го апрѣля 1832 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Иванъ Ѳедоровичъ Апрѣлевъ увѣдомилъ меня, что ваше высокопре-во спрашивали у него обо мнѣ, старикѣ, то я и поставляю долгомъ моимъ благодарить васъ, милостиваго государя.

Равномѣрно благодарю васъ и за увольнение г. Гольберга, коему я показывалъ мои деревни, и ему оныя понравились такъ, что расположенъ лѣтомъ опять пріѣхать ко мнѣ отдохнуть.

Поздравляя вашего высокопре-ва съ наступившими праздниками, желаю вамъ провести оныя въ добромъ здоровьѣ, что для насъ, стариковъ, всего дороже.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч., графъ Аракчеевъ.

Честь имѣю возвратить остававшуюся у меня записку в-го высокопре-ва.

Грузино. — 19-го ноября 1833 года.

Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. По милости Господа Бога совершилъ я открытіе памятника въ селѣ Грузинѣ въ Бозѣ почитающему императору, благодѣтелю моему Александру Благословенному, въ день печальный сердцу моему, 19-го ноября сего года. Но какъ ваше пре-во дѣлали мнѣ въ ономъ ваше содѣйствіе, то я счелъ, что вамъ, милостивому государю, будетъ пріятно имѣть памятную вещь вашего въ ономъ участія, то и препровождаю при семъ вѣстѣ и рисунокъ для вашего превосходительства. Съ почтеніемъ честь имѣю быть и пр., графъ Аракчеевъ.

М. г. А. Н. Оленину.

II.

ССЫЛКА А. О. ЛАВЗИНА.

Къ числу весьма распространенныхъ анекдотовъ изъ временъ Александра I принадлежитъ рассказъ объ отвѣтѣ Лавзина, конференцъ-секретаря академіи художествъ, на предложеніе президента академіи А. Н. Оленина избрать въ почетные ея члены Аракчеева. При этомъ какъ отвѣтъ Лавзина, такъ и послѣдовавшая затѣмъ высылка его изъ Петербурга — передается со всевозможными разпорѣ-

чїями, сходными лишь въ томъ, что Оленина дѣлають главнымъ виновникомъ грѣзы, грянувшей надъ конференцъ-секретаремъ.

Вотъ, что, напримѣръ, рассказываетъ знаменитый строитель храма Христа Спасителя, академикъ Витбергъ.

„Президентъ академіи художествъ Оленинъ предложилъ въ одномъ общемъ собраніи академіи о баллотированіи въ почетные любители члены академіи: Аракъчеева, Гурьева и Кочубея. На вопросъ конференцъ-секретаря, чтѣ отличнаго въ этихъ лицахъ и чѣмъ они могутъ быть полезны академіи и искусствамъ, представляя на видъ, что по положенію только такіе баллотироваться въ почетные члены, которые имѣютъ или музеи, или извѣстны особенною любовью къ искусствамъ, президентъ отвѣчалъ, что эти лица близкіе государю.

— „А когда такъ, то всѣхъ ближе къ государю Илья кучеръ, да и сидитъ къ его величеству спиною...“

„Президентъ Оленинъ, мимо министра просвѣщенія, донесъ черезъ Аракъчеева до государя сіе, давно искавши случая избавиться Лабзина, который былъ слишкомъ уменъ и твердъ.

„Лабзинъ умеръ, удаленный въ Симбирскъ, ибо духъ его, привыкшій къ дѣятельности, не могъ перенести тяжести ссылки: онъ впалъ въ чахотку и перешелъ въ другую жизнь въ самомъ короткомъ времени“. (Воспоминанія А. Л. Витберга, записанныя съ его словъ въ Вяткѣ А. И. Герценомъ и напечатанныя въ „Русской Старинѣ“, изд. 1872 г., томъ V).

Такимъ образомъ не только по устнымъ позднѣйшимъ рассказамъ, но и по свидѣтельству знаменитаго художника, академика Витберга, человѣка весьма близкаго къ Лабзину, — Оленинъ является въ этомъ дѣлѣ доносчикомъ, почти прямымъ виновникомъ преждевременной кончины издателя „Сіонскаго Вѣстника“.

Документы, ниже печатаемые съ подлинниковъ, сообщенныхъ Н. И. Стояновскимъ, снимаютъ съ А. Н. Оленина малѣйшую тѣнь нареканія по отношенію къ судьбѣ, постигшей Лабзина, и неопровержимо доказываютъ, что онъ не только не былъ доносчикомъ на своего конференцъ-секретаря, но еще всячески старался смягчить его проступокъ и, рискуя своимъ собственнымъ положеніемъ — смѣло протянулъ опальному руку помощи.

Ред.

19-го сентября.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Дошли до меня слухи о неприличномъ поведеніи г-на Лабзина въ собраніи, бывшемъ въ академіи художествъ. Я считаю обязанностью своею просить вашего пре-ва увѣдомить меня, что подаю

поводъ къ таковымъ слухамъ и что произошло со стороны г-на Лавзина? Вамъ самимъ извѣстно, сколь благопристойность необходима вездѣ и что правительство не можетъ не обратить вниманія на подобныя дѣйствія; а посему ожидая подробнаго увѣдомленія о всемъ, честь имѣю быть съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вашего пре-ва всепокорнѣйшій слуга гр. Милорадовичъ.

Помѣта: «24-го ноября 1833 г.».

Оленинъ— гр. Милорадовичу.

Мыза Приютно ¹⁾.—21-го сентября 1822 г.

Милостивый государь, графъ Михаилъ Андреевичъ. Я цѣлыми сутками замедилъ отвѣтомъ моимъ на почтенное письмо вашего сія—ва, которое вы ко мнѣ и у меня въ домѣ изволили писать въ званіи с.-петербургскаго военнаго господина генераль-губернатора. Причина медленности моего отзыва состоитъ единственно въ томъ, что вчерашній день назначенъ былъ женою моею къ помолвкѣ на дачѣ ея, Приютно, старшей нашей дочери. что вчера съ благословеніемъ Божиимъ исполнилось ²⁾. Теперь, отдохнувъ отъ сей,—и радостной и тяжелой для родителей,—церемоніи, я поспѣшаю донести вамъ письменно, милостивый государь, по требованію вашему, то, что ваше сія-во изустно уже отъ меня слышали.

Донедшіе до васъ слухи о словахъ, произнесенныхъ г-мъ вице-президентомъ императорской академіи художествъ, д. ст. сов. А. Ѳ. Лавзинымъ, въ совѣтъ сей академіи, бывшемъ печеромъ, въ среду, 13-го числа сего сентября мѣсяца, о которыхъ ваше сія-во меня спрашивали въ прошлый понедѣльникъ, въ русскомъ театрѣ, а потомъ сами изволили пожаловать ко мнѣ во вторникъ (19-го сентября) и въ подробности мнѣ объясняли вами слышанное по сему предмету—справедливы. Къ моему несчастію, дѣло происходило точно такъ, какъ оно вашему сія-ву пересказано было неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ, котораго имя вы не разсудили мнѣ сообщить. И такъ, справедливо то, что когда я объявилъ совѣту о надлежащемъ выборѣ трехъ почетныхъ любителей, на каковыя мѣста въ привиллегіи, сей академіи данной, предписано помѣщать изъ знатнѣйшихъ особъ, и когда я выборъ сей предоставилъ общему согласію гг. членовъ академическаго совѣта, отказавшись самъ отъ сего выбора, то г. вице-

¹⁾ За пороховыми заводами, по дорогѣ въ Рабово. На этой мызѣ часто гостили у А. Н. Оленина его друзья—Гнѣдичъ, И. А. Крыловъ и другіе.

²⁾ Варвара Алексѣевна Оленина вышла въ замужество за Григорія Никаноровича Оленина.

президентъ Лабзинъ, не соглашаясь долго на утверженіе предначиненныхъ совѣтомъ трехъ новыхъ особъ, а именно: графа Гурьева, графа Аракчеева, и особенно упорствуя въ выборѣ графа Кочубея, заключилъ свой споръ тѣмъ, что если совѣтъ полагаетъ выбрать сихъ трехъ новыхъ членовъ по той причинѣ, что они имѣютъ доступъ къ высочайшей особѣ, то онъ, г. Лабзинъ, съ своей стороны предлагаетъ въ почетные любители также близкую государю императору особу, а именно государева кучера Илью.

Вотъ что вашему сія-ву извѣстно было помимо меня, и такъ какъ слышанное вами было совершенно справедливо и говорено г. Лабзинымъ громко, въ присутствіи болѣе 20-ти гг. художниковъ, то я по совѣсти принужденнымъ нашелся подтвердить вамъ, по требованію вашему, истину вамъ сказаннаго, прибавя къ тому только, что какъ сіи слова были произнесены г-мъ Лабзинымъ въ присутственной комнатѣ, при собраніи вышепомянутыхъ гг. чиновниковъ или художниковъ, моимъ, такъ сказать, товарищемъ по службѣ въ академіи, то я, избѣгая неприятныхъ съ нимъ объясненій и уважая тяжкую его болѣзнь, разсудилъ этому дѣлу дать оборотъ не столь серьезный, связавъ г-ну Лабзину, что я не премину извѣстить новоизбранныхъ гг. членовъ въ почетные любители о чести, которую имъ сдѣлалъ Александръ Федоровичъ, предложеніемъ къ совмѣстному съ ними выбору кучера Ильи. Сей неожиданный отвѣтъ мой произвелъ въ собраніи невольный общій смѣхъ, который привелъ г-на Лабзина въ нѣкоторое негодованіе, ибо онъ съ сердцемъ отвѣчалъ мнѣ: „Извольте имъ это сказывать, я ихъ не боюсь“. Но, къ счастью, симъ послѣднимъ порывомъ неприятное сіе явленіе кончилось.

Объяснивъ вамъ, милостивый государь, подробно, по требованію вашему, какъ господину военному генераль-губернатору, какъ это дѣло было, затѣмъ имѣю честь быть съ отличнымъ почитаніемъ и таковою же преданностію, вашего сія-ва покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Оленинъ.

Императоръ Александръ I—кн. А. Н. Голицыну.

Въ г. Веронѣ.—20-го октября 1822 г.

Князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ). Усмотрѣлъ я изъ донесенія с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора и отношенія къ нему президента академіи художествъ Оленина наглый поступокъ, учиненный въ полномъ собраніи вице-президентомъ оной д. ст. сов. Лабзинымъ. Подобная дерзость терпима быть не можетъ. Я повелѣлъ указомъ, сего числа правительствующему сенату даннымъ, отставить его вовсе отъ службы, а с.-петербургскому военному генераль-губер-

натору выслать его изъ столицы въ деревни, съ запрещеніемъ выѣзда изъ оныхъ безъ особеннаго моего на то повелѣнія.

Равнымъ образомъ съ крайнимъ удивленіемъ замѣтилъ изъ самаго отзыва президента Оленина, шуточное возраженіе, имъ сдѣланное Лабзину, въ опроверженіе его дерзости, тогда какъ слѣдовало властью, ему присвоенною, укротить неприличное поведеніе Лабзина; вслѣдствіе чего повелѣваю вамъ, призвавъ г. президента академіи художествъ, сдѣлать ему строжайшій выговоръ, какъ за таковой отвѣтъ, такъ и за то, что не умѣлъ въ семь случаевъ исполнить должнаго, оставя столь дерзкій поступокъ безъ донесенія начальству. Пребываемъ вамъ навсегда благосклоннымъ Александръ.

Помѣта: «Получено 6-го ноября 1822 г.».

Оленинъ—А. Г. Ухтомскому ¹⁾.

1822 года, ноября 12 дня.

Узнавъ вчера отъ васъ, что А. Θ. Лабзинъ, при крайнемъ его несчастіи, находится въ крайней будто бѣдности, я рѣшился ему помочь по долгу христіанскому, по-силѣ, по-мочи, несмотря на великое огорченіе, которое онъ мнѣ нанесъ необдуманнымъ своимъ поступкомъ, и на многія другія огорченія. Богъ съ нимъ! Онъ теперь несчастливъ и другаго я въ немъ не вижу. И такъ, вотъ росписка моя въ жалованьи моемъ на 300 р.; ибо денегъ у меня теперь нѣтъ. Возьмите сію сумму посредствомъ сей росписки у Д. И. Воробьева и отдайте А. Θ. Лабзину; но съ тѣмъ, чтобъ какъ онъ, такъ и его близкіе, отнюдь бы не знали, отъ кого сіи деньги присланы. Скажите, что вы ихъ нашли для него, а отдасть ихъ когда захочетъ. Я надѣюсь на вашу честность и увѣренъ, что вы меня не огласите. Прошу мою записку тотчасъ истребить.

Ухтомскій—Оленину.

1822 г. ноября 12-го дня.

Ваше пре-во, милостивый государь. Выслушавъ наставленіе отъ васъ по случаю совершившагося несчастія надъ г. Лабзинимъ, какъ отъ любезнаго отца, начальника и благодѣтеля моего, съ сердечнымъ умиленіемъ приѣмлю оное. Вы совершенно отъ гибели меня сохраняете, и сохраняюсь, доволѣ руководимъ буду вами. Да благословить васъ Богъ за сіе, изливъ милости свои на васъ и на чадъ вашихъ. Вотъ чувства мои и благодарность, каковую я въ другомъ видѣ выразить не могу вашему пре-ву. Получивъ же отъ васъ право на испол-

¹⁾ Служилъ при академіи художествъ.

неніе благотворнаго вашего дѣянія, вслѣдствіе предписанія вашего, я исполнилъ оное по волѣ вашей, доставивъ ту сумму извѣстному вамъ несчастливцу, который скоро и отправится въ предназначенное ему мѣсто. Повозка уже готова, и укладываются.

Симъ извѣщая, имѣю честь быть вашего пре-ва, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Андрей Ухтомскій.

Кн. Волконскій—Оленину.

Верона, 27-го ноября (7 декабря) 1822 г.

(Собственноручно). Милостивый государь, Алексѣй Николаевичъ. Письмо вашего пре-ва, отъ 10-го ноября, съ приложенною запискою о смерти д. т. с. Попова получилъ и немедленно представилъ Е. И. В-ву. Въмѣстѣ съ тѣмъ доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія и объясненіе ваше на счетъ сдѣланнаго вами отвѣта г. Лабзину, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы не причинить болѣе вреда его здоровью. На сіе скажу вамъ откровенно, что ежели бы Лабзинъ сей поступокъ оказалъ наединѣ съ вами, тогда бы можно было оный оставить безъ вниманія; но въ полномъ собраніи таковой поступокъ никакъ не можетъ быть извинителенъ, а еще мѣже въ присутствіи самого начальника, которому сего терпѣть никакъ не слѣдовало, а какъ вы говорите, должно бы было приказать записать въ журналъ и донести начальству. По службѣ, вы сами довольно знаете, никакихъ подобныхъ уваженій быть не можетъ, и младшій предъ старшимъ ни въ какомъ случаѣ забываться не долженъ и старшему спускать ничего не должно, ежели младшій забывается. Вотъ мое мнѣніе, не прогнѣвайтесь, говорю съ вами по дружески, откровенно. Послѣдствія доказываютъ вамъ, что государь на васъ не гнѣвается, что усмотрите изъ письма моего, вскорѣ писаннаго къ Елисаветѣ Марковнѣ¹⁾, на просьбу, ея присланную. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего пре-ва покорнѣйшій слуга кн. Петръ Волконскій.

Сообщ. Н. И. Стояновскій.

¹⁾ Супруга А. Н. Оленина, рожденная Полторацкая.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

III ¹⁾.

Неизданныя письма Гоголя ²⁾.

1843—1846.

2-го марта 1843 г. — Римъ.

На прошлой недѣлѣ отправилъ я къ тебѣ письмо, которое, я думаю, ты уже получилъ, иначе мнѣ было бы слишкомъ жаль, потому что оно мнѣ стоило большаго труда ³⁾. О, какъ трудно мнѣ изъяснять что-либо относящееся ко мнѣ. Много есть безмолвныхъ вопросовъ, которые ждутъ отвѣтовъ, и не въ силахъ отвѣчать. Какъ тягостно во время внутренней работы удовлетворять отвѣтами проходящихъ, хотя бы близкихъ душъ. Представь архитектора, строящаго зданіе, которое все загромождено и заставлено у него лѣсомъ; чего стоитъ ему снимать лѣса и показывать неоконченную работу, какъ-будто бы кирпичъ въ чернѣ, и первое пришедшее въ голову слово, въ силахъ(-ли) рассказать о фасадѣ, который еще въ головѣ архитектора. А между тѣмъ уже утрачена часть времени, и страннымъ охлажденіемъ объята голова строителя. Скажу тебѣ, что иногда мнѣ очень были тяжелы без-

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 99—130. Помѣщаемыя здѣсь письма писаны С. П. Шевыреву.

²⁾ Письма, вошедшія въ предыдущую книгу, уже были отпечатаны, когда Б. С. Шевыревымъ доставлены были и подлинники напечатанныхъ прежде у г. Кулиша, но напечатанныхъ съ пропусками. Тѣми изъ нихъ, которые относятся ко времени не ранѣе 1843 г., я воспользуюсь въ настоящей книгѣ для возстановленія пропущенныхъ мѣстъ. Въ письмахъ же до 1843 г. пропуски оказались несущественными, кромѣ одного, который напечатанъ будетъ въ самомъ концѣ, въ видѣ дополненія.

³⁾ Это, очевидно, то большое письмо отъ 28-го февраля, которое напечатано въ предыдущей книгѣ «Русской Старины»—въ концѣ статьи. О. М.

молвные и гласные упреки въ скрытности, которая вся происходила отъ безсилія силъ моихъ объяснить многое... но я молчалъ. За то, какую глубокую радость слышала душа моя, когда, мимо словъ моихъ, мимо меня самого, узнавали меня глубиною чувствъ своихъ... Не могу и не въ силахъ я тебѣ изъяснить этого чувства, скажу только, что за нимъ всегда слѣдовала молитва, — молитва, полная глубочайшихъ благодарностей Богу, молитва вся изъ слезъ. И виновникомъ ихъ не разъ былъ ты. И не столько самое проразумѣніе твое силъ моихъ, какъ художника, которыя ты взвѣсилъ эстетическимъ чутьемъ своимъ, какъ совпаденіе душою, предслышаніе и предчувствіе того, что слышитъ душа моя... Выше такого чувства я не знаю, его произвелъ ты; слѣды этого вездѣ слышны во 2-й статьѣ твоего разбора „М. Д.“, который я уже прочелъ нѣсколько разъ. Но еще сильнѣе это чувство было возбуждено чтеніемъ твоей статьи объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному. Ты, безъ сомнѣнія, и не подозреваешь, что въ этой статьѣ твоей есть много, много того, къ чему стремятся мои мысли, но когда выдетъ продолженіе „М. Д.“, тогда ты узнаешь истину и значеніе словъ этихъ, и ты увидишь, какъ мы сошлись, никогда не говоря и не разсуждая другъ съ другомъ. Встрѣча въ чистомъ началѣ есть выше всѣхъ встрѣчъ на землѣ; дружба, почувствованная тамъ, вѣчна и если-бъ мы, вмѣсто стремленій стороннихъ, стремленій даже другъ къ другу, всѣ стремились къ Богу, мы бы всѣ встрѣтились другъ съ другомъ, души наши, какъ души младенцевъ, стали бы намъ открыты и ясны во всемъ другъ другу, всѣ исчезли бы недоразумѣнія, ибо недоразумѣнія отъ человѣка, и только одной помощью Бога узнать мы можемъ истину. Вотъ, что я хотѣлъ сказать тебѣ и для чего пишу письмо это. Прощай! не забывай меня; пиши хоть даже только два слова, хоть самыхъ торопливыхъ и ежедневныхъ слова, но непременно пиши. Это мнѣ очень нужно, меня никакъ не слѣдуетъ забывать во все это время. Еще хочу тебя попросить объ одномъ. Родственникъ мой Данилевскій, котораго ты отчасти знаешь, будетъ въ Москву, положеніе его требуетъ участія. По смерти матери своей онъ остался безъ куска хлѣба, по раздѣлу ему досталась такая малость, которая даже не достала на заплату долговъ, — нельзя-ли какъ-нибудь общими силами помочь ему, помѣстить его къ князю Дмитрію Владиміровичу (Голицыну) на какое-нибудь мѣсто съ жалованьемъ. У него есть способности, которыя не употреблены вовсе въ дѣло; кромѣ того, что у него прекрасная душа и сердце, онъ уменъ. Въ школѣ у него показывались искры таланта, но при вступленіи въ свѣтъ и на цюприцѣ службы преслѣдовали его до сихъ поръ неудачи, и донынѣ не попалъ на дорогу. Въ свободное время онъ даже могъ бы поработать и для

„Москвитянина“. Языковъ теперь только принялся за перо, а потому ничего не посылаетъ, но какъ только будетъ что-нибудь готово—сейчасъ вышлетъ. Твой Гоголь.

Въ изданіи г. Кулиша, въ самомъ началѣ 6-го тома, помѣщено письмо отъ 18-го марта, также изъ Рима, къ С. Т. Аксакову, заключающее въ себѣ напоминаніе о томъ, что было высказано уже въ вышепомѣщенномъ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 28-го февраля: «не забудьте, повторяетъ Гоголь Аксакову, моеѣ глубокой, сильной просьбы, которую я съ мольбой изъ вѣдръ души моеѣ вамъ гремѣть¹⁾ повергаю: возьмите на три года попеченіе о дѣлахъ monkъ» (7). Послѣ напечатаннаго вслѣдъ затѣмъ у г. Кулиша незначительнаго письма къ В. А. Жуковскому отъ 28-го марта, слѣдуетъ, по времени, помѣщаемое здѣсь къ С. П. Шевыреву. Заключающееся въ немъ требованіе самой смѣлой откровенности всгрѣчается, какъ извѣстно, и во многихъ, давно уже напечатанныхъ письмахъ Гоголя, самолюбіе котораго, надо думать, вознаграждалось при этомъ мыслію о томъ, что такое требованіе откровенности есть что-то исключительное, оказывающееся по силамъ только немногимъ.

7-го апрѣля 1843 г. — Римъ.

Сейчасъ получилъ я отъ Прокоповича 550 франковъ. Онъ не высылалъ ихъ мнѣ, ожидая накопленія и пополненія денегъ, потому что часть изъ нихъ уже употребилъ на нѣкоторыя необходимыя по изданію мелкихъ сочиненій, какъ-то: на печатаніе и разсылки (sic) всякихъ объявленій. Изъ отчета его видно, что дѣла всѣ въ порядкѣ, и потому совершенно не могу постигнуть, въ чемъ особенно заключается дурное распоряженіе, о которомъ мнѣ намекали изъ Москвы еще даже прежде твоего письма. Какъ жаль, что до сихъ поръ никто не можетъ понять, что мнѣ нужно мѣтить не въ бровь, а прямо въ глазъ²⁾. До сихъ поръ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не догадается, что есть на Руси человѣкъ, которому можно все говорить, не опасаясь, ни въ какомъ случаѣ, никакими словами, нанести неудовольствіе, которому можно говорить даже просто такимъ образомъ: послушай, ты подлець и подлець вотъ въ томъ-то и въ томъ-то, и въ такомъ-то твоемъ поступкѣ. Изъ положенія дѣлъ касательно (?) изданія мелкихъ сочиненій, я вижу ясно, что въ первый годъ оно только что окупить издержки печатанія; впрочемъ, я такъ и предполагалъ. Оно никакъ не могло имѣть расхода даже въ половину противъ „М. Д.“, уже потому, что книга не вовсе новость, что книга въ четырехъ томахъ, и что, несмотря на всю дешевизну свою относительно издержекъ печатанія, она требуетъ вынуть изъ кармана 25 рублей. Полученные мною теперь 550 франковъ слѣдуетъ вычесть изъ слѣдующихъ мнѣ денегъ, все равно какъ и всѣ

¹⁾ Третій, какъ видно изъ того письма, М. П. Погодинъ.

²⁾ Разрядка принадлежитъ мнѣ.

прочія деньги, которыя бы откуда я ни получилъ, идутъ въ число необходимыхъ мнѣ шести тысячъ рублей въ годъ; а я всякій разъ буду давать объ этомъ извѣстіе немедленно. Прокоповичъ меня также извѣщаетъ, что ты сдѣлалъ ему замѣчаніе на то, что не высланы экземпляры нѣкоторымъ людямъ, близкимъ душѣ моей. Но въ этомъ я виноватъ, я не сдѣлалъ совершенно никакихъ распоряженій, и онъ уже самъ, догадываясь съ кѣмъ я могъ быть въ сношеніяхъ близкихъ въ Москвѣ, почелъ приличнымъ послать. Что до меня, я, признаюсь, не думалъ, чтобъ такъ дорожили такимъ моимъ пустымъ подаркомъ, на которомъ я даже не могу сдѣлать надписи собственною рукою. Но если это такъ, то, ради Бога, поблагодари всѣхъ за это пріятное душѣ моей неудовольствіе ихъ и роздай всѣмъ по экземпляру, кому ни найдешь приличнымъ. (Я бы много прибавилъ къ тому душевныхъ словъ, но мы живемъ въ томъ вѣкѣ, когда болѣе вѣрятъ мелочамъ и примѣчаютъ скорѣе наружное несоблюденіе мелкихъ приличій, чѣмъ глубину чувствъ и души человѣка¹⁾). Я написалъ Прокоповичу, чтобы онъ по всякому твоему востребованію высылалъ экземпляры въ большемъ или маломъ числѣ, какъ понадобится. Старайся проникнуть сколько-нибудь въ загадку толковъ и слуховъ о дурномъ распоряженіи относительно изданія моихъ сочиненій; я думаю, что, можетъ быть, даже это больше ничего, какъ сплетни и кое-какіе съ намѣреніемъ распускаемые слухи; вѣдь и это также можетъ случиться, согласишься съ этимъ. Сколько есть мелочей, которыя темнятъ предъ нами непрерывно предметъ даже и тогда, если мы вблизи отъ него. А между Петербургомъ и Москвою разстояніе велико; сколько выдумокъ, напримѣръ, произошло при мнѣ въ Москвѣ на счетъ „М. Д.“, когда онѣ были въ Петербургѣ. Прокоповичъ человѣкъ новый, а книгопродавцы, съ которыми я не хотѣлъ войти ни въ какія сношенія, натурально должны были напасть на него. Мнѣ однако же очень прискорбно, если я былъ причиною того, что доставилъ ему въ чемъ-либо дурную репутацію. Тѣмъ болѣе, что я насильно его втянулъ въ это дѣло, умоляя именемъ дружбы взяться за него и имѣя внутренно тайный умыслъ чѣмъ-нибудь пробудить этого человѣка, исполненнаго большихъ дарованій, отъ неопстижимаго усыпленія, въ которое онъ погрузился. Но это прекрасная, благородная душа, которую я уже испыталъ не разъ съ дѣтскаго возраста почти. А все-таки на грѣхъ мастера нѣтъ, онъ можетъ случиться со всякимъ и потому во всякомъ случаѣ мы должны указывать смѣло другъ другу наши заблужденія и наводить любовно на прямую дорогу, а потому, ради Бога, говори и пиши мнѣ все. Я получилъ на дняхъ

¹⁾ Слова эти находятся въ оригиналѣ въ выноскѣ, съ боку листа.

письмо отъ маменьки; дѣла ея изворотили(сь) и пошли обыкновеннымъ порядкомъ, проценты и подати внесены. Я здоровъ и довольно бодръ, но усталъ сильно духомъ; заботы и беспокойства обо всемъ и объ обезпеченіи моемъ на эти три года удалили меня отъ моихъ внутреннихъ занятій, и полгода похищено у меня времени, слишкомъ важнаго для меня. Но такъ угодно Богу и, можетъ быть, уже въ этомъ заключено какое-нибудь новое, еще неузнанное мною благо. Прощай, люби меня, несмотря на всѣ мои недостатки, и, ради Бога, не забывай меня письмами, хотя изъ двухъ строчекъ. Послѣ когда-нибудь узнаешь, какъ глубоко важны и значительны бываютъ для меня двѣ строчки. Обнимаю тебя силою той сильной любви, которая даетъ мнѣ средства быть выше моихъ безчисленныхъ недостатковъ. Передай это маленькое письмецо Аксакову. Обнимаю всѣхъ, кто сколько-нибудь любить меня. На это письмо отвѣтъ ты можешь уже адресовать въ Гастейнъ, *poste restante*.

Далѣе у г. Кулиша нѣсколько неважныхъ писемъ, за ними же идетъ слѣдующее, до сихъ поръ не бывшее въ печати,—къ С. П. Шевыреву.

17-го мая. — Гастейнъ.

Письмо твое получилъ я передъ самымъ отъѣздомъ изъ Рима. Благодарю за все: за журьбу, за дружбу, словомъ, за все. За недѣлю передъ твоимъ письмомъ получилъ я отъ Прокоповича еще тысячу рублей. Стало быть, теперь я уже получилъ за первый годъ 5,000 руб., остается получить безъ малаго тысячу. Начало я считаю съ 1-го октября прошлаго года, то есть съ того дня, къ которому я назначилъ еще въ прошломъ году первую высылку. Отнынѣ сроки будутъ къ 1-му октября и 1-му мая новаго стилиа каждаго года. О дѣлахъ моихъ въ настоящемъ видѣ и о продѣлкахъ съ типографіей я узналъ только изъ послѣдняго письма Прокоповича. Онъ до этихъ поръ скрывалъ, не хотя меня, какъ видно, огорчить и стараясь раздѣлаться самъ. Онъ пишетъ, что давно бы заплатилъ свои деньги, но его таскали по судамъ и не выдавали долго банковыхъ билетовъ, доставшихся ему по смерти брата. Я писалъ ему высылать экземпляры по первому твоему востребованію, въ какомъ количествѣ будетъ вами за благо опредѣлено. Всѣ совершенно переводить экземпляры въ Москву мнѣ кажется лишнимъ, потому что потомъ нужно будетъ вновь ихъ пересылать петербургскимъ книгопродавцамъ, что введетъ въ издержки. Если только всѣ экземпляры сполна получены изъ типографіи и находятся въ рукахъ Прокоповича, то они уже безопасны. За два мѣсяца до срока, въ который мнѣ нужно высылать деньги, Прокоповичъ дастъ тебѣ отчетъ въ продажѣ и о томъ, сколько у него накопилось въ наличности денегъ, дабы видѣть, изъ московскихъ-ли доходовъ или прямо изъ

Петербурга произвести мнѣ высылку. Впрочемъ, если окажется необходимою всѣ экземпляры перевести въ Москву, то все это будетъ сдѣлано Прокоповичемъ, онъ весь въ вашемъ распоряженіи. Ему назначено только отъ меня уплатить старый долгъ Жуковскому — четыре тысячи — и новый Данилевскому — три тысячи, которыя онъ такъ великодушно предложилъ моей матери, хотя онъ у него, можетъ быть, послѣднія. По уплатѣ ихъ, остальные деньги поступаютъ къ вамъ въ ваше распоряженіе. Я остановился на нѣсколько дней въ Гастейнѣ отдохнуть отъ дороги и погостить у Языкова. Послѣ этого отправляюсь въ Дюссельдорфъ, гдѣ пробуду, можетъ быть, долго. Во всякомъ случаѣ ¹⁾ письма адресуйте въ Дюссельдорфъ, хотя бы меня тамъ и не было, на имя Жуковского. Теперь къ тебѣ частная просьба, исполненіемъ которой ты меня много обяжешь. Прежде всего пришли мнѣ статью твою о воспитаніи, она вѣрно напечатана отдѣльно, мнѣ нужно ее имѣть всегда при себѣ, а я прочелъ всего разъ въ журналѣ. Потомъ пришли мнѣ твою новую статью: Перечень русской словесности за прошлый годъ, напечатанную въ „Москвитянинѣ“, и будь такъ добръ, вели всякую статью свою тиснуть на особомъ листикѣ, какая ни явится гдѣ-либо, въ „Москвитянинѣ“ или въ „Министерскомъ журналѣ“, клянусь, это мнѣ очень нужно, вѣрь этому слову и исполни мою просьбу. Переслать теперь очень удобно: началась весна, изъ Москвы выѣзжаетъ, вѣроятно, много за границу. Вѣроятно, на Рейнѣ побываетъ всякой, стало быть, не много труда стоитъ заѣхать въ Дюссельдорфъ и передать все это Жуковскому. Языковъ ничего не написалъ въ Римѣ, по состояніемъ его здоровья я доволенъ, а главное, что лучше всего, въ душѣ его, кажется, готовится переломъ и, вѣроятно, скоро другіе звуки издастъ его лира. Посылаю изъ старыхъ его стиховъ, которые, кажется, нигдѣ не были напечатаны, по крайней мѣрѣ онъ увѣряетъ, что никому не давалъ ихъ. Прощай! Обнимаю васъ всѣхъ. Твой Гоголь.

За симъ слѣдуютъ у г. Кулиша письма на стр. 12 — 24 тома VI. Въ нихъ онъ напоминаетъ друзьямъ о выслѣ денегъ въ срокъ. Тоже повторяется въ слѣдующихъ, не напечатанныхъ письмахъ къ Шевыреву.

1-го сентября 1843 г. — Дюссельдорфъ.

Вышли, пожалуста, остальную тысячу за прошлый годъ, и если есть деньги, то впередъ за текущій сколько-нибудь, ибо 1-го октября срокъ. Адресуй: въ Дюссельдорфъ, на имя Жуковского. Я получилъ разныя критики изъ петербургскихъ журналовъ „М. Д.“, замѣчательнѣе всѣхъ въ „Современникѣ“; отзывъ Полеваго въ своемъ родѣ отчасти замѣчательнѣе; Сенковскаго, къ сожалѣнію, не имѣю, и до сихъ поръ не

¹⁾ Зачеркнуто слово: «всѣ».

могъ достать, какъ ни старался. А вообще, я нахожу, что нѣтъ среды между благосклонностью и неблагосклонностью; Бѣлинскій смѣшонъ¹⁾. А всего лучше замѣчаніе о „Римѣ“; онъ хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ тотъ же взглядъ на Парижъ и французовъ, какой имѣетъ Бѣлинскій. Я бы былъ виноватъ, если бы даже римскому князю внушилъ такой взглядъ, какой имѣю я на Парижъ, потому что и я хотя могу столкнуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Я принадлежу къ живущей и современной націи, а онъ—къ отжившей. Идея романа вовсе не была дурна, она состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущихъ націй. Хотя по началу, конечно, ничего нельзя заключить, но все можно видѣть, что дѣло въ томъ, какого рода впечатлѣніе производитъ строящийся вихорь новаго общества на того, для котораго уже почти не существуетъ современность. Жажду я очень читать твои статьи; я уже двѣ послыли съ книгами получилъ изъ Москвы, а твоихъ статей нѣтъ. Къ Сергѣю Тимофѣевичу я писалъ, чтобы онъ прислалъ весь „Москвитанинъ“ за текущій годъ; заглавіе статей меня очень завлекло, онѣ всѣ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ мнѣ хочется знать; присоедили туда свою статью о воспитаніи. Не позабывай, пожалуйста. Языкова и бывай у него, ввечеру вѣрно у тебя найдется нѣсколько минутъ свободныхъ. Затѣмъ, обнимаю тебя. Прощай. Твой Гоголь.

Передай письмо Языкову.

6-го октября.—Дюссельдорфъ.

Вексель на 1,000 рублей я получилъ вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ твоимъ о завладѣніи моимъ добромъ и предстоящей тяжбѣ. Конечно, все это не хорошо, но обвинять кого-либо бесплодно и поздно. Разумѣется, первоначальная причина всему—я. Совѣтъ мой поступить вотъ какъ: 1) прежде всего поблагодарить Бога, потому что это, точно, неприятность, особливо, если я приму въ соображеніе то, что не скоро буду въ возможности напечатать что-либо новое. Отъ неприятностей, наносимыхъ вѣдественными утратами, всегда становится легче и свѣтлѣй душѣ. А за приобрѣтеніе душевнаго облегченія и свѣтлости можно заплатить—это должно быть тебѣ извѣстно. Книги мы покупаемъ и не жалѣемъ за нихъ денегъ, потому что ихъ требуетъ душа и они идутъ ей во внутреннюю пользу, которой не можетъ видѣть никто изъ постороннихъ; потомъ 2) пришли мнѣ самый короткій отчетъ въ томъ, кому розданы и заплачены, и въ какомъ именно количествѣ.

¹⁾ Т. е. смѣшонъ тотъ, кто первый въ истинномъ свѣтѣ выяснилъ нашему обществу литературное значеніе Гоголя!

деньги, вырученныя за „Мертвыя Души“, также, сколько получено экземпляровъ отъ Прокоповича. Отъ Прокоповича я потребую рѣшительное объясненіе во всемъ ходѣ этихъ его дѣлъ, которыхъ я до сихъ поръ не разберу; я дожидаю только отъ него отвѣта на запросъ мой, зачѣмъ не выслана тебѣ тысяча экземпляровъ. Увѣдомленіемъ объ этомъ не замедли, потому что мнѣ нужно теперь видѣть ясно положеніе дѣлъ моихъ. 3) Приступи ко второму изданію „М. Д.“, поправокъ не нужно, кромѣ развѣ въ языкѣ и слогѣ, что ты можешь сдѣлать лучше моего. Если же я теперь къ чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на мѣстѣ и займетъ это не мало времени. Поправки могутъ быть произведены только тогда, когда я буду умнѣй. 4) Сдѣлай примѣрную смѣту, снесясь съ надобностями книгопродавцевъ: сколько я могу получить въ годъ доходу отъ втораго изданія, чтобы я могъ съ своей стороны подумать о томъ, какъ достать недостающія мнѣ деньги. 5) Для первой высылки деньги нужно будетъ взять у Языкова, который взялъ съ меня слово обратиться при первой надобности къ нему; но этимъ еще повремени до слѣдующаго письма. Съ своей стороны, я употребляю все, чтобы ограничиться и съжаться болѣе; къ Плетневу я написалъ письмо, прося о приложеніи прилежнаго участія къ моему дѣлу. И такъ, покажѣсь я вотъ что могу посовѣтовать на первый случай, а вмѣстѣ съ тѣмъ могу также дать тебѣ совѣтъ на счетъ тебя самого. Твое письмо безпокойно, ты принимаешь слишкомъ къ сердцу это дѣло. Во-первыхъ, это денежная утрата. А когда утрачивается эта мерзость, всегда нужно прежде всего втайнѣ обрадоваться тому, а потомъ, разумѣется, подумать о томъ, какъ прибрѣсти ее, потому что безъ этой дряни нельзя жить, благодаря насъ самихъ, которые выдумали ее съ помощію чорта. Обрадуясь, станешь въ тотъ же часъ покойнѣе, а въ покойномъ состояніи скорѣе придумаешь, какъ пособить дѣлу. Ты говоришь, что тебѣ тягостно доводить до свѣдѣнія моего эти извѣстія о житейскихъ моихъ дѣлахъ. Но когда я просилъ васъ о принятіи на себя всѣхъ такихъ дѣлъ, я не потому просилъ, чтобы боялся хлопотъ, съ ними сопряженныхъ, но потому просилъ, что съ этими дѣлами непостижимой какой-то властью связались душевныя многія дѣла и трогали такія чувствительныя струны, отъ которыхъ потрясался весь составъ. Вотъ почему были и ненавистны они мнѣ и, прося васъ ихъ принять на себя, я думалъ, что, оторвавши отъ себя самый предметъ, я оторву отъ себя и всѣ щекотливыя соприкосновенія съ этимъ мерзкимъ предметомъ. Но я обманулъ, несмотря на то, что душа моя нѣсколько отдохнула отъ вашего участія; они гнались за мною слѣдомъ, эти дѣла, и не давали мнѣ покоя. Прося взять мои семейственныя дѣла, я позабылъ о томъ, что это лежить

на мнѣ и что, кромѣ меня, никто не могъ подать имъ¹⁾ той душевной помощи, которая имъ нужнѣе была всякой другой. И потому не получилъ успокоенія; мысли о нихъ меня преслѣдовали, и въ тоже время я чувствовалъ свое безсиліе. Полгода писалъ и обдумывалъ я письмо къ моей матери и сестрамъ. Трудно мнѣ сочиненіе этого письма, трудно помышлять объ устройствѣ души другаго, когда собственная душа не устроена. Трудно написать такое письмо, которое бы требовало безстрастія и совершенной власти надъ сам(им)ъ собою. Но только съ этимъ письмомъ мнѣ показалось, что облегчилась нѣсколько отъ дѣлъ душа. Даже то несвязное и неудовлетворительное письмо, которымъ я просилъ васъ или, лучше, молилъ о принятіи дѣлъ моихъ, гдѣ всего не болѣе какъ двѣ-три душевныя причины могъ привести, и это письмо даже мнѣ стоило времени и обдумыванія. Много мнѣ нужно было воздержанія для того, чтобы не сказать какого-нибудь такого слова, которое бы потребовало вновь объясненія на нѣсколько (sic) страницахъ, или навело бы новыя недоразумѣнія на мой счетъ. Какъ трудно говорить тогда, когда слышишь внутренно, что не готовъ еще для того, чтобы говорить. А между тѣмъ еще два-три объясненія лежатъ на мнѣ, хотя другаго рода, но они не даютъ мнѣ покоя. Вотъ отъ какихъ дѣлъ хотѣлъ я убѣжать. И такъ, не думай, мой добрый другъ, или, лучше, другъ души моей, чтобы ты могъ смутить меня извѣстіемъ о какихъ-либо утратахъ и потеряхъ вещественныхъ: о нихъ я могу совершенно говорить также равнодушно, какъ говорить обыкновенно человѣкъ о дѣлахъ посторонняго ему человѣка. И такъ, говори обо всемъ, но если доброй душѣ твоей захочется смягчить чѣмъ-нибудь неприятность, то сдѣлай такъ, чтобы письмо твое было подлиннѣе, и если не хватитъ о чемъ писать, вырви страницу изъ какой-нибудь новой статьи своей и вложи ее въ письмо. Твои статьи, о чемъ бы ты ни писалъ теперь, мнѣ дороги, потому что онѣ проникнуты тѣмъ, чѣмъ бы я хотѣлъ, чтобы у насъ все было проникнуто въ Россіи. Потребность чтенія теперь слишкомъ сильна въ душѣ моей. Это всегда случается со мною во время антрактовъ; когда я пишу, тогда уже ничего не читаю и не могу читать, и потому этимъ временемъ я стараюсь воспользоваться и захватить побольше всего, что нужно. Иногда мнѣ бываетъ такъ нужна какая-нибудь книга, которую именно требуетъ душа, и которая, къ сожалѣнію, часто русская, что если бы какой-нибудь плутъ узналъ мою нужду и представилъ ее въ ту же минуту, онъ бы могъ взять у меня въ обмѣнъ половину экземпляровъ моихъ сочиненій, а, можетъ быть, и самого Жернакова²⁾

¹⁾ Т. е., вѣроятно, роднымъ Гоголя—матери и сестрамъ.

²⁾ Книгопродавецъ.

въ придачу. Обнимаю тебя, благодарю за все и особенно за письма. Прощай. Жуковскій тебѣ кланяется.

Въ изданіи г. Кулиша помѣщенъ рядъ писемъ, относящихся къ послѣднимъ тремъ мѣсяцамъ 1843 г. и первымъ двумъ 1844 г. (VI, 24—54). По нимъ можно слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ у Гоголя того мистическаго пошиба, котораго самъ онъ однако же не хотѣлъ признавать въ себѣ: «моя природа совсѣмъ не мистическая» писалъ онъ попозже (16-го мая 1844 г.) С. Т. Аксакову¹⁾. Въ письмѣ къ матери отъ 1-го октября 1843 г., онъ упоминаетъ о какомъ-то прежнемъ письмѣ, вызвавшемъ цѣлый рядъ оправданій со стороны его родныхъ²⁾. Гоголь увѣряетъ, что они его невѣрно поняли, проситъ ихъ на время позабыть объ этомъ письмѣ. «Но за то дайте мнѣ всё слово,—продолжаетъ онъ— во все продолженіе первой недѣли великаго поста (мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы говѣли на первой недѣли) читать мое письмо, пересчитывая всякой день по одному разу и входя въ точный смыслъ его, который не можетъ быть доступенъ съ перваго разу. Кто меня любитъ, тотъ долженъ все это исполнить» (27). Въ письмѣ къ Плетневу отъ 6-го октября видны опять заботы объ экономическихъ дѣлахъ: «денегъ я не получаю ни откуда; вырученные за «М. Д.» пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось въ — — типографію, взявшую страшно дорого за нанечатаніе; и притомъ продажа книгъ идетъ, какъ видно, тупо» (28—29). «Что можно сдѣлать—сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспоможеніе... Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому»³⁾ (29). Въ

¹⁾ Кулишъ, VI, 73.

²⁾ Это, вѣроятно, то, стоившее Гоголю полугодовыхъ обдумываній, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Шевыреву отъ 6-го октября. Не говорилось ли въ этомъ письмѣ о необходимости сокращенія расходовъ матери и сестеръ Гоголя и не это-ли и вызвало съ ихъ стороны оправданія?

³⁾ У г. Кулиша тутъ опять пропускъ, но ясно, что дѣло идетъ о вспоможеніи отъ высочайшихъ особъ, которымъ Гоголь уже неоднократно пользовался черезъ Жуковскаго. Рядъ писемъ къ нему Гоголя, помѣщенныхъ въ «Р. Арх.» 1871 г. (тетр. 4-я и 5-я) представляетъ различныя варьяціи на эту тему. Такъ еще въ 1836 г., говоря: «взянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человекъ» и презрительно спрашивая затѣмъ: «что такое все написанное мною до сихъ поръ?», Гоголь заключаетъ благодарностью за хлопоты Жуковскаго доставить ему отъ императрицы на дорогу, т. е. на дорогу въ Римъ, про который онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ къ Жуковскому говоритъ: «я родился въ немъ» (т. е. родился духомъ—до своего рожденія на землѣ, какъ онъ это выяснилъ въ письмѣ къ г-жѣ В—ной). Въ этомъ же самомъ письмѣ (30-го окт. 1837 г.) онъ извѣщаетъ Жуковскаго: «я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ государемъ вспоможеніе» (5,000 руб.). Но уже 6-го апрѣля 1839 г. онъ опять жалуется: «поди я въ актеры, я былъ бы обезпеченъ... но я писатель, и потому долженъ умереть съ голоду... Я думалъ, думалъ, и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ государю». «Если бы мнѣ,—продолжаетъ Гоголь—такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ академіи художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся

письмѣ къ Языкову отъ 4-го ноября Гоголь пишетъ по поводу неослабѣвавшихъ недуговъ Языкова: «на болѣзнь нужно смотрѣть, какъ на сраженіе; сражаться съ нею, мнѣ кажется, слѣдуетъ такимъ же образомъ, какъ святые отшельники говорятъ о сраженіи съ дьяволомъ... Какъ бы то ни было, вѣдь были такіе же люди, которые страдали отъ жестокихъ болѣзней, но потомъ дошли до такого состоянія, что уже чувствовали въ то время радость, непостижимую ни для кого. Конечно, эти люди были святые; но вѣдь они не вдругъ же сдѣлались святыми: въ началѣ они были грѣшнѣ насъ» (34—35). Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 2-го декабря Гоголь упоминаетъ о продолженіи «М. Д.». «Я продолжаю работать, т. е. набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе «Мертвыхъ Душъ». Трудъ и терпѣніе, и даже приневоливаніе себя награждаютъ меня много. Такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа, и многое въ мірѣ становится послѣ этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного въ наукѣ созданія, становившаяся въ нѣсколько кратъ доступнѣе къ прозрѣнію великихъ тайнъ Божьяго созданія...» (38). Въ дальнѣйшихъ письмахъ уже не говорится о «М. Д.», а въ письмѣ къ Шенюреву отъ 2-го февраля 1844 г., дается друзьямъ совѣтъ кунять, въ видѣ подарка отъ Гоголя, во французской книжной лавкѣ «Подражаніе Христу» и прочитывать каждый день по главѣ или даже полу-главѣ, предаваясь затѣмъ размышленіямъ о прочитанномъ (47). Въ письмѣ этомъ послѣ словъ: «Богъ вѣрно направитъ его (т. е. этотъ подарокъ) намъ въ пользу» въ изданіи г. Кулиша большой пропускъ (стр. 44), который теперь пополняется на основаніи подлинника:

Вы оба поступили хорошо, что не отдавали моего письма Погодину. Меня беспокоитъ его нынѣшнее волненіе и душевное безпокойство. Оно, видимо, происходитъ отъ множества заботъ, среди которыхъ онъ никакъ не умѣетъ себя умѣрить. Нѣтъ-ли средствъ затащить въ литературную дѣятельность Хомякова и заставить его дѣйствовать хотя полемически въ „Москвитянинѣ“? Удивительно, что „Москвитянинъ“ не вывелъ ни одного новаго таланта на поприще, не возбудилъ никого изъ лѣнливыхъ къ дѣятельности и опирается только на тѣхъ, которые бы дѣйствовали и безъ него. Въ Погодинѣ есть что-то

здѣсь при нашей церкви... («Неужели меня не могутъ приклеить или записать въ какую-нибудь должность?» говоритъ онъ въ другомъ письмѣ). Найдите случай... указать государю на мои повѣсти: «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «Тарасъ Бульба». Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и всѣмъ различнымъ темпераментамъ.. Если-бы ихъ прочелъ государь!..» Осенью того же 1839 г., собирався въ Петербургъ, по случаю выпуска своихъ сестеръ изъ института, Гоголь пишетъ Жуковскому: «Можетъ быть, какимъ-нибудь образомъ, государыня, на счетъ которой онъ воспитывался, что-нибудь страшнетъ на нихъ отъ благодѣтельной руки своей». При этомъ онъ увѣряетъ, будто бы на аппиировку сестеръ, на уилату за уроки музыки во все время ихъ пребыванія въ институтѣ и пр. и пр., нужно около 5,000 руб.! Надо думать, что постоянное попрошайничество Гоголя должно было, наконецъ, утомить дающую руку; во всякомъ случаѣ оно не могло утвердить въ высшихъ сферахъ выгоднаго мнѣнія о русскихъ писателяхъ.

О. М.

такое, что наводитъ уныніе на молодежь¹⁾). Онъ никакъ не умѣетъ бодрить и куражить, а это необходимо для молодости. Поощреніе слишкомъ важная вещь для русскаго человѣка. Можно и распекать, и бранить, и при всемъ томъ тебя будутъ молодые люди любить, если брань и распеканье основаны сколько-нибудь на познаніи ихъ природы; но требовать, чтобы всякій человѣкъ былъ именно Погодинъ, а не другой кто—съ этимъ ровно ничего нельзя сдѣлать, и всѣ даже прекрасныя правила и благія намѣренія будутъ брошены на вѣтеръ. Онъ не вѣдаетъ также различнаго значенія сотрудниковъ, т. е., что одинъ созданъ для ежедневной работы, другой для того, чтобы въ мѣсяцъ или два дать одну статью, третій — и того рѣже. Онъ безъ всякаго состраданія готовъ засадить за малую работу того, кто созданъ для работы покрупнѣе, и въ случаѣ отказа будетъ попрекать его эгоизмомъ, говорить, что его пріятели не чувствуютъ, какъ онъ выбивается изъ силъ и ни одинъ не хочетъ помочь ему. Словомъ, онъ отыщетъ случай создавать самъ себѣ огорченія. А между тѣмъ нужно при всемъ томъ сколько-нибудь подтолкнуть Москву на помощь „Москвитяину“. Она рѣшительно ничуть не шевелится книжно-литературнымъ образомъ. „Москвитянина“ приличнѣе бы слѣдовало назвать провинціаломъ, потому что большею частію изъ провинцій, извнутри Россіи, присылаются статьи.

Загѣмъ должно быть помѣщено слѣдующее письмо къ Шевыреву.

12-го марта 1844 г.—Ницца.

Письмо и деньги получены въ исправности. Благодарю тебя за то и за другое. Все, что ни пишешь ты въ письмѣ, очень умно, и я не согласенъ съ тобою въ томъ, что о подобномъ предметѣ слѣдовало бы написать большое и обдуманное письмо. Обдуманныя письма долженъ я писать къ вамъ, потому что еще строюсь и создаюсь въ характерѣ, а вы уже создались. Вамъ въ двухъ, трехъ строкахъ, самыхъ небрежныхъ, можно писать ко мнѣ. Ты пишешь, что желалъ бы искренности болѣе между всѣми нами, но что искренность эта должна быть растворена боже-

¹⁾ Рѣшаясь напечатать этотъ, вынужденный г. Кулишемъ, отзывъ Гоголя о М. П. Погодинѣ, считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее. Несмотря на то, что Гоголь пользовался дружескими услугами г. Погодина и даже включилъ его въ число тѣхъ трехъ лицъ, которыхъ надѣлилъ на три года веденіемъ своихъ дѣлъ, въ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину проглядываетъ что-то не совсемъ дружеское. Это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что М. П. Погодинъ, какъ можно видѣть по письмамъ Гоголя, нерѣдко высказывалъ послѣдному горькія истинныя и, между прочимъ, упрекалъ его въ томъ, что онъ слишкомъ мало заботится о своей матери. Послѣдняго рода упреки всегда особенно задѣвали Гоголя за живое.

О. М.

ственной любовью, безъ которой нельзя и достигнуть ее. Это такая истина, которую вѣрно чувствуетъ каждый изъ насъ въ глубинѣ души своей. И потому обращаю я это письмо ко всѣмъ вамъ троицк¹⁾. Съ этихъ поръ соединимся между собой тѣснѣй, чѣмъ когда-либо прежде: уже самое несходство нашихъ характеровъ и свойствъ, самое то, что мы съ разныхъ сторонъ видимъ иногда однѣ и тѣже вещи, говорить, какъ можетъ (быть) полезно такое соединеніе и какъ мы можемъ пополнить другъ друга. И такъ, прежде всего возлюбимъ такъ другъ друга, чтобы не раздражаться никакимъ словомъ, какъ бы жестко ни было слово, считать его порожденнымъ силой одной любви, хотя бы и чувства наши, и разумъ говорили тому противное. Начать вы должны съ меня; между собою вамъ это невозможно сдѣлать вдругъ, характеры ваши получили уже постоянное и твердое выраженіе; вы должны быть снисходительны другъ къ другу и щадить щекотливыя струны другъ друга взаимно. Но между вами и мной другое дѣло; я именно произвожу теперь сильную внутреннюю ломку и нападаю на самыя щекотливыя мѣста, какія только во мнѣ есть. Между нами должны быть простыя и жесткія слова, душа моя этого требуетъ. Словомъ, превратитесь въ отношеніи ко мнѣ всѣ въ Погодина и рубите прямо съ плеча, не разбирая правъ-ли я или виноватъ. Погодинъ оказалъ мнѣ великое благодѣяніе, и я теперь въ лицѣ насъ всѣхъ приношу ему душевную благодарность. Думая напасть во мнѣ на одно, онъ нечаянно напалъ на другое. Невинно, и не зная самъ того, онъ напалъ на цѣлое сдѣленіе такихъ чувствительныхъ струнъ, отъ которыхъ цѣлые полтора года болѣла душа моя, но за то я окрѣпъ во многомъ томъ, въ чемъ иногда не бывають крѣпки многіе люди²⁾. И такъ, пусть и мысль теперь не приходитъ о томъ, чтобы употреблять со мною какую-либо осторожность въ словахъ и выраженіяхъ. Прежде всего, исполните то, что я попрошу у васъ: ведите обо мнѣ коротенькую записку;—при всякомъ случаѣ, когда случится вспомнить обо мнѣ, отжѣйте тутъ же, въ короткихъ словахъ, всякую пробѣжавшую мысль. Почти такимъ образомъ, въ видѣ дневника: день, мѣсяцъ и число. „Сегодня ты мнѣ представился вотъ въ какомъ видѣ“;—день, мѣсяцъ и число. „Сегодня я на тебя сердился вотъ за что“;—день, мѣсяцъ и число. „Въ твоемъ характерѣ или поступѣ вотъ что казалось мнѣ неизъяснимо“;—день, мѣсяцъ и число. „О тебѣ пронесли здѣсь вотъ

¹⁾ Т. е., вѣроятно, опять, кромѣ Шевырева, къ С. Г. Аксакову и М. П. Погодину.

²⁾ Чувство благодарности за это къ Погодину, однако же, не помѣшало Гоголю отзываться о немъ и впоследствии не совсемъ дружелюбно (см. далѣе).

какіе слухи, я имъ не повѣрилъ, но нѣкоторое сомнѣніе закралось мнѣ въ душу“;—день, мѣсяць и число. „У меня еще до сихъ поръ таятся противу тебя въ душѣ неудовольствіе на то и на то“ и проч.¹⁾ Когда наберется хоть полъ листа почтовой бумаги, отправьте мнѣ въ письмѣ вашемъ. Если вы мнѣ это сдѣлаете, то вы мнѣ окажете услугу, бѣольшую всѣхъ прежнихъ услугъ вашихъ; помогите мнѣ теперь, а я, какъ строюсь и сдѣлаюсь умнѣй, помогу вамъ. Кромѣ того, вы этимъ заставите меня невольно быть откровеннѣй съ вами. Иногда я не говорю просто отъ того, что не знаю съ какого конца начать. Въ самомъ дѣлѣ, вы разсмотрите хорошенько мое положеніе: человѣку, который такъ долго велъ заключенную въ себѣ жизнь, очень естественно утратить способность и даже потребность сообщать себя другому. Конечно, можетъ, меня утѣшаетъ мысль, что и заключился въ себѣ я отъ того, чтобы лучше потомъ и яснѣй сообщить себя, и скрытницъ сдѣлался для того, чтобы привести себя въ состояніе быть откровеннѣе и изъясниться понятнѣе; но тѣмъ не менѣе, многого я не говорю вовсе не потому, чтобы не хотѣлъ сказать, но потому именно, что не знаю, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, начало, съ котораго я долженъ начать. Напримѣръ, въ самыхъ письмахъ вашихъ была иногда какая-то осторожность и загадочность; я догадывался изъ нихъ, что есть какіе-то слухи обо мнѣ, но какіе именно и въ чемъ именно — этого мнѣ никто не сказалъ. Такъ что я, какъ ни напиргалъ вниманіе, но въ иное никакъ не могъ проникнуть и потому отвѣчалъ вамъ иногда, можетъ быть, вовсе не впадѣ и не на такіе пункты, на которые слѣдовало. И потому рубите отнынѣ все на прямикъ и сообщайте обо мнѣ, какъ свои мысли, такъ и чужіе слухи, какъ бы ни унижительно для меня они были, простыми и жесткими словами; это будетъ полезно и для васъ: увидя, что я не сержусь и принимаю все, вы не будете сердиться и между собой ни за какое слово, несогласное съ вашимъ мнѣніемъ, оскорбительное или просто несправедливое. А, можетъ быть, зададите вопросъ: нельзя-ли и изъ самаго несправедливаго извлечь для себя справедливое? Затѣмъ, цѣлую васъ всѣхъ и говорю вамъ: Христосъ воскресъ! потому что письмо, по расчету моему, придетъ къ вамъ, если не въ самый день праздника, то, вѣроятно, скоро послѣ того. Да вопарится съ этимъ словомъ и

¹⁾ Изъ всего этого видно, что не одинъ Погодявъ, но и два другихъ друга были далеки отъ того, что бы постоянно глядѣть по шерсткѣ. Странная просьба Гоголя, конечно, была вызвана тѣмъ, что пришлось ему замѣтить въ ихъ письмахъ. Жаль, что эти послѣдніе держатся до сихъ поръ подъ спудомъ. Пора бы дать ихъ обществу и выяснить ими многое окончательно. О. М.

прямая Христова любовь между нами! Какъ ни различны мы характерами, свойствами и занятіями своими, но дорога или, лучше сказать, цѣль дороги у всѣхъ одна и та же. Чѣмъ ревностиѣе устремится всякой изъ насъ по пути своему, тѣмъ болѣе мы будемъ потомъ сближаться между собою. Идите къ собственной душѣ своей и душа вамъ расскажетъ все. Чѣмъ болѣе углубитесь вы въ свою душу, тѣмъ болѣе будете узнавать душу другаго, такъ что потомъ даже и словъ не потребуете. а прямо будете читать, какъ въ открытой книгѣ, все, что ни есть на душѣ. И какъ бы ни былъ скрытень челоуѣкъ, но ничего не въ силахъ будетъ тогда утаить предъ вами. Но къ чему говорить. Вы сами это знаете и, можетъ быть, лучше меня. Обнимаю васъ всѣхъ отъ всей души и крѣпко, и прошу передать потомъ объятіе это всѣмъ роднымъ вашимъ и всѣмъ близкимъ намъ людямъ и знакомымъ. Я ѣду говѣть и встрѣтитъ пасху въ Штутгартѣ, оттуда во Франкфуртъ къ Жуковскому, который отнынѣ переселяется туда на житье. Адресуйте во Франкфуртъ. Вашъ Н. Гоголь.

За письмомъ этимъ слѣдуютъ помѣщенные у г. Кулиша, т. VI, стр. 54—127. Между ними выдается прежде всего письмо къ С. Т. Аксакову отъ 16-го мая 1844 г., поражающее сочетаніемъ мистицизма съ юморомъ. «Въ письмѣ вашемъ слышно—пишетъ Гоголь—что вы бонтесь, чтобы я не сѣлъ на васъ верхомъ... все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, именно—чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ шелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья... Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ — точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечеть, раскричится... А какъ только наступитъ на него, онъ и хвостъ подождетъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана, а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ знаетъ что... Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ челоуѣкъ унывающій, пугающійся, словомъ — невѣрующій въ Его небесную любовь и милость, вотъ и все. Вамъ бы слѣдовало просто, не глядя на него, выполнять буквально предписаніе» (это, замѣчаетъ г. Кулишъ, относится къ книгѣ, которую Гоголь подарилъ своему другу и совѣтовалъ читать — «Подражаніе Христу»). Далѣе Гоголь касается какого-то слуха, распуценнаго о немъ въ Москвѣ... Онъ находитъ, что съ С. Т. Аксаковымъ объ этомъ тратить словъ не слѣдуетъ. «Вы—челоуѣкъ-небаба—говоритъ Гоголь.—Челоуѣкъ-небаба вѣритъ болѣе самому челоуѣку, чѣмъ слуху о челоуѣкѣ; а челоуѣкъ-баба вѣритъ болѣе слуху о челоуѣкѣ, чѣмъ самому челоуѣку» (стр. 71—74). Въ письмѣ къ матери, писанномъ въ іюнѣ 1844 г., Гоголю пришлось, повидимому, обратиться къ ней, какъ къ челоуѣку-бабѣ (хотя онъ тутъ и не употребляетъ этого выраженія). «Если бы вы твердо пребывали въ Богѣ—проповѣднически начинаеть онъ—васъ бы слухи не смутили... вы не пошли бы донскиваться правды у кочующаго лавочника, пріѣхавшаго на ярмарку.... Знаю, что про меня есть всякіе слухи и что они противоположны даже сами себѣ... Изъ чего вы также заключили (продолжаетъ Гоголь, переходя къ другому, также, впрочемъ, больному мѣсту), что я непремѣнно черезъ годъ долженъ вновь напечатать какое-нибудь сочиненіе? Во-пер-

ныхъ, я не почтовая лошадь. Пишу я, соображаясь съ моими силами, средствами, не ставлю ничего на срокъ, да и не люблю даже объ этомъ разговаривать съ кѣмъ бы то ни было... Старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіанина и человѣка, чѣмъ литератора» (стр. 85 — 86). Письмо отъ 24-го октября къ Н. Ф. (А. О. Смирновой) также касается какихъ-то обвиненій, взводимыхъ на Гоголя. «Вы говорите—пишетъ онъ—«спуститесь въ глубину души вашей и спросите, точно-ли вы русскій или хохликъ?» Но скажите: развѣ я святой? Развѣ я могу увидѣть всѣ свои мерзости... Меня подозрѣваютъ въ двуличности или какой-то маккиавелевской штуки... Всѣ точно боятся меня: никто не смѣетъ духу сказать мнѣ, что я сдѣлалъ подлое дѣло, и въ чемъ состоитъ именно его подлость...» (стр. 101). Напечатанное далѣе у г. Кулиша письмо къ С. П. Шевыреву отъ 14-го декабря 1844 г. (стр. 118—127) доставлено теперь также въ подлинникѣ въ «Русскую Старину»; по сличеніи подлинника съ печатнымъ выходитъ, что подъ буквами П. и Л. Л. надо подразумѣвать М. П. Погодина, подъ Р. Q.—Плетнева, Q. P.—Прокоповича. Далѣе въ печатномъ, послѣ словъ о портретѣ Гоголя, подаренномъ М. П. Погодину назадъ тому нѣсколько лѣтъ, есть пропускъ, который теперь можетъ быть пополненъ слѣдующими словами:

„Я отдалъ этотъ портретъ Погодину, какъ другу, по усиленной его просьбѣ, думая, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, ему дорогъ, какъ другу, и никакъ не подозрѣвая, чтобы онъ опубликовалъ меня“.

Изъ прежде напечатаннаго видно, что Гоголь не желалъ объяснять, что именно дѣлало для него неприятнымъ опубликованіе его портрета: «одинъ, сознается онъ, могутъ отнести (это) къ излишнему смиренію¹⁾, другіе—къ капризу, третьи—къ тому, что у чудака все безотчетно и во всякомъ дѣйствіи долженъ быть видѣнъ оригиналъ». Однако же, онъ не объясняетъ причины... Далѣе Гоголь въ томъ же письмѣ обращается, какъ онъ говоритъ, къ своимъ «прозаическимъ дѣламъ», въ которыхъ вышла у него «путаница» и вышла, какъ онъ сознается, по его винѣ. «Виноватый, говоритъ онъ, долженъ быть наказанъ, и лучше наказать самому себя, чѣмъ ожидать наказанья Божьяго. Я наказываю себя лишеніемъ денегъ, слѣдуемыхъ мнѣ за выручку собраній моихъ сочиненій. Всякой рубль и копейка этихъ денегъ куплены неудовольствіемъ, огорченіями и оскорбленіемъ многихъ; онѣ бы тяготѣли на душѣ моей, а потому должны быть употреблены на святое дѣло. Всѣ деньги, вырученныя за нихъ, стынныя принадлежатъ бѣднымъ, но достойнымъ студентамъ; достаться они должны имъ не даромъ, но за трудъ. Полное назначеніе и распоряженіе труда принадлежатъ тебѣ... Какъ бы ни показалось вамъ многое здѣсь страннымъ, вы должны помнить только, что воля друга должна быть священна, и на это мое требованіе, которое съ тѣмъ вмѣстѣ есть и моленіе, и желаніе, вы должны отвѣтить только однимъ словомъ «да». То же самое сдѣлано и въ Петербургѣ²⁾. Тамъ почти всѣ экземпляры распроданы и деньги собраны; но я изъ нихъ не беру ничего, и онѣ всѣ обращаются на такое же дѣло, съ такимъ же условіемъ, и ввѣряются также двумъ: Р. Q. и Q. P.» (т. е. Плетневу и Прокоповичу). Г. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» (II, 23) говоритъ, что Гоголь писалъ объ этомъ пожертвованіи «одному изъ петербургскихъ друзей своихъ», но что «это письмо, покаместъ, еще не отыскано». Оно оказывается находя-

¹⁾ Т. е. къ «смиренію—паче гордости».

²⁾ Разрядка въ этомъ мѣстѣ принадлежитъ мнѣ.

щимся въ числѣ писемъ, сообщенныхъ «Рус. Стар.» Б. С. Шевыревымъ. Письмо это, очевидно, къ П. А. Плетневу¹⁾, который, вѣроятно, переслалъ его С. П. Шевыреву. вслѣдствіе чего оно и отыскалось въ бумагахъ послѣдняго. Вотъ онъ:

Письмо твое я получилъ. Благодарю тебя за искренность, упреки и мнѣнія обо мнѣ; оправдываться не буду, это я уже сказалъ впередъ, да и невозможно²⁾. Во-первыхъ потому, что если бы я и оправдался въ одномъ, то съ другихъ сторонъ вижу столько въ себѣ дряни и во многомъ другомъ, что мнѣ становится стыдно уже при одной мысли о томъ³⁾. Во-вторыхъ потому, что для того слѣдовало бы подымать всю внутренно-душевную исторію, которую не впишешь и въ толстомъ томѣ, не только въ письмахъ. Въ третьихъ потому, что съ нѣкотораго времени погасло желаніе быть лучше въ глазахъ людей и даже въ глазахъ друга. Другъ также пристрастенъ, самое чувство дружбы уже умягчаетъ нашу душу и дѣлаетъ ее сострадательной; замѣтивъ нѣкоторыя хорошія качества въ своемъ другѣ и особенно расположеніе и любовь къ себѣ, мы невольно преклоняемся на его сторону. Богъ знаетъ, можетъ быть, ты, узнавши что-нибудь изъ внутренней моей исторіи, проникнулъ бы состраданіемъ, и я не получилъ бы отъ тебя даже и этого письма, которое получилъ теперь. А мнѣ нужны такія письма, какъ твое. Но въ выраженіяхъ письма твоего послышался мнѣ скорбный голосъ, — голосъ какъ бы огорченнаго и обманутаго чувства⁴⁾, и потому, чтобы сколько-нибудь утѣшить, я сдѣлаю только одни общія замѣчанія на нѣкоторыя пункты твоего письма.

Другъ мой, сердце человѣческое есть бездна неисповѣдимая, здѣсь мы ошибаемся поминутно⁵⁾. Еще мнѣ можно менѣе ошибиться въ заключеніяхъ о тебѣ, чѣмъ тебѣ о мнѣ. Душа твоя больше открыта, характеръ твой получилъ уже давно оконченную форму и остался навсегда тѣмъ же. Развѣ одинъ дразгъ обычаевъ свѣта и приобретаемая привычки могутъ нѣсколько закрыть и тебѣ, и твою душу, но это для людей близорукихъ, которые судятъ о человѣкѣ по нѣкоторымъ внѣшнимъ (чертамъ): въ глазахъ знатока души человѣческой ты одинъ и

1) Оно безъ даты и безъ адреса, такъ какъ пакетъ при немъ не имѣется.

2) Письмо это полно доказательствъ, что друзья Гоголя умѣли порицать его съ безусловною откровенностью. Въ немъ множество помарокъ и непоправленныхъ опусокъ.

3) Прежде было и вычеркнуто: «такъ много дурнаго, что стыдъ взялъ бы и ты не можешь видѣть, что...»

4) Разрядка принадлежитъ мнѣ.

О. М.

5) Вычеркнуто: «въ заключеніяхъ о природѣ другаго человѣка и еще болѣе тогда, когда думаешь, что его узнаешь».

тотъ. Онъ знаетъ, что на одинъ изъ душевныхъ воззваній встрепенется таже самая душа, которая кажется другимъ холодною и дремлющею. Но какъ судить о скрытномъ человѣкѣ, въ которомъ все внутри, котораго характеръ даже не образовался, но который въ душѣ своей еще воспитывается и котораго всякое движеніе производитъ только одно недоразумѣніе? Какъ заключить о такомъ человѣкѣ, основывая(сь) по какимъ-нибудь, ненарокомъ изъ него высунувшимся свойствамъ? Не будетъ-ли это значить тоже самое, что заключить о книгѣ по нѣсколькимъ выдернутымъ изъ нея фразамъ, и не по порядку, а изъ разныхъ мѣстъ ея? Конечно, и отдѣльно взятая фраза могутъ подать нѣкоторую идею о книгѣ, но развѣ изъ нихъ узнаешь, что такое самая книга? Богъ знаетъ, иногда въ книгѣ¹⁾ они имѣютъ другой смыслъ, иногда даже противоположный прежнему.

Упреки твои въ славолубіи могутъ быть справедливы, но не думаю, чтобъ оно было въ такой степени и чтобы я до того любилъ фиміамъ, какъ ты предполагаешь. Въ доказательство я могу привести только то, (что и) въ то время, когда авторская слава меня шевелила гораздо болѣе чѣмъ теперь, я находился въ чадѣ только первые дни по выходѣ моей книги, но потомъ чрезъ нѣсколько времени я уже чувствовалъ почти отвращеніе къ моему собственному созданію и недостатки его обнаруживались предо мною сами во всей ихъ наготѣ. Я даже думаю, что ты составилъ обо мнѣ такое (мнѣніе) по незналію души человѣческой, а на кое-какихъ моихъ наружныхъ поступкахъ²⁾, непріятныхъ ухваткахъ и, наконецъ, неумѣстныхъ и напыщенныхъ мѣстахъ моихъ сочиненій, которыя вслѣдствіе бесилія изобразить (?) полноту своихъ мыслей, получили еще болѣе какое(-то) самоувѣренное выраженіе. Всѣ твои замѣчанія о моихъ литературныхъ достоинствахъ справедливы и отзываются знатокомъ, умѣющимъ вѣрно судить о литературныхъ — —³⁾. Но увы! и въ нихъ я не встрѣтилъ ничего, чтобы было неизвѣстно мнѣ самому. И если бы я напечаталъ ту критику, которую я написалъ самъ на „Мертвыя души“ вскорѣ послѣ ихъ выхода, ты бы увидѣлъ, что я выразился еще строже и еще справедливѣе тебя.

На каждый упрекъ твой я долженъ сдѣлать тебѣ тотъ же упрекъ, потому что онъ не достоинъ твоей же собственной — —⁴⁾.

Другъ мой, не стыдно-ли тебѣ сказать мнѣ, что я промѣнялъ тебя на другаго. Скажу тебѣ на это одну чистую правду, хотя и знаю,

¹⁾ Прежде было и зачеркнуто: «помѣщенные въ самую книгу, они...»

²⁾ Тутъ недостаетъ глагола основаль, который былъ, но зачеркнуть и замѣнить другимъ—составилъ.

³⁾ Не было никакой возможности разобрать.

⁴⁾ Неразобрано.

что ее не примешь ты за правду; словамъ моимъ не вѣрять, какъ же мнѣ отважиться быть откровеннымъ, если бы я даже былъ и въ силахъ быть откровеннымъ. И такъ, знай же, вотъ тебѣ чистая правда, повѣришь-ли ты, или нѣтъ. Грѣхъ будетъ только тому, кто солгалъ. Не только я не промѣняю тебя на иного (?) другаго, но никакого чело-вѣка не промѣняю на другаго чело-вѣка. И кто разъ вошелъ въ мою душу, тотъ уже останется тамъ навсегда, какъ бы онъ ни поступилъ потомъ со мной, хотя бы оттолкнулъ меня вовсе. Изъ души моей я его не изгоню; слава Богу, связь эта становится, чѣмъ далѣе, сильнѣй и уже становится даже не въ моей власти изгнать его, хотя бы я и захотѣлъ того¹⁾. Но если слова мои эти не увѣрятъ тебя ни въ чемъ и ты сомнительно покачаешь головою, то для утѣшенія твоего приведу такое доказательство, въ которомъ ты и самъ можешь удостовѣриться. Въ Москвѣ всѣ, кромѣ, можетъ быть, одного Языкова (который потому только нѣсколько больше меня знаетъ, что столкнулся со мной въ горькія и трудныя минуты жизни, въ которыя, какъ извѣстно, узнается болѣе чело-вѣкъ) всѣ такое обо мнѣ имѣютъ мнѣніе, какъ и ты, также упрекаютъ меня всѣ въ скрытности и недо-вѣрчивости, еще болѣе твоего увѣрены, что считаю ихъ ни во что и что тебя предпочитаю имъ. Въ оба раза (sic) я отталкивалъ отъ себя всѣхъ, избѣгалъ всякихъ изъясненій и боялся даже и вопросовъ о себѣ самомъ, чувствуя самъ, что я не въ силахъ ничего связать. Всякая проба сказать что-нибудь была неудачна и я всякой разъ раскаявался даже въ томъ, что открывалъ ротъ, чувствуя, что моими не ясными и глупыми словами наводилъ только новое о себѣ не(до)ра-зумѣніе. Другъ мой, когда чело-вѣкъ отъ всѣхъ бѣжитъ, всѣхъ отъ себя отталкиваетъ, ищетъ уединенія и отдаетъ себя добровольно на ски-тающуюся, или, какъ ты называешь, цыганскую жизнь, тогда нужно его на время оставить и не мѣшать ему. Урочное время пройдетъ, онъ самъ лѣвится къ вамъ, когда же услышитъ въ себѣ чело-вѣкъ внутрен-ней позывъ, онъ тогда долженъ все оставить, оторваться²⁾ отъ чего ему даже трудно и больно.

Ты былъ довольно проницателенъ, сказавши, что главная вина всѣхъ моихъ недостатковъ — мое невѣжество и невоспитаніе, ты это почувствовалъ; но ты былъ только несправедливъ, указывая мнѣ пути какъ избавиться отъ этого — дѣло, которое требуетъ слишкомъ большаго изученія природы того чело-вѣка, которому дается инструкція. Ты

¹⁾ Напечатанное разрядкой было вычеркнуто, но я восстанавливаю эти слова, какъ какъ надписаннаго сверху нѣтъ никакой возможности разобрать. О. М.

²⁾ Было и вычеркнуто — отъ всего, сверху же приписано что-то неразборное.

вызываешь невѣжу на брань съ невѣжествомъ, требуешь, чтобы я теперь уже указывалъ другимъ путь и прямую дорогу и, выражаясь твоими словами, указывалъ на заблужденіе судей самозванцевъ, но, другъ мой, мнѣ можетъ всякой сказать: лекарю—вылечись прежде самъ. Я слишкомъ хорошо знаю, что я долженъ это выполнить. Въ тоже время знаю и то, (что) чистоты душевной и лучшаго устроенія себя и почти небесной красоты нравовъ¹⁾. Безъ того не защитишь ни самаго искусства, какъ и все святое (sic), которому оно служитъ подножіемъ. Цѣль, о которой говоришь ты, стоитъ неизмѣнно передъ мною. Она должна быть и у всѣхъ въ виду, но стремленія къ ней различны и дорога къ одному и тому же у всякаго²⁾ своя. И если человѣкъ уже дошелъ до того, что можетъ видѣть самъ свои недостатки и пороки и видѣть свою природу, онъ одинъ только можетъ знать, какой дорогой ему возможнѣй идти. Для тѣхъ же самыхъ причинъ одному потребно непрерывное столкновение со свѣтомъ, другому потребна цыганская жизнь. И какъ сказать ему: ты дѣлаешь не такъ? Животное, когда заболѣетъ, ищетъ само себѣ траву и находитъ ее, и такое лекарство для него полезнѣе всѣхъ тѣхъ, какія предпишутъ ему самые умнѣйшіе врачи. Другъ, я правъ, что отдалился на время оттуда, гдѣ — — —³⁾.

Ты видишь одно только безвременное (?) прикосновеніе мое къ свѣту — и какая произошла кутерьма; крутыя обстоятельства заставили меня прежде времени выдать нѣкоторыя сочиненія, на которыхъ я не имѣлъ времени даже взглянуть моими тогдашними глазами, не только теперешними, и въ какомъ яркомъ видѣ я показалъ всѣмъ и свое невѣжество и неряшество и своими же словами опозорилъ то, что хотѣлъ возвысить. Въ дѣлахъ моихъ прозаическихъ, въ отношеніяхъ дружественныхъ, связанныхъ со всѣмъ этимъ, произошли тоже цѣллыя облака недоразумѣній. Другъ, кто воспитываетъ еще себя, тому не слѣдуетъ и на время заглядывать въ свѣтъ... Дѣтей не пускаютъ въ гостиную, ихъ держатъ въ дѣтской. Покамѣсть я не выучусь прежде тому, безъ чего мнѣ и ступить нельзя въ свѣтъ, и выносить даже все то, что не выносятъ другіе люди, бесполезна будетъ и жизнь моя среди свѣта. Повѣрь, мнѣ не будетъ покоя; напротивъ, или меня оскорбятъ, или я кого-нибудь оскорблю; или ты не знаешь всѣхъ тѣхъ цекотливыхъ положеній, какія предстоятъ въ свѣтѣ писателямъ, сколько даже великихъ характеровъ оттого безременно погибло. По

¹⁾ Надо прибавить: нужно. Слово это было, но зачеркнуто.

²⁾ Вычеркнуто: «важный идетъ своей дорогой».

³⁾ Нельзя разобрать.

этой-то самой причинѣ я не могу теперь хорошо поступать и въ дружескихъ моихъ отношеніяхъ: я не въ силахъ еще быть другомъ, даже если бы и захотѣлъ. Чтобы быть кому-либо другомъ, нужно прежде сдѣлаться достойнымъ дружбы; а до того времени едва-ли не буду (болѣе) отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать къ себѣ. Смотри какъ вѣрно сказано въ „Imitation de Jésus Christ“: Nous croyons quelquefois nous rendre agréables aux autres par une liaison que nous formons avec eux, et c'est alors que nous commençons à leur déplaire par le dérèglement de moeurs qu'ils découvrent en nous.

Еще скажу слова два на счетъ недоувѣрчивости моей къ людямъ. Меня всѣ обвиняютъ въ недоувѣрчивости, но точно-ли это недоувѣрчивость? Недоувѣрчивость происходитъ отъ незнанія людей и сердца человѣческаго. Боятся челоувѣкъ людей отъ того, что не знаетъ. Но неужь-то во мнѣ замѣтны признаки совершеннаго незнанія людей и сердца? Но мои сочиненія, при всемъ несовершенствѣ, показываютъ, что въ авторѣ есть нѣкоторое познаніе природы челоувѣка, это не простая наглядность; ты самъ знаешь, что я во всей Россіи толкался немного съ людьми, и что всегда почти не вѣренъ въ томъ, гдѣ касался точныхъ описаній мѣстностей или нравовъ. Точно-ли (?) это недоувѣрчивость? Ну что, если я такимъ же образомъ стану въ свою очередь упрекать другихъ въ недоувѣрчивости: зачѣмъ нѣкоторыя качества, слова и поступки неясные и сомнительные отнесены были скорѣе въ худую, чѣмъ въ хорошую сторону; развѣ это доувѣрчивость? Зачѣмъ, признавши меня за оригинала-чудака, требовали отъ меня такихъ же дѣйствій, какъ и отъ другихъ? Зачѣмъ, прежде чѣмъ вывести о мнѣ заключеніе вообще по двумъ или тремъ поступкамъ, судящій не усумнился и не сказалъ въ себѣ такъ: я вижу въ этомъ челоувѣкѣ вотъ какіе признаки; въ другихъ эти признаки значать вотъ что; но этотъ челоувѣкъ не похожъ на другихъ, самая жизнь его другая, при томъ этотъ челоувѣкъ скрытенъ; Богъ вѣсть, иногда искусные врачи ошибались, основываясь на тѣхъ самыхъ признакахъ и принимали одну болѣзнь за другую. Зачѣмъ же, даже не предавшись сомнѣнію въ себѣ, заключили твердо быть такой-то низости, такому-то свойству и такому-то качеству. Конечно, я буду не правъ, если стану обвинять; дѣло было не совсѣмъ бы такъ, еслибъ я былъ правъ. Другъ, ну что еслибы предположить, чтобы (нашелся) одинъ такой страдалецъ, надъ которымъ обрушилась такая страшная (бѣда), что все, что ни сдѣлаетъ и ни скажетъ, принимается въ превратномъ значеніи, что всѣ, почти до одного, въ немъ усумнились и закружился предъ нимъ цѣлый вихорь недоразумѣній, и, положимъ, что онъ видитъ все, что происходитъ, и если бы вмѣсто меня попался другой съ душой, бо-

лѣе нѣжной, еще неогрѣвшей и неумѣющей переносить горя, и видѣлъ бы онъ все, что происходитъ въ сердцахъ друзей его и ближнихъ къ нему, и вся душа его изстрадала и изныла бы и чувствовала бы въ то время, что онъ не можетъ произнести и слова въ свое оправданіе, подобно находящемуся въ летаргіи¹⁾).

Еще скажу тебѣ въ заключеніе одно мнѣніе. Другъ, будемъ нѣсколько смиренны относительно заключеній о человѣкѣ, о какомъ бы то ни было характерѣ и о душѣ человѣка. Выскажемъ ему все, что ни есть въ немъ дурнаго, это будетъ ему нужно, но удержимся утвердить о немъ мнѣніе, пока не узнали излучинъ его души или пока не услышали его душевной исторіи. Мы всѣ вообще слишкомъ строги къ тому человѣку, въ которомъ намъ что-нибудь не понравилось, и, узнавши въ немъ два-три качества, не хотимъ и узнавать о(тъ) другихъ, что (?) теперь человѣку становится, чѣмъ далѣе, труднѣе среди своихъ собратій²⁾).

Богъ знаетъ, что дѣлается въ глубинѣхъ человѣка; иногда положеніе можетъ быть такъ странно, что онъ похожъ на одержимаго летаргическимъ сномъ, который видитъ и слышитъ, что его всѣ, даже самые врачи, признали мертвымъ и готовятся его живаго зарывать въ землю; и, видя и услыша все это, не въ силахъ пошевелить ни однимъ составомъ своимъ³⁾). Не оттого-ли такъ не знаемъ человѣка, что слишкомъ рано заключили, что будто его совершенно узнали. А потому и относительно меня самого ты вооружись терпѣніемъ. Брани меня, мнѣ будетъ пріятно всякое твое слово, даже если бы оно было гораздо жесточе тѣхъ, которыя въ письмѣ твоёмъ. Но не предавайся напрасному раздумью и не досадуй на меня въ душѣ. Ты видишь, что многое здѣсь еще темно и неясно, предоставимъ же лучше времени, оно одно можетъ разрѣшить, уяснить. Если же тебѣ когда-нибудь сгрустнется обо мнѣ и будетъ казаться: я иду дорогой и заблудился и не той, которой мнѣ слѣдуетъ, то помолись лучше такъ въ душѣ своей: Боже, просвѣти его и научи тому, что ему нужно на пути его. Дай ему выполнить то именно назначеніе, для котораго онъ созданъ, для котораго (тобою же) и далъ ты же орудія, способности и силы... Если-жъ онъ отшатнется⁴⁾, то пожалѣй его бѣдную душу и снеси его до срока съ лица земли...

¹⁾ При всей неуклюжести фразы, какая художественность въ этомъ сравненіи!

²⁾ Вся эта недодѣланная фраза слегка перечеркнута.

³⁾ Надо думать, что Гоголь приостановился, а потомъ, снова взявшись за письмо, позабылъ, что сравненіе съ летаргикомъ уже было употреблено имъ.

⁴⁾ Вычеркнуто: «отъ своего назначенія, не будетъ вникать твоему (гласу), не дай ему заблудиться».

О. М.

Повѣрь, что послѣ такой молитвы и тебѣ будетъ легче и мнѣ полезнѣе: молитва отъ глубины души ударяетъ прямо въ двери небесныя. Но довольно объ этомъ.

Поговоримъ теперь о прозаическомъ дѣлѣ по поводу моихъ сочиненій; я думалъ, что письмо твое разрѣшитъ мнѣ все, — не тутъ-то было, я остался въ тѣхъ же потемкахъ. Другъ мой, ты говоришь, что Проккоповичъ хочетъ, чтобы я въ особомъ дружескомъ письмѣ изъяснилъ ему, чтò мнѣ нужно знать отъ него. Но разсмотри ты самъ мое положеніе, я уже два письма писалъ къ нему, но ни одного отвѣта; я требовалъ отчета, что яснѣй этого! требовалъ цифръ, извѣстить меня, сколько экземпляровъ на лицо, сколько продано, сколько отправлено, сколько у меня есть денегъ, просилъ даже про послѣднихъ (sic) подробностей. Мнѣ это нужно было, безъ этого я былъ самъ связанъ и самъ не могъ поступить ясно и толково, а обстоятельства мои требовали внезапныхъ, быстрыхъ распоряженій. Неужели все это было принято за недоувѣрчивость? Выведенный изъ терпѣнія молчаніемъ, я написалъ жесткое письмо, въ которомъ упрекнулъ въ безсо-страдательности къ положенію другаго; я ни чѣмъ не оправдываю своего поступка, я былъ виноватъ, но, другъ, человѣкъ слабъ, а обстоятельства бываютъ сильны, я былъ ими стиснутъ крѣпко. Съ одной стороны пишетъ мнѣ мать, что у ней хотятъ описать имѣніе, если она въ скорости не уплатитъ долговъ и процентовъ ¹⁾; съ другой—я самъ не получаю денегъ, наконецъ, я боленъ и духомъ и тѣломъ. Въ письмѣ этомъ, какъ жестоко оно ни было, но въ немъ ²⁾,— —что я нахожусь въ сжатыхъ обстоятельствахъ. Прежде помощи, а потомъ выбрани. Если же я такъ сильно оскорбилъ, что даже мнѣ нельзя было и простить, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы все-таки написать мнѣ хотя такимъ (образомъ), ты меня такъ оскорбилъ, что я прерываю отнынѣ съ тобою всѣ сношенія. Дѣлами твоими не хочу заниматься, сдаю ихъ всѣ такому-то, относись къ такому-то. Словомъ, чтобы я зналъ, что предпринять. Какъ вмѣсто всего этого заплатить полторагодовымъ молчаніемъ; я изъ журналовъ вижу, что въ Петербургѣ почти разошлись всѣ экземпляры. (Въ Москвѣ изъ тысячи не проданъ ни одинъ) ³⁾. А между тѣмъ въ это время терплю, нуждаюсь и ничего не могу понять изъ этой странной исторіи. Другъ, ты го-

¹⁾ Вотъ одно изъ свидѣтельствъ самого Гоголя о томъ, что матеріальное положеніе его матери было очень незавидно, а потому друзья и имѣли полное основаніе требовать отъ него большей заботливости о дѣлахъ матери.

²⁾ Нельзя разобрать.

³⁾ А въ зачеркнутомъ было: «я только слышу изъ постороннихъ источниковъ, что въ Москвѣ и Петербургѣ продаются экземпляры скоро и успѣшно». О. М.

воришь: Прокоповичъ больше правъ, чѣмъ я, я тому вѣрю, много обиженъ—это правда; я противъ этого и не спорю. Но ты говоришь: онъ меня любить. Другъ, любовь слишкомъ святая вещь, страшно и проносить это имя всеу. Всякой въ свѣтѣ разумѣетъ по своему любовь и всѣ мы далеки отъ ея истиннаго значенія; любовь умѣетъ переносить и оскорбленіе, любовь великодушна и собою же пристыжаетъ ее оскорбившаго. Согласись, по крайней мѣрѣ, что вслѣдствіе такихъ необъяснимыхъ для меня поступковъ, могъ бы и я также усумниться во многомъ. Но клянусь, я больше умѣю вѣрить душѣ человѣка, чѣмъ всѣмъ его поступкамъ, хотя меня всѣ упрекаютъ въ недовѣрчивости. Я слишкомъ хорошо знаю, что есть столько на свѣтѣ разныхъ постороннихъ вещей, слуховъ, сплетней и прочаго, которые всѣ до того опутываютъ непроницаемымъ туманомъ человѣка, что на разстояніи двухъ шаговъ не узнаютъ другъ друга, и что честный человѣкъ можетъ поступить такъ, что со стороны и даже не вдалекѣ стоящему человѣку покажется загадкой его дѣло. И такъ, вотъ тебѣ мое честное слово, что въ этомъ дѣлѣ недовѣріе я питалъ только къ одной аккуратности, а не къ чему-либо другому; по теперешнему твоему письму я еще болѣе увѣрился, что съ этимъ изъ теперешняго письма (sic) завязалось столько постороннихъ отношеній, что изъясненіямъ не будетъ (конца) до тѣхъ поръ, пока я не рѣшусь разомъ и вдругъ прекратить все это, и такимъ образомъ не развязать, а разрубить узелъ. Для этого есть одно средство, и потому превратимъ это дѣло разомъ изъ запутаннаго и глупаго въ благородное, умное и святое. Виноватъ во всемъ я, кромѣ всѣхъ прочихъ, виноватъ уже тѣмъ, что произвелъ всю эту путаницу, всѣхъ взбаломутилъ людей, которые безъ меня, можетъ быть, и не столкнулись бы между собой, поставилъ въ неприятыя отношенія. Виноватый долженъ быть наказанъ; я наказываю себя лишеніемъ всѣхъ денегъ, слѣдуемыхъ за экземпляры моихъ сочиненій. Лишенія этого хочеть душа моя, потому что оно справедливо и законно, и безъ него мнѣ бы было тяжело. Всякой рубль и копейка этихъ (денегъ) купленъ неудовольствіями и оскорбленіями моихъ (друзей), и нѣтъ человѣка, котораго бы я не оскорбилъ; деньги эти тяжелѣли бы на моей совѣсти. И потому, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, отдаю¹⁾ въ пользу бѣдныхъ, но достойныхъ студентовъ; деньги эти должны имъ прійтись не даромъ, но за труды. Труды эти долженъ имъ задать ты, по собственному (выбору), что найдешь нужнымъ для всѣхъ насъ, перевести или сочинить (?). Будутъ-ли эти переводы полезны для

¹⁾ Вычеркнуто по ошибкѣ: «деньги».

всѣхъ, напечатать-ли отдѣльно или въ „Современникъ“, какъ и кому сколько дать, все это никто лучше тебя, никто другой не въ силахъ сдѣлать; а потому ты не можешь отказать даже и тогда, когда бы я просилъ тебя не во имя дружбы. Всѣ деньги до послѣдней копѣйки за экземпляры, проданные въ Петербургѣ, за вычетомъ, разумѣется, процентов¹⁾, должны поступать вмѣсто того, чтобъ ко мнѣ—къ тебѣ. Прокоповичъ поступить благородно, это я знаю, я въ немъ больше увѣренъ, и знаю, что душа его рождена быть прекрасной, и потому онъ приметъ это дѣло святое, отбросивъ и мысль о какихъ-нибудь личныхъ неудовольствіяхъ. Онъ будетъ аккуратнѣе во всемъ: отдастъ до послѣдней копѣйки, и всѣ деньги отдастъ тебѣ. Прокоповичъ (по)ревностно исполнитъ все, что найдетъ нужнымъ по этому дѣлу. Если онъ и послѣ этого еще будетъ питать ко мнѣ — —²⁾, тогда будетъ просто грѣхъ на душѣ его; и если точно любить, то, чтобы какъ святыню принять эту просьбу. Все это дѣло должно остаться навсегда тайной для всѣхъ, кромѣ васъ двухъ. Всѣмъ говорите, что деньги за экземпляры пошлются мнѣ. Ни ты, ни онъ не должны сказать о немъ (о томъ?) никому, какъ бы они близки ни были къ вамъ, ни при жизни моей, ни по смерти моей. Я также не долженъ знать ничего, кому, какъ и за что даются деньги; отчетъ въ этомъ принадлежитъ одному Богу. Въ Москвѣ сдѣлаю тоже самое съ тамъ находящейся тысячею экземпляровъ; только двое, Аксаковъ и Шевыревъ, которому отдано, введены тамъ въ это дѣло. Но — —³⁾ ни они никогда не должны говорить объ этомъ дѣлѣ. Просьба эта должна быть исполнена во всей силѣ. Никакихъ на это представленій или возраженій; я жду только одного слова: да, — и ничего больше. Воля друга должна быть священна. Вотъ мой отвѣтъ. Я долженъ сдѣлать такъ, а (не) иначе, а доказательство(мъ) этому служить моя совѣсть. Мнѣ сдѣлалось вдругъ легко и съ души моей, кажется, свалилась вдругъ страшная тяжесть. И такъ, дѣло это рѣшено, сдано въ архивъ и о немъ никогда ни слова.

А ты, другъ, не вознегодуй на хлопоты, которыя тебѣ здѣсь предстоитъ; ты получишь много внутреннихъ наслажденій, возбуждая молодыхъ людей къ труду и къ занятіямъ; ты откроешь между ними много талантовъ. Если же откроешь, будь для нихъ тѣмъ же, чѣмъ ты былъ для меня, когда я выступилъ на поприще. Поощрай, ободри и упрекай, но не досадуй, если замѣтишь въ нихъ что-нибудь

¹⁾ Вверху приписано что-то совсѣмъ неразборное.

²⁾ Вычеркнуто: «скажи ему, чтобы онъ ради этого святаго дѣла простилъ меня во всемъ, чѣмъ я оскорбилъ».

³⁾ Не разобрано.

похожее на неблагодарность; это часто бываетъ только одно своеправное движеніе юношеской гордости, покажи ему¹⁾ любовь свою и порази его новыми благодѣяніями и онъ будетъ твой на вѣки.

Благодарю тебя искренно и отъ всей души за твою готовность помочь мнѣ собственными твоими (средствами); я попрошу у тебя прямо и безъ всякихъ обвиняковъ. Теперь же покажѣсть мы устроились коекакъ на этотъ счетъ съ Жуковскимъ, еще до полученія твоего письма, о деньгахъ я теперь забочусь меньше, чѣмъ когда-либо. Самое трудное время жизненной дороги уже перемыкано²⁾. Когда я думалъ о деньгахъ, у меня ихъ никогда не было, когда же не думалъ — они всегда ко мнѣ приходили. Но прощай! Обнимаю тебя крѣлко! Люби меня просто, на вѣру и на одно честное слово, а не потому, чтобы я былъ достоинъ любви, или чтобы мои поступки стоили любви, и повѣрь, ты будешь потомъ въ выигрышѣ. Твой Гоголь.

Ты можешь сказать, что они идутъ отъ одного богатаго человѣка. можно даже сказать государю о лицѣ, которое хочетъ остаться въ неизвѣстности.

За это письмо Гоголю больно досталось отъ Н. Ф. (А. О. Смирновой), которая узнала о его содержаніи отъ самаго П. А. Плетнева. Письмо ея къ Гоголю напечатано въ «Запискахъ» г. Кулшпа (II, 23—25). «На Н. Н. (конечно, Плетнева), говоритъ она тутъ, не гнѣяйте за то, что онъ почувствовалъ нужду показать мнѣ ваше письмо——. Онъ не увѣренъ въ васъ, и притомъ ему кажется, что въ васъ нѣтъ простоты. Н. Н. нужно было со мною переговорить, чтобы рѣшить недоумѣніе на многія слова ваши». А. О. Смирнова не одобрила задуманнаго Гоголемъ пожертвованія потому, что онъ долженъ былъ прежде всего заботиться о своихъ близкихъ³⁾. «У васъ,—писала она,—на рукахъ старая мать и сестры—— Знаете-ли, что St. François de Sales говоритъ: «nous nous amusons souvent à être tous anges, et nous oublions qu'il faut avant tout être bons hommes?» И такъ, будьте проще, удобопонятнѣе всѣмъ тѣмъ, которые ниже васъ на ступени духовной; не скрывайтесь и не закрывайтесь безпрестанно. Зачѣмъ вы тайно хотите помогать другимъ?.. Чтобы избѣгнуть упрека, что одни фарисеи раздаютъ на перекресткахъ... вы забываете: да свѣтятся дѣла ваши добрыя предъ людьми во славу Божию? Кто знаетъ? можетъ быть, узнавъ, что вы своей лептою помогаете брату, и у другихъ явится охота помогать...» Далѣе, возвращаясь опять къ тому, что пожертвованіе Гоголя неблагоразумно, она продолжаетъ: «Когда Прокоповичъ отдастъ отчетъ и буде у него что-нибудь накопилось... вы... должны себя и своихъ близкихъ обезпечить прежде всего... Во-вторыхъ, вѣдь деньги только у васъ въ воображеніи: ихъ, можетъ быть, нѣтъ, да и не будетъ (и вы мнѣ напомнили Perrotte sur sa tête ayant un pot

¹⁾ Т. е., вѣроятно, юношѣ.

²⁾ Слова: самое трудное время зачеркнуты, вѣроятно, по ошибкѣ. Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ строкахъ трудно разобрать, что въ самомъ дѣлѣ должно быть зачеркнуто, что остаться: смыслъ неуловимъ.

³⁾ Она въ этомъ сходилась съ М. П. Погодинымъ.

à lait), а вы уже ими и пожертвовали. не сообразно ни съ какимъ порядочнымъ понятіемъ о милостивѣи и подаваніи». Изъ этого видно, что А. О. Смирнова не болѣе церемонилась съ Гоголемъ, чѣмъ П. А. Плетневъ. къ которому Гоголь обратился съ вышенапечатаннымъ письмомъ — содержанія, какъ видѣтъ читатель, полуоправдательнаго, полустараяющагося великодушнымъ порывомъ пристыдить тѣхъ, передъ которыми пришлось оправдываться. Что касается г-жи Смирновой, то Гоголь отвѣчалъ ей, по свидѣтельству г. Кулиша, «цѣлою тетрадью», изъ которой издатель «Записокъ о Гоголѣ» «долженъ былъ, какъ онъ увѣряетъ, сдѣлать большія исключенія» («Зап.», II, 25). Вотъ что приводится тутъ въ отвѣтъ на главный обвинительный пунктъ г-жи Смирновой: «оставимъ эти деньги на то, на что онѣ опредѣлены. Эти деньги выстраданныя и святые, и грѣшно ихъ употреблять на что-либо другое. Если бы добрая мать моя знала, съ какими душевными страданіями для ея сына соединилось все это дѣло, то не коснулась бы ея рука ни одной копѣйки изъ этихъ денегъ»¹⁾. Надо думать однако же, что Гоголь понималъ необходимость позаботиться и о своей матери. Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ далѣе: «N. N. (вѣроятно Плетневъ) пусть пошлетъ двѣ тысячи моей матушкѣ; мы съ нимъ послѣ сочтемся. Всѣ объясненія со мной по этому дѣлу должны быть кончены. Вы также должны отступить отъ этого дѣла; мнѣ непріятно, что вы въ него вмѣшались» («Зап.», II, 27—28). Г. Кулишъ говоритъ далѣе въ тѣхъ же «Запискахъ», что и изъ Москвы на письмо о пожертвованіи Гоголя отвѣчали, что желаніе его — по крайней мѣрѣ до времени — не можетъ быть исполнено. «Въ Москвѣ, однако-жь, — прибавляетъ г. Кулишъ, — великодушное предпріятіе поэта осуществилось, и до сихъ поръ у одного его друга хранятся банковые билеты на 2,500 руб. сер., положенныхъ въ ростъ для помощи бѣднымъ талантливымъ студентамъ Московскаго университета» (33).

Около того же времени подана была в. к. Маріи Николаевнѣ «супругомъ церемоніймейстера Смирнова» докладная записка о Гоголѣ. Записка эта вызвала докладъ императору Николаю Павловичу гр. Уварова, слѣдствіемъ котораго было назначеніе Гоголю по 1,000 р. с. на три года. Докладъ этотъ и письмо, которымъ гр. Уваровъ извѣщалъ Гоголя о высочайшей милости, напечатаны были въ «Сѣверной Почтѣ» 1865 г. (№ 277)²⁾. Что касается помѣщеннаго тутъ же отвѣтнаго письма Гоголя гр. Уварову, отъ 2-го мая 1845 г., то оно имѣется и въ изданіи у г. Кулиша (VI, 173—174). Но такъ какъ г. Кулишъ напечаталъ его, вѣроятно, по черновой Гоголя, редація же «Сѣверной Почты» основывается на перебѣленномъ письмѣ, хранящемся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, то эта послѣдняя и представляетъ нѣкоторыя несущественныя отличія, объясняемыя. надо полагать, тѣмъ, что Гоголь, перебѣляя, выправилъ кое-что. «О благодарности государю, — пишетъ онъ тутъ, — ничего не говорю: она въ душѣ моей, выразить ее могу развѣ одной молитвой о немъ. Скажу вамъ только, что послѣ письма вашего мнѣ стало грустно. Грустно, во-первыхъ, потому, что все, доселѣ мною

¹⁾ Въ объясненіе пожертвованія Гоголя можетъ быть приведено не только то «отсутствіе простоты», на которое указывали ему друзья, но, можетъ быть, и искреннее желаніе добромъ, оказаннымъ студентамъ, нѣсколько загладить тѣ воспоминанія, которыя должны были остаться въ университетской средѣ отъ безславной поры его профессорства.

²⁾ За сообщеніе этого листка «Сѣверной Почты» принюшу мою благодарность П. А. Ефремову.

О. М.

писанное, не стоит большого вниманія: хоть въ основаніе его легла и добрая мысль, но выражено все такъ незрѣло, дурно, ничтожно и притомъ въ такой степенн не такъ, какъ бы слѣдовало, что не даромъ большинство приписываетъ моимъ сочиненіямъ скорѣе дурной смыслъ, чѣмъ хорошей, и соотечественники мои извлекаютъ извлеченія изъ нихъ скорѣи не въ пользу душевную, чѣмъ въ пользу». (Такимъ образомъ тутъ уже ярко сказалось то авторское самоосужденіе, которое позже предстало очамъ изумленной публики въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями»). «Клянусь,—продолжаетъ Гоголь,—я и не помышлялъ даже просить чего либо теперь у государя; въ тишинѣ только и готовилъ трудъ, который, точно, былъ бы полезенъ моимъ соотечественникамъ моихъ прежнихъ марацій... Меня утѣшала доселѣ мысль, что государь, которому истинно дорого душевное благо его подданныхъ, сказалъ бы, можетъ быть, современемъ о мнѣ такъ: «этотъ человекъ умѣлъ быть благодарнымъ и зналъ, чѣмъ высказать мнѣ свою признательность».

Трудъ, на который возлагалъ надежды Гоголь, это, конечно, продолженіе «Мертвыхъ Душъ», соединившееся у него, какъ извѣстно, съ широкими дидактическими затѣями. О томъ же трудѣ писалъ онъ отъ 25-го іюля того же 1845 года А. О. Смирновой, т. е. тому лицу, которое подавало записку о немъ в. к. Маріи Николаевнѣ. Начавъ съ увѣренія: «я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно «Мертвыхъ Душъ», Гоголь далѣе объясняется такимъ образомъ: «но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора, принимая за каррикатуру насмѣшку надъ губерніями, также какъ были прежде несправедливы, хваливши. Вообще не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ «Мертвыхъ Душъ». Это, покажетъ, еще тайна, которая должна будетъ вдругъ, въ изумленіе всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей еще не догадалась), раскрыться въ послѣдующихъ томахъ... Была у меня, точно, гордость, но не моихъ настоящихъ, не тѣми свойствами, которыми владѣю я; гордость будущимъ шевелилась въ груди,—тѣмъ, что представлялось мнѣ впереди—счастливымъ открытіемъ, которымъ угодно было, въслѣдствіе Божіей милости, озарить мою душу,—открытіемъ, что можно быть далеко лучше того, чѣмъ есть человекъ, что есть средства и что для любви... Но не кстатн я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ». (Кулишъ, VI, 204—205).

На другой день послѣ этого письма, Гоголь писалъ С. П. Шевыреву о 2-мъ изданіи 1 т. «Мертвыхъ Душъ»: «Экземпляры разойдутся, это я знаю. Послѣ того голоса, который я подамъ отъ себя, передъ моимъ отправленіемъ на поклоненіе св. мѣстамъ, ихъ станутъ раскупать». За этимъ въ текстѣ г. Кулиша слѣдуетъ пропускъ, который и пополняется здѣсь на основаніи подлинника:

Посылать же на цензуранье къ цензору въ Петербургъ я не думаю, чтобы оказалась надобность, тѣмъ болѣе, что это фантастическое запрещеніе втораго изданія никогда не существовало: оно образовалось въ Москвѣ по старой охотѣ ея къ плетенью всякаго рода силетней. Это можешь изяснить цензору, если бы онъ оказался малоразумѣнъ, а не то предстань къ Строганову и объясни ему. Если же по причинѣ какой-либо новой безтолковщины оказалось бы такъ, что нужно посылать въ Петербургъ, то пошлн къ Никитенкѣ и въ тоже время письмо къ Плетневу, чтобы онъ его поторопилъ, потому что

Никитенко, при всей благосклонности и расположении ко мнѣ, нѣсколько лѣнивъ и можетъ замедлить присылкой.

Въ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 20-го ноября (VI, 222—224) есть также пропускъ. Первый не обозначенъ даже обычными двумя чертами.

Послѣ словъ: «Кпрѣвскій болень также» — должно быть вставлено:

Ты говоришь: неужели нѣтъ молитвы, которая бы могла васъ спасти? и отвѣчаешь: она есть, но вы плохо призываете. Одинъ Богъ можетъ знать, кто какъ молится. Но...

На той же стр. послѣ словъ: «не нашимъ малымъ умомъ судить объ умѣ великомъ» — пропущено:

Меня смутило также извѣстiе твое о Константинѣ Аксаковѣ. Борода, зипунъ и проч... Онъ просто дурачится, а между тѣмъ дурачество это неминуемо должно было случиться. Этотъ человѣкъ болень избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ, тѣ и другія въ немъ накопились, не имѣя проходоу извергаться. И въ физическомъ, и въ нравственномъ отношенiи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человѣкъ, достигнувъ 30-ти лѣтъ, не женился, то дѣлается болень. такъ и въ нравственномъ. Для него даже лучше бы было, если бы онъ въ молодости своей.....¹⁾ Но воздержанiе во всѣхъ разсѣянiяхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ былъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ; такъ я думалъ съ самаго начала. Благодарю тебя за теперешнее извѣстiе о немъ. Я напишу къ нему: онъ отъ меня иногда выслушивалъ тѣ горькiя истины, которыя отъ другихъ не хотѣлъ выслушивать. Можетъ быть, Богъ вразумитъ и меня дать совѣтъ ему, и его—извлечь изъ моего совѣта для себя полезное. Что же касается до диссертации его, то, еще не читая ее, совѣтовалъ ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе. напечатавъ изъ нея одни только отрывки, какъ отдѣльныя статьи²⁾.

На стр. 223-й послѣ словъ: «отвѣтпть мнѣ Аксаковъ» — пропущено:

Я еще не совсѣмъ освободился отъ моей болѣзни, а отвѣтъ твой сокрушилъ меня: а чтсбы тебѣ сколько-нибудь было это понятно. скажу тебѣ только, что причиной самой болѣзни моей было отчасти душевное потрясенiе и сокрушенiе, въ которомъ сыгралъ также роль и бѣдный Погодинъ, которому судьба наноситъ неумышленно горчай-

¹⁾ На этотъ разъ и я принужденъ сдѣлать маленькой пропускъ. Вообще же отзывъ Гоголя о К. С. Аксаковѣ, служа къ характеристикѣ самого Гоголя, не налагаетъ ни малѣйшей тѣни на чистую личность покойнаго К. С. Аксакова — одного изъ тѣхъ рѣдкихъ характеровъ, для которыхъ не страшень никакой критическiй ножъ. О. М.

²⁾ Это, конечно, относится къ замѣчательной книгѣ Б. Аксакова о Ломоносовѣ. Любопытно, что Гоголь распоряжается ею, какъ самъ говорить, не читавъ ее.

шія оскорбленія всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ или слишкомъ нѣжную и чувствительную душу, или которыхъ Богъ еще не укрѣпилъ достаточно для подобныхъ битвъ ¹⁾). Но это да останется втайнѣ между нами; объ этомъ ни слова Аксакову и никогда — Погодину.

На стр. 224-й послѣ словъ: «и разумомъ и душой» — пропущено:

И самъ духъ божественный, изгоняющій все лишнее, неумѣстное, и пристрастное, въ немъ слышатся. (Дѣло идетъ объ отрывкѣ изъ лекціи Шевырева, напечатанномъ въ „Москвитяинѣ“).

Затѣмъ слѣдуетъ у г. Кулиша рядъ писемъ къ разнымъ лицамъ. 27-го января 1846 г. Гоголь писалъ г-жѣ Смирновой о посѣщеніи Рима императоромъ Николаемъ Павловичемъ: «Я не представлялся къ нему потому, что стало стыдно и совѣстно, не сдѣлавши почти ничего еще добраго и достойнаго благоволенія, напоминать о своемъ существованіи... (Государь долженъ увидѣть меня тогда, когда и на своемъ скромномъ поприщѣ сослужу ему такую службу, какую совершаютъ другіе на государственныхъ поприщахъ)» (233). Мая 5-го Гоголь писалъ Языкову: «Письма мои къ тебѣ, особенно послѣднія—тѣ, гдѣ какія-нибудь мѣста, относящіяся къ литературному дѣлу, (сбереги). Я не оставляю намѣренія издать выбранныя мѣста изъ писемъ, а потому, можетъ быть, буду сообщать къ тебѣ отнынѣ почаще тѣ мысли, которыя пулко будетъ пустить въ общій обиходъ» (249). Съ этихъ поръ Гоголь постоянно возвращается къ своему странному замыслу. «Всѣ свои дѣла въ сторону, — пишетъ онъ 30-го іюля П. А. Плетневу, — займись печатаніемъ этой книги, подъ названіемъ: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ... Печатай два завода и готовь бумагу для втораго изданія, которое, по моему соображенію, воспослѣдуетъ немедленно: эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга» (250). 5-го октября 1846 г. Гоголь писалъ о томъ же Шевыреву: «Въ это дѣло, кромѣ Плетнева и цензора, не введи никто, а поэтому и ты не сообщай о томъ никому, кромѣ развѣ Языкова, который имѣетъ одинъ объ этомъ свѣдѣніе... Изъ этой книги ты увидишь, что жизнь моя была дѣтельная даже и въ болѣзненномъ моемъ состояніи, хотя на другомъ поприщѣ, которое есть, впрочемъ, мое законное поприще, и что великъ Богъ въ своихъ милостяхъ» (266). 16-го октября, посылая Плетневу заключительную тетрадь своихъ «Выбранныхъ мѣстъ», Гоголь писалъ объ А. В. Никитенинѣ: «У него добрая душа и на него особенно слѣдуетъ насѣдать лично. Говори ему непрерывно... что съ книгой не нужно мѣшкать, потому что мнѣ нужно прежде новаго года собрать деньги за ея распродажу, съ тѣмъ, чтобы пуститься въ дальнюю дорогу» (въ Іерусалимъ) (270). 20-го октября Гоголь писалъ Плетневу же слѣдующее: «По выходѣ книги, приготовь экземпляры и поднеси всему царскому дому до одинаго. Ни отъ кого не бери подарковъ: скажи, что поднесеніе этой книги есть выраженіе того чувства, котораго и самъ не умѣю себѣ объяснить... Но если кто изъ нихъ предложитъ отъ себя деньги на вспоможеніе многимъ тѣмъ, которыхъ я встрѣчу идущихъ на поклоненіе къ св. мѣстамъ, то эти деньги бери смѣло» (272). 2-го ноября въ письмѣ къ тому же лицу, Гоголь разсуждаетъ уже о цѣнѣ за свою книгу: отъ 2 до 3 руб., смотря по числу

¹⁾ Видно, М. П. Погодинъ опять попалъ Гоголю не въ бровь, а въ глазъ.

печатныхъ страницъ. «Это не будетъ дорого, пишетъ онъ, соображая то, что ее будутъ покупать болѣе люди богатые и достаточные, а бѣдные получаютъ даромъ отъ ихъ великодушныхъ раздачъ» (282). Всѣ эти самообольстительныя мечтанія Гоголя дѣйствительно напоминаютъ то лицо лафонтеновой басни, на которое не даромъ указывала ему А. О. Смирнова. 14-го ноября, извѣщая мать о томъ, что ей будутъ посланы 6 экземпляровъ душевспасительной «Переписки», изъ коихъ одинъ—для сестеръ, Гоголь писалъ: «У васъ будутъ выпрашивать подъ разными предлогами сестры лишній экземпляръ или для себя, или для пріятельницъ своихъ. Вы имъ не давайте: эта книга отнюдь не для забавы и не для вѣтранныхъ свѣтскихъ дѣвушекъ». Объявляя о своей окончательной рѣшимости ѣхать въ Иерусалимъ, Гоголь требуетъ молитвъ матери, и молитвъ именно въ Васильевкѣ: «Кто захочетъ васъ видѣть, можетъ къ вамъ пріѣхать. Отвѣчайте всѣмъ, что находите неприличнымъ въ то время, когда сынъ вашъ отправился на такое святое поклоненіе, разбѣжать по гостямъ и предаваться каплмъ-нибудъ развлеченіямъ. Сестры мои, если имъ не посидится, могутъ одинъ ѣхать въ Полтаву».

Слѣдующія затѣмъ неизданныя до сихъ поръ письма Гоголя, откладываемыя до слѣдующей книги, отличаются уже меньшимъ объемомъ и относительно меньшею важностью, но, въ связи съ прежними, содѣйствуютъ выясненію столь важнаго въ психологическомъ отношеніи послѣдняго періода въ жизни Гоголя, начинающагося съ обнаруженія «Избранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Для окончательнаго объясненія этой злополучной книги и причинъ ея появленія, придется затронуть также «Авторскую Исповѣдь» и во многихъ отношеніяхъ важную для характеристики Гоголя повѣсть «Портретъ» въ ея обонхъ видахъ. Только послѣ всего этого можно будетъ сдѣлать общіе выводы изъ всего, выставленнаго впередъ матеріала, причемъ должно будетъ выясниться, что именно въ такъ-называемомъ «переломѣ» Гоголя можетъ быть выяснено «средю», и что должно быть отнесено на счетъ его собственнаго характера. Литературная среда, въ которой вращался Гоголь, — вѣдь также по большей части уже умершая, и если держаться правила: *de mortuis aut bene aut nihil*, то я не думаю, чтобы справедливо было пользоваться имъ по отношенію только къ самому Гоголю... Съ другой стороны, если примѣнять это правило въ буквальной смыслѣ вообще къ историческимъ личностямъ, то исторія превратилась бы въ какую-то коллекцію панегириковъ, а это едва ли бы было пригодно.

Орестъ Миллеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СЪРОВЪ.

Матеріалы для его біографіи.

1820 — 1871¹⁾.

Письма А. Н. Сърова къ В. В. Стасову.

1840 — 1841.

20-го ноября 1840 г.

Я къ тебѣ не писалъ ужъ сколько вѣковъ, что даже совѣстно приниматься за перо. Каково-то тебѣ будетъ? Во-первыхъ mille remerciements за „пляску гигантовъ“²⁾. Эта вещь переложена весьма удачно, но жаль одного,—не по моимъ пальцамъ. Для этихъ „гигантовъ“ нужны и гигантскія руки. Впрочемъ, я могъ разобрать столько, чтобъ получить вѣрное понятіе объ этой высокой, величественной музыкѣ. Представляю себѣ, каково это должно быть въ большомъ оркестрѣ! Тутъ контръ-басы вѣрно играютъ не послѣднюю роль. Этотъ лоскуточекъ нотной бумаги пріятенъ мнѣ еще и потому, что доказываетъ полезное употребленіе твоихъ досуговъ. Quant à moi—Eheu me miserum!³⁾ Я все жду вдохновенія (по твоему предсказанію), но оно не посѣщаетъ меня, сенатскаго чиновника!! Вѣрно всѣ твои мечты обо мнѣ не сбудутся. Я все еще въ смертельномъ сомнѣніи: scilicet⁴⁾. требуетъ-ли мое душевное расположеніе постоянныхъ трудовъ (для которыхъ я не умѣю найти времени), или его и вовсе нѣтъ въ моей душѣ, этого расположенія? That is the question!—the great question!⁵⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 587—602.

²⁾ Такъ мы тогда называли серцо III-й симфоніи Бехтовена, намъ еще очень мало извѣстной. В. С.

³⁾ Что касается до меня—увы мнѣ бѣдному!

⁴⁾ То-есть.

⁵⁾ Тутъ вопросъ, великій вопросъ.

А между тѣмъ песокъ бѣжить! Иногда мнѣ приходитъ въ голову: съ чего ты взялъ, что я могу быть композиторомъ? Иногда какой-то внутренній голосъ преубѣдительно мнѣ нашептываетъ, что во мнѣ довольно силъ—быть всѣмъ, чѣмъ я пожелаю! Если бы мнѣ какое-нибудь благодѣтельное существо могло однимъ разомъ рѣшить эту задачу, о, какъ бы я ему былъ обязанъ! Иногда мнѣ опять кажется, что разрѣшить этотъ вопросъ, никто въ мѣрѣ, кромѣ меня самого, не можетъ, и я изнываю въ тоскѣ! *A bas les sombres idées!* ¹⁾ Съ тѣхъ поръ какъ я тебѣ писалъ о „Робертѣ“, я слышалъ въ театрѣ еще одно великое музыкальное твореніе (къ несчастію, еще несравненно болѣе „Роберта“ искаженное на нашей сценѣ)—именно „Вильгельма Телля“ Россини, въ глупѣйшемъ маскарадномъ платьѣ „Карла Смѣлаго и Рудольфа Доннергугеля“. Ахъ, другъ мой, я теперь совершенно помирился съ Россини, но именно за то, что онъ, въ этой оперѣ, совершенно постигъ современное направленіе драматической музыки. Въ этомъ произведеніи, итальянское сладкозвучіе слилось съ германо-французскимъ, мейерберовскимъ глубокомысліемъ. Ты можешь вообразить, что это должна быть за амальгама. Эта опера—осуществленіе „*du pittoresque dans la musique*“ ²⁾. Всякая нота дышетъ Швейцарією. Пржняго, обыкновеннаго Россини тутъ не слышно. Это совершенно новый авторъ. Что за хоры, другъ мой, что за *motseaux d'ensemble!* какъ это все свѣтло, натурально! Я совсѣмъ помѣшался на этой оперѣ. Теперь я имѣю самое полное изданіе этой оперы (партитура съ аккомпаниментомъ фортепьяно), и штудирую ее насквозь и насквозь,—также какъ прежде дѣлалъ съ „Робертомъ“ и „Гугенотами“.

Январь, 1841 г.

Il est temps de renouer notre correspondance ³⁾. Слѣшу сообщить тебѣ весьма важную вѣсть, которую ты, можетъ быть, отчасти и знаешь отъ Ж. ⁴⁾. *J'ai fait un grand pas* ⁵⁾, я выросъ въ музыкальномъ отношеніи почти на полъ-аршина—*j'ai découvert un nouveau monde* ⁶⁾: я слышалъ Росси! „Наконецъ-то,—*Dieu soit béni!*“, скажешь ты, „наконецъ была пора прозрѣть слѣпорожденному!“ Впрочемъ, Росси именно то, чего я ждалъ,—это чистый типъ женскаго, ангельскаго голоса. Ты

¹⁾ Прочь мрачныя мысли!

²⁾ Живописности въ музыкѣ.

³⁾ Пора возобновить нашу переписку.

⁴⁾ Одинъ общій намъ знакомый, мой товарищъ по училищу правовѣдѣнія, часто бывавшій (по праздникамъ) въ домѣ у Сѣровыхъ, и передававшій намъ, по принадлежности, наши обоюдныя письма.

В. С.

⁵⁾ Я сдѣлалъ великій шагъ.

⁶⁾ Я открылъ новый мѣръ.

самъ слышала ее; слѣдовательно, подробностей никакихъ о ея пѣніи не нужно. Довольно того, что мнѣ кажется: врядъ-ли была когда нибудь, или будетъ подобная ей пѣвица, а что теперь нѣтъ на земномъ шарѣ ей равной, *c'est trop connu* ¹⁾). При мнѣ пѣла она восхитительную арію Агаты изъ „Фрейшюца“, и изумительныя варьяціи Роде (передѣланныя для нея со скрипичныхъ). Слущая Агатину арію, я столько перечувствовалъ, что и рассказать трудно, даже тебѣ! (а другой счелъ бы меня за помѣшаннаго). (Самъ безсмертный Веберъ упалъ бы на колѣна предъ такой исполнительницей его созданія.) *C'est au dessus de toute comparaison* ²⁾! Ты знаешь, *soit dit entre nous* ³⁾, что я небольшой охотникъ молиться, не видя въ томъ надобности, *pour des raisons que je te dirai suo loco et suo tempore* ⁴⁾, но когда она пѣла молитву Агаты, у меня стало на душѣ такъ грустно, и вмѣстѣ такъ свѣтло, что я самъ превратился въ молитву, и слезы брызнули изъ моихъ глазъ! Ради Бога не подумай, что эта какал-нибудь Ламартиновская *sensiblerie*, мнѣ прискорбно, что искреннія мои чувства вылились въ такую форму, которая весьма похожа на фразы *consacrées pour ces sortes de choses* ⁵⁾! Но ты мнѣ вѣришь, для тебя у меня нѣтъ ничего поддѣльнаго. Кстати о Веберѣ, въ томъ концертѣ играли и его увертюру изъ „Фрейшюца“. Слущая эту музыку, можетъ быть, въ сотый разъ, я еще болѣе увѣрился въ великости ея композитора. Говори, что ты хочешь, а я останусь при своемъ мнѣніи, что Россини далекъ отъ моего Вебера (несмотря на то, что я влюбленъ въ Россиніева „Тедля“). Если-бъ ты не былъ предубѣжденъ противъ нѣмецкой музыки, и ты бы согласился со мною. Я теперь весьма желаю одного, именно: чтобъ намъ съ тобою удалось на масляницѣ вмѣстѣ послушать „Фиделіо“ гиганта Бетховена, которому ты, кажется, прощаешь, что онъ нѣмецъ. Даже не-знатоки изумляются этому высокому произведенію, а мнѣ еще не удалось его слышать. Еще новость: органъ мой совершенно поправленъ, и я вчера цѣлый день за нимъ проблаженствовалъ, и здѣсь я открылъ цѣлый міръ новыхъ впечатлѣній (закаиваюсь употреблять это выраженіе, а то вѣдь смѣшно будетъ). Я иду по своей дорогѣ тихо, но все-таки иду, и самъ замѣчаю свои шаги. Я даже думаю, что если-бъ тебѣ какъ-нибудь случилось услышать, какъ я разгуливаю изъ тона въ тонъ (разу-

¹⁾ Это слишкомъ извѣстно.

²⁾ Это выше всякаго сравненія.

³⁾ Между нами.

⁴⁾ По причинамъ, которыя я тебѣ расскажу въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

⁵⁾ Посвященныя этого рода вещамъ.

хѣтся, не по завазу), ты бы не узналъ во мнѣ прежняго жалкаго А. Сѣрова. Но странно, что я могу удачно фантазировать только на органѣ. Это, вѣроятно, отъ того, что на этомъ инструментѣ самыя бѣдныя мысли звучатъ какъ-то полно, иногда даже величественно, *c'est dans le timbre, rei causa, non auctoris*¹⁾. Авось Богъ дастъ — не скоро, да здорово. Да, между прочимъ, читаю я теперь Гофмана: „*Lebensansichten des Katers Murr*“, книгу, которую я намѣренъ иллюстрировать, и въ головѣ у меня уже есть кое-что для сего предмета²⁾. Addio! A. S.

20-го февраля 1841 г.

Вчера, 19-го февраля, въ среду, я былъ въ концертѣ аматѣровъ, въ залѣ дворянскаго собранія. Тамъ исполняли самымъ блестящимъ образомъ безсмертную ораторію Гайдна: „*La Création*“, соло были предоставлены России! Ахъ, мой другъ, я, кажется, уже говорилъ тебѣ, что о ней я не въ состояннн распространяться ни на письмѣ, ни на словахъ! Замячу тебѣ только, что вчера я имѣлъ счастье вливать въ себя звуки ея ангельскаго голоса гораздо долѣе, нежели въ тотъ разъ. Въ ораторіи у ней двѣ аріи, каждая по четверти часа, и множество речитативовъ. Надобно тебѣ также сказать, что я только тогда наслаждаюсь въ концертахъ, когда напередъ хорошо знаю исполняемыя тамъ пьесы, „*Die Schöpfung*“ была мнѣ весьма недавно (къ стыду моему) почти незнакома; но я за недѣлю до концерта взялъ на него билетъ, взялъ и ораторію, аранжированную для фортепьяно на 4 руки, и съ сестрой своей игралъ ее до того, что она сдѣлалась мнѣ почти присуща (т. е. почти въ такой же степени, какъ „Робертъ“ и „Гугеноты“). Такимъ образомъ, восторгъ мой въ концертѣ былъ неизяснимъ. Имѣя предъ глазами текстъ ораторіи и въ головѣ своей весь ходъ, почти всѣ ноты лучшихъ ея нумеровъ, я могъ вполне постичь величіе божественной России (если кому-нибудь можетъ идти этотъ эпитетъ, такъ ужъ именно ей, всѣ земныя прилагательныя для нея ничтожны и низки!). Что за гигантское созданіе — эта ораторія! Тамъ есть, между прочимъ, одна арія, изображающая сотвореніе птицъ — это рѣшительно высшее торжество звукоподражательной музыки, и притомъ *quelle énergie, quelle simplicité, quelle grace naïve*³⁾! — это рѣшительно выше всякаго сравненія. Я для этого одного хотѣлъ бы имѣть даръ краснорѣчія, чтобъ передать тебѣ вполне то, что я тогда чувствовалъ. Но это невозможно, какъ и весьма многое, для твоего грѣшнаго друга!!

¹⁾ Дѣло въ тембрѣ, прилиплой — сама вещь, не авторъ.

²⁾ Предположеніе это никогда не осуществилось.

³⁾ Какая энергія, какая простота, какая наивная грація!

Я все не покидаю моихъ сомнѣній на счетъ себя, которыхъ ты, кажется, не жалуешь. Въ прошедшемъ письмѣ ты привелъ мнѣ чьи-то слова на счетъ меня, которыя слишкомъ похожи на твое собственное обо мнѣ понятіе, хотя этихъ мыслей никто болѣе не раздѣляетъ, да этого и ожидать можно, потому что ихъ основаніе весьма шатко. Понимать, чувствовать и производить! *Quelle énorme distance!* ¹⁾ Мнѣ кажется, что въ этомъ-то и вся разница между талантомъ и гениемъ (вѣдь между нами допускаются самыя чистосердечныя выраженія, не правда-ли?). Вотъ моя исповѣдь: я вполнѣ увѣренъ, и такъ, что никто не въ состояніи меня разувѣрить, что я понимаю изящное, *je sens le beau*, въ музыкѣ и въ живописи такъ, какъ его чувствовали и понимали великіе производители въ искусствахъ (ты меня понимаешь?); но мнѣ не дано средствъ выражать для другихъ то, что внутри меня происходитъ. Можетъ быть, это же чувствуютъ самыя безталанныя люди, къ которымъ мнѣ себя не хочется причислить, но если это такъ, то, къ несчастію, я думаю и вѣрю въ себя не иначе. Великихъ твореній я отъ себя не ожидаю, или, по крайней мѣрѣ, сомнѣваюсь въ ихъ возможности для моихъ силъ. Можетъ быть, что самое желаніе, пристрастіе или просто *ma passion* ²⁾ изучить по своему великія произведенія живописи и особенно музыки, доказываютъ мою бездарность, т. е., что я нахожу высшее наслажденіе погружаться въ творенія, уже бывшія до меня, а не въ томъ, чтобъ самому производить такія же? Правда, что при этомъ изученіи рождается *un desir vague, indéterminé* ³⁾ производить самому, но это какіе-то образы безъ лицъ, что-го мучительное! Мучительное и потому, что я не хочу, да и не могу уже быть превосходнымъ исполнителемъ чужаго, а своего нѣтъ, да и врядъ-ли будетъ! Жалкое существованіе.....>

Но довольно объ этомъ: поговоримъ о вещахъ болѣе утѣшительныхъ, хотя онѣ имѣютъ къ тому близкое отношеніе. Во-первыхъ, надобно рассказать тебѣ мои проекты: кромѣ маленькихъ, ничтожныхъ попытокъ въ собственныхъ мелодіяхъ, я принялъ твердое намѣреніе „transcrire pour le Violoncelle“ лучшія изъ „Lieder“ — Шуберта, а именно прежде всего: „Wanderer“ и „Ave Maria“ (которую, не знаю, слышалъ-ли ты)... Теперь, пока я пишу тебѣ, во внутреннихъ ушахъ моихъ торжественно раздается великолѣпный хоръ изъ ораторіи, которымъ заключался вчерашній концертъ. Я сегодня досталъ ораторію въ 2 руки и наслаждался ею на своемъ органѣ; эффектъ прекрасный—и ты долженъ его слышать, да и скоро! (Вотъ и конецъ эпизода). Я болѣе и болѣе

¹⁾ Какая огромная разница!

²⁾ Моя страсть.

³⁾ Темное, неопредѣленное желаніе.

влюбляюсь въ сочиненіе Франца Шуберта, особенно въ нѣкоторыя. Я скоро буду ихъ имѣть дома и въ оригиналѣ, и переложенныя Листомъ.

Во-вторыхъ, я возобновилъ знакомство съ Бахметевымъ ¹⁾ по тому случаю, что собиралъ свѣдѣнія на счетъ концерта любителей въ пользу Патриотическаго общества; мнѣ нужны были они для того, чтобы самому какъ-нибудь туда втереться. Ты, разумѣется, давно догадался, что эта мысль не моя ²⁾; (я вовсе не желаю себѣ пошлой извѣстности посредственнаго виолончелиста,) а всѣ прочія соображенія почти не стоятъ вниманія. Да и въ самомъ дѣлѣ, что я могу и какъ я могу играть въ огромной залѣ для огромной публики? Смѣхъ и жалость! Къ счастью, какъ кажется, это не удастся—встрѣтилось много затрудненій. Одного только я не могу себѣ простить: зачѣмъ я не былъ нынѣшней зимой членомъ клуба любителей музыки, гдѣ Бахметевъ главный дѣйствователь, и гдѣ исполнялись прекраснѣйшія изъ классическихъ произведеній для оркестра (по бѣльшей части пьесы нѣмецкой школы). Тамъ нерѣдко бывалъ и нашъ принцъ, — тамъ участвовали всѣ истинные петербургскіе Musikfreunde, — тамъ играли „Донъ-Жуана“, „Оберона“—Вебера, „Фауста“—Шпора!! А propos de „Faust“, ты мнѣ пишешь, чтобы я тебѣ далъ понятіе объ этой музыкѣ на нотной бумагѣ—во-первыхъ, тебя надобно разуверитъ въ томъ, чтобы ты тутъ вовсе и не думалъ искать Гётевскихъ характеровъ. Это прекрасная (впрочемъ, чисто нѣмецкая) музыка, — но какъ музыка просто, почти безъ отношенія къ сюжету. Во-вторыхъ, ты можешь отъ меня все-таки ожидать лучшихъ оттуда арій.

Не помню, какъ-то ты коснулся въ своемъ письмѣ о необходимости для меня побывать въ чужихъ краяхъ. Весьма жаль, что письмо мое близится къ концу, а объ этомъ предметѣ я давно собирался побесѣдовать съ тѣмъ, съ кѣмъ мнѣ бесѣдовать какъ-то усладительно! На сей разъ скажу только, что путешествія въ чужіе края я жду, какъ важнѣйшей эпохи своей жизни и какъ эпохи блаженства. Весьма естественно, что тамъ истинно практическая жизнь будетъ вполне соответствовать страсти моей утопать dans la contemplation du beau dans la nature et les beaux-arts. Mais pour avoir un avant-goût de ce bonheur, je vais passer cet été à Réval ³⁾, гдѣ буду жить совер-

¹⁾ Ник. Ив. Бахметевъ, отличный скрипачъ и музыкантъ-любитель, нынче директоръ придворной пѣвческой капеллы. В. С.

²⁾ А. Н. Сѣровъ намекаетъ здѣсь на своего отца, который часто придумывалъ за А. Н. то, о чемъ тотъ и не заботился, и заставлялъ его выполнять эти проекты. В. С.

³⁾ Въ созерцаніи красотъ природы и искусства. Но чтобы предвкушать это блаженство, я проведу нынѣшнее лѣто въ Ревелѣ.

шенно en artiste! Но до этого еще много воды утечетъ. Бахметевъ просилъ меня какъ можно чаще бывать у него и какъ можно болѣе sans façons. Ахъ, мой другъ, какой онъ музыкантъ въ душѣ и какъ онъ мило сочиняетъ.

20-го февраля 1841 г.

Вотъ упалъ занавѣсъ послѣ втораго акта „Роберта“. Еще въ твоихъ ухахъ не замерли веселые звуки шумнаго торжественнаго хора. Изабелла и вся свита отправились на турниръ, куда ждутъ и Роберта, но онъ не придетъ! Вотъ снова движеніе въ оркестръ, и съ первыхъ тактовъ ты переносишься совсѣмъ въ другую область, что-то безпкойное, таинственное, наполняетъ твою душу, ты ожидаешь какого-то мрачнаго явленія, и ты не ошибаешься: третій актъ—актъ Бертрама, который изрѣдка, украдкой, какъ злая мысль, появляется въ первомъ и еще рѣже во второмъ дѣйствіи; но за то третье — полная его собственность; тутъ онъ является въ полнотѣ своего адскаго блеска. Сцена его съ наивнымъ, простоватымъ Рембо восхитительна по тонкому, пріятному и вмѣстѣ глубокомысленному комизму, который въ ней разлитъ. Всѣ оттѣнки хитраго, опытнаго обольщенія со стороны Бертрама и простодушной, недальновидной довѣрчивости со стороны Рембо переданы Мейерберомъ неподражаемо. Это какъ будто не музыка, а просто разговоръ, немного идеализированный. Какая счастливая мысль: вложить въ уста Бертрама ироническое повтореніе фразы Рембо: ah, l'honnête homme! (ахъ, мой спаситель!) Потомъ посмотри, какъ сладко Бертрамъ пробирается въ душу этого простака: „C'est aujourd'hui qu'on te marie“. (Слѣдуетъ нотный примѣръ). Жаль, что это много времени отнимаетъ, а то бы я тебѣ прослѣдилъ такимъ образомъ всѣ замѣчательныя мѣста, т. е. приплось бы списать почти всего „Роберта“: мнѣ именно хочется указывать тебѣ самыя ноты. Ну, да это ужъ невозможно. Пойдемъ дальше. Бертрамъ продолжаетъ въ томъ же духѣ, только съ примѣсю разныхъ маленькихъ диссонансовъ. Рембо удивляется новой премудрости, и выражаетъ свою радость и удивленіе прекраснымъ, веселымъ, наивнымъ мотивомъ, потомъ маленькое повтореніе первой темы („Ахъ, мой спаситель“, въ C-Dur), потомъ быстрый переходъ въ As-dur: „Le bonheur est dans l'inconstance“ („Непостоянство жизни сладость“) — ритмъ самый жаркій (Alta breve con moto); далѣе превосходное мѣсто: „Oui, chaque faute est un plaisir“ („Грѣшить пріятно намъ всегда“). И какъ мастерски ведено повтореніе этой мысли въ устахъ Рембо: таже фраза, но съ примѣсю какого-то наивнаго страха и вмѣстѣ une nuance d'admiration et d'adulation¹⁾. Но всего передать невозможно. Ты со време-

¹⁾ Оттѣновъ удивленія и дести.

немъ самъ будешь изучать въ подробности красоты этого мастерскаго созданія. Иду далѣе: Рембо, полуразвращенный новыми наставленіями, но въ веселомъ расположеніи, убѣгаетъ. Бертрамъ одинъ. Радуетса новой своей жертвѣ, но его тревожитъ мысль, что и самъ онъ недалеко отъ вѣчной погибели: срокъ его земнаго бѣшенаго существованія только до полночи — онъ слышитъ адскія завыванія въ пещерѣ, не далеко отъ которой стоитъ. Мастерской речитативъ и извѣстный хоръ дьяволовъ, „Valse infernale“. Не думаю, чтобъ кому-нибудь пришла мысль, лучше изображающая истинно адское веселье. Съ этимъ хоромъ сливается соло Бертрама. Здѣсь Мейерберъ далъ совершенный просторъ своей энергіи: въ каждой нотѣ этой аріи выражены самыя отчаянныя терзанія пылкой, адской души Бертрама, который привязанъ къ земной жизни самыми крѣпкими узами—сильнѣйшею страстью къ сыну своему, котораго онъ скоро, можетъ быть, на вѣкъ лишится. Арія переходитъ въ самый огненный бравурный шажеур, и заключается бѣгущими аккордами, когда Бертрамъ скрывается въ адской пещерѣ. Буря,—но вотъ она понемногу утихаетъ, — небо свѣтлѣетъ (модуляція изъ D-dur въ B-dur), соло флейты, на тебя вѣетъ тѣмъ-то ангельскимъ, и дѣйствительно является Алиса, ангель-хранитель Роберта. Сцена съ эхомъ и ея куплеты „Quand je quittai la Normandie“ слишкомъ всѣмъ извѣстны, но припомни, какъ эффектно прерывается милое ея пѣніе адскимъ хоромъ. Впрочемъ, если сказать правду, мнѣ кажется, что мысль эта, какъ и многое въ „Робертъ“ (даже частію самый сюжетъ) сильно напоминаетъ такое же прерываніе милого мотива адскимъ во „Фрейшюцѣ“, именно въ аріи Макса, когда Саміель, злой духъ, проходитъ чрезъ сцену, и послѣдующихъ за тѣмъ тактахъ. Даже въ инструментовкѣ, и тамъ главную роль играетъ флейта. Дуэтъ Алисы и Бертрама представлялъ обширное поле фантазіи Мейербера, какъ борьба злаго и добраго начала. И какъ умно онъ обработалъ эту идею! Не могу, чтобъ на этомъ не остановиться нѣсколько.

Идея этой борьбы существовала у всѣхъ народовъ въ самыхъ поэтическихъ формахъ. Прежде она жила въ религіи, въ XIX столѣтіи въ музыкѣ. Въ высоко-поэтическомъ созданіи, „Фаустъ“ Гёте, всѣ столкновенія Гретхенъ съ Мефистофелемъ обработаны съ особеннымъ вниманіемъ, особенною любовью. Въ присутствіи Мефистофеля, Гретхенъ безпокойна: она его и боится, и ненавидитъ, совершенно безотчетно для себя самой, и въ концѣ драмы разстается на-вѣкъ съ Фаустомъ потому только, что между ними двумя явился ненавистный третій! Такъ и въ „Робертѣ“. Въ первомъ актѣ она, влекомая какимъ-то безотчетнымъ любопытствомъ, заглянула въ ужасную пещеру и подслушала роковое рѣшеніе адскаго судилища. Она въ обморокѣ. Бертрамъ вы-

бѣгаетъ *et dans sa préoccupation* ¹⁾ повторяетъ про себя роковую тайну — вдругъ чей-то голосъ сзади его досказываетъ эту тайну. *On a parlé! qui donc a lu dans ma pensée?* Онъ оборачивается и видитъ Алису. Встрѣча вполне драматическая: здѣсь Алиса боится его уже не безотчетно, а какъ враждебное существо, которое имѣетъ съ этой минуты надъ ней полную власть. И что-жъ, Бертрамъ бросается къ ней въ гнѣвъ? Напротивъ, вѣрный своему характеру, искушитель лукаво старается вызнать все смятеніе ея души, и повторяетъ за виолончелями: „*Mais, Alice, qu'est ce donc?*“. Она не можетъ ничего отвѣчать, — она дрожитъ и лепечетъ: *rien-rien-rien!* Бертрамъ адски радуется, что и это небесное существо подалось въ его когти, и играетъ ею какъ гремучій змѣй птичкой. Надобно только дивиться, съ какимъ глубокомысліемъ и съ какимъ изяществомъ все это передано въ музыкѣ (нотный примѣръ на текстъ дуэта: „*Triomphe que j'aime*“ — „*Sa voix cruelle me glace d'effroi*“). Каковы эти нотки? Просто, надобно пасть предъ Мейерберомъ на колѣна! И такъ, далѣе до ферматы, гдѣ голоса Алисы и Бертрама нисходятъ и восходятъ въ самыхъ фантастическихъ диссонансахъ. Потомъ Бертрамъ повторяетъ свой первый сладкій refrain — и нѣжно приближается къ Алисѣ; она бѣжитъ къ кресту и кричитъ: „*éloigne-toi, va-t' en, va-t' en*“; тогда Бертрамъ вполне высказываетъ свое бѣшенство и грозитъ ей смертію — она: „*Le ciel est avec moi!*“ (Нотный примѣръ). Онъ произноситъ страшныя проклятія на нее, на Рембо и на всѣхъ ей родныхъ и любимыхъ — пауза — Алиса, пораженная смертоноснымъ дыханіемъ духа тьмы, теряетъ всѣ силы. Триумфъ Бертрама полонъ, онъ поетъ: „*Tu l'as voulu, gentille Alice*“ (нотный примѣръ), потомъ тихо, незамѣтно опять переходитъ въ первый мотивъ, которымъ заключается этотъ образцовый дуэтъ. Съ появленіемъ Роберта начинается таинственное трио, безъ аккомпанимента. Высокая поэтическая мысль, которую жалкіе любители оперъ находятъ лишнею вставкою, останавливающею драматическое дѣйствіе. Я согласенъ, что при плеховатомъ исполненіи, это трио на нашей сценѣ не можетъ имѣть большаго эффекта. Но вѣдь такимъ образомъ чего не придется выключить! И „Донъ-Жуанъ“ Моцарта вѣрно лишняя на свѣтѣ опера, потому что у насъ ея не могутъ давать! Постепенный ходъ голосовъ въ этомъ трио, и постоянство всѣхъ характеровъ — изумительны! Послѣ этого трио, Алиса бѣглымъ речитативомъ стремится сообщить Роберту ужасную и важную для него тайну, но Бертрамъ подходитъ къ ней, и вполголоса, иронически закликаетъ ее, говоритъ: „*Au nom de ton amant, au nom de ton vieux*

¹⁾ Въ своей озабоченности.

рѣге“. По непонятной для Роберта причинѣ, Алиса вдругъ останавливается и покидаетъ ихъ, а оркестръ прерывистыми, стремительными триолами выражаетъ ея бѣгство. Робертъ остается съ Бертрамомъ, жалуется ему на жестокость своей судьбы, — ему, намѣренному виновнику всѣхъ его бѣдствій! Бертрамъ, слѣдуя своему давно обдуманному плану, совѣтуетъ ему подражать сопернику (принцу гренадскому), о которомъ напоминаетъ ему мотивомъ марша во 2-мъ актѣ (потный примѣръ) и убѣждаетъ его идти въ развалины замка Розалии, и тамъ съ гробницы ея похитить волшебную вѣтвь. Колебанія Роберта, настаиванія Бертрама, наконецъ, пылкая рѣшимость Роберта — представляютъ прекрасныя фазы блестящаго дуо, котораго главный бравурный мотивъ всѣмъ слишкомъ знакомъ. Вотъ начинаются сцены въ таинственномъ замкѣ, — вѣнецъ третьяго акта, и *point d'appui* ¹⁾ всѣхъ порицателей „Роберта“ Мейерберова, т. е. какъ будто знаменитость этой оперы вся основана на танцахъ полунагихъ воскреснувшихъ монахинь!! *Quelle pitié!* ²⁾ Но, Богъ съ ними, съ такими критиками. *La scène d'évocation* — сцена весьма важная, это одинъ изъ главныхъ моментовъ во всемъ твореніи Мейербера: онъ для того и выстроилъ на немъ увертюру. Здѣсь Бертрамъ величественъ, — *grandiose et pathétique* это его торжество. И какая счастливая мысль въ музыкѣ! На слѣдующую затѣмъ процессію монахинь также много обрушивалось укорительныхъ возгласовъ: „такая-ли должна быть настоящая музыка! что это за странная инструментовка!“ ³⁾ Но эта сцена прелестна именно своею оригинальностью, она эффектна до-нельзя, и, можетъ быть, въ этомъ находятъ ея недостатокъ, т. е. *qu'elle était trop saillante pour ne pas attirer l'électricité de la critique* ⁴⁾! Но вотъ магически-повелительный голосъ Бертрама превращаетъ собравшіяся около него сонмъ безжизненныхъ монахинь въ пламенныхъ вакхановъ. Свѣточи сами собою загараются, и начинается вакханалія. Какой разгулъ для Мейербера! за то онъ тутъ разсыпалъ всѣ эффекты самой блестящей инструментовки, какъ въ торжественномъ фейерверкѣ рассыпаются снопы ракетъ! Мотивъ перебѣгаетъ отъ флажолета къ контръбасамъ, извивается въ лепетаніи флейтъ и завываніяхъ скрипокъ. Какъ шуменъ и какъ буйно весель вальсообразный мотивъ финальнаго кордебалета! Но вотъ является Робертъ, нимфы прячутся — и соло вио-

¹⁾ Точка опоры.

²⁾ Какал жалость!

³⁾ Всѣ вычисленные здѣсь упреки Мейерберу встрѣчаются у Шиллинга въ біографіи Мейербера.

В. С.

⁴⁾ Она столько выдается, что не могла не привлечь электричество критики.

лончеля располагаетъ слушателя къ тихой мечтательности. Робертъ прекраснымъ мотивомъ восхваляетъ талисманъ, для котораго онъ пришелъ въ это страшное убѣжище,—подходить къ вѣтви—узнаетъ ликъ своей матери и колеблется. Начинаются искушенія: *Le vin, le jeu, le belles* ¹⁾, трилогія эпикурейства (которая выражена, между прочимъ, и въ хорѣ „*Allegro bacique*“ въ самомъ началѣ оперы). Обольщенія дѣйствительно опасныя — особенно послѣднее, не правда-ли? Такъ, я думаю, всякій изъ насъ мыслить, и въ Робертѣ это схвачено. Юноша-Робертъ не сдается ни на первое, ни на второе искушеніе, но при третьемъ (замѣть, по времени самомъ короткомъ) онъ не властенъ въ себѣ! Адъ торжествуетъ. Музыка ведена съ такимъ же знаніемъ, какъ и сюжетъ. Мотивы перваго обольщенія и втораго прекрасны, пріятны, но всякій забудетъ о нихъ при третьемъ, который дышетъ какою-то пластическою нѣгой—и онъ предоставленъ виолончели!! Кажется, камень—и тотъ растаетъ при этихъ звукахъ! А между тѣмъ есть люди, которые отыскиваютъ: изъ какой старой сонаты выкраденъ этотъ мотивъ! *Pescora, non homines* ²⁾! Третій актъ кончается шумнымъ, вполне адскимъ хоромъ. Пока довольно.

Сообщ. В. В. Стасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Вино, игра, женщины.

²⁾ Скоты, а не люди.

МОЯ ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ,

разсказъ гравера, академика Л. А. Стрякова.

1824—1875.

III ¹⁾.

Служба въ писаряхъ. — Поступленіе въ топографы. — Первые гравюры на деревѣ. — Кн. В. Ѳ. Одоевской. — Н. В. Кукольникъ. — Опредѣленіе въ академію художествъ.

1843—1847.

По прибытіи въ Петербургъ, я прежде всего явился въ канцелярію при аракчеевскихъ казармахъ; потомъ, черезъ три дня, меня отправили отсюда въ департаментъ военныхъ поселеній, помѣщавшійся на углу Кировной улицы и Литейнаго проспекта, гдѣ теперь главное казначейство, а на мѣстѣ нынѣшней военной гимназіи жилъ директоръ департамента, Клейнмихель. Команда департамента помѣщалась въ домѣ Лисицына, у Спаса Преображенія.

Помѣщеніе тутъ было тѣсное: кровать у кровати стояла. Нѣсколько мѣсяцевъ я долженъ былъ валяться на полу, пова откроется вакансія на кровать. На ночь облекался я въ старый татарскій халатъ, разстилалъ на полу шинель, подъ голову влялъ мѣшокъ и ложился спать. Бывало, писаря смѣются надо мной:

— Вотъ псковскія мощи явились.

Жалованье писарю полагалось, кажется, 1 руб. 80 коп. въ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 161—184.

треть; изъ этихъ денегъ вычитали въ артель, на улучшеніе пищи, 1 р. 20 к., такъ что приходилось на руки всего только 60 к. А я все-таки былъ избалованъ во Псковѣ: пилъ чай, кофе, и тутъ того же хотѣлось.

Писарскія занятія въ канцеляріи начинались въ 8 часовъ утра и кончались въ 3 пополудни. Послѣ этого я былъ свободенъ и могъ заниматься чѣмъ угодно.

У меня развилась страсть къ чтенію и рисованію: читалъ я Марлинскаго, Лермонтова и др. авторовъ; «Героя нашего времени» я прочелъ еще во Псковѣ, «Евгенія Онѣгина» зналъ наизусть. Книги доставляли мнѣ знакомые писаря, которые были болѣею частію люди читающіе, хотя читали безъ всякаго разбору — что попадало подъ руку. У насъ были даже два поэта: писарь Башковъ и топографъ Воскресенскій. Особенно выдавался послѣдній: онъ много читалъ и писалъ довольно удачные сатирическіе стихи, за которые однажды досталось ему изрядно. Былъ у насъ начальникъ канцеляріи князь Шаховской, человѣкъ грубый и мало образованный. Воскресенскій написалъ на него сатиру. Стихи эти въ рукописи ходили по рукамъ; начальство провѣдало, добралось до автора и изъ топографа разжаловало въ сторожа при департаментѣ. Онъ продолжалъ заниматься своимъ топографскимъ дѣломъ, только въ шинели сторожа. Кончилось, впрочемъ, довольно благополучно: черезъ два года его опять произвели въ топографы, хотя и безъ зачета двухъ лѣтъ. Когда Клейнмихель перешелъ въ министерство путей сообщенія, то Воскресенскаго взялъ съ собою, и затѣмъ я потерялъ его изъ виду.

Въ свободное отъ канцелярскихъ занятій время я занимался чтеніемъ и рисованіемъ. Такъ какъ у меня былъ красивый почеркъ, то мнѣ поручалась переписка всеподданнѣйшихъ докладовъ; доклады эти были нерѣдко спѣшныя, поэтому зачастую просиживалъ я за перепиской ихъ ночи напролетъ.

Труда я не боялся, но горе то, что вовсе не имѣлъ деньжонокъ; доходило до того, что нечѣмъ было платить прачкѣ за мытье бѣлья. Приходилось самому его мыть, что я и дѣлалъ въ преображенскихъ баняхъ, а такъ какъ сушить было негдѣ, то на ночь я подстилалъ его подъ себя: къ утру оно и высыхало.

Одѣвался я какъ всѣ военные писаря. Начальство говорило намъ всѣмъ «ты», но обращалось вообще довольно вѣжливо.

Однажды, въ августѣ 1845 г., я былъ назначенъ дежурнымъ въ нашей канцеляріи по отдѣленію военно-учебныхъ заведеній.

Ночью, чтобы не заснуть, я взялъ огромный листъ бумаги и началъ чертить перомъ какой-то аллегорическій рисунокъ и бойко его набросалъ. Въ это время проходилъ черезъ наше отдѣленіе начальникъ топографовъ, полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, и замѣтивъ, что какой-то писарь лежитъ во весь ростъ на столѣ и что-то чертить, изъ любопытства подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Рисую кое-что, ваше высокоблагородіе, чтобы не заснуть.

— Очень хорошо, очень хорошо, разсматривая рисунокъ говорилъ Поповъ, — ты гдѣ обучался?

— Въ Псковскомъ полубаталіонѣ былъ учителемъ, потомъ переведенъ въ писаря.

— Да помилуй, у меня нѣтъ ни одного топографа, который бы такъ чертилъ.

Поповъ свернулъ листъ и пошелъ съ нимъ къ директору.

Возвратившись оттуда, онъ сказалъ мнѣ:

— Завтра съ этимъ листомъ явись въ чертежную; ты будешь топографомъ.

Въ чертежной мнѣ приказали, чтобы я въ два мѣсяца приготовился и сдалъ экзаменъ на топографа.

Доставши лекціи изъ генеральнаго штаба, я началъ зубрить ихъ и въ назначенный срокъ выдержалъ экзаменъ. Меня зачислили въ топографы.

Въ 1846 г. хотя я и продолжалъ жить въ домѣ Лисицына, гдѣ помѣщались топографы, но перебрался изъ 4-го этажа въ 3-й. Въ это время изъ Пскова пріѣхала ко мнѣ матушка. Мнѣ не хотѣлось отпускать ее въ услуженіе, а содержать было нечѣмъ. И вотъ задумалъ я отыскать себѣ какое-нибудь занятіе или мѣсто, если не завѣдывающаго домомъ, то хотя дворника: все-таки квартира, т. е. комната, была бы готовая. Съ этою цѣлю отправился я на Пески и случайно зашелъ въ домъ Змѣева, противъ прудковъ. Тутъ мнѣ сообщили, что дворникъ этого дома отправляется въ деревню. Я немедленно отправился къ хозяину дома

и предложилъ принять меня въ дворники на убылое мѣсто. Тотъ посмотрѣлъ на меня подозрительно; должно быть, его смущала моя молодость и мой костюмъ топографа. Потомъ, когда увидѣлъ, что я не шучу, а говорю серьезно, согласился принять меня въ дворники, конечно, безъ жалованья, изъ одной квартиры, т. е. за отведенный мнѣ въ подвалѣ чуланъ.

— А въ чемъ будетъ состоять моя должность? спросилъ я.

— Сходить въ кварталъ, вынести улицу, дворъ, посмотрѣть есть-ли вода въ кадкахъ, что на деревянныхъ крышахъ. Для жильцовъ воду привозить водовозъ, а дрова жильцы (народъ былъ бѣдный) носятъ сами.

Такимъ образомъ сдѣлался я дворникомъ и, поселившись съ матушкой въ подвалѣ, старательно исправлялъ свою должность 8 мѣсяцевъ. Въ этомъ же домѣ жили хорошенькія фельдъегерскія дочки; мнѣ ужасно было совѣстно, что онѣ видятъ, какъ я мету дворъ или улицу; поэтому принаравливался я исполнять это дѣло пораньше, когда барышни еще спали. Онѣ вставали, какъ мнѣ было извѣстно, въ 8 часовъ, а къ этому времени у меня уже все было готово и я отправлялся въ кварталъ. По возвращеніи оттуда, уходилъ я на службу по званію топографа.

Въ это время однажды попался мнѣ листокъ изъ французскаго иллюстрированнаго изданія «Тысяча одна ночь», въ которомъ было что-то завернуто. Въ листкѣ этомъ и обратилъ вниманіе на рисунокъ, полнотипажъ, помѣщенный среди шрифта. Занялъ меня вопросъ, какимъ это образомъ умѣютъ рисунки помѣщать и печатать одновременно съ типографскимъ шрифтомъ. Я зналъ, что у насъ въ департаментѣ военныхъ поселеній литографія печатаетъ гравюры и рисунки на камнѣ, но безъ типографскаго шрифта, а на французскомъ листкѣ рисунокъ былъ имъ окруженъ. Догадался я, что въ рисунокѣ каждая линія дѣлается на доскѣ рельефомъ, точно такъ, какъ типографскія буквы, и что, такимъ образомъ, этотъ рисунокъ печатается вмѣстѣ съ наборомъ.

Все еще исполняя должность дворника, я, въ часъ досуга, взялъ кусокъ березоваго дерева и сталъ на немъ вырѣзывать какой-то чертежики или рисунокъ; дерево однако оказалось очень пористое, рѣзать ножемъ было трудно, дѣло выходило плохо. Тогда я отправился въ гостинный дворъ узнать: не берутъ-ли какого особаго дерева для рѣзбы рисунковъ? Въ лавкѣ, гдѣ

продавали разное дерево для мебельнаго и вообще столярнаго дѣла, мнѣ сказали, что есть столяръ, который приготовляетъ дощечки для рѣзбы на нихъ рисунковъ. Я спросилъ, что же стоитъ это дерево? Мнѣ отвѣтили, что продается на вѣсъ по 10 в. за фунтъ. Заплативъ за обрубковъ предложеннаго мнѣ дерева 2 руб., я тутъ же узналъ имя и адресъ столяра, приготовляющаго дощечки, и отправился къ нему, чтобы онъ изъ купленнаго мною полѣна сдѣлалъ дощечки для гравированія.

Столяръ этотъ былъ Вагнеръ, который въ то время одинъ только во всемъ Петербургѣ приготовлялъ доски для гравированія. (Впрочемъ, и теперь всего двое: тотъ же Вагнеръ и Миллеръ).

Вагнеръ посмотрѣлъ на купленное мною полѣно и напелъ, что оно нигуда не годится, такъ какъ было сучковато и сыро; если его высушить, то все растрескается.

— А вамъ для чего?—спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ, что хочу гравировать.

— Такъ вотъ у меня есть для этого дощечки, приготовленныя какъ слѣдуетъ, возьмите.

Вагнеръ оказался хорошимъ человѣкомъ и прекраснымъ мастеромъ; я съ нимъ знакомъ и до сихъ поръ. Онъ нерѣдко потомъ говаривалъ:

— Ахъ, г. Сѣряковъ, теперь вы академикъ, пользуетесь известностью, зарабатываете хорошія деньги, а я, по прежнему, тотъ же бѣдный столяръ!

Взялъ я у него предложенныя дощечки, заплатилъ за нихъ и отправился къ себѣ въ дворницкую гравировать. Конечно, мнѣ слѣдовало бы разузнать, кто занимается этимъ дѣломъ и посоветоваться; такъ нѣтъ, у меня самоувѣренность такая была, что-де сдѣлаю самъ, безъ всякихъ постороннихъ указаній! Ну и засѣлъ за работу..... съ перочиннымъ ножикомъ въ рукѣ.

Одинъ изъ военныхъ писарей, нѣкто Антоновъ, занимался нѣкогда перепискою у баснописца Крылова и здѣсь познакомился съ Крашенинниковымъ, который былъ приващикомъ у книгопродавца Смирдина. Зная, что Антоновъ изъ департамента военныхъ поселеній, гдѣ есть топографы, Крашенинниковъ однажды спросилъ у него, нѣтъ-ли у нихъ гравера, чтобы сдѣлать картинки для одной книжки? Антоновъ указалъ на меня.

Я пошелъ въ магазинъ Смирдина и встрѣтился тутъ съ однимъ учителемъ, г. Студицкимъ, который и заказалъ мнѣ 15 рисунковъ для дѣтской книжки: «Путешествіе вокругъ свѣта», съ платою по 3 руб. за рисунокъ. Рисунки были довольно разнообразны: «С. Бернардская собака», «Римъ», «Площадь въ Римѣ», «Соборъ св. Петра», «Пантеонъ въ Парижѣ», разныя зданія въ Берлинѣ и т. д.

Вовсе не зная, какъ рѣжутъ гравюры, принялся я смѣло за работу. Первый рисунокъ выполнилъ — «Площадь въ Римѣ». Чрезвычайно было трудно дѣлать каждый штрихъ рельефомъ при помощи одного лишь перочиннаго ножа. Рисунокъ оттиснули мнѣ въ типографіи военныхъ поселеній и я понесъ его къ г. Студицкому. Отдавая гравюру, я сказалъ, что больше продолжать не буду, такъ какъ эта работа чрезвычайно трудна и 3 руб. плата слишкомъ дешевая.

— Ну, я вамъ дамъ по 5 р., только продолжайте, — сказалъ г. Студицкій.

Такое условіе мнѣ показалось выгоднымъ и я рѣшился продолжать работу. Каждый маленькій рисунокъ рѣзалъ я по нѣсколькимъ дней, съ чрезвычайными усиліями и тѣмъ не менѣе сдѣлалъ всѣ 15 штукъ и получилъ за нихъ деньги — первый заработокъ за гравированіе на деревѣ¹⁾.

Это было тридцать лѣтъ тому назадъ.

Въ 1847 году, однажды, выходя изъ должности, я встрѣтилъ на улицѣ ливрейнаго лакея, который розыскивалъ топографа. Узнавши, что я топографъ, лакей пригласилъ меня съ собою и мы отправились съ нимъ къ князю Владиміру Федоровичу Одоевскому, жившему тогда на углу Бассейной улицы и Литейнаго проспекта, гдѣ теперь домъ А. А. Краевскаго. Князя Одоевскаго я, конечно, тогда вовсе не зналъ, но съ удовольствіемъ читалъ его сочиненія.

Князь попросилъ меня сдѣлать планъ его имѣнія, находив-

¹⁾ Недавно, года три тому назадъ, нѣкто г. Марковъ, имѣвшій свою типографію, познакомился съ г. Студицкимъ и рассказывалъ ему про меня.

— Да помилуйте, сказалъ Студицкій, — это тотъ самый Свряковъ, который самую первую свою работу дѣлалъ для меня и дѣлалъ перочиннымъ ножикомъ.

Г. Студицкій далъ Маркову гравюры, мною рѣзанныя, и тотъ, отпечатавъ ихъ, подарилъ мнѣ первый опытъ мой въ гравированіи. Д. С.

шагося около Нарвы. У него имѣлся брульонъ, съ котораго и требовалось сдѣлать топографическій планъ; князь далъ мнѣ свой гербъ для помѣщенія на планѣ и объясненіе знаковъ. Все это я взялъ, сдѣлалъ планъ и чрезъ нѣсколько времени принесъ его князю.

Одоевскій остался доволенъ моей работой: на планѣ все было сдѣлано ясно и отчетливо.

— Все это прекрасно, сказалъ князь; — но зачѣмъ вы задавали себѣ трудъ гравировать мой гербъ и объясненіе знаковъ?

— Это не гравировано, а начерчено перомъ, объяснилъ я.

Князь очень удивился и сказалъ:

— Прекрасно, изъ васъ вышелъ бы хорошій граверъ!

— Да, я граввирую на деревѣ.

— Неужели на деревѣ? удивленно спросилъ князь; — покажите-ка, пожалуйста; непременно завтра же принесите! Княгиня, посмотри: г. Сѣряковъ граввируетъ на деревѣ! Да вѣдь я заказываю всѣ рисунки для «Дѣдушки Ирины» за границей. У насъ вовсе нѣтъ граверовъ на деревѣ въ Россіи! Вѣдь вы совершенная находка ¹⁾!

На другой день, послѣ должности, я принесъ князю всѣ тѣ рисунки, которые сдѣлалъ перочиннымъ ножомъ. Князь былъ въ восхищеніи. Княгиня, женщина чрезвычайно добрая, обласкала меня и, обращаясь къ князю, сказала:

— Вотъ, князь, не посылай за границу, а заказывай ему; да познакомь его съ вѣмъ-нибудь. Нужно рекомендовать его гр. Соллогубу, Булгарину, Куволюннеу и другимъ литераторамъ.

Князь тотчасъ же написалъ рекомендательныя письма, которыя я взялъ, и прежде всего отправился къ Нестору Васильевичу Куволюнику, жившему тогда на Гороховой улицѣ, въ домѣ Домонтовича.

Куволюникъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и тутъ же далъ мнѣ работу для издаваемой имъ «Иллюстраціи». Съ этого времени я началъ работать для этого изданія, аккуратно получая плату.

¹⁾ Въ это время въ Петербургѣ занимались гравированіемъ на деревѣ только три лица: баронъ Клодтъ, баронъ Нетельгорстъ и Дерикеръ (братъ пѣвческаго нынѣ доктора-гомеопата).

Познакомившись, такимъ образомъ, съ кн. Одоевскимъ и Кукольниковъ, я какъ-то сообщилъ имъ, что на деревѣ рѣжу перочиннымъ ножомъ. Одоевскій посоветовалъ мнѣ сходить къ барону Клодту, который также занимался гравированіемъ на деревѣ. Я сначала намѣревался воспользоваться этимъ совѣтомъ, но потомъ раздумалъ.

— Мнѣ-ли, топографу, идти къ барону Клодту! — размышлялъ я — да онъ меня и въ переднюю-то не пуститъ, а не только что покажетъ что-нибудь.

Такъ и не пошелъ¹⁾.

Кукольникъ же, узнавши, что я рѣжу перочиннымъ ножомъ, сообщилъ мнѣ, что это дѣлается вовсе не простымъ ножомъ, а существуютъ для того особыя инструменты, которые онъ для меня и выписалъ.

Спустя двѣ недѣли, когда я взялъ эти инструменты въ руки, мнѣ показалось, что я уже 10 лѣтъ работалъ ими — такъ легки и удобны показались они мнѣ для гравированія послѣ перочиннаго ножа.

При тогдашнемъ печатаніи и скверной бумагѣ, мои рисунки выходили все-таки одни изъ лучшихъ. Рисовали въ то время на деревѣ Жуковскій, Борель и немногіе другіе.

У Кукольника встрѣчалъ я много тогдашнихъ литераторовъ, художниковъ и артистовъ, какъ напримѣръ: Ѡ. В. Булгарина, гр. В. А. Соллогуба, М. И. Глинку, П. А. Каратыгина, К. П. Брюлова, Бруни, — однимъ словомъ, я вошелъ въ артистическій и литературный кружки.

Булгаринъ нѣсколько разъ писалъ обо мнѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и очень хвалилъ, увѣряя, что мой талантъ общааетъ многое, что меня ожидаетъ блестящая будущность и т. п.

Вѣроятно, эти лестные отзывы были причиною того, что начальникъ нашъ, полковникъ Поповъ, позволилъ мнѣ не ходить по субботамъ въ должность и уходить со службы во всякое время, тогда какъ другимъ не позволялось выходить изъ воротъ департамента ранѣе 3-хъ часовъ. Кромѣ того, другіе должны были

¹⁾ Въ послѣдствіи, когда я познакомился съ барономъ Клодтомъ, мнѣ пришлось убѣдиться въ совершенной невѣрности подобныхъ соображеній. Я встрѣтилъ въ немъ превосходнаго, вполне образованнаго и весьма обязательнаго человѣка.

являться на службу не иначе, какъ въ мундирахъ, а я могъ приходить въ шинели.

Кукольникъ однажды сказалъ мнѣ:

— По мнѣнію многихъ лицъ, видѣвшихъ твои работы, тебѣ бы надо поучиться рисовать,—попробовать ходить въ академію. Совсѣмъ бы другое дѣло было; у тебя техника есть, но недостаетъ рисунка.

— Какъ же мнѣ ходить въ академію,—сказалъ я,—вѣдь вы видите, я нижній чинъ.

— Можно попросить, разрѣшать!—замѣтилъ Кукольникъ.

На другой день я заявилъ Попову, что желалъ бы учиться рисованію въ академіи художествъ; такъ какъ съ 3-хъ часовъ мнѣ предоставлено заниматься чѣмъ угодно, а классы рисованія въ академіи начинались съ 5-ти и продолжались до 7-ми часовъ вечера, слѣдовательно, ущерба для служебныхъ занятій не будетъ никакого. Въ виду столь основательнаго довода, Поповъ согласился доложить объ этомъ директору, барону Николаю Ивановичу Корфѣ; написалъ докладную записку и отправился. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился сильно смущенный и передалъ мнѣ, что директоръ очень на него разсердился за такое ходатайство и строжайше воспретилъ отпускать меня для занятій въ академію.

Лишь только Поповъ успѣлъ мнѣ сообщить это, какъ прибѣжалъ курьеръ съ требованіемъ меня къ директору. Я пришелъ въ аракчеевскій домъ, на Литейной, гдѣ нынѣ 3-я военная гимназія. Въ этомъ домѣ жилъ баронъ Н. И. Корфъ. Придя, я остановился въ прихожей. Черезъ отворенную дверь я увидѣлъ, что директоръ, въ конно-артиллерійской парадной формѣ, ходитъ съ нетерпѣніемъ по комнатамъ и какъ-будто кого-то ждетъ. Замѣтивъ меня, онъ крикнулъ:

— Поди-ка ты сюда!

Уже по тону голоса я предчувствовалъ, что будетъ что-нибудь недоброе. Подошелъ я по всѣмъ правиламъ штатистиги; генераль съ головы до ногъ обинулъ меня взглядомъ и закричалъ:

— Солдатъ! съ чего ты взялъ идти въ академію?! Да ты знаешь-ли: я сейчасъ же прикажу съ тебя галуны спороть и въ арестантскія роты! Да какъ ты осмѣлился это задумать!

Посмотрѣлъ на меня еще разъ и выгналъ вонъ.

Не берусь передать, что со мною въ это время было; я чувствовалъ, что вся кровь хлынула мнѣ въ голову, въ глазахъ позеленѣло; у меня тряслись руки и ноги; я сознавалъ глубоко нанесенную мнѣ обиду, ничѣмъ незаслуженную и вмѣстѣ съ тѣмъ весь ужасъ могущей постигнуть меня участи отъ произвола и каприза самаго дюжиннаго генерала, какимъ и былъ, нынѣ покойный, баронъ Н. И. Корфъ.

Въ тотъ же день отправился я къ Кукольнику и рассказалъ ему о рѣшеніи директоромъ моей просьбы.

Кукольникъ весьма близко принялъ къ сердцу мое положеніе.

— Не ожидалъ я такого грубаго невѣжества, говорилъ Кукольникъ,—и отъ кого же—отъ барона Н. И. Корфа, а вѣдь онъ считается еще довольно образованнымъ человѣкомъ! Чего же ждать отъ другихъ нашихъ командировъ. Впрочемъ, не безпокойся, не тужи: какъ-нибудь да уладимъ дѣло.

Несторъ Васильевичъ взялъ лоскутокъ почтовой бумаги и тутъ же написалъ маленькую докладную записку о томъ, что, занимаясь изданіемъ «Иллюстраціи» съ 1845 года, онъ имѣетъ нѣсколькихъ граверовъ, которые работаютъ для этого изданія, и въ томъ числѣ гравера—топографа, роты № 9-й, Лаврентія Сѣрякова, которому, если бы дозволено было посѣщать классы Императорской академіи художествъ, то онъ могъ бы сдѣлаться, по мнѣнію людей свѣдущихъ, хорошимъ художникомъ.

Написавши это, Несторъ Васильевичъ положилъ записку въ портфель.

Это было въ среду, а по четвергамъ Кукольникъ долженъ былъ являться съ докладомъ къ военному министру Александру Ивановичу Чернышеву. Надобно замѣтить, что Кукольникъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ.

Въ этотъ докладной для Кукольника день я со службы не пошелъ къ нему, а отправился домой. Отъ должности дворника я отказался уже давно и нанималъ маленькую квартирку въ Озерномъ переулкѣ, близъ Песковъ. Заработки мои простирались въ это время отъ 50 до 70 руб. въ мѣсяць.

Кромѣ работъ для «Иллюстраціи» Кукольника, я занимался еще перепиской отчетовъ одного чиновника, служившаго въ почтовомъ департаментѣ. Почтовый департаментъ посылалъ этого чиновника узнавать по губерніямъ о состояніи дорогъ, мостовъ, почтовыхъ станцій и проч.; о результатахъ своего обозрѣнія

онъ составлялъ отчеты листовъ въ 150 или въ 200; я переписывалъ ихъ по 20 к. за листъ.

И такъ, въ четвергъ я пришелъ домой и сѣлъ обѣдать. Въ это время прискакалъ ко мнѣ, — на курьерской парѣ, одной изъ тѣхъ, что обыкновенно стоятъ на дворѣ у министра, — племянникъ Кукольника, Илья Алексѣевичъ Пузыревскій, и говорить:

— Поѣдемъ сейчасъ же со мной, папа ¹⁾ тебя зоветъ, дѣло очень важное!

Мы пріѣхали къ Кукольнику. Несторъ Васильевичъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и поцѣлуями:

— Поздравляю, поздравляю, ты—въ академіи!

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ это случилось. По окончаніи доклада военному министру, Кукольникъ прочелъ записочку обо мнѣ. Чернышевъ, даже не дослушавъ ея до конца, сказалъ:

— Мнѣ некогда; я ѣду къ государю; положи записку въ портфель, я доложу объ этомъ его величеству.

Часа два спустя, военный министръ возвратился отъ государя, и сказалъ Кукольнику:

— Твой протеже въ академіи.

На лоскутѣ бумаги, написанной наканунѣ Кукольникомъ, государь написалъ карандашомъ: «согласенъ». Не выходя изъ канцеляріи министра, Кукольникъ послалъ барону Корфу предписаніе: по высочайшему повелѣнію, топографа Сѣрякова, со всѣми бумагами и свѣдѣніями о немъ, немедленно отправить въ академію художествъ.

Послѣ этого я не видалъ барона Корфа; но мнѣ передавали, что, получивъ этотъ приказъ, онъ совершенно растерялся и прежде всего сталъ спрашивать полковника Попова и другихъ, чтò за человекъ Сѣряковъ, не побочный-ли онъ сынъ какого-нибудь высокопоставленнаго лица? какія у него связи? чтò и почему о немъ такъ хлопочетъ министръ Чернышевъ?

¹⁾ Кукольника называли папою, кажется, Піемъ X, потому что онъ былъ толстый, необыкновеннаго роста и носилъ войлочную шапку, на подобіе папской тиары. Кстати скажу еще нѣсколько словъ о Кукольникѣ. Это былъ человекъ прекрасно образованный, отличный музыкантъ (игралъ на фортепьяно), искренній любитель и знатокъ литературы и искусствъ; пзвѣстно, что нѣкоторые его литературныя произведенія имѣли въ свое время заслуженный, довольно большой успѣхъ. Сердца онъ былъ доброто и всегда готовъ услужить. Онъ умеръ въ Таганрогѣ, въ концѣ 1860-хъ годовъ. Д. С.

Упомянутое предписаніе такъ ошеломило Корфа, что у него разлилась жельчь.

Высочайшее повелѣніе было немедля исполнено.

Такимъ образомъ, въ 1847 году, волею покойнаго государя Николая Павловича, я былъ опредѣленъ въ академію художествъ, оставаясь при этомъ топографомъ, съ полученіемъ казеннаго провіанта и обмундированія.

IV.

Въ академіи художествъ.—Баронъ Клодтъ.—Прекращеніе «Иллюстраціи» Кукольника.—А. П. Башуцкій.—Работы мои на званія свободнаго художника и академика.

1847—1858.

Академію художествъ я посѣщаль усердно и занимался прилежно. При поступленіи мнѣ было 23 года.

Въ академіи читались тогда только анатомія, теорія изящныхъ искусствъ и архитектура; разумѣется, рисованіе составляло главный предметъ обученія. Всѣхъ художественныхъ классовъ было шесть: два оригинальныхъ; два гипсовыхъ, одинъ натурный и одинъ этюдный. Я поступилъ въ первый классъ, т. е. въ оригинальныя головы, чтобы пройти весь положенный въ академіи курсъ съ начала до конца. Скоро за первую голову получилъ я 2-й №, а за вторую № 1-й; не дожидаясь третьей, меня, черезъ два мѣсяца, перевели въ слѣдующій классъ.

Полученіе №№: вотъ что означало: классы раздѣлялись на утренніе, отъ 9-ти до 11-ти часовъ, и вечерніе, отъ 5-ти до 7-ми часовъ. Въ теченіе утреннихъ классовъ каждый занимался своею спеціальностію, а вечеромъ всѣ, кто бы въ какомъ классѣ ни былъ, рисовали французскимъ карандашомъ. По истеченіи мѣсяца, рисунки выставлялись въ классахъ на разсмотрѣніе профессоровъ; это было что-то въ родѣ экзамена. Кромѣ того, каждую недѣлю выставлялись фигуры, гипсовые головы, по отношенію къ которымъ требовалось, чтобы контуры съ нихъ дѣлались бы самыя вѣрныя, хотя бы тушевка при этомъ и не была окончена. На мѣсячныя разсмотрѣнія, или экзамень, эти недѣльныя работы могли не представляться учениками, такъ какъ ихъ разсматривалъ профессоръ въ теченіе недѣли; но нѣкоторыя работы, исклю-

чительно приготовляемая для мѣсячнаго экзамена, уже выстав-
лялись къ назначенному сроку непременно.

Послѣ мѣсяца совѣтъ профессоровъ обходилъ всѣ классы и, напри-
мѣръ, въ классѣ гипсовыхъ головъ разсматривалъ, которая
изъ головъ лучше всѣхъ нарисована—эта и будетъ № 1-й; за-
тѣмъ, слѣдующая по достоинству—№ 2-й и т. д. Разумѣется,
при этомъ не обходилось дѣло безъ препирательствъ между про-
фессорами, такъ какъ одинъ изъ нихъ находилъ лучшимъ тотъ
рисунокъ, а другой доказывалъ противное, защищая имъ отли-
ченный рисунокъ; въ этихъ случаяхъ споръ разрѣшался вице-
президентомъ академіи. Такъ какъ фамиліи учениковъ обыкновенно
выставлялись на рисункахъ, то при оцѣнкѣ достоинствъ послѣд-
нихъ могло быть пристрастіе со стороны профессоровъ, но въ
честь ихъ нужно сказать, что этого почти никогда не случалось.
При такихъ-то мѣсячныхъ экзаменахъ я никогда не получалъ
за свои работы ниже 6-го №, тогда какъ въ классѣ находилось
болѣе ста человекъ. Затѣмъ тотъ, кто получалъ № изъ 1-го де-
сятка, переводился на предстоящую треть въ слѣдующій классъ,
но, разумѣется, иные сидѣли въ одномъ классѣ года по два и
по три.

И такъ, вскорѣ послѣ моего поступленія въ академію я пере-
веденъ былъ въ слѣдующій классъ, а черезъ мѣсяцъ—въ классъ
гипсовыхъ головы.

Трудно и не безъ лишеній доставались мнѣ эти занятія въ
академіи. Вставалъ я рано, и такъ какъ дилижансовъ въ то
время еще не было, то пѣшкомъ отправлялся изъ Озернаго пере-
улка на Васильевскій островъ—въ академію. Въ 12-мъ часу
приходилъ домой и занимался гравированіемъ для «Иллюстраціи»—
чѣмъ и кормился,—а къ 5-ти часамъ былъ опять въ академіи.
Возвратившись оттуда, нерѣдко въ грязь, въ слякоть, принимался
опять за гравированіе—вѣдь надо же было чѣмъ-нибудь суще-
ствовать съ матушкой—и работалъ часовъ до 2-хъ или 3-хъ,
а иногда и цѣлую ночь. Послѣдніе случаи особенно памятливы
для меня. Отъ скуки, для отдыха, поигрывалъ я на гитарѣ.
Бывало, давно уже наступить утро, а я все еще не кончалъ
своей работы. Матушка спитъ, мнѣ хочется чаю. Чтобы разбу-
дить ее, я бралъ гитару и, подойдя къ ея постели, начиналъ
потихоньку играть. Матушка просыпалась, узнавала, что я вовсе

не ложился спать, и заботилась о приготовленіи чая, такъ какъ мнѣ скоро надо было идти въ академію.

Такъ проходилъ день за днемъ. Однажды пришелъ ко мнѣ Илья Алек. Пузыревскій съ приглашеніемъ немедленно явиться къ Кукольнику. Послѣдній объявилъ мнѣ, что государь императоръ спрашивалъ у Чернышева о моихъ занятіяхъ по академіи. Удивительная черта! У государя столько дѣлъ было первостепенной важности и вдругъ вспомнилъ о какомъ-то безвѣстномъ топографѣ. Министръ не зналъ, что отвѣтить государю и послалъ за Кукольникомъ, а этотъ—за мной.

— Представьте императору всѣ мои академическія работы, сказала я Кукольнику;—а вмѣстѣ съ тѣмъ я что-нибудь награвирую новенькое, военное,—чего не встрѣчалось еще ни въ какомъ изданіи.

Кукольникъ одобрилъ послѣднюю мысль.

Я отправился къ Ладурнеру, который состоялъ художникомъ при «Военной хроникѣ»; въ этомъ изданіи попадались недурные рисунки войска, такъ я надѣялся, что Ладурнеръ мнѣ поможетъ какими-нибудь указаніями или совѣтами; но надежда эта не оправдалась. Тогда я срисовалъ съ природы солдата Кавалергардскаго полка въ полной формѣ, унтеръ-офицера Преображенскаго полка, также въ полной формѣ, и солдата Семеновскаго полка въ походной формѣ; составилъ, такимъ образомъ, группу изъ трехъ лицъ; фигурки были небольшія, верхка по 4. Затѣмъ награвировалъ ихъ на деревѣ, отпечаталъ на бристольской бумагѣ и сдѣлалъ маленькій альбомъ изъ 15-ти рисунковъ. Кукольникъ передалъ этотъ альбомъ министру, а послѣдній отвезъ его государю. Его величество выразилъ совершенное удовольствіе относительно моихъ успѣховъ и прислалъ денежную награду. Я былъ очень тронутъ, конечно, не тѣмъ, что получилъ деньги, но мнѣ дорого было вниманіе государя, которому былъ обязанъ принятіемъ меня въ академію художествъ; для меня пріятно было сознаніе, что я, наконецъ, столь еще недавно солдатъ, безвѣстный писарь, затерянный въ толпѣ нижнихъ чиновъ, нынѣ что-нибудь да значу. Немедля отправился я къ Даццаро и, въ знакъ столь отрадной для меня памяти, купилъ литографированный портретъ государя императора, великолѣпно

сдѣланный на камнѣ художникомъ Смирновымъ съ рисунка Крюгера,—литографія была превосходная ¹⁾).

Между тѣмъ по академіи занятія мои продолжались обычнымъ порядкомъ и не безъ успѣха. По рисункамъ я былъ настолько хорошъ, что профессора ставили меня въ образецъ другимъ. Рисовалъ я обыкновенно простымъ французскимъ карандашомъ и не слѣдовалъ рутинной методѣ выдѣлыванія штриховъ. Для меня главное было, чтобы свѣтъ и тѣни помѣщались на своемъ мѣстѣ, чтобы былъ схваченъ моментъ и какъ можно вѣрнѣе переданы фигуры. Я просто замазывалъ, затиралъ, но такъ, чтобы была видна лѣпка, и выходило довольно эффектно.

Въ это время, т. е. въ 1848 г., Кукольникъ уѣхалъ изъ Петербурга ²⁾ и передалъ «Иллюстрацію» Крылову, бывшему, кажется, воспитателемъ въ Петропавловской школѣ. Крыловъ сдѣлался издателемъ, а редакція перешла къ Александру Павловичу Башуцкому. Имъ, конечно, нужны были граверы.

Однажды я пришелъ въ Крашенинникову въ магазинъ, недавно имъ открытый, чтобы получить деньги за гравюры и встрѣтился тутъ съ г. Студицимъ, который, равно какъ и Крыловъ, имѣли, кажется, участіе въ этомъ магазинѣ. Черезъ нѣсколько времени послѣ моего прихода вошелъ въ магазинъ какой-то адъютантъ съ аксельбантами и началъ говорить съ Студицимъ объ «Иллюстраціи».

— Послѣдній №,—сказалъ адъютантъ,—очень хорошъ; особенно хороши «Холмогоры» Сѣрякова, просто прелесть. Кто это такой Сѣряковъ?

¹⁾ Смирновъ служилъ художникомъ при корпусѣ путей сообщенія и рисовалъ подъ руководствомъ литографа Пети; онъ былъ въ академіи художествъ, но недоучился; подъ конецъ своей жизни совершенно спился и умеръ года три тому назадъ въ крайней нищетѣ. Это былъ человекъ съ громаднымъ талантомъ, но, по слабости характера и воли, погибъ, какъ погибаютъ у насъ многіе таланты. Д. С.

²⁾ Въ началѣ 1849 г., какъ видно изъ дѣла о Сѣряковѣ, хранящагося въ архивѣ академіи художествъ, почтен. вольный общникъ академіи Н. В. Кукольникъ прислалъ въ академію письмо, коимъ просилъ ее обратить вниманіе на работы Сѣрякова по части гравированія, и если онъ заслужаетъ одобреніе совѣта, то засвидѣтельствовать о томъ передъ его начальствомъ и тѣмъ поощрить его съ большимъ прилежаніемъ заниматься гравированіемъ на деревѣ. Какой былъ результатъ этого письма—изъ дѣла не видно. Ред.

— Граверь; молодой человекъ еще,—отвѣчалъ г. Студицкій, взглянувши на меня.

— Я бы желалъ съ нимъ познакомиться.

— Такъ стоитъ только вамъ повернуться,—сказалъ г. Студицкій, и затѣмъ отрекомендовалъ насъ другъ другу.

Оказалось, что адъютантъ былъ баронъ Константинъ Карловичъ Клодтъ, къ которому, годъ тому назадъ, посылалъ меня вв. В. О. Одоевскій и къ которому я не рѣшился идти, полагая, что онъ бѣднаго топографа не пуститъ даже и въ переднюю.

Клодту было тогда лѣтъ подь 40. Онъ познакомился со мной и сейчасъ же пригласилъ къ себѣ; мы отправились.

Тутъ-же я узналъ, что Башуцкій пригласилъ Клодта завѣдывать маленькою мастерскою, которую онъ хотѣлъ составить изъ граверовъ, находящихся въ Петербургѣ. Въ этомъ ателье принимали участіе Линкъ, Кюи (въ послѣдствіи фотографъ) и Бернардь, довольно плохой, но въ то время, за недостаткомъ лучшихъ, имѣвшій значеніе художникъ.

Баронъ Клодтъ предложилъ мнѣ вступить въ ихъ компанію на такихъ условіяхъ: готовая квартира, освѣщеніе и плата 50 р. въ мѣсяцъ за занятія съ 9-ти часовъ утра до 8-ми вечера; затѣмъ, всѣмъ остальнымъ временемъ я могъ пользоваться по своему усмотрѣнію. За экстренныя работы для «Иллюстраціи» полагалась особая плата. Я согласился.

Матушку помѣстилъ я на квартирку въ Кузнечномъ переулкѣ, а самъ поселился на Стремянной, въ домѣ Гусева, гдѣ помѣщалась наша мастерская.

Баронъ Клодтъ получалъ квартиру и 60 руб. жалованья въ мѣсяцъ, я и Линкъ—по 50, Кюи—40, Бернардь—30. При ателье находились ученики.

Здѣсь я познакомился съ нѣсколькими литераторами и художниками, между прочимъ, съ Петромъ Карловичемъ Клодтомъ, скульпторомъ, работъ котораго принадлежать, между прочимъ, лошади на Аничковомъ мосту. Мы жили очень хорошо, весело; развлеченій множество. Бернардь отлично игралъ на фортепьяно; подь его музыку мы обыкновенно танцевали, составлялись литературные и художественные вечера.

Тутъ я нѣсколько увлекся работами для «Иллюстраціи»; по-

томъ сдѣлался боленъ тифомъ, вслѣдствіе чего и отсталъ отъ академіи, такъ что мѣсяцевъ восемь не посѣщалъ классовъ.

Такъ прошелъ 1848 годъ.

Въ слѣдующемъ году «Иллюстрація» пошла плохо; подписчиковъ у ней было очень мало. Намъ перестали исправно платить за работы, поднялся ропотъ.

А. П. Башуцкій велъ дѣло чрезвычайно безпорядочно. Сотрудниковъ у него не было, такъ какъ онъ не имѣлъ возможности платить имъ; всѣ отдѣлы въ «Иллюстраціи» писалъ онъ самъ, и при всемъ томъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Между тѣмъ у издателя Крылова возникъ по имѣнію процессъ тысячъ на 60; процессъ этотъ онъ проигралъ и вслѣдствіе того разорился.

Вскорѣ послѣ этого г. Башуцкій послѣ какого-то, особенно непріятнаго для него случая, оставилъ службу¹⁾.

Съ удаленіемъ Башуцкаго, прекратилось изданіе «Иллюстраціи». Хотя намъ, граверамъ, не доданы были деньги, но мы продолжали жить въ общей мастерской болѣе полугода, такъ какъ квартира снята была по контракту. (Квартира эта стоила тогда 800 руб., а теперь за нее платятъ 1,800). Затѣмъ я поселился съ матушкою и снова началъ посѣщать академію, гдѣ продолжалъ получать лучшіе нумера.

Такъ прошли 1850 и 1851 года.

Въ 1852 году мы съ барономъ Клодтомъ переѣхали на дачу въ Мурино. Въ это время я рѣшилъ не заниматься гравированіемъ на деревѣ, а идти по пейзажной живописи; поэтому цѣ-

¹⁾ Кстати передамъ нѣсколько припомнаній объ этой личности. Послѣ описаннаго случая Башуцкій поступилъ въ послушники, кажется, Сергіевского монастыря; здѣсь онъ пробылъ недолго и перебрался въ Кіевъ, гдѣ тоже что-то не ладилъ. Жена его поступила въ Тихвинскій монастырь.

Въ послѣдствіи, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, я встрѣчался съ Александромъ Павловичемъ Башуцкимъ; онъ мнѣ предложилъ гравировать какихъ-то святыхъ, но я отклонилъ отъ себя это предложеніе.

Я видѣлъ его года три тому назадъ въ полу-монашескомъ платьѣ, въ черной фуражкѣ съ козырькомъ, въ очкахъ и съ длиною сѣдою бородою; онъ, кажется, живъ и теперь.

А. П. Башуцкій былъ умный человѣкъ, владѣлъ перомъ и человѣкъ вообще многосторонне образованный и талантливый. Во время завѣдыванія имъ «Иллюстраціи» у него собирався блестящій кругъ; самъ онъ бывалъ при дворѣ. Если не ошибаюсь, онъ мнѣ рассказывалъ какъ-то, что въ дѣтствѣ онъ нерѣдко игралъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Л. С.

лое лѣто писалъ этюды съ натуры вмѣстѣ съ сыномъ барона, Михаиломъ Константиновичемъ Клодтомъ. Къ концу лѣта я очутился почти безъ денегъ. Это обстоятельство заставило меня крѣпко призадуматься надъ вопросомъ: продолжать-ли заниматься живописью, или опять заняться гравированіемъ? Я соображалъ, что граверовъ на деревѣ у насъ мало и при томъ всѣ они крайне плохи; между тѣмъ это гравированіе, какъ искусство, можно поставить на высокую степень совершенства. Я бросилъ живопись и снова принялся за гравированіе съ такихъ оригиналовъ, каковы произведенія знаменитыхъ граверовъ: Одранъ, Уиль, Клауберъ (учитель Уткина) и другіе.

Я началъ чертить перомъ, тушью, изучать манеру штриха. Сколько слезъ и досады вызывалъ у меня при этихъ работахъ каждый неудавшійся штрихъ,—я буквально обмывалъ слезами доску. Мной овладѣвало отчаяніе и я уже совсѣмъ хотѣлъ бросить это дѣло, потому что сознавалъ, что не могъ выполнить серьезной вещи; не могъ даже приблизиться къ ней. Но я продолжалъ заниматься; наконецъ, увидѣлъ, что у меня что-то такое выходитъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Между тѣмъ, мои товарищи-топографы начали держать экзаменъ на офицеровъ (я числился все еще топографомъ). Вдругъ изъ департамента военныхъ поселеній послѣдовалъ запросъ въ академію: есть-ли у Сврякова какіе-нибудь успѣхи и скоро-ли онъ кончитъ ученье? Академія отвѣчала, что успѣхи есть, но что для окончанія моего художественнаго образованія мнѣ нужно еще года два или три. Такъ меня оставили въ покоѣ. Но я самъ началъ о себѣ думать.

Возвратившись съ дачи изъ Мурино, я поселился поближе къ академіи, въ Кадетской линіи Васильевского острова, и началъ заниматься серьезно, какъ на квартирѣ, такъ и въ академіи.

1852-й годъ близился къ концу.

Безъ сомнѣнія, академія — учрежденіе прекрасное; лестно было поступить въ нее, а еще пріятнѣе заниматься въ ней. Но пріятность эта тогда нерѣдко омрачалась непривѣтливостью, даже грубостью обращенія. Ужъ такое время было....

Извѣстно, что въ ученики академіи поступали тогда и изъ податнаго сословія. Ну, а такой народъ, извѣстно, за тычкомъ не гнался. Кромѣ того, воспитанники изъ податнаго состоянія

терпѣливо сносили всякаго рода оскорбленія потому, что если бы они вздумали обижаться, такъ ихъ выгнали бы вонъ изъ академіи и они опять стали бы вѣрнопостными или попали бы въ солдаты; между тѣмъ, въ нихъ бывала художественная искорка, имъ хотѣлось учиться: такъ ужь лучше все снести, лишь бы избавиться отъ помѣщичьяго ига и удовлетворить своимъ наклонностямъ.

Крѣпостные могли поступать въ академію только съ разрѣшенія помѣщика; но если бы послѣдній, по окончаніи курса, вздумалъ взять своего вѣрнопостнаго обратно, то академія обыкновенно возставала противъ этого и сейчасъ же давала воспитаннику медаль или званіе учителя, послѣ чего помѣщикъ не имѣлъ на него уже никакихъ правъ.

Помѣщики отдавали своихъ людей въ академію просто, какъ говорится, съ дуру, или же въ томъ пріятномъ предположеніи, что послѣ выучки—вѣрнопостной его будетъ у него маляромъ, станетъ росписывать амурами комнаты, бесѣдки и проч. Но, какъ я сказалъ, такія предположенія не осуществлялись.

Моими товарищами съ первыхъ классовъ были: М. П. Клодтъ, жанристъ, — баронъ М. К. Клодтъ, пейзажистъ, — Лаверецкій, теперешній профессоръ скульптуры, — Каменскій, скульпторъ, — Грузинскій, батальный живописецъ и др.

Вице-президентомъ академіи былъ знаменитый своими талантами гр. Федоръ Петровичъ Толстой, ректоромъ — Шебуевъ. Профессора были люди болѣе или менѣе достойные.

Я скажу здѣсь только о тѣхъ изъ нихъ, которые играли главную роль въ академіи и имѣли рѣшительное вліяніе на мою работу.

Особенно талантливъ былъ въ то время еще не старый, полный энергіи, профессоръ исторической живописи Федоръ Антоновичъ Бруни, на дняхъ скончавшійся. Онъ рано обратилъ на меня вниманіе и болѣе, нежели кто-либо другой, ободралъ меня. Онъ былъ тогда директоромъ картинной галлерей въ Эрмитажѣ и, какъ я сейчасъ скажу, по его выбору или указанію приготавлилъ я работы на званіе свободнаго художника и академика.

Затѣмъ, изъ ряда другихъ выдавался престарѣлый профессоръ Николай Ивановичъ Уткинъ, великолѣпный граверъ, тотъ самый, который находился въ 1812 году въ Парижѣ и вынужденъ былъ остаться въ плѣну у Наполеона I.

(Замѣчательно, что многіе знаменитые граверы живутъ очень долго и не слѣпнутъ; быть можетъ, это происходитъ отъ того, что они, какъ люди, глубоко преданные своему искусству, ведутъ жизнь крайне умѣренную и аккуратную, не такъ какъ граверы средней руки; сидячая жизнь, какъ оказывается, не убиваетъ этихъ тружениковъ).

Уткинъ былъ невысокаго роста старичекъ, съ длиннымъ носомъ и большими нависшими бровями; имѣлъ тонкія, благородныя черты лица; ни бороды, ни усовъ у него не было, такъ какъ при императорѣ Николаѣ воспрещено было носить ихъ,—это позволялось одному только Виллевалду, вслѣдствіе того, что онъ писалъ картины изъ военнаго быта, сраженія и проч.

Въ бытность мою въ академіи Уткинъ гравировалъ на мѣди съ картины Шебуева «Василій Великій». Картина эта, равно какъ и «Исцѣленіе прокаженнаго», находятся въ Казанскомъ соборѣ; обѣ картины были замѣчательно художественны; но онѣ еще при жизни художника почернѣли и растрескались; великолѣпныя картины Шебуева почти исчезли и сохранились только въ гравюрѣ.

Нельзя не упомянуть еще о Ѳедорѣ Ивановичѣ Іорданѣ, граверѣ на мѣди, котораго поддерживалъ Уткинъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не уронить это искусство въ Россіи. Для академіи необходимо было имѣть при себѣ хоть одного гравера на мѣди, такъ какъ такіе граверы существовали во всѣхъ европейскихъ академіяхъ. Съ этою цѣлію старались удерживать людей всевозможными средствами: назначали степендіи и т. п., какъ это случилось, на примѣръ, съ И. П. Пожалостинымъ. Какъ сказано будетъ ниже, Іорданъ имѣлъ рѣшительное сужденіе при оцѣнкѣ моей гравюры на званіе академика.

Наконецъ, конференцъ-секретарь, Василій Ивановичъ Григоровичъ, игралъ чрезвычайно важную роль въ совѣтѣ академіи. Это былъ суровый, грубый, но въ сущности исполнѣ добрый человекъ; бывало, онъ обругаетъ, пожалуй выгонитъ, а на другой день принимаетъ выпаннаго, какъ-будто ничего не было, выслушивалъ и дѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Григоровичъ хотя не былъ художникъ, но былъ знатокъ искусства; онъ былъ при академіи многіе годы, поэтому вкусъ у него изощрился, глазъ привыкъ различать достоинства и недостатки работъ. Онъ читалъ у

насъ теорію изящныхъ искусствъ, которую я слушалъ цѣлый годъ; поэтому случаю Григоровичъ и зналъ меня.

Въ это время, т. е. въ началѣ 1853 г., задумалъ я гравировать на деревѣ для полученія званія свободнаго художника. Званіе это дѣлало человѣка свободнымъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, давало ему права почетнаго потомственнаго гражданина, а въ случаѣ поступленія на службу—черезъ три года чинъ. Приобрѣтеніе такихъ правъ для меня было чрезвычайно важно, такъ какъ истекалъ срокъ моей службы топографомъ, предстояло сдавать экзаменъ на офицера и, по всей вѣроятности, пришлось бы отправиться въ крымскую кампанію.

И такъ, я задумалъ гравировать на деревѣ для полученія званія свободнаго художника ¹⁾. Въ этихъ случаяхъ программа назначалась обыкновенно совѣтомъ; но такъ какъ до этого времени никто не получилъ свободнаго художника за гравюру на деревѣ, то прежде, чѣмъ обратиться въ совѣтъ за разрѣшеніемъ, я пошелъ къ Григоровичу. Послѣдній, по обыкновенію, спросилъ меня:

— Ну что, батюшка, скажешь новенькаго?

«Желалъ бы получить программу по гравированію на деревѣ», сказалъ я.

— Да вы съ чего это взяли, вспыхнулъ Григоровичъ: — гравированіе на деревѣ развѣ искусство? Вѣдь вы, граверы на деревѣ, въ состояніи сдѣлать только какую-нибудь виньетку! Да у васъ средствъ нѣтъ выполнить серьезную вещь на деревѣ!

«Все-таки позвольте мнѣ подать прошеніе въ совѣтъ, сказалъ я;—вѣдь тутъ ни совѣтъ, ни академія ничего не потеряютъ; не удастся, въ проигрышѣ останусь я одинъ».

— Да нѣтъ, оставьте; это пустое, напрасный трудъ; вы ничего не сдѣлаете. Вотъ изъ барона Кюдта не вышло же ничего ²⁾.

¹⁾ Когда, въ 1852 г., г. Бернадскій просилъ за исполненныя имъ гравюры на деревѣ удостоить его званія художника, то ему было объявлено, что граверъ на деревѣ можетъ быть признанъ художникомъ только тогда, когда произведетъ свое сочиненіе или рисунокъ съ картины, имъ самимъ исполнѣ удовлетворительно исполненной.
Л. С.

²⁾ Дѣйствительно, у Петра Карловича былъ братъ Константинъ Карловичъ, который занимался гравированіемъ на деревѣ и чрезъ брата представлялъ свои работы въ академію. Академія назначила ему казенную квартиру и содержаніе въ 300 руб.; потомъ послала его за границу. Повидному, изъ гравирова-

Однако же высказанное мною соображеніе, что, въ случаѣ моей неудачи, ни совѣтъ, ни академія ничего не теряютъ, по-дѣйствовало на Григоровича и онъ, наконецъ, сказалъ:

— Ну, хорошо, подавай прошеніе въ совѣтъ.

Въ концѣ 1852 г. я обратился съ просьбою въ совѣтъ— дать мнѣ программу для полученія званія художника по части гравированія на деревѣ. Прежде, однако, чѣмъ разрѣшить эту просьбу, совѣтъ отнесся къ управлявшему тогда военнымъ министерствомъ, кн. В. А. Долгорукову, спрашивая: «не имѣется ли со стороны военного вѣдомства препятствій къ полученію мнѣ программы на званіе художника, такъ какъ съ званіемъ сямъ, по силѣ все милостивѣйше дарованной академіи привилегіи, сопряжено право пользоваться съ потомствомъ вѣчною и совершенною свободою и вольностію, и вступить въ службу, въ какую художникъ пожелаетъ». На этотъ запросъ князь Долгоруковъ отвѣтилъ, что такъ какъ Свѣряковъ принадлежитъ къ военному вѣдомству, то, взамѣнъ свободнаго художника, можно будетъ испросить высочайшее разрѣшеніе на производство его въ коллежскіе регистраторы съ опредѣленіемъ на службу по вѣдомству военныхъ поселеній.

Послѣ этого мнѣ разрѣшена была программа для полученія званія свободнаго художника по гравированію на деревѣ и приказано явиться въ Эрмитажъ къ профессору Θ. А. Бруни, которому поручено было назначить мнѣ, съ какой картины рисовать. Когда я пришелъ къ Бруни, онъ прямо повелъ меня въ залу фламандской школы, и указывая то на одну, то на другую картину, говорилъ: «вотъ это хорошая вещь, вотъ это прекрасно». Я замѣтилъ великолѣпную голову старика въ профиль—этюдъ Рембрандта, и выбралъ его.

Я началъ работать въ Эрмитажѣ каждый день. Ежедневно, какъ только приходилъ Бруни утромъ въ Эрмитажъ, онъ смотрѣлъ на мою работу и удивлялся, что я занимаюсь съ такимъ

нія на деревѣ хотѣли сдѣлать тогда что-нибудь серьезное; но это не осуществилось. Черезъ полгода баронъ Клодтъ возвратился изъ-за границы и ничего не привезъ, кромѣ трехъ маленькихъ виньетокъ. Академія отказала ему отъ квартиры; тѣмъ дѣло и кончилось.

Это было въ 1842 или въ 1843 году.

Л. С.

прилежаніемъ и что у меня большая сила въ свинцовомъ карандашѣ.

— Какими карандашами вы рисуете? спросилъ онъ меня однажды.

— Да обыкновенными Фабера: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й нумера, отвѣчалъ я.

— Что же вы ихъ въ маслѣ, или въ чемъ-нибудь другомъ мочите?

Я объяснилъ, что карандашей ни въ чемъ не мочу, а дѣлаю такимъ образомъ: прокладываю 1-мъ номеромъ, а ованчиваю 4-мъ,—вслѣдствіе этого у меня такъ сильно и выходило.

Картина Рембрандта была въ натуральную величину, а я сдѣлалъ въ голнатуры, какъ разъ въ половину оригинала. Бруни одобрилъ мой рисунокъ и велѣлъ подать въ совѣтъ, который немедленно и разрѣшилъ мнѣ гравировать.

Все лѣто 1853 года занимался я этимъ гравированіемъ. Сколько мученій пришлось мнѣ испытать въ это, сравнительно, короткое время! Вѣдь я начиналъ первую попытку, дѣлалъ первый шагъ къ введенію гравюры на деревѣ въ область искусства въ Россіи! До этого времени никто, за все столѣтнее существованіе въ нашемъ отечествѣ академіи художествъ, не былъ удостоенъ званіемъ не только академика, но даже художника за гравированіе на деревѣ.

Въ сентябрѣ 1853 г. назначенъ былъ экзамень и актъ. Какъ разъ наканунѣ экзамена я сдѣлалъ оттискъ и пришелъ съ нимъ къ Григоровичу.

Старикъ встрѣтилъ меня обычнымъ вопросомъ:

— Ну что, батюшка, вы скажете новеньяго?

Я подалъ ему свою работу. Онъ разсматривалъ гравюру долго, очень долго, потомъ пошелъ къ онну, а за нимъ и я. Тутъ онъ смотрѣлъ то на гравюру, то на меня. Я стоялъ въ томительномъ ожиданіи и страхѣ: въ эти минуты рѣшалась вся моя участь; скажи Григоровичъ, что сверно, и все для меня было бы кончено. Онъ, какъ бы съ намѣреніемъ помучить меня, разсматривалъ гравюру очень долго. Наконецъ, молча подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Вы—молодецъ. Вотъ что значить русскій человекъ; ужъ

если захочетъ чего-нибудь достигнуть, того непременно добьется! Поздравляю васъ.

Затѣмъ снова обратился къ гравюрѣ, долго всматривался въ нее и какъ бы про себя говорилъ:

— Прелестная, небывалая вещь; какъ это прочувствовано!— Идите, батюшка, сказалъ мнѣ Григоровичъ въ заключеніе,—отъ моего имени къ Шебуеву, Бруни, къ Уткину, передайте имъ, что я видѣлъ вашу гравюру и въ восторгѣ отъ нея.

Шебуевъ расхвалилъ мою работу. Бруни былъ отъ нея просто въ восхищеніи. Я отправился къ маститому старцу Уткину и объявилъ ему, кто я.

— Ахъ, да, — помню, помню, проговорилъ Уткинъ; вы, кажется, на званіе художника работали? Покажите-ка, что вы сдѣлали.

Я подалъ гравюру.

Сѣлъ старикъ, а сзади его сталъ какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ. Сначала Уткинъ смотрѣлъ на гравюру сквозь очки, потомъ началъ разсматривать ее при помощи громадной лупы.

— Великолѣпно, прелесть,—говорилъ почтенный профессоръ, разсматривая гравюру;—вы непременно получите званіе художника.

Затѣмъ, обращаясь къ стоявшему сзади господину, сказалъ:

— Что же послѣ этого значить, батюшка, гравюра на мѣди, когда на деревѣ такія вещи дѣлаютъ.

Тотъ чрезвычайно лестно отозвался о моей работѣ и спросилъ меня, долго-ли я работалъ? Я отвѣтилъ, что мѣсяца три.

— Да неужели такъ скоро? На мѣди довелось бы это самое работать долѣе двухъ лѣтъ.

Послѣ я узналъ, что это былъ Пищалькинъ, будущій профессоръ гравированія на мѣди ¹⁾.

¹⁾ Въ то время Пищалькинъ только-что возвратился изъ Рима, куда посланъ былъ на казенный счетъ. Онъ работалъ «Взятіе Божіей матери на небо» съ картины Брюллова (подлинникъ въ лютеранской Петропавловской церкви). Изъ Рима г. Пищалькинъ привезъ первый пробный оттискъ своей гравюры на мѣди; проложено было сочно, свѣжо; отъ художника этого ожидали многого. Такъ какъ онъ былъ хорошии рисовальщикъ, то ему дали академика и потомъ профессора. Но упомянутую гравюру онъ затянулъ: вмѣсто того, чтобы сдѣлать ее въ пять, въ шесть лѣтъ, онъ работалъ ее, кажется, лѣтъ 20 слишкомъ, такъ что, какъ говорится, замучилъ себя и доску; въ самомъ дѣлѣ, здоровье его разстроилось и зрѣніе же на столько ослабло, что продолжать работать онъ былъ не въ состояніи.

Отъ Уткина я отправился прямо въ академію и выставилъ свою работу на экзамень. Не знаю, правда-ли, но я слышалъ отъ правителя дѣлъ Всеславина, что за выставленную гравюру мнѣ хотѣли дать прямо академика; но такъ какъ я былъ нижній чинъ, а званіе академика сопряжено съ чиномъ титулярнаго совѣтника, то представилось невозможнымъ возвысить меня изъ простыхъ топографовъ прямо въ IX-й классъ. Мнѣ дали званіе «свободнаго художника», при чемъ совѣтъ постановилъ: «представить о Сѣряковѣ во вниманіе департаменту военныхъ поселеній, какъ доказавшемъ настоящею гравюрою необыкновенно хорошіе успѣхи въ гравированіи на деревѣ»¹⁾.

Вслѣдъ за симъ гравюра моя и я самъ были представлены президенту академіи художествъ и я удостоился самыхъ лестныхъ похвалъ.

Въ декабрѣ 1853 г. императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ въ академіи выставку художественныхъ произведеній, въ числѣ которыхъ находилась и моя гравюра. Его величество остался доволенъ моею работою и сказалъ обо мнѣ:

— Надо его поддержать²⁾.

Со стороны военнаго министра представленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ о моихъ занятіяхъ и успѣхахъ въ гравированіи, и высочайшею резолюціею было повелѣно: «топографа Сѣрякова, за необыкновенный его талантъ, произвести въ коллежскіе регистраторы, дать ему мѣсто въ военномъ министерствѣ и выдать изъ Кабинета на обмундированіе». Не помню, были-ли въ этой резолюціи слова: «не занимать службою», только отъ служебныхъ занятій я былъ совершенно освобожденъ.

Затѣмъ, совѣтъ академіи, безъ всякой уже просьбы съ моей стороны, назначилъ мнѣ программу на званіе академика.

Опять тотъ же Бруни предложилъ мнѣ рисовать съ Рембрандта: «Невѣріе св. апостола Ѳомы». На картинѣ этой было 13 фигуръ: апостолы, Спаситель и Божія мать. Картина эффектная, но почти неоконченная. Рембрандтъ былъ знаменитый художникъ, но не занимался тщательною отдѣлкою подробностей; какъ многіе

¹⁾ Представленіе это въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ въ архивѣ академіи художествъ.

²⁾ Объ этомъ отзывѣ императора Николая Павловича также имѣется свидѣніе въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ въ архивѣ академіи художествъ.

художники фламандской школы, онъ былъ на колоритъ, на силу—тѣнь и свѣтъ играютъ у Рембрандта важную роль. Я рисовалъ въ ту же величину, какъ и эскизъ Рембрандта, т. е. въ $\frac{3}{4}$ аршина ширины и вершковъ 14 высоты. Рисовалъ я довольно долго.

Между тѣмъ мои товарищи—топографы выдержали экзаменъ на офицеровъ; ихъ было человѣкъ 8 и всѣ они ушли на Дунай или въ Крымъ; двое изъ нихъ убиты подъ Силистріею, а пять легли подъ Севастополемъ. Только одинъ, нѣкто Агафоновъ, вернулся въ Петербургъ живымъ.

Въ маѣ 1857 года я представилъ рисунокъ въ совѣтъ академіи художествъ, который и разрѣшилъ мнѣ гравировать: при этомъ совѣтъ постановилъ представить рисунокъ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, «какъ примѣръ необыкновеннаго таланта, удивительнаго копированія каждаго взмаха кисти Рембрандта»¹⁾.

Рисунокъ мой былъ представленъ государю императору и мнѣ пожалована денежная награда (500 р.).

Съ двойною энергіею я принялся за свой громадный трудъ и весной 1858 г. представилъ работу въ совѣтъ академіи.

Конференц-секретаремъ въ это время былъ все еще В. И. Григоровичъ и весь составъ академіи оставался прежній. Вице-президентъ, графъ Ѡ. П. Толстой, и многіе профессора очень хвалили представленную мною гравюру; находили, что выполнено отлично. Я былъ въ полной увѣренности, что получу званіе академика. Но этого не случилось.

На экзаменѣ профессоръ гравированія Ѡ. И. Горданъ возсталъ противъ присужденія мнѣ званія академика, основываясь на томъ, что Свряковъ не исправилъ-де рисунокъ Рембрандта, а оставилъ его съ тѣми несовершенствами, какъ онъ есть.

Не берусь рѣшить, насколько такое сужденіе было основательно, но не лишнимъ нахожу замѣтить, что совѣтъ видѣлъ мой рисунокъ гораздо ранѣе выполненія по немъ гравюры и нашелъ его настолько удовлетворительнымъ, что счелъ своимъ долгомъ обратить на него высочайшее вниманіе. Всѣ, разсматри-

¹⁾ Въ постановленіи совѣта по сему предмету, между прочимъ, сказано: «представить г. министру императорскаго двора о назначеніи Сврякову содержанія отъ казны на время исполненія гравюры на деревѣ, такъ какъ предпріятіе его необыкновенное». Арх. акад. художествъ.

вашия мой рисунокъ, вѣроятно, видѣли недостатки — не мой, а Рембрандта, указанные г. Иорданомъ по окончаніи уже гравюры, и тѣмъ не менѣе никто не требовалъ отъ меня исправленія произведенія великаго художника!

Какъ бы то ни было, но г. Иорданъ настоялъ на томъ, чтобы мнѣ не было дано званія академика.

Въ замѣвъ, однако, этого званія, совѣтъ постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы меня сдѣлали пансіонеромъ академіи и, не въ примѣръ прочимъ, послать на казенный счетъ за границу. На этомъ послѣднемъ рѣшеніи болѣе всѣхъ настаивалъ Ф. А. Бруни, говоря: «Какъ это можно, человѣкъ даже никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, никогда не видѣлъ заграничныхъ галлерей искусствъ. Надо дать ему возможность посмотрѣть, — онъ тамъ будетъ на своемъ мѣстѣ и чрезъ нѣсколько времени сдѣлаетъ такъ, что мы будемъ поставлены въ необходимость дать ему академика».

Высочайше разрѣшено послать меня за границу съ содержаніемъ 300-тъ червонцевъ и съ выдачею 200-тъ червонцевъ на подъемъ.

Окончивъ кое-какія частныя работы, 23-го сентября 1858 г. я отправился за границу.

Варшавской желѣзной дороги въ то время еще не было; я желалъ посмотрѣть картинныя галлерей въ Копенгагенѣ; наконецъ, мнѣ было извѣстно, что на Балтійскомъ морѣ бывають сильныя бури, особенно въ сентябрѣ, такъ хотѣлось видѣть эффектъ вольнъ; посмотрѣть вблизи на страшную стихію. Вслѣдствіе этого я отправился моремъ.

На небольшомъ купеческомъ пароходѣ, взявъ я мѣсто до Гавра за 50 руб. Пароходъ былъ двухтрубный, желѣзный, въ 600 тоннъ, первый разъ бывшій въ Петербургѣ. Капитанъ парохода имѣлъ право взять четырехъ пассажировъ, которыхъ составляли теперь я, какой-то мальчикъ, находившійся при товарѣ и молодой человѣкъ — французъ, отправлявшійся на родину. Послѣдній на первыхъ порахъ мнѣ очень пригодился, такъ какъ хорошо объяснялся по-русски, а я ни слова не зналъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ.

Капитанъ предполагалъ, что черезъ 8 дней мы прибудемъ въ Гавръ; но предположеніе это не осуществилось.

Изъ-подъ Кронштадта мы вышли въ сильную бурю и на Балтійскомъ морѣ претерпѣли страшную качку. Изъ Копенгагена, гдѣ я посматрѣлъ нѣкоторыя картинныя галереи, мы отправились далѣе. Буря усиливалась...

Французъ, ѣхавшій съ нами, передалъ мнѣ, что капитанъ спрашиваетъ, есть-ли у меня на случай крушенія что-нибудь спасительное: поясъ или что-нибудь другое? Я сказалъ, что взялъ съ собою гуттаперчевую подушку, зная всю опасность плаванія въ сентябрѣ. Сейчасъ же эта подушка и пошла у меня въ дѣло.

Всѣ, находящіеся на пароходѣ, были привязаны къ мачтамъ, такъ какъ невозможно было устоять противъ набѣгавшихъ и раскатывавшихся по палубѣ парохода громадныхъ волнъ. Всѣ люки оставались закрытыми, на палубѣ ничего не было, кромѣ взятыхъ въ Копенгагенѣ бревенъ, штукъ 15, изъ которыхъ матросы дѣлали плотъ. Во время этой чрезвычайно трудной работы, при страшной качкѣ, у нихъ отъ напряженія кровь выступала изъ-подъ ногтей. Они удивляли меня своимъ самоотверженіемъ: ни слезъ, ни отчаянія, словомъ ни малѣйшаго перепуга въ нихъ не было замѣтно; казалось, что для нихъ то ужасное положеніе, въ которомъ мы находились, было довольно обыкновеннымъ.

Скоро послѣ этого пароходъ нашъ получилъ пробоину въ кормѣ; начали усердно работать помпы. Наконецъ, мы замѣтили, что насъ несетъ на песчаную банку. Солнце закатилось. На всѣхъ рясахъ и мачтахъ вывѣсили фонари, начали стрѣлять изъ пушекъ... Мы находились еще въ 80-ти верстахъ отъ Кале. Въ это время прямо на насъ несея англійскій пароходъ. Онъ бросилъ намъ канатъ, который мы кое-какъ поймали; такимъ образомъ прибуксировали въ Гавръ, пробывъ въ морскомъ плаваніи вмѣсто 8-ми—16 дней.

Л. А. Сѣряковъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.

1852—1853.

I.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ русской литературной жизни 1852 года было появленіе первой книжки „Московского Сборника“. Это учено-литературное изданіе было предпринято тою знаменитою литературною группою, къ которой принадлежали бывшіе тогда въ полной силѣ развитія своихъ дарованій — братья Иванъ и Петръ Вас. Кирѣевскіе, Алексѣй Ст. Хомяковъ и Конст. Серг. Аксаковъ (нынѣ всѣ покойные), также Александръ Ив. Кошелевъ и болѣе молодые послѣдователи того же направленія — Ив. Серг. Аксаковъ, Юр. Фед. Самаринъ и князь Вл. Ал. Черкасскій. Предполагалось сдѣлать это изданіе безсрочно-периодическимъ и въ теченіе года выпустить до четырехъ книгъ; сборникъ долженъ былъ служить органомъ славянофильской партіи, представители которой не считали для себя удобнымъ печатать свои произведенія въ другихъ периодическихъ изданіяхъ, на ряду со статьями другихъ авторовъ, иного направленія.

Предположенія эти оказались, однако, неосуществимыми, и обстоятельства, которыми ознаменовалось прекращеніе „Московского Сборника“ въ 1852—1853 годахъ, принадлежатъ къ числу довольно любопытныхъ чертъ минувшей эпохи.

Велѣдъ за появленіемъ первой книги „Московского Сборника“, министръ народнаго просвѣщенія обратилъ вниманіе на „предосудительность направленія „Московского Сборника“, выразившаго неудовлетворительность для русскихъ образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія. Министръ полагалъ, что „хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе, безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ“. Въ числѣ статей сборника, особенное неодобреніе министра заслужила статья И. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ

просвѣщенію Россіи“, въ которой авторъ проводилъ параллель между просвѣщеніемъ западной Европы и древней Россіи въ отношеніяхъ религіозномъ, нравственномъ, государственномъ, общественномъ и семейномъ, и, отдавая послѣднему предпочтеніе передъ первымъ, доказывалъ, что введенное Петромъ Великимъ европейское просвѣщеніе послужило, въ нравственномъ отношеніи, болѣе ко вреду, чѣмъ къ пользѣ русскаго общества.

Признавъ направленіе „Московскаго Сборника“ предосудительнымъ, министръ, 17-го мая 1852 года, предложилъ попечителю московскаго учебнаго округа, по мѣрѣ разсмотрѣнія въ московскомъ ценсурномъ комитетѣ предполагаемыхъ къ изданію, въ теченіе 1852 года, остальныхъ трехъ томовъ сборника, представлять ихъ въ рукописи въ главное управленіе цензуры, вмѣстѣ „съ заключеніемъ комитета объ общемъ направленіи каждаго тома вообще и о позволятельности или непозволятельности каждой статьи въ особенности“.

Вслѣдъ затѣмъ состоялось, 27-го мая 1852 г., распоряженіе: „впредь всякіе вообще сборники подвергать тѣмъ правиламъ цензуры, какимъ подлежатъ журналы, и, между прочимъ, не разрѣшать выхода подобныхъ сборниковъ чаще, чѣмъ одинъ разъ въ годъ“.

Такимъ образомъ выходъ втораго тома „Московскаго Сборника“ былъ отсроченъ до 1853 года. Въ началѣ его редакторъ этого изданія, И. С. Аксаковъ, внесъ въ московскій ценсурный комитетъ—сперва программу трехъ предполагаемыхъ томовъ сборника, а вслѣдъ затѣмъ и весь второй томъ его въ рукописи. Комитетъ переслалъ ее въ главное управленіе цензуры. Послѣднее, разсмотрѣвъ представленную рукопись съ тою строгостью, которая была вмѣнена ему въ непремѣнную обязанность, нашло въ ней: „не мало статей, которыя, по предосудительности выраженныхъ въ нихъ мыслей, высказывающихъ недоброежелательство къ настоящему порядку вещей и косвенное неодобреніе предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ ко благу народному, не только не могутъ войти въ составъ втораго тома „Московскаго Сборника“, но и вообще не могутъ быть допущены къ печатанію и должны быть подвергнуты строгому запрещенію“.

Вотъ Записка, на основаніи которой состоялось приведенное заключеніе о рукописи втораго тома „Московскаго Сборника“:

II.

Еще въ первомъ томѣ „Московскаго Сборника“ была напечатана статья Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“, статья весьма сомнительнаго содержанія. Хомяковъ въ новомъ томѣ сборника помѣстилъ: „Нѣсколько словъ по поводу (упомянутой) статьи Кирѣевскаго“, и при этомъ развилъ собственный свой политическій взглядъ и славянофильскія мысли.

Хомяковъ не ясно говоритъ, но видно, что христіанство, по его мѣнью, „требуется вольнаго дѣйствія личностей, равенства“ (стр. 5 на оборотѣ и 12 на оборотѣ), и что „дѣхъ христіанства чуждѣ учрежденіямъ имперіи“ (стр. 13 на оборотѣ). Но это не достигло своей цѣли въ древности отъ того, что въ римской жизни все, даже религія и просвѣщеніе, принимало видъ юридическій и государственнй, а побѣжденные римлянами народы западной Европы „были втиснуты силою въ желѣзныя формы административнаго просвѣщенія римскаго“ (стр. 7). „Когда въ западной Европѣ устраивались государства, по примѣру римскаго, въ то время всю внутреннюю жизнь старались подвести подъ законы правомѣрности гражданской, назначал кругъ дѣйствія отдѣльнаго для каждой душевной силы, опредѣляя вѣсь и мѣру каждаго проступка, вѣсь и мѣру каждой мнимой заслуги челоуѣчества, и, составляя какую-то таблицу счетоводства между Богомъ и Его твореніемъ, непонятную для насъ, сыновъ церкви православной (стр. 8 на оборотѣ). „Голосъ преданія, заковавшагося въ мертвую формальность, утратилъ всякое значеніе, голосъ Божій въ писаніи замолкъ“ (стр. 9 на оборотѣ). „Точно тоже должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ“ (стр. 14). Обоотвореніе политическаго общества было такъ сильно, что „западный челоуѣкъ не могъ понять самой церкви иначе, какъ въ государственной формѣ; ея единство должно было быть принудительнымъ, и родилась инквизиція, съ ея судомъ надъ совѣстью и съ казнью за невѣріе“ (стр. 8-я). „Самые великіе дѣятели христіанскаго ученія не могли еще вполне уразумѣть ни всей лжи римскаго общественнаго права, ни безконечно-трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ... Лучшія и могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли сносить... Темнѣ становились города, просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный өмйамъ, между тѣмъ какъ зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю византийскую“ (стр. 14). Византиецъ не могъ дать полнаго права равенства съ собою тѣмъ народнымъ стихіямъ, которыя приливали къ нему съ сѣвера и готовы были своею свѣжею кровью укрѣпить составъ одряхлѣвшаго общества. Онъ пользовался славянами, онъ вполне зависѣлъ отъ союза съ ними и въ тоже время не только не хотѣлъ признать ихъ братьями, но постояннымъ коварствомъ, утѣсненіемъ и гордостью, болѣе оскорбительною, чѣмъ самыя утѣсненія, вселялъ въ нихъ вражду, которой еще не было“ (стр. 12 на оборотѣ).

Сочинитель говоритъ, что западная Европа приняла эти понятія древнихъ, смѣшала ихъ съ христіанствомъ и „тысячи лѣтъ было мало, чтобы обличить обманъ римскаго просвѣщенія; но онъ обличень, онъ сознанъ, или уже весьма близко время полного его сознанія; прежніе признаки разсѣяны логикою разсудка...; страшные, кровавые опыты не пугали западнаго человѣка; огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову (стр. 4 на обор. и 5). „Слишкомъ за десять лѣтъ назадъ тому, когда вся Европа въ какомъ-то восторженномъ опьяненіи кипѣла надеждами и благоговѣла передъ своимъ собственнымъ величіемъ, у насъ уже слышались обличительные голоса, тогда гтрѣченныя самодовольною насмѣшкою, теперь оправданныя исторіею и жизнью народовъ“ (стр. 3 на оборотѣ). Отъ разрѣшенія вопроса — на счетъ западнаго и русскаго просвѣщенія, по словамъ Хомякова, „зависитъ не только господствующее направленіе нашей литературы, но, можетъ быть, и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній“ (стр. 4).

Приступая затѣмъ къ разсужденію о просвѣщеніи въ Россіи, Хомяковъ и тутъ болѣе углубляется въ мысли о политикѣ, нежели о просвѣщеніи. Обнаруживая вездѣ приверженность къ старинѣ (славянофильство), онъ выводитъ натянутыя заключенія о такомъ порядкѣ дѣлъ въ древней Россіи, который не могъ быть въ монархическомъ государствѣ. По его мнѣнію, „не только до призванія Рюрика, но и послѣ того, до царя Іоанна Грознаго, русскій бытъ, по преимуществу, былъ общинный“ (стр. 16 на обор.). Сочинитель называетъ этотъ бытъ племенною общиною (стр. 17 на обор.), сельскими общинами (стр. 31 на обор.), племенными союзами (стр. 18), областною земскою жизнію (стр. 18 на обор.), общорусскимъ братствомъ (стр. 17 на обор.). Онъ говоритъ: „Великое слово: на землѣ миръ—есть высшее благословеніе, ниспосланное небомъ новому челоѣчеству; широкій миръ, великое братство—таково призваніе для всѣхъ; оно находило своихъ представителей въ князьяхъ, въ ихъ дружинѣ и въ духовенствѣ“ (стр. 17). „Въ земской думѣ сливалась мысль боярина съ мыслию гостя торговаго, и челоѣва посадскаго, и обывателя сельскаго; судъ былъ общій, и губныя старосты выбирались голосами всѣхъ жителей округа безъ исключенія“ (стр. 19 на обор.). „Общинный русскій бытъ произвелъ дружинну, въ которой личная отдѣльность была доведена до крайности и узаконена (стр. 16 на обор.). Мѣстная страсть требовала свободы

своему произволу“ (стр. 17). Начало государственія Рюрикова дома въ Россіи Хомяковъ называетъ союзомъ подъ княжескимъ правленіемъ, составившемся общею волею (стр. 15).

„Вскорѣ, по словамъ сочинителя, послѣдовало раздвоеніе въ Россіи; ибо князья имѣли свою, пришедшую съ ними, дружину, а со стороны народа явилась земская дружина“ (стр. 15 и опять на обор.). Къ этому, въ княжеской дружинѣ, присоединились мѣстничества: „земщина не мѣстничалась; никакихъ слѣдовъ мѣстничества не видать въ боярствѣ новгородскомъ“ (стр. 16). „Такое раздвоеніе съ землею“, продолжаетъ Хомяковъ — „не могло оставаться безъ страннаго вліянія на общую жизнь; такая полная бытайская формальность въ землѣ, крѣпкой только живыми своими началами, не могла не производить самыхъ гибельныхъ послѣдствій (стр. 16 на обор.). Рюриковъ родъ часто раздиралъ землю русскую неправильными или сомнительными притязаніями своихъ членовъ на старшинство и жадностью многихъ изъ нихъ къ увеличенію отчинъ (стр. 17 на обор.). Княжескій родъ съ его шаткимъ престолонаслѣдіемъ“ былъ склоненъ къ раздорамъ (стр. 20). „Много крови пролито было въ борьбѣ, много искаженій допущено въ жизни; безчувствіе и сонное равнодушіе наложили печать свою на побѣжденныхъ: гордость и слонность къ злоупотребленію вкрались въ душу побѣдителей; тутъ опять было глубокое раздвоеніе въ душевномъ настроеніи, въ бытѣ и характерѣ образованности“ (стр. 18 на обор.). Это раздвоеніе въ Россіи, разногласіе общиннаго быта народа съ властію княжескою продолжалось до царя Іоанна Грознаго, который „сокрушилъ притязанія дружины на независимость“ (стр. 16 на обор.). „Тотъ же Іоаннъ, который на половину отрѣкся отъ своей родины для подавленія боярства и всякой исключительной независимости, покровительствовалъ защитѣ и оставилъ по себѣ въ народныхъ сказаніяхъ благодарное воспоминаніе“ (стр. 19 на обор.).

Нѣкоторыя мѣста статьи Хомякова показываютъ, что онъ отдастъ преимущество древнему общинному порядку дѣль передъ государственнымъ правленіемъ и надѣется, что прежній порядокъ у насъ будетъ восстановленъ. Онъ говоритъ: „новая великая задача (общинная жизнь), которая ставила насъ выше Византіи, была отчасти угадываема и прекрасное предчувствіе ея отзывалось нерѣдко во многихъ вѣчнопамятныхъ словахъ и многихъ высокихъ дѣлахъ и учрежденіяхъ; но полное сознаніе было невозможно, а безъ сознанія было невозможно и направленіе; духъ цѣльнаго просвѣщенія не могъ побѣдить вещественныхъ препонъ, и исторія древней Руси, свидѣтельствуя съ одной стороны о великихъ и спасительныхъ шагахъ впередъ, которымъ

мы обязаны почти единственно православію, должна была свидѣтельствовать о множествѣ искаженій въ правѣ и жизни, объ одичаніи и паденіи, которымъ объясняется позднѣйшее стремленіе къ началамъ чуждымъ и иноземнымъ (стр. 31 на обор.). Великъ и благороденъ подвигъ всякаго человѣка на землѣ; подвигъ русскаго исполненъ надежды. Не жалѣть о лучшемъ пропедшемъ, не скорбѣть о нѣкогда бывшей вѣрѣ должны мы, какъ западный человѣкъ, но, помня съ отрадою о живой вѣрѣ нашихъ предковъ, надѣяться, что она озаритъ и проникнетъ еще полнѣе нашихъ потомковъ; помня о прекрасныхъ плодахъ божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, ожидать и надѣяться, что, съ помощію Божіею, та цѣльность, которая выражалась только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безпрестанно исчезавшихъ въ смутѣ и мятежѣ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотѣ въ будущей мирной и сознательной Руси... Русская земля предлагаетъ своимъ чадамъ... полюбить ее, ея прошлую жизнь и ея истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внѣшними наплывами, которыхъ не могъ избѣгнуть никакой народъ новой исторіи, создавшей неизвѣстное древности общество народовъ“ (стр. 33 на обор. и 34).

Во всей статьѣ ¹⁾ Хомяковъ показываетъ любовь свою къ отечеству; но онъ, по этой любви, не ищетъ въ нашей исторіи тѣхъ событій, которыя клонятся къ поддержанію величія нынѣшней Россіи, а старается отыскивать признаки какихъ-то общинъ, братства, въ родѣ общинъ коммунистовъ и фюреристовъ; древнихъ государей нашихъ старается представить неимѣвшими самодержавной власти, и все склоняетъ къ надеждамъ и желаніямъ, чтобы порядокъ общинный былъ восстановленъ въ нынѣшней Россіи. Съ такою цѣлью славянофилы рожутъ въ нашихъ древностяхъ! Хотя же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи своей Хомяковъ выражаетъ мысли и благонамѣренныя, но послѣднія остаются въ тѣни; и если онъ не имѣлъ возмутительной цѣли (ибо въ такомъ случаѣ не представилъ бы самъ сочиненія своего въ цензуру), то во всякомъ случаѣ умъ и занятія его получили направление весьма вредное²⁾.

¹⁾ Отъ этого слова до слѣдующей главы въ запискѣ зачеркнуто.

²⁾ Примѣчаніе въ запискѣ: «Хомяковъ отставной ротмистръ. Уже въ 1847 году было видно, что онъ принадлежитъ къ московскимъ славянофиламъ. Этотъ человѣкъ весьма ученый и поэтъ, убѣжденія его болѣе умственные, нежели душевныя; любить пренія и готовъ спорить за и противъ, занимается хозяйствомъ, а въ Москвѣ живетъ только по зимамъ».

III.

Константинъ Аксаковъ написалъ статью: „Богатыри временъ великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ“. Въ этой статьѣ изображены характеръ и подвиги Добрыни Никитича, Ильи Муромца, Ставра, Рахдая и другихъ богатырей, а равно пиры и домашняя жизнь самаго Владиміра не такъ, какъ повѣствуетъ исторія, а какъ описывается въ древнихъ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

Подобно Хомякову, К. Аксаковъ старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же, небывалаго въ Россіи, общиннаго порядка дѣлъ. Въ одной пѣснѣ сказано, что Владиміръ, дѣлая пиръ у себя, приказалъ брать со всякаго званнаго по 10 рублей, и К. Аксаковъ говоритъ: „Весьма замѣчательное указаніе; и такъ, этотъ княжескій пиръ — складчина; пиры складчиною — явленіе совершенно русское и древнее; вспомнимъ братчины, напр., братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и шировой староста; это также чисто общинное явленіе; это вольное видоизмѣненіе самородной общины, ея отпрыскъ... Къ такимъ же общиннымъ явленіямъ, возникшимъ изъ самой коренной общины, причисляемъ мы артель и даже казацкое устройство“ (стр. 94 и она же на обор.). Этого мало, даже въ хороводѣ сочинитель видитъ образъ русской общины (стр. 68).

Изъ другихъ пѣсней К. Аксаковъ выводитъ, что богатыри сидѣли у Владиміра не по аристократическому праву породы, и прибавляетъ, что: „аристократическое понятіе, образовавшееся на западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси; на богатырской скамьѣ сидѣли и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (кушца), и, наконецъ, Илья Муромецъ, крестьянинъ; всѣмъ имъ равный почетъ“ (стр. 68 на обор.). „Отношенія богатырей къ великому князю почтительны, но не подобострастны; они вольно собрались вокругъ него, зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ кievскимъ, охотно служатъ ему службы, но ни въ чемъ не выражается униженное или придворное ихъ отношеніе къ великому князю...; битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится воля и приволье“ (стр. 69 на обор. и 70).

К. Аксаковъ указываетъ на мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ Соловей-разбойникъ называетъ великаго князя воромъ (стр. 111); богатырь Тугаринъ Змѣевичъ цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя (стр. 82); а Алеша Поповичъ чуть не назвалъ ее сукою (стр. 84).

Еще въ одной пѣснѣ говорится, что Владиміръ, желая отбить жену у богатыря Данилы, отправилъ его на явную смерть и потомъ повелѣлъ убить его; но Данило предупредилъ это и самъ лишилъ себя жизни. К. Аксаковъ прибавляетъ къ этому: „Когда сила побѣждена силою, когда нѣтъ болѣе ея оскорбительнаго притязанія, Данило говоритъ: видно я сталъ не угоденъ князю,—и убиваетъ себя; въ этихъ словахъ вовсе не видать ни подобострастія, ни рабскаго чувства; отношенія богатырей къ великому князю были основаны на свободной привязанности“ (стр. 116 и она же на оборотѣ). Сверхъ того, К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калины. Хотя это и непріятельскій царь, но все неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ-царь! (стр. 100 на обор.)
 Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
 Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ! (стр. 101 на обор.)

Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, болѣею частію напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ; одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ—небывалыя въ Россіи—общину, вольницу и дерзаетъ богатырей (ставить) противъ великаго князя!

Константинъ Аксаковъ написалъ еще „Примѣчанія къ статьѣ Шенинга: Купало и Коляда“. Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ нѣсколько разъ опять упоминаетъ объ общинной жизни въ древней Россіи, утверждая, будто бы общинное начало неотъемлемо соединено съ существомъ славянина (стр. 168 и 169). Онъ говоритъ также: лѣсъ, поле, рѣка принадлежать всѣмъ; тамъ семьи исчезаютъ“ (стр. 170). Мысль совершенно коммунистическая.

Еще въ „Московскомъ Сборникѣ“ находятъ два стихотворенія Константина Аксакова, ничтожныя по содержанію, но и въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго духъ свободенъ и открытъ (стр. 176 на оборотѣ)¹⁾.

¹⁾ Примѣчаніе въ запискѣ: «Константинъ Аксаковъ, магистръ московскаго университета, живетъ въ Москвѣ, пропитанъ славянофильствомъ. Въ 1846 году онъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью: «Семиослѣтіе Москвы». Въ этой статьѣ, сверхъ неумѣстныхъ доказательствъ о преимуществѣ Москвы, какъ столицы имперіи, передъ С.-Петербургомъ, высказывались вообще мысли, несообразныя съ монархическимъ правленіемъ. За эту статью и сочинителю, и цензору сдѣлано было строгое замѣчаніе. Этотъ молодой человѣкъ не безъ ума и образованъ, добросовѣстенъ и хорошей нравственности, но его, какъ фанатика, трудно убѣдить въ ложности его мнѣній».

IV.

Издатель „Московского Сборника“, Иванъ Аксаковъ, помѣстилъ въ немъ нѣсколько и своихъ сочиненій, въ томъ числѣ два стихотворенія подъ заглавіемъ: „Подражанія Еврейской поэзіи“. Въ нихъ сочинитель, обращаясь къ человѣку, пребывающему въ бездѣйствіи, укоряетъ его за равнодушіе, тогда какъ въ мірѣ „блщятъ задачи“ и торжествуетъ зло; совѣтуетъ ему „страхнуть ярмо благоразумія“ и вызываетъ его „на дѣло общаго труда“. Оба стихотворенія темны и отъ этой неясности смыслъ ихъ подозрителенъ (стр. 225 и 226).

«На царство лѣни глядя незлобно,
Ты припрядешься удобно
Съ неправдой быта своего.

Страхни ярмо благоразумья,
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ душн!
Въ стремленъ въ истинѣ суровой
Не знай ни страха, ни стыда;
Позорь, греми укорнымъ словомъ,
Подъѣмля насъ горячимъ словомъ
На дѣло общаго труда!

Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лишь истину добыть!» (стр. 225).

«И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Высокихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла; и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался жребій скучный!

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка,
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій путь; есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... долбитъ и капля камень!» (стр. 225 и 226).

Еще пять небольшихъ статей Ив. Аксакова помѣщены въ смѣси „Московского Сборника“. Въ первой изъ нихъ: „О замѣчательномъ ремесленномъ устройствѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ярославской губерніи“ сочинитель описываетъ, что близъ Ярославля находятся четыре деревни и одно село, принадлежація разнымъ владѣльцамъ; что, лѣтъ 10 тому назадъ, въ этихъ деревняхъ, съ согласія помѣщиковъ, крестьяне дѣйствуютъ сами собою, управляясь всемірною сходкою и выбираемыми на ней бурмистрами и старшинами, которые остаются въ этомъ званіи пока міру будутъ любезны; помѣщики же въ дѣла

ихъ вовсе не вмѣшиваются; что крестьяне занимаются работами, каждый по призванію, и изъ выработанныхъ денегъ отсылаютъ оброкъ помѣщикамъ, а остальную прибыль раздѣляютъ по ровну между собою (стр. 345—349). Ив. Аксаковъ благодаритъ помѣщиковъ, которые, такимъ образомъ, „даютъ крестьянамъ полную возможность жить и устроиваться по-своему, не заводя у нихъ новыхъ порядковъ, не насильствуя ихъ быта, не преслѣдуя ихъ своимъ цивилизованнымъ попечительствомъ и какъ можно менѣе вмѣшиваясь въ ихъ управление“ (стр. 349 на оборотѣ). Сочинитель, находя въ устройствѣ упомянутыхъ деревень русской общинной бытъ, полагаетъ, что важно и полезно изучать этотъ бытъ: ибо „не законы созидаютъ жизнь и законами не вводятся въ бытъ народа нравственныя понятія, если они не находятъ опоры въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ, во всемъ строѣ самой народной жизни“ (стр. 345). Онъ отдаетъ совершенное преимущество этому общинному быту въ деревняхъ надъ бытомъ нашихъ городовъ, говоря, что городской бытъ существуетъ на основаніяхъ не совсѣмъ русскихъ, что цивилизація городовъ возникла на почвѣ корпорацій, привилегій и тому подобныхъ стѣснительныхъ учрежденій, противныхъ русскому общинному быту; что западный міръ, отрицающій пышное общественное благоустройство, „выстроилъ цѣлую грозную фалангу задачъ и вопросовъ общественныхъ, нравственныхъ, политико-экономическихъ, однако едва-ли найдеть онъ отвѣтъ всѣмъ этимъ задачамъ и вопросамъ и едва-ли не должно поискать имъ разрѣшенія въ самородномъ, нетронутомъ еще источникѣ русской народной жизни“ (стр. 344 и она же на оборотѣ).

Въ пятой статьѣ: „Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ“ Ив. Аксаковъ, какъ бы въ противоположность высокому, по его мнѣнію, общинному быту въ вышеозначенныхъ деревняхъ Ярославской губерніи, описываетъ жизнь провинціаловъ въ самыхъ дурныхъ краскахъ. Тамъ, по его словамъ, смотрятъ сквозь пальцы на всѣ злоупотребленія и развратъ: чиновники не стыдятся взяточничества, помѣщики сѣкутъ своихъ музыкантовъ за фальшивую ноту въ симфоніи Бетховена, тамъ явились эманципированныя дамы и дѣвицы, даются дѣтскіе балы (нравственное душегубство дѣтей), благотворительныя лотереи, богоугодные спектакли, маскарады въ пользу бѣдныхъ дамскаго общества, тогда какъ для полученія денегъ на всѣ эти огромные расходы помѣщики разоряютъ крестьянъ своихъ (стр. 357—369). „Конечно,—пишетъ Ив. Аксаковъ,—много похожего увидите вы и въ столицѣ; но зато въ столицѣ, и въ особенности въ Москвѣ, найдете вы всегда многочисленный кругъ людей, предавшихся

живымъ современнымъ интересамъ, съ серьезными взглядами на жизнь, съ строгими нравственными требованіями, людей, вырабатывающихъ намъ наше самосознаніе, неумоимо дѣйствующихъ на поприщѣ русской мысли и слова, неослабно трудящихся для общей пользы. Движеніе мысли не только не останавливается, но даже невольно сообщается и свѣтскому кругу, чуждому серьезныхъ занятій. Вотъ отчего въ столицахъ есть какая-то современность умственного и нравственного образованія, распространенная повсюду, есть какое-то общее знакомство съ настоящимъ положеніемъ всѣхъ задачъ и вопросовъ человѣчества (стр. 360). Еслибъ провинція, вмѣсто того, чтобъ быть рабскою копіей съ копіи и подражать тѣмъ (столицамъ), которыя, въ свою очередь подражаютъ образцу чужеземному, постаралась сильнѣе скрѣпить свою связь съ народнымъ бытомъ, къ которому она естественно болѣе, чѣмъ столицы, она могла бы получить важное значеніе въ дѣлѣ истинной русской образованности. Еслибъ губернскіе жители, вмѣсто того, чтобъ увлекаться блестящею пустотой столичной великосвѣтской жизни, приобщились къ тому серьезному, отчасти ученому, движенію мысли, которое, въ послѣднее время, въ Москвѣ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вырабатывалась, стремится сдѣлать насъ людьми изъ обезьянъ и самостоятельными дѣятелями изъ жалкихъ подражателей; еслибъ, повторяемъ, губернскіе жители были не чужды этого направленія, то жизнь ихъ немногочисленнаго общества была бы полна постоянныхъ, дѣльных, небезплодныхъ интересовъ. Провинциализмъ могъ бы занять законное мѣсто въ разработкѣ всѣхъ особенныхъ сторонъ многосторонняго русскаго духа!“ (стр. 369 на оборотѣ и 370).

V.

Князь Черкасскій помѣстилъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ статью: О подвижности народонаселенія въ древней Россіи, въ которой сочинитель излагаетъ исторію крѣпостнаго состоянія въ нашемъ отечествѣ. Основная мысль и князя Черкаскаго та, что въ древней Россіи жизнь была общинно-семейная; что „русская волость есть ничто иное, какъ агрегатъ безчисленнаго множества мелкихъ общинъ, составленныхъ изъ семей“ (стр. 188); что „порабощеніе варягское (призваніе Рюрика) оставило волость вольной общиной, платившею только извѣстную дань“ (стр. 190). Потомъ кн. Черкасскій задаетъ себѣ вопросъ: „какимъ образомъ вольные роды превратились въ подданныхъ смердовъ?“ (стр. 188 на оборотѣ). Отвѣтъ его на это тотъ, что „въ Россіи время Судебника (Іоанна III) союзъ общины

разорванъ, права собственности надъ землями отъ общины перешли къ отвлеченному лицу государя и великаго князя, или ко множеству частныхъ владѣльцевъ и помѣщиковъ; наконецъ, крестьянинъ, бездомный бобыль, вѣчно блуждая изъ края въ край по обширнымъ степямъ Россіи, изъ прежней неограниченной свободы сохранилъ одно право: разъ въ годъ по произволу мѣнять мѣстожителство и господина“ (стр. 188). Юрьевъ день, изъ всѣхъ неограниченныхъ правъ свободы, даровалъ поселянамъ худшую его сторону, безграничный произволь бродяжничества (стр. 218). „Вспомнивъ, — продолжаетъ кн. Черкасскій, — независимое состояніе русской волости, мы едва-ли можемъ себѣ представить, что самою, естественно, могло развиваться подобное ограниченіе крестьянской свободы, такъ явно носить оно на себѣ печать искусственнаго, положительнаго изобрѣтенія!... Ясно, что всякое стѣсненіе въ этомъ отношеніи свободы крестьянской могло быть лишь мѣрой полицейской, основанной на произвольныхъ договорахъ князей“ (стр. 197 на оборотѣ). Послѣ же того, какъ царь Борисъ Годуновъ укрѣпилъ крестьянъ на землѣ, въ Россіи продавали крестьянъ врознь, дочь отъ матери, сына отъ отца, какъ скотовъ (стр. 221 на оборотѣ и 222). Редакція Сборника прибавила къ этому, что „обычай продавать крестьянъ врознь возникъ только со времени Петра I“ (стр. 222 на обор.).

VI.

Кромѣ того, въ „Московскомъ Сборникѣ“ находятся статьи: „Воспоминанія о Державинѣ“, соч. Сергѣя Аксакова (отца Константина и Ивана Аксаковыхъ); „Купало и Коляда“, соч. Шенинга; „Русское посольство въ Польшу въ 1673 и 1677 гг.“, соч. Александра Попова; объ испытаніи англійскихъ и американскихъ машинъ, соч. Кошелева. Въ этихъ статьяхъ нѣтъ ничего, чтобы обращало на себя вниманіе въ политическомъ отношеніи.

Московскій ценсурный комитетъ, находя, что „въ статьяхъ Хомякова, Константина и Ивана Аксаковыхъ замѣтно какое-то недовольство настоящимъ образованіемъ, образомъ жизни и даже учрежденіемъ правительства, и высказывается стремленіе выставить намъ древній русскій бытъ въ преувеличенно лучшемъ видѣ, какъ заслуживающій безусловнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, одобренія и подражанія,—полагаетъ, что означенныя статьи, какъ вредныя, по развиваемымъ въ нихъ началамъ, несогласнымъ съ видами правительства, должны быть подвергнуты запрещенію, порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о ценсурѣ; статьи же прочихъ писателей, даже кн. Черкаскаго, за исключе-

віемъ только мѣсть въ сочиненіи послѣдняго, гдѣ говорится о свободѣ крестьянъ и вольной общинѣ, могутъ быть напечатаны“.

Согласно съ вышеизложеннымъ—3-го марта 1853 г.—печатаніе втораго тома „Московского Сборника“ было воспрещено. Спустя, однако, три года, именно 8-го февраля 1856 г., составителямъ тѣхъ же статей разрѣшено помѣстить свои труды во вновь основанномъ журналѣ „Русская Бесѣда“, а въ іюнѣ того же 1856 года главное управленіе ценсуры обсуждало вопросъ о томъ: должны-ли быть сохранены тѣ правила о ценсурѣ ученыхъ, литературныхъ и художественныхъ сборниковъ, которыя введены въ 1852 году, и усмотрѣвъ, что они имѣли исключительный характеръ, зависѣвшій отъ обстоятельствъ времени, уже миновавшихъ, постановило: предоставить министру народнаго просвѣщенія испросить высочайшее соизволеніе на отмѣну этихъ правилъ и на подведеніе сборниковъ подъ общія ценсурныя условія, каковая отмѣна тогда же воспослѣдовала.

ЗАМѢТКИ О СОБЫТІЯХЪ 1853 — 1854 ГГ.

(По поводу статьи «Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну»).

IV¹⁾.

Свѣдѣнія, сообщаемыя нѣмецкимъ авторомъ относительно плана кампаніи князя Варшавскаго требуютъ значительныхъ поправокъ. Когда возникли несогласія Россіи съ Оттоманскою Портой, имѣлось первоначально въ виду, на случай предстоящаго разрыва, произвести морскую экспедицію противъ Босфора, быстро двинуться къ Константинополю и окончить такимъ образомъ войну однимъ рѣшительнымъ ударомъ до прибытія къ мѣсту дѣйствій предполагаемыхъ союзниковъ Турціи. Но, по мнѣнію князя Меншикова, это морское предпріятіе на Царьградъ представлялось или весьма трудно выполнимымъ, или даже невозможнымъ дѣломъ; поэтому пришлось сообразить иной способъ дѣйствій, которому желательно было однако сохранить характеръ первоначально предполагавшійся, т. е. неожиданность. Предположено было произвести высадку въ Бургасскомъ заливѣ, овладѣть съ моря Варной и одновременно занять княжества, копечпо, при томъ непремѣнномъ условіи, что мы господствуемъ въ Черномъ морѣ. Въ это время (въ мартѣ 1853 года) князь Варшавскій находился въ Петербургѣ и императоръ Николай, конечно, пожелалъ узнать мнѣніе маститаго вождя относительно образа дѣйствій, котораго слѣдовало держаться при открытіи войны на востокѣ. Фельдмаршалъ изложилъ вкратцѣ мысли свои о турецкихъ дѣлахъ въ неподданнѣйшей запискѣ отъ 24-го марта 1853 г., въ которой онъ въ заключеніи говорилъ: „я бы могъ войти въ болѣнія подробности, еслибъ мнѣ предложены были вопросы, ибо нѣтъ края, который бы я зналъ, въ военномъ отно-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 603—642.

шеніи, какъ Европейская Турція, проведя тамъ пять или шесть лѣтъ, съ 1806 по 1811 годъ“. Предположенный противъ Турціи планъ кампаніи (высадка въ Бургасѣ) не былъ вообще одобренъ фельдмаршаломъ; притомъ назначенныя для этой экспедиціи войска онъ находилъ недостаточными для наступательнаго движенія въ Константинополь, по занятіи Бургаса, Варны и Адрианополя. Вышеупомянутый смѣлый планъ кампаніи князь Варшавскій предложилъ замѣнить полумѣрой, приведенной, въ сожалѣнію, въ исполненіе лѣтомъ 1853 г. и послужившей роковой исходной точкой восточной войны. Приведемъ ниже относящійся къ этому отрывокъ изъ записки князя Ивана Федоровича:

„Если же смотрѣть на турецкія дѣла съ другой точки зрѣнія, то можно бы за неисполненіе турецкимъ правительствомъ заключенныхъ трактатовъ прежде всего занять княжества и объявить, что они до тѣхъ поръ не будутъ очищены, пока Турція не выполнитъ своихъ обязательствъ“.

„Занятіе княжествъ не потребуеетъ болѣе двухъ, трехъ дивизій. Княжества могутъ ихъ содержать; по крайней мѣрѣ, фуражъ намъ ничего не будетъ стоить“.

„Въ княжествахъ, по слухамъ, мы найдемъ до 10,000 регулярнаго войска. Его слѣдуетъ увеличить до 20,000. Между тѣмъ можно воспользоваться оставшимся вліяніемъ нашимъ на христіанскія племена въ Турціи, на болгаръ и даже сербовъ. Вопросъ о святыхъ мѣстахъ для нихъ дѣло священное. Они сами будутъ переходить къ намъ за Дунай. Имъ недостаетъ оружія и пороху; дать имъ то и другѣе, сдѣлавъ предварительно запасъ до 30,000 ружей въ Измаилѣ“.

„Регулярныя войска княжествъ будутъ служить зерномъ христіанскаго ополченія въ Турціи и тогда, по мѣрѣ формировапія по баталіонно, прикомандировывать ихъ къ нашимъ полкамъ, употребляя ихъ болѣе въ стрѣлки. Подобнымъ образомъ можно поступать и въ отношеніи ихъ конницы. Въ случаѣ военныхъ дѣйствій, они сначала не будутъ стойки, но потомъ приучатся. Такъ поступали Веллингтонъ въ Португаліи, Михельсонъ, въ Сербіи. Въ турецкую войну 1829 г. было 5 полковъ конницы и 1 баталіонъ персидской пѣхоты. Они служили очень хорошо; только надо дать имъ хорошее содержаніе“.

„При занятіи нами княжествъ и при вооруженіи христіанъ, Турціи остается: или согласиться на исполненіе всѣхъ условій трактатовъ, или собрать свою армію и рѣшиться на сраженію. Тѣмъ лучше. Турки сильны въ крѣпостяхъ: въ полѣ мы должны ихъ разбить и однимъ ударомъ разсѣять ихъ армію. Тогда все пространство очистится и даже съ небольшими силами можно зайти далеко“.

„Конечно, между тѣмъ, наша черноморская торговля потерпитъ“.

„Но торговля, во всякомъ случаѣ, какъ скоро война, должна терпѣть“.

„Кто знаетъ, можетъ быть, съ занятіемъ Молдавіи и Валахіи только какъ залогъ, какъ ручательство исполненія трактатовъ, торговля непремѣнно потерпитъ, но, можетъ быть, менѣе, чѣмъ въ случаѣ большой войны“.

„Иностранныя державы принуждены будутъ найти сіе условное занятіе княжествъ справедливымъ возмездіемъ за неисполненіе турками трактатовъ“.

Мнѣніе князя Варшавскаго восторжествовало, русскія войска заняли лѣтомъ 1853 года придунайскія княжества „какъ залогъ“. Выраженіе это, встрѣчающееся въ запискѣ фельдмаршала, вошло даже въ высочайшій манифестъ, 14-го іюня 1853 г. возвѣстившій Россіи вступленіе арміи въ предѣлы Турціи. Между тѣмъ на западѣ собиралась гроза и неизбежное столкновеніе съ Портой грозило перейти въ обще-европейскую войну; въ виду измѣнившихся обстоятельствъ князь представилъ рядъ новыхъ, весьма замѣчательныхъ записокъ о турецкихъ дѣлахъ.

Въ первой изъ нихъ, относящейся къ ²/₁₄ іюля, обращено особенное вниманіе на продовольственный вопросъ; сущность этихъ соображеній изложена въ нижеслѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ того же числа:

..... „Мнѣ кажется, что если бы, несмотря на занятіе княжествъ, турки, подстрекаемые другими, продолжали упорствовать или сами насъ атаковали и тѣмъ заставили бы насъ объявить имъ войну, — то что въ такомъ случаѣ дѣлать. Всѣ прежнія войны наши въ Турціи доказываютъ, что наши неудачи и потери происходили не отъ одного неприятеля, но отъ недостатка всѣхъ родовъ въ голодномъ краѣ и отъ болѣзней, частію отъ того происходящихъ. Чтобы отвратить это, долгомъ первой важности было бы закупить теперь же въ Одессѣ хлѣба и сдѣлать неприкосновенный магазинъ до перехода за Балкапы. Перевести его, если можно, моремъ, а если неприятельскіе флоты не допустятъ, то изъ Одессы въ Измаиль и до Гирсова, а оттуда до Варны съ небольшимъ 100 верстъ¹⁾. На счетъ же размѣщенія войскъ при началіи военныхъ дѣйствій, я думаю, что лучше не занимать Малой Валахіи²⁾, а держаться на Дунаѣ, отъ Гирсова до Вукареста, такъ

¹⁾ Отсюда видно, что князь Варшавскій, противно мнѣнію писателя автора, полагалъ вести войну въ Европейской Турціи и не владѣя Чернымъ моремъ.

Н. III.

²⁾ Въ запискѣ сказано: «Конечно, турки могутъ вторгнуться въ Малую Валахію и разорять христіанъ, но мы не въ состояніи защищать ихъ всѣхъ. Въ

что только квадратъ съ небольшимъ въ сто верстъ отъ Гирсова на Варну, Шумлу, Рущукъ и Силистрію будетъ мѣстомъ первыхъ нашихъ дѣйствій“.

Во всей подробности князь Паскевичъ развилъ свои мысли о предстоявшей войнѣ съ Портой въ двухъ запискахъ, представленныхъ императору Николаю въ Варшавѣ, въ сентябрѣ 1853 года; въ нихъ особенное значеніе придавалось вооруженію христіанскихъ племенъ Турціи, признаваемому фельдмаршаломъ важнымъ средствомъ для обезпеченія за нами успѣха. Мысль воспользоваться, въ случаѣ войны, вліяніемъ своимъ на христіанскія племена въ Турціи и вооружить, какъ говоритъ князь Варшавскій, — мысль не новая: „Она естественно представлялась въ каждую турецкую войну, какъ средство наносить непріятелю вредъ, ибо естественно также въ войнѣ искать и употреблять всѣ возможныя средства наносить непріятелю вредъ для достиженія цѣли войны, т. е. мира“.

„Еще въ кампаніи 1773 и 1774 годовъ, графа Румянцева, въ послѣдствіи, въ 1788 — 1791 годахъ, князя Потемкина, формировали крестьянскія ополченія подъ названіемъ арнаутовъ. Въ 1806 году, князь Ипсиланти, бывшій причиною войны, также дѣлалъ попытки вооруженія христіанъ; обѣщалъ выставить до 20,000 пѣшихъ и конныхъ, издержалъ большія суммы и не выставилъ болѣе 5.000 человекъ, а въ сраженіи мы никогда не имѣли и 2.000 человекъ. Въ сіи попытки не приносили, однако, намъ пользы. Онѣ основаны были на вліяніи нашемъ на христіанъ и на жестокостяхъ ихъ положеніи въ Турціи. Основаніе было вѣрно; но не доставало корня, зерна, изъ котораго могли разрастаться ополченія христіанъ; не доставало учителей и кадръ, которые бы дали прочное и правильное основаніе отчаянной, но нестройной толпѣ, и, наконецъ, не доставало умѣнія употребить ихъ въ дѣло“.

„Нынѣ неудобства сіи могутъ быть устранены. Войска Молдавіи и Валахіи, до 10,000 человекъ, должны служить зерномъ христіанскихъ ополченій нашихъ въ Турціи“.

.....„Я остаюсь убѣжденнымъ, что, сформировавъ мало по малу до 40 и 50,000 человекъ изъ туземныхъ христіанъ, намъ одного или двухъ корпусовъ достаточно будетъ противъ Турціи на европейской сторонѣ, хотя бы ее и поддерживали европейскія державы“.

Что же касается предположеній князя Варшавскаго относительно наступательныхъ дѣйствій въ Европейской и Азіятской Турціи, то они

эту ошибку мы всегда впадали, начиная отъ Миниха и Румянцева до Каменскаго.

Н. III.

отличаются ясностію и убѣдительностію своихъ доводовъ и требуютъ отъ главнокомандующаго смѣлхъ и быстрыхъ рѣшеній; послѣднему преподаются въ запискахъ прекрасныя совѣты, о которыхъ фельдмаршалъ, къ сожалѣнію, самъ забылъ, когда онъ вступилъ въ командованіе арміею и на него легло бремя отвѣтственности, которое было ему въ то время уже не по силамъ; мало того, онъ сталъ даже дѣйствовать наперекоръ собственнымъ доводамъ.

Для поясненія этой разницы въ прежнихъ и послѣдующихъ возрѣніяхъ Паскевича, стоитъ привести хоть, на примѣръ, его замѣтку о предполагаемой осадѣ Варны: „Движеніе къ Варнѣ должно быть, по возможности, быстрое, съ осадною артиллеріею, дабы не ждать ее, и съ большимъ количествомъ снарядовъ и прочихъ артиллерійскихъ запасовъ. По приходѣ къ Варнѣ, необходимо на другой же день открыть траншеи, а на третій и четвертый день начать стрѣльбу. По опыту извѣстно, что ничто такъ не страшитъ непріятели, какъ скорое открытіе работъ и безостановочное движеніе ихъ впередъ, по правиламъ инженернаго искусства“.

Любопытно сравнить этотъ правильный взглядъ на осадное искусство съ нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій фельдмаршала подъ Силистріею въ 1854 году!... Впрочемъ, въ послѣдующихъ замѣткахъ мы еще неоднократно возвратимся къ силистріиской осадѣ.

Наконецъ, въ обширной запискѣ, въ формѣ письма, отъ 29-го декабря 1853 года, предназначавшейся для князя Горчакова и представленной на высочайшее благоусмотрѣніе, князь Варшавскій подвергъ критическому разбору предположенія командующаго войсками на Дунаѣ и развилъ собственный взглядъ на открытіе кампаніи 1854 года. Фельдмаршалъ полагалъ начать наступательныя дѣйствія во второй половинѣ февраля, перейдя Дунай въ низовьяхъ, взять турецкія крѣпости на правомъ берегу и обратить эту рѣку въ большую дорогу для всѣхъ нашихъ транспортовъ. По расчету князя Варшавскаго, переправа потребовала бы два-три дня; взятіе Исакчи четыре-пять дней; два перехода до Мачина; взятіе Мачина—три дня; три марша до Гирсова; взятіе Гирсова—пять дней; пять дней до Силистріи—всего 24 или 25 дней. „Слѣдственно, около 15-го или 20-го числа марта можно быть подъ Силистріею“ „Подойдя къ Силистріи, начать осаду немедленно, такъ, чтобы открыть огонь на четвертый или пятый день. Это имѣетъ великое вліяніе на осажденныхъ. Если ничто не воспрепятствуетъ, то Силистрія можетъ быть взята въ три педѣли. Вѣроятно однако, что турки прибѣгутъ на помощь Силистріи съ верховья Дуная..... Они, вѣроятно, постараются собрать сюда всю свою армію,—этого я бы и желалъ... у насъ было бы: 5 пѣхотныхъ дивизій, 1½ дивизіи

кавалеріи, казаки, артиллерія,—всего до 85,000 человекъ, а съ такими силами можно бы стать не только противъ турецкой, но и противъ европейской арміи. Турковъ же можно разбить и разсѣять, отнять половину орудій и преслѣдовать, по вѣрней мѣрѣ, на два перехода“.

Приведенныя нами изъ этой записки выдержки доказываютъ, насколько князь Варшавскій отступилъ въ послѣдствіи отъ собственной программы, которую призналъ невыполнимой, совершенно отказавшись отъ всѣхъ заключающихся въ ней предположеній.

Въ началѣ 1854 года Паскевичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками на западной и южной границахъ; съ полученіемъ новаго важнаго назначенія, князь Варшавскій до 15-го апрѣля 1854 года не представлялъ болѣе записокъ о положеніи дѣлъ, ограничиваясь одними всеподданнѣйшими письмами. Но какъ измѣнились воззрѣнія нашего вождя за этотъ короткій періодъ времени! прежнія смѣлыя предположенія замѣняются позорными опасеніями, что придется „бѣжать изъ княжествъ и пробиваться сквозь окружающаго насъ непріятеля“, въ случаѣ, если Австрія присоединится къ союзникамъ Порты. Поэтому фельдмаршалъ находилъ, что „благоразуміе требовало бы теперь же оставить Дунай и княжества и стать въ другой позиціи, гдѣ мы можемъ быть также сильны, какъ теперь слабы на Дунаѣ. Позиція эта должна быть за Серетомъ, даже за Прутомъ“.

Изъ помѣщенныхъ выше выдержекъ видно, что, согласно плану кампаніи князя Варшавскаго, вовсе не слѣдовало искать черезъ Вѣну пути въ Константинополь. Можетъ, таково было личное частное мнѣніе Паскевича, которое онъ не скрывалъ подчасъ отъ окружающихъ лицъ, и обусловленное ходомъ дипломатическихъ переговоровъ съ Австріею, но отсюда еще далеко до формальнаго плана кампаніи съ цѣлью открыть дѣйствія противъ Вѣны.

V.

Подробности о переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай заимствованы въ нѣмецкой статьѣ изъ записокъ генерала Ушакова о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ; нигдѣ, однако, какъ выше упомянуто, авторъ не считаетъ нужнымъ указывать на этотъ источникъ, которымъ онъ, впрочемъ, мѣстами пользуется весьма оригинальнымъ образомъ. Такъ, на примѣръ, въ нѣмецкой статьѣ сказано: „10-го (22) марта, между 9-ю и 10-ю часами вечера, прибылъ курьеръ изъ Варшавы“. Между тѣмъ въ запискахъ генерала Ушакова мы читаемъ слѣдующее: „Въ ночь съ 9-го на 10-е (марта) число прибылъ къ князю Горчакову курьеръ изъ Варшавы“. Выишемъ для даль-

нѣйшаго сравненія послѣдующій затѣмъ рассказъ генерала Ушакова, драгоцѣнный для насъ какъ показаніе непосредственнаго свидѣтеля этого происшествія: „Изъ бумагъ, имъ доставленныхъ, мы узнали, что фельдмаршалъ, князь Варшавскій, назначенъ высочайшимъ приказомъ главнокомандующимъ западною и южною, или нашею, арміями. Объ этомъ извѣщалъ и самъ фельдмаршалъ въ частномъ письмѣ, составленномъ на-скоро, и совѣтовалъ не переправляться за Дунай, если переправа не была еще исполнена. Совѣтъ этотъ видимо встревожилъ князя Горчакова; но какъ письмо читано было при начальникѣ штаба, генералъ-квартирмейстерѣ и при мнѣ, то мы единогласно представили князю, что было бы чрезвычайно странно, послѣ всѣхъ приготовленій, отложить предпріятіе, хорошо обдуманное, исполненія котораго такъ нетерпѣливо ожидаетъ вся Россія, и при томъ отложить безъ высочайшаго на то повелѣнія. Слова наши имѣли успѣхъ: рѣшено было перейти на правый берегъ Дуная въ назначенный день, а потомъ ожидать новыхъ инструкцій отъ фельдмаршала“.

VI.

Нѣмецкій авторъ статьи: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну“ утверждаетъ, что князь Варшавскій узналъ окольными путями о подготовленіяхъ къ переправѣ черезъ Дунай и, полагая, вѣроятно, что выполнение сего предпріятія можетъ быть предпринято безъ его вѣдома, онъ пожелалъ этому воспрепятствовать. Мигніе это совершенно неосновательно и рѣшительно не можетъ выдержать исторической критики¹⁾. 2-го (14) февраля 1854 г. фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Варшавы, по высочайшему повелѣнію, въ Петербургъ, и здѣсь обсуждался планъ предстоящей кампаніи, который былъ имъ одобренъ, о чемъ империю упоминаетъ императоръ Николай въ письмѣ князю Горчакову отъ 8-го марта. Возвратившись 14-го марта въ Варшаву, Паскевичъ писалъ государю въ тотъ же день слѣдующее о предпологаемой переправѣ черезъ Дунай: „...Судя по слѣдующимъ распоряженіямъ, ожидать должно, что переправа за Дунай, вѣроятно, будетъ произведена согласно предположенію. Дай Богъ, чтобы она удалась“.

Кажется, что этихъ краткихъ указаній достаточно, чтобы возстановить истину, а если приказанія, получаемыя княземъ Горчаковымъ изъ Петербурга и Варшавы, дѣйствительно противорѣчили другъ другу, то вина падаетъ исключительно на фельдмаршала, который помимо объявленной ему непремѣнной воли государя, послалъ сначала

¹⁾ Императоръ Николай послалъ даже князю Варшавскому копию письма къ князю Горчакову.

письменный совѣтъ—не переправляться за Дунай, а двумя днями позже положительное предписание—не переходить этой рѣки!!! Для надлежащей оцѣнки этого факта нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшіе комментаріи.

VII.

Исслѣдователя эпохи Крымской войны должно поразить странное обстоятельство, что среди официальной переписки о важнѣйшихъ событіяхъ того времени нашлось мѣсто для обмѣна мыслей относительно поэтического произведенія князя М. Д. Горчакова. Солдатская пѣсня его была написана въ Мачинѣ и приложена къ французскому письму военному министру, въ которомъ она поручалась его покровительству¹⁾. Согласно разсказу генерала Ушакова, все это было составлено въ Мачинѣ. „Разумѣется, при такомъ настроеніи не было и рѣчи объ отправленіи курьера изъ Мачина“; а затѣмъ надъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о переправѣ черезъ Дунай работали уже всю ночь въ Браиловѣ. Кажется, что здѣсь генераль Ушаковъ впалъ въ ошибку, не упомянувъ о томъ, что князь Горчаковъ, помимо поэтическихъ упражненій, отправилъ, 13-го марта 1854 г., изъ Мачина государю съ флигель-адъютантомъ Мирбахомъ всеподданнѣйшее письмо, въ которомъ онъ вкратцѣ изложилъ благополучную переправу за Дунай во всѣхъ трехъ пунктахъ; содержаніе этого собственноручнаго письма слѣдующее:

„Имѣю счастье доложить В. И. В., что походъ 1854 года открытъ съ честью для вашего оружія. 11-го марта войска ваши овладѣли правымъ берегомъ Дуная на трехъ пунктахъ: 1) отъ Галаца, безъ боя, главнымъ отдѣломъ подъ командою генерала Лидерса, ибо турки насъ тутъ не ожидали; 2) отъ Браилова, съ боя, отдѣломъ подъ личнымъ моимъ начальствомъ; здѣсь уронъ былъ незначителенъ—всего около 50 человѣкъ, потому что все дѣло преимущественно исполнено артиллерією, которая была прикрыта эполементами; къ сожалѣнію, въ числѣ раненыхъ находится и инженерный генераль Дубенской, которому оторвало ногу; 3) отъ мыса Четала, отдѣломъ подъ командою генерала Ушакова; тутъ бой былъ кровопролитный, но за то и самый блистательный. Нашимъ пришлось штурмовать весьма сильныя редуты. Непріятель понесъ огромную потерю убитыми; взято у него 9 орудій и болѣе 150 плѣнныхъ. Русскіе потеряли около 400 человѣкъ убитыми и ранеными.

¹⁾ Военный министръ отвѣчалъ князю Горчакову на счетъ пѣсни 21-го марта: „...Государь императоръ читалъ ваши стихи и остался имп. очень доволенъ. Онъ приказалъ Львову положить ихъ на музыку. Я пришлю ее вамъ, коль скоро она будетъ окончена.“

„Изумленный непріятель безъ дальнѣйшаго сопротивленія бросилъ Тульчу, которую занялъ вчера генераль Ушаковъ, и Мачинъ, откуда я имѣю счастье посылать настоящее донесеніе.

„Мачинъ и Тульча были окружены весьма сильными полевыми укрѣпленіями; взять ихъ съ бою нельзя бы было не потерявъ нѣсколько тысячъ храбрыхъ. Въ Мачинѣ было отъ 10 до 15,000 турокъ; въ Тульчѣ отъ 5 до 6,000. Я ожидаю, что Исакча будетъ сегодня или завтра оставлена непріателемъ.

„Войска В. И. В., отъ генерала до рядоваго, достойны всякой похвалы; они дышатъ мужествомъ и готовностью умереть за нашу славу. Наиболѣе отличились: генераль Шильдеръ возведеніемъ весьма замѣчательныхъ батарей и созданіемъ, такъ сказать, двухъ мостовъ (у Галаца и Браилова) изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для одного. Генераль Коцебу командованіемъ передоваго отряда при высадкѣ у Браилова, и генераль Ушаковъ, предводительствовавшій войсками, прославившимися подъ Тульчею. Полковникъ Мирбахъ, посланный съ настоящимъ донесеніемъ, былъ постоянно съ охотниками передовыхъ войскъ.

„Завтра я буду имѣть счастье повергнуть В. И. В. подробное донесеніе изъ Браилова, гдѣ увижусь съ генераломъ Лидерсомъ, коего войска приближаются сегодня къ Мачину обходною дорогою на Жижило, и ночью отправлюсь въ Букарестъ, гдѣ считаю присутствіе мое теперь необходимымъ.

„Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр. Князь Горчаковъ 2-й“.

Государь прислалъ князю Горчакову, за переправу черезъ Дунай, собственный портретъ, украшенный алмазами, при весьма милостивомъ письмѣ¹⁾, въ которомъ встрѣчаются слѣдующія слова:

„...Въ знакъ моей особой благодарности за твою вѣрную и отличную службу и того искренняго уваженія и дружбы, которыя къ тебѣ питаю, желаю, чтобы изображеніе того, которому ты оказываешь столько услугъ, было съ тобой неразлучно, какъ знакъ его признательности“.

Ко времени уснѣшнаго запитія нашими войсками праваго берега Дуная, союзники не были еще готовы къ открытію кампаніи и, какъ тогда справедливо полагали, никакъ не ранѣе мѣсяца можно было ожидать появленія ихъ съ десантомъ въ какомъ-либо пунктѣ приморскаго прибрежья²⁾. „Этотъ мѣсяцъ надо употребить въ пользу“, пи-

¹⁾ Независимо отъ высочайшаго рескрипта, въ которомъ встрѣчалось выраженіе: «Видя въ семь поддѣтъ залогъ будущихъ уснѣховъ противу враговъ святой вѣры и отечества».

Н. III.

²⁾ Въ концѣ марта мѣсяца находилось только 13,000 французовъ въ Галлиполи и 9,000 англичанъ на островѣ Мальтѣ.

Н. III.

салъ государь 20-го марта князю Горчакову. Дѣйствительно, императоръ Николай желалъ продолжать немедленно наступательныя дѣйствія. чтобы извлечь возможную пользу отъ удачно открытаго похода 1854 ода. Въ такомъ же смыслѣ государь писалъ князю Паскевичу, находившемуся въ это время еще въ Варшавѣ, готовясь выѣхать въ приданайскія княжества для принятія главнаго начальства надъ арміею.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ этой переписки:

(Изъ письма государя отъ 22-го марта): ...„Третьяго дня, вечеромъ. прибылъ отъ Горчакова изъ Мачина фл.-ад. Мирбахъ съ радостнымъ извѣстіемъ о благополучно совершенной переправѣ и овладѣніи Тульчей и Мачинымъ. Слава Богу, слава Горчакову и молодецкимъ войскамъ! Шагъ важный, ежели съумѣемъ или удастся воспользоваться его впечатлѣніемъ... не надо, кажется, терять время и немедленно готовиться приступить къ осадѣ Силистріи,—главной цѣли всей кампаніи 1854 года. Оно особенно важно уже и тѣмъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ оттянетъ часть силъ союзниковъ, вхѣсто атаки нашихъ береговъ, къ Варнѣ и къ вспомоществованію Силистріи. Прошу, отецъ командиръ, вникнуть въ эту мысль и дать твои приказанія Горчакову въ этомъ смыслѣ, ежели ты не противенъ сему. Упустимъ мы воспользоваться теперешнимъ успѣхомъ и его впечатлѣніемъ на турокъ, подобнаго удобства не встрѣтимъ впередъ на долго, и сомнѣнія нѣтъ, что союзники симъ воспользуются, чтобъ начать свои покушенія, къ которымъ они, какъ кажется, еще не готовы... Вотъ копія моего письма Горчакову. Твои предписанія ему и Сажену читалъ, очень хороши и согласны моимъ видамъ. Теперь только, ради Бога, не будемъ терять время, надо воспользоваться теперешнимъ впечатлѣніемъ и время дорого“.

(Изъ всеподданнѣйшаго письма князя Варшавскаго отъ 21-го марта):

„Имѣю счастье поздравить В. И. В. съ благополучнымъ переходомъ войсками вашими Дуная. Сейчасъ я получилъ подробное о томъ донесеніе отъ князя Горчакова, который донесъ уже прямо къ вашему величеству. Слава Богу, переходъ совершенъ блистательно и почти безъ потерь. Князь Горчаковъ пишетъ мнѣ, что онъ живъ бы не остался, если бы переправа не удалась. Для насъ важно имѣть мостъ, а генералъ Шильдеръ устроилъ ихъ два. Кромѣ того, дѣйствіе на Дунаѣ будетъ служить диверсіею и для грековъ. Занятіе Гирсова намъ теперь не помѣшаетъ, ибо, по всѣмъ извѣстіямъ, десантовъ нельзя ожидать прежде половины апрѣля; слѣдовательно, успѣемъ еще отвести войска, когда будетъ нужно. ...Теперь все зависитъ отъ поведенія Австріи“.

(Изъ письма государя отъ 24-го марта):

„...Какъ бы хорошо подступить покуда къ Силистріи и тѣмъ предупредить затѣи союзниковъ. Быть можетъ, Омеръ-паша выйдетъ : намъ изъ Шумлы или Руцука, и его разбить до прихода союзниковъ .

„Во всякомъ случаѣ полагаю, что нашъ переходъ черезъ Дунай измѣнить нѣсколько ихъ затѣи десантовъ къ намъ, а мы до того успѣемъ быть вездѣ готовыми къ отпору, не такъ-ли?“

(Изъ письма государя отъ 26-го марта):

...„Мнѣ бы хотѣлось приступить къ Силистріи, устроявъ или переедая одну изъ переправъ къ Каларашу, въ особенности, если турки продолжали отступать и Лидерсъ, за ними слѣдя, могъ пройти Черноводы. Прикрывшись справа у Букареста тремя дивизіями, какъ отъ Малой Валахіи, такъ и отъ Руцука, одна дивизія, напримѣръ, 8-я, могла бы послана быть къ Каларашу. Но ежели турки изъ-подъ Калафата пошли впередъ за Липранди, то выждать, чтобъ отошли марша на три или четыре отъ Дуная, и въ такомъ случаѣ, ничего не отдѣляя, совокупными силами, т. е. 4-мя дивизіями пѣхоты и двумя кавалеріи, идти прямо на нихъ, и съ Божіею помощію разбить и сильно преслѣдовать кавалеріею. Тогда еще удобнѣе будетъ отдѣлать не только одну, но, быть можетъ, и двѣ дивизіи къ Каларашу, и тамъ, переправясь, подвигаться съ Лидерсомъ и обложить Силистрію. Ежели Омеръ-паша съ главными силами выпелъ бы на встрѣчу, думаю, что его надо бы тогда же атаковать и стараться разбить до прихода союзныхъ силъ, которыя врядъ-ли изъ Варны быть могутъ ранѣе 15-го (27) апрѣля и то, думаю, не въ полномъ числѣ, ежели часть ихъ останется въ Босфорѣ и Дарданелахъ, и быть можетъ, и въ Варнѣ. Тоже не ранѣе сего ожидать можно и десантовъ, которыми страцаютъ... душевно желаю, чтобы мы извлекли всю возможную пользу изъ столь неожиданныя благополучнаго начала...“

„Да благословитъ Господь Богъ новый твой походъ и да дастъ тебѣ новый вѣнецъ славы въ продолженіе персидскаго, турецкаго, польскаго и венгерскаго походовъ“.

Послѣдующія событія доказали, какъ вѣрно императоръ Николай оцѣнивалъ обстоятельства; но князь Варнавскій, изъ чрезмѣрнаго опасенія Австріи, не захотѣлъ извлечь возможныхъ выгодъ изъ занятія праваго берега Дуная. Между тѣмъ, вся тактика Австріи состояла въ томъ, чтобы держать насъ въ недоумѣніи своими коварными замыслами, и непрестанно страдать занятіемъ княжествъ; къ несчастію, этотъ политическій маневръ имъ вполне удался.

VIII.

31-го марта 1854 г. военный министр снова писалъ князю Горчакову о его солдатской пѣснѣ:

...„Я уже увѣдомилъ васъ, что государь императоръ прочелъ ваши прекрасные стихи съ большимъ удовольствіемъ; они достойны того, чтобы сопровождать извѣстіе о переправѣ черезъ Дунай. Его величество тогда же поручилъ тайному совѣтнику Львову положить ихъ на музыку. Г. Львовъ только что окончилъ свой трудъ и я спѣшу приложить къ сему письму его музыкальное произведеніе. Я попросилъ у него еще двѣ партитуры, изъ которыхъ одна предназначена для пѣхотныхъ полковъ, другая же—для стрѣлковъ. Я не замедлю прислать ихъ вамъ“.

Пѣсня князя Горчакова была въ свое время напечатана; считаемъ, однако, не безъинтереснымъ приложить ее къ нашимъ замѣткамъ, по списку, сообщенному ред. „Русской Старины“ М. М. Богоявленскимъ:

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
 Кто на смерть всегда готовъ!
 Православный русскій воинъ,
 Не считая, бьетъ враговъ.
 Что французы, англичане?
 Что турецкій глухой строй?
 Выходите, басурмане,
 Вызываемъ васъ на бой!
 Кровошійцы православныхъ!
 Богъ наважетъ васъ черезъ насъ.
 Покровители поганыхъ!
 Вѣчный стыдъ и срамъ на васъ.
 За царя и за Россію
 Мы готовы умирать;
 За царя и за Россію
 Будемъ васъ на штыкъ сажать!
 Чувства мужества намъ сродны,
 Не страшна намъ смерть въ бояхъ:
 Богу храбрые угодны, —
 Имъ награда въ небесахъ!

IX.

Въ началѣ мая 1854 года подъ Силистрією было собрано:

1) На правомъ берегу Дуная: 9-я и 15-я пѣхотныя дивизіи съ артиллерією, 1-я бригада 3-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конной батареею № 5-й, 5-й саперный баталіонъ, 3-й и 5-й стрѣлко-

вые баталіоны, два донскихъ полка №№ 9-й и 22-й. Всего 35 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 12 сотень и 9 батарей.

2) На лѣвомъ берегу, у Калараша: 8-я пѣхотная дивизія съ артиллеріею, Камчатскій егерскій полкъ, 3-й саперный баталіонъ, 1-я бригада 4-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конной батареею № 7-й, легкія батареи №№ 3-й и 4-й (11-й артиллерійской бригады), донская батарея № 9-й, три сотни донскаго № 34-го полка. Всего 21 баталіонъ, 14 эскадроновъ, 3 сотни и 8 батарей.

Въ послѣдствіи осадная армія возрасла до 77 баталіоновъ, 68 эскадроновъ, 27 сотень при 266 орудіяхъ (изъ нихъ 52 осадныхъ). Къ концу осады подъ Силистріею находилось до 90,000 человѣкъ; затѣмъ имѣлось еще здѣсь два военныхъ парохода, нѣсколько канонаирскихъ лодокъ, 3 артиллерійскихъ парка, осадный инженерный и понтонный паркъ, 4 подвижныхъ госпиталя и госпиталь въ Каларашѣ—всего на 2,400 человѣкъ.

Численность силистрійскаго гарнизона въ началѣ осады простиралась до 12,000 человѣкъ; въ послѣдствіи, благодаря мѣропріятіямъ князя Варшавскаго, недопустившаго обложить крѣпость, онъ постепенно усилился до 18,000 человѣкъ.

X.

Дѣло полковника Карамзина въ отрядѣ генерала Липранди, случилось 16-го мая 1854 г., въ день неудачнаго штурма генераломъ Сельваномъ форта Арабъ-Табии подъ Силистріею. Виповникъ этого несчастія принялъ бой, вопреки инструкціи, на невыгодной позиціи, имѣя въ тылу болотистую рѣчку, текущую въ глубокомъ оврагѣ; передъ этимъ же, онъ утомилъ свой отрядъ (всего 700 человѣкъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ) движеніемъ на рысяхъ съ привала, на протяженіи болѣе 10-ти верстъ. Выбыло изъ строя почти пятая часть отряда; артиллерія досталась въ руки турокъ.

Фельдмаршалъ сдѣлалъ генералу Липранди письменное замѣчаніе и приказалъ строжайше изслѣдовать виновника пораженія. Въ результатъ оказалось, что единственный виновникъ въ несчастномъ дѣлѣ Александрійскаго полка, полковникъ Карамзинъ, увлекшійся неумѣстной отвагой. „Дай Богъ, чтобъ подобное не повторилось, писалъ государь князю Варшавскому, ибо ничего для меня нѣтъ прискорбнѣе, какъ подобная бесполезная трата драгоцѣннаго войска“.

Сообщ. Н. Е. Шильдеръ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Указъ императрицы Елисаветы

1744 г.

Указъ нашимъ духовнымъ властямъ, воинскимъ и гражданскимъ управителямъ.

Указали мы священника Евстафія Могелянскаго святѣйшему синоду посвятить въ Полтаву протопопомъ, и опредѣлить къ церкви Воскресенія Христова настоятелемъ; а притомъ всемилостивѣйше пожаловали ему, Могелянскому, въ Полтавѣ дворъ измѣнической выморочной Герциговской, со всѣмъ въ немъ находящимся строеніемъ; и гдѣ онъ жительство имѣть будетъ, тотъ его домъ отъ всякихъ постоевъ, служебъ и другихъ тягостей свободить. Тако-жъ хотя по рѣшительнымъ 1728 году малороссійскимъ пунктамъ, духовнымъ персонамъ въ Малой Россіи земли и грунты покупать запрещено, однако ему, Могелянскому, въ Малой Россіи мѣста и грунты, не въ образецъ другимъ, купить и подѣсосѣдковъ до тридцати человѣкъ содержать позволить, съ которыхъ по тому же никакой службы не спрашивать и отъ постоевъ быть имъ свободнымъ. О чемъ въ Малую Россію и нашему генералу-лейтенанту Бибигову и указъ нашъ, сего апрѣля 22-го дня, отправленъ: того ради повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, оному протопопу Могелянскому во всемъ вышеписанномъ, чѣмъ онъ отъ насъ всемилостивѣйше пожалованъ, препятствія никакого не чинить. И прочитая сей нашъ указъ, отдавать ему обратно. Данъ въ нашемъ селѣ Покровскомъ, апрѣля 22-го дня 1744 году. „Елисаветъ“.

Примѣчаніе. Печатаемъ съ подлинника, писаннаго на большомъ листѣ, прекрасно сохранившемся, вмѣстѣ съ конвертомъ, на которомъ надпись: «Указъ нашимъ духовнымъ властямъ, воинскимъ и гражданскимъ управителямъ». Импе-

раторская печать краснаго сургуча также сохранилась. Документъ интересенъ, какъ свидѣтельство особеннаго вниманія, которое оказывала императрица Елисавета духовнымъ лицамъ, въ особенности по происхожденію малороссіянамъ. Могелянскій одинъ изъ тѣхъ проповѣдниковъ, рѣчи котораго были исполнены осужденія періода бироновщины и восторженнаго привѣта царствованію дочери Петра Великаго. Онъ нѣсколько разъ говорилъ въ ея присутствіи, и проповѣди его были тогда же напечатаны.

Два повелѣнія императора Павла.

1.

С.-Петербургъ, февраля 25-го дня 1799 года.

Господинъ генераль-маіоръ Брантъ, перемѣнивъ прежде мое намѣреніе, повелѣваю вамъ остаться на непремѣнныхъ вашихъ квартирахъ по прежнему, а въ Москву не слѣдовать. Засимъ пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Помѣта: «Получено 3-го марта, пополудни въ 6-мъ часу».

2.

С.-Петербургъ, февраля 27-го дня 1799 года.

Господинъ генераль-маіоръ Брантъ, сходственно прежнему моему повелѣнію, съ полученія сего, повелѣваю вамъ выступить со ввѣренными вамъ полкомъ изъ непремѣнныхъ вашихъ квартиръ и слѣдовать прямѣйшимъ трактомъ въ Москву. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Помѣта: «Получено 5-го марта, пополудни въ 6-мъ часу».

Сообщ. А. А. Пovalo-Швѣйковскій.

Иванъ Гавриловичъ Кузминскій.

1758—1808.

Покойный отецъ мой, Иванъ Гавриловичъ Кузминскій, изъ Россійскихъ дворянъ, въ службу записанъ былъ въ артиллерію 1-го сентября 1767 года; въ 1775 году находился подпоручикомъ во 2-й армии противъ турокъ, а въ 1785 году, оставя военную службу, онъ, какъ помѣщикъ С.-Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, по выбору дворянства, послѣдовательно занималъ разныя должности; наконецъ, былъ засѣдателемъ въ верхнемъ земскомъ судѣ, который откомандировалъ его для присутствованія въ приказѣ общественнаго призрѣнія; приказъ же поручилъ ему смотрѣніе за богадѣльцами, сиротскимъ отдѣленіемъ и рабочимъ домомъ.

Во время его смотрѣнія за сиротскимъ домомъ, императоръ Павелъ I неожиданно посѣтилъ этотъ домъ, и войдя въ подробности его содер-

жанія до такой степени, что приказалъ нѣкоторымъ изъ сиротъ разуться, чтобы видѣть ихъ обувь и бѣлье, — его величество остался совершенно доволенъ и сказалъ отцу моему своимъ медленно-сиповатымъ голосомъ:

— „Надѣйся на меня; на меня надѣйся“.

Эти слова суроваго монарха были вполне справедливымъ знакомъ вниманія къ отцу моему за истинно-нѣжную попечительность о вѣранныхъ ему сиротахъ; они запечатлѣлись въ памяти нашего семейства и съ точностію перешли въ дорогія для него преданія.

Вскорѣ за симъ благоволеніе къ моему отцу императора Павла выразилось еще въ другомъ случаѣ: родной племянникъ его, Левъ Александровичъ Кузминскій, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, перваго баталіона, молодой ловкій офицеръ, на разводѣ, въ гор. Гатчинѣ, звонкимъ голосомъ ясно командуя передъ своимъ взводомъ и смѣло салютуя эспантономъ Павлу I, тѣмъ обратилъ на себя особенное его вниманіе, и императоръ спросилъ:

— „Какъ, сударь, тебѣ приходится тотъ Кузминскій, что высобаго роста, съ открытымъ челомъ?“

Родной дядя, отвѣчалъ двоюродный братъ мой.

— „Честный человекъ“, отозвался императоръ.

По упраздненіи верхнихъ земскихъ судовъ, отецъ мой опредѣленъ въ камеръ-коллегію совѣтникомъ, 14-го ноября 1797 г., въ слѣдующій затѣмъ годъ пожалованъ въ чинъ статскаго совѣтника, а въ 1799 г., іюня 28-го, по прошенію, за болѣзнію, изъ камеръ-коллегіи уволенъ.

Въ томъ же 1799 году статсъ-секретарь Дмитрій Николаевичъ Неплюевъ писалъ къ нему изъ гор. Гатчины слѣдующее:

«26-го августа.»

„Государь императоръ, выслушавъ всеподданнѣйше представленное мною прошеніе ваше о пенсіонѣ, высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ объявить вамъ, что его величество не отказываетъ вамъ въ просьбѣ вашей, но, зная усердную и вѣрную службу вашу, желаетъ, чтобы вы не оставляли продолжать оную, если силы ваши то позволяютъ, какъ государь то полагать изволилъ“.

«1-го сентября.»

„По отзыву вашему ко мнѣ вслѣдствіе высочайшаго Е. И. В. повелѣнія, присланному августа отъ 29-го числа, и по всеподданнѣйшему моему докладу, государь императоръ высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ написать вамъ, что если вы желаете быть на прежнемъ мѣстѣ, то на оное помѣщены будете, о чемъ для донесенія его величеству прошу меня увѣдомить“.

26*

«9-го сентября.»

„Въ письмѣ вашемъ ко мнѣ, отъ 5-го сентября, объясняете, что вы, милостивый государь мой, быть на прежнемъ мѣстѣ въ камерь-коллегіи особаго желанія не имѣете, а всеподданнѣйше желаете служить тамъ, гдѣ его императорскому величеству благоугодно будетъ повелѣть, но какъ священнѣйшая воля его величества есть, дабы вы служили именно въ камерь-коллегіи, а не въ другомъ мѣстѣ, то я, сообщая вамъ о такомъ монаршемъ соизволеніи, прошу доставить мнѣ отвѣтъ для донесенія его величеству“.

Вслѣдъ за симъ, 28-го ч. сентября 1799 г., въ гор. Гатчинѣ, данъ былъ высочайшій указъ сенату:

„Уволеннаго отъ службы за болѣзнію статскаго совѣтника Кузминскаго всемилостивѣйше повелѣваемъ опредѣлить наемъ въ нашу камерь-коллегію членомъ и, поруча ему въ оной счетную экспедицію, производить то жалованье, какое онъ получалъ прежде въ сей коллегіи“.

Павель.

„а пансіонъ продолжать свѣрхъ того. П.“¹⁾

Тогда же, какъ въ послужномъ спискѣ отца моего сказано, въ сходственность сенатскаго въ камерь-коллегію указа, по случаю просьбы здѣшнихъ питейныхъ сборовъ откупщиковъ, кои просили продавать имъ въ С.-Петербургѣ пиво, полпиво и медъ, не соразмѣрно ихъ пользѣ, а въ отягощеніе покупателей, весьма большими цѣнами, предписано сдѣлать опытъ, который вслѣдствіе того порученъ былъ отцу моему.

Онъ нанималъ отъ Невской лавры, подлѣ нея, на Невскомъ проспектѣ, небольшой, очень простенькій деревянный домъ, въ которомъ не было никакихъ затѣй, и зала, лучше сказать, пріемная комната, служила ему также кабинетомъ, гдѣ онъ, за раскинутымъ передъ диваномъ ломбернымъ столомъ, работалъ. Въ случай посѣщеній, столъ съ бумагами убирался и комната дѣлалась пріемною и мужскою гостиною.

Въ то время, какъ отецъ мой началъ заниматься порученнымъ ему опытомъ, въ одно утро подѣхала къ его воротамъ карета, изъ которой лавей высадилъ, въ русскомъ кафтанѣ, хорошаго роста, плотнаго, съ сѣдою бородою купца; у него на шеѣ висѣли медали, и одна изъ нихъ золотая на андреевской лентѣ: это былъ извѣстный города Вольска именитый гражданинъ, Василій Алексѣевичъ Злобинъ, богатѣйшій въ государствѣ откупщикъ, которому открыты были двери въ кабинеты всѣхъ правительственныхъ лицъ.

Отецъ мой зналъ Злобина только по службѣ и хоти догадывался

¹⁾ Подпись и приписка руки императора Павла.

о причинѣ его прїѣзда въ нему, но принявъ его. Самонадѣянный откупщикъ, сидя у ломбернаго стола, на которомъ передъ отцомъ моимъ лежали бумаги, касающіяся сказаннаго опыта, ходатайствовалъ въ пользу откупа, и въ разговорѣ, послюнивъ палець, протянулъ руку, чтобы отвернуть листь и посмотрѣть тѣ бумаги; отецъ мой, съ негодованіемъ шлепнувъ его по рукѣ, сказалъ:

— Не тронь этого!

Въ послужномъ спискѣ отца моего упомянуто, что онъ при опытѣ вывелъ такъ, что цѣны, противу просимыхъ откупщиками, обошлись несравненно дешевле, и что докладъ сената по этому дѣлу высочайше корфирмованъ.

Злобинъ, послѣ дальней и неудачной его поѣздки подъ Невское, съ удивленіемъ говорилъ инымъ:— „Что это за человекъ Кузминскій! Я въ первый разъ въ жизни такого встрѣтилъ; а вѣдь ему отъ насъ не худо бы получить 30 тысячъ руб.“

Отецъ мой скончался 17-го ноября 1808 г. на службѣ, въ присутствіи адмиралтействъ коллегіи, въ которой управлялъ хозяйственною экспедиціею и комиссаріатскимъ отдѣленіемъ.

Это былъ человекъ простыхъ нравовъ; на открытомъ челѣ его написаны были добродушіе и откровенность; во всѣхъ поступкахъ своихъ онъ обнаруживалъ благородство, честность и правоту. Друзья и знакомые крайне жалѣли о немъ; с.-петербургскій митрополитъ Амвросій, въ знакъ любви и уваженія, вызвался безмездно похоронить отца моего съ почестью въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ и покоится прахъ его подъ скромнымъ памятникомъ на кладбищѣ церкви св. Лазаря.

Г. И. Кузминскій.

Мнѣнія Московскаго Митрополита Филарета,

1856—1864.

I.

О нѣкоторыхъ предположеніяхъ, относящихся въ измѣненіямъ въ государственномъ гербѣ.

7-го февраля 1856 г.

Геральдика мнѣ неизвѣстна. Впрочемъ (можетъ быть, по незнанію моему), не думаю, чтобы законы ея были очень важны. Напримѣръ, какая бѣда въ томъ, что всадникъ въ московскомъ гербѣ долго ѣхалъ на лѣво, тогда какъ геральдика велитъ ему ѣхать на право? По моему мнѣнію, въ семь дѣлъ болѣе силы и дѣйствія должны имѣть отечественная исторія и отечественныя преданія.

Разсмотрю вопросы по моему посильному разумѣнію:

1) Точно-ли архангелъ Михаилъ не можетъ держать государственнаго герба, „потому что онъ знаменуетъ хранителя усопшихъ государей?“

Не могу отвѣчать на сіе утвердительно, потому что указанное основаніе не твердо. Архангельскій соборъ, въ Москвѣ, великимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ построенъ на мѣстѣ прежде бывшей деревянной церкви во имя архистратига Михаила, „въ благодарность Богу за избавленіе Россіи отъ голода“, какъ написалъ самъ г. Снегиревъ въ „Памятникахъ московской древности“; слѣдственно, первымъ основаніемъ сего собора не была мысль великаго князя, что архистратигъ Михаилъ „знаменуетъ хранителя усопшихъ“. Сія мысль не основана ни на священномъ писаніи, ни на преданіи церковномъ. Въ какомъ смыслѣ „Михаилъ архангелъ препирался о Моисеовѣ тѣлеси“ (Іуд. 9), апостоль не объясняетъ, а преданіе полагаетъ, что онъ не допустилъ евреевъ открытъ тѣло Моисеево, чтобы они не обоготворили его, какъ обоготворяли своихъ знаменитыхъ людей язычники древнихъ временъ. Это особенный случай, и онъ не ведетъ къ заключенію, что архангелъ Михаилъ есть хранитель усопшихъ. Священное писаніе являетъ намъ архистратига Михаила, какъ запитника и хранителя православнаго народа. Онъ явился Іисусу Навину и наставилъ его чудесно взять Іерихонъ. О немъ архангелъ Гавріиль сказалъ пророку Дашилу, что за евреевъ предстательствуетъ предъ Богомъ „Михаилъ, князь вашъ“. (Дан. X, 21).

Впрочемъ, не соглашаясь съ г. Снегиревымъ, я не утверждаю того, что архистратигъ Михаилъ долженъ держать государственный гербъ, потому что въ основаніе сему не нахожу событія собственно въ исторіи Россіи, имѣющаго государственное значеніе, и потому, что народъ, увидя при гербѣ архистратига Михаила, можетъ, подобно г. Снегиреву, вспомнить при семъ объ Архангельскомъ соборѣ, какъ усыпальницѣ, и сіе воспоминаіе будетъ непріятно.

2) Долженъ-ли архангелъ Гавріиль держать государственный гербъ „ибо, какъ говоритъ преданіе, первую церковь на Москвѣ была Благовѣщенская, на радость граду?“

И здѣсь не вижу основанія отвѣчать утвердительно.

Давнее преданіе, общее мнѣніе и самаго г. Снегирева въ „Памятникахъ московской древности“ мнѣніе есть, что первая церковь, „ростница Москвѣ“, есть Спасъ на бору, а не Благовѣщенская. Первымъ создателемъ Благовѣщенскаго собора признаетъ онъ Дмитрій Донскаго. Хотя же и упоминаетъ о созданіи деревянной церкви Благовѣщенія на мѣстѣ села Кучова княземъ Андреемъ Владимірскимъ,

но признается, что говорить сіе только „по сомнительному свидѣтельству одной лѣтописи“. Благовѣщенскій соборъ есть храмъ высочайшей важности, но онъ въ исторіи великихъ князей и царей имѣлъ болѣе фамильное, нежели государственное значеніе; государственное же значеніе имѣлъ и имѣетъ московскій большой Успенскій соборъ, и по предсказанію святителя Петра, и потому, что въ немъ коронуются благочестивѣйшіе императоры всероссійскіе. Выраженіе: „на радость граду“ въ лѣтописи принадлежитъ не московской, а кievской надворотной Благовѣщенской церкви, и, какъ сомнительное, помѣщено въ I-мъ томѣ „Лѣтописей“, на стр. 65-й, не въ текстѣ, а въ вариантахъ. Полныя слова сего варианта суть слѣдующія: „сію же премудрый князь Ярославъ того дѣла сотвори Благовѣщеніе на вратѣхъ, дать всегда радость граду тому святымъ Благовѣщеніемъ Господнимъ и молитвою святыя Богородицы и архангела Гавріила“. Очевидно, что это не есть государственная мысль, а простое размышленіе, не великаго князя и не кievскаго лѣтописца, а послѣдующаго переписчика. Да и въ Кіевѣ Благовѣщенская церковь не первая, а предшествуютъ ей Софійская, по времени и по важности, и другія по времени. И такъ, нѣтъ основанія построенія Благовѣщенской церкви почитать государственнымъ актомъ, могущимъ войти въ государственный гербъ; и при томъ, если бы при семъ гербѣ поставленъ былъ архангелъ Гавріилъ, трудно было бы догадаться, что это относится къ Благовѣщенской церкви. Символы же государственнаго герба, по возможности, должны быть разумительны, дабы правильное разумѣніе заключенныхъ въ немъ государственныхъ идей внушало уваженіе къ сему царскому и государственному знаменію, и дабы неразумѣніе не подавало повода къ неправильнымъ толкованіямъ, которыя могутъ быть и вредныя.

3) Долженъ-ли св. благовѣрный великій князь Александръ Невскій держать государственный гербъ?

По историческому соображенію, надлежитъ отвѣтствовать, что сіе прилично. Лицо св. великаго князя такъ свѣтло въ судьбахъ отечества нашего, что присутствіе его при государственномъ гербѣ было бы и понятно, и досточтимо.

Но если уже такъ, то болѣе было бы гармоніи идей, если бы государственный гербъ держали св. великій князь Владиміръ и св. великій князь Александръ Невскій.

Говорю сіе только условно, по государственно-историческому соображенію, а не рѣшительно, потому что представляется еще требующее вниманія соображеніе церковное.

Слѣдующій вопросъ мнѣ не предложенъ, но я не могу не предложить его и не рассмотреть:

4) Должно-ли кого-либо изъ архангеловъ или святыхъ прославленныхъ мужей представить держащими государственный гербъ?

Въ церкви видимъ въ иконостасѣ архангеловъ, стоящихъ по сторонамъ Господа Вседержителя, и держащихъ круглыя камни съ написанными на нихъ именами Кѣъ ІСъ Хр̄. Будеть-ли спокойно благочестивое чувство православнаго, если увидимъ ихъ низведенными къ тому, чтобы держать государственный гербъ, предметъ величайшей важности въ государственномъ отношеніи, который, однако, не есть знаменіе божественное или святыня?

Благочестивѣйшій императоръ не носитъ самъ государственнаго герба, а поручаетъ сіе государственнымъ служителямъ, иногда не самыхъ высшихъ степеней. Будеть-ли съ симъ сообразно, если представить св. великихъ князей Владиміра и Александра Невскаго, несущихъ російскій государственный гербъ?

Полагаю, что сія дисъ-гармонія идей, сіе подчиненіе идеи святаго идеѣ гражданской, неблагопріятно почувствуется людьми строгаго благоговѣнія въ святышѣ.

Не могу не подчиниться сему соображенію и не признать болѣе несомнительнымъ то, чтобы составъ государственнаго герба образованъ былъ собственно по государственнымъ идеямъ, подобно какъ и московскій гербъ, вошедшій въ составъ герба государственнаго. Всадникъ, поражающій дракона, есть символъ православной державы, побѣдоносной надъ зломъ. По соображенію съ симъ, государственный гербъ могли бы держать воинъ въ одеждѣ и вооруженіи временъ св. Владиміра и воинъ въ одеждѣ и вооруженіи временъ Петра Великаго. Одинъ былъ бы знаменіемъ начала православной побѣдоносной державы, а другой — ея преобразованія чрезъ просвѣщеніе.

Или: позволить-ли геральдика, чтобы государственный гербъ держали великій князь Іоаннъ III, собиратель русской земли, и Петръ Великій? Если позволить, то и симъ образомъ рѣшиться можетъ дѣло. А если не позволить, то чрезъ сіе подтвердить, что не должно позволять и того, чтобы государственный гербъ держали архангелы или прославленные святые мужи.

Сіи сильныя изслѣдованія и мысли смиренно предаю на судъ государственной мудрости. Филаретъ, митрополитъ Московскій.

II.

По вопросу о разрѣшеніи представленій итальянской оперы по суботамъ.

19-го августа 1863 г.

Основаніемъ сихъ соображеній должно быть то, что, по уставу церковному, празднованіе воскреснаго дня начинается вечернею или всеюночною службою въ субботу, чему соотвѣтствуетъ и торжественный праздничный благовѣстъ и звонъ, и праздничное многочисленное собраніе народа въ церквахъ во время означенныхъ богослуженій. Сознаніе принадлежности суботнаго вечера къ празднику воскресенія и обязанности проводить сей вечеръ по праздничному такъ сильно въ народѣ, что съ нѣкотораго времени приходы московскихъ церквей, одинъ по другому, просили меня, чтобы и въ зимнее время (когда, по общему порядку, всеюночная бываетъ утромъ) въ субботу вечеромъ совершалась въ церквахъ всеюночная, хотя безъ благовѣста, что, по желанію прихожанъ, и распространилось по всей Москвѣ.

Изъ сего слѣдуетъ, что допустить въ сіе самое время театральныя зрѣлища значило бы оскорбить религиозное сознаніе православнаго народа и причинить ему соблазнъ.

Православная церковь издревле охраняла празднованіе воскреснаго дня отъ зрѣлищъ. Такъ, соборъ Карфагенскій 72-мъ правиломъ опредѣлилъ просить христіанскихъ царей „да воспретится представленіе позорищныхъ (театральныхъ) игръ въ день воскресный, и въ прочіе свѣтлые дни христіанскія вѣры“. И православные греческіе императоры, Θεодосій старшій и Θεодосій младшій, внесли сіе запрещеніе въ государственные законы.

Достоиню вниманія, что греческіе императоры, вводя, такимъ образомъ, благочестивый обычай, должны были вступать въ борьбу съ укоренившимся въ народѣ отъ языческихъ временъ обычаемъ. Какая была бы печальная противоположность, еслибы нынѣ православное правительство рѣшилось бороться съ благочестивымъ сознаніемъ народа и отвлекать отъ церкви къ театру: однихъ свободнымъ прельщеніемъ искуства, а другихъ даже неволею, какъ, на примѣръ, находящихся въ услуженіи при посѣтителяхъ театра.

Театръ немного заслуживалъ покровительства и тогда, когда онъ украшалъ себя названіемъ училища нравовъ. Съ нѣкотораго времени онъ отказался отъ права на сіе названіе и нерѣдко представляетъ виды нескромныя и неблагопріятныя для добрыхъ нравовъ.

Будемъ внимательны и искренны. Не должно-ли признать, что

суета, страсти, пороки, стремленія, неблагопріятныя вѣрѣ и спокойствію общественному, съ успѣхомъ умножаютъ своихъ прозелитовъ. Многія и частыя бѣдствія физическія, бѣдствія отъ нестроеной въ народахъ, браней и слышанія браней, не означаютъ-ли неблаговоленія неба. Такія обстоятельства не представляютъ-ли особенныхъ побужденій умѣрить угожденіе любителямъ удовольствій и наслажденій, и въ распоряженіяхъ власти явственнѣе выражать желаніе руководствовать народъ чистыми и твердыми началами религіи и нравственности.

Нужно-ли изяснить, какъ мало значить желаніе нѣсколько увеличить доходъ театра въ сравненіи съ потребностію охранять цѣлостъ сокровища религіозныхъ убѣжденій и нравственныхъ расположеній народа?

Таковы по предложенному мнѣ вопросу соображенія, внушенныя мнѣ посильнымъ разумѣніемъ и обязанностію моего служенія.

III ¹⁾.

По вопросу: не встрѣчается-ли препятствія въ недѣлю Пасхи театральныя представленія въ Москвѣ начинать съ четверга сей недѣли.

6-го апрѣля 1864 г.

Въ книгѣ апостольскихъ и церковныхъ правилъ, Кароагенскаго собора въ правилѣ 72-мъ, сказано: „Подобаетъ просити (христіанскихъ царей) такожде и о семъ, да воспретится представленіе позорищныхъ игръ въ день воскресный и въ прочіе свѣтлыя дни христіанскія вѣры“.

Уже много нарушеній сего правила допущено; но крайней мѣрѣ, оно сохраняется доннѣ въ Москвѣ непарушимымъ для величайшаго изъ праздниковъ христіанскихъ, дня недѣли свитыи Пасхи, которую православная церковь седмицевно празднуетъ, какъ одинъ день, и повелѣваетъ вѣрному народу всѣ сіи дни проводить въ церкви.

И такъ, изволите видѣть, что церковное правило обязываетъ меня смиренно просить благочестивѣйшаго государя императора, чтобы во всю недѣлю Пасхи театральныя зрѣлища оставались, какъ прежде, запрещенными.

Можетъ быть, противъ сего представится возраженіе, что уже допущены во дни Пасхи нѣкоторые народныя увеселенія на площади. На сіе отвѣтствовать должно: во-первыхъ, что одно нарушеніе правила не служитъ оправданіемъ другому нарушенію; во-вторыхъ, допущены на площадяхъ развлеченія безвредныя: прогулка и качели; прочее

¹⁾ Это мнѣніе было напечатано въ «Душенполезномъ Чтеніи», но здѣсь помѣщается по однородности съ предъидущимъ.

вкралось по невниманію; театральныя же зрѣлища часто бываютъ неблагоустроенны, такъ что благорасположенные люди боятся допустить дѣтей видѣть оныя.

Что касается до примѣра Петербурга, я поставляю предѣломъ моего сужденія о настоящемъ предметѣ—предѣлы вѣренной мнѣ епархіи; и обязаннымъ себя признаю свидѣтельствовать, что Москва—городъ по преимуществу русскій и православный—особенно требуетъ охраненія древнихъ православныхъ обычаевъ. Московскій народъ во дни Пасхи ходитъ въ церковь не только къ богослуженію, но и между временами богослуженія, посѣщаетъ древніе Кремлевскіе храмы, цѣлуетъ святыню, разсматриваетъ древнія иконы и стѣнописанія, и по симъ книгамъ, писаннымъ вмѣсто буквъ лицами, продолжаетъ учиться благочестію, и потому получить неприятое впечатлѣніе, когда его въ сіи святые дни будутъ манить изъ церкви въ театр. Филаретъ митрополитъ Московскій.

„Маскарадъ“ Лермонтова.

1836 г.

Отъ покойнаго свекра моего Алексѣя Александровича Лопухина, одного изъ немногихъ друзей М. Ю. Лермонтова, я получила рукопись „Маскарадъ“. Текстъ этой драмы писанъ неизвѣстной рукой, весьма бевграмотно, но дополненія и поправки сдѣланы карандашомъ, причѣмъ въ нихъ несомнѣнно можно узнать почеркъ Мих. Юр. Лермонтова. Бумага, судя по фабричному клейму, 1836 года.

По внимательномъ сличеніи этой рукописи съ текстомъ „Маскарада“, напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 3), я нашла оба текста совершенно сходными, за исключеніемъ одного стиха, пропущеннаго въ рукописи г. Арнольди, а именно на стр. 19-й „Русской Старины“, послѣ стиха:

И какъ его впннть, и какъ ему узнать,

слѣдуетъ вставить:

Что грудь моя полна желанья неземнова,

Что я ему готова, и пр.

На стр. 30-й „Рус. Стар.“ нарушенъ стихъ въ словахъ Нины, ошибка, которая первоначально была и въ моей рукописи, но исправлена карандашомъ, рукою Лермонтова; слѣдуетъ читать:

Смѣялась я, рѣзвилася, шутила...

Кромѣ этихъ двухъ поправокъ, есть еще нѣкоторыя, но не существенныя, какъ-то: перестановка нѣсколькихъ словъ и знаковъ.

Сообщ. Е. Д. Лопухина.

Поправки и опечатки.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XIII, стр. 397, упомянуто о смерти Александра Дмитриевича Хвостова. О. Я. Левенсонъ сообщилъ о времени его кончины: А. Д. Хвостовъ умеръ 29-ю сентября 1870 г., въ селѣ Ивановѣ, подѣ Москвой.

Въ Указатель къ тому XIII напечатано: кн. Кантемиръ † 1844 г., читай: «кн. Кантемиръ † 1744 г.».

Въ «Русской Старинѣ», томъ XIV, въ статьѣ г. Пржецлавскаго, напечатано, стр. 131, строка 3-я снизу: доказательство, читай: «домогательство».

— стр. 145, строки 3-я и 5-я снизу: вмѣсто: У—въ, читай: «Ульрихсъ».

— стр. 157 (ошибочно 177), въ примѣчаніи, послѣдняя строка, вмѣсто: стр. 9. читай: «ст. 9». (т. е. стихъ, а не страница).

Просьба о приобщеніи „Замѣчаній на Записки Манштейна“.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», изд. Свиньина 1820 — 1830 гг., были напечатаны замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи, принадлежащія перу одного изъ современниковъ Манштейна, какъ догадываются, сыну фельдмаршала Миниха. Редакція «Русской Старины» покорнѣйше просить того изъ любителей отечественной исторіи, у котораго окажется подлинникъ или списокъ этихъ замѣчаній, доставить рукопись въ редакцію для сличенія съ текстомъ, изданнымъ Свиньинимъ, и для напечатанія вслѣдъ за переводомъ Записокъ Манштейна.

языкахъ. Какого труда стоило это издание доказывається уже тѣмъ, что только 15 документовъ списаны издателемъ съ подлинниковъ, а шестьдесятъ семь переведены Ю. В. Толстымъ съ англійскаго и латинскаго языковъ—времени Елисаветы. Историки и археологи оцѣняютъ по достоинству этотъ заслуживающій полнаго уваженія трудъ, а русская и англійская публика встрѣтятъ его, конечно, съ должнымъ вниманіемъ, такъ какъ въ немъ сообщается много новыхъ и любопытныхъ подробностей и опровергается много преданій, не подтвержденныхъ изслѣдованіями, какъ напр. сватовство Пвана IV на англійской королевѣ и др.

Русская историческая бібліотена, издаваемая археографическою комиссіею, томъ II, XX стр. и 1,228 столбцовъ.

Мы неоднократно указывали на значеніе изданій нашей археографической комиссіи. Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ историческими трудами или занимался какими-нибудь историко-научными изслѣдованіями, знаетъ какою плодотворною дѣятельностью отличается эта комиссія, какое почетное имя приобрѣла она въ кругу лицъ, интересующихся отечественною исторіею. Изданные ею лѣтописи, акты историческіе, юридическіе, сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, Котошихинъ, великія четін-минен, писцовыя книги и множество другихъ документовъ и матеріаловъ драгоценны для историка. Нынѣ вышедшій сборникъ представляетъ не менѣе важные и любопытные матеріалы, значеніе которыхъ указано въ предисловіи. Акты эти касаются событій съ половины XIV-го до половины XVII-го вѣка и только одинъ документъ относится къ концу XIII-го. Эти акты сообщаютъ свѣдѣнія о дѣлахъ церкви, монастырей, объ исторіи смутнаго времени, Сибири, въ некоторыхъ городахъ, о военномъ дѣлѣ, о сношеніяхъ съ иностранными державами, о государственныхъ доходахъ, торговлѣ, промыслахъ, устройствѣ ямовъ, о служебныхъ наградахъ, объ инородцахъ, о дѣлахъ на разные предметы и разные юридическіе памятники. Всѣхъ актовъ помѣщено 269, съ хронологическимъ перечнемъ, примѣчаніями, указателями: личныхъ и географическихъ именъ. Огромный томъ этотъ, составленный подъ редакціею А. И. Тимофеева, въ картонномъ переплетѣ, стоитъ всего два рубля.

Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII-го столѣтія. Д. Д. Сонцова, Москва, 160 стр.

Въ этомъ трудѣ, посвященномъ памяти профессора И. Д. Бѣляева, авторъ, не перечисляя историческіе событія отъ начала Руси до Ивана IV, старается доказать общинное начало нашего отечества и опровергнуть доводы приверженцевъ родового начала. Въ подтвержденіе, что въ исторіи русскаго народа развился общин-

ный бытъ, онъ описываетъ явленія общественной жизни въ равныхъ племенахъ, княжествахъ и въ различныхъ слояхъ народа, приводитъ много любопытныхъ фактовъ, но освѣщаетъ ихъ съ предвзятой имъ точкой зрѣнія, подводя къ ней даже такія явленія, значеніе которыхъ можетъ быть объяснено совершенно иначе. Такое исключительное направленіе, лишающее этотъ, впрочемъ, интересный трудъ, объективности и безпристрастія, необходимыхъ для историческаго изслѣдованія. Съ весьма многими выводами и положеніями г. Сонцова никакъ нельзя согласиться, да они и противорѣчатъ мнѣнію, высказанному нашими лучшими историками. Такъ, онъ извиняетъ преступленія, записанныя русскою исторіею, находя въ нихъ только «случайные, прискорбные факты», тогда какъ въ западной Европѣ подобныя преступленія были явленіями не исключительными, а послѣдовательными, характеризующими цѣлыя касты. Далѣе, г. Сонцовъ признаетъ, что положеніе русской женщины было гораздо лучше, чѣмъ въ остальной Европѣ, называетъ Пвана III «могучею натурою», говорить, что «народъ умнымъ чувствомъ своимъ понималъ гениальный политическій смыслъ Ивана IV» и т. п.

Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.). Андрея Попова. Москва, 417 стр.

Составитель этого изслѣдованія, важнаго для древне-русской литературы, ограничился изложеніемъ и разборкомъ древнерусскихъ сочиненій противъ латинянъ включительно до флорентійскаго собора, обѣщая издать, въ послѣдовательномъ порядкѣ, сочиненія противъ протестантовъ (XVI и XVII в.) и униатовъ (той же эпохи). Въ предисловіи г. Поповъ рассказываетъ, съ какими затрудненіями сопряжено у насъ изданіе подобныхъ работъ. Такъ, имѣя, ровно пять лѣтъ тому назадъ, было приготовлено къ печати критическое изданіе краугольнаго памятника протестантской литературы: посланія московскаго выходца, старца Артемія, по списку, находящемуся въ рукописяхъ московскаго публичнаго музея, но хранитель отдѣла рукописей въ музей не разрѣшилъ г. Попову издавать эту рукопись потому, что самъ музей предполагаетъ издать ее. Полагаемъ, что пяти лѣтъ достаточно на то, чтобы предполагать, и можно бы уже хоть начать что-нибудь.

Цѣль сочиненія г. Попова состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить по древнимъ памятникамъ, какія понятія о латинянахъ передали новообращенной Руси ея духовные наставники. Большая часть книги напечатана славянскимъ шрифтомъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна годовому изданію,—двѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой гг. иигороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-петербургѣ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иигородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иигородный—64 коп., а иигороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемиическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовая и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суетвѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

НОЯБРЬ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Калишевскій, послѣдній коше- вой Запорожской Сѣчи. 1691— 1803 гг. Статья П. С. Ефи- менко	405	IX. Моя трудовая жизнь, рассказ академика гравера Л. А. Сѣ- рянова (Окончаніе)	506
II. С.-Петербургскій Воспитатель- ный домъ подъ управленіемъ И. И. Вецкаго. Исслѣдованіе А. П. Пятковскаго	421	X. Карлъ Андреевичъ Шильдеръ на Дунаѣ въ 1854 г. Очеркъ Н. К. Шильдера	517
III. Екатерина II въ собственноруч- ныхъ ея замѣткахъ и повелѣ- ніяхъ, 1770—1792 гг.	444	XI. На Вислѣ и Дунаѣ, въ Одессѣ и Севастополѣ, 1853—1855 гг., замѣтки артиллериста	521
IV. Цесура въ Россіи при импера- торѣ Павлѣ, 1797—1799 гг. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	454	XII. Штурмъ Малахова кургана, 27-го и 28-го августа 1855 г. Очеркъ О. И. Константинова	568
V. В. И. Каразинъ, основатель Харь- ковского университета (Оконч.). 470	470	XIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Отзвъ Екатерины II объ Арс. Мацѣвичѣ (587). 2) Часовщикъ при дворѣ Екатерины II. Сообщ. Я. К. Гротъ. (588). 3) Прошеніе къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ 1800 г. (590). 4) Замѣтка профес. Ф. И. Гюрдана (594).	593
VI. М. Л. Магницкій, новыя данныя къ его характеристикѣ, 1829— 1834 гг. Сообщ. Ч—вы	473	XIV. Сорокапятилѣтіе артистической дѣятельности О. А. Петрова.	593
VII. Александръ Николаевичъ Сѣ- ровъ, очерки и замѣтки о му- зыкѣ, 1841—1842 гг. Сообщ. В. В. Стасовъ	492	XV. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
VIII. М. И. Глинка и А. С. Дарго- мынскій. Сообщ. П. А. Сте- пановъ	502		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки о Россіи генерала Мамштейна, 1727—1744 гг. Переводъ съ французской подлинной рукописи автора. Часть вторая, главы VI—VIII, событія 1741—1743 гг. — II. Рисунокъ медалей: императоръ Іоаннъ Антоновичъ и цесаревна Елисавета 25-го ноября 1741 г. — III. Рисунокъ: семейство просителя, 1800 г.

Отпечатано и продается **третье изданіе** „Русской Старины“ 1870 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Принимается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Icones familiae ducalis Radivilianae ex originibus picturisque desumptae. Cura J. I. Verseenii, Petropoli, 1875. 100 экз. цѣна 40 руб.

На дняхъ отпечатанъ издѣніемъ извѣстнаго нашего археолога и нумизмата г. Иверсена, огромный и замѣчательный трудъ: изданіе портретной галлерей семейства Радзивиловъ. Собраніе этихъ любопытныхъ портретовъ было издано первоначально еще въ прошломъ столѣтіи, въ Несвижѣ, и напечатано въ радзивилловской типографіи іезуитской коллегіи, но въ продажу не поступало. Теперь коллекція эта, состоящая изъ 165-ти портретовъ, перепечатана вновь со старыхъ досокъ. Гравюры эти не отличаются тонкостью и изяществомъ рѣзбы, но имѣютъ несомнѣнное археологическое и историческое значеніе. Домъ Радзивиловъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Литвѣ. Обязанный своей славою, богатствомъ и могуществомъ основателю своему, виленскому палатину Николаю, умершему въ 1466 году столѣтнимъ старикомъ, родъ этотъ насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ, породившихся съ польскими королями и австрійскими императорами, много лицъ, прославившихся на разныхъ поприщахъ: военномъ, какъ Николай (1470 † 1522), Георгій (1480 † 1541), Николай Черный (1515 † 1565), Христофоръ-Николай (1547 † 1603); литературномъ, какъ Ульрихъ и Урсула-Франциска (1705 † 1753); артистическомъ, какъ музыкантъ и граверъ, Антоній-Генрихъ (1755 † 1833) и проч. Галлерей эта, начинаясь съ 1346 года, оканчивается 1758-мъ годомъ, обнимая, такимъ образомъ, съ небольшимъ четыре столѣтія. Составленная Мартиномъ-Францискомъ Вобе, она посвящена имъ князю Михаилу-Казимиру и сопровождается родословіемъ семейства Радзивиловъ и спискомъ домовъ, находящихся въ родствѣ съ нимъ. Въ предисловіи говорится о значеніи этой фамиліи; подъ каждымъ портретомъ помѣщена краткая біографія, — все это, конечно, на латинскомъ языкѣ. Весьма желательно было бы видѣть изданіе подобныхъ галлерей нашихъ русскихъ именитыхъ домовъ. Въдѣ находили же возможность издавать ихъ еще въ XVIII в. польскіе магнаты, дорожащіе славою своихъ предковъ.

Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ. Алексѣя Накко. Часть I. Одесса, 1875 г. VI и 901 стр.

Сочиненіе г. Накко стоило ему, безъ сомнѣнія, большаго труда и заключается въ себѣ множество весьма любопытныхъ фактовъ и изысканій, но не достигаетъ своей цѣли. Отдѣльная исторія каждой области и провинціи нашего обширнаго отечества, конечно, будетъ всегда любопытна для всякаго русскаго, но необходи-

мымъ условіемъ для этого должны быть краткость изслѣдованій, относящихся къ временамъ давно минувшимъ, и подробныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи страны. Г. Накко поступилъ совершенно иначе: времени, когда Бессарабія не была еще Бессарабіей, онъ посвящаетъ огромный томъ, описывая въ немъ только скиевскій періодъ. Сколько же томовъ займетъ вся исторія страны, никогда не составлявшей самостоятельнаго и сколько-нибудь важнаго владѣнія какаго-нибудь народа? Дѣянія, собранныя имъ, интересны, но какое же отношеніе имѣютъ онѣ къ нынѣшней Бессарабіи? Указываемъ на эту излишнюю обширность труда г. Накко въ виду обещанныхъ имъ послѣдующихъ томовъ его изслѣдованія.

Замѣчанія на Слово о пълну Игоревѣ. Изслѣдованіе кн. П. П. Вяземскаго. XLVI стр., 517 и 105.

Огромный трудъ этотъ составлялся въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія. Въ 1851 году, во «Временникѣ Московскаго общества исторіи и древностей російскихъ», появился въ первый разъ «Замѣчанія на слово о полку Игоревѣ», и съ тѣхъ поръ, по словамъ самаго автора, онъ постоянно продолжалъ собирать матеріалы, могущіе служить къ поясненію этого памятника нашей древней литературы. Авторъ объясняетъ его стихъ за стихомъ, почти слово за словомъ. Нельзя и сосчитать, какое множество всякаго рода филологическихъ, историческихъ, этнографическихъ, но всего болѣе гипотетическихъ фактовъ собрано въ этой книгѣ; гипотезъ въ ней, конечно, больше всего, и самъ авторъ указываетъ въ предисловіи на нѣкоторыя изъ нихъ, не признавая ихъ, однако, слишкомъ смѣлыми, какъ «тропу трояню» — возвратнымъ путемъ троянь, черноморскую дѣву Обиду—прекрасною Еленю, Вліяна—Гомеромъ. Подобныхъ объясненій довольно много въ трудѣ кн. Вяземскаго, и хотя съ ними согласится не всякій изслѣдователь знаменитой поэмы XII вѣка, но каждый, конечно, прочтеть со вниманіемъ любопытныя замѣчанія автора, собраннаго, кромѣ того, все, что писано другими о всякомъ спорномъ или темномъ выраженіи поэмы. Вполнѣ обстоятеленъ указатель книги, составленный г. Барсуковымъ. Здѣсь, при объясненіи одного слова, соединено все, что говорится о немъ во всей книгѣ, и это значительно облегчаетъ справку всякаго рода.

Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. Собранія графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго, IV и 184 стр.

Сочиненія по части русской нумизматики, какъ извѣстно, весьма немногочисленны. Съ 1834-го года, когда появилось

КАЛНИШЕВСКІЙ,

послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи.

1691 — 1803.

Свята брама одчынылась
Козака впустилы;
И зновъ брама зачынылась
На впкъ зачынылась,
Козакови.

Шевченко (Чернець).

I.

Въ 1875 г. исполнилось сто лѣтъ со времени паденія «славной» Сѣчи Запорожской.

Несмотря на то, что прошелъ такой длинный періодъ времени со дня уничтоженія нашего южно-русскаго «рыцарства», мы, къ величайшему сожалѣнію, не имѣемъ полной исторіи его: до сихъ поръ не собраны даже существующія въ памяти стариковъ преданія о запорожцахъ и не приведены въ извѣстность всѣ письменные памятники, касающіеся этого войска¹⁾. Между тѣмъ, преданія годъ отъ году стираются съ народной памяти, а вещественные памятники истребляются²⁾. Отъ этого равнодушнаго отношенія нашихъ южно-русскихъ ученыхъ изслѣдователей

¹⁾ Необходимо однако замѣтить, что нѣсколько весьма важныхъ матеріаловъ къ исторіи Запорожья помѣщено въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи» и въ «Запискахъ одесскаго общества исторіи». Ред.

²⁾ Не далѣе какъ въ 1874 году, на третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, было, между прочимъ, заявлено въ рефератѣ г. Левченко «Объ уничтоженіи памятниковъ старины въ южной Россіи», что въ городѣ Елисаветградѣ Херсонской губ., есть часть запорожскаго архива и что архивъ этотъ валяется въ больницѣ. Е.

къ исторіи Запорожья происходитъ то, что читающая публика о прошломъ запорожскаго казачества имѣеть довольно смутныя или превратныя понятія; она черпаетъ ихъ, главнымъ образомъ, изъ повѣстей Гоголя. Правда, есть у насъ «Исторія Сѣчи Запорожской» — Скальковскаго, написанная вслѣдствіе случайнаго открытія части запорожскаго архива, но, во 1-хъ, трудъ этотъ составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость; во 2-хъ, онъ обнимаетъ собою самый малый періодъ изъ исторіи Запорожья, именно, онъ касается судебъ такъ называемаго послѣдняго коша запорожскаго, который существовалъ лишь сорокъ лѣтъ (1734 — 1775). Между тѣмъ, интересно знать судьбы Запорожья въ теченіе двухъ предшествовавшихъ столѣтій его существованія, время и обстоятельства его зарожденія, его внутреннюю жизнь въ этотъ періодъ, его внѣшнюю жизнь въ эту блистательную для казачества эпоху. Кромѣ того, необходима болѣе обстоятельная разработка исторіи Запорожья за послѣдній періодъ его существованія, необходимо собраніе и изученіе всего того, что сохранилось о Запорожьи въ памяти народной или въ письменныхъ памятникахъ.

Имѣвъ возможность собрать на крайнемъ сѣверѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, еще никому неизвѣстныя, о жизни въ ссылкѣ послѣдняго запорожскаго кошеваго Калнишевскаго, я сообщаю ихъ здѣсь, въ надеждѣ, что будущій историкъ Запорожской Сѣчи воспользуется ими. Но прежде нежели привести собранное мною, необходимо, для уясненія предмета, сказать два-три слова о причинахъ паденія Запорожской Сѣчи и коснуться слегка жизни Калнишевскаго во время существованія Запорожья.

Занимая обширныя пространства земли, всю почти нынѣшнюю Екатеринославскую губернію и значительную часть Херсонской, запорожцы, естественно, привыкли смотрѣть на эти земли, какъ на свою исключительную собственность. Такой же взглядъ проводили между ними и русскія власти, когда это было нужно. Такъ, въ 1734 году, во время основанія новаго коша возвратившимися изъ турецкихъ предѣловъ запорожцами, главнокомандующій русскими войсками Вейсбахъ давалъ наставленіе казакамъ такимъ образомъ отвѣчать туркамъ о своихъ правахъ на земли: «что до этого мѣста надлежитъ, гдѣ вы нынѣ селитесь и, по своему обыкновенію, копъ свой строите, то всѣ тѣ мѣста ваши соб-

ственные, которыми вы черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ безпрекословно со всѣхъ сторонъ владѣете, и что въ оныя мѣста, яко вамъ прямо принадлежація, ни Россія, ни Порта, ни ханъ крымскій и никто вступать не можетъ и не имѣетъ, и что для того такожде этимъ мѣстамъ между обѣими имперіями разграниченія не было, понеже оныя вамъ принадлежать¹⁾.

Сами запорожцы считали принадлежность имъ земель, занятыхъ ими, столь естественною, что не позаботились даже въ свое время исходатайствовать утвердительныя грамоты на эти земли. Между тѣмъ, по бѣлградскому миру 1740 г., земли, на которыхъ сидѣли запорожскіе казаки, были признаны принадлежностью Россіи и вошли въ составъ Россійской имперіи. Считая государственною собственностью земли нынѣшней Екатеринославской и Херсонской губерній, русское правительство начало въ сѣверныхъ частяхъ ихъ устраивать пограничныя крѣпости и военныя поселенія. Отсюда возникли споры запорожскаго войска съ новыми поселенцами. Запорожцы посылали депутацію за депутаціей въ Петербургъ, отстаивая свои права. Начинались, по распоряженію правительства, описанія земель съ цѣлью разграниченія того, что принадлежало запорожцамъ, отъ того, что отходило новымъ поселенцамъ. Эти описанія тянулись чрезвычайно долго и, по обыкновенію, ни къ чему не приводили. Военныя дѣйствія съ Турціей (1769 — 1774) на время отвлекли запорожцевъ отъ пограничныхъ споровъ. Но съ окончаніемъ ихъ, снова возоблились споры и запорожскія депутаціи появились въ Петербургѣ. Между тѣмъ, запорожцы вооруженною рукою выгоняли поселенцевъ съ земель, которыя они считали своими, причемъ поселенцы должны были оставлять свое имущество въ рукахъ казаковъ. Все это привело къ паденію Запорожья. Хотя, по окончаніи войны съ Турціей, запорожское войско и получило благодарность отъ правительства за оказанную имъ храбрость, но какъ въ Запорожьѣ, съ покореніемъ Крыма, не было уже особенной надобности, то судьба его вскорѣ рѣшилась — и Сѣчь пала.

Самымъ замѣчательнымъ лицомъ въ исторіи Сѣчи, по крайней мѣрѣ, послѣдняго ея десятилѣтія, былъ послѣдній кошевой атаманъ запорожцевъ, Петръ Ивановичъ Калнишевскій.

¹⁾ «Исторія Новой Сѣчи»—А. Скальковскаго. Одесса, 1846 г., ч. II, стр. 75.

Хотя въ куренныхъ спискахъ Калнишевскій былъ записанъ подъ простонароднымъ именемъ Петра Калныжа, тѣмъ не мѣнѣе, какъ положительно извѣстно, онъ происходилъ изъ казачьяго, т. е. дворянскаго званія малороссійскаго, именно изъ Лубенскаго полка. Но, подобно всѣмъ запорожцамъ дворянскаго происхожденія, онъ скрывалъ свое имя и родъ, пока не сдѣлался кошевымъ. Достоверно то, что его племянница была замужемъ за хорунжимъ лубенскимъ, Стефаномъ Вертильякомъ, и что онъ вызвалъ потомъ изъ Малороссіи своихъ племянниковъ Вертильяковъ, потомство которыхъ до сихъ поръ существуетъ въ числѣ помѣщиковъ Херсонской губерніи.

Калнишевскій отличался особенною религіозностью и страстью созидать храмы. Такъ, въ 1763 г. онъ построилъ церковь въ гор. Лохвицѣ, въ 1768 г.—въ Кіевѣ, въ Межигорскомъ монастырѣ, во имя св. Петра и Павла, а въ 1770 г.—въ Ромнахъ; въ тоже время онъ послалъ къ іерусалимскому патріарху для храма Гроба Господня богатые церковные сосуды. По словамъ Скальковскаго, по сравненіи съ предшественниками, Калнишевскій, несмотря на незнаніе грамоты (что считалось необходимымъ условіемъ званія кошеваго), былъ довольно образованъ (?), смѣтливъ и самаго непреклоннаго характера. Онъ съ удивительнымъ искусствомъ зналъ современныхъ ему людей, и если бы политическія происшествія 1770 годовъ не уничтожили нужды въ запорожскомъ войскѣ, онъ бы надолго спасъ эту знаменитую общину. Зная, что недостатокъ въ хлѣбопашествѣ былъ главною причиною той зависимости, въ которой находилось войско отъ пожалованія казною провіанта, онъ всѣ усилія употребилъ на умноженіе селъ, хуторовъ и зимовниковъ, требуя, чтобы новые поселенцы непременно пахали землю и сѣяли рожь. Онъ переманилъ многихъ молдаванъ и болгаръ изъ Новой Сербіи, Польши и Буджака и поселилъ ихъ въ Кодацкой паланкѣ, близъ пороговъ.

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя Калнишевскаго въ «Исторіи Сѣчи» около 1750 г., по случаю преслѣдованія гайдамакъ тогдашнимъ запорожскимъ кошевымъ Григоріемъ Федоровымъ. Этотъ кошевой былъ гроза гайдамакъ, которые съ 1750 г. уже не довольствовались простымъ разбоемъ или воровствомъ на дорогахъ, но вооруженною рукою нападали на враговъ и друзей въ ихъ жилищахъ безъ всякаго различія и страха. Федоровъ, вмѣстѣ

съ войсковымъ есауломъ Петромъ Калнишевскимъ, съ большими командами пускался въ степь для преслѣдованія и истребленія гайдамакъ. Онъ учредилъ особыя форпосты и разъѣздные отряды, которые, подъ ближайшимъ надзоромъ и распоряженіемъ самихъ войсковыхъ есауловъ, цѣлыя годы проводили въ полѣ, гоняясь за гайдамаками по степямъ, балкамъ и даже камышамъ. Во время такихъ разъѣздовъ, войсковою есауль Калнишевскій, въ 1754 г., преслѣдуя грабителей, нашель ихъ близь р. Буга, укрѣпившихся на голуостровѣ, среди камышей, пущками и засѣками, но, несмотря на ихъ сопротивленіе, разбилъ и истребилъ большую часть, а остальныхъ разогналъ.

Послѣ этого Калнишевскій былъ на одинъ годъ избранъ войсковымъ судьей, а въ 1755 г. былъ, въ числѣ трехъ лицъ, назначенъ депутатомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и пробылъ болѣе года. Назначеніе депутаціи состояло въ томъ, чтобы хлопотать о разсмотрѣніи, по представленнымъ отъ войска древнимъ грамотамъ, правъ земскаго владѣнія въ запорожскомъ краѣ, часть котораго уже отошла въ донское войско, подъ сербскія и ново-сербскія поселенія, и о дарованіи на тѣ земли, которыя за нимъ окончателно будутъ признаны, всемилоствѣйшей грамоты. Въ 1758 г. была отъ войска другая депутація по тѣмъ же дѣламъ, прожившая въ Петербургѣ до начала 1760 г. Въ этой депутаціи также участвовалъ Калнишевскій. Черезъ два года Калнишевскій въ первый разъ былъ избранъ кошевымъ атаманомъ запорожскаго войска. Новый атаманъ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ благоразумныхъ казаковъ, но партія простонародная не была расположена къ нему, такъ что онъ не былъ избираемъ въ кошевые ни въ 1763, ни въ 1764 г. Но въ 1765 г. Калнишевскаго снова избрали въ кошевые и онъ эту должность сохранилъ десять лѣтъ сряду, чего до тѣхъ поръ въ кошѣ «изъ вѣку вѣшовъ не бывало».

Крѣпко держа въ рукахъ власть и не потворствуя грубымъ инстинктамъ войсковою черни, Калнишевскій возбудилъ въ себѣ ненависть беспорядочныхъ людей въ войскѣ и два раза подвергался опасности погибнуть отъ ихъ рукъ. 26-го декабря 1768 г., когда кошевой на общей войсковою радѣ, пожелавши старшинѣ и всему войску счастливаго праздника, сообщилъ имъ монаршія

повелѣнія по случаю угрожавшей Россіи войны съ Турціей и по обычаю спросилъ:

— «А що, братчыкы, будемъ робыты?»

Толпа вооруженныхъ казаковъ прервала его рѣчь, разогнала собраніе и послѣ, съ сѣкирами и саблями, бросилась на дома старшинъ, разграбила и разрушила ихъ. Послѣ того ворвалась въ войсковую тюрьму и, освободивъ оттуда заключенныхъ и уже осужденныхъ вошемъ за гайдамацтво въ Польшѣ преступниковъ, вооружила ихъ и хотѣла возмутить все войско. Но до этого не допустили начальникъ сѣчевыхъ церквей, архимандритъ Владиміръ, и куренные атаманы, имѣвшіе вліяніе въ своихъ куреняхъ. Въ смятеніи, кошевой, переодѣвшись въ монашескую рясу, и главные старшины бѣжали Днѣпромъ изъ Сѣчи и скрылись въ Кодакѣ, подъ защитою его пушекъ и вѣрнаго товариства Куцевскаго куреня, въ которомъ былъ записанъ Калнишевскій.

Въ мартѣ 1770 г., въ Щербиновскомъ куренѣ, казаки сдѣлали было заговоръ съ цѣлю кошевого и старшину убить и предаться Турціи. Къ счастью, заговоръ былъ открытъ своевременно, безъ послѣдствій для Калнишевскаго¹⁾.

Вмѣстѣ со всѣмъ запорожскимъ войскомъ, кошевой Калнишевскій участвовалъ въ войнѣ противъ турокъ и татаръ въ 1769 и 1770 годахъ. По окончаніи кампаніи, кошевому пожалована золотая медаль съ портретомъ императрицы «за оказанныя отлично храбрыя противу непріятели поступки и особое къ службѣ усердіе». При этомъ дана милостивая грамота всему запорожскому войску.

Затѣмъ кошевой съ запорожскими казаками принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турціей 1772—1774 годовъ. При началѣ этой войны кн. Потемкинъ, имѣвшій потомъ роковое вліяніе на судьбу Запорожья, заявляя въ письмѣ къ кошевому: «къ запорожскому войску любовь и готовность къ услуженію», просилъ записать его братчиномъ въ Куцевскій курень, т. е. причислить въ войско, что, конечно, съ удовольствіемъ было исполнено Калнишевскимъ. По окончаніи войны, Потемкинъ, будучи назначенъ поворооссійскимъ генераль-губернаторомъ, еще благосклонно относился къ войску. По крайней мѣрѣ, 21-го іюня

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія извлекаемъ изъ «Исторіи Новой Сѣчи».

1774 г., онъ такъ писалъ Калнишевскому: «вѣдая по слуху и славѣ отличность дарованій вашихъ въ ратномъ ополченіи и стройномъ правимаго вами коша содержаніи, за долгъ почель: въ знакъ всегдашней къ вамъ моей любви, послать къ вамъ барманные дзигарки (часы) и оксамиту на платьѣ, дабы нося оныя, имѣли вы ежечасное воспоминаніе о томъ, который всегда содержитъ васъ въ неизгладимой памяти и всѣ ваши препорученія исполнять за обрадованіе и собственное удовольствіе поставляетъ. Увѣряю васъ чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, гдѣ предвижу доставить каковую-либо желаніямъ вашимъ выгоду, на справедливости и прочности основанную, и какъ у престола монархини о пользѣ вашей ходатайствовать, такъ и по сосѣдству въ претензіяхъ вашихъ, разобравъ связь обстоятельствъ, мнѣ еще неизвѣстныхъ, помогать вамъ вседушно готовъ».

Но вскорѣ намѣренія и планы Потемкина относительно Запорожья измѣнились. Не прошло и года со времени благосклоннаго письма его, какъ Сѣчи уже не существовало.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1775 г. были двинуты войска для занятія Запорожья. 4-го іюня генералъ Текелій окружилъ Сѣчь и потребовалъ къ себѣ кошеваго атамана Калнишевскаго, войсковаго писаря Глобу и войсковаго судью Головатаго. По явкѣ къ нему, эти лица были взяты подъ караулъ, а имѣніе ихъ, также какъ и войсковое, было подвергнуто описи. Затѣмъ войско было объявлено не существующимъ.

II.

Относительно дальнѣйшей судьбы кошеваго, писаря и судьи до сихъ поръ не было ничего извѣстно. Скальковскій въ «Исторіи Новой Сѣчи» пишетъ: «знаемъ, что кошевой, писарь и судья были отправлены въ Москву, но что затѣмъ послѣдовало съ ними — неизвѣстно. Говорятъ, что Калнишевскій былъ отправленъ на жительство гдѣ-то на берега Дона, ибо находимъ въ одной пѣснѣ слѣдующій намекъ:

Ой полеты, та полеты, чорная галко,
 Та на Динь рыбу исы!
 Ой прынесы, та прынесы, чорная
 Галко, отъ коноваго висты!

Пишущему эти строки приходилось слышать, что у потомковъ запорожцевъ, въ Екатеринославской губерніи, существуетъ преданіе, будто бы послѣдній кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи, Калнишевскій, послѣ уничтоженія коша, удалился въ Турцію съ прочими казаками, женился тамъ и имѣлъ сына. До сихъ поръ на развалинахъ Сѣчи ожидаютъ появленія запорожца, сына Калнишевскаго ¹⁾).

Но какъ это преданіе, такъ и сообщенное г. Скальковскимъ — невѣрны.

Лѣто 1862 года мнѣ пришлось провести на берегахъ Бѣлаго моря, въ селеніи Ворзогорахъ, отстоящемъ отъ гор. Онеги въ 25-ти верстахъ. Живя въ этомъ селеніи, я часто спрашивалъ крестьянъ о Соловецкомъ монастырѣ, который отъ Ворзогоръ находится въ разстояніи только 180-ти верстъ и въ который тамошніе крестьяне ѣздятъ ежегодно, иные на короткое время, а иные на годъ и болѣе.

Одинъ крестьянинъ (по фамиліи Лукинъ), старикъ лѣтъ 80-ти, рассказывая о заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ, къ величайшему моему изумленію и удовольствію, упомянулъ мимоходомъ, что тамъ былъ заключенъ какой-то атаманъ казаковъ, котораго онъ самъ видѣлъ. Я просилъ его припомнить все, что онъ знаетъ объ этомъ атаманѣ, котораго онъ видѣлъ, и онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

— «Ходили мы на звѣриной промыслъ, на Бѣломъ морѣ, и случилось быть въ день Пасхи въ Соловецкомъ монастырѣ. Года не помню, а было это, кажись, въ скорости послѣ французской войны (1812 г.) и при архимандритѣ Паисіѣ 1-мъ ²⁾). Пришли мы въ трапезу передъ обѣдомъ, дожидали монаховъ съ порціей. Приходить человѣкъ незнаемый, за карауломъ три солдата съ ружьемъ. Спрашивалъ насъ любопытно: «кто царемъ теперь, какъ цари живутъ нынче и какія благополучія на Руси теперича». Мы отвѣчали, что царемъ Александръ Павловичъ; живутъ по прежнему, все, славу Богу, благополучно и хорошо. Онъ бы и больше спрашивалъ, да солдаты не позволили говорить. «Отъ этого человѣка отойдите прочь, сказали они, съ этимъ человѣкомъ не приводится

¹⁾ Преданіе это пересказано мнѣ въ Москвѣ, въ 1859 г., П. А. Гатцукомъ.

²⁾ Здѣсь значительная ошибка въ годъ.

говорить вамъ». И монахи тоже запрещали: «архимандритъ увидитъ, такъ нехорошо вамъ за это будетъ....» Архимандритъ пришелъ и онъ подошелъ къ благословенію. Архимандритъ говорилъ ему: «ты древень, землей пахнешь» (давая знать этимъ, что ему не долго осталось жить). Онъ тутъ и жизнь кончилъ. Опосля монахи свазывали, что это какой-то кошевой атаманъ, сидитъ близко 40 годовъ въ совершенномъ заточеніи¹⁾. Его выпускали только три раза въ годъ: на Пасху, Рождество и Преображеніе. Выпускали на трапезу — монастырскаго хлѣба кушать. Я какъ теперь его помню: росту средняго, старый видомъ, сѣдастые волосы и волосъ обсыкъся; видно, что много сидѣлъ. Борода не долга, бѣлая. Одѣтъ былъ въ китайчатый синій сертучокъ; пуговицы, не знаю, оловянные, чтоль — маленькія такія, въ два ряда. Говорилъ не такъ чисто, какъ по-русски.

Другой крестьянинъ добавилъ къ этому разсказу, что когда привезли кошеваго, то онъ былъ чрезвычайно здоровъ и широкъ въ плечахъ. Потомъ же сдѣлался худъ и старъ «и гдѣ то костье дѣлось. Ходилъ онъ въ красной одеждѣ (гармазынъ). Онъ много имѣнія положилъ, всю сумму (т. е. свои деньги и имущество); евангеліе его и поднесъ стоитъ. Если будете въ Соловецкомъ, сходите въ ризницу и спросите у ризничаго: гдѣ вещи кошеваго? — покажутъ».

Изъ разсказовъ ворзогорскихъ крестьянъ я узналъ слѣдующее о положеніи узниковъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ прежнее время.

Въ прежнее время всѣ заключенные дѣлились на три разряда. Первый — тѣ, которые находились на покаяніи; они жили въ заключеніи и обязаны были ходить въ церковь ежедневно. Узники 2-го разряда сидѣли въ заключеніи въ отдѣльныхъ комнатахъ и подъ замкомъ. Имъ позволялось, съ разрѣшенія архимандрита, иногда выходить: зимой на прогулку, лѣтомъ на работу (косить и т. д.). Навонецъ, узники 3-го разряда могли выходить только три раза въ годъ, а остальное время сидѣли безвыходно подъ замкомъ. Въ монастырѣ этихъ называли «великими грѣшниками». Къ числу ихъ, вѣроятно, причислялся и Калнишевскій. Изъ этихъ грѣшниковъ нѣкоторые сидѣли еще въ ро-

¹⁾ Здѣсь также ошибка въ числѣ годовъ.

гаткахъ. Рогатками назывался инструментъ, надѣвавшійся на голову. Онъ состоялъ изъ желѣзнаго обруча вокругъ головы, ото лба къ затылку, замыкавшася помощью двухъ цѣпей, которыя опускались внизъ отъ висковъ, на замокъ подъ подбородкомъ. Къ этому обручу было придѣлано перпендикулярно нѣсколько длинныхъ желѣзныхъ шиповъ. Такимъ образомъ, эти рогатки не позволяли человѣку лечь ни на бокъ, ни на спину, ни навзничь, такъ что онъ долженъ былъ спать сидя. Изъ послѣдняго разряда заключенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или, по выраженію крестьянъ, дѣлались блаженными, т. е. сходили съ ума, и тогда жили долго¹⁾. Кромѣ того, крестьяне рассказывали, что въ Соловецкомъ монастырѣ показываютъ двѣ тюрьмы (вышедшія теперь изъ употребленія): Жаравину и Корчагину. Корчагина тюрьма называлась такъ отъ того, что въ ней нельзя было сидѣть иначе, какъ скорчившись, а Жаравина, говорили они, не знаемъ; можетъ быть отъ того, что тамъ было очень жарко. Всѣ тюрьмы находились въ то время въ монастырской стѣнѣ, комнаты были очень малы, а окна такой величины, что можно только руку просунуть. Теперь для заключенныхъ построены особенный большой домъ, а рогатокъ больше давно не употребляютъ²⁾.

Въ 1863 г., проѣздомъ изъ Онеги въ Холмогоры, мнѣ довелось разсматривать въ Архангельскѣ архивъ архангельскаго губернскаго правленія; пересматривая въ немъ «Опись не секретныхъ дѣлъ бывшей губернской канцеляріи» губернатора Головцына, я отыскалъ записаннымъ подъ 1,243 № «Дѣло по сообщенію государственной военной коллегіи-конторы объ отсылкѣ, для содержанія, въ Соловецкій монастырь кошеваго Петра Калнишевскаго. Іюля 11-го дня 1776 года».

¹⁾ Слова крестьянъ на счетъ послѣдняго обстоятельства подтверждаются вѣдомостями архимандритовъ объ узникахъ за прошлое столѣтіе. Такъ, противъ многихъ фамилій стоитъ отмѣтка въ родѣ слѣдующей: «находится въ совершенномъ умѣ» и т. п.

²⁾ Изъ «Наряда по указу правительствующаго сената о посылкѣ въ 1758 г. въ Соловецкій монастырь штабъ-офицера для осмотра земляныхъ погребовъ, которые сдѣланы для колодниковъ», видно, что въ 1742 г., по указу синода, закладены двѣ тюрьмы, именуемыя: первая—Корожналъ, въ бойницѣ, другая—Головленкова, у Архангельскихъ воротъ, въ стѣнѣ, не земляная, но поверхъ земли.

Е.

Изъ этого дѣла видно, что послѣ разоренія Сѣчи Тевеліемъ (совершившагося 4-го іюня 1775 г.), Калнишевскій, до объявленія ему высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей въ іюнѣ 1776 г., содержался въ конторѣ военной коллегіи. Высочайшая конфирмація подписана на довлздѣ генераль-аншефа, военной коллегіи вице-президента и пр. Григорія Александровича Потемкина. Калнишевскаго сопровождалъ 1-го Московскаго пѣхотнаго полка секундъ-маіоръ Александръ Пузыревскій съ однимъ унтеръ-офицеромъ и пятью рядовыми. Подорожная дана Пузыревскому въ Москвѣ, 25-го іюня, на девять подводъ «съ нѣкоторымъ арестантомъ». Ъхали такъ: на первой тройкѣ Пузыревскій, на второй—унтеръ-офицеръ и три рядовыхъ, на третьей—два рядовыхъ съ узникомъ. На остальныхъ, вѣроятно, имущество Калнишевскаго. На обратномъ пути Пузыревскій имѣлъ три подводы и команда его тоже три. Изъ конторы дана была Пузыревскому инструкція, чтобы онъ «содержалъ арестанта въ крѣпкомъ присмотрѣ и во время пути отъ всякаго съ посторонними сообщенія удалялъ». При отправкѣ Калнишевскаго на вѣчное содержаніе въ Соловецкій монастырь, велѣно производить ему изъ вступившаго въ секвестръ его имѣнія по одному рублю въ сутки. 11-го іюля Калнишевскій привезенъ въ Архангельскъ къ губернатору Головцыну. Губернаторъ нарядилъ изъ архангелогородской губернской роты сержанта и трехъ рядовыхъ, отдавъ ихъ въ команду Пузыревскаго для караула «колодника», если будетъ имѣться въ нихъ надобность. Такъ какъ путь къ Соловецкому монастырю лежитъ моремъ, то для отправленія туда узника нанято было судно у купца Воронихина. 18-го іюля Пузыревскій доносилъ рапортомъ Головцыну изъ урочища Кумбышь, что судно его два раза садилось на мель и повредилось, почему онъ для поправленія его (также за противною, морскою погодою) возвратился въ устье рѣки Двины, хотя находился отъ нея въ морѣ верстахъ въ тридцати. 29-го іюля судно прибыло въ Соловецкій монастырь, и Калнишевскій былъ сданъ архимандриту Досифею и преданъ заточенію. Святѣйшій синодъ предписалъ Досифею удалять Калнишевскаго отъ всякаго съ посторонними людьми сообщенія и содержать за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ ономъ монастырѣ солдатъ; поэтому сержантъ и 3 рядовыхъ отправлены обратно въ Архангельскъ.

При этомъ дѣлѣ находится допросъ Калнишевскаго о вексельѣ по займу отъ него полтавскимъ жителемъ Кованькою денегъ двѣ тысячи рублей.

Въ бытность генераль-поручика Текелія при занятіи Сѣчи, приходилъ къ нему уволенный полковой есаулъ Петръ Макуха и словесно представилъ, что полтавскаго полка бунчуковый товарищъ Руденко и отставной капитанъ Константинъ Мавроени препоручили ему, Макухѣ, отдать бывшему кошевому атаману Калнишевскому взятые ими и съ полтавскимъ жителемъ Михаиломъ Кованькою 887 руб. изъ числа 2-хъ тысячъ руб. и отобрать отъ Калнишевскаго вексель.

При описаніи имѣнія Калнишевскаго полковникомъ Языковымъ и капитаномъ Потресовымъ этого векселя не отыскано. А потому новороссійская губернская канцелярія просила военную коллегію о спросѣ у Калнишевскаго, гдѣ находится означенный вексель. Контора военной коллегіи писала, 10-го августа того же 1776 года, архангельскому губернатору Головцыну объ истребованіи отъ Калнишевскаго и судьи Головатаго свѣдѣнія объ упомянутомъ вексельѣ. На спросъ Калнишевскій, 2-го сентября, объявилъ, что вексель по займу отъ него съ товарищи Кованькою денегъ 2 т. р. имѣлся при бытности его въ Сѣчи съ прочими войсковыми дѣлами у судьи Павла Головатаго, а у него никогда не бывалъ и нынѣ не находится.

Въ вѣдомостяхъ на 1799 годъ, послывшихся въ святѣйшій синодъ о содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ, въ которыхъ отмѣчалось, по какому указу присланъ колодникъ, за что, и какъ онъ себя ведетъ,—противъ фамиліи Калнишевскаго отмѣчено: «При указѣ изъ святѣйшаго правительствующаго синода за вѣроломное буйство и разореніе російскихъ подданныхъ, содержать безвыпускно изъ монастыря и удалять не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія. Оной Калнишевскій жизнь свою провожаетъ смиренно и никакныхъ безпокойствъ отъ него не происходитъ».

Въ вѣдомостяхъ 1802 г. онъ уже не показанъ.

Не имѣвъ самъ возможности посѣтить Соловецкаго монастыря, я просилъ своихъ знаемыхъ, члена московскаго археологическаго общества А. Г. Гоздаво-Тышинскаго и члена географическаго общества П. П. Чубинскаго, при посѣщеніи монастыря,

собрать свѣдѣнія о Калнишевскомъ. Изъ нихъ первый доставилъ мнѣ два нижеслѣдующіе документа о ссыльѣ Калнишевскаго, а второй—надписи съ евангелія Калнишевскаго и съ надгробнаго памятника.

1.

Всемилоостивѣйшая государыня! Вашему императорскому величеству пзвѣстны всѣ дерзновенные поступки бывшаго Сѣчи Запорожской кошевого Петра Калнишевскаго и его сообщниковъ, судьи Павла Головатаго и писари Пвана Глобы. коихъ вѣроломное буйство столь велико, что не дерзалъ уже я, всемилоостивѣйшая государыня, нещеленіемъ онаго трогать нѣжное и чловѣколюбивое ваше сердце, а притомъ и не нахожу ни малой надобности приступить къ каковымъ-либо изслѣдованіямъ, имѣя явственнымъ доводомъ оригинальные къ старшинамъ ордера, изъявляющіе великость преступленія ихъ предъ священнымъ вашего императорскаго величества престоломъ, которую, во вѣсѣмъ гражданскимъ и политическимъ законамъ, заслужили, по всей справедливости, смертную казнь. Но какъ всегдашняя душа вашей спутница добродѣтель побѣждаетъ суровость злобы кроткимъ и матернимъ исправленіемъ, то и осмѣливаюсь и всеподданнѣйше представить: не соизвоите-ли высочайше указомъ помянутымъ преданнымъ правосудному суду вашему узникамъ, почувствовавшимъ тягость своего преступленія, объявить милосердное избавленіе ихъ отъ заслуживаемаго ими наказанія, а вмѣсто того, по извѣданной уже опасности отъ близняго пребыванія ихъ къ бывшимъ запорожскимъ мѣстамъ, повелѣть отправить на вѣчное содержаніе въ монастыри, изъ коихъ кошевого въ Соловецкой, а прочихъ—въ состоящіе въ Сибири монастыри, съ производженіемъ изъ вступившаго въ секвестръ бывшаго запорожскаго имѣнія: кошевому по рублю, а прочимъ по полукопѣйкѣ на день; остающееся затѣмъ обратитъ, по всей справедливости, на удовлетвореніе ими вѣрнооданныхъ вашихъ рабовъ, кои, повинаясь божественному вашему предписанію, сносили буйство бывшихъ запорожцевъ безъ намалѣйшаго сопротивленія, ожидая избавленія своего отъ десницы вашей и претерпѣвъ убытковъ болѣе нежели на 200.000 рублей. коимъ и не оставлю я дѣлать соразмѣрное удовлетвореніе.

Вѣрно-всеподданнѣйшій рабъ князь Потемкинъ.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: «Быть по сему».

14-го мая 1776 г.—Царское село.

2.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго синода ставропигальнаго Соловецкаго монастыря архимандриту Досифею. Святѣйшему правительствующему синоду вѣденіемъ отъ 8-го сего іюня изъ правительствующаго сената сообщено, что правительствующій сенатъ, по ренорту генерала авшефа, военной коллегіи вице-президента, Астраханской, Азовской и Новороссійской губерніи генералъ-губернатора и кавалера князя Григорія Александровича Потемкина, и по приложенной копіи съ высочайше конфирманнаго ея императорскимъ величествомъ всеподданнѣйшаго его доклада о бывшихъ Сѣчи Запорожской кошевомъ Петрѣ Калнишевскомъ и его сообщникахъ, судѣ Павлѣ Головатомъ и писарѣ Пванѣ

Глобѣ, съ такимъ съ него, господина генераль-губернатора, донесеніемъ, что какъ содержатся они въ военной конторѣ въ Москвѣ, то, по объявленіи имъ высочайшаго ея императорскаго величества указа, и имѣютъ они безъ малѣйшаго продолженія времени, отправлены быть на прописанномъ въ докладѣ основаніи, т. е. на вѣчное содержаніе въ монастыри: кошевой въ Соловецкой, а прочіе въ состоящіе въ Сибирѣ монастыри-жъ, подъ строжайшимъ присмотромъ отъ означеннаго мѣста до другаго военныхъ командъ; для препровожденія-жъ ихъ до тѣхъ мѣстъ опредѣляется къ каждому по одному штабъ-офицеру, съ выдачею для произвожденія опредѣленнаго на пропитаніе ихъ жалованья, также и на прогоны до тѣхъ мѣстъ, на счетъ Новороссійской губерніи, потребной суммы. Отъ сената же оны, генераль-губернаторъ и кавалеръ, требовать, чтобы сообщить святѣйшему правительствующему синоду для надлежащаго предписанія къ духовнымъ тѣмъ монастырей властямъ, чтобы содержанья были узники сіи безвыпускно изъ монастырей и удалены-бъ были не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія. Также и о произвожденіи имъ опредѣленнаго къ пропитанію жалованья: кошевому по рублю, а прочимъ по полуполтнѣ на день, которое и будетъ доставляемо туда поодно изъ новороссійской губернской канцелярія. Опредѣлилъ: въ святѣйшій правительствующій синодъ сообщать вѣденіе, дабы благоволилъ, по требованію господина генераль-губернатора и кавалера, учинить предписание властямъ показанныхъ монастырей, съ тѣмъ, что какъ изъ конфирмовааннаго ея императорскимъ величествомъ 14 минушаго мая доклада видно, что вышеупомянутые узники подлежали, за ихъ великія преступленія, смертной казни, но изъ высочайшаго ея императорскаго величества матернаго милосердія отъ того избавлены, а вмѣсто того осуждены на вѣчное содержаніе въ монастыряхъ, то тѣмъ уважительнѣе и содержаніе ихъ тамо происходило бы сходственно съ представленіемъ его, господина генераль-губернатора. а между тѣмъ и опредѣленные къ пропитанію каждый деньги, кои новороссійская губернская канцелярія доставлять будетъ, начальники монастырей, принимая, раздавали-бъ тѣмъ узникамъ, чего ради съ конфирмовааннаго доклада сообщена въ святѣйшій синодъ копія и. по указу ея императорскаго величества, святѣйшій правительствующій синодъ приказали: вышеозначенныхъ узниковъ: Калишевскаго въ Соловецкій монастырь принять и о содержаніи его безвыпускно изъ монастыря, и объ удаленіи его не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія, и о имѣніи въ томъ вамъ, настоятелю, прилежнаго надсмотрствія. и о доставленіи къ пропитанію получаемаго изъ Новороссійской губерніи жалованья. по поступленіи съ нимъ во всемъ такъ, какъ въ вѣдѣніи правительствующаго сената предписано и вамъ, архимандриту, съ приобненіемъ при семъ съ конфирмовааннаго доклада копіи, послать указъ, съ тѣмъ, чтобы посылаемый туда узникъ содержанъ былъ за неослабнымъ карауломъ обрѣтавшихся въ ономъ монастырѣ солдатъ, и ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря архимандриту Досифею чинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу: а о прочіихъ узникахъ къ преосвященному Варлааму, епископу тобольскому, указъ изъ святѣйшаго синода посланъ, и о всемъ томъ правительствующему сенату и господину генераль-губернатору и кавалеру знать дано. Іюня 10-го дня 1776 года.

3.

Надпись на евангеліи, пожертвованномъ Калнишевскимъ.

«Во славу Божию устроена сіе святое евангеліе во обитель святаго преображенія и преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, что на морѣ океанѣ при архимандритѣ Іонѣ. А раденіемъ и коштомъ бывшаго Запороцкой Сѣчи кошеваго Петра Пвановича Калнишевскаго, 1801 года, а всего вѣсѣ 34 ф. 25 зол., всей суммы 2,435 р.

На застѣжкахъ: 1-я. «Московской третіей гильдіи купецъ серебряныхъ дѣлъ мастеръ Владиміръ Андреевичъ». 2-я. «Стараніемъ и трудами Соловецкаго монастыря намѣстникомъ іеромонахомъ Вепіаминномъ святое евангеліе сдѣлано».

4.

Надпись на могилѣ Калнишевскаго.

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочеть смерти грѣшника.

«Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошеваго бывшей вѣкогда Запорожской грозной Сѣчи казаковъ атамана Петра Калнишевскаго.

«Сосланнаго въ сію обитель по высочайшему повелѣнію, въ 1776 году, на смиреніе. Онъ въ 1801 году, по высочайшему повелѣнію, снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавашаго свои вѣны. Скончался 1803 года октября 23 дня, въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою».

«Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ! Аминь. А. А. ¹⁾».

1856.

Къ приведеннымъ свѣдѣніямъ о ссыльѣ и времени кончины послѣдняго, по времени, вождя Запорожской Сѣчи добавимъ, что заключеніе Калнишевскаго было дѣйствительно чрезвычайно строгое. О мѣстѣ его заточенія не было извѣстно даже его родственникамъ Вертилькамъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ ихъ потомковъ, Николай Вертильязъ, сообщившій автору «Исторіи Новой Сѣчи» кое-что по части запорожскихъ древностей, не могъ ничего передать ему о судьбѣ Калнишевскаго. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Соловецкомъ монастырѣ указанными выше лицами, Калнишевскаго содержали сначала, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ помѣщеніи, ровно ничѣмъ не отличающемся отъ чулана, маленькомъ, сыромъ, холодномъ и полутемномъ; чуланъ этотъ находился въ одной изъ каменныхъ башенъ монастыря. Въ послѣдніе годы передъ освобожденіемъ,

¹⁾ Соорудитель памятника архимандритъ Александръ.

говорятъ, ему было отведено нѣсколько лучшее помѣщеніе, рядомъ съ жилимъ покоемъ. Несмотря на всю строгость заточенія, Калнишевскій перенесъ его въ теченіе 25-ти лѣтъ, по крайней мѣрѣ, безъ явнаго поврежденія нравственныхъ силъ, какъ это бывало почти со всѣми заточенными. Нельзя не сказать, что это была по-истинѣ запорожская натура!

Относительно другихъ товарищей по судьбѣ Калнишевскаго, мы можемъ сообщить кое-что только о войсковомъ писарѣ Иванѣ Глобѣ; на счетъ же войскового судьи Павла Головатаго намъ ничего неизвѣстно.

Извѣстіе о Иванѣ Глобѣ получено отъ извѣстнаго любителя русской литературы Н. Д. Мизьо. Иванъ Яковлевичъ Глоба, послѣдній писарь Запорожской Сѣчи, по ссылкѣ Калнишевскаго отправленъ въ Сибирь, въ гор. Турухансь, гдѣ и умеръ въ тамошнемъ монастырѣ около 1790-го года; объ этомъ можно догадываться изъ того, что 7-го сентября 1791-го года былъ составленъ «регистръ» его имущества, т. е. опись оставшейся по его смерти одежды и вещей и началась переписка о розыскиваніи его наслѣдниковъ.

П. С. Ефименко.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ.

V¹⁾.

Пріемъ дѣтей въ слѣб. воспитательный домъ.—Олонецкій пріютъ для незаконнорожденныхъ.—Недобросовѣстность купца Вашкалова.—Очеркъ педагогической системы Бецкаго.—Уловія физическаго и моральнаго воспитанія.—Осужденіе грубыхъ принудительныхъ мѣръ, вызвавшее противодѣйствіе тогдашнихъ воспитателей.—Значеніе дидактической части въ воспитаніи.—Обученіе ремесламъ.—Смертность питомцевъ въ домъ.—Состояніе медицинскаго части.—Открытіе аптеки при домъ.

Пріемъ дѣтей въ с.-петербургскій воспитательный домъ продолжался на основаніяхъ, указанныхъ въ генеральномъ планѣ. По прежнему, всѣ незаконнорожденные младенцы, — за исключеніемъ вѣрнопольныхъ и солдатскихъ дѣтей, — принимались безпрепятственно въ домъ, гдѣ имена ихъ вносились въ книги, каждое подъ особымъ номеромъ, по порядку приноса. Счетъ номеровъ начинался непрерывно съ открытія дома; но вслѣдствіе быстро умножавшагося приноса дѣтей, 8-го декабря 1772 года, уже положено было, во избѣжаніе слишкомъ сложной нумераціи, начинать новый счетъ съ 1-го января, съ обозначеніемъ каждаго года²⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 146—159; 359—380; 663—680; томъ XIII, стр. 177—199; 382—553. Въ предыдущей статьѣ (томъ XIII, стр. 542), въ строкѣ 7-й снизу, вмѣсто «каммергера отъ коллегіи», слѣдуетъ читать: «камергера отъ коллегіи».

²⁾ См. журн. слѣб. отдѣленія.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XIV, 1875 г., НОМЕРЪ.

Безпріютные сироты принимались въ домъ въ видѣ исключенія, «по усмотрѣнію мѣста и средствъ»; но надо думать, что исключенія эти допускались довольно часто, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, такъ что уже въ 1773 г. между дѣтьми, отосланными въ Москву изъ здѣшняго дома, мы находимъ многихъ сиротъ изъ купеческаго званія и разночинцевъ ¹⁾. Въ томъ помѣщеніи, которое занималъ домъ въ Милліонной улицѣ, дѣтей приносили во вторыя, отъ Милліонной, ворота по Аптекарскому переулку, гдѣ находилась надпись: «Путь къ человѣколюбію» ²⁾.

Кромѣ дѣтей, принесенныхъ непосредственно въ воспитательные дома, заведенія эти — какъ мы говорили уже — открывали доступъ и всѣмъ младенцамъ, принятымъ въ разныхъ мѣстахъ государства особо-назначенными къ тому лицами. Лица эти именовались иногда просто воспитателями; иногда же получали почетное званіе попечителей воспитательнаго дома; обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы, принявъ и воспитавъ у себя незаконныхъ дѣтей до извѣстнаго возраста, отсылать ихъ затѣмъ, смотря по удобству, въ Москву или въ С.-Петербургъ. За эту доставку, начиная съ 1772 года, полагалось отъ воспитательныхъ домовъ особое вознагражденіе. Въ лицахъ, пожелавшихъ принять на себя обязанности воспитателей, не было недостатка и, такимъ образомъ, съ 1766 до 1796 года младенцы призрѣвались разновременно въ Нижнемъ Новгородѣ, Пензѣ, Калугѣ, Воронежѣ, Кіевѣ, Перми, Вытегрѣ, Екате́ринбургѣ, Ахтыркѣ (уѣздный городъ Харьковской губ.), Енисейскѣ, Тобольскѣ и пр., и пр. Дѣломъ этимъ занимались иногда официальные лица, какъ напримѣръ, нижегородскій губернскій прокуроръ Бахметевъ, калужскій генераль-губернаторъ Кречетниковъ, а иногда частные люди разныхъ званій, причемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ, предлагая свои услуги, ставили воспитательному дому и весьма оригинальныя требованія. Такъ, воронежскій купецъ

¹⁾ Матеріалы для исторіи московскаго воспитательнаго дома. Выпускъ 2-й. «Историческая записка о правилахъ приѣма», стр. 44. Къ сиротамъ нельзя, впрочемъ, причислять всѣхъ дѣтей съ фамиліями, поименованныхъ на той же страницѣ «Исторической записки»: по крестовымъ книгамъ здѣшняго дома видно, что фамиліи давались иногда и приносимымъ дѣтямъ, вмѣстѣ съ именами при крещеніи.

²⁾ Извѣстія воспитательнаго дома на 1784 г., стр. 264.

Сахаровъ ожидалъ отъ воспитательнаго дома, въ награду своихъ трудовъ, «освобожденія отъ выбора въ гражданскую службу», на что, конечно, и получилъ отказъ отъ имени Бецкаго ¹⁾. Между воспитателями встрѣчались люди своекорыстные, которые, изъ личныхъ расчетовъ, брались за челолюбивое дѣло; но были и усердные, самоотверженные дѣятели, не щадившіе ни своихъ нравственныхъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ для успѣшнаго выполненія принятой ими на себя обязанности. Чтобы уберечь воспитательные, дома отъ справедливаго нареканія за нерадивыхъ воспитателей, Бецкой предписывалъ наводить точныя справки о лицахъ, желавшихъ открытъ у себя приемъ дѣтей, и отказывалъ въ этомъ званіи всѣмъ, чья нравственная репутація не соответствовала важности предпринятаго дѣла. На этомъ основаніи, въ 1775 году, нѣкто Мадневъ, «извѣстный непохвальными качествами», получилъ отказъ на просьбу завести по разнымъ городамъ пріюты для незаконно-рожденныхъ дѣтей. Похвальной же ревностью, доходившей до самоотверженія, отличался воспитатель Василій Тимковскій, священникъ села Капустинецъ, переяславской епархіи, который, при устройствѣ своего пріюта, претерпѣлъ немалыя непріятности, какъ со стороны чиновниковъ, такъ и отъ мѣстнаго высшаго духовенства. Одинъ изъ чиновниковъ сказалъ Тимковскому: «если ты успѣиваться будешь, то легко и убить быть можешь». Переяславскій епископъ Іовъ, на просьбу Тимковскаго о подаваніи въ пользу воспитательнаго дома, отвѣчалъ съ видомъ неблаговолительнымъ: «я челолюбъ бѣдный, нечего мнѣ давать; я и самъ тебѣ книжку поднесу». Епископъ Пларіонъ поступалъ съ Тимковскимъ еще круче и однажды выгналъ его изъ своихъ покоевъ, запретивъ ему подавать себѣ какія бы то ни было просьбы о воспитательномъ домѣ. По объясненію Тимковскаго, епископъ «былъ гнѣвенъ на него за то, что не даетъ ему дачъ: столовыхъ, мпровыхъ и др., которыя ея величество уничтожила, но кои продолжаютъ давать ему всѣ прочіе изъ страха» ²⁾. Изъ всѣхъ этихъ мѣстныхъ воспитатель-

¹⁾ Письмо главнаго попечителя въ московскій опекунскій совѣтъ отъ 5-го іюня 1773 года.

²⁾ «Историческая записка» во 2-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи московскаго воспитательнаго дома», стр. 52. Въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ» напечатанъ списокъ всѣхъ воспитателей и попечителей воспитательнаго дома.

ныхъ домовъ дѣти обыкновенно доставлялись въ Москву, и только одинъ олонецкій купецъ Яковъ Вашкаловъ присылалъ своихъ питомцевъ въ с.-петербургскій воспитательный домъ. Но этотъ Вашкаловъ, какъ видно изъ дѣла, былъ человекъ или прямо борыстный, или, по малой мѣрѣ, беспорядочный, такъ что сношенія съ нимъ воспитательнаго дома, начавшись вполне миролюбиво, окончились формальнымъ и рѣшительнымъ разрывомъ.

Вашкаловъ началъ приемъ дѣтей въ Олонцѣ съ 8-го августа 1771 года, а въ 1775 году переселился въ городъ Вытегру ¹⁾. Въ первый разъ дѣти были доставлены имъ въ спб. воспитательный домъ 22-го іюня 1772 г., въ количествѣ 22-хъ человекъ обоюго пола, за что Вашкаловъ и удостоился получить серебряную медаль. Но уже тогда, по поводу неопредѣленности денежныхъ издержекъ, показанныхъ Вашкаловымъ, призывали его въ засѣданіе спб. отдѣленія и спрашивали: «какою платою вообще можетъ онъ удовлетвориться за каждаго 3-хъ лѣтняго ребенка, имъ доставленнаго?» На этотъ вопросъ олонецкій воспитатель не далъ категорическаго отвѣта, а просилъ «оставить его на прежнемъ основаніи еще на одинъ годъ». Прошло, однако, нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ пріютъ перенесенъ былъ изъ одного города въ другой, а Вашкаловъ все еще не могъ вычислить среднюю цифру своихъ издержекъ, не могъ даже представить никакой книги о приемѣ дѣтей и расходованіи на нихъ денегъ. Между тѣмъ онъ сталъ присылать, вопреки положенію, грудныхъ дѣтей, изъ которыхъ бѣольшая часть умирала въ дорогѣ; воспитательному же дому приходилось даромъ платить за продовольствіе въ пути кормилицъ и нянекъ. Рѣшено было, 31-го мая 1774 г., сдѣлать новое напоминаніе Вашкалову, чтобы онъ не присылалъ дѣтей ранѣе 3-хъ лѣтъ и чтобы не просилъ уплаты денегъ по «заочнымъ расходамъ», которыхъ нѣтъ никакой возможности провѣрить. Но и это напоминаніе, повторенное въ іюль 1775 г., не произвело ожидаемаго дѣйствія, и шнуровая книга, давно уже выданная Вашкалову для записыванія приносимыхъ дѣтей, не давалась, какъ кладъ, въ руки спб. отдѣленія. Наконецъ, въ іюнь 1777 года, Вашкаловъ сообщилъ отдѣленію, что записная книга была имъ отослана въ С.-Петербургъ съ выте-

¹⁾ Журналъ спекунскаго совѣта 1772 г. 22-го іюня и 1775 г. 30-го іюля, № 189.

горскимъ мѣщаниномъ Бѣлоусовымъ еще въ мартѣ 1776 г., но что этотъ мѣщанинъ былъ убитъ въ дорогѣ—«и сіе убійство въ неизвѣстности оставалось до марта мѣсяца сего 1777 г.». Съ тѣмъ вмѣстѣ Вашкаловъ прислалъ 15 дѣтей обоого пола и требовалъ за нихъ издержекъ 300 р., изъ которыхъ признано было возможнымъ выдать ему, по расчисленію, только 298 р. Книга не отыскалась однако при убитомъ Бѣлоусовѣ, и спб. воспитательный домъ, истощивъ уже все свое терпѣніе, постановилъ, 12-го іюня 1779 года: сообщить новгородскому намѣстнику Я. Е. Сиверу, «чтобъ благоволилъ Вашкалову въ пріемъ и воспитаніи младенцевъ, за недачею отъ него, съ начала воспріятія имъ на себя воспитательской должности, обстоятельнаго отчета.—отказать». Въ то же время положено было публиковать: не пожелають-ли другіе благодѣтельные люди принять на себя, по челоуѣволюбію, тѣ обязанности, въ исполненіи которыхъ отказано было несправному Вашкалову ¹⁾).

Въ то время, какъ тянулась эта непріятная исторія съ купцомъ Вашкаловымъ, Я. Е. Сиверъ два раза предлагалъ спб. отдѣленію устроить особыя воспитательныя дома: сначала въ Каргополь, а потомъ въ Бѣлоозерѣ, причемъ на устройство перваго дома высчитывалъ примѣрную сумму издержекъ въ 2 тысячи р. ежегодно; но оба предложенія были отвергнуты «во избѣжаніе заочныхъ расходовъ», которыми Вашкаловъ уже достаточно напугалъ здѣшнее отдѣленіе. Не признавая удобнымъ заводить на собственный счетъ каргопольскій воспитательный домъ, спб. отдѣленіе просило Сивера похлопотать: не возьмутся-ли сами каргопольскіе жители за устройство дома на своемъ иждивеніи, подобно тому, какъ это сдѣлано было мѣщанствомъ гор. Осташкова ²⁾).

О внутренней жизни спб. воспитательнаго дома, подъ управленіемъ Бецкаго, о содержаніи и воспитаніи питомцевъ, мы имѣемъ немного свѣдѣній, да и тѣ касаются преимущественно того времени, когда, по болѣзни и старости, Бецкой лишился возможности ближе наблюдать за исполненіемъ своихъ предписаній. Къ тому же, до 1780 г. населеніе здѣшняго дома состояло преимущественно изъ малолѣтковъ, для которыхъ рано было

¹⁾ Журналъ спб. опекунскаго совѣта 1779 г., № 261.

²⁾ Журн. спб. отд. 1774 г. 7-го марта и 7-го мая.

учреждать учебные классы и ремесленные занятія. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ существованія дома, изъ уставовъ Бецкаго могла имѣть практическое примѣненіе только та часть ихъ, которая трактовала о физическомъ воспитаніи дѣтей. Но чтобы дать понятіе о томъ, каковы были требованія Бецкаго въ лучшій періодъ его дѣятельности, необходимо изложить, хотя вкратцѣ, главныя основанія его педагогической системы. Мы сдѣлаемъ это, руководствуясь позднѣйшимъ изслѣдованіемъ о значеніи Бецкаго въ исторіи русскаго воспитанія ¹⁾).

Воспитаніе, по взгляду Бецкаго, должно было разсматриваться съ четырехъ сторонъ: 1) со стороны физической, 2) физико-моральной, 3) собственно моральной и 4) дидактической или обученія. Физической сторонѣ въ воспитаніи Бецкой, первый въ Россіи, придалъ надлежащее значеніе и указалъ для нея многія весьма раціональныя правила, заимствуя ихъ у Локка и др. педагогическихъ писателей, а также у извѣстнаго въ свое время доктора Саншеса. «Физическая часть — по опредѣленію Бецкаго — есть средство слѣдовать по стопамъ природы, не превосходя ея и не переламывая; но, способствуя ей, наклонять мало по малу отъ вреднаго къ полезному». Физическое воспитаніе видоизмѣнялось, смотря по возрасту и по темпераменту воспитываемаго; на каждое изъ этихъ условій мы находимъ въ «физическихъ примѣчаніяхъ» особыя указанія. Главнѣйшее вниманіе обращалось на воздухъ, пищу и одежду. Дѣтямъ слѣдуетъ чаще быть на свѣжемъ воздухѣ, въ особенности во время движенія: «труды и вольный воздухъ укрѣпляютъ въ дѣтяхъ тѣлесное сложеніе, умножаютъ веселье и отъ всѣхъ будущихъ недостатковъ предохраняютъ; напротивъ того, отъ лѣности и худаго воздуха вырастаютъ они такъ слабы, что весь свой вѣкъ въ болѣзняхъ провождаютъ». Эта привычка къ чистому воздуху, укрѣпляя дѣтскій организмъ, избавляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ отъ необходимости прибѣгать къ лекарствамъ, которыя должны быть употребляемы только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и отнюдь не въ видѣ предосторожности противъ возможныхъ, но еще не наступившихъ болѣзней. Заботясь о физическомъ развитіи дѣтей, Бецкой считалъ однако вредною излишнюю бережливость въ сохраненіи ихъ здоровья,—бережли-

¹⁾ См. наши статьи въ журналѣ «Дѣло» 1867 г., №№ 4, 5, 7, 8 и 9.

вость, владающую въ изнѣженность и разслабленіе. Онъ совѣтуетъ приучать, съ ранняго возраста, дѣтей къ перенесенію стужи, влаги и непостоянной погоды; совѣтуетъ: позволять имъ бѣгать, въ ясные и пасмурные дни, по песку, по пашнѣ, по горахъ и брутымъ мѣстамъ и пр. и пр. Пища дѣтей должна быть сытная, но неприхотливая, и изъ нея безусловно устраняются всѣ горячительныя и пряныя снадобья. Одежда дѣтей должна быть также проста и невзыскательна, а главное—просторна и свободна, чтобы дѣти могли въ ней безпрепятственно играть и прыгать.

Съ этими основаніями совершенно согласуется пвструѣція воспитательницамъ здѣшняго дома, помѣщенная нами въ приложеніи ко 2-й главѣ. Ссылаясь на нихъ же, Бецкой, при одномъ внезапномъ посѣщеніи воспитательнаго дома, сдѣлалъ опекунскому совѣту строгое замѣчаніе о найденныхъ имъ безпорядкахъ по содержанію дѣтей.

Физическое воспитаніе, укрѣпляя тѣло, способствуетъ, въ той же мѣрѣ, развитію душевныхъ способностей—и для воспитателя является новая обязанность: направлять физическія упражненія такимъ образомъ, чтобы они имѣли образовательное вліяніе на душу ребенка. Здѣсь начинается въ воспитаніи особая часть, которую Бецкой называетъ физико-моральною, и въ основаніи ея владеть привычку въ дѣятельности, трудолюбіе. «Одними трудами по мѣрѣ силъ своихъ — говоритъ онъ — и непрестаннымъ тѣлодвиженіемъ отгоняя лѣность, уныніе, грусть, сіи предшественники дурныхъ нравовъ, человекъ сохраняетъ силу, бодрость и веселость духа, толь нужныя и для здоровья, и для доброты сердца». Поэтому, какъ скоро дѣти начнутъ сознавать свои дѣйствія (что происходитъ около двухъ лѣтъ отъ рожденія), то всѣ старанія воспитателей должны быть устремлены къ тому, чтобы приучать ихъ къ руководствіямъ, а также къ домашнимъ и хозяйственнымъ работамъ, но приучать слегка и такъ, чтобы дѣти сами находили въ томъ удовольствіе, «ибо все то отвратительно, что отягощаетъ». Этимъ первымъ руководствіемъ обыкновенно являлось на практикѣ вязаніе чулокъ. Чтобы дѣти, въ часы свободные отъ работъ и въ праздничные дни, не чувствовали приманки къ лѣни, къ спанью и лежанью, спальни ихъ запирались замкомъ съ той минуты, когда кончалось утреннее одѣванье. Входъ же и выходъ изъ дома устраивались настолько удобно,

что дѣти могли отворять и затворять сами за собой двери, отправляясь гулять или забавляться въ то мѣсто, гдѣ на вольномъ воздухѣ приготовлялись для нихъ разныя игры. Къ этимъ играмъ относились: бѣганье, рытье земли, стрѣлянье изъ лука, катанье съ горъ зимою и пр. Вѣроятно, этимъ же играмъ развлекались и питомцы спб. воспитательнаго дома; по крайней мѣрѣ, въ отчетѣ о расходахъ 1787 г. мы нашли особую рубрику: «за дѣланіе дѣтскихъ горъ, покупку санокъ, дровешекъ и лубковъ». Игры слѣдуетъ, по возможности, разнообразить, такъ какъ дѣти любятъ частыя перемѣны, и ихъ удовольствіе должно быть безпрестанно возбуждаемо. Надзиратели обязаны только наблюдать при этомъ, чтобы всѣ вещи, нужныя для игръ, находились готовыми на мѣстѣ, и чтобы играющіе не позволяли себѣ какой-нибудь явной неблагопристойности; но «предводительствовать дѣтей въ играхъ—по мнѣнію Бецкаго—также не надлежитъ, ибо по приказанію веселиться невозможно, а тѣмъ менѣе дѣтямъ, которымъ всякое принужденіе несносно».

За частію физико-моральною слѣдуетъ душевная мораль, или нравовученіе, которое занимаетъ первенствующее мѣсто въ педагогической системѣ Бецкаго. «Здѣсь не должно разумѣть мораль школьную—говорится по этому поводу въ предварительномъ объясненіи къ уставамъ воспитательнаго дома,—мораль, по которой люди, не исправляясь, выученное наизусть такъ добродѣтельно говорятъ и такъ порочно поступаютъ. Зная, что не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ, здѣсь должно быть нравовученію самому естественному, а именно, во-первыхъ, удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ..... ибо безъ сего всѣ наставленія никуда не годятся». Живой примѣръ самихъ воспитателей—вотъ главная дѣйствующая сила въ моральномъ развитіи дѣтей: отъ него безусловно зависитъ весь успѣхъ или неудача воспитанія. Эту мысль Бецкой выразилъ очень рѣшительно въ «планѣ коммерческаго училища». «Направленія сердца и разума къ добродѣтели—говоритъ онъ—не иначе достигнуть можно, какъ во всю бытность (воспитанниковъ) въ училищѣ не дать никогда такого случая ни видѣть, ни слышать, что бь могло произвести худыя впечатлѣнія..... Когда худы будутъ воспитанники, т. е. своенравны, сердиты, упрямы и пр., то вина почестья должна буйству и нерадѣнію начальниковъ,

а не дѣтей». Что же касается до внутренняго содержанія той «добродѣтели», къ которой слѣдовало стремиться.—то въ понятіе это входили, какъ составные его элементы: трудолюбіе, религіозная терпимость, человѣколюбіе и твердое сознаніе своихъ гражданскихъ обязанностей. Но такъ какъ развитіе подобныхъ качествъ невозможно въ личности, нравственно забытой и приниженной, то Бецкой строго оберегалъ своими уставами человѣческое достоинство воспитываемыхъ. Награды и наказанія допускались только какъ средство пробудить соревнованіе въ юнѣшахъ; внѣ этой цѣли они не имѣютъ смысла и должны быть отвергнуты. Развитіе высокомерія, какъ слѣдствіе неумѣренныхъ похвалъ и награжденій, и упадокъ самолюбія въ дѣтяхъ, какъ результатъ частыхъ и суровыхъ наказаній, одинаково несомнѣнны съ идеаломъ нормальнаго воспитанія. Наказанія, численныя Бецкимъ въ различныхъ его уставахъ, начинались съ выговора наединѣ и кончались, въ наибольшей своей степени, лишеніемъ завтрака или обѣда и стояніемъ въ классѣ на колѣняхъ.

Розги и побоя, къ которымъ такъ любила прибѣгать тогдашняя педагогическая дрессировка, осуждались Бецкимъ въ принципѣ, какъ излишнія и вредныя жестокости, только удаляющія отъ высшей цѣли воспитанія. Но педагоги того времени не легко мирились съ подобнымъ остракизмомъ и жаловались на то, что изгнаніе тѣлесныхъ наказаній изъ круга воспитательныхъ средствъ ведетъ къ распущенности и непослушанію дѣтей. Такъ, однажды начальникъ 1-го кадетскаго корпуса, не умѣя иначе справиться съ своими воспитанниками, формально ходатайствовалъ у Бецкаго о восстановленіи тѣлеснаго наказанія; но онъ такъ разгнѣвался на нихъ, что выгналъ ихъ вонъ, сказавъ, что они желаютъ охолопить вѣрныя имъ дѣтей. Безъ сомнѣнія, такія же ходатайства или косвенныя жалобы на недостаточность кроткихъ мѣръ, приходилось Бецкому выслушивать и съ другихъ сторонъ, и онъ, уступая вліянію сильныхъ предрассудковъ, дозволилъ въ воспитательномъ домѣ тѣлесныя наказанія, въ видѣ крайняго исключенія, «за важнѣйшія преступленія», какъ напр., кражи ¹⁾ или «неодолимое упрямство»²⁾. Правомъ налагать подобныя наказанія

¹⁾ Генеральный планъ, ч. 1, гл. 5. § 12.

²⁾ Письмо главнаго попечителя въ московскій сенатскій совѣтъ отъ 6-го августа 1779 г.

пользовались только высшіе начальники, но не надзиратели и надзирательницы,—чѣмъ и думалъ Бецкой ограничить до послѣдней степени употребленіе розги. Когда же онъ узналъ, что въ московскомъ воспитательномъ домѣ тѣлесныя наказанія стали примѣняться, какъ ординарная мѣра, и дѣло дошло до того, что мастера начали подвергать побоямъ всѣхъ обучающихся у нихъ питомцевъ, тогда онъ командировалъ въ Москву опекуна Дурново, и тотъ, исполняя, какъ видно, его предписаніе, потребовалъ прежде всего «запретить строгое обращеніе мастеровъ съ воспитанниками и того болѣе—тѣлесное наказаніе». Но замѣчательно, что эту-то мягкость въ обращеніи съ воспитанниками московскіе опекуны и поставили въ вину Дурново, доказывая ему, между прочимъ, что «мастеръ легкимъ наказаніемъ (вопросъ шель о пощечинахъ) имѣетъ право напоминать ученику объ исправленіи должности его»¹⁾. Такъ трудно было тогдашнимъ рутинерамъ свыкнуться съ мыслью, что розги и побоя не составляютъ необходимаго средства вразумленія при воспитаніи и обученіи дѣтей! За тѣлеснымъ наказаніемъ,—какъ мѣрою, уже доказывавшею безуспѣшность воспитанія,—слѣдовала, по генеральному плану, отдача питомцевъ въ матросы или въ солдаты, въ силу рѣшенія опекунскаго совѣта.

Понятно, что нравственная цѣль воспитанія, такъ высоко поставленная Бецкимъ въ теоріи, была трудно достижима на практикѣ, при тогдашнемъ персоналѣ учителей и воспитателей, хотя, съ другой стороны, должно призвать, что разумная теорія, отражаясь болѣе или менѣе на достоинствѣ практическихъ приемовъ воспитанія, воздерживала разныхъ Кутейкиныхъ и Цифиркиныхъ отъ слишкомъ грубаго проявленія ихъ произвола. Но подавать собой хорошій примѣръ юношеству Кутейкины и Цифиркины были все же не въ состояніи, и Бецкому по неволѣ приходилось вербовать учителей и гувернеровъ между иностранцами, которые, не отличаясь въ большинствѣ ни своимъ образованіемъ, ни нравственнымъ развитіемъ, однако превосходили туземныхъ педагоговъ хоть внѣшней отесанностью и кое-какими культурными привычками. Тѣмъ не менѣе, Бецкой

¹⁾ Архивъ московскаго опекунскаго совѣта: «Переписка съ почетнымъ благотворителемъ кн. А. М. Голицынымъ», № 24.

не считалъ этого преобладанія иностранцевъ нормальнымъ фактомъ и въ 3-й части генеральнаго плана (глава 3-я) прямо говорилъ: «Нужно, чтобы приставники были изъ российскихъ. Можно ли, чтобъ дѣти признавали иностранныхъ (приставниковъ) родителями своими и оказывали имъ, какъ долсъ вѣдить, любовь и дружбу?» Закрытое воспитаніе также служило средствомъ. — хотя и недостижимымъ цѣли, — въ тому, чтобы укрѣпить въ дѣтяхъ нравственныя понятія, привитыя имъ въ стѣнахъ учебно-воспитательнаго заведенія, устранивъ разрушительное вліяніе грубой и невѣжественной среды. Бецкой мечталъ создать для дѣтей особую искусственную атмосферу любви, трудолюбія и нравственной чистоты.....

Дидактической части, т. е. обученію, Бецкой не придавалъ большой цѣны, раздѣляя въ этомъ случаѣ ошибку Локка, Руссо и др. передовыхъ писателей того времени. Наука, по этому ошибочному взгляду, не имѣла прямой связи съ нравственными задачами воспитанія и являлась чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ нихъ, какою-то вынужденною уступкою практическимъ потребностямъ жизни. Иногда эта наука ведетъ къ добру; но «во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце не вкоренены», — какъ будто нравственные идеалы человѣка не видоизмѣняются, не становятся чище и плодотворнѣе, смотря по степени умственнаго развитія. Заблужденіе это кажется уже очень страннымъ въ настоящее время, и для справедливой оцѣнки его необходимо припомнить, что то обученіе, противъ котораго ратовали лучшіе педагоги XVIII-го столѣтія, состояло исключительно въ механическомъ изученіи двухъ древнихъ языковъ да въ метафизическихъ тонкостяхъ схоластики. Связь школы съ жизнью была разорвана, и все приносилось въ жертву латыни и метафизикѣ, на счетъ которыхъ Бецкой, слѣдуя мнѣнію Юма, выражался въ такихъ рѣзкихъ словахъ: «наибольшій порокъ нынѣшняго воспитанія состоитъ въ томъ, что много употребляется времени на сіи науки, для которыхъ учителя заставляютъ насъ тратить лучшую часть жизни и препятствуютъ учиться важнѣйшимъ и обыкновеннымъ познаніямъ»¹⁾.

¹⁾ См. «Разсужденія о установленіи кадетскаго корпуса», раздѣлъ 2. § 9.

Но не установивъ правильно въ теоріи значенія учебной части, Бецкой оказала ей услугу многими частными взглядами и практическими замѣчаніями. Такъ, напр., онъ нападалъ на принудительный элементъ въ обученіи, совѣтуя только поддерживать въ дѣтяхъ любознательность, которая сама запроситъ для себя пищи; осуждалъ господство славянскаго языка въ первоначальныхъ учебныхъ занятіяхъ и, наконецъ, заговорилъ впервые о наглядности въ преподаваніи. Такъ, напр., арифметикѣ и геометріи, предписывалось обучать больше опытами на твердыхъ тѣлахъ, нежели чертежами; географіи—на большомъ глобусѣ, а не по картамъ. О движеніи небесныхъ тѣлъ давалось понятіе посредствомъ прибора, изобрѣтеннаго Мухенброкомъ, гдѣ отъ придѣланнаго поворота ясно видѣлось движеніе планетъ около солнца. Иностраннымъ языкамъ требовалось учить не «тверженіемъ грамматики», но практическимъ употребленіемъ ихъ въ разговорѣ и письмѣ. Кромѣ того, у Бецкой высказывается мысль о сближеніи одного учебнаго предмета съ другимъ, о пользѣ солидарности между различными частями учебнаго курса. Обученіе письму слѣдовало начинать уже тогда, когда дѣти приобрѣтутъ навыкъ въ рисованіи: «писать и изображать цифирь легко покажется имъ, какъ скоро свободно рисовать начнутъ». При этомъ учащіе должны показывать, какъ держать карандашъ или перо въ рукѣ, какъ класть бумагу и руки безъ принужденія, и въ какой позѣ держать все тѣло, чтобы не было вреда здоровью ребенка. Подобно тому, какъ обученіе письму приспособлялось къ рисованію, преподаваніе исторіи должно было идти объ руку съ преподаваніемъ географіи. Наставникъ закона Божія (не всегда священникъ, но иногда и свѣтское лицо) обязывался содѣйствовать главной цѣли воспитанія, т. е., не обременяя памяти дѣтей бесполезнымъ заучиваніемъ, развивать въ нихъ добрыя и человѣколюбивыя чувства. Страхъ признавался и въ этой области недостойнымъ педагогическимъ средствомъ, и преподавателямъ воспрещалось запугивать дѣтей грозительными разсказами о мученіяхъ въ аду, такъ какъ «нѣжныя сердца, единожды ужасомъ пораженныя, всю жизнь дѣлаются робкими и боязливыми». Слѣдуетъ еще замѣтить, что Бецкой, согласно мнѣнію Локка, считала бухгалтерію необходимымъ учебнымъ предметомъ для всѣхъ сословій.

Мы объясняли уже въ своемъ мѣстѣ, что покуда дѣйствовало

спеціальное распоряженіе объ отсылкѣ всѣхъ трехлѣтнихъ дѣтей въ Москву, до тѣхъ поръ въ здѣшнемъ домѣ не было ни потребности, ни возможности заводить учебные классы. И дѣйствительно: всѣ азбуки, пожертвованныя въ 1776 г. неизвѣстнымъ лицомъ въ слѣб. отдѣленіе, были переданы въ Москву, гдѣ онѣ, вѣроятно, и были употреблены въ дѣло: въ здѣшнемъ же домѣ къ 14-му апрѣля 1782 г. осталось случайно только нѣсколько экземпляровъ этихъ книгъ, но и то на рукахъ у казначея, а не въ распоряженіи учителей, которыхъ во время пожертвованія еще вовсе не было въ домѣ¹⁾. Не ранѣе конца 1779 г., т. е. послѣ того, какъ прекратилась отсылка дѣтей, мы видимъ, что въ здѣшнемъ домѣ нашлись 3 питомцы около шести-лѣтняго возраста, которыми и были замѣнены болыныя воспитанницы московскаго воспитательнаго дома, отправленныя для обученія въ «мѣщанское общество двѣницъ» при Смольномъ монастырѣ²⁾. До этого же времени всѣ питомцы и питомицы, показанные въ «вѣдомости» (приложеніе къ IV-й главѣ), подъ рубрикою «отправленныхъ въ академію художествъ и въ мѣщанское общество», присылались исключительно изъ московскаго воспитательнаго дома. Также точно, появляющаяся не ранѣе 1785 г. въ «вѣдомости» рубрика «выпущенныхъ съ вѣчными пашпортами (или вѣчно-увольнительными свидѣтельствами) и на непосредственное содержаніе» (т. е. съ срочными билетами для служенія по найму) наполнялась, по всей вѣроятности, до 90-хъ годовъ питомцами и питомицами московскаго же воспитательнаго дома, присланными, по тому или другому случаю, въ Петербургъ³⁾. Что же касается до одного питомца, показаннаго подъ этою рубрикою въ 1770 г., то это былъ малолѣтній ребенокъ, оставленный, по причинѣ болѣзни, въ домѣ пріютившей его воспитательницы Шепелевой.

Первый учитель—закона Божія, грамоты и письма—въ здѣшнемъ воспитательномъ домѣ, свящ. Стефанъ Васильевъ, опредѣ-

¹⁾ Дѣло по канцеляріи слѣб. олекунскаго совѣта. № 27—1; а также журналъ олекунскаго совѣта 14-го апрѣля 1782 г. № 311.

²⁾ Архивъ Смольнаго монастыря. «Рѣшенные дѣла 1779 г.», стр. 177—183.

³⁾ Кроме академіи художествъ, питомцы московскаго воспитательнаго дома применялись сюда для работъ на картонной фабрикѣ для театра Клипера (о которомъ будетъ говорено ниже); питомицы же иногда отдавались на обученіе въ мѣщанское общество, иногда же назывались тула въ услуженіе.

лень былъ, по журналу совѣта 16-го сентября 1782 г., съ платою по 10 р. въ мѣсяцъ и съ обязательствомъ: «находиться при обученіи 4 дня въ недѣлю, т. е. въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и субботу, по утрамъ четыре, а по полудни 3 часа». За нимъ, ровно черезъ два мѣсяца, принять для обученія дѣтей рисованію Павелъ Прѣсновъ, бывшій питомецъ московскаго воспитательнаго дома, окончившій курсъ въ академіи художествъ¹⁾. Прося объ этомъ мѣстѣ, Прѣсновъ писалъ, что, — какъ ему извѣстно, — «при здѣшнемъ воспитательномъ домѣ изъ воспитанниковъ обоего пола нѣкоторые уже достигаютъ тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ преподается разныхъ художествъ изученіе». Затѣмъ, по спискамъ служащихъ, мы встрѣчаемъ учителей языковъ: русскаго, отдѣльно отъ закона Божія, французскаго и нѣмецкаго, которые имѣли при себѣ помощниковъ. Жалованье учителей простиралось отъ 200 до 500 р. въ годъ, а ихъ помощниковъ — отъ 100 до 150 р. Изъ другихъ, болѣе или менѣе случайныхъ, источниковъ мы узнаемъ, что обязанности учителя совмѣщались иногда въ лицѣ надзирателя (губернера) или его помощника. Такъ, въ 90-хъ годахъ арифметику преподавалъ надзирательскій помощникъ Иванъ Ахматовъ, и въ тоже время упоминается обученіе географіи, производившееся, вѣроятно, кѣмъ-нибудь изъ лицъ надзирательскаго персонала, такъ какъ между учителями мы не нашли особаго преподавателя этого предмета. Въ классѣ географіи сообщались, какъ надо думать, и элементарныя историческія свѣдѣнія. Понятіе о бухгалтеріи тоже давалось, быть можетъ, кѣмъ-нибудь изъ надзирателей или ихъ помощниковъ. При домѣ имѣлась также бібліотека, которой завѣдывали бібліотекаръ и его помощникъ. Въ 1783 г. приглашенъ былъ оберъ-директоромъ Фрезе, для обученія 10-ти воспитанницъ «музыкѣ на клавнеордахъ», учитель шляхетнаго кадетскаго корпуса Луини съ жалованьемъ по 50 р. въ годъ за каждую ученицу; кромѣ того, обучали играть питомцевъ на «гарфѣ» и сѣрпкѣ, а въ 1793 г. признано нужнымъ нанять особаго учителя вокальной музыки или пѣвчества²⁾. Латинскій языкъ изгонялся, какъ мы видѣли, изъ круга обычныхъ предметовъ ученія, но оберъ-директоръ Фрезе дѣлалъ попытки обучать

¹⁾ Журналъ опекунскаго совѣта 1782 г., № 799.

²⁾ Архивъ Николаевскаго сиротскаго института, дѣло объ учителѣ кол. сов. Маскевичѣ, № 5.

ему нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ, а московскій воспитательный домъ пробовалъ даже ввести его въ систематическій учебный курсъ. Бецкой не одобрялъ, однако, этихъ нововведеній, видя въ нихъ стремленіе обратить воспитательный домъ въ какое-то подобіе университета, и попытки Фрезе, кажется, окончились съ выходомъ его въ отставку. Только уже въ 1796 г., т. е. по смерти Бецкаго, было выбрано 80 питомцевъ здѣшняго дома для обученія латинскому языку, «кои, въ теченіе года бывъ обучены чтенію и письму, препровождены были для лекарскихъ наукъ, въ сухопутную гошпиталь». И тутъ, слѣдовательно, обученіе латинскому языку вызывалось спеціальною потребностью въ ознакомленіи съ медицинскими терминами. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о ходѣ учебной части при Бецкомъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ сообщать, такъ какъ, послѣ самыхъ тщательныхъ разысканій, не нашли въ открытыхъ намъ архивахъ ни распредѣленія уроковъ по днямъ и классамъ, ни частныхъ программъ по учебнымъ предметамъ.

Та же причина, — которая сдѣлала излишнимъ, на долгое время, устройство учебныхъ классовъ при с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ, — препятствовала учрежденію при немъ разныхъ мастерствъ и руководѣлій, обѣщанныхъ уставомъ. Сначала здѣшній домъ бралъ на себя только комиссію по продажѣ издѣлій, приготовленныхъ питомцами московскаго воспитательнаго дома¹⁾; а потомъ — но не ранѣе 80-хъ годовъ — и въ немъ заводятся легкія руководѣлья для женскаго пола. Въ 1786 г. обученіемъ разному руководѣлью занималась мастерица, получавшая жалованья по 170 р. въ годъ, вѣроятно, сверхъ полнаго содержанія въ домѣ. Въ 1791 г., — какъ это видно изъ докладной записки главной надзирательницы Зильберармъ, — въ домѣ существовали уже: прядильня, шелкомойня и золотошвейная, да, кромѣ того, въ немъ же приготовлялось все, нужное для обихода, бѣлье и платье. Въ слѣдующемъ году опекунъ Ильинъ предлагалъ устроить холстинную фабрику, на которой могли бы работать питомцы «всякаго пола и возраста». Но развитіе этихъ мастерствъ не пошло далеко, и изъ показаній Зильберармъ и Ильина можно усмотрѣть, что всего болѣе мѣшали тому недостатокъ инструментовъ и тѣснота помѣ-

¹⁾ Журналъ спб. опекунскаго совѣта 1774 г. 4-го іюля, № 158.

щенія. Къ тому же, все, что было сдѣлано по этой части, касалось почти исключительно однихъ питомцевъ; для мальчиковъ же ремесленные занятія положительно не были организованы здѣсь во весь періодъ управленія Бецкаго, и питомцевъ отдавали на обученіе внѣ дома, къ вольнымъ мастерамъ, начиная съ 1787—88 годовъ. Можетъ быть, питомцы, живя въ домѣ, принимали участіе, вмѣстѣ съ дѣвочками, въ нѣкоторыхъ руководѣльяхъ, какъ напримѣръ, въ вязаннѣ чулокъ, которому, по уставу, должны были обучаться одинаково дѣти обоего пола; но дальнѣйшая спеціализація работъ такъ и не была приведена въ исполненіе, если не брать въ расчетъ отрывочныхъ свѣдѣній, въ родѣ того, напримѣръ, что инспекторъ Фаберъ, опредѣляясь на службу въ воспитательный домъ, обѣщала (но неизвѣстно, исполнилъ-ли свое обѣщаніе?) «руководствовать юношество» въ токарномъ ремеслѣ. Эта отдача дѣтей на обученіе къ разнымъ мастерамъ внѣ дома — причемъ за содержаніе ихъ не производилось платы¹⁾, а кормилъ и одѣвалъ ихъ хозяинъ, пользуясь даровымъ трудомъ своихъ учениковъ — эта экономія расходовъ, въ ущербъ сбереженію нравственныхъ силъ питомцевъ, находилась въ прямомъ противорѣчій со смысломъ устава, и къ ней могла привести, очевидно, только невозможность устроить дѣло иначе. Въ уставѣ говорилось: «мастеровъ имѣть честнаго званія при воспитательномъ домѣ, въ построенныхъ особо покоехъ, чтобъ отданныя имъ въ науку дѣти, будучи подъ присмотромъ начальниковъ, тѣмъ лучше могли предохранены быть отъ поврежденія добрыхъ своихъ нравовъ, съ которыми воспитаны были»²⁾, и въ московскомъ воспитательномъ домѣ этотъ пунктъ соблюдался, хотя по внѣшности, такъ какъ мастера пользовались помѣщеніемъ въ самомъ зданіи дома. Тѣснота здѣшняго дома мѣшала выполнять и это условіе, которое было соблюдено только для питомцевъ московскаго воспитательнаго дома, вытребованныхъ на здѣшнюю картонную фабрику въ 1774 г. По контракту, заключенному съ здѣшнимъ домомъ, картонный мастеръ, Николай Матье, обязывался обращаться съ питомцами благопристойно и челоуѣколюбиво, но мы видѣли уже на примѣрѣ московскаго дома, что и такой гарантіи

¹⁾ Дѣло по канцеляріи сиб. оек. совѣта, по разн. предм., № 987—10.

²⁾ Генеральный планъ, ч. I, гл. 2, § 8.

было недостаточно для обезпеченія питомцевъ. Еще незавиднѣе, конечно, была судьба юношей, отданныхъ почти въ безконтрольное распоряженіе мастеровъ, которые и въ наши дни не отличаются гуманностью обхожденія съ своими учениками-ремесленниками. Послѣдствія выходили самыя печальныя. Въ солдаты попадали болѣею частью питомцы, отданные на обученіе въ вольнымъ мастерамъ или работавшіе на фабрикахъ воспитательнаго дома. Проступки, которые влекли за собою такое строгое наказаніе, состояли чаще всего въ кражѣ, буйствѣ или пьянствѣ; но были и нѣкоторые случаи, выходящіе изъ ряда вонъ. Такъ, напр., въ 1781 г. питомецъ, работавшій на чулочной фабрикѣ московскаго воспитательнаго дома, «дерзнулъ ту фабрику зажигать, въ чемъ онъ самъ и признался». Въ 1795 г., и тоже въ Москвѣ, питомецъ, отданный для обученія въ аптеку, сначала «впалъ въ развратную жизнь, какъ-то пьянство и воровство мѣдиаментовъ», а наконецъ, «усовершенствовавъ гнусныя свои поступки, покусился на отнятіе жизни своей, предпринявъ зарѣзаться; но остановленный во время, былъ вылеченъ и отправленъ въ военную коллегію для отдачи въ солдаты. Въ военной же коллегіи этотъ питомецъ, «по признанной въ немъ способности», былъ вскорѣ назначенъ въ счетную экспедицію. Питомцы, находившіеся въ обученіи у вольныхъ мастеровъ, также отдавались въ солдаты «за безпорядочное поведеніе и непонятіе мастерства».

Смертность дѣтей продолжала озабочивать Бецкаго: — какъ въ первые, такъ и въ послѣдніе годы его управленія, количество умирающихъ было такъ велико, что нерѣдко изъ нѣсколькихъ сотъ принесенныхъ младенцевъ оставалось въ живыхъ только нѣсколько десятковъ и даже единицъ. Сохраненіе жизни третьей и четвертой доли всего приноса могло считаться очень благоприятнымъ результатомъ. Болѣзненное состояніе младенцевъ, которые, болѣею частью, приносились въ домъ — по свидѣтельству Георги — слабыми и умирающими, недостатокъ кормилицъ¹⁾, а въ послѣдствіи, съ увеличеніемъ приноса, и тѣснота помещенія, въ которомъ невозможно было поддерживать чистоту воздуха —

1) Кормилицы, явившія въ домъ, получали ежегодно на всемъ готовомъ до 20 р.; жалованье нянекъ простиралось до 17 р. въ годъ. Съ 1-го мая 1782 г. всемъ имъ было прибавлено по одному рублю въ годъ. (Журналъ оп. сов., № 414).

вотъ главныя причины усиленной смертности дѣтей. Недостатокъ кормилицъ вынуждалъ прибѣгать къ различнымъ суррогатамъ вскармленія, какъ напр., къ козьему и коровьему молоку, а также къ особаго рода кашицѣ¹⁾, приготовляемой по рецепту доктора Саншеса. Названный докторъ надѣялся даже этимъ средствомъ совершенно устранить невыгодныя послѣдствія какъ отъ недостатка кормилицъ, такъ и отъ ихъ болѣзней, которыя часто прививаются къ дѣтямъ. Кашка, предложенная Саншесомъ, была двухъ сортовъ: одна изъ высушенныхъ и истолченныхъ ломтей бѣлаго хлѣба («изъ галачнаго порошку»), смѣшанныхъ съ полпивомъ и медомъ; другая изъ того же порошка съ медомъ и молокомъ, причемъ, во избѣжаніе свѣсанія молока, медъ клался въ этотъ растворъ прежде, до соединенія его съ вторымъ ингредиентомъ. Первою кашкою кормили дѣтей мѣсяць или два до передачи ихъ кормилицѣ; вторая—предназначалась для дѣтей здоровыхъ и крѣпкихъ, которыхъ не было надобности кормить грудью, до двухлѣтнаго ихъ возраста²⁾.

Потерѣ дѣтей способствовало, въ первые годы существованія дома, и неудовлетворительное состояніе медицинской части. Бецевой, какъ мы уже говорили это выше, придавалъ много цѣны соблюденію гигиеническихъ условій воспитанія и—разъ они выполнены,—то считалъ возможнымъ прибѣгать къ лекарственнымъ снадобьямъ только въ самыхъ крайнихъ, немногочисленныхъ случаяхъ. Всѣ болѣзни, по его мнѣнію, могли быть предупреждены сохраненіемъ чистоты воздуха, здоровымъ, сытнымъ питаніемъ и разнообразными гимнастическими упражненіями. Согласно съ этимъ, Бецеой, при основаніи Смольнаго института, не хотѣлъ имѣть въ немъ особаго медицинскаго штата: ему казалось удобнѣе, не опредѣляя докторовъ исключительно въ Смольный, приглашать ихъ, по мѣрѣ надобности, изъ другихъ мѣстъ и платить только за случайные визиты, не назначая имъ годоваго жалованья³⁾. Когда же медицинскій штатъ понадобилось утвер-

¹⁾ Генер. планъ, ч. III, гл. I, стр. 197.

²⁾ «Разсужденіе: какимъ образомъ надлежитъ вскармливать и воспитывать найденныхъ ребятъ въ Россіи», доктора Саншеса. Разсужденіе это, переведенное съ французскаго языка, приложено въ письму Бецеаго въ моск. оп. совѣтъ отъ 22-го декабря 1765 г.

³⁾ «Очеркъ изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII-го столѣтія», Я. Чистовича, стр. 300 и 304.

дѣть, отчасти вслѣдствіе настояннй медицинскон коллегіи, тогда начальница Смольнаго завела переписку о размѣрѣ жалованья, находя, напр., возможнымъ назначить аптекарскому гезелю 100 р. въ годъ, «такъ какъ труда его немного будетъ», — на что медицинская коллегія возражала, что за эту цѣну «самаго младшаго аптекарскаго гезеля опредѣлить не можетъ». Такой же взглядъ примѣненъ былъ сначала и къ здѣшнему воспитательному дому. Первый лекарь, Иванъ Мейеръ, назначенъ былъ не одновременно съ открытіемъ дома, но спустя около полгода; приглашенный же къ пользованію съ незначительнымъ жалованьемъ, онъ только пріѣзжалъ изрѣдка и не жилъ ни въ самомъ домѣ, ни по близости его. Безотлучно въ домѣ находился лишь лекарскій помощникъ, Николай Ивановъ, который, по увольненіи Мейера, занялъ его мѣсто и началъ практиковать почти самостоятельно, съ тѣмъ же жалованьемъ (80 р. въ годъ), подъ наблюденіемъ лекаря академіи художествъ, Воронова. Но такъ какъ въ скоромъ времени оказалось, что лекарь Вороновъ, «за дальностію его квартиры, всегдашняго смотрѣнія имѣть не можетъ», а на лекарскаго помощника плоха была надежда, то 5-го сентября 1772 г. рѣшено снова принять Мейера, прибавивъ ему жалованья до 120 р. въ годъ и обязавъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщать домъ «по часту и хотя не каждый день, но, по крайней мѣрѣ, въ недѣлю трижды неотмѣнно». Насколько удовлетворительны были познанія Николая Иванова, которому не разъ приходилось замѣнять доктора въ домѣ, можно судить потому, что въ 1778 г. онъ, по представленію штабъ-лекаря Книпера, былъ уволенъ отъ своей должности, ибо «со вступленія его въ сію науку по медицинскимъ правиламъ обучаемъ не былъ, какъ въ госпиталяхъ обучаютъ, и не можетъ прямо знать той науки, какую долженъ знать подлекарь»¹⁾. Очевидно, это былъ импровизированный докторъ-самоучка, не прошедшій даже той подготовительной практической школы, которая, при шаткости тогдашней медицинской теоріи, могла бы дать ему хоть нѣкоторый навыкъ въ распознаваніи и леченіи болѣзней. Мы говоримъ: «хоть нѣкоторый навыкъ», потому что и въ петербургскихъ госпита-

¹⁾ Журн. слб. опеи. сов. 1778 г. 24-го апрѣля, № 144. Въ послѣдствіи этотъ Ивановъ занимался штемпелеваніемъ картъ при домѣ.

ляхъ, гдѣ устраивались въ прошломъ столѣтіи медицинскія школы, Ивановъ едва-ли почерпнулъ бы сколько-нибудь основательныя научныя позванія. Такъ, напр., въ 1755 г., профессоръ Шрейберъ, членъ спб. академіи наукъ, преподававшій анатомію въ двухъ генеральныхъ госпиталяхъ (сухопутномъ и адмиралтейскомъ), живя на Аптекарскомъ островѣ и не желая ѣздить на Выборгскую сторону читать лекціи, просилъ разрѣшенія призывать къ себѣ на домъ госпитальныхъ учениковъ для слушанія курса анатоміи, и доказывалъ основательность своей просьбы тѣмъ, что курсъ его «только изъ однихъ рѣчей состоитъ», безъ всякихъ демонстративныхъ опытовъ, отсутствіе которыхъ дѣлаетъ однако бесполезнымъ самое преподаваніе анатоміи¹⁾. Но хотя порядочныхъ лекарей трудно было сыскать въ то время, и большая часть ихъ, по степени своихъ знаній и теоретическаго развитія, немногимъ превышала простыхъ эмпириковъ или знахарей, тѣмъ не менѣе Бецкой, убѣдившись на опытѣ, что съ одной гигиеной возможно обойтись только при идеальныхъ условіяхъ рожденія и воспитанія дѣтей, значительно расширилъ въ послѣдствіи и средства медицинской помощи въ домѣ, и удобства пользованія ею. Жалованье доктору, постепенно возвышаясь, дошло уже въ 1778 г. до 600 р. въ годъ, вмѣстѣ съ экипажными деньгами²⁾: квартиру онъ получалъ въ самомъ домѣ, а съ переводомъ дѣтей въ Милліонную улицу,—гдѣ, въ новомъ помѣщеніи, не оказалось для него свободной квартиры,—ему назначена прибавка къ жалованью, въ 200 р., на наемъ квартиры, именно вблизи воспитательнаго дома³⁾. Въ слѣдующемъ же году, но уже другому доктору, замѣнявшему Книпера (Мартыну Зегеру), положено было нанимать квартиру отъ воспитательнаго дома, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ⁴⁾. При основаніи здѣшняго дома былъ только одинъ лазаретъ, состоявшій подъ наблюденіемъ какой-то мадамы,⁵⁾ а въ 1785 г. мы находимъ уже два лазарета, управляемые докторомъ при помощи опытныхъ подлекарей. Подъ однимъ изъ этихъ ла-

¹⁾ «Очерки изъ исторіи рус. медц. учр.», стр. 131.

²⁾ Журн. опеки сов. 1778 г. 19-го мая, № 179.

³⁾ Журн. опеки сов. 5-го ноября (№ 575) 1780 г.

⁴⁾ Журн. опеки сов. 1781 г. 23-го іюля, № 461.

⁵⁾ См. нашу статью: «Начало воспитательныхъ домовъ въ Россіи», въ «Вѣстникѣ Европы» 1874 г., № XI.

заретовъ слѣдуетъ, кажется, разумѣть особый воспитанный домъ», — упоминаемый впервые въ книгахъ генеральнаго баланса въ 1781 г. — куда помѣщались, для прививанія оспы, дѣти, привозимыя ихъ воспитателями изъ деревень. За такой приговоръ дѣтей, какъ видно изъ генеральнаго же баланса, воспитатели получали нѣкоторое вознагражденіе отъ дома. Прививалась-ли оспа всѣмъ, безъ исключенія, питомцамъ воспитательнаго дома и на которомъ году? — на это мы не можемъ дать вполне точнаго отвѣта, но есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ, значительная часть дѣтей подвергалась привитію натуральной оспы (вакцинація началась позже: отъ 3-хъ и 4-хъ до 8-ми и 10-ти лѣтъ по рожденіи. На эту мысль наводятъ какъ факты, такъ и различныя соображенія. Во-первыхъ, Бецкой принадлежалъ лично къ числу пропагандистовъ оспопрививанія и публиковалъ самъ о его результатахъ, обнаружившихся въ академіи художествъ и въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Изъ этого опубликованнаго отчета, озаглавленнаго: «Способъ прививанія оспы», видно, что оспа привита была дѣтямъ не моложе 4-хъ-лѣтняго и не старше 10-ти-лѣтняго возраста; но опыты, произведенные докторомъ Мертенсомъ въ московскомъ воспитательномъ домѣ и упомянутые въ примѣчаніи къ тому же отчету¹⁾, показываютъ, что оспопрививаніе могло начинаться и съ трехъ лѣтъ, имѣя своимъ предѣломъ 8-ми-лѣтній возрастъ питомца. Въ «Физическихъ примѣчаніяхъ», въ параграфѣ 77-мъ, говорится: «отъ пяти, шести или еще моложе, до осьми и десяти лѣтъ надлежитъ дѣтямъ прививать оспу: необходимость сего довольно уже доказана искусными, просвѣщенными и человеколюбивыми врачами, которымъ слѣдовать, безъ сомнѣнія, должно по многимъ обязанностямъ отъ нихъ опытамъ и успѣхамъ». Затѣмъ мы знаемъ, что въ теченіи всего 1775 года извѣстный пасторъ Эйзенъ жилъ въ спб. воспита-

¹⁾ «Учрежденія и уставы» Бецкаго, т. II, изд. 1774 г., Сиб. Въ «Матеріалахъ для исторіи московскаго воспитательнаго дома» (т. I, статья: «Историч. очеркъ оспопрививанія», стр. 20) сказано, что «Способъ прививанія оспы» напечатанъ Бецкимъ въ 1791 г. Такое неопредѣленное указаніе можетъ ввести въ ошибку: «Способъ» этотъ напечатанъ въ 1774 г. вторымъ изданіемъ, а въ 1791 г. онъ, вѣроятно, появился въ печати уже въ третій разъ, между тѣмъ какъ изъ вышеприведенной фразы можно сдѣлать заключеніе, что въ 1791 г. «Способъ» Бецкаго только что былъ опубликованъ.

²⁾ Журн. сиб. опек. сов. 1776 г. 24-го февраля. № 48. Составитель «Истор.

тельномъ домѣ на всемъ готовомъ, прививая дѣтямъ оспу, за что получили въ награду 100 р. с. ²⁾). Въ 80-хъ годахъ, какъ мы свѣдали, упоминается уже о существованіи особаго «воспепнаго дома», гдѣ, по причинѣ заразительности прививной натуральной оспы, варіолированныя дѣти содержались отдѣльно отъ прочихъ. Надо думать, что, кромѣ упомянутыхъ нами деревенскихъ дѣтей, въ этомъ же оспенномъ домѣ помѣщались и все вообще варіолированныя питомцы изъ оставшихся въ городѣ. Подобный же оспенный домъ былъ заведенъ и въ Москвѣ въ періодъ управленія Бецаго. Лекарства, которыя требовались для здѣшняго дома по распоряженіямъ докторовъ, выписывались сначала изъ главной аптеки «по истиннымъ цѣнамъ, во что обходятся, безъ накладки», такъ какъ домъ, по силѣ своихъ привилегій, пользовался правомъ немущихъ; платежъ за отпущенные изъ главной аптеки медикаменты производился, по представленіи счетовъ, по третямъ года. Сношенія съ главной аптекой имѣли, однако, свои неудобства, и «за множествомъ отпусковъ въ казенныя и частныя мѣста» оттуда невозможно было получить лекарства даже 3—4 дня спустя по предъявленіи рецепта; поэтому въ 1779 г. воспитательный домъ заключилъ условіе съ вольнымъ аптекаремъ Иоганномъ Генрихомъ Голтегеромъ (въ Литейной части) съ тѣмъ, чтобы онъ отпускалъ лекарства по рецептамъ Книпера безъ всякаго замедленія и по цѣнамъ, положеннымъ въ таксѣ государственной медицинской коллегіи ¹⁾). Расчетъ по этому отпуску долженъ былъ производиться въ концѣ года; если же въ счетѣ Голтегера оказались бы цѣны выше назначенныхъ таксою, то воспитательный домъ могъ отослать такой счетъ, при жалобѣ, въ медицинскую коллегію. Но и этотъ способъ полученія медикаментовъ okazaлся, въ непродолжительномъ времени, невыгоднымъ или неудобнымъ, и въ 1784 г. воспитательный домъ рѣшилъ завести свою собственную аптеку, завѣдываніе которой было поручено, 1-го мая того же года, гезелю Николаю Крампу ²⁾).

очерка оспопрививанія», въ Матеріалахъ для исторіи моск. воспитательнаго дома, ошибается, предполагая, что въ 1775 г. Эйзенъ прививалъ оспу въ Москвѣ. Весь этотъ годъ Эйзенъ пробылъ, повидимому, въ С.-Петербургѣ.

¹⁾ Журн. спб. опеки сов. 1779 г. 15-го мая. № 216.

²⁾ Архивъ спб. опеки сов., о служившихъ по аптекамъ, № 1. 15-го ноября 1798 г., этотъ Крампъ уволенъ отъ службы по прошенію, но безъ аттестата, а въ слѣдующемъ году попалъ «подъ стражу» за долги по векселямъ.

Сначала эта аптека удовлетворяла исключительно потребностям воспитательнаго дома и не пролаивала своихъ лекарствъ въ частныя руки; но въ 1790 году положено было открыть ее для вольной продажи, и съ этою цѣлью въ помѣщеніи ея начались различныя передѣлки и приспособленія. Заказаны были рѣзныя украшенія: карнизы и двери позолочены: куплены были новыя ящики для лекарствъ и новыя на нихъ литеры; снаружи, надъ аптекою, поставлено изображеніе пеликана, стоившее 180 р.: хрустальная посуда приобрѣтена съ заводовъ князя Г. А. Потемкина¹⁾, и для полученія платы за нее (220 р. 92 в.) являлся въ опекунскій совѣтъ нѣкто Алексѣй Суховъ, «генеральный писарь изъ штаба его свѣтлости», какъ сказано объ немъ въ журнальномъ постановленіи²⁾. Наконецъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1790 г. появилась и троевратная публикація отъ опекунскаго совѣта: «что въ здѣшнемъ воспитательномъ домѣ, по сношенію съ государственною медицинскою коллегіею, открыта нынѣ аптека для публичной продажи»³⁾.

А. П. Пятковскій.

¹⁾ См. журналы 21-го января 1790 г., 25-го и 27-го апрѣля и 14-го мая.

²⁾ Журн. опек. сов. 1790 г. 25-го апрѣля.

³⁾ «Спб. Вѣд.» 1790 г., № 63, 6-го августа.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Собственноручныя ея повелѣнія, письма и замѣтки.

1770—1792.

Въ «Русской Старинѣ» было помѣщено довольно много собственноручныхъ писемъ, замѣтокъ и повелѣній императрицы Екатерины II (см., между прочимъ, въ томѣ III, стр. 310—325; 474—484; 605—627; 689—699; т. VIII, стр. 60—86; 717—720; 653—690; 853—884; т. IX, стр. 37—56; 285—300; 473—504; т. XI, стр. 489—496; т. XII, стр. 384—390). Приводимъ нынѣ цѣлый рядъ таковыхъ документовъ, отъ первой до послѣдней строки написанныхъ рукою этой государыни и относящихся до разнообразнѣйшихъ дѣлъ и мыслей, ея занимавшихъ. Помѣщеніе этихъ матеріаловъ почти вслѣдъ за очеркомъ жизни князя Потемкина — ея главнѣйшаго пособника — особенно умѣстно, такъ какъ удерживаетъ вниманіе читателя на столь важной эпохѣ въ русской исторіи, каково есть царствованіе Екатерины II.

Ред.

Бн. Сергѣю Васил. Гагарину по поводу брака гр. Андрея Ефимовскаго

Юля 29-го 1770 г. Секретно между нами.

Князь Сергѣй Васильевичъ. Изъ репорта ко мнѣ юстицъ-коллегіи усмотрѣла я, что съ вашей стороны, или, лучше сказать, вы подали въ оную коллегію доношеніе, опровергая третій бракъ графа Андрея Ефимовскаго¹⁾. Я въ сіе дѣло еще публично мѣшаться не могу для того, что оно предала законному теченію. Но, ваше сіятельство, между нами сказать, гдѣ князя Сергѣя Васильевича честь, гдѣ совѣсть? Или вы ждете теперь, или вы лгали мнѣ тогда, когда вы съ Мартыномъ Карловичемъ²⁾ неотступно просили, чтобъ я двухъ сестеръ, Анну и Катерину, Ефимовскихъ взяла ко двору во фрейлины, по причинѣ той, говорили вы тогда мнѣ, что отецъ ихъ женился на коноховой дочери, говоря притомъ, что легко то узнать можно отъ попа, кото-

¹⁾ Эту третью его жену звали Степанидой Николовой.

²⁾ Скавронскій.

рый ихъ вѣнчалъ. Вы тогда сами хотѣли то изыскивать, а теперь вы же опровергаете. Гдѣ правда. гдѣ справедливость? Вы съ графомъ Скавронскимъ сенаторы, вы, сверхъ того, имѣете въ вашихъ рукахъ письмо, кое я читала, въ которомъ отецъ, графъ Андрей Ефимовскій, сыну своему, графу Павлу, приказываетъ сей третей его женой съ дѣтми дать пропитаніе. Она молчала, пока сынъ тотъ живъ былъ, ибо такова воля завѣщателя, но когда онъ умеръ, она стала просить. Прошу сказать: корыстолюбіе или позеженіе объ имѣніи однихъ можетъ-ли или должно-ли угнетать правду? Правда ома меня и принудила къ вамъ писать, ибо вижу, что правосудіе можетъ быть затемнено другими страстями. Естьлибъ я не была императрица, то бы я была, по вашимъ рѣчамъ и потому, что я видѣла письмо графа Андрея Ефимовскаго, главный противъ васъ свидѣтель. Желаю вамъ здравствовать.

Помѣта рукою секретаря: «Въ 1773 году дѣло графа Ефимовскаго съ его третью женою Степанндою Никоновою, бывшею крѣпостною дѣвкою, передано было на разсмотрѣніе въ святѣйшій синодъ, который, рѣша дѣло по сущей правдѣ, признавъ бракъ сей законнымъ, хотя оный и совершенъ былъ однимъ священникомъ, безъ участія другихъ церковниковъ, и хотя не былъ внесень въ метрику о бракосочетавшихся. Священника, вѣнчавшаго ихъ, не штрафовали за невнесеніе сего брака въ метрику только потому, что онъ вскорѣ послѣ сего брака умеръ».

Повелѣніе нижегородскому губернатору о разслѣдованіи слуховъ о раскольнивахъ, будто бы убивающихъ младенцевъ и ихъ кровью причащающихся.

Заготовить указовъ три: одинъ въ вотчинную, другой въ судную, третій въ юстицъ-коллегію, дабы оныя мѣста прислали ко мнѣ репортъ, много-ли дѣлъ рѣшено, съ раздѣленія на департаменты, прописавъ именно, сколько къ справкамъ, сколько рѣшенныхъ, сколько исполненныхъ, сколько выпущенныхъ, сколько заготовлено къ слушанію по то число.

Къ нижегородскому губернатору написать секретное письмо, что здѣсь былъ доноситель безумный, который хотѣлъ чрезъ малолѣтнихъ доказывать, что въ сей губерніи есть расколъ, въ которой младенцовъ убиваютъ и ихъ кровью причащаются и много другихъ богомерзкихъ и добронравію противныхъ мерзостей дѣлаютъ. Сей доноситель самъ раскольникомъ былъ, но какъ усмотрѣно, что онъ въ безумствѣ, и также принять не можно было доказательства чрезъ малолѣтнихъ, того ради его доносъ безъ изслѣдованія оставлень. Однако-жъ заблагоразсудилось мнѣ вамъ предписать, дабы вы, ни подъ какимъ видомъ не тревожа никого, а особливо еще раскольниковъ,

весьма подъ рукою въ вамъ ввѣренной губерніи недреманнымъ окомъ смотрѣли и развѣдывали-бъ, не находятся-ли подобныя подозрительныя люди. естъли отъ нихъ соблазны, и не входя ни въ какія слѣдствія, вамъ сюда доносить, впрочемъ надѣмся на ваше благоразуміе и осторожность, что сіе къ вашему наставленію служащее не будетъ служить отъ вашихъ подчиненныхъ никому въ притѣсненіе, за чѣмъ весьма на-крѣпко вамъ смотрѣть и остерегать, а естъли все сіе въ самомъ дѣлѣ не состоится, то тѣмъ и моему духу спокойнѣе будетъ.

Къ казанскому тоже писать.

Надпись для медали князя Долгорукаго.

(Черновая).

Екатериною II
нареченъ Крымскимъ.
Родился — 1713 г.
Успѣ — 1782.

— — —
Завоевалъ Крымъ,
любимъ былъ.

— — —
Крымъ побѣдъ.
Любимъ Москвою.

— — —
Въ память добродѣтели.

Помѣта секретаря: «Сія собственноручная надпись императрицы для медали князя Долгорукаго, ею же зачернена, а слѣдующая, бѣлая, также ею написана».

Надпись для медали князя Долгорукаго.

(Набѣло написанная).

Реверсъ.

Тумба, на которой надпись:

Крымъ побѣдъ.
Любимъ Москвою.

Кругъ медали надпись:

Въ память добродѣтій.

Внизу:

Родился — 1713 г.
Успѣ въ Моск. — 1782.

Подъ портретомъ написать:

Екатериною II
наречезъ Крымскимъ.

Турки въ Грузіи явно дѣйствуютъ, лезгинскими лапами вынимаютъ изъ огня каштаны. Сіе есть опроверженіе мирнаго трактата, который уже нарушенъ въ Молдавіи и Валахіи. Противу сего всякія слабья мѣры дѣйствительны бытъ не могутъ: тутъ не слова, но дѣйствіе нужно, нужно, нужно, чтобы сохранить честь, славу и пользу государя и государства.

Письма къ кн. Г. А. Потемкину.

14-го апрѣля 1783 года, въ великую пятницу.

Mon ami. J'ai reçu hier une lettre de l'Empereur dont je vous envoie copie, c'est la reponse à ma dernière, j'ai ordonnée de vous envoyer un résumé de tout le bavardage de Cobenzel. Je ne fais aucune reflexion sur tout cela parceque je suis très fermement résolue de ne compter sur personne que sur nous même. Quand le gateau sera cuit chaqu'un prendra de l'appetit¹⁾. Какъ мало я считаю за союзника, такъ мало я опасаюсь и уважаю французской громъ, или, лучше сказать, зорницы. Сожалѣю, что отъ самой Нарвы отъ тебя строки не видала, пожалуй, не оставь меня безъ увѣдомленія о себѣ и о дѣлахъ, дабы я, зная о всемъ, излишняго безпокойства не имѣла. Будь здоровъ и пиши чаще. Ал. Дм. (Мамоновъ) тебѣ кланяется и ежедневно ходитъ почти освѣдомляться. Татьяна Васильевна здорова-ли? Adieu mon cher ami, je vous souhaite santé et bonheur. Съ наступающимъ праздникомъ тебя поздравляю.

Апрѣля 18-го 1783 г.

Приходилъ Ефимовичъ, хотѣлъ со мною проститься, я велѣла сказать ему, что съ отрѣшенными за плутни судьями я знакомства не имѣю; вездѣ ходя лжетъ на тебя, говорить, что ты ему полкъ далъ, я тому не вѣрю, понеже знаю, что для него, бездѣльника, добрыхъ и честно служащихъ подполковниковъ не будешь обижать, а его.

¹⁾ (Переводъ) Другъ мой. Я получила вчера письмо отъ императора (Иосифа II), копію съ котораго посылаю вамъ: это отвѣтъ на мое послѣднее письмо; я приказала отправить къ вамъ сокращенный списокъ всей болтовни Кобенцеля. Обо всемъ этомъ я и не задумываюсь, потому что твердо рѣшилась, кромѣ какъ на насъ самихъ, ни на кого не рассчитывать. На гоговый каравай всякій ротъ розинеть.

дѣла скорѣе кнута, нежели пользы, въ награжденіе удостоены по суду. Я о семъ спѣшу написать къ тебѣ, дабы ты зналъ, какъ тебя обязываетъ Ефимовичъ. Прощай, мой другъ. Желаю тебѣ здоровья и лучшей дороги. Знаю, что ты 10-го числа апрѣля пріѣхалъ во Псковъ.

Изъ Царскаго Села, апрѣля 24-го 1783 г.

Письмо твое, другъ мой сердечный, изъ Полоцка я получила, но оное безъ числа, и такъ, не знаю, когда доѣхалъ. Сожалѣю, что ты такъ много трудности нашелъ въ дорогѣ. Надѣюсь, что ты всю экспедицію получилъ. Репнинъ отъѣзжая просилъ меня, чтобъ когда ему впередъ идти придется, чтобъ его увѣдомить гораздо заблаговременно, понеже на его корпусъ пропитанья имѣеть не даѣе 15-го іюня, дабы пропитанія заготовить могъ. Богъ съ тобою. Будь здоровъ и пиши чаще ко мнѣ и ставь числа и увѣдоми меня подробно обо всемъ, тѣмъ самымъ убавишь во мнѣ много безпокойства. Прощай. Желаю тебѣ счастливаго пути. Саша тебѣ кланяется.

Изъ Царскаго Села, апрѣля 27-го 1783 г.

Другъ мой сердечный. За поздравленіе твое со днемъ моего рожденія благодарствую, также и за присланный подарокъ; хвалю тебя, что ты отдохнулъ нѣсколько въ Могилевѣ. Пассе въ самъ ѣдетъ ради Селовскихъ диковинокъ и онъ, конечно, пресѣчетъ наискорѣе и станетъ смотрѣть за ними, виновныхъ накажетъ, а за прочими будетъ имѣть бдѣніе¹⁾. Что людей ты нашелъ своимъ нѣгѣшнимъ состояніемъ довольныхъ, тому радуюсь. чего не достаесть, постараюсь поправить со временемъ. Приѣзжу и Смолоржевскаго унимать²⁾. Спасибо тебѣ, что числа вписалъ и мѣсто, откуда пишешь, пожалуй и впредь такъ дѣлай и пиши часто и подробно, а твои письма весьма мнѣ пріятны. Я здорова. Adieu, mon ami, portez vous bien.

L'Empereur est allé pour six semaines en Hongrie pour visiter sa frontière, voilà ce qu'il m'écrit. (Императоръ на шесть недѣль уѣхалъ въ Венгрію для осмотра своей границы. Вотъ о чемъ онъ мнѣ пишетъ).

¹⁾ Дѣло идетъ о фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій братьями Заповичами, жившими въ Шкловѣ, имѣніи Зорича. См. Записки Энгельгардта, стр. 30—34.

²⁾ Уніатскій митрополитъ. См. о немъ въ книгѣ г. Козловича «Исторія воссоединенія западно-русскаго уніатовъ старыхъ временъ». Слб. 1873 г.

Мая 5-го ч. 1783 г.

Голубчикъ мой, князь. Сейчасъ получила твое письмо изъ Кричева. и изъ онаго и прочихъ депешъ усмотрѣла, что ханъ отказался отъ ханства и о томъ жалѣть нечего. только прикажи съ нимъ обходиться ласково и со почтеніемъ, приличнымъ владѣтелю. и отдать то, что ему назначено. ибо прочаго въ нему расположенія не переменяю.

Не простительно Ефимовичу обогатить тебя повсюду. онъ здѣсь вездѣ въ шарфѣ и въ полковничемъ мундирѣ ходилъ.

Отвѣтъ твой вел. кн., по причинѣ Екеля, весьма грустенъ: на сихъ дняхъ Грейгъ ко мнѣ будетъ и я посмотрю, можно-ли будетъ въ Кронштатѣ строить безъ него, или нушенъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, при началѣ работъ, ибо онъ знаетъ Бауеровы мысли. Adieu, mon cher ami, portez vous bien.

Марта 14-го числа 1784 года.

Вотъ второе письмо. Будь здоровъ. о томъ я тебя весьма прошу. Я здорова. Прощай. Богъ съ тобою.

Извѣстія изъ Молдавіи гласятъ, что молдаване закидуютъ состоянію Тавриды и что запорожцы бѣглые просятъ нави къ намъ, та-кожде и вышедшіе изъ Крыма татары назадъ идутъ, а цесарь окончилъ хлопоты свои торговые съ турками. удержалъ выгоды почти тѣ же, что и мы.

Саша мнѣ сказалъ, что Катя отъѣзжаетъ, и такъ начертила я сію картію тѣмъ же перомъ, которымъ подписала сего утра похвальную грамоту князя Потемкина.

Декабря 16-го ч. 1787 года.

Другъ мой, князь Григорій Александровичъ. Не имѣи отъ васъ увѣдомленій мѣсяцъ цѣлый. наконецъ получила письма ваши отъ 30-го ноября, съ увѣдомленіемъ о успѣхѣ генерала Текелія: сіи вѣсти были полнѣе тѣхъ, съ коими давно носились по городу, но лжи опровергнуть было нечѣмъ, понеже я находилась между опасеніемъ и надеждою и въ томъ неприятномъ положеніи, въ которомъ нахожусь. когда такъ долго отъ васъ писемъ нѣтъ. Къ Текелію пошлю Владимира 1-го класса; со Смоленска и Бѣлоруссін хлѣбъ собрать велю. Съ 12-го ч. я не очень здорова, — простудная лихорадка: сегодня я первый день какъ на ногахъ, но голова слаба и писать не могу. Прощай. Богъ съ тобою.

Приказъ о сожженіи двухъ пасквилей.

Марта 28-го 1785 г.

Напиши приказаніе къ здѣшнему губернатору, чтобъ приложенный пакетъ запечатанный, въ которомъ два пасквиля: одинъ на многіе дома обѣихъ столицъ, другой—такой же на иностранныхъ министровъ, съ описаніями, картинами и ругательными толкованіями, велѣлъ чрезъ управу благочинія сжечь палачамъ; объявленіе притомъ тысячи рублей награжденія тому, кто объявитъ сочинителя или сочинительницу оныхъ, дабы посадить на два года въ смиренный домъ. Да къ Брюсу дайте о томъ знать, чтобъ тоже учинилъ и тамо.

Приказъ о заведеніи хлѣбныхъ магазиновъ въ каждомъ уѣздѣ.

Заведите въ каждомъ уѣздѣ хлѣбные магазины, какъ Санктпетербургской губерніи, и то русскимъ хлѣбомъ, на который урожай будетъ нынче.

Помѣта: «Указы генералъ-губернатору, графу Броуну, ген.-проев. Маврину и кабинету даны іюня 27-го 1785 года».

Повелѣніе о заведеніи хлѣбныхъ магазиновъ въ каждой деревнѣ.

Въ дворцовую канцелярію, въ собственную вотчинную канцелярію и въ коллегію экономіи надлежитъ сообщить, что въ Великолудкой провинціи нынѣшній годъ предвидится большой недостатокъ въ хлѣбѣ, и онымъ мѣстамъ предписать надлежитъ, чтобъ въ случаѣ сѣмъ сѣмъ мѣста въ деревняхъ, отъ нихъ зависящихъ, давали крестьянамъ обоего пола хлѣбъ, и чтобъ старались завести навсегда въ каждой деревнѣ магазины хлѣбные, по примѣру Лифляндскихъ дворянъ, которые запасаютъ всегда на годъ столько, чтобъ во время недостатка не имѣли нужды, а изъ магазиновъ уже на другой годъ продаютъ, наполняя того года жатвою.

Проекты надписи Екатерины II въ память путешествія ея по Россіи 1787 года.

Надписи:

И бысть совершеніе на полудни.

Обозрѣваю и утверждаю.

Да узрять и на полудни.

Да будетъ свѣтъ и на полудни.

Къ блаженству полуденныхъ странъ.

Щедрою оживить края.

Оживить края, путешествуя.

Посѣщая оживить.

Устройство—мой предметъ.

Грядеть здѣсь справедливость.

Благотворительно солнце сіяетъ.

.Лучъ правды возсіялъ.

Благотворно солнце грядетъ.

Грядетъ благотворительное солнце.

Пользу спокойствію предпочитаетъ.

Желаетъ зрѣть счастливыхъ.

Солнце грядя обогрѣваетъ.

Солнце грядя благотворитъ.

Путешествуя, добро творитъ.

Путемъ добро творитъ.

Повсюду новые лучи.

Бодрость трудъ преодоѣваетъ.

Бодрости трудъ—ничто.

Печется, ограждаетъ, обзираетъ.

Путь украшенный дѣлами.

Щедрою оживить края.

Повсюду сіяетъ благодать.

Записка по поводу ложныхъ слуховъ о намѣреніяхъ короля шведскаго.

1788 г.

На память совѣту военному, императрица Анна Іоанновна, имѣя въ 1738-мъ или 39-мъ году пребываніе свое лѣтнее въ Петергофѣ, получила извѣстія, что шведы намѣреваются сдѣлать высадку войскъ на здѣшнемъ берегу, приказала сдѣлать шведамъ объявленіе въ такой силѣ, что буде осмѣлятся учинить подобное сему, то чтобъ за вѣрное полагали, что она въ самомъ Стокгольмѣ камня на камень не оставитъ. По твердости сего объявленія, или по инымъ причинамъ, остановилась тогда назойливость шведская.

Но то неоспоримо, что доходы имперіи и ея силы морскія и сухопутныя, коммерція и многолюдство были противу теперешняго едва ли не въ половину и считалось нѣсколькими губерніями менѣе теперешняго, что сообщить графу Разумовскому, дабы онъ легкомыслию, вѣтренности, назойливости и лживо разсѣянными слухамъ зналъ, чѣмъ преграду учинить.

Повелѣніе провіантскому подрядчику о пониженіи цѣны на сѣно.

1788 г.

Напишите письмо къ губернатору Коновницыну, чтобъ призвалъ къ себѣ того купца, который въ провіантской подрядилъ сѣно, да подъ тѣмъ видомъ закупилъ семьдесятъ барокъ, кои привезъ сюда и продаетъ по 55-ти копѣекъ пудъ, и сказалъ ему, что еслили не станетъ продавать умѣреннѣе, поставя таксу симъ баркамъ, то впредь недопущенъ будетъ до подряда, откупа и продажи.

Помѣта: «По сему указъ данъ іюня 17-го 1788 г.»

Графу Брюсу по дѣлу вдовы поручика Пассекъ съ Сухановымъ.

(Конецъ 1780-хъ гг.).

Графъ Яковъ Александровичъ Напоминайте шестому сенатскому департаменту о скорѣйшемъ рѣшеніи: 1) дѣла Натальи Пассекъ съ Сухановымъ, который дѣло изъ совѣстнаго суда перенесъ въ сенатъ; 2) продажи двора также Пассекъ.

Я приказала Шишковскому посмотрѣть дѣла Пассекъ, и онъ податъ мнѣ приложенную выписъ, по которой я начала вышешсанное письмо къ Брюсу, но, видя, что дѣла ея не въ одномъ сенатѣ, прошу по прочимъ ея дѣламъ заготовить понужденія, куда надлежитъ.

Примѣчаніе. Конія съ этой выписи имѣется у насъ. Изъ нея видно, что у Пассекъ было нѣсколько самыхъ разнородныхъ тяжбъ, которыя, «за нехожденіемъ за ними по множеству годовъ», Шишковскій совѣтовалъ сдать въ архивъ.

Ред.

Приказъ объ отобраніи и истребленіи зловерной книги.

Мнѣ о книгѣ говорилъ Шишковскій, что ее жечь сумнительно, понеже въ ней государскія имена и о Богѣ много написано; и такъ довольно будетъ, отобравъ въ сенатъ, истребить не палачомъ. А Разумовскій пусть придетъ завтра обѣдать со мною.

При семъ прилагаю Элмптово письмо; страннѣ свадьбы вообразить нельзя. Совѣтую тебѣ жениться на Аннѣ Степановнѣ¹⁾.

Замѣтка на ходатайство князя Бѣлосельскаго, посланника въ Туринѣ, объ увеличеніи его содержания.

Прошу отписать къ его сіятельству, чтобъ протянулъ ножки по одежкѣ и ниже не подумалъ о прибавкѣ его содержанія, о которой коллегія и подумать не смѣетъ докладывать.

Помѣта: «По сему повелѣнію писано 22-го іюня 1792 года къ князю Бѣлосельскому».

Повелѣніе объ усиленіи преподаванія греческаго языка въ семинаріяхъ.

Заготовить отъ меня повелѣніе въ синодъ, чтобъ всѣмъ архіереямъ предписано было стараться въ семинаріяхъ навѣяшше усиливать ученіе греческаго языка; ибо отселѣ чрезъ три года, а буде можно и скорѣе, синодъ преимущественно имѣетъ представить на убыльнѣ мѣста отъ онаго зависящихъ не иныхъ, какъ совершенно греческій языкъ знающихъ²⁾.

Приказъ не рекомендовать въ губернаторы дураковъ.

Князь³⁾ чрезвычайно любитъ въ губернаторы рекомендовать дураковъ, либо болвановъ; я опасаясь, чтобъ господинъ Митусовъ не былъ самъ таковымъ же; а въ Тулѣ дуракъ не годится, слѣдовательно, и Митусовъ будетъ въ томъ числѣ.

Примѣчаніе. Списокъ съ приведѣнныхъ выше собственноручныхъ писемъ, замѣтокъ и повелѣній Екаторины II сообщенъ намъ покойнымъ А. Ф. Гильфердингомъ.
Ред.

¹⁾ Протасовой.

²⁾ См. пмяной указъ объ этомъ 27-го августа 1784 г. въ П. С. З. т. XXII, № 16,047. Быть можетъ, это распоряженіе находится въ связи съ греческимъ проектомъ. Извѣстно, что вел. кн. Константинна Павловна обучали греческому языку.
В. С.

³⁾ Генераль-прокуроръ князь Вяземскій.

«Россійская старина», томъ XIV, 1875 г., ноябрь.

ЦЕНСУРА ВЪ РОССІИ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ ПАВЛѢ

1797—1799.

Въ 1797—1799-хъ гг. цензора находились въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ и Радзивилловѣ, при таможенѣ, и представляли на благоусмотрѣніе предсѣдателя ценсурнаго совѣта, оберъ-прокурора князя Куракина¹⁾, а въ послѣдствіи князя Лопухина, тѣ изъ ввозимыхъ изъ-за границы книгъ на иностранныхъ языкахъ, которыя, по мнѣнію ценсоровъ, оказывались или сомнительными, или вредными.

Самое бѣльшее число таковыхъ книгъ въ вышеозначенный періодъ времени выслано изъ рижской ценсуры, а именно 552, тогда какъ изъ прочихъ трехъ, въ общей сложности, только 87; онѣ были преимущественно нѣмецкія и, по опредѣленію ценсурнаго совѣта, почти всѣ найдены неудобными къ распространенію въ публикѣ; нѣкоторыя даже преданы негласному сожженію. Журналы ценсурнаго совѣта докладывались самому императору Павлу Петровичу²⁾.

Рижская ценсура состояла изъ трехъ членовъ: духовнаго ценсора, протоіерея Тихомирова, гражданскаго ценсора, столь извѣстнаго своимъ обскурантизмомъ, Ѳ. О. Туманскаго, и „ученаго ценсора“ Иноходцева³⁾. Въ дѣлѣ есть нѣсколько личныхъ донесеній Туманскаго князю

¹⁾ Вотъ полный титулъ, подъ которымъ писались на его имя рапорты изъ ценсуры: «Его сіятельству, господину дѣйствительному тайному совѣтнику, генералу прокурору, удѣльнаго департамента министру, императорскаго россійскаго ордена по всѣмъ наименованіямъ казначею, государственнаго ассигнаціоннаго банка главному директору, коммисіи о снабденіи (sic) Санктпетербурга съѣстными припасами, члену, дѣйствительному камергеру и кавалеру, князю Александру Борисовичу Куракину».

²⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ подлиннаго дѣла: сборникъ представлений ценсоровъ за время съ 25-го іюня 1797 по 14-ое ноября 1799 г.

³⁾ Изъ этихъ трехъ лицъ читателю «Русской Старины» хорошо знакомы съ Туманскимъ — по статьямъ М. Н. Лонгинова и Н. Н. Барышниковъ. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 334—336; 589—593. Ред.

Куракину, вончающихся такъ: „Донеся о семъ, за совершенное счастье почитаю, что получили случай повергнн себя въ высокое вашего сїятельства покровительство, яко вѣчно сущїи со благоговѣніемъ, истинною преданностію и глубочайшимъ высокопочитаніемъ, сїятельвѣйшїи князь, милостивый государь, вашего сїятельства всепреданнѣйшїи и всенижайшїи слуга“. Или: „За верхъ счастья почитаю, что смѣю съ благоговѣніемъ, всесовершеннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію называться“ и проч.

Въ дѣлѣ находится поданная на имя князя Куракина жалоба рижскаго книгопродавца Гартенхоха, изъ которой оказывается, что тамошніе цензора, при неумѣренныхъ заботахъ о спасенїи отечества отъ вторженїя въ него зловредныхъ идей, не имѣли возможности прочитывать своевременно всѣ поступавшїи въ тамошнюю книги. Такъ, напримѣръ, съ начала судоходства до послѣднихъ чиселъ іюня 1797 г., Гарткноху было выслано изъ-за границы 34 кипы и ящика съ книгами, цѣною болѣе нежели на 25 тысячъ рублей; ценсура же вскрыла по день подачи прошенїя, т. е. по 12 сентября, только 6 кипъ: изъ нихъ три съ книгами научнаго содержанїя выданы книгопродавцу, остальные три все еще находились въ разсмотрѣнїи ценсуры, а прочїя 28 кипъ продолжали лежать въ тамошнѣ. Изъ дѣла не видно, послѣдовало-ли какое-либо распоряженіе по жалобѣ Гартенхоха.

Приводимъ нѣсколько болѣе или менѣе характерныхъ сужденїй тогдашней ценсуры о представленныхъ въ совѣтъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, книгахъ:

— Экономическа-технологическая энциклопедїя доктора Крюница. „На страницахъ такихъ-то, опорочивая, что крестьяне въ Россїи крѣпостные, порочить законы блаженные и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго о распоряженїи подушныхъ денегъ и наборѣ рекрутъ, а на стран. 520-й утверждаетъ, что въ государствѣ крѣпостныхъ быть не должно. Крюницова энциклопедїя считается классическою книгою и рѣдко кто оныя не покупаетъ или не читаетъ, ибо содержитъ множество полезныхъ артикуловъ“ (Дон. риж. ценсора).

— Странные разговоры между нѣкимъ путешественникомъ и разнаго рода другими лицами о религіозныхъ истинахъ. „Сїе сочиненїе подозрительнымъ дѣлають: а) что путешественникъ о важныхъ матерїяхъ и болѣшею частїю къ христіанству относящихся разговариваетъ низкимъ образомъ, какъ бы согласуясь съ простолюдинами, входящими въ разговоръ съ нимъ, и б) мѣсто на стр. 107-й, гдѣ, забывъ должное уваженїе, ставитъ на ряду и приписываетъ общее вліяніе двумъ вещамъ, которыя, по безпредѣльному

между собою несходству, въ показанномъ случаѣ сравнены быть не могутъ“ (Донесеніе Туманскаго).

— Журналъ для фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды. „На первой строкѣ 306-й страницы, постановленіемъ вопросительнаго знака хитро критикуеть священное прѣвѣченіе“ (Донес. рижской ценсуры). Не взирая на вопросительный знакъ, совѣтъ пропустилъ эту книгу.

— Робертъ и Элиза или радости возвышенной любви. „На стр. 310-й, считаетъ ненужною тайну брака благословеніемъ священноіереевъ, да и на стран. 314-й“ совѣтуетъ дочери не присутствовать при погребеніи родителя, и безъ того уже въ жизни довольно черными красками описаннаго, что есть противно нравственности, обязывающей дѣтей къ почтенію родителямъ“ (Стран. 24. Изъ рижск. ценс.).

— Случай спасенія отъ смерти Фридриха II, во время семплѣтней войны. „На стран. 17-й, отъемлетъ славу побѣдоносной російской арміи, отрицая у россіянъ храбрость и знаніе тактики, и на стран. (такихъ-то), въ примѣчаніи воспоминаеть съ предосудженіемъ о войскѣ російскомъ и распоряженіяхъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны. На стр. 184-й, ограничиваетъ дѣяніе императорскаго російскаго двора, во всѣхъ важныхъ случаяхъ превозможеніемъ прусскаго. На стр. 188-й, приписываетъ російскому двору невѣдомые проекты и уничтоженіе оныхъ полагаетъ на счетъ двора прусскаго, а на стр. 189-й, утверждаетъ превозможеніе войскъ прусскихъ надъ всегда побѣждающими російскими“ (Донес. риж. ценс.).

Въ журналѣ совѣта сказано: 1) книгу эту, по высочайшему повелѣнію, указано дозволить къ выпуску, и 2) угодно его величеству, чтобы всѣ экземпляры тѣхъ, отъ ценсуръ присылаемыхъ, книги, кои, по разсмотрѣніи совѣтомъ, признаны будутъ недозволенными, были сожигаемы“.

— Дома проституціи или лучшій міръ въ теплыхъ странахъ. „Довлѣетъ одного возрѣнія къ презрѣнію“ (Донес. рижс. ценс.).

— Энциклопедическій магазинъ. „На стр. 410-й, дерзкое сравненіе челоуѣка съ Богомъ: Tu m'a fait libre comme Toi. На стр. 467-й, открытіе потаенныхъ и легкихъ отравъ вредно, ежели дойдетъ до свѣдѣнія людей злобныхъ. На стр. 474-й, употребленіе казней въ Англіи, Германіи и другихъ государствахъ порочить. Отъ стр. 355-й до 414-й, описаніе причинъ французской революціи, съ обвиненіемъ короля страдальца и многихъ его министровъ по нынѣшнему вкусу. На стр. 493-й и 494-й, говоря неправду о Россіи, можетъ возбудить

любопытныхъ въ чтенію. На стр. 420-й, выраженія, токмо нынѣшнимъ французамъ свойственныя. На стр. 531-й, чудное воображеніе о блаженствѣ Франціи и о переселеніи душъ умершихъ ихъ владыкъ“. (Донес. риж. ценс.).

— Минерва, журналъ на нѣмец. языкѣ. „На стр. 208-й и 212-й, разсужденіе въ пользу Франціи и въ обиду монархическихъ войскъ: на 324-й, воззвъ въ пользу нынѣшняго (т. е. республиканскаго) правленія Франціи, утверждая, на стр. 331-й, о правѣ всѣхъ человѣкъ къ равенству. Подобныя воззвы суть нынѣ средства къ распространенію вольнодумства и развращенію народовъ. На стр. 561-й и 562-й, чтобы отъ конца до конца Европы владычествовалъ токмо одинъ французскій языкъ; на стр. 7-й, опорочиваніе французскихъ королей сряду всѣхъ; на 42-й, описаніе причинъ французской революціи; на 120-й и 130-й, о дѣяніяхъ французскихъ“ (Донес. риж. ценс.).

— Петербургская ценсура вошла съ представленіемъ въ совѣтъ, спрашивая, какъ ей поступать съ сочиненіями Вольтера. Въ журналѣ совѣта отъ 3-го декабря 1797 г. вопросъ этотъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ до сего времени соч. Вольтера были ввозимы въ Россію въ великомъ множествѣ экземпляровъ и находятся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и библіотекахъ, то прегражденіемъ дальнѣйшаго ввоза ихъ не будетъ достигнута цѣль, а потому совѣтъ и постановилъ поступать съ ними, какъ съ сочиненіями дозволенными“. Но вслѣдъ затѣмъ, появился новый журналъ, въ которомъ значится, что государю угодно было указать не выпускать изъ-за границы сочиненій Вольтера, а поступать съ ними, какъ съ запрещенными книгами.

— Франція въ 1797 г. (На нѣмец. языкѣ). „Кромѣ того, что всѣ, напримѣръ, стр. (такія-то), наполнены разсужденіями о французской революціи, на стр. 189-й, помѣщена пѣснь своевольства, да еще и съ нотами“ (Донес. риж. ценс.).

— Лѣтописи британской исторіи. (На нѣм. языкѣ). „По-всюду силится дать французской революціи видъ пріятный и восхитительный; напротивъ того, мараетъ черными красками Англію и прочія державы въ желаніи, чтобы вразумить Францію. Сіе ясно на (такихъ-то) страницахъ и очевидно (на такихъ-то), да и на всѣхъ прочихъ“ (Донес. риж. ценс.).

— Мои странствованія по юдоли несчастій и по долинамъ бѣдствій. „На стр. такихъ-то, чтобы быть министромъ, надобно пить; проспавшись, собрать налоги, опять пить, и такъ продолжать до конца жизни; умереть въ пьянствѣ—блаженство; на стр. 145-й: я король и останусь королемъ, догодѣ пьянъ. Таковыя нелѣпыя выра-

женія, по нынѣшнимъ временамъ, и въ шуткахъ опасны“ (Донес. риж. ценс.).

— *Du contrat social au principes du droit politique*, par J. J. Rousseau. „Извѣстно, что мнимо равенство во французской революціи большею частію изъ сей книги заимствовано“. Но совѣтъ нашель, что книга эта можетъ быть пропущена, „яко принадлежащая къ сочиненіямъ Руссовымъ, которыхъ привозъ и продажа были равномерно свободны, а потому, конечно, и есть уже онѣ здѣсь во многихъ собраніяхъ книжныхъ“ (Донес. риж. ценс.).

— Въ московскую ценсуру поступилъ въ рукописи романъ въ письмахъ, на французскомъ языкѣ, сочиненный дѣвицею Демидовой, въ Калугѣ. Ценсура представила эту рукопись, какъ сомнительную, на усмотрѣніе предсѣдателя совѣта, князя Куракина, причемъ выразилась такъ: „Сочиненіе сіе, впрочемъ, кажется не заслуживало бы особеннаго вниманія, если бы въ немъ не былъ примѣтенъ духъ нѣкоей философіи, несообразной съ государственными правилами, добрыми нравами и любовью къ отечеству“. По поводу этого сочиненія въ выпискѣ изъ журнала совѣта отъ 22-го октября 1797 г. сказано: „совѣтъ, находя въ сихъ письмахъ разныя неприличныя о послѣдней нашей войнѣ съ турками разсужденія, полагалъ, что сего романа въ печать издавать не слѣдуетъ, а надлежитъ препроводить его въ ценсуру обратно, для возвращенія тому, отъ кого онъ полученъ и для изясненія притомъ, что если онъ подлинно сочиненъ дѣвицею, то занималась она дѣлами, совсѣмъ до нея не касающимися“.

На поляхъ противъ этого мѣста написано: „На подлинномъ протоколѣ совѣта, при докладѣ его императорскому величеству княземъ Александромъ Борисовичемъ, отмѣчено: не въ ценсуру возвратить, а съ симъ манускриптомъ поступить, какъ съ прочими запрещенными книгами“ (т. е. сжечь).

— *Les crimes des reines de France, depuis le commencement de la monarchie, jusqu'à Marie Antoinette*. Par Prudhomme. Londre. 1792. (Преступленія французскихъ королевъ съ основанія монархіи до Маріи Антуанеты). „Титулъ книги, мотто подъ заглавною каррикатурою и приложенныя изображенія, доказываютъ дерзкую и злобную цѣль, такъ что ни единой страницы безъ содроганія читать было нельзя, слѣдственно, выписывать дерзости—было бы переписывать книгу; но два примѣчанія новостію вымысла, по крайней мѣрѣ, любопытны. На стр. 305-й, король Людовикъ XIV представленъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ какомъ доселѣ вселенная его себѣ представляла, а посему должны будемъ всю доселѣ существовавшую исторію испровергнуть и отъ французовъ ожидать извѣщенія, что прежде ихъ и прежде насъ

было, поелику, по ихъ мнѣнію, все доселѣ писано несправедливо. Въ началѣ *avant-propos*: les peuples qui ne sont pas encore las d'avoir des rois, devaient du moins exiger d'eux qu'ils fussent athées, bâtards et eunuques!!! На стр. 1-й: et quel est l'homme juste et bon qui eût voulu être roi? слѣдственно“... (Донес. риж. ценс.).

— Журналь фабрикъ, мануфактуръ, торговли и моды. Въ сочиненіи лифляндца или рижанина, на стр. 434-й, говоритъ о помазанникѣ Божиемъ безъ всякаго отличія отъ простаго купца; на стр. 435-й, бредитъ о благополучныхъ россиянахъ, яко бы они подъ желѣзнымъ игомъ рабства стонуть! Россіяне, бывъ своимъ состояніемъ совершенно довольны, не просятъ рижскихъ купцовъ ни писать, ни сожалѣть о ихъ состояніи. Новое убранство извѣстной жены Талліена (между картинками) любопытно, но между порядочными неблагопривно и неблагопрстойно“.

Надо полагать, что стонущіе подъ игомъ рабства россияне были плодомъ фантазій рижскаго ценсора, желавшаго отличиться своею благонамѣренностію въ глазахъ начальства, и что ничего подобнаго не заключалось въ вышеприведенномъ журналь. такъ какъ совѣтъ разрѣшилъ выпускъ его.

— Англійскіе листки. (На нѣмецк. языкѣ). На стр. 140-й крайне обижаетъ женщинъ, называя знатную даму кокеткою, подобно дѣвкѣ въ кухнѣ, а хозяйку дома—инвалиднымъ мясомъ и т. д. Стр. 142. сатира на императоровъ; на страницѣ 148-й, не находитъ у большихъ господъ вкуса въ книгамъ, ибо-де голова ихъ безъ разума, пуста. Стр. 172, совѣтуетъ презирать супружество; стр. 207 и 208, будто пороки уже таеъ вкоренились, что супружества добраго и нѣтъ; стр. 227, отъ царя Давида и далѣе ругаетъ всѣхъ государей и проч.“

Въ этомъ отзывѣ рижскій ценсоръ, видно, также переусердствовалъ. проще сказать, нагаль. потому что совѣтъ пропустилъ листки.

— Берлинскій журналъ современнаго вкуса. „Со стр. 297-й. возвышаетъ успѣхи французовъ въ Италіи, что есть обыкновенная уловка возносить и славу республики; на стр. 308-й, противу истинны военныхъ австрійскихъ извѣстій, полагаетъ 25 т. однихъ токмо пѣнныхъ, кромѣ убитыхъ, и проч.: на стр. 311-й, хитрая сатира въ противоположеніи войскъ, за вѣру сражающихся, противу вольнодумствующихъ, и вознося сихъ храбрость и побѣду. На стр. 406-й и 407-й, утверждаетъ, яко бы во Франціи съѣстные припасы и всѣ надобности дешевле, нежели были до революціи. слѣдовательно, причиною благоденствія поставляетъ революцію; напротивъ того, извѣстно, что революція причиною голода и бѣдности, какъ сіе доказываетъ стр. 437. На стр. 451-й, предпріятіе Бонапарте въ преобразованіи Болоньи оправ-

даетъ; на стр. 468-й, яко бы отъ правительствъ награждаются злодѣянiя, а не добродѣтели. Стр. 394 и 395, великая похвала искусству и храбрости новыхъ республиканцевъ, въ обиду войскъ императорскихъ; стр. 412, похвальное слово конвенту, яко бы за его попеченiе къ общему благу“ (Донес. риж. ценс.).

— Молитвенникъ императора Павла. (Переводъ съ русскаго языка на нѣмецкiй). „Изъ предисловія явствуетъ, что сія книга не есть то, что на титулѣ изображено; а какъ мыслей монаршихъ, безъ монаршаго позволенiя, печатать нельзя, то цензоры и пропустить не смѣли“.

По поводу этого молитвенника состоялся слѣдующій журналъ совѣта: „1797 г., ноября 23-го дня, въ совѣтѣ вице-канцлеръ объявилъ, что имѣлъ онъ счастье представлять государю императору принадлежащую къ рапорту рижской ценсуры, отъ 30-го октября, книжку подъ титуломъ: *Kaisers Paul Gebethbuch*, которую его величество указалъ запретить, какъ содержащую въ себѣ, подъ видомъ похвалы, многія вольнодумныя и неприличныя мысли и выраженiя“.

— Отъ князя Курявина поступило въ петербургскую ценсуру слѣдующее предложенiе: „Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: нѣмецкую книгу, изданную въ Берлинѣ, подъ названiемъ: „Историко-родословный календарь на 1798 годъ“, препроводить на разсмотрѣнiе въ ценсуру, и буде въ ней найдено будетъ что-либо непозволенное, выпустъ ея повсемѣстно запретить“. Вслѣдствiе сего ценсура представила довольно пространнiй докладъ, сущность котораго состоятъ въ томъ, что означеннiй календарь содержать въ себѣ, между прочимъ, взглядъ на причины, вызвавшiя низверженiе императора Петра III. Несмотря на то, что это историческое изслѣдованiе написано вполне безпристрастно и что авторъ его относится сочувственно къ Петру, императоръ Павелъ приказалъ запретить книгу.

— *Almanach national de France, l'an cinquième de la république française une et indivisible.* (Французскiй національнiй альманахъ, годъ пятый республики единой и нераздѣльной). „Сія книга, доносила рижск. ценсура, есть въ числѣ періодическихъ французскихъ сочиненiй и, между тѣмъ, на стр. 95-й, поставленъ, въ 1797 г., въ Санктпетербургѣ французской республики генералъ-консулъ „Lessers“, который ценсурѣ совѣмъ неизвѣстенъ. На стр. 402-й, въ числѣ корреспондентовъ нѣкто „Safarelli“. На стр. 491-й, въ распоряженiи отправленiя почтъ написаны ходящими въ Санктпетербургъ, Ревель, Ригу, Москву и всю Россiю, что также, по существующимъ законамъ, ценсурѣ сомнительно“.

Совѣтъ нашель эту книгу „къ выпуску непристойною“, каковое постановленіе его величество изволилъ „апробовать“.

— Европейскія лѣтописи. „На стр. 1-й, похвала величію революціи французской, поставляя 1789 г. степеннымъ годомъ естества, и потомъ сужденіе стороны французской о предложеніи со стороны Англіи перваго мира; на стр. 29-й и послѣдующихъ, извѣстія, противныя англійскому правительству; на стр. 66-й до 70-й, насмѣхательное извѣстіе о разсѣяніи бургонской королевской фамилии и т. д. На стр. 209-й, силится возвысить храбрость и искусство войскъ французскихъ въ Италіи, невозможности предолѣвающихся, что на стр. 255-й, яко бы особливо доказываетъ аркольское сраженіе: въ помѣщенномъ, на стр. 252-й, сужденіи о преобразованіи французскаго военнаго искусства, встрѣчаются также многія выраженія, для державъ европейскыхъ обидныя“ (Донес. риж. ценс.).

— Путешествіе изъ Пресбурга и т. д. „Надменный писатель въ самомъ началѣ, стр. 3 и 4, обѣщаетъ не слѣдовать простякамъ, о великихъ и знатныхъ особахъ учтиво и съ почтеніемъ изъясняющимся; стр. 5, хитрое разсужденіе; стр. 11, хулить, что Фридерика Великаго называютъ великимъ; стр. такія-то, насмѣшки; стр. 54, ѣдка насмѣшка; стр. 68 и 69, показываетъ себя знающимъ политику; стр. 78, игра со словомъ великость, прямая сатира къ чему, и стр. 79, кривое толкованіе слова Мы; стр. 98, изъявленіе удовольствія, когда государь страдаетъ; стр. 111, новое совѣтъ опредѣленіе: дворянинъ значить—попадающій“ и проч. (Донес. риж. ценс.).

— Обличеніе людей мрака и проч. „Ни авторъ, ни издатель не нарекли себя, ниже города, гдѣ сей плодъ возросъ, не упомянуто. Дедикація (посвященіе) показываетъ нѣкоторымъ образомъ цѣль; самое же сочиненіе весьма хитрую имѣетъ основу, что бы съ перваго взгляда было сокрыто, но при чтеніи все явно. Довольно токмо яснѣйшихъ мѣсть, гдѣ уже восторга своего о французской революціи сокрыть не могъ; напримѣръ, стр. такія-то, въ продолженіе всего сочиненія называли въ обиду невольнодумствующихъ; на стр. 224-й, хула на сочиненіе, которое полезнымъ признано“ (Донес. риж. ценс.).

— Приготовительныя познанія для правильнаго разумѣнія Бога, природы и человѣка. Для юношества. „Цѣль и намѣреніе книжки, до предпослѣднихъ страницъ, похвальны; но какъ сочинитель оной подъ дедикаціею подписался воспитателемъ юношества въ Россіи, въ Бѣлорусской губерніи, то, кажется, что на стран. 389-й, названіе государя первымъ гражданиномъ, а на стр. 390-й, первымъ гражданиномъ и бѣльшимъ слугою есть ученіе слышкомъ новое, и для юношества таковыхъ лѣтъ, для каковыхъ назначено,

оное вперячь опасно, не предпоставь другихъ важнѣйшихъ правилъ къ повиновенію и непреложному почитанію“ (Донес. риж. ценс.).

— Человѣкъ въ оковахъ. „Начиная отъ стр. такихъ-то, введенъ республиканецъ, разсуждающій съ монархистомъ, по имени Фалкономъ, объ образѣ правленія, гдѣ первый, усиливаясь во всемъ давать преимущество правленію республиканскому и унижая монархическое, приведеніемъ разныхъ несчастій для подданныхъ, отъ сего рода правленія для подданныхъ проистекающихъ, наконецъ, склонилъ, яко бы, на свою сторону и монархиста, а тѣмъ самымъ наводитъ сумнѣніе въ слабоумныхъ о изрядствѣ правленія монархическаго“ (Донес. риж. ценс.).

Четыре послѣднія книги были представлены изъ рижской ценсуры въ числѣ 25-ти; совѣтъ, на основаніи замѣчаній ценсуры, призналъ всѣ 25 книгъ неудобными къ выпуску; на поляхъ же противъ этого мѣста помѣчена слѣдующая резолюція императора Павла:

„Книги съечь, а хозяевъ, отыскавъ, поступить съ ними по законамъ, за выписку оныхъ“.

— Рижская типографія представила въ тамошнюю ценсуру книгу, подъ названіемъ: „Регламентъ для общества вспомошествованія больнымъ, бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ“, и просила одобрить ее, для распространенія въ публикѣ. Но ценсура отказала и препроводила книгу при рапортѣ къ князю Куракину, мотивируя свой отказъ, во-первыхъ, тѣмъ, что она, „составляя родъ закона или градскаго постановленія“, уже одобрена рижскимъ магистратомъ, а во-вторыхъ, что она возбудила въ ценсурѣ слѣдующія сумнѣнія. „Никакіе законы не могутъ быть въ публику выпускаемы безъ утвержденія монаршія воли, сія же книга названа Reglement, а регламенты суть законы; на стр. 9-й, въ § 12, предполагается принимать въ общество разныя состоянія, но о дворянахъ и военныхъ выпущено; на стр. 13-й, § 18, ограничиваетъ пребываніе своихъ членовъ, не позволяя выѣзда изъ границъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній; а какъ въ члены приемятся и служащіе по гражданской части, то симъ сіе состояніе, долженствующее служить тамъ, гдѣ повелѣно будетъ, стѣсняется; на стр. 19-й, въ § 29, предполагается старшинамъ воля созывать все, изъ ста одного человѣка состоящее, общество по надобности; по законамъ же таково многочленное общество, казется, не можетъ быть созываемо инако, какъ съ позволенія и подъ призоромъ губернскаго начальства, ибо сіе наблюдается и при собраніяхъ дворянства; на стр. 21-й, въ § 32, предоставляется ежегодно, въ день установленія, имѣть обѣденный столъ, сей же, какъ бы ни былъ умѣренъ, требуетъ издержекъ, которыя лучше бы употребить на помощь бѣднымъ“, и т. д.

Такой взглядъ на книгу не нашель на этотъ разъ сочувствія въ совѣтѣ, который замѣтилъ рижской ценсурѣ, что ея сужденія „тѣмъ болѣе странны, что она я книжка не содержитъ ничего соблазнительнаго или развратнаго, а есть токмо собраніе правилъ, кои общество, предположившее себѣ предметомъ вспоможеніе больнымъ и бѣднымъ согражданамъ, составило для себя въ удобнѣйшему произведенію въ дѣйство сего благотворительнаго и похвальнаго намѣренія“.

— Странствованіе по Нидерландамъ, Германіи, Швейцаріи и Италіи. „Стр. 13, будто не есть обίδα со стороны французовъ, что статуямъ, въ честь императоровъ постановленнымъ, они побивали головы; стр. 17, насмѣшливое наипамятованіе объ императорѣ Карлѣ V; стр. 42 и 44, похвала дисциплинѣ французской; стр. 60—62, насмѣшливое описаніе объ императорѣ Карлѣ Великомъ, перьви, крестахъ и проч.; стр. 63, подобное описаніе; стр. 73, яко бы принцы и разговоры вестъ не умѣютъ; стр. 113, о небогатыхъ князьяхъ насмѣшливо; стр. 130, сатира на распоряженіе князя; стр. 309, сатира на правительство піемонтское; на стр. 314-й, критика на устроеніе короля сардинскаго въ Туринѣ; стр. 405, таковое же, особливо въ двухъ послѣднихъ строкахъ“ (Донес. риж. ценс.).

— Всеобщій учебникъ для бюргерскихъ школъ. „Въ сей книгѣ, весьма, впрочемъ, для наставленія юношества полезной, одно только мѣсто замѣчается сомнительнымъ, гдѣ авторъ, говоря о всеобщихъ правахъ человѣчества и поставляя въ числѣ оныхъ главнѣйшимъ право личности, утверждаетъ, что рабство противно разуму и что вслѣдствіе сего никакой человѣкъ не долженъ быть собственностію другаго и проч. На стр. 801-й и 802-й, изъ собственныхъ словъ автора судить о немъ можно“ (Донес. петерб. ценс.).

— Нѣсколько замѣчаній о маіорѣ Шпельсѣ, съ описаніемъ русскихъ прибалтійскихъ провинцій. „О семъ рижскомъ сочиненіи предварена ценсура иностраннымъ журналомъ, что въ ономъ множество неблагопрістойныхъ личностей. Но, сверхъ того, сумнѣнія наша ценсура: неблагопрістойныя личности суть: стр. 10, неизвѣстно ценсурѣ, противъ кого въ словахъ *si deis placet*, но ежели книгу пустить въ публичку, то фамилія его откроется: стр. 17, въ хулу бывшаго рижскаго головы градскаго; стр. 18, въ поношеніе таможеннаго совѣтника Даля; стр. 21, безъ всякой надобности привнесъ (?), яко бы генераль Беклешовъ не имѣеть основательнаго познанія въ наукахъ; стр. 53, члена комисіи училищъ Янковича называетъ іезуитомъ; введеніе покойною императрицею учрежденій въ Лифляндіи называетъ неблагопрістойно—метаморфозою; гдѣ токмо россіяны касается, вездѣ говорить съ униженіемъ; наприм., на стр. 15-й, русскаго адвоката на-

зываетъ стряпчникомъ; стр. 19, унижаетъ російское купечество, раздѣляемое по капиталамъ, и даетъ преимущество рижскому, яко бы ученому; стр. 35, поелику мѣновщики денегъ купцы русскіе, то и употребилъ слово *jaemeliches Bild* (прискорбная картина); стр. 39, о стѣсненной россиянь торговлѣ“ (Донес. риж. ценс.).

— Бѣдность и великодушіе. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Августа Коцебу. „Стр. 8 и 9, съ насмѣпкою о письмѣ короля полученномъ и потому, стр. 17, желе нужно (?); на стр. 39-й, при словѣ умиленіе, кажется, не встаети. Но важнѣйшее всего сумнѣніе на стр. 118-й, гдѣ церковную кафедру поставляетъ въ одной степени съ театромъ и тѣмъ отъемлетъ почтеніе къ храмамъ и ослабляетъ благочестіе, а особливо въ сердцахъ юныхъ, прелестями театра и выраженіями на ономъ плѣняющихся“ (Донес. риж. ценс.).

— Дѣтя любви. Его же. „Что токмо дѣти незаконнорожденныя суть дѣти любви — несправедливо и неблагопріятно, а потому и самый титулъ соблазнительнъ“, и пр. (Донес. риж. ценс.).

— Объ улучшеніи гражданскаго быта женщинъ. „Стр. 2, насмѣшливо: Сократъ премудрѣйшій не между королями, но между мудрецами; стр. 3, якобы Скарронъ—предмѣстникъ брачнаго ложа короля Людовика XIV; стр. 7, насмѣшки, что склавы оставляютъ правленія владыкамъ на удачу ихъ изрядства: что Людовикъ XIV совѣстился о налогахъ, но успокоенъ; стр. 11, насмѣшка надъ словомъ превосходительство; стр. 59, въ доказательство, что женщины таковыя же достоинства или и высшія имѣть могутъ, нежели мужчины, сравненіе покойной государыни императрицы съ Вольтеромъ кажется весьма низко; стр. 67, женщинамъ должно дать равныя права съ мужчинами; стр. 83, повѣсть о Сарфѣ и Агари толкуеть иначе“, и т. д. (Донес. риж. ценс.).

— Часы досуга. „Стр. 60 кажется сумнительна; также, кажется, не весьма прилично, что писатель, предпославъ увѣдомленіе, что король гишпанскій и фамилія королевская и вельможи назначили игрище битвы быковъ, на стр. 123-й, называетъ сіе игрище подлымъ и безчеловѣчнымъ, что неинаго, какъ до двора королевскаго относится“ (Донес. риж. ценс.).

Эта книга разрѣшена совѣтомъ.

— Венцель и Эдельтруда. „Неблагопрістойное названіе придворныхъ чиновъ: стр. 9, *Hofschanzen* (придворные лизоблюды), 19 и 45, *Hofzofe* (придворныя дѣвки), 116, *Lustiges Hofgesinde* (веселая придворная сволочь); стр. 19, доведши, что юная чета безъ позволенія приступила къ выполненію супружескихъ обязанностей, называетъ сіе вкушеніемъ запрещеннаго плода отъ древа познанія добра и зла. Сія

насмѣшка подъ изреченіемъ библіи о райскомъ деревѣ, отъ котораго Ева плодъ взяла, не нова и изобрѣтена противниками священнаго писанія: стр. 21, продолженіе о томъ же; стр. 23, о нарушеніи ложа и владыками; стр. 35, наставникъ юнаго принца учитъ его, что государи намѣстники Божіи суть только въ разсужденіи непмущихъ. Такова ограниченность доселѣ въ наукѣ о правленіи государей была не въ употребленіи, поеліку власть государей отъ Бога, и они во всѣхъ случаяхъ намѣстниками Божіими считаемы бытъ должны“. и т. д. (Донес. риж. ценс.).

— Избранныя произведенія литературы англійскихъ писателей. „Въ сей книгѣ находится, между прочимъ, особое сочиненіе: Путешествіе въ Индшутъ, въ которомъ подъ симъ названіемъ старается разныя при дворахъ учрежденія осмѣивать, какъ напримѣръ, весьма ѣдко, на стр. 305-й, что прыганіе на веревкахъ производится токмо людьми великими; подобное на стр. 308-й, таковое внесеніе (?) тѣмъ кажется неблагопристойнѣе, что книга сія назначена для образованія молодыхъ людей, какъ сіе доказательно изъ самой дедикаціи, въ которой посвящаетъ сію книгу молодымъ брауншвейгскимъ дворянамъ“ (Донес. риж. ценс.).

— Князь Энгальчевъ перевелъ съ нѣмецкаго книгу: „Опытъ, какимъ образомъ возстановить пришедшее въ упадокъ состояніе“, представилъ ее въ московскую цензуру и, прождавъ пѣльшій годъ напрасно отвѣта, обратился съ письмомъ къ предсѣдателю ценсурнаго совѣта. Въ письмѣ онъ объясняетъ, между прочимъ, что авторъ этой книги, напечатанной 30 лѣтъ тому назадъ, предвидя неизбѣжное банкротство и паденіе Франціи, издалъ свое сочиненіе съ челоуѣколюбивой цѣлью—спасти прочія государства отъ подобнаго же несчастія. Однако, не взирая на такую благонамѣреннѣйшую цѣль, московская цензура, разсмотрѣвъ книгу, нашла что „самое заглавіе показываетъ, что въ ней должно быть нѣчто странное, новое, необыкновенное“, и въ подтвержденіе этого представила 4-хъ замѣчанія. Изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія:

„Едва-ли справедливо судить авторъ, отчего умалются доходы государствъ.—Охуждается вообще запрещеніе лѣсной торговли.—Не велитъ законами ограничивать издержекъ.—Похваляется роскошь.— Не запрещать, а вывозитъ лѣсъ созѣтуетъ.—Отвергается всякое преимуществво въ торговлѣ.—Считаетъ большою погрѣшностію, что крестьяне ходятъ въ города торговать.—Утверждаетъ, что должно учить и наставлять народъ безъ различія состояній.—Желая доказать, сколько убытковъ терпятъ города отъ деревяннаго строенія, приво-

дять въ примѣръ Петербургъ. — Авторъ, желая уменьшить разныя вѣсти, совѣтуетъ, чтобы въ каждомъ городѣ печатались газеты“.

На этомъ основаніи ценсурный совѣтъ запретилъ эту книгу.

— Нравственныя разсказы Августа Лафонтена. „Настр. 228-й, противное евангельскому ученію выраженіе: бывшей непотребной дѣвки, но исправившейся, почитать не должно, хотя бы то была и сама святая Марія Магдалина. Токмо при семъ важнѣйшемъ выраженіи сумнительны мѣста, на стр. 143-й, о случайности родиться дворяниномъ, и на стр. 159-й, о постыдности искать чиновъ, унижая себя предъ златомъ или высшею степенью негодя“ (Донес. риж. ценс.).

— Дѣтскій альманахъ. „Какъ сія книга назначена для образованія дѣтей, то сумнительно въ хронологіи счисленіе эпохъ отъ революціи французской, 21-го и 22-го сентября, поелику рано еще малолѣтнихъ дѣтей знакомить съ симъ развратнымъ правленіемъ. На стр. 40-й, въ числѣ главныхъ городовъ, Парижъ—городъ новой и величайшей республики; при семъ, на стр. 66-й, сцены швейцарской революціи, для дѣтей, неутвержденныхъ въ правилахъ, опасны“ (стр. 316. Донес. риж. ценс.).

— Алексина, или одинъ день въ Турціи. Комедія въ 5-ти дѣйств. Переводъ съ англійскаго языка на нѣмецкій. „Роспись дѣйствующихъ лицъ, между которыми помѣщенъ графъ Орловъ, жена его Алексина, молодая россіянка Павлина и Лагрень, графа Орлова камердинеръ, подають понятіе о пѣли сея театральныя пьесы: а потому, стр. 5, дружескій разговоръ камердинера съ графомъ; стр. 9, она—россіянка, слѣдственно, родъ медвѣдя; стр. 49, Лагрень прибылъ въ Россію съ намѣреніемъ образовать сей народъ, mais die Nation ist partout incorrigible; стр. 60, графиня Орлова къ своей служанкѣ, Павлинѣ, говоритъ: ты, Павлина, не дочь-ли фермера Петровича?—и множество другихъ чудныхъ (т. е. странныхъ) выраженій и мыслей“ (Донес. риж. ценс.).

— Очерки Мейсера. „... На стр. 191-й, сказка о любви королевы Елисаветы, съ надписью: даже самая великая королева есть только женщина,—не у мѣста. На стр. 241-й, сочинивъ изъ троянской исторіи сказку, принца Париса посылаетъ за наложницами, а царя Менелая называетъ Nasurey; на стр. 275-й, весьма непрястойный періодъ: такъ исправилась очаровательная дѣвушка, что Богъ и ученый почти предали бы ее проклятію; стр. 357, сказка о Іафетѣ въ ковчегѣ—вымышленная и противная милосердію Божію. На стр. 54-й, страшное дѣйствіе ревности, хитростію до исполненія доведенное, для горячихъ читателей, кажется, опасно разсказами, какъ уловить жертву въ свои сѣти“ (Донес. риж. ценс.).

— Флора, посвященная дочерямъ Германіи. Ежемѣсячное изданіе. „На стр. 234-й, что революція французская избавила отъ тяжбы, поелику баронъ, бичъ своихъ крестьянъ, бѣжать принужденъ былъ; на стр. 235-й: не знаю лучшаго состоянія, кромѣ крестьянскаго, и наши законодатели (разумѣя французовъ) намѣрены доставить ему древнее оваго право; на стр. 246-й, описываетъ лестно подвиги французскаго народа, презирающаго смерть, дабы потомству своему доставить вольность; стр. 267: я чувствую себя сродственнымъ Божеству—есмя часть Его!! стр. 280, письмо дворянина, писанное въ насмѣшку дурнымъ штилемъ и безъ правописанія, напротивъ того, письмо мѣщанина—красиво и правильно. На стр. 205-й, чтобы юношеству оставить на волю наслаждаться увлеченіями по произволу, а особливо выраженіе: вкусить первый плодъ чувствій есть высочайшее благо на земли, жаль токмо, что кратко—есть правило преопасное и въ журналѣ, для дѣвицъ назначенномъ, весьма вредное“ (Донес. риж. ценсуры).

— Le Nord littéraire. Журналъ. „.... На стр. 253-й, находится критика на учрежденіе ценсуръ, при чемъ наипаче рижская ценсура съ насмѣшкою опорочивается, почему сей нумеръ почитается къ выпуску неудобнымъ“ (Донес. петерб. ценс.).

— Національная галлерей. Штутгардтъ, 1794 г. „На стр. 4-й. Россію, которая есть монархія, купно съ Турціею поставляетъ въ число государствъ деспотическихъ; на стр. 15-й, описываетъ російское дворянство свирѣпымъ и жестокимъ, а крестьянъ несчастными“ (стр. 335).

Книга эта была представлена рижской ценсурой въ совѣтъ вмѣстѣ съ 24-мя другими книгами, и только одна одобрена журналомъ совѣта отъ 7-го марта 1799 г., всѣ же прочія найдены неудобными къ выпуску.

Императоръ Павелъ утвердилъ журналъ ценсурнаго совѣта, но замѣтилъ, что Національная галлерей также должна быть запрещена, и „чтобы впредь всѣ книги, конхъ время изданія помѣчено какимъ-нибудь годомъ французской республики, были запрещаемы“.

Высочайшее повелѣніе вынудило петербургскаго ценсора представить предсѣдателю совѣта списокъ книгъ, числомъ 13, большею частію научнаго содержанія, помѣченныхъ годами французской республики, и испрашивать разрѣшенія, какъ поступить съ ними.

Въ отвѣтъ на это получено увѣдомленіе, что на выпускъ означенныхъ книгъ не послѣдовало высочайшаго соизволенія“.

— Въ томъ же 1799 г., въ московскую ценсуру поступила книга: Объ истинномъ христіанствѣ, Арида. Въ 1743 г. манифестомъ

императрицы Елисаветы Петровны она была запрещена „яко печатанная въ Галлїи и безъ свидѣтельства святѣйшаго синода“; въ 1784 г., по порученію синода, о ней доложено было императрицѣ Екатѣринѣ, отъ которой послѣдовало такого рода повелѣніе: „что когда помянутая книга отъ покойной государыни императрицы запрещена, то ей такъ и остаться“. Въ виду этихъ обстоятельствъ, московская цензура вошла съ рапортомъ къ предсѣдателю совѣта, объяснивъ, между прочимъ, что цензура не находитъ въ книгѣ Арида ничего противнаго вѣрїи и благочестію.

Императоръ Павелъ разрѣшилъ выпускъ этой книги.

— Замѣчательныя происшествія, черты характера и анекдоты изъ жизни знаменитѣйшихъ людей. „..... стр. 55. пять первыхъ строевъ примѣчательны, и потомъ: варвары привыкли къ королевской власти; стр. такія-то, российский государь Іоаннъ Васильевичъ якобы правилъ Россією скипетромъ желѣзнымъ; стр. 248, якобы исторія о Лжедмитріяхъ сумнительна и загадна“ (Донес. риж. ценс.).

— Семейныя исторіи Августа Лафонтена. „Въ книгѣ сей эмигрантъ, подъ именемъ Сенжюльена, рассказываетъ свои и своей фамилии несчастія, отъ безчеловѣчныхъ французскихъ революціонеровъ послѣдовавшія, и клонитъ правоученіе къ тому, что несчастіями люди содѣлываются лучшимъ, такъ какъ и онъ, наконецъ, любовью составилъ счастливую фамилію. Но встрѣтившіяся слѣдующія мысли и выраженія показались для ценсоровъ сумнительными: стр. 85, отецъ мой довольно увѣренъ, что милость вельможи къ бѣдному гораздо опаснѣе, нежели гордость его; стр. 96, выраженія: полицмейстеръ, который, несмотря на свой чинъ, вѣрилъ добродѣтели, — предполагаетъ, что полицмейстеры добродѣтели не вѣрятъ; стр. 209, онъ самъ во время революціи такъ разсуждалъ: всѣ люди достойны уваженія, которые мыслятъ въ пользу Франціи; о, Боже! что нужды, каковымъ образомъ управлять нами будутъ, былъ бы тою хлѣбъ и безопасность. Сіе выраженіе, кажется, обвиняетъ роялистовъ“ (Донес. риж. ценс.).

— Новый переводъ Искусства любить, Овидія. (На француз. языкѣ). Хотя сочиненія Овидіевы и считаются въ числѣ классическихъ, но его твореніе *Ars amandi* съ великою осторожностію было тогда читаемо, и въ руки юношества, поелену на латинскомъ языкѣ, рѣдко или никогда попасться не могло, почему переводы сей книги на живыхъ языкахъ европейскихъ пропускать сумнительно, дабы юношество не соблазнилось, ибо соблазнительныхъ мѣстъ весьма много, яко то стр. 9, о юбкахъ, стр. 12, о прельщеніи невинности въ театрахъ,

стр. 25: будьте увѣрены, что нѣтъ женщины, которой бы цѣломудріе устоять могло, только старайтесь разставлять сѣтн. — прибавляя къ тому, на стр. 27-й, что страсть женщины гораздо сильнѣе; настаите токмо. и каждая женщина склонится на ваше угожденіе и проч. Но такъ какъ книга сія содержаніемъ и цѣлью своею всюду извѣстна. то продолженіе выписокъ цензоры считаютъ ненужнымъ“ (Донесен. риж. ценс.).

49) Всеобщая литературная газета. Стр. 27. опасные стихи: „Не долго ждать, и маленькая пскра (свобода, объясненіе ценсуры) разгорится солнцемъ, и мы, упоенные блаженствомъ боговъ, пойдемъ по стопамъ франковъ“. Стр. 29, полагаетъ токмо то правительство полезнымъ и благоденственнымъ, которое имѣетъ республиканскую или репрезентантскую систему. Стр. 104, сатира на правителей испанскихъ и вообще на государей вѣры католической. Стр. 362, токмо духовные противоборствуютъ духу нынѣшняго времени, и ниже: по тяжба между рабствомъ и вольностію теперь (т. е. чрезъ Бонапарта) рѣшена. Стр. 434: писатель или ученый долженъ совѣмъ забыть, въ которомъ государствѣ онъ живетъ—преопасное правило къ своеволію и бреднямъ писателей“, и т. д. (Донес. риж. ценс.).

Сообщ. Г. Е. Рѣшнскій.

Примѣчаніе. Г-жа Н. Литвинова изъ гор. Глухова сообщаетъ намъ, на основаніи семейныхъ преданій и частью по фамильнымъ документамъ, нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Ф. О. Туманскомъ, рижскомъ ценсорѣ при императорѣ Павлѣ.

Федоръ Осиповичъ Туманскій воспитывался въ Геттингенѣ. Служа въ Ригѣ ценсоромъ, онъ, въ началѣ 1799 г. просился въ отставку, но былъ удержанъ на службѣ по повелѣнію императора Павла, который въ награду за его усердную службу въ званіи ценсора.—указомъ, даннымъ 28-го мая 1799 г. въ Павловскѣ,—произвелъ его въ статскіе совѣтники, «съ жалованьемъ по двѣ тысячи руб. въ годъ, включая теперь ему производимое».

«По просьбѣ вашей.—тогда же писалъ къ Туманскому князь Лопухинъ,—объ увольненіи отъ должности съ пенсіономъ, я имѣлъ щастіе докладывать государю императору. Е. И. В., зная ваше усердіе и способности и желая, чтобы вы остались въ службѣ, во изъявленіе къ вамъ монаршаго своего благоволенія, пожаловалъ васъ въ статскіе совѣтники... Находя истинное удовольствіе доставить вамъ въ копіи о томъ высочайше данный сенату указъ, душевно радуясь, что труды ваши удостоиваются высокомонаршаго воззрѣнія... Кн. Лопухинъ. Мая 30-го 1799 г.».

Г-жа Литвинова высказываетъ предположеніе, что Туманскій вышелъ въ отставку въ 1800 г. но доказательства къ тому не приводитъ: изъ копій же съ нѣкоторыхъ бумагъ, ею доставленныхъ, можно вѣрнѣе предположить, что отставка состоялась при Александрѣ I-мъ въ томъ 1801 г. или въ началѣ 1802 г.

Ф. О. Туманскій скончался въ декабрѣ 1810 г. на хуторѣ Родіоновѣ, близъ Глухова. Г-жа Литвинова утверждаетъ, что разсказъ Августа Кодебу о томъ, будто грозный некогда цензоръ влчилъ послѣдніе годы жизни въ Ригѣ въ нищетѣ, не справедливъ; по крайней мѣрѣ, Федоръ Осиповичъ, въ июнѣ 1802 г. въ кановому времени относился помянутый разсказъ, въ Ригѣ не былъ.

Ред.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Основаніе Харьковскаго университета.

1803—1804.

V¹⁾.

Есть еще письмо Васи́лія Назаровича къ государю, помѣченное 23-мъ августа, безъ означенія года,—должно быть, 1803 года, въ промежуткѣ времени между первымъ изъ вышеприведенныхъ писемъ, отъ 16-го августа, и вторымъ, отъ 12-го сентября. Въ нетерпѣніи, вѣроятно, знать, не забылъ-ли государь обѣщанія своего отвѣчать на представленіе о положеніи главнаго правленія училищъ, пошелъ онъ во дворець и получилъ тамъ тотъ „милостивый выговоръ“, о которомъ здѣсь говорится. Привожу письмо вполнѣ:

23-го августа 1803 г.

„Благодѣтельнѣйшій государь! Примите мою глубочайшую благодарность за милостивый выговоръ, который я вчера отъ васъ получилъ, примите ее какъ дань, должную вашей добродѣтели. Вы въ одно время и наказали, и наставили меня, скажу болѣе: кто такъ, какъ вы, въ первыя минуты гнѣва, можетъ отдавать справедливость тому, что хорошаго было въ нескромномъ поступкѣ?

„Государь! предъ вами я даю обѣщаніе, что вчера я сдѣлалъ послѣднее отступленіе отъ порядка: я вижу теперь, и убѣжденъ въ томъ внутренно, что усердіе онаго не оправдываетъ. Въ одно мгновеніе вы просвѣтили меня, и до какой степени я почувствовалъ не-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 329—338; томъ XIII, стр. 61—80; томъ XIV, стр. 185—200.

сообразность нѣкоторыхъ моихъ идей, ваше величество представить не можете!. Нельзя, напримѣръ, не улыбнуться вамъ, государь, если я донесу, что я доселѣ не понималъ, что невозможно мнѣ скрыть приходъ мой во дворецъ, и что излишнія-то предосторожности мои меня наиболѣе и выказываютъ; не понималъ я, для чего вы не позволяете мнѣ быть у васъ иногда, не взирая на рѣдкость моихъ о семъ просьбъ. Я приписывалъ это холодности гнѣву вашему, и Богъ знаетъ, какимъ, подобнымъ тому причинамъ. Я не видѣлъ, что всякой таковой шагъ давалъ бы поводъ къ толкамъ, непристойнымъ вашему истинному величію; что слѣдуетъ, или позволить человѣку ходить къ вамъ правильно и по опредѣленной должности, или не принимать его вовсе; что не можетъ быть между тѣмъ и другимъ середины.

„Мудрый государь! Простите сельскаго мечтателя. Я васъ нѣкогда не безъ намѣренія предварялъ о моемъ воспитаніи и о странностяхъ моей жизни. Мнѣ должно быть свойственно глубокое невѣжество во всемъ, что принадлежитъ до большаго свѣта, вѣтъ котораго я и теперь еще живу.

„Отнынѣ я буду покойнѣе въ душѣ; войду въ самыя тѣсныя предѣлы пристойности, и сношенія съ вами, составляющія мои надежды быть, на ряду съ другими, сколько-нибудь полезнымъ въ великомъ планѣ царства вашего, составляющіе и личное мое блаженство, стану продолжать путями обыкновенными и незасорными,—и тогда,—пусть время покажетъ есть-ли на землѣ человѣкъ, который бы любилъ васъ болѣе. Должно, однако (и смѣть-ли мнѣ надѣяться?), чтобъ вы еще разъ мнѣ повторили ваше милостивое дозволеніе, чтобъ вы смѣтъ рѣшительно меня успокоили и дали бы поводъ въ первой бумагѣ оправдать себя, показать, что донинѣ еще нѣтъ другой моей вины передъ вами, какъ одна нескромная живость и упомянутое невѣжество, которыми объяснятся всѣ мои проступки и уничтожатся клеветы, если онѣ малѣйшее имѣли надъ вами дѣйствіе.

„Впрочемъ, что до нынѣшняго случая принадлежитъ, могли бы оправдать меня еще нѣкоторыя обстоятельства: но я совѣщусь занимать васъ болѣе. Вашего П. В. вѣчно-усердный подданный В. К.“

Много работы предстояло Каразину по возвращеніи его изъ Харькова. Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по главному правленію училищъ, гдѣ дѣла, во время его трех-мѣсячнаго отсутствія, были до крайности запущены и перепутаны (какъ то читатели могли видѣть изъ вышеприведеннаго его письма къ государю отъ 16-го августа), и гдѣ онъ сталъ встрѣчать послѣ своей поѣздки непрерывныя со стороны всѣхъ членовъ, кромѣ князя Чарторыжскаго, противурѣчія своимъ идеямъ относительно университетовъ и вообще народнаго просвѣщенія,— устрой-

ство харьковскаго его дѣтница не давало ему покоя. Изъ рапорта, поданнаго имъ Новосильцову 10-го іюня 1803 года, т. е. немедленно по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, видно, что онъ надѣялся на открытіе университета уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1803 года, и, вѣроятно, это состоялось бы, еслибъ онъ не встрѣтилъ отсюда неожиданныхъ препятствій и еслибъ были высланы Потоцкому деньги во-время. Видя неуспѣхъ графа за границей относительно приобрѣтенія тамъ для Харьковскаго университета профессоровъ, онъ сталъ самъ хлопотать объ этомъ, посредствомъ переписки съ иностранными учеными. У меня хранятся письма къ нему Фихте, Гильдебрандта, Пуассона, Табанда и другихъ европейскихъ знаменитостей, отозвавшихся весьма лестно на его призывъ ихъ въ Харьковъ. Вотъ, напр., начало письма берлинскаго натуралиста Рейха, писанное по русски; привожу съ буквальною точностію: „Берлинъ, отъ 19 августа 1803 года. Государь и другъ мой драгоценный! Начиная за нѣсколько времени научиться русскому языку, я отваживаюсь къ вамъ писать по русски, однакожъ не имѣвши никакого другаго учителя кромѣ російской грамматики и словаря. Вы прощете мнѣ погрѣшности противъ духа языка, которыя подлинно находятся въ этихъ строкахъ. Я хочу только этѣмъ нечаяннымъ нашествіемъ ¹⁾ показать, что я весьма почитаю нынѣшняго вашего отечества, и что я для разныхъ политическихъ и ученыхъ причинъ думаю, что русскому языку всеобщее будутъ учиться, ибо нынѣшнее высокочлавное русское государственіе столько сдѣлаетъ для споспѣшествованія человѣческаго благополучія и для выясненія народа своего въ искусствахъ и наукахъ, что всякой человѣколюбецъ чистосердечно пожелать долженъ, что онъ самъ могъ служить орудіемъ такихъ исправленій и такихъ новыхъ распоряженій, которыми хвала и чести російскаго государства наконецъ будетъ умножиться ²⁾“, и пр.; всего четыре страницы почтового листа бумаги большаго формата, очень красиваго, густаго почерка: оканчивается на родномъ своемъ языкѣ; говоритъ, между прочимъ, что учился русскому языку по грамматикѣ Геймса и словарю Родде, а читалъ только записки с.-петербургскаго вольнаго экономическаго общества и сочиненія Сумарокова; курсъ ученья продолжалъ всего 4 недѣли; увѣдомляетъ о посылкѣ книгъ и коллекцій насѣкомыхъ и о томъ, что прочелъ въ гамбургскихъ вѣдомостяхъ, что „домъ вашъ

¹⁾ Подчеркнуто въ оригиналѣ.

²⁾ Четыре года спустя, слышался за границей совсѣмъ уже иные отзывы о Россіи, что и заставило Каразина, находившагося тогда въ отставкѣ, написать къ императору Александру Павловичу бумагу, за которую просидѣлъ недѣлю на гауптвахтѣ.

Авт.

ударило громомъ; мнѣ очень жалко, что вамъ случилось такое несчастіе, но я надѣсь и желаю, чтобъ вы не претерпѣли никакого наклада". Словомъ, видно, что германецъ любитъ и уважаетъ русскаго, къ которому пишеть.

Озабочиваясь о томъ, чтобы къ открытію университета были готовы и слушатели лекцій, Каразинъ присваля въ Харьковѣ (какъ видно изъ вышесказаннаго рапорта его Новосильцову) „около 50-ти чело-вѣкъ годныхъ къ непосредственному поступленію студентами“ (при чемъ представилъ и образчики ихъ сочиненій), и просилъ, чтобъ изъ семинарій, находящихся въ губерніяхъ, составляющихъ харьковскій учебный округъ, не требовать учениковъ въ с.-петербургскую учительскую гимназію, а, по сношенію съ синодомъ, помѣщать ихъ въ Харьковскій университетъ. На имѣющей у меня копіи съ представленія его объ этомъ министру, отъ имени Новосильцова, сдѣлана рукою Василія Назаровича слѣдующая надпись: „подъ разными видами и предлогами, представляема была къ подписанію четыре раза; въ пятый, наконецъ, соглашено написать приложенное здѣсь по сему предмету ноября“... А черновая написана въ іюнѣ. Изъ этого можно заключить, какъ не легко доставалась ему каждая министерская бумага по харьковскому дѣлу ¹⁾).

Уѣзжая изъ Харькова, имѣлъ онъ намѣреніе выписать туда изъ Москвы или изъ Петербурга хорошихъ мастеровъ по разнымъ работамъ, потому что тамъ ощущался крайній въ нихъ недостатокъ, причинявшій остановку въ перестройкѣ университетскихъ домовъ. Въ намѣреніи этомъ утвердился онъ еще болѣе письмами, полученными изъ Харькова отъ Тимковскаго и Шишкина; они просили его помочь ихъ горю: прислать имъ руки для окончанія начатыхъ подѣлокъ, иначе они не ручались за успѣшный ходъ работъ. Взявши въ карманъ эти письма и „предначертаніе“ университета, на основаніи котораго украинцы жертвовали деньги (по §§ 27 и 28 этого предначертанія ремесленники и художники могли быть вызываемы изъ разныхъ мѣстъ Россіи и чужихъ краевъ), онъ пошелъ къ Новосильцову просить разрѣшенія на наемъ въ Петербургѣ и доставку въ Харьковъ, на счетъ университетскихъ суммъ, нужныхъ мастеровъ. Новосильцовъ не согласился, говоря, что университетскія суммы, какія бы онѣ ни были, казенныя, или жертвованныя, не должны быть

¹⁾ Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что не только составленіе, но и переписка на-бѣло министерскихъ бумагъ по дѣлу Харьковскаго университета производилась самимъ Каразинымъ: почеркъ у него былъ тогда очень красивый и необыкновенно четкій.

Авт.

употребляемы ни на что другое, кромѣ прямыхъ надобностей самаго университета, а выписку мастеровъ онъ не считаетъ въ числѣ подобныхъ надобностей. Какъ ни малологично было такое рѣшеніе, но Каразинъ долженъ былъ ему покориться и сказать только, что въ такомъ случаѣ ему остается нанять мастеровъ на собственный свой счетъ, что онъ нѣсколько времени спустя и исполнилъ: 32 семейства лучшихъ всякаго рода мастеровъ были имъ договорены отъ собственного своего имени, по контрактамъ, совершеннымъ 18-го ноября 1803 г., и отправлены въ Харьковъ, на что онъ употребилъ собственныхъ своихъ денегъ 9,525 р., занявъ ихъ съ большимъ трудомъ у разныхъ лицъ подъ залогъ своего имѣнія Бручиенъ, которымъ онъ дорожилъ особенно потому, что тамъ лежалъ прахъ незабвеннаго его отца.

Много времени прошло послѣ возвращенія Каразина изъ Харькова, а дѣло тамошняго университета не подвинулось почти ни на сколько впередъ, несмотря на всѣ его старанія. Отношенія его по службѣ дѣлались между тѣмъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе натянутыми: министръ желалъ, очевидно, отдѣлаться отъ него, тѣмъ болѣе, что имѣлъ въ виду помѣщеніе на его мѣсто Мартынова, которому онъ покровительствовалъ, какъ учителю своихъ дѣтей. Члены правленія также его недолюбливали за его прямоту и незастѣнчивость съ ними, особливо академикъ Фусъ, который совершенно расходился съ нимъ въ мнѣніяхъ о русскихъ университетахъ и русскомъ народномъ образованіи и не могъ простить профану, не академику, болшей, чѣмъ у него самаго было, дозы познаній¹⁾. Испытавъ всѣ средства къ успѣшнѣйшему ходу харьковскаго дѣла и къ соглашенію на представленія, дѣлаемыя имъ по министерству народнаго просвѣщенія и не получая отвѣта на письмо свое отъ 16-го августа, Каразинъ рѣшился, наконецъ, вновь безпоконить императора. Есть у меня только отрывокъ черноваго наброска мыслей, изложенныхъ имъ на этотъ разъ передъ его величествомъ; изъ этого отрывка можно имѣть понятіе о цѣломъ, почему я и приведу его здѣсь въ доказательство, какъ трудно было сельскому мечтателю о благѣ общественномъ приспособляться къ взглядамъ столичныхъ практиковъ. Вотъ этотъ отрывокъ:

„Еще разъ испрашиваю милости, если я покажусь вамъ слишкомъ

¹⁾ Здѣсь кстати припомнить читателямъ «Рус. Стар.» разборъ, сдѣланный Фусомъ проекта Каразина о метеорологическихъ наблюденіяхъ, см. изд. 1871 г. томъ III, стр. 719—722. А надобно знать, что этотъ самый Фусъ попалъ въ члены сперва коммисіи, а потомъ главнаго правленія училищъ, и получалъ за то 2,000 р. въ годъ, сверхъ своего академическаго жалованья, по предствительству Каразина. **Авт.**

дерзновеннымъ. Ради Бога, не взыщите на мнѣ, августѣйшій государь! Я испыталъ уже всѣ другія средства; не осталось пути, которымъ бы не проходилъ я: голосъ мой раздавался какъ въ безлюдной и глухой пустынѣ, и вы теперь послѣднее мое прибѣжище.

„Въ несомнѣтельнѣйшее доказательство, что я ничего не упустилъ изъ виду въ несчастномъ нашемъ положеніи и что не тщеславная какая-нибудь надежда или легкомысліе, но подлинно послѣдняя крайность заставила меня въ Каменно-островскомъ дворцѣ безпокоить васъ, прилагаю у сего подлинное письмо, писанное мною 14-го августа къ графу Кочубею ¹⁾, то есть къ тому изъ государственныхъ чиновниковъ, къ которому, на послѣдокъ, одному оставалась у меня довѣренность (къ князю Чарторыжскому не могъ я прибѣгнуть, хотя, впрочемъ, глубоко и искренно его почитаю; удаленіе его чрезвычайное отъ всѣхъ постороннихъ дѣлъ не подавало мнѣ никакой надежды), письмо, писанное для него одного, но—увы! отданное Сперанскому съ словами: „развяжите меня какъ-нибудь съ симъ человекомъ!“ я унесъ это письмо изъ бумагъ сего послѣдняго, желая скрыть хотя памятникъ моего стыда. Я не жалуюсь на нихъ, государь! Они имѣютъ

¹⁾ Въ этомъ письмѣ по отношенію къ харьковскому дѣлу Каразинъ писалъ: «Мое начальство не сдѣлало и малѣйшаго шагу, чтобы поддержать заведеніе университета въ Харьковѣ и духъ тамошняго дворянства и гражданъ, расположенный въ его пользу. Графъ Северинъ Осиповичъ (Потоцкій) весьма не скоро еще прибудетъ. Какъ-будто на смѣхъ живутъ тамъ пріѣхавшіе два профессора; публика начинаетъ судить обо всемъ этомъ весьма невыгодно и мѣстное начальство подаетъ къ тому поводъ. Формально не отводятъ до сихъ поръ домовъ, подъ университетъ назначенныхъ, ссылаясь на ваши, графъ, запросы, которыя выражаютъ сомнѣніе, и на недостатки точнаго предписанія ни объ одномъ изъ сихъ домовъ. Вы не изволили также ничего рѣшительнаго предписать, ни намъ отвѣчать объ остаточной суммѣ отъ откуповъ городскихъ съ 1783 года. Мы не имѣемъ ни свѣдѣній о ней, ни наставленія какъ приступить къ ея собранію. Между тѣмъ, всѣ прочія суммы, по извѣстному вашему сіятельству росписанію слѣдующія къ сбору въ нынѣшнемъ году, остановились совершенно, поелику вы не изволили ничего отвѣчать предводителю на его представленіе. Изъ казны выдача шестидесятитысячной суммы отложена до будущаго года по милости графа Петра Васильевича (Завадовскаго), который заставилъ министра финансовъ представить государю, что его сіятельству было угодно (такъ кончилось все ваше благодѣтельное стараніе по сему предмету и сообщенное вами высочайшее соизволеніе!). Я многого еще надѣялся отъ добровольныхъ взносовъ, если бы приношеніе Хорвата было сколько-нибудь ободрено; но оно обращается въ шутку, коль скоро вы еще изволите замедлить исполненіемъ вашего обѣщанія (не говорю уже о томъ, какъ я себя компрометировалъ, написавши ему объ этомъ обѣщаніи). Начатія строенія всѣ приостановились; принятыя чиновники потеряли и духъ, и надежду; и вы изволите увидѣть, что все это кончится доносомъ на меня...» **Авт.**

свои причины и начала, по которымъ дѣйствуютъ, и которыя мнѣ не должны быть извѣстны. Можетъ быть, самая холодность къ добру доказываетъ ихъ благоразуміе; но я представляю вамъ истину какъ она есть, или, лучше сказать, чувствуя внутренно, что я заслуживаю что-нибудь лучшее убивающаго меня пренебреженія, съ которымъ меня вездѣ встрѣчаютъ; не знаю, что думать, и въ робкомъ семъ недоумѣніи предстаю напослѣдокъ престолу вашему.

„Здѣсь изволите найти нѣкоторыя изъ представленныхъ мною въ разные времена бумагъ ¹⁾, съ намѣреніемъ, чтобъ онѣ къ вамъ дошли. Вторая точно въ томъ состояніи, въ какомъ она была подана Николаю Николаевичу ²⁾, около половины декабря мѣсяца прошедшаго года. Нельзя мнѣ вѣрить, чтобъ вы читали что-нибудь изъ нихъ: вы нашли бы собственныя ваши мысли; вы бы приказали, конечно, сказать мнѣ хотя одно ласковое слово, или велѣли бы употребить сіи идеи въ составъ тогдашней моей работы (предварительныя правила народнаго просвѣщенія), въ которой едва-едва могъ я сберечь только тѣнь нѣкоторыхъ изъ нихъ, и то, конечно, самыхъ маловажнѣйшихъ.

„Съ полною увѣренностію, что я понимаю всю важность бесѣды съ великимъ государемъ, съ увѣренностію, что я не мечты, слогомъ украшенныя, хотѣлъ вамъ представить, дерзновенно отдаю написанное мною тогда, пренебреженное даже до того, что мнѣ секретарь возвратилъ; не спросясь, мою бумагу, назначенную въ ваши руки, отдаю на судъ вашего собственнаго разума, точно такъ какъ охотно отдамъ всѣ мои представленія на судъ Лагарпа, Дюмона и другихъ поллитеровъ Европы. Я принужденъ напослѣдокъ сказать это не изъ суетности (возможно-ли мнѣ тщеславиться передъ вами!), но отгадывая навѣрно, что хотятъ унизить, сдѣлать смѣшными даже идеи, писанныя правда, съ жаромъ сердца, преданнаго вамъ, но съ холодною осторожностію выведенныя изъ системы неизблемой ³⁾ и достойныя вашего высокаго духа, поелику онѣ вашу славу и благо Россіи имѣли въ предметъ“.

Приведенныя въ этомъ обращеніи къ императору слова Кочубея, сказанныя Сперанскому, дѣлаютъ понятною антипатію князя Салтыкова къ графу Виктору Павловичу, выраженную въ слѣдующей, хранящейся у меня, запискѣ къ Каразину:

(Съ французскаго) Ломоносовъ поручилъ мнѣ звать васъ сегодня къ нему на обѣдъ. Желать бы я очень, чтобъ вы не давали никому слова прежде; я заѣду за вами часа въ два. Хотѣлось бы мнѣ также, чтобъ вы имѣли какую-нибудь

¹⁾ Бумагъ этихъ у меня нѣтъ.

²⁾ Новосильцову.

³⁾ Зачеркнуто: «и изъ познанія Россіи, котораго они не имѣютъ».. Авт.

неотложную надобность къ графу Кочубею: я имѣлъ бы удовольствіе пойти вмѣстѣ съ вами къ нему. Еслибъ вы знали, чего стоитъ мнѣ этотъ визитъ, вы изъ одного состраданія помогли бы мнѣ его отбыть. Вѣдь при васъ онъ вчера пригласилъ меня: какимъ образомъ было отказаться? Если знаете средство, научите, ради Бога! Мнѣ удалось собрать еще нѣсколько денегъ для несчастнаго нашего пріятели. Съ вашей страстью помогать ближнему, вы должны какъ-нибудь разубѣдить меня на счетъ гр. Кочубея. Я въ первый разъ къ нему ѣду и дѣлаю это съ огляженіемъ. Послѣ скажу причины. (Подп.) Салтыковъ.

Странно, что послѣ всего этого юный кручанскій философъ не переставалъ вѣрить въ комплименты министра и обращался къ нему во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни.

Воспитанникъ Харьковского Университета
1820-хъ годовъ.

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ МАГНИЦКІЙ.

Новыя данныя къ его характеристикѣ.

1829—1834.

Въ „Русской Старинѣ“ были сообщены весьма любопытныя свѣдѣнія о государственной дѣятельности Магницкаго, какъ попечителя казанскаго учебнаго округа, о странныхъ и несчастныхъ распоряженіяхъ его тамъ, кончившихся удаленіемъ и ссылкой его въ Ревель, и затѣмъ намеки и сужденія, въ которыхъ онъ являлся и ханжей, и лицемѣромъ, и угодливымъ царедворцемъ, и безпокойнымъ человѣкомъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, должны мы прослѣдить жизнь и дѣятельность его и во время ссылки, о чемъ, однако, нигдѣ и никакихъ свѣдѣній не находимъ. Остановимся на эпизодахъ изъ нея, тѣмъ болѣе, что мы имѣли случай часто видѣть его и слышать о немъ въ дѣтствѣ и молодости нашей, во время ссылки его въ Ревель. Мы замѣтимъ предварительно, что отрицательныя качества его худо вяжутся съ его положительными: съ честолюбіемъ его, съ постояннымъ стремленіемъ къ своимъ цѣлямъ и съ пожирающею его дѣятельностью; изъ послѣдней скорѣе можно заключить, что онъ не чуждъ былъ своего рода доктринерства или, лучше сказать, фанатическаго догматизма.

Что онъ, впрочемъ, былъ человѣкъ умный, образованный и ловкій, объ этомъ, кажется, нѣтъ спора. Величавая его наружность, вполне свѣтская походка и манеры, производили на всѣхъ, особенно на женщинъ, сильное впечатлѣніе. Внѣшняя его набожность ничѣмъ не отличалась отъ обрядностей и обычаевъ людей его круга: онъ стоялъ и держалъ себя въ церкви точно также, какъ бы случайно зашедшій туда, отъявленный, но благовоспитанный вольнодумецъ... Впрочемъ, все, касательно его наружности или внѣшняго величія, было замѣчено и другими и согласно съ статьями о немъ въ нашихъ историческихъ журналахъ. Но, какъ мы уже замѣтили, никто ни слова не

сказать о его дѣятельности и пребываніи въ Ревелѣ, исключая братею замѣтки Н. Н. Мурзакевича ¹⁾); именно пробѣть этотъ хотимъ мы пополнить изъ воспоминаній нашихъ.

Если не ошибаюсь, это было въ 1828 или 1829 г., когда я въ первый разъ увидѣлъ въблизи Магницкаго, удостоившаго меня, ребенка. своимъ привѣтомъ; еще раньше я слышалъ отъ старшихъ о его ссылкѣ въ нашъ городъ и о короткомъ знакомствѣ его съ соборнымъ протоиереемъ І. Ф. Нед—вымъ ²⁾); сынъ послѣдняго. Алексѣй, старше меня годами двумя, и съ которымъ я былъ друженъ, по молодости-ли лѣтъ, или изъ хвастовства, росписывалъ мнѣ удивительными красками Михаила Леонтьевича, что онъ чуть ни министръ, что онъ невинно страдаетъ, а за чтó—это тайна; что онъ чрезвычайно уменъ и другъ Сперанскаго и проч.; я слушалъ это съ дѣтскою впечатлительностію и увлеченіемъ и составилъ себѣ о Магницкомъ образъ очень важнаго и таинственнаго лица, не понимая и тщетно спрашивая, за что такихъ... хорошихъ людей ссылаютъ? такъ что, когда пришлось мнѣ съ нимъ говорить, я порядочно оробѣлъ, считая, вѣроятно, его какимъ-то высшимъ существомъ. Независимо отъ этого, успѣлъ-ли Магницкій самъ себѣ составить ореолъ, или народная молва городка, невиданнаго со временъ архіепископа Арсенія Мацѣевича именитыхъ изгнанниковъ, приписала ему таковой, но я помню, какъ въ кругу родныхъ моихъ и знакомыхъ говорили о немъ,—впрочемъ, люди не дальніе,—съ какимъ-то почтеніемъ и съ нѣкоторою таинственностію, причемъ упоминалось о примѣрномъ его благочестіи... Какъ нѣмцы о немъ думали, этого я никогда не могъ узнать, сперва недопытываясь этого, а потомъ они его забыли... Кромѣ тѣсной дружбы его съ священникомъ о. Іоанномъ, онъ былъ очень вхожъ и привязанъ къ семейству вице-губернатора, дѣйст.ст. сов. Лов—на; это былъ, по тогдашнему времени, человекъ либеральный, т. е. независимыхъ мнѣній, и вообще очень достойный; онъ до самой смерти своей, кажется, въ сороковыхъ годахъ, оставался вице-губернаторомъ. Почти ежедневно можно было видѣть Михаила Леонтьевича Магницкаго, гуляющимъ съ семействомъ Лов—на, жена котораго была еще не старая и довольно видная дама. Очень возможно, что Михаилъ Леонтьевичъ въ этомъ кругу натягивалъ другія струны и игралъ не столько мистика, сколько либерала.

¹⁾ Въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ XI, стр. 274.

²⁾ Ф. В. Булгаринъ, прибывшій около того времени въ Ревель, разговорился въ винномъ погребѣ съ однимъ русскимъ старожиломъ и острякомъ, недобившимъ почему-то протоіерея Н—ва, и спросилъ его, между прочимъ: что дѣлаетъ у васъ Магницкій?—«А объ этомъ надо спросить нашего епископа», былъ отвѣтъ; оказалось, что подъ епископомъ подразумѣвался отецъ І. Нед—въ.

Ч — въ.

6-го августа, въ день Преображенія, былъ храмовой праздникъ въ соборѣ: послѣ обѣдни былъ чай у настоятеля церкви о. Іоанна Нед—ва; меня пригласилъ или, вѣрнѣе сказать, привелъ туда же сынъ его; общество было небольшое и въ томъ числѣ отецъ мой и дядя (о. Нед—въ былъ старинный другъ нашего семейства); тутъ увидѣлъ я въ первый разъ вблизи знаменитаго у насъ вельможу; онъ подозвалъ меня къ себѣ, обласкалъ и началъ спрашивать: хожу-ли я въ школу, учусь-ли „по-русски и закону Божию?“ Я былъ сконфуженъ неожиданностію этою и отвѣчалъ на все односложнымъ да... и былъ весьма радъ, когда онъ, окончивъ чѣмъ-то въ родѣ наставленія, выпустилъ меня изъ своихъ объятій. Въ послѣдствіи, когда я уже былъ старше и ходилъ брать уроки французскаго языка (скорѣе конversaціи) у гувернантки дочери того же о. Іоанна, я часто встрѣчалъ Магницкаго, но онъ уже со мною не заговаривалъ, обращаясь болѣе къ учительницѣ, которая была изъ Петербурга и особа весьма ловкая и живая. Она была имъ отъ души восхищена и увѣряла, видя, что я замѣчалъ ея радость и движенія при видѣ его, что онъ, несмотря на лѣта свои, самый пріятный изъ мужчинъ, которые только когда-либо ей встрѣчались: манеры его обворожительны, лоскъ, обходительность, языкъ, словомъ, все—самаго привлекательнаго свойства. Она, кажется, не соображала, что почтенный Михаилъ Леонтьевичъ, кромѣ небольшого волокитства, былъ также немного дипломатъ и искусно ей льстя и любезничая, въ тоже время надсматривалъ, какъ она себя держитъ съ молодежью.

Въ то время императоръ Николай Павловичъ обратилъ особенное вниманіе на преподаваніе русскаго языка въ Остзейскомъ краѣ; въ Ревель были присланы изъ Москвы русскіе учителя въ гимназію и дворянское училище; между ними находился обрусѣвшій нѣмецъ, воспитанникъ Московскаго университета, нѣкто Андрей Ивановичъ Бюргеръ (полагаю и нынѣ еще здравствующій). Магницкій съ нимъ познакомился и уговорилъ его издавать журналъ, педагогическій, философическій и литературный, который былъ ими названъ „Радугою“.

Журналецъ этотъ—отчасти прототипъ „Маяка“ и ему подобныхъ, вовсе, впрочемъ, не имѣвшій намѣренія „водворить русскій языкъ“, но идеалы Магницкаго,—сдѣлался теперь библиографическою рѣдкостью; онъ издавался съ 1832 года, всего полторагода, въ видѣ тоненькихъ, худощавыхъ книжекъ, на удивительно жесткой, сѣровой оберточной бумагѣ, но печать типографіи Ливдфорса была удовлетворительна; цѣна за 12 такихъ книжекъ была, помнится, 15 или 16 руб. асс. въ годъ. Списокъ подписчиковъ (въ первый годъ 207, изъ нихъ

102 казен. учеб. заведенія; во второй годъ—60, также съ учебными заведеніями) печатался въ концѣ каждой книжки.

Потому-ли, что „Радуга“ была слишкомъ мало распространена и ее можно встрѣтить лишь въ рѣдкихъ бібліотекахъ, или по другимъ причинамъ, но мнѣ кажется, что на нее, какъ на матеріалъ для характеристики Магницкаго и его дѣятельности, до сихъ поръ вовсе не было обращено вниманія. Между тѣмъ вся прошлая энергическая жизнь Магницкаго, всѣ его вредоносныя стремленія вполне оправдываются и выясняются содержаніемъ и направленіемъ этого органа крайняго обскурантизма. Не подлежитъ сомнѣнію, что „Радуга“ должна была служить орудіемъ для распространенія ученія Магницкаго и что именно онъ, а не кто-либо другой, былъ истиннымъ основателемъ этого журнала. Что же такое былъ издатель „Радуги“, г. Бюргеръ? Послушное орудіе, преданный ученикъ въ рукахъ опытнаго наставника... Вотъ нѣсколько свѣдѣній о создателѣ Магницкаго.

Андрей Бюргеръ род. въ Москвѣ, 1804 г., и обучался въ тамошнемъ университетѣ философскимъ и камеральнымъ наукамъ. Въ 1828 г. онъ былъ опредѣленъ въ ревельскую гимназію на вновь учрежденную должность старшаго учителя русскаго языка. Въ 1833 г. принялъ православіе, а въ 1834 г. оставилъ гимназію и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ, взятымъ изъ „Гимназическаго учительскаго альбома“, могу присовокупить, что въ 1845 г. Бюргеръ состоялъ при балтійскомъ генералъ-губернаторѣ Голонинѣ и принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи православія между эстами и латышами. Съ 1863 г., находясь на службѣ въ св. синодѣ, онъ снова появляется на литературномъ поприщѣ въ роли отвѣтственнаго редактора новой „Радуги“, издаваемой А. Кассіановымъ (псевдонимъ). Изъ этихъ біографическихъ данныхъ интересуютъ насъ особенно тѣ, изъ которыхъ усматриваемъ, что издателю „Радуги“ въ 1832-мъ году было не болѣе 28-ми лѣтъ и что онъ тогда не принадлежалъ къ православному вѣроисповѣданію. Итъ въ виду эти два обстоятельства, мы задаемъ себѣ вопросъ: какому образомъ въ головѣ молодого и, пріобзавъ, весьма посредственнаго педагога, ничѣмъ не заявившаго свои литературныя способности, притомъ лютеранина, могла возникнуть необыкновенная мысль основать журналъ въ крайне-православномъ духѣ? И далѣе: благодаря обстоятельствамъ, въ эпоху извѣстной строгой опеки надъ журналистикой, неизвѣстному учителю и лютеранину удалось получить разрѣшеніе на изданіе русскаго (мнимо) серьезнаго, почти духовнаго:

журнала? ¹⁾ (въ „Радугѣ“ печатались также духовныя проповѣди), и что особенно интересно замѣтить, въ такомъ городѣ, гдѣ должность цензора исправлялъ чиновникъ губернскаго правленія, баронъ Россильонъ (Rossillon) ²⁾, лютеранинъ, весьма мало знакомый съ русскимъ языкомъ. Всѣ эти загадочныя вопросы разрѣшаются не иначе, какъ предположеніемъ, что въ ту пору вліяніе Магницкаго въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ еще было достаточно сильно для исхода-тайствованія разрѣшенія на изданіе журнала при такихъ исключительныхъ условіяхъ.

Обратимся теперь къ „Радугѣ“. Издаваемая Бюргеромъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Магницкаго, она просуществовала не полныхъ два года; ибо, явившись въ 1832 г. въ надлежащемъ объемѣ, 12 книжекъ, она съ половины 1833 года стала постепенно исчезать на ревелъскомъ горизонтѣ: 6-я, 7-я и 8-я книжки уже вышли въ одной, довольно тощей по объему, а 9-я, 10-я, 11-я и 12-я были, кажется, только обѣщаны и никогда не выходили въ свѣтъ. Впрочемъ, издатель, какъ бы предчувствуя эфемерность своего изданія, въ послѣдней, 8-й, книжкѣ намекаетъ на его предстоящій конецъ.

„Избравъ названіе „Радуги“,—объявляетъ онъ,—для нашего журнала, мы помнили, что „Радуга“ есть весьма скоропреходящее небесное явленіе; но все она — небесное явленіе, игра небснаго свѣта въ мимолетныхъ капелькахъ земнаго вѣденія. „Радугѣ“ нашей, безъ сомнѣнія, должно было явиться, потому что она явилась. Предлагаемъ ее теперь суженною и сокращенною: безъ сомнѣнія, и тому такъ надобно быть“. Такое фаталистическое заявленіе г. Бюргеръ заключаетъ обѣщаніемъ добавить остальные 4 книжки въ началѣ будущаго 1834 года.

За исключеніемъ статей какого-то псевдонима Простодумова и нѣсколькихъ стихотвореній Грена и Венецкаго ³⁾, всѣ прочія статьи въ „Радугѣ“, вѣроятно не безъ причины, печатались безъ подписи авторовъ. Преобладающею въ нихъ темою служило глумленіе надъ западнымъ просвѣщеніемъ и въ особенности надъ флософіей. Критическій взглядъ редакціи на литературу въ высшей степени тенденціозный и односторонній. Все это обнаруживается уже съ первой стра-

¹⁾ «Радуга» носила заглавіе: «Журналъ филозофій, педагогій и взящій литературы».

²⁾ Баронъ Вильгельмъ Россильонъ родился и воспитывался въ Германіи (въ Марбургѣ, въ 1778 г.), служилъ потомъ въ австрійской кавалеріи.

³⁾ Венецкій (учитель русскаго языка въ ревелъскомъ уѣздномъ училищѣ) издалъ въ Ревелѣ книжку своихъ стихотвореній: «Басни и параболы».

ницы журнала. Авторъ статьи: „Гдѣ мы ищемъ свѣта!“, отзываясь иронически о Германіи, Франціи, Англіи, упрекаетъ русскихъ, что они ожидаютъ высшаго просвѣщенія отъ Байроновъ, Шеллинговъ и Бузеніи. „Долго-ли намъ,—говоритъ онъ,—еще вертѣться около французовъ и нѣмцевъ, какъ около солнца? Или мы не знаемъ, что они такія же темныя планеты, какъ и мы?“ Далѣе, называя западныя страны „очаровательными звѣздами“, авторъ увѣряетъ читателей, что „великую часть сихъ звѣздъ покрываютъ вѣроломныя тѣни съ коварными огоньками, по нимъ блуждающими, съ смертоносными испареніями“, содрогается отъ ужаса при мысли, что и „наши благословенныя поляны могутъ со временемъ засверкать такими же пагубными огоньками“ и совѣтуетъ „вырваться изъ губельнаго обаянія“ и искать „не въ Парижѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ источника, откуда вытекаетъ свѣтъ жизни, а присоединить лепетаніе наше къ голосу мудрыхъ (?) отечества, которымъ прежде слѣдовать не хотѣли... Для чего намъ въ стремленіи къ чистому вѣденію всесторонней истины проходить снова всѣ пути, по которымъ шли Платонъ или Аристотель, Спиноза и Шеллингъ... Душа любознательная! оставь изученіе мудростей человѣческихъ!“ Нельзя не пожалѣть, что авторъ приведенныхъ строкъ скрылъ отъ читателя, кого именно онъ разумѣетъ подъ словами мудрецы отечества, которымъ прежде слѣдовать не хотѣли, ужъ не самого-ли М. Л. Магницкаго и tutti quanti? Въ статьѣ: „Голосъ надъ гробомъ Гёгеля“ любопытны заключительныя слова: „Да отпущено будетъ Гёгелю въ мірѣ вѣчномъ земное мудрованіе его и да доступна будетъ философу жизнь, которой онъ не чаялъ! но да изглядятся съ смертью его и слѣды философіи его на землѣ!“

Со 2-й книжки начинается рядъ курьезныхъ статей какого-то М. (Михаила Леонтьевича?) Простодумова, саратовскаго помѣщика, подъ заглавіемъ: Отломки отъ философскаго мозаика (sic) степнаго отшельника. Здѣсь мы встрѣчаемъ замѣчательную характеристику журнала „Радуга“.

„Радуга... завѣтъ тишины послѣ волненія умовъ, надежда безопасности послѣ всемірнаго потопа превратныхъ и возмутительныхъ ученій“, и т. д. Г. М. Простодумовъ обладаетъ энциклопедическимъ образованіемъ; онъ не только философъ, но и математикъ, астрономъ и пр. Съ сельской колокольни, на которой онъ устроилъ свою астрономическую обсерваторію, повѣдаетъ онъ читателямъ „Радуги“ такія неслышанныя истины: „Какая прибыль и что за важность открывать новыя звѣзды?“ спрашиваетъ онъ. „Скажу только, что все, что дотогдѣ прочелъ я и изучилъ изъ астрономіи, показалось мнѣ какъ-то сомнительнымъ...“ По замѣчанію издателя (кн. 3-я, стр. 154), главная цѣль г. Простодумова,

„предавшагося изученію законовъ природы“, состояла въ томъ, чтобы „всѣ теоріи въ мысляхъ своихъ привести въ согласіе съ природозна-ніемъ, изъ св. писанія извлекаемымъ“. Издатель, съ своей стороны, поощряетъ такое похвальное занятіе слѣдующей выходкой противъ Ньютона и открытаго имъ закона притяженія: „Что за бѣда—говорить онъ,—если г. Простодумовъ даже докажетъ, что и планеты, и спутники ихъ движутся такъ, а не иначе, не потому, что требуетъ того законъ, который названъ закономъ притяженія, а потому, что воля Творца опредѣлитъ имъ такое движеніе, и что законъ сей, точно также, какъ и всякій другой, можетъ Имъ быть отмѣненъ, ибо не Онъ подчиненъ законамъ Своимъ, а законы Его Ему подчинены“.

Въ другой статьѣ: „Объ особенностяхъ характера европейскаго духа“ (кн. 4-я, стр. 231 и слѣд.) предлагаетъ намъ г. Простодумовъ слѣдующія выписки изъ какой-то французской книги: „Нынѣ всѣ узы рас-торгнуты. Человѣкъ среди общества уединенъ, одичалъ; вѣра обще-ственная (?) исчезла; умы, сами себѣ оставленные, не знаютъ, куда дѣться и колеблются вѣтромъ тысячи противоположныхъ направленій. Отъ сего произошелъ всеобщій беспорядокъ и какое-то страшное непостоянство въ образѣ мыслей и установленіяхъ.... Въ сердцахъ поселилась какая-то неимоверная тоска, скука, отвращеніе отъ жизни и ненасытимая потребность разрушенія.... И въ семъ-то хаосѣ буй-ства и безсмыслія утопаютъ здравый смыслъ общественный“. Далѣе г. Простодумовъ, устами все того же француза, называетъ бунтовщи-комъ чуть-ли не каждого мыслящаго человѣка. „Всѣ ученія фило-софскія, — читаемъ мы на стр. 238 и 239,—будучи отрицательны ¹⁾, или что одно и то же, разрушительны, имѣютъ общимъ началомъ господство человѣка; а какъ скоро человѣкъ признаетъ себя самовладыкою, то онъ тѣмъ самымъ есть уже бунтовщикъ противъ Бога и противъ всякой власти, Богомъ установленной; бунтовщикъ же только ненавидѣть можетъ, слѣдовательно, общее чувство, философскими ученіями рождаемое, есть ненависть.... Кто усомнится, взгляни на то, что дѣлали они (философы) въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ.... Какое остервененіе самыхъ звѣрскихъ страстей; какое утонченіе злобы; какія неслыханныя преступленія“.

Такою же односторонностію и безпощадностію отличаются помѣ-щенные въ „Радугѣ“ статьи по педагогикѣ. Въ статьѣ: „Къ избран-нымъ о воспитаніи“ неизвѣстный авторъ, соболѣзнуя о состояніи у насъ этой науки, обращается къ недостойнымъ педагогамъ съ слѣ-дующей грозною рѣчью: „Деревянные сердца! оживитесь, взгляните

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

на себя! Христовой-ли вы церкви дѣти... когда не болите (sic), видя обременяемыхъ тукомъ земнымъ, видя восполняемыхъ огнями земли— дѣтей отчизны вашей?“ Въ другой статьѣ: „О воспитаніи“ (кн. 7-я, стр. 503) утверждается, что „и Руссо, и Базедовъ, и Кампе, Шварцъ. Песталоцци, Нимейеръ и множество другихъ не понимали двоякости заповѣди Господней“, состоящей, по мнѣнію автора, въ томъ, чтобы человѣка воспитывали „во 1-хъ, на непосредственное служеніе Богу, и во 2-хъ, на служеніе Богу посредствомъ служенія ближнимъ“. Крайне любопытна также и полна эцентрическихъ разсужденій послѣдняя статья „Радуги“: „Судьба Россіи“ (1833, кн. 8-я). Здѣсь прежде всего встрѣчаемъ упрекъ Карамзину, что „онъ тосковалъ о томъ, что Россія была подъ властью татаръ“, сожалѣлъ, что „сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу“; а главное, зачѣмъ Карамзинъ увѣрялъ, что „россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими европейцами могли по справедливости назваться невѣждами“. По мнѣнію автора, совершенно иначе „смотреть на вещи философія о Христѣ. Она не тоскуетъ о томъ, что былъ татарскій періодъ, удалившій Россію отъ Европы. Она радуется тому¹⁾, ибо видитъ, что угнетители ея, татары, были спасителями ея отъ Европы...¹⁾ Угнетеніе татарское и удаленность отъ западной Европы были, можетъ быть, величайшимъ благодѣяніемъ для Россіи, ибо сохранили въ ней чистоту вѣры Христовой... Чтобы превзойти Европу, для этого Россія, вмѣсто сближенія съ Европою, удалялась отъ нея“. Эти поразительные афоризмы можно сравнить только съ тѣми, которые тотъ же авторъ высказываетъ далѣе о реформахъ Петра, задавшись вопросомъ: „Для чего Петръ пожертвовалъ народною личностью Россіи, снялъ съ нея національный характеръ ея, сдѣлалъ ее ученицею Европы“, авторъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, все это (искусства, знанія, ассамблеи, бритіе бороды, снятіе кафтановъ) дѣлалъ Петръ съ Россіей для того, для чего нянька вмѣстѣ съ дѣтятами своимъ наряжается, играетъ въ куклы и проч.; для того, для чего умный учитель одѣваетъ мысль свою въ понятія ученика своего и притворяется иногда такимъ же малодушнымъ (?), какъ и ученикъ его.... Сближеніе съ Европою нужно было совсѣмъ не для нея (Россіи), какъ обыкновенно думаютъ, а для самой Европы...“

Не стану болѣе утомлять читателя выписками изъ другихъ отдѣловъ „Радуги“, тѣмъ болѣе, что содержаніе статей—варіаціи на одну и ту же тему: гоненіе на западную цивилизацію и порицаніе русскихъ за сближеніе съ западомъ. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ изда-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XIV, 1875 г., НОЯБРЬ.

тель, неизвѣстно съ какою цѣлью, обращается къ „членамъ православной церкви съ извѣщеніемъ“, что онъ, „согласно издавна возраставшему въ немъ желанію“, 6-го августа, присоединился къ греко-россійской церкви.

Во всемъ изданіи, если я не ошибаюсь, только два раза встрѣчается намекъ на тайнаго вдохновителя и составителя „Радуги“, М. Л. Магницкаго. Это въ книжкахъ 5-й и 6-й, на стр. 83 и 471 (1832). Какой-то г. А. Б—чь, встрѣтившись на бульварѣ съ издателемъ, спрашиваетъ послѣдняго:

„Ну, а о смерти и погребеніи того, о которомъ М. Л. (Михаилъ Леонтьевичъ) вамъ письмо читаль, что скажите?“

— „Ни смерти, ни погребенія не понимаю, со страхомъ думаю о завѣщаніи его, но сказать не могу ничего; Богу судить его, а не людямъ“—былъ не менѣе загадочный отвѣтъ.

Любопытно было бы знать, къ какой умершей, повидимому, выдающейся въ то время личности относились эти таинственныя слова. Въ другомъ мѣстѣ, какой-то докторъ упрекаетъ издателя, что „его журналъ философія называется фиглярствомъ, а поэзія—идолопоклонствомъ, что это есть уничтоженіе, иными словами, родъ погасительства“. На этотъ упрекъ отвѣчаетъ И. (издатель) слѣдующимъ интереснымъ сообщеніемъ: „Однажды,—говоритъ онъ,—мнѣ какъ-то рассказывалъ М. Л., что когда ему также о погасительствѣ говорили, то онъ (М. Л.) отвѣчалъ: вы сами обвиняете ваше просвѣщеніе, говоря о погасительствѣ; стало быть, оно не истинный свѣтъ, если можетъ быть погашено; попробуйте-ка погасить солнце...“

Что касается до сожалѣнія Н. Н. Мурзакевича (см. въ „Русской Старинѣ“, томъ XI, стр. 274), что „Радуга“ не водворила въ Ревелѣ русскаго языкознанія, то, судя по исключительному характеру содержанія журнала, едва-ли издатель его когда-либо задавался такой цѣлью. Лучшимъ свидѣтельствомъ равнодушія нѣмцевъ къ „Радугѣ“ можетъ служить ограниченное число ея (12) подписчиковъ въ Ревелѣ, между которыми мы встрѣчаемъ нѣсколько русскихъ официальныхъ лицъ, но не находимъ даже того учебнаго заведенія, въ которомъ г. Бюргеръ состоялъ преподавателемъ.

Около 1832 г., или немного ранѣе, издалъ Магницкій въ Москвѣ, подъ буквами К-ц-н-г-м- „Историческій альманахъ“; мы приписываемъ ему это изданіе потому, что въ послѣдней за 1832 годъ книжкѣ „Радуги“ издатель ея выставляетъ альманахъ этотъ, по поводу восхваленія своего „рѣдкой книги“ г. Соснина: „О нетлѣннй св. мощей“, въ числѣ отрадныхъ и „освѣжающихъ“ сочиненій, причемъ обзываетъ всю „нынѣшнюю“ (т. е. свѣтскую) русскую литературу назв. „романной и

самохвально глумящей" ¹⁾. Въ одной изъ статейъ этого альманаха силится Магницкій доказать, что производство словенъ или славянъ отъ „слова“ не можетъ имѣть мѣста, „ибо — говоритъ онъ — невѣроятно, чтобы народъ въ зачатіи своемъ болѣе думалъ о грамматикѣ (sic!), чѣмъ о славѣ, не подозрѣвая, что оба названія одного и того же корня“. „Слово о полку Игоревомъ“ можетъ называться и „Слава о полку“ и т. д., соответствуя греческому „эпосъ“.

Сообщивъ выписки изъ „Радуги“, съ цѣлью ознакомленія читателя съ ея духомъ и направленіемъ, мы достаточно показали, что ни несчастіе, ни ссылка не были въ состояніи измѣнить натуры „погасителя“ Магницкаго, и что лишенный возможности распространять свои убѣжденія практическимъ способомъ, онъ обратился къ теоретическому, въ видахъ чего и былъ имъ основанъ журналъ, какъ орудіе пропаганды. Что же касается участія г. Бюргера въ изданіи этого журнала, то оно было только случайное, хотя и необходимое, какъ официальная фирма. Г. Бюргеръ былъ первою жертвою проповѣди Магницкаго въ Ревелѣ, и преданнымъ агентомъ фанатическаго ученія, какъ это видно изъ его позднѣйшей дѣятельности въ качествѣ редактора возобновленной „Радуги“ въ 1863—1865 гг.

Подчиненіе вліянію безспорно талантливой и энергичной личности Магницкаго обрусѣвшаго нѣмца можно себѣ кое-какъ объяснить; гораздо поразительнѣе былъ другой подвигъ прозелитизма Магницкаго въ Ревелѣ, обнаружившійся на почтенной и выдающейся въ то время личности протоіерея І. Н — ва. Къ этому печальному случаю, какъ нельзя вѣрнѣе, примѣняются слова, приписываемыя Сперанскому и сказанныя по поводу ссылки Магницкаго въ Ревелѣ.

— Какъ можно посылать Магницкаго въ Ревелѣ! Туда ѣздить за здоровьемъ, а онъ присутствіемъ своимъ и воздухъ заразить.

Вскорѣ по сближеніи Магницкаго съ протоіереемъ Н., совершился въ этомъ послѣднемъ нравственный переворотъ: просвѣщенный (онъ былъ воспитанникъ С.-Петербургской духовной академіи), гуманный и

¹⁾ Между прочимъ, вотъ что говоритъ г. Бюргеръ: «Не новаго, не необыкновеннаго искали мы въ рѣдкой книгѣ г. Соснина, а именно того, что въ ней заключается, того, что въ наше время ищутъ многіе на западѣ и даже Стеффенсы, Гёрресы и пр. искали — одушевленной вѣсти отъ Іерусалима, превышеестественнаго, искали вѣсти новой о старой, о вѣчной истинѣ, вѣсти, которой подобныхъ такъ мало слышится въ нынѣшней романной литературѣ русской, которой подобныхъ, кромѣ освѣжающаго духъ журнала «Христіанское Чтеніе», кромѣ альманаховъ, изданныхъ покойнымъ Мансветовымъ, Историческаго альманаха, изданнаго въ Москвѣ г. Кизимъ, 3-хъ статей, украсившихъ въ 1832 г. журналъ «Синъ Отечества», именно того же Соснина и пр., нигдѣ не найдешь» П. П.

всѣми любимымъ пастырѣ церкви, внезапно превратился въ какого-то фанатика-аскета и даже сталъ обнаруживать признаки умопомѣшательства. Такъ на примѣръ, рассказывали, что, желая подражать жизни св. апостоловъ, онъ однажды вздумалъ отправиться въ столицу въ зимнее время пѣшимъ и босымъ (*per pedes apostolorum*). Считаемо не лишнимъ остановиться на этой личности подробнѣе.

Иванъ Филиповичъ Недъ—въ былъ уроженецъ Владимірской губерніи и сынъ священника. Въ 1816 или 1817 году былъ онъ опредѣленъ настоятелемъ въ Ревелѣ Николаевской церкви, которую онъ всю перестроилъ, и изъ древней, крошечной, превратилъ въ довольно обширную и благообразную. Вскорѣ лишился онъ обожаемой своей молодой и красивой жены, умершей отъ чахотки, и оставившей ему двоихъ дѣтей. Въ 1826 или 1827 году былъ онъ переведенъ, въ санѣ протоіерея и благочиннаго, въ Преображенскій соборъ, гдѣ также его усердіемъ предприняты были большія поправки и обновленія; много труда и непріятностей стоили ему надзоръ и руководство по этому строенію: дѣланы были ошибки, явились недочеты или частый недостатокъ денегъ; какъ человѣкъ умный, онъ имѣлъ также враговъ... короче, заботы эти одолевали его и подѣйствовали на его здоровье. Не только русскіе любили и читали его, но онъ былъ также въ большомъ уваженіи у нѣмцевъ; прекрасной наружности, съ приличными манерами, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ священникомъ, хотя иногда и бывалъ черезъ-чуръ строгимъ къ постановленіямъ и обычаямъ церкви ¹⁾. Не менѣе уважаемый, очень ученый и извѣстный нѣмецкій проповѣдникъ (подчасъ à la Abraham S-ta Clara), пасторъ и суперинтендентъ Мейеръ, искалъ его знакомства; одинъ, не разумя по-русски, другой—по-нѣмецки, изъяснялись они по-латинѣ.

Въ то время Ревель посѣщался знатнѣйшими лицами, преимущественно изъ Петербурга, для пользованія морскими водами; скромная квартира И. Ф. Н—ва часто служила средоточіемъ пріѣзжей и мѣстной знати; то были семейства Новосильдовыхъ, Дивовыхъ, Спафарьевыхъ, Шерманъ и другихъ, фамиліи которыхъ не упомяну. Особенно дамы его любили. Не мудрено, что и Магницкій скоро съ нимъ сошелся и былъ почти ежедневный его гость; обыкновенно сидѣли они вдвоемъ въ кабинетѣ, окна котораго были плотно завѣшаны и потому совершенно бы темнаго, еслибъ не небольшая лам-

¹⁾ Что доказываетъ, напр., слѣдующій маленькій случай. Очень порядочная русская-нѣмка, по окончаніи обѣдни, подошла ко кресту; «перекреститесь сперва», сказалъ ей о. Іоаннъ; та хотѣла это исполнить, но рука въ перчаткахъ, онъ заставилъ ее—сконфуженную—при всей публикѣ, снять перчатку и потомъ уже дозволилъ ей приложиться.

падочка на столѣ, заваленномъ книгами и бумагами, чуть-чуть ни освѣщала его; дверь въ комнату эту постоянно была заперта; занимаясь и болтая съ дѣтьми о. Іоанна, я съ любопытствомъ заглядывалъ въ кабинетъ, когда дверь отворялась, и, не знаю почему, вовсе не находилъ страннымъ, что въ темнотѣ бесѣдуютъ столь почтенныя лица, и думалъ, что для этого вовсе не нужно свѣта... На самомъ дѣлѣ привычка эта была очень странна, и ужъ не знаю, чьего изобрѣтенія; свѣту ровно на столько было, чтобы видѣть стаканъ чаю и понюхать табакъ (они оба нюхали); свѣтобоязнь что-ли это, или мистическія разсужденія того требовали?

Популярность въ тѣсномъ смыслѣ о. Нед — ва уменьшилась съ поступленіемъ его въ соборъ, совпавшимъ съ прибытіемъ въ Ревель Магницкаго. Безъ сомнѣнія, безпкойный и, какъ говоритъ Н. Н. Мурзакевичъ, всегда увлекавшійся Михаилъ Леонтьевичъ сильно вліялъ на строго благочестиваго и честнаго пастыря, который, какъ и многіе духовные, былъ склоненъ къ мистицизму, — не находя иначе отвѣтовъ на многіе вопросы и боясь, какъ огня, мало-мальски свободнаго къ нимъ отношенія.

Наступилъ роковой, холерный годъ — 1831-й; все населеніе было чрезвычайно возбуждено, болѣзнь эту считали равной самой чумѣ; можно сказать, что всѣ взрослые находились въ паникѣ, только мы, дѣти, продолжали (безъ малѣйшаго вреда) исправно поглощать запретный плодъ: яблоки и ягоды. Простой народъ также дурачился какъ вездѣ, чухны даже выдумали такую штуку, что это-моль не поляки сыплютъ ядъ, а богатые, зачѣмъ? затѣмъ, что народъ очень ужъ нарождается и оттого хлѣбъ дорожаетъ, то и надо поуменьшить это стремленіе, чтобы самимъ легче жить можно было. Въ такое-то тяжелое время, совершенно неожиданно, умный, осторожный и вмѣстѣ съ тѣмъ обходительный и ласковый о. Іоаннъ явился въ сильно возбужденномъ состояніи, мрачнымъ и грознымъ. Ему почудилось, что наступаетъ послѣднее время, что надо молиться и каяться въ грѣхахъ. Бѣда, гдѣ онъ, бывало, увидитъ свѣтскую книгу, особенно романъ; разъ вошелъ онъ въ домъ, гдѣ жило нѣсколько молодыхъ людей и увидѣлъ на столѣ невиннѣйшаго „Ивана Выжигина“. Боже, какъ онъ вспылилъ: онъ швырнулъ книгу со стола и началъ грозную рѣчь противъ романовъ: „такое-ли теперь время, чтобы читать развратныя сказки, когда надо денно и ношно молиться и когда смерть виситъ на волоскѣ надъ каждымъ изъ насъ“! Окружающіе остолбенѣли и со страхомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на него; разумѣется, никто не противорѣчилъ. Вѣроятно, такихъ сценъ была не одна ¹⁾ и кончи-

¹⁾ Такъ, наговорилъ онъ въ подобномъ родѣ и напугалъ семейство генерала Спа—ва, которое обѣтилось къ священнику о. Пен—скому за свѣтомъ, что

лось тѣмъ, что о Нед — въ совершенно спятилъ съума или впалъ, какъ нѣкоторые утверждали, въ сильнѣйшую нервную горячку. Какъ смотрѣлъ на это и что дѣлалъ для него другъ его Магницкій, о томъ ничего не было слышно, даже его не было видно, и, кажется, онъ на время холеры выѣхалъ за городъ. Описываемый нами случай совершился, однако, не въ самый разгаръ холеры (бонецъ іюля и августа), но при уменьшеніи эпидеміи и осенью; затѣмъ, въ концѣ октября отвезли несчастнаго о. Іоанна связаннмъ въ Петербургъ.

Въ послѣдствіи онъ совершенно выздоровѣлъ и, при посредствѣ своихъ связей, получилъ видное мѣсто священника и законоучителя въ одномъ изъ первыхъ дѣвичьихъ институтовъ столицы. Онъ уже давно умеръ.

Послѣ того видѣли Магницкаго также невозмутимо спокойнымъ и важнымъ, какъ всегда; онъ былъ по прежнему домашнимъ другомъ Лов—новъ, но уже не вліялъ болѣе ни на одного духовнаго.

Преемникъ Ивана Филипповича Нед—ва, бывшій священникъ Николаевской церкви, о. Стефанъ Пен—скій, былъ человѣкъ другаго закала и всего менѣе идеалистъ.

Любопытно знать, подвергся-ли и чьему вліянію о. Нед—въ, дойдя до степени изступленія? Въ городѣ, —русскіе почти всѣ, особенно женщины, которымъ нельзя отказать въ проникательности въ житейскихъ дѣлахъ, —настойчиво говорили: „это Магницкій его съума свелъ!..“ Нѣмцы говорили просто, что онъ съума сошелъ! Повидимому, никакой горячки не было. Также страху въ виду холеры нельзя приписать то слишкомъ возбужденное состояніе, ибо боязнь ея оказываетъ скорѣе обезсиляющее, обезкураживающее дѣйствіе... чему примѣромъ служитъ множество ея жертвъ. Мы не имѣемъ другаго выхода, какъ повѣривъ на этотъ разъ народному голосу, прямо или косвенно обвинившему Магницкаго въ томъ, что онъ пагубно повліялъ на достойнаго пастыря. Дѣйствительно, до знакомства съ Магницкимъ, И. Ф. Нед — въ ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ, образованныхъ и дѣльныхъ священниковъ, хотя вслѣдствіе своего односторонняго, схоластическаго воспитанія могъ искать разрѣшенія многихъ вопросовъ въ мистикѣ и штизмѣ, игнорируя всякую мірскую науку, какъ тщету и ложь¹⁾. Съ такою-то мистическою подкладкой (сильные умы именно

имъ дѣлать? «Живите, какъ всегда жили, — отвѣчалъ имъ умный пастырь, — и не обращайтесь большаго вниманія на подобныя рѣчи».

¹⁾ Я знаю одинъ случай, нѣсколько характеризующій его: онъ успѣшно выпросилъ разъ у одного знакомаго «Мессіаду Клопштока» для прочтенія; отдавая назадъ книгу, онъ замѣтилъ, что она хороша, только не всякому слѣдуетъ ее читать... какъ-будто Клопштокъ написалъ ее для однихъ духовныхъ!

Ч — въ.

и подвержены сомнѣнію или заблужденію) подвергнулся онъ сильной діалектикѣ и догматизму Магницкаго, искушеннаго уже въ теозофическихъ бредняхъ. Его даръ слова, постоянство въ мышленіи и, можетъ быть, также ореолъ мученика, яко бы пострадавшаго за правду, не преминули произвести сильное дѣйствіе на человѣка, далеко не дюжиннаго, какимъ былъ от. Н — въ.

Главною темою ихъ бесѣдъ, надо полагать, было: превратности, несовершенство и временное бытіе сего міра. вредъ отъ наукъ, боязнь знанія или просвѣщенія и положеніе ему предѣла, и единое спасеніе въ отрицаніи индивидуализма и въ религіи откровенія, одно-сторонне понимаемой. „Натурѣ каждаго догматизма, — говоритъ одинъ извѣстный писатель ¹⁾, — сродно потуда жевать и подвигать прогрессъ, покуда не рѣшится побѣда его воззрѣній, но какъ скоро культура готовится перейти этотъ предѣлъ, становится онъ непримиримѣйшимъ ея врагомъ. Печальную эту истину доказываетъ намъ исторія церкви“.

Программа такого міровоззрѣнія — „до сихъ поръ и не дальше“ — была начертана и оказалась въ распоряженіяхъ Магницкаго въ бытность его попечителемъ Казанскаго университета, который хотѣлъ онъ превратить въ родъ семинаріи; дѣятельность его и самоволіе на этомъ поприщѣ и печальные ихъ результаты извѣсны достаточно и сказано о нихъ подробно въ своемъ мѣстѣ. Но не слѣдуетъ еще изъ этого представлять Магницкаго ханжой, лицемѣромъ, еще менѣе, мартинистомъ, уже потому, кажется, что основатель этой — если угодно — секты былъ ученѣйшій человѣкъ, любилъ науки и никогда не думалъ ихъ преслѣдовать. Если и были въ Россіи мартинисты, каковы Новиковъ, отчасти самъ Сперанскій, князь А. Н. Голицынъ и другіе, то между ними и Магницкимъ съ его согласниками существуетъ большая разница. Магницкій, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, былъ, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ обскурантъ и ретроградъ, и тѣмъ болѣе упорнымъ, что былъ прежде либералъ, а потому, какъ всѣ ренегаты, явился самымъ неукротимымъ „погасителемъ“, до того, что фамилія его обратилась еще при жизни въ бранное слово; таковымъ пребудетъ она въ Россіи до тѣхъ поръ, пока не заглохнетъ мысль и не умолкнетъ живое слово, будящія ее къ развитію.

Ревель.

Сообщ. Ч — въ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СЪРОВЪ.

Материалы для его біографіи.

1820 — 1871¹⁾.

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову.

17-го марта 1841 г.

..Пунктъ, на которомъ мы никогда не сойдемся — это наши мнѣнія о нѣмецкой музыкѣ. Я могу только изумляться, какъ твое музыкальное чувство рѣшительно молчитъ при истинно-поэтическихъ красотахъ нѣкоторыхъ изъ нѣмцевъ. Ты, впрочемъ, еще довольно худо меня знаешь, если думаешь, что я отъявленный, исключительный приверженецъ всего нѣмецкаго въ музыкѣ! Мнѣ обидно, когда ты поминутно величаешь меня нѣмцемъ! En musique on doit être cosmopolite²⁾! Это твоя фраза, но я, можетъ быть, болѣе ей слѣдую, нежели даже ты. Не вѣришь, такъ я тебѣ докажу самыми простыми фактами: это, напимѣръ, изъ всѣхъ композиторовъ, старыхъ и новыхъ, est le favori de mon âme³⁾? Конечно Мейерберъ. А онъ кто? Итальянецъ или нѣмецъ? Скажи откровенно, ты задумался? Вотъ именно за это я его смертельно люблю, что онъ не нѣмецъ, да и не итальянецъ! Онъ (какъ ты, кажется, уже отъ меня и слышалъ, да и самъ это давно знаешь) сотворилъ новую школу въ музыкѣ, — школу XIX столѣтія, школу эклектическую, которая, по самому существу своему, выше тѣхъ двухъ, которыя въ ней слились; она, какъ tous les êtres chéris de la nature⁴⁾,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 587—602; томъ XIV, стр. 328—338.

²⁾ Въ музыкѣ надо быть космополитомъ.

³⁾ Фаворитъ моей души.

⁴⁾ Какъ всѣ существа, любимыя природой.

заимствовала все лучшее отъ своихъ родителей, и, стало быть, превзошла ихъ въ истинной красотѣ. Въ ней нѣтъ сухой, нелѣпой бѣготни, нѣтъ утомительныхъ и ни къ чему не ведущихъ модуляцій съ непрерывнымъ повтореніемъ одной и той же мелодіи (а иногда и вовсе безъ таковой), нѣтъ раздрающихъ уши скопленій самыхъ вычурныхъ диссонансовъ, нѣтъ глупаго педантизма или щегольства глубокими познаніями въ наукѣ гармоніи, вообще нѣтъ всего того, за что ты не терпишь нѣмцевъ; за то въ ней (т. е. въ электической школѣ) нѣтъ конфетной сладости въ аккомпаниментѣ, ребяческой слабости въ инструментовѣ, надоедающаго однообразія самыхъ пошлыхъ финаловъ, наконецъ, и это важнѣе всего—особенной рутинѣ въ сочиненіи оперъ, которая обнаруживаетъ отсутствіе всякаго понятія о настоящемъ драматизмѣ въ музыкѣ, однимъ словомъ, нѣтъ того, за что я не могу любить итальянцевъ. У Мейербера мотивы не уступаютъ русиневскимъ въ пріятности, величіи и во всемъ, что тебѣ угодно (съ маленькой прибавкой того: *qu'ils sont tout à fait appropriés au sujet* ¹⁾). чего у Россіи нигдѣ нѣтъ, кромѣ его „Вильгельма Телля“, сверхъ того обдѣланы въ гармоніи и инструментовѣ съ веберовскимъ глубокомысліемъ. Ты и на это не соглашаешься, давишныя мои выраженія кажутся тебѣ слишкомъ оскорбительными для твоихъ фаворитовъ? Разберемъ подробнѣе, и ты, можетъ быть, убѣдишься въ справедливости моихъ рѣзкихъ фразъ, (а потомъ *je vous donnerai un démenti de votre gorge opinion* ²⁾).

Начнемъ съ увертюры. Возьми ты любую русиневскую (исключая „Вильгельма Телля“, о которомъ *suo loco*), что ты найдешь? Два три, иногда четыре самые пріятные мотива, которые, конечно, очень ловко между собою слиты и перемѣшаны блестящими (почти ничего не выражающими) выходками полного оркестра, съ разбросанными аккордами въ басу, эти выходки, по большей части „*en mouvement d'une marche*“ ³⁾, потомъ самый громкій, оглушающій финалъ. Вотъ и все — *vous n'êtes pas plus loin* ⁴⁾, какъ когда ты сѣлъ, чтобъ слушать оперу: т. е. видно, что всякая изъ этихъ увертюръ написана для того, что въ оперѣ нужна увертюра, а нисколько не служить настоящимъ преддверіемъ къ величественному зданію оперы, нисколько не приготовляетъ слушателя къ будущимъ музыкальнымъ впечатлѣніямъ, не знакомитъ съ характеромъ поэтическаго созданія, не заставляетъ мысленно переноситься за таинственную завѣсу, чтобъ

¹⁾ Что они совершенно приходятся по сюжету.

²⁾ Я тебѣ дамъ доказательства противъ собственнаго твоего мнѣнія.

³⁾ Въ маршеобразномъ ритмѣ.

⁴⁾ Дальше ты не подвинулся.

получить un *avant-goût* ¹⁾ будущихъ красоть, которая обѣщаетъ громкое названіе и полу-извѣстный сюжетъ оперы! Самое ясное доказательство того, что для Россіи сюжетъ nihil—увертюра „Севильскаго цирюльнича“ (опера-буффы), которую онъ цѣликомъ переписалъ для другой своей оперы (opera seria) „Elisabetta d'Inghiltera“! Сюжеты этихъ двухъ пьесъ также похожи, „wie ein Krebs dem Vogel Straus!“ Parlez moi après ça, de votre Rossini, comme auteur de conceptions dramatiques! ²⁾ Мотивы его увертюръ прелестны, — слова нѣтъ, — ласкаютъ ухо, трогаютъ чувство, даже западаютъ въ душу, но въ совершенномъ разьединеніи съ сюжетомъ. Они у него служатъ и для бѣшенной ревности Отелло (а какой бы это могъ быть сюжетъ для настоящей драматической музыки!) и для страданій горделивой царицы Вавилонской, и для Танкреда, и для плута Фигаро, да что и говорить. Надобно, сверхъ того, замѣтить, что они, по бѣльшей части, такъ другъ на друга похожи, что начнешь мурлыкать одинъ мотивъ, и вдругъ невольно съѣдешь на другой (т. е. изъ другой оперы), въ полной увѣренности, что звуки слѣдуютъ правильно. Ты мнѣ выписалъ изъ россиніева „Moïse“ переходъ чрезъ Красное море, какъ примѣръ величественнаго въ музыкѣ. У меня есть для фортепьяно въ 2 руки вся эта опера (и да будетъ сказано мимоходомъ, и вовсе не въ комплиментъ, ты переложилъ несравненно полнѣе и лучше, нежели въ печатныхъ нотахъ, но жаль, что ты надъ этимъ трудился: это звучная, блестящая музыка, но все-таки не по сюжету, (котораго, en parenthesis, вовсе не должно было избирать для оперы). Для Россіи ce sujet est trop sérieux, trop grandiose ³⁾. Теперь, le démenti: развѣ ты никогда не восхищался симфоніями Бетховена, никогда не приходилъ въ extase отъ безсмертнаго Erikkönig'a, а вѣдь Бетховень и Францъ Шубертъ, я думаю, не итальянцы? Обращаюсь опять къ разбору: по увертюрамъ Россіи можно вполне судить и о цѣлыхъ его операхъ, съ такимъ дополненіемъ, что его оперы сами по себѣ должны быть нѣсколько хуже увертюръ (въ отношеніи къ драматизму) потому, что онъ въ нихъ долженъ былъ ласкать самолюбіе, то того primo tenore, то такой-то prima donna, т. е. доставлять имъ, au dépens de la véritable musique ⁴⁾, какъ возможно болѣе случаевъ блеснуть серебрястыми рудудами, которыя на самомъ-то дѣлѣ только вредятъ au mouvement de l'opéra ⁵⁾.

¹⁾ Предвѣушеніе.

²⁾ Какъ разъ на страуса (вѣмецкая поговорка). Говори мнѣ еще послѣ этого про своего Россини, какъ автора драматическихъ созданій.

³⁾ Этотъ сюжетъ слишкомъ серьезень, слишкомъ грандіозень.

⁴⁾ Въ ущербъ настоящей музыкѣ.

⁵⁾ Движенію оперы.

Но все это я готовъ простить Россини за его „Вильгельма Телля“. Это музыка, а не обыкновенная итальянская болтовня. Тутъ я люблю Россини, именно за то, что онъ нисколько не похожъ на „Россини обыкновеннаго“. А кто совершилъ такое чудное обращеніе итальянскаго maestro на путь истинный? я думаю, просто благотворное вліяніе нѣмецкой школы. И какая чудно-преlestная вышла амальгама, почти мейерберовская! Прислушайся къ увертюрѣ этой оперы—ты ее помнишь? не правда-ли, что это чистая живопись? вся Швейцарія съ своими ледниками, озерами, бурями,—передъ тобой. Умное серьезное соло 4-хъ виолончелей (въ самомъ началѣ увертюры) съ первыхъ нотъ мгновенно заставляеть тебя разгадать нѣсколько унылое расположеніе духа честныхъ страждущихъ швейцарцевъ. Потомъ буря—потомъ ясный день надъ восхитительною пастушескою природою (*solo du hautbois avec accomp. du flageolet en petites notes*¹⁾), потомъ рѣзкая военная музыка: австрійскіе полки—полный разгулъ шумной фантазій Россини. Это мастерская и самая блестящая увертюра—да главное, прекрасна тѣмъ, что вполне соответствуетъ богатому сюжету. И въ дѣлой оперѣ характеръ выдержанъ: та же живописность, то же быстрое драматическое движеніе, *la même entente des situations*²⁾, однимъ словомъ, превосходно! За „Вильгельма Телля“ не грѣхъ назвать Россини великимъ, но только за одного „Вильгельма Телля“. Прочія его оперы милы, усладительны—и только.

О Беллини почти не стоить распространяться—это тусклое отраженіе Россини, *voilé d'une teinte mélancolique et larmoyante*³⁾; тотъ же свѣжій, итальянскій колоритъ въ мотивахъ, но всѣ слабыя стороны оперъ итальянскихъ у Беллини несравненно замѣтнѣе, отъ недостатка оригинальности и разнообразія. Досадно подумать, что „Ромео и Юлія“ Шекспира могли, хотя издали, служить канвой для такой жалкой музыки, какъ „I Capuletti e i Montecchi“: наборъ милыхъ мотивовъ, которые слѣплены между собою Богъ знаетъ какъ.—развѣ это опера? И эти несносные финалы! Въ дѣлой оперѣ, по моему, одно удачно обдѣланное мѣсто: это хоръ въ концѣ 1-го акта, ты знаешь (нотный примѣръ). Но то-ли бы вышло изъ того мотива у Мейербера? „Норма“ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше, но тоже со всѣми итальянскими пустяками и съ весьма однообразной инструментовкой. Впрочемъ, эта опера для Беллини тоже, что „Вильгельмъ Телль“ для Россини—это его *chef d'oeuvre*. И послѣ „Вильгельма Телля“ я ее люблю одну изъ всѣхъ итальянскихъ оперъ.

¹⁾ Соло гобоя съ аккомпаниментомъ флажолета маленькими нотами.

²⁾ Тоже пониманіе положеній.

³⁾ Прикрытый меланхолическимъ и слезливымъ оттѣнкомъ.

Теперь о нѣмцахъ. Какъ жаль, что ты ихъ совсѣмъ не знаешь, или не хочешь ихъ знать! Разумѣется, не нужно уважать или любить всего, что носитъ на себѣ типъ нѣмецкаго. Я, кажется, совершенно безпристрастно высказалъ и ихъ, по моему мнѣнію, слабыя стороны и великія, важныя заблужденія. Но ты ужъ просто ничего и слушать не хочешь! Вспомни, что любимая арія, *son air de prédilection* — божественной Россіи — арія Агаты изъ „Фрейшюца“. А „Фрейшюца“, я думаю, не итальянецъ писалъ, и какой это чудный мотивъ (нотный примѣръ изъ Allegro этой аріи). За него почти можно отдать всего Россіини, даже съ „Вильгельмомъ Теллемъ“. Я увѣренъ, что ты не любишь „Фрейшюца“ только отъ того, что ты его худо знаешь. Эта опера нисколько не хуже „Роберта“ и „Гугенотовъ“, даже, если хочешь, это одинъ вкусъ, только въ меньшемъ развитіи, въ болѣе простомъ видѣ. И что за увертюра!! Боже мой, что за увертюра! Лучше ея нѣтъ на свѣтѣ ни одной увертюры¹⁾. Но о ней я надѣюсь когда-нибудь поговорить съ тобой по-подробнѣе; впрочемъ, желалъ бы, чтобъ ты прежде самъ познакомился съ „Фрейшюцемъ“, — а то ты меня не поймешь, тонкости тебѣ будутъ недоступны, и ты сочтешь мой панегирикъ какимъ-то бредомъ. Нѣтъ, другъ мой, не хули нѣмцевъ, не узнавши ихъ какъ должно, нѣмецкая музыка современемъ откроетъ тебѣ такія стороны въ божественномъ искусствѣ, какихъ ты и не подозреваешь. Я даже не удивляюсь, что ты не любишь нѣмцевъ: всему придетъ время — я тоже долженъ сознаться, можетъ быть, къ стыду своему, что я еще совершенно не понимаю Моцартова „Донъ-Жуана“, а, быть можетъ, когда-нибудь я буду съ ума сходить отъ этой оперы. Читалъ-ли ты статью Гофмана о „Донъ-Жуанѣ“ въ „Phantasie-Stücke in Callot's Manier“? Если нѣтъ, то прочитай, и тогда будешь доискиваться въ этой оперѣ какихъ-то особенныхъ таинственныхъ красотъ, которыя до сихъ поръ, къ несчастію, мнѣ недоступны. Можетъ быть, это вліяніе нынѣшняго направленія музыки. Если такъ, то первый композиторъ въ мірѣ нынѣ все-таки Мейерберъ! Но умоляю тебя, изучай нѣмцевъ — хоть *en petit*, и чтобъ заманить тебя, предлагаю тебѣ взять „Adélaïde de Beethoven, transcrite par Liszt“, — противъ чаянія ты тутъ найдешь неизякаемый источникъ самой чистой мелодіи. Вотъ какъ начинается этотъ романсъ (нотный примѣръ). Что за ангельская простота! Если это не настоящая музыка?... Возьми и разучи хорошенько, да будетъ это первымъ шагомъ твоимъ къ обращенію на путь истинный.

¹⁾ Увертюръ Бетховена А. Н. Сѣровъ въ то время еще не зналъ, а другія, всѣ лучшія увертюры новаго времени еще не существовали въ то время, т. е. въ 1841 году.

Въ доказательство же того, что я вовсе не врагъ итальянской музыки, я недавно переложилъ для виолончеля *une petite romance de Rossini* съ прибавкой собственной интродукціи. Но о *sempre suo loco*. A. S.

15-го апрѣля 1841 г.

Ты долженъ знать, что я имѣлъ счастье слышать „божественную“ два раза лишнихъ противъ другихъ, т. е. на двухъ репетиціяхъ концерта аматеровъ. Что тебѣ сказать о впечатлѣніяхъ, которыя я вынесъ изъ этихъ репетицій и концерта? Просто восклицать: „превосходно, неподражаемо“ и т. д. было бы слишкомъ пошло, расписывать всѣ отгѣнки совершенствъ и достоинствъ первой нынѣ въ мірѣ пѣвицы было бы слишкомъ изысканно и, можетъ быть, не по моимъ силамъ. Нѣтъ, я скажу тебѣ (по привычкѣ переливать въ тебя всю мою душу, иногда ах *dérens* твоего обо мнѣ понятія) нѣкоторыя самыя отервенныя мои мысли, *au risque* испугать тебя съ перваго слова. А именно: я нынѣшній разъ не такъ былъ удовлетворенъ (*vous me pardonnerez cette expression peut-être trop naïve*)¹⁾ восхитительной, — какъ въ тѣ концерты, особенно какъ во время безсмертной и незабвенной для меня ораторіи. — Причина этому, и единственная причина, — выборъ пьесъ, исполненныхъ Росси. Въ первый разъ въ моей жизни я слышалъ ее въ Агатиной арии (*sa pièce de prédilection et peut-être son chef d'oeuvre*)²⁾ и въ вариацияхъ Роде, гдѣ она могла показать во всей полнотѣ огромность своего искусства и всю прелесть дарованнаго ей природою инструмента. Во второй разъ слышалъ ее въ ораторіи Гайдна (о которой я, кажется, еще слишкомъ мало бесѣдовалъ съ тобою): тогда она была въ своей стихіи, — она пѣла написанное для архангела Гавріила, и, я думаю, самъ архангелъ, собственной персоной, не спѣлъ бы лучше. Ты знаешь, что музыка, какъ бы она ни была превосходно исполнена, никогда не совпадаетъ съ тою же музыкою, когда она зарождается въ головѣ композита. Это общее правило для всѣхъ изящныхъ искусствъ — идеаль выше исполненія столько же, сколько духъ выше матеріи. Но въ этотъ разъ я бы допустилъ исключеніе изъ этой аксіомы: я увѣренъ, что Гайднъ въ минуты своего вдохновенія не слышалъ внутри себя звуковъ небесныхъ тѣхъ, которые разливала Росси въ тотъ незабвенный вечеръ! Ради Бога, не сочти это за фразы, нѣсколько похожія на пошлыя возгласы бессмысленныхъ фельетонистовъ. Прими это за самое чистое мое убѣжденіе. Въ послѣдній же разъ, чѣмъ насъ подарила „*la divina*?“ ма-

¹⁾ Ты пзвинишь мнѣ это выраженіе, быть можетъ, слишкомъ наивно.

²⁾ Ея любимая и, можетъ быть, капиталнѣйшая пьеса.

ленькой ничтожной арією изъ „*Somnambule*“, конечно, превосходною швейцарскою пѣснью „*Steh' nur auf!*“ и за то въ высшей степени тривіальной бездѣлкой: „милый мой сердечный другъ“. Арія изъ „*Somnambule*“, если ты хочешь, весьма мила, какъ всякая итальянская арія, но въ концертѣ, какъ отдѣльная вещь, она производитъ слабый эффектъ; на сценѣ, въ связи съ цѣлою оперою, этотъ финаль долженъ быть несравненно лучше. Росси исполнила его, разумѣется, такъ, какъ она все исполняетъ, но я думаю, эту же арію и Шоберлехнеръ, и Гризи, и другія, можетъ быть, исполнили бы не хуже, тогда какъ никто изъ нихъ не споетъ „à la Rossi“ ни Агатиной молитвы, ни аріи—Габріеля. Арію „*Steh'nur auf*“ можно совершенно поставить въ „*repandant*“ къ варьяціямъ Роде—такая же извѣстная, простая тема, и такія же блестящія распространенія! Органъ Росси является во всѣхъ возможныхъ фазахъ. И потомъ, какая высокая натура въ ея исполненіи: когда закроешь глаза, то при его звукахъ какъ-будто перенесешься въ горы Швейцаріи, и серебряный голосъ передается непрерывнымъ эхомъ. Это наслажденіе почти равнялось съ первыми моими впечатлѣніями, но тѣмъ досаднѣе, что весь этотъ блаженный міръ фантазіи былъ разрушенъ несносною, площадною пѣснью „милый мой сердечный другъ“! Какъ можно prostituer свой талантъ на такія пошлости! Для этого-ли данъ ей такой голосъ! Послушай, что бы ты сказалъ, или лучше, чтобы почувствовать, — когда дѣвушка, *un ange de beauté et de pudeur*¹⁾, должна бы была выйти на эстраду, предъ тысячу человѣкъ, для того, чтобъ сдѣлать какой-нибудь сильно неблагопристойный жестъ? *Voilà l'effet que fit sur moi cette maudite chanson, exécutée par la Rossi*²⁾. И это было выбрано для окончанія послѣдняго ея концерта, какъ-будто бы нарочно для того, чтобъ заглушить прежнія восхитительныя впечатлѣнія, и заставить менѣе сожалѣть и горевать о предстоящей, можетъ быть, невозвратной потерѣ. Повѣришь-ли ты: мнѣ, говорю тебѣ не шутя, казалось, что отъ этихъ полукабацкихъ словъ, отъ этой балагаечной музыки, самая наивная грація всѣхъ движеній графини, которую она отличается отъ всѣхъ прочихъ пѣвиць, — при этой пѣсни почти исчезла и обратилась въ какое-то полу-нахальное жеманство провинціальной актрисы! *Horreur!*³⁾ Нѣтъ, не такихъ впечатлѣній я ожидалъ отъ послѣдняго концерта Росси! — Но въ этомъ концертѣ были исполнены превосходно двѣ, можетъ быть, лучшія въ свѣтѣ увертюры: „*La Flûte magique*“ и „*Oberon*“, достой-

¹⁾ Ангелъ красоты и цѣломудренности.

²⁾ Вотъ впечатлѣніе, произведенное на меня этою проклятою пѣсенкой, которую исполнила Росси.

³⁾ Отвращеніе!

ныя представительницы классицизма и романтизма въ музыкѣ; потомъ посредственно сошелъ хоръ изъ „Гугенотовъ“ „La conjuration“—великое созданіе, которое, къ несчастію, было вовсе не по силамъ жалкихъ исполнителей.

Сначала объ увертюрахъ: мнѣ увертюра „Оберона“ нравится болѣе, нежели изъ „Волшебной флейты“. Этотъ вкусъ какъ-то мнѣ доступнѣе, нежели вкусъ дивнаго, но серьезнаго Моцарта. Одно уже то, что вся увертюра „Волшебной флейты“ составляетъ одну мастерскую фугу,—*chef-d'oeuvre* неподражаемый, но все-таки фугу, которая напоминаетъ о математической сторонѣ музыки,—о разсудкѣ ея, тогда какъ въ „Оберонѣ“ одно чистое воображеніе. Какъ-будто нѣтъ никакихъ правилъ для сочетанія звуковъ и мыслей музыкальныхъ—все запутано, перебросано, перемѣшано, какъ извиванія гномовъ подземныхъ, а мѣстами ярко до ослѣпительности, какъ лучезарные чертоги фей! Вотъ это музыка! И какая высокая поэзія въ расположеніи инструментовъ,—каждый изъ нихъ получаетъ истинно драматическое значеніе! Я болѣе и болѣе преклоняюсь предъ Веберомъ: я въ немъ вижу достойнаго родителя моего любимца Мейербера. Они оба дышутъ одною душою, только Веберъ еще плаваешь въ нѣсколько туманной атмосферѣ *der deutschen Zauberei* ¹⁾, а Мейерберъ плотно стоитъ на землѣ. Вотъ хоть этотъ хоръ изъ его „Гугенотовъ“, что былъ пѣтъ въ концертѣ: несмотря на посредственность исполненія, онъ оставилъ въ каждомъ изъ слушателей (*peut être malgré eux*) ²⁾ самое глубокое впечатлѣніе. Ты скажешь: „Да, отъ театральной трескотни!“ Нѣтъ, *carissime*, отъ глубокой и ясной для каждаго соответственности каждой ноты съ выражаемымъ ею чувствомъ (мысли внѣ предѣловъ музыки), отъ неподражаемо-дивной обработки величественныхъ мотивовъ, однимъ словомъ, отъ мейерберовскаго стиля. Этотъ хоръ рѣшительно дышетъ католическимъ фанатизмомъ и кровью, *c'est une page historique* ³⁾! И не забудь, что это впечатлѣніе производится въ концертѣ,—безъ таинственнаго могущества *de l'illusion théâtrale* ⁴⁾. А каковъ этотъ хоръ долженъ быть на парижской сценѣ! И я, можетъ быть, никогда въ жизни его тамъ не услышу!! *C'est à en mourir* ⁵⁾. ... Но кто знаетъ... Что я буду въ чужихъ краяхъ, въ Италіи—въ этомъ меня никто не разувѣритъ. И что бы я былъ за человекъкъ безъ тѣхъ впечатлѣній—*quelque chose de misérablement in-*

¹⁾ Нѣмецкаго волшебства.

²⁾ Можетъ быть, вопреки имъ самимъ.

³⁾ Это страница исторіи.

⁴⁾ Театральной иллюзіи.

⁵⁾ Просто хотъ умрай.

complet¹⁾). И мы будемъ тамъ вмѣстѣ! Если же ужъ это никогда не состоится, чтобы мы путешествовали вмѣстѣ,—то, по крайней мѣрѣ, мы должны быть въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, хоть не въ одно время, иначе мы не будемъ понимать другъ друга во всей полнотѣ, а безъ этой полноты многія отношенія могутъ измѣниться. Экъ я буда отъ концертовъ-то заѣхалъ, пора возвратиться на прежній путь.

Теперь немножко о концертѣ Servais. Но что рассказывать тебѣ объ этомъ исполнскомъ талантѣ, ты самъ имѣешь хорошее понятіе о его игрѣ. Развѣ нѣкоторыя спеціальности пояснить: наприимѣръ, во 1-хъ, и онъ въ этотъ разъ первыя двѣ пьесы сыгралъ не такъ отчетливо (*roug ne pas dire plus*)²⁾, какъ въ прежніе свои концерты, и доказалъ, что и онъ человѣкъ, какъ и всѣ смертные, у которыхъ бываетъ удача и неудача; во 2-хъ, послѣдняя его фантазія, кажется, „Souvenirs de Spa“, вполне вознаградила за нѣкоторые недостатки въ двухъ первыхъ. Тутъ Servais былъ совершенно прежнимъ, неподражаемымъ Servais, и я плавалъ въ 10-мъ небѣ. Не знаю, какъ тебѣ (можетъ быть, ты его и меньше моего слышалъ), а мнѣ кажется, что только въ его рукахъ виолончель получаетъ истинный свой характеръ, эту рыцарскую нѣжность прекраснаго мужскаго голоса (не знаю раскусишь-ли ты въ этомъ выраженіи то, что я хотѣлъ бы сказать), эту страстность, которая такъ мощно владѣетъ душами слушателей. Да, мой милый учитель, Шубертъ, можетъ быть въ механикѣ, съ нѣкоторой стороны, даже выше Servais, но въ его рукахъ виолончель не имѣетъ того особеннаго характера (о прочихъ напихъ виолончелистахъ и говорить не стоитъ). Но именно отъ этого особеннаго характера и сочиненія Servais имѣютъ какой-то оригинальный типъ, такъ что могутъ осуществиться единственно его игрою: въ рукахъ другаго ихъ узнать нельзя; я имѣю этому фактическое доказательство, именно: я слышалъ 2-й концертъ Servais, тотъ же самый, который онъ игралъ въ началѣ послѣдней своей Soirée въ залѣ Браницкаго, исполненный талантливымъ сыномъ театральнаго музыканта Бэра, и онъ мнѣ показался тогда довольно бессмысленнымъ:—то, да не то; бѣглые хроматическіе пассажи, столько эффектные подъ пальцами бельгійца, обратились въ какое-то „hurlement“³⁾ при нѣмецкомъ исполненіи, а вся бѣда отъ того, что этотъ нѣмчикъ взялъ два урока отъ Сервѣ, и сейчасъ вообразилъ себя въ состояніи играть его сочиненія. Маленькая ошибка въ расчетѣ для такого *gâcleur* а⁴⁾). Чему дѣйствительно можно

¹⁾ Что-то жалко-неполное.

²⁾ Чтобъ не сказать болѣе.

³⁾ Ревъ.

⁴⁾ Пилльщикъ.

дивиться непрерывно,—такъ этому искусству Сервѣ округлять свою игрою каждую музыкальную идею,—однимъ словомъ, его фразированію (технической терминъ). Тутъ видна истинная гениальность, потому что для такихъ оттѣнковъ правила не существуютъ и существовать не могутъ. Ансамбль концерта былъ плохоневъ—въ немъ участвовали пѣвецъ Билингъ и Сабина Гейнефеттеръ—А. Герке игралъ съ Servais дуэты на темы изъ „Вильгельма Телля“, но ему негдѣ было развернуться и показать себя; Servais все эффектное взялъ на свою долю. Пока будетъ! Vale. Твой А. Сѣровъ.

Сообщ. В. В. Стасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЛИНКА и ДАРГОМЫЖСКІЙ.

По поводу отзывовъ А. С. Даргомыжскаго.

Прочитавъ письма А. С. Даргомыжскаго, помѣщенные въ „Русской Старинѣ“ (томъ XIII, стр. 420—435), я былъ неприятно изумленъ ошибочными отзывами о М. И. Глинкѣ. Оставить эти ошибки невозможно, потому что онѣ могутъ послужить матеріалами для общей характеристики великаго композитора.

Я былъ въ родственныхъ и хорошихъ отношеніяхъ съ Глинкой и Даргомыжскимъ; но съ первымъ, отъ юношескихъ лѣтъ, связала насъ искренняя дружба, продолжавшаяся неизмѣнно до его кончины и скрѣпляемая, все больше и больше, частыми сношеніями и тѣмъ, что Глинка нѣсколько разъ у меня жилъ. Я имѣлъ, стало быть, возможность изучить, во всѣхъ изгибахъ, его нравственную сторону.

Вездѣ, гдѣ писано было о Глинкѣ, говорилось о его умѣ, образованности, мягкости характера. Люди, знавшіе его ближе, любили его трогательную доброту, въ соединеніи съ какою-то дѣтскою веселостью, и знавшіе его коротко уважали въ немъ, сверхъ того, честность и прямоту: онъ, не стѣсняясь, высказывалъ свои мнѣнія; это многимъ не нравилось, иные подозрѣвали, что имъ руководитъ чувство зависти. Развѣ могъ Глинка кому-нибудь завидовать? На основаніи полнаго знанія его души, я имѣю право и даже обязанность исправлять ошибочныя о немъ мнѣнія.

Даргомыжскій не могъ знать Глинку всецѣло: давно-знакомые. они были на пріятельской, короткой ногѣ, но выдѣлись не часто, и искренней дружбы между ними не было. Ихъ связывали музыкальные интересы, а не душевное сочувствіе, и это специально-музыкальное пріятельство и было причиною того, что кругозоръ Даргомыжскаго относительно Глинки былъ слишкомъ узокъ.

Характеристика человѣка зависитъ отъ того стекла, сквозь которое смотритъ наблюдающій.

Разберу послѣдовательно то, что меня болѣе всего поразило въ письмахъ Даргомыжскаго.

(Стр. 423). Припоминая объ одномъ вечерѣ у Глинки, Даргомыжскій говоритъ: „помните-ли, какъ мы заставляли его (Глинку) плакать надъ дуэтомъ изъ „Русалки“?... Далѣе: „художественное чувство пересиливало его, и слово одобренія вырывалось невольно...“.

Даргомыжскій положительно ошибается: Глинка никогда не скупился на похвалы хорошаго: онъ восхищался нѣкоторыми нумерами итальянскихъ композиторовъ, которыхъ не любилъ положительно, и даже Беллини, котораго называлъ сладчайшимъ; онъ находилъ хорошее у Вильгорскаго, у Алябьева, онъ отдавалъ справедливость Толстому, а о Даргомыжскомъ и говоритъ нечего: онъ постоянно отзывался о немъ, какъ о сильномъ талантѣ. Помню, разъ говорили о мелкихъ его сочиненіяхъ и, между прочимъ, рѣчь коснулась пѣсни: „Каюсь, дядя“; Глинка сказалъ тогда, что если бы Даргомыжскій рѣшился написать оперу виѳа, то разомъ сталъ бы выше всѣхъ композиторовъ, писавшихъ въ этомъ родѣ. Надо при этомъ обратить вниманіе на то, что въ своихъ „Запискахъ“ Глинка нигдѣ, ни однимъ словомъ, не отзывался непріязненно или укорительно о Даргомыжскомъ. Правда что Глинка иногда указывалъ Даргомыжскому на неправильности которыя ему казались въ его сочиненіяхъ; можетъ быть, Даргомыжскій заключалъ изъ этого, что они вообще ему не по душѣ. А между тѣмъ, я самъ слышалъ, какъ Глинка смиренно сознавалъ, что Даргомыжскій, музыкально, ученѣе его.

(Страницы 425, 428 и пр.). Даргомыжскій недоволенъ музыкальными рецензентами и вообще журналами за то, что Глинку ставятъ выше его; кто же виноватъ въ томъ, что Глинка больше правился? Сколько мнѣ извѣстно, оба они съ журналистами не водились и въ нихъ не заискивали. Журналы вносили въ свои столбцы мнѣніе публики, и виновата одна публика.

На страницахъ 430 и 431 надо особенно остановиться. Вотъ что тамъ сказано: „...и одна пагубная страсть прошиповала страдальческой бичевкой всю жизнь его: это любовь къ славѣ и оваціямъ...“ Когда Глинка началъ писать, онъ не помышлялъ о славѣ; писалъ потому, что писалось: потому, что его геній требовалъ своего проявленія. Слава пришла сама собою. А кто, украшенный этимъ ореоломъ, не возлюбитъ ея? Да, Глинка любилъ свою славу, дорожилъ ею и потому со строгимъ разборомъ выпускалъ въ свѣтъ свои произведенія, часто предварительно совѣтуясь съ знатоками музыки: мелкое самолюбіе исчезало передъ любовью къ чистой славѣ. Относительно же овацій, ни я, и, конечно, никто изъ знавшихъ коротко

Глинку, никогда не подозревали, чтобъ онъ были его страстью. Утвердительно скажу, и всѣ еще немногіе живые, знавшіе Глинку, закрѣпятъ мое слово, что Глинка никогда не искалъ ихъ. Но какъ Даргомыжскому нравились слезы Глинки при исполненіи дуета изъ „Русалки“, точно также и на Глинку пріятно дѣйствовали восторгъ слушающихъ его великолѣпную музыку.

Вслѣдъ за выписанными выше словами говорится: „все, что было имъ сдѣлано глупаго и предосудительнаго въ жизни, все было слѣдствіемъ этой слабости...“ Это ужъ слишкомъ! Намъ извѣстно, что единственная глупость, которую сдѣлалъ Глинка и за которую сильно поплатился,—это его женитьба. А за тѣмъ? Я довольно долго перебиралъ въ своей памяти всѣ фазисы его жизни: ничего не нашелъ неразумнаго. Иные называли глупостью то, что онъ, послѣ развода съ женою, оставилъ службу въ пѣвческой капеллѣ, что увлекся фантастической любовью безъ послѣдствій, что слишкомъ безкорыстно относился къ своимъ интересамъ по постановкѣ оперъ и по изданію сочиненій. Если это и глупости, то въ нихъ слава и оваціи не причемъ. И, безъ сомнѣнія, Даргомыжскій не эти обстоятельства назвалъ бы глупостями! Въ чемъ же онъ видитъ глупое? про то онъ одинъ знаетъ.

А предосудительное?! съ крайнею горечью выписываю это слово. Что же такого сдѣлалъ Глинка, за что слѣдовало бы осудить его? Это такое обвиненіе, въ которомъ оправдывать Глинку предосудительно.

Но, читая страницу далѣе, можно догадываться, что Даргомыжскій понималъ подъ этимъ вѣскимъ словомъ. Онъ говоритъ: „Въ Парижѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ ухаживалъ за Берлиозомъ, чтобъ тотъ исполнилъ нѣкоторые нумера его оперъ въ концертъ...“ Я не вижу, чтобъ было предосудительно для композитора желаніе познакомиться со своими произведеніями публику чужой національности. Берлиозъ и самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для того, чтобъ петербуржцы слышали его сочиненія. И изъ русскихъ многіе, въ томъ числѣ Даргомыжскій, добивались того же. Всякій композиторъ, особенно русскій, слѣдовательно, вовсе незнакомый Европѣ, желая сдѣлаться извѣстнымъ въ музыкальныхъ городахъ: Парижѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ, долженъ сперва представить свои сочиненія корифеямъ искусства и потомъ просить или ухаживать, чтобъ ихъ поставили; кажется,—ясно. Далѣе: „однажды Глинка при мнѣ хлопоталъ, чтобъ его представили какому-то графу Строганову (отставному министру)“.

Я не былъ на этомъ вечерѣ у князя Вяземскаго и не знаю, вѣренъ-ли весь рассказъ по этому случаю. Знаю только, что этотъ какой-то графъ Строгановъ былъ человекъ извѣстный своимъ умомъ и образованностью. Уже ли предосудительно искать знакомства съ личнос-

стью, одаренною такими качествами, къ какой бы категоріи общества она ни принадлежала? Ужели зазорно представиться человѣку только потому, что онъ графъ? Выше Даргомыжскій говоритъ, что Глинка питалъ ненависть къ русской аристократіи и русской публикѣ за непониманіе „Руслана“, а теперь рисуется его ухаживающимъ за аристократами. Тутъ ясное противорѣчіе, одно что-нибудь невѣрно: а я полагаю, что все невѣрно: послѣднее объясняется тѣмъ, что я уже сказалъ, а первое опровергается тѣмъ, что скажу: никогда Глинка не заявлялъ ненависти или презрѣнія къ публикѣ и аристократіи: но говорить, что публика еще не на столько образована музыкально, чтобъ понять „Руслана“. Время доказало справедливость этихъ словъ: въ настоящее время „Русланъ“ ставится выше „Жизни за Царя“. Если бы Глинка ненавидѣлъ аристократію, то онъ не посѣщалъ бы охотно дома гр. Віельгорскаго, кн. Вяземскаго, кн. Одоевскаго и др., гдѣ въ то время находили себѣ пріютъ поэзія и искусство. Вообще Глинка охотно знакомился съ людьми, которыхъ умственные и нравственные качества ему нравились; онъ не принималъ въ соображеніе: титулованы они, или вовсе не имѣютъ дворянскаго диплома.

(Стр. 430 п 431). Даргомыжскій укоряетъ Глинку въ томъ, что писалъ сочиненія на разныя празднества и что это единственные его плохія сочиненія. Положимъ, они плохи: но могъ-ли Глинка отказать настоятельнымъ просьбамъ тѣхъ, которые желали украсить свой праздникъ его именемъ? Да и что же тутъ дурнаго? развѣ его слава, его доброе имя, его безупоризненная честность пострадали отъ этого?

А что Глинка намѣревался посвятить „Руслана“ Гедеонову, то и въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, потому что онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ этимъ, превосходно образованнымъ, тогда еще молодымъ человѣкомъ.

Наконецъ, Даргомыжскій говоритъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Глинка разошелся съ прежними своими товарищами. Противъ этого въ выноскѣ сказано, что эти слова не совсѣмъ справедливы: а я утверждаю, что они совсѣмъ невѣрны: Глинка со всѣми нами, его друзьями, остался одинаковымъ до своей смерти.

П. А. Степановъ.

МОЯ ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ,

разсказъ гравера, академика Л. А. Стрякова.

1824—1875.

V¹⁾.

Прибытіе въ Парижъ. — Занятія въ мастерской при «Magasin Pittoresque». — Взглядъ на исторію гравюры. — Работы для Кіево-печерской лавры. — Путешествіе по Европѣ. — Возвращеніе въ Россію. — Полученіе званія академика. — Назначеніе преподавателемъ въ школу для приходящихъ. — Гравированіе портрета Государя Императора.

1858—1866.

Передъ отъѣздомъ моимъ за границу, мнѣ было выдано содержаніе за дѣлюю треть впередъ. Но у меня были кое-какіе долги, которые я уплатилъ изъ выданныхъ денегъ, внесъ за мѣсто на пароходѣ до Гавра (во Франціи), сдѣлалъ нѣкоторые расходы на дорогу, также въ Копенгагенѣ и Гаврѣ, такъ что, по прибытіи въ Парижъ, у меня оказалось всего только 10 фр., а до новой получки денегъ оставалось еще четыре мѣсяца. Не зная французскаго языка, безъ денегъ, не веселымъ вѣхалъ я въ Парижъ.

Я поселился въ одной гостинницѣ, подъ чердакомъ, въ комнатѣ, за 20 фр. въ мѣсяцъ съ прислугою.

Въ одной со мною гостинницѣ остановился молодой французъ, съ которымъ мы вѣхали изъ Петербурга. Этотъ молодой человѣкъ первое время пребыванія моего въ Парижѣ былъ моимъ «языкомъ».

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 161—184; 339—365.

На другой день послѣ прїѣзда я узналъ адресъ издателя журнала: «Magasin Pittoresque»—Беста и съ своимъ чичероне тотчасъ же отправился къ нему. Я показалъ Бесту мои работы, въ числѣ которыхъ была голова, сдѣланная мною для получения званія художника, потомъ просилъ Беста, чтобы онъ позволилъ мнѣ заниматься въ его мастерской. Бестъ желалъ видѣть доску, на которой я дѣлалъ упомянутую голову; молодой французъ объяснилъ ему, что доска эта погибла во время бури. Относительно же моихъ занятій въ ателье, Бестъ говорилъ, что мнѣ тутъ нечему учиться, такъ какъ работа моя вполне хороша, однако же, видя мою настоятельную просьбу, согласился меня принять.

И такъ, купивши себѣ синюю блузу и фуражку, костюмъ рабочаго, я на третій день послѣ прибытія въ Парижъ работалъ уже въ ателье Беста.

О цѣнѣ я не спрашивалъ; я былъ вполне увѣренъ, что французъ не обманетъ—и не ошибся.

Вначалѣ дали мнѣ рисунокъ для «Иллюстраціи»—пейзажъ въ полную страницу. Но потомъ, когда я сдѣлалъ первую доску, мнѣ немедленно предложили работать для «Magasin Pittoresque».

Дня черезъ три по поступленіи въ мастерскую, у меня вышли тѣ деньги, съ которыми я прїѣхалъ въ Парижъ; поэтому я обратился къ Бесту съ просьбою, чтобы онъ далъ мнѣ впередъ: Бестъ ни на минуту не поколебался дать 100 франковъ человѣку, котораго еще вовсе не зналъ.

Ателье, въ которомъ я работалъ, находилось въ улицѣ S. Maur S. Jermain. Оно состояло изъ двухъ большихъ залъ въ два свѣта; у каждаго окна стоялъ большой круглый столъ, за которымъ работали человѣка по четыре. Всѣхъ граверовъ было болѣе 40; всѣ—французы, за исключеніемъ двухъ испанцевъ, четырехъ итальянцевъ и меня.

Занятія въ ателье начинались въ 8 часовъ утра. Въ 12 часовъ одинъ изъ граверовъ, дежурный по очереди, перекликали насъ, при чемъ каждый говорилъ, въ которомъ часу вечера онъ ушелъ вчера и въ которомъ прибылъ сегодня. Послѣ сдѣланной, такимъ образомъ, провѣрки, всѣ граверы уходили куда-нибудь завтракать. Въ часъ по полудни всѣ собирались въ ателье и вновь принимались за работу. Въ это время дежурный садился посреди мастерской на стулъ и громко читалъ какую-нибудь изъ

газетъ, такъ что всѣ граверы, не отрываясь отъ дѣла, узнавали, какія происшествія случились въ Парижѣ, чтò говорено было въ національномъ собраніи и проч. Работали всѣ крайне добросовѣстно. Если, бывало, граверу нужно что-нибудь спросить у другаго, то онъ долженъ былъ проходить безъ всякаго шума. Бестъ приходилъ въ ателье каждый день; а компаніонъ его по «Magasin Pittoresque» и вообще по ателье, нѣкто Смитонъ, постоянно работалъ вмѣстѣ съ граверами, наблюдалъ, чтобы мы не разговаривали и не теряли понапрасну время. Для обѣда давалось полтора часа. За работу послѣ 8-ми часовъ пополудни полагалась двойная плата и эти часы уже считались особо.

Къ концу мѣсяца приготовлялся расчетъ каждому; плата опредѣлялась съ дюйма, но при этомъ принималось въ соображеніе количество рабочихъ часовъ и достоинство работы.

Въ первое число мѣсяца дежурный граверъ приходилъ въ контору, гдѣ уже были приготовлены свертки съ золотомъ для каждаго съ надписью: «gouveau такого-то»; въ большой сумкѣ приносилъ онъ ихъ въ ателье и выкликалъ граверовъ по очереди.

При расчетѣ никакихъ пререканій никогда не происходило между граверами и хозяиномъ. Да и мѣсто-ли тутъ какимъ-нибудь недоразумѣніямъ, недовольству и т. п.? Здѣсь люди относились другъ къ другу довѣрчиво, честно; порядокъ работъ, образъ жизни и занятій въ мастерской—все это ведется изстари, освящено десятками лѣтъ. При такихъ условіяхъ парижскія ателье имѣютъ громадное значеніе,—это, дѣйствительно, рассадники граверовъ¹⁾.

Въ ателье являлся я къ 8-ми часамъ, а уходилъ въ 4. часа Мои товарищи удивились, когда мнѣ за неполный мѣсяць выдано было 320 фр. Получивши такія деньги, я уже принялъ совершенно другой видъ: я узналъ себѣ цѣну. Меня сейчасъ же поставили, какъ я потомъ убѣдился, на ряду съ лучшими граверами, плата мнѣ отъ 10-ти до 30-ти франковъ въ день.

Между тѣмъ, мой чичероне оставилъ меня и поступилъ въ военную службу. Волей-неволей я скоро вынужденъ былъ, такъ или иначе, знакомиться съ французскимъ языкомъ.

Съ самаго начала поступленія моего въ ателье всѣ граверы

¹⁾ Число граверовъ во Франціи простиралось въ то время до 3,000; въ одномъ Парижѣ было ихъ около 1,500.

очень интересовался, какъ я работала; они постоянно подходили ко мнѣ и старались заговорить. Между прочимъ, имъ хотѣлось знать, почему я ходила не въ національномъ костюмѣ; они воображали, что всѣ мы, русскіе, одѣваемся какъ крестьяне, которыхъ они видали на рисункахъ въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. При этихъ распросахъ или разговорахъ, такъ какъ я съ трудомъ, а большею частію и вовсе не понимала товарищей, то они показывали мнѣ жестами то или другое; они шутили, смѣялись и нарочно повторяли одни и тѣже слова, чтобы я могъ запомнить ихъ. Наконецъ, въ этихъ случаяхъ чрезвычайно помогать словарь Рейфа, который я таскала постоянно съ собою. Если я совершенно не понимала вопроса, они на бумажѣ писали глаголы и указывали мнѣ ихъ въ дикціонерѣ: записочки эти я собирала и дома, послѣ занятій, заучивала написанныя слова. Таже система практиковалась и во время прогулокъ моихъ по Парижу. Французы—какъ всѣмъ извѣстно—весьма словоохотливый и обязательный народъ. Напримѣръ, мнѣ нужно что-нибудь спросить, а слова, которое въ вопросѣ, — не знаю; я отыскивала это слово въ словарѣ и указывала на него; въ томъ же дикціонерѣ французъ находилъ слово, которое слѣдовало въ отвѣтъ. Трудно-запоминаемыя слова я подчеркивала и, придя домой, ночью тоже заучивала. Такимъ образомъ я выучила словъ 200—300: но вида, что дѣло идетъ плохо, купила грамматику Шапсаля и начать съ вспомогательныхъ глаголовъ зубрить ее: мѣсяца черезъ два я могъ объясняться уже безъ помощи словаря, или, по крайней мѣрѣ, рѣдко заглядывала въ него, хотя фразы у меня выходили крайне топорныя. Затѣмъ я взялъ учителя-француза, который и довершилъ мое знакомство съ французскимъ языкомъ.

Чтобы избѣгнуть всѣхъ такихъ трудностей, мнѣ слѣдовало бы войти въ сношенія съ русскими художниками, проживавшими въ Парижѣ. Изъ этихъ художниковъ въ то время были тамъ: два барона М. К. и М. П. Клодты, Боголюбовъ, Лагоріо, Чернышевъ, Васильевъ, Карнѣевъ, Иковъ, Грузинскій; изъ архитекторовъ: Кенель и Поповъ. Дѣйствительно, я видѣлся съ ними, но скоро отсталъ отъ нихъ, потому что въ ихъ обществѣ приходилось обѣдать, гулять, ходить въ театръ и проч., причемъ мы всѣ говорили по русски, а мнѣ хотѣлось выучиться французскому языку.

Сначала скука была убійственная. Каждый вечеръ, ложась спать, я давалъ себѣ честное слово, что завтра же уѣду изъ Парижа въ Россію, но, проснувшись, не рѣшался на это.

— Какъ же, упрекалъ я себя мысленно, пріѣхать въ Парижъ и бѣжать почти невдавши его, не научившись даже французскому языку.

Да, трудно было, очень трудно.... Но я выдержалъ.

За второй мѣсяцъ мнѣ выдали, кажется, около 800 фр.; съ этого времени я началъ дѣлать портреты. Первою моею гравюрою былъ портретъ извѣстнаго живописца Декана, подъ нимъ я написалъ свою фамилію по-русски. За это на меня всѣ напали и стали просить, въ видахъ собственнаго моего интереса, чтобы я подписывался по-французски. Дѣло въ томъ, что въ Парижѣ работу мою находили превосходною, удивлялись ей; поэтому интересно было знать, кто гравировалъ ее, между тѣмъ русская подпись моею фамилію казалась какими-то египетскими іероглифами. Въ это время я встрѣтился съ Панмакеромъ, который шутя сказалъ мнѣ похвальный каламбуръ: «у насъ лучшіе граверы орлы одноглавые, а вы—орелъ двуглавый, потому что такихъ портретовъ мы не видѣли, это *chef d'oeuvre* искусства».

Слѣдующія работы подписаны были уже по-французски. Я дѣлалъ портреты де-Лаэрюа, Форстера, Энгра, Галеви, Гораса Вернета, Рюда и многихъ друг. У Беста бывали заказы отъ римскаго папы, которые мнѣ тоже приводилось выполнять; работалъ въ «Исторіи Испаніи» для Изабеллы, за что Бестъ получилъ, кажется, орденъ: наконецъ, для «Французской исторіи» его изданія и др. При этомъ Бестъ просилъ меня, чтобы я не работалъ для другихъ издателей, на что я согласился, такъ какъ онъ хорошо платилъ, да у меня и времени не достало бы. Такъ прошло около полтора года.

Въ это время я зажилъ, какъ говорится, прицѣвлючи; не скучалъ уже по Россіи: Парижъ сталъ мнѣ очень нравиться. Я посѣщалъ всевозможныя галереи въ Парижѣ, даже частныя; путешествовалъ по сѣверной Франціи, былъ въ разныхъ городахъ; ѣздилъ въ Испанію до Мадрита, оттуда на Гибралтаръ, въ Малагу и обратно въ Парижъ черезъ Марсель.

Лѣто я проживалъ на дачѣ въ Буживалѣ, мѣсто прелестное, такъ что я былъ очень доволенъ; сюда мнѣ присылали работы

изъ ателье, по распоряженію Беста, который собственно и посоветовалъ мнѣ поселиться въ Буживалѣ, такъ какъ у меня отъ усиленныхъ занятій заболѣла грудь. Кстати замѣчу, что независимо отъ гравированья на деревѣ, я рисовалъ въ Луврской картинной галлерей.

Съ Бестомъ я былъ уже на дружеской ногѣ. Онъ много спрашивалъ меня о Россіи; хорошо зналъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ художниковъ, какъ напримѣръ, Тимма, бывшаго въ 1840-хъ годахъ ученикомъ Гораса Вернета, портретъ котораго я сдѣлалъ тогда въ числѣ многихъ другихъ, вышедшихъ изъ подъ моего рѣзца.

Бестъ былъ граверомъ и главнымъ основателемъ журнала «Magasin Pittoresque», который считается однимъ изъ самыхъ старыхъ и лучшихъ иллюстрированныхъ изданій. Въ 1833 году журналъ этотъ основанъ тремя граверами: Бестомъ, Андревъ и Лелюаромъ. Въ то время гравировали еще не на деревѣ, а на мѣди, такимъ же способомъ, какимъ теперь гравируютъ на деревѣ, т. е. каждый штрихъ рельефомъ. Такъ продолжалось до 1836 г., когда начали гравировать на деревѣ, по примѣру древнихъ гравюръ Лаврентія Костера, съ тою только разницею, что дерево приготавливалось не въ длину — по слою, а въ торсъ. Для этого начали употреблять пальму, какъ самое вѣрное и мелко-пористое дерево, но это оказалось дорого, и около 1837 г. въ редакціи того же «Magasin Pittoresque» догадались, что самое лучшее дерево для гравированія—это кавказскій букъ; такъ какъ онъ похожъ на пальму, то нерѣдко и слыветъ подъ именемъ послѣдней.

Вообще исторія гравюры на деревѣ интересна. До сихъ поръ съ точностію неизвѣстно, кто былъ первый граверъ на деревѣ: а по крайней мѣрѣ,—не знаю; полагаютъ, что голландецъ Лаврентій Костеръ, который гравировалъ около 1425 года. Затѣмъ гравюра на мѣди вытѣсняетъ гравюру на деревѣ: въ началѣ нынѣшняго столѣтія литографія вытѣсняетъ гравюру на мѣди и наконецъ, съ 1840-хъ гг. гравюра на деревѣ начинаетъ постепенно вытѣснять, въ свою очередь, какъ гравюру на мѣди, такъ и литографію и быстро совершенствуется; а такія художественныя произведенія, какъ, напримѣръ, портреты, которые нынѣ гравируютъ, начались не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ.

Я прожилъ въ Парижѣ года два. Въ это время, совершенно неожиданно, получилъ я изъ Кіево-печерской лавры заказъ награвировать нѣсколько изображеній разныхъ святыхъ съ лубочныхъ рисунковъ прошлаго столѣтія.

Надо замѣтить, что для лавры я работалъ еще въ бытность мою въ академіи художествъ. Тогда пріѣзжали ко мнѣ два іеромонаха съ предложеніемъ поселиться въ Кіевѣ. Лавра предлагала мнѣ цѣлый небольшой домикъ, лѣтомъ помѣщеніе въ монастырской дачѣ, на берегу Днѣпра; готовое содержаніе, къ услугамъ моимъ, буде понадобится, лошадей изъ конюшенъ митрополита и, независимо отъ всего этого, хорошую плату. Но мнѣ нужно было учиться и я отказался отъ этого весьма выгоднаго для меня предложенія.

Вотъ теперь изъ лавры и обратились ко мнѣ, чтобы я исполнилъ упомянутыя гравюры, съ платою по 3 руб. за дюймъ. Заказъ былъ, очевидно, очень выгоденъ и я принялъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ меня, для той же лавры заказаны были Лемерсье большіе хромо-литографированные виды Кіева и Печерской лавры.

Это было въ 1860 году.

Въ теченіе всего 1861 и половины 1862 г. я работалъ заказъ для кіевской лавры; въ іюнѣ кончилъ его, равно какъ и Лемерсье—заказъ по хромо-литографіи; послѣ этого мы немедленно отправили всѣ эти доски (гравюры) и рисунки въ Кіевъ.

Какъ повѣренный заказчикъ, я выдалъ Лемерсье, въ уплату за его работы, нѣсколько векселей, на сумму въ нѣсколько тысячъ фр., срокомъ на 3 мѣсяца. Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ и другой, а извѣстія изъ лавры никакого. Я написалъ въ Кіевъ письмо, прося немедленно выслать мнѣ деньги за работы, но отвѣта не получилъ. Между тѣмъ уже и августъ близился къ концу; наступалъ срокъ векселямъ, выданнымъ мною Лемерсье: я телеграфировалъ въ лавру, но и это не помогло.

Въ одно, на этотъ разъ прескверное, утро явился ко мнѣ изъ французскаго банка какой-то господинъ и предъявилъ мнѣ векселя для уплаты. Я сказалъ, что заплатить не могу. Мнѣ дано было сроку до 5-ти ч. вечера, а потомъ векселя должны быть представлены къ протесту. Я отправился къ Лемерсье, который и дисконтировалъ ихъ; векселя были переписаны еще на 3 мѣсяца.

Когда я находился въ такомъ критическомъ положеніи въ

Парижѣ, въ то время въ лаврѣ происходило, какъ я потомъ узналъ, слѣдующее:

Я писалъ и телеграфировалъ на имя іеромонаха Тимофѣя, который былъ начальникомъ типографіи и литографіи лавры и который, отъ имени послѣдней, вошелъ со мною въ сношенія. Въ описываемое время, однажды ночью, явился въ литографію жандармскій штабъ-офицеръ съ полиціею и понятыми, захватилъ камни и работниковъ, которые, какъ носилась молва, печатали польскія прокламаціи. Упомянутый іеромонахъ и другія прикосновенныя къ дѣлу лица были удалены отъ должностей и отданы подъ строгій надзоръ, а имущество ихъ, вмѣстѣ съ бумагами, опечатано. Вотъ вслѣдствіе такой-то исторіи денегъ мнѣ не высылали; надо было ждать, пока будутъ разобраны всѣ бумаги іеромонаха ¹⁾. Но это могло затянуться очень надолго. Между тѣмъ, векселя Лемерсье не давали мнѣ покоя.

Въ это время, съ лондонской выставки, пріѣхалъ въ Парижъ новый вице-президентъ академіи художествъ, князь Гагаринъ. Всѣ мы, русскіе художники, не преминули къ нему явиться. Онъ принялъ насъ очень любезно, спрашивалъ, что мы дѣлаемъ, долго-ли каждый изъ насъ намѣренъ тутъ оставаться и куда затѣмъ поѣдетъ? Улучивъ минуту, въ нѣсколькихъ словахъ я рассказалъ князю о своемъ затруднительномъ положеніи по случаю невысылки денегъ изъ Кіево-печерской лавры. Онъ немедленно написалъ письмо нашему послу въ Парижѣ, убѣдительно проси́ оказать мнѣ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

Черезъ три недѣли я получилъ всѣ деньги, какъ свои собственныя, такъ и Лемерсье. Не пріѣзжай князь Гагаринъ въ Парижъ, я не знаю, когда и чѣмъ все это могло бы кончиться.

Вскорѣ послѣ этого одинъ изъ хорошихъ гравѣровъ Парижа—Барбанъ предложилъ мнѣ составить ассоціацію изъ лучшихъ гравѣровъ и основать ателье на широкую ногу, съ тѣмъ, чтобы я не уѣзжалъ въ Россію, а остался въ Парижѣ. Когда я сказалъ имъ, что я человѣкъ небогатый и не знаю, что можетъ выдти изъ такого предпріятія, то Барбанъ обѣщался гарантировать мнѣ 10,000 фр. дохода въ годъ. Но я все-таки не согласился остаться въ Парижѣ. Меня тянуло на родину, къ старушкѣ ма-

¹⁾ Какъ я слышалъ, изъ-подъ надзора іеромонаховъ этотъ бѣжалъ на Афонскую гору, гдѣ и остался жить.

тери. Къ тому же, я посланъ былъ за границу на казенный счетъ. слѣдовательно, оставаясь въ Парижѣ, какую же пользу я могъ принести своему отечеству!

Въ февралѣ 1863 г. я простился съ Парижемъ и отправился въ путешествіе. Поѣхалъ въ Швейцарію, былъ въ Женевѣ, гдѣ намѣревался посмотрѣть Каляма и его знаменитую мастерскую, но Каляма не было въ Женевѣ и я посѣтилъ только его мастерскую и городской музей; отсюда отправился въ Италію; объѣхалъ ее всю до Неаполя; былъ, разумѣется и въ Римѣ, гдѣ посѣтилъ многія частныя галереи и Ватиканъ съ его знаменитую рафаэлевскую галерею. Въ сентябрѣ прибылъ въ Германию, а въ началѣ 1864 года возвратился въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ (1864 г.) я выставилъ свои работы въ академіи¹⁾, за которыя, какъ выражено въ официальномъ документѣ, «въ уваженіе искусства и отличныхъ познаній въ художествѣ, доказанныхъ выставленными въ академіи и другими извѣстными работами», мнѣ единогласно дано званіе академика по гравированію на деревѣ. Это былъ первый случай въ Россіи, когда за гравированіе на деревѣ дали званіе академика, и послѣ этого въ теченіи одиннадцати лѣтъ (1864—1875) случай этотъ еще не повторился. Послѣ меня двое лицъ удостоены только званія «свободнаго художника».

По приѣздѣ изъ-заграницы моя первая въ Петербургѣ работа была для св. синода по рекомендаціи акад. Ѳ. Г. Солнцева: мнѣ заказано было сдѣлать, по рисунку Ѳ. Г., гравюру антиминосъ, за что я получилъ 900 руб. Потомъ меня завалили работами, причемъ до 1870 г. постоянно высылали заказы и изъ Парижа.

Съ января 1865 г. мнѣ предложили давать уроки въ школѣ для приходящихъ, помѣщающейся въ зданіи бржи. Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Мнѣ дали лучшихъ ученицъ для гравированія, между которыми особенно выдавались Кочетова, Стефаня, Михальцева, Павлова и А. А. Гаврилова, на которой я въ послѣдствіи (1868 г.) женился и скоро имѣлъ несчастіе ее лишиться: она скончалась въ 1873 г.

¹⁾ Выставлено было далеко не все, что сдѣлано за границей, такъ какъ я, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ привычки собирать свои работы и хранить ихъ. Это происходитъ отъ того, что, кончая работу, я нахожу ее обыкновенно неудовлетворительною и думаю, что въ слѣдующій разъ сдѣлаю лучше, такъ зачѣмъ де и беречь ее.

Въ 1866 году въ числѣ моихъ работъ самою значительною и по времени, которое я употребилъ на нее, и по тщательности выполненія былъ портретъ Государа Императора, награвированный мною съ высочайшаго соизволенія. Въ октябрѣ 1866 года гравюра была окончена и представлена вице-президентомъ академіи художествъ Его Императорскому Величеству.

Этотъ трудъ удостоился высочайшаго одобренія, а въ декабрѣ того же года (по выдачѣ мнѣ 500 руб. изъ кабинета <въ пособіе безвозвратно>), какъ выражено въ письмѣ г. министра двора: <во вниманіе къ отличному таланту и заслугамъ по усовершенствованію въ Россіи гравированія на деревѣ>, пожаловано мнѣ званіе <гравера Его Императорскаго Величества, съ причисленіемъ къ Императорскому Эрмитажу> (безъ содержанія).

Въ послѣдніе десять лѣтъ трудовая жизнь моя не представляетъ особо выдающихся фактовъ: гравюры моего рѣзца, появляясь въ это десятилѣтіе въ разныхъ изданіяхъ, хорошо извѣстны моимъ соотечественникамъ и за границей.

Заключу мой рассказъ — повтореніемъ непреложной истины, извѣданной опытомъ всей моей жизни, что трудомъ, терпѣніемъ и энергіей всегда можно достигнуть разъ предположенной цѣли, въ особенности если эта цѣль — служеніе на поприщѣ художествъ и искусства ¹⁾.

Л. А. Сѣряковъ.

Примѣчаніе. Г. Сѣряковъ проситъ исправить его обмолвку на стр. 362 (примѣчаніе): картина Брюлова: «Взятіе Божіей матери на небо» находится не въ Петропавловскомъ, а въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Затѣмъ въ заключеніе разсказа г. Сѣрякова, считаемъ не лишнимъ помѣстить переводъ съ подлиннаго письма знаменитаго гравера издателя «Magasin Pittoresque» — къ бывшему вице-президенту академіи художествъ кн. Гагарину (см. стр. 516). Подлинникъ этого документа хранится въ дѣлѣ о г. Сѣряковѣ, въ архивѣ академіи; за разрѣшеніе просмотра этого дѣла мы весьма обязаны конференцъ-секретарю П. О. Исѣеву, которому и свидѣтельствуемъ глубочайшую нашу признательность.
Ред.

¹⁾ Почти всѣ портреты, приложенные къ «Русской Старинѣ» (говоримъ только о гравюрахъ на деревѣ), принадлежатъ рѣзцу академика Сѣрякова. Назовемъ особенно замѣчательные по художественности отдѣлки: пѣвецъ былинъ—крестьянинъ Рябицынъ, герцогъ Курляндскій Биронъ, статсъ-дама Наталья Лопухина, тайный секретарь Петра III — Дмитрій Волковъ. Емельянъ Пугачевъ, два портрета Андрея Тимофеевича Болотова, основатель харьковскаго университета Каразинъ, авторъ «Горе отъ ума»—Грибѣдовъ, генералъ Булатовъ и друг. Ему же принадлежатъ гравюры рисунковъ: «Памятникъ Екатеринѣ», также заглавная виньетка къ «Русской Старинѣ» старинныя моды, болѣе 60-ти рисунковъ въ Запискахъ Болотова и проч.

Письмо Беста къ кн. Гагарину о г. Сѣряковѣ.

Парижъ.—22-го іюли 1863 г.

(Переводъ съ французскаго). „Князь, въ минуту отъѣзда г. Сѣрякова изъ Парижа, мнѣ пришло на мысль, что лестное письмо, которымъ ваше сіятельство удостоили меня отъ 26-го минувшаго ноября 1862 г., налагаетъ на меня обязанность изложить, въ какой мѣрѣ г. Сѣряковъ отвѣтствовалъ ожиданіямъ и надеждамъ своихъ высокихъ покровителей.

„По прибытіи въ Парижъ, г. Сѣряковъ былъ уже замѣчательный художникъ. Исполненныя имъ работы были тѣмъ болѣе достойны вниманія, что ему не были знакомы ни инструменты, нынѣ употребляемыя ни удобства, способствующія упрощенію и быстротѣ работы. Нимало не колеблясь, онъ обратился ко мнѣ съ просьбою помѣстить его въ мои гравировальныя мастерскія и здѣсь, первый и послѣдній (sic), работая съ молодыми людьми всѣхъ возрастовъ, онъ видѣлъ и наблюдалъ все, что могло способствовать его усовершенствованію въ искусствѣ. Благодаря своему рвенію и неутомимому прилежанію, онъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ выучился тому, чему другіе выучиваются въ нѣсколько лѣтъ.

„Нынѣ г. Сѣряковъ — отличный граверъ, занявшій первое мѣсто. а работы, довѣренныя мною ему для „Живописнаго Магазина“ (Magasin Pittoresque) и для другихъ сочиненій, обратили на себя вниманіе и даже произвели большое впечатлѣніе, ибо ни одинъ граверъ въ Парижѣ не выполнилъ бы ихъ лучше и столь хорошо.

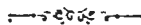
„Ваше сіятельство, удостойте вниманіемъ вашими нѣсколько портретовъ, пробныя оттиски которыхъ, исполненныя на механическомъ прессѣ, будутъ повергнуты г. Сѣряковымъ на ваше усмотрѣніе: они выполнены съ такою нѣжностью и съ такимъ совершенствомъ, подобныхъ которымъ нигдѣ не отыщется, а между тѣмъ портретъ, гравированный на деревѣ, составляетъ самый неблагодарный и самый трудный родъ гравировки.

„Г. Сѣряковъ жаждетъ знать многое: кромѣ ежедневныхъ своихъ работъ, онъ, въ послѣднее время, занимался всѣмъ, что относится до типографскаго искусства, то-есть всѣмъ, что способствуетъ отчетливому воспроизведенію труда гравера.

„Если в. с. и высокіе покровители г. Сѣрякова не лишатъ его впредь своей благосклонности, нѣтъ никакого сомнѣнія, что, черезъ немного лѣтъ, въ Петербургѣ будетъ одна изъ первыхъ школъ гравировки на деревѣ, которая поспособствуетъ распространенію вкуса въ иллюстрированнымъ книгамъ.

„Благоволите, князь, принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ и пр. Бестъ“.

(См. въ Архивѣ Император. Акад. Художествъ).

КАРЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШИЛЬДЕРЪ.

1785—1854.

„Il faut toujours du temps et passer par plus
d'un degré pour embrasser et comprendre l'ensemble
d'un grand homme“.

Sainte-Beuve.

Г¹).

Свѣдѣнія, сообщаемыя нѣмецкимъ авторомъ статьи: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну“ относительно характера и дѣятельности Карла Андреевича Шильдера, даютъ читателю совершенно ложное понятіе о личности этого замѣчательнаго русскаго инженера. Въ каждой строкѣ очерка, относящагося къ событіямъ его жизни, проглядываетъ совершенное незнакомство автора съ истинными фактами описываемаго имъ предмета. Впрочемъ, неудивительно, что помѣщенная выше статья нѣмецкаго автора изобилуетъ въ этой части самыми грубыми ошибками: все, что до сихъ поръ появлялось въ печати о генералѣ Шильдерѣ въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, нисколько не могло содѣйствовать къ разъясненію истины. Дѣйствительно, военные подвиги, совершенные имъ въ турецкую и польскую кампаніи, могли бытъ еще изложены съ нѣкото-

¹) Предлагаемые ниже матеріалы, относящіеся до пребыванія Шильдера на Дунаѣ въ 1854 г., составляютъ XI-е приложеніе къ переводу статьи: «Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну» («Русская Старина», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 603—635); но такъ какъ матеріаламъ этимъ, извлеченнымъ изъ семейнаго и другихъ архивовъ, предпосланъ весьма обстоятельный очеркъ службы К. А. Шильдера, то мы и приводимъ ихъ въ видѣ особаго собранія новыхъ данныхъ къ оцѣнкѣ этого даровитаго и вполне достопамятнаго русскаго инженера.

„Русская Старина“, томъ XIV, 1875 г., ноябрь.

Ред.

34

рою достовѣрностію; но, затѣмъ, вся мирная дѣятельность этого генерала съ 1832 по 1854 годъ, посвященная усовершенствованію самыхъ разнообразныхъ отраслей инженернаго искусства, оставалась до сихъ поръ, за неимѣніемъ необходимыхъ къ тому матеріаловъ, недоступною для изслѣдователя.

Между тѣмъ, одно поколѣніе смѣнилось другимъ и всѣ труды генерала Шильдера для усовершенствованія отечественнаго инженернаго дѣла изгладились изъ лѣтописей науки. Забыли, кому обязаны введеніемъ въ Россіи гальванизма для воспламененія минныхъ зарядовъ, оказавшагося столь полезнымъ при оборонѣ Севастополя; изгладилось въ то же время изъ памяти—кому принадлежитъ въ Россіи честь перваго опыта подводнаго плаванія, основаннаго на рациональныхъ началахъ, и введенія подводныхъ минъ, какъ существеннаго средства для приморской обороны; забыли также, кто поддерживалъ у насъ до севастопольскаго погрома, съ рѣдкою энергіею, научно-военное направленіе сапернаго дѣла. Наконецъ, въ печати стали даже появляться отзывы, въ которыхъ всѣ эти результаты приписывались лицамъ совершенно въ этомъ неповиннымъ¹⁾. Вслѣдствіе этого о генералѣ Шильдерѣ сохранилось представленіе, какъ о безпокойномъ прожектерѣ, безцѣльно трудившемся надъ безконечнымъ рядомъ воздушныхъ твореній и неосновательныхъ предложеній, зарождавшихся въ его пытливомъ умѣ. Согласно остроумной аллегоріи нѣмецкаго автора, К. А. Шильдеръ строилъ дома безъ фундамента, во внутренность которыхъ не могъ проникнуть лучъ свѣта и въ извилистыхъ ходахъ которыхъ онъ самъ заблуждался. Только въ рѣдкихъ случаяхъ о генералѣ Шильдерѣ отзывались, какъ о необыкновенномъ импровизаторѣ въ инженерномъ дѣлѣ, которому были доступны высокія и смѣлыя вдохновенія, смѣшанныя съ наукою, посѣщающія, какъ въ области литературы, такъ и въ области войны, только однихъ избранниковъ²⁾. Что же касается участія, принятаго генералъ-адъютантомъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866 года мы читаемъ слѣдующее въ статьѣ о юбилей генералъ-адъютанта Витовтова: «..... въ званіи начальника инженерновъ гвардіи (1843—1846) въ три года онъ поставилъ это специальное оружіе на блестящую степень, такъ что оно постоянно находилось въ апогеѣ своего развитія.....» «Безпримѣрная оборона Севастополя доказала на какой высокой степени стояло уже и тогда у насъ инженерное искусство».

Безпристрастная исторія должна рѣшить, возможна-ли подобная натяжка и справедливо-ли возведеніе заслуженнаго строеваго генерала на степень передоваго дѣятеля инженерной науки.

Ред.

²⁾ Н. П. Ушаковъ: Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ (1853—1855 гг.). П. Глѣбовъ: «Карлъ Андреевичъ Шильдеръ въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ». («Военный Сборникъ» 1861 г.).

Шильдеромъ въ злополучной силистрийской осадѣ 1854 года, то нѣтъ неблицы, которая не нашла бы почетнаго мѣста среди имѣющихъ объ этомъ эпизодѣ дунайской кампаніи отрывочныхъ указаній, разсѣянныхъ по журнальнымъ статьямъ и монографіямъ о восточной войнѣ. Даже романъ овладѣлъ этимъ предметомъ и довершилъ, рядомъ фантастическихъ картинъ, искаженіе событій, начатое ранѣе, болѣе серьезными изслѣдователями.

Такому странному положенію дѣла много содѣйствовало то обстоятельство, что предложенія и опыты генераль-адъютанта Шильдера считались въ прежнее время секретомъ и строго охранялись отъ всякаго распространенія внѣ границъ нашего отечества. Мѣра эта настолько удалась, что, наконецъ, и русскіе инженеры наравнѣ съ иностранными офицерами находились въ одинаковомъ невѣденіи относительно дѣятельности этого генерала и истиннаго значенія многихъ изъ его своеобразныхъ предложеній. Поэтому К. А. Шильдеръ не занимаетъ въ исторіи науки то почетное мѣсто, которое ему, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ въ ней по праву; по той же причинѣ имя его не встрѣчается до сихъ поръ ни въ одномъ изъ сочиненій фортификаціоннаго содержанія. Наконецъ, относительно участія, принятаго генераль-адъютантомъ Шильдеромъ въ дунайской кампаніи, остается замѣтить, что восточная война еще не имѣетъ своего исторіографа, и богатый историческій матеріалъ этой интересной эпохи русской военной исторіи представляетъ собою пока только не початую почву. Не давая себѣ труда вникнуть глубже въ смыслъ тогдашнихъ событій, различнымъ писателямъ было легко уклоняться отъ истины и дѣлать часто и непредназначенно генерала Шильдера отвѣтственнымъ лицомъ за чужія ошибки. Теперь, когда съ каждымъ годомъ распространяется все болѣе интересъ къ изслѣдованію неразработанныхъ еще событій новѣйшей русской исторіи, слѣдуетъ также возстановить истину относительно личности генераль-адъютанта Шильдера и воздать должное памяти человѣка, столь несправедливо оцѣненнаго потомствомъ.

Въ настоящее время въ „Инженерномъ журналѣ“ печатается полковникомъ М. Н. Мазукевичемъ подробный очеркъ жизни и службы генераль-адъютанта Шильдера, въ которомъ, на основаніи официальныхъ

Къ этимъ отзывамъ можно еще присоединить характеристику генерала Шильдера, встрѣчающуюся въ Воспоминаніяхъ о кампаніи на Дунаѣ въ 1854 г. генерала Клеменса («Инжен. журналъ» 1864 г., № 2-й): «Шильдеръ былъ, безспорно, однимъ изъ лучшихъ нашихъ боевыхъ генераловъ инженернаго корпуса своего времени. Разнородныя свѣдѣнія, быстрое соображеніе, гениальныя идеи, рѣзко отличали его отъ обыкновенныхъ людей».

Н. III.

34*

ныхъ документовъ, представлено впервые полное описаніе всѣхъ разнообразныхъ предложеній и опытовъ Карла Андреевича¹⁾. Отнынѣ уже немислимы болѣе ни на чемъ неоснованныя критическія замѣтки въ родѣ бездоказательныхъ отзывовъ нѣмецкаго автора, и безпристрастному читателю легко очистить факты отъ выдумокъ и случайныхъ искаженій.

Въ помѣщаемыхъ ниже замѣткахъ мы не остановимся на полномъ очеркѣ жизни и служебной дѣятельности генераль-адъютанта Шильдера, но ограничимся только краткимъ указаніемъ на нѣкоторые факты, ложно переданные нѣмецкимъ авторомъ, и затѣмъ обратимся главнымъ образомъ къ участию, принятому Карломъ Андреевичемъ въ дунайской кампаніи 1854 года.

Прежде всего нужно замѣтить, что нѣмецкій авторъ ошибается, признавая инженеръ-генерала Шильдера лифляндскимъ уроженцемъ изъ Риги. Карлъ Андреевичъ родился въ 1785 году, въ усадьбѣ Симоново, въ Витебской губерніи. Отецъ его, Андрей Михайловичъ, переселился незадолго до этого сюда изъ Риги, приобрѣтя здѣсь обширныя помѣстья, которыхъ онъ уже болѣе не покидалъ; поэтому Карлъ Андреевичъ выросъ въ деревнѣ, среди русской земли, успѣвъ съ ранняго дѣтства вполнѣ сродниться съ русскими понятіями и русскимъ міросозерцаніемъ. Это обстоятельство, конечно, способствовало и послужило исходной точкой его всегдашняго тяготѣнія къ православію и принятія имъ въ послѣдствіи этого исповѣданія, къ величайшему огорченію лицъ, не сочувствующихъ Россіи и началамъ ея духовной жизни. Для объясненія подобнаго явленія они охотно прибѣгаютъ ко всякаго рода уловкамъ и готовы даже приписать влиянію движущихся столовъ и чуть-ли не умственному разстройству.

Первоначальное образованіе Карлъ Андреевичъ получилъ подъ руководствомъ гувернера, взятаго для него отцомъ изъ дома близкаго сосѣда по имѣнію, извѣстнаго генерала Михельсона, съ которымъ Андрей Михайловичъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Но, конечно, домашнее воспитаніе не могло оказаться надолго достаточнымъ; склонность же молодого Шильдера къ военной службѣ выказалась въ пылкомъ юношѣ съ раннихъ лѣтъ и потому отецъ поручилъ дальнѣйшее воспитаніе его старшему сыну отъ перваго брака, Ефиму Андреевичу, который былъ инженеромъ по строительной части и жилъ въ Москвѣ. Выборъ подобнаго руководителя былъ какъ нельзя болѣе удачный:

¹⁾ «Жизнь и служба генераль-адъютанта Карла Андреевича Шильдера» М. Мазюкевича, рядъ статей, начинающихся съ № 11-го «Инж. журнала» 1874 года.

Ефимъ Андреевичъ былъ человѣкъ серьезнаго характера, обладавшій высокимъ умомъ и получившій блестящее образованіе, довершенное во время обширныхъ путешествій по Европѣ. Вліяніе старшаго брата обнаружилось еще въ одномъ отношеніи: спеціальныя занятія его по инженерной части, вѣроятно, пробудили въ юномъ Шильдерѣ предпочтеніе къ этой спеціальной отрасли военнаго дѣла, усовершенствованію которой онъ посвятилъ въ послѣдствіи свою многолѣтнюю служебную дѣятельность. Ефимъ Андреевичъ опредѣлилъ своего брата въ одно изъ лучшихъ частныхъ московскихъ учебныхъ заведеній того времени (по всей вѣроятности, это былъ благородный университетскій пансіонъ, но въ семействѣ объ этомъ не сохранилось положительныхъ указаній). „Находясь въ этомъ заведеніи и будучи руководимъ своимъ старшимъ братомъ, молодой Шильдеръ, по свидѣтельству его біографа, получилъ образованіе прочное и всестороннее: онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ математикѣ и основательно изучилъ иностранныя языки— французскій и нѣмецкій. Приэтомъ не были забыты и изящныя искусства: Карлъ Андреевичъ умѣлъ прекрасно рисовать и игралъ на нѣсколькихъ музыкальныхъ инструментахъ“.

Когда Шильдеру минулъ шестнадцатый годъ, можно было подумать объ исполненіи давнишняго его желанія—поступить на военную службу. Начало военной карьеры Карла Андреевича было весьма скромное; 7-го марта 1802 года его зачислили унтеръ-офицеромъ въ московскій гарнизонный баталіонъ. По прошествіи же года, онъ былъ переведенъ въ колонновожатые ¹⁾ и прошелъ, такимъ образомъ, эту лучшую военную школу того времени ²⁾. 17-го мая 1806 года Шильдеръ былъ произведенъ въ подпоручики и назначенъ во 2-й піонерный полкъ; съ этого года началась служба его въ рядахъ инженерныхъ войскъ, продолжавшаяся почти полъ столѣтія, до кончины, послѣдовавшей въ 1854 году.

Не имѣя въ виду представить читателямъ „Русской Старины“ полнаго біографическаго очерка жизни генерала Шильдера, мы оставимъ въ сторонѣ турецкую и польскую кампаніи, доставившія Карлу Андреевичу извѣстность отличнаго боеаго генерала и искуснаго инженера; обратимся прямо къ 1832 году, съ котораго начались опыты и различнаго рода предложенія и изобрѣтенія генерала Шильдера

¹⁾ Будучи еще колонновожатымъ, Карлъ Андреевичъ участвовалъ въ кампаніи 1805 года и въ Аустерлицкомъ сраженіи — этимъ началась его боевая служба.

²⁾ Молодой Шильдеръ съ особенной охотой и любовью занялся изученіемъ фортификаціи, которая, какъ военная наука, въ то время наиболѣе разработанная и богатая литературой, въ подробности преподавалась колонновожатымъ.

для усиленія обороны сухопутныхъ крѣпостей и приморскихъ пунктовъ; эти именно опыты и предложенія несвѣдующій авторъ нѣмецкой статьи: „Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну“ признаетъ за воздушныя творенія, уподобляемыя имъ, сверхъ того, какимъ-то домамъ, лишеннымъ фундамента и свѣта, но наполненными безконечными лабиринтами, съ которыми не могъ справиться самъ изобрѣтатель. Очевидно, что авторъ разбираемой статьи писалъ эти строки, будучи совершенно незнакомымъ съ описываемымъ имъ предметомъ; едва-ли ему извѣстно хоть одно изъ предложеній генерала Шильдера, начиная отъ такъ-называемыхъ „паростоевъ“; да онъ нигдѣ и не указываетъ на нихъ, а только насмѣхается надъ геніальными опытами русскаго инженера, не удостоенными имъ предварительнаго изученія. Необходимо пояснить здѣсь вкратцѣ эту мало изслѣдованную еще страницу исторіи отечественнаго военнаго искусства.

По возвращеніи изъ польской кампаніи, генераль-маіоръ Шильдеръ, какъ командиръ гвардейскаго сапернаго баталіона ¹⁾, находился, наконецъ, въ положеніи, позволявшемъ ему испытаніе на практикѣ тѣхъ предложеній, которыя давно уже занимали его пытливый умъ; обративъ на себя своими военными подвигами особенное вниманіе императора Николая, онъ могъ съ этого времени прямо рассчитывать на просвѣщенную поддержку вѣнценоснаго покровителя инженернаго искусства въ Россіи.

Желая сдѣлать практическія работы саперныхъ баталіоновъ не только школою для обученія нижнихъ чиновъ осаднымъ работамъ, но и средствомъ для рѣшенія научныхъ вопросовъ, генераль Шильдеръ придавалъ въ короткое время этимъ занятіямъ интересъ и значеніе, которое въ настоящее время представляется какимъ-то преданіемъ старины глубокой. Исходной точкой длиннаго ряда весьма важныхъ по своимъ послѣдствіямъ опытовъ, производившихся въ Красномъ Селѣ, послужили испытанія способа воспламененія пороховыхъ зарядовъ помощью гальванизма, предпріятыя въ 1832 году по настоятельному ходатайству Карла Андреевича. Этотъ способъ превосходилъ, по мнѣнію генерала Шильдера, всѣ до того времени извѣстныя средства и тогда еще нигдѣ не испробовался для подобной цѣли въ другихъ государствахъ.

Изобрѣтеніе способа воспламененія пороховыхъ зарядовъ гальванизмомъ принадлежитъ барону Шиллингу-фонъ-Канштадтъ, служившему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ²⁾; занимаясь много есте-

¹⁾ А съ 1836 года, какъ начальникъ инженеровъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса.

²⁾ Онъ былъ одно время посланникомъ въ Китаѣ и скончался въ Петербургѣ въ 1837 году.

ственными науками и работая надъ электрическимъ телеграфомъ, онъ попалъ въ 1822 году на мысль о возможности воспламенять порохъ гальванической искрою. Но первоначальные опыты не привели къ желаемому результату; хотя порохъ и воспламенился, но тѣмъ не менѣе высшему инженерному начальству угодно было признать изобрѣтателя шарлатаномъ и предложеніе его оставлено безъ послѣдствій. Барону Шиллингу пришлось выжидать для своего изобрѣтенія благопріятныхъ обстоятельствъ; не доставало только энергическаго и знающаго дѣло лица, которое привело бы новое предложеніе къ желаемой цѣли, поставивъ его на практическую почву. Лицо это Шиллингъ нашелъ въ полковникѣ Шильдерѣ, съ которымъ онъ познакомился послѣ перевода Карла Андреевича въ 1826 году въ гвардейскій саперный баталіонъ. Повѣривъ слова изобрѣтателя нѣсколькими опытами, полковникъ Шильдеръ сразу оцѣнилъ всю пользу этого открытія, въ практической обработкѣ котораго еще многого недоставало; но, занимая въ то время довольно скромное служебное положеніе и не пользуясь еще извѣстностью ¹⁾, онъ не обладалъ тѣмъ авторитетомъ, который всегда требуется для проведенія мыслей и предложеній, хотя и вполне полезныхъ, но не для всѣхъ доступныхъ. Затѣмъ настало время войны съ Турціею и Польшею, такъ что только послѣ 1831 года можно было вновь приняться за это дѣло, при измѣнившихся уже обстоятельствахъ. Генераль Шильдеръ занялся этими опытами съ неутомимой дѣятельностью и даже со страстью ²⁾; поэтому въ 1832 году, въ Красномъ Селѣ, въ присутствіи императора Николая, оказалось возможнымъ взорвать посредствомъ гальванизма первый усиленный горнъ въ 45 пудовъ пороха. Мгновенное сообщеніе огня въ желаемый моментъ, на произвольномъ разстояніи, всѣхъ удивило. Послѣ этого опыта нельзя было болѣе сомнѣваться въ томъ, что въ близкомъ будущемъ гальваническій способъ сообщенія пороху огня вытѣснитъ всѣ другіе огнепроводы и будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на способъ и характеръ минной войны. Государь тотчасъ же призналъ всю важность произведеннаго испытанія и приказалъ генералу Шильдеру продолжать подобныя же опыты для возможнаго усовершенствованія этихъ новыхъ огнепроводовъ.

На сколько этотъ новый способъ воспламененія минныхъ зарядовъ

¹⁾ Полковникъ Шильдеръ завѣдывалъ въ то время только хозяйственною частью гвардейскаго сапернаго баталіона, такъ какъ генераль-адъютантъ Герца оставался до взятія Варны въ 1828 г. въ звѣніи командира баталіона, занимая въ то же время мѣсто начальника штаба войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ генераль-инспектора по инженерной части. Н. III.

²⁾ Волькенште йнъ: «Исторія гвардейскаго сапернаго баталіона». Спб. 1851.

удовлетворялъ цѣли, выказалось неопровержимымъ образомъ при оборонѣ Севастополя; только благодаря этому обстоятельству, осажденному возможно было вести столь безпримѣрную въ лѣтописяхъ инженернаго искусства подземную войну, задержавшую передъ ничтожными укрѣпленіями болѣе полугода лучшихъ инженеровъ двухъ передовыхъ націй запада ¹⁾).

Примѣненіе гальванизма къ воспламененію минъ сопровождалось двумя важными послѣдствіями: оно породило въ генералѣ Шильдерѣ мысль о новой контръ-минной системѣ, пользуясь трубами, просверленными въ грунтѣ, какъ рукавами минныхъ галерей, и создавая при ихъ содѣйствіи цѣлую систему совершенно особой подземной войны, могущую продлить оборону крѣпости на весьма значительное время.

Для провѣрки своихъ предположеній, генералъ Шильдеръ представилъ проектъ оборонительныхъ минныхъ работъ, по которому было разрѣшено производить практическія инженерныя работы подъ Краснымъ Селомъ въ теченіе 1833 года. Эти первоначальныя опыты сопровождались самыми удовлетворительными результатами и доказали, что трубная система составляетъ существенное средство къ восстановленію равновѣсія между атакою и обороною крѣпостей. „Получивъ донесеніе о послѣдствіяхъ первыхъ опытовъ надъ контръ-минной системой генерала Шильдера и дѣйствіемъ подземныхъ оборонительныхъ трубъ противъ осадныхъ работъ, государь императоръ былъ такъ заинтересованъ этими изобрѣтеніями, что приказалъ повторить тѣ же опыты въ своемъ присутствіи“ ²⁾. Они были произведены 5-го октября 1833 года въ высочайшемъ присутствіи, въ Красномъ Селѣ, и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Императоръ Николай, вѣрно оцѣнивая всю

¹⁾ Подъ Севастополемъ обороняющійся произвелъ 94 взрыва (84 горна было взорвано впереди 4-го бастиона и 11 горновъ впереди редута Шварца и 5-го бастиона), изъ которыхъ былъ только одинъ примѣръ отказа, происшедшій по недосмотру. Интересно сравнить эти цифры съ неудавшимися взрывами французовъ, которые взорвали всего 118 горновъ (107 передъ 4-мъ бастиономъ и 11 впереди редута Шварца и 5-го бастиона); они располагали весьма неудовлетворительными средствами воспламененія пороха, употребляя для этой цѣли шнуръ Ларивьера, съ англійскимъ фитилемъ Бикфорда. При взрывѣ 3-го (15-го) апрѣля изъ 21-го горна остались не взорванными 6 горновъ, вслѣдствіе непріятія мѣрь для уравненія огнепроводовъ. Кромѣ того, у французовъ произошло еще около 20 отказовъ, болѣею частію по причинѣ дурнаго сращиванія шнура съ англійскимъ фитилемъ. (М. Фроловъ: «Маяннѣ война при оборонѣ гор. Севастополя»).

Биографъ К. А. Шильдера поэтому былъ вполне правъ, замѣчая, что придуманный и введенный имъ въ употребленіе гальваническій способъ воспламененія минъ составляетъ одну изъ неоцѣнимыхъ услугъ, оказанныхъ генераломъ Шильдеромъ военно-инженерному искуству въ Россіи.

²⁾ Мазюкевичъ: «Жизнь и служба К. А. Шильдера».

важность и пользу, которую проекты и предложенія генерала Шильдера принесутъ военно-инженерному дѣлу при должномъ усовершенствованіи, изволилъ тутъ же выразиться, что они составляютъ истинный переворотъ въ инженерномъ искусствѣ ¹⁾. Черезъ недѣлю послѣ этихъ опытовъ, генераль Шильдеръ былъ награжденъ назначеніемъ генераль-адъютантомъ къ его величеству, съ оставленіемъ въ званіи командира гвардейскаго сапернаго баталіона.

Ободренный успѣхомъ опытовъ и вниманіемъ императора Николая, генераль Шильдеръ продолжалъ безотлагательно свои изслѣдованія и придумалъ еще примѣнять къ оборонѣ крѣпостей, независимо отъ трубной системы, фугасныя ракеты особенной конструкціи, съ значительнымъ количествомъ пороха ²⁾. Средства, предложенныя генераломъ

¹⁾ Земляной буравъ, какъ минный инструментъ, конечно, не составлялъ новостя, такъ какъ употребленіе сверла встрѣчается въ разныхъ минныхъ руководствахъ. Но имъ совѣтовали пользоваться какъ средствомъ для изслѣдованія грунта, для просверливанія вентиляціонныхъ отверстій, равно какъ при выдѣлкѣ трубъ для выслушванія непріятельскаго минера и т. п. Сверла были несовершенны и дѣль, для которой они предназначались, не имѣла достаточной важности. Но генераль Шильдеръ далъ сверлу въ минной войнѣ совершенно новое, неизвѣстное доголѣ примѣненіе вслѣдствіе того, что со введеніемъ гальванизма имѣлось въ рукахъ средство вѣрно и на произвольное разстояніе сообщать огонь пороховому заряду, и въ тоже время располагали при этомъ огнепроводами, неподверженными порчѣ отъ неустрашимыхъ причинъ.

Даже въ настоящее время вопросъ о трубныхъ минахъ мало разработанъ за границею и вообще не подвергнутъ еще должному изслѣдованію. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ инженеровъ, творецъ антверпенской крѣпости, полковникъ Бриальмонъ, писалъ въ 1863 году въ своемъ сочиненіи объ оборонѣ государствъ («Etudes sur la défense des Etats») слѣдующее о трубныхъ минахъ: «минное искусство сдѣлало также въ послѣднее время (!) нѣкоторые успѣхи. Мы укажемъ, между прочимъ, на изобрѣтеніе трубныхъ минъ, называемыхъ также артезианскими минами». Конечно, автору не были извѣстны опыты, произведенныя надъ трубными минами въ Россіи, начиная съ 1833 года и продолжавшіяся во все время царствованія императора Николая.

²⁾ Опыты Шильдера съ фугасными ракетами и обширное примѣненіе, данное имъ въ крѣпостной войнѣ, также подверглось забвенію. Вотъ почему могло случиться, что генераль Константиновъ въ специальномъ сочиненіи: «Les fusées de guerre» умолчалъ о нихъ и указалъ на опыты, произведенныя въ 1856 г. въ Кобленцѣ, какъ на первую попытку примѣненія ракетъ къ разрушенію осадныхъ работъ. Противъ этой ошибки возражалъ, въ свое время, одинъ академикъ Якоби въ своемъ отчетѣ о названномъ сочиненіи, представленномъ въ 1864 г. въ академію наукъ, возстановивъ истину слѣдующими словами:

«Мы не хотимъ быть соучастникомъ въ забывчивости автора. Многіе еще живы изъ тѣхъ, которые были свидѣтелями опытовъ покойнаго генерала Шильдера надъ фугасными ракетами.—опытовъ, увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ, и которые въ послѣдствіи были еще продолжены безъ него во время практиче-

Шильдеромъ для усиленія обороны сухопутныхъ крѣпостей, подверглись впервые обширному испытанію въ 1838 году въ крѣпости Новогеоргиевскѣ, во время примѣрной атаки Бородинскаго фронта. Опыты эти были весьма удачны и дали самый важный и удовлетворительный результатъ, такъ что на донесеніи главнокомандующаго дѣйствующею арміею, князя Варшавскаго, императоръ Николай положилъ слѣдующую собственноручную резолюцію: „Я былъ впередъ убѣжденъ въ неимовѣрной пользѣ сей системы, которая при дальнѣйшихъ опытахъ еще гораздо усовершенствуется“. Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о кievскихъ опытахъ, состоявшихся въ 1844 и 1845 гг.; они увѣнчались также замѣчательнымъ успѣхомъ и доказали, что трубная система при благоприятномъ грунтѣ представляетъ превосходное средство для продленія обороны крѣпостей ¹⁾. Но творческая изобрѣтательность генерала Шильдера не довольствовалась этими занятіями. Одновременно съ предложеніями трубной системы Карлъ Андреевичъ разработалъ новую мысль относительно примѣненія гальванизма къ военнымъ цѣлямъ: укладывать минныя заряды подѣ водою и воспламенять ихъ помощью гальванизма. „Это важное примѣненіе давало совершенно новое средство для обороны портовъ, береговъ, проливовъ и крѣпостей, имѣющихъ водяные рвы; въ полевыхъ же дѣлахъ взрывомъ минъ подѣ водою представлялась возможность разрушать мосты въ то самое мгновеніе, когда непріятель началъ уже по нимъ переправу“. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1834 года, Шильдеръ взорвалъ въ бассейнѣ Обводнаго канала, покрытаго еще льдомъ, прототипъ теперешнихъ подводныхъ минъ въ присутствіи императора и великаго князя Михаила Павловича ²⁾. Этотъ удачный опытъ, равно

скихъ саперныхъ работъ, исполнявшихся ежегодно въ Красномъ Селѣ и въ Бабьегонахъ. Офіціальныя отчеты объ этихъ работахъ, безъ сомнѣнія, должны находиться въ архивахъ». Далѣе г. Явоби продолжаетъ: «Слава этого примѣненія должна принадлежать гениальному человѣку, котораго мы только что назвали, и воспоминаніе о которомъ не скоро изгладится изъ преданій военно-инженернаго корпуса».

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что опыты въ Кіевѣ производились подѣ руководствомъ поручика учебнаго сапернаго баталіона Тотлебева, будущаго защитника Севастополя, избраннаго для сего генераломъ Шильдеромъ.

²⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ, осматривая разрушеніе, произведенное подводными минами, обращаясь къ находившимся при этомъ офицерамъ гвардейскаго сапернаго баталіона, сказалъ: «Avec ça nous aurons de quoi tenir contre les Anglais».

Эти опыты послужили въ послѣдствіи основаніемъ при разработкѣ генераломъ Шильдеромъ вопроса о подводныхъ минахъ и содѣлали слова великаго князя какъ бы пророческими. Дѣйствительно, двадцать лѣтъ спустя, Кронштадту пришлось обороняться противъ англійскаго флота, причемъ оборонительныя средства,

какъ и успѣшное разрушеніе моста, длиною 20 сажень, подъ Краснымъ Селомъ, убѣдили генерала Шильдера въ томъ, что вопросъ объ устройствѣ подводныхъ минъ должно считать уже рѣшеннымъ въ принципѣ: оставалось только разработать детали, что, конечно, не могло представить особенныхъ затрудненій. Карлъ Андреевичъ предвидѣлъ, что этому безспорно важному открытію предстояла весьма значительная роль при оборонѣ прибрежій и морскихъ военныхъ портовъ, такъ какъ оно составляло могущественное средство для разрушенія непріятельскихъ кораблей. Это открытіе пріобрѣтало еще большую важность въ виду того, что тогда начались значительныя усовершенствованія въ кораблестроеніи и въ морской артиллеріи, калибры которой, быстро увеличиваясь, предвѣщали, что въ скоромъ времени флоты сдѣлаются весьма могущественною военною силой. Поэтому, послѣ перваго же опыта надъ подводною миной, Карлъ Андреевичъ предался изслѣдованію этого способа прибрежной обороны со свойственнымъ ему нетерпѣливымъ увлеченіемъ изобрѣтателя. Онъ не сомнѣвался, что послѣ введенія гальваническаго способа воспламенять порохъ, устройство минныхъ непроницаемыхъ для воды сосудовъ, усовершенствованіе запаловъ, способъ соединенія съ ними проводниковъ и т. п., представляютъ вопросы, которые, рано или поздно, будутъ разрѣшены совер-

подготовленныя въ этомъ пунктѣ пожеланіями генерала Шильдера, оказали неопѣнными услуги для обезпеченія столицы отъ угрожавшей ей тогда опасности. Вопросъ о подводныхъ минахъ былъ въ то время еще такъ мало разработанъ на западѣ, что англичане считали даже прижѣненіе Россією этого, для нихъ столь неудобнаго, оборонительнаго средства чуть-ли не противнымъ международному праву. Теперь кажется страннымъ, что подобнаго рода отзывы могли имѣть мѣсто, послѣ того какъ со времени сѣверо-американской междоусобной войны торпедо нашли повсемѣстное прижѣненіе. Не менѣ замѣчательно также, что, въ изслѣдованіяхъ о подводныхъ минахъ, даже русскіе писатели готовы признать за американцами первое систематическое употребленіе торпедо, совершенно забывая объ опытахъ, произведенныхъ въ Россіи надъ этимъ вспомогательнымъ боевымъ оружіемъ еще въ періодъ времени, предшествовавшій восточной войнѣ (съ 1834 по 1854 годъ).

Замѣтимъ здѣсь, что Шильдеръ, желая до нѣкоторой степени облегчить свои многостороннія занятія и имѣя въ виду придать изслѣдованію своихъ проектовъ болѣе оффиціальное значеніе, обратился въ 1837 году (5-го октября) къ в. к. Михаилу Павловичу, прося исходатайствовать высочайшее соизволеніе на назначеніе комитета, который, провѣривъ предварительными опытами предположенія о подводной оборонѣ, привелъ бы ихъ къ окончательному результату путемъ всесторонняго изслѣдованія. На учрежденіе этого комитета послѣдовало соизволеніе государя и ему присвоено названіе: Комитетъ, высочайше утвержденный о подводныхъ опытахъ: онъ продолжалъ свои дѣйствія до самаго появленія союзнаго флота передъ Кронштадтомъ въ 1854 году.

Н. III.

пенно удовлетворительно. Но при этомъ Карлъ Андреевичъ находилъ, что такъ какъ подводныя мины, опущенныя на дно моря, или удерживаемыя въ водѣ на одномъ мѣстѣ помощью якорей, могутъ дѣйствовать лишь въ томъ случаѣ, когда судно приблизится къ нимъ на извѣстное разстояніе, то поэтому подобныя мины составляютъ совершенно пассивное оборонительное средство и лишены даже того слабого наступательнаго характера, который имѣютъ подземныя дѣйствія при оборонѣ сухопутной крѣпости. Изобрѣтательность Карла Андреевича не остановилась передъ этимъ, повидимому, непреодолимымъ затрудненіемъ и еще раньше, чѣмъ устройство подводныхъ минъ было доведено почти до настоящаго ихъ совершенства, въ живомъ воображеніи Карла Андреевича уже созрѣлъ проектъ лодки, съ помощью которой онъ предполагалъ дѣйствовать наступательно, т. е., онъ полагалъ, двигаясь подъ водою невидимо для непріятеля, подводить свои мины къ самымъ его кораблямъ.

Послѣ разработки этого проекта Шильдеръ приступилъ, съ высочайшаго разрѣшенія, къ построенію подводной лодки на Александровскомъ литейномъ заводѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1834 года лодка была окончена; она обошлась въ 13,448 руб. ассигн. Лодка эта была желѣзная, такъ что, не говоря о цѣли ея и качествахъ, нельзя здѣсь не замѣтить, что первое желѣзное судно въ Россіи было построено генераломъ Шильдеромъ; фактъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ желѣзное судостроеніе находилось еще въ совершенномъ младенчествѣ даже въ Англіи и Франціи.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности относительно устройства подводной лодки генерала Шильдера и произведенныхъ надъ нею опытовъ; замѣтимъ только, что если они и не увѣнчались рѣшительнымъ успѣхомъ, то только потому, что изобрѣтатель ея располагалъ скудными заводскими средствами того времени и встрѣчалъ при выполненіи своего совершенно новаго проекта непрерывныя затрудненія отъ недостатка необходимыхъ вспомогательныхъ техническихъ средствъ. Наконецъ, современники его, за исключеніемъ одного государя ¹⁾, относились несочувственно къ этому предложенію и не могли уяснить себѣ всю

¹⁾ Приведемъ отрывокъ изъ письма Шильдера къ его тестю, сенатору Н. П. Дубенскому, относящійся къ 1834 году: «...J'ai fini par donner un spectacle très satisfaisant pour mes projets futurs, tant sous l'eau que sous terre— ce qui m'a occupé jour et nuit plus d'une semaine. Notre monarque, qui possède vraiment le feu sacré, a calculé sur le champ toutes les suites des applications possibles à faire et il a parcouru le vaste champ qui s'ouvre pour des projets infinis, au moment même — ce qui a été pour moi — l'inventeur — une continuelle et longue méditation».

важность подводнаго плаванія, какъ средства морской обороны. Поэтому можно только сказать, что изобрѣтеніе генерала Шильдера было преждевременно, а, какъ справедливо замѣтилъ Наполеонъ III, „изобрѣтенія, превышающія свой вѣкъ, остаются бесполезными до тѣхъ поръ, пока уровень общихъ знаній не достигъ ихъ высоты“. Дѣйствительно, различнаго рода предложенія Карла Андреевича по настоящее время сохранили всю свою важность для военно-инженернаго дѣла и преслѣдуются теперь повсемѣстно, а рациональность основаній, принятыхъ имъ для подводнаго плаванія, подтвердилась позднѣйшими опытами ¹⁾).

Къ числу подобнаго рода, можетъ быть, преждевременныхъ предложеній генерала Шильдера, осужденныхъ современниками, относятся также построенные имъ своеобразные пароходы, о которыхъ, повидимому, что-то слыхалъ и нѣмецкій авторъ, вызвавшій своей статьей печатаемыя теперь замѣтки. При постройкѣ ихъ „изобрѣтатель стремился къ достиженію тѣхъ цѣлей, которымъ суждено было осуществиться только спустя почти 30 лѣтъ, именно: онъ хотѣлъ сдѣлать пароходъ непроницаемымъ для артиллерійскихъ снарядовъ, скрыть отъ выстрѣловъ механизмъ, служащій для движенія судна, и, по возможности, уменьшить размѣры подводной части его, чтобы судно представляло возможно малую цѣль для

¹⁾ Въ 1855 году испытывалась въ Кронштадтѣ подводная лодка иностранца Бауэра; она совершила 134 подводныхъ плаванія и, по мнѣнію нѣмецкихъ писателей, принципъ, на основаніи котораго Бауэръ устроилъ свою лодку, совершенно новый и никогда еще не былъ примѣненъ на дѣлѣ. Между тѣмъ, подводное судно Бауэра отличается отъ лодки генерала Шильдера только вдвое бѣльшими размѣрами и лучшею разработкою деталей; что же касается до принципа, принятаго въ основаніе проекта, то, сравнивая обѣ лодки, между ними нельзя найти никакой разницы. Это обстоятельство замѣтилъ тогда же изобрѣтателю академикъ Якоби, указавшій Бауэру, при опытахъ надъ его лодкою въ Кронштадтѣ, что уже 20 лѣтъ тому назадъ генералъ Шильдеръ, при испытаніи своей лодки, достигъ погруженія и всплыванія ея при содѣйствіи средствъ, совершенно одинаковыхъ съ предлагаемыми нынѣ вновь г. Бауэромъ. Хотя опыты 1855 года также не привели еще къ положительному рѣшенію столь труднаго вопроса, какимъ представляется задача подводнаго плаванія, но лодка Бауэра оказалась, конечно, уже болѣе совершенною судна 1834 года, причемъ справедливость предположеній генерала Шильдера относительно подводнаго плаванія получила блестящее подтвержденіе. Большой успѣхъ опытовъ 1855 года объясняется тѣмъ, что генералъ Шильдеръ могъ располагать весьма ограниченными средствами сравнительно съ Бауэромъ, которому русское правительство отпустило на постройку лодки 74,000 руб. сереб., и, что еще важнѣе, болѣе совершенное состояніе всѣхъ техническихъ производствъ, конечно, во многомъ облегчало иностранному изобрѣтателю разрѣшеніе предстоявшей ему задачи.

непріятельскихъ артиллеристовъ. Эти идеи осуществились только въ шестидесятыхъ годахъ появленіемъ броненосныхъ кораблей и мониторовъ¹⁾. Генералу Шильдеру не было суждено дожить до полнаго примѣненія на практикѣ въ дѣлѣ судостроенія тѣхъ мыслей, которыя его занимали уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Онъ скончался не понятый современниками; потомство же, къ сожалѣнію, продолжаетъ ложно оцѣнивать его труды и стремленія и потому неудивительно, что и нѣмецкій авторъ не нашелъ сказать объ этомъ ничего другаго, какъ только то, что генераль Шильдеръ строилъ какіе-то чудесные пароходы, которые не двигались съ мѣста.

Теперь намъ остается еще объяснить участіе, принятое генераломъ Шильдеромъ въ дунайской кампаніи. Прежде всего необходимо восстановить истину относительно тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ послѣдовало назначеніе его состоять временно въ распоряженіи князя М. Д. Горчакова, командовавшего тогда войсками, занимавшими придунайскія княжества.

Когда вспыхнула восточная война, генераль-адъютантъ Шильдеръ занималъ въ Варшавѣ должность начальника инженеровъ дѣйствующей арміи. Съ самаго начала столкновенія нашего съ Турціею, Карлъ Андреевичъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣла на востокѣ, а затѣмъ, по объявленіи намъ войны Портой, и за дѣйствіями, открывшимися на Дунаѣ, на мѣстности, столь знакомой ему еще со времени кампаніи 1828 и 1829 годовъ. Само собою разумѣется, что онъ считалъ для себя великимъ счастіемъ подвизаться еще разъ на бранномъ полѣ, въ особенности же за такое дѣло, которому онъ сочувствовалъ всѣми мыслями своей пылкой души—освобожденіе христіанъ на востокѣ и возвращеніе св. Софіи православному богослуженію составляло издавна его любимую мечту; но тѣмъ не менѣе, не имѣя привычки напрашиваться на полученіе какого бы то ни было назначенія, генераль-адъютантъ Шильдеръ никогда не утруждалъ государя просьбою о командированіи его къ войскамъ, дѣйствовавшимъ на Дунаѣ. Все это дѣло устроилось безъ всякаго личнаго съ его стороны вмѣшательства²⁾.

¹⁾ М. Мазюкевичъ: «Жизнь и служба К. А. Шильдера».

²⁾ Припоминаю здѣсь, что нѣмецкій авторъ статьи: «Паскевичъ въ крымскую войну» утверждаетъ, что генераль Шильдеръ выпросилъ у императора Николая, какъ особую милость, переводъ въ дунайскую армію и руководство осадой Силистріи. Подробности о назначеніи генерала Шильдера въ распоряженіе князя Горчакова появляются нынѣ впервые въ печати. Но тѣмъ не менѣе авторъ разбираемой нами статьи могъ бы объ этомъ найти уже слѣдующую замѣтку въ запискахъ генерала Ушакова, которыми онъ неоднократно

Еще при отъѣздѣ князя Горчакова изъ Варшавы на Дунай для занятія Придунайскихъ княжествъ, Паскевичъ сказалъ ему, что въ случаѣ серьезныхъ дѣйствій въ Турціи, слѣдуетъ вытребовать туда генерала Шильдера ¹⁾). Князь Михайлъ Дмитріевичъ не забылъ этихъ словъ фельдмаршала и 29-го ноября 1853 года онъ писалъ военному министру князю Долгорукову: „... ради Бога, выпросите мнѣ генерала Шильдера. За него я бы отдалъ дивизию“ ²⁾, а позднѣе, 14-го декабря 1853 года: „... я уже извѣстилъ фельдмаршала, что пишу вамъ на счетъ Шильдера, пользуясь его благосклоннымъ предложеніемъ. Впрочемъ, Шильдеръ мнѣ необходимъ. Онъ именно исполнитель предстоящаго дѣла“ Государь приказалъ тотчасъ сообщить фельдмаршалу желаніе князя Горчакова и, съ согласія князя Варшавскаго, послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи генераль-адъютанта Шильдера на нѣкоторое время къ князю Горчакову; повелѣніе это было сообщено ему черезъ дежурнаго генерала дѣйствующей арміи 20-го декабря 1853 года ³⁾).

Слѣдя, какъ уже выше упомянуто, съ особеннымъ вниманіемъ за ходомъ открывшихся въ 1853 г. противъ Турціи военныхъ дѣйствій,

пользовался: «По возвращеніи нашемъ въ Бухарестъ, мы нашли тамъ прѣбывающаго изъ Варшавы генераль-адъютанта Шильдера. Онъ былъ присланъ въ армію по высочайшему повелѣнію, основанному на просьбѣ самаго князя Горчакова».

¹⁾ Объ этомъ князь Горчаковъ упоминаетъ въ письмѣ военному министру отъ 14-го декабря 1853 года: «A mon départ de Varsovie le maréchal m'avait dit qu'en cas d'opérations sérieuses il me faudrait demander Schilder. Je me flatte donc de ne pas éprouver de refus de sa part».

²⁾ «...Eh grâce obtenez moi le général Schilder. Je donnerai une division pour l'avoir».

³⁾ 21-го декабря 1853 г. князь Горчаковъ писалъ военному министру изъ Бухареста: «.. Сейчасъ узналъ, что Шильдеръ прѣбудетъ ко мнѣ дней черезъ десять. Онъ окажетъ мнѣ драгоцѣнную помощь, потому что мнѣ предстоятъ, по крайней мѣрѣ, три переправы черезъ рѣку и два осады».

24-го декабря военный министръ увѣдомлялъ князя Горчакова, что отправляемое при семъ письмо найдетъ уже при немъ генерала Шильдера, такъ какъ онъ получилъ приказаніе отправиться въ княжества и никогда не опаздывать являться на поле брани или для работы.

29-го декабря фельдмаршалъ писалъ князю Горчакову: «...Осады крѣпостей для насъ теперь не такъ трудны, какъ бывало въ прежнія войны, когда наши инженеры думали, что сдѣлали все возможное, когда подходили къ крѣпости на 300 сажень, и никто и не думалъ имъ противорѣчить. Генераль Шильдеръ будетъ вамъ въ семь случаевъ отличнымъ помощникомъ, да я увѣренъ, что и онъ найдетъ много хорошихъ себѣ помощниковъ между офицерами, воспитывавшимися въ инженерномъ училищѣ. Слава Богу, съ учрежденіемъ сего заведенія мы не останемъ теперь отъ иностранцевъ».

Н. III.

генераль-адъютантъ Шильдеръ сильно порицалъ распоряженія князя Горчакова на Дунаѣ, которыя онъ признавалъ совершенно не соответствующими обстоятельствамъ. Онъ отдыхалъ только мыслью при чтеніи донесеній объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ нашихъ въ Азіатской Турціи и на Черномъ морѣ. Фанатически увѣренный въ томъ, что войну надлежало вести быстро и рѣшительно, Шильдеръ говорилъ, что князь Горчаковъ растянулъ свои войска въ княжествахъ на подобіе паутины, которую турки вездѣ могутъ прорвать безнаказанно и находилъ, что крайне осторожный образъ дѣйствій его — стыдъ и вѣчное пятно для русскаго оружія. Обдумывая предстоящія дѣйствія въ княжествахъ, генераль Шильдеръ былъ того мнѣнія, что, для успѣшнаго и безостановочнаго открытія кампаніи, слѣдуетъ прежде всего исправить ужасное упущеніе, сдѣланное относительно дѣйствій по лѣвому берегу Дуная; по его мнѣнію, намъ слѣдовало господствовать по всему лѣвому берегу рѣки и сдѣлать невозможнымъ для турокъ занимать въ значительныхъ силахъ, хотя временно, какой-либо пунктъ на нашемъ берегу. Для достиженія этой цѣли онъ считалъ необходимымъ озаботиться безотлагательно о повсемѣстномъ уничтоженіи на Дунаѣ турецкой флотилии, чтобы лишить непріятели перевозочныхъ средствъ для занятія лѣваго берега; надлежало поэтому тотчасъ приступить къ постройкѣ батарей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ турки непрерывно пытались переправляться на занятый нами берегъ. Лишивъ же непріятели всякой точки опоры на лѣвомъ берегу, въ томъ числѣ и Калафата, Шильдеръ полагалъ перейти съ арміей Дунай и открыть немедленно осаду Силистріи, а затѣмъ и Русука, чтобы, утвердившись прочно на этой рѣкѣ, обезпечить за собою успѣхъ дальнѣйшаго наступленія въ Балканамъ.

Генераль Шильдеръ бесѣдовалъ также неоднократно о предстоящей кампаніи съ княземъ Варшавскимъ. Въ это время, т. е. въ концѣ декабря мѣсяца 1853 года, фельдмаршалъ не отказывался еще отъ мысли наступательныхъ дѣйствій противъ Турціи, даже находилъ возможнымъ, въ случаѣ успѣшной поддержки возстанія христіанскихъ племенъ, окончить кампанію въ Адрианополѣ. Паскевичъ рассчитывалъ, по совершеніи переправы черезъ нижній Дунай, приступить уже въ мартѣ къ осадѣ Силистріи и овладѣть ею въ три недѣли; разъясняя свои предположенія о войнѣ съ Портой, онъ передалъ даже генералу Шильдеру свои мысли относительно того, что дѣлать съ Силистрією по взятіи ея¹⁾.

¹⁾ 29-го декабря фельдмаршалъ писалъ князю Горчакову: « . . . По взятіи Силистріи, какъ крѣпость сія слишкомъ велика и потребовала бы большаго гарнизона, я бы не оставилъ всѣхъ укрѣпленій, уничтожилъ бы половину, а

Первая забота Карла Андреевича, въ виду предстоящаго отправленія въ армію, заключалась въ прискананіи себѣ достойныхъ помощниковъ для успѣшнаго выполненія на Дунаѣ разнообразныхъ работъ по инженерной части. Выборъ его палъ прежде всего на генераль-маіора Дубенскаго, раздѣлявшаго съ нимъ всѣ труды послѣдней турецкой кампаніи и занимавшаго въ то время мѣсто члена инженернаго отдѣленія военно-ученаго комитета, равно какъ на своего прежняго адъютанта, капитана гвардейскихъ инженеровъ Тотлебена. Этыхъ двухъ лицъ, непосредственно состоявшихъ въ его распоряженіи на Дунаѣ, онъ признавалъ своими лучшими помощниками. Кроме того, генераль Шильдеръ просилъ еще о назначеніи къ нему поручика 1-го сапернаго баталіона Рубанова и инженеръ-капитана Фолькмута¹⁾. Всѣ эти лица, согласно ходатайству объ этомъ князя Варшавскаго, были командированы въ распоряженіе генераль-адъютанта Шильдера на Дунай.

Передъ тѣмъ, чтобы обратиться къ разсказу о прибытіи генераль-адъютанта Шильдера въ Букарестъ, необходимо упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве его жизни, послужившемъ исходной точкой самыхъ разнообразныхъ толковъ, которыми украсились даже страницы нѣкоторыхъ романовъ: это принятіе Карломъ Андреевичемъ православія до выѣзда изъ Варшавы въ армію и увлеченіе его спиритизмомъ.

Присоединеніе къ православной церкви составляло уже съ давняго времени задушевное желаніе Карла Андреевича. Если же онъ не рѣшался на этотъ шагъ ранѣе, то единственно во избѣжаніе праздныхъ толковъ, всегда вызываемыхъ въ обществѣ подобнымъ рѣшеніемъ. Но въ кругу семьи онъ выражалъ неоднократно положительнымъ образомъ свою непремѣнную волю и искреннее желаніе умереть сыномъ православной церкви, ученіе которой болѣе удовлетворяло глубокому религиозному чувству его поэтической и восторженной души; въ случаѣ опасной болѣзни, онъ просилъ близкихъ къ нему лицъ непременно озаботиться о своевременномъ призваніи священника для совершенія таинства миропомазанія. Томимый, можетъ быть, предчувствіемъ близкой кончины въ предстоящей кампаніи, Карлъ Андреевичъ рѣшился не откладывать далѣе свое присоединеніе къ православію; обстоятельство это представляетъ тѣмъ болѣе вѣроятія, что онъ даже скрылъ свое рѣшеніе отъ членовъ своей семьи, опасаясь

изъ другой устроилъ бы крѣпость въ меньшемъ объемѣ. Объ этомъ я передамъ мысли мои генералу Шильдеру».

¹⁾ Капитанъ Фолькмутъ отличился въ послѣдствіи при осадѣ Силистріи и въ особенноти во время обороны Севастополя, гдѣ онъ лишился руки.

усугубить преждевременно тяжкое впечатлѣніе предстоящей разлуки. 5-го января, въ сочельникъ, наканунѣ отъѣзда въ армію, состоялся обрядъ присоединенія генералъ-адъютанта Шильдера къ греко-россійскому исповѣданію, въ военной походной замковой церкви св. великомученика Георгія: при этомъ присутствовали только князь Варшавскій и его супруга, княгиня Елисавета. При св. миропомазаніи ему наречено имя Александръ, избранное генераломъ Шильдеромъ, какъ встрѣчавшееся уже неоднократно въ семействѣ. Мнѣніе, нерѣдко высказываемое даже въ печати, что будто бы движущіеся столы и сношенія черезъ нихъ съ загробнымъ міромъ возбудили генерала Шильдера перейти изъ лютеранства въ православіе и принять имя Александра, не имѣетъ никакого основанія—между этими событіями никогда не было ничего общаго.

Что же касается до движущихся столовъ и тѣхъ явленій спиритизма, которыя дѣйствительно весьма интересовали генерала Шильдера, то истина объ этомъ заключается въ слѣдующихъ фактахъ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ повсюду въ обществѣ стали заниматься движущимися столами; явленіе это всѣхъ заинтересовало и обратило на себя всеобщее вниманіе. Но дѣло не ограничилось этими опытами: ихъ вскорѣ замѣнило стологаданіе, причѣмъ психографы, т. е. медіумы, вступали въ сношеніе съ загробнымъ міромъ помощью маленькаго столика, одна ножка котораго снабжалась карандашомъ. Въ послѣдствіи этотъ способъ постепенно упростился и окончательно процессъ этотъ совершался путемъ обыкновеннаго карандаша или пера. Сеансы эти представляли подъ часъ весьма интересныя явленія, и, конечно, не могли остаться безъ вліянія на воспримчивый и впечатлительный характеръ генерала Шильдера. Знакомый уже съ давнихъ поръ съ сочиненіями Сведенборга и ученіемъ секты новаго Іерусалима, вызванной къ жизни этою загадочною личностью, Карлъ Андреевичъ не могъ не слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за тѣми опытами съ движущимися столами, которые все чаще встрѣчались въ варшавскомъ обществѣ. Замѣчательно, что у всѣхъ тогдашнихъ медіумовъ съ Карломъ Андреевичемъ вступалъ постоянно въ бесѣду изъ загробнаго міра духъ покойнаго императора Александра; онъ увѣрялъ его въ своемъ особомъ покровительствѣ, сообщалъ прекрасныя молитвы и часто распространялся о предстоящей борьбѣ съ Турціею и объ окончательномъ несомнѣнномъ торжествѣ Россіи надъ ея врагами¹⁾. У одного медіума столикъ пи-

¹⁾ Впрочемъ, эти пророчества, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, были весьма темнаго свойства, допускавшія весьма разнообразное и растянное толкованіе.

сая даже свои изреченія такъ, что чтеніе ихъ возможно было только при помощи зеркала и, кромѣ того, столикъ рисовалъ разнаго рода аллегорическія изображенія и нерѣдко даже небольшія картинки, изображавшія собою различные эпизоды изъ священнаго писанія; глядя на послѣднія, можно и теперь призадуматься, какимъ образомъ, при помощи столика, даже опытный художникъ былъ бы въ состояніи выполнить такіе отчетливые во всѣхъ отношеніяхъ рисунки. Всѣ эти явленія, конечно, сильно заинтересовали генерала Шильдера, и были вообще вполне безвреднаго свойства; но все дѣло приняло совершенно другой оборотъ, когда дѣйствующимъ лицомъ явилась одна пожилая особа изъ высшаго польскаго общества. Вспоминая событія этого времени и сопоставляя ихъ съ разоблаченіями послѣдняго польскаго мятежа, доказавшими до какой степени изобрѣтательны враги Россіи во всемъ могущемъ принести вредъ имперіи, на умъ невольно приходитъ многое, прошедшее тогда незамѣченнымъ и нуждающееся еще въ объясненіи. Въ то время извѣстно было, что по высочайшему повелѣнію посылается на Дунай генералъ, одаренный необыкновенной предприимчивостію, геройскою храбростію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пламеннымъ воображеніемъ; въ княжествахъ же роль главнокомандующаго выпала на долю человѣка нерѣшительнаго, не имѣвшаго вѣры къ собственнымъ возрѣніямъ, и опасавшагося на каждомъ шагѣ отвѣтственности¹⁾. Столкновеніе между этими двумя лицами, уже по самому свойству ихъ обоюднаго характера, было неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что генералъ Шильдеръ, по природной своей вспыльчивости, не могъ высказывать и защищать свои идеи спокойно, не выходя изъ себя, причемъ онъ рѣшительно забывалъ, кого онъ имѣетъ передъ собою; въ пылу справедливаго неудовольствія доставалось одинаково и старшимъ и младшимъ, а на Дунаѣ дѣла творились безъ особенной чести для русскаго оружія и было о чемъ гнѣваться и спорить съ княземъ Горчаковымъ. Этими обстоятельствами воспользовались какъ нельзя лучше и дѣло было ведено весьма искусно, чтобы все-

¹⁾ Князь Горчаковъ самъ въ этомъ признавался. Когда ему былъ приславъ военнымъ министромъ, 3-го ноября 1853 г., планъ дѣйствій противъ Турціи, начертанный самимъ императоромъ, съ просьбою сообразить его съ мѣстными обстоятельствами и сообщить вполне откровенно мнѣніе свое по этому предмету, князь Горчаковъ этосдѣлалъ, наконецъ, 29-го ноября, прибавивъ, что, безъ настоятельнаго приказанія государя, онъ никогда бы не рѣшился указать на пользу внесенія необходимыхъ вариантовъ. «такъ мало я имѣю вѣры въ собственныя идеи. (Encore une fois, je vous supplie de faire agréer à S. M. la hardiesse que je prend en énonçant l'utilité de quelques variantes. Si ce n'était Sa volonté expresse, je n'aurais pas osé les exposer, tant j'ai peu de confiance dans mes idées)

лить и упрочить возможно бблшьій раздоръ въ высшемъ управленіи арміи. Императоръ Александръ I, высказывавшій свои совѣты черезъ этого психографа, являлся здѣсь совершенно инымъ духомъ, чѣмъ у другихъ медіумовъ; здѣсь уже не сообщались молитвы, исполненныя высокаго христіанскаго смиренія, но проповѣдывалось совсѣмъ иное дѣло; этотъ психографъ вліялъ на самолюбіе, на безъ того уже сильное воображеніе своего слушателя и вообще по мѣрѣ силъ дѣйствовалъ на недостатки, свойственные и самымъ лучшимъ и достойнымъ людямъ. Всѣ эти наставленія и бесѣды образовали собою толстую книгу, которая сдѣлала генерала Шильдера до крайности раздражительнымъ. и обратила его въ непримиримаго антагониста князя Горчакова. Всякое соглашеніе между ними стало немьслимымъ¹⁾.

Но этого было еще мало; психографъ настаивалъ и на томъ, чтобы нѣкоторыя сообщенія его были бы представлены генераломъ Шильдеромъ на воззрѣніе государя. Къ счастью, Карлъ Андреевичъ воздержался отъ исполненія подобнаго требованія; иначе стремленія извѣстной партіи достигли бы сразу окончательной цѣли, и, конечно, командировка генерала Шильдера въ княжества не состоялась бы; въ такомъ случаѣ, армія была бы лишена свѣдующаго и опытнаго генерала, а въ глазахъ императора уронили бы навсегда человѣка, дотолѣ пользовавшагося благоволеніемъ своего монарха, искренно-цѣннвшаго его рѣдкія дарованія²⁾.

¹⁾ Разсматривая переписку князя Горчакова, видно, какииъ образомъ охладѣвали постепенно его искреннія дружескія чувства въ отношеніи генерала Шильдера. Прежнія дружескія письма замѣнились сообщеніями строго оффиціальнаго характера; князь сталъ даже жаловаться военному министру на своего подчиненнаго, говоря, что онъ романзируетъ подъ стѣнами Силистріи (*Childer est toujours un peu dans les romans*). Когда же генералъ-адъютантъ Шильдеръ былъ раненъ, князь Горчаковъ ни разу не отвѣчалъ на вопросы, дѣлаемые государемъ: «Каково Шильдеръ и гдѣ онъ?» Наконецъ, о смерти его онъ сообщалъ въ припискѣ къ письму военному министру: «*Childer vient de mourir avant hier*», какъ-будто дѣло шло о самомъ не стоющемъ вниманія событіи, а не о геройской кончинѣ генерала, за котораго онъ прежде готовъ былъ отдать дивизію, говоря ему: «*Vous seul pouvez nous sauver*».

²⁾ Возвратимся еще разъ къ повѣствованію нѣмецкаго автора: никогда голосъ императора Александра, возвѣщавшійся генералу Шильдеру черезъ психографа, не побуждалъ его ходатайствовать у государя о переводѣ въ дунайскую армію и разрѣшеніи принять участіе въ осадѣ Силистріи; выше уже былъ представленъ истинный ходъ этого дѣла, на которое движущіея столы повліяли столь же мало, какъ и на рѣшеніе Карла Андреевича принять православіе. Не менѣе ошибочно мнѣніе, что этотъ же духъ черезъ психографа увѣрилъ его въ томъ, что онъ, Шильдеръ, покоритъ Силистрію въ самое короткое время и что его лично не постигнетъ при этомъ никакое несчастіе, вслѣд-

Надѣясь скорѣе прибыть въ Бухарестъ заграничнымъ путемъ, генералъ-адъютантъ Шильдеръ избралъ, съ разрѣшенія князя Варшавскаго, дорогу черезъ Австрію. Вечеромъ 6-го января, онъ выѣхалъ изъ Варшавы по вѣнской желѣзной дорогѣ, въ сопровожденіи своихъ двухъ адъютантовъ, штабсъ-капитана 1-го сапернаго баталіона Ахбауера¹⁾ и полеваго инженеря-поручика Тидебеля²⁾. Но ожиданія генерала Шильдера сократить избраннымъ путемъ время переѣзда не оправдались; желѣзная дорога кончалась въ то время уже въ Пресбургѣ, а дальнѣйшее слѣдованіе черезъ Венгрію и Трансильванію сопряжено было съ неизмѣрными затрудненіями, благодаря плачевному состоянію дорогъ, представлявшихъ одну густую и сплошную грязь: мѣстами пришлось даже вытаскивать экипажи изъ пятой стихіи, какъ ее называлъ Наполеонъ, волами. 17-го января генералъ Шильдеръ прибылъ только въ Германштадтъ и, наконецъ, 24-го января достигъ Бухареста, пробывъ въ дорогѣ почти безостановочно 18 дней³⁾.

ствіе чего въ немъ всепилось убѣжденіе въ своей несокрушимости. Этимъ путемъ, т. е. безусловной вѣрой во все сказанное психографомъ, нѣмецкій авторъ объясняетъ обыкновеніе генерала Шильдера подвергать себя непріятельскому огню съ величайшимъ спокойствіемъ, самымъ безразсудно смѣлымъ образомъ, какъ бы это само собою разумѣлось. Подобное ложное толкованіе образа дѣйствій генерала Шильдера нельзя пройти молчаніемъ и оставить безъ возраженія.

Храбрость и полное пренебреженіе опасностію, свойственныя генералу Шильдеру, обнаружались не только въ послѣднюю кампанію, но и во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе; храбрости его никогда не знала предѣловъ и не разъ увлекала его въ такіе поступки, за которые онъ могъ поплатиться жизнью; по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ, онъ былъ какъ бы лишень всякаго чувства самосохраненія. Чтобы убѣдиться въ этомъ; стоитъ ознакомиться съ дѣйствіями генерала Шильдера въ турецкую кампанію 1828 и 1829 гг. и при усмиреніи польскаго мятежа; желая ободрить солдатъ, онъ не останавливался въ критическія минуты ни передъ какой опасностію. Поэтому неудивительно, если онъ и на Дунаѣ продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, и подъ Силистрію развѣзжал по осаднымъ работамъ верхомъ, на бѣлой лошади, подъ градомъ пуль, отмахиваясь платкомъ и приговаривая «пчелы, пчелы», или же влѣзалъ на брустверь и стоялъ подъ ихъ выстрѣлами.

¹⁾ Ахбауеръ принадлежалъ въ послѣдствіи къ числу защитниковъ Севастополя, и кровью запечатлѣлъ свою преданность новому отечеству (онъ былъ австрійскій уроженецъ): онъ скончался отъ раны, 12-го мая 1855 г., въ чинѣ капитана.

²⁾ Тидебель занимаетъ въ настоящее время должность начальника Николаевскаго инженернаго училища и академіи; онъ оказалъ большія отличія въ Севастополѣ и удостоился получить Георгіевскій крестъ 4-й степени при заложеніи редута.

Н. П.

³⁾ Проѣздъ черезъ Австрію не остался безъ вліянія на взгляды генерала

Пріѣздъ генераль-адъютанта Шильдера взволновалъ всю главную квартиру. „Всѣ знали,—говоритъ очевидецъ, генераль Ушаковъ,—его необыкновенную предпримчивость, пылкость, геройскую храбрость, искусство въ постройкѣ полевыхъ укрѣпленій въ виду непріятеля и рѣдкую находчивость въ разныхъ случаяхъ войны, особенно по своей части; а потому и надѣялись, что наступитъ, наконецъ, періодъ военныхъ дѣйствій болѣе энергической, а слѣдовательно, и болѣе успѣшнѣй“. При первомъ же свиданіи съ княземъ Горчаковымъ генераль Шильдеръ вступилъ съ нимъ въ самыя горячія объясненія, которыя постепенно принимали самыя рѣзкія формы; самъ Шильдеръ говорилъ, что онъ на мѣстѣ князя Михаила Дмитріевича, конечно, просилъ бы государя императора избавить главнокомандующаго отъ такого безпокойнаго человѣка, который, хотя временно, но бѣснуетъ какъ бы самъ сатана. Но за что и отчего?—продолжалъ онъ далѣе—оттого, что дѣло нынѣ идетъ о царѣ, Россіи и православіи, а весь планъ дѣйствій никуда не годится“¹⁾. Дѣйствительно, въ моментъ пріѣзда генерала Шильдера, равно какъ и въ послѣдствіи, было о чемъ гнѣваться и придти въ неописанное раздраженіе; князь Горчаковъ тогда только что возвратился отъ Калафата, не придя, по обыкновенію, ни къ какому рѣшенію.

Послѣ дѣла при Четати князь Горчаковъ, въ началѣ января, лично отправился въ Малую Валахію; можно было полагать, что участь Калафата будетъ, наконецъ, рѣшена, такъ какъ противъ этого турецкаго оплота было предпринято грозное движеніе; упорный бой казался неминуемымъ. Но все кончилось ничѣмъ; по обыкновенію горчаковской стратегіи, гора мышь родила. 17-го января Горчаковъ подступилъ къ Калафату и произвелъ рекогносцировку возведенныхъ здѣсь турками укрѣпленій, которая убѣдила его только въ невозможности

Шильдера относительно предстоящихъ намъ дѣйствій на Дунаѣ. Повсюду австрійскія власти и офицеры принимали генераль-адъютанта русскаго императора съ величайшимъ радушіемъ и самую изысканною привѣтливостію; онъ еще болѣе увѣровалъ въ томъ, что намъ въ сущности нечего опасаться австрійскаго внимательства; предстояла только настоящая надобность дѣйствовать противъ турокъ болѣе рѣшительнымъ образомъ, одержать хоть какой-нибудь успѣхъ надъ Портой, чтобы побудить вѣнскій кабинетъ къ принятію менѣе враждебнаго положенія относительно Россіи. Но, къ несчастію, Шильдеру никогда не удалось убѣдить князя Горчакова въ справедливости этого взгляда. а въ послѣдствіи также безуспѣшно убѣждалъ онъ и Паскевича. Да что же удивляться, если самъ императоръ не успѣлъ повліять въ этомъ смыслѣ на избраннаго имъ главнокомандующаго, упорно отстаивавшаго свою боязливую политику вплоть до очищенія княжествъ.

¹⁾ Изъ письма къ генераль-адъютанту Философову.

атаковать теперь непріятельское расположеніе. Затѣмъ, оставивъ передъ Калафатомъ генерала Липранди, съ сильнымъ отрядомъ, онъ приказалъ ему не предпринимать ничего рѣшительнаго, а только тѣсно блокировать непріятельскій укрѣпленный лагерь, а самъ возвратился въ Букарестъ. Здѣсь онъ, по прежнему, впалъ въ разныя запутанныя соображенія, оправдывая подъ разными предлогами бездѣйствіе арміи.

Несмотря на малое сочувствіе князя Горчакова къ предположеніямъ Шильдера относительно дѣйствій дунайской арміи, послѣдній все-таки продолжалъ настаивать на необходимости повсемѣстнаго уничтоженія турецкой флотиліи и воспрепятствованія непріятелю занимать въ значительныхъ силахъ какой-либо пунктъ на нашемъ берегу. Въ немъ вспыхнула вся энергія молодыхъ лѣтъ: дѣятельность его была необыкновенная, онъ удвоился, удесятерился и всюду поспѣвалъ, гдѣ являлась надобность отражать турецкія покушенія на лѣвый берегъ Дуная. Вскорѣ теченіе всей рѣки огласилось громомъ шильдеровскихъ батарей¹⁾; мы помѣнялись съ тѣхъ поръ въ роляхъ съ турками, начинали ихъ непрерывно тревожить и запряганные по Дунаю отряды наши встрепенулись.

26-го января генераль-адъютантъ Шильдеръ поскакалъ въ Журжу. Очевидцы помнятъ еще, какое впечатлѣніе произвело на тамошній отрядъ появленіе предприимчиваго и восторженнаго старца, умѣвшаго возбуждать во всѣхъ окружающихъ его лицахъ одушевляющую его неустрашимость и увѣренность успѣха. Дѣятельность генерала Шильдера вселила въ князѣ Горчаковѣ сильнѣйшее безпокойство: принятому нами оборонительному положенію грозилъ нежданнй конецъ, и князю оставалось только восклицать: „*mais au nom de tous les saints du paradis, laissez moi commander les troupes comme je l'entends*“²⁾. Но все кончилось благополучно: 2-го февраля турецкая флотилія подъ Рущукомъ была частью окончательно истреблена, частью же сильно повреждена. Генераль-адъютантъ Шильдеръ удостоился получить за это дѣло всемилостивѣйшій рескриптъ и государь писалъ князю Горчакову (18-го февраля 1854 г.): „...Дѣло подъ Журжею было, точно, прекрасное и, надѣюсь, на время отняло способы къ переправѣ турокъ и дастъ тамъ болѣе покоя въ центрѣ“.

Оцѣнка дѣйствій генераль-адъютанта Шильдера на Дунаѣ въ пе-

¹⁾ Благодаря своей живой изобрѣтательности, генераль Шильдеръ придумалъ всюду особаго рода батареи съ анвелопами, знолементами и другія, вполне примѣненныя къ требованію мѣстныхъ условій и имѣющимся у насъ въ распоряженіи средствамъ. Относительно этихъ батарей, князь Горчаковъ писалъ даже государю, что онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

²⁾ Изъ письма князя Горчакова къ генераль-адъютанту Шильдеру. Н. III.

рiодъ времени, предшествовавшій осадѣ Силистріи, не можетъ войти въ составъ нашихъ краткихъ замѣтокъ: они подлежатъ еще всесторонней разработкѣ безпристрастной исторіи. Нѣкоторые относящiеся до сего матеріалы помѣщены нами въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“. Въ послѣдующихъ же замѣткахъ мы ограничимся только одними указанiями относительно осады Силистріи, избранной, главнымъ образомъ, нѣмецкимъ авторомъ для характеристики дѣйствiй фельдмаршала Паскевича въ кампанiю 1854 года.

Замѣтимъ здѣсь еще только, что генералъ Шильдеръ, руководя лично всѣми предпріятiями нашими на Дунаѣ, по всему теченiю этой рѣки отъ Рущука и выше, до самыхъ устьевъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не побывалъ только въ Калафатѣ, скорому взятiю котораго онъ придавалъ особенное значеніе, считая это „важнѣйшимъ дѣломъ“. Пришлось ему ограничиться отправить туда, къ генералу Липранди, 3-го марта, съ разрѣшенiя князя Горчакова, состоявшаго при немъ подполковника Тотлебена, съ порученiемъ сообразить способы атаки турецкой позиціи. Тотлебенъ произвелъ подробную рекогносцировку непріятельскаго расположенiя и представилъ, при пояснительной запискѣ, подробный планъ калафатской укрѣпленной позиціи; при этомъ укрѣпленiя не оказались вовсе столь сильными, какими ихъ сдѣлала молда. Но атака Калафата тѣмъ не менѣе не состоялась. Съ прибытiемъ въ княжество фельдмаршала было рѣшено совсѣмъ очистить Малую Валахію и отвести войска за Алуту. Турки могли торжествовать, а австрiйцы радоваться, что система ихъ политическаго устраниванiя принесла желаемые плоды.

Н. В. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НА ВИСЛѢ И ДУНАѢ, ВЪ ОДЕССѢ И СЕВАСТОПОЛѢ.

Замѣтки артиллериста.

1853 — 1855.

«Правда, какая бы ни была, не должна
никого стѣснять».

Изъ объявл. о Севастопольск. Сборникъ.

I.

5-го декабря 1853 г. получено было распоряженіе о приведеніи арміи въ Царствѣ Польскомъ на военное положеніе. Молодежь ликуетъ, семейные задумались, землевладѣльцы начали охатъ, предвидя обратную сдачу въ войска лошадей, розданныхъ имъ на продовольствіе послѣ венгерской кампаніи; интендантство радостно потирало руки....

Раннею весною началось передвиженіе войскъ: 6-я дивизія направилась къ Дунаю, 5-я—къ Замостью.

Фельдмаршалъ заговорилъ о фальшивыхъ дѣйствіяхъ вѣнскаго двора и затѣмъ приказалъ генералу Лабинцеву расположить у австрійской границы наблюдательные отряды отъ Грубешова до р. Вислы. Въ юлѣ полки отодвинуты были назадъ изъ опасенія нечаяннаго нападенія со стороны австрійцевъ, которые тоже показали на своей границѣ.

Въ августѣ пѣхотный великаго князя Владиміра полкъ съ батареею помѣщенъ въ Красникѣ для устройства моста около Завихвоста и насыпи укрѣпленій. Галицкій полкъ—въ Грубешовѣ, Вологодскій—въ Красноставѣ, Костромской—въ Томашевѣ. Семействамъ военныхъ предложено выѣздъ въ Россію. У владѣльцевъ отобрано оружіе. Жителямъ форштатовъ подъ Замостью объявлено, что всѣ дома ихъ будутъ снесены. Въ крѣпости дозволено оставаться только тѣмъ, кто

имѣеть вѣрныя средства къ своему пропитанію. Вѣднымъ для переѣзда роздано вспоможеніе и тѣ выѣхали въ одни ворота, а въ другія—вернулись въ свои дома.

Фельдмаршалъ самъ прибылъ въ Замостье, осматривалъ мѣстность по дорогѣ къ Томашеву и указывалъ лучшія позиціи, приговаривая: „при отступленіи въ крѣпость бить и бить непріятеля“.

У меня взяли дивизионъ для вылазокъ.

Съ 22-го октября посыпались эстафеты. 2-я кавалерійская дивизія изъ Луцка и Владиміра усиленными переходами сбѣжала на соединеніе съ 5-ю дивизією. Вездѣ устроены маяки, разсылались патрули и разѣзды, офицеры генеральнаго штаба рассажены по границѣ для наблюденій.

Секретныя распоряженія о мнимомъ непріятелѣ сбивали всѣхъ съ толку. Одинъ полковой командиръ испрашивалъ разъясненія, какъ ему поступать въ отношеніи австрійцевъ, которые ежедневно учатся около границы съ пушечною пальбою; другой—доносилъ о шпіонахъ, третій—проводилъ цѣлыя ночи въ боевомъ порядкѣ. Предписаніе корпуснаго командира къ Лабинцеву еще болѣе надѣлало суматохи. Никто въ штабѣ не замѣтилъ писарской ошибки: вмѣсто выраженія—„въ случаѣ дѣйствій со стороны австрійцевъ“, написано было—„по случаю....“

23-го октября Галицкій полкъ съ батареею выдвинуть въ авангардъ къ с. Лабуня. Фельдмаршала ожидали и не дождались. Корпусный командиръ, сидя въ Замостьѣ, убивалъ скуку преферансомъ. Князь Паскевичъ писалъ къ нему: „Всѣ ваши донесенія подтверждаются.... А генералъ Панютинъ съ изумленіемъ спрашивалъ у другихъ: „Да развѣ мы что-нибудь писали?“ Наконецъ, по усиленному ходатайству, отрядъ распущенъ 7-го ноября. Лабунская экспедиція сильно отозвалась на здоровьи нижнихъ чиновъ.... Грусть беретъ, читая мѣсячные отчеты штаба арміи о состояніи войскъ.

Всѣ ясно понимали, что затѣянная тревога была слѣдствіемъ нежеланія фельдмаршала выпустить изъ Польши 2-й пѣхотный корпусъ.

Начало слѣдующаго года было спокойно, но за то болѣзненность развилась въ полкахъ до сильной степени. Госпитали Люблинскій, Замосткій и Щебржешинскій переполнились тифозными и холерными, въ полковыхъ лазаретахъ тоже не доставало мѣста для помѣщенія заболѣвающихъ. Врачей мало, на фельдшера въ госпиталяхъ приходилось до 200 человекъ больныхъ. Солдаты умоляли не отправлять ихъ въ госпитали на явную смерть. Тамъ дѣйствовали по ветхому завѣту! Опечаленный Іовъ говоритъ: „Нагой я родился изъ утробы своей матери, нагой и возвращусь въ чрево земли!“ Слова праведнаго

мужа комиссары примѣняли къ умирающимъ солдатамъ. Къ чему тратить на нихъ матеріалы? Къ чему гробы и рубашки, когда умирающіе ложатся въ общую могилу и при томъ ночью? Довольно и того, что нѣкоторымъ мертвецамъ отпускають гробы на прокатъ до могилы... Да и лекарства бесполезны: удѣлъ смертнаго—рано или поздно, а должно умереть! Этому слѣдовали и въ госпиталяхъ Кашаускомъ и Эперьескомъ (1849 г.). Только въ Александрійскомъ (Варшавской цитадели, 1857 г.) не скупились на лекарства. Тамъ главную роль играли діета и холодная простыня. Воды не жалѣли и, признавая англійскую систему полезною для здоровья, не тратили напрасно дровъ на отопленіе зданій. Ординаторамъ постоянно дѣлались замѣчанія за прописываніе больнымъ хины въ порошокъ, которая гораздо лучше дѣйствуетъ въ растворѣ.

II.

Туземцевъ мало занимали политическія событія, они увлекались вертящимися столиками. Въ числѣ ревностныхъ послѣдователей этой болѣзни были нѣкоторые генералы. За то администрація края находилась въ полной дѣятельности! Отечество въ опасности; нельзя же сидѣть сложа руки!... Варшавское интендантство показывало фокусы не хуже Пинетти. Оно сформировало подвижной магазинъ полковнику Бавлашеву до 1,500 лошадей. Начальникъ, пользуясь правомъ продовольствовать лошадей пищею св. Антонія и запахомъ перевозимой ими муки, посвящалъ время картамъ. Куда бы онъ ни отправился, картежные промышленники не отставали отъ него. Половина лошадей пришла въ изнуреніе, опаршивѣла, часть пала, а остальные къ маю мѣсяцу проданы были съ аукціона за безцѣнокъ. Стаи вороновъ покрывали дорогу отъ Люблина къ Замостью, наслаждаясь падалью.

Владѣльцевъ обязали поставить извѣстное количество муки и овса по назначенной цѣнѣ—6 руб. 50 к. за четверть. Евреи доставляли имъ квитанціи по 9 рублей. Купи съ мукою, ложась въ бунты, оплачивали впередъ свое мѣсто. Въ Замостьѣ открылась азартная игра между интендантскими чиновниками, какъ въ Новогеоргіевскѣ между инженерами.

Вскорѣ началось круговое движеніе „четвертей“. Практическій умъ распорядителей представлялъ собою солнце. Муку перевозили съ мѣста на мѣсто между Франполеми, Люблиномъ, Замостьемъ и Устилугомъ. То много привезуть, то не довезуть, то мало останется въ запасѣ. Перевозка возвысила цѣнность муки въ полтора раза, смотри-

теля магазиновъ отказывались помѣщать ее въ склады, войска не хотѣли принимать... Червяки кишѣли въ мѣшкахъ.

Въ крѣпостяхъ приказано заготовить неприкосновенный запасъ спирта, сушеной рыбы, сѣна и овса. Въ Замостьѣ сырое сѣно, сложенное въ скирды, сгорѣло, въ спиртѣ оказалась добавка воды, въ рыбѣ—червяки.

Крѣпости назначено было привести на военное положеніе. Интересны совѣщанія по этому случаю. Комендантъ Замостья въ общемъ совѣтѣ предложилъ: „По недостатку мѣста для бунтовъ муки—сложить ее въ крѣпостномъ рву, а чтобы непріятель не могъ видѣть, что происходитъ въ крѣпости, то всѣ тополи внутри укрѣпленій срубить, а растущіе за рвомъ—оставить“.

Инженеры отыскивали около Замостья возвышенія, которыя необходимо было срывать; плата выводилась по рублю въ день на каждого работника. Работы на передовой батарее кипѣли по отчетамъ и я слышалъ разъ разговоръ двухъ инженеровъ В* и Г*:

— „А что, здоровы ли наши люди на батарее?“

Императоръ Николай I не даромъ приказалъ на крѣпостныхъ веркахъ въ Новогеоргиевскѣ означить фамиліи строителей. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что это награда за труды, но я вижу въ томъ другое: фамилія уважаетъ виновника преждевременнаго разрушенія постройки.

Звонкая монета вдругъ исчезла изъ обращенія. Еще въ 1852 г. мы хлопотали, чтобы интендантство высылало намъ часть денегъ кредитными билетами, а чрезъ полтора года о серебрѣ осталось одно воспоминаніе. Евреи платили по 40 руб. на тысячу за промѣнъ билетовъ на монету, которую сбывали за границу. Одинъ изъ артиллерійскихъ начальниковъ, желая заработать кое-что, выпросилъ въ интенданствѣ 2 т. рублей серебромъ на казенныя надобности и полетѣлъ къ банку, гдѣ ожидали его евреи. Дорогою одинъ мѣшокъ съ деньгами провалился чрезъ дно стараго экипажа и наказалъ жажду корысти.

Волчепята, разведенные львами на воеводствахъ, до того понаторѣли въ продѣлкахъ, что оставляли и большихъ волковъ въ дуракахъ, какъ видно изъ исторіи чиновника, похитившаго деньги въ кабинетѣ тверскаго губернатора, и С*, служившаго въ варшавскомъ интенданствѣ и командированнаго для объѣзда провіантскихъ магазиновъ и дистанціонныхъ смотрителей. Рекомендованный фельдмаршалу статсъ-секретаремъ Туркуломъ, чиновникъ Целецкій, отправясь на Дунай, поступилъ въ комисіонерство 4-го пѣхотнаго корпуса. Отправленный

съ огромною суммою денегъ, кажется, въ Курскъ. для закупки провiанта, ускакала въ Варшаву, а оттуда чрезъ Парижъ въ Лондонъ.

20-го февраля поразила всѣхъ грустная вѣсть о кончинѣ императора. Князь Паскевичъ немедленно разослалъ по всѣмъ войскамъ арміи копію телеграммы нашего посланника изъ Вѣны, князя Горчакова.

„Вѣна, 19-го февраля (3-го марта). Императоръ Францъ-Иосифъ сказалъ, что онъ не можетъ свыкнуться съ мыслию, что лишился друга, испытаннаго во всѣхъ случаяхъ, и въ особенности, что этотъ ударъ постигъ его въ такую минуту, когда его величество надѣялся доказать на дѣлѣ свою вѣрность почившему государю; что онъ надѣется, что Императоръ Александръ Николаевичъ приметъ, какъ часть наслѣдія своего, ту дружбу, о коей его величество сохранить вѣчную память; что онъ горько сожалѣетъ о томъ, что лишился случая доказать императору Николаю I, что онъ возвратится на прежній путь. Императоръ Францъ-Иосифъ убѣжденъ, что Императоръ Александръ II явитъ въ дѣлѣ возстановленія мира такую же возвышенность и твердость видовъ, какъ его августѣйшій предшественникъ“....

Дружба Франца-Иосифа, какъ благодарность за спасеніе австрійской имперіи въ 1849 г., блистательно выказана была въ 1854 г., когда армія его появилась въ тылу нашихъ войскъ, перепешшихъ Дунай.

III.

Въ маѣ мѣсяцѣ получено повелѣніе изъ столицы—непремѣнно отправить 4-ю и 5-ю дивизіи въ имперію. Намъ приказано было слѣдовать, со всѣми воинскими предосторожностями, около австрійской границы. Пѣхота шла съ применутыми штыками и съ боковыми патронташами. Фельдмаршалъ до того настрашалъ генерала Паниютина, что герой Кракова, придя въ Луцкъ, перекрестился, благодаря Бога, что австрійцы не ударили ему во флангъ.

Князь Паскевичъ явился въ Луцкъ для осмотра проходящихъ войскъ.... Мы пришли туда вечеромъ, а утромъ, вмѣсто смотра, получили извѣстіе, что фельдмаршалъ уѣхалъ. Говорятъ, онъ получилъ замѣчаніе за бесполезное безпокойство войскъ на походѣ.

Съ другой стороны, насъ преслѣдовала заботливость варшавскаго интендантства. Оно отправило въ Луцкъ транспорты съ виллою мукою, но мы успѣли во-время уйти, а муку продали за самую низкую цѣну. За то постигла насъ другая бѣда.

Въ Польшѣ было заготовлено большое число воловъ факторомъ интендантства, евреемъ Брауманомъ. Сначала скотъ продовольствовался на счетъ казны, послѣ переданъ владѣльцамъ, съ платою по

3 руб. въ мѣсяцъ со штуки и, конечно, съ правомъ считать тѣхъ воловъ упалыми, на которыхъ представляются свидѣтельства мѣстной полиціи. Когда волы съѣли третію часть своей стоимости, разсерженный фельдмаршалъ приказалъ продать ихъ съ аукціона.

Въ это самое время мы выступали на Волюнь. Человѣколюбивое интендантство предписало войскамъ принимать мясо въ живомъ скотѣ отъ того же еврея Браумана, который отъ Люблина до Стараго Константина на всѣхъ ночлегахъ являлся съ своими волами. Мы могли на сторонѣ покупать мясо по 3 и по 4 коп. за фунтъ, но намъ это строго воспрещалось. Мы должны были выдавать еврею квитанціи по 2 р. 80 к. за пудъ. Такую операцію интендантства прозвали „дѣткомъ благоразумной экономіи“. И дѣйствительно, штука важная: обратить казенныя деньги въ воловъ, а послѣднихъ прибрать къ своимъ рукамъ какъ собственности! Это почище и извѣстныхъ мериносовъ.

Ну, да вѣдь какія же и головы засѣдали тогда въ варшавскомъ интенданствѣ! Удивительные люди, искусившіеся въ практической мудрости — молотить на обухѣ! Сколько нужно смѣтливости, находчивости и твердости духа обращать положительныя величины въ отрицательныя, дѣлать изъ ничего все, и все обращать въ ничто. Рече и быть! Прикоснулся пальцемъ — и есть! А простяки кричатъ, что изъ грязи ничего добыть нельзя!

Въ особенности стяжалъ себѣ извѣстность въ арміи контролеръ N. N. — кривой. Къ нему, какъ къ епископу интендантства, съѣзжались командиры частей послѣ 1849 года съ чистыми книгами и съ звонкою благодарностью. Ошибки признавались законными, остаточныя деньги исчезали. Онъ не любилъ разговоровъ: поставить ребромъ ладонь на ладонь и смотреть: кивнетъ-ли проситель головою. Тогда отчеты составлять въ интенданствѣ, и чрезъ три дня повѣрятся и спустятся въ архивъ на вѣчный покой. N. N. быстро понималъ вещи и, соображаясь съ обстоятельствами, въ тоже время ловко принаравливался и къ людямъ, и къ обстоятельствамъ. Онъ никогда не читалъ ни Лоу, ни Неккера, — по его словамъ, дураковъ, — а онъ слѣдилъ только за дѣйствіями своихъ собратьевъ: дѣйствія открываютъ причины, — причины указываютъ на средства.

IV.

Съ прибытіемъ на Волюнь, мы поступили въ составъ средней арміи генерала Панюткина. Первою его заботою было вниманіе на сохраненіе здоровья нижнихъ чиновъ.

Онъ предписалъ на основаніи „собственного опыта“:

- 1) Изгнать изъ употребленія горохъ.
- 2) Уничтожить ужины.
- 3) Днемъ спать, а ночью совершать переходы.

Оно и понятно: солдатъ легче будетъ на ходу, а при томъ голодный всегда сердитѣе дерется съ непріятелемъ.

Передвиженія въ темныя ночи развели въ полкахъ курятники, — пришлось брать подводы подъ куриную стѣпоту.

Изъ Луцка, чрезъ Балту къ Николаеву, 2-й корпусъ продолжалъ свое движеніе безъ остановки, и далѣе, по обнаженнымъ степямъ, подъ жгучимъ солнцемъ. Бурганы, безмолвные свидѣтели давно минувшихъ битвъ, напоминали объ эпохѣ переселенія народовъ, гонимыхъ судьбою съ востока на западъ.

Въ Дарьевѣ, чрезъ рѣчку Ингулецъ, на маломъ паромѣ, пошелъ съ двумя батареями, переправлялся десять часовъ. Хороша распорядительность! Почти всѣ войска направлялись въ Крымъ на Береславль, а о дорогѣ подумать никому не пришло въ голову. Если бы поставили два парома рядомъ, то имѣлся бы постоянный мостъ. Въ Береславлѣ учреждены депо лошадей и артиллеріи; послѣднимъ завѣдывалъ капитанъ Дудинъ. Я засталъ старика въ большомъ горѣ: онъ получилъ сильную нагоняйку изъ Петербурга за прямое выполненіе своей обязанности. Ему поручено было записывать проходящіе въ Крымъ транспорты съ предметами артиллерійскаго вѣдомства: капитанъ донесъ, что нѣсколько транспортовъ прошли не въ срокъ и въ повозкахъ не имѣли надлежащаго числа лошадей...

Въ Херсонской губерніи между помѣщиками развита гаремная жизнь. Смертность не уменьшала численности крестьянъ въ имѣніяхъ, благодаря кандидатамъ изъ бродягъ и бѣглыхъ.

До Чапливки дорога безводна.

Въ Перекопѣ временный комендантъ, не видя предъ собою непріятеля, воевалъ съ чумаками, насильно перекупалъ у нихъ соль и самъ пускался въ торговлю.

Чрезъ Агааръ 5-я дивизія достигла Симферополя. Городъ представлялъ общую больницу: до 95-ти домовъ было занято лазаретами. Квартиръ нѣтъ, гостинницы набиты народомъ, пріѣзжіе, въ ожиданіи свободныхъ комнатъ, по два и по три дни проводили на улицахъ при своихъ повозкахъ. Городъ походилъ на муравейникъ: татары, греки, каранты, чумаки, военные—здоровые и на бостылахъ, мнимо-увѣченные, сестры милосердія, патріоты въ военныхъ плащахъ, безконечные транспорты съ припасами и продуктами, обозы съ ранеными, команды выздоравливающихъ, новенькіе экипажи начальниковъ воловыхъ командъ, — все двигалось и сливалось въ необозримую пеструю толпу.

У купца Бычкова была лавка въ Балаклавѣ. Прибывшій прикащикъ разсказывалъ: „Съ приближеніемъ французовъ, балаклавскій баталіонъ, съ двумя старыми пушками, встрѣтилъ ихъ выстрѣлами, но вскорѣ долженъ былъ сдать. Французы велѣли лавочникамъ продолжать торговлю, платили за все монетою и повѣсили нѣсколько турокъ за грабежъ греческой церкви“.

Очевидцы передавали: „утромъ, 1-го сентября 1854 г., у Евпаторіи показался союзный флотъ; въ четвертомъ часу прибыли парламентары, французскій и англійскій полковники, въ парадной формѣ, морякъ и переводчикъ. Они потребовали коменданта на свиданіе. Народъ высыпалъ на берегъ.“

Комендантомъ былъ какой-то маіоръ Тарутинскаго полка, онъ не принялъ приглашенія. Парламентары держали себя вѣжливо, скрывая досаду. Одинъ изъ одесскихъ купцовъ вступилъ съ ними въ разговоръ, а тѣмъ временемъ успѣли уговорить маіора, который и явился растрепаннымъ, въ засаленной фуражкѣ, въ дырявой шинели, съ ногой въ рукахъ. Французы съ удивленіемъ и улыбкою проговорили: „это русскій комендантъ?“

Купецъ перевелъ условія: сдать городъ, гарнизону и городу предоставляется удалиться въ теченіе сутокъ изъ Евпаторіи; остающимся обѣщана защита жизни и имущества: торговцы будутъ получать за все наличными деньгами.

Во время чтенія подскочилъ карантинный чиновникъ и вырвалъ у купца бумагу изъ рукъ, объявляя, что она, можетъ быть, зачумлена. Въ народѣ поднялся шумъ. Парламентары согласились на окуриваніе въ карантинѣ.

Послѣ этого зажжены были маяки по направленію къ Симферополю. Вечеромъ флотъ былъ иллюминированъ, на палубахъ гремѣла музыка.

Комендантъ, получа приказаніе: со всѣми воинскими командами направиться къ Перекопу и далѣе въ Херсонъ, не пошелъ туда, опасаясь уморить всѣхъ въ пустой и безводной степи. Онъ двинулся въ Саки. Тутъ, на ночлегѣ, утромъ, слышались пушечные выстрѣлы за озеромъ: то было начало высадки. Вскорѣ показалась кавалерія; французы преслѣдовали маіора около 6-ти верстъ.

Поднявшіеся татары въ Евпаторіи и въ окрестностяхъ убили до 10-ти человекъ русскихъ, въ томъ числѣ окружнаго начальника и карантиннаго лекаря Дулина. Жена послѣдняго, красивая женщина, вернулась въ городъ съ жалобою. Французскій комендантъ выслалъ отряды и захваченные трое виновныхъ татаръ повѣшены были на городскомъ бульварѣ.

Одесскій купецъ имѣлъ въ складѣ до 40 т. четвертей муки. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ коменданта о его намѣреніяхъ, тотъ скрывалъ полученное распоряженіе о своемъ выступленіи. Мука досталась французамъ. Молодой чиновникъ, назначенный вмѣсто городничаго, не имѣя приказанія о выѣздѣ, оставался въ городѣ. Ночью онъ пробрался къ магазину для поджога, его схватили. Комендантъ, смѣясь надъ служебнымъ рвеніемъ, сказалъ:

— Вы уже не городничій. поѣзжайте на родину.

Жандармы выпроводили его версты три за городъ.

Чиновникъ снова пробрался къ магазинамъ и опять схваченъ часовыми. Комендантъ замѣтилъ ему:

— Послушайте, похвальна съ вашей стороны исполнительность своего долга, но поймите же, что городъ занятъ уже нами.

Упряма вывели изъ города версть за пять, но онъ опять вернулся для исполненія своего намѣренія. Послѣ этого чиновника отправили въ Марсель, какъ неспокойнаго человѣка.

Слухи о высадкѣ навели страхъ на жителей Симферополя; казаки разглашали, что непріятель идетъ съ трехъ сторонъ. Всѣ начали готовиться къ поспѣшному бѣгству, запасаясь закусками; шли и ѣхали, куда глаза глядятъ. Съ ними убѣжалъ и самъ губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Пестель. Приказаніе князя Меншикова достигло бѣглеца на второй станціи.

Татары показались съ ножами, насаженными на палки: казаки шарили по домамъ.

По истребленіи закусокъ, горожане начали возвращаться въ свои дома. Инспекторъ врачебной управы и старшій ординаторъ были совершенно пьяны.

Прибытіе маіора изъ Евпаторіи ободрило всѣхъ. Баталіонъ и команда, опасаясь ночнаго нападенія татаръ, хотѣли уйти изъ города въ поле. Главный врачъ госпиталя, Цвѣтковъ, съ комиссаромъ вооружили всю госпитальную прислугу.

Вмѣсто Пестеля назначили губернаторомъ Адлерберга.

Въ 1855 г. блокаднымъ корпусомъ подъ Евпаторією завѣдывалъ начальникъ 1-й драгунской дивизіи, ген.-лейт. Врангель. Князь Меншиковъ, въ январѣ мѣсяцѣ, сообщилъ ему о назначеніи—овладѣть городомъ. Послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, Врангель въ донесеніи выставилъ на видъ значительность гарнизона, возведенныя имъ укрѣпленія, болота, обрѣзающія городъ, узкія и неправильныя улицы, и наконецъ, присутствіе флотилии, могущей дѣйствовать во флангъ русскимъ,— все это могло принести однѣ гибельныя послѣдствія...

Генералъ Хрулевъ вызвался взять городъ; въ его распоряженіе

отданы 8-я пѣхотная дивизія, нѣсколько резервныхъ баталіоновъ, греческіе волонтеры, резервная кавалерійская дивизія, два полка казачковъ и одиннадцать батарей.

29-го января на совѣтѣ кн. Урусовъ предложилъ вопросъ: „Прямо ли идти на штурмъ, перекрестясь, или сначала отслужить молебень?“ Большинство рѣшило закончить молебномъ предстоящее дѣло. Но, къ несчастію, пришлось служить панихиду.

Для штурма назначено было 1-е февраля. Артиллерія едва могла дотащиться по грязи къ 4-му числу, и въ ту же ночь насыпаны были для батарей эполементы въ 300-хъ верстахъ отъ города. Генераль Хрулевъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что назначилъ даже коменданта и плацъ-маіора; солдатамъ приказано имѣть на штыкахъ пучки соломы. Послѣ штурма предполагалось сжечь Евпаторію до основанія.

5-го февраля, въ 6 часовъ утра, батареи открыли огонь; въ 8 часовъ пѣхота пошла на приступъ и была отбита. Пострадали болѣе другихъ Азовскій полкъ и греческіе волонтеры, да еще конныя батареи лѣваго фланга. Въ 8-й бригадѣ, въ батарейной батарее, убито до 27-ми, а въ легкой—до 22-хъ человекъ... Хрулевъ уѣхалъ въ Севастополь.

V.

27-го іюля мы прибыли на позицію р. Качи, подъ Бахчисараемъ. Древняя столица хановъ, какъ змѣя, извивалась по глубокой долиинѣ. Улицы такъ узки, что, проходя, слѣдуетъ остерегаться, чтобы не получить толчка въ голову отъ лопаты булочника, который выходитъ изъ своей аршинной лавки на улицу, чтобы удобнѣе было сажать хлѣбъ въ печьку.

Огромные бунты сухарей на возвышеніяхъ, какъ пирамиды Египта, исчезаютъ въ облакахъ пара. Солнце и дождь сгноили весь запасъ. На почтѣ конверты и письма свалены въ одинъ уголь. По полу валяются разорванные конверты съ надписью: „экстренно“ къ начальнику артиллеріи и въ интендантство.

2-го августа перешли на Бельбекъ. Намъ намекнули, что скоро мы будемъ участниками въ дѣйствіяхъ.

3-го числа прибыли на Меккензіеву гору. Черезъ два часа сообщена диспозиція на утро. Оберъ-квартирмейстеръ корпуса лично передалъ батарейнымъ командирамъ, кому за кѣмъ вступать въ дѣло въ долиинѣ р. Черной.

Всѣ легкія батареи въ Береславлѣ сдали свои третіе дивизионы, только одна батарейная батарея оставлена была въ 12-ти-орудійномъ

составѣ, такъ какъ при новомъ боевомъ порядкѣ имѣлось въ 1-й линіи три интервала для орудій.

Разсказывали съ вечера, что генералу Реадѣ поручено съ 7-ю и 12-ю дивизіями занять позицію внѣ пушечнаго выстрѣла, а съ зарею выдвинуть двѣ батарейныя батареи и обстрѣлывать предмостное укрѣпленіе. Дальнѣйшія распоряженія ожидать изъ Чургуна отъ главнокомандующаго.

Осмотря единственный спускъ съ Меккензіевой горы и приведя въ ясность всѣ расчеты по батарее, я усѣлся около шалаша... Въ жизни человѣка бываютъ минуты, когда онъ невольно углубляется въ самага себя, пробѣгаетъ свое прошедшее, какъ бы давая отчетъ своей совѣсти... Солнце пряталось за инкерманскими высотами, провожаемое тысячею глазъ; сумракъ опустился на окрестности; глубокая тишина смѣнила дневной говоръ... Солдаты молча готовились къ бою, надѣвая предсмертныя рубашки (чистое бѣлье). Надъ Севастополемъ разливалось зарево, выстрѣлы гремѣли безъ перерыва.

Въ 1-мъ часу ночи раздались крики: лекарей!! ихъ потребовали съ лазаретными фурами къ с. Шулѣ (версть за 30), гдѣ предназначались главныя дѣйствія.

Въ два часа тронулась пѣхота. Спускъ съ Меккензіевой горы не былъ очищенъ. Мѣстами покойно лежали глыбы земли. Вопреки данному распоряженію, патронныя ящики и лазаретныя повозки слѣдовали за полками. Черезъ это 5-я дивизія, безъ артиллеріи, спустилась съ горы къ половинѣ пятого часа. Батареинная батарея осталась на мѣстѣ. Адъютантъ генерала Врангеля, капитанъ Волоцкой, прискакалъ съ требованіемъ этой батареи въ первую линію. Пришлось мнѣ идти, какъ охотнику. Обойдя бригаду и спустясь съ горы, я догналъ, на рысяхъ, 5-ю дивизію въ то время, когда она съ отрога высотъ повернула къ Каменному мосту.

Генераль Реадъ, дѣйствительно, согласно полученному имъ распоряженію, открылъ огонь по предмостному укрѣпленію. Приѣхавъ адъютантъ главнокомандующаго, Мейнсдорфъ, съ приказаніемъ „начинать дѣло“.

— Я уже началъ.

— Я передаю только приказаніе главнокомандующаго, отвѣчалъ адъютантъ — и скрылся.

Реадъ приказалъ начальнику штаба, генераль-маіору Веймарну, устранивать боевыя колонны, не слушая представленій послѣдняго, что боевыя резервы еще не спустились съ горы.

12-я пѣхотная дивизія генерала Мартинау пошла въ атаку. Предмостное укрѣпленіе взято: французы, сбитые съ уступа средняго

холма, потеряли лагерь и батарею. Солдаты разсыпались по палаткамъ. Непріятель, получа подкрѣпленіе, отбросилъ нашихъ съ большимъ урономъ. Веймарнъ убитъ.

Въ это время мы подошли къ Черной рѣчкѣ и приняли на себя разсыпанную по полю 12-ю дивизію. Солдаты шли съ ругательствами, что ихъ не хотѣли поддержать. У многихъ въ рукахъ я замѣтилъ разныя вещи. Одинъ усачъ подаль мнѣ небольшой волосяной хлыстикъ.

Галицкій полкъ развернулся въ первой линіи. Редь со свитою стоялъ шагахъ въ 70-ти за батареею, около каменнаго столба. Врангель хотѣлъ атаковать высоты цѣлою дивизіею. Редь сказалъ:

— Я здѣсь корпусный командиръ, слушайте моихъ приказаній!

И велѣлъ начинать атаку по полкамъ.

Галицкій, Костромской и Вологодскій полки, одинъ за другимъ, были отбиты съ величайшимъ урономъ: первымъ двумъ не удалось даже перейти моста, послѣдній достигъ до половины отлогости высотъ.

Безразсудство приобрѣло въ этотъ день достойныхъ себя представителей. Редь славился подвигами за кулисами варшавскаго театра и обученіемъ парадныхъ ординарцевъ, но для боеваго поля этихъ дарованій не требовалось. Потому-то мы и не имѣли успѣха въ открытыхъ дѣлахъ, начиная съ Альмы до позорной потери конной батареи, захваченной башибузками подъ Евпаторіею.

При Черной рѣчкѣ солдаты дрались отважно. Каждый шагъ ихъ обозначался кровію, устилался убитыми и ранеными. Обезсиленные потерями полки возвращались на свои мѣста подъ тѣмъ же убійственнымъ огнемъ. Когда пришла очередь полку великаго князя Владимира, граната поразила Реда... Свита его исчезла, дивизія смѣшалась, никто не зналъ, что дѣлать, куда идти. Всѣ начальники, до ротныхъ командировъ, выбыли изъ строя. Впереди линіи оставались: командиръ артиллерійской бригады полковникъ Каннабихъ, я, майоръ Мѣдниковъ и дивизионный квартирмейстеръ Кузьминъ.

Въ это время подѣхалъ къ лѣвому флангу дивизіи со стороны Чоргуна главнокомандующій, спросилъ: сколько времени батарея находится въ дѣлѣ, можетъ-ли продолжать дѣйствіе? и приказалъ взять изъ полковъ людей для пополненія прислуги.

Князь Горчаковъ спокойно проѣхалъ по первой линіи, ядро подхватило генерала барона Вревскаго, виновника несчастнаго дѣла при Черной рѣчкѣ. Его никто и не жалѣлъ, да ему и дѣлать ничего не оставалось въ Крыму, потому что Никитскій садъ былъ уже въ рукахъ французовъ.

Главнокомандующій, не видя никого на полѣ, приказалъ сопро-

вождавшему его начальнику Курскаго ополченія, Бѣлявцеву, отвести войска къ Меккензіевой горѣ.

Во вторую линію, устроенную на слѣдующихъ возвышеніяхъ, попала наша батарейная батарея. За отъѣздомъ командира на перевязочный пунктъ, орудія рассыпались по полю. Генералъ Крыжановскій привелъ ее въ порядокъ, отправя одинъ дивизионъ на Меккензіеву гору.

Въ три часа долина Черной рѣчки опустѣла.

4-го августа въ 5-й дивизіи показано выбылыхъ изъ строя: генераловъ ранено и убито 3, штабъ-офицеровъ 18, оберъ-офицеровъ 87, нижнихъ чиновъ 2,963.

По свѣдѣніямъ 5-го августа, составленнымъ въ управленіи арміи, выбыло изъ всего отряда: генераловъ 9, штабъ-офицеровъ 47, оберъ-офицеровъ 283, нижнихъ чиновъ 8,597.

Главный пунктъ для раненыхъ назначенъ былъ на Меккензіевой горѣ. Транспорты тянулись отъ Черной рѣчки съ изувѣченными, которыхъ складывали на землѣ подъ солнцемъ. Палатокъ для нихъ мало разбили, докторовъ было еще менѣе. Въ Шуль дѣла не было, лекари оставались безъ дѣла, а у насъ слишкомъ много было для нихъ дѣла. Дежурный генералъ не распорядился ни приготовленіемъ достаточнаго числа помѣщеній для раненыхъ, ни запасомъ воды, которую приходилось добывать за 10 верстъ.

Въ ночь на 5-е число зуавы и казаки обирали убитыхъ. При уборкѣ тѣлъ пріѣхавшіе англичане осыпали русскихъ колбами шутками; французскій генералъ отправилъ ихъ въ лагерь. Въ это же время производилась мѣновая торговля: французскіе солдаты предлагали наши кредитные билеты для обмѣна на монету. Одинъ артиллерійскій фейерверкеръ за девять полуимперіаловъ получилъ столько же билетовъ по 50 рублей.

Сраженіе 4-го августа можно считать послѣднею попыткою помѣряться съ непріателемъ въ полѣ. Оно рѣшило участь Севастополя.

Въ военномъ совѣтѣ баронъ Вревскій настаивалъ на занятіи Федикиныхъ высотъ. Близорукіе поддерживали это мнѣніе. Липранди находилъ атаку высотъ бесполезною, хотя прежде считалъ необходимою имѣть въ своихъ рукахъ ту мѣстность.

Противники встрѣтились около Полоцкаго резервнаго полка и крупно переговорили между собою.

Вревскій съ укоризною намекнулъ ему на измѣнчивость мнѣній.

— На все есть свое время.

„Но вы, какъ отрядный начальникъ, должны поддерживать духъ

содѣять, а не разглашать о невозможности выполненія плановъ главнокомандующаго“.

— Эти слова показываютъ, что вы не бывали въ дѣлахъ.

„Да, это правда, и я за честь поставилъ бы себѣ командовать хотя ротой въ вашемъ отрядѣ, но никогда бы не пошелъ на штурмъ взорваннаго редута“.

Къ числу комичныхъ сценъ 4-го августа можно отнести маневрированіе резервныхъ баталіоновъ на флангъ позиціи. Генераль Т* дѣйствовалъ морально, водя свои колонны съ барабаннымъ боемъ въ примѣрную атаку.

Въ артиллерійскомъ журналѣ, въ разборѣ преимуществъ облегченныхъ орудій противу легкихъ, сдѣлана выписка изъ одного мнѣнія наблюдателя сраженія 4-го августа:

«Я имѣлъ случай убѣдиться въ превосходномъ дѣйствіи 12-ти фунтовой облегченной пушки сравнительно съ легкимъ орудіемъ, ибо въ тоже время 4-я легкая батарея, слѣдовавшая въ хвостъ колонны, применивъ къ правому флангу облегченной батареи, снялась съ передковъ, но, будучи въ слишкомъ дальнемъ разстояніи отъ непріятели, простояла нѣкоторое время въ бездѣйствіи, и, потерявъ нѣсколько людей и лошадей отъ штудернаго огня, должна была сняться съ позиціи и отступить за боевой резервъ, не сдѣлавши ни одного выстрѣла».

Вотъ плоды личныхъ наблюденій сраженія съ перевязочнаго пункта! Развѣ можно утверждать о превосходномъ дѣйствіи орудій, когда чрезъ нѣсколько строкъ выше сказано: „кажется, что орудія весьма удовлетворительно дѣйствовали“?

5-я дивизія ушла къ Черной рѣчкѣ, а артиллерія оставалась на Мекекзиевой горѣ. Я догналъ полки на рысяхъ, за мною спускалась конная батарея князя Челокаева; 4-я дивизія не трогалась еще съ мѣста. Въ какомъ же хвостѣ шла 4-я легкая батарея? И какъ она могла пристроиться къ правому флангу моей батареи, когда во все время сраженія у Каменнаго моста была только одна моя батарея? Во второй линіи стояла батарейная батарея, а легкая находилась въ дальнѣшъ резервѣ за драгунами, скрываясь за буграми. Но еще разумнѣе выставлены дѣйствія командира легкой батареи: выхъзть на позицію подъ сильный перекрестный огонь непріятельской артиллеріи, постоять—посмотрѣть и безъ выстрѣла уйти въ резервъ съ потерей людей и лошадей. Это сказано, вѣроятно, въ шутку! Легкая батарея не подвѣзжала даже ко второй линіи, никакой потери ни въ людяхъ, ни въ лошадяхъ не было. Правда, батарея представила, что непріятельское ядро разбило десяточныи котелъ, подвязанныи сзади за-

ряднаго ящика, но командиръ, сообразя обстоятельства, что при этомъ ни лошади, ни ѣздовой не пострадали, взялъ назадъ свое представленіе, чтобъ не краснѣть передъ людьми.

Пользуясь свободнымъ временемъ, мы посѣщали сѣверную сторону Севастополя, чтобы взглянуть на этого мученика. Отъ Камышина до форта Константина раскачивался надъ водами союзный флотъ; на Салунъ-горѣ бѣлѣлся лагерь; клубы дыма указывали мѣста осадныхъ батарей.

И день и ночь гремѣли непріятельскія батареи, а для защитниковъ еще не были устроены блиндажи.

Сѣверная сторона въ полномъ движеніи: вездѣ тянутся обозы, двигаются разныя команды, шагъ за шагомъ слѣдуютъ воловья повозки съ убитыми. Толпа дѣтей играетъ на берегу бухты; около цитадели тѣснятся ратники. Шумъ, говоръ, крики и пѣсни несутся съ базара, расположеннаго сѣвернѣе цитадели. Удивительно, чѣмъ могла послѣдняя утратить Сентъ Арно? Земляныя насыпи, одѣтыя мѣстами дранью....

Временной таборъ сѣверной стороны во многомъ былъ лучше многихъ уѣздныхъ городковъ. Надъ домами, сколоченными изъ досокъ, красовались вывѣски: „бакалейная лавка, трактиръ, часовой мастеръ, золотыхъ дѣлъ мастеръ“... По склону горы изъ оконъ землянокъ выглядывала продажная живность.... Въ гостиницахъ старые паруса замѣняли потолокъ залъ, а концы смолевыхъ веревокъ съ фонарями—люстры. Обѣдъ готовился порядочный по 25 коп. порція.

При спускѣ съ базара къ сторонѣ Инкермана, поразительная картина потрясала душу зрителя и надолго оставалась въ памяти. Склонъ горы изрытъ общими могилами; нѣсколько ротъ постоянно вошало землю. Въ ближнихъ палаткахъ приготовлялись гробы и помѣщались убитые, надъ которыми церковникъ читалъ псалтырь. При мнѣ пріѣхали двѣ повозки съ окровавленными кусками павшихъ жертвъ....

Въ арміи уже говорили, что русскіе защищаютъ свою грудь одно только названіе порта. Флотъ, за исключеніемъ, быть можетъ, четырехъ кораблей, не соответствовалъ современнымъ требованіямъ. Потери въ войскахъ такъ были велики, что не могли сравниться съ убылью людей въ самыхъ рѣшительныхъ битвахъ.

Затлеръ съ интендантствомъ помѣщался на дачѣ Бибикова. На насъ мелкіе интендантскіе чиновники не обращали вниманія, но съ кавалеріи и казаковъ за выдачу фуражныхъ денегъ тянули порядочный процентъ. Частныхъ подрядчиковъ не могло быть, такъ какъ

войска измѣняли мѣста своего расположенія, а перевозка припасовъ равнялась стоимости послѣднихъ. Кто распорядился завести воловъ, у того и сѣно имѣлось, а у другихъ лошади по недѣлѣ ѣли только одинъ овесъ. Водопой былъ на Бельбежѣ, за 10 верстъ.

Овесъ всегда имѣлся въ продажѣ въ лавкахъ Бахчисарая, копѣйка въ копѣйку по справочнымъ цѣнамъ: четверть по 10-ти рублей, пудъ сѣна—по рублю. Но это только въ сухое время. Въ Симферополѣ, смотря по подвозу изъ Херсона,—отъ 6-ти до 9-ти рублей за четверть. Я не нахожу тутъ ничего удивительнаго, если вспомнить, что въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ прибытія въ Царство Польское гвардейской кавалеріи, справочныя цѣны въ Красноставскомъ уѣздѣ значились въ 10 рублей 50 коп. за четверть.

11-го августа 5-я артиллерійская бригада отправлена изъ Крыма въ Одессу.

Въ Музыкиныхъ хуторахъ пронесли мимо насъ почтовые тройки съ ракетами изъ Петербурга.

Въ Копани достигла насъ вѣсть объ оставленіи Севастополя: она грустно и болѣзненно отозвалась въ груди каждаго. Кровавая драма окончена, вмѣстѣ съ нашимъ господствомъ на Черномъ морѣ. Все, что Россія въ продолженіе 160-ти лѣтъ выработала своими усиліями и кровью,—все утрачено.

VI.

Станція Буялыкъ напомнила печальную исторію Азовскаго резервнаго баталіона. Въ 1854 г., назначенный въ Крымъ, баталіонъ собрался въ 10 часовъ утра около одесскаго собора для молебна. Начальникъ-распорядитель изволилъ пожаловать въ два часа. Люди промовли отъ дождя. Баталіонный командиръ просилъ разрѣшенія остаться переночевать въ городѣ, ему отказали. Вскорѣ начало смеркаться, повѣялъ холодный вѣтеръ и обледѣнилъ промокшія шинели солдатъ; съ наступившей темнотою поднялась сильная вьюга... Дорога потеряна, люди разбрелись по всѣмъ направленіямъ пустой мѣстности. падали отъ изнеможенія... Даже въ Буялыкѣ, мѣстѣ ночлега, на дорогѣ и около пруда, на другой день собрано много окоченѣлыхъ труповъ въ глубокой грязи. Изъ строя выбыло, какъ говорятъ, болѣе 200 человекъ; двое офицеровъ замерзли.

Одесса—сколобъ съ городовъ южной Европы. Осадное положеніе обуздало излишнюю вольность иностранцевъ. Гавань пуста. На улицахъ не видно, какъ прежде, вереницы помѣщиковъ съ своими семействами, зато много встрѣчается мнимыхъ героевъ.

При Воронцовѣ на бульгарѣ стояла небольшая пушка, возвѣщавшая наступленіе полдня; ее украли евреи.

Остовъ парохода „Тигръ“ выглядывалъ изъ-подъ воды. Пиратъ, бывший Люиджи-Мокка, и купецъ Потаповъ добыли съ него нѣсколько орудій.

Бомбардированіе Одессы прокричали газеты. Въ городъ случайно залетѣло нѣсколько бомбъ и гранатъ съ парокондуктовъ, которые дѣйствовали во флангъ батареямъ мола. Напрасно я искалъ слѣдовъ разрушенія въ зданіяхъ на морскомъ бульварѣ....

Патріотизмъ далъ средства для постройки батарей на берегу, но постройка ихъ какъ-то не клеилась: то дождикъ ихъ размоетъ, то амбразуры смотрять не туда, куда слѣдуетъ. Построены были и блиндажи, да ихъ никто не видалъ: строители К* и Ш* тотчасъ же все уничтожили, а то, пожалуй, злые люди могли сказать, что блиндажи придуманы — душиль артиллеристовъ.

Послѣ размѣщенія батарей по болоніямъ, назначены и магазины, гдѣ слѣдовало принимать провіантъ. Оказалось, что въ Катарджи никогда магазина не существовало, а въ Кобылинѣ стояли только два столба съ кусками гнилой рогажи... А на нихъ, вѣроятно, выводились деньги въ расходъ на ремонтъ и на доставку провіанта.

По отчетамъ значилось въ Одессѣ нѣсколько тысячъ четвертей кукурузы, задержанной при объявленіи военныхъ дѣйствій. Ее назначили на продовольствіе лошадей въ кавалерію и артиллерію.. Но кукуруза куда-то исчезла, и интендантскіе чиновники полетѣли въ Бессарабію заготовлять ее съ доставкою на квартиры войскъ. Транспортъ прибыл, а часть войскъ перемѣнила квартиры. Продавцы отказались отъ дальнѣйшей перевозки, за это имъ не выдавали денегъ. Жалобы обнаружили темныя плутни.

При вторичномъ появленіи союзнаго флота у Одессы, исполощенные жители опять начали выбираться, кто на Молдаванку, кто на хутора... одни только французы продолжали торговлю, съ улыбками посматривая на обозы, спѣшившіе уходить изъ города.

По вечерамъ войска размѣщались на улицахъ, ближайшихъ къ морю, и проводили холодныя ночи на голой землѣ. Одинъ лишь купецъ Посоховъ уступилъ для солдатъ свои магазины.

Въ Крыму и въ Одессѣ случай доставилъ возможность встрѣтиться съ давнишними товарищами и помѣняться разсказами, кому выпало на долю что видѣть и испытать. О многомъ слѣдуетъ еще молчать изъ опасенія раздражить гусей... Но для будущихъ изслѣдователей

севастопольскаго погрома не лишнее сдѣлать нѣсколько вопросовъ:

Почему ключъ Чернаго моря—Севастополь—лишенъ былъ хорошихъ путей сообщеній съ Россією? Неужели для пользы одесской торговли?

Почему полгода толковали о сборѣ союзнаго флота и не вѣрили въ возможность десанта въ Крымъ, въ осеннее время?

Почему камышинская бухта считалась не удобною для стоянки флота?

Куда дѣвались запасы сѣна подъ Перекопомъ и кукурузы въ Одессѣ?

Гдѣ была заготовлена гнилая солонина, доставленная будто бы изъ Николаева, и не принятая войсками? Не для объясненія-ли того появилась за границею брошюра: „Крымскіе воли“?

Во сколько обошлась перевозка **каждаго** бревна, изъ числа закупленныхъ въ Херсонѣ для блиндажей, въ Севастополь, когда его уже оставили?

Интересно было бы узнать цѣнность моста черезъ бухту и стоимость перевозки артиллерійскихъ снарядовъ изъ Кіева.

Куда дѣвались раненые, оставленные 27-го августа на Михайловскомъ мыску?

Куда исчезли дѣла и денежные сумы керченскаго комисіонерства? Великъ-ли былъ запасъ провіанта, истребленнаго градоначальникомъ? Много-ли по отчетамъ употреблено судовъ и камня для порчи Керченскаго фарватера? Вѣдь англійскій флотъ, 13-го мая, проходя въ Азовское море, не замѣчалъ слѣдовъ работы?

Сохранились-ли записки, составленныя у князя Горчакова по каждому роду войскъ особо: сколько изъ Крыма отправлено было денегъ въ банкъ?

Кому отдать первенство: англійскому или нашему интендантству? Робукъ въ парламентѣ этого не разъяснилъ.

VII.

Когда готовились къ переправѣ за Дунай, въ Измаилъ прибылъ извѣстный старецъ, котораго распоряженія мѣшали подготовкѣ переправы. А. И. Ушаковъ отказался отвѣчать за успѣхъ предпріятія и незваннаго гостя попросили вернуться къ своему мѣсту.

Занятіе Тульчи заставило турокъ немедленно очистить Добруджу. Къ генералу Ушакову полетѣли письма со всѣхъ сторонъ съ дружескимъ „ты“. Одинъ изъ генераловъ пріѣхалъ съ просьбою—поручить ему командованіе авангардомъ. Александръ Ивановичъ отвѣчалъ:

— „Мы съ вами въ равныхъ чинахъ, въ отрядѣ моемъ не болѣе 9 т.

человѣкъ, что же могу дать вамъ? У меня полковникъ командуетъ авангардомъ и все идетъ хорошо, безъ тревогъ!“

Друзья обратились въ недруговъ, не возлюбя слова: „промышленники“. Трое изъ нихъ уже въ могилѣ.

Болгарія въ это время поднималась, жители толпами приходили къ генералу Ушакову просить оружія. Но армія не двигалась впередъ; полагали, что она умретъ съ голоду „безъ магазиновъ“. Между тѣмъ, въ Добруджѣ было всего довольно и подрядчики брались доставлять все необходимое. Кавалерійская дивизія почти даромъ продовольствовалась въ Добруджѣ.

Саперные офицеры, участвовавшіе въ обложеніи Силистріи, рассказывали: открытіе работъ поручено было Тотлебену. Три баталіона заняли назначенныя имъ мѣста (4-го мая). Вдругъ на правый флангъ неожиданно является генераль Шильдеръ съ адъютантомъ и приказываетъ двигаться первому баталіону впередъ. Онъ самъ указалъ мѣсто для батареи на четыре орудія и направленіе параллели, перпендикулярно къ дорогѣ. Цѣпи для прикрытія работъ не выставили.

Средній баталіонъ съ рабочими, не зная о прибытіи Шильдера, подходитъ къ своему участку, услышалъ впереди шорохъ и принялъ то за турецкую засаду. Темнота не позволяла различать хорошо предметовъ... Раздались выстрѣлы и „ура!“ Генераль съ баталіономъ послѣпно отступилъ, тоже сдѣлали и другіе баталіоны. На утро пришлось собирать потерянные въ суматохѣ каски и инструменты. Вечеромъ открыта была первая параллель.

Осада тянулась, какъ мишуря. На осадныхъ батареяхъ лѣваго берега Дуная зажигательные снаряды выказали явное ослушаніе: они не хотѣли производить пожаровъ въ крѣпости. Полковникъ Шуббе бѣсился. Завѣдывающій батареями на островахъ рѣки подалъ рапортъ, что онъ хотя и хорошо прикрытъ отъ турокъ, но проситъ защиты отъ огня батарей полковника Шуббе.

Шалость 16-го мая 1854 г. извѣстна. Жажущіе подвиговъ составили планъ нападенія на фортъ Арабскій, повѣря рассказамъ шпионовъ, что турки изъ страха оставляютъ на ночь урѣшленіе и что въ ночь они собираютъ свои силы для нападенія на нашъ правый флангъ. Герои отправились на совѣтъ къ генералу Сельвану, выставляя удобный случай для нападенія, и что „если теперь не возьмемъ форта, то никогда его не захватимъ“. Сельванъ отговаривался старшинствомъ Шильдера. Посланный къ нему привезъ отвѣтъ: „все предоставляется на волю самого Сельвана“. Рѣшено идти. Это сдѣлалось извѣстнымъ по лагерю и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдали, чѣмъ окончится дѣло крѣпостныхъ партизановъ.

Въ 1-мъ часу ночи мѣсто заболѣвшаго князя Урусова заступилъ на правомъ флангѣ графъ Опперманъ; вылазки турокъ были отбиты. Затѣмъ послышались крики на лѣвомъ флангѣ. Три баталіона двумя отрядами бинулись на фортъ Арабскій. Сельванъ съ ординарцами, въ темнотѣ, направился на крики атакующихъ и погибъ отъ непріятельскихъ пуль.

Баталіоны, встрѣченные огнемъ турокъ, взобрались на валъ, въ это время послышался сигналъ къ отступленію. Одни говорятъ, что это сдѣлано по приказанію генерала Веселицаго, другіе увѣряютъ, что сигналъ былъ уловкою непріятели.... Атака отбита съ большимъ урономъ, пострадала и бригада 8-й дивизіи, бывшая подъ командою генерала Попова. Веселицкій отвелъ войска въ траншеи. Князь Горчаковъ, не разобравши дѣла, назвалъ его трусомъ. Тотъ отвѣчалъ: „Трусость одни подлецы! Вы не смѣете говорить мнѣ такихъ словъ!“ Привѣдшіи фельдмаршалъ принялъ сторону обиженнаго... „Ты—храбрый человекъ! Вѣроятно, тутъ вышла ошибка!“ Потомъ прибавилъ: „У насъ каждый прапорщикъ представляетъ себя умнѣе главнокомандующаго!“ Вскорѣ послѣдовало распоряженіе, чтобы отъ флигель-адъютантовъ не принимать никакихъ приказаній. На другой день турки показывали издали сюртукъ Сельвана съ Георгіевскимъ крестомъ. На третій день отыскали трупъ генерала безъ головы, съ разрубленною грудью. Погибло до 700 человекъ.

Производство атаки безъ разрѣшенія главнокомандующаго, въ ночную темную пору, безъ лѣстницъ, открытою силою, на обумъ, можетъ быть отнесено только къ безумному удалству, преслѣдуемому закономъ.

Графъ Опперманъ разсказывалъ мнѣ, что 16-го мая, позднимъ вечеромъ, онъ пилъ чай у Сельвана. Послѣдній какъ-будто предчувствовалъ свою судьбу: „Чего я ищу, еще имѣя дѣтей и семейство! Если меня убьютъ, то пусть не достанется въ руки враговъ память моей матери“, сказалъ онъ, снимая съ себя золотыя часы и вынимая изъ кармана кошелекъ работы жены. Въ карманъ же положилъ горсть золота: „Пусть турки знаютъ, что русскіе генералы не безъ денегъ!“

Послѣдующая исторія, по словамъ полковника Дел*, принадлежитъ саперному штабсъ-капитану Маціевскому. За чаркою водки онъ условился съ однимъ ротнымъ командиромъ въ траншеѣ, 22-го мая, броситься на Арабскій фортъ, послѣ взрыва мины, подведенной подъ исходящій уголъ укрѣпленія.... Маціевскій подползъ ко рву взглянуть на дѣйствіе мины. Неизвѣстно, подаль-ли онъ условный знакъ капитану, который съ своею ротой и подговоренными охотниками бросился впередъ. Турки открыли огонь, въ лагерь сдѣлалась тревога, загудѣли

осадныя батареи, резервы выдвинулись на помощь атакующимъ. Мина, сдѣланная небрежно, обсыпала немного переднюю покатость вала и разрушила нашу лѣвую траншею. Солдаты, поражаемые картечью, бросились бѣжать по полю на лѣвый флангъ, а Маціевскій, не сдавши своего дежурства, скрылся въ лагерь.

Ротный командиръ убитъ; нижніе чины показали, что какой-то саперный офицеръ передавалъ приказаніе отъ имени главнокомандующаго: „идти на приступъ“.

Ш* велѣлъ сказать Маціевскому, чтобы держалъ языкъ за зубами, и послѣдній, потребованный къ объясненію, отперся отъ всего сознаваясь, что, дѣйствительно, изъ любопытства подходилъ ко рву взглянуть на дѣйствіе мины. Ш* проговорилъ: „Офицеръ увлекся любопытствомъ и это дѣлаетъ ему честь! Чѣмъ же онъ виноватъ, что глупая пѣхота бросилась вслѣдъ за нимъ“.

Вылазка турокъ и нападеніе на батарею капитана Козелло отбиты картечью; изъ прислуги ранено двое. Такъ сообщилъ мнѣ самъ командиръ батареи. Но въ реляціи мы читаемъ, что прислуга у одного орудія была перебита и другаго рода войскъ офицеръ самъ заряжалъ орудія.

Офицеръ, назначенный съ ракетными станками въ траншею, вы провоженный къ мѣсту назначенія самимъ начальникомъ осадныхъ парковъ, скрылся, оставя свою команду.

Провіантскій магазинъ на р. Бовчіо, въ безопасномъ мѣстѣ, на лѣвой сторонѣ Дуная, днемъ сгорѣлъ до тла вскорѣ послѣ посѣщенія провіантскаго чиновника.

9-го іюня 1854 г. снята осада Силистріи.

VIII.

Перенесемся въ Крымъ.

Севастополь прозвали Стуковымъ монастыремъ. Я видѣлъ каррикатуру: въ облакахъ — рогъ изобилія; изъ него сыплются звѣзды, ленты, кресты, золотыя сабли, аренды и проч. Изъ крѣпости подняты сотни рукъ, но вѣтеръ съ моря относитъ все на Инкерманъ, а красныя ленточки падаютъ въ Севастополь.

Одного вновь произведеннаго подполковника назначили для надзора за работами въ передовыхъ редутахъ. Онъ дня три не являлся къ своему мѣсту, но опасаясь, чтобы Тотлебенъ не замѣтилъ его отсутствія, отправился въ редуты, собралъ отъ офицеровъ свѣдѣнія и, являясь къ генералу Жабокрицкому, высказалъ ему свои замѣчанія о работахъ, прибавя:

— В. п., вѣроятно, это и сами вы изволили замѣтить?

„Любезнѣйшій, у кузнеца есть щипцы для раскаленного желѣза, а у меня — саперные офицеры!“

Подполковникъ пришелъ въ восторгъ отъ такихъ словъ: „Какой умный человекъ! Я непремѣнно приму къ руководству его замѣчаніе и воспользуюсь своими щипцами“.

Послѣ дѣла у редутовъ генераль А. П. Хрущевъ посѣтилъ раненыхъ солдатъ и, къ большому удивленію, замѣтилъ, что большая часть между ними изъ Селенгинскаго полка, бывшаго въ резервѣ. Оказалось, что З*, начальникъ смежнаго отряда, принялъ резервъ за непріятеля и шпиговалъ его съ тылу пулями. Конечно, по реляціи пострадали одни французы.

Потеря передовыхъ редутовъ не приведена еще въ ясность. Настанетъ время и для дѣйствительной оцѣнки дѣйствій въ сраженіяхъ подъ Альжою, Инкерманомъ и Черною рѣчкою.

Изъ оврага, въ которомъ спрятался отъ башибузуковъ генераль Корфъ съ уланскимъ полкомъ великой княгини Екатерины Михайловны и съ конною батареею Гаційскаго, офицеръ Калмыковъ успѣлъ ускользнуть съ двумя орудіями, а шесть захвачены турками. Такое безславіе среди бѣлаго дня еще не случалось въ арміи послѣ дѣла у Сточка, въ 1831 году, 2-го (14-го) февраля.

Послѣ занятія Севастополя, русскихъ плѣнныхъ отправили на островъ Принца. Капитанъ Стюартъ вздумалъ тамъ проповѣдывать католицизмъ и переходъ въ ряды французовъ. Защитниками своихъ соотчичей выступили моряки П. А. Карповъ и Панферовъ; ихъ, какъ горячихъ людей, увезли въ Тулонъ.

Князь П. Д. Горчаковъ 1-й, желая загладить свои промахи по управленію Западною Сибирью, прибылъ въ Крымъ подъ начальство своего младшаго брата. Потеря Байдарской долины доставила ему прозваніе „Баштаннаго дѣла“. Въ разговорахъ съ офицерами онъ однажды высказался: „Я сдѣлалъ большую глупость, что вступилъ опять въ службу“. Въ своемъ отрядѣ князь не давалъ никому покоя — передвиженіями и постоянными опасеніями, что непріятель его обходить. С. Г. Веселицкій, съ 17-ю дивизією, хотѣлъ проситься на отдыхъ въ Севастополь.

Братъ посовѣтовалъ князю ухъхать: „Сегодня обходить, завтра обходить, надо самому уходить!“

Съ полученіемъ телеграммы о заключеніи мира, звуки толпами устремились на Меккензіеву гору, но ихъ остановили. И тѣ были въ большемъ удивленіи, какимъ образомъ переданное извѣстіе изъ

русскаго лагеря не было объявлено русской арміи. Всворѣ завязалась дружба съ французами и взаимныя посѣщенія. У нихъ завелись театры и собранія, на которыхъ участвовали полковныя маркитантки и выписанныя изъ Одессы куртизанки. Англичане держались особнякомъ. Для сохраненія сердечнаго согласія союзниковъ, расположены были наблюдательныя посты между ихъ лагерями.

На литерной батарее Генса опился одинъ зуавъ. Международная коммисія, произведя слѣдствіе, назначила сдѣлать командиру батареи выговоръ.

При посѣщеніи генераломъ Пелисье нашего лагеря, Веселицкій представлялъ дивизію, на-ново обмундированную. Первый замѣтилъ, что сѣренскія шинели хотя и изорваны, но болѣе бы придавали воинственности солдату, а при томъ напоминали бы о великомъ трудѣ, совершенномъ защитниками Севастополя.

Маршевыя баталіоны, сформированныя въ Москвѣ, направлены въ Крымъ черезъ Николаевъ и армянскій базаръ, подъ командою генерала Юзефовича, который такъ много заботился о хорошемъ продовольствіи людей, что даже и не видалъ ихъ. Это послужило поводомъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Завѣдывавшій двумя баталіонами Л. кормилъ солдатъ скверно. водку раздавалъ только по отчетамъ. Баталіоны по дорогѣ оставили множество больныхъ. Л... не унывалъ, услыша о доносахъ, и самодовольно поглаживалъ свой карманъ, какъ-будто говоря: „Защита у меня здѣсь“. Командиръ другаго баталіона, изъ страха ответственности, отравился въ Симферополь. О всѣхъ злоупотребленіяхъ сообщено генералу Огареву.

Въ Симферополь недоставало помѣщеній подлѣ раненныхъ. Губернаторъ, не отставая отъ другихъ, также отдѣлилъ часть своего дома, но съ условіемъ, чтобы не было умершихъ. Вслѣдствіе того, всѣ опасныя больныя переносились въ сосѣдніе дома (въ палату), а оттуда брали въ замѣнъ ихъ выздоравливающихъ. Въ палатѣ скопилось до 400 человекъ при одномъ фельдшерѣ и лекарѣ С*. Кромѣ тѣсноты, воздухъ былъ до такой степени испорченъ, что одурялъ здороваго человѣка. А тутъ еще, на бѣду, перенесенный въ губернаторскій домъ гренадеръ — померъ. Едва-едва замяли дѣло.

Главный докторъ госпиталя Ц* за выдачу неправильныхъ свидѣтельствъ раненымъ смѣщенъ въ младшіе ординаторы, въ одинъ изъ госпиталей Херсонской губерніи. Казначей госпиталя оттягивалъ у прикомандированныхъ лекарей жалованье и фуражныя деньги.

Преемникъ Ц*, Прот*, также отданъ былъ подлѣ суда.

Во временномъ госпиталѣ на Бельбекѣ палатокъ было очень мало, хотя неоднократно представляли о томъ дежурному генералу Уша-

кову 3-му. Разъ привезли офицера съ пробитою грудью. Ему набросали соломы въ ямѣ палатки, отъ дожда образовалась грязь... Лекаря напрасно хлопотали о лучшемъ помѣщеніи, отвѣтъ одинъ: „Нѣтъ мѣста!“ Ушаковъ, зайдя въ палатку, получилъ справедливый упрекъ отъ офицера... генераль промолчалъ и спросилъ у лекарей: „Оказали ли вы должное пособіе?“ Тѣ отвѣчали: „Врачи сдѣлали все, что могли сдѣлать съ своей стороны“. Ушаковъ повернулся къ выходу....

Изувѣченные солдаты, вторымъ не доставало помѣщеній въ палаткахъ, помѣщались временно около скверъ сѣна, подвергаясь дожди и сырости.

Въ госпиталяхъ второй линіи, напримѣръ, въ Елисаветградѣ (1855), цифра больныхъ достигла до 1,500 человекъ, при трехъ врачахъ. Тутъ — тѣснота въ размѣщеніи, страшный удушливый воздухъ и злоупотребленія. Подрядчики доставляли тухлую говядину и клюквенный морсъ, воддѣланннй вмѣсто вина.

Лучше всѣхъ было раненымъ, размѣщеннымъ по нѣмецкимъ колоніямъ: хозяева ухаживали за ними и холили ихъ... Больныхъ считалось до 2,000 человекъ.

Изъ ревизоровъ добросовѣстнѣе всѣхъ дѣйствовалъ князь Крапоткинъ. Онъ навелъ такой страхъ на промышленниковъ съ длинными пальцами, что, по рассказамъ, въ херсонскомъ госпиталѣ аптекарь удавился, главный врачъ бѣжалъ, а старшій ординаторъ принялъ ядъ. Да и раненымъ „на деньги“ спуска не было!

По окончаніи войны, сестры милосердія, отъѣзжая изъ Симферополя, оставили не уничтоженными настои шпанскихъ мушекъ. Одна изъ бутылокъ попалась въ руки лазаретной прислуги... Понюхали — спиртъ..... Передъ ужиномъ хватили по стаканчику и двѣнадцать человекъ поплатились за то жизнью.

Кстати упомянуть и о другихъ продѣлкахъ.

Въ Литвѣ евреи взялись доставить бульонъ, а интендантство обязалось указать складъ. Неизвѣстно, какого качества былъ бульонъ, но онъ пролежалъ мѣсяца два на открытомъ воздухѣ и при сдачѣ найденъ негоднымъ. Евреи заставили казну принять на свой счетъ всѣ убытки.

Черниговская губернія пожертвовала для арміи спиртъ. Транспортъ доставленъ непремѣннымъ засѣдателемъ Скварскимъ. Отъ него не хотѣли принимать, намебая о придачѣ. Такая наглость взбѣсила малоросса и онъ рѣшительно объявилъ: „Если сейчасъ не примите, то я выпущу спиртъ изъ бочекъ и уѣду“..... Коммисіонеры немедленно приняли транспортъ.

Въ Симферопольскомъ госпиталѣ на больныхъ выведено не смѣт-

ное количество лимоновъ; вмѣсто хины, подмѣшивали горькія вещества, хину продавали на сторону. Главный докторъ не былъ причастенъ къ этому мошенничеству аптекаря и комиссара; его вина была другого рода, какъ слѣдствіе поборовъ.

Въ госпиталѣ, даже раненымъ офицерамъ подавали супъ съ тараканами. Артиллерійскій офицеръ А. П. Поповъ, кажется, показывалъ такое блюдо посѣтившей госпиталь г-жѣ Стаховичъ.

Многіе спѣшили воспользоваться временемъ и ковали желѣзо, пока оно было горячо. Въ резервной пѣхотной бригадѣ, подъ Замостьемъ, полковникъ Г* былъ того мнѣнія, что съѣстное не грѣхъ брать у другихъ; онъ ссылался на царя Давида, который, для утоленія голода, взялъ просфору въ храмѣ... Командиръ отпускалъ на котель припасы въ десятичныхъ дробяхъ, предоставляя солдатамъ заботиться самимъ о своихъ желудкахъ, и тѣ по ночамъ бандами отправлялись въ поля копать картофель, да ловить коровъ съ телятами... Вѣдь это все съѣстное! Доносы не подѣйствовали. Г* выдалъ дочь свою за казначея съ уступкою въ приданое—половину доходовъ съ бригады и, конечно, на другой годъ разсорился съ своимъ зятемъ.

Въ томъ же 1855 году, въ пѣхотной дивизіи, квартировавшей въ Эстляндіи, изъ 11-ти т. человекъ перемерло до 2-хъ т. По представленію дворянства, назначено было разслѣдованіе о возмутительныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности въ бригадѣ Б..... Довольно того, что провіантъ для солдатъ передавъ въ руки помѣщиковъ; отъ нихъ раздавался печеный хлѣбъ людямъ. Разъ къ помѣщику Фитингофу явился фельдфебель изъ роты Θ* съ просьбою — отпустить вмѣсто хлѣба по 7½ ф. муки на человѣка; ему отказали. Черезъ полчаса вторично приходитъ фельдфебель, но уже весь избитый и окровавленный... Его освидѣтельствовали и отправили въ лазаретъ кавалерійскаго полка (кажется, къ полковнику Энгельгардту). Вскорѣ ворвался въ комнаты самъ капитанъ Θ*. бывший, какъ говорится, на готовѣ. Онъ выставялъ необходимость отпуска муки въ роту для хозяйства и для удовлетворенія требованія начальства по нѣскольку фунтовъ съ каждаго человѣка... Капитана выпроводили изъ дома.

На одномъ обѣдѣ участвовали начальникъ дивизіи, извѣстный по дѣлу валахской милиціи, полковникъ Энгельгардтъ, исправникъ Буксгевденъ и майоръ Z*, прибывшій съ резервнымъ баталіономъ Нарвскаго полка. Послѣдній хвастался, что у него больныхъ солдатъ не бываетъ... „Дамъ 25 розогъ, да и спрошу о здоровьи; кто отзовется больнымъ, еще накинута!“ Тутъ исправникъ заявилъ, что въ лѣсу найдены законанными въ землѣ четыре человѣка... Не знаю, что

открылось по разслѣдованію. Не оказались-ли эти несчастные бѣглецами изъ баталіона, послѣ лекарства, даннаго имъ маіоромъ?

IX.

8-го декабря, 5-ю дивизію направили формироваться въ Подольскую губернію. Батареи шли на прямикъ, какъ летаютъ вороны, поперекъ всѣхъ дорогъ, занесенныхъ большими снѣгами, при сильномъ морозѣ и вѣтрахъ. Благодѣтели снабдили солдатъ на дорогу полушубками—по одному на трехъ человѣкъ. Лазареты наполнились больными съ отмороженными руками, ногами и носами... Мы утѣшали свои ноги баснею римскаго консула... Наши воеводы до того углубились въ передвиженіе войскъ, что, слѣдя за нами по картѣ, потеряли изъ вида и разсылали приказанія о перемѣнѣ маршрута по дорогѣ отъ Николаева къ Балтѣ, а мы шли изъ Одессы.

Въ Анапьевѣ была встрѣча съ полками. „Что вы дѣлали въ Крыму?“ Намъ отвѣчали стихами, сочиненными въ честь промежуточнаго отряда между Евпаторією и Симферополемъ:

Отъ Такыла до Альмы,
Отъ Альмы къ Караіату
Очень часто ходимъ мы
На погнбель сопостату!
И не одобровать ему!
Шевельнись хотя онъ мало,
Мы тотчасъ махнемъ въ Альму,
А оттоль въ Такыль, пожалуй...
Пусть же вѣдаютъ враги
Нашу удалъ боевую:
Мы истопчемъ сапоги
За (себя) и Русь святую!

Боевыя тревоги расшевелили солдатскую поэзію... Въ Крыму пѣсня графа Л. Н. Толстаго получила громкую извѣстность.

Наступила минута всеобщаго спокойствія. Умолкли бранные крики и гулы выстрѣловъ; прекратилось кровопролитіе... Крымская война для Россіи была тяжелымъ историческимъ урокомъ! Намъ пришлось узнать значеніе политической дружбы, пришлось увидѣть и наше ослѣпленіе, и наши недостатки! Рѣчь Наполеона III-го въ сенатѣ и его самоувѣренная гордость непріятны были для нашего народнаго самолюбія, но въ словахъ врага слышалась доля горькой истины!

Грустно разоблачать минувшее, но мы его пережили, мы выплатили дань заблужденіямъ... Послѣдняя война во многомъ измѣнила

ное количество лимоновъ; вмѣсто хины, подмѣшивали горькія вещества, хину продавали на сторону. Главный докторъ не былъ причастенъ къ этому мошенничеству аптекаря и комиссара; его вина была другого рода, какъ слѣдствіе поборовъ.

Въ госпиталѣ, даже раненымъ офицерамъ подавали супъ съ тараканами. Артиллерійскій офицеръ А. П. Поповъ, кажется, показывалъ такое блюдо посѣтившей госпиталь г-жѣ Стаховичъ.

Многіе смѣшили воспользоваться временемъ и ковали желѣзо, пока оно было горячо. Въ резервной пѣхотной бригадѣ, подъ Замостьемъ, полковникъ Г* былъ того мнѣнія, что съѣстное не грѣхъ брать у другихъ; онъ ссылался на царя Давида, который, для утоленія голода, взялъ просфору въ храмѣ... Командиръ отпускалъ на востелъ припасы въ десятичныхъ дробныхъ, предоставляя солдатамъ заботиться самимъ о своихъ желудкахъ, и тѣ по ночамъ бандами отправлялись въ поля копать картофель, да ловить коровъ съ телятами... Вѣдь это все съѣстное! Доносы не подѣйствовали. Г* выдалъ дочь свою за казначея съ уступкою въ приданое—половину доходовъ съ бригады и, конечно, на другой годъ разсорился съ своимъ зятемъ.

Въ томъ же 1855 году, въ пѣхотной дивизіи, квартировавшей въ Эстляндіи, изъ 11-ти т. человекъ перемерло до 2-хъ т. По представленію дворянства, назначено было разслѣдованіе о возмутительныхъ дѣйствіяхъ, въ особенности въ бригадѣ Б..... Довольно того, что провіантъ для солдатъ переданъ въ руки помѣщиковъ; отъ нихъ раздавался печеный хлѣбъ людямъ. Разъ къ помѣщику Фитингофу явился фельдфебель изъ роты Θ^* съ просьбою — отпустить вмѣсто хлѣба по $7\frac{1}{2}$ ф. муки на человѣка; ему отказали. Черезъ полчаса вторично приходить фельдфебель, но уже весь избитый и окровавленный... Его освидѣтельствовали и отправили въ лазаретъ кавалерійскаго полка (кажется, въ полковнику Энгельгардту). Вскорѣ ворвался въ комнаты самъ капитанъ Θ^* . бывшій, какъ говорится, на готовѣ. Онъ выставилъ необходимость отпуска муки въ роту для хозяйства и для удовлетворенія требованія начальства по нѣскольку фунтовъ съ каждаго человѣка... Капитана выпроводили изъ дома.

На одномъ обѣдѣ участвовали начальникъ дивизіи, извѣстный по дѣлу валахской милиціи, полковникъ Энгельгардтъ, исправникъ Буксгевденъ и маіоръ Z*, прибывшій съ резервнымъ баталіономъ Нарвскаго полка. Послѣдній хвастался, что у него больныхъ солдатъ не бываетъ... „Дамъ 25 розогъ, да и спрошу о здоровьѣ; кто отвѣтается больнымъ, еще накинну!“ Тутъ исправникъ заявилъ, что въ лѣсу найдены законанными въ землѣ четыре человѣка... Не знаю, что

ШТУРМЪ МАЛАХОВА КУРГАНА

27-го и 28-го августа 1855 г. ¹⁾.

27-е августа 1855 года исторія впишетъ въ свои страницы кровавыми буквами. День, ознаменованный гибелью нѣсколькихъ десятковъ тысячъ храбрыхъ и равно славный для обѣихъ сражавшихся сторонъ. Но искупить-ли эта огромная, кровавая жертва благоденствіе народовъ или только удовлетворитъ нѣсколько ненасытныхъ самолюбіи, которыя попираютъ спокойствіе и жизнь милліоновъ для личнаго своего возвышенія или для упрямаго осуществленія своихъ частныхъ идей. Коимъ хотятъ подчинить выгоды цѣлаго міра, — взвѣситъ и осудитъ безпристрастная исторія!...

Я же расскажу происшествія этого кроваваго дня такъ, какъ видѣлъ ихъ самъ и какъ они переданы мнѣ участниками великой драмы, совершившейся въ стѣнахъ Севастополя.

¹⁾ «Не для печати, но для себя. Не для печати потому, что здѣсь много есть лишняго, высказаннаго тихомолкомъ, и не для исторіи по той причинѣ что еще далеко не полно; первая попытка къ собранію фактовъ, такъ сказать, канва, по которой сказаніе о штурмѣ будетъ мало по малу выясняться въ настоящемъ свѣтѣ и истинѣ.»

О. Константиновъ.

Къ этому примѣчанію автора, нынѣ покойнаго, присоединяемъ свѣдѣніе о его служебной дѣятельности. Статскій совѣтникъ Осипъ Ильичъ Константиновъ род. въ 1813 году. Отецъ его былъ убитъ при взятіи Праги Суворовымъ. На восьмомъ году О. И. отданъ въ 1-й кадетскій корпусъ, откуда въ 1832 г., 19-ти лѣтъ, вышелъ въ офицеры въ 1-ю конную артиллерійскую роту. Въ 1840 году перешелъ въ гражданскую службу, былъ вызванъ главнокомандующимъ Кавказскаго края въ Тифлисъ и состоялъ при немъ; въ то же время издавалъ газету «Кавказъ». Составилъ сборникъ: «Путеводитель для е. и. в. вел. кн. Государя Наслѣдника во время путешествія по Кавказу» — при которомъ онъ и состоялъ. Константиновъ составилъ также «Исторію Русскаго владычества на Кавказѣ». Въ 1848 г. вернулся въ Петербургъ и состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министерствѣ. Въ началѣ дунайской и сева-
стопольской кампаніи прикомандированъ къ кн. Горчакову, при которомъ и оставался все время до конца военныхъ дѣйствій. Вернувшись въ Петербургъ,

Считаю необходимымъ еще разъ повторить, что севастопольскія укрѣпленія съ сухопутной или южной стороны не существовали до появленія союзниковъ у Камыша и Балаклавы, за исключеніемъ нѣсколькихъ батарей, соединенныхъ между собою каменными, изъ бутоваго камня, стѣнками и земляными валами безъ рововъ. Сплошная оборонительная линія стала воздвигаться на-скоро, предъ глазами непріятеля, когда онъ уже приступилъ къ заложению первой своей параллели. Осаждающій съ самаго начала повелъ атаку противъ праваго нашего фланга, гдѣ искусство Тотлебена соединило всѣ усилія гарнизона для быстрого созданія сильной обороны. На лѣвомъ же флангѣ, не угрожаемомъ непріятелемъ, ограничились только разбивкою линій укрѣпленій, вырытіемъ широкаго и глубокаго рва предъ Малаховымъ курганомъ, выведеніемъ оборонительной прямолинейной стѣнки отъ онаго до 2-го бастиона изъ бутоваго камня и вооруженіемъ послѣдняго девятью шестнадцати-фунтовыми коронадами. Корабельная сторона долгое время оставлена была запитѣ батареей, называемой первымъ бастиономъ, 2-го бастиона и Малаховой башни¹⁾. Только въ концѣ ноября приступили къ возведенію верковъ Малахова кургана.

Вообще нужно принять во вниманіе чрезвычайную трудность, которую мѣстность съ южной стороны Севастополя представляла для фортификаціи. И въ мирное время она требовала бы долгихъ и зрѣлыхъ соображеній опытнаго инженера, а тутъ приходилось быстро, въ виду непріятеля, импровизировать надежную оборону при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ и притомъ еще подчинять ее уже существовавшимъ на важнѣйшихъ пунктахъ отдѣльнымъ люнетамъ, казематированнымъ батареямъ и оборонительнымъ казармамъ, расположеннымъ весьма невыгодно для соблюденія общей связи и взаимной ихъ обороны. Все протяженіе полукруглой линіи, длиною въ нѣсколько верстъ, требовавшей непрерывнаго пояса верковъ, раздѣлялось южной бухтой на двѣ, совершенно отдѣльныя, части, независимыя между собою и долженствовавшія имѣть отдѣльныя, самостоятельныя гарни-

написалъ исторію севастопольской кампаніи, и, 4 мѣсяца спустя, умеръ внезапно 3-го мая 1856 года, на 43 году, возвратившись отъ обѣда у кн. А. С. Меншикова. Трудъ Константинова не былъ изданъ и, вѣроятно, остался въ бумагахъ кн. Меншикова, который былъ расположенъ къ О. И. Константинову и часто съ нимъ видѣлся.—Предлагаемая статья есть не болѣе какъ отрывокъ изъ помянутаго труда, переданный на страницѣ «Русской Старины» дѣтими покойнаго.

Ред.

¹⁾ Мнѣ говорили, будто бы Тотлебенъ съ самаго начала просилъ князя Меншикова уничтожить эту башню, которая могла только привлечь на себя усилія атакующаго и быть намъ болѣе вредною, чѣмъ полезною, ибо самые камни опой, какъ и было, поражали.

О. К.

зоны. Каждая же часть, въ свою очередь, была раздроблена глубокими оврагами, между коими возвышались далеко впередъ высунувшіеся уступы, которые уже прежде, какъ я упоминалъ, до почвленія союзниковъ въ Крыму, были заняты батареями, обращеннымъ въ послѣдствіи въ основанія бастіоновъ, исходящіе углы коихъ отстояли между собою на 400 и даже нѣкоторые болѣе, чѣмъ на 500 сажень, такъ что вовсе лишены были фланговой взаимной обороны, а потому принуждены были, по мѣрѣ потребности противодѣйствія непріятелю, воздвигать на фасахъ бастіоновъ и на соединительныхъ между ними стѣнкахъ отдѣльные редуты, батареи и люнеты. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ осады, на правомъ флангѣ, отъ Малахова кургана до 6-го бастіона включительно, образовалась весьма сильная и надежная оборона съ верками значительной профили, до конца осады устоявшихъ противъ опустошительнаго огня непріятеля.

Но Малаховъ курганъ—ключъ нашей позиціи, самая возвышенная и болѣе всѣхъ выдававшаяся впередъ точка, имѣющая въ планѣ форму овала, представляла всего болѣе мѣстныхъ трудностей; притомъ, по окраинѣ передней вершины ея, возвели полукруглый фасъ. Командовавшій на курганѣ контръ-адмиралъ Истоминъ, довѣрясь командиру 6-го сапернаго баталіона, подполковнику Ползикову, не хотѣлъ подчиниться правиламъ инженернаго искусства и настаивалъ, чтобы фасъ передъ башней былъ закругленъ, будто бы для лучшаго обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности, а также и прочіе прилежащіе верки расположилъ по своей фантазіи. Адмиралъ Корниловъ, уважавшій Истомина, упросилъ Тотлебена не вмѣшиваться въ эти работы и, такимъ образомъ, влияніе Тотлебена на Корабельную сторону на долгое время вовсе было отклонено.

Съ лѣвой стороны кургана 2-й бастіонъ отстоялъ отъ этой дуги на 300 сажень и соединялся съ нею прямолинейною стѣнкой, а съ правой (выдавался) исходящій уголъ 3-го бастіона болѣе чѣмъ на 400 сажень. При такихъ мѣстныхъ условіяхъ, Малаховъ курганъ лишень былъ фланговой обороны, а по возвышенному своему положенію передъ переднимъ фасомъ онаго, впереди рва, сажень на 17, образовалось мертвое пространство. Съ лѣваго же плеча онъ подвергался прорыву непріятеля сквозь слабую стѣнку, въ тылъ, почему, при расположеніи его верковъ, имѣли въ виду образовать изъ него сильное сомкнутое самостоятельное укрѣпленіе, какъ бы цитадель, которое могло бы держаться даже тогда ¹⁾, когда бы пали не только собственно городъ, но

¹⁾ Для этой цѣли предполагалось учредить на Малаховомъ курганѣ провіантскій магазинъ на мѣсячное продовольствіе гарнизона.

даже 2-й и 3-й бастионы. На этомъ основаніи горжу его закрыли ¹⁾ и отдѣлили сзади глубокимъ и широкимъ ровомъ.

Между тѣмъ, какъ непріятель направлялъ апроши свои противъ 4-го бастиона, Корабельная сторона до конца ноября оставалась почти беззащитною и въ совершенномъ покоѣ. Почему союзники съ самаго начала не повели атаки на этотъ слабѣйшій пунктъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составлявшій ключъ всей позиціи, могутъ объяснить лишь союзные инженеры.

Оборотъ наступательнаго движенія 24-го октября не дозволилъ удержать намъ возвышенность на Сапунъ горѣ, гдѣ потомъ непріятель воздвигъ редутъ Капробера, признанную необходимою для обезпеченія лѣваго фланга; а какъ подобное наступленіе еще имѣли въ виду, то, для опорныхъ ему точекъ впереди оборонительной линіи, въ 280 саж., приступили къ возведенію передовыхъ укрѣпленій: Селенгинскаго и потомъ Волынскаго ²⁾). Наступательныя движенія на Сапунъ гору не состоялись, а между тѣмъ передовыя редуты сохранены, и съ Камчатскимъ лонетомъ составили передовую оборонительную линію лѣваго фланга. Постройка этихъ укрѣпленій и удержаніе ихъ до конца стоили намъ до 20 т. человекъ и за ними считали Корабельную сторону совершенно обезпеченною, такъ что оборонительная линія всего пространства, отъ бухты, близъ устья Килень-балки, до кургана почти не была усиливается новыми работами, кромѣ только того, что отъ 1-го бастиона къ бухтѣ вывели стѣнку, дали настоящій видъ 2-му бастиону и вмѣсто 16-ти фунтовыхъ коронадъ вооружили его 24-хъ фунтовыми пушками.

Взятіе непріятелемъ передовыхъ редутовъ 26-го мая однимъ ударомъ уничтожило переднюю линію обороны лѣваго фланга и обнажило союзникамъ Севастополь съ самой слабѣйшей стороны. Атакующій это видѣлъ, понадѣялся и возымѣлъ смѣлость штурмовать Корабельную

¹⁾ Мысль закрыть горжи бастионовъ предложена Тотлебеномъ и была оспаривасма инженеръ-капитаномъ Фолькмутомъ. Мысль эта приведена въ исполненіе на 4-мъ бастионѣ въ ноябрѣ, но какъ на немъ, такъ и на другихъ, за исключеніемъ Малахова кургана, горжи были разметаны снарядами непріятеля и это обстоятельство спасло всѣ прочіе бастионы въ день штурма 27-го августа
О. Е.

²⁾ Поэтому имъ дали профиль и расположеніе не самостоятельныхъ и надежныхъ, но полевыхъ укрѣпленій. Впрочемъ, это показаніе противорѣчитъ уже объясненному мною прежде въ отношеніи цѣли передовыхъ укрѣпленій, какъ начала наступательныхъ нашихъ дѣйствій посредствомъ постепеннаго выдвигенія рядами укрѣпленій. Настоящая цѣль заложения передовыхъ укрѣпленій, вѣроятно, будетъ объяснена въ «Инженерномъ журналѣ». О. Е.

и былъ отбитъ, 6-го іюня, съ огромнымъ урономъ не по неприступности верховъ, но, можно сказать, отраженъ грудью гарнизона.

Это, однако, не охладило энергической дѣятельности непріятеля: подвигая свои апроши и батареи, онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сталъ обхватывать смертоноснымъ поясомъ курганъ и его плечи. Тогда съ нашей стороны признали уже позднимъ усилить оборону лѣваго фланга, а съ необыкновенною дѣятельностію приступили къ возведенію второй оборонительной линіи, и именно тогда начали строить Генерихову батарею, когда подступы атакующаго уже находились въ 70-ти саженьяхъ отъ 2-го бастиона, и онъ открылъ на Камчатскомъ люнетѣ 10-ти пушечную батарею, показавшую, какъ можетъ она быть губительна, въ особенности 2-му бастиону. Въстѣ съ тѣмъ предполагено было, по окончаніи этой второй линіи, уничтожить первую взрывомъ сперва бастиона № 2-й, миною во 100 пудовъ пороха, вторымъ взрывомъ оборонительную стѣнку до мортирной батареи у ротатки, и третьимъ—мортирную и 12-ти пушечную батарею, такъ какъ вся эта линія и по мѣстности, и по своему выдавшемуся расположенію не представляла надежной обороны. Предположеніе это приводилось въ исполненіе и для его осуществленія только ожидали полученія гальваническихъ проводниковъ, когда послѣдовалъ приступъ 27-го августа.

Кромѣ всѣхъ этихъ работъ, воздвигались батареи и обширные оборонительные верки на сѣверной сторонѣ, а также въ самомъ Севастополѣ, на случай, если бы атакующій взялъ штурмомъ оборонительную линію и гарнизону пришлось бы шагъ за шагомъ отступать къ переправѣ. Такимъ образомъ постоянно, съ открытія до окончанія осады, вся система укрѣпленій и необходимыхъ работъ была несообразна съ числомъ ружъ гарнизона, несмотря на его многочисленность.

Вотъ въ какомъ стѣснительномъ положеніи были инженеры въ Севастополѣ и, притомъ, должно сознаться, что со времени, когда Тотлебенъ былъ раненъ и принужденъ былъ покинуть городъ, т. е. послѣ отбитаго штурма, душа оставила инженерное искусство. Работы хотя и производились весьма дѣятельно, но инженеры уже не имѣли прежней энергіи и того авторитета, который при Тотлебенѣ сдвигалъ цѣлыя горы, если это онъ признавалъ нужнымъ. Многія его предположенія вовсе не были приведены въ исполненіе¹⁾.

При такомъ ходѣ дѣлъ непріятель открылъ, 5-го августа, бомбардированіе по нашимъ веркамъ съ самаго близкаго разстоянія, направляя огонь преимущественно на Корабельную сторону.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, предполагено было въ глубокомъ рву горжи Малахова кургана, въ эскарпѣ и контръ-эскарпѣ, прорыть блиндажи въ родѣ пещеръ и соединить площадь кургана съ рвомъ потернами.

Апроши атакующаго почти касались нашихъ верховъ, батареи его заключали въ себѣ до 300 мортиръ и до 800 орудій, которыя дѣйствовали по нашимъ насыпямъ прицѣльно, снарядами разрывными,—и такъ, то ослабляя, то усиливая огонь, громили непрерывно двадцать трое сутокъ. Съ нашей стороны дѣйствовало 1,200 орудій, но при сухопутной доставкѣ снарядовъ на далекое пространство, мы не имѣли возможности постоянно поддерживать равносильный огонь, въ особенности разрывными снарядами, которыхъ подъ конецъ осады уже не доставало,—большая часть орудій молчала¹⁾.

Непріятель имѣлъ на батареяхъ одну артиллерійскую прислугу съ необходимымъ числомъ прикрытія въ траншеяхъ, а мы, ежеминутно ожидая приступа, должны были держать на готовѣ и по близости пятидесяти тысячный гарнизонъ. Притомъ, на лѣвомъ флангѣ мѣстный каменистый грунтъ оказывалъ пагубное свойство; тонкій слой земли, покрывавшій мѣстность, былъ снятъ на возведеніе брустверовъ, остались площади голаго камня, въ особенности на Малаховомъ курганѣ, и большая часть послѣдовавшихъ исправлений производилась насыпкою въ туры единственнаго подъ рукою матеріала — крупнаго щебня, рассыпавшагося и поражаваго людей при каждомъ ударѣ снаряда въ траверсъ, мерлонъ или въ каменныя площади обнаженнаго грунта.

Непріятельскія батареи, то залпами изъ всѣхъ орудій, то бѣглымъ артиллерійскимъ огнемъ, громили наши верки и безостановочнымъ штурпернымъ огнемъ поражали людей: щиты изъ троса были разбиты и пули поражали прислугу сквозь амбразуры. Мы теряли въ сутки отъ 600 до 1,500 человекъ, но продолжали по ночамъ, подъ картечнымъ огнемъ съ ближнихъ батарей атакующаго, исправлять поврежденія; трудъ напрасный: камни и сухая, разбитая земля не имѣли никакой связи и каждый ударъ снаряда разрушалъ снова то, что стоило страшныхъ усилій и жертвъ.

Насыпи уже отказались прикрывать своихъ защитниковъ, гибнувшихъ тысячами, но съ мужествомъ продолжавшихъ непоколебимо стоять подъ губительнѣйшимъ огнемъ, ожидая мгновенія, когда врагъ

¹⁾ Непріятель постоянно имѣлъ перевѣсъ надъ нами въ артиллерійскомъ огнѣ, во-первыхъ, потому, что у него втрое было мортиръ, самаго губительнѣйшаго для насъ оружія; во-вторыхъ, что его выстрѣлы сконцентрировывались, тогда какъ наши расходились. Съ начала всякаго бомбардированія мы принуждали замолчать многія изъ его батарей, но потомъ не могли выдерживать равнаго боя за недостаткомъ снарядовъ или пороха, которые должны были сбегать на случай рѣшительный—штурма. О. Е.

бросится на штурмъ, чтобы грудью остановить его стремленіе и штыками выбросить за развалины своихъ окоповъ.

Но что такое былъ въ это время и что значилъ Севастополь, это яблоко, за которое съ обѣихъ сторонъ нѣсколько сотъ-тысячныя арміи боролись и гибли уже одиннадцатый мѣсяць?...

Самый городъ, за исключеніемъ небольшого числа строеній, прилегавшихъ въ западному берегу южной бухты, представлялъ груды обгорѣлыхъ развалинъ. Матеріалы флота, заключавшіяся въ его складахъ, уже были всѣ или увезены, или обращены на разныя постройки обороны. Правда, Севастополь прикрывалъ собою главную бухту и остатки нашего флота, жаль было его, въ особенности не парусныхъ судовъ, но пароходовъ, но они и при удержаніи города могли быть сожжены бомбами и ракетами непріятеля, осыпавшими послѣднее время всю бухту; съ паденіемъ же Севастополя, но при существованіи сѣверныхъ фортовъ и батарей, эта бухта могла бы быть только нейтральною и все-таки запертою для входа въ нее союзныхъ флотовъ. Слѣдовательно, продолженіе обороны было уже не продолженіе защиты Севастополя, какъ важнаго города и военного пункта, но единственно отстаиваніе чести русскаго оружія, а со стороны непріятеля—соперничество въ преодолѣніи нашихъ усилій. Съ обѣихъ сторонъ упорная борьба не за существенныя выгоды, а изъ-за раздраженнаго самолюбія, и съ окончаніемъ осады обѣимъ сторонамъ равно предстояла необходимость окончить споръ въ открытомъ полѣ. Но стояла-ли эта ожесточенная борьба самолюбій тѣхъ потоковъ крови, которые проливались ежедневно, и жизни тысячей, которыя каждыя сутки приносились въ жертву народнымъ тѣславіямъ. Слава русскаго оружія, утвержденная одиннадцати мѣсячною обороною укрѣпленій противъ усилій, постоянно превосходящаго числомъ и средствами, непріятеля, уже не нуждалась въ доказательствахъ большей стойкости и геройскаго самоотверженія, какія представило міру русское воинство. Оно исполнило свое дѣло и продолжало бы еще долго отстаивать Севастополь даже однимъ своимъ тѣломъ и безропотно умирать на его стѣнахъ, но велѣтъ долѣе защищать городъ, потерявшій свою матеріальную важность, защищать однѣ развалины, или, вѣрнѣе, одну идею, одно имя,— было бы жестокостью, ничѣмъ не извинительною, бесполезнымъ пролитіемъ крови воиновъ, драгоценныхъ отечеству и нужныхъ ему для предстоящихъ еще болѣе важныхъ битвъ.

Сознаніе этой великой истины побудило главнокомандующаго рѣшиться на оставленіе южной стороны Севастополя, и вы, быть можетъ, удивитесь, если я скажу, что это рѣшеніе породило въ гарнизонѣ

самыя тягостныя чувства. Добровольно уступить врагу валы и клокъ земли, упитанный кровью десятковъ тысячей братій, показалось всѣмъ пожертвованіемъ невыносимымъ и всѣ готовы были лучше умереть, нежели спасти жизнь цѣною подобной уступки.

Оставить Севастополь рѣшено было вскорѣ послѣ 4-го августа; но для приведенія этого важнаго дѣла въ исполненіе, въ виду сильнаго непріятели, тогда какъ онъ уже почти касался своими апрошами нашихъ рововъ,—требовалось особенно удобнаго времени, чтобы скрыть это отступленіе, и притомъ отступить безъ боя считали несвойственнымъ чести оружія. Это понятіе о чести стоило намъ однако же лишннихъ 30 т. человекъ, выбывшихъ изъ строя съ 5-го по 28-е августа. Впрочемъ, не эти однѣ причины задержали отступленіе, а главное то, что мостъ, который хотя строился и не для ретирады, но для облегченія сообщеній, еще не былъ готовъ, какъ равно минныя работы подъ Малаховымъ курганомъ и фортами для поднятія ихъ на воздухъ.

Тѣмъ временемъ, атакующій, ослабившій канонаду, такъ что ежедневная потеря наша стала было уменьшаться до 600 человекъ, съ 24-го августа возобновилъ жесточайшій огонь прицѣльно, по веркамъ, съ явнымъ намѣреніемъ демонтировать наши орудія. Обыкновенно съ разсвѣтомъ онъ билъ залпами со всѣхъ своихъ батарей и продолжалъ бѣглый артиллерійскій огонь до 9-ти часовъ утра, постепенно ослабляя пальбу; около полудня снова возобновлялъ канонаду, которая стихала по немногу подъ сумерки, и вечеромъ въ третій разъ открывала ожесточенную пальбу, соединявшуюся ночью съ бомбардированіемъ и картечнымъ огнемъ, съ цѣлію мѣшать исправленіямъ верковъ. Но верки наши уже пришли, болъшею частію, на лѣвомъ флангѣ въ такое разрушеніе, что ихъ надо было не исправлять, а вновь возводить; рѣшеніе же въ скорости покинуть Севастополь заставляло падать людей, долженствовавшихъ гибнуть бесполезно на работахъ. Производились исправленія только необходимыя: насыпка земли на пороховые погреба, блиндажи, расчистка амбразуръ, доканчивалась вторая оборонительная линія на лѣвомъ флангѣ, ретраншаментъ и барбетъ для полевыхъ орудій на Малаховомъ курганѣ и минныя работы.

Правый флангъ нашъ былъ еще такъ силенъ, что могъ по временамъ отвѣчать непріятелю равнымъ огнемъ; но лѣвый—почти вовсе молчалъ. Настоящаго положенія Малахова кургана не хотѣли понять и были убѣждены, что непріятель скорѣе атакуетъ 5-й и 6-й бастионы, чтобы овладѣть городомъ и мостомъ и тѣмъ, пресѣча путь отступленія, заставить гарнизонъ сдаться.

Огонь союзниковъ, съ 24-го августа по самый моментъ штурма, былъ такъ силенъ, что большая часть мерлоновъ была скрыта, засыпанныя землею орудія не въ состоянїи были дѣйствовать, прислуга перебита и даже не было возможности убирать тѣла убитыхъ. Въ сутки выбывало пзъ гарнизона и артиллерійской прислуги болѣе чѣмъ по 2 т. человекъ. 24-го числа сосчитано, что союзники выпустили до 70 т. ядеръ и до 16 т. бомбъ и гранатъ въ однѣ сутки.

24-го числа сгорѣлъ въ бухтѣ, у сѣвернаго берега ея, отъ непріятельской бомбы транспортъ „Дунай“, съ складомъ воды и смолы; 25-го, такимъ же образомъ, сгорѣлъ фрегатъ „Коварна“, а вечеромъ слѣдующаго дня ракета подняла на воздухъ, у самой Николаевской пристани, только что причалившій баркасъ съ 140 пудами пороха, а другой, слѣдовавшій за нимъ съ тѣмъ же количествомъ пороха, затопило дѣйствіемъ взрыва. Городъ во многихъ мѣстахъ загорѣлся отъ ракетъ, бросаемыхъ непріателемъ настильно.

По утру 27-го августа огонь осаждающаго казался слабѣе, стрѣляли рѣже, но болѣе мѣтко и съ болѣшимъ вредомъ.

Въ 8 часовъ утра предъ Малаховымъ курганомъ непріятель взорвалъ, въ ближайшей своей траншеѣ, три колодца. Чтобы оттянуть штурмъ до времени, когда подойдутъ къ намъ снаряды, и съ цѣлю завести предъ курганомъ подземную войну, подобную той, какая велась предъ 4-мъ бастиономъ, у насъ были выведены минныя галлерей изъ рва Малахова (кургана) къ передовымъ подступамъ атакующаго. Онъ слышалъ наши подземныя работы, боялся дѣйствія минъ въ минуту уже приготовленнаго имъ штурма, и потому для успокоенія своихъ войскъ, опасавшихся взрыва минъ, когда они пойдутъ на приступъ, сдѣлалъ три взрыва булевыми колодцами. Но наши рывава еще не дошли на 4 сажени отъ его апрошей и мины не были заражены, а потому взрывы его не имѣли никакого дѣйствія на галлерей.

Послѣ 9-ти часовъ утра непріятель въ этотъ день, какъ и въ предшествовавшіе, значительно ослабилъ свой огонь, нарочно давая гарнизону возможность предаться около полудня обыкновенному отдыху, съ тѣмъ, чтобы этимъ воспользоваться. Тѣмъ временемъ, траншеи его скрытно наполнялись людьми, перебѣгавшими съ заднихъ, а къ послѣднимъ стягивались сильныя колонны. Движеній этихъ изъ Севастополя не было видно, но замѣтили стягиваніе войскъ въ траншею въ началѣ 12-го часа утра съ телеграфа на Инкерманъ, и дали объ этомъ въ городъ сигналъ. По странному стеченію обстоятельствъ, №№ 14 и 39 сигналовъ, вмѣсто того, какъ бы слѣдовало: сильныя колонны идутъ на Корабельную, сигналы означали: непріятель-

скій флотъ на Корабельную. Разумѣется, сигнала не появили и послали изъ города на телеграфъ за объясненіемъ ¹⁾).

Между тѣмъ непріятель далъ три залпа изъ всѣхъ своихъ батарей и густыя цѣпи въ нѣсколько линій, поддерживаемыя резервами въ колоннахъ, внезапно выскочили изъ траншей и стремительно бросились на наши верки; пробѣжать 18 сажень, раздѣлявшихъ траншеи отъ Малахова и притомъ пространство, ни откуда не обстрѣливаемое, французамъ нужно было одно мгновеніе, и въ тотъ же моментъ трехцвѣтное знамя водружено на оконечности кургана.

Почти въ тоже время линія штурмующаго бросились на второй бастионъ и оборонительную стѣнку до Малахова кургана. На 2-мъ бастионѣ два баталіона Олонецкаго полка и выше, на стѣнкѣ, до рогатки, другіе два баталіона того же имени и Муромскій полкъ, лишь только завидѣли французовъ, выскочившихъ изъ траншей, бѣжали за вторую оборонительную линію, но два орудія съ 2-го бастиона успѣли дать по выстрѣлу картечью. Штурмующій безпрепятственно взбѣжалъ на валъ, бросая на бѣгущихъ Олонцевъ тучи камней, заклепалъ часть орудій, проникъ въ Ушакову балку, даже на 2-й линіи на мгновеніе занялъ Генерихову батарею, но тогда, противъ 2-го бастиона, Кременчугскій полкъ, баталіонъ Бѣлозерскаго и потомъ два Олонецкаго, предъ тѣмъ сбитые, а противъ стѣнки баталіонъ Шлиссельбургскаго и Сѣвскій полкъ, съ крикомъ „ура!“, со второй линіи ударили въ штыки: трехцвѣтныя знамена исчезли, густыя цѣпи штурмующаго, устилая поле своими трупами, отхлынули назадъ въ траншеи, орудія наши начали расклепывать, а батареи сѣверной стороны открыли учащенную пальбу ядрами, бомбами и гранатами по траншеямъ, куда начали набѣгать подкрѣпленія изъ заднихъ въ передніе подступы. Въ тоже время пароходы: „Владиміръ“, „Херсонесъ“ и „Одесса“, на парахъ подоидя къ устью Килень-балки, бомбами осыпали все пространство, пересѣченное зигзагами непріятельскихъ подступовъ, нанося наполнявшимся ихъ людямъ жестокой уронъ. Несмотря на это, французы снова пошли на приступъ. На 2-мъ бастионѣ бывъ встрѣчены бѣглымъ ружейнымъ огнемъ всей линіи и съ фланга картечью съ Парижской батареи, отступили, а противъ стѣнки снова прорвались у рогатки, но вторично были отброшены штыками.

Пароходъ „Херсонесъ“, подоидя въ непріятельской батареѣ вплоть къ берегу по ту сторону устья Килень-балки, выйдя изъ-подъ ея

¹⁾ Впрочемъ, секреты предъ Малаховымъ курганомъ, на зарѣ, замѣтили непріятельскія войска въ полной формѣ, о чемъ было домесено и растолковано, что въ этотъ день быть штурму, но никакъ не ожидали его въ полдень. О. Ж.

выстрѣловъ, поражаель какъ ее, такъ и вдоль всей Килснъ-балки, но у него бомба разбила машину и самъ онъ сталь на мель, откуда отбуксироваль его пароходъ „Одесса“, спустя полчаса.

2-й бастьонъ и стѣнка до кургана были слабѣйшіе пункты изъ всей нашей оборонительной линіи, а между тѣмъ приступъ на нихъ дважды былъ ужъ отбитъ, тогда какъ рядомъ, на Малаховомъ курганѣ, считавшемся трудно поборимымъ, трехцвѣтное знамя продолжало развѣваться съ самаго начала своего водруженія, только отходя назадъ или подаваясь впередъ, смотря по тому, на чью сторону клонился нерѣшительный, долго длившійся тамъ жестокий бой. Это знамя подстрекало французовъ къ новымъ усиліямъ противъ 2-го бастьона. Они выставили въ 3 часа пополудни, правѣ Камчатскаго люнета, полевую батарею о 6-ти орудіяхъ и начали картечью обстрѣливать первую и вторую линіи, но сѣверныя укрѣпленія и пароходы засыпали ее бомбами и ядрами: два зарядные ящика взорвало и послѣ пятой или шестой очереди картечи, остатки батареи снялись и укрылись за Камчатку. Вновь выѣхавшая другая полевая батарея испытала ту же участь; вслѣдъ затѣмъ, третій ожесточенный напоръ, въ 5-мъ часу, сдѣлалъ, наконецъ, французовъ обладателями первой линіи 2-го бастьона и оборонительной стѣнки, тянувшейся къ кургану. Вдругъ страшный взрывъ пороховаго погреба въ линіи этой стѣнки поднялъ на воздухъ часть французовъ, остальные дрогнули, бѣжали со всей линіи, наши провожали ихъ штыками, потомъ картечью, и на 2-й бастьонъ и стѣнку послѣ того уже нападенія не возобновлялись.

Для атаки Малахова кургана, какъ самаго важнаго пункта, неприятель сосредоточилъ огромныя силы.

Штурмующая колонна (числомъ до 3,300 человекъ) по обрушившемся валу вскочила на брустверъ безъ выстрѣла, гдѣ при орудіяхъ находилась часть только прислуги и на банкетѣ нѣсколько людей. Гарнизонъ, состоявшій изъ 1,400 человекъ полковъ 15-й резервной дивизіи, мало обстрѣленной и не надежной, вовсе не ожидаи штурма въ этотъ часъ, обѣдалъ въ блиндажахъ, укрываясь отъ страшнаго навѣснаго и прицѣльнаго огня, опустошительно дѣйствовавшаго за минуту предъ тѣмъ, и французовъ некому было встрѣтить. По тревогѣ, люди выскакивали изъ блиндажей, хватали ружья, составленные въ козла, бросались на свои мѣста, но брустверъ уже былъ занятъ и прикрытие Малахова принуждено было отойти за ретраншаментъ. Ретраншаментъ этотъ только наканунѣ былъ на-скоро оконченъ, но, къ несчастію, не вооруженъ, какъ предполагалось, тремя каронадами, для которыхъ были устроены плацформы, и самыя орудія, со всею принадлежностію, не доставлены на курганъ артиллерійскимъ вѣ-

домством¹⁾; равнымъ образомъ, на барбетъ, возведенные собственно на случай штурма, тоже не были поставлены полевые орудія и, такимъ образомъ, не было внутренней обороны, не было возможности очищать картечью первую, предъ ретраншаментомъ, площадку, ежеминутно наполнявшуюся прибывающими силами неприятеля. Одна ружейная пальба малочисленного гарнизона изъ-за ретраншамента не въ силахъ была остановить и отбросить натискъ французовъ. Тѣмъ временемъ колонны ихъ, войдя съ лѣваго плеча Малахова кургана, со стороны 2-го бастиона, по стѣнкѣ отъ 12-ти пушечной батареи, орудія съ коей предъ тѣмъ были смѣщены на вторую оборонительную линію, ударили во флангъ гарнизону и заставили его отступить на вторую площадку, огражденную траверсами, блиндажами и пороховыми погребами. Эти самыя постройки послужили прикрытіемъ неприятелю, откуда онъ открылъ морскую перестрѣлку и бросалъ тучи камней, а между тѣмъ сзади его прибывали свѣжія подкрѣпленія по накинутымъ чрезъ ровъ мостамъ и прорытымъ въ валу входамъ. Часть этихъ силъ, по занятіи ретраншамента, обратилась на лѣво, ударила чрезъ Корнилова батарею во флангъ батареи Жерве, и отгѣснила къ правой оконечности егерской е. и. в. Михаила Николаевича полкъ.

Но въ это время генералъ Хрулевъ съ Брянскимъ (кн. Горчакова) полкомъ двинулся въ горжу Корнилова бастиона, но тутъ же былъ раненъ, а генералъ Юферовъ—убитъ. Генералъ Лисенко, принявшій команду послѣ Хрулева, тоже вскорости былъ раненъ. Не было начальнива, не было единодушія въ войскахъ, уже потерявшихъ полковыхъ своихъ командировъ, баталіонныхъ и лучшихъ офицеровъ, и всѣ частныя попытки выбить неприятеля, уже многочисленнаго, оставались тщетными, хотя для рѣшительнаго удара представился удобный моментъ, когда на лѣвомъ фасѣ Малахова кургана взорвало, среди массы неприятеля, ящикъ съ патронами и врагъ было поколебался²⁾. Наши солдаты, съ подоспѣвшими подкрѣпленіями смѣшавшись, долгое время съ ожесточеніемъ дрались въ рукопашную съ напирившимъ неприятелемъ между

¹⁾ Когда, около полуночи, инженерный офицеръ далъ знать начальнику артиллеріи на курганѣ, морскому офицеру, что платформы готовы, то онъ отвѣчалъ, что орудія успеетъ поставить и завтра. Къ постройки ретраншамента приступили послѣ 6-го іюня, но рабочихъ для сего возведенія не давали, послѣдова окончаніемъ 2-й оборонительной линіи. Дѣятельно стали оканчивать его только съ 24-го августа.

О. К.

²⁾ Съ фронта не было никакой возможности ударить на неприятеля, но можно было повести атаку съ праваго фаса, отъ Корнилова батареи, къ правый флангъ французовъ, и эта атака вѣроятно бы удалась, потому что всѣ насыпи, которыми неприятель прикрывался, были бы къ намъ не поперечныя, но продольныя, и не представляли бы ему опоры и защиты.

О. К.

траверсами и около большого порохового погреба, нѣсколько разъ переходившаго изъ рукъ въ руки; наконецъ, подавленные массами французовъ, принуждены были отступить за горжу кургана, откуда, частью на открытой мѣстности, частью пользуясь развалинами строеній, толпы нашихъ солдатъ держались до самой ночи, поддерживая сильный ружейный огонь. Нѣсколько разъ не хватало патроновъ, посылали за ними команды, но тѣ не возвращались, а разъ, хотя и привезли патроны, но не привезли капсулей. Принуждены были собирать капсули и патроны отъ убитыхъ и раненыхъ, во множествѣ устилавшихъ корабельную площадку.

3-й бастионъ, отбивъ отъ себя атаку англичанъ, вмѣстѣ съ пароходами „Бессарабія“ и „Громоносецъ“, стоявшими у входа въ южную бухту у Павловскаго мыска, бросалъ бомбы на оконечность кургана, занятую непріателемъ. „Бессарабія“ одна бросила до 600 бомбъ, но, не видя куда ложились снаряды, пароходы часто поражали и своихъ. Непріатель нѣсколько разъ пытался выйти изъ-за горжи Корнилова бастиона, но входъ въ нее стѣрла смерть, равно безопадна для обѣихъ сторонъ: никто не могъ переступить этого рубежа. И такъ, закрытая горжа, отдѣленная глубокимъ и широкимъ ровомъ, образуя изъ кургана сомкнутое укрѣпленіе на случай, если бы, какъ имѣлось въ виду, что атакующій всего скорѣе прорвется чрезъ стѣнку у рогатки, вмѣсто того, чтобы спасти курганъ отъ занятія его съ тыла, закрыла намъ всякую возможность двинуть на него массу резервовъ противъ непріателя, овладѣвшаго Малаховымъ съ фронта, ибо входъ состоялъ изъ узкаго моста чрезъ ровъ, съ той и другой стороны защищаемаго съ ожесточеннымъ упорствомъ.

Къ несчастію, союзники штурмовали Севастополь днемъ или двумя ранѣе, чѣмъ мы были готовы ихъ встрѣтить. Съ кургана опущены были двѣ подземныя потерны въ ровъ, оттуда шли галереи въ направленіи къ непріательской траншеѣ, ованчивавшіяся каморами для минъ. а другія двѣ каморы устроены, но не были заряжены, по обѣимъ сторонамъ башни, съ тою цѣлю, что когда курганъ останется во власти непріателя, то поднять его съ бастиономъ на воздухъ. Еще бы день или другой и совершилась бы страшная катастрофа!.. но Провидѣнію угодно было пощадить жизнь нѣсколькихъ тысячъ, которыя нашли бы тогда могилу подъ массами камня обрушившагося на нихъ кургана, съ ихъ трехцѣтнымъ, гордо развѣвавшимся знаменемъ, и съ нашими замолкнувшими 58-ю орудіями... Въ минныхъ галереяхъ, впереди рва, въ минуту приступа находилось 130 человекъ рабочихъ Люблинскаго полка первой смѣны и столько же второй смѣны; кромѣ

того, двѣ смѣны, каждая по 170 человекъ, Эриванскаго полка, расчищали въ это время ровъ — всѣ они захвачены въ плѣнъ.

Немного позже приступа на Малаховъ курганъ, въ самый полдень, англичане пошли на исходящій уголъ любимаго ими 3-го бастиона; батареи встрѣтили ихъ картечью съ дальней дистанціи, но англичане на этотъ разъ храбро достигли рва, завалили его и по приставленнымъ лѣстницамъ взбирались на брустверь. Владимірскій полкъ было отбѣжалъ отъ банкетовъ, но во-время подоспѣвшія рота Селенгинскаго и двѣ роты Явутскаго полковъ штыками сбрасывали въ ровъ штурмующихъ, и когда они послѣ всѣхъ тщетныхъ усилій занять бастионъ отхлынули въ свои траншеи, то смолкнувшія было орудія провозжали ихъ картечью. Оправившись, англичане снова устремились на исходящій же уголъ 3-го бастиона, но и въ этотъ, какъ и послѣдующій за тѣмъ разъ, были отбиты съ огромнымъ урономъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Часть англичанъ засѣла во рву, откуда выбилъ ихъ прапорщикъ Дубровинъ съ 48-ю охотниками. При отбитіи этихъ штурмовъ, взято въ плѣнъ: оберъ-офицеровъ 8 и нижнихъ чиновъ 128, изъ нихъ легко раненыхъ 80 человекъ. 3-й бастионъ, по отраженіи на него атакъ, открылъ навѣсный огонь на занятую французами оконечность Малахова кургана.

Въ то же время Суздальскій и Явутскій полки и дружина № 47-й Курскаго ополченія отбили приступъ на батарею Будищева и Яновскаго, а сводный Волынский и Минскій полки, на штурмовыхъ батареяхъ: Артюкова, Потемкина, Зубова и Никонова сильнымъ ружейнымъ огнемъ даже не допустили атакующаго до засѣвъ.

Такимъ образомъ оба фланга Корабельной стороны были отстоены и только средній, выдавшійся въ поле пунетъ, по оплошности гарнизона, былъ занятъ и, по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, удержанъ непріателемъ.

Атака праваго фланга началась въ 3-мъ часу пополудни, послѣ жестокаго артиллерійскаго огня. Осаждающій зналъ сильную, еще хорошо сохранившуюся оборону 4-го бастиона, быть можетъ, опасался минъ, почему и взорвалъ поутру, предъ шпирцемъ онаго, булевые колодцы, и, дѣйствительно, мины существовали, на случай штурма, предъ этимъ бастиономъ: 120 пуд. пороха въ оконечностяхъ галлерей, противъ исходящаго угла, и три меньшія; поэтому онъ и не повелъ своихъ колоннъ на 4-й бастионъ, а бросилъ ихъ на 5-й и на редуты по обоимъ бокамъ онаго, вѣроятно, намѣреваясь, какъ показывали плѣнные, по занятіи этихъ укрѣпленій, ударить въ правый флангъ, тылъ и на шпирецъ 4-го бастиона.

Съ правой стороны 5-го бастиона, на люнетъ Бѣлкина, ложиною

пошла на приступъ густая цѣпь, а за нею колонна, числительностью до 10-ти т. человекъ. Но встрѣченная со всѣхъ смежныхъ батарей картечью, была смята, опрокинута и присоединилась къ колоннѣ, стремившейся на 5-й бастионъ, гдѣ, несмотря на жестокой картечный и ружейный огонь, французы спустились въ ровъ, взбирались на брустверь, но тутъ Подольцы, стоя на валу, штыками сбрасывали въ ровъ подымавшихся. Едва эти массы были отбиты и бѣжали въ свои траншеи, какъ оттуда свѣжія колонны бросились на редутъ Шварца. Приступъ съ фронта и лѣваго фаса былъ отраженъ, но на правомъ фасѣ французы ворвались въ редутъ и тогда завязался жестокой рукопашный бой съ Житомирцами, Минцами и Екатеринбургцами, изъ коего ни одинъ французъ, изъ числа ворвавшихся, не вышелъ живой, за исключеніемъ 153 человекъ, взятыхъ въ плѣнъ. Непріятель еще бросался на Шварца редутъ, но уже не съ тою запальчивостію и былъ отбитъ огнемъ съ 6-го бастиона и люнета Бѣлкина.

Противъ оконечности праваго нашего фланга дѣйствовали суда непріятельскаго флота. Съ самаго утра 3 парохода вошли въ Стрѣлецкую бухту и оттуда бросали семипудовыя бомбы на правый фасъ 6-го бастиона, а другіе 3 парохода изъ Песчаной бухты залпами громили бомбами № 10-й; около полудня къ послѣднимъ присоединились еще два парохода и фрегатъ съ снятыми мачтами и дѣйствовали пятипудовыми бомбами; въ то же время батареи съ „Херсонеса“ и ракетная были № 10-й, 8-й и за стѣнку № 7-го, гдѣ держались наши резервы.

По отбитіи первыхъ штурмовъ на всѣхъ пунктахъ, главнокомандующій прибылъ ко 2-й (оборонительной) линіи Малахова кургана и убѣдившись, что для возвращенія Корнилова бастиона, занятаго большими массами непріятеля, потребовались бы огромныя усилія и жертвы, приказалъ генералу Шенелеву, принявшему начальство надъ войсками, находящимися на курганѣ, ограничиться воспрепятствованіемъ, во чтобы то ни стало, проникнуть непріятелю въ Корабельную слободку, удерживая до ночи разоренныя строенія на сѣверной поватости кургана.

Тѣмъ временемъ князь Горчаковъ рѣшился воспользоваться утомленіемъ непріятельскихъ войскъ для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ плана—очищенія южной стороны Севастополя. Въ 5 часовъ вечера всѣ части гарнизона получили заранѣе приготовленную для того диспозицію.

Нужно-ли было это отступленіе послѣ отбитія всѣхъ приступовъ на разные пункты оборонительной линіи, исключая Малахова?.. Отступленіе, которое возродило неудовольствіе гарнизона, въ особенности на правомъ флангѣ, гдѣ укрѣпленія были еще сильны и могли долго противустоять всѣмъ усиліямъ атакующаго?..

Правда, во власти неприятеля остался только одинъ пунктъ, но пунктъ самый важный, командовавшій обѣими частями города, и гдѣ французы, соорудивъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней сильную батарею, въ состояніи были обстрѣливать всѣ пути ретирады и даже мостъ черезъ главную бухту; они могли бы, не подвергаясь пораженію, безнаказанно губить бомбами бѣольшую часть гарнизона и заставить очистить городъ, и тогда къ чему повела бы эта напрасная, огромная жертва. Еслибъ мы даже отняли опять у французовъ курганъ, то осаждающій снова открылъ бы опустошительное бомбардированіе, и мы, не имѣя достаточнаго количества снарядовъ, должны бы были гибнуть въ бездѣйствіи тысячами ежедневно среди разрушенныхъ своихъ окоповъ, безъ пользы, безъ цѣли, только развѣ для того, чтобы еще нѣсколько дней или нѣсколько недѣль долѣе считать за собою груды камней, облитыхъ кровію и носящихъ названіе: „Севастополь!“ Такая жертва не соотвѣтствовала выгодѣ, которую мы приобрѣли бы ею.

Должно вообще замѣтить, что при осадѣ Севастополя, какъ и при всякой, если осажденный стоетъ до такой степени, какъ были русскіе, а осаждающій такъ упрямо настойчивъ, какъ французы, храбрость войскъ — дѣло второстепенной важности, а прямое вліяніе на успѣхъ осады или обороны имѣютъ матеріальныя средства. У кого болѣе этихъ средствъ, тотъ и выиграетъ. Средства же русскихъ, съ самаго начала до конца обороны, далеко уступали средствамъ союзниковъ — и результатъ былъ несомнѣненъ.

Безошибочно можно упрекнуть главнокомандующаго союзниковъ въ томъ, что онъ совершенно напрасно подвергъ смерти десять тысячъ своихъ солдатъ, бросивъ ихъ на штурмъ безъ всякой надобности, тогда какъ его 300 мортиръ и нѣсколько сотъ орудій, дѣйствовавшихъ съ самаго близкаго разстоянія по нашимъ веркамъ, въ продолженіе еще не многихъ сутокъ, непременно заставили бы насъ повѣнчать этотъ городъ смерти, даже и тогда, еслибъ армія, пополнявшая гарнизонъ, была бы втрое сильнѣе и солдаты наши были не изъ тѣла и крови, но машины, сдѣланныя изъ желѣза. Но пагубное тщеславіе — взять, а не занять — неумолимо требовало жизни нѣсколькихъ тысячей. Принесена эта великая жертва, но все-таки Севастополь не взятъ, но занятъ, за исключеніемъ одного пункта. А еслибъ атакующій изъ-за этого одного слова усиливался бы овладѣть городомъ съ боя, тогда бы всѣ батареи, всѣ завалы, оставленные нами въ самомъ городѣ безъ выстрѣла, всѣ строенія, самыя груды камней, были бы оспариваемы на смерть, шагъ за шагомъ, обгащаемы потоками крови, — гарнизонъ севастопольскій доказалъ въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, что онъ умѣлъ умирать и не умѣлъ бѣжать передъ смертью.

Еслибъ съ паденіемъ или освобожденіемъ Севастополя окончательно рѣшался споръ, то можно и должно бы держаться и погибнуть въ немъ до послѣдняго, но здѣсь, напротивъ, съ уничтоженіемъ городской ограды обѣ стороны получали свободу окончить распря въ полѣ. Не трусость, не совершенное истощеніе силъ, а высокое челолюбіе руководило отступленіемъ. Самолюбіе наше отъ того жестоко страдало, больно было уступить, когда еще была возможность сопротивляться, но оба войска избѣгли тѣмъ жесточайшей катастрофы. Да не упрекнетъ же русскихъ послѣ этого никто, ни врагъ, ни свой, за это отступленіе; оно — побѣда народа надъ собственнымъ тщеславіемъ, побѣда ума и сердца главнокомандующаго надъ предрасудкомъ свѣта и личнымъ самолюбіемъ!

Съ наступленіемъ сумерекъ, гарнизонъ, по сигнальной ракетѣ, сталъ отступать къ мѣстамъ переправы, оставя на оборонительной линіи охотниковъ и часть артиллерійской прислуги, которые поддерживали рѣдкій пушечный и ружейный огонь. За линіями внутреннихъ баррикадъ, на случай удержанія натиска непріятеля, еслибъ онъ замѣтилъ нашу ретираду и посмѣлъ преслѣдовать, поставлены были самыя надежныя полки: на правой сторонѣ города Тобольской, Волынской и Минской, на лѣвой — Азовской и Одесской.

Подъ этимъ прикрытіемъ, войска послѣдовательно стягивались на Николаевскую площадь и переправлялись чрезъ мостъ, а съ Корабельной стороны частью садились на суда, частью по малому мосту чрезъ южную бухту присоединялись къ первымъ. Легкія орудія нѣсколькихъ полевыхъ батарей брошены въ бухту, потому, что будто бы они были старой конструкціи, малаго калибра и, по существующему нынѣ у артиллеристовъ мнѣнію, негодны для дѣйствія въ полѣ, а между тѣмъ могли затруднить и даже задержать переправу (въ сущности же они нисколько не задержали бы переправы и всѣ могли бы быть перевезены — напрасное опасеніе).

Переправа совершилась благополучно, хотя въ темнотѣ, при сильномъ волненіи бухты и качкѣ мостовъ и при послѣдственности, съ которою напирала войска, невозможно было при всѣхъ усиліяхъ приставленныхъ лицъ смотрѣть за порядкомъ, сохранить этотъ порядокъ. Огонь непріятеля былъ незначителенъ: рѣдкія бомбы падали на бухту около моста и въ городъ; одною бомбою убило и изувѣчило челолюбъ 6 раненыхъ французскихъ плѣнныхъ, лежавшихъ на койкахъ на Николаевской площади, и нѣсколько солдатъ изъ госпитальной прислуги.

По второй ракетѣ, въ третьемъ часу ночи, начали отступать къ переправѣ войска арьергарда, находившіяся за баррикадами, охотники и прислуга, остававшаяся на батареяхъ, но до отступленія старались

по возможности испортить лафеты, станки и самыя орудія, для чего на нѣкоторыхъ батареяхъ праваго фланга употребили самое дѣйствительное для того средство: подвѣшивали бомбы подъ тѣла орудій между станками, зажигали трубы и, такимъ образомъ, при разрывѣ снаряда разлетались станки и самыя орудія частію повреждались до негодности. Всѣхъ брѣвостныхъ и морскихъ орудій и мортиръ оставлено нами до 1,200 штукъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ проводили по землѣ пороховыя борозды къ пороховымъ погребамъ, зажигали блиндажи, зданія и въ минуту отступленія послѣднихъ защитниковъ Севастополя пожаръ вспыхнулъ на всей оборонительной линіи и тридцать пять пороховыхъ погребовъ, одинъ за другимъ, начали взлетать на воздухъ.

Утро 28-го августа вполне открыло ужасную картину покинутого и преданнаго нами уничтоженію Севастополя: его холмы пылали, какъ гигантскій костеръ; клубы чернаго дыма медленно подымались надъ ними въ недвижномъ воздухѣ и соединялись въ одинъ колоссальный витой столбъ, прорѣзываемый порой огненными языками. Вѣтеръ, наканунѣ бушевавшій свирѣпо, не хотѣлъ помогать намъ, не хотѣлъ раздувать и разгонять пожаръ, въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія.

Тишина въ городѣ, дотогѣ непрерывно потрясаемомъ неутомимой пальбой, сливавшеюся въ одинъ громовой гулъ, была мертвая; черезъ бухту можно было слышать трескъ пламени и это грозное безмолвіе нарушали изрѣдка грохоты взрывовъ батарей №№ 7-й, 8-й, 10-й Александровскаго форта; около двухъ часовъ пополудни—Павловской батареи, въ сумерки—минныхъ галлерей, противъ исходящаго угла 4-го бастиона, и въ продолженіе всей слѣдующей ночи—другихъ небольшихъ погребовъ. Николаевской фортъ и Александровская башня только обгорѣли, но не были взорваны. За три дни до очищенія Севастополя отдано приказаніе инженерамъ приготовить мины подъ Николаевской батареей, но наканунѣ штурма оно было приостановлено и 32 приготовленныхъ колодцевъ остались не заряженными. Вечеромъ 27-го августа, снова отдано приказаніе приготовить фортъ къ подвѣтію на воздухъ, но уже не было никакой возможности зарядить 32 колодца, для чего надо было порохъ перевезти съ сѣверной стороны. Еще бы можно было и на другое утро подложить подъ казарму и подъ башню достаточное число пороха и зажечь тѣ строенія, которыя пламя миновало, для чего вызывались охотники, но опасались движенія непріятеля, тогда какъ тотъ, изумленный, въ свою очередь, боялся войти въ городъ, объятый пламенемъ, гдѣ на каждомъ шагѣ взлетали взрывы. Только на Малаховомъ курганѣ толпы союзниковъ стояли и смотрѣли на грозную картину разрушенія того

мѣста, куда такъ упорно и долго стремились они отпраздновать побѣду надъ русскими, — пламя вырвало изъ ихъ рукъ эту добычу.

Впрочемъ, мародеры ихъ, не убоясь ни огня, ни взрывовъ, рыскали за поживой по уцѣлѣвшимъ или еще не объятымъ пламенемъ домамъ и грабили, что могли. Около полудня 28-го числа, они взобрались на соборную колокольню и производили оттуда трезвонъ.

Въ тоже время совершилось еще другое мародерство: знамена англичанъ, турокъ и даже сардинцевъ были водружены на различныхъ бастіонахъ, не только отъ которыхъ штурмы были отбиты съ урономъ, но два послѣдніе поборника луны даже не участвовали въ пагубныхъ къ тому попыткахъ.

Въ ночь на 28-е августа опущены на дно бухты корабли: „Парижъ“, „Храбрый“, „Константинъ“, „Марія“, „Чесма“, и фрегатъ „Булевча“; корабль „Ягудилъ“, затопленный противъ Павловскаго мыса и по мелководью погружившійся только до половины, былъ сожженъ. На третій день потоплены пароходы: „Владиміръ“, „Крымъ“, „Херсонесъ“, „Одесса“, „Бессарабія“, „Громоносецъ“, „Эльборусъ“, „Дунай“, „Турокъ“ и „Грозный“.

Послѣдняя жертва, принесенная нами въ защиту Севастополя въ 349-й день его обороны, состояла убитыми: штабъ-оф. 4, об.-оф. 55 и нижн. чиновъ 2,625; ранеными: шт.-оф. 26, об.-оф. 206, нижн. чин. 5,826; контуженными: шт.-оф. 9, об.-оф. 38, нижн. чин. 1,138; безъ вѣсти пропавшихъ: об.-оф. 24, нижн. чин. 1,739. Принимая въ соображеніе, что союзники на всѣхъ пунктахъ были по нѣсколько разъ отбиты не только штыками и ружейнымъ огнемъ, но и перекрестнымъ картечнымъ огнемъ, а на Малаховомъ курганѣ рукопашный бой длился болѣе 5-ти часовъ и туда пущено нѣсколько тысячъ бомбъ и ядеръ, — то потеря союзниковъ должна быть гораздо значительнѣе нашей.

1855 г.

Сообщ. О. И. Константиновъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Отзывъ Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ,

Въ перепискѣ Вольтера, напечатанной въ самомъ полномъ изданіи его сочиненій (par M. Beuchot), въ одномъ изъ писемъ къ нему Екатерины II есть замѣчательное мѣсто, не сохранившееся не только въ другихъ изданіяхъ, но и въ черновыхъ автографахъ императрицы. Какъ видно изъ „бумагъ“ ея, печатаемыхъ Историческимъ Обществомъ.

Въ письмѣ отъ 11-го (22-го) августа 1765 года, государыня кончаетъ свой Post-scriptum слѣдующими, неизвѣстными до сихъ поръ строками, касающимися Арсенія Мацѣевича ¹⁾:

„Люди, подвластные церкви, страдая отъ жестокихъ нерѣдко притѣсненій, къ которымъ еще болѣе способствовали частыя перемѣщенія ихъ духовныхъ господъ, возмущались въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, и при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ подъ ружьемъ. Вотъ почему я, въ 1762 году, выполнила планъ—совершенно измѣнить управленіе имѣніями духовенства и опредѣлить доходы лицъ этого сословія. Арсеній, епископъ ростовскій, воспротивился тому, подстрекаемый нѣкоторыми изъ своихъ собратій, которые заблагоразсудили скрыть свои имена. Онъ отправилъ двѣ записки, въ которыхъ старался провести нелѣпное начало двоевластія. Онъ сдѣлалъ эту попытку уже при императрицѣ Елисаветѣ; тогда удовольствовались тѣмъ, что приказали ему молчать; но когда его дерзость и безуміе еще усилились, то онъ былъ судимъ митрополитомъ новгородскимъ и всѣмъ синодомъ, осужденъ какъ фанатикъ, виновный въ замыслѣ, противномъ какъ православной вѣрѣ, такъ и

¹⁾ См. «Oeuvres de Voltaire, édition Beuchot». t. LXII, p. 411.

верховой власти, лишень сана и священства, и преданъ въ руки свѣтскаго начальства. Я простила его и удовольствовалась тѣмъ, что перевела его въ монашеское званіе“.

«Les sujets de l'Eglise souffrant des vexations souvent tyranniques, auxquelles les fréquents changements de maîtres contribuaient encore beaucoup, se révoltèrent vers la fin du règne de l'impératrice Elisabeth. et ils étaient, à mon avènement, plus de cent mille en armes. C'est ce qui fit qu'en 1762 j'exécutai le projet de changer entièrement l'administration des biens du clergé, et de fixer ses revenus. Arsène, évêque de Rostof, s'y opposa, poussé par quelques uns de ses confrères, qui ne trouvèrent pas à propos de se nommer. Il envoya deux mémoires où il voulait établir le principe absurde des deux puissances. Il avait déjà fait cette tentative du temps de l'impératrice Elisabeth; on s'était contenté de lui imposer silence; mais son insolence et sa folie redoublant, il fut jugé par le métropolitain de Novogorod et par le synode entier, condamné comme fanatique, coupable d'une entreprise contraire à la foi orthodoxe autant qu'au pouvoir souverain, déchu de sa dignité et de la prêtrise. et livré au bras séculier. Je lui fis grâce, et je me contentai de le réduire à la condition de moine».

Сообщ. Я. К. Гротъ.

Часовыхъ дѣлъ мастеръ при дворѣ Екатерины II.

Въ Женевѣ живутъ три брата Фази, правнуки часоваго мастера Екатерины II, Jean Fazу. Одинъ изъ нихъ доставилъ мнѣ рукопись съ разсказами изъ того, что извѣстно имъ о пребываніи предка ихъ въ Россіи. Это — извлеченіе изъ записокъ, составленныхъ сыномъ послѣдняго. Хотя разсказы эти и не носятъ печати большой точности и полной достовѣрности, однако-жъ они любопытны, какъ случайно долетающее до насъ изъ новаго источника преданіе о достопамятной эпохѣ, и потому я намѣренъ сообщить здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ полученной мною рукописи. Братья Фази считаютъ себя потомками стариннаго рода Volpazio изъ Пизы. Жанъ Фази родился въ 1734 г. Расходясь съ отцомъ въ политическихъ идеяхъ, онъ рѣшился оставить родительскій домъ, получилъ пособіе отъ дяди и уѣхалъ въ Парижъ, а оттуда въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ сблизился съ наслѣднымъ принцемъ (въ послѣдствіи Густавомъ III) и женился на Елисаветѣ Эрстремъ. Черезъ нѣсколько времени мы видимъ его въ Москвѣ и напослѣдокъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ старшинъ французской реформатской церкви. Въ этомъ качествѣ ему пришлось выдержать процессъ съ нѣмецкимъ приходомъ о правѣ владѣнія этой церковью. Поводомъ къ тяжбѣ было истребленіе нѣмецкой церкви пожаромъ, вслѣдствіе чего нѣмцы сперва выхлопотали себѣ позволеніе отправлять богослуженіе во французской церкви, а потомъ, мало по малу, присвоили себѣ надъ нею право собственности. Фази

выигралъ-было дѣло въ сенатѣ, но такъ какъ въ нѣмецкомъ, гораздо многочисленнѣйшемъ, приходѣ были люди съ большимъ вѣсомъ, какъ напимѣръ, генераль Боуръ и академикъ Эйлеръ, то имъ и удалось добиться у императрицы отмѣны сенатскаго рѣшенія.

Однажды,—это было 12-го декабря, когда праздновался день рожденія великаго князя Александра Павловича, — Фази, при выходѣ императрицы изъ дворцовой церкви послѣ обѣдни, подалъ ей просьбу по этому дѣлу. „Въ то время“—сказано въ рукописи—„водилось, что человѣка, рѣшившагося на такой смѣлый поступокъ, сажали на всю жизнь въ крѣпость. Фази былъ арестованъ двумя кавалергардами, но онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что какъ скоро узнали, кто онъ такой, то его немедленно освободили. Дѣло, однако-жъ, осталось въ томъ же положеніи: онъ три раза подавалъ о немъ записки, но никакого отвѣта не послѣдовало“.

По должности придворнаго часовыхъ дѣлъ мастера Фази получалъ тысячу рублей жалованья и квартиру близъ дворца съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и пр. Онъ былъ обязанъ разъ въ недѣлю заводить во дворцѣ часы, а когда надо было отправляться въ Царское Село, за нимъ приѣзжала карета четверкой. При дворѣ онъ сблизился съ Бецкимъ и предложилъ ему перевезти изъ Финляндіи въ двадцать дней, съ помощью только сорока человѣкъ, огромную гранитную скалу для конной статуи Петра Великаго; онъ требовалъ только, чтобъ ему для этого предоставлены были въ полное распоряженіе казенныя кузницы. Бецкому хотѣлось принять это предложеніе, но Фази, видя, какія препятствія ему противопоставляютъ мелкіе чиновники, у которыхъ онъ не хотѣлъ исъять милости, отказался отъ предпріятія, и оно поручено было итальянцу, употребившему на исполненіе его шесть недѣль и три тысячи человѣкъ.

Фази пользовался особеннымъ расположеніемъ Потемкина. Послѣдній занялъ у него однажды 1,400 руб. и нѣсколько лѣтъ не платилъ ему долга. Наканунѣ отъѣзда князя на югъ, въ дѣйствующую армію, императрица пригласила его къ обѣду и вмѣстѣ съ нимъ позвала своего любимаго часоваго мастера. Фази захотѣлъ воспользоваться случаемъ и написалъ къ Потемкину, немножко въ республиканскомъ духѣ, письмо, которое и положилъ на его приборъ, а самъ занялъ мѣсто по другую сторону стола. Любопытство государыни было возбуждено, и она торопила вельможу вскрыть пакетъ. Пробѣжавъ письмо, Потемкинъ бросилъ на смѣльчака многозначительный взглядъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Екатерина много смѣялась, и средство, которое придумалъ Фази для полученія своихъ денегъ, очень ей понравилось. Въ тотъ же вечеръ вся

сумма была отвезена въ Фази, но только мѣдными грошами, которыми и наполнились цѣлыя двѣ комнаты.

Фази былъ близокъ также съ обоими Разумовскими, изъ которыхъ одинъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а другой сенаторомъ. Послѣдній отличился своею твердостью въ одномъ дѣлѣ. Императрица хотѣла провести въ сенатѣ какой-то законъ, котораго графъ не одобрялъ; нѣсколько разъ собирали голоса, но одного все не доставало. Узнавъ, что законъ не проходитъ по винѣ Разумовскаго, Екатерина повзала его къ себѣ и взяла съ него обѣщаніе согласиться, причемъ онъ однако-жъ заявилъ, что нехотя исполнить обязанность повиноваться государынѣ. Законъ состоялся, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ оставилъ службу и переселился въ Москву. По его приглашенію, туда же переѣхалъ и Фази; тамъ онъ и умеръ за полгода до нашествія Наполеона. Передъ занятіемъ города французами графъ увезъ вдову его въ свою Подольскую деревню, гдѣ она и умерла съ горя по мужѣ и потерѣ всего имущества: домъ ихъ сгорѣлъ среди московскаго пожара.

Сообщ. Я. К. Гротъ.

Прошеніе священника къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

1800 г.

Ѹгѡ императорское величество вѣлгочестивѣйшагѡ и всемілости-вѣйшагѡ великаго гѣрм нашего императора Павла Петровнча само-дѣржца всерѡссійскагѡ, да поменѣтъ Гѣъ Бѣъ и мѣтыню ѣгѡ во цѣтѡвн своѣмъ, на страшномъ и вѣторѡмъ Хрѣтѡвѡ пришествѡн.

Ѹ всемілнѣвѣйшаѡ наша великаѡ гѣрмн императрица Маріа Ѳеѡдоровна. Ѣдино тѡкмо Ѹсталось намъ оупованіе по Бѣъ вѣше величество. Глазъ нашъ и вопль нашъ прѣ вамъ внидетъ во оуши вѣши. Бѣговоли оуслышати всерѡссійскаѡ мѣтръ наша, насъ къ тебѣ вопіющихъ, по нелѡжномъ нашемъ во дыханію. Воистиннѣ знаѣмъ ѣсть Гѣъ сѣдѡвы творѣи: ноивѣшемъ императорсвомъ величествѣ невѣизвѣстно, сколь сокрушаю родителскѡм сѣца: комъ всевыш-наго прѡмысла даровалъ жѣнска пола дѣтѣй, котѡры ѣ по Бѣію бѣлгословѣнію і имѣю четырѣхъ дочерей, и всѣхъ къзѡмѣжествѣ до-спѣвшихъ; сѡмой малѡй дѡчерн пѣтойнадесть гѡ, вѡтъ наша сѣмъ великаѡ и неѡходимаѡ нѣжда, понѣдила прѡвѣчаніи и гѡрести нашѣй, не имѣѡ никакѡй ниѡкъда надежды, зѣдрзновѣніемъ трѣ-

дѣтъ и везпоконтъ ваше императорское величество. Блговоли призрѣтъ на насъ всемѣтивѣйшии свои и мѣрными окомъ, понеже ѿ всеподданнѣйшій вѣшъ рѣвъ и недостойный сщѣнникъ. Еи воистиннѣ никакова неимѣю длѣ ни хъ приданаго, кромѣ платишка лѣтнаго и зимнаго, но и то мизирное и перенѣшеное, а шпрѣчнхъ двѣски вѣщахъ по пристойности чина нашего, и подѣмать неможно, а вѣ того ииѣшнѣи свѣтъ комѣ слѣдуетъ свѣтатъ, и слышать нехотѣтъ чтѣ невѣста была везприданаго. И сѣмъ мѣмъ причѣина трѣветъ, кпосрѣдственномѣ дочерей моихъ приданомѣ, какъ то на платѣ лѣтнѣе и зимнѣе, такъ и на прѣччѣе самонѣжнѣйшее приготвлѣнѣе и непостыданое, тысащи три рѣвлѣй, а на лицѣ неимѣю ѿ при севѣ, ниже десѣти рѣвлѣй, но ещѣ и шдолжавши прѣлюдми не мѣло, а штѣнаго жалованѣмъ, по великой егѣ величества мѣти, полѣчаю вѣ годѣ Осьмьдѣсѣтѣ рѣвлѣй, и цѣрковнаго дохѣда вѣполѣ придѣотъ, а ииногда и мѣнше, на все годовѣе содержанѣе, на семѣйство и домѣшко, а болѣше нѣтъ выгѣ никакии, срѣдники хотѣтъ и естѣ, но и сѣми проживаю внемѣлои ииѣдѣтъ, и рѣкѣ помѣщи мнѣ подѣтъ никѣи шразомѣ немогутъ, а и шпосторѣнни кѣи богѣты и знѣемы люди, многократѣо искѣлѣ мѣти, но немоѣ полѣчѣтъ.

И потомѣ мы ииѣ вѣпослѣднѣи нашей надеждѣ припадаемъ прѣлицѣе" вашего императорскаго величества, всемѣтивѣйшамъ наша гѣрына Марѣа Феѣдшровна, воймѣи и оуслѣши насъ итебѣ вопѣиции, помози намъ, и швѣрзи рѣкѣ мѣти своеѣмъ, скокѣо возмѣжно, по блговолѣнѣю сѣца вашего, во ииѣмъ трѣпѣстѣснагѣ Бга: и ради будѣщаго мздовѣданѣмъ, прѣвсемѣрнымъ сѣдѣю, Гѣдемъ нашимъ Иисъ Хрѣтомъ.

Вѣашей цѣркой императорской и всевысочѣйшей фамѣлиѣ: вѣчнннѣ бѣгомѣлецъ, псковскаго первопрѣстѣолагѣ трѣцакаго совѣра сщѣнникъ Іѣковъ Ісѣѣевъ сѣнъ Сѣщѣнскѣи, писѣлѣ своею грѣшною рѣкѣю. Марѣта, а днѣ, 44ѣ года. Псковъ.

Примѣчанѣе. Подлиннѣе этой своеобразной челобитной сообщенъ намъ покойнымъ М. Д. Хмыровымъ: писана она кинѣварѣю, крупннмъ, прѣвосходннмъ уставомъ на листѣ синей толстой бумаги и уѣрашена двумя вишѣтвѣами.

рисованными перомъ тушью: въ началѣ просьбы—св. Троица въ облакахъ, а въ концѣ—въ ширину всей чистой стравницы—слѣдующій рисунокъ, переданный здѣсь въ уменьшенномъ размѣрѣ:

Замѣтки и поправки.

Въ разсказѣ академика Л. А. Сѣрякова («Русская Старина» изд. 1875 г. томъ XIV, стр. 173) вкралась небольшая ошибка, которую слѣдуетъ разъяснить такъ какъ я лично зналъ г. Сѣрякова, когда онъ былъ еще кантонистомъ, а я офицеромъ 2-й грендерской дивизіи и жилъ въ гор. Псковѣ. Почтенный Лаврентій Аксеновичъ, во II-й главѣ своего интереснаго разсказа, замѣчаетъ, что «въ 1832 году 3-й карабинерный полкъ, въ коемъ служилъ его отецъ, былъ раскассированъ: первый баталіонъ поступилъ во 2-ю грендерскую дивизію, въ полкъ принца Оранскаго, 2-й баталіонъ — въ Кіевскій полкъ, а третій и четвертый баталіоны въ другіе полки дивизіи». Это ошибочно: Кіевскій грендерскій полкъ былъ послѣ польской кампаніи переименованъ въ грендерскій принца Оранскаго полкъ, въ его составъ и поступилъ 1-й баталіонъ 3-го карабинернаго полка; 2-й же баталіонъ того полка вступилъ въ составъ Таврическаго грендерскаго полка, носившаго названіе принца Евгенія Виртембергскаго грендерскаго полка; къ этому необходимо дополнить то, что 3-й карабинерный полкъ былъ двухъ-баталіоннаго состава.

Смерть генерала Полѣшко, о которомъ упоминаетъ г. Сѣряковъ (стр. 175), послѣдовала дѣйствительно не отъ болѣзни, но отъ удара, но мысль, что генералъ Полѣшко отравился — ошибочна, такъ какъ едва-ли этому почтенному и храброму воину, бывшему командиру лейбъ-егерей, предстояла надобность посягать на самоубійство, да и время достаточно разъяснило, что Полѣшко едва-ли былъ грѣшенъ въ злоупотребленіяхъ по постройкѣ казармъ.

Г. Уфа.

Александръ Игнатовичъ.

XLV-ти ЛѢТІЕ

артистической дѣятельности О. А. Петрова на Петербургской сценѣ.

1830—1875.

Въ пятницу, 10-го октября 1875 г., исполнилось 45-ти лѣтіе артистической дѣятельности уважаемаго маститаго пѣвца нашей оперной труппы, О. А. Петрова. День этотъ прошелъ безъ всякаго торжества, кромѣ скромной оваціи, устроенной за кулисами хоромъ и оркестромъ русской оперы. Даже назначенный на этотъ день бенефисъ О. А. Петрова не состоялся по болѣзни г. Комисаржевскаго.

Сила и свѣжесть таланта, которыя О. А. сохранилъ до настоящаго времени, не даютъ еще никакихъ на него правъ „Русской Старинѣ“, но за то, исполняя свою обязанность помнить прежнее и напоминать забытое, „Русская Старина“ считаетъ своимъ долгомъ вспомнить о первомъ дебютѣ О. А. на Петербургской сценѣ. Привожу отзывъ „Сѣверной Пчелы“, единственной въ то время газеты, дававшей театральныя рецензіи. Отдадимъ при этомъ полную справедливость какъ критику, который сьумѣлъ съ перваго раза понять и оцѣнить талантъ О. А. Петрова, такъ и артисту, который сьумѣлъ такъ блистательно оправдать надежды, съ перваго же раза имъ возбужденныя.

„Нынѣшній разъ въ оперѣ „Волшебная флейта“ явился впервые на нашей сценѣ г. Петровъ, молодой артистъ, общающій намъ хорошаго пѣвца-актера. (Дай-то только Аполлонъ, чтобъ онъ постарался сдержать это обѣщаніе!). Онъ поступилъ на нашу сцену съ Харьковскаго театра ¹⁾. Природа, одѣливъ его ростомъ, надѣлила его обширнымъ голосомъ съ сильною, если не ошибаемся, грудью. Басъ его довольно пріятенъ, но весьма мало образованъ, что доказалъ намъ рѣзкій переходъ онаго въ высшія ноты. Время и пламенное стремленіе къ усовершенствованію въ своемъ искусствѣ дадутъ нашему театру въ г. Петровѣ весьма хорошаго артиста. Тѣмъ рѣшительнѣе говоримъ это, что и въ роли Зороастра мы замѣтили у него довольно правильную дикцію. Даже и въ жестахъ онъ дѣйствовалъ обѣими руками, тогда какъ г. Шуваловъ, вѣскольکو лѣтъ уже подвизающійся на нашей сценѣ, всѣ почти жесты дѣлаетъ одною правою рукою, и то употребляя для сего половину оной, то есть отъ оконечности указательнаго пальца до локтя, который почти никогда не отдѣляется отъ ребръ своего владѣльца.

„А еще болѣе утверждаетъ насъ въ добромъ мнѣніи о будущиxъ сценическихъ способностяхъ г. Петрова то, что въ началѣ 2-го акта онъ удачно выразилъ монологъ Зороастра и пропѣлъ трудную его арію“.

(«Сѣверная Пчела» 1830 г., № 126).

¹⁾ На Харьковской сценѣ артистическая дѣятельность Осипа Афанасьевича продолжалась болѣе четырехъ лѣтъ.

Замѣтка профессора Ө. И. Гюрдана.

Прочитавъ въ „Русской Старинѣ“ (томъ XIV, стр. 364—365) разсказъ академика Сѣрякова, озаглавленный: „Моя трудовая жизнь“, долгомъ своимъ считаю опровергнуть приведенный имъ, совершенно невѣрный, фактъ, будто въ 1858 году, на экзаменѣ, я помѣшалъ присужденію ему званія академика за выгравированную имъ на деревѣ гравюру: „Невѣріе св. апостола Өомы“.

Это произведеніе Рембрандта, несмотря на небольшой размѣръ свой, есть одно изъ лучшихъ твореній великаго голландскаго художника, украшающихъ императорскій эрмитажъ, но молодой граверъ не былъ достаточно подготовленъ, чтобы воспроизвести его, тѣмъ болѣе, что для гравюры выгоднѣе выбирать картины, замѣчательныя не столько колоритомъ и эффектомъ, какъ силой и оконченностію рисунка. Таково было мнѣніе совѣта академіи въ полномъ его составѣ, а не мое личное, что и высказалось при баллотировкѣ, когда большинство голосовъ не оказалось въ пользу г. Сѣрякова. Покойный Ө. А. Бруни не разъ говорилъ мнѣ, что ошибся въ выборѣ картины, указанной имъ г. Сѣрякову, и, желая вознаграждать его за потерянное время, поддерживалъ его отправленіе за границу на казенный счетъ.

Крайне невѣрно и другое мнѣніе г. Сѣрякова, будто гравированіе на мѣди и стали поддерживается въ нашей академіи искусственнымъ образомъ, и что покойный Н. И. Уткинъ поощрялъ меня всѣми силами съ цѣлію не уронить это искусство въ Россіи.

Я пользовался совѣтами и руководствомъ Н. И. Уткина въ качествѣ ученика его, а дальнѣйшими успѣхами на своемъ художественномъ поприщѣ обязанъ единственно трудамъ своимъ и той глубокой преданности своему искусству, которую академикъ Сѣряковъ признаетъ за художниками-граверами.

Профессоръ гравированія на мѣди Ө. Гюрданъ.

ИМПЕРАТОРЪ ІОАННЪ VI АНТОНОВИЧЪ.
1741 г.

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.
25 ноябръ 1741 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ», Т. XIV, ИЛЛ. 1875 г.

ДОБРОУЛО ДРЕВНОГО. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АПРЕЛІ 1875 г.

ВАСИЛИЙ ДАВЫДЪ РОСКИ, ИЛЛ. 1875 г.

«Описание древних русских монетъ» А. Чертова, пополненное въ послѣдствіи тремя прибавленіями въ 1837, 38 и 42-мъ году, у насъ вышли только: «Обозрѣніе русскихъ денегъ», соч. барона Станислава де-Шодуаръ, перев. В. А. (1841); «Die Reichelsche Münzsammlung in St.-Petersburg» (1842); «Описание русскихъ монетъ и медалей» Э. Э. Шуберта (1843); «Лѣтопись русской нумизматики» И. Сахарова (2-е изд. 1851 г.); «Деньги и пулы древней Руси» Д. Сонцова (1860 и прибавленіе 1862). Поэтому каталогъ собранія гр. Чапскаго является весьма замѣчательнымъ и важнымъ во многихъ отношеніяхъ. Графъ принадлежитъ къ числу ревностныхъ и вполне знающихъ дѣло нумизматовъ. Въ 1871—72 гг. изданъ имъ, на французскомъ языкѣ, въ двухъ частяхъ, каталогъ собранія польскихъ монетъ и медалей. Русское собраніе его весьма богато и состоитъ изъ 800 монетъ, начиная отъ гривенъ кievской, новгородской, рязанской, и рублей въ слиткахъ, монетъ временъ Владимира Святаго, великихъ княжествъ: суздальскаго, рязанскаго, смоленскаго, тверскаго, княжествъ удѣльныхъ, вольныхъ городовъ, московскихъ великокняжескихъ и царскихъ до 1716 года. Весьма любопытны отдѣлы монетъ неопредѣленныхъ и поддѣльныхъ.

Въ текстѣ изданія помѣщены изображенія многихъ рѣдкихъ монетъ и описаніе ихъ вообще составлено очень отчетливо; археологическія и нумизматическія замѣтки собирателя весьма вѣрны и догадки совершенно основательны.

Женское специальное образованіе въ С.-Петербургѣ. Настольная справочная книжка, составилъ М. Л. Златковскій. Петербургъ, 250 стр.

Подъ этимъ названіемъ, не вполне отвѣчающимъ содержанию сочиненія, издана книжка, впрочемъ, весьма полезная, заключающая въ себѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для женщинъ, которыя желали бы заняться какою-либо специальною отраслью знанія или посвятить себя какому-либо роду общественной дѣятельности, доступной для нашихъ женщинъ. Составитель этой книжки поясняетъ, что она предназначена какъ для учащихъ женщинъ, такъ и для разныхъ лицъ и учреждений, городскихъ и земскихъ управъ и т. п., которыя нуждаются въ свѣдѣніяхъ по этому предмету. Совершенно справедливо замѣтивъ въ предисловіи, что подобныя свѣдѣнія добываются у насъ съ огромнымъ трудомъ, послѣ безчисленнаго множества всякаго рода прошеній, разрѣшеній и испрашиванія дозволеній, г. Златковскій сообщаетъ затѣмъ подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ дѣвственныхъ женскихъ учрежденіяхъ, раздѣляя ихъ на медицинскія (9 заведеній), педагогическія (6), художественныя (3) и реальныя (6). При описаніи каждаго изъ этихъ

учрежденій, сообщены: правила для поступленія въ него, личный составъ, цѣль учрежденія, краткая исторія его и т. п. Въ заключеніе приведено нѣсколько общихъ выводовъ и данныхъ, не совсемъ утѣшительныхъ. Такъ, на слухомъ семисотъ-тысячное населеніе Петербурга въ 24-хъ женскихъ специальныхъ учебныхъ учрежденіяхъ обучалось въ 1874—75 г. до 2,000 пансіонерокъ и вольноприходящихъ. Число нуждающихся между ними составляетъ четвертую часть. Помочь имъ одно средство — учредить общежитія, о чемъ забота нѣкоторыхъ изъ благотворительныхъ обществъ. Такъ, въ концѣ прошлаго года, «Общество для пособія бѣднымъ женщинамъ» открыло для нихъ пріютъ на 15 лицъ; «Общество дешевыхъ квартиръ» открыло общежитіе для 12-ти нуждающихся слушательницъ женскаго курса медико-хирургической академіи; устроены также общежитія для слушательницъ училища фельдшерцъ дамскаго лазаретнаго комитета. Авторъ приводитъ извѣстія объ обществѣ для пособія слушательницамъ женскихъ курсовъ, о вечернихъ публичныхъ курсахъ для женщинъ и вновь проектируемыхъ специальныхъ учрежденіяхъ для женщинъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и «женскій университетъ», о которомъ такъ давно говорятъ въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса. Пока мы собираемся, англичане хотятъ предупредить насъ въ этомъ отношеніи и газеты сообщили уже, что Галловой пожертвованъ 250,000 фунтовъ стерлинговъ на устройство университета для 400 студентокъ.

О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ, архимандрита Антонина. Спб., 1874, 84 стр. и 26 литографированныхъ листовъ со снимками надписей; въ большую четвертку.

Это любопытное изслѣдованіе напечатано по распоряженію импер. археологическаго общества и заключаетъ въ себѣ надписи, снятыя въ церквахъ и храмахъ аѳинскихъ и относящіяся къ первымъ вѣкамъ христіанства, начиная съ V-го. Авторъ сочиненія, извѣстный уже замѣчательнымъ трудомъ: «О разрытіяхъ внутри російско-посольской церкви въ Аѳинахъ», помѣщенномъ въ извѣстіяхъ Императорскаго археологическаго общества (т. II, стр. 129), выказалъ много знанія, терпѣнія, находчивости и наблюдательности при разборѣ, часто обезображенныхъ временемъ, полуистертыхъ и нерѣдко малоразумныхъ надписей, проливающихъ, однако, нѣкоторый свѣтъ на хронологію и церковную исторію эпохи водворенія христіанства въ городѣ Минервы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАМЯ.

Цѣна годовому изданію,—двѣнадцать книгъ, три больше тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестой.

ДЕКАБРЬ.

1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Объ изданіи «Русской Старины» въ 1875 г. (седьмой годъ).	0	VIII. Стихи институтокъ и отзывъ гр. Завадовскаго, 1807 г. Сообщ.	
II. Вторженіе французовъ въ Россію въ 1812 г. Разсказъ епископа Буткевича. Переводъ съ польской рукописи	595	II. И. Савваитовъ	748
III. С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго. Исслѣдованіе А. П. Пятковскаго. (Оконч.).	618	IX. Александръ Ефимовичъ Измайловъ, 1779 — 1831 гг.: неизданныя его сказки, эпиграммы и пѣсни. Сообщ. П. А. Измайловъ	750
IV. М. Л. Магницкій и его семья, 1812—1844 гг.	639	X. Холерный бунтъ въ Тамбовѣ, 1830 г. Сообщ. И. Дубасовъ.	742
V. Н. В. Гоголь: неизданныя письма его къ друзьямъ, 1847—1852 гг. Сообщ. В. С. Шевыревъ, съ примѣч. профес. О. Э. Миллера. (Окончаніе)	651	XI. Протоіерей Евгений Ивановичъ Поповъ, † 1875 г. Воспоминаніе И. Т. Осипина	737
VI. Воспоминанія О. А. Пржедлавскаго: министръ-статсъ-секретарь Туркуль, 1797—1857 гг.	684	XII. Обзоръ «Русской Старины» въ шестой годъ ея изданія, 1875 г.	761
VII. Карлъ Андреевичъ Шильдеръ на Дунай въ 1854 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	715	XIII. Списокъ лицъ, сообщившихъ «Русской Старинѣ» статьи и матеріалы	782
		XIV. Вѣдомость подписчиковъ на «Русскую Старину» 1875 г.	785
		XV. Библиографическіи листокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки о Россіи генерала Манштейна, 1727—1744 гг. (окончаніе), съ приложеніями его биографіи, зачеркнутыхъ мѣстъ въ рукописи, особыхъ оглавленій и указателя и проч. — II. Карриатура на Наполеона I въ 1813 г. (см. стр. 617), и III. Указатель личнымъ именъ, находящихся въ «Русской Старинѣ», въ томъ IV-мъ изд. 1875 г.

Отпечатано и продается **третье изданіе** „Русской Старины“ 1870 г.
Цѣна **8 руб.** съ пересылкой.

Принимается подписка на «Русскую Старину» 1876 г.
Цѣна **8 руб.** съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1875.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Азбука и скоропись XVII вѣка для нагляднаго изученія. Москва, 1875 г., ц. 1 руб.

Эта книжечка, по словамъ ея составителя, имѣеть специальною цѣлью дать средства выучиться разбирать старинное русское письмо скорописное, въ разныхъ его формахъ и видоизмѣненіяхъ, выработанныхъ нашими писцами въ теченіе XVII-го столѣтія. Скорописное письмо XV-го и XVI-го столѣтій не представляетъ, какъ известно, затрудненій при чтеніи, такъ какъ оно близко къ старинному полууставу и при самой незначительной практикѣ легко разбирается, а скоропись XVIII-го вѣка или подходит къ почерку XVII-го, или, при дальнѣйшемъ развитіи ея, къ скорописи нашего времени. Съ этимъ мнѣніемъ составителя альбома нельзя вполнѣ согласиться, вспоминая хоть нашу вязь, о которой не говорится ни слова. Что же касается собственно до почерковъ XVII вѣка, они выбраны довольно удачно изъ разныхъ челобитень, указовъ, поученій; имъ предпосланы образцы азбуки, цифръ и отдѣльныхъ словъ, все это литографировано, не особенно впрочемъ изящно. Во всякомъ случаѣ книжечка эта полезна для интересующихся памятниками старой письменности.

Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ. Томъ II, 1725—1740. Составилъ П. Барановъ, 1875 г. XIV и 1002 стр.

Каждому занимающемуся русской исторіей известно, какъ неподалеку «Полное собраніе законовъ», къ которому приходится обращаться за справками. Не говоря уже о московскомъ періодѣ, даже петербургскій, столь близкій нашему времени, отличается въ этомъ «Собраніи» такими пробѣлами, которые могутъ ввести въ заблужденіе на счетъ многихъ событій нашей исторіи. Но такъ какъ всѣ главнѣйшія узаконенія въ Россіи утверждаются верховною властью, а всѣ важнѣйшія событія обнародуются отъ ея имени, то полное изложеніе этихъ событій и собраніе узаконеній, очевидно, должно сосредоточиваться въ учрежденіи, на обязанности котораго лежитъ обнародованіе высочайшихъ повелѣній. Поэтому опись такихъ повелѣній, составленная г. Барановымъ, представляетъ весьма важный и любопытный матеріалъ для исторіи государственной жизни Россіи. Нынѣ вышедшій огромный томъ этого изданія—продолженіе появившейся въ 1872 году ко дню празднованія двухсотлѣтняго юбилея рожденія Петра Великаго описи именныхъ указамъ этого монарха отъ 1711 по 1725-й г. Въ первомъ томѣ заведеніи сенатскимъ архивомъ г. Барановъ сдѣлалъ опись повелѣній и бумагъ

Петра Великаго, въ числѣ 1,543 №№ хранящихся въ архивѣ. Нумерація указовъ и повелѣній продолжается во второмъ томѣ и доходитъ до 7,953-хъ №№ въ 1740 году, по день смерти Анны Иоанновны. Въ этотъ томъ, обнимающій пространство времени въ 15 лѣтъ, вошло 6,411 указовъ, изъ которыхъ 5,115 не помѣщены въ «Полномъ собраніи законовъ», а за все время, съ основанія сената въ 1711 году, до конца XVIII вѣка, въ сенатскомъ архивѣ хранится до 30-ти тысячъ однихъ высочайшихъ повелѣній, тогда какъ въ «Полномъ собраніи законовъ» за это время всего 17,500 статей. Должно сказать, однако, что и въ «Полномъ собраніи» есть не мало указовъ, не имѣющихся въ сенатѣ и объявленныхъ, помимо его, синоду, разнымъ коллегіямъ, канцеляріямъ, конторамъ и т. п. Такихъ документовъ за этотъ періодъ времени всего 626. Значеніе и важность хранящихся въ сенатскомъ архивѣ документовъ (въ числѣ 3,613,808) огромно, хотя въ этотъ періодъ времени сенатъ, при существованіи верховнаго тайнаго совѣта, потомъ кабинета, затѣмъ конференціи и т. д. не былъ первенствующимъ государственнымъ учрежденіемъ. Такъ, въ «Описи» помѣщены 56 протоколовъ верховнаго тайнаго совѣта (отъ 19-го января по 25-е февраля 1730 года) отъ смерти Петра II до принятія самодержавія Анною Иоанновною, и, въ числѣ ихъ: манифестъ тайнаго совѣта отъ 4-го февраля объ «избраніи на престолъ царевны Анны Иоанновны», утвержденная этимъ же совѣтомъ форма присяги, различныя пожалованія чинами и проч.

«Опись» указамъ составлена весьма отчетливо; къ оглавленію каждого документа приложено его краткое содержаніе. Весьма подробно и обстоятельно составлены указатели личныхъ именъ, также предметовъ и географическихъ названій; занимаетъ 280 страницъ, указатели эти представляютъ, въ числѣ 3,077-ми упоминаемыхъ въ нихъ лицъ, довольно полныя данныя для біографій многихъ изъ нихъ. Нельзя не пожалѣть только, что даже подобное изданіе, за которое должны быть благодарны г. Баранову всѣ, кто занимается русскою исторіею, не могло обойтись безъ опечатокъ и ошибокъ, занимающихъ 12 страницъ.

Указатель статей Морскаго Сборника 1848—1872 г. Составилъ И. И. Петровъ. Санкт-петербургъ, 1875 г., въ 8 д. больш. листа, стр. I—XLIV, 1—767 и 1—108.

Наша далеко не богатая библиографическая литература обогатилась весьма полезнымъ трудомъ: вышелъ систематическій указатель статей, находящихся въ 123-хъ томахъ «М. Сб.» за 24 года. Значеніе «Морскаго Сборника» въ новѣйшей исторіи Россіи немаловажно: въ 1850-хъ годахъ это

ВТОРЖЕНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 ГОДУ

Разсказъ епископа Буткевича.

(Переводъ съ польской рукописи).

Настоящій разсказъ составляетъ отрывокъ изъ рукописи, составленной на польскомъ языкѣ извѣстнымъ въ Царствѣ Польскомъ римско-католическимъ священникомъ, прелатомъ Буткевичемъ.

Буткевичъ родился въ Ковенской губерніи, въ городѣ Кретингенѣ, въ 1794 г. По окончаніи образованія въ бывшихъ Сейнскомъ лицей и Варшавскомъ Александровскомъ университетѣ со степенью магистра богословія, онъ получилъ за границей степень доктора богословія. Въ послѣдствіи занималъ слѣдующія должности: дѣлопроизводителя бывшей комисіи по духовнымъ дѣламъ; настоятеля сувальскаго прихода и вмѣстѣ съ тѣмъ офиціала августовской епархіи (помощника епископа по управленію епархіей); настоятеля владиславскаго прихода; ректора бывшей Варшавской духовной академіи; въ 1850-хъ гг. — администратора (управляющаго) августовской епархіи и, наконецъ, настоятеля сначала вильковишскаго, а потомъ пренскаго приходоу. Умеръ въ Пренахъ (городокъ Маріампольскаго уѣзда, Сувальской губерніи) отъ холеры, въ 1871 году. Будучи вильковишскимъ настоятелемъ, онъ былъ командированъ въ 1860-хъ годахъ, для занятій въ бывшей правительственной комисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ комисіи много содѣйствовалъ разъясненію вопросовъ касательно католическаго духовенства въ Привислянскомъ краѣ и въ особенности монастырей, изъ которыхъ бѣольшую половину предложено было закрыть въ то время. Съ этой цѣлью тогдашній главный директоръ правительственной комисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, князь В. А. Черкасскій, окружилъ себя опытными людьми въ этомъ дѣлѣ и, между другими, вызвалъ въ Варшаву прелата Буткевича.

Е. Г.

I.

Я отношу къ рѣдкимъ случаямъ моей жизни то обстоятельство, что видѣлъ во время моей юности нашествіе французскаго войска на Россію и несчастное его отступление; что былъ свидѣтелемъ объявленія войны Наполеономъ государю Александру I въ присутствіи арміи, состоявшей изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ солдатъ, собранной на вильковишскихъ поляхъ (городъ Сувалкской губерніи); что, наконецъ, смотрѣлъ на бѣгство Наполеона изъ Москвы.

Стеченіе различныхъ обстоятельствъ и въ особености назначеніе меня, по истеченіи 50-ти лѣтъ, приходскимъ священникомъ въ городѣ Вильковишки было причиною того, что я рѣшился посвятить свободное время отъ прямыхъ моихъ занятій воспоминанію того времени, въ которому относятся упомянутыя историческія событія.

Въ этомъ разсказѣ читатель найдетъ много такихъ подробностей, о которыхъ нигдѣ не услышитъ и которыхъ не найдетъ ни въ одной книгѣ, несмотря на то, что о Наполеонѣ I уже достаточно напечатано. Не думаю здѣсь описывать его жизнь, не думаю также изучать его геній, который прославилъ Наполеоново имя; но я намѣренъ описать только впечатлѣніе, которое Наполеонъ произвелъ на меня въ то время, когда я смотрѣлъ на него въ Вильковишкахъ, окруженнаго военнымъ могуществомъ, и затѣмъ, когда видѣлъ его бѣгство въ Сейнахъ¹⁾, на простыхъ саняхъ, почти безъ всякой свиты. Кромѣ этихъ двухъ обстоятельствъ, хочу упомянуть о слѣдствіяхъ движенія Наполеоновои арміи въ той части Литвы, въ которой я былъ очевидцемъ чрезвычайной гордости французскаго императора.

Смотря на блестящую комету, бывшую въ 1811 году, жители Литвы ожидали чего-то особеннаго; но во всякомъ случаѣ не думали, что въ слѣдующемъ году увидятъ столь громадное войско, которое посѣтило ихъ страну. За нѣсколько недѣль до нашествія французовъ, получено распоряженіе, на основаніи котораго жители собирали хлѣбъ, спиртъ, ветчину и вообще съѣстные припасы. Одновременно въ «Варшавской газетѣ», которой един-

¹⁾ Сейны—уѣздный городъ Сувалкской губерніи.

ственный экземпляръ на весь уѣздъ былъ у подпрефекта (начальника уѣзда), было напечатано, что въ Варшаву прибыло вестфальское войско и что въ Германіи образуется сильная армія. По истеченіи нѣсколькихъ дней, появились большіе отряды французской конницы въ окрестностяхъ города Сейнь, въ которомъ я пребывалъ въ качествѣ ученика народнаго лица. Командовалъ всей конницей генераль Gusché, а отрядомъ, квартировавшимъ въ городѣ Сейнахъ, баварскій генераль князь Вреде. Будучи недоволенъ сейнскими жителями за то, что они не встрѣтили его торжественно у городскихъ воротъ, наложилъ онъ на городъ контрибуцію въ 24,000 франковъ, съ тѣмъ, что если деньги на слѣдующій день не будутъ уплачены, то городъ будетъ преданъ грабежу и пламени. По ходатайству подпрефекта, генераль Груши освободилъ жителей отъ контрибуціи, но за то князь Вреде отомстилъ имъ тѣмъ, что приказалъ срывать солому съ крышъ на подстилку лошадямъ, жать хлѣбъ и косить траву для лошадей, вмѣсто сѣна, которое заблаговременно было уже заготовлено жителями для этой цѣли, по распоряженію мѣстной администраціи. Мало того, князь Вреде приказалъ вывести изъ города два драгунскихъ полка, которые ночевали въ городѣ, собралъ ихъ затѣмъ на городскомъ полѣ и, подъ предлогомъ произведенія имъ смотра, двинулъ ихъ въ городскіе сады и огороды, принадлежавшіе лично и приходу. По истеченіи нѣсколькихъ часовъ, когда многія фруктовыя деревья были срублены, когда поспѣвы и огородные овощи были вытоптаны конскими копытами, приказано было полкамъ очистить сады и огороды и двинуться въ дальнѣйшій путь во время невыносимой жары. Осталось въ садахъ только нѣсколько десятковъ лошадей, околѣвшихъ отъ нездороваго корма, въ особенности отъ сжатаго хлѣба. Замѣчательно было то обстоятельство, что деревья въ садахъ не высыхали, несмотря на то, что были лишены вѣтвей; яровой хлѣбъ выросъ снова, а озимые хлѣба, хотя были сжаты и истреблены французами, однако отросли, и осенью жители дождались обильнаго урожая. Не считая этого чудомъ, но упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, какъ о совершившемся фактѣ, какъ о явленіи, рѣдко случающемся въ растительномъ царствѣ. Вслѣдъ за отрядомъ баварскаго генерала сейнскіе жители имѣли возможность видѣть все новые и новые поля, состоявшіе изъ различныхъ

національностей и не уступавшіе другъ другу въ дурномъ обращеніи съ городскими жителями. Грабили все, что попало подъ руки, и въ особенности съѣстные припасы; разогнали лицей, въ соборѣ помѣстили солдатъ, которые ночевали даже на престолѣ и вообще осквернили храмъ Божій. Въ окрестности города прибыла итальянская конно-егерская дивизія, подъ начальствомъ генерала Домбровскаго (не того Домбровскаго, который собиралъ польскіе легіоны за границей), и штабъ ея остановился на нѣсколько дней въ городѣ. Частью по привычкѣ, частью застигнутые голодомъ, егеря искали по всѣмъ угламъ драгоцѣнныхъ предметовъ и съѣстныхъ припасовъ. Ища, они попали въ ледникъ настоятеля и нашли въ немъ нѣсколько бочекъ пива, извѣстнаго подъ названіемъ мартовскаго (marcove). Понравился итальянцамъ этотъ напитокъ и поэтому пили его до-пьяна. Неизвѣстно по какой причинѣ, но вѣроятно изъ зависти, отличающей вообще итальянцевъ, чтобы пиво не досталось другимъ, испортили они бочки, и напитокъ наполнилъ ледникъ до того, что итальянцы начали тонуть и звать на помощь; но, несмотря на то, что прибывшіе на помощь освободили нѣсколькихъ пьяныхъ солдатъ изъ ледника, двое изъ нихъ найдены мертвыми въ погребѣ. Вслѣдствіе этого, военное начальство заподозрило жителей въ измѣнѣ и стало открыто обвинять ксендзовъ и ихъ прислугу въ убіеніи упомянутыхъ солдатъ. Ксендзы ушли и скрылись въ лѣсу, а такъ какъ я жилъ у своего дяди, приходскаго священника, то связались ко мнѣ и хотѣли было отдать подъ судъ и затѣмъ разстрѣлять. Какъ только я узналъ объ этомъ, ушелъ изъ дому въ лѣсъ и очутился въ 20-ти верстахъ отъ Сейнъ, въ дер. Урдоминѣ, въ которой былъ другой приходъ моего дяди, ксендза Марціевскаго. Въ Урдоминѣ все было разграблено; остался только виварный ксендзъ Улидовичъ, въ послѣдствіи главный священникъ польскаго войска и инфулость ¹⁾ замостской коллегіаты ²⁾, съ одной служанкой, такъ какъ вся остальная прислуга, съ болѣе цѣнными вещами и съ домашнимъ скотомъ, кочевала въ лѣсу, чтобы такимъ образомъ уйти отъ преслѣдованія французовъ. Три дня ничего я не ѣлъ и поэтому просилъ ксендза дать мнѣ что-ни-

¹⁾ Священникъ, имѣющій право надѣть епископское облаченіе во время церковной службы.

²⁾ Капитулъ почетныхъ канониковъ (протоіереевъ).

будь поѣсть, тѣмъ болѣе, что я усталъ и чувствовалъ полное истощеніе силъ. Но всендзъ сказалъ, что у него нечего ѣсть, поэтому и мнѣ ничего не можетъ дать. Однако-жъ я обрадовался, когда замѣтилъ, что служанка собирается печь хлѣбъ; моя радость еще болѣе усилилась, когда я увидѣлъ, что въ печи жарится гусь, принесенный какою-то крестьянкой священнику. Но вдругъ мы были поражены какимъ-то шумомъ, который все болѣе и болѣе приближался къ дому настоятеля. Шумъ производилъ отрядъ баварскихъ драгунъ, занимавшихся грабежомъ. Баварцы нашли въ печи и гуся и хлѣбъ; при видѣ отнимаемаго у насъ послѣдняго куска хлѣба, я едва могъ удержать слезы. Къ нашему счастью, въ урдоминскомъ помѣстьѣ временно пребывалъ у своей родственницы, г-жи Турчиновичъ, поручикъ Наполеоновой гвардіи уланскаго полка, Ѡадей Тедвенъ. Онъ, извѣстивъ командира баварскаго отряда, что оставленъ въ Урдоминѣ для защиты жителей отъ нанесенія обидъ Наполеоновыми войсками (г. Тедвенъ считался только въ отпуску), позвалъ начальника отряда къ себѣ и приказалъ возвратитъ жителямъ все то, что баварцы разграбили въ ихъ домахъ. Баварцы послушались. Но за то въ 20-ти верстахъ отъ Урдомина отрядъ ограбилъ мѣстечко Сомно, причемъ изъ тамошняго костела взялъ 4,500 рублей, собранныхъ на ремонтъ церкви.

Какъ уже выше сказано, моего дяди въ Урдоминѣ не было; онъ отправился въ Вильковишки къ доктору, гдѣ собирались тогда главныя силы французской арміи. Помѣщица Урдомина, заботившаяся о здоровьи моего дяди, хотѣла послать лошадей за нимъ въ Вильковишки; но привести это въ исполненіе было почти невозможно, такъ какъ лошади на пути были бы навѣрно конфискованы французами. Она обратилась за совѣтомъ къ поручику Тедвену, который посоветовалъ ей слѣдующее: общалъ ей послать въ Вильковишки своего деньщика, гвардейскаго солдата изъ литовскихъ крестьянъ, и потребовалъ, чтобы въ помощь ему дать расторопнаго человѣка, который бы указалъ путь. Вся прислуга была въ лѣсу; послать было некого; поэтому я переодѣлся въ крестьянское платье, отыскалъ пару лошадей и простую телѣгу и двинулся вмѣстѣ съ гвардейцемъ, одѣтымъ въ полную парадную форму, по направленію къ Вильковшкамъ. На пути мы встрѣчали много войска, которое, увидя моего гвардейца и при-

нимая его, повидимому, за бурьера, давало намъ дорогу. Часто отряды, которые мы встрѣчали, хотѣли узнать дорогу и обращались съ вопросами къ моему барину; но тотъ, не зная по-французски, отвѣчалъ спрашивавшимъ: «la garde impériale», а меня погонялъ съ кривомъ: «marche, avans»; часто тоже прибавлялъ: «bouge». Видно, онъ такое наставленіе получилъ отъ своего барина. Мы ѣхали день и ночь, пока добрался до Вильковишекъ, находящагося въ 50-ти верстахъ отъ Урдомина. Это происходило отъ того, что дорога буквально была загромождена всякими военными принадлежностями и войскомъ. Пришлось шесть часовъ простоять у городской заставы, такъ какъ не было никакой возможности въѣхать въ городъ. Я нашелъ квартиру дяди въ конюшнѣ; здѣсь онъ помѣщался за перегородкой, вмѣстѣ съ докторомъ; семья доктора помѣщалась въ той же конюшнѣ за другой перегородкой, а въ домѣ его было отведено помѣщеніе для вице-короля итальянскаго Евгенія и для баварскаго наслѣдника престола.

Въ приходскомъ домѣ жилъ неаполитанскій король Іоакимъ Мюратъ; всѣ же прочіе городскіе дома были заняты маршалами, генералами и другими сановниками. Войско, состоявшее болѣе чѣмъ изъ 250,000, расположено было въ полѣ, прилегающемъ къ городу. Наполеона еще не было; его ожидали на слѣдующій день изъ Кенигсберга. Никакихъ не было приготовленій къ его встрѣчѣ; только жители изъ любопытства вышли за городъ, чтобы взглянуть на величайшаго въ то время героя.

На закатѣ солнца мы замѣтили въ сторонѣ, откуда имѣлъ пріѣхать Наполеонъ, столбъ пыли и звукъ трубы, остерегающей, чтобы давать дорогу императору. И дѣйствительно, по истеченіи нѣсколькихъ минутъ, показался Наполеонъ въ одноколѣѣ, запряженной одной лошадейю, которою самъ правилъ; впереди ѣхали трубачи; онъ былъ окруженъ свитой, состоявшей изъ нѣсколькихъ десятковъ кавалерійскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ разныхъ полковъ; какъ обыкновенно изображаютъ его на портретахъ, онъ былъ въ мундирѣ конно-егерскаго полка, въ пальто-сюртукѣ песочнаго цвѣта и въ характеристической треугольнѣ на головѣ.

II.

Приѣхавъ въ городъ, Наполеонъ прямо отправился въ домъ вильковишскаго помѣстья¹⁾, лежащаго на краю города, гдѣ ему была приготовлена квартира. На лицѣ императора, хотя и покрытомъ пылью, можно было замѣтить изнуреніе, безпокойство и какое-то особенное неудовольствіе, что происходило отъ того, что (какъ уже тогда рассказывали) во время похода неоднократно получалъ онъ непріятныя извѣстія. Нерасположеніе его духа приняло характеръ сильнѣйшаго гнѣва въ то время, когда въ Вильковишкахъ замѣтилъ, что не только армія, но даже его гвардія лишена самыхъ необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Цѣлую ночь онъ не спалъ, и не позволилъ другимъ уснуть, такъ какъ всѣ должны были заботиться о приготовленіи печей для хлѣба. Это обстоятельство было причиною того, что вся армія осталась въ Вильковишкахъ еще на 4 дня и вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіе войны Россіи послѣдовало четырьмя днями позже противъ назначеннаго времени. Независимо отъ того, надо было дать время отдохнуть утомленнымъ продолжительнымъ походомъ солдатамъ и снабдить армію съѣстными припасами. Кромѣ того, Наполеонъ заботился о расположеніи въ себѣ своей гвардіи, которая громко начала роптать на бѣдствія и лишенія, которыя испытывала во время этого похода. Бесѣдовалъ онъ съ солдатами, приказывалъ выдавать двойные раціоны съѣстныхъ припасовъ и вина.

Кабинетъ Наполеона помѣщался въ бесѣдкѣ, находившейся на помѣщичьемъ дворѣ, довольно просторной, окруженной высокими тополями. На столѣ лежало множество географическихъ картъ, за особымъ столомъ сидѣлъ маршалъ Бертъе, начальникъ главнаго штаба «великой арміи». Наполеонъ, по своему обычаю, несмотря на большую жару, былъ постоянно въ пальто-сюртукѣ песочнаго цвѣта, на головѣ была характеристическая шляпа, которой не снималъ, бесѣдуя съ маршалами и генералами, между тѣмъ какъ тѣ стояли передъ нимъ съ непокрытыми головами; часто ходилъ вокругъ стола въ бесѣдѣ и постоянно размышлялъ, глядя на какіе-то планы и карты, лежавшіе на столѣ; нерѣдко давалъ приказанія являвшимся къ нему въ бесѣдку. Должно быть,

¹⁾ Теперь собственность ген.-адъютанта Мпиевнца.

все время въ Вильковншкахъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ давалъ приказы грознымъ голосомъ. Нарвавъ травы для своихъ лошадей, такъ какъ сѣна и овса ни за какія деньги нельзя было достать въ городѣ, я, отъ нечего дѣлать, ежедневно нѣсколько часовъ стоялъ на помѣщичьемъ дворѣ и смотрѣлъ изъ-за угла стараго деревяннаго магазина на императора Наполеона. Слыша съ дѣтства столько чудесъ о немъ, я хотѣлъ въблизи по-смотрѣть на него и запомнить черты его лица.

Когда войско достаточно отдохнуло, отданъ былъ приказъ о произведеніи всей собранной арміи императорскаго смотра.

Во время смотра армія находилась въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я линія состояла изъ пѣшей и конной гвардіи; во 2-й—была пѣхота различныхъ народовъ; въ 3-й—конница тоже разныхъ народовъ и нѣсколько французскихъ кирасирскихъ полковъ; въ 4-й линіи—артиллерія и артиллерійскіе парки со всѣми принадлежностями. Армія построилась на югъ отъ города тѣсными линіями, на равнинѣ, примыкающей къ садамъ приходскаго священника и аптекаря Шпора, и занимала площадь въ длину 7 верстъ и въ ширину 3½ версты.

Въ 6 часовъ утра Наполеонъ выѣхалъ изъ своей квартиры, окруженный блестящимъ штабомъ, состоящимъ изъ маршаловъ, генераловъ и другихъ сановниковъ; золото и серебро, казалось, капало съ нихъ. Каждый маршалъ былъ иначе одѣтъ и каждый изъ нихъ богаче другаго. Изъ всѣхъ выдавался мундиръ неаполитанскаго короля Мюрата, похожій на гусарскій, осыпанный дорогими камнями; на головѣ была шляпа à la Henri IV, у которой было много драгоцѣнныхъ разноцвѣтныхъ перьевъ, припшпленныхъ брилліантовой кокардой. Только Наполеонъ одинъ отличался простотою своего костюма: на немъ былъ мундиръ французской гвардіи, синяго цвѣта, съ лентой и звѣздой почетнаго легіона. За то его лошадь отличалась отъ всѣхъ: бѣлая какъ молоко, сбруя, украшенная дорогими камнями, а попона изъ тонкаго багроваго сукна, обсыпанная золотыми орлами, доходила до земли. Какъ только вся эта знать остановилась передъ гвардіей, грянуло «vive l'empereur» и войско сдѣлало на караулъ. Затѣмъ маршалъ Бертъ прочелъ объявленіе войны Россіи и приказъ о вторженіи въ ея предѣлы. Снова войско сдѣлало на караулъ, грянуло снова «vive l'empereur» и раздался гене-

раль-маршъ. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ со свитой останавливался передъ каждой изъ слѣдующихъ 3-хъ линій, и повторялась таже самая церемонія. Какъ только императоръ возвратился въ городъ, въ арміи началось большое движеніе, такъ какъ всѣ отряды стали готовиться къ походу. Во главѣ авангарда былъ король Мюратъ. Авангардъ состоялъ изъ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, и именно: во главѣ шелъ уланскій полкъ гвардіи Красинскаго, за нимъ слѣдовали: 8-й уланскій полкъ князя Радзивилла, 6-й полкъ Понтовскаго, гусарскіе красные голландскіе и черные прусскіе полки съ изображеніемъ мертвой головы.

Вмѣстѣ съ Мюратомъ ѣхалъ генераль Красинскій въ полной парадной формѣ своего полка: въ бѣломъ мундирѣ съ свѣтло-зелеными отворотами, въ красныхъ панталонахъ съ золотымъ галуномъ, четырехугольная шляпа, украшенная спереди золотистымъ солнцемъ, по срединѣ котораго блестѣла буква N съ короною; сверху султанъ изъ дорогихъ и рѣдкихъ перьевъ. Это былъ красивый мужчина, не болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду; ѣхалъ онъ на красивомъ арабскомъ конѣ и обращалъ на себя вниманіе всѣхъ. Во время смотря, когда онъ выступилъ впередъ съ своимъ полкомъ, Наполеонъ выразилъ ему свое удовольствіе.

Въ тотъ самый день, когда былъ произведенъ смотръ, императоръ послѣ обѣда отправился вслѣдъ за своей арміей, имѣя намѣреніе произвести еще смотръ двумъ корпусамъ, расположеннымъ въ 20-ти верстахъ отъ Вильковишекъ. Вся эта масса войска, занимавшая столь значительное пространство, очистила городъ и его окрестности въ продолженіе однихъ сутокъ. Большая часть войска, составлявшая такъ называемую великую армію, направилась прямо къ Нѣману; другая часть отправилась чрезъ Тильзитъ по направленію къ Ригѣ, а третья повернула на право къ Нѣману, чтобы соединиться съ пятымъ корпусомъ, бывшимъ подъ командой вестфальскаго короля, брата Наполеона; въ составъ этого корпуса входило польское войско, около 75,000 солдатъ. Этотъ корпусъ шелъ черезъ Августовъ къ Гродну.

Такъ какъ на каждой дорогѣ проходило еще много войска, то я съ дядей не могъ двинуться въ путь и надо было еще ожидать нѣсколько дней въ Вильковишкахъ. Оставшись въ городѣ, я часто прислушивался къ разговору помѣщиковъ, которые при-

ѣзжали изъ окрестныхъ деревень. Насколько могу помнѣть, главнымъ образомъ толковали о томъ, почему столько войска было собрано въ городъ Вильковишкахъ. Докторъ Кирмсъ, солидный и образованный человѣкъ, имѣвшій постоянныя сношенія съ адъютантами вице-короля италіянскаго, равно какъ и наслѣдника баварскаго престола, приходившими къ нему побесѣдовать, утверждалъ, что Наполеонъ надѣялся встрѣтить русское войско на значительной равнинѣ, тянущейся именно въ окрестностяхъ Вильковишекъ, такъ какъ думалъ, что императоръ Александръ, чтобы не опустошать своего государства, перенесетъ войну за его предѣлы. Обманувшись въ своихъ расчетахъ, Наполеонъ хотѣлъ это вознаградить внезапнымъ нападеніемъ на Вильно, гдѣ въ то время находился государь; по этой причинѣ спѣшилъ поскорѣе прибыть въ городъ Вильковишки, гдѣ, какъ извѣстно, были собраны его главныя силы. Но когда и тутъ узналъ, что императоръ Александръ не думаетъ идти съ арміею на встрѣчу ему, но, напротивъ того, намѣренъ двинуться во внутреннія губерніи. Наполеонъ, до того не привыкшій испытывать превратности судьбы, былъ чрезвычайно взволнованъ. Неудовольствіе его усиливалось, такъ какъ получалъ онъ отовсюду непріятныя извѣстія. то о неисправномъ доставленіи провіанта и о значительныхъ убыткахъ при снабженіи имъ арміи, то о ропотѣ войскъ и, въ особенности, его старой гвардіи.

Припоминаю, что многіе удивлялись, когда узнали, что не было при объявленіи войны во французскомъ войскѣ никакой молитвы о счастливомъ веденіи столь громадной войны; видно, французы были увѣрены въ своемъ счастіи; но оно и было поводомъ паденія Наполеона, такъ какъ, рассчитывая постоянно только на свое счастье и на матеріальную силу, онъ оставилъ въ сторонѣ Божію помощь и благодать Его. Этимъ-же объясняется то обстоятельство, что въ столь громадной арміи, состоявшей почти исключительно изъ римско-католиковъ, не было ни одного штатнаго католическаго священника. Только гвардейскій уланскій полкъ Красинскаго постоянно держалъ на свой счетъ полковаго священника Гутковскаго, бывшаго монаха Доминиканскаго ордена.

Возвратившись благополучно съ дядей въ Урдоминъ, я снова принялся за книги и продолжалъ свое ученіе въ лицей. Въ Сейнахъ носились слухи, что вестфальскій король не успѣлъ помѣ-

пять корпусу Чичагова, возвращавшемуся изъ Турціи, соединиться съ русскими войсками, такъ какъ слишкомъ долго былъ въ Гроднѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ причиною того, что польская конница потерпѣла большое пораженіе, подъ начальствомъ генерала Рожнецкаго, при Мирѣ. Дошли до насъ извѣстія и о томъ, что значительная часть польскаго войска погибла подъ Смоленскомъ; рассказывали, что болѣе 1,000 офицеровъ были убиты, вслѣдствіе чего во многихъ семьяхъ края надѣли трауръ. Доходили слухи, что Рига не была еще взята только по той причинѣ, что маршалъ Удино и прусскій генераль Йоркъ постоянно были не согласны другъ съ другомъ относительно военныхъ дѣйствій. Носились тоже слухи и о томъ, что Наполеонъ, не будучи въ состояніи догнать русское войско, чтобы сразиться съ нимъ, не скрывалъ уже своей досады и началъ отчаяваться. Наконецъ, разошлась молва, которая вслѣдъ за тѣмъ была подтверждена въ «Варшавской газетѣ», что послѣ сраженія при Можайскѣ французская армія вошла въ Москву, которая была сожжена по повелѣнію генераль-губернатора Ростопчина.

Оставивъ Наполеона въ опустошенномъ Кремлѣ, я расскажу, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, о вторженіи его въ предѣлы Россіи.

III.

Въ тотъ самый день, въ который Наполеонъ оставилъ Вильковишки, прибылъ онъ въ село Скравдзе, въ 40-ка верстахъ отъ Вильковишекъ, и остановился въ домѣ тамошняго настоятеля.

Священникъ встрѣтилъ его торжественно и на вопросъ императора, знаетъ-ли по-французски, отвѣтилъ по-латыни, что французскаго языка не знаетъ. Тогда Наполеонъ сказалъ: «значить, будемъ говорить по-католически, по-римски». Нѣсколько разъ мнѣ приходилось слышать, что Наполеонъ очень любилъ римскую словесность и будто часто въ карманѣ носилъ Саллюстія и съ удовольствіемъ прочитывалъ войну противъ Югурты. Вошедши въ комнату, императоръ немедленно спросилъ: «есть-ли что-нибудь поѣсть?» Когда же священникъ отвѣчалъ, что рѣшительно нѣтъ ничего, и что онъ остался только въ одной рясѣ, такъ какъ все разграблено проходившимъ войскомъ, императоръ подробно распрашивалъ, что взяли у него солдаты. Когда ксендзъ рассказалъ, что

лишился скота, хлѣба, съѣстныхъ припасовъ, подвижнаго имущества, Наполеонъ выразилъ свое удивленіе и спросилъ, не жалѣеть-ли всего потеряннаго? Услышавъ отвѣтъ, что священникъ не жалѣеть, такъ какъ надѣется по водвореніи мира получить снова все отнятое у него, императоръ потрепалъ его по плечу и сказалъ: «Встрѣчаю перваго священника, котораго нельзя назвать корыстолюбивымъ». Снова потрепалъ по плечу, слегка прикоснулся пальцами въ лицу и сказалъ: «Я тебя искренно люблю».

Ходя по комнатѣ, Наполеонъ жаловался, что нечего ѣсть; но, увидѣвъ въ окно курицу, которая пряталась въ кустарникахъ въ саду, воскликнулъ: «*Reverendissime, ecce est pulla!*» Позвалъ своихъ дежурныхъ офицеровъ и самъ побѣждалъ въ садѣ ловить курицу. Словивъ ее, подходитъ къ ксендзу и говоритъ: «если ты такой-же хорошій поварь, какъ священникъ, то навѣрно сдѣлаешь мнѣ одолженіе и приготовишь супъ изъ этой курицы».

Священникъ занялся кухней, такъ какъ ни одной женщины въ деревнѣ не было. Наконецъ, при помощи 2-хъ офицеровъ и солдатъ, курица кое-какъ была состряпана. Такъ какъ не было никакой кухонной посуды, то принесли солдатскую миску и ложку и, вмѣсто хлѣба, кусокъ сухаря. Немного Наполеонъ ѣлъ бульону, но съѣлъ почти половину курицы, выпилъ немного вина, сѣлъ на скамейку и, опершись головой о стѣнку, задремалъ съ полчаса. Послѣ такого отдыха приказалъ подать себѣ одноколку и привести лошадь, принадлежавшую къ голландскому гусарскому полку, для священника, которому предложилъ ѣхать въ своей свитѣ. Такое странное присутствіе въ свитѣ ксендза обращало на себя вниманіе, и многіе военные спрашивали другъ друга о причинѣ такого обстоятельства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было понять такую необыкновенную выходку императора; догадывались, что онъ хотѣлъ показать жителямъ Литвы, какъ благосклонно относится къ ихъ вѣрѣ и духовенству. Мѣсто, указанное для сбора всей арміи на берегу Нѣмана, была долина, въ которую войско съ равнины, тянущейся отъ Вильковишекъ до береговъ Нѣмана, могло пробраться двумя путями; эта принѣманская долина закрыта отъ равнины горой, въ видѣ конуса. Какъ только Наполеонъ прибылъ къ этой горѣ, немедленно была на ней построена дорога, по которой Наполеонъ взоселъ на гору, и вслѣдъ за нимъ поставлены были на горѣ двѣ небольшія пушки. Стоя на вершинѣ горы,

осматривалъ онъ нѣкоторое время мѣстность и затѣмъ приказалъ съ одной и съ другой стороны возвышенности навести мосты. Въ то время былъ Наполеонъ въ весьма дурномъ расположеніи духа, какъ полагали, по той причинѣ, что даже на границѣ Россіи не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія; досада усилилась еще въ то время, когда, стоя на горѣ, замѣтилъ нѣсколькихъ казаковъ по другую сторону Нѣмана, которые, выскочивъ изъ пожайскаго ¹⁾ лѣсу и выстрѣливъ нѣсколько разъ изъ пистолетовъ, скрылись изъ виду. Императоръ, въ сопровожденіи упомянутаго священника первый переѣхалъ на другую сторону Нѣмана, гдѣ нашелъ генерала Красинскаго и командировъ 6-го и 8-го уланскихъ полковъ; генералъ ожидалъ съ докладомъ, что эти полки заняли городъ Ковно, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста сбора арміи, и что конница переплыла рѣку Нѣманъ. Кстати упомяну о томъ, что эта лишняя смѣлость дорого стоила, такъ какъ погубило около 200 человекъ и столько же лошадей, а Ковны никто рѣшительно и не думалъ въ то время защищать. Наполеонъ былъ весьма недоволенъ, когда ѣхалъ въ городъ; не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на большія толпы жителей, привѣтствовавшихъ его и называвшихъ даже отцемъ и спасителемъ, — нисколько не тронуло его такое сердечное привѣтствіе. Остановившись въ городѣ, онъ принималъ маршаловъ и генераловъ и грозно отдавалъ приказы, что, говорятъ, происходило отъ того, что въ то время сгорѣли хлѣбные магазины въ Кенпгебергѣ и утонуло много съѣстныхъ припасовъ въ Нѣманѣ, заготовленныхъ для арміи. Цѣлый день простоялъ священникъ въ императорской квартирѣ и, не зная, что дѣлать, просилъ лицъ, имѣвшихъ доступъ къ Наполеону, чтобы тотъ освободилъ его, тѣмъ болѣе, что всендзъ уже такъ усталъ и такой чувствовалъ голодъ, что едва держался на ногахъ. Поздно вечеромъ позвалъ его Наполеонъ къ себѣ и, давая довольно значительную сумму денегъ, произнесъ: «Reverendissime, vale, metemento mei ad altare Dei». При этомъ позвалъ маршала Бертъе и приказалъ дать лошадь священнику и трубача, который бы сопровождалъ его до села Скравдзе и оставался у него до окончанія войны. Такимъ образомъ всендзъ, на той самой лошади, на во-

¹⁾ Пожайсце — монастырь на берегу Нѣмана, близъ Ковны.

торой ѣхалъ въ свитѣ Наполеона, возвратился благополучно въ Свравдзе, сопровождаемый трубачомъ драгунскаго гвардейскаго полка. При жизни ксендзъ часто рассказывалъ о томъ, какъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ былъ при особѣ императора, но о количествѣ полученныхъ денегъ никому не говорилъ ни слова; однако-жъ послѣ его смерти узнали, что получилъ 20,000 франковъ, которые еще при жизни болѣею частью роздалъ родственникамъ. Нѣсколько разъ слышалъ я этотъ рассказъ священника; съ нимъ вмѣстѣ посѣтилъ я долину и гору, о которыхъ была рѣчь; гора и до настоящаго времени называется Наполеоновою.

Когда армія выступила въ дальнѣйшій походъ изъ предѣловъ бывшаго Варшавскаго герцогства, въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ слѣдовала армія, осталось очень много мародеровъ, которые страшно обижали жителей литовскихъ уѣздовъ. Образовавъ шайки, состоявшія изъ нѣсколькихъ человекъ, они нападали на крестьянскія и помѣщичьи усадьбы, производя повсюду сильныя разбои и грабежи. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ (Вильно, Ковно, Гродно) посылали изъ города цѣлыя отряды войска для ловли этихъ негодяевъ и безпощадно подвергали смертной казни на городскихъ площадяхъ. Но въ мѣстности между Нѣманомъ и прусскою границей, гдѣ не было ни одного уже въ то время солдата, администрація не могла управиться съ шайками. Горькая необходимость самозащиты дала жителямъ въ руки средства противъ разбоевъ: жители всякаго сословія, званія и вѣры, застигнутые такимъ бѣдствіемъ, образовали земскую стражу, которой обязанностию было помогать гражданамъ въ случаѣ нападенія и ловить мародеровъ. Устраивались настоящіе на нихъ облавы, какъ на дикихъ звѣрей, пока послѣдній изъ нихъ или не былъ схваченъ, или не переправился черезъ Нѣманъ въ сѣверо-западныя губерніи. Вслѣдствіе этихъ стычекъ, жители сами привыкли къ разбоямъ; это обстоятельство и объясняетъ, почему жители литовскихъ уѣздовъ такъ безпощадно убивали французовъ, когда они уходили изъ Россіи; впрочемъ, можетъ быть, желали отомстить имъ за обиды, нанесенныя поселянамъ французами во время вторженія въ Россію.

Когда мало по малу водворился порядокъ, я въ Сейнахъ продолжалъ заниматься наукой. Черезъ городъ проходили еще незначительныя отряды войска, входившіе въ составъ корпуса

маршала Сентъ-Сира, который позже другихъ слѣдовалъ за великой арміей. Нерѣдко мы потѣшались надъ французскими драгунами, которые недавно были преобразованы въ уланскіе эскадроны, и съ этой цѣлью, вмѣсто маленькаго ружья со штыкомъ, дана была имъ пика. Французъ, не привыкшій къ этого рода оружію, не умѣлъ обращаться съ пикою; лошади часто пугались и потому бывали нерѣдко смѣшныя сцены.

IV.

Осенью 1812 года рано начались холода. Уже въ началѣ октября по утрамъ случалась изморозь. Днемъ стояла постоянно хорошая и сухая погода, а въ ноябрѣ началась настоящая зима и морозъ нерѣдко доходилъ до 20-ти градусовъ. Первые предвѣстники плохаго состоянія французской арміи были разные интендантскіе чиновники, которые уходили съ добычею и съ женщинами, изъ коихъ многія происходили изъ высшаго польскаго сословія. Но объ отступленіи арміи еще не было слышно; только въ половинѣ ноября полковники польской артиллеріи Ридель и Кохановскій намекнули объ этомъ, ночуя въ домѣ приходскаго священника, но не связали ничего опредѣленнаго. По истеченіи нѣсколькихъ дней, прибывшій на ночлегъ въ тотъ же домъ артиллерійскій капитанъ Богдановичъ говорилъ, что всю армію принудили русскіе къ отступленію и полагалъ, что Наполеонъ уже оставилъ Москву. Подъ командой капитана было болѣе сорока орудій, которыя стояли на площади передъ церковью. Другая часть артиллеріи, состоявшая изъ бѣльшаго числа пушекъ, была подъ открытымъ небомъ за городомъ, подъ командою подполковника Пентви. Когда многіе удивились тому, что при отступленіи столько еще было орудій, капитанъ Богдановичъ толковалъ, что польская артиллерія не лишилась ни одной пушки, такъ какъ въ самомъ началѣ зимы приказано подковать артиллерійскихъ лошадей такъ, какъ обыкновенно подковываютъ ихъ въ сѣверныхъ странахъ; французы же держались въ этомъ отношеніи своихъ обычаевъ, и потому принуждены были оставлять пушки во многихъ мѣстахъ, по которымъ они проходили. За артиллеріей слѣдовала польская кавалерія, бѣльшею частью пѣшкомъ, въ которой можно было замѣтить бѣльшее число офицеровъ чѣмъ солдатъ. Исключеніе

въ этомъ отношеніи составлялъ 4-й конно-егерскій полкъ, въ которомъ было много лошадей, между прочимъ, у каждаго офицера была своя лошадь; всѣ были одѣты въ церковныя ризы, вѣрное доказательство грабежа православныхъ церквей; а у полковника Дульфуса было очень много добычи, состоявшей по преимуществу изъ дорогихъ церковныхъ предметовъ. Такъ какъ послѣ пріѣзда въ Сейны приказалъ онъ занять для себя мою квартиру и на моей кровати помѣстилъ больнаго офицера, своего родственника, приказавъ мнѣ подъ строгою отвѣтственностью смотрѣть за нимъ, то я имѣлъ возможность разсмотрѣть драгоценности, похищенные имъ въ Россіи. Видѣлъ я два большіе сундука, наполненные иконами, украшенными дорогими камнями; было въ сундукахъ также немало золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ сосудовъ. Независимо отъ этого, большой тюкъ женскихъ нарядовъ, сшитыхъ изъ дорогихъ тканей и рѣдкихъ мѣховъ. Самъ полковникъ вечеромъ вмѣсто халата надѣвалъ женскую шубку, которая, повидимому, принадлежала богатой дамѣ. такъ какъ шубка была покрыта дорогою тканью съ золотыми цвѣтами и была на собольемъ мѣху лучшаго качества; даже панталоны и сюртукъ у полковника и его родственника были на собольемъ мѣху.

Нѣсколько дней спустя, все болѣе и болѣе можно было замѣтить, что армія уходитъ изъ Россіи; черезъ Сейны проходилъ 5-й корпусъ, въ составъ котораго входило, по преимуществу, польское войско. Когда я узналъ, что князь Іосифъ Понятовскій и генералъ Домбровскій намѣрены ночевать въ Готнахъ у помѣщика Вольмера, въ 7-ми верстахъ отъ Сейнъ, я съ сыномъ того же Вольмера, полковника національной гвардіи, отправился пѣшкомъ туда, чтобы взглянуть на этихъ двухъ извѣстныхъ мужей. Вернувшись въ Сейны, нашелъ я остатки польскаго войска, которое вошло въ городъ безъ всякаго порядка, точно какіе-нибудь усталые путешественники. Вскорѣ прибылъ и командующій войскомъ генералъ Исидоръ Красинскій. Пріѣхалъ онъ въ каретѣ, запряженной шестерней вороныхъ лошадей, что составляло рѣзкую противоположность съ нищетою и рубищами солдатъ. Не знаю, по какой причинѣ разнеслась молва, что въ нѣсколькихъ миляхъ появились въ значительномъ количествѣ казаки; раздался барабанный бой, войско засуетилось и

собралось на рынкѣ. Было всего войска около 4-хъ тысячъ; но, принадлежа къ различнымъ полкамъ и будучи безъ командировъ, оно не могло построиться въ надлежащій порядокъ и образовало беспорядочную толпу. Когда прибылъ къ войску генераль, принесли какую-то связку (оказалось, что это были знамена), которой отдана была военная честь. Но потомъ оказалось, что слухи о казакахъ были невѣрны; генераль приказалъ солдатамъ разойтись по квартирамъ, а знамена препроводить въ Варшаву. Тогда же толковали, что ни одно знамя не было утеряно; и въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдствіи, во время моего пребыванія въ Варшавѣ, не разъ приходилось видѣть эти знамена въ арсеналѣ, приведенныя въ порядокъ по приказанію великаго князя Константина Павловича; послѣ 1830 года знамена эти перевезены были въ С.-Петербургъ и въ настоящее время находятся въ Казанскомъ соборѣ.

Послѣ выѣзда генерала Красинскаго настала полнѣйшая тишина; хотя и проходило много, бѣльшею частью поодиночѣ, французовъ, но на нихъ никто уже не обращалъ вниманія. Никому и въ голову не приходило, что Наполеонъ будетъ проѣзжать черезъ Сейны; между тѣмъ, 8-го декабря по новому стилю, когда мы, въ лицѣ, пробовали подъ руководствомъ профессора Маевскаго получить изъ картофеля сахаръ, входитъ въ комнату другой профессоръ, ксендзъ Яцына, и спрашиваетъ Маевскаго:

— «Видѣлъ-ли ты Наполеона, и если видѣлъ, помнишь-ли черты его лица, такъ какъ съ маршаломъ двора Наполеона Коленкурромъ ѣдетъ какой-то господинъ, весьма похожій на Наполеона?»

Маевскій отвѣтилъ, что видѣлъ его издали въ Варшавѣ въ 1806 году, а указывая на меня, прибавилъ, что лучше всего узнаю я, такъ какъ достаточно смотрѣлъ на него въ Вильковискахъ.

Мы всѣ отправились въ домъ, извѣстный подъ названіемъ Safehaus, принадлежавшій господину Мицулевичу. Наполеонъ прогуливался по большой комнатѣ, подходилъ къ камину, въ которомъ горѣлъ огонь; но жена Мицулевича постоянно отталкивала его отъ камина, такъ какъ въ немъ приготавлила кушанье для прибывшихъ гостей; императоръ былъ въ мундирѣ егерскаго полка; сверхъ мундира была бархатная куртка на собольемъ мѣху, и хотя, вмѣсто характеристической шляпы, была у него на головѣ зимняя соболья шапка, съ зеленымъ сверху бархатомъ, однако очень

легко можно было узнать отличительныя черты его лица. Мой учитель шепнулъ мнѣ на ухо, чтобы не рассказывать другимъ объ этомъ, такъ какъ видно, что императоръ ѣдетъ incognito. Все болѣе и болѣе наполнялась комната любопытными, на что Наполеонъ не обращалъ вниманія; не переставалъ онъ возиться съ хозяйкой подлѣ камина и шепотомъ нѣсколько разъ произносилъ: «belle polonaise». Вдругъ входитъ въ комнату, въ полной парадной формѣ, офицеръ гвардіи, полка имени Красинскаго, мѣстный комендантъ, который, остановившись передъ императоромъ и отдавъ ему честь, обратился къ нему съ словомъ: «sire». На это Наполеонъ: «откуда ты знаешь, что я sire?» Офицеръ, указывая на орденъ почетнаго легіона, висѣвшій у него на груди, отвѣчалъ, что удостоился получить его изъ рукъ императора послѣ сраженія при Ваграмѣ. Наполеонъ, выразивъ свое удовольствіе, прибавилъ: «если такъ, то нѣтъ надобности скрывать мое имя; поди и поищи подпрефекта (начальника уѣзда); приди съ нимъ вмѣстѣ, такъ какъ имѣю къ вамъ дѣло». Офицеръ, выходя, сказалъ собравшимся, чтобы снять шапки, такъ какъ тутъ находится императоръ. Всѣ послушались офицера. Наполеонъ благодарилъ публику и просилъ ее не стѣсняться, но всѣ стояли съ непокрытыми головами. Не мѣшала уже хозяйка Наполеону подходить къ камину, и по всему было видно, что императоръ былъ въ лучшемъ расположеніи духа; разговаривалъ съ нѣкоторыми женщинами и въ особенности съ Висневской, женою подсудка (т. е. помощника мирового судьи), которая обратила на себя его вниманіе молодостью и миловидностью; хвалилъ ея красоту, трепалъ по плечу и, по своему обычаю, слегка прикасался пальцами къ лицу или бралъ за ухо. Когда прибылъ комендантъ съ подпрефектомъ, Наполеонъ отправился съ ними въ другую комнату, гдѣ находился маршалъ Коленкуръ, генералы Раппъ и Сокольниковъ и полковникъ гвардейскаго уланскаго имени Красинскаго полка Вонсовичъ. Не скрывалъ Наполеонъ опасенія своего при проѣздѣ отъ Сейнъ до Августова, такъ какъ 50 верстъ надо было проѣхать лѣсомъ, притомъ ночью и въ разстояніи только 40 верстъ отъ русской границы, на которой уже начали появляться казаки въ значительномъ количествѣ. Посовѣтовавшись съ сказанными лицами, Наполеонъ рѣшилъ, что подпрефектъ будетъ сопровождать его до Августова.

Наполеонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ своей свитою, ѣлъ очень много, и въ особенности понравилась ему морковь съ бараньими котлетками. Это приписывали тому, что императоръ въ первый разъ обѣдалъ послѣ выѣзда изъ Москвы, такъ какъ до сейнскаго обѣда ограничивался только холодной закуской. Во время обѣда замѣтилъ онъ картину, висѣвшую на стѣнѣ, приказалъ Вонсовичу снять и въ своему удивленію замѣтилъ на ней изображеніе историческаго факта, когда императоръ Александръ въ 1807 году представлялъ ему на суднѣ, при городѣ Тильзитѣ, прусскаго короля, побѣжденнаго въ томъ же году. По этому поводу началъ философствовать о суетѣ міра сего, о разницѣ въ его положеніи между теперешнимъ временемъ и 1807-мъ годомъ. Много Наполеонъ говорилъ о вѣжливости и добротѣ императора Александра, о преданности военному искусству его брата, великаго князя Константина Павловича, котораго видѣлъ ловкость и замѣчательный навыкъ въ умѣннн обращаться съ холоднымъ оружіемъ. Наконецъ вспомнилъ, по словамъ подпрефекта, приглашеннаго тоже къ императорскому столу, о красотѣ и любезности прусской королевы, съ которой познакомился въ Тильзитѣ, гдѣ, какъ извѣстно, былъ заключенъ миръ.

Послѣ обѣда, вышедши на крыльцо, Наполеонъ произвелъ смотръ Сейнскому ополченію, состоявшему изъ національной гвардіи, собранной изъ горожанъ, и изъ такъ-называемыхъ пикинеровъ, набранныхъ изъ сельскихъ жителей. Посмотрѣвъ на саперный отрядъ, съ бѣлыми холстинными передниками, съ высокими бараньими шапками и съ длинными искусственными бородами, стоявшій во главѣ національной гвардіи, началъ смѣяться; смѣхъ его еще усилился, когда взглянулъ на упомянутыхъ пикинеровъ и произнесъ, обращаясь къ генералу Раппу: *«c'est bien ridicule»*. Въ самомъ дѣлѣ, они были смѣшно одѣты: кафтанъ и панталоны были изъ толстаго сѣраго сукна; изъ этого матеріала была и фуражка, имѣвшая форму высокой ермолки. Однако, несмотря на это, Наполеону понравилась рѣзвость и выдержанность солдатъ, хорошій ихъ видъ при 20-ти градусахъ морозу; а когда гвардія, подъ командой капитана Жельны, осмидесятилѣтняго старика, современника Костюшко, сдѣлала на караулъ, и пикинеры, поднявъ свои пики, начали кричать: *«да здравствуетъ императоръ!»* Наполеонъ былъ въ восторгѣ, нѣсколько разъ выражалъ свое удовольствіе

и благодарилъ отрядъ. Спрашивалъ подпрефекта о числѣ солдатъ. Когда узналъ, что отрядъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 2,000 солдатъ, императоръ говорилъ, что ему кажется, что Сейнскій уѣздъ меньше другихъ уѣздовъ Варшавскаго герцогства, и если въ немъ можно было набрать 2,000 войсва, то изъ Варшавскаго герцогства, состоявшаго изъ 100 уѣздовъ, можно составить армию въ 200,000 человѣкъ. «Господа,—произнесъ Наполеонъ, обратившись въ окружавшимъ,—нечего намъ отчаяваться».

Подали трое саней: на однѣхъ изъ нихъ былъ поставленъ вузовъ. Выходя изъ Cafe-haus'a, Наполеонъ встрѣтилъ у дверей госпожу Мицзуевичъ, которая мѣшала подойти ему къ камину, улыбнулся и сказалъ: «adieu, babu». Въ экипажъ сѣлъ съ своимъ человѣкомъ Рустаномъ; сзади экипажа сѣлъ генералъ Рапшъ, а на возлахъ полковникъ Вонсовичъ. На другихъ саняхъ ѣхалъ маршалъ Коленкуръ съ генераломъ Сокольниковымъ и съ однимъ служителемъ. На третьихъ саняхъ былъ багажъ и два лакея. Такъ какъ подпрефектъ не могъ успѣть собраться въ путь, то Наполеонъ, не видя его при выѣздѣ изъ города, остановился и ждалъ полчаса, пока тотъ прибылъ.

V.

Въ Глембовомъ-Бродѣ (первая почтовая станція) Наполеонъ поручилъ Вонсовичу узнать, не видѣли-ли поселяне казаковъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Въ Августовѣ благодарилъ подпрефекта за благополучно совершенный путь и увѣрялъ, что никогда объ этомъ не забудетъ и постарается вознаградить за оказанную услугу. И дѣйствительно, Наполеонъ не забылъ объ этомъ, какъ это увидимъ послѣ.

Извѣстно, что Наполеонъ, прибывъ въ Варшаву, остановился въ англійской гостинницѣ и, переночевавъ, поспѣшилъ въ дальнѣйшій путь, въ Парижъ. Никого онъ не принималъ у себя въ Варшавѣ, позвалъ только агента при правительствѣ Варшавскаго герцогства, священника Прадта, извѣстнаго дипломата, бесѣдовалъ съ нимъ и, взявъ у него денегъ, уѣхалъ изъ Варшавы.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній считаю необходимымъ прибавить еще слѣдующій рассказъ, который передаю со словъ бывшаго маріампольскаго почтсодержателя микулича.

«Увидѣвъ меня въ городѣ Маріамполѣ¹⁾ суетившагося около ямщиковъ, запрягавшихъ лошадей, Наполеонъ позвалъ меня въ себѣ, и когда узналъ, что не понимаю по-французски, поручилъ полковнику Вонсовичу передать мнѣ, что онъ, Наполеонъ, надеется, что я преданъ ему такъ, какъ вообще поляки. Притомъ прибавилъ, что передаетъ свою судьбу въ мои руки, такъ какъ желаетъ, чтобы сейчасъ же отправиться впередъ и до самой Варшавы на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ заказать лошадей для маршала Коленкура, подъ именемъ котораго Наполеонъ уходилъ въ Варшаву; чтобы никому не говорить ни слова о его проѣздѣ и въ случаѣ опасности немедленно донести. Когда Наполеонъ услышалъ, что я готовъ пожертвовать для него свою жизнь, подаль мнѣ руку, которую я поцѣловалъ чистосердечно. Только въ одномъ мѣстѣ на пути въ Варшаву я сильно встревожился: недалеко отъ городка Райгрода²⁾, услышалъ я разговаривавшихъ евреевъ, что кто-то видѣлъ казаковъ въ долинѣ рѣчки Бобра, текущей какъ разъ вдоль дороги, по которой надо было проѣзжать Наполеону. Про всякій случай я остановился до приѣзда императора и сообщилъ о слышанномъ полковнику Вонсовичу. Выслушавъ мое донесеніе, Наполеонъ спросилъ, далеко-ли до границы прусскаго королевства? Когда узналъ, что поѣдемъ близъ границы, такъ какъ дорога идетъ почти по ней, сказалъ, что надо ѣхать дальше и въ случаѣ опасности повернуть на право въ Пруссію, куда, по всему вѣроятію, казаки не осмѣлятся преслѣдовать. Согласно такому рѣшенію, мы двинулись дальше; ѣхали безостановочно днемъ и ночью безъ всякихъ уже опасеній и прибыли, наконецъ, въ Варшаву, гдѣ, по данному мнѣ приказу, я указалъ путь въ англійскую гостиницу. Императоръ приказалъ полковнику Вонсовичу благодарить меня и увѣрить, что объ услугѣ моей не забудеть, и поручилъ Прадгу, какъ сказано выше, своему агенту, выдать мнѣ 25,000 франковъ».

Возвратившись въ Маріамполь, Микуличъ засталъ уже въ немъ русское войско. Вновь установленный русскимъ правительствомъ окружной начальникъ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ Ломжинскаго департамента (губерніи), узнавъ о томъ, что Микуличъ способ-

¹⁾ Уѣздный гор. Сувалкской губерніи.

²⁾ Въ 20-ти верстахъ отъ Августова.

ствовалъ бѣгству Наполеона, приказалъ арестовать и отвести его въ гор. Вильно, откуда былъ сосланъ въ Сибирь и пробылъ въ ней два года.

Послѣ отреченія отъ престола, въ 1814 году, Наполеонъ прислалъ съ острова Эльбы дипломатическимъ путемъ сейнскому подпрефекту Людовику Ивашкевичу, при бумагѣ, въ коей выражена была благодарность за оказанную услугу, дорогой перстень, украшенный брилліантами; величина его была болѣе дюйма; на прекрасномъ аметистѣ была буква N, увѣнчанная императорской короной, сдѣланной изъ мелкихъ брилліантовъ великолѣпной работы; кромѣ того, кругомъ было болѣе 20-ти довольно крупныхъ брилліантовъ. Варшавскіе ювелиры оцѣнивали его болѣе чѣмъ въ 10,000 злотыхъ (1,500 руб. сер.). Въ послѣдствіи Ивашкевичъ, находясь въ бѣдственномъ состояніи, принужденъ былъ продать перстень еврею за 400 талеровъ.

Когда Варшавское герцогство было занято русскими войсками, не произошло въ немъ значительной перемѣны: оставлено было прежнее правительство, съ тою только разницею, что въ Варшавѣ, вмѣсто государственнаго совѣта, былъ учрежденъ временный совѣтъ, а въ департаментахъ и уѣздахъ установлена должность окружнаго начальника, которому по преимуществу принадлежала полицейская власть. Русскіе солдаты соблюдали строжайшую дисциплину; безопасность лицъ и имущества были вполнѣ обезпечены; повсюду въ краѣ водворился полнѣйшій порядокъ. Поэтому и я продолжалъ свое образованіе въ лицей и, окончивая его, дождался учрежденія, на основаніи вѣнскаго конгресса, Царства Польскаго. Вслѣдствіе этой перемѣны я лично нѣсколько пострадалъ: за хорошей и четкой почеркъ мнѣ и другому моему товарищу, Самборжецкому, назначена была стипендія 120 талеровъ въ годъ, а послѣ окончанія лица обѣщано выдавать, въ продолженіе двухъ лѣтъ, по 300 талеровъ для дальнѣйшаго образованія за границей, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи прослужить извѣстное время въ канцеляріи саксонскаго короля, варшавскаго герцога,—съ упраздненіемъ же герцогства я потерялъ эту карьеру. Но я имѣлъ надежду, что новое правительство вознаградитъ мою потерю, если буду служить ему вѣрно и надежды мои вполнѣ осуществились.

Варшава.

Перев. Е. И. Гиліусъ.

Сообщ. П. К. Щебалъевскій.

Карикатура на Наполеона I

1813 г.

Б. Я. Драшманъ сообщилъ намъ подлинный рисунокъ карикатуры, отпечатанный красками въ 1813 г., на Наполеона I; карикатура эта, въ числѣ множества другихъ, была, весьма распространена въ 1813—1814 гг. въ Германіи и Россіи. Помѣщаемъ рисунокъ вмѣстѣ съ изъясненіемъ, которое было напечатано въ то время на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ред.

Изъясненіе (1813 г.). Трупы составляютъ голову. Корпусъ покрытъ географическою картою, изображающею воинскія нынѣшней войны дѣянія. Воротникъ—кровоное море, поглощающее корабль. Кровавая струна—ленту почетнаго легіона, на коей, вмѣсто слова Эрфуртъ, сіяетъ нынѣшнее французское мейне (моя Эре Фортъ¹⁾). Звѣзда же—паутину, а на мѣстѣ наплечника видна отягощающая рука богини Немезиды, т. е. несчастіе. Все сіе вѣнчаетъ орелъ, въ видѣ шляпы, коего глазъ представляетъ кокарду, а ноги—волосы.

¹⁾ Эре фортъ значитъ—честь исчезла.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

Историческое послѣдованіе по архивнымъ источникамъ.

(Окончаніе).

VI ¹⁾.

Отправленіе дѣтей въ московскій воспитательный домъ.—Разсылка ихъ по деревнямъ.—Смертность деревенскихъ питомцевъ.—Учрежденіе особаго санитарнаго надзора по деревнямъ.—Присылка изъ Москвы въ петербургскій домъ взрослыхъ питомцевъ для отдачи въ обученіе.—Театральный арендаторъ Книперъ.—Участіе Дмитревскаго въ обученіи питомцевъ драматическому искусству.—Училище повивальнаго искусства.—Судьба питомцевъ по выходѣ изъ дома.

Количество питомцевъ, призрѣваемыхъ въ здѣшнемъ воспитательномъ домѣ, убавлялось, — кромѣ, конечно, смертныхъ случаевъ, — двумя путями. Во-первыхъ, начиная съ 1771 года и по 1780 годъ, всѣ дѣти, не моложе 3-хъ лѣтъ, отсылались въ Москву или въ сопровожденіи одного подлекаря (какъ напр., въ 1777 г.), или сержанта вмѣстѣ съ подлеваремъ, какъ это было въ 1773 г. Въ инструкціяхъ, которыя давались обыкновенно лицамъ, сопровождавшимъ питомцевъ, предписывалось: смотрѣть внимательно за пищей и состояніемъ здоровья дѣтей, обходиться съ ними ласково и «не чинить имъ никакихъ криковъ и страховъ». По дорогѣ позволялось брать для отвоза въ московскій воспитательный домъ приносныхъ дѣтей не менѣе 3-хъ и не свыше 5-ти лѣтъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 146—159; 359—380; 665—680; томъ XIII, стр. 177—199; 532—533 и томъ XIV, стр. 421—443.

но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы отдающіе дѣтей давали письменное обязательство, что не будутъ, ни подъ какимъ видомъ, ни искать платы за нихъ, ни требовать ихъ обратно. Къ мѣстнымъ властямъ тѣхъ губерній, черезъ которыя долженъ былъ слѣдовать поѣздъ съ дѣтьми, опекунскій совѣтъ обращался съ просьбой «о вспомоствованіи въ потребныхъ случаяхъ». Замѣчательно опасеніе, выраженное въ инструкціи 1773 года, чтобы кто-нибудь изъ проѣзжающихъ или изъ «смотряльщивовъ» которые заходятъ, по любопытству, на постоянные дворы, не вздумалъ похитить отвозимыхъ дѣтей. Противъ такой случайности инструкція призывала особенную бдительность со стороны командированнаго сержанта. (См. дѣла: по канц. спб. опекун. совѣта № 12—1 и по сиротск. инст. № 31—1). Во-вторыхъ, многія грудныя дѣти, съ самаго основанія здѣшняго дома, были раздаваемы на воспитаніе по деревнямъ, окружающимъ Петербургъ, хотя Бецкой вооружался сначала противъ этой мѣры, находя ее только выгодной въ экономическомъ отношеніи, но «неразумительной» и вредной для здоровья дѣтей, такъ какъ въ нашихъ деревняхъ уже отнюдь нельзя было соблюсти нормальныя условія физическаго воспитанія, предписанныя въ уставѣ. Недостатокъ кормилицъ и плохой результатъ замѣны груднаго молока коровьимъ, возимъ и другими суррогатами вынудили, однако, Бецкаго отступить отъ прежняго взгляда и дозволить раздачу дѣтей по деревнямъ, въ той надеждѣ, что здоровье ихъ будетъ лучше сохраняться при условіи правильнаго кормленія грудью, — хотя бы и въ дурной санитарной обстановкѣ, — чѣмъ при соблюденіи всѣхъ санитарныхъ требованій, но безъ молока кормилицы. Такимъ образомъ, въ 1780 г., питомцы раздавались уже на Охту, на пороховые заводы, въ Мурино, Ижору, Колпино, на царскосельскую дорогу и въ разныя русскія и чухонскія деревни верстъ за 70 отъ Петербурга ¹⁾). При отпускѣ дѣтей, съ ними выдавались рубашки и пеленки холстинныя и ка-разейныя. Шнурки съ особенными штемпелями надѣвались на шею всѣмъ отпускаемымъ въ деревни дѣтямъ, и воспитатели, оборвавшіе, хотя бы случайно, свинцовый нумеръ своего ребен-

¹⁾ Журн. спб. оп. сов. 1780 г., 18-го сент., № 473. Въ поздѣйшемъ отчетѣ упоминаются еще деревни Калитино, Илькино и Волосово. А. П.

ка, наказывались штрафомъ, размѣръ котораго мы не можемъ опредѣлить за недостаткомъ данныхъ¹⁾. Въ московскомъ воспитательномъ домѣ, кромѣ этихъ свинцовыхъ номеровъ, которые легко стирались отъ времени, навлаживались на дѣтей еще другіе, косяные нумера, при чемъ отъ воспитателей требовалось, чтобы они, замѣтивъ поврежденіе одного шнурка или нумера, не допускали до этого и другой оставшійся знакъ, а сейчасъ же приносили бы дитя въ воспитательный домъ для наложенія новаго шнурка²⁾. Мертвыхъ дѣтей воспитатели обязывались привозить обратно въ домъ для погребенія ихъ на Охтенскомъ кладбищѣ. Но опытъ показалъ: во 1-хъ, что такое доставленіе мертвыхъ неудобно по «великому изнуренію», которое претерпѣваютъ воспитатели; во 2-хъ, что послѣдніе «продерживаютъ у себя мертвыхъ по недѣлѣ и болѣе въ разсужденіи дальнаго разстоянія, а можетъ быть, и для полученія напрасной платы, производимой имъ за живыхъ». Съ переводомъ же воспитательнаго дома въ Милліонную улицу, сдѣлалось «наипаче неудобно, яко въ самую столицу», привозить умершихъ дѣтей. Поэтому положено было просить с.-петербургскаго архіепископа Гавріила: предписать священникамъ, чтобы они хоронили по деревнямъ младенцевъ, снимая съ нихъ нумера и приказывая воспитателямъ вырывать могилы. При этомъ на билетахъ, выдаваемыхъ воспитателямъ, на оборотѣ, священникъ долженъ былъ отмѣчать, съ подписью своего имени, что младенецъ умеръ и значекъ снять съ него такого-то числа. За копанье могилъ и за гробики воспитателямъ выдавалось по 10 коп.; священники же, по представленіи снятыхъ ими номеровъ въ правленіе воспитательнаго дома, получали за погребеніе младенца три, да за доставленный нумеръ двѣ — итого по 5 коп.³⁾ Эти мѣры имѣли, конечно, въ виду устраненіе всякихъ подлоговъ и обмановъ со стороны воспитателей, и администрація здѣшняго дома, упоминая въ одномъ отчетѣ объ обязанности священниковъ собирать нумера съ умершихъ дѣтей, полагала, «что этого достаточно къ предупрежденію вся-

¹⁾ 24-го окт. 1780 г., сказано въ журн. сиб. опеки совѣта (№ 537), штаб-лекарь Христофоръ Книперъ представилъ 11 р. штрафа, собраннаго съ разныхъ воспитателей за «порваніе небреженіемъ ихъ свинцовыхъ номеровъ».

²⁾ Дѣло по кавц. сиб. опеки сов., по разн. предм. № 987—10.

³⁾ Журн. сиб. опеки сов. 18-го сент. 1780 г.

каго подлога, не упоминая о томъ, что по взаимной между собою зависти воспитателей того утаено быть не можетъ». Но ни представленіе нумеровъ, «ни взаимная зависть» воспитателей, которая, по мнѣнію опекуновъ, должна была повлечь въ раскрытію обмана, ничто не дѣйствовало успѣшно въ означенныхъ видахъ, и «полученіе напрасной платы за питомцевъ», заподозрѣнное довольно верѣшительно въ 1780 г., подтвердилось въ послѣдствіи несомнѣнно и оказалось зломъ, весьма трудно искоренимымъ. По свидѣтельству барона Иксуля, завѣдывавшаго деревенской экспедиціей воспитательнаго дома въ первые годы управленія императрицы Маріи Ѳеодоровны, изъ 347-и дѣтей, розданныхъ по деревнямъ, только у 16-ти нумера сохранились въ цѣлости. Остальные же нумера были обрѣзаны и спрятаны подъ предлогомъ сбереженія. «Поэтому, — писалъ Иксуль въ своей докладной запискѣ, — какъ легко можетъ воспитательница, при посѣщеніи надзирателя, представить другое дитя, вмѣсто ей принадлежащаго, и до тѣхъ поръ заставить платить себѣ деньги, пока это покажется ей возможнымъ». Отчетныя книги, по словамъ Иксуля, легко могутъ доказать это, ибо въ нихъ почти всѣ дѣти обозначены умершими въ концѣ мѣсяца, т. е. въ исходѣ платежнаго срока, что составляетъ приблизительно сумму до 60 тыс. руб., ежегодно исторгаемую обманомъ изъ средствъ воспитательнаго дома ¹⁾. Кромѣ того, Иксуль указывалъ и на другія злоупотребленія со стороны воспитательницъ. Такъ напр., вмѣсто груди, онѣ зачастую кормили рожкомъ взятыхъ дѣтей, да притомъ еще не заботились и объ исправной перемѣнѣ этихъ рожковъ: въ лѣтнее время молоко свисалось въ нихъ, и младенцы заболѣвали отъ нездоровой пищи. Въ другихъ отношеніяхъ уходъ за дѣтьми былъ также неудовлетворителенъ, и они, находясь въ деревняхъ, подвергались увѣчьямъ, на вопросъ о которыхъ воспитатели обыкновенно отвѣчали, что дѣти взяты такими изъ дома. Чтобы избѣжать въ этихъ случаяхъ какъ обмана, такъ и несправедливаго нареканія, въ 1794 г. приказано было на билетахъ, выдаваемыхъ воспитателямъ, упоминать о тѣлесныхъ поврежденіяхъ дѣтей; но разумное приказаніе, какъ видно, плохо исполнялось, и недобро-

¹⁾ Семейный архивъ бар. Иксуля. Записка на нѣмец. языкѣ, поданная императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 24-го марта 1799 г.

совѣстнымъ воспитателямъ предоставлена была полная возможность сваливать съ себя отвѣтственность за нерадѣніе о питомцахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ смертность дѣтей въ деревняхъ была также разительна, какъ и въ самомъ домѣ, если судить по тѣмъ цифрамъ, которыя имѣемъ мы за пятилѣтіе отъ 1794 до 1799 года. Изъ этихъ цифръ оказывается, что къ 1794 г. всѣхъ дѣтей въ деревняхъ состояло 2,704; роздано вновь въ этомъ году 1,425; умерло 1,248. (Нужно думать, что смерть поражала преимущественно только что розданныхъ грудныхъ дѣтей). Въ слѣдующемъ году остатокъ составлялъ цифру: 2,881; вновь роздано 1,300; умерло 1,040¹⁾. Въ 1797 году, въ исходѣ котораго императрица Марія Ѳеодоровна вступила въ управленіе воспитательными домами, число умершихъ въ деревняхъ (1,794) значительно превзошло даже число розданныхъ вновь (1,159), такъ что къ 1799 году количество деревенскихъ питомцевъ возросло, въ теченіе 5-ти лѣтъ, только на 25 человекъ, хотя въ это время всѣхъ дѣтей роздано было 6,769. Усиленію смертности способствовало еще и то обстоятельство, что какъ государственные, такъ и помѣщичьи крестьяне, бравшіе къ себѣ питомцевъ, неохотно привозили ихъ въ домъ для привитія оспы,—хотя и побуждались къ тому денежною наградою,—и страшная болѣзнь, не предупрежденная во-время, производила нерѣдко большія опустошенія между деревенскими дѣтьми. Эта небрежность, равно какъ и вообще дурной уходъ за питомцами, объяснялись, на половину, тою скудною платою, которую назначалъ воспитательный домъ за своихъ дѣтей: благодаря этой платѣ, питомцы попадали почти исключительно въ самыя бѣдныя крестьянскія семейства, гдѣ и маленькая матеріальная поддержка почиталась находкою и гдѣ, при всемъ добромъ желаніи воспитателей, нельзя было улучшить санитарное положеніе дѣтей. По свидѣтельству того же барона Искуля, бѣольшая часть билетовъ, выдаваемыхъ крестьянамъ изъ воспитательнаго дома, находилась въ закладѣ: такъ велика была нужда, господствовавшая въ этихъ семействахъ. Не мудрено, что въ этой жизни, исполненной лишеній всякаго рода и проникну-

¹⁾ Семейн. архивъ бар. Искуля. Таблица смертности и расчисленіе издержекъ за 5 лѣтъ. Свѣдѣній о смертности за предшествующіе годы мы нигдѣ не могли найти, а потому и вынуждены пользоваться позднѣйшими цифрами.

той притомъ грубымъ невѣжествомъ относительно первѣйшихъ гигиеническихъ требованій, питомцамъ приходилось особенно плохо, и крестьяне—по той и другой причинѣ, т. е. по бѣдности или по невѣжеству—оставляли ихъ на жертву всѣмъ несчастнымъ случаямъ. Между тѣмъ средства здѣшняго воспитательнаго дома не только не дозволяли увеличивать платы за питомцевъ, розданныхъ по деревнямъ, но, напротивъ, принуждали думать о сокращеніи быстро разросставшихся издержекъ. Сначала воспитательный домъ платилъ въ мѣсяць по 2 р. 50 к. за каждаго питомца, потомъ убавилъ эту сумму до 2 руб., и, наконецъ, вынужденъ былъ «привѣтствіемъ и ласковымъ обхожденіемъ» убѣждать воспитателей помириться на полученіи 1½ р. въ мѣсяць, съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи трехъ лѣтъ, за каждаго сохраненнаго ребенка выдавалась единовременная награда отъ 5-ти до 6-ти рублей ¹⁾. Въ московскомъ воспитательномъ домѣ плата за дѣтей также не возвышалась, а убавлялась, хотя мотивъ для этой сбавки выставился другой, а именно тотъ, что «кормилицы не всегда столько стараются объ отдаваемыхъ имъ дѣтяхъ, сколько долгъ и обязанность того требуютъ». На этомъ основаніи, въ 1768 г., по журналу 10-го мая, въ Москвѣ назначено было платить деревенскимъ воспитательницамъ по 2 р. въ мѣсяць, а три года спустя, выдача эта была уменьшена до полутора рубля, при чемъ 6 руб., удерживаемые изъ заслуженной платы, и 1 р. вознагражденія выдавались только при возвращеніи питомца въ домъ и, слѣдовательно, пропадали для кормилицы въ случаѣ смерти ребенка ²⁾.

Эта недостаточность платы за деревенскихъ дѣтей была признана въ 1799 г., и баронъ Искуль предлагалъ возвысить ее до 36 р. въ годъ за питомца, что—по его мнѣнію—«заставило бы, вѣроятно, болѣе богатыхъ крестьянъ брать дѣтей». Но такую плату слѣдовало производить, по проекту Искуля, не ежемѣсячно, какъ прежде, а по истеченіи 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы ею пользовались только тѣ воспитательницы, у которыхъ дѣти оказались къ тому времени живыми.

Воспитаніе дѣтей, розданныхъ по деревнямъ, не оставалось безъ надзора со стороны опекунскаго совѣта. Въ Москвѣ, еще

¹⁾ Дѣло по канц. слб. опек. совѣта, № 567, связка 5.

²⁾ Архивъ слб. опек. сов. «Дѣла Бецкаго» за 1771 г.

въ 1768 г., спустя нѣсколько дней послѣ первой раздачи питомцевъ деревенскимъ вормилицамъ, опредѣленъ былъ опекунскимъ совѣтомъ особый чиновникъ, котораго обязанность состояла въ томъ, чтобы объѣзжать еженедѣльно тѣ селенія, гдѣ находились питомцы. Онъ лично удостовѣрялся какъ содержатся дѣти, нѣтъ ли между ними больныхъ и велъ журналъ своимъ наблюдениямъ. Обо всемъ, замѣченномъ имъ во время объѣздовъ, онъ рапортовалъ каждую субботу главному надзирателю. Черезъ мѣсяцъ, когда число деревенскихъ питомцевъ значительно возросло, а еженедѣльное посѣщеніе всѣхъ деревень сдѣлалось невозможнымъ для одного лица, срокъ осмотра дѣтей назначенъ былъ ежемѣсячный, а чиновнику увеличено жалованье 20-ю рублями¹⁾. Мы не могли добраться: кто и въ какіе сроки производилъ въ здѣшнемъ домѣ ревизію дѣтей по деревнямъ; но надо думать, что такой надзоръ существовалъ издавна, хотя, можетъ быть, по близости разстоянія Охты и пороховыхъ заводовъ,—куда отдавались сначала дѣти,—отъ Смольнаго, гдѣ помѣщался воспитательный домъ, разъѣзды эти не составляли специальной обязанности особаго чиновника. Вѣроятно, въ первое время обязанность эта лежала на исправлявшемъ должность эконома, комиссарѣ Кушнеревѣ, который, въ 1773 г., получилъ прибавку къ жалованью, именно потому, что онъ вынужденъ былъ, вслѣдствіе увеличившихся «разъѣздовъ» по дѣламъ воспитательнаго дома, завести лошадь и содержать ее на свой собственный счетъ²⁾. Затѣмъ, въ 1774 г., по случаю увеличившейся смертности деревенскихъ питомцевъ, признано было «необходимо-нужнымъ», для осмотра и для пользованія ихъ, отправлять лекарскаго ученика Николая Иванова³⁾. Въ 1777 г. разъѣздами этими занимался уже самъ лекаръ воспитательнаго дома Книперъ, которому и прибавлено «на экипажъ» по 200 р. въ годъ⁴⁾. Около того же времени и въ московскомъ воспитательномъ домѣ чиновникъ для разъѣздовъ былъ замѣненъ лекаремъ; но вскорѣ должность эта была

¹⁾ Матер. для исторіи моск. восп. дома, т. I: «Историч. очеркъ воспитанія питомцевъ по деревнямъ».

²⁾ Журн. спб. опекун. сов. 6-го декабря 1773 г.

³⁾ Журн. спб. опекун. сов. 1774 г., 10-го марта, № 55.

⁴⁾ Журналы спб. опекун. сов. 1777 г., 27-го мая, № 198, и 1778 г., 24-го апрѣля, № 144.

совершенно упразднена, такъ какъ, по словамъ опекуновъ, «усмотрѣно было великое злоупотребленіе и невозможность одному человеку, по отдаленности многихъ деревень отъ Москвы, разсѣянныхъ на великомъ пространствѣ, единожды въ годъ каждаго младенца осматрѣть». Вслѣдствіе этого московскій опекунскій совѣтъ принужденъ былъ, отмѣнивъ разъѣзды по деревнямъ, установить такое правило, чтобы всѣ розданныя дѣти были привозимы на смотръ въ воспитательный домъ по три раза въ годъ, при чемъ, по мнѣнію совѣта, «никакихъ подлоговъ вкрасься не можетъ», и каждая кормилица «чаще получаетъ наставленія врача». Если дѣти оказывались при этомъ осматрѣ нездоровыми, то они оставались въ домѣ впредь до излеченія. Но и этотъ видъ надзора признанъ былъ недостигающимъ своей цѣли, и въ 1788 г. Бецкой, — не полагаясь ни на осматрѣ дѣтей въ Москвѣ, ни на ревизіи, производимыя по деревнямъ лекаремъ здѣшняго воспитательнаго дома, котораго эти поѣздки отвлекали, какъ надо думать, отъ исполненія важнѣйшихъ обязанностей въ самомъ домѣ,—счелъ за лучшее установить по штату новую должность разъѣзднаго надзирателя. Основанія для этой мѣры были указаны и разъяснены самимъ Бецкимъ въ особомъ предложеніи обоимъ опекунскимъ совѣтамъ. «Какъ отдаваемые по необходимости, — писалъ главный попечитель, — для восвормленія по деревнямъ питомцы, въ разсужденіи невѣжества, малой чувствительности, а потому и небреженія о чужихъ дѣтяхъ крестьянъ, требуютъ надзиранія милосердаго, добродѣтельнаго и искуснаго человѣка, и для того въ обоихъ домахъ, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, учредить новую должность, въ которой чиновникъ, имѣющій потребныя къ тому совѣстной души и способнаго разума качества, безпрестанно бы по деревнямъ, гдѣ дѣти воскармливаются, разъѣзжалъ въ силу данной ему инструкціи, дабы съ крайнимъ попеченіемъ стараться о сохраненіи ихъ здоровья и подавать крестьянамъ наставленія: какимъ образомъ съ пользою имъ въ томъ поступать». Должности этой Бецкой придавалъ большое значеніе¹⁾. «Выборъ такого человѣка, — разъяснялъ онъ дальше въ томъ же предложеніи, — долженъ быть паче всего безпристрастенъ и безошибоченъ, ибо опекунскіе совѣты ему

¹⁾ Дѣло по канц. спб. опекун. сов., № 987—10.

довѣряютъ свое собственное попеченіе о жизни человѣческой, сохраненія которой ничего не можетъ быть священнѣе, а особливо для обязавшихся быть отцами сирыхъ; почему смотрѣть строго, чтобъ такой человѣкъ должность свою во всемъ совершенствѣ исполнялъ и, примѣтя въ немъ хотя малѣйшее послабленіе, его отрѣшить». Московскій опекунскій совѣтъ возражалъ противъ предложенія Бецкаго, находя въ особенности «загрудненіе въ выборѣ способнаго, вѣрнаго и надежнаго человѣка, который бы должность свою съ лучшимъ успѣхомъ исполнить былъ въ состояніи»; но Бецкой настоялъ на своемъ, и новая должность внесена была, въ 1789 году, въ послѣднюю редакцію устава воспитательнаго дома¹⁾. Въ этой же редакціи впервые упоминается и о томъ, что оберъ-директоръ или кто-нибудь изъ гг. опекуновъ обязаны нѣсколько разъ въ годъ ѣздить «не въ извѣстное время для надзиранія объ успѣхѣхъ физическаго воспитанія по деревнямъ». По уставу, обязанность разъѣзднаго надзирателя опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: «по деревнямъ разъѣзжать и съ крайнимъ попеченіемъ стараться о сохраненіи здоровья дѣтей, подавая крестьянамъ наставленіе, какимъ образомъ поступать; тѣхъ же (дѣтей), которыя больны, брать въ домъ и по выздоровленіи отвозить назадъ, а послѣ всякаго разъѣзда объявлять письменно (опекунскимъ) совѣтамъ о состояніи каждаго младенца подробно».

Въ инструкціи же разъѣздному надзирателю, составленной одновременно съ учрежденіемъ самой должности, въ числѣ главныхъ его обязанностей упоминается наблюденіе за тѣмъ, чтобы со стороны крестьянъ не было никакихъ подлоговъ и обмановъ въ отношеніи воспитываемыхъ дѣтей, для чего онъ долженъ былъ «паче всего» свидѣтельствовать клейма, надѣваемые на дѣтей, и стараться «всѣми силами истреблять могущія случиться поповольновенія отъ крестьянскаго коварства». Въ случаѣ неисправности крестьянъ по содержанію питомцевъ, инструкція давала право разъѣздному надзирателю отбирать дѣтей отъ однихъ воспитателей и передавать ихъ другимъ, отмѣчая объ этомъ въ своихъ спискахъ²⁾. Для исполненія своихъ обязанностей, разъѣздной над-

¹⁾ «Собраніе учреждений и предписаній» Бецкаго, изд. 1789 г., «предварительнаго объясненіе», стр. XXXV.

²⁾ Инструкція эта напечатана цѣликомъ въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи моск. воспит. дома».

зиратель,—по словамъ устава въ послѣдней редакціи,—не долженъ былъ непремѣнно быть лекаремъ, но «былъ бы искусенъ опытами по части физическаго воспитанія»; а инструкція выражалась на этотъ счетъ еще рѣшительнѣе, утверждая, что «искусство медицины, а особливо дѣтямъ, не столько пользуетъ, сколько вредитъ младенцевъ, выходящихъ изъ рувъ природы не человѣческимъ мудрованіемъ», почему и уврѣплять ихъ здоровье слѣдуетъ «правилами самой природы».

1-го іюня 1789 года въ должность разъѣзднаго надзирателя при здѣшнемъ воспитательномъ домѣ опредѣленъ былъ коллежскій ассесоръ Иванъ Фейергакенъ¹⁾. Насколько искусенъ онъ былъ въ «физическомъ воспитаніи» дѣтей—мудрено судить, хотя его прежняя служба (онъ былъ до того времени землемѣромъ въ моголевскомъ намѣстничествѣ) и не могла служить ручательствомъ за его опытность по этой части; но что касается до его личнаго усердія въ исполненіи новыхъ обязанностей, то оно заслуживаетъ, по всѣмъ нашимъ свѣдѣніямъ, полной похвалы. Несмотря на убійственное состояніе деревенскихъ дорогъ, Фейергакенъ ревностно разъѣзжалъ для осмотра питомцевъ, и въ 1790 г. просилъ пособія у опекунскаго совѣта, такъ какъ лошадь его, «не выдержавъ бездорожья», пала. Такая ревность тѣмъ больше обращаетъ на себя вниманія, что, въ то же время, въ московскомъ воспитательномъ домѣ осмотръ дѣтей по деревнямъ совершенно прекратился «за неотысканіемъ человѣка соотвѣтственныхъ таковой должности качествъ и способностей». Когда же осмотръ этотъ возобновился въ 1791 году, то и тогда все-таки не было установлено постоянного надзора, и чиновникъ, опредѣленный въ должность разъѣзднаго надзирателя, получалъ только изрѣдка командировки по деревнямъ, а остальное время занимался при совѣтѣ письменными дѣлами, по усмотрѣнію контролера. Кромѣ осмотра дѣтей, Фейергакенъ производилъ, съ 1790 по 1799-й годъ, ежемѣсячную раздачу денегъ за воспитаніе ихъ по деревнямъ, причѣмъ «начета на немъ (по засвидѣтельствованію опекунскаго совѣта) никакого не оказалось и жалобъ ни отъ кого не было», тогда

¹⁾ Жалованья Фейергакену было назначено по 300 р. въ годъ и на экипажъ 150 р. Въ послѣдствіи, при императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, онъ получалъ, съ экстренными прибавками, по 1,200 р. въ годъ. Въ 1803 г. онъ уволенъ отъ службы съ пенсіономъ.

какъ въ Москвѣ, около того же времени, кормилицы «роптали» на неплатежъ денегъ, вытребованныхъ изъ совѣта для раздачи, но «употребленныхъ на другое»¹⁾). Въ 1797 году Фейергакенъ, по особому порученію, вербовалъ питомцевъ по деревнямъ для класснаго отдѣленія воспитательнаго дома. Отчеты Фейергакена, которые онъ представлялъ оберъ-директору воспитательнаго дома, какъ результаты своихъ поѣздокъ, представляютъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ: отсюда узнаемъ мы, что питомцы, которыхъ предполагалось сначала отдавать въ деревни не долѣе какъ до 3-хъ или 4-хъ-лѣтняго возраста²⁾, оставались тамъ даже до 13-ти лѣтъ, вѣроятно, по недостатку помѣщенія въ самомъ воспитательномъ домѣ; что случаи смертности дѣтей отъ оспы такъ усилились въ 1797 г., что Фейергакенъ предлагалъ послать по деревнямъ лекаря для прививанія ея; что деревенскія кормилицы открыто кормили дѣтей не грудью, а рожкомъ, и на это приходилось смотрѣть сквозъ пальцы и проч. и проч.

Спб. воспитательный домъ, отсылая своихъ подростковъ въ Москву, нерѣдко получалъ оттуда уже взрослыхъ питомцевъ и питомицъ, какъ для опредѣленія ихъ при здѣшнемъ домѣ, такъ и для передачи въ академію художествъ и въ мѣщанское отдѣленіе при Смольномъ монастырѣ. Такое передвиженіе дало здѣшнему дому, въ періодъ времени отъ его основанія до 1796 года, около 200 питомцевъ обоюга пола³⁾, изъ которыхъ многіе, какъ мы говорили уже выше, работали, между прочимъ, и на здѣшной карточной фабрикѣ. Но, кромѣ того, въ 1779 году, по особому контракту съ здѣшнимъ театральнымъ антрепренеромъ Карломъ Книперомъ, отдано было для обученія драматическому искусству пятьдесятъ питомцевъ и питомицъ воспитательнаго дома, выписанныхъ нарочно съ этою цѣлью изъ Москвы.

¹⁾ Архивъ моск. опек. сов.: дѣло о безпорядкахъ, стр. 195, переписка графа Маниха съ главнымъ надзирателемъ Гавриловымъ.

²⁾ «Предварительное объясненіе» въ «Собраніи учреждений и предписаній» т. I. По первоначальному же положенію моск. опек. совѣта, состоявшемуся въ 1768 г., дѣти не должны были оставаться въ деревнѣ долѣе года, и отступать отъ этого правила дозволялось только съ разрѣшенія главной надзирательницы и доктора, если «нужда востребуетъ» (спб. архивъ опек. сов., дѣла Бецкаго за 1771 годъ).

³⁾ Арх. моск. опек. сов., дѣло о безпорядкахъ: «Вѣдомость о состояніи и приѣмѣ дѣтей въ моск. воспит. домъ».

Для облегченія труда Книпера, изъ питомцевъ и питомицъ избирались такіе, которые обучались уже въ Москвѣ танцамъ, музыкѣ и драматической декламациі. По контракту, Книперъ обязывался, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, содержать питомцевъ и питомицъ на всемъ готовомъ и нанимать для нихъ на свой счетъ учителей¹⁾. Жалованья питомцамъ не полагалось за это время, но Книперъ долженъ былъ поощрять успѣхи особенно отличившихся въ ученіи «пристойными» наградами. Во второе трехлѣтіе Книперъ уже обязанъ былъ назначить жалованье своимъ актерамъ, «по ихъ талантамъ», отъ 100 до 300 р., продолжая довольствовать ихъ квартирою, дровами, свѣчами и необходимыми для театральной игры принадлежностями. Домъ, нанятый Книперомъ для питомцевъ, освобождался, по силѣ привилегій воспитательнаго дома, отъ всѣхъ полицейскихъ повинностей; самъ же Книперъ, лично, находился «подъ протекціей и защищеніемъ» с.-петербургскаго опекунскаго совѣта. Нравственный надзоръ за питомцами принадлежалъ Книперу, но въ случаѣ неуспѣха его «увѣщаній и дружескихъ совѣтовъ», онъ могъ прибѣгать съ жалобою къ опекунамъ для принятія болѣе сильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Какъ видно, Книперъ не особенно удачно дѣйствовалъ своими совѣтами на сыновъ Талии и Мельпомены, и вскорѣ обратился за помощью къ правленію воспитательнаго дома; такъ напр., въ 1781 г., по его представленію, одинъ музыкантъ былъ отданъ въ солдаты, а въ слѣдующемъ году той же участи подвергся и еще одинъ танцоръ²⁾. По прошествіи шести лѣтъ, питомцы, обучавшіеся у Книпера, могли, по желанію, оставить его театръ, предупредивъ о томъ содержателя за полгода; равномѣрно и Книперъ могъ отказать питомцу, сообщивъ ему за полгода о такомъ рѣшеніи. Этотъ контрактъ съ Книперомъ былъ дополненъ въ 1781 г. новымъ условіемъ, по которому въ аренду къ тому же лицу поступалъ и театръ, только что построенный отъ воспитательнаго дома на Царицыномъ лугу и стоившій свыше 20 тысячъ р.³⁾.

¹⁾ Арх. спб. оп. сов., дѣло по сирот. вѣстят., по разн. предм., № 91/2.

²⁾ Арх. спб. оп. сов., дѣло по сирот. вѣстят., по разн. предм., № 211/2.

³⁾ Этотъ театръ былъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзною крышею. Для улучшенія проѣзда къ нему, понадобилось засыпать Красный

Изъ питомцевъ и питомиць, отданныхъ Книперу, вышло нѣсколько замѣчательныхъ аетеровъ и актрисъ, имена которыхъ сохранились въ исторіи русскаго театра. Между ними на первомъ планѣ стоятъ: Антонъ Крутицкій и Козьма Гамбуровъ, бывшіе одно время «инспекторами по сценической части» въ здѣшней театральной дирекціи; первый изъ нихъ игралъ комическихкихъ стариковъ и былъ превосходенъ въ роли Гарпагона (въ пьесѣ Мольера); второй отличался въ роляхъ благородныхъ отцовъ ¹⁾. Кромѣ того, выдавались своимъ талантомъ: Сергѣй Рахмановъ (№ 835-й, приноса 1771 г., 31-го марта), прославившійся ролями Скотинина и Бригадиря, и Максимъ Волковъ, удачно изображавшій дураковъ и слугъ. Изъ аетрисъ пользовались извѣстностью: Крутицкая въ роляхъ служанокъ и Милевская—въ драматическихкихъ роляхъ. Но всѣми этими успѣхами питомцы и питомицы воспитательнаго дома обязаны были вовсе не Книперу, а знаменитому въ свое время артисту Ивану Аванасьевичу Дмитревскому, который, развивъ въ нихъ своими уроками драматическіе задатки, имѣлъ въ послѣдствіи полное право сказать: «г. Книперъ, въ разсужденіи игры, одолженъ успѣхомъ своего театра никому иному, какъ моему трудолюбію и старанію». Взявшись по условію съ Книперомъ давать питомцамъ, за опредѣленное жалованье, по 12 уроковъ въ мѣсяцъ, Дмитревскій былъ такъ внимателенъ и усерденъ къ своему дѣлу, что являлся къ нимъ почти каждый день по два раза, и въ первый же годъ поставилъ, при ихъ участіи, на театрѣ Книпера 28 различныхъ пьесъ ²⁾. Этимъ путемъ Дмитревскій пріобрѣлъ такое моральное вліяніе на своихъ учениковъ и учениць, что они, претерпѣвая отъ Книпера всевозможныя лишенія и непріятности, «исполняли свою должность больше по уваженію» къ наставнику, нежели «по воздаянію, получаемому отъ содержателя». Что же касается

каналъ (см. дѣло по сирот. инстит., № 211, связка 4), чтобъ «черезъ каналъ къ проѣзду на мосту тѣсноты быть не могло».

¹⁾ «Лѣтопись русск. театра» Пимена Арапова, стр. 105, и дѣло по сирот. инстит., по разн. предм., № 449/2. У г. Арапова Крутицкій названъ Антономъ Васильевичемъ, тогда какъ въ нашихъ документахъ онъ вездѣ называется Антономъ Михайловичемъ. Крутицкій носилъ № 517 (5-го авг. 1765 г.), Гамбуровъ—№ 551 того же года и мѣсяца.

²⁾ Дѣло по канц. сиб. оп. сов., по разн. предм., № 810/2. Здѣсь помѣщено письмо Дмитревскаго, которое дышетъ правдой и искренностью. А. П.

до личнаго участія въ этомъ дѣлѣ самого Книпера, то оно началось съ того, что ловкій антрепренеръ, подучивъ слегка для сцены своихъ даровыхъ труженниковъ, началъ сейчасъ же пользоваться ихъ трудами для своего театра; заставилъ ихъ жить въ тѣсномъ и холодномъ помѣщеніи, дурно кормилъ и одѣвалъ, а музыкантамъ не покупалъ даже новыхъ инструментовъ, заставляя ихъ играть на старыхъ, привезенныхъ вмѣстѣ съ ними изъ Москвы, — подъ тѣмъ предлогомъ, что музыкантъ лучше играетъ на томъ инструментѣ, «къ употребленію котораго уже привыкъ», но въ сущности для того, чтобы избавить себя отъ лишнихъ издержекъ. Вслѣдствіе такой скарденности, музыканты нѣсколько лѣтъ продолжали играть «на тѣхъ же северныхъ инструментахъ, которые, разноглася, отвращали, къ стыду ихъ, слухъ зрителей». Къ тому же, и обученіе музыкантовъ остановилось на той точкѣ, на которой засталъ его контрактъ Книпера съ Воспитательнымъ домомъ, и содержатель театра совсѣмъ не позаботился о дальнѣйшемъ музыкальномъ образованіи своихъ юныхъ артистовъ. Въ довершеніе всего, питомцы и питомицы дошли подъ надзоромъ Книпера, до «извѣстныхъ, къ безславію воспитанія, порочныхъ поведеній, въ чемъ и самъ содержатель участннкъ»¹⁾. Этому обстоятельству, быть можетъ, не мало способствовало и скудное жалованье, которое Книперъ назначалъ своимъ артистамъ и артисткамъ, избирая для этого минимумъ платы, положенной по контракту, и не доходя никогда до наибольшей суммы, выговоренной тѣмъ же условіемъ. По этимъ причинамъ с.-петербургскій опекунскій совѣтъ рѣшилъ, наконецъ, отнять театръ у Книпера и передать его Дмитревскому, который согласился выполнить всѣ прежнія обязательства. Но Книперъ протестовалъ противъ расторженія контракта и ссылаясь на то, что, истратившись на обученіе питомцевъ и на обзаведеніе театра декораціями и костюмами, онъ не имѣлъ еще времени воспользоваться плодами своихъ затраченныхъ средствъ. На Дмитревскаго же Книперъ собирался предъявить особый искъ, желая отобрать у него всю прибыль, полученную имъ отъ семимѣсячнаго содержанія театра, и отобрать на томъ основаніи, что Дмитревскій пользовался декораціями и костюмами

¹⁾ Журн. сиб. онек. сов. 31-го дек. 1782 г., № 893. Изъ письма Дмитревскаго видно, что три питомицы, по отнятіи театра у Книпера, оказались беременными.

прежняго арендатора, — уже обратившимися въ «тряпье» и «ветошь», по увѣренію противной стороны. Жалоба Книпера, пройдя нѣсколько инстанцій, получила, въ 1797 г., окончательное разрѣшеніе, въ силу котораго убытки Книпера оцѣнены, — вмѣсто требуемой имъ значительной суммы, — въ 4,912 р. 2 к.; это вознагражденіе и положено было выдать ему изъ опекунскаго совѣта. Въ августѣ 1783 года театръ воспитательнаго дома купленъ былъ придворнымъ вѣдомствомъ за 25 тысячъ руб. (исключая костюмовъ и декораций) и отошелъ въ вѣденіе особаго комитета подъ преемствительствомъ А. В. Храповицкаго. При этомъ, питомцамъ и питомицамъ, въ числѣ 62 человекъ, предоставлено было — или получить здѣсь увольнительныя свидѣтельства, а также и жалованье за мѣсяць до пріисканія новыхъ мѣсть, или вернуться на казенный счетъ въ Москву. Каждый питомецъ долженъ былъ самъ позаботиться объ отысканіи себѣ мѣста, но питомицы — «какъ онны такъ легко о себѣ стараться не могутъ» — поручались особенному ходатайству разныхъ лицъ и увольнялись изъ дома только тогда, когда ходатайство это приводило къ желанной цѣли, т. е. къ доставленію имъ «удобныхъ и надежныхъ мѣсть».

Также точно, какъ въ театрѣ Книпера, присылались питомицы московскаго воспитательнаго дома и въ «училище повивальнаго искусства», учрежденное при здѣшнемъ родильномъ госпиталѣ. Училище это возникло, благодаря личной инициативѣ Бецкаго и денежному пожертвованію съ его стороны; оно было первою, серьезно задуманною и надлежащимъ образомъ поставленною, акушерскою школою въ Россіи. До того времени акушерское, или «бабичье» дѣло, находилось у насъ въ зародышѣ, несмотря на нѣсколько мѣръ, принятыхъ правительствомъ для его развитія. Акушерскія школы, уже существовавшія въ Петербургѣ и Москвѣ, нуждались въ предметахъ самой первой необходимости; преподаваніе въ нихъ было лишено всякаго пракческаго характера, вращаясь въ сферѣ одной лишь сомнительной теоріи; самое число повивальныхъ бабокъ, удостоенныхъ этого званія по окончаніи курса, было слишкомъ недостаточно для размѣщенія ихъ по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ Россіи ¹⁾. Люди, имѣвшіе

¹⁾ См. «Очеркъ изъ исторіи русскихъ медиц. учреждений XVIII ст.» г. Чистовича, стр. 214 и далѣе, и историч. записку о повивальн. институтѣ во 2-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи моск. воспит. дома». А. П.

случай познакомиться съ тогдашними акушерскими школами, приходили въ убѣжденію, что, безъ кореннаго преобразованія, отъ нихъ невозможно ожидать никакой пользы. Замѣчательно, что первое крупное пожертвованіе въ пользу акушерскаго дѣла принадлежало племянницѣ И. И. Бецкаго, внягинѣ Екатеринѣ Дмитриевнѣ Голицыной, рожденной княжнѣ Кантемиръ, бывшей въ замужствѣ за русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Княгиня Голицына — одна изъ образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ своего времени — духовнымъ завѣщаніемъ своимъ, отъ 1769 г., назначила особый капиталъ (20 т. р.), на проценты съ котораго, черезъ каждыя шесть лѣтъ, предполагалось отправлять трехъ природныхъ русскихъ въ Страсбургскій университетъ, — славившійся въ ту пору лучшимъ преподаваніемъ повивальной науки, — для обученія медицинѣ и въ особенности акушерству¹⁾. На эти средства получили образованіе извѣстные доктора: Н. М. Максимовичъ-Амбодикъ, авторъ многихъ медицинскихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, А. М. Шумлянскій и другіе, бывшіе въ послѣдствіи преподавателями акушерства въ русскихъ школахъ. Но еще важнѣе была услуга, оказанная этому добродѣлю самимъ И. И. Бецкимъ. Въ 1781 г. онъ задумалъ уже основать помянутое училище, и въ письмѣ, отъ имени неизвѣстнаго, въ здѣшній опекуновскій совѣтъ обѣщаль пожертвовать всѣ нужныя для того средства. «При какомъ мѣстѣ, — писалъ Бецкой, — оное (училище) удобнѣе учредить, какъ не при родильныхъ госпиталяхъ, уже издавна приносящихъ пользу обществу съ удовольствіемъ, гдѣ преподаваемая теорія можетъ много практикою утверждаться и надежно производить искусство, толь спасительное роду человѣческому?»²⁾. Около того же времени, на оберъ-директора Фрезе возложена была коммисія «для основанія всего потребнаго къ представляемому заведенію», въ исполненіе чего онъ велъ переписку съ иностранными докторами, выискивая человѣка «для порядочнаго обученія питомцевъ», и исчислялъ издержки, необходимыя для первоначальнаго обзаведенія новаго училища. Эта переписка и смѣта издержекъ потре-

¹⁾ Мать внягини Голицыной и сестра Бецкаго, Анастасія Ивановна, рожденная Трубецкая (по второму мужу принцесса Гессенъ-Гомбургская), также отдала въ распоряженіе Бецкаго 10 т. р., на проценты съ которыхъ содержалось нѣсколько питомцевъ воспит. дома, подъ именемъ Гомбурцевъ.

²⁾ Письмо это напечатано въ «Извѣстіяхъ» воспит. дома на 1784 годъ.

бывали довольно много времени, и повивальное училище могло открыться только въ 1784 г., подъ руководствомъ профессора Гюсифа Моренгейма, состоявшаго прежде въ австрійской службѣ и переименованнаго въ надворные совѣтники по указу императрицы Екатерины II, отъ 1-го сентября 1783 г. Всего основнаго капитала, необходимаго для прочнаго существованія училища, было исчислено до 30 т. р., да единовременныхъ издержекъ 6,115 р., и вся эта сумма была пожертвована Бецкимъ изъ его собственныхъ средствъ. Кромѣ того, и на содержаніе здѣшняго родильнаго госпиталя Бецкой ассигновалъ своихъ денегъ 20 тысячъ р., капиталъ же Демидова, внесенный въ 1771 г. на устройство этого заведенія, предполагалъ перевести въ Москву¹⁾, назвавъ тамошній госпиталь Демидовскимъ и переславъ туда доску съ именемъ жертвователя, находившуюся на зданіи петербургскаго госпиталя. 2-го мая 1784 г. с.-петербургскій опекунскій совѣтъ извѣстилъ уже объ этомъ московскихъ опекуновъ. Но въ іюнѣ 1800 г. императрица Марія Ѳеодоровна прислала запросъ здѣшнему почетному опекуну Саблукову: куда дѣвались 20 т. р., пожертвованные Демидовымъ и переведенные въ Москву? такъ какъ въ Москвѣ ихъ не оказывалось, по свѣдѣнію, сообщенному главнымъ попечителемъ Масловымъ. По этому случаю возникла переписка, изъ которой обнаружилось, что хотя Бецкой и предписалъ, дѣйствительно, перевести демидовскій капиталъ въ Москву, но взялъ свое предписаніе обратно, и деньги переведены туда не были, а оставались въ общемъ капиталѣ с.-петербургскаго воспитательнаго дома, не отдѣленные въ балансахъ подъ особую рубрику. 11-го сентября того же года императрица Марія Ѳеодоровна, «слѣдуя первому благотворительному намѣренію» И. И. Бецкаго, предписала переслать демидовскій капиталъ въ Москву; проценты же съ капитала Бецкаго, возросшаго въ это время до 21,839 р. съ копѣйками, императрица повелѣла употреблять, по назначенію, на содержаніе здѣшняго родильнаго госпиталя²⁾.

Всѣ питомцы, получившіе образованіе какъ въ самомъ домѣ, такъ и на счетъ опекунскаго совѣта въ другихъ учебныхъ заве-

¹⁾ «По удобности всегдашней въ Москвѣ бытности г. Демидова»,—какъ сказано въ дѣлѣ, которымъ мы пользуемся.

²⁾ Арх. слб. опек. сов., дѣло по канц., по разн. предм., № 8^{н2}/10, и дѣло по родовспомог. заведенію, по разн. предм., № 2.

деніяхъ и у разныхъ мастеровъ, оканчивали со временемъ свои обязательныя отношенія въ дому и вступали въ жизнь по той или другой, избранной ими, дорогѣ. Главная цѣль воспитательныхъ домовъ состояла въ томъ, чтобы создать въ Россіи третье образованное сословіе или, иначе сказать, въ томъ, чтобы развить и облагородить на европейскій ладъ,—введеніемъ новыхъ элементовъ,—уже существовавшія у насъ сословія купечества и мѣщанства, которыя, и по своему невѣжеству, и по небезпечности своего общественнаго положенія, стояли почти на одномъ уровнѣ съ крестьянствомъ. Поэтому уставъ воспитательнаго дома обращаетъ особенное вниманіе на тѣхъ питомцевъ, которые, получивъ въ домѣ полное профессиональное образованіе, приготовлялись потомъ въ жизни осуществить важнѣйшую задачу учрежденія, ихъ воспитавшаго. На четырнадцатомъ или пятнадцатомъ году всѣ питомцы и питомицы, остававшіеся въ домѣ, должны были обучаться разнымъ мастерствамъ, «по склонности», и для такого обученія полагалось сначала 4 или 5 лѣтъ¹⁾, а потомъ срокъ этотъ продолженъ былъ до 6-ти и 7-ми лѣтъ²⁾. Фабрики и мастерскія для обученія питомцевъ предполагалось заводить непременно въ самомъ домѣ (условіе, не соблюдавшееся на практикѣ), «для того, чтобы отданныя въ науку дѣти, будучи подъ присмотромъ начальниковъ, тѣмъ лучше могли предохранены быть отъ поврежденія добрыхъ своихъ нравовъ». При этомъ уставъ выражалъ надежду (тоже не сбывшуюся), что питомцы, еще находясь въ стѣнахъ дома, успѣютъ заработать себѣ настолько средствъ, чтобы по выходѣ, не имѣя нужды обращаться въ простыхъ поденщиковъ, могли сами вступать въ купечество и заводить собственныя мастерскія. «Симъ способомъ—говорилъ уставъ—не токмо минуются случаи, нравамъ вредительныя, и надежнѣе произведутъ они (питомцы) желаемый новый родъ, но и прочіе, съ тѣми искусствами и ремеслами изъ сего дома выходящіе, къ нимъ же прибѣжище имѣть будутъ». Чтобы помочь питомцамъ нажить капиталъ, необходимый для упроченія ихъ матеріальнаго положенія, уставъ полагалъ: не выпускать ихъ изъ дома даже и по достиженіи двадцати-лѣтняго возраста, но поженивъ — если

¹⁾ Первая часть генер. плана, глава II, § 8.

²⁾ Третья часть генер. плана, гл. XIII, стр. 275.

того пожелаютъ — на питомицахъ, отводить имъ помѣщеніе въ мастерскихъ воспитательнаго дома и давать работу уже по договорной цѣнѣ и за наличный платежъ, въ теченіе 3-хъ — 4-хъ лѣтъ¹⁾. Когда же въ Москвѣ, передъ выпускомъ питомцевъ въ 1779 г., не оказалось для нихъ свободнаго помѣщенія, то московскій опекунскій совѣтъ предлагалъ Бедкому выстроить «на первый случай» нѣсколько дворишковъ, куда можно было бы поселять женатыхъ питомцевъ, взимая съ нихъ плату по расчисленію такъ, чтобы, по прошествіи пяти-лѣтняго срока, дворники эти обращались въ собственность квартирантовъ²⁾. Но предположеніямъ устава не суждено было осуществиться: во-первыхъ потому, что многочисленность питомцевъ не позволяла поселить ихъ всѣхъ въ одномъ тѣсномъ районѣ; во-вторыхъ и потому еще, что самое заведеніе фабрикъ и мастерскихъ при домѣ было признано невыгоднымъ, и онѣ стали закрываться одна за другой. Вслѣдствіе этого, на практикѣ, значительная часть питомцевъ отпускалась изъ дома даже раньше 20-ти-лѣтняго возраста для снисканія, собственнымъ трудомъ средствъ къ жизни, и большинство ихъ попадало, конечно, не въ купечество, а въ работу къ мастерамъ или въ личное услуженіе. Только малая доля этого контингента открывала себѣ доступъ къ другимъ, высшимъ профессіямъ или пробивалась, благодаря чьей-нибудь поддержкѣ, въ государственную службу. Объ этихъ-то избранныхъ «Извѣстія» воспитательнаго дома, за 1784 годъ, говорятъ слѣдующее: «иные употребили себя писцами въ разныя команды; нѣкоторые, опредѣляясь въ лекарскіе ученики, нынѣ, по признаннымъ въ нихъ способностямъ, произведены лекарями; иные, обучившіеся бухгалтеріи, приняты въ купеческія конторы; иные опредѣлились къ театрамъ, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, актерами, музыкантами и танцовщиками; тѣ же, кои оказали склонность отличную къ свободнымъ художествамъ, опредѣлены въ академію художествъ для приведенія въ совершенство ихъ природныхъ дарованій»³⁾. Счастливейшія между питомицами попадали въ мѣщавское отдѣленіе Смольнаго, гдѣ, по окончаніи курса, получали аттеста-

¹⁾ Первая часть генер. плана, гл. V, § 6, и первая часть, гл. II, § 9.

²⁾ Арх. слоб. опекун. сов., дѣло по канц., по разп. предм., № 400/4.

³⁾ «Собраніе извѣстій Импер. воспит. дома», изд. 1791 г., стр. 262—263.

ты¹⁾ или, выйдя до срока, составляли себѣ болѣе или менѣе счастливыя партіи²⁾. Нѣкоторыя изъ нихъ опредѣлялись въ училище повивальнаго искусства или получали извѣстность на сценѣ; но, какъ мы видѣли, въ періодъ управленія Бецкаго, это были исключительно питомицы не здѣшняго, а московскаго воспитательнаго дома. По болѣшей же части, питомицъ ожидало впереди званіе прислуги въ частныхъ домахъ или въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Усыновленіе питомцевъ и удочереніе питомицъ, а также возвращеніе приносныхъ дѣтей въ ихъ родителямъ или родственникамъ, совсѣмъ не упоминаются въ уставѣ воспитательнаго дома, и случаи такого рода, встрѣчавшіеся при Бецкомъ, разрѣшались въ томъ смыслѣ, что дѣти, разъ принесенныя въ домъ, навсегда уже должны были оставаться подъ его надзоромъ и попеченіемъ. Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ, въ 1764 году, отданъ былъ на воспитаніе матери младенецъ Алексѣй съ платою по 80 в. въ мѣсяцъ, но воспитаніе это считалось лишь временнымъ, до извѣстнаго срока, по наступленіи котораго мать обязана была представить ребенка обратно въ домъ. Въ другой разъ, итальянецъ Бастіа просилъ Бецкаго о возвращеніи ему сына, зачисленнаго въ московскій воспитательный домъ, причемъ вносилъ за него сумму въ 500 р. Въ отвѣтъ на это Бецкой входилъ съ особымъ докладомъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, такъ какъ «дѣло сіе съ уставомъ воспитательнаго дома никакого примѣра не имѣетъ и дабы впредь образцомъ служить не могло»; получивъ же резолюцію императрицы: «учинить, какъ лучше польза быть можетъ», главный попечитель предписалъ, въ видѣ исключенія, возвратить мальчика, обязавши отца подпискою воспитывать малолѣтняго въ православной вѣрѣ, «обучать порядочно въ настоящія лѣта», а въ случаѣ болѣзни, давать немедленно знать опекунскому совѣту. За неисполненіе этихъ условий, Бастіа могъ снова лишиться своего сына³⁾.

¹⁾ Архивъ Смольнаго: «Списокъ мѣщанск. дѣвушкамъ 1776—1791 гг.».

²⁾ Для выхода въ замужество питомицъ, по уставу, полагался 20-ти-лѣтній возрастъ, но отъ этого срока пришлось отступить, такъ какъ, по замѣчанію моск. опек. совѣта, свойство этого возраста «для мужскаго пола будетъ составлять самую пору, а для женскаго пола едва-ли не поздось въ разсужденіи природы сего пола, созрѣвающей скорѣе». (Арх. слб. опек. сов., дѣло по канц., по разн. предм., № 460, связка 4).

³⁾ «Матер. для истор. моск. воспит. дома», выпускъ I, статья: «Передача

Всѣ питомцы, покидавшіе воспитательный домъ, «по надлежащемъ обученіи мастерству какому или рукодѣлію», получали при выходѣ полную экипировку отъ дома, состоящую въ платьѣ, бѣльѣ и обуви; а сверхъ того, рубль денегъ и паспортъ для свободнаго проживанія во всемъ государствѣ. По уставу (часть первая, глава V, § 3), питомцы обоого пола должны были ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ мѣнять свои паспорта въ воспитательномъ домѣ, платя за каждый по столько рублей, на сколько лѣтъ паспортъ выдается, или болѣе, «если питомецъ художествамъ обучился», т. е. получилъ высшее образованіе на средства воспитательнаго дома. Съ такими паспортами питомцы, по выраженію генеральнаго плана, оставались «всегда и непосредственно подъ покровительствомъ гг. опекуновъ, попечителей, попечительницъ и самого совѣта, гдѣ бы ни находились»¹⁾. Но такъ какъ ежегодная перемѣна паспортовъ имѣла цѣлю «отвратить отъ питомцевъ всякія притѣсненія» и въ особенности предохранить ихъ отъ обращенія въ крѣпостное состояніе,—на дѣлѣ же оказалось, что для живущихъ въ отдаленіи эта мѣра «наиболѣе послужить къ ихъ отягощенію»,—то Бедкой нашелъ полезнымъ выдавать питомцамъ, вышедшимъ замужъ, и питомцамъ, достигшимъ зрѣлаго возраста, вѣчные паспорта или вѣчно-увольнительныя свидѣтельства, которыя уже не было надобности мѣнять въ опекуновскомъ совѣтѣ. Наконецъ, «для возбужденія обоого пола къ добродѣтельному житію», назначено было, по уставу, выдавать питомцамъ и питомицамъ,—первымъ «для обзаведенія», вторымъ «на приданое»,—по 25 р. Эта награда предназначалась преимущественно для тѣхъ молодыхъ мастеровъ и мастерицъ, которые, по выходѣ изъ воспитательнаго дома, прожили уже нѣсколько времени на волѣ, своимъ трудомъ, и могли представить хорошіе аттестаты отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ жили, или могли доказать опытомъ, что «знаніе въ мастерствѣ своемъ, въ сіе время, привели въ болѣе совершенство или еще и новому какому-нибудь мастерству или рукодѣлію научились»²⁾.

А. П. Пятковскій.

питомцевъ на попеченіе родственникамъ»; а также письмо главн. попечителя въ моск. опекунов. совѣтъ отъ 17-го февраля 1769 г.

¹⁾ Генер. планъ, ч. 3-я, гл. XIII.

²⁾ Генер. планъ, ч. 1-я, гл. V, § 5.

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ МАГНИЦКІЙ

въ 1812—1844 гг.

Помѣстивъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. (томъ XIV, стр. 478—491) нѣсколько данныхъ къ характеристикѣ Магницкаго, считаемъ необходимымъ сообщить нѣкоторые факты изъ его жизни, обстава ихъ документами, впервые появляющимися въ печати.

Ред.

I.

Въ одно время съ Сперанскимъ, въ мартѣ 1812 г., какъ извѣстно, высланъ былъ изъ С.-Петербурга дѣйств. ст. совѣтникъ Магницкій въ Вологду.

Магницкій былъ отправленъ 13-го марта съ чиновникомъ с.-петербургской полиціи Журиковымъ. Въ то же время изъ кабинета его величества, по высочайшему повелѣнію, отпущены были 2,300 руб. на покупку экипажей для жены его.

На другой день ѣзды, 19-го марта, Магницкій останавливался на станціи Залазы для ночлега, жалуясь на головную боль; но Журиковъ изъ разговоровъ его замѣтилъ, что онъ поджидалъ жену свою. Еще изъ Гатчины, того же 19-го марта, Магницкій писалъ къ министру полиціи Балашову:

„Ваше превосходительство увѣрили меня, что все, что отъ васъ зависѣть будетъ къ смягченію моего положенія, будетъ сдѣлано. Я искренно вѣрю сему, ибо на вашемъ мѣстѣ точно такъ сдѣлалъ. А потому теперь прошу приказать доставить къ почтенному другу моему (Сперанскому) прилагаемое у сего письмо. Чести вашего превосходительства вѣрять я откровеннѣйшія чувства мои и потому твердо полагаюсь на вѣрность ихъ охраненія.

„Изъ содержанія письма моего къ Михаилу Михайловичу (Сперанскому) изволите вы увидѣть, что какъ ни равнодушенъ я, помощію

религіи, къ личнымъ моимъ прискорбіямъ, въ разсужденіи жены и сына, одно счастье мое на землѣ составляющихъ, я—настоящая женщина, самая слабая и безразсудная, и отъ того, къ стыду должно признаться, что я такъ о нихъ сокрушаюсь, что отъ вчерашняго страданія изнемогъ, голову ломить, страшное стѣсненіе въ груди и я принужденъ буду ночевать. Еслибъ Богъ помогъ имъ въ это время до меня доѣхать, я бы полетѣлъ въ свою ссылку на крыльяхъ и ожидалъ бы тамъ перемѣны политическаго гроба моего, въ разсужденіи котораго прошу только и буду просить государя, чтобъ назначенъ былъ большой губернской городъ, гдѣ бы можно имѣть хорошую бабку для жены, лекаря для сына и хорошій климатъ. Впрочемъ, мнѣ всѣ города равны, только бы не слишкомъ далеко, а то не чѣмъ переѣхать. Города сіи могутъ быть: Воронежъ, Курскъ, Кіевъ, Пенза, Орелъ. Большая часть изъ нихъ отстоятъ въ равномъ съ Вологдою разстояніи отъ Петербурга и Москвы. Сей милости одной прошу я, полагая, что о содержаніи моемъ при отставкѣ что-либо сдѣлано.

„Ваше превосходительство вѣрно чувствуете, каково прибѣгать къ состраданію, зная свою невинность, и потому, безъ сомнѣнія, цѣнить просьбу мою можете.

„P. S. Прошу о возвращеніи бумагъ моихъ, въ которыхъ также, я надѣюсь, новую цѣну и моему положенію, и моимъ просьбамъ добрыя чувства ваши находятъ. Ежели бы, къ довершенію моего несчастья, жена моя еще не могла выѣхать, или бы съ пей, или съ сыномъ моимъ сдѣлалось какое несчастье, то въ первомъ случаѣ прошу приказать доставить ей вложенную у сего записку, а во второмъ, дозволить кому-либо меня увѣдомить. Безъизвѣстность о ихъ жребіи раздираетъ мою душу“.

Изъ Новгорода, 22-го марта 1812 г. онъ еще писалъ къ Балашову:

„Затасканъ будучи до крайности, въ самомъ болѣзненномъ душевномъ состояніи прибылъ я сюда и рѣшился отправить письмо къ женѣ по эстафетѣ, дабы избавить ее съ ребенкомъ отъ безпокойнаго слѣдованія за мною по изворотному пути, и потому усерднѣйше прошу ваше превосходительство, ежели она еще не выѣхала, скорѣе доставить ей сіе письмо; а ежели уже выѣхала, но не давно, по тому же пути, который былъ мнѣ назначенъ, то послать за пей съ эстафетою на мой счетъ. Простите всѣмъ безпокойствамъ симъ и припишите ихъ отчаянному, по душевнымъ огорченіямъ, состоянію моему“.

Въ Вологду Магницкій прибылъ 28-го марта. Отсюда, 29-го марта, писалъ онъ Балашову:

„Усерднѣйше благодарю ваше превосходительство за благосклон-

ное попеченіе о моей участи. Г-нъ Журиковъ человекъ благородный и прекрасный. Онъ умѣлъ соединить точное исполненіе своихъ обязанностей съ чувствами добраго человека. Не было утѣшенія и услуги, которой бы не хотѣлъ онъ оказать мнѣ. Я увѣренъ, что подобныя подчиненныя отличаются отъ прочихъ въ умѣ вашего превосходительства, и всепокорнѣйше прошу воздать милостями вашими г. Журикову за то, что онъ сдѣлалъ честь своему званію, облагородствовать самое горестное порученіе. Я стѣхался съ женою, сыномъ и всѣмъ моимъ семействомъ. По почтѣ я буду благодарить особенно государя за милости, женѣ моей оказанныя, и ваше превосходительство за вниманіе къ несчастному ея положенію“.

Въ отношеніи Магницкаго сдѣланы были тѣже самыя распоряженія, какъ и Сперанскаго. Вологодскому губернатору, по высочайшему повелѣнію, предписано было оказывать Магницкому „всякую пристойность по его чину“, но съ тѣмъ вмѣстѣ принять строгія мѣры наблюденія за нимъ, доносить министру полиціи обо всемъ замѣчательномъ на счетъ изгнанника и о всѣхъ лицахъ, съ которыми онъ будетъ имѣть знакомства или частыя свиданія; письма его, равно и къ нему присылаемыя, представлять въ подлинникъ къ тому же министру, для доклада государю, даже тогда, когда его величество будетъ находиться въ отлучкѣ изъ Петербурга.

Магницкій жилъ въ Вологдѣ тихо и скромно, не заводилъ ни съ кѣмъ особеннаго знакомства и въ положеніи своемъ казался довольно спокойнымъ. Сначала семейство Магницкаго состояло изъ жены, сына, брата жены, служившаго при комисіи составленія военныхъ уставовъ и уложенія, редакторомъ по иностранной части, переводчика Теодора Тито и еще Елисаветы Тито. Изъ постороннихъ посѣщали ихъ только инженеръ путей сообщенія подполковникъ Маеровъ. Тито и Маеровъ, въ іюнѣ 1812 г., уѣхали въ Петербургъ, и въ столицѣ тогда же учреждено было секретное наблюденіе за связями, поступками и самыми разговорами ихъ. Въ предписаніи министра полиціи къ с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру сказано было: „Воля государя императора есть, чтобы не выпускать изъ виду тѣхъ людей, кои находятся почему-либо въ близкомъ съ Магницкимъ сношеніи“.

Одинокество семейства Магницкаго продолжалось до осени 1812 г. По занятіи французами Москвы, изъ этой столицы пріѣхали въ Вологду многія дворянскія фамиліи, въ томъ числѣ, женатый на родной сестрѣ Магницкаго, князь Петръ Николаевичъ Оболенскій. Этотъ Оболенскій и бригадиръ Николай Евгеніевичъ Кашкинъ, жили вблизи квартиры Магницкаго, и онъ иногда посѣщалъ ихъ семейства. Замѣчательно, что онъ явился было съ визитомъ къ пріѣхавшей также

изъ Москвы графиня Авдотья Ивановна Воронцова, но она не приняла его.

Въ половинѣ же октября 1812 г. увеличилось семейство самого Магницкаго. Въ числѣ прїѣзжихъ изъ Москвы, прибылъ въ Вологду отецъ его, прокуроръ московской синодальной конторы, д. ст. совѣтникъ Леонтій Магницкій. Съ нимъ, по распоряженію правительства, прїѣхали чиновники и служители синодальной конторы и московской консисторіи¹⁾, также архимандриты монастырей Новоспасскаго Амвросій, Заиконоспасскаго—Симіонъ и Крестовоздвиженскаго—Парфеній, съ тремя монахами, академическій проповѣдникъ Дамаскинъ и Архангельскаго собора протоіерей Алексій Ѳедоровъ.

Еще передъ тѣмъ временемъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Магницкій нанялъ себѣ квартиру обширнѣе прежней, въ домѣ бывшаго прокурора Остолопова, за 1,000 руб. въ годъ; а родственникъ его, Тито, прислалъ къ нему изъ Петербурга новый двухмѣстный дормезъ, столовую провизію и вина.

Отецъ Магницкаго остановился въ квартирѣ сына, а синодальные чиновники и монахи, прибывшіе изъ Москвы, занимали особыя, отведенныя имъ отъ города дома. Эти духовныя лица и чиновники посѣщали Магницкихъ; впрочемъ, Магницкіе, отецъ и сынъ, жили очень скромно и тихо.

Удовольствіе свиданія съ москвичами продолжалось недолго. Тотчасъ по оставленіи французами нашей столицы, въ половинѣ декабря 1812 г. москвичи начали возвращаться въ Москву, за ними отправились духовныя особы, а въ началѣ января 1813 г. уѣхалъ и отецъ Магницкаго со всѣми своими чиновниками. Магницкій по прежнему остался только съ своимъ семействомъ; лишь иногда посѣщалъ одну оставшуюся изъ москвичей, дѣвицу графиню Воронцову: если это та самая графиня Авдотья Ивановна, которая, по прїѣздѣ въ Вологду, не хотѣла принять Магницкаго, то, вѣроятно, послѣ она осмотрѣлась и увидѣла, что изгнанника бояться нечего.

Между тѣмъ наблюденіе продолжалось самое строгое за самимъ Магницкимъ и перепискою, какъ его, такъ и всѣхъ приближавшихся

¹⁾ Чиновники синодальной конторы: колл. совѣтники Росляковъ, титулярные совѣтники Иванъ Никулинъ и Петръ Ивановъ, протоколистъ Аенасъевъ, губернскіе секретари Петръ Котарскій и Андрей Ключаревъ и регистраторъ Ѳедоровъ; чиновники консисторіи: секретарь Петръ Воиновъ, колл. секретарь Алексій Добровъ, губернскій секретарь Александръ Лисицынъ; канцелярскіе служители: Александръ Погожевъ, Константинъ Вешняговъ, Иванъ Троицкій, Алексій Кудринъ и Николай Тихоміровъ.

къ нему лицъ, даже прїѣзжавшихъ изъ Москвы отца его и чиновниковъ. Переписывался Магницкій съ находившимся тогда въ изгнаніи же М. М. Сперанскимъ, съ жительствовавшими въ С.-Петербургѣ дѣйствительными статскими совѣтниками Мосальскимъ и Францемъ Ивановичемъ Цееромъ, съ Дмитриемъ и Шарлотою Кавелиными, съ Софьею Амбургеръ и съ Жерве, которому онъ оставилъ на память свои картоны и эстампы: смерть Сократа; также переписывался съ жительствовавшимъ въ Москвѣ шуриномъ своимъ, княземъ Алексѣемъ Оболенскимъ. Во всей этой перепискѣ онъ былъ весьма сдержанъ.

Сверхъ того, обращено было вниманіе на жившаго тогда въ Вологдѣ макаріевскаго купца Василя Кокорева, который будто бы предназначенъ былъ въ посредники по перепискѣ съ Магницкимъ. Дѣйствительно, черезъ Кокорева прислано было одинъ разъ письмо къ Магницкому отъ Сперанскаго; Кокоревъ не медля представилъ это письмо къ губернатору и по наблюденіямъ оказалось, что онъ имѣлъ съ изгнанниками сношеніе только по прежнему знакомству съ ними, безъ всякихъ недозволенныхъ видовъ.

Между тѣмъ, высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 29-го января 1813 года, назначено было производить Магницкому на содержаніе по три тысячи рублей въ годъ.

Въ іюнѣ 1814 г. вологодскій губернаторъ разрѣшилъ женѣ Магницкаго, которая послѣ родовъ была очень нездорова, жить въ деревнѣ, въ двухъ верстахъ отъ Вологды, а мужу—каждый день отправляться къ ней на нѣсколько часовъ. Но при этомъ губернаторъ учредилъ за женою Магницкаго самый бдительный надзоръ и за городомъ.

Тѣмъ же самымъ указомъ, отъ 30-го августа 1816 г., которымъ Сперанскій назначенъ былъ губернаторомъ въ Пензу, Магницкій опредѣленъ былъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ.

Въ половинѣ 1817 года Магницкій переведенъ былъ въ Симбирскъ губернаторомъ, а въ маѣ 1818 года высочайше повелѣно было возвратитъ ему 8,100 руб., которые были взысканы съ него при высылкѣ его, въ 1812 году, изъ С.-Петербурга.

Въ 1823—1824-хъ гг. Магницкій, уже попечитель казанскаго учебнаго округа, является въ рядахъ противниковъ кн. А. Н. Голицына и всѣхъ библистовъ. (Подробности объ этой борьбѣ см. въ біографіи архимандрита Фотія въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., томъ XIII, стр. 459—482). Къ этой эпохѣ относится слѣдующій документъ:

„Преосвященный митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Серафимъ.

„Прочитавъ представленное вами мнѣ письмо къ вамъ дѣйств. стат. совѣт. Магницкаго и свѣдѣнія, до предмета онаго письма касающіяся, я поручаю вамъ, призвавъ къ себѣ его, Магницкаго, сдѣлать ему строгое замѣчаніе, что неприлично ему было помѣстить въ письмѣ къ вамъ такія выраженія, которыя могли оскорбить членовъ комитета россійскаго библейскаго общества; равномѣрно объявить ему, что невыгодное его заключеніе о дѣйствіяхъ сего общества не у мѣста, ибо оно составлено изъ особъ, достойныхъ уваженія, и что онъ, не желая участвовать болѣе въ трудахъ сего общества, могъ сіе изъяснить просто и вѣжливо.

„Поручая себя вашимъ молитвамъ, пребываю вамъ благосклонный Александръ“.

16-го іюля 1824.

II.

Въ началѣ декабря 1825 года попечитель Казанскаго университета Магницкій, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ, былъ высланъ обратно къ Казань. Распоряженіе это сдѣлано было военнымъ генераль-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ, по требованію великаго князя Николая Павловича ¹⁾.

Вскорѣ послѣ того генералу Желтухину поручено было обривизовать отчетность Казанскаго университета, а Магницкій устраненъ отъ должности попечителя.

Потомъ начали получаться непріятныя извѣстія о дѣйствіяхъ Магницкаго и казанскому губернатору поручено было строго наблюдать, чтобы Магницкій не могъ имѣть вреднаго вліянія на профессоровъ Казанскаго университета.

Губернаторъ увѣдомилъ, что Магницкій сближается съ людьми, извѣстными въ Казани по своей ничтожности, беспокойному характеру и ябедамъ ²⁾, старается черезъ нихъ ослаблять власть мѣстнаго начальства, выдавалъ себя за чиновника тайной полиціи, уполномоченнаго для надзора въ Казанской губерніи, а черезъ бывшаго писмоводителя своего, Часовникова, имѣлъ вліяніе на ходъ училищныхъ дѣлъ.

Это вынудило правительство послать въ Казань фельдъегеря съ высочайшимъ повелѣніемъ перевести Магницкаго въ Ревель.

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» 1874 г., томъ XI, стр. 274 подлинныя письма в. к. Николая Павловича по поводу высылки Магницкаго изъ Петербурга.

²⁾ Какovy эти люди, довольно сказать объ оставномъ прокурорѣ Херувимовѣ, который въ знакомыхъ домахъ, гдѣ его не принимали или заставляли долго дожидаться выхода хозяина, игралъ въ передній съ лакеями въ шанки.

Прим. Авт.

Фельдъегерь прїѣхалъ въ Казань вечеромъ 1-го декабря 1826 года. Въ ту же ночь губернаторъ съ прокуроромъ и полиціймейстеромъ отправились въ квартиру Магницкаго и объявили ему высочайшую волю. Выслушавъ повелѣніе, онъ нимало не смутился и тотчасъ показалъ величайшее удовольствіе, какъ бы при исполненіи желаннаго и ожиданнаго имъ извѣстія. Онъ говорилъ, что не въ состояніи выразить глубочайшей признательности къ государю императору, который удостоилъ опять собственной его просьбѣ о перемѣщеніи его въ Ревель, гдѣ онъ будетъ вблизи отъ своего семейства. Магницкій прибавилъ, что онъ видѣлъ во снѣ совершающееся событіе и одинъ человѣкъ сказывалъ ему, что въ этотъ день случится съ нимъ происшествіе. По сыграніи этой роли, Магницкій, въ 5 часовъ утра, 2-го декабря, вывезенъ фельдъегеремъ изъ Казани.

Въ Ревелѣ Магницкій жилъ шесть съ половиною лѣтъ спокойно, кромѣ того, что доносилъ, будто бы въ Эстляндіи распространяется секта анабаптистовъ. Доносъ этотъ, по изслѣдованію, найденъ ложнымъ. Это время было временемъ лучшихъ просьбъ и жалобъ, которыя онъ представлялъ къ государю, описывая проволочку казанскаго дѣла и свое томленіе. Просьбы его замѣчательны не столько по истинѣ мыслей и оправданій, сколько по красивому (?) и пышному ихъ изложенію.

„Ваше императорское величество,—писалъ Магницкій въ мартѣ 1832 года,—во все время злополучія моего растворять изволили горькую его чашу какимъ-то мнѣ самому непостижимымъ очарованіемъ, отъ коего, шесть уже лѣтъ совершенно преданный во власть враговъ моихъ и поставленный ими внѣ всѣхъ законовъ, я постоянно утѣшался тою мыслию, что, рано или поздно, оправданный самыми обстоятельствами и невинностью моею, найду я обрадованное моимъ оправданіемъ сердце вашего величества... Ваше величество удостоили приказать меня увѣдомить, что сами оправданія моего желать изволите. Вскорѣ оно послѣдовало самымъ торжественнымъ образомъ: ибо личная ненависть, усиливавшаяся обвинить меня въ теченіе шести лѣтъ и съ моей стороны безотвѣтно, должна была признаться, что не можетъ сего сдѣлать. Не прежде, какъ выждавъ сіе признаніе, самымъ дѣломъ выраженное, просилъ я прощенія моихъ оклеветателей, возстановленія чести однимъ возвращеніемъ мнѣ гражданской свободы, вознагражденія за тѣ только убытки, кои могу доказать неоспоримо... Но здѣсь именно должны были исчезнуть всѣ мои надежды: я не удостоенъ даже и отвѣта! Сіе молчаніе послѣ всѣхъ оправданій, политическихъ и гражданскихъ, ясно указываетъ мнѣ истинную причину моихъ несчастій. Оно довершаетъ ихъ ударомъ, для сердца моего жесточайшимъ, на здоровье жены моей, которая, пріемля всѣ надежды

мои—сколько было можно мнѣ—до нее доводимыя, за призракъ ложныхъ утѣшеній, впала отъ того въ болѣзнь... Такъ указало мнѣ само Провидѣніе, что, отживъ бытіе политическое, долженъ я заняться ожиданиями и надеждами другаго рода!... Я почитаю долгомъ совѣсти, въ сіи умирительные дни всемірнаго примиренія неба съ землею¹⁾, просить прощенія вашего императорскаго величества, ежели чѣмъ-либо имѣлъ несчастіе прогнѣвить васъ неумышленно: ибо иначе ни дѣломъ, ни словомъ, ниже мыслію невиновенъ я предъ вашимъ величествомъ. Одна клевета, и самая дальновидная, могла чернить меня въ мнѣніи вапемъ тогда еще, когда, съ сладостнымъ чувствомъ отца семейства, поклонялся я въ преемникъ Александра (съ предпоследней болѣзни государя мнѣ уже извѣстномъ) надеждѣ Россіи. Клевета сія была тогда устроена однимъ опасеніемъ злоумышленниковъ, страшившихся во мнѣ рѣшительнаго обличителя. Въ послѣдствіи завладѣла ея личная ненависть и духъ непримиримой вражды сектъ духовныхъ. Когда же кровавые опыты оправдали и начало моихъ дѣйствій и всѣ скорбныя мои предугаданія, тогда преслѣдующая меня партія ограничилась изысканіемъ такихъ уликъ въ злоупотребленіи по должности, кои бы, по крайней мѣрѣ, могли очернить лицо и правила мои предъ вашимъ величествомъ... Я надѣялся, государь, что, рано или поздно, удостоюсь личнаго предъ вашимъ величествомъ изъясненія, единственно для оправданія себя въ мысляхъ вашихъ. Посему во все продолженіе гоненія, мною претерпѣннаго, переноса съ семействомъ моимъ самую крайнюю бѣдность, въ какой-то беззаботной на Провидѣніе ваше надеждѣ, я употреблялъ всѣ доходы свои и даже входилъ въ долги для доставленія сыну моему счастья, служа предъ глазами вашего величества, быть безмолвнымъ истолкователемъ усердія и преданности моей къ священной особѣ вашей. Ваше величество, нѣжнѣйшимъ и частымъ вниманіемъ къ сей жертвѣ моей, какъ бы отвѣчая на мое чувство, свыше мѣры уже ее вознаградили. Примите, государь, глубочайшую благодарность сердца, умѣющаго цѣнить сіи небесные отблески души великой. Вотъ, государь, что всегда желалъ и надѣялся я изъяснить предъ вами. Нынѣ, по обстоятельствамъ, мною изложеннымъ, оставляя навсегда и сію послѣднюю надежду, прошу ваше величество, доколѣ Богу угодно будетъ открыть вамъ, что я страдалъ единственно за то, что шелъ противъ потока началъ разрушительныхъ,—шелъ первый и одинъ,—за то, что осмѣлился думать, говорить и писать, что можно остановить его, и что я палъ, защищая алтари и троны,—дотолѣ, государь, умоляю васъ вѣрить, что я всегда былъ,

¹⁾ Писано въ Пасху.

по религіи, по убѣжденію разума и по чувствамъ сердца, всею душою преданъ лично вашему императорскому величеству и всему августѣйшему дому вашему...“

По окончаніи казанскаго дѣла, Магницкій, въ началѣ 1833 года, просилъ о разныхъ милостяхъ и дозволеніи преподавать въ Москвѣ дѣловую и государственную словесность, по составленному имъ курсу. Но, изъ всего просимаго имъ, ему дозволено было только жить гдѣ пожелаетъ, кромѣ Петербурга.

Въ маѣ 1833-го года Магницкій вдругъ появился въ 9-ти верстахъ отъ Петербурга, въ Среднерогатской колоніи. Это было причиною объявленія высочайшей воли, чтобы тѣ, которымъ запрещено въѣзжать въ столицу, не жили и въ губерніи той столицы. Магницкій тотчасъ выпровожденъ былъ изъ Петербургской губерніи.

Онъ поѣхалъ сначала въ Москву, гдѣ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ въ Одессу.

Въ Одессѣ Магницкій жилъ шесть лѣтъ, проводя большею частію домашнюю жизнь, занимаясь усовершенствованіемъ себя въ греческомъ языкѣ и переводомъ книгъ древнихъ писателей¹⁾. Онъ былъ ласкаемъ графами Воронцовымъ и Виттомъ, и его можно было встрѣчать у всѣхъ именитыхъ лицъ. Но въ началѣ 1839 года мѣстное начальство замѣтило, что Магницкій сталъ водиться съ праздными людьми въ Одессѣ, занимается интригами, пересудами, сплетнями и неосновательными доносами, затрудняетъ начальство и возбуждаетъ между властями вредное для службы несогласіе. Ему повелѣно было немедленно выѣхать изъ Одессы опять въ Ревель.

„Недремлющая вражда, неутомимо меня преслѣдующая,—писалъ по этому случаю Магницкій,—обнесла, вѣроятно, меня новыми навітами. Мнѣ объявлено высочайшее повелѣніе: оставить послѣдній уголь, въ которомъ услаждалъ я четырнадцатилѣтнія бѣдствія радостями хвораго дѣда, и возвратиться въ мѣсто семилѣтняго моего изгнанія. Не могу оправдываться, ибо не знаю обвиненія; но осмѣливаюсь представить сердцу отца отечества и нѣжному отцу семейства поло-

¹⁾ М. Л. Магницкій въ 1836 году написалъ книгу: «Наставительный отрывокъ изъ современной исторіи западной Европы, открывающій истинную причину бѣдствій, ее терзающихъ, для предостереженія молодыхъ людей и умовъ, еще не зараженныхъ иноземной холерою духа времени».

Онъ желалъ напечатать эту книгу. Но гр. А. Х. Бенкендорфъ, въ сентябрѣ 1836 года, отвѣчалъ ему, что въ этомъ сочиненіи, назначенномъ преимущественно для предостереженія молодыхъ людей, говорится о предметахъ, которыхъ имъ полезнѣе вовсе не знать, и что они, читая это сочиненіе, найдутъ въ немъ изложеніе такихъ вредныхъ мпѣній, о которыхъ до того времени оставались, можетъ быть, въ совершенной неизвѣстности. Прпм. Авт.

женіе, въ которомъ давнее повелѣніе меня застало. Съ одной стороны въ припадкѣ хронической болѣзни..., которую страдалъ я до смертной опасности..., съ другой стороны, каждый мѣсяцъ прихожу я, въ толпѣ самыхъ бѣдныхъ пенсіонеровъ вашего величества, въ здѣшнее казначейство получать тѣ 490 руб., кои вы, всемилостивѣйшій государь, мнѣ пожаловали и коими живутъ два мои семейства. Мы въ самой жестокой бѣдности: не имѣемъ ни экипажа, ни способа издержать что-либо на подъемъ или путешествіе, особенно же на жизнь, хотя самую скудную, раздѣльно. Я не въ состояніи платить доктору, въ которомъ семейство мое нуждается; дрова настоящей зимы еще мною не заплачены; литературными трудами по большей части тщетно стараюсь я выплатить нѣсколько тысячъ мелкихъ здѣсь долговъ. Таково, государь, истинное мое положеніе. Повелите, кому угодно, точность словъ моихъ обслѣдовать. Пусть только откроютъ всѣ раны, врагами моими мнѣ нанесенныя, и рука вашего величества, вмѣсто пораженія меня, не удержится и нальетъ на нихъ елей милосердія. Въ сихъ обстоятельствахъ и совершенной невозможности двинуться съ мѣста, по болѣзни, по лѣтамъ, по нищетѣ моей, я прошу у вашего величества единой милости: дозволить мнѣ жить въ Успенскомъ монастырѣ, за нѣсколько верстъ отъ черты здѣшняго порта, дабы, неудаемый отъ моего семейства и не вырвавъ у него послѣдняго куска хлѣба, могъ я дожидаться отъ правосудія вашего величества средства въ оправданію. Нестерпимо больно, государь, старому вѣрнопопданному на краю гроба быть снова обнесену въ мнѣніи вашего величества и безотвѣтно караемымъ, въ то самое время, какъ могъ онъ надѣяться, что, послуживъ царю своему вѣрою и правдой, и въ самомъ изгнаніи удостоился онъ благоволенія его, которое почиталъ единственною надеждою и наслѣдствомъ бѣдной жены своей, больной и престарѣлой сострадальцы, и всего своего семейства. Тридцать шесть лѣтъ неукорной службы и четырнадцать лѣтъ позора и страданій—повергаю къ ногамъ вашего величества“.

Государь согласался дозволить Магницкому жить въ одномъ изъ монастырей, но далѣе отъ Одессы, чѣмъ Успенскій; а синодальный оберъ-прокуроръ, графъ Протасовъ, избирая для него монастыри близъ Херсона, прибавилъ, что надобно прежде спросить Магницкаго, покорится-ли онъ всѣмъ правиламъ и строгости монашеской жизни, чтобы, въ противномъ случаѣ, монастырь не былъ принужденъ дѣлать изъятій изъ общаго порядка. Магницкій началъ выпутываться изъ этаго неприятнаго положенія, отвѣчалъ, что онъ желалъ помѣститься въ Успенскомъ монастырѣ временно, чтобы оттуда представлять свои оправданія, и что онъ, какъ женатый человѣкъ, не могъ и думать о

заклученіи себя навсегда въ монастырь. Испрашивая дозволенія жить, по крайней мѣрѣ, въ Херсонѣ, онъ писалъ къ государю: „Избирая, такимъ образомъ, одно изъ двухъ наказаній, я обязанъ, по долгу отца семейства, по чести родовой, въ пяти поколѣніяхъ болѣе или менѣе отличной службы, заявить передъ Богомъ, что я страдаю невинно и просить, что-бъ дано мнѣ было средство къ оправданію“.

Въ тоже время великій князь Михайлъ Павловичъ ходатайствовалъ за Магницкаго, и ему дозволено было жить въ Херсонѣ, подъ строгимъ надзоромъ правительства. Онъ переѣхалъ туда въ іюнѣ 1839 года.

Въ Херсонѣ жилъ онъ около двухъ лѣтъ. Въ мартѣ 1841 года, по новому ходатайству Михаила Павловича, Магницкому дозволено возвратиться въ Одессу. При этомъ случаѣ ему, прежнему статсъ-секретарю, бывшему попечителю университета, уронившему министра, князя Голицына, — строго внушено было, что бы онъ никакъ не осмѣливался вмѣшиваться ни въ какія сплетни.

Испытавъ всѣ тягости лишеній разнаго рода и нищеты, Магницкій, подъ конецъ своей жизни, былъ утѣшенъ тѣмъ же княземъ А. Н. Голицынымъ, которому нѣкогда, за его благодѣянія, онъ такъ дурно отплатилъ.

Въ августѣ 1844 года Голицынъ, описывая „несчастное положеніе старика Магницкаго“, убѣдительно ходатайствовалъ объ увеличеніи ему пенсіи. Это было тотчасъ по кончинѣ великой княгини Александры Николаевны. „Государь всегда, — писалъ князь Голицынъ, — готовъ помогать несчастнымъ; но во время печали сердце болѣе расположено накормить голоднаго и одѣть наготствующаго. Господь намъ сказалъ, что онъ не забудетъ чашу воды, данную жаждущему, а я, именно ради Христа, прошу принять мое ходатайство“.

Въ то же время высочайше повелѣно было: выдавать Магницкому, вмѣсто прежней пенсіи, по 1,500 руб. серебромъ въ годъ. Такъ отомстилъ князь Голицынъ врагу своему!

Получивъ эту милость, Магницкій, письмомъ отъ 6-го октября 1841 г. просилъ повергнуть „къ ногамъ государя всеподданнѣйшую его благодарность,“ и прибавилъ: „благоговѣя къ тому истинно-отеческому чувству государя императора, которое столь поспѣшно и благовременно прислѣло на помощь преданнѣйшаго ему семейства, ничего болѣе не желаю, какъ имѣть возможность и случай доказать на дѣлѣ, что умѣю цѣнить милости державнаго моего благотворителя“.

Богу угодно было, что Магницкій и двухъ мѣсяцевъ не пользовался этой милостью.

По чудному стеченію обстоятельствъ, Магницкій въ Одессѣ, а

князь Голицынъ въ Крыму, на мызѣ Александрія, умерли почти въ одно время: Магницкій 21-го ноября 1844 года, а князь Голицынъ, на другой день, 22-го ноября.

Послѣ Магницкаго рѣшительно ничего не осталось, такъ что вдовѣ его, безъ помощи нѣкоторыхъ друзей въ Одессѣ, было-бы нечѣмъ похоронить его тѣло.

Благодѣянія князя Голицына къ Магницкому продолжались и по смерти ихъ обоихъ. Новороссійскій генераль-губернаторъ, графъ М. С. Воронцовъ, не столько отъ себя, сколько именемъ умершаго кн. А. Н. Голицына, ходатайствовалъ о назначеніи вдовѣ Магницкой пенсіи ея мужа. Воронцовъ писалъ, что покойный князь Голицынъ, если бы живъ былъ, непременно и убѣдительно просилъ бы государя объ этомъ, и какъ князя нѣтъ болѣе, то онъ обязанъ замѣнить его, хотя голосъ его и не такъ силенъ, какъ былъ голосъ князя Голицына. Графъ Воронцовъ заключилъ письмо свое словами: „о пенсіи для Магницкой просить и мертвые, и живые“.

Ходатайство двухъ баръ, мертваго и живаго, какихъ больше ужъ нѣтъ на Руси, было исполнено. Вдовѣ повелѣно выдавать всѣ 1,500 руб. въ годъ, которые назначены были мужу ея.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

IV ¹⁾.

Неизданныя письма Гоголя.

1846—1852.

Въ письмѣ Гоголя къ Шевыреву, отъ 1-го декабря 1846 года (Кулишъ, VI, 294—295) видно, что онъ былъ озабоченъ тогда и 2-мъ изданіемъ 1-го т. «М. Д.», съ тѣмъ предисловіемъ, которое, какъ извѣстно, вышло совершенно въ тонъ съ «Выбранными мѣстами изъ переписки». «Устрой,—писалъ Гоголь,—чтобы въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано объявленіе о второмъ изданіи «М. Д.» и выписано цѣликомъ предисловіе. Я опасюсь, что тѣ, которые имѣютъ уже первое изданіе и, стало быть, не имѣютъ надобности во второмъ, не будутъ имѣть случая прочесть предисловія...» Что касается другой своей однородной затѣи, новаго изданія «Ревизора»—«съ развязкою», то Гоголь отложилъ, по совѣту Шевырева, ея исполненіе на цѣлый годъ. «Теперь,—сознается онъ Плетневу,—«Развязка Ревизора» въ такомъ видѣ, какъ есть, можетъ произвести дѣйствіе протиположное и, при плохой игрѣ нашихъ актеровъ, можетъ выйти просто смѣшной сценой» (296). Изъ письма къ Плетневу отъ 3-го января 1847 года видно, что печатаніе «Переписки» позамедлилось. Гоголь неохотно подавался на пропускъ нѣсколькихъ писемъ, не одобренныхъ для печати Плетневымъ. По мнѣнію Гоголя, они должны были заставить «оглянуться на себя построже нѣкоторыхъ должностныхъ людей, особенно тѣхъ, которые имѣютъ прекрасную и добрую душу и грѣшатъ по невѣденію. Если во всей Россіи, — замѣчаетъ Гоголь, — два-три только человѣка взглянуть ясный на многія вещи послѣ моей кнпки, то и это уже весьма хорошо...» «Два письма только,—замѣчаетъ онъ въ концѣ,—я почитаю надобнымъ выбросить. «Близорукуюму пріятелю» и «Страхи и ужасы Россіи»... (316).

Слѣдующее письмо Гоголя къ Плетневу (отъ 5-го января) написано въ отвѣтъ на совѣты Плетнева, заключавшіе въ себѣ, повидному, неодобреніе порывавій Гоголя въ «вышія сферы», какъ такіи, на которыя не всегда можно положиться,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. т. XIV, стр. 99—130; 297—327.

всякую ласку ихъ принимая за чистую монету (желательно было бы увидѣть въ печати самое письмо Плетнева). Гоголь указываетъ Плетневу на свое знаніе людей и жалѣеть о томъ, что Плетневъ не понимаетъ Гоголя. «Я думалъ,—пишетъ онъ,—что многое объяснить тебѣ моя книга; ты считаешь ее за маску, которую я только надѣлъ для публики...» (319). Письмо къ С. Т. Аксакову отъ 20-го января, свидѣтельствуетъ о томъ, что не на одного Плетнева «Выбранныя мѣста» произвели неблагоприятное впечатлѣніе. «Такъ какъ въ письмѣ вашемъ,—пишетъ Гоголь,—замѣтно большое безпокойство обо мнѣ, то я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ... Вы въ заблужденіи, подозревая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей, у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ не глупъ, вотъ и все...» Далѣе Гоголь впишетъ себя только въ томъ, что слишкомъ рано довелъ до публики то, «о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать». И тутъ, впрочемъ, думаетъ онъ, болѣе его виноваты друзья. «Отчасти неблагоприятныя подталкиванья со стороны ихъ (т. е., конечно, подталкиванья къ продолженію «М. Д.»), отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанія нахожусь, были причиною появленія статей, такъ возмутившихъ духъ вашъ...» Но Гоголь все еще остается при мнѣніи, что книга его нужна. Самыя нападенія на нее полезны. «Они покажутъ мнѣ болѣе меня самого,—пишетъ онъ,—и покажутъ мнѣ въ тоже время васъ, т. е. моихъ читателей...» Гоголь желаетъ даже, чтобы нападенія продолжались. «Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе и искреннѣе, тѣмъ въ болѣешихъ оставетесь барышахъ» (325). Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ къ Шевыреву (отъ 20-го января), въ изданіи г. Кулиша есть значительные пропуски, которые теперь пополняются на основаніи подлинника. Послѣ словъ: «печатанье книги моей задержалось», слѣдуетъ:

„По причинѣ многихъ возней съ цензурами всякаго рода, и что многихъ писемъ къ должностнымъ лицамъ не рѣшаются пропустить“.

Далѣе—послѣ словъ: «я пошлѣ... просьбы кому слѣдуетъ», надо вставить:

„о ихъ пропускѣ. Зная высокую душу государя, я увѣренъ, что дѣло будетъ сдѣлано такъ, какъ слѣдуетъ. Если же книга, на случай, уже вышла съ исключеніемъ тѣхъ писемъ, которыхъ (sic) я почитаю нужными, и разрѣшеніе имъ послѣдовало уже по отпечатаніи самой книги, то я поручилъ Плетневу переслать всѣ таковыя письма къ тебѣ для включенія ихъ во второе изданіе, которымъ долженъ позаботиться ты, даже и въ такомъ случаѣ, если бы первое не разошлось; на это нечего глядѣть: пока второе выйдетъ, первое разоидется“.

Къ подлинному письму приложенъ перечень статей, предназначавшихся для втораго изданія «Переписки». Ихъ тутъ всего XXXII и онѣ всѣ до одной вошли въ послѣднее изданіе сочиненій Гоголя (1867 г., въ 4-хъ томахъ).

Помѣщенные за тѣмъ у г. Кулиша два письма къ матери написаны, одно за другимъ, въ одинъ и тотъ же день (25-го января 1847) въ отвѣтъ на тѣ письма матери и сестеръ, въ которыхъ выразилось ихъ глубокое огорченіе, вслѣдствіе его «Завѣщанія», только что прочитаннаго ими въ началѣ его «Избранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Гоголь находитъ, что огорчиться этимъ «можетъ одинъ тотъ, у котораго въ затмѣніи разсудокъ». (Далѣе у г. Ку-

лиша пропускъ). «Если бы вы истинно и такъ какъ слѣдуетъ были наставлены въ христіанствѣ,—продолжаетъ Гоголь,—то вы бы всѣ до единой знали, что память смертная—это первая вещь, которую человѣкъ долженъ ежеминутно носить въ мысляхъ своихъ». Гоголь опровергаетъ предположеніе матери, ужъ не намѣревается-ли онъ навсегда остаться въ Іерусалимѣ (о сборахъ туда, какъ извѣстно, говорится въ предисловіи къ «Перепискѣ съ друзьями»). Онъ объясняетъ, что ѣдетъ туда «именно затѣмъ... чтобы имѣть право возвратиться въ Россію и начать, наконецъ, свою службу истинную отечеству, къ которой такъ долго готовится, или, лучше, къ которой готовить его самъ Богъ». Но, не окончивъ своего сочиненія (т. е. «Мертвыхъ Дупь»), ему нельзя ѣхать въ Іерусалимъ; потому-то онъ едва-ли поѣдетъ туда ранѣе начала будущаго 1848 г. Поэтому онъ и разрѣшаетъ матери отлучаться, въ случаѣ надобности, изъ Васильевки, на безотлучное пребываніе въ которой онъ обрекалъ ее въ своемъ письмѣ отъ 14-го ноября 1846 г. только потому, что рассчитывалъ отправиться въ Іерусалимъ въ скоромъ времени. Сверхъ того, онъ считаетъ нужнымъ теперь пояснить матери, которая, надо думать, была озадачена его требованіемъ: «я не просилъ васъ вообще не выѣзжать въ Полтаву или въ другія мѣста. Напротивъ, еслибъ васъ стали упрашивать навѣститъ, вы не можете совершенно отказать. Въ городѣ можно узнать больше людей, чѣмъ въ деревнѣ, и если бы взглянули только другими и высшими глазами на общество, то вы бы увидѣли, что предстоитъ множество на всякомъ шагу прекрасныхъ подвиговъ и дѣлъ» (329—334).

Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (II, 85—87) г. Кулишъ помѣстилъ письмо его къ П. А. Плетневу отъ 6-го февраля 1847 г., котораго онъ почему-то не включилъ въ свое изданіе писемъ Гоголя. «Зачѣмъ ты называешь великимъ дѣломъ появленіе моей книги?» спрашиваетъ тутъ Гоголь. Вопросъ этотъ поражаетъ послѣ прежнихъ писемъ, изъ которыхъ мы знаемъ, что Плетневъ считалъ эту книгу «маскою, которую Гоголь надѣлъ на себя». Съ какой же стати могъ онъ считать появленіе въ свѣтъ этой «маски» великимъ дѣломъ? Но странно, конечно, и то, какъ могъ Плетневъ согласиться обнародовать эту «маску» Гоголя, какъ онъ не отказался отъ даннаго ему порученія? Дѣло, можетъ быть, выяснилось бы, еслибъ мы имѣли предъ собою письма Плетнева къ Гоголю, или же, если бы г. Кулишъ не прибѣгалъ къ пропускамъ въ напечатанныхъ имъ письмахъ Гоголя. Такъ и въ письмѣ 6-го февраля пропусковъ нѣсколько и, повидимому, отчасти существенныхъ. «Появленіе моей книги,—пишетъ Гоголь,—было бы дѣломъ не великимъ, но точно полезнымъ, если бы все уладилось и устроилось, какъ слѣдуетъ. Теперь же — — — (пропущено, надо думать, то, что относилось къ операциямъ цензуры надъ книгою Гоголя) ужъ лучше было бы придержать книгу. На книгу мою,—продолжаетъ Гоголь,—ты глядишь, какъ литераторъ... тебѣ важно дѣло собственно литературное. Мнѣ важно дѣло, которое больше всего щемитъ и болитъ въ эту минуту. Ты не знаешь, что дѣлается на Руси внутри, какой болѣзнью тамъ пныиваетъ человѣкъ, гдѣ и какіе вопли раздаются и въ какихъ мѣстахъ» (если Гоголь, живя постоянно «за моремъ», думалъ знать объ этомъ болѣе Плетнева, то надо полагать, что онъ считалъ достаточнымъ опираться на тѣ письма изъ Россіи, которыхъ просилъ у всѣхъ, или же на тотъ даръ прозорливости, которымъ, по его мнѣнію, могла его надѣлать особая благодать Божія). «Тепло, живя въ Петербургѣ, наслаждаться съ друзьями разговорами объ искусствѣ и всякихъ высшихъ наслажденіяхъ. (Но едва-ли не теплѣе еще было въ Римѣ, этой «родинѣ души Гоголя», служившей приюточной

«пустыней» для его аскетических подвигов»). Но когда узнаешь, что есть такіа страданія человѣка, отъ которыхъ и безчувственная душа разорвется, когда узнаешь, что одна каула, одна росинка помощи въ силахъ пролить освѣженіе...» Сокращаю выписку, такъ какъ, при пропускѣ, слѣдующемъ за тѣмъ въ текстѣ, дѣло все-таки осталось бы неяснымъ. Далѣе въ письмѣ Гоголя отъ такихъ общихъ соображеній дѣлается переходъ къ гр. М. Ю. В***. «Это добрая и великодушная душа,—отзывается о немъ Гоголь,—онъ назадъ тому еще мѣсяцъ изъяснилъ государю такую мою просьбу, которой, вѣрно, никто бы другой не отважился представить; просьба эта была гораздо самонадѣяннѣе нынѣшней и ее бы вправѣ былъ сдѣлать уже одинъ слишкомъ заслуженный государственный человѣкъ, а не я. И добрый государь принялъ ее милостиво... и далъ повелѣніе канцлеру написать во всѣ мѣста... за границей, чтобы оказывали мнѣ чрезвычайное и особенное покровительство повсюду, гдѣ буду ѣздить...» Слѣдуетъ опять пропускъ, такъ что сущность «самонадѣянной» просьбы Гоголя остается неизвѣстной... Къ концу письма Гоголь восклицаетъ: «Какія вдругъ два сильныя испытанія! Съ одной стороны, нынѣшнее письмо отъ тебя, съ другой стороны, письмо отъ Шевырева съ извѣстіемъ о смерти Лыжкова». И такъ, и письмо Плетнева было для Гоголя «испытаніемъ»? Не значить-ли это, что если Плетневъ и назвалъ появленіе его книги «великимъ дѣломъ», то это могло быть сказано въ какомъ-нибудь особенномъ смыслѣ, и письмо заключало въ себѣ много вещей, тяжелыхъ для Гоголя?

Въ письмѣ къ Плетневу, отъ 11-го февраля, Гоголь извѣщаетъ, что вексель до него дошелъ, книга же не дошла, чему онъ «отчасти даже радъ, потому что ему было бы тяжело на нее глядѣть». Далѣе онъ называетъ эту книгу «обгрызеннымъ (цензурой) обглодкомъ». Жалобы на эту «обгрызенность», какъ на причину того, что книга не была понята въ настоящемъ смыслѣ, проходятъ черезъ многія письма Гоголя. Но въ настоящее время уже напечатано и все то, что не было тогда пропущено цензурой (сперва въ «Р. Архивѣ», потомъ въ изд. Соч. Гоголя 1867 г.). И что же? Не пропущенное отличается рѣзкимъ тономъ, но по содержанію таково, что Гоголь долженъ бы былъ благодарить А. В. Никитенка за устраненіе всего этого отъ взоровъ публики, которой пришлось бы придти еще въ большій ужасъ и недоумѣніе, если бы книга вышла въ свѣтъ не обгрызенною. Извѣстно, что А. В. Никитенко, въ тѣ трудныя времена, благополучно далъ выйти на свѣтъ Божій цѣлому ряду первоклассныхъ произведеній нашей литературы. Но въ данномъ случаѣ не стоило рисковать пропускомъ мѣстъ, по тогдашнему, не ценсурныхъ, такъ какъ она не только не украсили бы отечественной литературы, а скорѣе усилили бы тотъ позоръ, какимъ покрылъ ее Гоголь въ своей злополучной книгѣ. Самъ Гоголь не умѣлъ, или не хотѣлъ понять этого и настаивалъ на второмъ изданіи, надѣясь выпустить его безъ пропусковъ¹⁾. Онъ писалъ объ этомъ и въ томъ же письмѣ къ Плетневу, отъ 11-го февраля, которое заканчивается слѣдующимъ порученіемъ: «отправь, повуда, двѣ тысячи моей матери, если удосужишься и если деньги накопились» (VI, 337).

Но эти двѣ тысячи солоно пришлись его бѣдной матери. По поводу ихъ она

¹⁾ Въ письмѣ къ Плетневу, отъ 22-го февраля, онъ сознается, что статьи его не могли быть напечатаны «отъ неприличія топа рѣчи», но высказываетъ мнѣніе, что, «облегчивши и уничтоживши многое, онѣ придутъ въ такой видъ, въ какомъ могутъ быть пропущены» (VI, 338).

получила отъ него письмо, написанное въ томъ тонѣ, въ какомъ зачастую обращаются «филантропы» къ лицамъ, которымъ они благотворствуютъ. Прежде всего онъ предписываетъ, какъ надо распорядиться этими деньгами. «Тысячу употребите въ уплату процентовъ въ ломбардъ, 500 въ уплату за ученые племянника моего, остальные 500 раздѣлите между собой для собственныхъ нуждъ своихъ, т. е. по сту рублей всякой сестрѣ и двѣсти рублей для маменьки». Далѣе слѣдуетъ наставленіе: «Повторяю вамъ всеѣмъ вновь, что относительно денежныхъ расходовъ нужно, болѣе чѣмъ когда-либо, наблюдать бережливость и благоразуміе, чтобы умѣть содержать не только самихъ себя, но еще придти въ возможность помогать другимъ... Если вамъ вообразилось, что вы уже распоряжаетесь очень умно и хозяйничаєте совершенно такъ, какъ слѣдуетъ истинно хорошимъ хозяйкамъ... и не издерживаете ни на что, какъ только на самое нужное, то знайте, что духъ гордости овладѣлъ вами и самъ сатана подсказываетъ вамъ такія рѣчи, потому что и наиспытѣннѣйшій хозяинъ и напумкѣннѣйшій человѣкъ дѣлаетъ ошпбны...» Потомъ онъ ставитъ въ примѣръ свою собственную умѣренность (этому предшествуетъ пропускъ): «я и въ чужой землѣ, будучи нѣкоторое время совершенно безъ всякихъ средствъ, вовсе не жшва на всемъ готовомъ, добывая слишкомъ трудно копѣйку для самаго скуднаго содержанія, протянулся, однако же, съ помощью Божіей, до сихъ дней, и увидѣлъ, что причина скудности человѣка заключается почти всегда въ немъ самомъ, именно отъ увѣренности, что онъ уже совершенно оградилъ себя во всемъ и не издерживаетъ ни на что лишняго¹⁾. Храни васъ Богъ всеѣхъ отъ этой смѣшной увѣренности. Перечтите хорошенько все ваши расходы и приходы (опять пропускъ)... Вы увидите, что многія издержки сдѣлали собственно затѣмъ, чтобы не отстать отъ другихъ... Не говорю я это съ тѣмъ, чтобы васъ попрекнуть... но... чтобы сказать, что для тѣхъ людей, которые смущаютъ себя мыслию... что имѣніе ихъ опшшуть въ казну за невнесеніе процентовъ... слѣдовало бы подумать прежде... о томъ, чтобы первыя деньги отложить для этого дѣла...» Далѣе слѣдуютъ еще длинныя варіаціи на ту же тему (при чемъ г. Кулишъ сдѣлалъ пропускъ еще въ трехъ мѣстахъ), въ концѣ же письма Гоголь какъ бы оправдывается въ томъ, что тратитъ такъ много драгоценнаго времени на переписку съ родными. «Пишу къ вамъ такъ часто теперь потому, что мнѣ удалось имѣть свободное время и потому, что вижу надобность хоть сколько-нибудь васъ укрѣпить въ дѣлѣ жизни... Я думалъ, что вы все-таки хоть сколько-нибудь понимаете существо христіанства. А вы, какъ видно, мастерцы только исполнять наружныя обряды: не пропускать вечерни, поставить свѣчку, да ударить липшіи поклонъ въ землю... Вотъ почему я написалъ къ вамъ сряду два длинныхъ письма... чтобы мнѣ не быть за васъ въ отвѣтъ передъ Богомъ. Но теперь, въ продолженіе цѣлаго года, вы не будете отъ меня получать писемъ, кромѣ развѣ изрѣдка самыхъ маленькихъ, съ извѣщеніемъ, что, слава Богу, живъ, потому что у меня есть дѣло, которымъ слѣдуетъ заняться и которое важнѣе нашей переписки.

¹⁾ Можно-ли полагаться на слова Гоголя о «самомъ скудномъ его содержаніи»? Известно, что Гоголь увѣрялъ друзей своихъ въ Римѣ (въ 1839 г.), будто бы онъ едва-едва въ состояніи что-нибудь проглотить, а они подстерегли его въ то время, когда онъ уписывалъ за четверыхъ. (Воспом. М. П. Погодина въ «Р. Арх.» 1865 г., кн. 7). Но съ другой стороны Л. Арнольдъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Гоголь умѣлъ дѣйствительно ограничиваться однимъ чемаданчикомъ «Русскій Вѣстникъ» 1862 г., кн. I, стр. 73).

А потому совѣтую вамъ почаще перечитывать мои прежнія письма во все продолженіе года такъ, какъ бы новыя» (VI, 341—344).

Въ письмѣ къ А. О. Смирновой, отъ 22-го февраля, Гоголь возвращается къ своей «злѣбѣ дня», къ «обгрызенному обглодку» его книги и къ ея первоначальному замыслу. «Съ московскими моими пріятелями,—пишетъ онъ,—объ этомъ не разсуждайте. Они люди умные, но многословны и отъ нечего дѣлать толкутъ воду въ ступѣ. Оттого ихъ можетъ смутить всякая бабья сплетня и сдѣлаться для нихъ предметомъ нестоющихъ споровъ. Пусть ихъ путаются обо мнѣ...» (346).

За письмомъ этимъ должно быть помѣщено слѣдующее къ одному изъ «путующихся друзей» — С. П. Шевыреву, писанное также изъ Неаполя, какъ и предъидущія письма. Года на немъ не значится, но оно, очевидно, должно относиться къ 1847-му.

Марта 4-го, Неаполь.

Долго я не постигалъ причины твоего молчанія въ такое время, когда мнѣ больше всего были нужны твои письма. Наконецъ, изъ письма Сергѣя Тимофѣевича Аксакова (исполненнаго упрековъ самыхъ жесткихъ, и даже не совершенно справедливыхъ, но притомъ нужныхъ душѣ моей), я догадался, что ты долженъ быть сердитъ на меня за Погодина. Я и позабылъ было, что въ книгѣ моей есть слова о Погодинѣ, которыя и онъ, и вы приняли въ другомъ смыслѣ. Вы твердо убѣдили себя, что я питаю гнѣвъ и неудовольствіе противъ Погодина и подъ угломъ этого убѣжденія смотрите на всѣ мои слова о Погодинѣ, а потому и увидали дѣло въ большемъ видѣ, чѣмъ оно есть. Вотъ вся правда дѣла: когда я, точно, сердился на Погодина, отъ меня никто не слышалъ тогда дурнаго слова о Погодинѣ; я представляю вамъ свидѣтелей, которые, слава Богу, еще живы. Когда прошелъ гнѣвъ, явилось въ душѣ моей сильное желаніе оправдаться передъ Погодинымъ, показать ему, какъ онъ невинно сталъ виноватъ, и какъ заблудился обо мнѣ. Желаніемъ этимъ я страдалъ и томился и въ тоже время видѣлъ, что для этого нужно обнаружить до нага всю свою душу и принести непритворную исповѣдь во всемъ томъ, что творилось въ душѣ моей незримо отъ всѣхъ: безъ этого было бы объясненіе мое непонятно. А принести своей исповѣди полной я былъ тогда не въ силахъ, да и теперь врядъ-ли въ силахъ. Гнѣвъ на бессиліе свое объясниться отозвался болѣзненнымъ стономъ въ тѣхъ моихъ письмахъ, въ которыхъ я вамъ упоминалъ о Погодинѣ. Этотъ болѣзненный стонъ вы приняли за гнѣвъ мой противъ Погодина; я не хотѣлъ васъ разувѣрять, зная, что вы не повѣрите словамъ моимъ. Потому и самое это желаніе объясниться и оправдаться во мнѣ угаснуло. Я сталъ думать только о томъ, какимъ бы образомъ дать ощутительно почувствовать Погодину его вину вообще, а не противъ меня, и показать, какъ можно безъ желанія нанести поражение чело-

вѣку, поразить его, потому что едва было не случилось такое дѣло, за которое замучила бы его совѣсть. Содержа безпрестанно въ головѣ мысль о томъ, какъ указать Погодину недостатки его, поставляющіе его въ непріятныя отношенія съ людьми, я, можетъ быть, выражался о немъ сильнѣй, чѣмъ выражается обыкновенно пріятель о пріятелѣ. И это васъ поразило въ статьѣ, напечатанной въ моей книгѣ, которую я, можетъ быть, исправилъ бы и облегчилъ, если бы разсмотрѣлъ ее передъ печатаніемъ, но занятый другимъ, болѣе меня тогда занимавшимъ, я о ней просто позабылъ. Во всякомъ случаѣ, въ статьѣ о Погодинѣ нѣтъ лжи, я говорилъ то, въ чемъ былъ убѣжденъ, и какъ бы ни были слова и выраженія неприличны, но въ основаніи ихъ лежитъ правда,—этого и ты не можешь отвергнуть. Что же касается до словъ Сергѣя Тимофѣевича (Аксакова), что будто я обезчестилъ Погодина публично, то это совершенно несправедливо. Моей ненависти противъ Погодина никто не отыскалъ въ этихъ словахъ о Погодинѣ изъ людей, которымъ незнакомы наши отношенія. Ихъ увидѣли вы потому, что взглянули уже глазами предубѣжденными и потому, что вамъ извѣстны многія такія обстоятельства, которыя не могутъ быть извѣстны читателю. Если-жъ кто и отыщетъ въ нихъ слѣды ненависти и озлобленія моего противу Погодина, тогда безчестіе мнѣ, а не Погодину. Кто-жъ тутъ выигралъ, я или Погодинъ? Кому слава, мнѣ или ему? Развѣ и теперь не называютъ меня, даже близкіе мнѣ люди, лицемѣромъ, Тартюфомъ, двуличнымъ человекомъ, играющимъ комедію даже въ томъ, что есть святѣйшаго человѣку. Или, ты думаешь, легко это вынести? Это еще Богъ вѣсть, какая изъ оплеухъ посильнѣе для того, чтобы вынести, эта-ли, или та, которую я далъ, по вашему мнѣнію, Погодину. Оплеуха Погодину случилась какъ-то сама собою, такъ что, увѣрю честнымъ моимъ словомъ, я даже самъ не знаю въ какой степени я въ ней виноватъ и ожидаю еще формальнаго обвиненія; цѣлой половины нашихъ грѣховъ мы не видимъ, а потому и нужно, чтобы другіе намъ помогали, указывая ихъ вполнѣ. Знаю я только то, что я обрадовался тому, что эта оплеуха случилась, хотя въ началѣ было испугался. Съ этихъ поръ любовь къ Погодину, которую, говорю тебѣ неліцемерно, я хотѣлъ насильно пріобрѣсть, вошла вдругъ сама собою въ мою душу,—любовь, которой я никогда прежде къ нему не имѣлъ въ такой степени. Прежде я только уважалъ его, любилъ великодушныя мысли и благородство его высшихъ стремленій, но не его самого; я не подавалъ ему руки на тѣсную дружбу, онъ первый началъ меня называть ты. У насъ не было никакихъ сходствъ въ нашихъ характерахъ и тѣхъ симпатическихъ маленькихъ наклонностей,

которыя дѣлають то, что люди вдругъ дѣлаются друзьями и никогда не могутъ между собою поссориться. Но теперь чувствую, что между нами завяжется дружба, которой никто уже на землѣ не разорветъ, потому что Христосъ станетъ между нами и поможетъ намъ объясниться. Въ одно время съ этимъ письмомъ моимъ къ тебѣ, я написалъ и къ нему письмо, а потому ты спроси его, получилъ-ли онъ. Что же касается до тебя, то, во всякомъ случаѣ, если сердить, выскажи, но не молчи. Если-жъ хочешь наказать меня молчаніемъ, то тебѣ вдвойнѣ грѣхъ, потому что я просилъ въ предисловіи къ моей книгѣ простить меня и за то, что отыщется въ моей книгѣ. Если я поступилъ не какъ христіанинъ, то развѣ это даетъ право поступить и тебѣ не по-христіански. Увѣдоми меня обо всемъ о моей книгѣ, ничего не скрывая, иначе дашь отчетъ за это Богу, потому что ради Господа Христа я прошу объ этомъ. При семъ письме въ сестрѣ моей Ольгѣ, которое я прошу тебя отправить въ Полтаву, въ дер. Васильевку, вмѣстѣ съ проповѣдями Иннокентія, которыя потрудись купить на мои деньги. И если деньги накопились, то отправь немедленно двѣ тысячи сто рублей ассигнаціями, 2,100 руб., къ моей матери. Обнимаю тебя ¹⁾. Твой Гоголь.

Въ объясненіе къ этому письму остается только привести тѣ мѣста изъ книги Гоголя, гдѣ онъ отзывается о М. П. Погодинѣ тономъ, оскорбившимъ московскихъ друзей Гоголя. Мѣста эти заключаются въ 4-й статьѣ: «О томъ, что такое слово». Вотъ они: «Пріятель нашъ П(огодинъ) имѣетъ обыкновеніе, отрывши какія ни попало строки извѣстнаго писателя, тотъ же часъ ихъ тишуть въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести-ли это, или къ безчестию его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною оговоркою журналистовъ: «надѣмся, что читатели...» и т. д. «Обращаться съ словомъ нужно честно... Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады или гнѣва, или какого-нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было... Тотъ же нашъ пріятель П(огодинъ) тому порука: онъ торопился всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ со своими читателями, сообщать имъ все, чего ни набрался самъ, не разбирая, созрѣла-ли мысль въ его собственной головѣ такимъ образомъ, дабы стать близкою и доступною всѣмъ, словомъ — выказывалъ передъ читателемъ себя всего во всемъ своимъ неряшествомъ. И что же? Замѣтили-ли читатели тѣ благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто?... Нѣтъ, они замѣтили въ немъ одно только неряшество и неопрятность... и ничего отъ него не приняли. Тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ, какъ муравей, этотъ человѣкъ, торопясь всю жизнь свою передать поскорѣе въ руки всѣмъ все, что ни находилось въ пользу просвѣщенія и образованія русскаго, и ни одинъ человѣкъ не сказалъ ему спасибо,

¹⁾ Надо думать, что Гоголь узналъ о неполученіи еще его матерью тѣхъ 2,000 р., о которыхъ писалъ оцѣ ей въ письмѣ отъ 16-го февраля, расчитывая на присылку ихъ ей Плетневымъ, и вслѣдствіе того написать о томъ же Шевыреву (почему-то прибавляя еще 100 рублей). О. М.

ни одного признательнаго юноши я не встрѣтилъ, который бы сказалъ, что онъ обязанъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ... Напротивъ, я долженъ былъ даже спорить и стоять за чистоту самихъ намѣреній и за искренность словъ его передъ такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мнѣ было даже трудно убѣдить кого-либо, потому что онъ сумѣлъ такъ замаскировать себя передъ всѣми, что рѣшительно нѣтъ возможности показать его въ томъ видѣ, каковъ онъ дѣйствительно есть. Опасно шутить писателю со словомъ».

Отзывъ этотъ попалъ въ книгу Гоголя изъ письма, написаннаго имъ еще въ 1844 году, а въ мартѣ этого года Гоголь, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ изъ вышеприведенной выписки ¹⁾, писалъ Шевыреву, что Погодинъ «напалъ на дѣлое сцѣпленіе такихъ чувствительныхъ струвъ, отъ которыхъ дѣлые полтора года болѣла душа у Гоголя». Послѣ этого остается только отнести къ самому Гоголю его же слова: «Бѣда, если писатель станетъ писать подъ вліяніемъ досады, личностей и т. п.»²⁾.

Два дни спустя послѣ только что приведеннаго письма къ Шевыреву, Гоголь отправилъ письмо къ другому изъ «путающихся о немъ друзей», С. Т. Аксакову, котораго, однако-же, благодарить въ этомъ письмѣ за упреки по поводу «Переписки». Въ объясненіе этой книги Гоголь приводитъ тутъ повѣсть о поварѣ, захотѣвшемъ «угостить хорошимъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поварь самъ вызвался, ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени. Что слѣдовало дѣлать тѣмъ, которымъ общано угощеніе? Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: «подавай обѣдъ!» Поварь говоритъ: «это физически невозможно, потому что обѣдъ мой совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды!..» Ему въ отвѣтъ: «Врешь, братъ!» Поварь видитъ, что нечего дѣлать, рѣшился, наконецъ, привести гостей своихъ на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить кастрюли и весь кухонный скарядъ въ такомъ видѣ, чтобъ изъ него хоть какое-нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кастрюль... о которыхъ и подумать бы нельзя было, чтобы онѣ требовались для приготовления обѣда, что у нихъ закружилась голова». Нельзя не сказать, что тутъ также точно выразился художникъ, какъ и въ выше напечатанномъ сравненіи Гоголемъ своего состоянія съ состояніемъ летаргика (въ письмѣ къ Плетневу).

Того же 6-го марта Гоголь гораздо прямодушнѣе писалъ Жуковскому, открытая душа котораго, надо думать, способна была вызвать на откровенность даже такого человѣка, какъ Гоголь. «Я размахнулся въ моей книгѣ,—писать онъ тутъ,—такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее... «При всемъ томъ,—старается онъ, однако-жъ, себя увѣрять, книга моя полезна. Въ одну недѣлю исчезнули всѣ экземпляры ея (неизвѣстно, замѣчаетъ г. Кулишъ, кто сообщилъ Гоголю такое извѣстіе: книга пошла очень туго). Всѣ, дотолѣ бывшіе вопросы въ литературѣ, вдругъ замѣнились другими, и всѣ предметы разговоровъ умныхъ людей нашихъ обществъ замѣнились другими предметами». Далѣе

¹⁾ Въ томѣ XIV-мъ «Русской Старины», стр. 309.

²⁾ Въ письмѣ къ Н. Н. III-ой (Кулишъ, VI, 366), Гоголь возвращается къ своему отзыву о Погодинѣ, говоритъ, что выпустилъ бы его, если бы самъ печаталъ свою книгу, и прибавляетъ, что «великодушіе составляетъ главную черту характера Погодина».

Гоголь тут радуется вѣсти о намѣреніи Жуковскаго писать письма по поводу его писемъ, прибавляя: «Но какъ мнѣ стыдно за себя, какъ мнѣ стыдно передъ тобою, добрая душа! Стыдно, что возмнилъ о себѣ, будто мое школьное воспитаніе уже кончилось и могу я стать наравнѣ съ тобою. Право, есть во мнѣ что-то хлестаковское. А ты кротко, безъ негодованія, подаешь мнѣ братскую руку свою...» (VI, 350—351).

Въ письмѣ къ Шевыреву, отъ 10-го марта (VI, 351), Гоголь напоминаетъ о своей просьбѣ—послать матери 2,100 р., «если деньги есть на лицо (у П. А. Плетнева ихъ, можетъ быть, не оказалось). На счетъ поступка моего съ Л. Л. (Погодинымъ), пишетъ Гоголь, ты, вѣроятно, получилъ объясненіе, если получилъ мое письмо отъ 4-го марта». Это-то письмо, до сихъ поръ остававшееся непечатаннымъ, и приведено нѣсколько выше. Но въ письмѣ отъ 10-го марта Гоголь далѣе говоритъ, что писалъ о томъ же 4-го же числа и самому Погодину. Желательно было бы, чтобы Михаилъ Петровичъ сообщилъ это письмо въ «Русскую Старину», какъ и другія письма къ нему Гоголя, которыя, можетъ быть, также остаются еще непечатанными.

Далѣе, въ письмѣ 10-го марта, оказываются пропуски, которые, однако же, не зачѣмъ возстановлять по имѣющемуся теперь подлиннику, такъ какъ тутъ только повторяются жалобы Гоголя на поступки цензуры съ его «Перепиской». Мотивъ этотъ былъ также точно заѣзженъ Гоголемъ, какъ, по его же мѣткому замѣчанію, въ свое время заѣздилъ въ русской литературѣ «добродѣтельнаго человѣка». Въ письмѣ къ Плетневу, отъ 15-го марта, Гоголь опять озабоченъ помѣщеніемъ пропущенныхъ мѣстъ во 2-мъ изданіи «Переписки». О письмѣ своемъ по этому поводу въ кн. В*** онъ тутъ пишетъ: «Я просилъ его, чтобы онъ, читая эти строки, имѣлъ въ своихъ мысляхъ неотлучно то, что писавшій ихъ есть не болѣе какъ чиновникъ 8-го класса, чтобы чрезъ то видѣть лучше, гдѣ нужно облегчить жесткое выраженіе помѣщеніемъ необходимою оговорки, а гдѣ—увичтожить вовсе иное заносчивое, ни въ какомъ случаѣ не приличное»¹⁾ (356). Въ письмѣ къ кн. В. В. Львову, написанномъ 20-го марта, въ отвѣтъ на его вопросъ: «Зачѣмъ вышла книга писемъ Гоголя?», высказывается слѣдующее: «Одно помышленіе о томъ, съ какимъ непріличіемъ и самоувѣренностью сказано въ ней многое, заставляетъ меня горѣть отъ стыда...» Слѣдуютъ увѣренія, что Гоголь «отнюдь не перемѣнялъ направленія своего», что главной заботой его остаются все тѣ же «М. Д.», и что «одна изъ причинъ появленія нынѣшней его книги была — возбудить ея тѣ разговоры и толки въ обществѣ, вслѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были выказаться многія ему незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка, которыя ему очень нужно взять къ соображенію, чтобы не попасть въ разные промахи при сочиненіи

¹⁾ Письмо Гоголя къ кн. Вяземскому напечатано въ «Р. Архивѣ» 1872 г. № 7—8. О «чиновникѣ 8-го кл.» говорится тутъ такимъ образомъ: «во всѣхъ мнѣніяхъ и мысляхъ вообще о предметахъ выше, представьте себѣ мысленно мою личность, и вездѣ, гдѣ только примѣтите, что чиновникъ 8-го кл. слишкомъ заранортовался, сдѣлайте такъ, чтобы онъ не позабылъ, что онъ чиновникъ 8-го класса». Въ началѣ письма замѣчательны слова: «о представлѣнн посѣщеніемъ моей книги Государю я вовсе не думаю. У меня одно желаніе, чтобы она была прочитана прежде вами, взвѣшена, разобрана строго и выправлена. Мнѣ бы желалось, чтобы ее прочелъ также внимательно гр. М. Ю. Вельг, потомъ В. А. Перовскій и сказали бы оба свои замѣчанія...» О. М.

той книги, которая должна быть вся природа и правда» (362). Какъ будто бы всѣмъ этимъ могло замѣниться то живое общеніе съ родной землей, котораго лишилъ себя Гоголь постояннымъ почти пребываньемъ подъ небомъ Италіи.

Къ свѣтлому празднику, Гоголь, не выдержавъ своего зарока не писать матеріи въ теченіе дѣлаго года (кромѣ развѣ однѣхъ записочекъ о здоровьѣ), отправилъ ей письмо, въ которомъ говорить о своей «Перепискѣ»: «Не думайте, что послѣ этой книги будутъ всѣ примирены со мной (онъ уже имѣлъ время убѣдиться въ противномъ)... Не смущайтесь никакими неприятыми заключеніями обо мнѣ, но передавайте ихъ мнѣ просто такъ, какъ ихъ услышите... Молитесь о томъ, чтобы прогналъ милосердый Богъ далеко отъ меня духа самоувѣренности, гордости, самоослѣпленія...» А еще такъ недавно онъ ее же съ сестрами наставнически уличалъ въ этомъ самомъ духѣ... Неудача «Переписки съ друзьями» не шутя научила его «смиренію». Въ письмѣ къ Шевыреву, отъ 27-го апрѣля, Гоголь снова оправдывается въ тѣхъ мѣстахъ «Переписки», которыя относятся къ М. П. Погодину. Все это напечатано у г. Кулиша (VI, 374), но даѣе оказываются пропуски, которые теперь пополняются на основаніи подлинника.

Послѣ словъ: «полный судъ надъ человѣкомъ», слѣдуетъ:

Скажу тебѣ также нѣсколько словъ о замѣчаніи твоёмъ въ прежнемъ письмѣ на статью мою о лиризмѣ русскихъ поэтовъ и о всемъ, что ни сказано о монархической власти по поводу стихотворенія Пушкина. Я не отвѣчалъ на это потому, что, не имѣя моей книги, не зналъ, въ какомъ видѣ напечатана эта статья. Теперь, скрѣпясь духомъ, пробѣжалъ. Это просто бессмыслица. Статья эта и у меня въ рукописи выходила довольно темна, а съ этими, непонятными даже для меня, обрѣзываніями цензуры даже такихъ мѣстъ, которыхъ не пропускъ можно только приписать къ какому-нибудь особенному умыслу самой цензуры,—просто путаница. Не говоря о разныхъ вещахъ поважнѣе, прилагаю тебѣ здѣсь непропущенный листокъ, служащій отвѣтомъ на твой запросъ о стихотвореніи Пушкина ¹⁾. Несмотря на всю неприятность, которую съ перваго раза нанесъ мнѣ жалкій видъ статьи моей и толки, разнесшіяся въ публикѣ о моемъ низкопоклонствѣ, я потомъ не только успокоился, но даже обрадовался, и жду только того, чтобы на меня побольше напали со всѣхъ сторонъ за эту статью, и, если можно, даже въ Европѣ. Тогда только я получу голосъ и, въ видѣ оправданія, могу заговорить, наконецъ, о томъ, какимъ образомъ богатствомъ милости и всепрощающей любви можетъ уподобиться монархъ Богу. Много есть вещей, которыхъ по тѣхъ поръ

¹⁾ Листокъ этотъ было бы лишнимъ печатать здѣсь, такъ какъ почти все въ немъ заключающееся уже напечатано въ послѣднемъ изданіи «Сочиненій Гоголя» (III, 372—373). Не достааетъ только слѣдующей приписки подъ стихами Пушкина: «Слухъ о томъ, что это стихотвореніе Гнѣдичу, распустилъ я. Съ моихъ словъ повторили это «Отеч. Зап.» (Дѣло идетъ о стихотвореніи: «Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ»).

не найдешься какъ сказать, покуда не нападутъ на тебя. Мысль статьи этой была добрая. Повѣрь, что намъ всѣмъ слѣдуетъ умѣть прощать и помнить ежеминутно о томъ, что умѣніемъ прощать мы болѣе всего можемъ уподобиться Богу.

На стр. 375, послѣ словъ: «и возросла способность творить», пропущено:

Я очень жалѣю, что не попали въ мою книгу письма къ разнымъ должностнымъ государственнымъ людямъ. Меня-бъ, конечно, тогда разбрали бы еще больше. Сказали бы еще болѣе: не въ свое дѣло залѣзъ и впутался, но тѣмъ не менѣе, по поводу этихъ статей обнаружилось бы передо мной многое внутри Россіи. И многіе, въ желаніи доказать мнѣ мои ошибки, стали бы рассказывать тѣ вещи, которыя именно мнѣ нужны.

На стр. 376, послѣ окончанія письма, слѣдуетъ приписка:

Не сердись на мой дурной почеркъ, изломанный слогъ, недописки и поправки. Не позабывай, что это неотлучныя примѣты человѣка, который еще строится и хлопочетъ около своей постройки.

Извѣстная статья Бѣлинскаго въ «Современникѣ» о «Перепискѣ съ друзьями» вызвала у Гоголя письмо къ ея автору, скрывающемуся у г. Кулиша подъ буквами WO (VI, 377—379). Тутъ Гоголю пришлось сознаться, что на него «разсердились всѣ до единого въ Россіи. Этого, покуда,—пишетъ Гоголь,—я еще не могу понять. Восточные, западные, нейтральные—всѣ огорчились». Исключенія, однако же, были—это доказывается, во-первыхъ, письмомъ Гоголя къ Ф. Ф. Вигелю (VI, 376—377), отнесемому сочувственно къ «Перепискѣ». Гоголь, въ письмѣ къ Бѣлинскому, умалчиваетъ о сочувствіи Вигеля, вспомнивъ, быть можетъ, извѣстный стихъ:

«Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ».

Бѣлинскій, какъ извѣстно, отвѣчалъ Гоголю горячимъ письмомъ, долго ходившимъ по рукамъ въ рукописи; существенныя части этого письма напечатаны въ іюльской книжкѣ «Вѣстанка Европы» 1872 года, въ статьѣ г. В. Чицова: «Послѣдніе годы Гоголя». Странно, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, придавать письму Бѣлинскаго только временное значеніе. Если бы нашъ славный критикъ пережилъ Гоголя, то и тогда, подводя итоги его литературной дѣятельности и коснувшись «Переписки съ друзьями», онъ едва-ли бы отказался отъ своихъ словъ: «Нельзя промолчать, когда проповѣдываютъ ложь и безправственность, какъ истину и добродѣтель». Если бы передъ Бѣлинскимъ была раскрыта, какъ передъ нами теперь, вся вообще переписка Гоголя, то онъ бы лишь съ окончательною увѣренностью повторилъ: «Какая это великая истина, что когда человѣкъ отдается лжи, его оставляютъ умъ и талантъ». Съ такою же полною увѣренностью повторилъ бы онъ и слѣдующія свои слова: «Смирненіе, проповѣдуемое Гоголемъ, отзывается, съ одной стороны, страшной гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства». Дѣло въ томъ, что великій писатель не умираетъ, а потому и по смерти къ нему нельзя не относиться, какъ къ живому. Великій русскій писатель, явившійся, по выраженію Бѣлинскаго, съ книгою, «которою учитъ варвара-помѣщика на-

живать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ «неумытыми рылами», если и не такъ уже раздражаетъ читателя въ настоящее время, то собственно потому, что не стало крѣпостнаго права; но вѣдь слѣды его на лицо и, вѣроятно, еще надолго. При существованіи этихъ «слѣдовъ» (въ широкомъ значеніи слова), Бѣлинскій, не умѣвшій «говорить въ половину, хитрить», и теперь бы «ненавидѣлъ» позорныя страницы въ «Перепискѣ» Гоголя, подобно тому, какъ продолжалъ бы «любить со всей страстью» ту сторону его литературной дѣятельности, которая заставляла и заставляетъ въ немъ видѣть «честь и славу, одного изъ великихъ вождей родины на пути сознанія и развитія». Въ свое время пригласивъ самого Гоголя порадоваться паденію его «позорной книги», Бѣлинскій и теперь, въ качествѣ уже не критика, а историка литературы и нравовъ, продолжалъ бы видѣть утѣшительное явленіе нашей общественной жизни въ томъ, что противъ Гоголя возстали тогда, какъ самъ онъ сознался, «всѣ до единого». «Это показываетъ,—и теперь бы сказалъ Бѣлинскій,—сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя и въ зародышѣ, свѣжаго, здраваго чувства». А изъ словъ Бѣлинскаго, кажется, слѣдуетъ, что несправедливо сваливать все на среду, что виновать тутъ больше всего—самъ Гоголь.

Въ статьѣ г. Чижова сказано, что въ лицѣ Бѣлинскаго и Гоголя «сталкивались два разнородныя воззрѣнія, двѣ противоположныя системы убѣжденій.» Къ такому мнѣнію склоняются многіе и въ настоящую минуту; мнѣ же представляется рѣшительно вѣдоказаннымъ, чтобы въ «Перепискѣ съ друзьями» Гоголь заявилъ свою «систему убѣжденій».

Что отвѣчалъ онъ на письмо Бѣлинскаго? (Извѣстно, что г. Кулишъ нашелъ отвѣтъ Гоголя въ его бумагахъ изорваннымъ въ десять лоскутковъ и, сложивъ ихъ, по возможности восстановилъ текстъ, которымъ, стало быть, не былъ удовлетворенъ и самъ писавшій). «Своекорыстныхъ цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе (теперь, когда мнѣ) пора подумать о смерти... Ничего не хотѣлъ (я) ея (т. е. квигой) выпрашивать».

Въ подкрѣпленіе этихъ словъ своихъ Гоголь приводитъ тѣ же указанія на свою бѣдность, которыя приводились имъ и въ письмахъ къ Жуковскому, написанныхъ съ цѣлью получить черезъ него денежное пособіе. Въ томъ «прекрасномъ далека», изъ котораго, по мнѣнію Бѣлинскаго, Гоголю уже нельзя было видѣть настоящее положеніе Россіи, жилось ему, какъ онъ увѣряетъ Бѣлинскаго, совсѣмъ не такъ привольно: «У меня,—лпшетъ Гоголь,—нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой чемоданъ, чтобы легче было расставаться съ міромъ». Не найдя ничего болѣе въ защитѣ своего нравственнаго характера, Гоголь, съ другой стороны, защищаетъ въ этомъ письмѣ свои «убѣжденія», при помощи постоянного перехода въ наступательное положеніе. На упрекъ въ крѣпостническихъ взглядахъ, онъ отвѣчаетъ Бѣлинскому упрекомъ въ томъ, что его отзывы о помѣщикахъ «отзываются временами Ф.-Визина». вмѣсто основательнаго отвѣта на другіе упреки, Гоголь прибѣгаетъ къ тому, что нельзя, «получа легкое журнальное образованіе», судить о важныхъ предметахъ (какъ-будто бы, чтд, кажется, уже было замѣчено г. Пыпинымъ, собственное образованіе Гоголя было уже такъ удовлетворительно!). Гоголь заканчиваетъ свою апологію совѣтомъ Бѣлинскому вознаграждать недостатки своего образованія чтеніемъ «большихъ сочиненій», вмѣсто «современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ умомъ, совращающимъ съ прямого взгляда». Конецъ этотъ достоинъ начала, въ которомъ Гоголь обра-

палъ къ самому Бѣлинскому его восклицаніе: «Опомнитесь, вы стоите на краю бездны!» а затѣмъ рекомендовалъ ему возвратиться на его прежнюю (чисто эстетическую) дорогу, потому что она привела бы его къ «примиренію съ жизнью», къ тому, что онъ сталъ бы «благословлять все въ природѣ», теперь же приходится предостеречь его: «вы сторите, какъ свѣчка, и другихъ сожете» (379—387).

Таковыми-ли софистическими уклоненіями въ сторону защищаетъ себя человекъ, дѣйствительно обладающій «системою убѣжденій»? Въ числѣ лицъ, оставшихся крайне недовольными книгою Гоголя, былъ и знаменитый напѣ проповѣдникъ Иннокентій (тогда архіеп. херсонскій). Въ «Дух. Вѣстникѣ» 1864 г. кн. VII напечатано оправдательное письмо къ нему Гоголя. «Внутреннюю вѣсть свою, объясняется онъ, выставляю не за тѣмъ, чтобы себя выставить, но думалъ, что это послужитъ въ добро тѣмъ, которые подобно мнѣ, не получивши надлежащаго воспитанія въ юности и въ школахъ, спохватились потомъ, и въ тѣ годы, когда человѣку кажется страннымъ начинать воспитаніе; парадировать набожностью я также не хотѣлъ, я хотѣлъ чистосердечно показать нѣкоторые опыты надъ собой, именно тѣ, гдѣ помогла мнѣ религія въ изслѣдованіи души человѣка... Увѣрю васъ, что многое изъ того, что кажется высокимъ фригійшею гордостью, есть просто ребячество и незрѣлость души... Я находился въ томъ состояніи, во время котораго слѣдовало молчать и изъясняться только съ однимъ духовникомъ. Но, на бѣду, я писатель, а писатель боязливъ...» Въ концѣ Гоголь приходитъ тутъ къ такому заключенію: «я далъ себѣ слово остановиться писать, видя, что нѣтъ на это воли Божіей. Говорить о мелкомъ и ничтожномъ въ жизни не хочется, говорить же о высокомъ — но тутъ на всякомъ шагу встрѣтишься со Христомъ и можешь наговорить нелѣпостей»¹⁾.

Пораженіе, испытанное Гоголемъ со всѣхъ сторонъ, заставило его смириться до такой степени, что онъ написалъ, 3-го мая 1847 г., письмо къ матери, въ которомъ просилъ у нея и у сестеръ прощенія въ тѣхъ проповѣдническихъ упрекахъ, съ какими обратился къ нимъ въ своемъ возмущительномъ письмѣ о сокращеніи ихъ расходовъ (387—389). Такое же покаяніе встрѣчаемъ мы и въ письмѣ его къ матери отъ 7-го іюля (Кулишъ, VI, 409—410).

Гоголю пришлось увидать въ безчисленномъ станѣ недовольныхъ и огорченныхъ его книгою даже отца Матвѣя, письма къ которому, съ этихъ поръ, пишутся имъ довольно часто. Отецъ Матвѣй (человекъ, по слухамъ о немъ, чистосердечно вѣрующій) порицалъ въ книгѣ Гоголя «гордость и самоослѣпленіе». Въ отвѣтѣ ему, отъ 9-го мая, Гоголю пришлось сознаться: «моя книга есть точная мнѣ онлеуха». Изъ письма къ Шевыреву, отъ 25-го мая, видно, что до Гоголя дошли и болѣе для него утѣшительные слухи о статьѣ Ан. Григорьева, «которая,—замѣчаетъ онъ,—говоритъ больше въ пользу критика, чѣмъ моей канги», и статьѣ Павлова, которая «говоритъ тоже въ пользу Павлова и вмѣстѣ съ тѣмъ въ пользу вѣпши». Изъ того же письма видно, что онъ узналъ о намѣреніи кн. Вяземскаго также написать статью объ его книгѣ²⁾. Письмо къ послѣднему, напи-

¹⁾ За указаніе мнѣ этого письма припому мою искреннюю благодарность г. Павловскому, въ Полтавѣ. О. М.

²⁾ По подлиннику этого письма видно, что въ изданіи г. Кулиша вкралась въ него опечатка: на послѣдней строкѣ стр. 401-й, вмѣсто только и, слѣдуетъ читать: и толки. Сверхъ того, въ подлинникѣ есть приписка о высылкѣ 2 т.

санное Гоголемъ уже по прочтеніи его статьи и помѣченное 11-мъ іюня, напечатано въ 7-й книгѣ «Р. Арх.» 1866 г. Статья кн. Вяземскаго вышла довольно сочувственною книгѣ Гоголя, и вотъ, въ отвѣтъ ея автору, Гоголь даже выступилъ великодушнымъ защитникомъ своихъ «нападателей», т. е. ихъ добрыхъ намѣреній. Но какъ мало подѣйствовали на него мысли самаго даровитаго и горячаго изъ этихъ нападателей, — видно изъ словъ Гоголя (въ письмѣ къ Вяземскому) о пользѣ не нападательныхъ и не защитительныхъ статей, а статей уяснительныхъ по части многихъ важныхъ вопросовъ, «относящихся къ тѣмъ вѣчнымъ истинамъ, которыя, хотя покуда еще и не раздаются въ обществѣ, но къ которымъ поворотъ, однако же, неминуемо долженствуетъ наступить. Я разумѣю, — поясняетъ Гоголь, — здѣсь собственно тѣ истины, о которыхъ могутъ сказать только люди государственные. Если о нихъ не раздадутся теперь здравыя опредѣленія... то ихъ пойдутъ скоро коверкать вовсе не государственные люди и могутъ всѣхъ сбить съ толку... Даже и я, человѣкъ вовсе не государственный, заговорилъ о томъ... У васъ, — внушаетъ онъ кн. Вяземскому, — есть все, что нужно для государственнаго мужа, при томъ, любви къ Россіи, слава Богу, довольно... Жду съ нетерпѣніемъ листовъ моей рукописи (приготовившейся ко 2-му изданію «Переписки»), слабѣнныхъ вашими замѣчаніями, потому что съ моей стороны все-таки нужно что-нибудь сказать, хотя, разумѣется, поприличію и въ такой мѣрѣ, въ какой позволено сказать негосударственному человѣку. Нужно, чтобы мы все-таки питали любовь къ своей государственности, а не летали мысленно по всѣмъ землямъ, говоря о Россіи...»

Нѣкоторымъ изъ московскихъ своихъ друзей Гоголь давно не писалъ. На запросъ о томъ М. П. Погодина, онъ, отъ 10-го іюня, сообщилъ слѣдующія объясненія С. Т. Аксакову: «Искренно говорить можно только съ тѣмъ, кто сколько-нибудь вѣритъ нашей искренности... Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною не узнавши меня... Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями». Въ концѣ письма Гоголь изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что завелъ опять переписку съ М. П. Погодинымъ. «Письма мои, говоритъ Гоголь, не приносятъ ему никакого успокоенія. При тѣхъ же понятіяхъ, какія у него обо мнѣ, нынѣ всякое слово съ моей стороны обо мнѣ самомъ можетъ только его еще больше спутать (403 — 404). Въ письмѣ, отъ 20-го іюня, къ А. О. Смирновой, Гоголь писалъ о томъ же лицѣ¹⁾: «Все, что ни говорилъ онъ обо мнѣ и мнѣ, все было не впопадъ. Ни разу во всю жизнь свою не опредѣлилъ мнѣ справедливо ни одного моего дѣйствія (читатель, вѣроятно, помнитъ, что въ письмѣ къ Шевыреву, отъ 12-го марта 1844 г., Гоголь, напротивъ, прямо заявлялъ желаніе, чтобы всѣ друзья его, по примотѣ своихъ отношеній къ нему, «превратились въ Погодина»). Послѣ нѣсколькихъ писемъ, сравнительно менѣе важныхъ, въ изданіи г. Кулиша помѣщено письмо къ С. Т. Аксакову, отъ 28-го августа, изъ Остенде. Сознаваясь въ томъ, что никогда съ нимъ не былъ особенно откровененъ, Гоголь тутъ говоритъ: «Въ противность составившейся въ Москвѣ обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, т. е., люблю угожденія и

лекцій Шевырева, «Лѣтописей Археографической коммисіи» и «Праздниковъ и обрядовъ» Снегирева.

¹⁾ Она скрывается тутъ у г. Кулиша подъ буквами LL (VI, 407). О. М.

похвалы каких-то знатных Маниловых, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало». Сентября 2-го Гоголь пишетъ изъ того же мѣста С. П. Шевыреву. Письмо это въ изданіи г. Кулиша начинается въ т. VI, на стр. 423. Вслѣдъ за словами: «теперь пишу вновь», надо вставить:

„именно по слѣдующему случаю. Погодинъ, въ удостовѣреніе нѣ котораго добраго вліянія моей книги, прислалъ мнѣ письмо къ нему Григорьеву. Изъ этого письма, между прочимъ, видно, что Григорьевъ находится въ большой нуждѣ...“

Далѣе, по подлиннику, выказывается заботливость Гоголя о поправленіи денежныхъ дѣлъ Аполлона Александровича Григорьева посредствомъ заказа ему статьи для журнала, предполагавшагося Чижовымъ (подробности, съ указаніемъ на отношенія къ М. П. Погодину, должны и теперь остаться ненапечатанными). Письмо заканчивается въ изданіи г. Кулиша указаніемъ вообще на трудное положеніе молодыхъ людей, только что выступившихъ на литературное поприще.

Письмо къ отцу Матвѣю, отъ 24-го сентября (также изъ Остенде), служитъ, повидимому, отвѣтомъ на мнѣніе, заявленное, надо думать, ржевскимъ священникомъ на счетъ бесполезности авторства. «Если бы я зналъ, — пишетъ Гоголь, — что на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ могу дѣйствовать лучше во спасеніе души моей и во исполненіе всего того, чтѣ должно мнѣ исполнять, чѣмъ на этомъ, то я бы перешелъ на то поприще¹⁾. Если бы я узналъ, что я могу въ монастырѣ уйти отъ міра, я бы пошелъ въ монастырь. Но и въ монастырѣ тотъ же міръ окружаетъ насъ» и т. д. Письмо заключается извѣщеніемъ о скоромъ доставленіи отцу Матвѣю денегъ для раздачи бѣднымъ. «Мнѣ бы хотѣлось, — пишетъ Гоголь, — чтобы онѣ пришли въ руки тѣхъ, которые усерднѣе другихъ молятся Богу» (427). Отъ 20-го ноября Гоголь писалъ уже изъ Неаполя А. О. Смирновой: «Теперь ничего другаго не хочется, какъ только поклониться въ тишинѣ святому гробу, принеся на немъ благодарность за все, со мной случившееся, испросить силъ и мужества на свое дѣло, и потомъ возвратиться прямо въ Россію» (428). Въ письмѣ къ С. П. Шевыреву, отъ 2-го декабря, Гоголь изъясняетъ сожалѣніе о томъ, что письмомъ своимъ «огорчилъ добраго С. Т. Аксакова»²⁾. Гоголь, повидимому, въ свою очередь, огорчился спросомъ Шевырева на счетъ 2-го тома «М. Д.». «Написать второй томъ, — пишетъ онъ, — совсѣмъ не бездѣлица. Если же инымъ кажется это дѣло

¹⁾ Изъ этого видно, что слова Гоголя въ письмѣ къ преосв. Иннокентію о рѣшимости разстаться съ авторствомъ были минутною вспышкой или же сказаны были неискренно. Далѣе въ письмѣ къ Иннокентію онъ писалъ: «Нужно мнѣ въ это время притихнуть, исполнять просто какую нибудь должность самую незамѣтную, невидную, но взятую во имя Божіе...» Въ письмахъ къ кн. Вяземскому даже прямо проглядываетъ расположеніе Гоголя къ государственными должностямъ, только едва ли къ «самымъ незамѣтнымъ, невиднымъ...»

²⁾ Подлинникъ этого письма даетъ возможность узнать, что подъ буквами DQ скрывается въ немъ Снегиревъ, а подъ Над. Ник. III** — Надежда Николаевна Шереметева (послѣднее, впрочемъ, давно извѣстно). О. М.

довольно легкимъ, то, пожалуй, пусть соберутся и допнигуть его сами, совокупясь вмѣстѣ, а я посмотрю, что изъ этого выйдетъ». Вслѣдъ затѣмъ Гоголю приходится нѣсколько отступить отъ своей теоріи нанудобнѣйшаго писанія о Россіи изъ «прекраснаго далека». «Мнѣ нужно будетъ, — сознается онъ, — очень много посмотрѣть въ Россіи самолично вещей, прежде чѣмъ приступить ко второму тому». Въ видѣ повода къ отсрочкѣ, Гоголь пользуется и слѣдующимъ соображеніемъ: «Если и нынѣшняя моя книга, «Переписка» (по мнѣнію даже не глупыхъ людей и пріятелей моихъ), способна распространить ложь и безнравственность и имѣть свойство увлечь, то, самъ посуди, во сколько разъ больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену съ моими живыми образами. Тутъ вѣдь я буду послышѣе, чѣмъ въ «Перепискѣ». Тамъ можно было разбить меня въ пухъ и Павлову, и барону Розену, а здѣсь врядъ-ли и Павловымъ, и всякимъ прочимъ литературнымъ рыцарямъ и наѣзdnикамъ будетъ подъ силу со мною потягаться» (431). Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 12-го декабря, написанномъ по прочтеніи второй книжки его лекцій, Гоголь говоритъ: «Мнѣ особенно понравилось, что ты развилъ въ своей книгѣ мысль о близости нашихъ первоначальныхъ писателей, умѣвшихъ всегда позабыть о себѣ. По прочтеніи твоей книги, передо мною обнаружилось еще болѣе мое собственное безразсудство въ моеи «Перепискѣ съ друзьями». Я уже давно питалъ мысль выставить на видъ свою личность. Я думалъ, что если не пощажу самого себя... то этимъ придамъ духу другому не пощадить также самого себя... Это имѣло бы успѣхъ только въ такомъ случаѣ, еслибъ я самъ былъ похожъ на другихъ людей, т. е. на большинство другихъ людей. Но выставять себя въ образецъ чловѣку, не похожему на другихъ... это невозможно даже и тогда, если бъ такой чловѣкъ и дѣйствительно почувствовалъ возможность достигать того, какъ быть на всякомъ поприщѣ тѣмъ, чѣмъ повелѣлъ быть чловѣку самъ Богочловѣкъ. Я спуталъ и сбилъ всѣхъ. Поэтическія движенія, впрочемъ, сродныя всѣмъ поэтамъ, все-таки прорвались и показались въ видѣ чудовищной гордости, несомвѣстимой никакъ съ тѣмъ смиреніемъ, которое отыскивалъ читатель на другой страницѣ...» Попросивъ Шевырева послать 100 р. изъ денегъ, вырученныхъ за «М. Д.», сестрѣ своей Ольгѣ, Гоголь затѣмъ еще проситъ выслать книги сестрѣ своей Аннѣ и въ число ихъ включить и переводъ Гюфеланда «О сохраненіи жизни». «У меня, — прибавляетъ онъ, — есть одна сестра, которая воспиталась сама-собою въ глуши. Языка иностраннаго не знаетъ; но Богъ наградилъ ее чуднымъ даромъ лечить и тѣло, и душу чловѣка». Далѣе у г. Кулиша пропускъ (436), который теперь восстанавливается на основаніи подлинника¹⁾.

Съ семнадцати-лѣтняго возраста она отдала себя всю Богу и бѣднѣ, и умерла для всего другаго въ жизни. (Она лечитъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ всякими травами), которыхъ цѣлебное свойство открыла сама, и часто молитъ Бога, чтобы заболѣть, затѣмъ, чтобы испытать на себѣ самой новыя придуманныя ею средства.

Письмо Гоголя къ С. Т. Аксакову отъ 12-го декабря (Кулишъ, VI, 436—438) — оправдательное письмо. «Я сказалъ сущю правду, — говоритъ тутъ Гоголь о предъидущемъ своемъ письмѣ, такъ огорчившемъ Аксакова, — я васъ любилъ, точно, гораздо меньше, чѣмъ вы меня любили. Я былъ въ состояніи всегда...

¹⁾ Другіе пропуски въ этомъ письмѣ совершенно незначительны.

любить всѣхъ вообще, потому что я не былъ способенъ ни къ кому питать ненависти; но любить кого-нибудь особенно, предпочтительно, я могъ только изъ интереса... Вы видите, какое твореніе человѣкъ: у него прежде всего свой собственный интересъ. Почему знать? можетъ быть, я и васъ полюбилъ бы несравненно больше, если бъ вы сдѣлали что-нибудь собственно для головы моей; положимъ, хотъ бы написаніемъ записокъ жизни вашей, которыя бы мнѣ напоминали, какіхъ людей слѣдуетъ не пропустить въ моемъ твореніи, и какіми чертамъ русскаго характера не дать умереть въ народной памяти. Но вы въ этомъ родѣ ничего не сдѣлали для меня... Мнѣ кажется, что я теперь все-таки люблю васъ больше, нежели прежде, но это потому только, что любовь моя ко всѣмъ вообще увеличилась... потому что это любовь во Христвъ... А на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и это ложь, и я ничуть не умѣю любить лучше чѣмъ прежде. Поэты гнутъ иногда невиннымъ образомъ обманывая сами себя¹⁾. Рожденные понимать многое, постигать мысли, красоту чувствъ и высокія явленія въ душѣ человѣческой, они часто думаютъ, что уже вмѣщаютъ въ самихъ себѣ то, что могутъ только нѣсколько оцѣнить и съ нѣкоторой живостію выставить на глаза другимъ, и величаются чужимъ, какъ своимъ собственнымъ, добрымъ». Того же числа Гоголь писалъ и къ Плетневу: «Предстоящая дорога не легка (т. е. въ Иерусалимъ, куда Гоголь порѣшилъ отправиться въ февралѣ). Я страдаю сильно, когда бываю на морѣ, а моря мнѣ придется много. Я одинъ; со мною нѣтъ никого, это бы поддержало меня на пути, въ мои малодушныя минуты, равно какъ и въ минуты безсилія моего тѣлеснаго» (438). Свой недостатокъ настоящаго религіознаго одушевленія Гоголь думалъ замѣнить тѣмъ, о чемъ писалъ онъ, того же числа, отцу Матвѣю: «25 рублей назначено на три молебна о моемъ путешествіи... 25 рублей остальные оставьте, покуда, у себя... на письма» (они, какъ и молебны, должны были поддерживать Гоголя во время его паломничества, про которое могъ бы онъ, въ сущности, отозваться словами героя былинъ, Василия Буслаева: «А мое то гулянье неохотное — надо душу спасти»). Въ письмѣ къ тому же лицу, отъ 12-го января, Гоголь опять возвращается къ своей «опрометчивой» книгѣ, въ которой, — сознается онъ, — «показалъ какіе-то исполнскіе замыслы на что-то въ родѣ вселенскаго учительства... Діаволь, который какъ тутъ, раздулъ до чудовищной преувеличенности даже и то, что было даже и безъ умысла учительствовать, что случается всегда съ тѣми, которые понадѣются нѣсколько на свои силы и на свою значительность у Бога (въ этомъ обнаружилась короткая ознакомленность Гоголя съ житіями отшельниковъ, часто проводящими мысль объ ихъ, скрывающейся подъ смиреніемъ, гордости, которую въ нихъ разжигаетъ и которою пользуется злой духъ). Дѣло въ томъ, что книга эта не мой родъ», приходится сознаться Гоголю. Нельзя не замѣтить, что въ письмахъ его этой поры, подъ вліяніемъ испытаннаго имъ пораженія, проявляется все болѣе и болѣе искренности. Къ концу письма своего къ отцу Матвѣю онъ съ ужасомъ признается: «Мнѣ кажется, что во мнѣ и въ брѣхѣ нѣтъ вовсе (пропускъ)... и, несмотря на все это, я дерзаю теперь идти поклониться св. гробу... О, помолитесь обо мнѣ, чтобы Богъ не поразилъ меня за мое недостойнство!» (444). Въ письмо къ матери, отъ 15-го января, Гоголь вложилъ «на особенной бумагѣ содержаніе того, о чемъ бы хотѣлъ онъ, чтобы свя-

¹⁾ Разрядка тутъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, принадлежитъ мнѣ. И это изреченіе Гоголя мнѣ бы слѣдовало включить въ число моихъ эниграфовъ. О. М.

щенникъ, сверхъ содержимаго въ обыкновенныхъ молебнахъ, молился» (448). Заключая въ себѣ такія просьбы: «содѣлай безопаснымъ путь его... возстанови тишину морей... удали отъ него духа колебаній... ничтожнаго духа робости и боязни», эта, сочиненная Гоголемъ, молитва, какъ бы служить развитіемъ текста: «Вѣрю, Господи,—помоги моему невѣрію!» Ту же молитву Гоголь вложилъ и въ письмо къ Н. Н. Шереметевой, которой писалъ при этомъ: «Готовлюсь сѣсть на корабль, ѣхать въ св. землю, а, между тѣмъ, какъ мало похожу на человѣка, собирающагося въ путь... какъ малодушна моя душа... Молитесь о томъ, чтобы Богъ далъ силы помолиться такъ, какъ долженъ молиться ему на землѣ человѣкъ, имъ созданный и облагодѣтельствованный!» Этотъ малодушный тонъ въ письмахъ именно той поры, когда бывалось, наконецъ, давнишнее, какъ думалъ самъ Гоголь, желаніе его посѣтить св. землю, всего лучше подтверждаетъ вѣрность его словъ, что «поэты иногда сами себя обманываютъ». Гоголь долго воображалъ себя паломникомъ средних вѣковъ, долго въ своемъ воображеніи (отчасти же, можетъ быть, и въ житейскихъ расчетахъ разсудка) напускалъ на себя релігіозное одушевленіе, и вдругъ долженъ былъ сознаться, что на самомъ дѣлѣ этого одушевленія въ немъ не оказывается и что онъ «невпнымъ образомъ» лгалъ и передъ самимъ собою, и передъ другимъ!

Января 25-го Гоголь писалъ С. П. Шевыреву уже изъ Мальты, прося и его «заказать два-три молебна... въ такихъ мѣстахъ и церквахъ, гдѣ увидитъ священниковъ, усерднѣе другихъ молящихся»¹⁾. Февраля 19-го Гоголь писалъ матери уже изъ Иерусалима: «Молился кое-какъ о себѣ, о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ получше моего молиться. Пробуду здѣсь не долго... а вы, по прежнему, не переставайте молиться обо мнѣ... теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, чувствую безсиліе моей молитвы» (451). Такимъ же холодомъ, по отношенію къ мѣсту своего паломничества, вѣдетъ и письмо Гоголя, отъ того же числа, къ Н. Н. Шереметевой, также короткое, какъ и письмо къ матери, и заканчивающееся просьбою: «Молитесь теперь о благополучномъ моемъ возвращеніи въ Россію и о дѣятельномъ вступленіи на поприще съ новыми силами». Въ письмѣ къ отцу Матвѣю, отъ 28-го (16-го) февраля, столь же короткомъ, Гоголь говоритъ, что молитва его у гроба Господня «состояла только въ одномъ слабомъ изъявленіи благодарности Богу за то, что Онъ послалъ ему такого бездѣльнаго друга и богомольца», какъ отецъ Матвѣй.

Было бы излишнимъ дѣломъ представлять выписки изъ другихъ, столько же лаконическихъ писемъ Гоголя (къ Жуковскому, Шевыреву, Плетневу), относящихся къ тому же его, такъ сказать, заказному путешествію по святымъ мѣстамъ, во время котораго у него былъ спутникъ, бывший его соученикъ Б*, занимавшій значительный постъ въ Сприн. Положеніе этого спутника, какъ видно изъ «Записокъ» г. Кулиша (II, 165), было не особенно пріятное. «Гоголь, изнуряемый зноемъ песчанной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожныхъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было устранить, не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свои жалобы

¹⁾ Въ текстѣ письма этого у г. Кулиша, слѣдуетъ на основаніи подлинника, сдѣлать поправку. Въ т. VI, на стр. 450, вмѣсто фразы: «вижу, что самъ подалъ поводъ я быть въ грѣхѣ другимъ людямъ», слѣдуетъ читать: «вижу, что самъ подалъ поводъ питать неудовольствіе противъ себя и ввелъ, стало быть, въ грѣхъ другихъ людей». На 451 стр. буква Т*** означаетъ Тптова. О. М.

такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности грознаго сатрапа (за какого принимали они г. Б*).. Это было даже опасно въ ихъ странствованіи черезъ пустыни, такъ какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мнѣніе арабовъ о значеніи Б* въ русскомъ государствѣ. Онъ упрашивалъ поэта говорить ему наединѣ что угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведения, но при первой досадѣ позабылъ дружескія условія и обратился въ избалованнаго ребенка. Тогда Б* рѣшился вразумить пріятеля самымъ дѣломъ, и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Это заставило поэта молчать». Такое поведение Гоголя, конечно, мало соответствовало тѣмъ увѣреніямъ въ своей привычкѣ ко всѣмъ лишениямъ, увѣреніямъ, которыми опровергалъ онъ предположеніе Бѣлинскаго, не руководствуется-ли Гоголь исканіемъ жизненныхъ благъ. Съ другой стороны, поведение это также не соответствовало и роли усерднаго поклонника св. мѣсть, — какъ давно уже принятой Гоголемъ роли аскета читавшаго друзьямъ, вмѣсто «М. Д.», отрывки изъ четы-миней не соответствовали тѣ «сальные анекдоты», которыми, по свидѣтельству Ѡ. В. Чицова, Гоголь, въ ту же самую пору, любилъ угощать, между прочимъ, своихъ друзей («Записки» г. Кулиша, I, 327).

Между письмами Гоголя, доставленными въ «Русскую Старину» В. С. Шевревымъ, нашелся одинъ листокъ безъ всякаго обозначенія времени и лица, для котораго онъ предназначался, и даже безъ подписи Гоголя, хотя листокъ этотъ писанъ его собственной рукою. Онъ начинается такъ:

„Ты не поѣхалъ въ Іерусалимъ и былъ правъ, принявши за указаніе встрѣтившіяся препятствія. Когда готово сердце и зоветъ душу Богъ на такое дѣло, тогда не останавливаютъ насъ никакія препятствія: несешься весь, какъ корабль, покорный попутному дыханію небснаго вѣтра“.

Чудное, чисто художественное сравненіе! Но самъ Гоголь вовсе не походилъ на такой, уносимый вѣтромъ, корабль во время своего путешествія въ св. землю. Онъ окончательно сознается въ этомъ отцу Матвѣю въ томъ письмѣ, которое отправилъ къ нему уже изъ Одессы отъ 21-го апрѣля 1848 г. «Духъ-обольститель,—писалъ онъ тутъ,—такъ близко отъ меня и такъ часто обманывалъ, заставляя меня думать, что я уже владѣю тѣмъ, къ чему еще только стремлюсь, и что, повѣда, пребываетъ только въ головѣ, а не въ сердцѣ. Скажу вамъ, что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. Только развѣ что больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбіе; вотъ весь результатъ! — была одна минута...» Минута эта должна быть та, о которой онъ писалъ изъ Бейрута (6-го апрѣля) Жуковскому и писалъ не безъ жара, проявившагося въ одномъ только этомъ письмѣ;—та минута, когда онъ стоялъ въ преддверіи нищеры гроба Господня, а передъ нимъ одинъ священникъ, совершавшій литургію на самомъ гробовомъ камнѣ. «Все это было такъ чудно, — писалъ Гоголь, — я не помню, молился-ли я. Мнѣ кажется, я только радовался тому, что помѣстился на мѣстѣ... такъ располагающемъ молиться; молился же собственно я не успѣлъ... Литургія неслась, мнѣ казалось, такъ быстро, что самыя крылатая моленія не въ силахъ были угнаться за нею. И не успѣлъ почти опомниться,

какъ очутился передъ чашей, вынесенной священникомъ изъ вертепа для пріобщенія меня, недостойнаго» (456) ¹⁾.

Возвратимся къ листу безъ подписи, оказавшемуся между письмами Гоголя. Далѣе въ немъ мы читаемъ слѣдующее:

„Письмо мое могло имѣть значеніе только въ такомъ случаѣ, если бы точно отправился (?). Ты говоришь—оно вообще неудовлетворительное, въ немъ не сказано, въ чемъ проступки Погодина и въ чемъ ему слѣдуетъ исправиться. Другъ мой, я не имѣю права тебѣ указывать. Ты мнѣ можешь, потому что объ этомъ я тебя просилъ. Я просилъ письмомъ, назадъ три года, отъ васъ троихъ, не только отъ тебя одного, котораго я просилъ прежде указать мнѣ все, что есть во мнѣ низкаго, недостойнаго, — по крайней мѣрѣ, въ томъ, какъ оно кажется каждому, если не есть, — душа моя желала упрековъ и указаній; на это письмо не было отвѣта. Ты мастеръ видѣть только недостатки въ томъ, кто тебя лично разгнѣвалъ; въ томъ же, кто на твоей сторонѣ или твоихъ образовъ мыслей, ты не видишь никакихъ недостатковъ, не въ силахъ и не можешь ихъ видѣть, также какъ не можешь видѣть и въ себѣ самомъ.

Въ напечатанномъ у г. Кулиша письмѣ къ Шевыреву изъ Бейрута отъ 18-го марта (453—454) въ концѣ говорится: «Скажи Малиновскому, что я его очень благодарю за письмо... я его прошу журнала не прерывать». Подъ этимъ журналомъ Гоголь, вѣроятно, разумѣлъ тѣ замѣтки по поводу «М. Д.», которыя г. Малиновскій еще студентомъ сталъ доставлять Гоголю, при чемъ отправилъ ему и сочувственный отзывъ объ его «Перепискѣ съ друзьями», несмотря на раздававшіяся со всѣхъ сторонъ порицанія. Два письма Гоголя въ отвѣтъ этому лицу, принадлежавшему, такимъ образомъ, къ числу тѣхъ не многихъ, которые не сдѣлались его «нападателями», напечатаны были въ 9-й книжкѣ «Русскаго Архива» 1865 г. Они заключаютъ въ себѣ ни что иное, какъ одобреніе, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, какой-то особенной философіи моло-

¹⁾ Въ письмѣ Гоголя Жуковскому изъ Москвы, отъ 28-го февраля 1849 г., писанномъ въ отвѣтъ на его просьбу сообщить ему изображенія Палестины для поэмы «Вѣчный жидъ», Гоголь говоритъ: «Всякій простой русскій чело-вѣкъ, даже русскій мужичекъ, если только онъ съ трепетомъ вѣрующаго сердца поклонился, обливаясь слезами, всякому уголку св. земли, можетъ рассказать тебѣ болѣе всего того, что тебѣ нужно. Мое путешествіе въ Палестину точно было совершенно мною затѣмъ, чтобы узнать лично и какъ бы узрѣть собственными глазами, какъ велика черствость моего сердца... Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя, я удостоился пріобщиться отъ св. тайнъ, стоявшихъ на самомъ гробѣ вмѣсто алтаря, и при всемъ томъ я не сталъ лучшимъ... Что могутъ доставить тебѣ мои сонныя впечатлѣнія?... Гдѣ-то въ Самаріи сорвалъ (я) полевой цвѣтокъ, гдѣ-то въ Галилеѣ — другой, въ Назаретѣ, застигнутый дождемъ, просидѣлъ два дня, позабывъ, что сплужу въ Назаретъ, точно какъ бы это случилось въ Россіи, на станціи» (480). О. М.

даго Малиновскаго, а также совѣты ему, препорядочно отзываются общими мѣстами. Между письмами Гоголя, сохранившимися въ бумагахъ С. П. Шевьрева, нашлось одно безъ даты, въ которомъ говорится о томъ же лицѣ. Вотъ оно:

Нѣсколько словъ о Малиновскомъ. Въ немъ, сколько могу судить изъ длиннаго письма его, должно быть очень много хорошаго. А судя по толстой сѣрой бумагѣ, на которой писано письмо его, онъ долженъ быть не богатъ; купи на мой счетъ стогу самой тонкой почтовой бумаги и подари ему отъ себя, на описанья современнаго народа, проходящаго передъ его глазами по поводу „М. Д.“ Если въ его запискахъ, которыя не позабывай присылать ко мнѣ аккуратно по почтѣ (на оказію и комисіи не надѣйся), окажется что-нибудь такое, что можно напечатать, то приежи наскоро списать его и напечатать потомъ въ „Москвитяинѣ“ или другомъ журналѣ. Тогда весьма кстати можно будетъ прицѣпиться къ оказанію денежнаго вспомошествованія въ видѣ платы за статью отъ журналиста или отъ тебя, какъ соучастника и сотрудника въ журналѣ. Такимъ-то образомъ можно поступать и съ другими талантливыми студентами, заставляя ихъ охотнѣе сочинять, переводить и даже наблюдать жизнь и духъ общества. Сообщаю все это тебѣ только для соображенія, въ твердой увѣренности, что ты лучше моего съумѣешь сдѣлать умнѣй и лучше (sic). При семъ передай слѣдующее письмоцо Малиновскому.

Опредѣли изъ моихъ денегъ, выручасмыхъ за „Мертвыя души“, сумму на пересылку мнѣ по почтѣ всякаго рода писемъ; около 500 рублей ассигнаціями назначь для этого непременно, и никакъ не забывай присылать мнѣ всякую статью изъ журнала обо мнѣ, приказавши переписать мелкимъ шрифтомъ на мои деньги, и все высылай по почтѣ.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ приходится помѣстить слѣдующую записочку, также безъ даты, но относящуюся, повидному, къ той порѣ, когда Гоголь, по возвращенія изъ Іерусалима, проживалъ въ Малороссіи.

Прошу тебя присоединить къ прежде сказаннымъ книгамъ еще ноты церковнаго пѣнія подъ названіемъ: „Партитурное собраніе съ приложеніемъ на фортепьяно“, музыка Бортиянскаго и другихъ сочинителей. Книга 1. Спб., 1843 года—и прислать вмѣстѣ въ Полтаву.

Къ тому же времени должно быть отнесено и слѣдующее письмо — съ числомъ, но безъ года:

18-го іюли.

Податель этого письма, племянникъ мой Николай Трушковскій, о которомъ я уже тебѣ писалъ въ прошломъ письмѣ моемъ. Снабди его, добрый другъ, какими можешь рекомендаціями и письмами къ казанскимъ профессорамъ по факультету восточныхъ языковъ, къ которымъ онъ возымѣлъ охоту. Этимъ ты сдѣлаешь истинное добро, потому что юноша

чистой души и самыхъ хорошихъ расположений. Я еще сижу въ Малороссіи и поднимаюсь на югъ не раньше какъ черезъ полтора мѣсяца. Жары невыносимыя; нѣтъ силъ ни работать, ни даже лечиться, одно, что рѣшаюсь употреблять — это купанье. Я думаю, ты имъ также пользуешься. Засухи непомяты¹⁾, но при всемъ томъ Богъ спасъ отъ полного неурожая; чьими-то святыми молитвами вызванный дождь вдругъ пошелъ, назадъ тому недѣли полторы, продолжался всего поддня и спасъ весь край. Нужно жить съ землей и видѣть здѣсь на мѣстѣ, какъ достается хлѣбъ, чтобъ выучиться хоть сколько-нибудь благодарить Бога. Но Боже! Боже! какъ мало мы достойны благодарній, какъ скоро привыкаешь ко всему, какъ склоненъ къ неблагодарной безчувственности бѣдный человѣкъ. Какъ нечувствительно онъ отдалается отъ Бога даже и тогда, когда еще думаетъ будто съ нимъ. Охрани насъ святая сила! и тебя, и меня, и весь домъ твой! Передай душевный братскій поклонъ Софіи Борисовнѣ и обними за меня дѣтогъ.

Въ письмѣ моемъ къ тебѣ, отправленномъ назадъ тому три дни, я позабылъ присовокупить маленькую просьбу, а именно, отыскать Маргарит. Алекс. Базили и отослать ей при семъ приложенное письмо. Она остановилась въ Москвѣ у родныхъ своихъ, князей Ипсиланти. Я не знаю, въ собственномъ-ли домѣ живутъ князья Ипсиланти или въ нанятомъ; я думаю, ты найдешь пути развѣдать. Они часто бывають у Строгановыхъ (графа Сергѣя) и, кажется, знакомы съ Чертковыми.

Помѣщаемая вслѣдъ за симъ записка писана, вѣроятно, уже въ Москвѣ, куда Гоголь переѣхалъ осенью.

Какъ ни хочется тебя видѣть, но лучше побережись. По вечерамъ особенно мнѣ нехорошо выѣзжать; разъ было попробовалъ, но простудился опять. Теперь хоть и лучше, но все еще не пришелъ въ обыкновенное состояніе.

Повиднмому, въ Москвѣ же написано слѣдующее начало письма, безъ всякой даты, адреса и подписи, отличающееся почеркомъ столь тревожнымъ и столькими пропусками и описками, что многого положительно нельзя разобрать.

Я читалъ со вниманіемъ и нѣсколько разъ ваши письма, напечатанныя въ „Москов. Вѣдом.“ Возвратившись въ Россію, я перечелъ ихъ еще разъ, надъ многимъ задумался. Многое отыскалъ въ

¹⁾ Въ письмо Гоголя отъ 14-го іюня изъ Васильевки къ С. П. Шевыреву (VI, 767) слѣдуетъ вставить, по подлиннику, слѣд. слова: «вокругъ засуха и колебра», пропущенныя, вѣроятно, просто по недосмотру, г. Кулишемъ, послѣ словъ: «не пишется; голова тупа». Въ томъ же письмѣ буква Ч. означаетъ Черткову, а С. В.—Софью Борисовну (Шевыреву).
О. М.

себѣ такое, чего не подозрѣвалъ. Чего не отыщешь въ себѣ, если только, побѣдивши раздражитель(ность) самолюбія, поставишь (?). Но при всемъ томъ, побѣдя гордость и самоувѣренность, и теперь, какъ и прежде, долженъ сказать, что много(е) вы приняли не въ томъ видѣ, многому приписали такой грубый смыслъ, что понинѣ стонутъ мои нервы и сердце содрагается.....¹⁾.
 Когда я пробѣжалъ самъ свою книгу по возвращеніи, я былъ испуганъ ею, не мыслями и не идеею, но той чудовищностью и тѣмъ излишествомъ, съ которымъ много(е) было выражено и которая, точно, представила въ другомъ видѣ мои мысли многимъ, и приписала многому такія цѣли и такіе виды, отъ которыхъ должно содрогнуться сердце благороднаго человѣка. Есть какой-то даръ преувеличенія, есть какое-то беспокойствіе въ нашемъ времени. Головы всѣхъ не на мѣстѣ. Можетъ быть, отъ этого самого и истина ищется болѣе чѣмъ прежде. Это переходное состояніе, въ которомъ находится настоящая эпоха, совершается и въ каждомъ человѣкѣ, особливо въ томъ, который идетъ впередъ. Со мною было тоже отъ переходнаго моего состоянія. Богъ знаетъ, можетъ быть оно продолжается и его памятникомъ моя книга. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, отдѣливши отъ моихъ собственныхъ я сталъ слѣдовать за душою человѣческою и отдалъ себя всего этому изслѣдованію съ тѣхъ поръ, какъ самъ заболѣлъ душою. И вообразилъ я себѣ, что я достигнулъ высшихъ степеней и открылъ вещь неизвѣстную (?), какъ святую обязанность, не могу снести до сихъ поръ
 Возлѣ меня не было въ это время такого друга, который бы могъ остановить меня; но я думаю, если бы даже въ то время былъ около меня ближайшій другъ, я бы не послушался. Я такъ былъ увѣренъ, что я сталъ на верхушкѣ своего развитія и вижу здраво вещи. Я не показавъ даже нѣкоторыхъ писемъ Жуковскому, который могъ мнѣ сдѣлать возраженіе²⁾.

Не знаю я, винить-ли меня, если это состояніе невольное, если оно объемлетъ всѣхъ. Взгляните пристально и вы замѣтите это состояніе у всѣхъ, которые стоятъ впереди, и между тѣмъ всякой увѣренъ, что онъ уже выбрался изъ этого состоянія и духъ самоослѣпленія является... гордая увѣренность. Удастся-ли ему одну сторону истины открыть, онъ уже гордъ своимъ открытіемъ...

Въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» г. Кулишъ говоритъ, что, въ періодъ «Переписки съ друзьями», въ немъ «возгорѣлась прежняя страсть къ службѣ

¹⁾ Неразбрано.

²⁾ Далѣе зачеркнуто: «такъ я торопился съ этой опрометчивой книгой, точно какъ бы какаля-то сила меня толкала. Я былъ такъ увѣре...» О. М.

государственной. Только теперь онъ уже не строилъ себѣ, какъ прежде, никакихъ плановъ касательно должности, которая должна быть создана собственно для него. Теперь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на обыкновеннаго человѣка... Онъ рѣшился возвратиться въ Россію и немедленно вступить въ государственную службу, только выбрать себѣ должность по своимъ способностямъ... которая бы дала ему возможность изучить русскаго человѣка правтически, съ тѣмъ, что если возвратится къ нему творчество, то чтобы у него набралось матеріалы» (II, 171).

Изъ писемъ Гоголя, написанныхъ по возвращеніи въ Россію, не видно, однако, заботы о государственной службѣ. Въ нихъ уже вовсе нѣтъ самоувѣрія, нарывающагося въ самоуничиженіе, преобладающимъ чувствомъ является грусть объ искренне-сознанной нравственной своей немощи. «Я скорблю и болѣю не только тѣломъ, но и душою,—пишетъ онъ, 12-го мая 1849 г., матери изъ Москвы.— Много нанесъ я оскорбленій.. Помолитесь... о примиреніи со мною тѣхъ, которыхъ наиболѣе любить душа моя!» (485). Въ другомъ письмѣ къ ней же и оттуда же, онъ говоритъ: «Я получилъ много отъ Бога и долженъ бы быть лучше васъ всѣхъ, но ежеминутно убѣждаюсь, что я хуже васъ всѣхъ» (494). Но проглядываетъ и свѣтлое настроеніе въ его письмахъ, зависящее исключительно отъ сознанія, что творческій даръ еще не совершенно угасъ въ немъ. Известно, что за судьбу этого чудеснаго дара дрожали тогда и друзья Гоголя. У г. Кулиша приводится разсказъ С. Т. Аксакова о томъ, какъ Гоголь читалъ у него первыя четыре главы 2-го тома «М. Д.», и какъ отлегло на душѣ у слушателей, когда они убѣдились, что даръ Гоголя сохранилъ свою силу. Но въ этихъ главахъ еще не было такихъ «добродѣтельныхъ» лицъ, какъ Муравовъ и генераль-губернаторъ.

Лѣтомъ 1850 года, Гоголь опять посѣтилъ Малороссію (къ «родинѣ души своей»—Риму его уже не тянуло). По дорогѣ онъ заѣзжалъ въ Оптину пустынь и писалъ о ней гр. А. П. Толстому: «Нигдѣ я не видалъ такихъ монаховъ. Съ каждымъ изъ нихъ, мнѣ казалось, бесѣдуетъ все небесное». Рѣшившись зпоминать въ Одессѣ, Гоголь оттуда писалъ Шевыреву, отъ 7-го ноября, о новомъ изданіи своихъ сочиненій, которое должно было подоспѣть къ выходу въ свѣтъ 2-т. «М. Д.». Его занималъ вопросъ, къ какому цензору обратиться? За этимъ, вопросомъ въ подлинникѣ слѣдуетъ пропущенный г. Кулишемъ (514—516) отвѣтъ ¹⁾:

Я думаю лучше къ Лешкову. Если же какія-нибудь вздумаетъ цензоръ измѣненія противъ перваго изданія, въ такомъ случаѣ лучше въ Петербургъ. Нужно просить Плетнева.

Декабри 2-го Гоголь писалъ П. А. Плетневу: «Отнынѣ хочу устроиться такъ, чтобы три зимніе мѣсяца въ году проводить въ Россіи, подъ самымъ благотворнѣйшимъ климатомъ, имѣющимъ свойство весны и осени въ зимнее время. т. е. свойство, благотворное для моей головы во время работы... Слѣдовало бы и теперь выѣхать хоть въ Грецію.. но такая одолѣла лѣнь, такъ стало жалко разлучаться и на короткое время съ православной Русью, что рѣшился остаться здѣсь, понадеясь на русское авось...» (517).

¹⁾ По подлиннику видно, что на стр. 514, въ 3-й строкѣ письма, опечатка: вмѣсто имъ довольно, слѣдуетъ читать: имъ остались всѣ довольно. Буква Р. означаетъ Ренинскихъ, С. Б. — Софью Борисовну (Шевыреву).

15-го декабря Гоголь опять обращается къ Шевыреву съ просьбой насчетъ новаго изданія сочиненій. Послѣ словъ: отдать въ цензуру, у г. Кулиша (518) пропущено:

„Но если бы къ чему привязался цензоръ, то отвѣчай, переговоришь съ попечителемъ“.

Дѣло, однако же, затянулось. Въ одномъ изъ писемъ къ Шевыреву, отправленныхъ уже по возвращеніи въ Москву (вѣроятно, по городской почтѣ), говорится опять о томъ же. Подъ буквою П. у г. Кулиша (542) слѣдуетъ тутъ разумѣть попечителя, а послѣ словъ: доставить цензору—вставить:

„Который прямо подпишетъ, и дѣло готово. Стало быть, съ министромъ нечего объ этомъ и толковать“.

Въ концѣ письма приписка:

„Боюсь я, чтобы министръ не сбился теперь съ толку попечителя и не произошла опять каша. До моего прихода ничего не предпринимамай“.

Поездка Гоголя была не далѣе какъ къ Троицѣ, по случаю имянинъ матери. Ему, такимъ образомъ, пришлось до конца встрѣчать ценсурныя затрудненія, которыя могли служить какъ бы живымъ возраженіемъ на извѣстные взгляды, проведенные въ его «Перепискѣ съ друзьями».

Нѣкоторымъ искупленіемъ другой стороны взглядовъ «Переписки», стороны, особенно возмущившей Бѣлинскаго, служатъ слѣдующія слова въ письмѣ Гоголя къ матери и сестрамъ, отъ 3-го апрѣля (все еще изъ Одессы): «Бѣдные крестьяне въ потѣ лица работаютъ на насъ, а мы, ѣдя цѣхъ хлѣбъ, не хотимъ даже взглянуть на труды рукъ ихъ¹⁾. Это безбожно... Жестоко наказываются цѣлыя поколѣнія, когда, позабывъ о томъ, что они въ мірѣ затѣмъ, чтобы трудами снискивать хлѣбъ и въ потѣ лица воздѣлывать землю, приведутъ себя въ состояніе бѣлоручекъ...» (VI, 528). Побывавъ въ Малороссіи, Гоголь въ іюлѣ уже былъ въ Москвѣ и писалъ оттуда матери, съ чувствомъ простой и искренней любви: «Спаси васъ Богъ за ваши безпрестанныя молитвы о насъ недостойныхъ!.. да будутъ всѣ ваши годы, до поздней старости, исполнены однимъ только выраженіемъ признательности къ вамъ дѣтей вашихъ...» (531). Слѣдующія затѣмъ письма матери и сестрамъ относятся къ полученному Гоголемъ извѣстію о предстоящей свадьбѣ сестры его Елисаветы Васильевны. Гоголь совѣтуетъ не откладывать свадьбы и сыграть ее попроще. Сюда же должно быть отнесено и слѣдующее письмо, найденное въ бумагахъ, доставленныхъ Б. С. Шевыревымъ, и не имѣющее ни даты, ни адреса, ни даже подписи.

„Не знаю, буду-ли я къ вамъ на свадьбу, какъ искренно и душевно того ни желаю. Во всякомъ случаѣ поступите по моему, благоразумно, если, не дожидая и меня, поспѣшите со свадьбой. Матушка и сестры мечутся теперь всюду, какъ угорѣлыя кошки, чтобъ накопить поболь для невѣсты всякаго бѣлья и тряпья. На это онѣ усадятъ много денегъ, если только ихъ гдѣ-нибудь достанутъ, а вамъ

¹⁾ Это нѣсколько напоминаетъ эпитафію къ повиковскому «Трутню»: «Они работаютъ, а вы ихъ хлѣбъ ѣдите».

съ этимъ тряпьемъ будетъ только возня. Пожалуйста увѣрьте, что ваша жизнь бивучная и что вамъ некуда дѣвать этотъ соръ, а что лучше если онѣ могутъ это исполнить потомъ; не торопясь, онѣ изготовятъ это постепенно къ какому-нибудь другому времени. Словомъ, чѣмъ-нибудь отклоните ихъ и скажите, что вамъ тѣмъ хочется исполнить мою просьбу послѣпить съ бракосочетаніемъ.

Въ одномъ изъ писемъ по тому же поводу, напечатанныхъ у г. Кулиша, проглядываетъ мысль о смерти: «Мои обстоятельства таковы,—объясняетъ Гоголь,— что если я умру, то не начто будетъ, быть можетъ, похоронитъ меня» (535). Таковы они и дѣйствительно могли быть въ то время. Гоголь, тѣмъ не менѣе, общается собрать сколько-нибудь денегъ и выслать своимъ, не дѣлая имъ при этомъ прежнихъ наставническихъ упрековъ (прежній тонъ только отчасти проглядываетъ въ письмѣ, печатаемомъ теперь «Русской Стариной»¹⁾). Жалобы на упадокъ силъ слышатся въ цѣломъ рядѣ дальнѣйшихъ писемъ Гоголя. Это тѣмъ грустнѣе ему, что мысль объ окончаніи 2-го тома «М. Д.» рѣшительно выступаетъ у него впередъ. «Сижу по прежнему надъ тѣмъ же,—пишетъ онъ Жуковскому, 2-го февраля 1852 г.—Помолнсь обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна, и чтобы я хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной» (553).

Повторю еще разъ: письма послѣдней поры отзываются такою искренностью и задушевностью, которая во всей прежней перепискѣ Гоголя просвѣчивала лишь кое-гдѣ. Лучшая, свѣтлая сторона поэта окончательно выступила наружу, при помощи испытанныхъ имъ нравственныхъ поражений, и озарила предъ нимъ всю глубину его, какъ онъ самъ выражался, «мерзостей»²⁾. Но подъ тяжестью мысли объ искорененіи ихъ, а также и другой, не менѣе страшной мысли, о томъ: удастся-ли довершить свой литературный трудъ такимъ образомъ, чтобы не отразилось на немъ это нравственное убожество,—подъ тяжестью этихъ мыслей, сдѣлавшихся, наконецъ, совершенно искренними, изнемогъ нашъ великій писатель!

Между тѣмъ, многіе у насъ и до сихъ поръ, вопреки самому Гоголю, не хотятъ назвать нѣкоторыхъ его свойствъ ихъ настоящимъ именемъ, и тѣмъ отнимаютъ у себя и у общества возможность понять въ настоящемъ смыслѣ какъ вообще его біографію, такъ и тотъ подвигъ самоосужденія, къ которому под конецъ пришелъ самъ поэтъ, уже не ради все же щекочущей самолюбіе картинности всенароднаго покаянія, а совершенно искренно и просто.

¹⁾ Сюда подходитъ встрѣчающееся въ этомъ письмѣ выраженіе о матери и сестрахъ, что онѣ «мечутся какъ угорѣлыя кошки» и т. д. О. М.

²⁾ См. письма къ А. О. Смирновой 16-го мая и 24-го октября 1844 года (Кулишъ, VI, 75, 105). Также см. въ «Перепискѣ съ друзьями» ст. XVIII (Кулишъ, III, 406—409) и письмо къ г-жѣ Смирновой 18-го ноября 1848 года (Кулишъ, VI, 474—475). Также письмо къ Н. Н. Шереметевой 1844 г. (Зап. II, 10).

V.

Склоняясь въ моихъ примѣчаніяхъ къ тому, что друзья Гоголя сознавали и обличали его заблужденія, я однако же вовсе не думаю, чтобы на нихъ не пала отвѣтственность за развитіе въ немъ того, что составляло одну изъ основъ этихъ заблужденій—непомѣрнаго его самолюбія. Друзья были виноваты въ томъ, что сначала, и слишкомъ долго, кадили Гоголю и спохватились ужъ слишкомъ поздно, что дѣлали дурно. Но въ этомъ, и въ одномъ этомъ, собственно и заключалась вся ихъ вина. На нее совершенно ясно и совершенно вѣрно указано было еще въ 1848 г. въ письмѣ П. Я. Чаадаева къ кн. П. А. Вяземскому ¹⁾ (по поводу его статьи о „Перепискѣ съ друзьями“). „Какъ вы хотите,—писалъ Чаадаевъ,—чтобъ въ наше надменное время гениальный человѣкъ, закуренный ладономъ со всѣхъ сторонъ, не узнался, чтобы голова его не закружилась?“ Чаадаевъ винилъ въ этомъ по преимуществу московскихъ друзей Гоголя, выводя ихъ ошибку изъ самаго ихъ направленія. „Если народъ русскій,—писалъ онъ,—выше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то, само собою разумѣется, что и всякій даровитый русскій человѣкъ выше всѣхъ даровитыхъ людей другихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чувство было ископи въ обычаѣ, гдѣ оно въ крови... такого роду явленія рѣдки... у насъ же эта слабость вдругъ развернулась ²⁾... такъ что всѣхъ застала въ расплохъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено-ли, что и люди умные отъ нея дурѣютъ“... „Намъ въ Москвѣ,—поясняетъ далѣе Чаадаевъ,—сталь пужень человѣкъ, котораго бы мы могли поставить на ряду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ“. Въ самомъ Гоголѣ, признаетъ Чаадаевъ, „таился зародышъ этой самой гордости, которую такъ удачно въ немъ развили хваленія“ (его московскихъ друзей). „Хваленіями ихъ онъ пресыщался, но къ самимъ этимъ людямъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго (?) уваженія: это я знаю отъ него самого, и вы можете въ этомъ увѣриться изъ письма его къ Погодину (какого?—вѣроятно одного изъ тѣхъ, которыя, къ сожалѣнію, остаются еще ненапечатанными; неполнота уваженія проглядываетъ, впрочемъ, и въ вышеприведенныхъ мѣстахъ изъ писемъ Гоголя, на примѣръ къ С. Т. Аксакову):

Замѣчу мимоходомъ, что далѣе Чаадаевъ выставляетъ эту сторону направленія друзей Гоголя несовмѣстною съ характеромъ русскаго

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1866 г., кн. 7.

²⁾ Вслѣдствіе долго господствовавшей противоположной крайности, на что не обратилъ вниманія Чаадаевъ.

народа и замѣчаетъ чрезвычайно мѣтко, что „мы невидимо стремимся къ искаженію нашего народнаго характера“. Эти глубокія слова сохраняютъ силу и въ настоящее время, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что такой крайній западникъ, какъ Чаадаевъ, способенъ былъ цѣнить особенности народнаго характера и даже оберегать ихъ отъ самихъ же друзей народа, не даромъ говоря въ томъ же самомъ письмѣ, что „пути наши не тѣ, по которымъ идутъ другіе народы“ („они, говорится далѣе, не лучше насъ, но опытнѣе насъ“). Утверждая, что „гордыня“ вовсе не въ нашемъ народномъ характерѣ и объясняя ее въ книгѣ Гоголя „еиміамомъ“ московскихъ его друзей, воскуриваемымъ передъ нимъ, какъ передъ „вышимъ проявленіемъ русскаго духа“, Чаадаевъ, съ другой стороны, усматриваетъ въ этой книгѣ и „смирненіе“, которое, полагаетъ онъ, „есть плодъ уже новаго, усвоеннаго себѣ Гоголемъ направленія“. Чаадаевъ не рѣшается связать это направленіе съ тѣмъ, что „мы какъ онъ говоритъ, искони были люди смиренныя и умы смиренныя“. Но онъ возстаетъ противъ любопытнаго объясненія этого направленія нѣкоторыми современниками: „у насъ въ Москвѣ многіе думаютъ,—пишетъ онъ,—что это направленіе ему (т. е. Гоголю) дано такъ называемымъ западомъ, страной, гдѣ онъ пребываетъ, іезуитами, къ которымъ его очень добросердечно причисляютъ“. Чаадаевъ замѣчаетъ на это, что „іезуитство ... существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ; за нимъ не нужно ходить въ чужбину... оно состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться всѣми возможными средствами для достиженія своей цѣли, а это видано вездѣ“... Тому, кто изучалъ письма Гоголя, невольно придутъ при этомъ на память тѣ черты въ нихъ, которыя въ свою очередь отзываются такимъ широко понимаемымъ іезуитствомъ. Самъ Чаадаевъ однако же вовсе не видѣлъ іезуитства въ Гоголѣ. „Онъ слишкомъ спѣсивъ,—говоритъ Чаадаевъ,—слишкомъ простодушенъ, слишкомъ откровененъ, откровененъ даже до цинизма, однимъ словомъ, онъ слишкомъ неловокъ, чтобы быть іезуитомъ“. Все это показываетъ, что Чаадаевъ не довольно коротко зналъ характеръ Гоголя...

Одинъ изъ нашихъ писателей, оставившій очень любопытныя воспоминанія о Гоголѣ, замѣтилъ вполне справедливо, что „житейской мудрости въ немъ было почти столько же, сколько и таланта...“, что онъ „открывалъ себѣ широкій путь жизни всѣми средствами, которыя находились въ его богатой натурѣ, не исключая хитрости и сноровки затрогивать наиболѣе живыя струны человѣческаго сердца“... Эту сторону характера тотъ же писатель-современникъ усматриваетъ въ Гоголѣ уже съ дѣтскихъ лѣтъ. „Въ школьнической перепискѣ Гоголя съ матерью,—говоритъ онъ,—мы видимъ, по риторическому тону нѣко-

торыхъ писемъ, что въ нихъ скрывается какое-то другое дѣло, чѣмъ то, которое излагается на бумагѣ, и имѣемъ историческія, несомнѣнныя свидѣтельства въ подтвержденіе невольныхъ догадокъ, возбуждаемыхъ ими. Многія мѣста ихъ, наиболѣе пышныя, держатся за фактическія основанія совсѣмъ не того рода, какія молодой ученикъ старается выставить передъ семействомъ. Посредствомъ этихъ пышныхъ фразъ онъ растеть въ глазахъ своихъ родныхъ съ одной стороны, и исполняетъ свои собственныя намѣренія съ другой“.

Это говорить не какой-нибудь Герсевановъ ¹⁾, ярый противникъ Гоголя, не только какъ человѣка, но и какъ писателя, признающій въ немъ лишь весьма обыкновенный талантъ, а содержаніе его произведеній опредѣляющій однимъ словомъ: грязь. Герсевановъ, несмотря на это, былъ настолько простодушенъ, что вѣрилъ замыслу Гоголя написать исторію Малороссіи и исторію среднихъ вѣковъ. Напротивъ, писатель, свидѣтельство котораго о „разсчитанной хитрости не по возрасту“ Гоголя-школьника я только-что привелъ, вполне понималъ и его позднѣйшія продѣлки съ Максимовичемъ и Погодинымъ, состоявшія въ увѣреніи, будто онъ „трудится надъ исторіей Малороссіи въ шести томахъ, надъ всеобщей исторіей и географіей, подъ заглавіемъ: „Земля и люди“ въ трехъ или двухъ томахъ, надъ исторіей среднихъ вѣковъ въ 8 томахъ (всего 17 или 16 томовъ), между тѣмъ какъ онъ трудился надъ „Тарасомъ Бульбой“, надъ статьями и повѣстями „Арабесокъ“ и „Миргорода“. Тотъ же почтенный писатель говоритъ, что „можно употребить много времени... на перечисленіе всѣхъ доказательствъ осторожности въ обращеніи съ людьми и снисхожденія къ любимымъ ихъ представленіямъ, посредствомъ котораго Гоголь приковывалъ къ себѣ сердца знакомыхъ... можно тоже исписать порядочный листъ, подбирая черты, въ которыхъ проявляется его врожденная скрытность, склонность выставять призраки и за ними скрывать свою мысль и проч.“ Все это говорить не кто другой, какъ П. В. Анненковъ, находившій при этомъ страннымъ старанія г. Кулиша постоянно изыскивать для Гоголя „облегчающія обстоятельства“ ²⁾. (И самъ г. Кулишъ, какъ извѣстно, сознался въ послѣдствіи, что „изъ опасенія бросить какую-либо тѣнь на память высоко цѣнимаго имъ поэта“, онъ „пересвѣтлилъ мѣстами его нравственный образъ и подвергся за то справедливому порица-

¹⁾ Авторъ книги: «Гоголь передъ судомъ обличительной литературы», Одесса 1861 г.

²⁾ Статья Анненкова въ «Библ. для чтенія» 1857 г. Февраль, стр. 124, 126, 129—130, 132—133.

³⁾ «Основа» 1861 г. Апрель, стр. 68.

нію“) ³⁾. Но П. В. Анненковъ, при всѣхъ указанныхъ имъ чертахъ въ характерѣ Гоголя, находилъ возможнымъ увѣрять, что онъ „постоянно оставался существомъ высокаго нравственнаго характера, не переставалъ быть ни на минуту... благороднѣйшимъ человѣкомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Помирить образъ подобнаго человѣка, говорилъ онъ, съ тѣми частностями, которыя приводятъ въ тупикъ поверхностнаго наблюдателя... значить... понять настоящую задачу біографа“ (стр. 131).

Между тѣмъ, задачи этой вовсе не рѣшилъ самъ почтенный П. В. Анненковъ. Вмѣсто того, чтобы согласить въ Гоголѣ темное со свѣтлымъ, ему пришлось и темное выдавать за свѣтлое—на томъ основаніи, что у гения все должно быть свѣтло! Перечисляя въ характерѣ Гоголя „отрицательныя данныя“, онъ только дѣлаетъ ироническую уступку „охотникамъ до прозаическихъ фактовъ, низводящихъ человѣка къ толпѣ“. Поднимая своего героя надъ тѣмъ, что обязательно лишь для нея, для этой—кѣмъ только не задѣтой толпы! онъ готовъ утверждать и про вышеприведенныя продѣлки Гоголя съ Максимовичемъ и Погодинымъ, что онѣ „не лишены своего рода достоинства и поэзіи“. „Съ этимъ, заключаетъ П. В. Анненковъ, согласится всякій“.

Нѣтъ, трудно согласиться съ этимъ, когда дѣйствительно поймешь тотъ прямой взглядъ на вещи, который внесенъ въ нашу литературу самимъ же Гоголемъ. Видѣть „достоинство“ и „поэзію“ даже въ такихъ житейскихъ продѣлкахъ, какъ вышеуказанныя, значить обладать еще значительной дозой романтизма съ его „маниловщиной“. На томъ простомъ языкѣ, къ которому пріучилъ насъ Гоголь, въ объясненіе подобныхъ явленій можно привести лишь одно: „человѣкъ большой плуть“,—тѣ слова изъ Гоголевскаго письма, которыя я и взялъ эпиграфомъ вмѣстѣ съ другимъ; не менѣе откровеннымъ, самообличеніемъ заимствованными также у самого Гоголя.

Гораздо ближе къ простому пониманію вещей подошелъ авторъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ Гоголя, докторъ Тарасенковъ, въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: „Завидная доля того біографа, который съумѣетъ такъ прозрѣть Гоголя, какъ Гоголь прозрѣлъ Чичикова, а не такъ, какъ на Чичикова смотрѣли всѣ люди“ („Отеч. Зап.“ 1856 г. Дек., стр. 419).

Не менѣе жизненной правды и въ замѣчаніяхъ другаго лица, также стоявшаго близко къ Гоголю уже при его закатѣ, но много знавшаго о немъ и отъ своей сестры, бывшей въ теченіе 14-ти лѣтъ одной изъ постояннѣйшихъ корреспондентокъ Гоголя. Много такой правды сказывается въ попыткѣ этого лица—провести параллель между Гоголемъ и Ж.-Ж. Руссо—не менѣе нашего великаго юмориста поражав-

шимъ своими нравственными противорѣчіями. Но особенно замѣчательно слѣдующее свидѣтельство Гоголева знаконца:¹⁾ „Кто зналъ Гоголя коротко, тотъ не можетъ не вѣрить его признанію, когда онъ говоритъ, что большую часть своихъ пороковъ и слабостей онъ передавалъ своимъ героямъ, осмѣивалъ ихъ въ своихъ повѣстяхъ и, такимъ образомъ, избавлялся отъ нихъ навсегда“²⁾. (Въ этомъ отношеніи Гоголь напоминаетъ Гете, который говорилъ, что многія, созданныя имъ поэтическія лица, освобождали его отъ извѣстной стороны его характера). Признаніе Гоголя, на которое сослался Арнольди, сдѣлано имъ въ „Перепискѣ съ друзьями“, во 2-мъ письмѣ по поводу „М. Д.“ (писано въ 1843 г.). „Во мнѣ,—говоритъ тутъ Гоголь,—заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и при томъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ — желаніе быть лучшимъ. Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ...“³⁾ Необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ (продолжаетъ Гоголь, начиная вдаваться въ свой мистицизмъ) я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ“. Рассказывая далѣе о томъ, какъ Пушкинъ, прослушавъ первыя главы „М. Д.“, воскликнулъ: „Боже, какъ грустна наша Россія“, Гоголь замѣчаетъ: „Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка“. Публику, какъ извѣстно, возмутило такое осужденіе Гоголемъ его лучшихъ созданій. Много-ли въ этомъ осужденіи ихъ искренности, остается, конечно, вопросомъ. Но пора повѣрить искренности въ этомъ случаѣ самоосужденія Гоголя, т. е. осужденія имъ своихъ, какъ онъ тутъ выразился, „гадостей“, пора признать справедливость и даже не преувеличенность этого самоосужденія, подтверждаемаго всею совокупностію писемъ Гоголя, впечатлѣніе которыхъ на cadaго, не предубѣдившагося непремѣнно въ его пользу читателя, можетъ быть только самое неблагоприятное. Хлестаковъ, разумѣется не карикатура и не выдумка Гоголя, но не выдумка также и то, что въ самомъ Гоголѣ, какъ онъ говорилъ, было „что-то хлестаковское“.

¹⁾ Мое знакомство съ Гоголемъ. Статья Л. Арнольди, въ 1-й кн. «Русскаго Вѣстника» 1862 г.

²⁾ Т. е., отъ многихъ изъ нихъ, по словамъ самого Гоголя.

³⁾ Мы же упорно хотимъ любить въ Гоголѣ и ихъ, повторяя старыя фразы, что въ чтеніи и самыя пошлыя стороны исполнены своего рода поэзіи и достоинства, и. т. п.

Какъ помирить „хлестаковщину“ съ геніальностію? это остается, конечно, задачею для біографа Гоголя. Для рѣшенія ея нужны новые матеріалы, — нужны письма къ нему разныхъ лицъ, письма о немъ всѣхъ его близкихъ, начиная, конечно, съ его матери. Но пока такой матеріалъ соберется, необходимо рассмотреть тѣ сочиненія Гоголя, которыя представляютъ автобіографическія черты. Это составить для меня предметъ особой статьи, которой появленіе никакъ не замедлится. Желая вызвать обнародованіе новыхъ матеріаловъ, я желалъ бы вызвать и возраженія, но возраженія, основанныя на дѣлѣ, а не сердечныя изліянія à la Маниловъ...

Пока закончу тѣмъ, что послужило извѣстному французскому писателю приступомъ къ его не совсѣмъ благопріятному сужденію о Вольтерѣ: „Геній заслуживаетъ почитанія, но долженъ допустить надъ собою судъ. Неприступными остаются въ мірѣ только справедливость и правда“¹⁾).

Орестъ Миллеръ.

¹⁾ «Le génie mérite qu'on le salue, mais il doit souffrir qu'on le juge. Il n'y a d'inviolable au monde que la justice et la vérité».

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

V¹).

Игнатій Туркуль, министр Царства Польскаго.

1797 — 1857.

Кто прожилъ болѣе трехъ четвертей вѣка, тотъ не безъ тяжелаго чувства видитъ, какъ кругъ спутниковъ его все болѣе и болѣе становится тѣсень, и какъ, по мѣрѣ этого, въ памяти его увеличивается группа тѣней тѣхъ, которые уступили свое мѣсто вновь явившимся. Тогда оставшійся на землѣ отъ исчезнувшихъ поколѣній невольно съ грустью замѣчаетъ, что тѣни эти болѣе ему близки, чѣмъ лица, составляющія обстановку послѣднихъ шаговъ его странствованія: онъ уже чужой въ этой средѣ. Новыя поколѣнія перестаютъ понимать его, тогда какъ онъ слишкомъ хорошо ихъ понимаетъ и сквозь ихъ молодость ясно видитъ будущее. Нельзя поэтому удивляться, что такой человѣкъ живетъ болѣе въ прошедшемъ, что оно имѣетъ для него болѣе жизненнаго колорита, чѣмъ настоящее...

Я хочу силою моихъ воспоминаній вызвать къ посмертной жизни нѣкоторыя замѣчательнѣйшія изъ тѣней современниковъ, меня опередившихъ. Это будутъ не біографіи и даже не полные портреты, но очерки фязіономій съ такими подробностями, однако же, которыя немногимъ извѣстны, а для біографій лицъ и современной исторіи могутъ имѣть значеніе. Въ этихъ очеркахъ я не слѣдую никакой системѣ, даже ни хронологическому порядку: для того, что я имѣю сказать, ни то, ни другое не существенно. Я буду говорить о лицахъ, какъ

¹) См. «Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго» въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 451 п 665; изд. 1875 г. т. XIII, стр. 383; т. XIV, стр. 131.

они представляются въ моей памяти и въ изображеніи главной личности постараюсь воспроизвести ту обстановку, въ которой она жнѣ помнится; для этого нерѣдко потребуется упомянуть о тѣхъ второстепенныхъ тѣняхъ, которыя, приходя въ соприкосновеніе съ главною, составляли эту обстановку и способствовали къ полнѣйшей ея характеристикѣ.

Было время, что народныя пословицы считались премудростью. Нашъ аналитическій вѣкъ добрался и до этой премудрости, и она во многихъ своихъ приговорахъ оказалась очень немудрою. Одинъ изъ лучшихъ современныхъ писателей Франціи сказалъ: „que d'énormes sottises dans les proverbes, fruits de la sagesse des nations!“¹⁾; одинъ изъ остроумныхъ русскихъ писателей говоритъ: „Если придерживаться азіатской пословицы, что „не должно выносить сору изъ избы“, то не худо подумать: „какова будетъ изба, когда эта драгоценность сохранится въ ней вся на лицо“.

Такою же явною нелѣпостью отличается старая поговорка: „de mortuis aut bene, aut nihil“ (о покойникахъ говори или одно доброе, или не говори ничего). Трудно уяснить себѣ, какъ сложилась эта поговорка и какъ вошла въ обращеніе. Къ счастью, она не строго исполнялась древними, а то исторія была бы немислима. Если бы Тацитъ и другіе римскіе историки придерживались такого правила, потомство ничего бы не знало о Тиберіѣ, Клавдіѣ, Неронѣ, Калигулѣ, Агриппинѣ, Юліи, Мессалинѣ. Такъ какъ о нихъ нельзя было сказать ничего bene, то оставалось бы одно nihil, т. е. глубочайшее молчаніе.

По всему вѣроятію, основаніемъ пословицы служила мысль, что умершіе не могутъ защищаться. Но въ исторіи защита, или оправданіе дѣяній, дѣло второстепенное. Прежде всего нужны положительныя факты, а о нихъ всякій пусть судитъ по-своему. Нельзя же потомству не знать, что Неронъ поджегъ Римъ, убилъ свою мать, что Калигула пожаловалъ своего коня въ первые государственныя сановники, что папа Александръ VI былъ чудовище, что Людовикъ XI былъ кровожадный ханжа, что Генрихъ VIII отсѣкалъ головы своимъ женамъ, чтобы жениться на другихъ. Все это потеряно было бы для потомства, если бы историки слушались пословицы.

Въ очеркахъ моихъ я не нагбренъ стѣсняться никакими посторонними уваженіями, а буду говорить все, что знаю, въ убѣжденіи, что въ писаніяхъ этого рода надъ всѣми уваженіями преобладаетъ

¹⁾ Сколько огромныхъ глупостей въ пословицахъ, этихъ плодахъ вародной мудрости.

одно: интересы исторической правды. Такъ поступая, и отъ моихъ тѣней я не боюсь упрека. Только здѣсь, на землѣ, святая истина принуждена прятаться по пещерамъ и колодезямъ; но въ царствѣ тѣней она является во всемъ своемъ блескѣ и онѣ первыя ей поклоняются.

I.

Умершій въ 1857 году, въ Варшавѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, статсъ-секретарь И. Л. Туркуль принадлежалъ къ роду, котораго польское дворянство было не древнѣе времени короля Іоанна III (Собѣскаго), т. е. второй половины XVII-го вѣка. Этотъ родъ происходилъ изъ древняго молдаванскаго дворянства и члены его, предки Игнатія Туркула, съ давнихъ временъ занимали въ Молдавіи высокія общественныя служебныя положенія. Одинъ изъ нихъ былъ въ христіанскихъ войскахъ, защищавшихъ, подъ главнымъ начальствомъ Іоанна Собѣскаго, Вѣну противъ осаждавшей ее турецкой арміи. Этотъ Туркуль отличился передъ глазами короля и тутъ же причисленъ имъ былъ къ польскому дворянству. вмѣстѣ съ этимъ король пожаловалъ ему древній гербъ Остоя (стойчій мечъ, между двумя полулуніями, обращенными къ нему выпуклою стороною). Для отличія отъ другихъ фамилій, пользующихся тѣмъ же гербомъ, у Туркуловъ изъ шлема поднимается рука, вооруженная мечомъ, на которомъ навита турецкая чалма. Быть можетъ, что и самая фамилія съ переходомъ предка изъ молдаванскаго въ польское дворянство взята была отъ совершенныхъ имъ надъ турками подвиговъ.

Туркулы водворились въ Галиціи, хотя нѣкоторые члены ихъ пріобрѣли помѣстья и на Волыни. Отецъ министра, Лаврентій, былъ любимымъ пажемъ Станислава-Августа, однако не послѣдовалъ за этимъ королемъ, послѣ его отреченія, въ Петербургъ. Игнатій родился уже австрійскимъ подданнымъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Львовскомъ лицей, а затѣмъ окончилъ курсъ наукъ въ Вѣнскомъ университетѣ; несмотря на то, фамилія Туркуловъ всегда принадлежала къ высшему обществу Варшавы.

По образованіи Царства Польскаго, Игнатій Туркуль, въ маѣ 1818 года, поступилъ тамъ на службу въ правительственную коммисію (министерство) финансовъ и казначейства вице-рефендаріемъ; въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры бывшаго польскаго двора. Но онъ недолго оставался на службѣ въ Варшавѣ.

Въ Петербургѣ учрежденъ былъ статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, то есть собственная канцелярія императора, какъ царя польскаго, съ министромъ, статсъ-секретаремъ графомъ Соболевскимъ. Всеподданнѣйшіе доклады по дѣламъ Царства и сношенія этой канцелярії съ имперскими властями писались по-французски. Молодой Туркуль въ совершенствѣ владѣлъ этимъ языкомъ. Извѣстный при томъ Соболевскому по своимъ способностямъ и образованію, по ходатайству этого министра, онъ въ 1822 году назначенъ былъ главнымъ директоромъ канцелярії статсъ-секретаріата. Это былъ первый шагъ блестящей карьеры. Вслѣдъ за этимъ быстро сыпались на Туркула царскія милости: чинъ статскаго совѣтника (1824), камергерскій ключъ (1826) и ордена. Чрезъ шесть лѣтъ по вступленіи въ службу, грудь 24-х-лѣтняго молодого человѣка украсилась уже звѣздой Станислава 2-й степени.

Графъ Соболевскій недолго оставался въ Петербургѣ; въ началѣ 1820-хъ годовъ на мѣсто его поступилъ министромъ генераль графъ Грабовскій. Въ 1832 году Туркуль былъ назначенъ его товарищемъ, а въ слѣдующемъ году предсѣдателемъ комисіи для ревизіи и составленія законовъ Царства, подъ главнымъ начальствомъ управлявшаго законодательными работами графа Сперанскаго. По выходѣ Грабовскаго въ отставку, Туркуль нѣсколько времени управлялъ статсъ-секретаріатомъ въ качествѣ товарища министра и, наконецъ, въ 1839 году, назначенъ министромъ, статсъ-секретаремъ и членомъ государственнаго совѣта, а въ 1841 году членомъ комитета министровъ. При этомъ онъ былъ оставленъ и предсѣдателемъ упомянутой комисіи.

Министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго имѣлъ у государя личный докладъ еженедѣльно, по вторникамъ. До окончательнаго полученія портфеля, при частыхъ отлучкахъ Грабовскаго, заступавшій его Туркуль имѣлъ много случаевъ докладывать дѣла императору Николаю, и своимъ умомъ, даромъ слова и находчивостью понравился монарху.

Извѣстно, что у покойнаго императора не было никого, кому современное общественное мнѣніе могло бы присвоить названіе царскаго любимца. Но въ числѣ приближенныхъ были такіе, къ которымъ онъ чувствовалъ личную симпатію человѣка. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ Туркуль. Императоръ относился къ нему очень благосклонно и даже интимно, но встрѣчи его съ государемъ ограничивались исполненіемъ требованій службы, обязательнымъ присутствіемъ на торжествахъ и посѣщеніемъ придворныхъ баловъ и вечеровъ по приглашеніямъ.

Послѣ обыкновеннаго дѣловаго доклада, государь часто удерживалъ Туркула въ своемъ кабинетѣ для бесѣды. Тогда ободренный

милостивою и какъ бы вызывающею фамиллярностію монарха, министръ дѣлался откровеннымъ и даже смѣлымъ въ своихъ объясненіяхъ. Такъ, государь не разъ упрекалъ его въ нелюдимости, слегка бранилъ за то, что онъ не показывается въ свѣтѣ, имѣя всѣ условія для успѣха въ салонахъ. Туркуль давалъ уклончивые отвѣты, отговариваясь нездоровьемъ или занятіями по службѣ, особенно по званію председателя законодательной комисіи: не бывъ по призванію юристомъ, онъ-де долженъ много работать, многому учиться, чтобы устоять на уровнѣ этого положенія; но государь не вполне удовлетворялся этими отговорками. Разъ, послѣ великолѣпнаго бала у графа Воронцова-Дашкова, Николай Павловичъ полу-милостиво, полу-серьезно выговаривалъ Туркулу, что онъ не былъ на этомъ балѣ, гдѣ была вся царская фамилія. Государь прибавилъ, что спрашивалъ о немъ хозяина и графъ отвѣчалъ, что Туркуль былъ приглашенъ, причѣмъ пожаловался, что всѣ подобныя приглашенія остаются безуспѣшными. Такъ поставленный въ необходимость объясниться, Туркуль прибѣгнулъ къ странной уловкѣ. Онъ сказалъ: „ваше величество требуетъ положительнаго отвѣта, поэтому я принужденъ признаться въ одной слабости... я имѣю непреодолимую антипатію къ женщинамъ маленькаго роста. Къ несчастью, почти всѣ дамы высшаго общества имѣютъ этотъ недостатокъ. Такова хозяйка вчерашняго бала, такова мадамъ Г...о, графиня Х...чь, таковы почти всѣ супруги пословъ“. Конечно, при другихъ условіяхъ такой отвѣтъ могъ бы показаться не совсѣмъ умѣстнымъ, но государь принялъ его милостиво, засмѣялся и сказалъ: „*Mon cher, quel original vous êtes!*“

Въ молодости, то есть въ первые 10—15 лѣтъ своего пребыванія въ Петербургѣ, Туркуль танцевалъ прекрасно, особенно мазурку. Танецъ этотъ, который всѣ пляшутъ кое-какъ, есть самый трудный для кавалера. Хотя его устраиваютъ въ нѣсколько паръ, но онъ есть по преимуществу одинъ изъ тѣхъ танцевъ, которые называютъ *danses de caractère* или *danses parlantes*, каковы русская пляска, испанская качуча, хаола, итальянская тарантелла, болеро. Для роли мужчины характеръ мазурки состоитъ въ изображеніи ритмическою мимикою мужественной удалы, увлеченіе которой умѣряется чувствомъ почтительно-нѣжнаго, рыцарскаго уваженія къ своей дамѣ. Не легко въ надлежащей мѣрѣ соединить эти условія такъ, чтобы ничего не утрировать. Съ этимъ послѣднимъ недостаткомъ мы видимъ большинство танцующихъ мазурку на балахъ и даже въ театрѣ, учениками Кюшиинскаго. Туркуль танцевалъ мазурку такъ, что своей манерой осуществлялъ всю поэтичность этого танца.

Въ то время, когда при дворѣ часто давались балы и царская

фамилія принимала участіе въ танцахъ, Туркуль былъ непремѣннымъ кавалеромъ для мазурки императрицы Александры Ѳеодоровны.

Благоволеніе императора Николая для лицъ, которыя удостоивались онаго, выражалось нерѣдко заботливостію объ устройствѣ ихъ браковъ. Туркула государь не разъ уговаривалъ жениться, не зная, что супружества онъ боялся болѣе всего на свѣтѣ. Онъ ни за что не отказался бы отъ своей холостой свободы. При томъ Туркуль страдалъ одною органическою болѣзнію, которую долго предъ всѣми скрывалъ и отъ которой умеръ. Это была атрофія одного важнаго внутренняго органа. Она не лишала его никакихъ физическихъ способностей и не вліяла на наружность; по свѣжести лица и вообще по своей бодрости, онъ казался самымъ здоровымъ человѣкомъ. Но болѣзнь эта требовала особеннаго ухода: каждое утро онъ долженъ былъ много разъ обливаться около часу теплою водою. По временамъ болѣзнь доходила до кризиса, схватывала внезапно и тогда съ Туркуломъ дѣлалась сильная лихорадка и бредъ. Одинъ такой кризисъ случился съ нимъ за обѣдомъ у императора, на пароходѣ, въ одной морской экскурсіи. Его надо было уложить въ постель, доктора не было и государь самъ ухаживалъ за больнымъ съ отеческою заботливостію, не зная, въ чемъ состояла болѣзнь и считая ее простою лихорадкою. Припадокъ разрѣшался самымъ обыкновеннымъ исходомъ, послѣ чего больной тотчасъ же поправлялся.

Въ другой подобной экскурсіи государь былъ уже на пароходѣ, а Туркула еще не было. Императоръ не велѣлъ отчаливать; минутъ чрезъ пять министръ пріѣхалъ. Когда взошелъ на палубу, государь взялъ его за оба плеча, говоря: „Ah, vous voilà, monstre!“ Туркуль хотѣлъ что-то сказать въ свое извиненіе, но государь перебилъ его словами: „с'est bon, с'est bon“, а потомъ, примѣняя къ случаю историческую фразу Людовика XIV, съ усмѣшкою прибавилъ: „J'ai failli attendre“.

Разъ Туркуль серьезно напугался. Онъ съ своимъ вторичнымъ докладомъ ѣхалъ въ Царское Село; я былъ съ нимъ. Подѣзжая къ вокзалу желѣзной дороги, слышимъ свистокъ и прежде чѣмъ мы успѣли выйти изъ кареты, поѣздъ ушелъ. Министръ хотѣлъ уже было взять экстренный поѣздъ, или нанимать лошадей,—но вотъ счастье: войдя въ вокзалъ, видимъ фельдъегеря; онъ вручаетъ министру депешу, что государь сегодня не принимаетъ, а назначаетъ докладъ на завтрашній день.

Мы вздохнули свободно, такъ неожиданно облегченные. Туркуль сказалъ: „Pas de jeu aujourd'hui; j'ai eu trop de chance“.

Государь, возвращаясь къ разговору о женитьбѣ, сказалъ разъ, что

выбралъ для него невѣсту и самъ будетъ его сватать. Это была одна изъ прекрасныхъ дочерей оберъ-церемоніймейстера графа Бралицкаго. Туркуль, видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, прибѣгнулъ къ послѣднему средству. Въ католическихъ монашескихъ орденахъ уставами допускается обычай: нѣкоторыхъ почетныхъ свѣтскихъ лицъ, въ знакъ уваженія, причислятъ къ ордену въ качествѣ свѣтскаго брата, подъ названіемъ терціарія (tertiarius). Преимущество терціарія состоитъ въ томъ, что общія молитвы о благодѣствіи ордена распространяются и на него, что онъ имѣетъ право быть похороненъ въ рясахъ послушника (новіція) и по смерти поминается въ молитвахъ объ усопшихъ членахъ ордена. На это званіе генераломъ ордена выдается дипломъ и такой документъ былъ поднесенъ Туркулу отъ варшавскаго монастыря ордена проповѣдниковъ (Доминикановъ). Впрочемъ, такой знакъ уваженія, оказанный свѣтскому, не обязываетъ его ни къ чему, кромѣ благоволенія къ ордену и къ извѣстнымъ ежедневнымъ молитвамъ. Но Туркуль въ крайности прибѣгнулъ къ нему и сказалъ: „Ваше величество, я принадлежу къ монашествующему ордену (тутъ онъ показалъ свой дипломъ), а хотя званіе доминиканскаго терціарія и не обязываетъ меня къ безбрачію, но я, принявъ его, далъ себѣ обѣтъ никогда не жениться“. Государь понялъ уловку, но, видя непоколебимость Туркула, не возвращался уже къ разговорѣ о бракѣ. Графиня Бралицкая, которую государь предназначалъ Туркулу, вышла въ послѣдствіи за римскаго князя Одескальки.

Часто бесѣда съ императоромъ принимала характеръ религіознаго диспута. Туркуль былъ довольно силенъ въ католическомъ богословіи, объяснялъ и смѣло отстаивалъ его догматы и эта своего рода храбрость, повидимому, нравилась державному диспутанту, быть можетъ, какъ новость для того, кто никогда не встрѣчалъ противорѣчій. Въ числѣ другихъ предметовъ такихъ словопреній, часто возобновлялась рѣчь объ іезуитахъ. Государь не любилъ ихъ и повторялъ общія обвиненія этого ордена въ политическомъ и частномъ интриганствѣ. Туркуль защищалъ іезуитовъ, утверждая, что то, что называютъ духомъ интриги, есть ничто иное, какъ дѣятельное усердіе ордена къ интересамъ религіи и повсемѣстнаго законнаго порядка. Теперь, когда уже не можетъ быть рѣчи о средневѣковыхъ заблужденіяхъ (?) и злоупотребленіяхъ, іезуиты остались честными (?), ревностными консерваторами.

Въ своей защитѣ Туркуль приводилъ тотъ симптомъ, что всюду въ Европѣ, гдѣ приготовлялась революція, всегда предшествовали ей усиленныя нападки на іезуитовъ и удаленіе ихъ изъ страны. Это сдѣлалось очевиднымъ въ смутахъ 1848 года. По этому случаю Тур-

куль указаль на слѣдующій фактъ. Въ австрійской революціи упомянутого года участвовала почти вся молодежь, всѣ школы опустѣли, всѣ студенты и воспитанники, за весьма немногими исключеніями, стали въ ряды мятежниковъ,—только изъ одного іезуитскаго училища въ Галиціи ни одинъ воспитанникъ не послѣдовалъ этому увлеченію, несмотря на то, что никакія принудительныя мѣры не стѣсняли ихъ свободы. Туркуль рассказывалъ мнѣ, что этотъ примѣръ обратилъ вниманіе государя.

Наконецъ, такъ какъ подобный разговоръ возобновлялся и государь всегда объ іезуитахъ отзывался непріязненно, то Туркуль осмѣлился разъ сказать:

— „Видно, что ваше величество читали много писаннаго противъ іезуитовъ, но я позволю себѣ спросить: читали-ли вы что-нибудь въ ихъ защиту?“ Оказалось противное. Тогда министръ попросилъ позволеніе представить одно изъ сочиненій въ этомъ послѣднемъ родѣ и, получивъ такое позволеніе, поднесъ книгу О. Равиньяна (Ravignan) „Defense des Jesuites“. Съ тѣхъ поръ рѣчи объ іезуитахъ уже не было, но Туркуль остался въ неизвѣстности, какое дѣйствіе произвела книга и даже читалъ-ли ее государь.

Послѣ 1830-го года государь велѣлъ по дѣламъ статсъ-секретаріата Царства Польскаго французскій языкъ оставить только для сношеній съ иностранными послами, польскій только для сношенія съ правительственными коммисіями и другими властями Царства, для всеподданнѣйшихъ же докладовъ, для сношеній съ намѣстникомъ и для всего прочаго дѣлопроизводства—употреблять русскій языкъ. Къ счастью, въ распоряженіи Туркула и въ статсъ-секретаріатѣ, и въ предсѣдательствуемой имъ законодательной коммисіи были подготовленные уже къ тому чиновники: что же касается самого министра, то онъ, хотя и не могъ писать по-русски, но вполнѣ понималъ этотъ языкъ. Такимъ образомъ первый докладъ его послѣ означеннаго повелѣнія былъ написанъ по-русски и государь изъявилъ министру удовольствіе за хорошую редакцію.

Хотя прямое значеніе званія министра—статсъ-секретаря состояло въ томъ, что онъ служилъ какъ бы проводникомъ между монаршей волей и исполнителями ея на мѣстѣ, между представленіями намѣстника и высочайшими по нимъ рѣшеніями, но Туркуль не ограничивался этой пассивной ролью. Онъ часто бралъ на себя начинъ по предметамъ, которые, по его мнѣнію, требовали улучшенія или преобразованія, и проекты его вообще одобрялись намѣстникомъ и государемъ и приводились въ исполненіе.

II.

Послѣ событій 1830 года положено было правиломъ, чтобы вновь назначаемые въ Царствѣ католическіе епископы посвящаемы были въ Петербургѣ. Для этого къ живущему тамъ архіепископу могилевскому, митрополиту всѣхъ католическихъ въ Россіи церквей, изъ шести составляющихъ его провинцію епархій, вызывались два епископа, такъ какъ для совершенія обряда требуется одинъ святитель (consecrator) и два ассистента (assistantes). Однажды назначенъ былъ къ посвященію въ епископы одной изъ епархій Царства прелатъ графъ Лубенскій¹⁾. Митрополитомъ тогда былъ Казиміръ Дмоховскій, въ ассистенты вызваны два епископа. При обрядѣ присутствовали по должности министръ статсъ-секретарь Царства и директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, покойный В. В. Скрыпичинъ. Туркулъ, по приглашенію посвящаемого, участвовалъ даже въ обрядѣ, для котораго, кромѣ духовенства, требуются три свѣтскихъ лица.

По предписаннымъ на эти случаи правиламъ, кандидатъ въ епископы, въ одинъ изъ моментовъ обряда, долженъ былъ произнести присягу на вѣрность государю на русскомъ языкѣ. Какъ графъ Лубенскій не зналъ по-русски ни слова, то для него форма присяги, которую онъ долженъ былъ прочитать во всеуслышаніе, написана была польскими буквами. Передъ выходомъ въ церковь, въ сакристіи (ризницѣ) было объ этомъ разсужденіе между митрополитомъ, будущимъ епископомъ, и Туркуломъ. Извѣстно, какое значеніе въ произношеніи русскихъ словъ имѣетъ просодія: неправильное удареніе на какомъ-нибудь слогѣ, нарушая фонетическія требованія языка, производитъ страшную какофонію, дѣлая рѣчь почти непоплатною. Это представляло непредусмотрѣнное препятствіе; Лубенскій призналъ для себя невозможнымъ читать вслухъ, боясь, среди священнаго обряда насмѣшить многочисленную собравшуюся въ церкви публику; онъ представлялъ, что какъ въ самомъ ритуалѣ (требникѣ) посвященія заключается присяга вѣрности царствующему государю на латинскомъ языкѣ, то условіе это будетъ выполнено самимъ же обрядомъ. Если же, сверхъ того, признана будетъ необходимою особая присяга, то такую, по возвращеніи въ Варшаву, Лубенскій произнесетъ по-польски предъ комиссією внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, въ присутствіи

¹⁾ Дядя августовскаго епископа, посвященнаго въ 1860-хъ годахъ и въславнаго въ послѣдствіи административнымъ порядкомъ во внутреннюю Россію и умершаго въ дорогѣ, графа Константина Лубенскаго. О. П.

тамошняго архіепископа. Митрополитъ убѣдился этими доводами и Туркуль не протестовалъ. Посвященіе было совершено безъ упомянутой формальности, отложенной до возвращенія епископа въ Царство.

По случаю послѣдовавшей около этого времени, въ 1844 году, кончины великой княгини Александры Николаевны, государь, въ глубокомъ горѣ, уединясь въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, не принималъ никакихъ личныхъ докладовъ, и Туркуль, въ теченіе болѣе мѣсяца, не видалъ государя. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Скрыпицынъ, ненавидѣвшій истинетивно, неизвѣстно почему, Туркула, дабы поколебать довѣріе къ нему государя. По внушенію своего директора департамента, министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ описанный фактъ при посвященіи Лубенскаго представленъ былъ государю въ самомъ невыгодномъ и даже предосудительномъ свѣтѣ и для Лубенскаго, и для митрополита, а въ особенности для Туркула. Надо прибавить, что государь и безъ того былъ расположенъ не въ пользу Лубенскаго. Онъ, бывши еще прелатомъ, пріѣзжалъ послѣ перваго польскаго мятежа въ Петербургъ, въ числѣ членовъ депутаціи, которая, имѣя въ главѣ своей архіепископа Хороманскаго, приносила государю повинную отъ всѣхъ сословій Царства. Депутація оставалась около недѣли въ столицѣ и государь, бывши разъ во французскомъ театрѣ, съ негодованіемъ замѣтилъ тамъ въ креслахъ Лубенскаго. Его величество сказалъ объ этомъ при первомъ случаѣ Туркулу, и несмотря на краснорѣчіе послѣдняго, представлявшаго разныя „уменьшающія вину обстоятельства“, у государя осталось дурное впечатлѣніе и только вслѣдствіе горячаго ходатайства намѣстника, сильно поддержаннаго Туркуломъ, императоръ согласился на возведеніе Лубенскаго въ санъ епископа.

Неполное донесеніе министерства внутреннихъ дѣлъ произвело свое дѣйствіе, на минуту помрачившее горизонтъ отношеній государя къ своему министру статсъ-секретарю.

Между тѣмъ Лубенскій изъ Варшавы прислалъ Туркулу открытое письмо въ Римъ къ другу своему, одному изъ кардиналовъ, съ извѣстіемъ о возведеніи своемъ въ епископы и съ тѣмъ, чтобы у государя искодатайствовано было позволеніе отправить это письмо по назначенію. Туркуль, все еще неѣздившій съ докладомъ, представилъ подлинное письмо императору при своей запискѣ. Письмо возвращено было съ разрѣшеніемъ послать его въ Римъ, на запискѣ же министра государь надписалъ въ сущности слѣдующее: „Лубенскій, при посвященіи его, отказался дать мнѣ присягу на вѣрность. Вызвать его немедленно въ Петербургъ и потребовать исполненія этого въ церкви; къ присягѣ

привести его имѣть митрополить, въ присутствіи министра внутреннихъ дѣлъ и нашемъ“.

О такомъ повелѣніи Туркуль тотчасъ же по эстафетѣ сообщилъ намѣстнику. Приближенные къ министру выразили мнѣніе, что ему слѣдовало бы объясниться передъ государемъ, такъ какъ очевидно, что о фактахъ доведено было до высочайшаго свѣдѣнія неточно и не вполне справедливо. Но онъ этого не сдѣлалъ, сказавъ намъ: „*Avant tout il faut faire, ce que l'Empereur ordonne*“¹⁾. Замѣтно было, что объясненіе своего поведенія въ этомъ случаѣ онъ откладывалъ до личнаго доклада.

Въ Варшавѣ, гдѣ уже Лубенскій далъ предъ комиссіею духовныхъ дѣлъ присягу, царское повелѣніе произвело грустное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ немъ проглядывало какое-то недоразумѣніе и что повелѣніе застало Лубенскаго больнымъ. У него сдѣлалась опухоль на щекѣ съ нарывомъ и лихорадкою; для поѣздки въ Петербургъ требовалось не менѣе шести сутокъ, погода стояла дурная, Лубенскій не имѣлъ въ Варшавѣ своего экипажа. Князь Паскевичъ оказалъ ему полное сочувствіе, далъ свою карету, но попросилъ, несмотря на болѣзнь, отправиться тотчасъ. Болѣзнь въ дорогѣ усилилась и епископъ, прибывъ въ Петербургъ, слегъ въ постель и не ранѣе какъ дней чрезъ 10 оправился такъ, что могъ исполнить монаршую волю. Въ церкви св. Екатерины, въ часовнѣ Богородицы, въ присутствіи Туркула и Скрипицына, Лубенскій подписалъ поданный ему митрополитомъ присяжный листъ. Послѣ этого онъ тутъ же попросилъ Туркула исходатайствовать ему у государя аудіенцію, дабы онъ могъ лично объясниться и испросить себѣ прощеніе, если будетъ признанъ виновнымъ. Въ ожиданіи этого онъ останется въ столицѣ.

Государь сталъ уже принимать министровъ. При первомъ же докладѣ Туркуль рассказалъ все какъ было, показалъ въ ритуальную форму присяги на вѣрность государю, которая была произнесена при посвященіи, и объяснилъ, почему Лубенскій признавалъ не совмѣстнымъ съ святостью обряда чтеніе вслухъ при многочисленном собраніи народа того, чего не понималъ и не умѣлъ произносить. Государь вполне убѣдился объясненіемъ и, вѣроятно, не остался доволенъ тѣмъ, что случилось вслѣдствіе неточности первоначальнаго донесенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ пріема на аудіенціи, которую государь далъ епископу и на которой находился Туркуль. Ловкій, съ уточненными придворными манерами, Лубенскій велъ

¹⁾ Прежде всего надо сдѣлать, что повелѣваетъ государь.

себя на этой аудіенціи съ такимъ тактомъ, что государь, казалось, оставилъ прежнія предубѣжденія и обласкалъ его.

Такъ разсѣялось всякое недоразумѣніе, на послѣдствія котораго много рассчитывали недоброжелатели.

Но Туркуль положилъ себѣ не отмстить виновному всей этой неудавшейся интриги (онъ не былъ мстителемъ), а проучить его порядкомъ и дать понять разъ навсегда, что борьба съ нимъ была бы крайне неравна. Не встрѣчаясь съ Скрыпицынымъ по службѣ, Туркуль долженъ былъ для этого выжидать удобнаго случая. Этотъ случай вскорѣ представился.

Вскорѣ послѣ рассказанныхъ событій, митрополитъ Казиміръ умеръ и санъ его наслѣдоваль суффраганъ покойнаго, Пгнатій Головинскій. Духовный этотъ, еще молодой (ему не было 40 лѣтъ), былъ извѣстный писатель и проповѣдникъ. Строгій пастырь на своемъ архіепископскомъ креслѣ, онъ былъ веселый, умный собесѣдникъ въ интимномъ кружкѣ, который самъ собою составилъ около него. Къ нему преимущественно принадлежали извѣстные литераторы, старый другъ митрополита графъ Ржевускій, генераль Штюрмеръ, министръ Туркуль, извѣстный другъ Мицкевича Малевскій и я. Въ издаваемой мною въ то время польской политико-литературной газетѣ помѣщались не мало прекрасныхъ статей высокопреосвященнаго, подписанныхъ и его именемъ и псевдонимомъ: „Жегота Кострѣвецъ“ (название герба). Онъ и по возведеніи въ санъ митрополита остался ректоромъ римско-католической духовной академіи и продолжалъ жить въ зданіи этой академіи, въ 1-й линіи Васильевскаго острова. Въ большіе праздники онъ совершалъ торжественную литургію или говорилъ проповѣдь въ приходской церкви св. Екaterины, по воскресеньямъ же служилъ обѣдню въ своей академической капеллѣ, на которую мы всѣ съѣзжались. Послѣ обѣдни былъ у митрополита завтракъ, замѣняющій обѣдь, къ которому мы были разъ навсегда приглашены. Бесѣда и литературныя чтенія продолжались до вечера; на этихъ завтракахъ бывалъ иногда и В. В. Скрыпицынъ.

Въ одно изъ такихъ воскресеній, когда въ числѣ гостей былъ и Валерій Валеріевичъ, Туркуль пожелалъ дать ему маленькій урокъ. Не помню, кто изъ насъ спросилъ о Лубенскомъ, который, не совсѣмъ еще выздоровѣвшій, выѣхалъ изъ Петербурга. Туркуль, отвѣтивъ, что епископъ совершенно здоровъ и находится уже въ своей епархіи, воспользовался этимъ и сказалъ слѣдующее:

— „Всѣ вы, господа, знаете, что графъ Лубенскій, по своемъ посвященіи и отъѣздѣ, былъ возвращенъ сюда по высочайшему повелѣнію для принесенія присяги на вѣрность государю императору, отъ чего

при самомъ совершеніи обряда онъ будто бы отказался. Какъ исполненіе этой монаршей воли было поручено мнѣ, то я считаю нужнымъ разказать и исходъ этого распоряженія. Въ немъ ясно видѣлось недоразумѣніе“.

Тутъ Скрипицынъ прервалъ говорившаго и сказалъ: „Не знаю, въ чемъ ваше высокопр—ство видите недоразумѣніе? до свѣдѣнія государя былъ доведенъ совершившійся фактъ“.

Туркуль отвѣчалъ: „я позволю себѣ замѣтить, что одно, такъ сказать, голое изложеніе факта не составляетъ полнаго о немъ свѣдѣнія. Оно тогда только бываетъ полно и можетъ служить основаніемъ къ сужденію о самомъ фактѣ, когда тотъ изображенъ со всѣми побудительными къ нему причинами и со всею обстановкой. Государь не сообщалъ мнѣ полученнаго о Лубенскомъ донесенія, но, по всей вѣроятности, въ этомъ донесеніи не было упомянуто объ исполненіи посвящаемымъ присяги на вѣрность царствующему государю, находящейся въ самомъ ритуалѣ обряда, а главное, не было объяснено причины, вполне уважительной, по которой графъ Лубенскій не рѣшился произнести слова присяги на чуждомъ ему языкѣ, которыхъ онъ не понималъ и не могъ выговорить правильно. Это опасеніе весьма понятно и дѣлаетъ честь графу. Онъ разсудилъ, что въ такихъ обстоятельствахъ съ одной стороны форма, читанная имъ неправильно, была бы какой-то карриатурой присяги, а съ другой, что при непониманіи словъ, они могли бы считаться для произносившаго ихъ необязательными. Тутъ уже была заинтересована совѣсть, и вотъ почему, уступая требованіямъ ея и изъ уваженія къ святости присяги, Лубенскій, съ моего разрѣшенія и съ согласія митрополита, не исполнилъ тогда же формальности, а обязался произнести присягу по той же формѣ на польскомъ языкѣ, предъ надлежащею властью Царства. Я употребилъ слово недоразумѣніе въ убѣжденіи, что если бы приведенныя мною обстоятельства и уваженія были изложены въ донесеніи о совершившемся фактѣ, какъ ваше пр-во изволили выразиться, то взглядъ его величества на этотъ фактъ былъ бы совсѣмъ иной. Я въ правѣ такъ думать, судя потому, какъ государь изволилъ принять мои устные объясненія, а также по милостивому приему, какого удостоился представленный мною въ Царскомъ Селѣ графъ Лубенскій. У всякаго, конечно, свое пониманіе, свой образъ дѣйствія. Но, что до меня, я никогда не осмѣливаюсь докладывать государю о какомъ бы то ни было предметѣ иначе, какъ со всѣми относящимися къ предмету мнѣ извѣстными данными. Я считаю это непремѣннымъ долгомъ вѣрной службы“.

Тутъ онъ, не посмотрѣвъ даже на Скрипицына, всталъ и, про-

хаживаясь по комнатѣ, началъ съ хозяиномъ разговаривать о другомъ предметѣ.

Описанная сцена, происходившая на французскомъ языкѣ, была настоящею экзекуціею. Надо было знать Скрыпицына, какъ мы его знали, чтобы понять, какой это былъ для него ударъ. Онъ былъ олицетворенное самолюбіе, воображалъ себя умнѣйшимъ и тончайшимъ изъ людей.

Въ настоящемъ случаѣ онъ понялъ, однако, что всякое возраженіе невозможно, и благоразумно, не сказавъ ни слова, простился и ушелъ. Но намъ, свидѣтелямъ экзекуціи, всегда скромный Игнатій Лаврентьевичъ явился въ новомъ свѣтѣ; мы въ первый разъ увидѣли его такимъ, какимъ онъ былъ, когда съ привычною вѣжливостью, но съ полнымъ достоинствомъ и сознаниемъ своей силы, далъ почувствовать противнику некрасивость его поступка и свое превосходство.

Всѣ мы понимали, что все, сказанное Туркуломъ, относилось не къ министру внутреннихъ дѣлъ, а прямо и исключительно къ Скрыпицыну, такъ какъ онъ одинъ находился при посвященіи Лубенскаго. Графъ Перовскій, въ донесеніи государю, по необходимости основался на томъ, что рассказалъ ему директоръ департамента. Вообще кредитъ Скрыпицына много пострадалъ; министръ не могъ не сознавать, что въ этомъ случаѣ подчиненный оказалъ ему медвѣжью услугу. Что касается до Туркула, то онъ, давъ такой урокъ, на долго застраховалъ себя отъ подобныхъ покушеній.

III.

Одною, мало кѣмъ замѣченною, чертою характера Туркула было его пристрастіе къ военному дѣлу. Кому это было извѣстно, тотъ могъ подумать, что онъ сожалѣетъ о томъ, что не послѣдовалъ своему призванію, избравъ для себя поприщемъ гражданскую службу. Во время всякой европейской войны онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіями воюющихъ армій и очень любилъ толковать съ военными о кампаніяхъ, съ рѣдкимъ апломбомъ заявляя свое сужденіе, и оно часто признавалось основательнымъ, хотя и оригинальнымъ. Онъ имѣлъ также одну еще слабость, ему очень хотѣлось военного мундира. Онъ завидовалъ министру финансовъ, что тотъ могъ носить полувоенную форму, какъ начальникъ горнаго управленія, а болѣе всего графу Перовскому, когда тотъ, въ крымскую компанію, надѣлъ красивый мундиръ начальника стрѣлковъ Императорской фамиліи. Мысль о мундирѣ преслѣдовала Туркула какъ кошмаръ, но онъ совѣстился высказывать ее. Разъ однако-жъ онъ сказалъ мнѣ:

— „Государь любить видѣть около себя военныхъ, я же участвовалъ въ турецкой кампаніи и имѣю медаль за эту войну. (Онъ гордился этою медалью больше чѣмъ другими знаками отличія). Что, въ самомъ дѣлѣ, если бы государь пожаловалъ мнѣ военный мундиръ по чину?“ (Онъ былъ тогда еще тайнымъ совѣтникомъ).

Я отвѣчалъ: „копечно, вы были бы прекраснымъ генераломъ“.

Этимъ какъ бы ободренный, Туркуль спросилъ: „Что ты думаешь, Pgeslavius (онъ такъ меня называлъ въ интимной бесѣдѣ), могу ли я просить объ этомъ государя и какъ это будетъ принято?“

Вопросъ былъ деликатенъ; я отвѣчалъ, что его никто лучше не можетъ рѣшить, какъ онъ самъ, такъ давно знающій государя. Туркуль понялъ уклончивость отвѣта и разговоръ уже не возобновлялся, хотя мысль объ этомъ не покидала его.

Онъ продолжалъ интересоваться всѣмъ, что относилось до военной части и разъ удивилъ государя своими свѣдѣніями и необыкновенною памятью. Не помню, въ которомъ году, но уже при военномъ министрѣ князѣ Долгоруковѣ, вышло какое-то новое распределеніе войскъ съ новою нумераціей дивизій, бригадъ и полковъ. Туркуль прочиталъ это положеніе и, какъ видно, крѣпко запомнилъ. Какъ-то однажды онъ сошелся въ царскомъ кабинетѣ вмѣстѣ съ княземъ Долгоруковымъ. Императоръ, говоря о какомъ-то полку, хотѣлъ, но не могъ припомнить его номеръ; обратился за этимъ къ военному министру, но и тотъ не могъ положительно отвѣчать. Тогда Туркуль осмѣлился вмѣшаться въ разговоръ и назвалъ съ точностью номеръ дивизіи, бригады и полка.

Когда начиналась крымская кампанія и, по объявленіи союзными державами войны, въ Босфорѣ собирались ихъ флоты, Туркуль представилъ государю отъ себя записку, въ которой изложилъ свое мнѣніе, что непріатели не имѣютъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ, что блокада балтійскихъ и финляндскихъ портовъ—одна демонстрація, неимѣющая опредѣленнаго значенія, а вся цѣль кампаніи состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить Черноморскій флотъ, воспрепятствовать его возстановленію и разрушить Севастопольскій портъ и этимъ обезопасить столицу Турціи отъ внезапнаго завладѣнія ею русскими силами. Въ этой запискѣ Туркуль предусматривалъ высадку непріятельскихъ войскъ на берега Крыма и полагалъ, что всѣ военныя дѣйствія, оставя всякую заботу о балтійскихъ и финскихъ берегахъ, которымъ не угрожаетъ серьезное нападеніе, должны быть употреблены для защиты береговъ Чернаго моря, въ особенности Крыма, для воспрепятствованія высадкѣ, или въ случаѣ, если она совершится, для опрокинутія непріателя въ море. Въ самомъ началѣ войны министръ читалъ мнѣ

эту записку и требовалъ тайны. На мой вопросъ: какъ она была принята, Туркуль отвѣчалъ, что государь благодарилъ его.

IV

При назначеніи Туркула предсѣвателемъ кодификаціонной комисіи Царства, онъ сказалъ государю, что часть эта была для него новая и что ему нужно будетъ изучать ее. Николай Павловичъ милостиво заявилъ увѣренность, что онъ въ этомъ скоро успѣетъ, что, впрочемъ, отъ предсѣдателя требуется не столько научныхъ знаній, сколько общаго руководства для направленія законодательныхъ работъ къ той системѣ, которая, по опыту послѣднихъ событій (1830 года), признана необходимою для преобразованія мѣстныхъ законоположеній. Слова государя вполне подтвердились. Вызванные изъ Варшавы члены комисіи, специалисты, которымъ поручена была редакція новыхъ уложеній, Губе, Заборовскій и Цихарскій, на первыхъ же порахъ признали, что предсѣдатель былъ какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ.

Туркуль имѣлъ правиломъ ладить по возможности со всѣми, и въ этомъ вполне успѣвалъ. Во всю его службу въ Петербургѣ единственная распря, встрѣтившаяся на этомъ поприщѣ, былъ описанный уже эпизодъ столкновенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; но и это разрѣшилось негласно и графъ Перовскій съ Туркуломъ остались по прежнему друзьями. Вообще съ своими товарищами, министрами и членами государственнаго совѣта, Туркуль былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя, ведя своеобразную жизнь, въ домахъ у нихъ не бывалъ. Особенно онъ былъ сближенъ съ финляндскимъ министромъ, статсъ-секретаремъ графомъ Армфельдомъ, и съ министромъ юстиціи, графомъ Панинымъ. Послѣдній очень былъ опечаленъ смертью Туркула, считалъ ее чувствительною потерей и по этому случаю дѣлалъ слѣдующее сравненіе:

— „Въ послѣднее время въ государственномъ совѣтѣ были членами три поляка: князь Друцкой-Любецкій, Тенгоборскій и Туркуль. Всѣ трое были люди замѣчательно умные и благонамѣренные и мнѣнія ихъ имѣли не малый вѣсъ въ совѣщаніяхъ. Но вліяніе каждаго изъ нихъ проявлялось въ различныхъ видахъ. Любецкій вообще не заботился о формахъ, свои сужденія высказывалъ прямо и даже рѣзко, безъ всякихъ смягчающихъ оговорокъ, поддерживалъ же ихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и строгою логикой; онъ проводилъ ихъ съ боя. Тенгоборскій, особенно по вопросамъ, касающимся его специальностей (политической экономіи и международнаго права), могъ считаться авторитетомъ; но ему мѣшало слабое знаніе русскаго языка,

онъ часто прибѣгаль къ помощи французскаго и нѣмецкаго, мнѣнія же свои защищаль съ необыкновеннымъ оживленіемъ и настойчивостью. Оба эти члена обладали даромъ слова, были замѣчательные полемисты и, такъ сказать, навязывали свои взгляды силой. Съ Любецкимъ и Тенгоборскимъ Туркуль составляль контрастъ: главнѣйше сила его состояла въ формахъ, въ мягкости. Онъ почти никогда не спорилъ, но такъ искусно умѣль прививать вліятельнымъ членамъ свои взгляды, что они дѣлались ихъ взглядами"; чистосердечно сознавался графъ Панинъ: „дѣлая въ сущности то, чего хотѣль Туркуль, я былъ убѣжденъ, что слѣдую собственнымъ своимъ побужденіямъ“.

Эти слова характеризуютъ какъ нельзя лучше описываемую нами личность.

Дружба Панина съ Туркуломъ не осталась безплодною для пользы дѣла; она произвела улучшение въ одной отрасли отправленія правосудія. Обстоятельство это, требующее вступительнаго развитія, дабы не прерывать послѣдовательности этого очерка, я излагаю въ особомъ примѣчаніи.

V.

Туркуль, несмотря на то, что пробыль въ Петербургѣ долгое время (1821—1857), никогда не могъ вполне акклиматизироваться въ этой столицѣ. Онъ казался всегда, какъ будто бы въ дорогѣ, не на постоянномъ, а на временномъ мѣстѣ пребыванія.

Хотя онъ этого не говорилъ и даже старался скрывать, но это высказывалось въ его привычкахъ и образѣ жизни. Куда же онъ мысленно стремился, гдѣ была цѣль его желаній? Это была Варшава, современная славянская Капуа. Повидимому, первые годы молодости, проведенные въ этомъ городѣ, пустили глубокіе корни въ сердцѣ того, кто сталъ государственнымъ дѣятелемъ; Варшава была для него второю родиной. Онъ ясно сознавалъ ея недостатки, часто посмѣивался или вздыхаль надъ ними, а все-таки любилъ ее, какъ родину. Въ Варшавѣ онъ чувствовалъ себя въ своей атмосферѣ, на своемъ мѣстѣ, жилъ полною жизнью. Въ поѣздкахъ государей въ бывшую столицу Польши Туркуль всегда сопутствовалъ съ отдѣленіемъ своей канцеляріи. Но, по отъѣздѣ ихъ величествъ, всегда находилась, какъ нарочно, какая нибудь служебная надобность, для которой министръ статсъ-секретарь, по соглашенію съ намѣстникомъ, оставался еще въ Варшавѣ на два-три мѣсяца; разъ онъ пробыль тамъ цѣлыхъ одиннадцать мѣсяцевъ. Но что же привлекало его туда? во всякомъ случаѣ не тамошнее высшее общество; онъ совсѣмъ въ немъ не бываль. Ему нравилась самая мѣстность, самый городъ съ его окрестностями,

съ его населеніемъ въ массѣ, испещренной гаменами и гризетками. этими характеристическими типами Парижа, которые ¹⁾ Варшава воспроизводитъ съ удивительною вѣрностію; они оживляютъ картину уличной жизни и даютъ ей тотъ колоритъ, по которому Варшава прозвана маленькимъ Парижемъ. Туркуль любилъ наблюдать нравы этого населенія, въ одно и то же время разгульнаго и набожнаго, его занималъ образъ жизни этого люда, народныя увеселенія, воскресные баллики, во множествѣ разбѣянные по городу, гдѣ съ такимъ увлеченіемъ веселятся варшавяне и варшавянки самыхъ скромныхъ общественныхъ положеній. гдѣ подъ звуки нестройной жидовской скрипки, вопіющей за пять грошей (2½ копѣйки) съ каждаго танца, кружатся въ шотиншѣ или обертасѣ первые танцоры такихъ собраній, стражаки (солдаты пожарной команды), въ парахъ съ хорошенькими швеями, кавярками и служанками втораго и третьяго разряда. Вообще танецъ необходимая стихія жизни низшихъ классовъ варшавскаго населенія; нанимающійся въ услуженіе молодой лакей и молодая дѣвушка непременно выговариваютъ себѣ, что въ одинъ изъ двухъ воскресныхъ вечеровъ они могутъ отлучаться изъ дома на балъ. Не этому-ли распространенію хореографическаго искусства слѣдуетъ приписать ту замѣчательную грацію движеній и походки, которыми отличаются молодыя парижанки и варшавянки?

Къ такимъ увеселеніямъ Туркуль присматривался, съ улицы или съ площади, въ открытыя двери и окна, но зрѣлище это такъ занимало его, что онъ съ своими приближенными простаивалъ иногда до поздней ночи. Всѣ его знали и слово: „министръ“, пронесшееся въ собраніи какъ электрическая искра, не только не стѣсняло никого, а, напротивъ, придавало танцамъ болѣе оживленія.

Кромѣ танцевальныхъ вечеровъ, на которыхъ не было другихъ напитковъ, кромѣ легкаго пива, а для дамъ фруктоваго питья, въ самомъ городѣ Варшавѣ и за заставами много небольшихъ садовъ (огрудки), гдѣ рѣдко танцуютъ, но играетъ музыка для публики. прохаживающейся среди роскошной растительности, и гдѣ для ужина подаются спаржа, цыплята и крупные раки. Тамъ, какъ и въ бѣльшей части ресторановъ, кофейняхъ и баваріяхъ (пивныхъ съ закусками), вся прислуга—женская. Для нея стараются подбирать хорошенькихъ дѣвушекъ. Онѣ, какъ и вообще женская прислуга за гра-

¹⁾ Типы гамена и гризетки извѣстны только въ Парижѣ, Варшавѣ и другихъ польскихъ городахъ. Вездѣ встрѣтите мальчишекъ-шалуновъ, кокетливыхъ швей и служанокъ, но это далеко не *gamin* (*ulicznik*, *łobuz*) и не *grisette* (*modniarka*, *szwaczka*, *kawiarka*, *panna młodsza*).

ницей, обезпечены отъ всякой излишней фамильярности со стороны посѣтителей; такое обращеніе не принято въ Варшавѣ и считалось бы дурнымъ тономъ. Гости говорятъ имъ не иначе какъ панна (барышня) и позволяютъ себѣ съ ними только приличныя шутки, на которыя какая-нибудь Юлька или Зузя отвѣчаютъ бойко и остро. Нѣкоторыя сдѣлали наполеоновскія карьеры, выйдя замужъ за значительныхъ чиновниковъ, двѣ извѣстныя — за генераловъ.

Туркуль былъ знакомъ со всѣми этими паннами, онѣ обожали его за привѣтливость и подарки, которые онъ имъ дѣлалъ, какъ казалось, безкорыстно. Онѣ составляли любимое его общество. Онъ обыкновенно оканчивалъ вечеръ въ одномъ изъ огрудковъ, преимущественно въ томъ, который на Прагѣ, надъ самой Вислой. Тамъ, въ особой комнатѣ или въ павильонѣ, собирались около него панны, одна по очереди дежурила для прислуги другимъ посѣтителемъ. Тутъ министр угощалъ ихъ легкимъ пуншемъ или сладкимъ виномъ и, подъ вліяніемъ этихъ напитковъ, дѣвушки щебетали безъ умолку до поздней ночи. Это было для него самое занимательное развлеченіе и въ такихъ бесѣдахъ онъ узнавалъ всѣ новости дня; панны нарочно для него собирали ихъ со всего города; онъ лучше самаго оберъ-полицеймейстера зналъ все, что въ городѣ дѣлается.

По воскресеньямъ, лѣтомъ ¹⁾, Туркуль постоянно посѣщалъ Сакскую Кемпу (Саксонскій островъ на Вислѣ), въ царствованіе Августа II заселенную выходцами изъ его родной страны. Это островъ неплодородный, наводняемый ежегодно Вислой; колонисты однако-жъ жили здѣсь безбѣдно различными промыслами. Въ томъ числѣ была продажа напитковъ и танцевальныя вечеринки для самихъ низшихъ классовъ народа, по праздникамъ, почти у каждаго колониста. Туркуль обходилъ всѣ, съ каждымъ хозяиномъ или хозяйкою разговаривалъ интимно у входа, потомъ, слѣдуя вкругъ чрезъ мостъ, заключалъ свое 4—5-ти верстное странствованіе отдыхомъ въ своемъ любимомъ огрудкѣ на Прагѣ.

Вся Варшава, зная о такихъ привычкахъ, смѣялась надъ Туркуломъ и осуждала его; но у него всегда была на мысли польза и онъ извлекалъ ее изъ всего, гдѣ могъ предполагать. Для этого онъ неутомимо изучалъ всесторонне во всѣхъ отношеніяхъ страпу, которая была такъ близка ему. Высшаго общества онъ не изучалъ, зналъ, что всѣ такія общества повсюду одни и тѣ же и въ нихъ ничего новаго не узнаешь. Не то было въ низшихъ слояхъ; тамъ, подъ видомъ легкаго, почти школьническаго поведенія, онъ находилъ, чего искалъ, и

¹⁾ Въ это время года Туркуль обыкновенно бывалъ въ Варшавѣ. О. П.

узнавалъ, что ему было нужно. Въ его характерѣ была черта, рѣдкая у человѣка въ такомъ положеніи; это была живая симпатія къ простому народу, нѣчто сердечное, болѣе чѣмъ гуманное. Въ Петербургѣ чувство это не имѣло для себя простора, чтобы развернуться, ему мѣшало плохое знаніе русскаго языка. Все таки Туркуль, если не могъ разговаривать съ крестьянами, то любилъ смотрѣть на нихъ. Въ Варшавѣ онъ находилъ обширное поле для удовлетворенія своему вкусу. Онъ его не выказывалъ явно и о немъ не говорилъ, но и въ городѣ, и въ окрестностяхъ, встрѣтивъ крестьянина или деревенскую бабу, не могъ удержаться, чтобы не остановить ихъ и не распресить обо всемъ, до нихъ касающемся.

Я упомянулъ, что служба и приемы начинались въ Варшавѣ съ ранняго утра. Мы, чиновники, и просители собирались къ девяти часамъ, такъ какъ около этого времени министръ выходилъ изъ своихъ покоевъ въ приемную залу. Но были дни, что приходилось ждать выхода до 11-ти часовъ и болѣе. Наконецъ мы замѣтили, что это бывало всегда по пятницамъ, но никто не догадывался причины.

Разъ по моей части случилось спѣшное дѣло; бумага должна была быть отправлена съ фельдъегеремъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ, къ находившемуся тамъ князю Паскевичу. Это было пятница; я приготовилъ бумагу наканунѣ и на другой день пришелъ къ 9-ти часамъ, чтобы подать ее министру къ подписанію. Фельдъегерь долженъ былъ захватить въ половинѣ 11. Министръ еще не выходилъ. Продавъ съ четверть часа и боясь опоздать, я вошелъ къ нему: Туркула не было дома. У камердинера, нѣкогда его дядьки, Роговскаго я спросилъ: гдѣ министръ? Старый воркунъ сначала отозвался незнаемъ, когда же я объяснилъ дѣло, то сердито, но по секрету, сказалъ: „ступайте за Желѣзную Брану (главный рынокъ), тамъ увидите, чѣмъ мы забавляемся“. Я отправился туда.

По пятницамъ окрестные хлѣбопашцы съвзвѣжаются съ своими продуктами рано, дабы евреи имѣли время закупить у нихъ что нужно, предъ своимъ шабашомъ. На площади рынка, у Желѣзной Браны, Туркуль съ трудомъ пробирался сквозь толпу, ходилъ отъ воза къ возу и разговаривалъ съ крестьянами.

Туркуль изучилъ до малѣйшихъ подробностей бытъ и нужды крестьянъ съ ихъ отношеніями къ помѣщикамъ и своимъ вліяніемъ способствовалъ къ значительному улучшенію этого быта, къ отмѣнѣ многихъ обременительныхъ повинностей, отбываемыхъ поселянами сверхъ обязательныхъ работъ и платежей, извѣстныхъ подъ названіемъ *daemnszczyzny*.

VI.

Туркуль, красивый мужчина, вполне джентльменъ, соединявшій всѣ условія для успѣха въ обществѣ, былъ естественно выгоднымъ женихомъ для невѣстъ и кавалеромъ для свѣтскихъ дамъ. Быть дамою сердца такого блестящаго молодаго сановника удовлетворяло бы всякое самолюбіе. Кандидатокъ на это званіе было не мало и Туркулу предстоялъ только трудъ выбрать. Но невѣсты и ихъ маменьки скоро смеянули, что Туркуль никогда не женится; женщины же другой категоріи не отчаявались и не переставали открыто охотиться за нимъ. Онъ не зналъ, что Игнатій Лаврентьевичъ ничего въ свѣтѣ такъ не боялся, какъ того, что въ свѣтѣ называютъ связью, а болѣе всего связи съ женщиной высшаго общества. Одна знаменитая актриса французскаго театра въ Петербургѣ давала у себя небольшіе вечера, гдѣ собиралось очень порядочное общество. Туркуль бывалъ тамъ съ нѣсколькими молодыми людьми своего кружка, самъ пріятно проводилъ время и былъ душою тѣхъ легкихъ остроумныхъ бесѣдъ, характеръ которыхъ съ точностью передаетъ только французское слово *causeries*. Къ несчастью, хозяйка страстно влюбилась въ него; она думала, что ничего не можетъ быть легче, какъ, оказывая это своему предмету, завязать съ нимъ *une liaison en règle*. Не тутъ-то было: послѣ первой несомнѣнной демонстраціи, Туркуль пересталъ бывать у *M-me В.....г*, и несмотря на всѣ свои старанія, она возвратилась въ Парижъ, не увидавъ его болѣе.

Въ этомъ характерѣ было что-то загадочное. Красотѣ онъ отдавалъ справедливость, любовался даже ею и тонко анализировалъ, но все это безъ малѣйшаго увлеченія, такъ хладнокровно и безучастно, какъ живописецъ или скульпторъ оцѣниваетъ хорошенькую восковую куклу. Можно положительно сказать, что никто не видѣлъ Туркула влюбленнымъ или хоть серьезно заинтересованнымъ женщиною; онъ казался застрахованнымъ отъ любви.

Варшавская молва представляла его какимъ-то Фоблазомъ въ средѣ гризетовъ низшаго разряда. Молва эта вышла изъ салоновъ высшаго общества, не прощавшаго Туркулу, что онъ игнорируетъ его, но въ его отношеніяхъ къ гризеткамъ, не было ничего, кромѣ благодушнаго, дружественнаго участія къ ихъ положенію.

Приведу одинъ примѣръ въ нашу бытность въ Варшавѣ: у самаго прагскаго огрудка утонулъ, купаясь, монахъ августіанъ. Въ тотъ же вечеръ дѣвушки съ ужасомъ разсматривали, какъ вислянскіе перевозчики вытаскивали изъ рѣки трупъ. Они прибавили, что теперь

боятся ходить ночью въ садъ, гдѣ можетъ показаться утопленникъ, умершій безъ покаянія; Туркуль всячески ихъ успокоивалъ. На другой вечеръ, послѣ ужина, въ томъ же огрудкѣ, оставивъ министра съ паннами и еще двумя нашими собесѣдниками въ особой комнатѣ, я пошелъ въ садъ прогуляться и тутъ пришла мнѣ отъ скуки мысль постращать дѣвушекъ. Я возвратился къ нашей компаніи и, запыхаясь, рассказалъ, что, дойдя до Вислы, увидѣлъ выходящаго на берегъ августяна безъ головы. Панны страшно перепугались и не хотѣли слушать Туркула, доказывавшаго, что это была галлюцинація моего воображенія. Возвращаясь въ городъ, министръ разговаривалъ съ другими его спутниками, но со мною ни слова. Я и на другой день замѣтилъ, что онъ на меня дуется. Только за обѣдомъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „какъ вы вчера напугали дѣвушекъ; бѣдныя, вѣрно, всю ночь не спали...“ Потомъ прибавилъ: „наше дѣло способствовать къ просвѣщенію низшихъ классовъ, а не утверждать ихъ въ суевѣрїи; бѣдныя не виноваты, что ихъ не просвѣщали“. Это былъ первый и послѣдній выговоръ, который я услышалъ отъ моего начальника. Я сказалъ, что нарочно выдумалъ сказку, чтобы сегодня еще посмѣяться надъ легковѣріемъ дѣвушекъ, признаться въ выдумкѣ и тѣмъ вылечить ихъ отъ страха. Я такъ и сдѣлалъ въ тотъ же вечеръ и при этомъ случаѣ произнесъ цѣлую диссертацию о нелѣпости и даже о грѣховности подобныхъ вѣрованій. Министръ, возвращаясь домой, горячо благодарилъ меня.

Въ Варшавѣ много также говорили объ отношеніяхъ между Туркуломъ и извѣстной историческою львицей Лолла Монтезъ. Она заѣхала туда на пути въ Петербургъ, гдѣ хотѣла быть ангажирована для спектаклей, которые должны были даваться по случаю свадьбы великой княжны Александры Николаевны. За эксцентрическія выходки въ танцѣ и за дерзость, сказанную со сцены директору театровъ Абрамовичу, она была выслана изъ Варшавы, но объѣхала кругомъ и чрезъ Пруссію прибыла въ Петербургъ. Тамъ директоръ театровъ Гедеоновъ, не знавшій, что было въ Варшавѣ, вель уже съ нею переговоры, когда получено было отъ намѣстника извѣстіе и Лоллу съ жандаржскимъ офицеромъ выслали также и изъ Петербурга.

Я спрашивалъ Туркула о его знакомствѣ съ знаменитой куртизанкой. Онъ сказалъ, что она была у него на общемъ приѣмѣ въ качествѣ просительницы по случаю столкновеній съ театальною дирекціей; онъ тоже былъ у нея два раза, но, кромѣ дружескихъ, не было между ними другихъ отношеній. Въ доказательство показывалъ ея письма, гдѣ она въ скромныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ благодарить его за благіе совѣты и за участіе. „Вы понимаете, приба-

виль министръ, что если бы между нами было что-нибудь такое, о чемъ говорили въ Варшавѣ, тонъ писемъ этой львицы былъ бы совсѣмъ иной". Я однако-жъ не вполне повѣрилъ этимъ документамъ: Лолла была женщина очаровательная.

Туркулъ былъ отъявленный противникъ суевѣрія. Когда графы Браницкіе, Владиславъ и Александръ, въ сороковыхъ годахъ пріѣзжали по дѣламъ въ Петербургъ, министръ часто обѣдалъ у нихъ. Особенностью этихъ обѣдовъ было то, что въ сервировкѣ соединено было все, что въ популярномъ вѣрованіи разныхъ народностей считается дурнымъ предзнаменованіемъ: тринадцать человѣкъ за столомъ, три свѣчи, опрокинутая солонка, ножи и вилки, сложенные крестомъ. Это всѣхъ забавляло и Туркулъ первый шутилъ надъ страшной символикой, которая однако-жъ ни у кого не отнимала аппетита. И что-жъ? такой человѣкъ, какъ онъ, имѣлъ сильный предрасудокъ, тщательно скрываемый, который однако-жъ чиповники его разгадали; онъ боялся пускаться въ дорогу въ понедѣльникъ. Когда государемъ, ѣхавшимъ въ Варшаву, назначенъ былъ министру, для прибытія туда же, такой день, что по расчету времени ему нужно было выѣхать изъ Петербурга въ роковой день, онъ медлил такъ, чтобы сѣсть въ экипажъ послѣ полуночи. Мы разгадали это потому, что онъ довольно не искусно хитрилъ; вечеромъ въ понедѣльникъ, когда все было готово къ отъѣзду, выдумывалъ разные дѣла, заставлялъ насъ писать бумаги, вовсе не спѣшныя, къ его подписанію, переправлялъ ихъ безъ надобности, давалъ по нѣскольکو разъ переписывать и все это для того, чтобы дотянуть время до полуночи. Когда же часъ этотъ пробилъ, то хотя бумаги не были готовы, приказывалъ ихъ прислать къ нему въ Варшаву, а самъ прощался и уѣзжалъ.

Надо же, чтобы случай оправдалъ эти суевѣрныя опасенія. Въ послѣдній разъ, отправляясь въ путь, онъ отступилъ отъ своего правила и уѣхалъ въ понедѣльникъ вечеромъ. Въ дорогѣ онъ тяжело заболѣлъ своимъ хроническимъ недугомъ и, привезенный въ Варшаву въ отчаянномъ положеніи, черезъ нѣсколько дней умеръ.

Чувство деликатности въ отношеніяхъ съ людьми развито было у Туркула въ высшей степени. Въ тридцатыхъ годахъ жилъ въ Петербургѣ графъ Фредро, бывший гвардейскій офицеръ, имѣвшій какое-то придворное званіе, женатый на графинѣ Головиной. Онъ часто заѣзжалъ по утрамъ къ Туркулу въ кашцелярію, въ домъ Мижуева, у Симеоновскаго моста. Въ одно утро, когда, побесѣдовавъ, графъ простился и уходилъ, Туркулъ, какъ вѣжливый хозяинъ, провожалъ. Отворяя дверь въ переднюю, начались церемоніи; гость не пускалъ далѣе Туркула и, вошедши въ переднюю, сильно захопнулъ

за собою дверь, но какъ провожавшій держался за нее, то прищемилъ ему конецъ указательнаго пальца правой руки и буквально раздавилъ его. Несмотря на жестокую боль, Туркуль имѣлъ настолько самообладанія, что не испустилъ ни малѣйшаго крика, и графъ уѣхалъ не зная, что надѣлалъ своими церемоніями. Тутъ же, еще весь дрожащій отъ боли, Туркуль взялъ со всѣхъ насъ обѣщаніе, что никто ничего Фредру не скажетъ. Палець страшно разболѣлся, вся рука распухла; послали за Арндтомъ, а государь, узнавъ о случившемся, прислалъ лейбъ-хирурга Тарасова. Больной, съ рукою, вздернутой къ верху въ компрессахъ, мучился невыразимо; онъ семеро сутокъ пролежалъ безъ сна, не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Наконецъ, Арндтъ, признавъ, что время пришло, не предупредивъ больного и дѣлая видъ, будто осматриваетъ палець, взялъ его въ руки и однимъ разомъ оторвалъ поврежденный конечный суставъ. Туркуль скоро выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ онъ носилъ искусственный конецъ пальца, привязанный къ рукѣ, могъ свободно писать, но долженъ былъ отказаться отъ одного изъ любимыхъ своихъ развлеченій, игры на фортепьяно. Для Фредра онъ выдумалъ какую-то сказку, хотя рассказывалъ, что во время болѣзни видъ графа былъ для него страшною пыткой; онъ потрясалъ всю нервную систему и усиливалъ страданія. А тотъ, какъ бы нарочно, считалъ своимъ долгомъ навѣщать больного каждый день, просиживать цѣлыя часы и развлекать его нескончаемыми разговорами. И Туркуль ни разу не рѣшился отказать ему, не показалъ ни малѣйшимъ знакомъ, какъ тяжелы для него эти визиты, и съ пріятною миною поддерживалъ бесѣду и благодарилъ за посѣщеніе. Онъ это дѣлалъ, боясь, чтобы Фредро не догадался. Графъ такъ и умеръ, не подозрѣвая, что онъ причинилъ пріятелю такую муку.

Отношенія Туркула къ подчиненнымъ были полны деликатности и благодушія. До 1830-хъ годовъ, когда все еще писалось по-французски и по-польски, за выбытіемъ изъ секретаріата перваго секретаря, графа Юсифа Соболевскаго, все французское Туркуль редактировалъ самъ. Для польской корреспонденціи онъ имѣлъ хорошихъ помощниковъ, но на второстепенныхъ чиновниковъ до того нельзя было положиться, что было время, когда Туркуль, бывши уже товарищемъ министра, долженъ былъ самъ наблюдать за веденіемъ входящаго и исходящаго журналовъ, гдѣ записывается вкратцѣ содержаніе бумагъ. Въ послѣдствіи, со введеніемъ русскаго языка и съ учрежденіемъ кодификаціонной комисіи, положеніе это улучшилось.

Онъ умѣлъ придать службѣ характеръ ассоціаціи, такъ что каждый чувствовалъ себя ея морально-отвѣтственнымъ членомъ и охотно трудился, какъ бы для самаго себя. Развитие въ служащихъ такого пони-

манія, внушеннаго любимымъ и уважаемымъ начальникомъ, оказалось лучшимъ средствомъ для возбужденія въ нихъ усердія и даже самопожертвованія на пользу дѣла.

Туркулъ любилъ словопренія о предметахъ серьезныхъ. Со мною безпрестанно возобновлялся и никогда не доходилъ до окончательнаго рѣшенія диспутъ объ одномъ и томъ же—о польскомъ языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ („Петербургъ 1820—1830-хъ годовъ“, „Русская Старина“ изд. 1874) рассказано, какъ я изучалъ этотъ языкъ по древнимъ источникамъ, заключающимъ въ себѣ пастоящія сокровища. Я считалъ себя и, можетъ быть, не безъ основанія, знающимъ его и въ первобытной энергической простотѣ, и въ томъ рациональномъ развитіи, которое онъ получилъ, слѣдуя за успѣхами обще-европейской цивилизации, но всегда, опираясь на твердую основу внутренней своей природы и неподверженныхъ измѣненію формъ, что именно и составляетъ непремѣнное условіе истиннаго лингвистическаго прогресса. Согласно такому пониманію, я утверждалъ, что въ Царствѣ Польскомъ, Галиціи и Познани, польскій языкъ, особенно литературный и научный, выродился и не перестаетъ извращаться все болѣе и болѣе: въ первомъ отъ вліянія галицизма и отъ чудовищныхъ нововведеній, въ послѣднихъ же отъ вторженія германизма. По моему мнѣнію, чистый польскій языкъ, со всѣми требуемыми прогрессомъ мысли усовершенствованіями, сохранился въ одной Литвѣ, въ образованныхъ ея классахъ и въ произведеніяхъ ея литераторовъ. Этимъ Литва главнѣйше обязана бывшему Виленскому университету, прекрасно преподаваемой въ немъ польской словесности, и нѣкоторымъ его профессорамъ, образцовымъ писателямъ. Туркулъ горячо отстаивилъ въ этомъ отношеніи Варшаву, но главнымъ, всегда повторявшимся, его доводомъ было то, что городъ этотъ былъ нѣкогда столицей всей Польши и что нельзя допустить, чтобы какая-нибудь провинція имѣла надъ ней лингвистическое преимущество. Это былъ вовсе не сильный аргументъ; онъ опровергался на практикѣ многими примѣрами въ другихъ странахъ, и на этомъ именно аргументѣ удалось мнѣ поймать моего антагониста по собственнымъ его же словамъ.

Туркулъ и Тенгоборскій ¹⁾ были товарищи по Вѣнскому университету. Разъ, на одномъ обѣдѣ въ Петербургѣ, гдѣ были оба они и я, старше товарищи стали припоминать студенческое время, свои походы и маленькія проказы. Въ этихъ воспоминаніяхъ они отъ всего сердца смѣялись надъ жителями Вѣны, за ихъ неправильный выго-

¹⁾ Состоявшій прежде при посольствѣ въ Вѣнѣ, потомъ членъ государственнаго совѣта.

воръ нѣмецкаго языка и грамматическія ошибки. Это какъ нельзя лучше опровергало главное основаніе Туркула въ диспутѣ со мною. Давши имъ насмѣяться вдоволь, я сказалъ: „прошу вашего позволенія, г. министръ, внести ваши слова въ протоколъ“ ¹⁾. — Почему это? — „Увидимъ послѣ“. Вставши изъ-за стола, я, не давая остыть только что слышанному, сказалъ: „Вѣдь Вѣна главный городъ Германіи, столица имперіи, а между тѣмъ, по вашимъ же словамъ, тамъ языкъ нѣмецкій хуже чѣмъ въ маленькомъ Дрезденѣ, чѣмъ въ меньшей еще, далекой отъ этого центра Митавѣ; извольте это примѣнить къ нашему спору о Варшавѣ и Вильнѣ“. На такое „dictum acerbum“ Туркуль только разсмѣялся и воскликнулъ: „Охъ, ужъ вы забытый литвинъ!“ Пошелъ въ другую комнату къ Тенгоборскому и, рассказавъ ему въ чемъ дѣло, прибавилъ: „Пржецлавскій торжествуетъ, онъ, правда, поймалъ меня на одномъ членѣ моего силлогизма; но это еще ничего не доказываетъ, съ Вѣною и Митавою это такъ, а съ Варшавою и Вильной, можетъ быть, напротивъ“. Я тогда понялъ, что распря наша никогда не кончится, и что, говоря дипломатическимъ слогомъ „вопросъ остается открытымъ“.

Въ подаваніяхъ обѣднмъ Туркуль былъ не только щедръ, но и деликатенъ до крайности, до смѣшнаго. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Изъ нищихъ, осаждавшихъ входъ въ церковь св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ, самая безобразная и самая нахальная старуха Романская была его пенсіонеркой. Туркуль бывалъ каждое воскресенье въ этой церкви. Послѣ обѣдни онъ обыкновенно прохаживался около часу по Невскому и зывалъ изъ церкви ходить съ нимъ кого-нибудь изъ своихъ чиновниковъ или знакомыхъ. Романская почти каждый разъ считала своимъ долгомъ провожать его до Полицейскаго или до Аничкова моста. Она шла рядомъ съ министромъ и все время безъ умолку болтала. Туркуль никогда ни словомъ, ни жестомъ не показывалъ ей своего неудовольствія за такую фамильярность. Проходящіе съ удивленіемъ оглядывались на эту пару макбетовской колдуньи съ такимъ изящнымъ кавалеромъ. Но послѣдній не обращалъ на это вниманія, бесѣдуя съ своею дамою въ лохмотьяхъ. На пути встрѣчались знакомые, раскланивались, останавливались и обмѣнивались съ нимъ нѣсколькими словами. Но баба ничѣмъ не смущалась и продолжала идти съ нимъ. Однажды кто-то замѣтилъ Романской, что лучше бы она отстала; она дерзко отвѣтила: „когда министръ ничего не говоритъ, вамъ какое дѣло!“ Туркуль же прибавилъ: „laissez la faire, la pauvre femme, si c'est là lui fait plaisir“ ²⁾.

¹⁾ Prendre acte de vos paroles.

²⁾ Оставьте эту обѣдную женщину, если ей это доставляетъ удовольствіе.

Послѣ всего сказаннаго, чтобы начертанный портретъ былъ вполнѣ правдивъ, необходимы въ немъ и тѣни. Такою тѣнью, то-есть слабою стороною Туркула, была его страсть къ азартной игрѣ. Онъ предавался ей, когда только представлялся случай, и всегда безъ всякаго расчета; отказался же отъ ней только въ послѣднія пять или шесть лѣтъ. Онъ много проигрывалъ и приписывалъ это своему несчастью, но не совсѣмъ справедливо. Правда, никто не видалъ его съ выигрышемъ за зеленымъ столомъ. Но, во-первыхъ, онъ игралъ съ кѣмъ случалось и часто попадалъ на шулеровъ, а во-вторыхъ, когда игра была честная и Туркуль былъ въ выигрышѣ, иногда значительномъ, онъ никогда не останавливался, а игралъ до тѣхъ поръ, пока плюсъ превращался въ минусъ. Въ игрѣ онъ не имѣлъ другой цѣли, кромѣ самой игры; она удовлетворяла его потребности сильныхъ ощущеній. Это доказывается тѣмъ, что ему случалось дѣлать такую азартную партію, какъ квинтичъ, втроемъ, съ двумя извѣстными всему Петербургу и ему самому шулерами Б. и Г. Онъ самъ былъ напередъ увѣренъ въ проигрышѣ. Можно себѣ представить, какъ эту страсть широко пользовались карточные коршуны.

Постоянные проигрыши ставили Туркула въ затруднительное положеніе, а иногда и въ непріятную зависимость. Несмотря на монаршія щедроты, на самую скромную жизнь и на совершенное въ послѣдніе годы воздержаніе отъ игры, старые грѣхи трудно было загладить и Игнатій Лаврентьевичъ всегда былъ въ болѣе или менѣе стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ.

При преобладающихъ блестящихъ качествахъ ума и сердца въ характерѣ Туркула было не мало контрастовъ и даже противорѣчій. Это болѣе или менѣе общая характеристика каждаго изъ насъ; но чѣмъ анализируемая личность знаменитѣе и по своему положенію выше, тѣмъ аномаліи эти виднѣе и поразительнѣе.

Туркуль умеръ лѣтомъ 1857 года, въ Варшавѣ; ему было шестьдесятъ лѣтъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

Скрыпичинъ въ 1874 году перешелъ въ область тѣней, поэтому, оставаясь вѣрнымъ своей программѣ, я скажу о немъ, что думаю.

Онъ былъ человѣкъ замѣчательно умный и замѣчательно остроумный. Это послѣднее качество, именно то, что по-французски называется *esprit*, придаетъ собственно разуму (интеллигенціи) особенный блескъ, но не всегда оказывается полезнымъ его пособникомъ. Популярная поговорка, имѣющая всѣмъ извѣстное значеніе, «умъ за разумъ зашелъ», могла бы быть пополнена еще болѣе практичнымъ изрѣченіемъ: «умъ зашелъ за остроуміе». Это тотъ фазисъ состоянія мышленія, въ которомъ блескъ проявляется въ ущербъ глубинѣ мысли и который французы опредѣляютъ, говоря: «*les hommes d'esprit sont souvent bêtes*»¹⁾. И это вовсе не парадоксъ. Скрыпичинъ былъ подверженъ такимъ частнымъ затмѣніямъ отъ прохожденія планеты остроумія чрезъ дискъ солнца интеллигенціи.

При томъ же надо замѣтить, что есть разныя категоріи ума; онѣ хотя и не абсолютны и съ исключеніями, но распределяются по народностямъ. Никто не станетъ спорить, что умы англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, въ самой природѣ своей и въ проявленіяхъ имѣютъ особый отпечатокъ, отдѣльную характеристику. Она обуславливается различіемъ составныхъ элементовъ народной интеллигенціи, а въ числѣ ихъ важное значеніе имѣютъ обстоятельства мѣста, въ особенности времени, именно относительное старшинство цивилизаціи, исторической опытности, слѣдовательно,—зрѣлости.

Въ европейской группѣ интеллектуальныхъ индивидовъ, умъ славянской является также съ своимъ своеобразнымъ складомъ и своими особенностями. Этотъ видъ ума имѣетъ и качества, и недостатки молодости, неопытности. Качество—это энергія, благонамѣренность; недостатки—это излишняя самонадѣянность, несознание необходимости и подготовки, наклонность въ примѣненіи ума къ азартной игрѣ, называемой авось. Умный славянинъ, чувствуя въ себѣ силу, этимъ уже довольствуется, пренебрегаетъ выдержкой и усидчивостью, мало вѣрять въ науку (?!), считая ее роскошью, зато вѣрять въ какое-то наспіе (!), которое безъ труда посвятитъ его во все, о чемъ толкуютъ науки. Едва получивъ первоначальное образованіе, онъ думаетъ, что все остальное «собственнымъ умомъ» постигнетъ, считаетъ себя способнымъ ко всякому поприщу и готовъ, какъ Пикъ-де-Мирандоль, держать диспутъ «*de omni re scibili*»²⁾. Только въ самое послѣднее время иллюзіи эти стали у насъ мало по малу меркнуть, мы начинаемъ, хотя не всѣ еще, понимать, что, дабы что-нибудь умѣть, надо этому чему-нибудь учиться. Но давно-ли было время, когда всякій, дожившій до чина статскаго совѣтника или полковника и сдѣлавшій въ отставкѣ его превосходительствомъ, считался уже *ipso facto*, способнымъ къ занятію высшихъ должностей по всѣмъ возможнымъ вѣдомствамъ, и дѣйствительно ихъ

¹⁾ Умные люди бываютъ часто глупы.

²⁾ Еще разъ оговариваемся, что все это не абсолютно и не безъ исключеній. Вообще—говоря о характерахъ или цивилизаціи народа разумѣется лишь его большинство. О. II.

занималъ, п ни онъ самъ себя, и нпето его не спрашивалъ, имѣть-ли хотя поверхностное понятіе о вѣренной ему части?

Покойный Скрынницынъ, при своемъ природномъ умѣ, свѣтскомъ доскѣ и глубокой электической образованности, не свободенъ былъ отъ главнаго недостатка въ большинствѣ интеллигенціи славянъ. Онъ слпшкомъ на себя надѣялся и думалъ, что однимъ умомъ постигнетъ и выполнитъ условія своего положенія. Департаментъ, который былъ ему вѣренъ, безспорно самый трудный по части управленія. Директоръ имѣетъ дѣло съ элементами, чуждыми русскому чело-вѣку, требующими свѣдѣній, которыя ни въ какомъ учебномъ заведеніи не преподаются и которыхъ дать не можетъ даже гению никакое вдохновеніе; никакія умозаключенія а priori. Чтобы быть хорошимъ директоромъ этого департамента, необходимо изучить, по крайней мѣрѣ, существенныя основы каждаго изъ вѣроисповѣданій, духовными дѣлами которыхъ онъ завѣдываетъ: это исходная точка, это азбука положенія. Не могу судить о другихъ частяхъ этого управленія; но что касается католицизма, знаю положительно, что Скрынницынъ былъ мало свѣдуецъ какъ въ основахъ этого ученія, такъ и въ органическихъ и дисциплинарныхъ законахъ церкви. Отсюда происходили частыя столкновенія и недоразумѣнія, имѣвшія иногда важныя послѣдствія, и о которыхъ не могло бы быть и рѣчи при лучшемъ знаніи дѣла.

Кромѣ этихъ данныхъ, я имѣлъ явный прѣдѣлъ не далѣе какъ въ 1873 г. Скрынницынъ, какъ извѣстно, оставивъ службу, нѣсколько уже лѣтъ жилъ за границей. Мы встрѣтились съ нимъ въ Петербургѣ и нѣсколько разъ бесѣдовали какъ старые знакомые. Разъ зашла рѣчь о новомъ догматѣ безошибочности папы ¹⁾. Отъ него мы перешли къ вопросу о возможности соединенія церквей. Валерій Валерьевичъ сказалъ:

— «Можемъ-ли мы когда-нибудь соединиться съ церковью, глава которой то и дѣло направо и налѣво бросаетъ проклятія!»

— «Какія проклятія? спросилъ я съ удивленіемъ. Папа не проклинаетъ ничего».

— «Какъ не проклинаетъ, а анаѣма на Виктора-Эмануила и его министровъ за конфискацію монастырскихъ имѣній?»

— «А, такъ вы анаѣму считаете проклятіемъ?»

— «Да какъ же иначе», сказали съ полною увѣренностью мой диспутантъ.

Тутъ уже надо было ему объяснить, что анаѣма шчто иное, какъ торжественное заявленіе, что данная доктрина, или дѣйствія даннаго субъекта, признаются протпвными ученію и правиламъ церкви, и потому то и другое ею отвергается. Слово это не иначе понимается и восточною церковью и ни въ какомъ случаѣ не значитъ проклятія. Церковь не только не проклинаетъ тѣхъ, на которыхъ изрекаетъ анаѣму, а, напротивъ, молится о нихъ. Впрочемъ, сказанное здѣсь яствуетъ и изъ самаго значенія греческаго слова. Ана—есть отрицаніе, ѳема—тема (ученіе) церкви; вмѣстѣ же слово значитъ: внѣ церкви, внѣ общенія. Послѣ такого объясненія я не вытерпѣлъ и высказалъ Скрынницыну мое удивленіе, что онъ, управлявшій нѣкогда духовными дѣлами, могъ не знать этого.

¹⁾ Латинское названіе этого догмата infallibilitas не совсѣмъ вѣрно переводится по-русски непогрѣшимостью. Въ составъ этого послѣдняго слова входитъ понятіе грѣха, что ведетъ къ смѣшенію понятій. Безгрѣшность или непогрѣшимость по-латыни было бы impeccabilitas.

Описанное столкновение съ министромъ Царства Польскаго доказываетъ, что умъ Сержипидына далеко не былъ тотъ глубокой умъ, который не увлекается страстью, предусматриваетъ послѣдствія всякаго дѣянія и всегда неразлученъ съ добросовѣстностью.

II.

Дѣла о признаніи въ дворянствѣ лицъ польскихъ и литовскихъ фамилій, до того фазиса, который мы имѣемъ представить въ настоящемъ «Примѣчаніи», производились и рѣшались въ Петербургѣ очень неудовлетворительно. И въ прежнемъ своемъ составѣ изъ герольдмейстера и двухъ его товарищей, и по преобразованіи ея въ департаментъ сената, герольдія не имѣла ни особой инструкціи въ руководство по этимъ дѣламъ ни достаточныхъ свѣдѣній, обусловливающихъ сужденіе о такомъ дворянствѣ, которое отличаетъ множествомъ своеобразныхъ, исключительныхъ особенностей. Для этого необходимы были спеціальныя историческія данныя, которыхъ никто не имѣлъ. Такое положеніе открывало обширное поле всякому произволу и этимъ широко пользовались второстепенные дѣятели для своихъ корыстныхъ видовъ.

Графъ В. Н. Панинъ, вскорѣ по назначеніи его министромъ юстиціи, по доходящимъ до него дѣламъ герольдіи, замѣтилъ упомянутый недостатокъ. Поэтому онъ, принявъ за правило, во всѣхъ такихъ случаяхъ, гдѣ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ особенностей польскаго дворянства, испрашивать заключенія министра статсъ-секретаря Царства Польскаго. Это, конечно, дѣлалось по предварительному обоюдному соглашенію¹⁾. Туркуль, справедливо или нѣтъ, считая меня специалистомъ по польской геральдикѣ, поручалъ мнѣ составленіе требуемыхъ заключеній. Они бывали довольно обширны; пользуясь вопросами по частнымъ случаямъ, излагаемымъ въ отзывѣхъ графа Панина, я старался помѣстить сколько было возможно данныхъ съ историческими выводами, могущими имѣть общую примѣнимость.

Изъ такихъ отношеній министр юстиціи прежде всего убѣдился, что притѣснительно и нецѣлесообразно было бы отъ отыскивающихъ польскаго дворянства требовать представленія жалованныхъ грамотъ на это достоинство, что даже существованіе такихъ грамотъ въ большей части случаевъ показывало бы относительно недавнее дворянство, и что лучшими документами служатъ акты, удостоверяющіе, что кто-либо изъ предковъ просителя въ прямой линіи носилъ одно изъ такихъ почетныхъ званій, или занималъ одну изъ такихъ должностей, которыя исключительно были жалуемы или предоставляемы древнимъ признаннымъ дворянамъ. Вслѣдствіе такого убѣжденія, министр юстиціи естественно пришелъ къ заключенію, что, дабы правильно рѣшать дѣла этого рода, необходимо имѣть полное свѣдѣніе о всѣхъ тѣхъ званіяхъ и должностяхъ, которыя сами по себѣ не давали дворянства, но несомнѣнно доказывали происхожденіе даннаго лица отъ древняго дворянскаго рода, и что настоящему просителю предстояло только доказать свое происхожденіе отъ такого лица. Съ этою цѣлью, по совѣщанію съ Туркуломъ, графъ Панинъ отнесся циркулярно къ губернскимъ предводителямъ дворянства западныхъ, юго-западныхъ и Вѣлорусскихъ губерній о сообщеніи ему всѣхъ имѣющихся у нихъ по этому предмету свѣдѣній.

¹⁾ Прошу сравнить это съ тѣмъ, что выше сказано о Сержипидынѣ. Графъ Викторъ Никитичъ не полагался на себя, и въ чуждомъ ему предметѣ спрашивалъ тѣхъ, которые были близко съ нимъ знакомы.

По полученіи отвѣтовъ, графъ всю переписку по этому дѣлу препроводилъ къ Туркуду, прося его, какъ изъ полученныхъ отъ предводителей, такъ и изъ другихъ извѣстныхъ ему данныхъ, составить и сообщить министру юстиціи полный списокъ званій и должностей, которыя королями и правительствомъ бывшей Польши жалуются и предоставляемы были лицамъ исключительно дворянскаго сословія.

Исполненіе этого было также возложено на меня. Сознывая важность предмета и не полагаясь на одни свои знанія, я совѣтовался съ литовскимъ метрикантомъ Малевскимъ и членомъ законодательной комиссіи Заборовскимъ и при ихъ содѣйствіи составилъ требуемые списки съ возможною полнотою и точностью. Списки эти сообщены были графу Панину, предложены имъ департаменту герольдіи въ постоянное руководство при разсмотрѣніи дѣла о дворянствѣ польскихъ и литовскихъ фамилій и распубликованы при сенатскихъ указахъ.

III.

Лолла Монтесъ, въ своемъ родѣ знаменитость, заслуживаетъ подробной біографіи. Всѣмъ извѣстны ея подвиги, какъ она въ Берлинѣ, на парадѣ, явившись амазонкой верхомъ, нанесла хлыстомъ жандармскому офицеру чувствительные удары по лицу, какъ въ Варшавѣ, кружась въ пируэтѣ фалтастическаго танца, своего сочиненія, развязала себѣ подвязку и бросила ее въ лицо зрителямъ перваго ряда кресель, а главное, какъ вскружила голову старому баварскому королю Людовику I, чѣмъ и было причиной его отреченія. Король пожаловалъ ей титулъ графини Лапсфельдъ, подарилъ прекрасный домъ въ Мюнхенѣ, на углу двухъ главныхъ улицъ, а она сыграла съ нимъ слѣдующій фарсъ. Въ томъ же домѣ, днемъ, въ виду всего города, усадила короля на открытомъ балконѣ, впустила туда же козла съ большими рогами и, ускользнувъ сама, заперла дверь на ключъ. Она тогда страстно была влюблена въ красиваго молодого помѣщика Царства Польскаго Д...вича; онъ за эту связь былъ высланъ на Кавказъ, гдѣ дослужился до Георгіевскаго креста и офицерскаго чина въ гусарахъ. Въ мюнхенскомъ дворцѣ есть большая зала, вся наполненная портретами красивыхъ женщинъ. Король Людовикъ, какъ любитель изящнаго, основатель Вальгаллы, знаменитыхъ музеевъ Пинакотекы и Глпнтотеки, украсившій свою столицу множествомъ образцовыхъ памятниковъ, упрасивалъ не только мюнхенскихъ, но и пріѣзжихъ красавицъ, чтобы они позволили придворному живописцу снять съ себя портреты, и помѣщалъ ихъ въ этой залѣ. Самый красивый изъ портретовъ изображаетъ дочь одного мюнхенскаго сапожника. Между портретами одна пустая рамка, завѣшенная покрываломъ: тамъ былъ портретъ Лоллы Монтесъ; молодой король велѣлъ его вынуть. Мери, упрекалъ ее за то, что при блестящихъ своихъ качествахъ она приняла титулъ графини, говорить въ стихотвореніи къ ней:

«De ces vains honneurs ne sois point jalouse;
«Ton meilleur parchemin, c'est ta peau d'andalouse!»

Бурныя свои похождения Лолла кончила въ Калифорніи; нѣсколько разъ выходила замужъ, не дожидаясь, чтобы овдовѣть. Послѣдній супругъ, грубый американскій морякъ, мстилъ своей женѣ за берлинскаго жандарма тѣмъ же орудіемъ, которымъ она такъ ловко расправлялась.

О. А. Пржецлавскій.

КАРЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШИЛЬДЕРЪ

1853—1854.

II¹⁾.

Ген.-адъютантъ Шильдеръ къ ген.-адъютанту Безаку.

22-го декабря 1853 г.

Отправляясь нынѣ, по высочайшему повелѣнію, въ войска, расположенныя въ Придунайскихъ Княжествахъ, я долгомъ поставляю имѣть честь предупредить в. п., что его свѣт., г. главнокомандующій, по моему представленію, вѣроятно, отнесется къ г. воен. министру о пользѣ, которую могутъ принести ракеты при военныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ, а именно, для овладѣнія ихъ прибрежными по Дунаю крѣпостями. Я же, съ своей стороны, по прибытіи въ Букарестъ, буду просить, черезъ ген.-ад. кн. Горчакова, о доставленіи въ армію одного ракетнаго отдѣленія и сколь можно бѣльшаго числа ракетъ бѣльшаго и средняго калибра, какъ зажигательныхъ, такъ и съ боевыми снарядами.

При семъ имѣю честь присовокупить, что въ началѣ кампаніи 1829 года мнѣ было поручено доставленіе по Дунаю моста, изъ 63 плашкоутовъ состоящаго, отъ устья Аржиса до м. Калараша и занять весь лѣвый берегъ Дуная до крѣпости Силистріи; при семъ затруднительномъ предпріятіи, въ особенности по рѣкѣ, коей противоположащій берегъ былъ занятъ турками, имѣвшими значительную флотилію, я исполнилъ это съ успѣхомъ, чему отчасти способствовали ракеты, хотя бывшія тогда и дурнаго заготовленія.

Посему я совершенно убѣжденъ, что усовершенствованныя нынѣ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 517—540.

Опечатки: «Русская Старина», томъ XIV, стр. 529, напечатано: подводной части, читай: надводной части; стр. 551, вмѣсто: Мейсдорфъ, читай: Красовскій.

ракеты весьма большую могутъ принести пользу, какъ для дѣйствія противъ непріятельской флотиліи, такъ и во время самой осады турецкихъ крѣпостей.

Шильдеръ—ген.-адъютанту Философову.

6-го января 1854 г.

Наконецъ мои желанія исполнились: по высочайшему повелѣнію, я отправляюсь въ Букарестъ и мнѣ опять удастся подвизаться на бранномъ полѣ съ турками.

Спаряжаясь на войну, коей главный характеръ основанъ на осадахъ крѣпостей, я увѣренъ, что средства, мною испытанныя въ мирное время, представляютъ мнѣ возможность съ большою пользою способствовать къ покоренію турецкихъ крѣпостей.

Главное изъ сихъ средствъ, конечно, есть сверло, которое, послѣ многихъ испытаній въ Варшавѣ, нынѣ значительно улучшено, и какъ грунтъ земли, окружающій турецкія крѣпости, не заключаетъ въ себѣ камня, то въ послѣднюю эпоху осады, когда борьба дѣлается болѣе упорною отъ отчаяннаго сопротивленія турокъ, руководствуемаго нынѣ искусствомъ европейскихъ инженеровъ, я надѣюсь, помощію трубныхъ минъ, парализовать всякую подземную оборону и облегчить дальнѣйшія,—какъ вашему пре-ству извѣстно,—самыя опасныя работы.

Кромѣ того, я не упустилъ изъ виду и объясненнаго мнѣ на рисункѣ е. и. в. нашимъ генераль-инспекторомъ щита, употребляемаго при веденіи тихой сапы австрійскими саперами.

Послѣ продолжительныхъ испытаній и приспособленій, произведенныхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ сего (1853 г.), мнѣ удалось улучшить это средство, такъ что, ускоряя вдвое веденіе тихой сапы, нынѣ хорошо обученные саперы не должны быть убиваемы отъ пуль.

Представивъ чертежъ и описаніе его высокопре-ству г. инспектору по инженерной части, позвольте препроводить таковыя въ кошіи вашему прев-ству, какъ старому товарищу, раздѣлявшему со мною труды крѣпостной войны 1829 года.

Г. генераль-фельдмаршалъ, убѣдившись въ пользѣ употребленія сихъ средствъ во время предстоящей кампаніи, разрѣшилъ отправить въ Придунайскія Княжества 12 желѣзныхъ щитовъ и нѣсколько комплектовъ сверлъ, коими можно будетъ сверлить въ пяти мѣстахъ, на протяженіи въ каждомъ семи сажень и, кромѣ того, я заказалъ здѣсь на фабрикѣ, для запаса, такое же количество улучшенныхъ сверлъ.

Ожидая полнаго успѣха отъ различныхъ моихъ предположеній, я отправляюсь сего числа въ Букарестъ и надѣюсь имѣть случай съ пользою отслужить государю императору на военномъ поприщѣ.

Шильдеръ—ген.-ад. Философову ¹⁾.

Въ самую утѣшительную и вмѣстѣ горькую минуту кратковременнаго пребыванія моего въ Букарестѣ я получилъ письмо ваше, почтеннѣйшій Алексѣй Илларионовичъ ²⁾. Вы это исполнили по вдохновенію ангела небеснаго, ибо строки ваши дѣйствуютъ на меня магически, т. е. успокоиваютъ, когда душа моя безпрестанно приходитъ въ такое волненіе, что я бы на мѣстѣ князя Михаила Дмитриевича, конечно, просилъ бы государя императора избавить меня отъ такого безпокойнаго человѣка, который, хотя временно, но бѣснуетъ какъ бы самъ сатана.

Но за что и отчего, вы, конечно, подумаете.

Оттого, что дѣло нынѣ идетъ о царѣ, Россіи и православіи, а весь планъ дѣйствій никуда не годится. Почему? Прошу меня выслушать съ терпѣніемъ, ибо начну съ самаго аза, т. е. отъ преній моихъ съ—³⁾ въ Варшавѣ, и постепенно дойдя до дѣла подъ Русукомъ, Сивостомъ, Никоподемъ, и мѣръ, мною принятыхъ въ пользу важнѣйшаго дѣла калафатскаго и равно для уничтоженія флотиліи въ Силистріи, прося принимать и впредь продолженіе столь подробнаго журнала, какъ о моихъ, равно и общихъ дѣйствіяхъ, съ тѣмъ вниманіемъ, которое требуетъ столь важный предметъ—что подчеркнуто выше ⁴⁾.....

К. А. Шильдеръ—своему семейству.

Букарестъ—26 января 1854 г.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Я слѣдшилъ въ Краіово и Калафатъ, а между тѣмъ встрѣтилъ уже князя Горчакова при зловѣщемъ отступленіи его на Букарестъ. Тотчасъ по прибытіи сюда, я посѣдшилъ въ Журжу, чтобы тамъ поправить дѣло, насколько это окажется возможнымъ. Возвратившись оттуда, я снова отправлюсь обратно, чтобы какъ можно болѣе безпокоить турокъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ только они дѣйствовали такимъ образомъ въ отно-

¹⁾ Безъ означенія чпсла, съ черноваго списка. Н. III.

²⁾ Въ этомъ письмѣ ген.-ад. Философовъ пзвѣщаетъ генерала Шильдера о предстоящемъ прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій велиццхъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Н. III.

³⁾ Вѣроятно, съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ. Н. III.

⁴⁾ Намъ неизвѣстно, было-ли послано это письмо въ оконченомъ видѣ ген.-ад. Философову. Тѣмъ не менѣе, этотъ отрывокъ не лишень интереса, обрпсываая весьма рельефно не только личность К. А. Шильдера, но и отношеніе его къ князю Горчакову. Н. III.

шеніи къ намъ. Съ каждыиъ днемъ я ожидаю моихъ лучшихъ помощниковъ, Петра Николаевича (Дубенскаго) и Тотлебена¹⁾, а также нѣкоторыхъ другихъ, но уже болѣе второстепенныхъ.

Букарестъ—2-го февраля.

Хоти я уже второй день здѣсь отдыхаю и намѣреваюсь къ этимъ двумъ днямъ прибавить еще одинъ, чтобы хорошенько собраться съ силами, то не думаю, что дѣлаю лишнее, такъ какъ теперь снова отправлюсь въ путь и буду день и ночь на ногахъ, а именно двинемся подъ мою милую Силистрію.

Сперва я славно отдѣлалъ Горчакова, т. е. доказалъ ему, что, къ стыду и несчастію Россіи, турки непременно вторгнутся въ княжества, потомъ въ теченіе двухъ дней показалъ ему, что я въ состояніи сдѣлать. Теперь онъ самъ приходитъ ежедневно ко мнѣ, чтобы потолковать о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ.

Совершилось настоящее чудо: дѣйствуя съ четырьмя пушками противъ сотни орудій изъ крѣпости Рущука, цѣлой флотилии и одного большаго парохода, мнѣ удалось все это потопить или разбить въ

¹⁾ Одному изъ нихъ, генералъ-маіору Дубенскому, суждено было запечатлѣть своею кровью первые успѣхи наши на турецкой землѣ; онъ былъ смертельно раненъ при переправѣ черезъ Дунай у Браилова (11-го марта 1854 года). Другому же, подполковнику Тотлебену, представилась возможность оказать Россіи незабвенную услугу во время безмертной севастопольской обороны.

Приведемъ здѣсь выдержку изъ письма генерала Шильдера Петру Николаевичу Дубенскому передъ отправленіемъ его въ Придунайскія Княжества.

Варшава.—14-го декабря 1853 г.

«Дорогой братецъ, Петръ Николаевичъ! Гораздо ранѣе полученіи твоего письма, я обдумывалъ способъ вытребовать тебя къ себѣ, коль скоро прибуду въ Букарестъ. Я приписываю успѣхъ двухъ прежнихъ турецкихъ кампаній *) твоей личной привязанности ко мнѣ, равно какъ и умѣнью отлично исполнять всѣ порученія; однимъ словомъ, ты принесъ мнѣ счастье и я надѣюсь, что Провидѣніе не оставитъ насъ и на этотъ разъ, хотя при совершенно иныхъ и болѣе трудныхъ обстоятельствахъ.

Намъ нужно исправить ужасное упущеніе, сдѣланное относительно дѣйствій по лѣвому берегу Дуная! Я ночи не спалъ, когда послѣдовали дѣйствія противъ Туртукая: въ батареяхъ, тобою построенныхъ, засѣли турки **, и что это крови стоило, не говори уже объ опасности, которая угрожала нашей арміи занятіемъ турками Букареста. Великъ русскій Богъ! какъ мы всѣ говоримъ, и справедливо: что не сумѣлъ самъ исполнить, сдѣлается, наконецъ, безъ личнаго достоинства нашего..... Прощай, любезный братецъ, и готовься также къ отъѣзду».

*) Въ кампаніи 1828 года: осада Варны. Въ кампаніи 1829 года: дунайская экспедиція. Осада Силистріи.

**.) Въ 1829 году.

дребезги, не потерявъ ни одного человѣка и съ тремя ранеными; только;—такой случай еще не встрѣчался въ военныхъ лѣтописяхъ. Я сказалъ храбрымъ артиллеристамъ: перекреститесь, а завтра отслужимъ молебенъ; Богъ благословляетъ трудъ вашъ противъ изступленныхъ мусульманъ.

.....Чтобы не сдѣлаться совершеннымъ варваромъ подъ непрерывнымъ громомъ пушекъ и среди пороховаго дыма, я непременно найму себѣ фортепяно или куплю мелодиконъ. Хочу тоже устроить квартетикъ, каждый разъ какъ возможно будетъ остановиться въ Букарестѣ, среди моихъ переѣздовъ.

Вчера получилъ я чрезвычайно любезное письмо отъ Философова, въ которомъ онъ мнѣ, между прочимъ, сообщаетъ о скоромъ прибытіи обоихъ великихъ князей на театръ войны ¹⁾.

6-го февраля.

Увѣдомляю васъ, что совершенно оправился отъ пережитыхъ душевныхъ тревогъ и физическихъ усилій и сейчасъ ѣду въ Каларашъ (близъ Силистріи), чтобы дать почувствовать зазнавшимся туркамъ, что явился въ армию человѣкъ, умѣющій обходиться съ ними такъ, какъ они того заслуживаютъ, къ чему они, впрочемъ, сами даютъ мнѣ средства въ руки. Покончивъ тамъ дѣла, отправлюсь тотчасъ въ Никополь и, наконецъ, въ Калафать.

.....Когда князь Горчаковъ спросилъ меня, чего я желаю ²⁾, я отвѣчалъ: „ничего другаго, какъ только шесть пушекъ, которыми могъ бы располагать по усмотрѣнію, даже если онѣ вслѣдъ затѣмъ были бы истреблены непріателемъ“. Для объясненія этого страннаго желанія нужно знать, что послѣ этого безпримѣрнаго дѣйствія, Горчаковъ приказалъ снять орудія, которыя я поставилъ и срыть мою батарею!!! это меня взбѣсило и я крупно побранился съ нимъ..... Теперь мы снова хорошіе пріятели. Каждому понятно, что тамъ, гдѣ четыре пушки истребили цѣлую флотилію, нельзя опасаться, чтобы непріатель овладѣлъ ими, такъ какъ онъ не можетъ переплыть широкую рѣку, развѣ свалится съ небесъ на мою батарею. Туркамъ нельзя не сдѣлаться заносчивыми передъ такими людьми и предпринимать невѣроятныя вещи, какъ подъ Ольтеницей и Калафатомъ ³⁾.

¹⁾ Ниже мы помѣстили уцѣлѣвшее у насъ отрывки этой переписки К. А. Шильдера съ генералъ-адъютантомъ Философовымъ.

²⁾ За уничтоженіе турецкой флотиліи подъ Русукомъ, въ награду за совершенный имъ здѣсь подвигъ, ген.-ад. Шильдеръ получилъ помѣщенный ниже высочайшій рескриптъ отъ 17-го февраля 1854 г. Н. III.

³⁾ Во всеподданнѣйшемъ письмѣ князя Горчакова отъ 6-го февраля 1854 г. онъ слѣдующимъ образомъ отзывался о дѣлѣ подъ Русукомъ:«Ваше импе-

Ген.-лейтенантъ Хрулевъ — Шильдеру.

22-го февраля 1854 г. — Каларашъ.

Ваше высокопр-ство, Карлъ Андреевичъ! Имѣю честь поздравить съ новымъ небывалымъ успѣхомъ — дѣло заключается въ томъ, что 4 батарейныхъ и 5 легкихъ нашихъ орудій открыли огонь въ 10 часовъ утра по Силистріи, а въ 2¹/₂ часа пополудни заставили замолчать огонь крѣпостной артиллеріи, ибо турецкая прислуга при орудіяхъ бѣжала съ войскомъ и жителями изъ города въ цитадель; во время пальбы городъ въ трехъ мѣстахъ загорался, но пожаръ потушили.

Въ 3 часа пополудни два баталіона, два эскадрона и двѣ сотни казаковъ, находящіяся въ прикрытіи для артиллеріи, расположенные на батарее № 1-го, которая вѣ выстрѣловъ, я перевелъ на батарею № 7-го по самому краю берега Дуная, съ пѣснями въ каждой ротѣ и плясунами—войско это, слѣдуя мимо батарей №№ 4, 5, 6 и 7-го, находящихся въ 380-ти саженьяхъ отъ Силистріи, привѣтствовало артиллеристовъ крикомъ: ура! Впереди этого прикрытія слѣдовали орудія съ батареей №№ 3 и 4-го, которыя пристроились, на открытомъ мѣстѣ, подлѣ батареи № 7-го.

Вмѣстѣ со славою артиллеристовъ заслуживаютъ вполне такую же и инженерные офицеры, устроившіе для нихъ непробиваемыя батареи, на которыхъ разрывомъ гранаты по срединѣ батареи убитъ одинъ рядовой и черенкомъ той же гранаты въ ¹/₂ пул. единорогѣ отбило лѣвый дельфинъ—и вторично явился подъ Силистріей единорогъ—карноушка, затѣмъ лошадей убитыхъ и раненыхъ пѣту.

Въ 4 часа пополудни мы прекратили огонь съ нашихъ батарей, и когда возвращались домой, въ 6¹/₂ часовъ пополудни, тогда турки возвратились къ своимъ орудіямъ, открыли слабый огонь. Въ прикрытіи у пѣхотнаго солдата ядромъ оторвало руку.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что въ 9¹/₂ часовъ утра мы предварительно отслужили на батарее № 1, которая вѣ выстрѣловъ, молебствіе и при возгласѣ многолѣтія государю императору съ батареей нашихъ, по ракетѣ, сдѣланъ былъ первый залпъ по крѣпости, потомъ началась пальба орудіями (хотя турки съ разсвѣтомъ открыли огонь, но я не приказалъ имъ отвѣчать).

раторское величество изволите усмотрѣть изъ моихъ отчетовъ успѣхъ дѣйствій нашихъ противъ рущукской флотиліи. Изобрѣтенныя генераломъ Шильдеромъ новаго рода эполементы заслуживаютъ особеннаго вниманія и вообще все это дѣло было поведено истинно молодецки.

Н. III.

Лодки: пять втащены турками прошлую ночь на берегъ, мачты снаты, а потому сдѣланнаго въ нихъ пораженія не видно; остальные, вѣроятно, ночью ушли и скрылись въ проливѣ острова. Еще виднѣются остатки пораженія 20-го февраля: двѣ лодки на мели, коихъ торчатъ изъ воды кормы.

Артиллеріи г.-м. Проскурякову я поручилъ распоряжаться пальбою изъ орудій, и этотъ храбрый генералъ все время находился на ближайшихъ батареяхъ къ Силистріи № 5, 6 и 7-го, въ 380-ти саженьяхъ, по измѣренію бусолью топографомъ подпоручикомъ Дичинскимъ.

Отставной полковникъ Колеско находился также на упомянутыхъ батареяхъ, показывая главныя зданія въ Силистріи.

Г.-м. Богушевскій, г.-л. Самаринъ, г.-м. Карякинъ присутствіемъ своимъ одушевляли солдатъ, находясь зрителями на батареяхъ №№ 1, 2 и 3-го.

Сего числа казаки привели еще двухъ турокъ, спрятавшихся въ камышахъ послѣ пораженія 20-го февраля, а восемь турокъ, сдѣлавъ себѣ паромъ изъ камыша, желая спастись, на ономъ потонули въ Дунаѣ. Степанъ Хрулевъ.

Шильдеръ—своему семейству.

5-го марта 1854 г.

На дняхъ должны совершиться важныя событія—эти слова не столько относятся къ чалмоносцамъ, какъ къ тому, которому нельзя вдолбить, даже помощію моего костыля, разумъ и пониманіе прямого пути, ведущаго къ цѣли.

Надѣюсь, что удастся моей энергій отвратить крупныя неудачи... но чего бы не могли мы совершить? Здѣсь громко говорятъ, что мой великій командиръ изъ Варшавы долженъ вытащить армию изъ непроходимой грязи Валахія. О Боже! что если и тогда не примутъ моихъ соображеній и мой способъ сражаться съ турками? Съ фельд-маршаломъ могутъ произойти столкновенія, которыя повлекутъ за собой положительный разрывъ и мое удаленіе съ поля дѣйствій, между тѣмъ, какъ съ этимъ брѣвномъ я достигаю цѣли путемъ разныхъ истинно адвокатскихъ хитростей. Когда это не помогаетъ, то начинаю бунтовать; не дѣйствуетъ и это, то ему было говорено уже не разъ въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ: донесите его величеству, что съ Шильдеромъ сладить нельзя, что онъ забывается противъ васъ, даже бранится и бѣснуетъ какъ бы самъ сатана. Уже четыре раза разыгрывались подобныя сцены между нами, которыя кончались тѣмъ, что мы мирились, оставшись одни въ кабинетѣ, и какъ товарищи обсуждали будущія дѣйствія и предпріятія.

12-го марта.—Близъ Мачина.

Чудное дѣло совершилось! Тремя убитыми солдатами и 17-ю ранеными¹⁾ искуплена побѣда надъ врагами Христа, которые два мѣсяца строили батареи и окопы, на двѣ версты вдоль своего берега, въ три ряда съ обратнымъ огнемъ, чтобы свой тылъ защищать. Въ прахъ мы все избили изъ моихъ батарей, и въ мигъ подъ ядрами переправились на его сторону; онъ, объятый паническимъ страхомъ, бѣжалъ, и бѣжить—прежде до Мачина, а оттуда и далѣе.

Странная судьба нашего превосходнаго человѣка и инженера Петра Николаевича²⁾. Только что я разбилъ съ нимъ батареи на турецкой сторонѣ подъ непрерывнымъ огнемъ изъ его крайнихъ окоповъ, какъ изъ сотенъ и сотенъ ядеръ, никого не убившихъ, ему оторвало ногу. Общее о немъ сожалѣніе.... Надо молиться Богу и надѣяться, что государь не потеряетъ такого отличнаго слуги, какихъ онъ дѣйствительно мало имѣетъ, и еще въ такое тяжелое время, когда опасаться надо, что и дорогіе сосѣди въ Вѣнѣ пойдутъ за одно съ нашими противниками. Уповаю на Бога и надѣюсь, что, съ Божіей помощью, мы все-таки, въ концѣ-концевъ, выйдемъ со славой изъ этихъ всеобщихъ смуть.

Галацъ.—26-го марта 1854 г.³⁾

Неисповѣдими судьбы премудрости Божіей въ отношеніи къ намъ, болѣе или менѣе страждущимъ земнымъ жителямъ! Сколько разъ повторялъ я себѣ эту неопровержимую истину, когда въ блестящемъ дѣлѣ подъ Браиловымъ изъ столькихъ тысячъ воиновъ никто не былъ раненъ, какъ только добрый братъ нашъ, стоявшій за нѣсколько минутъ до постигшаго его несчастія подлѣ меня, припяная первая мои приказанія на турецкой землѣ, на которую только что вступили. Неумолимое ядро, оторвавшее ему ногу, находилось, къ несчастію, уже на излетѣ и причинило сильное потрясеніе всему организму. Послѣдствія обнаружались только черезъ нѣсколько дней послѣ раны. 21-го числа, я оставилъ его спокойнымъ, не страдая вовсе отъ раны; но онъ сильно жаловался на другіе болѣзненные припадки. Шесть часовъ спустя, онъ переселился въ лучшій міръ. Распоряжусь, чтобы тѣло его было перевезено въ Пензу⁴⁾.

¹⁾ За весь день и въ ночь 11-го марта у Браилова мы лишились: 6 убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чиновъ. При самой высадкѣ на непріятельскій берегъ у насъ не было никакой потери.

²⁾ Генералъ-маіоръ Дубенскій.

³⁾ Писано по возвращеніи съ поѣздки на нижній Дунай.

⁴⁾ Въ родовое имѣніе, гдѣ былъ погребенъ отецъ его, сенаторъ Пнк. Порф. Дубенскій.

Князь Горчаковъ писалъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ: „Vous seul pouvez nous sauver etc. ¹⁾ Я сдѣлалъ возможное и возвращаюсь теперь, въ отличномъ расположеніи духа, съ берега моря на прекрасномъ пароходѣ. Теперь я спѣшу къ Силистріи, и если мое предположеніе удастся, какъ я имѣю причину ожидать, то пойдемъ оттуда въ Калафатъ. Странно, что уже нѣсколько разъ дѣла, не терпяція отлагательства, или какія-нибудь предпріятія отвлекали меня отъ этого мѣста. Поджидаютъ уже великаго командира изъ Варшавы; надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ мною и тѣмъ, что до сихъ поръ совершилъ, и желаю надѣяться, что въ его присутствіи въ состояніи буду съ меньшими препятствіями продолжать начатое дѣло.

Каларашъ.—3-го апрѣля.

.... Безъ всякаго неумѣстнаго притязанія и тщеславія могу сказать: если бы я имѣлъ власть всѣмъ распоряжаться, безъ необходимости сперва разсуждать, спорить, браниться и ссориться, часто исправляя уже испорченное, и т. д., то еще въ началѣ мая вся линія Дуная находилась бы въ нашихъ рукахъ со всѣми ея плохими укрѣпленіями; такъ что, торжествуя уже почти надъ пестрой толпой нашихъ непріятелей, мы могли бы двинуться къ Балканамъ. Но что дѣлать? Хотя это совершится и немного позже, Богъ поможетъ, какъ случилось понынѣ, ибо даже и то, что предпринимали такъ безтолково, безъ вѣрнаго пониманія обстоятельствъ, трусливо, все-таки приводило къ желанной цѣли.

Каларашъ.—12-го апрѣля.

.... Среди труднаго и стѣсненнаго положенія, въ которомъ находится наше отечество, я чувствую себя, слава Богу, здоровымъ и бодрымъ и мнѣ постоянно удавалось дѣлать болѣе, нежели позволялъ князь Горчаковъ съ своимъ нерѣшительнымъ образомъ дѣйствій.

Я совершилъ большой объѣздъ съ княземъ Паскевичемъ; теперь онъ уѣхалъ въ Букарестъ, а моя главная квартира будетъ въ Гирсовѣ, близъ генерала Лидерса, этого прекраснаго человѣка и весьма искуснаго воина, гдѣ постараюсь быть полезнымъ по обстоятельствамъ... ²⁾

¹⁾ Письмо это князя Горчакова, отъ 21-го марта, помѣщено ниже. Н. III.

²⁾ Далѣе К. А. Шильдеръ упоминаетъ о письмѣ въ нему восторженнаго болгара г. Палаузова (Спиридона Ниволаевича), который ссылается на слова, сообщенныя ему по поводу дѣяній генерала Шильдера пресвященнымъ Иннокентіемъ.

Выписываемъ здѣсь отрывокъ изъ письма г. Палаузова: «Высокопресвященный Иннокентій пишетъ мнѣ собственноручно слѣдующее: «Ты поминишь, какъ я радъ былъ появленію въ арміи генерала Шильдера. Предчувствія

.... Такое признаніе моихъ дѣйствій, кажущихся столь незначительными, меня болѣе радуетъ, чѣмъ самыя высшія награды. Я говорю: кажущихся—потому, что я спасъ армию отъ стыда и униженія, которые могли бы постигнуть ее.

Кто такъ живо чувствуетъ и видитъ все, что могло бы быть исполнено при даровитомъ полководцѣ, тотъ не станетъ дивиться, если я признаюсь, что проживаю много тяжелыхъ минутъ.... Но человѣкъ долженъ покоряться тому, что не можетъ перемѣнить и, слѣдовательно, обязанъ принимать какъ предопредѣленіе. Поэтому я неусыпно исполняю все, что отъ меня зависитъ, и покоряюсь тому, что послѣдуетъ въ будущемъ.

Близъ Силистріи.—21-го апрѣля.

Пока всѣ высокіе господа отдыхаютъ въ Букарестѣ и при этомъ чрезвычайно умно разсуждаютъ, но очень мало дѣлаютъ, я сижу въ молдаванской землянкѣ въ сознаніи своей полезной дѣятельности, при чемъ у меня на сердцѣ гораздо легче и веселѣе, чѣмъ у вышеупомянутыхъ господъ. Ежедневно и ежечасно преклоняюсь мысленно предъ престоломъ Всемогущаго и сознаю съ глубоко-прочувствованной благодарностью удачу всего сдѣланнаго мною доселѣ и успѣхъ въ моихъ стараніяхъ исправлять испорченныя дѣла и предпринимать то, что оказывается самымъ необходимымъ. Теперь мы находимся вблизи тѣхъ самыхъ стѣнъ, которыя и взорвалъ четверть столѣтія тому назадъ, при чемъ крѣпость была взята безъ штурма и кровопролитія. Надѣюсь, наконецъ, приступить къ тому же самому черезъ нѣсколько дней.

они не обманулись. Два-три таковыхъ человѣка и судьба похода рѣшена. Здѣсь ходитъ по уставамъ уже не мало анекдотовъ о его патріотизмѣ, храбрости и искусствѣ. Это первый человѣкъ вашей армии. Прошу сказать ему отъ меня братскій русскій привѣтъ. При первомъ удобномъ случаѣ я пришлю св. икону, которую ты поднесешь отъ меня, или, лучше сказать, отъ церкви православной, коей онъ по дѣлу есть сынъ.

«Вотъ слова моего благодѣтеля, ревностнѣйшаго поборника славы и величія православнаго государя....»

Преосвященнѣйшій Иннокентій (архіепископъ херсонскій) дѣйствительно прислалъ генералъ-адъютанту Шильдеру изъ Одессы икону Божіей Матери съ слѣдующею надписью:

«Рабу Божію, возлюбленному брату о Христѣ, стратегу воинства православнаго, Александру Андреевичу Шильдеру, на благословеніе и въ знаменіе побѣды надъ врагами креста Христова». (Мал 7-го).

Подъ Силистріею икона эта никогда не покидала палатку генерала Шильдера, находившуюся въ трапезныхъ и въ которой онъ жилъ до перевозки его уже раненымъ въ Каларашъ.

Н. Ш.

.... Такъ какъ нельзя было доставить сюда мою любимую верховую лошадь, то я былъ принужденъ приобрести здѣсь другаго коня. Это мнѣ настолько удалось, что не могу желать себѣ для будущаго вѣзда въ градъ Константина болѣе красиваго коня, неустрашимаго и гордаго какъ Буцефаль....

3-го мая.

Вотъ уже десять дней, какъ начатое письмо лежитъ въ ожиданіи окончанія и отправки. Хотѣлось бы избѣгнуть объясненія всего случившагося, потому что воспоминаніе того, что произошло въ этотъ короткій промежутокъ времени, для меня крайне тяжело и возмутительно. Я содрагаюсь отъ досады и негодованія, когда вспоминаю, что мы едва не отступили, вмѣсто того, чтобы двигаться все впередъ и впередъ, ликуя и съ твердымъ упованіемъ на Божію помощь въ нашемъ правомъ, святомъ дѣлѣ. Я страшно бушевалъ, не пада даже фельдмаршала; но, къ счастью, нѣсколько собственноручныхъ стробъ государя убѣдили старика приступить къ осадѣ Силистріи.

.... Только съ сегодняшняго дня я снова въ отличномъ расположеніи духа, такъ какъ отнынѣ все пойдетъ сообразно моимъ желаніямъ. Лидерсъ стоитъ уже вблизи на высотахъ и теперь, наконецъ, приступать къ тому, что давно могло быть выполнено съ меньшимъ трудомъ....

23-го мая 1854 г.

Слава Богу, душевныя и тѣлесныя силы мои осядутся непоколебимыми. Кажется, что старыя кости мои несокрушимы: день и ночь въ траншеяхъ, постоянно преслѣдуемый безчисленными подлостями и нигде негодными военными распоряженіями, я все-таки здоровъ и въ полной силѣ, какъ въ молодости. Давно бы я все бросилъ, если не считалъ обязанностью не покидать здѣсь своего мѣста, какъ мученикъ въ семьъ важномъ дѣлѣ.... „Если я здѣсь выйду побѣдителемъ, то все прочее въ сравненіи съ этимъ пустяки, потому что я буду въ правѣ de dicter la loix ou de m'en aller....“ Была неудача! Безъ моего позволенія хотѣли взять штурмомъ большой передовой фортъ крѣпости, и это предпріятіе стоило 1,000 человѣкъ¹⁾....

30-го мая, въ Троицынъ день.

Подъ градомъ пулъ и при неумолкаемомъ громѣ орудій, совершено богослуженіе передъ моей палаткой, послѣ котораго я отправился со священникомъ въ траншеи и къ могиламъ безчисленныхъ жертвъ собственнаго безумія, чтобы съ молитвою окропить ихъ святой водой.

¹⁾ Штурмъ генерала Сельвана, предпринятый ночью съ 16-го на 17-е мая.

Наши набожные солдатики были очень умилены священно-дѣйствиємъ, наравнѣ со мной; можетъ быть, я единственный съ успокоеннымъ духомъ продолжалъ свои работы, обратившись мыслями къ Богу и къ вѣчности.... Самое трудное за нами—одинъ бастионъ взорванъ, какъ въ Варнѣ, и я роюсь тѣмъ безопаснѣе подъ землею. Наитруднѣйшее за мной, уже потому одному, что фельдмаршалъ не беспокоитъ меня болѣе своимъ маккиавелистическими происками и, отдыхая на прежнихъ лаврахъ, не надоѣдаетъ и не мѣшаетъ дѣйствовать. Онъ увѣряетъ, что его недавно ранили.... изъ лукавства онъ приказалъ поставить себѣ пивки; такимъ образомъ дѣйствительно добились поврежденія.... Чего-бы я не могъ совершить безъ его присутствія! Взятіе Силистріи послѣдовало бы уже давно.

31-го мая.

Сегодня я долженъ зарядить семь горновъ; они будутъ взорваны въ скоромъ времени. Надѣюсь этимъ грознымъ разрушительнымъ средствомъ такъ уломать турокъ, что они не замедлятъ пасть къ ногамъ нашимъ.

Послѣ долгаго времени я сегодня въ первый разъ наслаждался спокойнымъ десяти-часовымъ сномъ, такъ какъ всѣ предосторожности взяты и все идетъ успѣшно...

Болгары, стекающіеся сюда изъ всѣхъ деревень, рассказывали вчера, что англичане вытѣснили турокъ изъ Варны, чтобы заставить ихъ вступить съ нами въ бой. Для привлеченія же на свою сторону народа, они льстятъ христіанамъ тѣмъ, что воздвигаютъ кресты на ихъ церквахъ, сами крестятся при встрѣчѣ съ болгарами и проповѣдуютъ миръ и братскую любовь. Не чудеса-ли это, совершающіяся въ наше время?

Силистрія.—3-го іюня ¹⁾.

Взорвавъ нѣсколько прекрасныхъ минъ, въ числѣ столькихъ жертвъ, принесъ и я свою лепту злой судьбѣ. Турецкая пуля выгнала польскую, поэтому правая нога стала еще хуже. Я приказалъ докторамъ отрѣзать эту дрянъ и въ десять минутъ времени операція благополучно совершилась.

Я чувствую себя такъ хорошо, какъ ни въ чемъ не бывало: лихорадка незначительна, сплю какъ нельзя лучше, всѣ жизненныя отправления не нарушены, такъ что доктора дивятся моимъ тѣлеснымъ и душевнымъ силамъ.

¹⁾ Письмо это было собственноручно написано генераломъ Шильдеромъ на второй день послѣ ампутаціи. Н. III.

Докторъ не позволяетъ болѣе писать, такъ какъ на второй день проявляется обыкновенно небольшая лихорадка.

Я обнимаю васъ всѣхъ и прошу предать себя волѣ Божіей и не тревожиться, тогда будетъ также спокоенъ вашъ старшій отецъ.

ПЕРЕПИСКА СЪ КНЯЗЕМЪ М. Д. ГОРЧАКОВЫМЪ ¹⁾.

Кн. Горчаковъ — Шильдеру.

30-го января 1854 г. — Бухарестъ ²⁾.

(Перев. съ франц.) Дорогой и любезный генералъ! Я только что получилъ донесеніе отъ Соймонова на счетъ ночи 29-го числа. Вижу, что вы строите множество батарей на берегу. Это прекрасно, но невозможно, чтобы непріятель, оправившись отъ первоначальнаго страха, не покушался овладѣть ими, предпринявъ десанты ночью или даже днемъ. Такъ какъ онъ можетъ посадить на суда заразъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, то слѣдовало бы весь отрядъ Соймонова держать постоянно близъ батарей. Я бы очень желалъ поговорить съ вами обо всемъ этомъ. Вы меня крайне обяжете, пріѣхавъ немедленно сюда. Теперь же прошу васъ не устанавливать окончательно артиллерію на прибрежныхъ батареяхъ, но имѣть въ виду занять ихъ только въ томъ случаѣ, если окажется необходимымъ вновь обстрѣливать непріятельскую флотилію или если непріятель выкажетъ намѣреніе высадиться. Въ обоихъ же случаяхъ артиллерію слѣдуетъ устанавливать позади эполементовъ только въ то время, когда большая часть отряда Соймонова будетъ сосредоточена по близости въ резервъ, чтобы прогнать непріятеля; въ настоящее время я не могу усилить отрядъ въ Журжѣ ни пѣхотою, ни артиллеріею. Послѣ вашего возвращенія мы обсудимъ, будетъ-ли возможно и необходимо замѣнить временно легкую батарею другою, батарейною. Не предпринимайте пока заразъ слишкомъ много работъ, чтобы не утомлять отрядъ и, въ особенности, не ставьте, впредь до приказанія, орудій въ береговыхъ батареяхъ, ибо онѣ неизбежно будутъ взяты непріателемъ.

¹⁾ Письма князя Горчакова печатаются по хранящимся у насъ подлинникамъ; отвѣты же генералъ-адъютанта Шильдера списаны съ подлинныхъ писемъ, находящихся въ дѣлахъ военно-ученаго архива.

²⁾ Письмо это написано во время нахождения генералъ-адъютанта Шильдера подъ Журжею, противъ Рущука. Оно служитъ прекрасною характеристикою нерѣшительнаго образа дѣйствій князя Горчакова, опасавшагося за счастливый исходъ смѣлаго предпріятія своего несговорчиваго подчиненнаго.

Примите мою искреннюю благодарность и благодарите очень отъ меня Соймонова и всѣхъ прочихъ господъ. Горчаковъ.

Нужно устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы прогнать непріятеля артиллерійскимъ огнемъ, если онъ высадится съ цѣлю разрушить наши береговья батареи, расположивъ орудія близъ Слободзеи и Журжи, и двинувъ затѣмъ пѣхоту, конечно, въ достаточномъ числѣ.

Послѣ удачнаго уничтоженія турецкой флотиліи подъ Рущукомъ, императоръ Николай удостоилъ Шильдера слѣдующимъ рескриптомъ:

„Прочитавъ донесеніе объ истребленіи, 3-го текущаго февраля, турецкихъ судовъ близъ крѣпости Рущука, мнѣ пріятно изъяснить вамъ совершенную мою признательность и благоволеніе за примѣрную распорядительность, оказанную вами въ этомъ дѣлѣ. Отдавая полную справедливость извѣстному мнѣ усердію вашему, съ коимъ вы постоянно исполняете возлагаемыя на васъ порученія, пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Николай“.

С.-Петербургъ, 17-го февраля 1854 г.

Нижеслѣдующее письмо, безъ означенія числа, было, вѣроятно, написано княземъ Горчаковымъ по случаю получения высочайшаго рескрипта:

(Переводъ съ франц.) „Дорогой генералъ! Я васъ люблю, уважаю и боготворю; поздравляю васъ съ новой милостію, дарованною вамъ его величествомъ, но заклинаю васъ именемъ всѣхъ святыхъ, предоставьте мнѣ командовать войсками по моему усмотрѣнію. Невозможно каждому дѣйствовать по-своему; пріѣзжайте скорѣе въ Фокшанцы, я докажу вамъ, что мои предположенія разумны. Горчаковъ“.

Шильдеръ — князю Горчакову.

18-го февраля 1854 г. — Каларашъ.

(Переводъ съ французскаго). Все обстоитъ благополучно въ Ольтеницѣ и здѣсь. Надѣюсь, князь, что вы получите, можетъ быть даже завтра, донесеніе о занятіи острова напротивъ Туртукая и достойномъ наказаніи турокъ за всѣ ихъ глупости и дерзости.

Упадокъ духа въ Силистріи весьма великъ и гарнизонъ самый плохой, который только можно себѣ представить; перебѣжчики (болгары) утверждаютъ, что часть укрѣпленій, обращенныхъ къ рѣкѣ, обрушилась и проч.

Я оставляю здѣсь генералу Богусевскому наставленія касательно того, какимъ образомъ слѣдуетъ держаться на берегу и не допускать дѣла до вторичной атаки, которая можетъ также привести къ пора-

женію, отъ чего да предохранить насъ Господь! Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать худо и на половину.

Моя импровизированная флотилія совершенно готова двинуться при благопріятномъ вѣтрѣ до послѣдней деревни на р. Борщъ, гдѣ полковникъ Зуровъ приметъ насъ въ свои объятія.

Я приму мѣры для постройки нѣсколькихъ батарей въ окрестностяхъ Гирсова, которыя должны будутъ дѣйствовать противъ нѣсколькихъ ничтожныхъ турецкихъ ложементовъ и батарей на берегу рѣки, расположенныхъ въ 5-ти верстахъ отъ Гирсова, уничтожить маленькую флотилію, произвести демонстрацію и проч. Все это, какъ я надѣюсь, не будетъ стоить намъ ни капли крови. Надѣюсь на Господа! Мы выиграемъ при этомъ: свободный переходъ на Борщъ и отвлеченіе вниманія непріятеля, который будетъ въ недоумѣніи, гдѣ мы его атакуемъ на противоположномъ берегу.

Завтра утромъ я буду уже въ Браиловъ, чтобы осмотрѣть работы и подготовить все къ вашему пріѣзду, согласно данному вами указанію и приказанію, т. е. къ 5-му числу.

Въ заключеніе прошу васъ, князь, позволить мнѣ послать въ Калафатъ генерала Хрулева вмѣстѣ съ подполковникомъ Тотлебеномъ; я составлю для нихъ наставленія, на свободѣ и не утомляясь, на пароходѣ, который ожидаетъ меня въ Гуро-Яломицѣ, и представлю на ваше усмотрѣніе, равно какъ и письмо г. Липранди ¹⁾.

Калафатское дѣло меня болѣе всего интересуетъ, послѣ всего, что нужно еще предпринять въ Браиловъ и Галацѣ. Въ вашей волѣ, такъ еказать, князь, видѣть калафатскій гарнизонъ плѣнными, овлаждая въ то же время Мачиномъ и еще другими турецкими укрѣпленными мѣстечками.

Оставайтесь всегда добрымъ и снисходительнымъ къ адскому Шильдеру²⁾ (я надѣюсь заслужить это названіе въ эту кампанію), который желаетъ, однако, во всякое время помочь вамъ служить государю, Россіи и святому дѣлу такъ, чтобы возбудить удивленіе всего свѣта. Смѣлость, храбрость и благоразуміе должны всюду обнаруживаться, гдѣ только появятся православные воины царя Россіи.

Переговоривъ завтра съ отличнымъ генераломъ Лидерсомъ, я вамъ напишу тотчасъ."

¹⁾ Въ Калафатъ командировали только подполковника Тотлебена (состоявшего тогда при генералъ-адъютантѣ Шильдерѣ) съ тѣмъ, чтобы состоять тамъ въ распоряженіи генералъ-лейтенанта Липранди, для исполненія его порученій во всемъ, что относится до инженерной части (предписаніе князя Горчакова, отъ 3-го марта 1854 года).

²⁾ *Soyez toujours bon et indulgent contre l'inferral Schilder.*

Шильдеръ—князю Горчакову ¹⁾.

Желая воспользоваться неожиданнымъ случаемъ довольно значительнаго мороза,—такъ что въ настоящее время всѣ гирла, озерки и топкія мѣста Дуная не представляютъ препятствія движенію войскъ, равно и всѣ малыя гавани, гдѣ кроются турецкія суда, находятся, такъ сказать, отъ мороза въ оцѣпленіи,—я обращаюсь къ вашему сіятельству съ моими предположеніями:

1) Безотлагательно нужно уничтожить турецкую флотилію, хотя на двухъ пунктахъ: въ Силистріи и Никополѣ; если мы нанесемъ ей даже меньшее пораженіе, чѣмъ въ Русчукѣ, гдѣ я совершенно ее уничтожилъ, зато можно удержать ее въ блокадѣ, потому что усиленной защиты береговъ, какъ въ Русчукѣ, тамъ на обоихъ пунктахъ не находится; но необходимо имѣть на каждомъ пунктѣ только по четыре батарейныхъ орудій.

Будучи присланъ, дабы облегчить великій трудъ, возложенный на васъ государемъ императоромъ, я ѣхалъ сюда съ полнымъ убѣжденіемъ, что ваше сіятельство понимаете меня такъ, какъ я самъ себя сознаю, что я уже доказалъ на дѣлѣ, какъ въ прошлую турецкую войну, равно и въ настоящую, на первыхъ дняхъ моего прибытія сюда, т. е., что я дѣла военныя творю не очертя, такъ сказать, голову, но съ полнымъ знаніемъ дѣла предпринимаю, болѣе нежели попятіямъ нѣкоторыхъ доступно то было; а потому прошу ваше сіятельство сдѣлать мнѣ довѣренность согласно обстоятельствамъ и мѣстности.

2) Произвести нѣкоторыя инженерныя работы противъ Калафата и устроить переправу понтонами, приобрѣтеніемъ лодокъ и матеріаловъ для удлиненія моста,—ручаюсь, что тамъ въ одну ночь можно навести мостъ чрезъ два острова Дуная; потомъ устрою мостовое прикрытіе и батареи вдоль обоихъ береговъ; тогда войска, находящіяся подъ командою генералъ-лейтенанта Липранди, могутъ мгновенно являться въ той силѣ, какая будетъ необходима, на томъ или на этомъ берегу Дуная; этими средствами я непременно уничтожу переправу и переправочныя средства турокъ, заставляю безъ боя калафатскій гарнизонъ сложить оружіе и плѣнныхъ турокъ повергнуть къ стопамъ царя свои знамена. Это самое я имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству при первомъ моемъ представленіи къ вамъ, но склонился тотчасъ на предпріятіе противъ Русчука, дабы доба-

¹⁾ Записка Шильдера князю Горчакову—безъ означенія числа. Вѣроятно, она написана вскорѣ послѣ дѣла подъ Русчукомъ. Н. III.

затѣ вамъ, какъ вѣрно я рассчитываю исполнить то, что, при Божіей помощи, я предпринимаю съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Но если ваше сіятельство имѣете какое-либо сомнѣніе, то прошу, по важности предложеннаго мною предмета, съ курьеромъ мнѣніе мое представить государю императору на благоуваженіе.

Князь Горчаковъ — Шильдеру.

21-го марта 1854 г. — Бухарестъ.

(Перев. съ франц.) Дражайшій и любезнѣйшій генераль! Англичане и французы объявили войну. Англійскіе фрегаты уже показались въ Сулинѣ. Какъ вамъ извѣстно, мы располагаемъ всѣми средствами для уничтоженія непріятельской флотилии, если она вздумала бы прорваться въ Сулину. Недостаетъ только головы, чтобы привести эти средства въ стройное движеніе. Опасность видѣть Дунай въ рукахъ непріятеля и наши войска на правомъ берегу отрѣзанными—такъ велика и настоятельна, что вы одни можете насъ спасти. Пишу вамъ по этому случаю. Посвятите дней восемь этому важному дѣлу, а затѣмъ можно будетъ заняться Силистрією и Калафатомъ. Это будетъ тѣмъ удобнѣе, такъ какъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, Австрія сближается съ нами. Слѣдовательно, случится-ли это десятью днями ранѣе или позже, а Калафатъ отъ насъ не уйдетъ, если ваши распоряженія могутъ намъ доставить его. Точно также и Силистрія вовсе не слѣшное дѣло. Осадная артиллерія не можетъ прибыть сюда ранѣе какъ по прошествіи трехъ недѣль. Но Дунай—дѣло, не терпящее отлагательства. Не сѣтуйте на меня за то, что я убѣждаю васъ отправиться туда. Вы оказали не мало услугъ государю и Россіи, но повѣрьте, что величайшее изъ нихъ будетъ сохраненіе намъ нижняго Дуная.

Преданный вамъ сердцемъ и душою Михайль Горчаковъ.

Возьмите съ собою при вашемъ объѣздѣ Ушакова. Онъ смысленный малый, въ родѣ Соймонова, который васъ пойметъ и будетъ дѣятельнымъ исполнителемъ. Пришлите отвѣтъ съ адъютантомъ, который привезетъ вамъ это письмо.

Шильдеръ—кн. Горчакову.

21-го марта ¹⁾.

(Перев. съ франц.) Я собирался ѣхать отсюда въ Бухарестъ за вашими приказаніями на счетъ Калафата и Силистріи, но, получивъ приказаніе отправиться на нижній Дунай, я постараюсь исполнить его въ точности, по мѣрѣ силъ моихъ.

¹⁾ Списано съ черноваго наброска, сохранившагося въ бумагахъ Карла Андреевича.

Напишу вамъ съ курьеромъ, съ нижняго Дуная, въ какомъ положеніи я нашель оборону Дуная отъ самаго устья до Исакчи. Я не сомнѣваюсь, что съ средствами, которыми располагаетъ Ушаковъ, мы будемъ въ состояніи запереть входъ въ рѣку всеѣмъ нашимъ непріятелямъ.

Смѣю просить васъ не отказать мнѣ въ вашемъ довѣріи относительно распоряженій, сдѣланныхъ мною въ Каларашѣ, исполненіе которыхъ я поручилъ славному нашему генералу Хрулеву—пожалуй покорить Силистрію до моего возвращенія.

Всегда готовый исполнять все ваши приказанія и преимущественно наитруднѣйшія, я надѣюсь, что, съ Божіею помощію, важное дѣло нижняго Дуная тоже кончится на славу и въ пользу нашего августѣйшаго монарха. Весь вашъ К. Шильдеръ.

2-го апрѣля 1854 г.

(Перев. съ франц.) Въ самомъ дѣлѣ, это дѣйствіе предопредѣленія, что именно ко времени пріѣзда его свѣтлости и въ виду обстоятельствъ при которыхъ я долженъ выказать наибольшую дѣятельность, чтобы приготовить быстрое овладѣніе Силистріею, я не могу выходить изъ своей комнаты; къ тому же, она и не довольно тепла, чтобы содѣйствовать гомеопатическому леченію, безъ котораго нѣтъ для меня спасенія.

Пока прошу васъ отнестись сочувственно къ моему проекту предстоящей атаки крѣпости и увѣрить его свѣтлость, что вслѣдствіе столь многихъ благопріятствующихъ намъ обстоятельствъ, атаку эту легко выполнить, при всеѣмъ кажущемся ея безуміи. Я говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ. Все мои инженеры, которые понимаютъ дѣло, говорятъ: она будетъ безпримѣрная, потому что неудача при этомъ немыслима, случись что можетъ, хоть появился, на примѣръ, армія изъ милыхъ англо-турецко-французскихъ друзей.

Прошу васъ засвидѣтельствовать нижайшее мое почтеніе его свѣтлости и вскорѣ, вскорѣ ожидать меня въ Букарестѣ; если же я не явлюсь, то прикажите перевести меня въ Россію, какъ было сдѣлано, согласно моей просьбѣ, съ моимъ зятемъ Дубенскимъ. Весь вашъ К. Шильдеръ.

17-го апрѣля 1854 г.

(Перев. съ франц.) Для насъ очень благопріятно, очень счастливо, что господа австрійцы не могутъ выступить въ походъ ранѣе шести недѣль. До конца будущаго мѣсяца его свѣтлость князь Варшавскій можетъ покорить Силистрію и Рушукъ. Если же это будетъ не такъ, то вина не падетъ на вашего покорнѣйшаго слугу. К. Шильдеръ.

Ген. Горчаковъ—Шильдеру.

18-го мая 1854 г.

(Перев. съ франц.) Бутурлинъ только что сообщдлъ мнѣ вашъ проектъ работы на эту ночь и надежду, которую имѣете взорвать въ эту же ночь исходящій уголъ бастіона. Дѣло, генераль, состоитъ въ томъ, чтобы упрочить инженерными работами успѣхъ штурма и ничего не будетъ достигнуто, если будемъ располагать только небольшой воронкой; войска пойдутъ смѣло на приступъ и встрѣтятъ позади этой воронки перекопъ. Непріятель, не будучи поражаемъ нашимъ огнемъ, отброситъ насъ, и тогда это будетъ вѣчный срамъ для насъ.

Вы знаете лучше меня, что для облегченія штурма слѣдуетъ: 1) демонтировать непріятельскія орудія; 2) располагать возможностью поражать непріятели сильнымъ огнемъ до начала атаки. Если мы не будемъ дѣйствовать этому, то войска будутъ въ правѣ вѣчно упрекать насъ

Я полагаю поставить открыто одну или двѣ батареи, чтобы стрѣлять по форту незадолго передъ атакой и, кромѣ того, направить во всѣхъ батареяхъ, съ которыхъ обнаруживается фортъ, амбразуры такимъ образомъ, чтобы поражать его. Но артиллерія, поставленная открыто, будетъ обстрѣливаема вкось съ Абдулъ-Меджида; артиллеріи же въ нашихъ батареяхъ не придано надлежащаго направленія для противодѣйствія непріятельскому огню. Слѣдовательно, эти два средства недостаточны.

Обсудивъ основательно великую отвѣтственность, которая будетъ лежать на насъ, если мы удовольствуемся одной воронкой, чтобы бросить въ нее войска, я считаю долгомъ высказать вамъ мое мнѣніе: оно заключается въ слѣдующемъ:

1) Окончить скорѣе сапу, обозначенную мною буквами *a, a, a* ¹⁾, уширить ее, прорѣзать въ ней амбразуры и поставить, вооружить ее по крайней мѣрѣ, двадцатью орудіями.

2) Устроить для обезпеченія орудій въ сапѣ *a, a, a* необходимое число траверсовъ.

3) Подготовить мины, по крайней мѣрѣ, въ двухъ пунктахъ, напри- мѣръ, въ *c* и *d* или въ *e*.

4) Послѣ вооруженія батарей, приблизить ночью атакующія колонны къ оврагамъ, снабдивъ ихъ лѣстницами и сапными фашинами.

5) Съ расвѣтомъ открыть огонь со всѣхъ батарей и, обстрѣлявъ непріятели въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, взорвать мины.

¹⁾ Чертежъ этотъ не сохранился въ бумагахъ ген.-ад. Шильдера. Н. Ш.

6) По образованіи брешей, направить противъ нихъ огонь нѣсколькихъ орудій, и если непріятель не оставитъ форта, то начать штурмъ.

Вотъ, генераль, мое мнѣніе. Обсудите его основательно и не забывайте громадной отвѣтственности, которая лежитъ на насъ, если мы, вмѣсто употребленія этихъ средствъ, подготовить которыя наша обязанность, будемъ довольствоваться одной только целью, чтобы провести войска какъ бы черезъ ушко иголки.

Конечно, работа, которую я предлагаю вамъ, займетъ у васъ, по крайней мѣрѣ, два дня, но я считаю ее необходимой. Это мнѣніе, которое я вамъ препровождаю, я докладываю также фельдмаршалу. Сегодня вечеромъ, въ шесть часовъ, я приду къ вамъ, чтобы обсудить его. Михаилъ Горчаковъ ¹⁾.

Записка Шильдера—кн. Горчакову.

1-го іюня 1854 г. ²⁾

Секретно.

Когда его свѣтлость, оставя Гирсовъ, приказалъ укрѣплять это мѣсто для отраженія непріятеля или безнаказаннаго отступленія за Дунай, въ предположеніи, что Омерь-паша съ англо-французскими войсками могутъ сдѣлать опасное для россійской арміи нападеніе, я старался это исполнить, покоряясь волѣ его свѣтлости; но вамъ извѣстно, что я всегда оспаривалъ возможность подобнаго

¹⁾ Письмо это печатается какъ матеріалъ для исторіи осады Силистріи; справедливость же доводовъ, высказываемыхъ здѣсь княземъ Горчаковымъ, нельзя обсудить безъ чертежа и не входя въ техническія подробности самой осады. Одно только особенно рельефно выказывается въ приведенномъ письмѣ, это—страхъ отвѣтственности, преслѣдовавшій князя Михаила Дмитриевича во всѣхъ его начинаніяхъ; въ данномъ случаѣ онъ еще усилился вслѣдствіе недавняго неудачнаго штурма Арабскаго укрѣпленія генераломъ Сельваномъ.

Замѣтимъ только, что всѣ предосторожности, предписываемыя здѣсь княземъ Горчаковымъ, были рассчитаны противъ полевого укрѣпленія (Арабъ-Табип), вооруженнаго только 6-ю полевыми орудіями и одной небольшой мортирой (по другимъ же свѣдѣніямъ, было только 5 орудій). Когда мы подступили къ Силистріи, турки едва принялись за насыпку брустверовъ; они окончили укрѣпленіе въ виду русскихъ.

²⁾ Записка эта писана карандашомъ и начата ген.-ад. Шильдеромъ 1-го іюня, т. е. въ тотъ день, когда, въ пять часовъ пополудни, его сразила смертельная рана въ траншеяхъ подъ Силистріею. Впрочемъ, генераль Шильдеръ написалъ эти строки въ своей палаткѣ, передъ обычнымъ обходомъ осадныхъ работъ, но на этотъ разъ ему было суждено возвратиться на носилкахъ, истекая кровью. Сообщаемая нами записка представляетъ важный историческій матеріалъ для описанія осады Силистріи; она вполне выясняетъ, на кого должна пасть отвѣтственность за неудачный исходъ этой непозволительной осады. Н. Ш.

событія. Чтобы завлечь корпусъ генераль-адъютанта Лидерса къ наступательному движенію къ Силистріи, я сдѣлалъ неимоверныя усилія, чтобы приготовить переправочныя средства подъ Каларашемъ для перехода черезъ Дунай, въ надеждѣ, что сильная наша армія можетъ съ успѣхомъ исполнить блокаду крѣпости Силистріи, предоставивъ мнѣ атаковать оную вдоль берега (какъ я неоднократно это объяснялъ словесно и письменно прежде вашему сіятельству, а въ послѣдствіи его свѣтлости), обходя все нагорныя укрѣпленія и безконечныя ложементы, составляющіе непрерывную цѣпь внѣшней обороны крѣпости.

По преодоленіи упомянутыхъ затрудненій, корпусъ генераль-адъютанта Лидерса прибылъ 6-го числа мая подъ Силистрію и на слѣдующій день мнѣ предложено было начать осаду съ крайняго нагорнаго укрѣпленія. Узнавъ притомъ, что его свѣтлость изъ опасенія нападенія на армію Омеръ-пашы, совмѣстно съ англичанами и французами, намѣренъ укрѣпиться на горѣ, противъ переправы, и вовсе не блокировать крѣпость, я, объяснивъ всю трудность подобной осады, рѣшился на это предпріятіе, чтобы только вовлечь насъ въ осадныя работы. Все факты доказываютъ, что все мои предположенія были весьма основательны и, не смотря на все затрудненія, мы совершили осаду противъ сего укрѣпленія ¹⁾, слѣдующаго люнета ²⁾ и турецкихъ нагорныхъ ложементовъ, несравненно труднѣйшую, чѣмъ это представляла атака самой крѣпости.

Въ такомъ положеніи дѣла, сего 1-го іюня, я, по долгу совѣсти противъ государя императора, всей Россіи и священнаго дѣла, за которое мы здѣсь боремся, почтительнѣйше объявляю слѣдующую мою личную твердую волю:

Какъ для покоренія крѣпости Силистріи, осаду коей можно нынѣ начать, нужно не болѣе двухъ недѣль времени, если я удостоюсь той довѣренности вашего сіятельства, которая мнѣ нужна для безпрепятственнаго исполненія первоначальнаго моего плана,—я къ тому могу лишь приступить при слѣдующихъ условіяхъ:

a) b) c) ³⁾.

¹⁾ Т. е. противъ крайняго нагорнаго укрѣпленія, называвшагося Арабъ-Табія.

²⁾ Люнетъ этотъ назывался «Песчанымъ».

³⁾ На этомъ прерывается записка, неоконченная по вышеупомянутой причинѣ, и потому никогда не дошедшая до князя Михаила Дмитріевича Горчакова.

Кн. Варшавскій—Шильдеру.

4-го (16) іюня 1854 г.—Г. Яссы.

Съ душевнымъ огорченіемъ узналъ я, почтеннѣйшій Карлъ Андреевичъ, о постигшемъ васъ несчастіи. Вы знаете мою къ вамъ привязанность, мое истинное къ вамъ уваженіе. Поэтому вы можете судить, какое участіе я принимаю во всемъ, что до васъ относится; а ваша голова, и руки, и ноги нужны для службы, нужны для государя. Я увѣренъ, однако, что, получивъ при помощи Божіей облегченіе, вы, и лишась даже ноги, будете также полезны, какъ и доселѣ были.

Простите, дай Богъ, чтобы вы скорѣе выздоровѣли и будьте увѣрены въ моемъ дружескомъ къ вамъ расположеніи и истинной привязанности. Князь Варшавскій.

Императоръ Николай къ ген.-ад. Шильдеру.

Іюль 1854 г.

Давно хотѣлъ я самъ сказать тебѣ, любезный Шильдеръ, какъ я огорченъ былъ извѣстіемъ о твоей тяжелой ранѣ. Давно цѣня тебя, я былъ увѣренъ, что и въ настоящую кампанію ты молодецки, какъ всегда, исполнишь свое дѣло. Въ уничтоженіи турецкой флотиліи, въ быстрой постройкѣ мостовъ для перехода черезъ Дунай, въ осадныхъ подѣ Силистрією работахъ, я вполне узналъ моего стараго сослуживца и свойственнаго ему бойкость и опытность. Отъ всей души спасибо тебѣ за эти новыя заслуги. Если успѣхъ не увѣщивалъ нашихъ усилій, трудовъ и пожертвованій, то, сожалья со мною о необходимости на время отложить начатое, утѣшайся мыслью, что ты все сдѣлалъ, что только отъ тебя зависѣло для достиженія цѣли. Я же, между прочими потерями, искренно жалѣю, что лишился твоего содѣйствія, когда мнѣ и Россіи нужны тебѣ подобные. Но Богъ милостивъ! Онъ поможетъ тебѣ и нашему правому дѣлу. Напиши мнѣ, какъ себя чувствуешь и береги себя.

Примѣчаніе. Это собственноручное письмо императора Николая Павловича осталось неотосланнымъ вслѣдствіе полученія государемъ извѣстія о кончинѣ генералъ-адъютанта Шильдера.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

ПРОТОІЕРЕЙ ЕВГЕНІЙ ИВАНОВИЧЪ ПОПОВЪ

† 15-го октября 1875 г.

Некрологъ ¹⁾.

Едва разнеслась молва о кончинѣ незабвеннаго ректора Московской духовной академіи, протоіерея Александра Васильевича Горскаго, какъ смерть похитила другаго, въ высшей степени достойнаго и всѣми глубоко уважаемаго священнослужителя нашей русской православной церкви.

15-го сего октября, въ 8¹/₄ час. вечера, скончался въ Петербургѣ протоіерей нашей лондонской посольской церкви, Евгений Ивановичъ Поповъ. Въ теченіе сорокалѣтняго служенія своего церкви и обществу покойный Евгений Ивановичъ успѣлъ приобрести себѣ такую вполне заслуженную извѣстность, такую любовь и такое полное, искреннее уваженіе со стороны всѣхъ знавшихъ его, что имя его надолго останется памятнымъ какъ среди русскихъ, такъ и между англичанами, давно уже успѣвшими по справедливости оцѣнить прекрасныя качества его ума и сердца.

О. Евгений Ивановичъ окончилъ курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи, съ степенью магистра, въ 1835 году, вмѣстѣ съ разными болѣе или менѣе извѣстными духовными лицами, донинѣ еще продолжающими въ священномъ санѣ свою полезную дѣятельность ²⁾. По выходѣ изъ академіи, Евгений Ивановичъ назначенъ былъ профессоромъ въ Тверскую духовную семинарію, гдѣ прослужилъ около двухъ лѣтъ; затѣмъ, прибывъ въ Петербургъ и вступивъ въ бракъ, онъ въ

¹⁾ Читанъ въ засѣданіи с.-петербургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія, 23-го октября 1875 г.

²⁾ Изъ числа товарищей Е. И. Попова по академическому курсу мы позволимъ себѣ упомянуть достопочтенныхъ протоіереевъ: А. П. Знаменскаго, К. Я. Никольскаго и К. П. Боголюбова.

скоромъ времени назначенъ былъ священникомъ императорской посольской церкви въ Копенгагенѣ. Съ прибытія о. Евгенія въ Копенгагенъ, въ 1838 году, собственно начинается та общественная дѣятельность его, которая быстро стала выдвигать его въ число особенно замѣтныхъ и достойныхъ служителей православной русской церкви. Частію по личнымъ моимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, частію же, и главнымъ образомъ, по рассказамъ другихъ, могу засвидѣтельствовать, какою рѣдкою и въ тоже время вполне заслуженною извѣстностію о. Евгеній пользовался въ бытность свою въ Копенгагенѣ. Въ высшей степени безукоризненнымъ образомъ жизни, умомъ, чрезвычайно привѣтливимъ, вполне, такъ-сказать, „сердечнымъ“ отношеніемъ ко всѣмъ, кто зналъ его, достопочтенный о. Евгеній, отличавшійся притомъ весьма представительною и симпатичною наружностію, привлекалъ къ себѣ общую любовь и уваженіе какъ со стороны мѣстныхъ жителей — датчанъ, такъ и со стороны пріѣзжавшихъ въ Копенгагенъ русскихъ. Черта эта тѣмъ болѣе достойна вниманія, чѣмъ болѣе датчане въ то время проникнуты были предубѣжденіями относительно русскихъ и всего русскаго. Данія еще не забыла въ то время, какія тяжкія потери она понесла, благодаря въ особенности политикѣ Россіи на вѣнскомъ конгрессѣ (потеря всей Норвегіи); какъ небольшая страна, отчужденная въ большинствѣ случаевъ отъ общественнаго движенія остальной части западной Европы, она жила преимущественно традиціонными взглядами и сужденіями во всемъ, что касалось иностранцевъ; а эти взгляды и сужденія были особенно неблагоприятны для русскихъ. Нужно притомъ замѣтить, что, независимо отъ политическихъ причинъ и обстоятельствъ, общественное мнѣніе датчанъ о Россіи, при весьма рѣдкомъ появленіи въ Даніи русскихъ путешественниковъ изъ образованнаго класса общества, слагалось почти исключительно на основаніи тѣхъ явленій, нерѣдко весьма неприглядныхъ, которыя представлялъ собою необузданный разгулъ многихъ тогдашнихъ русскихъ моряковъ, прибывавшихъ въ Копенгагенъ на военныхъ корабляхъ во время лѣтнихъ плаваній. Среди такихъ обстоятельствъ русскому не легко было въ Даніи пріобрѣсти такое общее и искреннее къ себѣ уваженіе, какимъ пользовался Евгеній Ивановичъ въ бытность свою въ Копенгагенѣ. Пребываніе его въ Даніи, впрочемъ, было непродолжительно: весною 1842 г. онъ былъ переведенъ настоятелемъ русской посольской церкви въ Лондонъ, гдѣ и продолжалъ свое полезное и плодотворное служеніе до смерти, въ теченіе болѣе 33-ти лѣтъ. Тѣ же свойства, которыми Евгеній Ивановичъ уже на первыхъ порахъ своего служенія въ Копенгагенѣ пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе, остались выдающимися чертами

его дѣятельности въ Лондонѣ и нашли здѣсь болѣе широкое и разнообразное примѣненіе. Едва-ли въ теченіе многолѣтняго пастырскаго служенія отца Евгенія нашелся хотя бы одинъ русскій путешественникъ, богатый или бѣдный, знатный или незнатный, который, обратившись къ Евгенію Ивановичу, не встрѣтилъ бы съ его стороны самый радушный пріемъ, самую полную готовность помочь и содѣйствовать земляку-ближнему словомъ и дѣломъ. Этотъ пріемъ и эта помощь вдали отъ родной стороны были тѣмъ болѣе цѣнны, что онѣ всегда оказываемы были достопочтеннымъ отцомъ Евгеніемъ подъ вліяніемъ того чувства кротости и любви, того истинно христіанскаго настроенія души, которое всегда отличало его и придавало особенную привлекательность всей его личности. Будучи самъ обремененъ не малочисленнымъ семействомъ, онъ, однако, всегда готовъ былъ удѣлять и изъ матеріальныхъ своихъ средствъ не малую лепту на пользу нуждавшихся странниковъ-земляковъ и нерѣдко ставилъ себя тѣмъ въ личное затрудненіе. Неудивительно, что при своихъ рѣдкихъ нравственныхъ качествахъ о. Евгеній постепенно сталъ пользоваться болѣе и болѣею извѣстностію не только между русскими туристами, посѣщавшими Англію, но и между многими достопочтенными представителями самой англійской націи. Кто бы изъ членовъ многочисленныхъ англійскихъ церковно-религіозныхъ корпорацій ни нуждался въ какихъ-либо свѣдѣніяхъ о восточной православной церкви, кто бы изъ англичанъ ни имѣлъ надобность, по какимъ бы то ни было дѣламъ и вопросамъ, отправиться въ Россію или войти съ нашимъ отечествомъ въ какія-либо сношенія, почти всякій обращался къ Евгенію Ивановичу, въ полной увѣренности найти у него добрый совѣтъ или нужную помощь. Нужно было видѣть, съ какимъ глубокимъ, искреннимъ уваженіемъ относились къ достопочтенному о. Евгенію именитые члены англиканской іерархіи, профессора Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, равно какъ и другихъ ученыхъ и церковныхъ англійскихъ корпорацій, чтобы понять, какъ высоко о. Евгеній счужѣлъ поднять въ глазахъ англичанъ значеніе русскаго священника, какъ высоко онъ держалъ предъ англичанами знамя русской православной церкви личными своими качествами и достоинствами. Рядомъ съ этими достоинствами покойнаго протоіерея Евгенія считаю долгомъ упомянуть о его политическихъ и литературно-богословскихъ заслугахъ. При наступленіи крымской войны, всѣ члены русскаго посольства оставили Англію; остался въ Лондонѣ одинъ Евгеній Ивановичъ, чтобы, согласно распоряженію и высокому довѣрію нашего правительства, быть посредникомъ и помощникомъ во всемъ, что касалось вспомошествованія и поддержки прибывавшихъ въ Англію русскихъ военнопленныхъ. Трудно было бы

найти лучшаго исполнителя этой важной и сложной обязанности. Съ полнымъ безкорыстіемъ и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ о. Евгеній былъ всегда и вездѣ тамъ, гдѣ въ тогдашнюю тяжелую годину испытаній помощь его была наиболѣе нужна. Благоразумнымъ распредѣленіемъ между русскими военноплѣнными предоставленныхъ въ его распоряженіе матеріальныхъ средствъ, своимъ кроткимъ, всегда любвеобильнымъ обращеніемъ и своимъ нравственнымъ авторитетомъ среди знавшихъ и уважавшихъ его англичанъ о. Евгеній въ значительной степени облегчилъ участь военноплѣнныхъ, доставляя имъ какъ нравственное, такъ и матеріальное облегченіе. Не легко было человѣку, проникнутому чисто русскими чувствами и убѣжденіями, остаться на дальней, враждебно настроенной чужбинѣ, вдали отъ всего близкаго и роднаго; не легко было, при этомъ полномъ отчужденіи отъ отечества, слышать постоянную клевету и хулу на Россію и быть свидѣтелемъ народной радости и общественныхъ празднествъ каждый разъ, когда какія-либо военныя неудачи постигали родной край. Евгеній Ивановичъ стойко и безропотно перенесъ это тяжкое испытаніе; твердая вѣра въ Провидѣніе даровала ему силу, необходимую на благодушную и неустанную дѣятельность на пользу страждущихъ и военноплѣнныхъ соотечественниковъ.

Когда, вслѣдъ за крымскою войною, наступило время великихъ и мирныхъ реформъ нынѣшняго царствованія, общественная дѣятельность достопочтеннаго о. Евгенія приняла новое направленіе. Благодаря той извѣстности и тому уваженію, какими онъ по справедливости пользовался среди англійскаго общества, онъ слѣдался главнымъ посредникомъ, а нерѣдко и участникомъ въ дѣлахъ, касавшихся движенія въ пользу восточнаго православія въ нѣдрахъ англо-американской церкви. Неумѣстно было бы въ настоящемъ случаѣ распространяться объ этомъ знаменательномъ явленіи новѣйшей церковно-общественной жизни запада. Позволю себѣ лишь напомнить о томъ, что кто бы изъ членовъ англо-американской епископальной церкви ни желалъ въ теченіе шестидесятихъ годовъ входить въ сношенія съ православнымъ востокомъ и какіе бы комитеты или митинги ни собирались въ самой Англии по вопросу о такъ-называемомъ взаимобъщеніи (intercommunion) съ православными церквами, всѣ они прежде всего обращались къ о. Евгенію, не только какъ къ официальному посреднику между Россією и Англією по церковнымъ вопросамъ, но и какъ къ человѣку, пользовавшемуся въ ихъ глазахъ большимъ нравственнымъ авторитетомъ. Съ своей стороны, о. Евгеній въ это время съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ и усердіемъ, несмотря на свои уже преклонныя лѣта, писалъ рядъ статей и извѣстій о тѣхъ дѣлахъ и явленіяхъ англо-американ-

ской церковной жизни, которая могли имѣть для русской публики живой интересъ. Статьи эти, присланныя имъ на имя г. оберъ-прокурора св. синода, бѣльшею частію напечатаны въ „Христіанскомъ Читеніи“ и въ свое время возбуждали полное вниманіе среди читателей, занимающихся церковно-религіозными вопросами нашего времени. Статьи Евгенія Ивановича, будучи вызваны потребностями времени, отчасти не утратили своего значенія и теперь; такова, напримеръ, статья его объ англиканскомъ священствѣ, напечатанная въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1869 годъ. Чутко прислушиваясь и приглядываясь къ современнымъ нравственно-религіознымъ нуждамъ и потребностямъ русскаго общества, о. Евгеній, среди другихъ своихъ литературно-богословскихъ трудовъ, напалъ на счастливую мысль перевести и издать на русскомъ языкѣ „Чтенія для дѣтей“ пастора Тодда, одно изъ лучшихъ и наиболѣе назидательныхъ произведеній англійской дѣтской литературы. Въ видѣ разсказовъ, отлично приспособленныхъ по своему содержанію и изложенію къ дѣтскому возрасту, свободныхъ отъ сухой, приторной морали и полныхъ живаго интереса, „Чтенія“ пастора Тодда въ переводѣ или, точнѣе, въ передѣлкѣ Евгенія Ивановича представляютъ собою рѣдкое по внутреннимъ достоинствамъ произведеніе среди нашей, вообще говоря, довольно жидкой дѣтской литературы, которая въ большинствѣ случаевъ мало способна содѣйствовать развитію у нашего юношества истинно христіанскихъ основъ нравственности. Къ сожалѣнію, „Чтенія“ пастора Тодда изданы были о. Евгеніемъ въ довольно ограниченномъ числѣ экземпляровъ и далеко не приобрѣли той извѣстности, какою онѣ по справедливости заслуживаютъ.

Если, по прямому свидѣтельству самаго Спасителя, ученики и послѣдователи Его вѣчно живительнаго слова главнымъ образомъ познаются по одушевляющему ихъ чувству теплой, самоотверженной любви, то думаю, что могу, нисколько не преувеличивая достоинствъ и заслугъ почившаго, сказать, что онъ принадлежалъ именно къ этимъ истиннымъ ученикамъ Христовымъ, которые, проявивъ въ жизни и дѣятельности своей образъ здравыхъ словесъ, оставляютъ по себѣ не только добрую, честную память, но и достойный примѣръ для подражанія другимъ. Подобные люди, какъ Евгеній Ивановичъ, могутъ, отходя въ вѣчность, сказать съ апостолами: „подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдахъ; прочіе убо соблюдаются ми вѣнецъ правды, его же воздастъ ми въ день оны Господь, праведный судія“.

Миръ праху твоему, добрый пастыръ и честный труженникъ.

И. Т. Осининъ.

48*

Холерный годъ въ Тамбовѣ.

1830.

(По архивнымъ документамъ).

Я имѣлъ случай прочесть въ архивѣ бывшаго тамбовскаго холернаго комитета 1830-го года слѣдственное дѣло о бунтѣ, бывшемъ въ тотъ годъ въ Тамбовѣ, и о мѣрахъ, противъ него принятыхъ. Предлагаемая по документамъ этого дѣла статья дополняетъ и исправляетъ статью г. Якунина (сентябрь, «Вѣстникъ Европы» 1875 г.), составленную исключительно по устнымъ рассказамъ.

И. Д.

10-го августа 1830 г., тамбовскій губернаторъ И. С. Мироновъ получилъ увѣдомленіе изъ Саратова о появленіи въ этомъ городѣ смертоносной болѣзни, такой же заразительной, какъ чума. Немедленно составленъ былъ изъ губернскихъ властей комитетъ для защиты города и губерніи отъ неслыханной заразы. По распоряженію комитета, при всѣхъ городскихъ заставахъ, обращенныхъ къ губерніямъ, пораженнымъ холерою, поставлены были военные караулы. Каждый состоялъ изъ 7-ми рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ. Въ городъ начали впускать только такихъ лицъ, которыя ѣхали изъ благополучныхъ мѣстъ. Что касается до жителей неблагополучныхъ губерній, то изъ нихъ допускались только тѣ, которые, судя по ихъ паспортамъ, выдержали условенный карантинъ¹⁾. Вслѣдствіе этой мѣры, число пріѣзжихъ сразу значительно сократилось, а также уменьшился подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Пограничнымъ уѣзднымъ властямъ дано было знать, чтобы и они поставили по большимъ и проселочнымъ дорогамъ кордонные пикеты для содержанія строгихъ карауловъ. Почтамтъ распорядился выслать на границы Тамбовской губерніи почтовыхъ чиновниковъ для пріема писемъ и посылокъ. То и другое окуривали, задѣлывали въ новые ящики и сумки, а письма, кромѣ того, прокалывались. На базарахъ полиція воздвигла гоненіе противъ незрѣлыхъ плодовъ, особенно дынь. Подъ руководствомъ той же полиціи начали вывозить за городъ всякій навозъ и сжигать его, чтобы, такимъ образомъ, окурить весь городъ. Такъ какъ кровоупусканіе считалось тогда лучшимъ средствомъ противъ холеры, то переписали всѣхъ городскихъ цирюльниковъ и обязали ихъ никуда не выѣзжать изъ Тамбова. На бѣду, врачей было очень мало, такъ что въ двухъ уѣздахъ, случалось, оказывался одинъ докторъ. Въ такой крайности послали въ Кирсановскій уѣздъ вете-

¹⁾ Впрочемъ, за вѣтки иногда пропускались въ Тамбовъ и такіе пріѣзжіе, которые ѣхали изъ благополучныхъ губерній.

И. Д.

ринара Александровскаго, который обязанъ былъ, по приказанію начальства, лечить людей отъ холеры. По распоряженію тамбовскаго преосвященнаго Евгенія, стали служить молебны и во время литургіи молиться объ избавленіи отъ губительнаго недуга.

3-го сентября прискакалъ въ Тамбовъ нарочный отъ уѣзднаго исправника съ увѣдомленіемъ о появленіи холеры въ селѣ Разказовѣ (въ 30-ти в. отъ Тамбова). Заболѣла жена станціоннаго смотрителя. Городъ приунылъ. 14-го сентября былъ кругомъ Тамбова крестный ходъ. Жители, по распоряженію преосвященнаго Евгенія, должны были явиться на этотъ крестный ходъ послѣ предварительнаго поста, о чемъ разосланы были полицейскія объявленія. Холера, впрочемъ, дѣйствовала по губерніи довольно слабо, а иногда, въ случаѣ появленія холеры, старались увѣрить себя, что это вовсе не холера. Даже врачи считали иногда холерные припадки тождественными съ обыкновеннымъ разстройствомъ желудка.

Наконецъ, 15-го ноября, холера появилась въ Тамбовѣ. Одною изъ первыхъ жертвъ эпидеміи былъ эконоомъ кадетскаго корпуса, Митянинъ. По 17-е ноября умерло 7 человекъ. Слѣдовательно, холера была очень слабая. Тѣмъ не менѣе, врачебная управа потребовала у губернатора кожаныхъ халатовъ съ капюшонами и такихъ же рукавицъ для предохраненія отъ заразы. Къ 1-му декабря холера было унялась, но въ январѣ 1831 г. снова появилась. Въ короткое время умерло около 70-ти человекъ, въ томъ числѣ командиръ гарнизоннаго баталіона, князь Волконскій, помѣщикъ, отставной капитанъ-лейтенантъ Сатинъ и до 15-ти человекъ разныхъ чиновниковъ.

Противъ эпидеміи приняты были энергическія мѣры. По распоряженію инспектора врачебной управы Кашинскаго, сдѣланы были крытыя повозки, въ которыя забирали больныхъ и отвозили въ холерную больницу. Часто туда попадали больные совѣмъ другими болѣзнями или же пьяные. Очнувшись отъ хмѣля, эти послѣдніе ложились изъ больницы вонь, разбивали окна и выскакивали оттуда. Извѣстный тамбовскій силачъ Гаврюшка разломалъ даже холерную повозку, въ которую насильно усадили-было его слишкомъ исполнительные полиціанты. Всѣмъ привозимымъ въ больницу пускали кровь, а потомъ сажали въ теплыя ванны. Внутрь давали преимущественно каломель и опій. Цирюльники, пускавшіе кровь, были болѣе или менѣе пьяны, такъ какъ водка была имъ даровая, и потому ихъ операціи не могли быть удачными. При такихъ условіяхъ, жители Тамбова отнеслись къ больницѣ съ полнымъ недоувѣріемъ, даже враждебно. Многіе изъ нихъ думали, какъ это случилось и въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, что въ больницѣ доктора и цирюльники варочно морятъ народъ, что

въ заговорѣ съ ними находится само начальство. Вслѣдствіе этого въ городѣ настала паника. По вечерамъ запирали ворота, двери, закрывали ставни, рано тушили свѣчи, и все-таки боялись, какъ бы полицейскіе не вошли въ какой-нибудь домъ и не увезли кого въ больницу. А въ больницѣ, по мнѣнію народа, всякаго ожидала вѣрная смерть, — не даромъ тамъ дѣйствовали разные пьяные цирюльники и фельдшера. Иной цирюльникъ и такъ плохо владѣлъ ланцетомъ, потому что всю жизнь занимался только стрижкою головъ, да бритьемъ бородъ, а тутъ еще напойтъ его для храбрости, да и дадутъ ему въ жертву какого-нибудь несчастнаго. Понятно, что иные больные умирали отъ истеченія крови.

Въ народѣ, уже и безъ того стѣсненномъ заставами и вслѣдствіе этого дороговизною стѣсненныхъ припасовъ, поднимался ропотъ. Собирались жаловаться на докторовъ и начальство самому государю. Въ это время главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является нѣкто Данила Ильинъ, тамбовскій мѣщанинъ. Человѣкъ смѣлый, грамотный, онъ рѣшился быть ходатаемъ предъ государемъ за все общество. Составили общественный приговоръ (153 подписи) объ этомъ.

Данила Ильинъ обыкновенно говорилъ: „холера не опасна, начальническое своеволие опасно“. Въ этомъ смислѣ онъ написалъ даже письмо къ жителямъ села Никольскаго, убѣждая ихъ присоединиться къ тамбовской • недовольной партіи ¹⁾). Наконецъ, отъ жителей города Тамбова онъ написалъ прошеніе на высочайшее имя. Въ прошеніи этомъ была жалоба на начальство и ходатайство о защитѣ отъ него.

Вечеромъ 17-го ноября, по приглашенію городского головы, купца Байкова, передъ городской думой собралась многолюдная толпа. Тутъ были большею частію мѣщане и однодворцы. И вотъ между ними поднялся крикъ: „нѣтъ холеры! зачѣмъ забираютъ народъ въ больницу? тамъ рѣжутъ и варятъ людей!“ Пріѣхалъ губернаторъ, началъ уговаривать толпу, но его не послушались и продолжали шумѣть. Губернаторъ уѣхалъ домой. Настало мѣщанское царство. Ночью бунтовщики пошли въ первую городскую часть и сняли оцѣпление съ 3-хъ домовъ, въ которыхъ появилась холера. Полиція испугалась и не препятствовала толпѣ хозяйничать. Одинъ полицейскій чиновникъ,

¹⁾ Жители села Никольскаго, Тамбовскаго уѣзда, за нѣсколько дней до начала тамбовской холеры, сами испытали это бѣдствіе со всѣми неудобствами карантиннаго положенія. Вслѣдствіе этого они взбунтовались и уничтожили кругомъ села оцѣпление. При этомъ особенною дѣятельностью отличались крестьяне графа Кутайсова, бывшіе въ караулѣ. Губернаторъ Мироновъ съ сотнею солдатъ усмиривъ жителей Никольскаго.

Шамонинъ, вздумалъ-было образумить народъ, да и самъ былъ не радъ: его жестоко избили. Около полуночи толпа разошлась.

Утромъ, на другой день, мѣщане и однодворцы опять собрались передъ городской думой. Опять пріѣхали губернаторскія власти, съ губернаторомъ и архіереемъ во главѣ, и начались безплодныя увѣщанія. Хотѣли-было дѣйствовать противъ народа рѣшительно, да побоялись: въ гарнизонѣ было только 300 человекъ, большею частію хилыхъ, престарѣлыхъ, къ тому же, по замѣчанію окружнаго начальника, генераль-маіора Зайцева, неблагонадежныхъ¹⁾. И архіерей, и губернаторъ уѣхали. Немного погодя, изъ толпы вышли 15 человекъ и, подъ руководствомъ мѣщанина Захара Мортинова, направились къ губернаторскому дому. Они требовали, чтобы губернаторъ объявилъ холеру несуществующею въ городѣ Тамбовѣ и чтобы назначилъ слѣдствіе по поводу смерти мѣщанина Просина, недавно взятаго изъ дому въ больницу и тамъ умершаго. Толпа была увѣрена, что этотъ Просинъ не былъ боленъ холерою, и что если онъ умеръ, то это отъ того, что его или сварили, или зарѣзали въ больницѣ. Вышеозначенные депутаты, исходя изъ этой мысли, настаивали, чтобы тѣло Просина было вырыто. Конечно, согласія на это не послѣдовало. Наступилъ вечеръ. Толпа стала дѣйствовать смѣлѣе. Быстро пошла она къ больницѣ, сбита съ мѣста военный караулъ, причемъ мѣщанинъ Евлампій Акимовъ вырвалъ у караульнаго офицера, поручика Ершова, саблю и переломилъ; ворвалась во внутреннія комнаты, разшвыряла лекарства, опрокинула котлы съ теплою водою для ваннъ, и такимъ образомъ уничтожила, по официальному выраженію, больницу. При разгромѣ больницы бунтовщики вошли въ больничный сарай и вытащили оттуда нѣсколько тѣлъ. При этомъ съ особенною жалостію народъ смотрѣлъ на трупъ одного солдата, съ мертвымъ ребенкомъ въ рукахъ. „Вотъ, говорилъ онъ, злодѣи (это доктора и господа)! И малыхъ ребятъ имъ не жалко!“ Фельдшеръ Даниловъ во время этого штурма выбѣжалъ на лугъ, граничившій съ больницею, чтобы окольными путями пробраться въ безопасное мѣсто, но его замѣтили и начали жестоко бить, уже какъ удиченнаго злодѣя. Губернаторъ и генераль-маіоръ Зайцевъ, съ частію баталіона, пошли за толпой, но, ничего не сдѣлавъ, должны были вернуться. На такъ называемомъ Никольскомъ

¹⁾ Въ послѣдствіи, въ декабрѣ, по требованію тамбовскаго губернатора, въ Тамбовъ вступили баталіонъ Вятскаго и баталіонъ Казанскаго полковъ, подъ начальствомъ полковника Разлача. Баталіоны форсированнымъ маршемъ пришли изъ Курской и Харьковской губерній. Кромя того, въ Тамбовъ двинутъ былъ Митавскій гусарскій полкъ.

мосту ихъ остановили и стали бранить. Только при помощи штыковъ губернаторъ добрался до своего дома.

19-го ноября преосвященный Евгенийъ служилъ въ соборѣ обѣдню, а послѣ молебень. Затѣмъ онъ вышелъ на площадь и сталъ уговаривать народъ, чтобы онъ повинился въ своемъ преступленіи и ждалъ милости отъ начальства. На это мѣщанинъ Иванъ Онуфріевъ отвѣчалъ ему: „Отъ кого намъ ждать милости? Вся наша надежда только на милость Божию“. Въ это время выдвинулась впередъ жена извѣстнаго Просина и стала просить архіерея, чтобы ей показали мужнино тѣло. На это Евгенийъ сурово замѣтилъ ей: „Тебя, какъ бунтовщицу, надо взять подъ караулъ“. Но дальше онъ уже не продолжалъ, потому что толпа запумѣла: „Нѣтъ, не выдадимъ!“ Тутъ же стояли братъ и сынъ Просина. Оба они увѣряли всѣхъ, что покойный Просинъ страдалъ припадками, и что холеры съ нимъ не было.

20-го ноября въ городѣ уже стихло. Бунтъ, по выраженію тамбовскаго губернатора въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ, графу Закревскому, прекратился. Но духъ безпокойства и недоувѣрчивости къ мѣрамъ правительства еще были замѣтны, даже въ лицахъ привилегированныхъ сословій. (Докторъ Алтчеръ, доказывавшій, что никакой холеры нѣтъ, дьяконъ села Никольскаго и др.). Этотъ духъ распространился даже на жителей отдаленныхъ селъ. Въ селѣ Первинѣ, Моршанскаго уѣзда, и въ деревнѣ Липечахъ крестьяне воспротивились земской полиціи, когда она, по случаю холеры, хотѣла устроить тамъ оцѣпленье. Усмирить жителей было не кѣмъ, потому что всѣ военныя силы Тамбовской губерніи были уже заняты. Когда объ этомъ дали знать тамбовскому губернатору Миронову, то онъ строжайше предписалъ земскому исправнику усмирить бунтъ. А между тѣмъ многіе были въ страшномъ волненіи и просили губернатора принять противъ бунтовщиковъ самыя рѣшительныя мѣры. Такъ, помѣщикъ села Экстали, П. Оленинъ, писалъ губернатору: „Ваше превосходительство! Забудьте въ это тягостное время всякое снисхожденіе, свойственное вашему доброму сердцу; какъ начальникъ, поступите со всею строгостію. Убѣждаю васъ Богомъ, прекратите рекрутскій наборъ (бывшій въ то время въ Тамбовской губерніи) для общей безопасности. Разсвирѣпѣвшая чернь опаснѣе звѣрей“ (письмо отъ 22-го января 1831 года).

20-го ноября 1830 г. Мироновъ отправилъ государю донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „въ незаконныхъ и богопротивныхъ дѣйствіяхъ тамбовскихъ мѣщанъ и одиодворцевъ я усматриваю не одно простое неудовольствіе на мѣры, предпринимаемыя противъ холеры, но подозрѣваю гораздо важнѣйшія намѣренія злыхъ

людей, которые дѣйствуютъ скрытнымъ образомъ посредствомъ сихъ невѣждъ на народное возмущеніе“.

Впрочемъ, такихъ злыхъ людей и ихъ важнѣйшихъ намѣреній совершенно не оказалось. Тамбовскій холерный бунтъ, дѣйствительно, былъ только простымъ неудовольствіемъ невѣжественной и грубой толпы на мѣры, принятыя противъ холеры, и на само начальство.

21-го ноября прибылъ въ Тамбовъ изъ Липецка 1-й конно-піонерный эскадронъ. Начался дѣйствіа, сперва слѣдственной, а потомъ военно-судной комисіи, предсѣдателемъ которой былъ подполковникъ князь Голицынъ. Въ судебныхъ дѣйствіяхъ принималъ также участіе флигель-адъютантъ, полковникъ графъ Ивеличъ¹⁾. По приговору суда, главнымъ подстрекателемъ во время бунта оказался мѣщанинъ Данила Ильинъ, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ самомъ бунтѣ мѣщанинъ Евлампій Акимовъ. Вотъ опредѣленіе военно-судной комисіи касательно послѣдняго: „Дерзкими своими поступками, несомнѣнно обнаруженными, Евлампій Акимовъ заслуживаетъ строжайшаго наказанія. Но горькое раскаяніе, которое онъ почувствовалъ, какъ скоро позналъ свое заблужденіе, достойно состраданія. Необразованный, обманутый толпами злоумышленниковъ, сей несчастный, имѣвъ отъ природы пылкій нравъ, и не будучи до сихъ поръ замѣченъ въ дурныхъ поступкахъ, вообразилъ себѣ, что онъ защищаетъ ближняго изъ челоуѣколюбія и долгу христіанскаго, и тѣмъ въ теченіе одного дня сдѣлался государственнымъ преступникомъ“. Евлампій Акимовъ и Данила Ильинъ приговорены были къ наказанію плетями и къ ссылке въ Сибирь, въ каторжныя работы. Восемьерыхъ приговорили къ наказанію шпирутенами. Всѣхъ подсудимыхъ набралось болѣе 200 челоуѣвъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько чиновниковъ и купцовъ. Напримѣръ, городской голова Байковъ, купецъ Вологинъ, купецъ Купріяновъ, два купца Толмачевы, частный приставъ Шатиловъ, и др. Въ число подсудимыхъ попали, какъ это въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, совершенно невинныя лица. Напримѣръ, московскій мѣщанинъ Пономаревъ и борисоглѣбскій—Дурасовъ. Первый жаловался губернатору, что его не пропускаютъ въ Москву, а второй просилъ у него же позволенія выѣхать въ Борисоглѣбскъ.

Виновныхъ находили, главнымъ образомъ, на общественномъ приговорѣ о прошеніи на высочайшее имя, гдѣ почти всѣ грамотные изъ нихъ подписались. Подписи собиралъ мѣщанинъ Павелъ Милицынъ, который за таковой поступокъ прошелъ сквозъ строй.

1-го сентября 1831 г., въ присутствіи флигель-адъютанта графа Ивелича, тамбовскаго полиціймейстера Есипова, оператора Грамбаума и другихъ чиновниковъ, происходила экзекуція надъ осужденными....

Тамбовъ.

И. Дубасовъ.

Стихи институтокъ и отзывъ гр. Завадовскаго

1807 г.

На кончину кн. Александра Михайловича Голицына¹⁾.

I.

Ударилъ смертный часъ... Его ужъ больше нѣтъ!..
Мы стали сироты... онъ съ нами не живетъ!
О! смерть жестокая! Кого ты похищаешь?
Зачѣмъ ты насъ отца и друга въ немъ лишаешь?
Давно-ли благостью своею онъ плѣнялъ,
И дѣтскіе умы примѣромъ восхищалъ?...
Когда-бъ изъ мирнаго, святаго пребыванья
Онъ могъ возрѣть теперь на горестъ и рыданья
Оставленныхъ дѣтей — предметъ его заботъ;
Когда-бъ онъ стону внялъ чувствительныхъ сиротъ!..
Вся жизнь его была лишь цѣнь благотвореній;
Межъ нами онъ блисталъ, какъ кроткій, тихій геній;
Безъ бранныхъ подвиговъ прославился въ дѣлахъ,
И вѣчный памятникъ воздвигъ себѣ въ сердцахъ.
Теперь, въ примѣръ друзьямъ остави добродѣтель,
Жылице лучшее избралъ нашъ благодѣтель.
Свѣтила кроткаго послѣдній лучъ погасъ;
Не узримъ мы его, не озарить онъ насъ!..
Голицынъ! миръ тебѣ! пари надъ небесами,
Плоды своихъ щедротъ ты будешь тамъ вкушать;
А мы, сражаяся и съ горемъ и съ страстями,
Здѣсь будемъ по тебѣ слезъ рѣки проливать!..

Любовь Рогова.

II.

Все тлѣнно въ мірѣ, скоротечно;
Все будетъ прахъ, все суета;
Одна лишь добродѣтель вѣчна,
Она одна лишь не мечта.
Хоть алчна смерть и прекращаетъ
Вельможъ, мужей великихъ дѣи,
Но слава ихъ не умираетъ —
Въ потомствѣ будутъ жить они.
Хотя Голицынъ не стало —
Смерть вырвала его у насъ —

¹⁾ Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ, вице-канцлеръ, род. въ 1723 г., † 1807 г. въ Москвѣ.

Но у Сатурна силы мало,
 Чтобъ могъ прервать онъ славы гласъ!
 Дѣла великихъ незабвенны!
 Князь сохранится здѣсь, въ сердцахъ;
 Вотъ памятникъ его негнѣнный!
 Ликуй, Голицынъ, въ небесахъ!
 Друзья, люющіе токи слезы! (sic)
 Потщимся князю подражать;
 Мы будемъ вмѣстѣ съ нимъ безсмертны, —
 Себя тѣмъ станемъ утѣшать.

Каменева.

Приведенныя выше стихотворенія 1807-го года воспитанницъ московскаго Екатерининскаго училища, Каменевой и Роговой, представлены были императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Ея величество приказала статсъ-секретарю Г. И. Вилламову сообщить эти стихи министру народнаго просвѣщенія, графу П. В. Завадовскому, для прочтенія. Вотъ что написалъ министръ въ отвѣтъ на отношеніе Вилламова:

„Милостивый государь мой, Григорій Ивановичъ! Стихи, сочиненныя воспитанницами московскаго Екатерининскаго училища, Каменевой и Роговою, воспалили мое воображеніе до того, что я, не будучи стихотворецъ, наслаждаюсь парнасскимъ пѣніемъ и духомъ зрю будущее время, какъ Россійскія дѣвы стройными пѣснями заглушаютъ Сафы гремящую лиру. Прошу покорнѣйше повергнуть предъ ея императорскимъ величествомъ мою всеподданнѣйшую благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ донести, что я препоручилъ сіи стихи напечатать въ періодическомъ сочиненіи, издаваемомъ отъ главнаго училищъ правленія, находя ихъ достойными того и поелику хвалимый талантъ болѣе растеть. Пребываю и проч. графъ Петръ Завадовскій“.

№ 636.

Декабря 5-го 1807 г.

Сообщ. П. И. Саввантовъ.

АЛЕКСАНДРЪ ЕФИМОВИЧЪ ИЗМАЙЛОВЪ.

род. 1779, † 1831 г.

А. Е. Измайловъ извѣстенъ въ исторіи отечественной литературы какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ баснописцевъ: его перу принадлежитъ до 120 басенъ, изъ которыхъ многія перешли въ учебники словесности и хрестоматіи; но, кромѣ басенъ, Измайловъ пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы: онъ писалъ оды, посланія, пѣсни, элегіи, сказки, мадригалы, эпиграммы, и хотя ни по предметамъ своихъ сочиненій, ни тѣмъ болѣе по образамъ и выраженіямъ, имъ зачастую употребляемымъ, онъ никакъ не могъ назваться писателемъ „для дамъ“, по таковымъ не шутя признавалъ и таковымъ любилъ себя именовать. Журналь, который издавалъ Александръ Ефимовичъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, подъ названіемъ „Благонамѣренный“, составляетъ одно изъ своеобразнѣйшихъ явленій въ русской литературѣ 1820-хъ годовъ.

Какъ чиновникъ, Александръ Ефимовичъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служилъ вице-губернаторомъ въ Твери, а потомъ въ Архангельскѣ.

Сочиненія А. Е. Измайлова, въ особенности его басни, выдержали нѣсколько изданій. Нынѣ сынъ даровитаго баснописца, Павелъ Александровичъ Измайловъ, предполагая приступить къ изданію новаго собранія сочиненій своего родителя, весьма обязательно предложилъ „Русской Старинѣ“ нѣсколько не бывшихъ въ печати эпиграммъ, шутокъ, пѣсень и сказокъ Александра Ефимовича, которыя мы и печатаемъ съ подлинныхъ его рукописей. Нечего и говорить, что эти эпиграммы и шутки за давностью лѣтъ (болѣе полулѣтка) потеряли всю свою ѣдкость и никого не должны обидѣть: онѣ сохраняютъ интересъ лишь для исторіи отношеній писателей въ давно минувшее время.

Ред.

I.

Ѳадей съ фонаремъ.

С К А З К А.

Лихой былъ встарину у насъ боецъ кулачной
Ѳадей, чугунный лобъ, мужекъ не такъ-то взрачной.

Онъ, правда, силы не имѣлъ
И биться не умѣлъ,
За то былъ очень смѣлъ.

Идетъ Ѳадей однажды съ бою,
Повѣся голову—«Ай! ай!»

Кричить съ нимъ встрѣтившисъ насмѣшникъ Николой:

«Что сдѣлалось, Ѳадей, съ тобою?»

«Добро бы ночью, а то днемъ

Идешь ты съ фонаремъ!»

— Да бились мы теперь вдвоемъ.—

«Съ кѣмъ?»—Съ Александремъ Колотушвой.—

«О, это, братъ, вѣдь не съ Павлушкой!

«Не долго съ нимъ и до бѣды!

«Да ты какъ будто пзъ воды!

Мокрехонекъ, какъ мышь!»—Я на Фонтанкѣ бился,

Погорачился, оступился,

Упалъ

И въ полынью попалъ.—

«Ну, славно-жъ въ полыньѣ, Ѳадей, ты окрестился!

«Смотри же, почитай, братъ, крестнаго отца».

— Не ставлю я его совсѣмъ за молодца

И за кулачнаго бойца.

Счастливъ онъ, что на льду вдругъ такъ я поскользнулся,

А то бы у меня самъ перекувырнулся.—

«Однако-жъ какво теперь твоимъ бокамъ?»

— И Колотушкинымъ досталось... кулакамъ!

Распухли, чаю!

Бѣда ему, когда его гдѣ повстрѣчаю!...

—«Въ другой-то разъ

«Побереги другой свой глазъ».—

Подбей онъ: я его вотъ такъ п... обругаю.

14-го и 15-го апр. 1824 г.

II.

Судья Ѳадей.

С К А З К А.

Нѣтъ, не было еще такого изъ судей,

Какое былъ встарину чугунный лобъ Ѳадей:

Цыгане всѣ ему въ безстыдствѣ уступали!

Служилъ онъ въ конницѣ, какъ ротмистръ Бранербекъ,

И изъ конюшни вдругъ переведенъ въ Приказъ!!
 Какъ встарину мѣста давали!
 Однако же Приказъ не то вѣдь, что Парнассъ!
 И на Парнассъ здѣсь кого мы не видали!

Оадей

Не изъ ученыхъ былъ людей,
 Не такъ-то грамотенъ; въ Приказѣ-жъ былъ подъячій,
 Подъячій съ приписью, искусникъ, сынъ собачій!
 Зналъ всѣ крючки, но не былъ смѣль;

Влудливъ какъ котъ, трусливъ же какъ зайчишка,
 Подъяческая такъ душишка!

И потому одинъ не могъ онъ дѣлать дѣлъ.

Подъячій походилъ на хитрую собаку,

Которая изъ-подтишка

Кусаетъ, а не лѣзетъ въ драку,

Чтобы не потерять ушка.

Оадей же сдуру лѣзъ всегда, какъ конь въ атаку.

Но, впрочемъ, былъ онъ не дуракъ:

Судилъ почти всегда вотъ такъ:

«Какъ смѣлъ ты вопреки закону

Для церкви поправлять икону?»—

Онъ подсудимаго въ присутствіи спросилъ,

А подсудимый самъ иконописецъ былъ.

Тотъ отвѣчаетъ смѣло:

— А мнѣ какое дѣло?

Отецъ Василій мнѣ икону эту далъ;

Такъ я ее и подновлялъ.»

«Добро бы подновлялъ ты краски,

«Зачѣмъ, скажи, перемѣнилъ?

«Такіе-ль были прежде глазаи?

Такой ли носикъ?»—Нѣтъ, ужъ слишкомъ малъ былъ носъ,

Такъ я его прибавилъ;

Одинъ глазъ былъ великъ; такъ его убавилъ,

Да и спрямилъ, чтобы угодникъ не былъ косъ.—

«А знаешь, сказано, что еще кто прибавитъ

«Или убавитъ,

«Да будетъ проклятъ тотъ!»

Вотъ какъ священное писанье понялъ скотъ!

— Помилуйте!...—«Ни слова больше!

«Вотъ я тебя уйму!

«Въ тюрьму!

«Я знаю какъ судить: вѣдь я и выросъ въ Польгѣ!»

Избави, Господи! насъ отъ такихъ судей,

Каковъ безграмотный чугунный лобъ Оадей!

30-го и 31-го мая 1824 г.

III.

ПѢСНЯ.

Пусть задорный нашъ Ѳадей
 Отъ бездѣлья лаетъ
 На свиней и на людей,
 Сзади всѣхъ бусааетъ.
 Я Ѳадею не спустилъ,
 Въ полынѣ его крестилъ:
 Будетъ помнить вѣкъ меня
 Крестный мой сыночекъ.

Пусть Павлушка мѣдный лобъ
 Дураковъ морочить,
 Лжетъ бездѣльничъ, какъ холопъ,
 Обмануть всѣхъ хочеть.
 Я безстыднаго лгуна,
 Вора Павла Скотина,
 За языкъ, въ примѣръ другимъ,
 На сосну повѣсилъ.

IV.

Эпиграмма.

Ну, исполать Ѳадею!
 Примѣръ прекрасный подаетъ!
 Противъ Отечества давно-ль служилъ злодѣю,
 А «Сынъ Отечества» теперь онъ издаетъ.

Ноябрь 1824 г.

V¹⁾.

Сленина лавка.

У Сленина въ лавкѣ на креслахъ сижу,
 На книги, портреты смотрю и глажу —
 Вотъ Бардъ нашъ Державинъ, вотъ Дмитревъ, Крыловъ!
 А вотъ Каталани, подъ нею Хвостовъ.
 Тимковскаго—ценсора тутъ же портретъ,
 Есть даже Гераковъ—Измайлова-жъ нѣтъ!
 Авось доживу я до свѣтлаго дня!
 Авось въ книжной лавкѣ повѣсятъ меня!

¹⁾ Это стихотвореніе не вошло въ собраніе сочиненій А. Е. Измайлова, но было приведено въ одной изъ статей позднѣйшаго времени. Здѣсь оно печатается по рукописи автора.

*

Чу! чу! колокольчикъ въ сѣняхъ зазвенѣлъ;
Хозяинъ съ улыбкой къ дверямъ полетѣлъ.

Кого-то къ намъ въ лавку лукавый принесъ?
Не Графъ-ли? Нѣтъ, польскій задорный нашъ

Измайлова видя, блѣднѣетъ вдругъ онъ,
И крестному батькѣ отвѣсилъ поклонъ.

Приходитъ Рылѣевъ, Бестужевъ и Гречъ,
Языкъ бы послѣднему надо присѣчь.

Вотъ Сомовъ вбѣгаетъ, вотъ входитъ Козловъ,
А вотъ изъ сената заѣхалъ Хвостовъ.

Въ собраніи этихъ почтенныхъ людей
Къ Измайлову рѣчь обращаетъ Ѳадей:

«Что? сказочки нѣтъ-ли какой на меня?»
— Есть! Бойся ты сказокъ моихъ какъ огня,

Любезный мой крестникъ, изволь, одолжу,
Три новыя сказки тебѣ я скажу.

Кусаль задорный большую свинью,
А я его кинулъ подъ ледъ въ полыню.

Съ полякомъ бездушнымъ я бился вдвоемъ
И съ боя бѣжалъ онъ, въ слезахъ, съ фонаремъ.

Безграмотный ротмистръ-бѣглець былъ у насъ.
Судью его посадилъ я въ Приказъ.....

Н. Н. взялъ шляпу и вонъ побѣжалъ,
А то бы Измайловъ еще продолжалъ.

VI.

Свекровь и Невѣстка.

сказка ¹⁾).

«Стыда въ тебѣ нѣтъ, молодница!»—
Невѣстуху свою журила такъ свекровь,
Шестидесяти лѣтъ вдовица,
Которая давно забыла ужъ любовь
И только лишь себя да водочку любила,
Пила, молилась, бранилась, дѣвокъ била.
«Сегодня—среда,

¹⁾ Эта сказка напечатана въ собраніяхъ басенъ А. Е. Измайлова, но въ нѣкоторыхъ словахъ подлинная рукопись автора представляетъ различіе съ печатнымъ текстомъ.

А что ты дѣлала?»—Что?—«Съ мужемъ цѣловалась!
 «По-утру давнче къ свѣтлицѣ я подералась,
 «Все видѣла въ замокъ!»—Ну, что же за бѣда?
 Вѣдь съ мужемъ, не съ чужимъ; такъ въ этомъ нѣтъ стыда!—
 «Да, грѣховодница, сегодня—середа!...
 «Дивлюсь, какъ не болятъ у васъ, проклятыхъ, губы!
 «Безъ поцѣлуевъ имъ зимою какъ безъ пшубы!
 «Въ чемъ сласть нашли!»—Да что твой медъ!—
 «А я такъ третій годъ,
 «Голубушка моя, вдовѣю—
 «Вотъ не цѣлуюсь, а жива!
 «Да и въ замужествѣ была я какъ-ва!
 «Не вѣшалась Пахомычу на шею!
 «Скажи, видала-ль ты когда,
 «Чтобъ мы съ нимъ цѣловались?...
 «Объ масляной... Святой... да развѣ вотъ тогда,
 «Какъ помиримся съ нимъ, а рѣдко вѣдь дирались!»
 — Да полно, матушка-свекровь!
 Вѣдь мы, со Власнчемъ, вамъ не мѣшали драться,
 Такъ не мѣшай намъ цѣловаться,
 Когда Господь намъ дать совѣтъ да и любовь.
 Состарѣмся мы и перестанемъ самп
 Другъ дружку цѣловать.
 Увы! проходитъ все съ лѣтами!
 Нельзя вѣкъ въ куклы намъ играть,
 Нельзя вѣкъ цѣлый танцовать;
 Съ лѣтами все мы оставляемъ,
 И что любили мы, въ друтихъ тѣ осуждаемъ—
 А осуждать грѣшно!—
 Но осуждать любовь грѣшно да и смѣшно!

16-го и 20-го сент. 1824 г.

VII.

Я. В. Вилліе ¹⁾).

Царева здравіа блюститель,
 Совѣтникъ тайный, баронетъ,
 Глава врачей и покровитель,
 Живи счастливо до ста лѣтъ!
 Живи, почтенный баронетъ!
 Живи и болѣе ста лѣтъ.

Бывало только и лѣчили
 Одни лишь нѣмцы грѣшныхъ насъ;
 Здѣсь медицинѣ не учили,
 Но ты, ты намъ врачей припасъ.
 Свои врачп у насъ ужъ есть:
 Хвала, хвала тебѣ и честь!

¹⁾ Пѣты за ужиномъ у Кайдановыхъ на 1-е января 1825 г.

Твои въ Россіи учрежденья
 Большую пользу принесли
 И, съ Божьяго благословенья,
 Жизнь тысячамъ людей спасли.
 И не въ однихъ госпиталяхъ—
 Вездѣ: на сушѣ, на моряхъ.

Душой ты истинный шотландецъ:
 Пгвняешь сердца добротой;
 Рѣшителенъ, смѣлъ какъ британецъ,
 Въ дѣлахъ отличенъ правотой.
 Что думаешь, то говоришь
 И за своихъ горой стоишь.

Всѣ при тебѣ служить желаютъ
 И лѣкари, и доктора;
 Тебя всѣ любятъ, почитаютъ
 Студенты и профессора—
 Весь медицинскій факультетъ.
 Не лжемъ мы право, баронетъ.

Хоть очень ты ученъ и знатенъ,
 Не гордъ однако, не снѣсивъ,
 Въ бесѣдахъ весель, миль, пріятенъ
 И остроуменъ, и шутливъ.
 Съ тобою весело служить.
 Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ прожить!

30-го декабря 1824 г.

VIII.

Несчастія Андромахи.

О, какъ несчастна Андромаха!
 Пирръ бѣдную вдову въ отчаянье привелъ;
 Парнасскій-же козелъ,
 Риемачъ, палачъ Хвостовъ неряха,
 Расиновъ снялъ съ нея нарядъ,
 Да въ сарафанъ одѣлъ китайчатый—и радъ.
 Катенинъ, наконецъ, съ ней поступилъ тирански:
 Заставилъ говорить безъ смысла по-славянски.
 21-го января 1825 г.

IX.

Саратовскому вице-губернатору.

Имѣю честь
 Препроводить при семъ бумаги дестъ,
 Почтовой и простой, картузной и голландской,
 Отборныхъ перьевъ, сургучу,
 Иголокъ, ниточекъ, шелкъ лучшей шемаханскій.

За честь почту себѣ, когда я получу
Отъ васъ, на это отношенье,
Квитанцію или увѣдомленье.
Свидѣтельству вамъ отличное почтенье

Казначей Н. Н.

Х.

Бѣжецкая вице-губернаторская пѣсня.

Сажу на кровати, а самъ я дремлю
И, кажется, носомъ я рыбу ловлю.

Въ рукѣ табакерка—ну, точно утюгъ,—
И на полъ роняю со сна ее вдругъ.

И рабъ, пробужденный паденьемъ серебра,
Никифоръ, въ просонкахъ, встаетъ вдругъ съ одра.

Сперва табакерку онъ мнѣ подаетъ,
Подаетъ, а меня на постелю бладетъ,

Покроетъ и скажетъ: «ну, спите, сударь,
Давно ужъ храпите и вашъ секретарь».

Нюхну табачку, къ стѣнѣ обернусь,
А самъ то и дѣло крещусь, да крещусь.

Забудусь—и страшное вижу во снѣ:
То бѣсъ кривоносый представится мнѣ.

«Анаема! шельма!» какъ Стенторъ кричу,
И по носу треснуть его я хочу.

То вижу отдатчиковъ, земскыхъ, головъ
И рекрутовъ тощихъ, трехъ меньше вершковъ.

«Затылокъ!» Зачѣмъ вы даете такихъ?
Гдѣ-жъ лучше? Дома оставили ихъ?»

Въ сторонкѣ у двери отдатчикъ холоидъ
Такъ молить глазами, чтобъ крикнулъ я: «лобы!»

Вотъ съ просьбой мужикъ на колѣняхъ ползеть,
И самъ Новиковъ мой ее не пойметъ,

Хотя въ протоколахъ острилъ онъ свой умъ:
Скорь, быстръ, суетливъ,—притомъ же мнѣ еумъ.

Читаю молитвы во снѣ и стихи,
А все худо спится—ну, знать,—за грѣхи!

Засну и проснуся, зѣвну и вздохну
И нехотя вспомню про душку жену.

Бывало недугъ при ней—не недугъ:
Все легче какъ вмѣстѣ, какъ съ милой самъ-другъ.

Не дай Богъ въ чужбинѣ, не дай Богъ хворать,
А хуже того еще—умирать.

Хотя-бъ кривоносый явился теперь
И снесъ бы на часикъ, или два, меня въ Тверь.

Нѣтъ, видно, еще двѣ недѣли терпѣть,
А тамъ въ Волочокъ чрезъ Тверь полетѣть.

29-го ноября 1827 г.

XI¹⁾.

Инструкція женѣ моей, Тверской вице-губернаторшѣ.

1.

Хоть ты и очень мнѣ мила,
Однако же отнюдь не смѣй входить въ дѣла
Ни по которому палаты отдѣленью:
Не твоему, а моему вѣдъ управленью
Палата здѣшняя поручена.
Вице-губернаторнѣ нѣтъ дѣла до вина,
Въ моемъ распоряженіи власти,
Вино и хлѣбъ, и соль,
И деньги, и контроль.
Я не вхожу въ дѣла по вашей дамской части
И слушаться въ дѣлахъ казны не стаду дамъ.
Не Евва ты, я—не Адамъ;
Не дамъ прельстить тебя изгибистому змѣю,—
Льстецовъ, наушниковъ и сплетниковъ всѣхъ въ шую.
Смотри-жь, пока живемъ въ Твери,
Ни съ кѣмъ не говори
Ни про уѣздныя правленья,
Ни про палатскія дѣла, опредѣленья;
Не говори о томъ ни съ кѣмъ, ниже со мной.
Не долженъ говорить мужъ о дѣлахъ съ женой.
Противно это учрежденью
О управленіи губерній, поставленью
Палатамъ данному; въ уставѣ о вѣнѣ
Не сказано, чтобъ мужъ давалъ отчетъ женѣ.

¹⁾ Въ семействѣ нашемъ сохранилось преданіе, будто эта инструкція доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія покойнаго императора Николая Павловича и государь при прочтеніи ея много смѣялся.

2.

Не будь, сударыня, болтлива,
 Не будь горда, властолюбива,
 А также и хвастлива.
 Боль станешь говорить при комъ, то не спѣши,
 Скороговоркою въ собраньяхъ не смѣши.
 Не то, такъ прозовутъ насмѣшники чечоткой,
 Сорокой или трещоткой.
 Съ торговокъ барышнямъ примѣры стыдно брать:
 Имъ должно говорить порядочно, не врать.
 Кто старѣ тебя, тѣхъ выше не садися,
 Всегда имъ мѣсто уступай,
 Вицъ-губернаторствомъ пустымъ не вознопись
 И дамою себя второю не считай;
 Учтиво, ласково со всѣми обходися.
 Хоть первый я въ Тверской губерніи поэтъ
 И въ храмъ безсмертія мной кончена дорога,—
 Но я горжусь-ли тѣмъ?—Нѣтъ, нѣтъ!
 Притомъ таланты всѣ имѣемъ мы отъ Бога,
 Чины-жъ даетъ сенатъ, не только государь.
 По мнѣ, хорошій секретарь
 И даже регистраторъ
 Почтеннѣе, чѣмъ злой дуракъ вицъ-губернаторъ.

3.

Изъ сплетницъ ежели составишь штатъ себѣ,
 Которыя придутъ къ тебѣ
 Съ улыбкой цѣловать тебя не въ щечки—въ плечи,
 И стануть говорить тебѣ на счетъ другихъ
 Нарочно злыя рѣчи,
 Чтобъ попросила ты меня о чемъ для нихъ,
 Дать мужу, напримѣръ, чинокъ или награжденье,
 Племянничка опредѣлить,
 Для кума покривить душой въ опредѣленьи,
 Или какъ-нибудь кого по службѣ притѣснить:
 То, не прогнѣвайся, взбѣшуся,
 На старости съ тобою разведуся.
 Серьезно говорю.—
 А сплетницъ кофеемъ горячимъ обварю,
 Пусть жалуются хотъ царю.

4.

Не странничай и не срамись:
 У будки не садись;
 Не останавливай идущихъ
 Кухарокъ изъ мясныхъ рядовъ,
 улыби подъ мышкою, или на плечахъ несущихъ—

Не ревизуй у нихъ кульковъ;
 Не дѣлай имъ пустыхъ вопросовъ,
 Особенно допросовъ
 Пристрастныхъ: сколько въ годъ
 Иль въ мѣсяцъ отъ казны хозяинъ получаетъ?
 Почему квартиру нанимаетъ?
 Кто у него бываетъ?
 И какъ великъ его несоладный доходъ?
 Отъ зависти отнюдь въ лицѣ не измѣняйся
 И слезы скрыть старайся,
 Коль гость ѣсть много или пьетъ,
 Иль скатерть невзначай виномъ какимъ залеть,
 Хоть больно, лучше притворися,
 Иль къ людямъ придерися
 И пошуми на ихъ побольше за столомъ—
 Такъ менѣе сѣйдутъ и скажутъ: «вотъ и видно,
 «Вицъ-губернаторна въ порядкѣ держать домъ!
 «Хозяйка!»—Плакать же при постороннихъ стыдно.

5.

Передъ гостями
 Не осыпай меня смѣшными похвалами;
 Не говори:
 «Какъ мучится мой мужъ въ Твери!
 «Одышка сдѣлалась отъ дѣла, насилу дышетъ,
 «А бѣднейшой съ утра до полуночи пишетъ!
 «За дѣломъ онъ всегда.
 «Повѣрь другимъ—бѣда!
 «Способностью къ дѣламъ давно онъ всѣмъ извѣстенъ.
 «А какъ уменъ! какъ добръ! какъ честенъ!
 «Ужъ не возьметъ ни за что ни съ кого.
 «За то у насъ нѣтъ ничего...
 «Долги.. А какъ берутъ другіе!
 «Такой-то, напрямѣръ, купилъ недавно домъ,
 «Признаться, пополамъ съ грѣхомъ—
 «И строится теперь, да бревна-то какія!»
 Подобныхъ пустяковъ отнюдь не говори.
 Не должно увѣрять намъ о себѣ словами,
 А, знаете чѣмъ?—Дѣлами.
 Ей, ей! не дураки въ Твери:
 Хорошъ-ли кто?—Всѣмъ это видно.
 А дурень? Ну, тому и стыдно,
 А если золь, такъ грѣхъ!
 И будетъ тотъ у всѣхъ
 Не только что въ презрѣнны,
 Но въ омерзены.

19-го окт. 1827 г.
 и 22-го апр. 1828 г.

Сообщ. П. А. Измайлловъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ 1875 ГОДУ.

До сихъ поръ далеко не исчерпанный запасъ матеріаловъ, послужившій основаніемъ „Русской Старинѣ“ шесть лѣтъ тому назадъ и ежегодно усиливающійся, неизсякаемымъ наплывомъ сообщеній со всѣхъ концовъ Россіи, а частію и изъ-за границы, отъ нашихъ соотечественниковъ, — новыхъ матеріаловъ, въ видѣ фамилныхъ документовъ, дневниковъ, писемъ, архивныхъ дѣлъ, записокъ (мемуаровъ), воспоминаній и статей позволяютъ редакціи „Русской Старины“ разнообразить составъ ея книгъ, доставляя серьезное и занимательное чтеніе лицамъ всѣхъ классовъ общества. Это разнообразіе придаетъ „Русской Старинѣ“ характеръ обширной справочной книги, исторической энциклопедіи, преимущественно XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка.

Вполнѣ сознавая, что общее радушное сочувствіе къ „Русской Старинѣ“ обязываетъ редакцію прилагать неутомимыя заботы о возможномъ усовершенствованіи изданія, она всегда прислушивалась и прислушивается къ отзывамъ читателей, всегда принимая въ свѣдѣнію всякое разумное, справедливое замѣчаніе, особенно съ удовольствіемъ принимая поправки и указанія на погрѣшности въ сообщаемыхъ „Русской Стариной“ матеріалахъ и статьяхъ.

Цѣль и направленіе „Русской Старины“ извѣстны читателямъ изъ нашихъ обзоровъ минувшихъ лѣтъ. Не повторяя уже сказаннаго, приступаемъ къ обычному обозрѣнію и группировкѣ статей, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ въ истекшемъ 1875 году (шестой годъ нашего изданія).

I.

Первый отдѣлъ неизмѣнно принадлежитъ запискамъ (мемуарамъ). Главное достоинство этого рода произведеній, по нашему мнѣнію, заключается не въ красотѣ слога, не въ картинности изложенія, но единственно въ правдивости разсказа очевидца событій, или—что еще того драгоценнѣе—лица, принимавшаго участіе въ томъ событіи. Само собою разумѣется, что отъ степени этого участія зависитъ самый интересъ записокъ: запискамъ дѣятеля первостепеннаго мы всегда охотнѣе удѣлимъ мѣсто на страницахъ „Русской Старины“, нежели воспоминаніямъ участника-исполнителя чужой воли, лица, не приказавшаго, по только повиновавшагося, — лица, перѣдко по своему положенію не могшаго видѣть и знать главнѣйшія причины описываемаго имъ событія. Съ другой стороны, въ запискахъ и воспоминаніяхъ самый предметъ ихъ мы всегда ставимъ выше лица, которымъ онѣ писаны.

Изъ мемуаровъ и воспоминаній въ теченіе 1875 года въ „Русской Старинѣ“ напечатаны:

Записки донскаго атамана Денисова, обнимающія періодъ съ 1799 по 1821-й годъ, въ которомъ престарѣлый герой, уволенный въ отставку, сошелъ съ своего ратнаго поприща и зажилъ далеко не въ довольствіи въ сельскомъ уединеніи. Со складомъ рѣчи удалца атамана, чуждой риторической мишуры, съ простодушной искренностью его разсказовъ о геройскихъ подвигахъ, которые онъ самъ и за подвиги не признаетъ,—читатели уже знакомы изъ первыхъ главъ „Записокъ“, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ въ минушемъ 1874 году. Какъ матеріалъ для исторіи кампаній Суворова, первой французской и 1812 года,—Записки Денисова, безъ сомнѣнія, особенно цѣнны.

Вторженіе французовъ въ Россію въ 1812 году,—разсказъ епископа Буткевича (переводъ съ польской рукописи). Авторъ разсказа—очевидецъ вступленія Наполеона въ Литву, а черезъ полгода его бѣгства,—былъ въ ту достопамятную эпоху ученикомъ одного изъ мѣстныхъ лицеевъ. Простымъ, безъискусственнымъ слогомъ описываетъ онъ событія, мало приносящія чести „великой арміи“ и пизводящія на степень обиденнаго человѣка великаго сына судьбы, котораго голодъ довелъ до того, что онъ со своими джуршыми офицерами собственноручно ловилъ курицу въ саду бѣднаго ксепдза, пезадолго предъ тѣмъ ограбленнаго французскими войсками... Ловля курицы наполеоновскими орлами—явленіе, безспорно, смѣшное, и если во время бѣгства изъ Россіи Наполеонъ сказалъ: „отъ великаго до смѣшнаго одинъ

только шагъ“, то фактъ, приводимый въ рассказѣ Буткевича, невольно заставляетъ сказать наоборотъ, что одинъ шагъ бываетъ также и отъ смѣшнаго до великаго: черезъ нѣсколько дней, по мановенію руки, ловившей курицу, несмѣтныя полчища, переправясь черезъ Нѣмань, вступали въ русскіе предѣлы.

Записки И. С. Жиркевича (1815—1819)—рядъ бытовыхъ картинъ, написанныхъ живыми красками и бойкой кистью. Двѣ изъ нихъ особенно выдаются, оставляя прочія на второмъ планѣ: описаніе домашняго быта двухъ помѣщиковъ срединной Россіи, графа С. М. Каменскаго и графа Чернышева. Эти оба типа, вполне другъ другу противоположные, нынѣ принадлежать къ числу исчезнувшихъ безвозвратно съ лица родной земли. С. М. Каменскій — плантаторъ съ художественными наклонностями; съ плетью въ рукахъ онъ дрессируетъ изъ своихъ крѣпостныхъ балетную и оперную труппы. Домъ — полная чаша, въ которой однако же большая доля грязи, а обстановка — смѣсь восточной роскоши съ татарской неряшливостью. Помѣщикъ-самодуръ, погруженный въ зефировъ и амуровъ, убилъ на домашній театръ все свое состояніе, не оставивъ даже послѣ себя денегъ на приличное погребеніе. И затѣмъ, въ параллель этому типу, И. С. Жиркевичъ выводитъ въ своихъ Запискахъ семейство графа Чернышева — полный цвѣтъ истинно русскаго радушія, гостепримства и той задушевности, которая съ первой же встрѣчи располагаетъ къ человѣку. Въ домѣ Чернышевыхъ тоже роскошь, всего вдоволь: но все изящно, въ малѣйшей бездѣлицѣ проявляется образованный вкусъ хозяевъ. Дворянъ сытая, опрятно одѣтая; крестьяне зажиточные, вполне довольные своей судьбой. И графъ Чернышевъ, избалованный богатствомъ, не чуждъ нѣкоторыхъ странностей и причудъ; но эти странности и причуды совершенно невинны, безвредны: это не доморощенная опера графа Каменскаго, въ которой плеть его сѣятельства замѣняла жезлъ дирижера.

Воспоминанія П. М. Дарагана, перваго камеръ-пажа великой княгини (императрицы) Александры Θεодоровны, (1817—1819)—читаются легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ; въ нихъ очевидецъ рассказываетъ о домашнемъ бытѣ царской фамиліи, семейныхъ радостяхъ, забавахъ и развлеченіяхъ августѣйшихъ ея членовъ. Въ отношеніи историческомъ Воспоминанія эти имѣютъ то достоинство, что въ нихъ видимъ первоначальную складку и первыя типическія черты характера юнаго великаго князя Николая Павловича, изъ которыхъ въ послѣдствіи выработался исполненный энергіи характеръ представителя верховной власти, которому довелась борьба почти со всей Европой. Кромѣ любопытныхъ подробностей придворнаго быта того

времени, вѣскольکو страницъ Воспоминаній посвящены описанію празднествъ Москвы по случаю рожденія въ ея Кремль великаго князя, внѣя благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича.

Воспоминанія П. А. Каратыгина (1818—1825). Вмѣстѣ съ весьма многими изъ нашихъ читателей не можемъ не посѣтовать, что нашъ уважаемый ветеранъ русской сцены, слинкомъ рѣдко сообщаетъ выдержки изъ своихъ многолѣтнихъ воспоминаній. Дневникъ каждаго художника, безспорно, любопытенъ, но дневникъ или воспоминанія артиста сценическаго—несравненно интереснѣе. Въ нихъ онъ имѣетъ возможность высказать нѣскольکو драгоценныхъ замѣтокъ о теоріи сценическаго искусства, о тайнахъ артистическаго творчества, объ умѣннн создать живой типъ изъ личности, созданной воображеніемъ автора. Повторимъ ту мысль, которую П. А. Каратыгинъ уже высказалъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: композиторъ, живописецъ, няетель завѣщаютъ потомству свои произведенія, которыя даютъ имъ право на безсмертіе, но сценическій артистъ безслѣдно исчезаетъ съ житейской арены. По случаю кончины своего брата В. А. Каратыгина, нашъ почтенный артистъ сказалъ слѣдующій, вполне правдивый экспромтъ объ участи сценическаго артиста:

Актерь въ потомствѣ не живетъ!
 При жизни онъ въ почетѣ громкомъ—
 По свой талантъ въ могилу унесетъ
 И ничего не передастъ потомкамъ!...

Но независимо отъ того, что Воспоминанія артиста приносятъ пользу искусству, спасаютъ имя автора отъ несправедливаго забвенія—чтеніе ихъ особенно назидательно готовящимся посвятить себя театральной карьерѣ: онѣ знакомятъ его съ тѣми преградами и тормазами, которые даровитому артисту приходится встрѣчать чуть ни на каждомъ шагѣ своего поприща; онѣ внушаютъ новичку, что нуженъ громадный запасъ силы воли, чтобы слѣдовать артистическому призванію.

Воспоминанія В. В. Самойлова (1835—1845) могутъ служить подтвержденіемъ сказанному выше. Первые десять лѣтъ сценическаго поприща этого талантливѣйшаго артиста современнаго русскаго театра были тяжкими годами испытанія его терпѣнія и, къ счастью, его неистощимой энергіи. Самойловъ не затерялся въ толпѣ театралныхъ посредственностей; взглядъ августѣйшаго покровителя отечественныхъ талантовъ вызвалъ его со втораго на первый планъ и указалъ ему на достойное его мѣсто. Представимъ же себѣ на мѣстѣ Самойлова человека точно такъ же талантливаго, но недовольно энергичнаго, безхарактернаго,—

и судьба его рѣшена: онъ ищетъ нравственной поддержки въ рюмгѣ, спивается и гибнетъ, какъ, въ несчастію, у насъ на Руси гибли и гибнуть многіе даровитые люди по невозможности, или по неумѣнью проложить себѣ дорогу. Самойлову, помимо благопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ, много содѣйствовало полученное имъ образованіе; ему былъ доступенъ художественный кружокъ, онъ пользовался пріязнью Брюлова, Глинки и друг. Его участь, даже въ началѣ тернистаго артистическаго поприща, можно было назвать завидною, — сравнительно съ участію какого-нибудь художника-самоучки, бѣднаго кантониста, въ послѣдствіи загнаннаго писаря, который однако же сохранилъ въ своей артистической душѣ божественную искру таланта не далъ ей погаснуть подъ дуновеніемъ грубыхъ страстей, сберегъ ее, какъ святыню, отъ заплеванія ближайшаго своего начальства, которое, не краснѣя, крикнуло писарю-художнику:

— „Солдатъ! съ чего ты взялъ идти въ академію?! Да ты знаешь-ли: я сейчасъ же прикажу съ тебя галуны спороть и въ арестантскія роты! Да какъ ты осмѣлился это задумать!“

Къ счастью для солдата, талантъ его обратилъ на себя вниманіе императора Николая Павловича: вмѣсто арестантскихъ ротъ, граверъ-самоучка попалъ въ академію художествъ и нынѣ это никто иной, какъ академикъ, граверъ Его Императорскаго Величества, нашъ даровитый Л. А. Сѣряковъ, съ изящными произведеніями котораго читатели „Русской Старины“ знакомы съ перваго же года нашего изданія. Разказы художника о его дѣтствѣ и тяжкихъ годахъ солдатчины составляютъ предметъ его автобіографіи:

Моя трудовая жизнь (1824 — 1874). Съ особеннымъ удовольствіемъ печатали мы эти скорбныя воспоминанія художника: о его дѣтствѣ, проведенномъ въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ ужасовъ безумнаго мятежа и кровавой расправы съ мятежниками; о его отрочествѣ и юности, проведенныхъ въ тѣсныхъ казармахъ, подъ ферулою шпицрутеновъ, въ постоянной борьбѣ со всякаго рода лишеніями; наконецъ, о той благословенной порѣ, когда надъ художникомъ прояснѣло небо и онъ разстался съ своей тяжелой долей. Мы печатали эти воспоминанія, помимо ихъ автобіографическаго интереса, еще съ той мыслию, что воспоминанія Л. А. Сѣрякова, быть можетъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ ихъ читателей попадутся въ руки человѣку, подобно нашему Л. А. Сѣрякову, талантливому и поставленному въ болѣе или менѣе неблагопріятныя условія, какъ и нашъ художникъ... Чтеніе воспоминаній поддержитъ въ немъ энергію, вдохнетъ въ него надежду и онъ приметъ въ руководство завѣтныя слова, которыми Л. А. Сѣряковъ заканчи-

вааетъ свои прямодушные, безыскусственные рассказы: „трудомъ, терпѣніемъ и энергіей всегда можно достигнуть разъ предполагаемой цѣли, въ особенности, если эта цѣль—служеніе на поприщѣ художествъ и искусства“.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго (1824—1865) посвящены памяти покойныхъ: А. С. Шишкова, И. Л. Туркула и рассказамъ о ценсурѣ былыхъ временъ. Должно замѣтить, что авторъ Воспоминаній съ 1853 по 1865 годъ былъ членомъ главныхъ управленій по дѣламъ печати, а съ 1830 по 1858 годъ издавалъ, на польскомъ языкѣ, политико-литературную газету „Tygodnik“, слѣдовательно, по собственнымъ его словамъ: „имѣеть нѣкоторое право считать себя свѣдущимъ въ біографіи покойной ценсуры“.

Цензуру авторъ весьма справедливо сравниваетъ съ полиціей. Пользуясь этимъ сравненіемъ, мы можемъ только сказать, что цензура и полиція 1830—1840 годовъ смѣло могли, протянувъ руки другъ другу, назваться родными сестрами. Какъ городскіе обыватели, имѣвшіе несчастье по какимъ-либо дѣламъ сноситься съ полиціей, недоумѣвали: на пользу или во вредъ городу она учреждена,—тѣмъ же самымъ вопросомъ задавались и несчастные писатели, имѣвшіе столкновение съ ценсурой, т. е. полиціей литературной. На долю О. А. Пржецлавскаго выпала довольно рѣдкій жребій—въ теченіе двадцати восьми лѣтъ испытывать гнетъ цензуры, а затѣмъ двѣнадцать лѣтъ самому служить въ ценсурномъ вѣдомствѣ и во всѣхъ топкостяхъ изучить механизмъ этого учрежденія. Поэтому Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго о ценсурѣ былыхъ временъ составляютъ цѣнный матеріалъ для будущей исторіи отечественной цензуры, преобразованной къ лучшему одновременно съ градскою полиціей. Біографіи А. С. Шишкова и И. Л. Туркула знакомятъ съ характеристикой двухъ государственныхъ дѣятелей, далеко не равныхъ по заслугамъ и по значенію, которое имѣли въ государственной администраціи. Увлекаясь чувствами любви и уваженія къ соотечественнику, почтенный біографъ въ воспоминаніяхъ о И. Л. Туркулѣ—весьма пространныхъ и многостороннихъ—нѣсколько впадаетъ въ тонъ панегирика. Не сомнѣваемся въ справедливости похвалъ автора Воспоминаній, однако же не можемъ и не допустить возможности появленія замѣтокъ и дополненій къ характеристикѣ бывшаго статсъ-секретаря, члена государственнаго совѣта и комитета министровъ И. Л. Туркула.

Дневникъ В. К. Кюхельбекера (1831—1833). Полная біографія В. К. Кюхельбекера, предшествующая дневнику и составленная по документамъ и свѣдѣніямъ, сообщеннымъ на страницы „Русской Старины“ его дочерью,—печатается впервые: до сихъ поръ покровъ

забвенія скрывалъ это имя; отечественная литература не имѣла права считать его своимъ достояніемъ. Къ біографіи приложены письма, писанныя къ Кюхельбекеру, задолго до постигнаго его несчастія, Гнѣдичемъ, Воейковымъ, барономъ Дельвигомъ, Грибоѣдовымъ, Е. А. Энгельгардтомъ, Жуковскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, Плетневымъ, Туманскимъ, Баратынскимъ и друг. знаменитыми писателями и педагогомъ—какимъ былъ доброй памяти Энгельгардтъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ (Грибоѣдова, Энгельгардта и Жуковского), проникнутыя чувствами самой теплой пріязни, свидѣтельствуютъ о высокихъ душевныхъ качествахъ даровитой натуры В. К. Кюхельбекера: человекъ безъ этихъ достоинствъ не могъ пользоваться дружбой Грибоѣдова и Е. А. Энгельгардта; съ бездарностью не вели бы переписки именитые писатели александровскаго времени. Дневники В. К. Кюхельбекера писаны имъ во время его заключенія въ крѣпостяхъ и на поселеніи въ Сибири. О дневникахъ „узника и поселенца“ скажемъ здѣсь то, что мы говорили о нихъ, приступая къ ихъ печатанію: „они дають богатый матеріалъ для обрисовки литературнаго и философскаго направленія представителей русскаго образованнаго общества первой четверти XIX вѣка, занимающихъ еще недостаточно выясненное мѣсто въ исторіи развитія нашей общественной жизни“.

Воспоминанія В. И. Фельзнера заключаютъ въ себѣ рассказъ о поѣздкѣ императора Николая Павловича въ Стокгольмъ въ 1838 году. Поѣздка эта была совершена покойнымъ императоромъ вполнѣ неожиданно для короля шведскаго, предполагавшаго видѣть своими гостями только наслѣдника цесаревича и августѣйшихъ его братьевъ Николая и Михаила Николаевичей. Пріятный сюрпризъ, сдѣланный императоромъ Николаемъ Павловичемъ королю шведскому Бернадотту, могъ служить знакомъ того искренняго уваженія, которое государь питалъ къ престарѣлому королю—доброму сосѣду Россіи. Поѣздка эта имѣла характеръ простой прогулки моремъ, такъ мало придавалъ ей покойный императоръ характера серьезнаго путешествія; тѣмъ не менѣе, въ политическомъ отношеніи эта поѣздка имѣла большое значеніе. Пріѣздъ русскаго императора за-просто въ гости къ королю шведскому съ сыновьями, наслѣдникомъ престола и младшими, едва вступившими изъ младенческаго въ отроческій возрастъ, былъ какъ бы залогомъ упроченія тѣхъ взаимно мирныхъ, дружелюбныхъ отношеній, въ которыхъ съ давней поры находятся Швеція и Россія. Рассказъ В. И. Фельзнера можно сравнить съ легкимъ акварельнымъ наброскомъ: никакихъ лишнихъ прикрасъ, простое изложеніе фактовъ, безъ всякаго, однако же, официальнаго оттѣнка.

Воспоминанія Л. И. Кармалиной, рожденной Бѣленицкой:

М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій. Краткіе рассказы Л. И. Кармалиной, любительницы музыки и даровитой пѣвицы-диллетантки, пользовавшейся совѣтами ей хорошо знакомыхъ М. И. Глинки и А. С. Даргомыжскаго, заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытнѣйшихъ чертъ къ характеристикѣ нашихъ двухъ талантливыхъ (хотя и далеко не равносильныхъ) композиторовъ.

Послѣдняя польская смута 1861—1864 гг.—продолженіе рассказовъ очевидца, начатыхъ въ „Русской Старинѣ“ въ минувшемъ году. Здѣсь воспоминанія автора посвящены А. Н. Лидерсу и маркизу Велепольскому.

II.

Второй отдѣлъ составляютъ изслѣдованія (монографіи), біографическіе очерки и статьи. Охотно печаталя мемуары и воспоминанія, мы никогда не уклонялись отъ помѣщенія на страницахъ „Русской Старини“ историческихъ матеріаловъ въ обработанномъ видѣ, и всякій укоръ объ отдачѣ преимущества одному отдѣлу предъ другимъ былъ бы неоснователенъ. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, отдѣлъ монографій и историческихъ изслѣдованій былъ даже обильнѣе отдѣла мемуаровъ.

Карль-Леопольдъ, герцогъ Мекленбургскій, дѣдъ императора Иоанна Антоновича, 1720—1725 (рассказъ камергера барона Эйхгольца). За сообщеніе этого рассказа долгомъ считаемъ выразить признательность почтенному знатоку нашей отечественной исторіи П. П. фонъ-Гецу, имя котораго само по себѣ составляетъ ея достоиніе, какъ имя одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей изгнанія іезуитовъ изъ Россіи и сподвижника А. И. Тургенева въ его обширной дѣятельности въ министерствѣ кн. А. Н. Голицына (до 1824 г.). Въ рассказѣ Эйхгольца не столько интересна личность взбалмошнаго, слабохарактернаго герцога, сколько любопытенъ мастерски очерченный обликъ Петра Великаго. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на требованія дипломатики, на условія, составляющія, такъ сказать, азбуку международныхъ сношеній, нашъ преобразователь не обинуется съ мелкопомѣстными нѣмецкими владѣями и обходится съ ними какъ гигантъ съ пигмеями. Вслѣдствіе этого, сватовство и бракосочетаніе племянницы государя, царевны Екатерины Ивановны, напоминаютъ отчасти свадьбы карликовъ сѣвернаго исполина, которыми онъ потѣшался въ досужее время.

Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ (въ Даніи)—статья, составляющая какъ бы эпизодъ предъидущей. Разработанная нашимъ неутомимо трудолюбивымъ акад. Я. К. Гротомъ

по мѣстнымъ (датскимъ) извѣстіямъ она до нѣкоторой степени служить опроверженіемъ жалобъ принцессы Екатерины (послѣдней представительницы несчастной Брауншвейгской фамиліи) на скудость содержанія и на хищенія окружавшихъ ее придворныхъ. Такъ какъ эта статья о семействѣ Анны Леопольдовны основана на самыхъ новѣйшихъ изысканіяхъ, то ее, повидимому, можно назвать „послѣднимъ словомъ“ о несчастныхъ потомкахъ царя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго.

С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго, 1772—1791 гг., историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ—сост. А. П. Пятковскимъ. Эта обширная, добросовѣстно составленная монографія — плодъ многолѣтнихъ трудовъ по матеріаламъ, съ которыхъ трудолюбивый составитель страхнулъ вѣковую пыль и сложилъ изъ нихъ стройное, вполне законченное произведеніе. Если изложеніе покажется читателю какъ бы сухо, на это возразимъ, что эта кажущаяся сухость обусловливается самою сущностью описываемаго предмета, важностью такого учрежденія, каковъ воспитательный домъ. Самое благодѣтельное, скажемъ болѣе, самое богоугодное изъ всѣхъ благотворительныхъ заведеній, основанныхъ Екатериною Великою, Воспитательный домъ долженъ, наконецъ, имѣть свою правдивую исторію, которая, въ свою очередь, не можетъ не быть въ тѣсной связи съ исторіей общественныхъ нравовъ второй половины XVIII-го столѣтія. Нашъ воспитательный домъ, основанный тогда, когда еще и во многихъ иностранныхъ государствахъ учрежденія подобнаго рода были невидальщиною — несокрушимый памятникъ Екатерины и ея сподвижника въ этомъ великомъ дѣлѣ — Бецкаго.

Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій, 1739—1791. Всѣ русскія біографіи князя Таврическаго, донинѣ изданныя, изображали этого замѣчательнаго человѣка только со стороны его воинской и дипломатической дѣятельности; къ этимъ жизнеописаніямъ, будто бы для полноты характеристики, біографы прикидывали нѣсколько анекдотовъ о причудахъ Потемкина и тѣмъ заканчивали свои труды. Благодаря подобнымъ біографіямъ, мы съ дѣтства привыкли видѣть въ личности князя Потемкина не живаго человѣка, а какое-то монументальное изваяніе великана, съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукѣ, гордо попирающаго турецкіе трофеи,—или одного изъ чудаковъ. Изъ изустныхъ народныхъ преданій можно было узнать о Потемкинѣ, какъ о человѣкѣ, гораздо болѣе, нежели изъ печатныхъ о немъ свѣдѣній.

Редакція „Русской Старины“, получивъ въ свое распоряженіе значительное собраніе писемъ кн. Потемкина, послѣ тщательнаго ихъ пере-

смотря, убѣдилась, что эти, донинѣ еще не обнародованные, документы знакомятъ съ личностью князя Таврическаго отчасти со стороны его служебной дѣятельности — еще того болѣе знакомятъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, со всѣми ему свойственными способностями, увлеченіями, ошибками. Благоговѣнно восторженный въ письмахъ своихъ къ Екатеринѣ II, придирчивый или дружески ласковый въ перепискѣ съ Суворовымъ, сорока-лѣтній Потемкинъ является пламеннымъ, восторженнымъ юношей въ своихъ нѣжныхъ посланіяхъ и запискахъ къ „предметамъ“ своего влюбчиваго и непостояннаго сердца. Какъ бы для дополненія характеристики великолѣпнаго князя Тавриды, въ распоряженіи редакціи находился памфлетъ кн. П. Д. Циціанова: „Весѣда трехъ російскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ“; въ этомъ памфлетѣ, также помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., современникъ рассказываетъ о кн. Потемкинѣ многое, о чемъ и не грезило его хвалителямъ.

Обладая цѣнными матеріалами, проливающими яркій и новый свѣтъ на одного изъ великихъ сподвижниковъ Екатерины, редакція признала необходимымъ оправить ихъ въ рамку, или, такъ сказать, панизать на одну общую нить: рамкой, или нитью, должна была служить біографія Потемкина. При ея составленіи пришлось неизбѣжно обратиться къ жизнеописаніямъ Потемкина, въ разное время написаннымъ, и при сличеніи ихъ между собою нашли довольно много противорѣчій, какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ показаніи годовъ и чиселъ. Возстановленіе фактовъ и точныхъ хронологическихъ данныхъ на основаніи подлинныхъ документовъ и на свидѣтельствѣ современниковъ было главною заботою при составленіи біографіи Потемкина. Въ заключеніе этого труда, мы привели отзывы о князѣ Таврическомъ знаменитыхъ его современниковъ, частію и иностранныхъ біографовъ.

Если жизнь и походы Каліостро въ Россіи, описанныя въ „Русской Старинѣ“ въ особой, довольно подробной статьѣ, представляютъ матеріалъ полезный для того, кто пожелалъ бы ознакомиться съ русскимъ обществомъ екатерининскаго вѣка, въ средѣ котораго появлялись иногда столь наглые искатели приключеній, какимъ былъ Каліостро, то жизнь и походы въ старомъ и новомъ свѣтѣ (1745—1812) Федора Васильевича Каржавина представляютъ интересъ совершенно другаго рода. Каліостро — представитель легіона искателей приключеній, которые въ XVIII вѣкѣ наводняли Европу, отыскивая легковѣрныхъ для преподаванія имъ вымышленныхъ таинствъ алхиміи, магіи и т. п., разумѣется, не за дешвою цѣну. О. В. Каржавинъ — представитель тѣхъ любознательныхъ русскихъ людей, которые рады отдать послѣднее, лишь бы утолить благородную жажду

знанія. Любознательность увлекаетъ Каржавина, внука русскаго ямщика и сына раскольника, въ дальнія странствія и заноситъ его даже въ Америку; не наживы ищетъ Ѳедоръ Каржавинъ; по крайней мѣрѣ, онъ терпитъ неудачи въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ и обогащается единственно знаніями. Нужда заставляетъ его быть въ чужихъ краяхъ попеременно: архитекторомъ, докторомъ, аптекаремъ, табачнымъ фабрикантомъ... наконецъ, онъ возвращается въ Россію, гдѣ получаетъ мѣсто переводчика при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, обеспечивающее его на старости лѣтъ скуднымъ кускомъ хлѣба. Петръ Великій высоко цѣнилъ подобныхъ людей; при немъ Каржавинъ, быть можетъ, былъ бы въ рядахъ его сподвижниковъ, но въ послѣдующія времена на Каржавиныхъ не всегда обращали вниманія.

В. Н. Каразинъ (1802—1894), основатель Харьковскаго университета,—свѣтлая, благородная личность, одушевленная желаніемъ добра своимъ согражданамъ, искренною любовью къ императору Александру I и непоколебимою вѣрою въ возможность нравственнаго совершенства челоуѣка; идеалистъ, ослѣпленный радужными мечтами и счастливый въ своемъ ослѣпленіи. Въ первые два-три года своего царствованія Александръ I сочувствовалъ подобнымъ идеалистамъ.

— „Я желалъ бы имѣть побольше людей,—сказалъ онъ при первомъ своемъ свиданіи съ Каразинымъ,—которые бы такъ думали, какъ вы, и говорили мнѣ такую правду“.

Правда заключалась въ надеждахъ на благодѣтельныя преобразованія, высказанныхъ Каразинымъ въ письмѣ, адресованномъ на имя императора.—Съ чего начать? спросилъ его Александръ, и получилъ въ отвѣтъ: съ образованія народнаго. Государь выразилъ желаніе, что бы Каразинъ подробнѣе обработалъ свою мысль о народномъ образованіи и Каразинъ составилъ обширную записку о народномъ воспитаніи, передѣлавъ въ послѣдствіи этотъ проектъ въ планъ министерства народнаго просвѣщенія. Пользуясь царскою довѣренностью, находя въ ней источникъ энергіи, Каразинъ спѣшилъ оправдать ее неутомимой дѣятельностью. Прибывъ на родину въ Харьковъ, онъ предложилъ собранію дворянъ основать въ Харьковѣ, на суммы, ими пожертвованныя, университетъ. Каразину отвѣчали единодушнымъ согласіемъ. Счастливый, блаженствующій, онъ составилъ, во всякомъ случаѣ достойный вниманія, проектъ программы преподаванія наукъ въ проектированномъ университетѣ и, снабженный формальною довѣренностью дворянъ, послѣдилъ въ Петербургъ, чтобы повергнуть свой проектъ на благоусмотрѣніе императора... Во дворцѣ его не приняли, а приказали предать все, что онъ имѣетъ, по начальству.

Несмотря на полное къ нему охлажденіе со стороны императора

и злобу нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ въ государю, Каразинъ достигъ своей цѣли: Харьковскій университетъ былъ основанъ и нынѣ, въ память нѣкъ, признательный къ заслугамъ государственныхъ дѣятелей мицушнаго времени, память основателя будетъ почтена монументомъ, наполиъ заслуженнымъ. Достойно замѣчаніа, что ничѣмъ не вызванное со стороны Каразина охлажденіе къ нему Александра I—слѣдствіе мизантропической недовѣрчивости, пачатки которой проявлялись въ характерѣ императора уже въ первые годы его царствованія,—не умалило чувствъ благоговѣйшій любви, которыя Каразинъ до послѣдней минуты питалъ къ государю. Знакома читателямъ „Русской Старины“ съ высоко нравственною личностью В. Н. Каразина, имя котораго можно смѣло поставить на ряду съ именами замѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ государственныхъ людей царствованія Александра I, мы старались сохранить въ матеріалахъ для его біографіи сколько возможно болѣе собственныхъ его писемъ и разсужденій: подобнаго рода документы какъ бы облакаютъ въ плоть и въ кровь личность, уже исчезнувшую съ земнаго поприща; въ нихъ, по крайней мѣрѣ, звучитъ ихъ живое слово.

Архимандритъ Фотій, настоятель новгородскаго Юрѣва монастыря (род. 1792 † 1838), біографическій очеркъ по его бумагамъ, сост. Ю. П. Карповичъ; графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (въ 1822—1826), очеркъ по личнымъ воспоминаніямъ, сообщ. А. К. Гриббе, и Михаилъ Леопольевичъ Магницкій, новыя данныя къ его характеристикѣ и очеркъ его біографіи (1812—1842), сообщ. гг. Ч—вы и И—въ.

Послѣ біографіи Каразина, чтеніе жизнеописаній вышеупомянутаго тріумвирата, пользовавшагося такимъ значеніемъ во вторую половину царствованія Александра I, производитъ тяжелое, грустное впечатлѣніе. Всѣ трое дѣйствовали въ различныхъ, противоположныхъ сферахъ, а между тѣмъ всѣ трое связаны были между собою единымъ духомъ—какъ поборники невѣжества, самовластья и лицемѣрной защиты православія, вовсе не нуждавшагося въ оборонѣ такими людьми, какими были Фотій, Магницкій и Аракчеевъ. Вникая въ характеры Фотія и Аракчеева, нельзя не замѣтить между ними сродства, до того близкаго, что циника Фотія можно назвать Аракчеевымъ въ рясахъ архимандрита, а грубаго „безъ лести преданнаго“ Аракчеева—Фотіемъ въ генеральскомъ мундирѣ.—Магницкій—достойный ученикъ той же школы. Полныя біографіи, какъ его, такъ и Фотія, впервые являются на страницахъ „Русской Старины“; что же касается до воспоминавія объ Аракчеевѣ, оно служитъ важнѣйшимъ дополненіемъ характеристики временщика, которой въ изданіи нашемъ были посвящены многія статьи.

Не безъ вниманія, конечно, оставлены были читателями живо на-

писанные очерки жизни атамановъ войска донскаго Д. Е. Кутейникова (1827—1836) и, въ особенности, атамана М. Г. Власова (1836—1848); біографія Власова—человѣка во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго и оставившаго по себѣ самую добрую память—принадлежитъ перу одного изъ образованнѣйшихъ и талантливыхъ представителей Донскаго войска.

Генераль-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау (1818—1850)—продолженіе начатой въ нашемъ изданіи въ прошедшемъ году кавказской эпопеи. Нынѣ напечатаны главы, заключающія обзоръ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ въ теченіе 1833—1835 годовъ.

Карль Андреевичъ Шильдеръ (1785—1854),—историко-біографическій очеркъ, составленъ его сыномъ Николаемъ Карловичемъ на основаніи подлинныхъ бумагъ, съ цѣлю опровергнуть нелѣпости, вымысленныя о покойномъ генералѣ нѣмецкими историками, и выставить въ истинномъ свѣтѣ одного изъ умнѣйшихъ и храбрѣйшихъ генераловъ минувшаго царствованія.

Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну 1854—1855 гг., историко-критическій очеркъ, переведенный съ нѣмецкаго и снабженный важными замѣтками и примѣчаніями Н. К. Шильдера, указующими на промахи и недоглядки иностраннаго автора.

Теперь въ нашемъ хронологическомъ обзорѣ мы достигли эпохи, незабвенной для памяти каждаго русскаго: говоримъ о крымской войнѣ. Многострадальный Севастополь,—искупительная жертва было самообольщенія, основаннаго на одной вѣршинѣ и на томъ несчастномъ убѣжденіи, что съ французами второй половины XIX-го вѣка можно сражаться чуть-ли ни кремневыми ружьями 12-го года, заржавленными „измаильскими“ штыками... Не говоримъ о множествѣ другихъ неблагоприятнѣйшихъ условій, при которыхъ мы должны были вести войну съ четырьмя народами. Палъ Севастополь, но воскресла Россія, призванная къ новой жизни, чуждой бычливости былого времени и полной трезваго самосознанія. Память о Севастополѣ—чуть затянувшаяся рана, но рана спасительная, изъ которой, вмѣстѣ съ чистою, святою кровью мучениковъ, вышло не мало нравственныхъ гнилостныхъ соковъ, зародившихся въ нашемъ общественномъ организмѣ вслѣдствіе нравственнаго застоя.

Четыре года тому назадъ во всѣ концы Россіи разнесся призывъ Государя Наслѣдника Цесаревича о предпринимаемомъ Его Высочествомъ изданіи рукописей о севастопольской оборонѣ и о сообщеніи таковыхъ Его Императорскому Высочеству тѣми лицами, которыя принимали участіе въ этой геройской защитѣ. Призывъ этотъ не могъ остаться безъ отвѣта и нынѣ изданія рукописей о Севастополѣ вышло уже нѣсколько

томовъ. „Главная цѣль настоящаго изданія, — сказано было въ предисловіи къ первому тому, — собрать для русскихъ читателей въ одной книгѣ рассказы очевидцевъ и участниковъ объ одномъ изъ величайшихъ событій нашей исторіи, въ которомъ съ такою силою и въ такой высокой простотѣ явилось движеніе русскаго народнаго духа на защиту роднаго края“. Главнымъ и непремѣннымъ условіемъ для участниковъ въ изданіи положено было: „правда“, „какая бы ни была она, не должна никого стѣснять“.

„Русская Старина“ съ перваго же года своего существованія тщательно собирала свѣдѣнія, относящіяся до крымской войны, и въ сокровищницу матеріаловъ къ ея исторіи вносила свои вклады. Нынѣ, по прошествіи шести лѣтъ, эти влады въ общей сложности составили довольно значительное собраніе статей. Изъ таковыхъ въ 1875 году были напечатаны:

На Вислѣ и Дунаѣ, въ Одессѣ и Севастополѣ (1853—1855), замѣтки артиллериста, писанныя на слѣдующій годъ паденія Севастополя, подъ обаяніемъ свѣжести впечатлѣній скорби, ужаса и негодованія. Чувства эти, такъ сказать, звучатъ въ отрывистомъ слогѣ, который мѣстами проникнуть горькимъ юморомъ и смѣхомъ, сквозь который пробиваются слезы.

Первое бомбардированіе Севастополя (5 — 13-го октября 1854 г.), — статья нашего почтеннаго военнаго историка М. И. Богдановича.

Штурмъ Малахова кургана (27-го и 28-го августа 1855 г.), — историческій очеркъ, составленный очевидцемъ О. И. Константиновымъ и проч.

III.

Третій отдѣлъ нашего изданія состоитъ изъ указовъ, переписки, замѣтокъ, рассказовъ и анекдотовъ. Къ отдѣлу этому мы относимъ, однако, не исключительно сырые матеріалы, но также небольшіе очерки и краткія статьи, служащія дополнительными чертами для характеристики различныхъ достопамятныхъ дѣятелей былаго времени.

Изъ подобныхъ статей, относящихся къ царствованію Петра I, укажемъ на слѣдующія:

Черты сопротивленія власти при Петрѣ Великомъ (рассказъ Н. И. Костомарова). — Замѣтка объ одномъ изъ прозковъ памятника Петру Великому. — Письмо служилаго человѣка Якова Цохвиснева: памятникъ грамотности начала XVIII-го столѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытный матеріалъ для характеристики быта нашихъ пра-дѣдовъ и патриархальности тогдашнихъ отношеній дѣтей къ роди-

телямъ. Петръ Великій во Франціи въ 1717 году: переводъ донинѣ еще нигдѣ не напечатанныхъ писемъ де-Бернанжа о пребываніи Петра I въ Кале и о дальнѣйшемъ слѣдованіи его въ Парижу.

Изъ временъ царствованія Елисаветы Петровны особенно заслуживаютъ вниманія: Тайная канцелярія въ 1741—1761 гг.—Указъ о льготахъ протопопу Могелянскому (1744).—Челобитная императрицѣ о мученіяхъ тестемъ невѣстки (1747).—Продажа людей (1760) и проч.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ нашей исторической литературѣ замѣтна особенно усиленная дѣятельность надъ разработкою и изслѣдованіями событій „екатерининскаго“ вѣка. Почти каждый годъ нашего времени—юбилейное торжество какого-либо учрежденія великой императрицы или воспоминаніе о знаменитомъ событіи ея царствованія. Въ нашемъ изданіи вѣку Екатерины II ежегодно посвящаются многія статьи по всѣмъ отдѣламъ. Въ нинѣшнемъ 1875 году, кромѣ крупныхъ монографій, напечатаны: Собственноручныя замѣтки и наброски имп. Екатерины II.—Екатерина II въ ея собственноручныхъ письмахъ, замѣткахъ и повелѣніяхъ (1770—1792).—Собственноручныя письма Екатерины II къ Павлу Потемкину во время Пугачевщины (1774).—Новые и чрезвычайно важныя матеріалы къ исторіи пугачевщины.—Пугачевскіе листы (1774).—Проектъ удаленія турокъ съ Чернаго моря въ 1780 году, и нѣкоторыя другія.

Для императора Павла I еще не наступила пора исторіи и вотъ почему донинѣ печатались и печатаются въ „Русской Старинѣ“ довольно отрывистыя свѣдѣнія, какъ о событіяхъ его царствованія, такъ и характеристическихъ чертахъ государя, представляющихъ странную смѣсь добра и зла, благодушія и строптивости, снисходительности и строгости, доходившей по временамъ до жестокости. Изъ статей, относящихся до царствованія Павла I, укажемъ на слѣдующія:

Цензура въ Россіи въ 1797—1799 гг. Цензура была учреждена въ то время въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ и Радзивиловѣ при таможенныхъ для просмотра иностранныхъ книгъ, привозимыхъ изъ-за границы. Журналы ценсурнаго совѣта докладывались самому императору, а такъ какъ гг. ценсорамъ не безызвѣстно было, что, помимо ихъ мнѣній, рѣшеніе вопроса о вредѣ сочиненія зависѣло отъ усмотрѣнія государя, отъ доброй или недоброй минуты, въ какую состоится докладъ, то они задались самой инквизиторской строгостью, читая между строками и придавая нѣкоторымъ фразамъ автора совершенно превратный смыслъ. Въ составъ статьи вошло много образцовъ сужденій тогдашней цензуры о нѣкоторыхъ иностранныхъ книгахъ и

можно сказать, что цензоры времени Павла I опередили свой вѣкъ: ихъ мнѣнія—совершенное подобіе тѣхъ приговоровъ, которые, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, произносились надъ иностранными сочиненіями мрачной памяти начальника цензуры А. И. Красовскій... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, Красовскій былъ строже.

Располагая статьи, относящіяся до царствованія Александра I, въ хронологическомъ порядкѣ, мы имѣемъ возможность по нѣкоторымъ изъ нихъ прослѣдить ту постепенную перемену въ характерѣ императора, которая такъ печально отразилась на многихъ событіяхъ второй половины его царствованія. Такъ, подъ 1802-мъ годомъ находимъ примѣръ гласности, именно объявленіе о слѣдствіи по важному уголовному дѣлу, а подъ 1808-мъ годомъ распоряженіе о полковникѣ де-Витте, въ которомъ проявляются подозрительность и мелочность, не совсѣмъ примиримыя съ величіемъ души монарха Россіи. Изъ прочихъ статей и замѣтокъ обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующія: Фельдмаршалъ М. Ѡ. Каменскій (1806). Распоряженіе по поводу распространенія ложныхъ слуховъ (1809). В. Г. Костенецкій (1780—1831). Замыселъ Фигнера въ 1812 г. Предсказатель монахъ Авель (1757—1841),—последній дѣятель,—если не таинственная, то темная личность, которая при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ могла стать на ряду съ юродствовавшимъ Фотіемъ, или прослыть вдохновеннымъ, подобно какой-нибудь баронессѣ Крюднеръ. А. Н. Оленинъ (1763—1843)—переписка съ гр. Аракчеевымъ (1817—1833) и документы о ссылкѣ вице-президента академіи художествъ А. Ѡ. Лабзина и проч.

Къ тридцатилѣтнему періоду, отдѣляющему вѣкъ Александра I отъ нашего времени, принадлежитъ значительное число біографическихъ замѣтокъ и рассказовъ: А. В. Иловайскій (1821—1827). Проводы кн. Маріи Волконской въ Сибирь (27-го декабря 1826). Холерный бунтъ въ Тамбовѣ въ 1830 г.—Встрѣча съ архимандритомъ Фотіемъ (1838).—Петръ Лямсъ (1839).—Кончина граф. А. А. Орловой (1848).—Затѣмъ длинный рядъ біографическихъ замѣтокъ, рассказовъ и обширныхъ собраній писемъ изъ эпохи Крымской войны: князь И. Ѡ. Паскевичъ и кн. М. Д. Горчаковъ въ 1853—1854 гг.—Письма кн. А. С. Меншикова къ кн. М. Д. Горчакову (1853—1855).—Кн. А. С. Меншиковъ, анекдоты его, шутки и остроты.—Контузія фельдмаршала Паскевича (1854).—Взрывъ Павловскаго форта въ Севастополѣ 29-го августа 1855 г.—Кто послѣдній оставилъ Севастополь?—Псаломъ и пѣсни о Севастополѣ.—Мнѣнія московскаго митрополита Филарета и нѣкоторыхъ друг.

IV.

Исторія литературы — отдѣлъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе обогащающійся, благодаря многочисленнымъ — иногда совершенно неожиданнымъ для редакціи — открытіямъ произведеній отечественныхъ писателей, въ свое время почему-либо ненапечатанныхъ. Между подобными произведеніями встрѣчаются иногда черновые наброски, планы, первообразы идей, еще не воплотившихся въ стройныя, вполне законченныя поэтическія формы, однако, уже запечатлѣнные талантомъ. Кстати отмѣтимъ, что печатаніе подобнаго рода начатыхъ или только проектированныхъ литературныхъ произведеній навлекають на „Русскую Старину“ упрекъ со стороны нѣкоторыхъ читателей, но упрекъ несправедливый и незаслуженный. „Зачѣмъ, — говорятъ они, — печатать эти зародыши сочиненій, подлежащія окончательному созданію, поправкамъ, передѣлкамъ, но во всякомъ случаѣ при жизни авторовъ, конечно, немислимыхъ въ печати“. Отвѣтъ нашъ въ немногихъ словахъ: въ Копенгагенѣ, въ музеѣ Торвальдсена, между образцовыми, прекраснѣйшими произведеніями рѣзца безсмертнаго ваятеля, хранится кусокъ глины, на которомъ оттискъ пальцевъ Торвальдсена. То же чувство благоговѣнія къ гениальному человѣку, побуждающее иностранцевъ хранить въ своихъ музеяхъ памятники всей творческой дѣятельности ихъ художниковъ, начиная съ слабыхъ начатковъ ея проявленія, или высоко цѣнить каждое письмецо, каждую строку ихъ знаменитыхъ писателей, — тоже чувство побуждаетъ насъ сберегать для потомства каждый набросокъ мысли талантливаго отечественнаго писателя.

Независимо, однако, отъ набросковъ и первоначальныхъ редакцій разныхъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей прошлаго времени, „Русская Старина“ постоянно представляетъ и другіе матеріалы къ исторіи отечественной литературы, а также законченныя и нерѣдко вполне художественныя произведенія.

Перечислимъ, въ хронологическомъ порядкѣ, литературныя произведенія, помѣщенныя въ „Русской Старинѣ“ настоящаго года.

Яковъ Соколовъ: „Ставленникъ“, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ (1780). Эта опера, сочиненная въ Ярославлѣ семинаристомъ, или какъ авторъ называетъ себя, „ученикомъ еилосоіи“, замѣчательна, какъ картина нравовъ своего времени; написанная стихами, она не лишена бойкости и своеобразнаго юмора.

А. Е. Измайловъ (1779 — 1831), одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ баснописцевъ, авторъ многихъ басенъ и эпиграммъ, въ свое

время весьма расхоловшихся въ читающей публикѣ и въ литературѣ. Мы напечатали нѣкоторые изъ нихъ, донынѣ хранившіеся въ рукописи.

А. Ѳ. Воейковъ (1779—1839). Обширная статья, посвященная памяти нашего злаго, но несомнѣнно талантливаго сатирика, состоитъ изъ: 1) біографическихъ замѣтокъ, набросанныхъ его пріятелемъ; 2) изданія „Дома сумасшедшихъ“ съ подлинной рукописи автора, подаренной имъ Булгарину, и 3) замѣтки о его портретѣ, находящемся въ собраніи П. А. Ефремова.

А. И. Тургеневъ (1780—1845), нѣсколько о немъ припоминаей академика И. И. Срезневскаго.

К. Ѳ. Рылѣевъ, В. К. Кюхельбекеръ, А. И. Одоевскій, Д. В. Веневитиновъ и А. С. Пушкинъ—относительно этихъ писателей „Русская Старина“ въ изд. 1875 г. представила частью нѣкоторыя новыя данныя къ ихъ жизнеописаніямъ, частью неизданныя ихъ произведенія.

Памяти М. Ю. Лермонтова (1814—1841) въ „Русской Старинѣ“ обзорѣяемаго года посвященъ рядъ статей: вновь открытая редакція драмы „Маскарадъ“, передѣланной талантливымъ поэтомъ по совершенно иному плану, какой былъ извѣстенъ до сихъ поръ въ печати. Кромѣ „Маскарада“ въ „Русской Старинѣ“ помѣщены: неизданное стихотвореніе Лермонтова „въ альбомъ Н. И. Поливанову“ (1831); наброски стихотвореній и письма; воспоминанія о М. Ю. Лермонтовѣ Я. И. Костенецкаго; замѣтки о рукописи „Маскарада“ и о портретахъ Лермонтова.

Н. В. Гоголь († 1852). „Неизданныя его письма къ С. П. Шевиреву (1835—1852)“ съ примѣчаніями профессора О. Ѳ. Миллера. Печатапіе этихъ писемъ, которые можно назвать автобіографіею Гоголя, съ примѣчаніями г. Миллера и пополненіями пропусковъ въ изданіи писемъ Гоголя г. Кулина, возбудило нѣсколько замѣчаній въ нашей печати. Не вдаваясь въ полемику, здѣсь неумѣстную, повторимъ слова комментатора писемъ Гоголя:

— „... пора бы пополнить и тѣ пропуски и сокращенія, которыя такъ часто попадаютъ въ письмахъ, напечатанныхъ г. Кулинымъ, едва-ли не руководившагося при этихъ пропускахъ, между прочимъ, и своими панегирическими отношеніями къ Гоголю. Такія отношенія къ знаменитымъ писателямъ все еще не выходятъ у насъ изъ употребленія, какъ одно изъ уродливыхъ проявленій нашего такъ называемаго патріотизма. Видно, мы еще не можемъ совершенно сойти съ точки зрѣнія прошлаго вѣка...“

..... „если держаться правила: de mortuis aut bene aut nihil, то

едва ли было-бы справедливо пользоваться имъ по отношенію только къ самому Гоголю.... Съ другой стороны, если примѣнять это правило въ буквальномъ смыслѣ вообще къ историческимъ личностямъ, то исторія превратилась бы въ какую-то коллекцію панегириковъ, а это едва-ли было бы пригодно“.

А. С. Хомяковъ, Аксаковы, Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. Черкасскій—эпизодическій рассказъ изъ эпохи ценсурнаго террора 1851—1853 гг., когда на кружокъ славянофиловъ нѣкоторые лица взирали чуть-ли не какъ на старовѣровъ Петровскихъ временъ, способныхъ возобновить въ Москвѣ стрѣлцкіе бунты; цензура, подъ влияніемъ графа Закревскаго и Л. В. Дубельта, сочла необходимымъ запретить изданіе предпринятаго вышеупомянутыми талантливыми писателями и учеными „Московского Сборника“.

V.

Артисты и художники—отдѣлъ особенно обильный автобіографическими замѣтками и письмами нашихъ знаменитыхъ композиторовъ, или, вѣрнѣе сказать, триумвирата отечественной музыки: М. И. Глинки, А. С. Даргомыжскаго и А. Н. Сѣрова.

М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій, замѣтка П. А. Степанова.

А. С. Даргомыжскій: 1) автобіографія и переписка (1813—1869), 2) письма къ роднымъ и друзьямъ (1845—1868).

А. Н. Сѣровъ (1820—1871), біографическій очеркъ и его письма, очерки и замѣтки о музыкѣ.

Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостнаго ига (1818). По поводу сорокалѣтняго юбилея В. В. Самойлова напечатанъ былъ „Обзоръ“ его артистической дѣятельности по даннымъ, весьма обязательно сообщеннымъ редакціи нашимъ заслуженнымъ артистомъ. Предстоящее празднованіе оперною труппою пятидесятилѣтія служенія искусству О. А. Петрова (1825—1875), нашего неподражаемаго Су-санина, побудило насъ перепечатать газетную статью о первомъ его дебютѣ на петербургской сценѣ. Рецензентъ 1830-го года угадалъ въ художникѣ „весьма хорошаго“ артиста и Петровъ далеко превзошелъ это предсказаніе: три поколѣнія восхищались гѣвцомъ—артистомъ въ 158 операхъ!

Воспоминаніе о Р. И. Кузьминѣ, академикѣ архитектуры, и замѣтка о талантѣ и трудахъ академика-гравера П. И. Пожалостина пополняютъ отдѣлъ, посвященный всѣмъ изящнымъ искусствамъ.

Въ Библиографическомъ листкѣ (печатаемомъ на внутренней сторонѣ обложки каждой книги „Русской Старины“) въ теченіе нынѣшняго года былъ напечатанъ разборъ болѣе пятидесяти изданій, посвященныхъ преимущественно исторіи и вспомогательныхъ въ ней наукъ: археологій, нумизматикѣ, статистикѣ и т. п.

Къ XII-му тому „Русской Старины“ приложена напечатанная на большомъ листѣ: „Родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго дома“, составленная П. П. фонъ-Гедомъ. Трудъ этотъ, въ высшей степени добросовѣстный и любопытный, составляетъ необходимую принадлежность „Русской Старины“, какъ изданія, посвященнаго исключительно отечественной исторіи. Таблица эта была составлена еще въ 1863 году, но мы напечатали ее съ исправленіями и дополненіями, сдѣланными самимъ ея почтеннымъ составителемъ.

Художественныя приложенія къ „Русской Старинѣ“ 1875 г., по примѣру прежнихъ лѣтъ, состояли изъ портретовъ, рисунковъ и снимковъ. Съ двѣнадцатаго тома „Русской Старины“ заглавный листъ нашего изданія состоитъ изъ рисунка (составленнаго профес. А. Шарлеманемъ, рисованнаго на деревѣ К. О. Брокемъ, гравированнаго Л. А. Сѣряковымъ), съ изображеніями, въ десяти медальонахъ, портретовъ представителей державной власти въ Россіи и вида дворца и адмиралтейства въ Петербургѣ въ 1753 г. Рамки медальоновъ окаймлены именами достопамятныхъ людей, прославившихъ каждое царствованіе. Заглавный листъ служить фронтисписомъ нашему изданію. Изъ портретовъ дѣятелей, какъ по значенію историческихъ личностей, съ которыхъ сняты, такъ и по изяществу выполненія, назовемъ: князя Г. А. Потемкина-Таврическаго (гравированъ на мѣди акад. И. П. Пожалостинымъ), атамана войска донскаго А. К. Денисова, гр. А. А. Аракчеева, В. Н. Каразина, архимандрита Фотія и А. Ѳ. Воейкова; всѣ эти портреты (за исключеніемъ Аракчеева—который гравированъ въ Лейпцигѣ¹⁾) исполнены рѣзцомъ академика Л. А. Сѣрякова. Портретъ М. Ю. Лермонтова—хромолитографія Лемерсье въ Парижѣ. Изъ пяти рисунковъ, за исключеніемъ одного, не важнаго по своему историческому значенію (моды въ Россіи въ 1791 г.), остальные изобра-

¹⁾ Такъ какъ портретъ Аракчеева исполненъ неудовлетворительно, что призналъ и самъ г. Брокгаузъ, его исполнившій, то въ предстоящемъ году читатели „Русской Старины“ получатъ портретъ Аракчеева, гравированный на мѣди—точное воспроизведеніе гравюры 1818-го года, профессора Н. Уткина.

жають монументальныя сооружеія: одинъ изъ проектовъ памятника Петру Великому въ XVIII вѣкѣ; памятникъ Екатерины II въ колоніи Екатериненштадтъ; памятникъ Александру I въ селѣ Понизовѣ; памятникъ кн. Потембину-Таврическому въ Херсонѣ; планъ собора въ Херсонѣ.

Рисунки четырехъ любопытныхъ и весьма рѣдкихъ медалей: императрица Анна Иоанновна; императоръ Иоаннъ Антоновичъ; цесаревна Елисавета въ ночь на 25-е ноября 1741 года и проектъ медали на случай взятія Константинополя русскими.

Снимки съ писемъ или подписей: кн. Потембина-Таврическаго; русскихъ писателей: В. К. Кюхельбекера, кн. В. Ѡ. Одоевскаго, Е. А. Энгельгардта (директора Царскосельскаго лицея), П. А. Плетнева, Е. А. Баратынскаго, барона Дельвига, Н. И. Гнѣдича, А. С. Грибоѣдова, В. А. Жуковскаго и друг. Чертежи (fac-simile) въ предсказаніямъ монаха Авеля.

Относительно внѣшняго своего вида „Русская Старина“ въ нынѣшнемъ году состояла изъ трехъ томовъ (XII, XIII, XIV). Въ первомъ заключалось 53, во второмъ — 42, въ третьемъ — 55, въ общей сложности до 150 печатныхъ листовъ или до 2,400 страницъ. Но, сверхъ того, при „Русской Старинѣ“ этого года былъ приложенъ еще и четвертый томъ, заключающій въ себѣ полный переводъ подлинной рукописи автора: „Записки Манштейна о Россіи“ (1727—1744 гг.) составляющія книгу болѣе 400 стр.

Важность и значеніе этихъ Записокъ для литературы отечественной исторіи и вообще для лицъ интересующихся и изучающихъ новѣйшую отечественную исторію въ ея первоначальныхъ основныхъ источникахъ—несомнѣнны и достаточно разъяснены въ предисловіи и въ приложеніяхъ нашего изданія труда Манштейна. Позволимъ себѣ при этомъ замѣтить, что новый и притомъ наивозможно тщательный—переводъ и приложеніе этого перевода къ нашему изданію, нами не обѣщанное и читателями „Русской Старины“ не ожидаемое, можетъ служить доказательствомъ постоянныхъ заботъ редакціи объ усовершенствованіи нашего изданія.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе или историко-литературныя статьи и матеріалы.

Понимовываемъ въ настоящемъ списокѣ тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ либо только отчасти были напечатаны въ „Русской Старинѣ“, либо и вовсе еще не были въ ней помѣщены, но паходятся въ распоряженіи редакціи и, по возможности, будутъ напечатаны въ книгахъ „Русской Старины“ 1876 г. и послѣдующихъ годовъ.

Н. П. Авенариусъ, Аврамовъ, Н. Агаѳоновъ, А. К. Адипцовъ, М. П. Азанчевскій, И. И. Акутинъ, П. В. Алабинъ, В. А. Альфонскій, И. Амелщкій, И. Андозкій, И. Я. Андреевскій, И. А. Анненковъ, графъ С. А. Апраксинъ, А. П. Арбузонъ, проф. Н. Я. Аристовъ, К. Арнольди, Ф. А. Арсеньевъ, П. Я. Аршененскій, Асташевъ, А. Я. Ашебергъ.

Баландовичъ, О. С. Балъгъ, А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, Г. Барабанщиковъ, С. И. Барановскій, П. И. Барановъ, А. А. Баранцевъ, А. П. Барзцовскій, В. С. Барыковъ, Н. П. Барышниковъ, Д. П. Батюшковъ, А. В. Башкатовъ, В. Башловскій, Башуцкій, кн. В. Баюшевъ, Я. Безукладинъ, г. Бергъ, П. В. Березинъ, Я. А. Березинъ-Ширяевъ, А. П. Берже, Беръ, В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Р. И. Бжостовская, Н. Билибинъ, баронъ Бистромъ, М. И. Богдановичъ, П. К. Богущевскій, И. Н. Божеряновъ, М. П. Болотовъ, А. А. Бородулинъ, М. Ф. Бороздинъ, проф. А. Г. Брикнеръ, Б. Ф. и В. Ф. Буларины, Бутковъ, баронъ Бутлеръ, гр. М. Д. Бутурлинъ, П. Д. Быковъ, акад. А. Ф. Бычковъ, А. Бѣлаго, Л. И. Бѣляевъ, баронъ Ф. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель, И. П. Варпаховскій, И. И. Василевъ, А. П. Васильевъ, П. П. Васильевъ, Н. Васьковъ, П. И. Великопольскій, А. Величковъ, Всемяниновъ, М. А. Венсвитинъ, А. А. Венеціанова, М. И. Венюковъ, акад. К. С. Вессловскій, П. И. Викинскій, Н. Виноградовъ, Ф. А. Витбергъ, Н. П. Вишняковъ, М. Владыкинъ, П. П. Возницынъ, А. Ф. Волковъ, кн. Волконскій, И. И. Вологдинъ, И. В. Вологдинъ, Н. М. Востоковъ, Н. Н. Вохинъ, фонтъ-Воюцкій, А. Н. Вульѳъ.

С. Н. Гавриловъ, кн. Ив. Гагаринъ, К. И. Гагаринъ, А. Ганъ, Г. Н. Геннадъ, Н. В. Гербель, П. П. фонтъ-Гецъ, Б. Г. Глинка-Мавриль, В. С. Глинка, М. С. Глинка, Ф. С. Глинка, Глуховъ, И. Е. Голдинскій, гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Н. Н. Голицынъ, кн. Н. П. Голицынъ, кн. Н. С. Голицынъ, кн. С. П. Голицынъ, И. Головинъ, П. С. Головинъ, Голубевъ, И. Ф. Горбуновъ, А. Д. Градовскій, Е. И. Гречъ, А. К. Гриббе, Н. И. Григоровичъ, А. И. Григорьевъ, А. Громачевскій, акад. Я. К. Гротъ, Н. В. Гурти, П. Гулакъ-Артемовскій, С. И. Гуляевъ.

В. Д. Давыдовъ, Данильчико, П. М. Дараганъ, П. П. Деви, П. Д. Де-ла-Флизь, А. П. Демидовъ, М. Ф. Де-Пуле, фонтъ-Дересльденъ, Динтроптовъ, Дмитріевъ, Н. Г. Дмоховскій, Я. И. Довголевскій, В. Доп-ій, кн. В. Долгоруковъ, А. Долгоруковъ, кн. С. В. Друцкой-Соколинскій, П. Дубасовъ, Н. Ф. Дубровинъ, Н. П. Дуровъ.

К. Евлентьевъ, И. И. Европеусъ, от. П. П. Еланскій, кн. Н. Н. Енгальчевъ, Н. А. Ермаковъ, А. Ерошкинъ, А. П. Есяповъ, Г. В. Есяповъ, П. С. Еоименко, И. Еоимовъ, П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ, Н. Л. Жемчужниковъ, В. Жуковъ, Д. Жуковъ, Журавскій. А. П. Заблоцкій-Десятовскій, И. Д. Захарьянъ, Е. Зендергорстъ, В. Р. Зотовъ, Е. Б. Зубова, Д. П. и П. П. Зуевы, В. А. Зыбинъ.

И. А. Ибердусовъ, А. В. Ивановъ, О. И. Иванова, Ивановскій, от. И. Иващенко, Иверсенъ, Игнатьевъ, П. А. Измайловъ, проф. В. С. Иконниковъ, М. А. Имбергъ, В. А. Инсарскій, Н. Д. Истинской, Г. Θ. Исѣвъ.

Казадаевъ, П. С. Казанскій, Казачокъ, М. К. Казиа, П. С. Калачевскій, Д. И. Калугинъ, граф. Л. М. Каменская, П. И. Капницъ, Ф. В. Каразинъ, А. А. Карасевъ, П. А. Каратыгинъ, С. А. Каратыгинъ, П. П. Каратыгинъ, П. Барнауховъ, Е. П. Карновичъ, С. Д. Карповъ, Н. А. Карцевъ, Н. Т. Кедровъ, Н. П. Кельшъ, Кирилловъ, Кисилевъ, П. А. Кйтыцынъ, И. Кларкъ, В. Ф. и Н. Ф. Клюки-фонъ-Клугенау, Князевичъ, А. С. Князевъ, Д. Θ. Кобеко, Н. И. Ковдаевъ, М. М. Ковязинъ, Козодавлевъ, С. Козловскій, Н. И. Койленскій, Колачевскій, К. П. Колзаковъ, Н. М. Колмаговъ, гр. М. Н. Коновницына, Константинова, Д. А. Кольева, И. П. Корниловъ, Ю. В. Косова, Я. И. Костенецкій, Н. И. Костомаровъ, Н. П. Косяровскій, А. Брасильниковъ, Н. П. Красновъ, В. А. Краснолутскій, М. Крупничъ, В. Ф. Кудрявцевъ, М. П. Кудрявцевъ, Г. И. Кузинскій, В. В. Кузнецова, И. К. Куряиновъ, кн. Куракинъ, М. Куроптевъ, М. Н. Кучаевъ, М. В. Кюхельбекеръ.

Проф. Н. Лавровскій, А. М. Лазаревскій, С. Лашкаревъ, С. И. Лашкевичъ, Лебедевы, П. П. Лебке, О. Я. Левенсонъ, А. И. Левшинъ, Леонидъ, архимандритъ, А. Ф. Леопольдовъ, В. В. Лермонтовъ, В. Н. Лермонтовъ, К. Ф. де-Ливронъ, П. А. Литвинова, В. И. Лихачевъ, А. В. Лишинъ, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Г. Г. Ломоносовъ, Е. А. Лопушинскій, В. К. Луцкій, И. Лучцкій, В. И. Лѣвтицынъ, Любарскій, И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій, В. Н. Майновъ, И. В. Майновъ, Л. Н. Майковъ, С. М. Макарова, Н. Я. Максимовъ, Мансуровъ, К. А. Маньковскій, Маринъ, П. И. Мартосъ, А. А. Мартыновъ, П. Мартыновъ, кн. Н. Масальскій, Е. П. Масловъ, А. Н. Матвѣевъ, У. П. Матвѣевъ, Л. С. Мацѣевичъ, бар. Мейендорфъ, Н. Е. Меллеръ, П. И. Мельниковъ, П. Н. Меншиковъ, А. Е. Мерцаловъ, Мешетичъ, проф. О. Θ. Миллеръ, О. Б. Миллеръ, графъ Г. А. Милорадовичъ, Милюковъ, Г. Минъ, П. М. Митковъ, В. Михайловъ, гр. А. А. Мордвиновъ, Д. К. Морозъ, Е. Т. Морозкина, А. П. Муляковскій, Н. Н. Мурзакевичъ.

М. Нагорновъ, Надеждинъ, А. С. Наставинъ, П. И. Небольсинъ, Е. С. Некрасова, Нелидовъ, Несвѣтаевъ, А. Н. Неустроевъ, О. Ф. Нечаевъ, С. А. Никитенко, бар. Николаи, А. А. Никольскій, В. В. Никольскій, Никулинъ, М. Д. Нидовъ, Л. Л. Ничпаевскій, Н. Новицкій, А. Г. Новоселовъ, С. Д. Носъ.

Кн. Д. А. Оболенскій, С. Оболенскій, Огаревъ, П. Огневскій, Озеровъ, Ю. А. Ознобишинъ, П. О. Омеляненко, Θ. К. Опочининъ, И. И. Ореусъ, В. Б. Орловъ, Н. М. Орловъ, П. А. Орловъ, графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ.

Л. Н. Павличевъ, И. Д. Павловскій, А. А. Павловъ, А. С. Павловъ, А. В. Пальчиковъ, Н. И. Пановъ, П. Д. Паренцовъ, И. В. Паскачинъ, В. Пассекъ, Т. П. Пассекъ, Пафутевъ, В. Пащенко, И. Пеньковскій, Перетцъ, Петровскій, Ал. Н. Петровъ, Андр. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, А. А. Плансонъ, М. П. Платонова, А. А. Повадо-Швыйковскій, акад. М. П. Погодинъ, А. Θ. Подвысоцкій, И. Я. Поддубный, Е. И. Подтягинъ, акад. И. П. Пожалостпнъ, Н. А.

Полявановъ, В. Н. Поливановъ, Я. П. Полонскій, Анд. Н. Поповъ, Алсд. Н. Поповъ, М. И. Поповъ, Н. Поповъ, М. Н. Похвисневъ, А. Преображенскій, О. А. Пржецлавскій, Д. И. Прозоровскій, М. С. Прокудинъ-Горскій, И. А. Пузыревскій, А. Г. Пупаревъ, А. П. Пятковскій.

М. М. Рангъ, А. Раменскій, А. Распоповъ, А. В. Рачинскій, П. С. Ревякинъ, Н. В. Реутскій, графъ А. А. Ржевускій, Л. И. Рикордъ, Н. П. Розановъ, Н. И. Розановъ, М. М. Розенгеймъ, бар. А. Е. Розенъ, Д. А. Рокотовъ, П. Рословъ, С. А. Рудакова, Рудаковъ, Н. Рудыковскій, В. Р. Руммель, Руничъ, Г. К. Ръпинскій, Д. Д. Рябининъ.

П. И. Савваитовъ, А. А. Савурскій, Садовскій, Н. Θ. Самаринъ, И. Самсоновъ, А. Саложниковъ, Свамочкинъ, Свистуновъ, А. С. Сгибневъ, Т. Н. Седлецкій, Н. Н. Селифонтовъ, Сергеевъ, бар. М. Н. Сердобинъ, Сеславина, Симоновъ, А. Скальковскій, Д. И. Скобелевъ, В. Скоробогатый, В. Смирновъ, Д. Смышляевъ, акад. Θ. Г. Солицевъ, Р. Сорокинъ, Т. А. Сосновскій, П. Т. Софienко-Сухомлиновъ, П. И. Стародубскій, А. Старчевскій, В. В. Стасовъ, С. В. Стебницка, Б. А. Степановъ, Н. И. Степановъ, В. А. Степановъ, П. А. Степановъ, А. Д. Столыпинъ, Стороженко, В. Я. Стоюнинъ, П. И. Стояновскій, А. И. Стригоцкій, Н. С. Стромилловъ, Стрѣлковъ, Г. И. Студенкинъ, А. А. Суворовъ князь Италійскій графъ Рымникскій, С. Судаковъ, С. Н. Сулима, В. Сульменевъ, Сушковъ, С. П. Сысоевъ, акад. Л. А. Сѣряковъ.

Н. М. Тереховъ, прое. Н. С. Тихонравовъ, К. Н. Тихонравовъ, Ю. В. Толстой, Томашевъ, Н. Е. Толчѣевъ, Л. Н. Трефолевъ, А. Труворовъ, Туганъ-Мирза-Барановскій, С. И. Турбинъ, кн. Н. Н. Туркестановъ, М. Н. Туруновъ, Тучковъ.

Θ. Н. Устряловъ, А. П. Ушаковъ.

Н. Федоровъ, Б. Федоровъ, А. И. Фелькнеръ, Т. И. Филипповъ, К. Н. Флиге, И. Р. Фонъ-деръ-Хоненъ, О. Е. Франкъ, А. В. Фрейгансъ.

П. В. Хавскій, В. В. Хлоновъ, П. Ф. Хомутовъ.

Цвилевъ, графиня Цукатто.

Гр. Э. К. Чапскій, В. И. Чаславскій, А. П. Чеботаревъ, Г. С. Чириковъ, И. А. Чистовичъ, Я. А. Чистовичъ, А. П. Чумиковъ, К. Н. Чупинъ.

Н. И. Шагаловъ, кн. Ив. Шаховской, Е. Г. Шварцъ, К. Н. Шварцъ, Б. С. Шевыревъ, П. В. Шейнъ, А. В. Шереметевъ, Н. К. Шильдеръ, Г. И. Ширяевъ, А. Д. Шишковъ, Шлякинъ, А. С. Шляхтинъ, И. А. Шмаковъ, М. Θ. Шугровъ, Б. К. Шудьцъ.

П. К. Щебальскій, М. П. Щербининъ, кн. Н. П. Щетининъ, Н. Н. Щукинъ.

П. И. Юркевичъ.

Языковъ, С. М. Якимавъ, В. А. Яковлевъ, С. А. Яковлевъ, Якубовичъ, Якушкинъ, Г. Д. Яновичъ, С. Х. Янковскій, Ястржембскій, А. П. Яхонтовъ, княгиня Е. М. Яшвилъ и др.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ съ признательностію упомянуть о покойныхъ: А. И. Артемьевъ, А. Н. Аванасевъ, Я. П. Баклановъ, Е. А. Бестужевой, М. А. Бестужевъ, И. Д. Бляевъ, П. В. Веригинъ, А. С. Вороновъ, А. Θ. Гилбердингъ, В. И. Далъ, Н. Н. Де-Прерадовичъ, от. Кустодѣевъ, А. М. Княжевичъ, П. П. Ламбинъ, Е. Ф. Лермонтовой, М. Н. Лопгиновъ, А. В. Лосевскомъ, кн. С. А. Мадатовой, П. К. Менковъ, от. М. Я. Моронкиинъ, Θ. Н. Муратовъ, П. А. Мухиновъ, акад. П. П. Пекарскомъ, В. Θ. Ратчъ, А. И. Рыжовъ, И. И. Свіазевъ, В. И. Фелькнеръ, М. Д. Хмыровъ и К. В. Чевкинъ, — сообщенные ими матеріалы находятся также въ распоряженіи «Русской Старины».

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ 1875 ГОДУ.

Въ 1875 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

<p>Анголинская область. (381,900 жит.).</p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td>Анголинскъ</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Кочетовъ</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Омскъ</td><td style="text-align: right;">14</td></tr> <tr><td style="border-top: 1px solid black;"></td><td style="text-align: right; border-top: 1px solid black;">16</td></tr> </table> <p>Амурская обл. (44,400 жит.).</p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td>Благовѣщенскъ</td><td style="text-align: right;">6</td></tr> <tr><td>Албазинт</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Михайлово-Семеновская</td><td style="text-align: right;">2</td></tr> <tr><td style="border-top: 1px solid black;"></td><td style="text-align: right; border-top: 1px solid black;">9</td></tr> </table> <p>Архангельская губ. (285,636 жит.).</p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td>Архангельскъ</td><td style="text-align: right;">7</td></tr> <tr><td>Емецкая</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Онега</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Пинега</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Сороцкая</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td style="border-top: 1px solid black;"></td><td style="text-align: right; border-top: 1px solid black;">11</td></tr> </table> <p>Астраханская губ. (612,025 жит.).</p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td>Астрахань</td><td style="text-align: right;">26</td></tr> <tr><td>Ветляинская</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Красный яръ</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Поповицкая</td><td style="text-align: right;">2</td></tr> <tr><td>Черный яръ</td><td style="text-align: right;">3</td></tr> <tr><td style="border-top: 1px solid black;"></td><td style="text-align: right; border-top: 1px solid black;">33</td></tr> </table>	Анголинскъ	1	Кочетовъ	1	Омскъ	14		16	Благовѣщенскъ	6	Албазинт	1	Михайлово-Семеновская	2		9	Архангельскъ	7	Емецкая	1	Онега	1	Пинега	1	Сороцкая	1		11	Астрахань	26	Ветляинская	1	Красный яръ	1	Поповицкая	2	Черный яръ	3		33	<p>Вазинская губ. (513,560 жит.).</p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td>Баку</td><td style="text-align: right;">12</td></tr> <tr><td>Геоктопийская</td><td style="text-align: right;">2</td></tr> <tr><td>Карамарьянская</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Куба</td><td style="text-align: right;">3</td></tr> <tr><td>Ленкорань</td><td style="text-align: right;">2</td></tr> <tr><td>Сальяны</td><td style="text-align: right;">2</td></tr> <tr><td style="border-top: 1px solid black;"></td><td style="text-align: right; border-top: 1px solid black;">22</td></tr> </table> <p>Бессарабская обл. (1,117,074 жит.).</p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td>Кишиневъ</td><td style="text-align: right;">28</td></tr> <tr><td>Акерманъ</td><td style="text-align: right;">2</td></tr> <tr><td>Вайрамчевская</td><td style="text-align: right;">2</td></tr> <tr><td>Вендеры</td><td style="text-align: right;">4</td></tr> <tr><td>Въльцы</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Деневицъ</td><td style="text-align: right;">2</td></tr> <tr><td>Купчинская</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Новоселица</td><td style="text-align: right;">3</td></tr> <tr><td>Оргъевъ</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Скуляны</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Сороки</td><td style="text-align: right;">3</td></tr> <tr><td>Хотинь</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td style="border-top: 1px solid black;"></td><td style="text-align: right; border-top: 1px solid black;">49</td></tr> </table> <p>Варшавская губ. (949,965 жит.).</p> <table style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr><td>Варшава</td><td style="text-align: right;">77</td></tr> <tr><td>Александръ пограничный</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> <tr><td>Блоне</td><td style="text-align: right;">1</td></tr> </table>	Баку	12	Геоктопийская	2	Карамарьянская	1	Куба	3	Ленкорань	2	Сальяны	2		22	Кишиневъ	28	Акерманъ	2	Вайрамчевская	2	Вендеры	4	Въльцы	1	Деневицъ	2	Купчинская	1	Новоселица	3	Оргъевъ	1	Скуляны	1	Сороки	3	Хотинь	1		49	Варшава	77	Александръ пограничный	1	Блоне	1
Анголинскъ	1																																																																																						
Кочетовъ	1																																																																																						
Омскъ	14																																																																																						
	16																																																																																						
Благовѣщенскъ	6																																																																																						
Албазинт	1																																																																																						
Михайлово-Семеновская	2																																																																																						
	9																																																																																						
Архангельскъ	7																																																																																						
Емецкая	1																																																																																						
Онега	1																																																																																						
Пинега	1																																																																																						
Сороцкая	1																																																																																						
	11																																																																																						
Астрахань	26																																																																																						
Ветляинская	1																																																																																						
Красный яръ	1																																																																																						
Поповицкая	2																																																																																						
Черный яръ	3																																																																																						
	33																																																																																						
Баку	12																																																																																						
Геоктопийская	2																																																																																						
Карамарьянская	1																																																																																						
Куба	3																																																																																						
Ленкорань	2																																																																																						
Сальяны	2																																																																																						
	22																																																																																						
Кишиневъ	28																																																																																						
Акерманъ	2																																																																																						
Вайрамчевская	2																																																																																						
Вендеры	4																																																																																						
Въльцы	1																																																																																						
Деневицъ	2																																																																																						
Купчинская	1																																																																																						
Новоселица	3																																																																																						
Оргъевъ	1																																																																																						
Скуляны	1																																																																																						
Сороки	3																																																																																						
Хотинь	1																																																																																						
	49																																																																																						
Варшава	77																																																																																						
Александръ пограничный	1																																																																																						
Блоне	1																																																																																						

Влодавскъ	4
Г. стыннѣ	1
Кутно	2
Ловичъ	4
Новый Дворъ	5
Новоминскъ	1
Скерпевицы	2
	<hr/>
	98

Виленская губ.
(1,037,199 жит.).

Вильно	40
Лисна	4
Могля	1
Заборье	1
Лиды	1
Оралы	1
Ошмяны	2
Рудзишки	1
Свенціаны	3
Сморгоня	1
Троки	1
Щучьянъ	1
	<hr/>
	57

Витебская губ.
(912,844 жит.).

Витебскъ	6
Велижъ	2
Двинбургъ	9
Дрисса	1
Клясицкая	1
Лепель	1
Люцинъ	2
Невель	1
Подолицъ	2
Рудня	1
Себежъ	1
Сеньковская	1
	<hr/>
	28

Владимірская губ.
(1,280,550 жит.).

Владиміръ	18
Александровъ	3
Болдинская	1
Второвская	1
Вязники	2
Гавриловъ	1
Гороховецъ	2
Иваново-Вознесенскъ	11
Киржачъ	5
Коровъ	2
Кохма	1
Меленки	1
Мстера	3
Муромъ	5
Озьябликово	1
Орѣховская	2
Перяславъ-Задѣскій	1

Покровъ	1
Сима	1
Судогда	1
Суздаль	1
Шуя	9
Юрьевецъ-Польскій	3
	<hr/>
	76

Волынская губ.
(1,760,810 жит.).

Житомиръ	10
Владиміръ	2
Волочинскъ	2
Дубно	6
Заславъ	3
Корець	1
Кременецъ	5
Купель	1
Луцкъ	3
Любарская	1
Овручъ	1
Олыки	1
Одьянканка	1
Новоградъ-Волынскъ	1
Радзивиловъ	4
Ровно	1
	<hr/>
	43

Вологодская губ.
(1,020,128 жит.).

Вологда	10
Великій-Устюгъ	3
Вельскъ	1
Грязовецъ	3
Кадниковъ	1
Сольвычегодскъ	1
Тотьма	1
Устьыксольскъ	1
Яренскъ	1
	<hr/>
	22

Воронежская губ.
(2,211,431 жит.).

Воронежъ	35
Вирючъ	6
Бобровъ	5
Ботучаръ	2
Валуйки	5
Залонскъ	8
Землянскъ	7
Калачъ	2
Коротоякъ	2
Лосевская	1
Мандрово	1
Нижнедѣвицкъ	1
Новохоперекъ	2
Острогожскъ	7
Павловскъ	4
	<hr/>
	88

Выборгская губ.
(276,384 жит.).

Выборгъ	4
Сердоболь	1
	<hr/> 5

Вятская губ.
(2,448,600 жит.).

Вятка	14
Большекильмезская	1
Воткинский заводъ	1
Елабуга	5
Ижевскій заводъ	2
Малмыжъ	4
Нолинскъ	1
Орловъ	1
Сарапулъ	4
Слободской	2
Уржумъ	2
Яранскъ	1
	<hr/> 38

Гродненская губ.
(1,033,678 жит.).

Гродно	14
Брестъ-Литовскъ	7
Бѣлостокъ	8
Бѣльскъ	1
Волковыскъ	1
Жабинна	1
Заполье	1
Зельвы	1
Иваново	1
Кобринъ	1
Пружаны	1
Слонимъ	1
	<hr/> 38

Дагестанская обл.
(448,299 жит.).

Дербентъ	4
Гумибъ	3
Дашлагаръ	1
Петровское	4
Темиръ-Ханъ-Шура	7
Чиръ-Юртъ	1
	<hr/> 20

Донская обл.
(1,143,120 жит.).

Новочеркасскъ	50
Аксайская	1
Алексиково	1
Боковская	5
Глубокая	1
Есауловская	2
Кизанская	1
Каменка	3
Константиновская	2

Логъ	1
Меркуловская	2
Нижнечирская	3
Новогригорьевская	1
Новочеркасскъ ст.	1
Ольховый рогъ	1
Тарасовка	1
Урюпинская	4
Устьмедвѣдцкая	5
Филоново	1
Харьцкая	1
Цымылинская	4
	<hr/> 91

Екатеринославская губ.
(1,410,965 жит.).

Екатеринославъ	28
Азовъ	1
Александровскъ	5
Базауцкая	1
Бахмутъ	5
Благодатная	3
Верхнеднѣпровскъ	3
Гавриловка	2
Ейскъ	1
Еленовское	2
Ивановская	1
Константиновская	1
Корсунъ	1
Дозовая	2
Дозовая	1
Дуганскій заводъ	3
Маріуполь	1
Нагнибдинская	2
Новомосковскъ	4
Павлоградъ	3
Перещепино	7
Петропавловка	2
Ростовъ	24
Славяносербскъ	2
Таганрогъ	12
Чумбургская	1
	<hr/> 118

Елисаветпольская губ.
(529,412 жит.).

Елисаветполь	4
Шуша	4
	<hr/> 8

Енисейская губ.
(372,862 жит.).

Красноярскъ	12
Енисейскъ	7
Канскъ	1
Каргино	1
Минусинскъ	4
	<hr/> 25

Забайкальская обл.
 (430,780 жит.).

Чита	3
Баргузинъ	1
Верхнеудинскъ	3
Горбиченская	4
Кяхта	4
Нерчинскъ	3
Нерчинскій заводъ	3
Петровскій заводъ	1
Селенгинскъ	1
Средняя Кара	1
Стрѣтенская	1
Троицкосавскъ	3
Шелопухинская	1
Шилгинская	1
	<hr/>
	30

Закатальскій окр.
 (561,802 жит.).

Закаталы	1
	<hr/>
	1

Иркутская губ.
 (378,244 жит.).

Иркутскъ	27
Жигаловская	2
Нижнеудинскъ	1
Тельминская	1
Тугуновская	1
Черемховская	1
	<hr/>
	33

Казанская губ.
 (1,739,909 жит.).

Казань	65
Воробьевская	1
Дашевъ	3
Мамадышъ	1
Свияжскъ	3
Спаскъ	9
Тетюши	1
Царевкокшайскъ	1
Цивильскъ	1
Чистополь	4
Ядринъ	1
	<hr/>
	90

Калишская губ.
 (669,261 жит.).

Калишъ	8
Велюнь	1
Клодава	1
Коло	1
Кюкинь	1
Ленчица	1
Слупцы	1
Сѣрадъ	1
Турекъ	1
	<hr/>
	16

Калужская губ.
 (1,010,628 жит.).

Калуга	19
Александровскій хуторъ	1
Боровскъ	2
Брынъ	2
Жиздра	5
Козельскъ	2
Лихвинъ	1
Медынь	2
Мещовскъ	2
Михѣвская	1
Мосальскъ	1
Перемышль	1
Роговичи	1
Серпейскъ	1
Суборовская	1
Таруса	3
	<hr/>
	45

Кіевская губ.
 (2,251,404 жит.).

Кіевъ	87
Бердичевъ	2
Богуславъ	5
Вѣлая церковь	1
Васильковъ	1
Звенигородка	6
Казатинъ	1
Каневъ	1
Липовець	2
Лысянка	1
Махновка	2
Орадовская	1
Радомысль	2
Ружинъ	1
Сквира	5
Смѣла	8
Тарифа	1
Умань	1
Фасовская	1
Худолѣвка	1
Черкасы	3
Шпола	2
	<hr/>
	135

Ковенская губ.
 (1,172,168 жит.).

Ковно	14
Вилькомиръ	1
Новоалександровскъ	2
Поневѣжъ	2
Россиены	1
Таурогенъ	2
Тельпи	3
Юрбургъ	2
Шавли	1
Шадовъ	1
Щенсливская	1
	<hr/>
	30

Костромская губ.

(1,198,870 жит.).

Кострома	15
Буй	2
Ветлуга	1
Вичуга	1
Вичуга ст.	1
Воронье	1
Галичъ	2
Горкино	1
Евдоимова	1
Кинешма	5
Клеванцово	1
Кологривъ	1
Малюгорская	1
Нерехта	1
Плесь	1
Пучежъ	1
Солнгалычъ	1
Судиславъ	1
Унжа	1
Урень	1
Чухлома	2
Юрвецъ-Повольскій	3
	<hr/>
	45

Кубанская обл.

(672,224 жит.).

Екатеринодаръ	12
Ейскъ	3
Кавказская	1
Коневская	1
Крымская	2
Лабинская	2
Майкопъ	7
Подмогильный постъ	1
Прочный окопъ	4
Славянская	1
Темрюкъ	2
Уманская	1
	<hr/>
	37

Курская губ.

(2,020,679 жит.).

Курскъ	23
Бѣлгородъ	6
Грайворонъ	2
Дмитріевъ на Свапѣ	4
Иванино	1
Кирпильская	2
Коренево	3
Короча	1
Курскъ, ст.	1
Льговъ	4
Марьино	1
Мирополье	1
Никольская	1
Новый Осколь	3
Обоянъ	6
Прохоровка	1

Путивль	5
Рыльскъ	15
Старый Осколь	9
Суджа	8
Тамаровская	1
Тимъ	3
Фатежъ	1
Щигры	8
	<hr/>
	110

Бурляндская губ.

(630,024 жит.).

Митава	5
Баускъ	1
Иллукста	1
Либавъ	3
Суббочъ	1
	<hr/>
	11

Кутайская губ.

(605,691 жит.).

Кутайскъ	4
Ново-Сенакская	1
Поти	2
	<hr/>
	7

Кѣлецкая губ.

(547,717 жит.).

Кѣльцы	4
Андреевъ	1
Мѣховъ	1
Пяница пос.	1
Пячовъ	1
Стопница	1
	<hr/>
	9

Лифляндская губ.

(1,017,074 жит.).

Рига	14
Венденъ	2
Дерптъ	6
Куйвастъ	1
Перновъ	1
	<hr/>
	24

Ломжинская губ.

(511,088 жит.).

Ломжа	9
Малгинъ	1
Мозовецкѣ	1
Остроленка	1
Островъ	1
Пултускъ	1
Щучинъ	1
	<hr/>
	15

Люблинская губ.

(740,867 жит.).

Люблинъ	7
Бѣлгорай	1

51*

Грубешовъ	1
Замостье	2
Красноставъ	1
Ленчна	1
Любартовъ	1
Новая Александрія	1
Тарноградъ	1
Холмъ	3
Яновъ-Замостьскій	1
	<hr/>
	20

Минская губ.
(1,222,642 жит.).

Минскъ	14
Бобруйскъ	2
Борисовъ	3
Дмитровка	1
Любешевская	1
Мозырь	1
Несвижъ	2
Новогрудокъ	2
Пинскъ	1
Погорѣльцы	1
Ромны	1
Рѣчица	1
Свислочь	1
Слуцкъ	1
Таладаевка	1
	<hr/>
	33

Могилевская губ.
(976,601 жит.).

Могилевъ	16
Выховъ	1
Гомель	3
Горы-Горки	1
Климовичи	1
Краснополье	1
Орша	3
Рогачевъ	2
Сенно	1
Чериковъ	1
	<hr/>
	30

Московская губ.
(1,803,740 жит.).

Москва: а) чрезъ газетную экспедицію	190
б) чрезъ московскіе книжные магазины	343
Богородскъ	4
Бронницы	2
Верея	1
Воскресенскъ	1
Дмитровъ	3
Завидовская	3
Завидовская	1
Звенигородка	1
Каменка	1
Коломна	2

Крюково	1
Можайскъ	4
Обираловская	1
Пески	1
Подсолнечная	1
Подольскъ	3
Пушкинская	1
Раменская	1
Руза	2
Серпуховъ	8
Сергѣевъ посадъ	10
Фаустово	1
	<hr/>
	586

Нижегородская губ.
(1,293,210 жит.).

Нижній Новгородъ	31
Ардатовъ	1
Арзамасъ	7
Балахна	1
Василь Сурскъ	1
Воскресенская	1
Горбатовъ	2
Бнягининъ	2
Лукояновъ	1
Лысково	3
Мангушевская	1
Павлово	2
Починки	5
Семеновъ	1
Сергачъ	5
	<hr/>
	64

Новгородская губ.
(1,021,317 жит.).

Новгородъ	13
Бахмаровскіа	1
Большая Дора	1
Бологое	1
Боровичи	3
Броницы	1
Бѣлозерскъ	1
Вытегра	2
Демьянскъ	1
Евоново	1
Еремино	2
Кирилловъ	3
Кукуйская	1
Любахино	1
Маслово	1
Меглецы	1
Медвѣдъ	1
Пищадкино	1
Подберезье	1
Подберезье	1
Подпорожье	1
Сомино пристань	2
Спаская Полисть	1
Спаская Полисть	1
Старая Русса	1

Тихвинъ	3
Торбино	1
Устюжна	7
Череповецъ	5
Чудовская	4
Яжелбицы	1
	<hr/>
	65

Нюландская губ.
(173,141 жит.).

Гельсингфорсъ	5
Свеаборгъ	4
	<hr/>
	9

Олонецкая губ.
(298,364 жит.).

Петрозаводскъ	8
Каргополь	1
	<hr/>
	9

Оренбургская губ.
(926,165 жит.).

Оренбургъ	16
Верхнеуральскъ	3
Коельская	2
Мясской заводъ	1
Орскъ	1
Петропавловская	1
Троицкъ	2
Челябинскъ	5
	<hr/>
	31

Орловская губ.
(1,633,794 жит.).

Орелъ	36
Александровка	1
Архангельская	2
Побровка	1
Болховъ	5
Брянскъ	7
Брянскъ ст.	2
Выгонская	1
Дмитровскъ	1
Дросково	1
Елецъ	20
Карачевъ	8
Козаки	1
Ливны	12
Мценскъ	4
Нарышкино	1
Русскій Бродъ	2
Савскъ	1
Хотынецъ	2
	<hr/>
	108

Пензенская губ.
(1,202,211 жит.).

Пенза	27
Городище	1
Инсаръ	5

Исса	1
Каменка	2
Керенскъ	2
Краснослободскъ	3
Наровчатъ	3
Нижній Ломовъ	2
Садовка	1
Саранскъ	4
Чембаръ	9
	<hr/>
	60

Пермская губ.
(2,240,960 жит.).

Пермь	12
Вилимбаевскій заводъ	5
Богословскій заводъ	1
Верхотурье	1
Веретя	2
Далматовъ	1
Екатеринбургъ	24
Ирбитъ	2
Камышловъ	3
Каженскій заводъ	3
Красноуфимскъ	3
Кунгуръ	8
Кушвинскій заводъ	6
Куяшская	1
Осса	3
Оханскъ	3
Невьянскій заводъ	5
Нижнетагильскій заводъ	4
Соликамскъ	4
Сугатская	1
Сысертская	1
Чердынъ	1
Шадринскъ	2
	<hr/>
	96

Петровская губ.
(708,008 жит.).

Петроковъ	4
Граница	1
Згержъ	1
Лаксъ	1
Лодзь	2
Рава	1
Ченстоховъ	4
	<hr/>
	14

Плоцкая губ.
(490,945 жит.).

Плоцкъ	7
	<hr/>
	7

Подольская губ.
(1,996,046 жит.).

Каменецъ-Подольскъ	18
Багта	4
Баръ	2
Брацлавъ	1

Ваплярка	1
Верховецкая	2
Виница	5
Волочискъ	3
Гайсинъ	3
Дережня	2
Джуринская	1
Жмеринка	2
Константиновская	1
Кривое Озеро	4
Круты мѣст.	1
Круты ст.	1
Летичевъ	2
Литинъ	2
Марьяновская	2
Меджибожь	4
Могилевъ	1
Немировъ	4
Навоконстантиновская	1
Новомиргородъ	2
Новая Ушица	2
Ольвиополь	1
Ольгополь	1
Павлышская	1
Петровъровская	1
Проскуровъ	2
Тульчинъ	4
Хмѣльницъ	1
Ярмолинцы	3
	<hr/>
	85

Полтавская губ.

(2,154,847 жит.).

Полтава	29
Бутенковский	2
Бѣлоцерковка	2
Гадячъ	4
Ганювка	1
Жуки	2
Зеньковъ	5
Золотоноша	8
Карловская	2
Кобеляки	9
Константиноградъ	2
Кочубеевка	1
Кременчугъ	10
Лохвица	4
Лубны	5
Миргородъ	4
Переяславъ	3
Пирятинъ	3
Придуки	12
Ромны	8
Рѣшетилровка	1
Семеновская	1
Хороль	6
Яготино	2
	<hr/>
	126

Приморская обл.

(45,000 жит.).

Николаевъ	3
Владивостокъ	2
Камень Рыболовъ	2
Петропавловскій	2
Хабаровская	2
	<hr/>
	11

Псковская губ.

(792,678 жит.).

Псковъ	13
Ашево	1
Веднкіе-Луки	2
Михайловъ погостъ	2
Новоржевъ	5
Опочка	1
Островъ	1
Порховъ	5
Торопецъ	3
Тяполовская	1
Холмъ	5
	<hr/>
	39

Радомская губ.

(562,191 жит.).

Радомъ	5
Козеницы	1
Опочна	1
Пржедборжь	1
Сандомиръ	1
	<hr/>
	9

Рязанская губ.

(1,524,442 жит.).

Рязань	17
Борки	1
Гавриловская	1
Данковъ	1
Дивово	1
Егорьевъ	1
Ерахтурская	1
Зарайскъ	8
Измоски	1
Караблинская	1
Караси	1
Касимовъ	4
Михайловъ	4
Пронскъ	3
Ряненбургъ	6
Рязскъ	3
Сапожокъ	5
Скопинъ	2
Спаскъ	1
Ухолово	1
	<hr/>
	63

Самарская губ.

(1,896,074 жит.).

Самара	22
Балаково	1

Бугурусланъ	4
Бугульма	3
Вузудукъ	4
Зимникова	3
Кичуй	2
Красноярская	1
Мелекесь	3
Николаевскъ	3
Новый Узень	3
Павловская	2
Чердаклинская	1
	<hr/>
	52

С.-Петербургская губ.
(1,354,710 жит.).

С.-Петербургъ: по почтѣ	1111
черезъ магазинъ-на	
Базунова	147
безъ доставки	108

Бѣлая	2
Гитчино	6
Гдовъ	2
Колпинская	1
Красное Село	3
Кронштадтъ	21
Луга	3
Манихинская	1
Нарва	3
Новая Ладога	3
Ораниенбаумъ	3
Павловскъ	5
Петергофъ	7
Сергiевская	1
Сестрорѣцкъ	1
Сиверская	1
Сиверская	1
Сасскiя рядки	1
Тосна	1
Тупичино	2
Царское Село	21
Шлиссельбургъ	5
Ямбургъ	2
	<hr/>
	1,462

Саратовская губ.
(1,768,138 жит.).

Саратовъ	36
Алексѣевка	2
Аткарскъ	11
Балыклейская	1
Балашовъ	4
Беково	1
Вольскъ	8
Дубовскiй пасады	4
Екатериновка	1
Камышинъ	5
Каменка	2
Колдино	2
Кондакъ	2
Кузнецкъ	2
Маринская	2

Петровскъ	4
Ртицево	3
Сарепта	1
Сердобскъ	7
Сосновка	4
Турки	3
Хвалынскъ	3
Царицынъ	4
	<hr/>
	112

Семирѣченская обл.
(539,530 жит.).

Вѣрный	9
Караколъ	2
Копаль	1
Урджарская	1
	<hr/>
	13

Семиполатинская обл.
(510,063 жит.).

Семиполатинскъ	6
Алтайская	1
Бухторма	1
Зайсанскiй постъ	2
Усть Каменогорскъ	2
	<hr/>
	12

Симбирская губ.
(1,218,888 жит.).

Симбирскъ	19
Алатырь	1
Ардатовъ	7
Болховская	2
Буинскъ	2
Борсунъ	8
Краснососенская	4
Курмышъ	6
Пиловальные заводы	2
Сенгилей	1
Сызрань	13
Татъевская	3
Теренгульская	1
Уренско-Карлинская	1
Юрловка	1
Ясашно-Ташлинская	1
	<hr/>
	72

Смоленская губ.
(1,163,746 жит.).

Смоленскъ	13
Батюшково	1
Бѣлой	4
Вязьма	6
Гжатскъ	4
Дорогобужъ	5
Духовщина	1
Ельня	3
Ивановская	2
Михайловская	1
Поръчье	1

Починокъ	1
Рославль	6
Рославецъ	1
Соловьевская	1
Стадалище	1
Сычевка	1
Трубчевскъ	1
Уваровская	1
	<hr/>
	54

Ставропольская губ.
(437,118 жит.).

Ставрополь	15
Александровская	2
Медвѣжинская	3
Песчано-Окопская	2
Прасковья село	1
Пятигорскъ	8
Средній Егорлыкъ	4
	<hr/>
	35

Сувалянская губ.
(537,807 жит.).

Суваляи	7
Верхоболовъ	1
Верхоболовская	1
Вильковицши	1
Сейны	1
	<hr/>
	11

Сухумскій округъ.
(70,701 жит.).

Сухумъ-Кале	7
	<hr/>
	7

Сѣдлецкая губ.
(533,861 жит.).

Сѣдецъ	6
Бѣла	3
Венгровъ	2
Влодава	2
Луковъ	1
Радинъ	1
Соколовъ	1
Яновъ Вѣльскій	2
	<hr/>
	18

Сырѣ-Дарьинская обл.
(1,239,649 жит.).

Ташкентъ	19
Аудіе-ата	3
Джудекъ	1
Казалинскъ	5
Каты Курганъ	2
Самаркандъ	8
Туркестанъ	2
Ходжентъ	3
Чимкентъ	4
Чинавъ	1
	<hr/>
	48

Тавастгустовская губ.

(193,477 жит.).

Тавастгустъ	1
	<hr/>
	1

Таврическая губ.

(747,009 жит.).

Симферополь	16
Балчисарай	1
Вердянскъ	8
Большой Токмакъ	1
Генчическъ	2
Евпаторія	3
Карасубазаръ	4
Каховка	5
Керчь Ениколь	10
Мелитополь	7
Ногайскъ	2
Орѣховъ	2
Перекопъ	2
Севастополь	15
Сирагзская	1
Судакъ	1
Черная Долина	2
Ялта	9
Феодосія	4
	<hr/>
	95

Тамбовская губ.

(2,230,635 жит.).

Тамбовъ	35
Боговлянская	1
Борисоглѣбскъ	12
Восйково	1
Грязи	1
Елатъма	2
Кадома	1
Каргашино	4
Кирсановъ	6
Козловъ	13
Куликовская	1
Лебедянь	5
Липецкъ	1
Микулинно	2
Моршанскъ	4
Муравьевская	1
Окры	1
Прасковьино	1
Просянополянская	1
Рокотово	1
Спаскъ	2
Темниковъ	1
Токарева	1
Толстиговская	1
Уметъ	1
Усманъ	4
Щацкъ	4
	<hr/>
	108

Тверская губ.
(1,545,637 жит.).

Тверь	23
Възжецкъ	11
Высокое	1
Вышній Волоочокъ	7
Зубцовъ	3
Калязинъ	4
Кашиня	6
Кесово	1
Кимры	2
Корчева	1
Красный Холмъ	2
Негоново	1
Осташковъ	2
Осташковская	1
Ржевъ	13
Селижаровъ посадъ	1
Старица	4
Торжокъ	5
	<hr/>
	88

Тверская обл.
(485,237 жит.).

Владикавказъ	12
Грозный	10
Екатериноградъ	1
Кизляръ	1
Слѣпцовская	2
Хасаевъ Юртъ	2
Шелковзаводская	1
	<hr/>
	29

Тифлисская губ.
(606,584 жит.).

Тифлисъ	76
Ахалцыхъ	2
Бѣлый Ключъ	3
Вазіани	1
Гори	3
Душетъ	1
Лагодехская	1
Сигнахъ	1
Сурамъ	1
Царскіе Колодцы	1
	<hr/>
	90

Тобольская губ.
(1,086,848 жит.).

Тобольскъ	6
Боровлянская	1
Ишимъ	1
Курганъ	6
Турунскъ	1
Тюмень	7
Якуторовскъ	2
	<hr/>
	24

Томская губ.
(838,756 жит.).

Томскъ	8
Барнаулъ	8
Бійскъ	1
Бѣлоглазова	1
Канскъ	2
Маріинскъ	1
	<hr/>
	21

Тульская губ.
(1,188,670 жит.).

Тула	38
Алексинъ	4
Богородицкъ	4
Бѣлевъ	5
Веневъ	2
Доробино	2
Епинеанъ	3
Ефремовъ	9
Иваново	1
Кадное	1
Кашира	3
Крапивна	1
Лужьяновка	2
Малоархангельскъ	3
Новосиль	6
Одоевъ	5
Пахомово	1
Сергіевское	1
Томстухъ	1
Чернь	5
Чернская	1
Ясенки	1
	<hr/>
	99

Тургайская обл.
(338,802 жит.).

Иргизъ	1
	<hr/>
	1

Уральская обл.
(346,715 жит.).

Нижнеуральскъ	5
Гурьевъ	3
Мухрановскій постъ	1
	<hr/>
	9

Уфимская губ.
(1,415,140 жит.).

Уфа	9
Байсарово	1
Белебей	1
Бирскъ	2
Златоустовскій заводъ	1
Мензелинскъ	7
Саткинскій заводъ	2
Стерлитамакъ	2
	<hr/>
	25

Харьковская губ.		Глуховъ		7
(1,739,220 жит.).		Грузское		3
Харьковъ	21	Елѣонское		2
Ахтырка	8	Козелець		1
Барвенково	3	Конотопъ		6
Богодуховъ	7	Красное		3
Боромли	2	Красненская		1
Бѣловодскъ	2	Кролевецъ		3
Бѣлополье	3	Мглинъ		1
Валки	1	Мена		2
Волчанскъ	7	Новгородъ Сѣверскъ		7
Волоховоярская	1	Нѣжинъ		7
Ворожба	1	Остеръ		1
Дергачи	3	Плиски		1
Дружковка	2	Понуровская		2
Зміевъ	3	Почепъ		2
Изюмъ	9	Сосница		1
Искровка	1	Стародубъ		3
Купянскъ	4	Эсманская		1
Лебединъ	3			
Новоекатеринославъ	4			76
Новоселки	1	Черноморскій округъ.		
Самозванка	1	(15,703 жит.).		
Сеньковская	1	Новороссійскъ		2
Славянскъ	5	Туапсе		2
Старобѣльскъ	9			4
Сумы	9	Эриванская губ.		
Тарновка	1	(452,001 жит.).		
Голая долина	1	Эриванъ		5
Чугуевъ	4	Александрополь		2
	117	Караклиская		1
		Нахичевань		2
				10
Херсонская губ.		Эстляндская губ.		
(1,617,180 жит.).		(325,715 жит.).		
Херсонъ	14	Ревель		8
Александрія	7	Балтійскій портъ		1
Анаѣевъ	2	Везенбергъ		1
Березовка	2			10
Вирзулова	3	Якутская губ.		
Гобринець	4	(231,977 жит.).		
Вознесенскъ	4	Якутскъ		4
Елисаветградъ	22	Нохтуйскъ		5
Запласы	1			9
Николаевъ	20	Ярославская губ.		
Новая Прага	2	(1,008,315 жит.).		
Новогеоргиевскъ	4	Ярославль		27
Новоукраинка	1	Великое село		2
Одесса	70	Даниловъ		2
Песчаный Бродъ	1	Молога		1
Тирасполь	3	Мышкинъ		1
Тирасполь ст.	1	Петровскъ		1
	161	Пошхонье		2
		Романово-Борисоглѣбскъ		4
Черниговская губ.		Ростовъ		4
(1,704,990 жит.).		Рязанцево		1
Черниговъ	13	Рыбинскъ		12
Авдѣева	3	Угличъ		3
Бахмачъ	1			60
Березна	1			
Борзна	1			
Бобровицы	2			
Бровары	1			

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Австрія	5	Китай	4
Англія	2	Персія	2
Бельгія	2	Пруссія	2
Германія	19	Турція	1
Голландія	1	Франція	20
Египетъ	1	Швеція	1
Италія	5	Швейцарія	4
			<hr/>
			69

ОБЩИ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.

Акмолнинской	16
Амурской обл.	9
Архангельской	11
Астраханской	33
Бакинской	22
Бессарабской обл.	49
Варшавской	98
Виленской	57
Витебской	28
Владимирской	76
Волынской	43
Вологодской	22
Воронежской	88
Вятской	38
Выборгской	5
Гродненской	38
Дагестанской обл.	20
Донской обл.	91
Екатеринославской	118
Елисаветпольской	8
Енисейской	25
Забайкальской обл.	30
Зикагальскомъ округѣ	1
Иркутской	33
Казанской	90
Калишеской	16
Калужской	45
Киевской	135
Ковенской	30
Костромской	45
Кубанской обл.	37
Курской	110
Курляндской	11
Кутаисской	7
Кълецкой	9
Ляояндской	24
Ломжинской	15
Лобнинской	20
Минской	33
Могилевской	30
Московской	53
Нижегородской	64
Новгородской	65
Нюландской	9
Олонцкой	9
Оренбургской	31
Орловской	108
Пензенской	60

Пермской	96
Петровговской	14
Плоцкой	7
Подольской	85
Полтавской	126
Приморской обл.	11
Псковской	39
Радомской	9
Рязанской	63
Самарской	52
С.-Петербургской	96
Саратовской	112
Семирѣчинской обл.	13
Семиполатинской обл.	12
Симбирской	72
Смоленской	54
Ставропольской	35
Сувадской	11
Суханскомъ огр.	7
Сѣдлецкой	18
Сырѣ-Дарьинской обл.	48
Тавастгустской	1
Таврической	95
Тамбовской	108
Тверской	88
Терской обл.	29
Тюльинской	90
Тобольской	24
Томской	21
Тульской	99
Тургайской обл.	1
Уральской обл.	9
Уфимской	25
Харьковской	117
Херсонской	161
Черниговской	76
Черноморскомъ окр.	4
Эриванской	10
Эстляндской	10
Якутской обл.	9
Ярославской	60
	<hr/>
Итого	4,032

II. Въ Москвѣ	533
III. Въ С.-Петербургѣ	1,366
VI. За границей	69

Всего 6,000 экземпл.

Завѣдывающая экспедиціей К. Кармалина.

Въ книжныхъ магазинахъ **Баунова** (въ Петербургѣ) и
Соловьева (въ Москвѣ)

продаются слѣдующія изданія:

**I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣяте-
лей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).**

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Э. К. Опочинина**. Спб. 1873 г., въ
листъ, 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана**; со-
браніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ;
въ приложеніяхъ напечатаны (большою частію впервые) подлинники снимковъ,
какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей,
въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., пересылка 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Томъ I. **Цѣна 3 р.** съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титуло-
ванныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ;
многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ различія эпохи русской
исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ
или литературномъ.

(Осталось немного экземпляровъ)

[Томъ второй „Русской Родословной книги“—печтается].

III. „Русская Старина“ 1870 г. (годъ первый) изданіе третье,
отпечатанное въ 1875 г. въ трехъ томахъ, всего 2,700 стр.,
изданіе значительно исправленное, съ портретами, снимками и
рисунками. **Цѣна 8 руб.** съ пересылкою.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ XIV ТОМѢ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1875 г.

А.

Абамеликъ-Лаваревъ, кн. С. Д., лейбъ-гусарь 1839 г., 67, 68.

Абдуль-Гамидъ, турецкій султанъ, † 1789 г., 217.

Августъ II, король польскій, 254, 696.

Агафоновъ, офицеръ, 364.

Акимовъ, Евлампій, тамбовскій мѣщанинъ 1830 г., 745, 747.

Аксаковъ, Ив. Серг. 367, 368, 375—378.

Аксаковъ, Конст. Сергѣев., 367, 373—374, 378.

Аксаковъ, Конст. Тимоев., 325, 326.

Аксаковъ, Серг. Тимоев. Письма Голая и отношенія къ нему, 104, 111, 114, 115, 118, 121, 123, 127, 129, 299, 301, 303, 306, 311, 321, 378, 656, 657, 659, 665—668, 675.

Александра Николаевна, великая княжна, 649, 687.

Александра Федоровна, императрица, 683.

Александровскій, ветеринаръ 1830 г., 743.

Александръ VI, папа римскій, 679.

Александръ Николаевичъ, Императоръ, 545.

Александръ Павловичъ, императоръ. Отношенія къ Каразину, 188, 189, 193, 273—278, 470—471, 474—475. Распоряженіе о полковн. Виттѣ 1808 г., 201—202. Война 1812 г., 595—617. Письмо къ А. Н. Голицыну о Лабзинѣ 1822 г., 294—295. Письмо къ митрополиту Серафиму 1824 г., 643—644. Упом. 166, 173, 194, 198, 244, 280, 282, 290, 291, 412, 469, 472, 534, 536, 388.

Алопеусъ, гр. О. Д., л.-гусарь 1839 г., 68.

Алтчеръ, докторъ 1830 г., 746.

Алферовъ, харьков. уѣздный предводитель дворянства 1803 г., 193.

Альбина, адъютантъ генерала Граббе 1840 г., 63.

Альбрехтъ, нѣмецкій актеръ, 250, 260.

Алябьевъ, композиторъ, 503.

Амбургеръ, Софія, 643.

Амвросій (Серебрянниковъ), архіепископъ екатеринослав. п херсонесо-тавричeskій 1791 г., 253—254.

Амвросій, архіеписк. базанскій 1791 г., 257.

Амвросій, архимандритъ московскаго Новоспасскаго монастыря 1812 г., 642.

Анастасевичъ, В., 1804 г., 199.

Анджиевъ, бригадный командиръ 1837 г., 177, 182, 183.

Андрѣвъ, граверь, 512.
Андреевъ, Владиміръ, золотыхъ дѣлъ мастеръ 1801 г., 419.
Анна Іоанновна, императрица, 452.
Анненковъ, генер.-адъютантъ, 160.
Антоновъ, писарь 1845 г., 343.
Апрѣлевъ, Ів. Ѳед., 291.
Араччевъ, гр. Алексѣй Андреевичъ. Переписка съ А. Н. Оленинымъ, 283—286. Упом. 178.
Араповъ, писатель, 630.
Арендтъ, лейбъ-медикъ, 92—96, 701.
Армфельдтъ, гр. Александръ Густавъ, 693.
Ардтъ, писатель, 467, 478.
Арнольди, А. И., 67, 403, 655.
Арнольди, В. Д., рожд. Свербеева, 57.
Арсенъева, Елис. Алексѣевна., рожд. Столыпина, 61.
Арсеневъ, полковникъ 1790 г., 237.
Артаковъ, харьковскій губернаторъ 1803 г., 269, 279.
д'Артуа, графъ, 258.
Артюковъ, офицеръ 1855 г., 581.
Архенгольдъ, историкъ, 260.
Арцыбашевъ, историкъ, 82, 86.
д'Аршиакъ, секундантъ Гекерена, 95.
Ауду-злу-паша, турецкій сераскиръ 1790 г., 230.
Ахбауръ, шт.-капитанъ, 1855 г., 537.
Ахматовъ, Иванъ, 434.
Аванасъевъ, протоколистъ 1812 г., 642.
Аванасъевъ, Александръ Николаевичъ, писатель, 213.

Б.

Ватратионъ, кн. Петръ Иванъ, генер.-аншефъ, 201.
Ваведовъ, педагогъ, 485.
Вазилъ, Маргарита Александр., 673.
Вайковъ, тамбовскій городской голова 1830 г., 744, 747.
Вазаевъ, В. Д., офицеръ лейбъ-гусаръ 1839 г., 68.
Важлашевъ, полковникъ 1853 г., 543.
Важонъ, канцлеръ Англии, 257.
Валашовъ, Александръ Дм., министръ полиціи 1812 г., 639—641.

Вальзажъ, франц. писатель, 144.
де-Вальменъ, графъ, генер.-поручикъ 1789 г., 221.
Вантышъ-Камеискій, Дмитр. Никол., историкъ, 220, 222, 224.
Варажъ, противникъ Лермонтова на дуэли, 58.
Варатынскій, И. А., л.-гусаръ 1839 г., 68.
Варбанъ, париж. граверь 1863 г., 513.
Варышниковъ, Н. Н., 454.
Варягинская, кн. Екат. Ѳед. см. кн. Долгорукая.
Вастія, итальянецъ, 637.
Баталь-паша, турецк. сераскиръ 1790 г., 228, 229.
Ватюшовъ, Конст. Никол., поэтъ, 281.
Вашуцкій, Александръ Павловичъ, ред. «Иллюстраціи», 353, 354, 355.
Ваузе, профессоръ, 272.
Вауръ, изобрѣтатель новой лодки 1855 г., 529.
Важметевъ, нижегород. губери. прокуроръ, 422.
Важметевъ, Никол. Иванъ, директоръ придворн. пѣвч. канцеллы, 333, 334.
Важтинъ, Ів. Ів., стат. сов. 1803 г., 278—279.
Важтинъ, Никол. Ів., членъ государ. совѣта, 279.
Везажъ, генераль-адъютантъ 1853 г., 715—716.
Везбородко, графъ Александръ Андр., госуд. канцлеръ, 242.
Веклешовъ, генераль 1797 г. 463.
Велливаръ, содержатель книжнаго магазина, 144.
Веллини, композиторъ, 495, 503.
Венецкій, учитель 1832 г., 482.
Венкендорфъ, гр. Александръ Христоф., генер.-адъютантъ, 207, 647, 758.
Верлювъ, композиторъ, 504.
Вернгардскій, граверь, 359.
Вернгардъ, художникъ, 354.
Вертье, франц. маршалъ 1812 г., 601, 602, 607.
Вестужевъ (Марлинскій), Александръ Александръ, писатель, 70, 340.
Вестужевъ, С., членъ главн. управленія училищъ 1804 г., 199.

Бестъ, издатель журнала «Magasin Pittoresque» 1858 г. Его мастерская 507—512. Письмо къ кн. Гагарину, 516.

Бетховенъ, композиторъ, 328, 630, 494, 496.

Бецкая, Анаст. Иван., рожд. кж. Трубецкая, во 2-мъ замуж. принц. Гессенъ-Гомбургская, 633.

Бецкой, Ив. Ив. Управление воспитательнымъ домомъ, 421 — 443, 618 — 538. Упом. 589.

Бешо, изд. сочинений Вольтера, 587.

Бибиковъ, генер.-лейт. 1744 г., 393.

Бибиковъ, севастоп. житель 1855 г., 555.

Бибиковъ, ген.-поручикъ 1790 г., 229.

Бидлингъ, пѣвецъ, 501.

Блудовъ, гр. Дм. Никол., 147, 199, 281.

Богдановичъ, капитанъ 1812 г., 609.

Богдановичъ, М. И., воен. писатель, 70.

Боголюбовъ, художникъ, 509.

Боголюбовъ, К. И., протоіерей, 737.

Богоявленскій, М. М. Сообщ. солдатскую пѣсню, соч. кн. М. Д. Горчаковымъ, 1854 г., 391.

Богусевскій, генер.-маіоръ 1854 г., 721, 728.

Борель, художникъ, 346.

Боровиковскій, художникъ, 282.

Бороваина, Праск. Николаевна, рожд. Львова, 210.

Бортнянскій, композиторъ, 672.

Воуръ, полковникъ 1789 г., 218, 249.

Воуръ, генераль, 589.

Враницкая, Александра Вас., рожд. Энгельгардтъ, 248, 249.

Враницкая, гр. Софія Влад., въ замуж. кн. Одескальи, 684.

Враницкій, гр. Александръ, 700.

Враницкій, гр. Владиславъ Ксаверіев., оберъ-церемоніймейстеръ, 684, 700.

Врантъ, генер.-маіоръ 1799 г., 394.

Враумажъ, еврей, 545, 546.

Вриальмонъ, нѣм. полковникъ 1863 г., 525.

Врожауъ, 67.

Вроуъ, генераль 1785 г., 450.

Вруни, Фед. Автон., профессоръ живописи, 346, 357, 360, 361, 362, 363, 365.

Врусиковъ, Н., 1804 г., 190.

Врюловъ, Карлъ Павл., художникъ, 346, 362, 515.

Врюсъ, гр. Яковъ Александр., генер.-аншефъ, 450, 452.

Вудищевъ, батар. командиръ 1855 г., 581.

Вуйницкій, писатель, 135.

Вулгановъ, генер.-маіоръ 1790 г., 228.

Вулгарникъ, Фед. Венедикт., писатель, 120, 345, 346, 479.

Вутевичъ, епископъ. Разсказъ его о вторженіи французовъ въ Россію 1812 г., 595—617.

Вутювъ, Петръ, историкъ, 78.

Вухаровъ, Н. И., л.-гусарь 1839 г., 68.

Вѣлинскій, Виссаріонъ Григ., писатель, 303, 662, 663, 664, 670, 676.

Вѣлоусовъ, вытегор. мѣщанинъ 1776 г., 425.

Вѣлугинъ, 85.

Вѣлосельскій, кн. Андр. Мих., посланикъ въ Туринъ. Отвѣтъ императрицы на ходатайство его объ увеличеніи содержанія 1792 г., 453.

Вѣлосельскій-Вѣловерскій, кн. Ѡ. А., л.-гусарь 1839 г., 68.

Вѣлявцевъ, начальникъ Курскаго ополченія 1855 г., 553.

Вѣчювъ, балаклава купецъ 1854 г., 548.

Вѣръ, музыкантъ, 500.

Вюлеръ, бар. Ѡ. А. Сообщ. рисунокъ памятника князю Потемкину, 267. Упом. 147, 152.

Вюргеръ, Андрей Ив., учитель 1832 г. Объ его изданіи «Радуги», 480—487.

Вашновъ, писарь 1843 г., 340.

В.

Вагнеръ, столяръ, 343.

Валуевъ, П. А., министръ государственныхъ имуществъ, 155.

Варлаамъ, тобольскій архіепископъ 1776 г., 418.

Варнеъ, художникъ, 282.

Васильевъ, художникъ, 509.

Васильевъ, Никол. Петр., 68.

Васильевъ, Стефанъ, священникъ воспитательнаго дома 1782 г., 433.

Васильчиковъ, кн. Александръ Илларионовъ, оберъ-церемоніймейстеръ, 60.
 Вашихаловъ, купецъ 1771 г., 424—425.
 Веберъ, композиторъ, 330, 333, 490.
 Веймаръ, ген.-майоръ, † 1855 г., 551, 552.
 Вейсбахъ, генераль 1734 г., 406.
 Веллингтонъ, полководецъ, 381.
 Венециановъ, художникъ, 282.
 Верзилина, Эмилия, 64, 65,
 Верзилинъ, генераль 1841 г., 64.
 Веретъ, Горасъ, художникъ, 510, 511.
 Вертильяевъ, лубенскій хорунжій, 408.
 Вертильяевъ, Николай, 419.
 Веселитскій, С. Г., генераль 1855 г., 560, 562, 563.
 Вешняковъ, Константинъ, канцеляр. служит. 1812 г., 642.
 Вигель, Филиппъ Филиппов., 662.
 Викторовъ, адъютантъ генер. Граббе 1840 г., 63.
 Вилламовъ, Григ. Иван., ст.-секретарь 1807 г., 748—749.
 Вилленвальдъ, художникъ, 358.
 Виноградовъ, Н. А. Сообщ. о копчинѣ гр. А. А. Орловой-Чесменской, 211—212.
 Виртембергскій, принцъ Карлъ, 247.
 Виртембергъ-Штутгардскій, принцъ Александръ, 264.
 Висноватовъ, писатель, 219, 222, 224.
 Висневская, сейнск. жительница, 612.
 Витбергъ, Александръ Лаврент., художникъ 292.
 Витгенштейнъ, князь, лейбъ-гусарь 1839 г., 69.
 Витгенштейнъ, кн. Петръ Христиановичъ, фельдмаршалъ, 201, 202.
 Витовтовъ, генер.-адъютантъ, 518.
 Виттъ, полковникъ. Высочайшее предписание о немъ 1808 г., 201—202. Упом. 647.
 Виельгорские, графы, 122.
 Виельгорскій, гр. Мих. Юрьев., оберъ-лепелъ, 503, 505, 654, 660.
 Владиміръ, архимандритъ 1768 г., 410.
 Влодекъ, генераль, издатель «Литовскаго Курьера» 1820 г., 132.
 Воейковъ, Александръ Фед., писатель, 75.
 Воиновъ, Петръ, секретарь консисторіи 1812, 642.

Волковъ, Максимъ, актеръ, 630.
 Волконская, княгиня, 120.
 Волконскій, кн., командиръ тамбов. гарнизона 1831 г., 743.
 Волконскій, кн. Петръ Мих., министръ двора. Письмо къ А. Н. Оленину, 296.
 Волконскій, кн. Сергій Аврамов., 264.
 Вологинъ, тамбов. купецъ 1830 г., 747.
 Володковичъ, полковой командиръ 1837 г., 176.
 Володвой, капитанъ 1855 г., 551.
 Волькенштейнъ, воен. писатель, 523.
 Вольтеръ. Письмо къ нему Екатерины II, 587—588. Упом. 457.
 Воиловичъ, штабъ-офицеръ. Истязаніе его во время бунта 1831 г., 165.
 Вонсовичъ, польскій полковн. 1812 г., 612, 613, 614, 615.
 Воробьевъ, Д. И., 295.
 Воронихинъ, купецъ 1776 г., 415.
 Вороновъ, лекаръ 1770 г., 439.
 Воронцова, гр. Авдотья Иван., 642.
 Воронцовъ, кн. Мих. Семен., памб.-стникъ кавказскій, 267, 557, 647, 650.
 Воронцовъ-Дашковъ, гр. Ив. Илларионовъ, 682.
 Воскресенскій, топографъ 1843 г., 339.
 Врангель, бар. Александръ Евстаф., генер.-лейт. 1855 г., 549, 551, 552.
 Вревскій, бар. Ипполитъ Александр., генер.-лейт., 552, 553.
 Вреде, кн., бавар. генераль 1812 г., 597.
 Всеславинъ, правитель дѣлъ канцеляріи академіи худож., 363.
 Вяземскій, кн. Александръ Алексѣев., генер.-прокуроръ, 255, 453.
 Вяземскій, кн. Петръ Андр., писатель. 281, 504, 505, 660, 664.

Г.

Гаврилова, А. А., см. Сѣрякова.
 Гавриловъ, Александръ, камердиперъ императора Александра I, 271, 278.
 Гавриилъ, с.-петербургскій митрополитъ, 202—204, 620.
 Гагаринъ, кн., вице-президентъ академ. художествъ 1863 г., 513, 516.
 Гагаринъ, кн. Сергій Вас., об.-штаб-

мейстеръ и сенаторъ. Письмо Екатерины II по поводу брака гр. Ефимовскаго 1773 г., 444—445.

Гаевскій, П. И., цензоръ, 139.

Гайдень, композиторъ, 331, 497.

Галактионовъ, художникъ, 282.

Галеви, композиторъ, 510.

Гальбергъ, художникъ, 282.

Гамбуровъ, Козьма, актеръ, 630.

Гартеножъ, книпродав., 1797 г., 455.

Гассанъ, турецкій паша 1789 г., 220. 221—224.

Гаційскій, батар. командиръ 1855 г., 562.

Гедеоновъ, директоръ император. театровъ, 505.

Геймъ, составитель грамматики, 472.

Гейнефетеръ, пѣвица, 501.

Гекеренъ, убившій на дуэли Пушкина, 94, 95.

Гельбигъ, историкъ, 250, 260, 262.

Георги, докторъ, 437.

Герке, музыкантъ, 501.

Германъ, генер.-майоръ 1790 г., 228.

Герсдорфъ, бар. Э. Э, л.-гус. 1839 г., 69.

Геруа, генер.-адъютантъ 1828 г., 523.

Герценъ (Искандеръ), Александръ Ив., писатель, 292.

Гессенъ-Гомбургская, принц. Анаст. Иван., см. Вецвая.

Гете, поэтъ, 79, 82, 333, 335.

Гильдебрандтъ, нѣмецкій ученый, 472.

Гильфердингъ, Александръ Фед. Сообщ. списокъ съ подлин. бумагъ Екатерины II, 453.

Гилъсъ, Е. И. Перев. Записки епископа Буткевича, 595—616.

Глазуновъ, А. И., 67.

Глинка, Дмитр. Никол., писатель и ученый, посланникъ въ Лиссабонѣ. Посланіе В. К. Кюхельбекера, 86—87.

Глинка, Мих. Ив., композиторъ. Отношенія къ А. С. Даргомыжскому, 502—505. Упом. 346.

Глоба, Ив. Яковл., войсковой писарь Запорожской Сѣчи 1775 г., 411, 418, 420.

Глѣбовъ, авторъ статьи «К. А. Шильдеръ въ турецкую войну», 518.

Глѣбичъ, Никол. Ив., писатель, 75, 281, 293, 661.

Гоголь, Анна Вас., 667.

Гоголь, Елис. Вас., 676.

Гоголь, Николай Вас., характеристика его и письма къ друзьямъ, 99—130, 297—327, 651—677. Упом. 406,

Годейнъ, И. П., л.-гусарь 1839 г., 69.

Годуновъ, Борисъ, царь, 378.

Гоздаво-Тышинскій, А. Г., членъ москов. археолог. общества, 416.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Илар., 229, 246.

Голицына, вн. Еват. Дмитр., рожд. кж. Кантемиръ, 633.

Голицынъ, ст.-секретарь 1862 г., 154.

Голицынъ, кн., полковн. 1830 г., 747.

Голицынъ, кн. Александръ Михайлов., † 1807 г., 430; 748—749.

Голицынъ, кн. Александръ Никол., министръ народ. просвѣщ. Письмо императора Александра 1822, 294—295. Отношенія къ Магницкому, 643, 649, 650. Упом. 491.

Голицынъ, кн. Дмитр. Влад., москов. воен. генер.-губернаторъ, 298.

Голицынъ, кн. Серг. Фед., генер. отъ отъ инфант., 246, 249.

Головатый, Павелъ, войсковой судья Запорожья 1775 г., 411—416, 417, 418, 420.

Головина, гр., см. гр. Фредро.

Головинскій, Зеновъ, волынскій помѣщикъ, 141, 142.

Головинскій, Игнатій, митрополитъ, католич. церквей въ Россіи, 135, 689.

Головинъ, А. В., статсъ-секретарь, членъ госуд. совѣта, 152, 153.

Головцынъ, архангельскій губернаторъ 1776 г., 414, 415, 416.

Голтегеръ, Иоганнъ-Генрихъ, аптекарь 1779 г., 442.

Гончаровъ, И. А., писатель, 153.

Гончаровъ, И. Н., л.-гусарь 1839 г., 69.

Горбуновъ, К. А., художникъ 1841 г., 66.

Горичъ-Виссескій, бригад., † 1788 г., 264.

Горскій, Александръ Вас., протоіеренъ, ректоръ москов. духов. академіи, 737.

Горчаковъ, кн. Мих. Дмитр., «Солдатскія пѣсни», 391—392. Переписка съ Шильдеромъ 530—532, 535—539, 552, 558, 560, 568, 579, 582, 715—727. Упом. 384—390.

Горчаковъ, кн. Петръ Дмитр., генер-губернаторъ Запал. Сибири, 562.

Гофманъ, нѣмец. писатель, 82, 332, 496.

Граббе, генералъ 1841 г., 61, 63.

Грабовскій, писатель, 135.

Грабовскій, гр. Степанъ Ѳомичъ, министръ, статсъ-секретарь Царства Польскаго, 681.

Грамбаумъ, операторъ 1830 г., 747.

Грейгъ, адмиралъ, 449.

Гренъ, стихотворецъ, 480.

Грибоѣдова, Елпс. Алексѣев. см. кн.

Паскевичъ-Эриванская.

Грибоѣдовъ, Александр. Серг., писатель, 83, 84, 85, 151.

Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-секретарь акад. художествъ, 358, 359, 360, 361, 364.

Григорьевъ, Апполонъ Александр., писатель, 664, 666.

Гриви, пѣвица, 498.

Грифитъ, Юлій. Письмо къ нему Деллагарди 1811 г., 212—213.

Гротъ, Як. Карл. академикъ. Сообщ.: Отзывъ Екатерины II объ Арсеніи Мациевичѣ, 587—588. Часовщикъ Фазы, 588—590.

Грузинскій, батальный живописецъ, 57, 509.

Груши, генералъ 1812 г., 597.

Губе, членъ кодпфик. комиссіи Царства Польскаго 1832 г., 135, 693.

Гудовичъ, гр. Ив. Вас., генер.-фельд-маршалъ, 218, 221, 229, 230, 235, 236, 238, 246.

Гумбольтъ, 142.

Гурьевъ, гр. Дм. Александр., министръ финансовъ, 289, 292, 294.

Гусевъ, домовладѣлецъ, 354.

Густавъ III, наслѣдннй принцъ шведскій, 588.

Гутцовскій, католич. свящ., 1812 г., 604.

Гуфеландъ, писатель, 667.

Д.

Давыдова, 288.

Давыдовъ, И., 87.

Даль, таможен. совѣт. 1797 г., 463.

Дамаскинъ, акад. проповѣд. 1812 г., 642.

Данзасъ, товарищъ Пушкина, 92, 94.

Данилевскій, А. С. Письма Гоголя, 110, 111, 112.

Даниловъ, фельдшеръ 1830 г., 745.

Даниловъ, Кирша, 78.

Даргомъжскій, Александр. Серг., композиторъ. Отношенія къ М. И. Глинкѣ, 502—505.

Даціаро, содержатель магазина Эстамповъ, 352.

Дашковъ, Дмитр. Васильев., 281.

Декаль, живописецъ, 510.

Делавинъ, франц. докт. медицины, 195.

Деллагарди, Августъ. Письмо его объ убійствѣ гр. М. Ѳ. Каменскаго 1811 г., 212—213.

Демидова, дѣвица, 458.

Демидовъ, Прокофій Акинф., дѣйст. стат. сов., 639.

Демуть - Малиновскій, скульпторъ, 282.

Державина, Дарія Алексѣев., 210.

Державинъ, Гавр. Роман., писатель, 194, 231, 245, 252, 281.

Держверъ, граверъ, 345.

Дивовы, семейство, 488.

Дичинскій, подпоручикъ 1854 г., 721. Дмитревскій, Иванъ Аванас., актеръ, 630, 631.

Дмитриевъ, Ив. Ив., писатель, 281.

Дмитриевъ, М. М., писатель, 84, 85.

Дмитриевъ-Мамоновъ, гр. Александр. Дмитр., любимецъ Екатерины II, 242, 447.

Дмоховскій, Казиміръ, митрополитъ католич. церкви въ Россіи 1830 гг., 686, 689.

Добровъ, Алексѣй, коллеж. секретарь 1812 г., 642.

Долгорукая, кн. Екат. Ѳед., рожд. кн. Барятинская, 237, 241.

Долгорукой, кн. Вас. Анд., воен. министръ 1852 г., 360, 531, 692.

Долгорукой, кн. Вас. Влад., фельд-маршалъ, 237, 240, 241.

Долгорукой, кн. Р. А., л.-гусаръ 1839 г., 69.

Долгорукой, кн. Юр. Влад., генер. отъ инфант., 218.

Долгоругой-Крымскій, кн. Вас. Мих. Надпись импер. Екатерины для его медали, 446—447.

Домбровский, польск. генер. 1831 г., 598.

Домбровский, начальникъ итальянск. дивизіи 1812 г., 598.

Дорожжъ, писарь 1843 г., 183.

Досифей, архимандритъ Соловецкаго монастыря 1776 г., 415, 418.

Драшманъ, Б. Я. Сообщ. карикатуру на Наполеона I 1813 г., 617.

Дрезеже, нѣмецкій проповѣдникъ, 88.

Друцкой-Любецкій, князь Ксаверій Франц., членъ госуд. сов., 693, 694.

Дубасовъ, И. Сообщ. о Холерномъ бунтѣ въ Тамбовѣ 1830 г., 742—743.

Дубельтъ, Леонтій Вас., 145, 147, 156, 204, 206.

Дубенскій, Никол. Порфир., сенаторъ, 387, 528, 533, 722.

Дубенскій, Петръ Никол., ген.-маіоръ, † 1854 г., 718, 722, 732.

Дубровинъ, прапорщикъ 1855 г., 581.

Дудинъ, капитанъ 1854 г., 547.

Дудышьянъ, Степ. Семен., писатель, 67.

Дудинъ, лекаръ, 1854 г., 548.

Дульфусъ, польскій полковн. 1812 г., 610.

Дурасовъ, борисоглѣб. мѣщан. 1830 г., 747.

Дурново, опекунъ воспитат. дома, 430.

Е.

Евгеній, итальян. вице-король 1812 г., 600.

Евгеній, тамбовс. архіепскопъ 1830 г., 743, 746.

Европеусъ, Ив. Исак., докторъ. Рассказы его объ архимандр. Фотин, 209—211.

Егоровъ, художникъ, 282.

Екатерина II, императрица. Дѣло о Калнишевскомъ 1775 г., 417—418. Письма къ гр. П. С. Потемкину, 257. Письмо къ Гагарину по поводу брака гр. Ефимовскаго 1776 г., 444—445. Повелѣніе нижегородскому губернатору о раскольникахъ, 445—446. Надпись для медалей Долгорукаго-Крымскаго 1782 г. 446—447. Отно-

шенія къ кн. Потемкину 1783 г., 194, 195, 202, 203, 447—449. Повелѣнія 1785, 1788, 1792 гг., 450—453. Проекты надписей въ память путешествія, 1787 г., 450—451. Политическія дѣла 1789—1791 гг., 217—248. Отзывъ о Мацѣевичѣ, 587—588. Упом. 588, 634.

Екатерина Михайловна, великая княгиня, 562.

Елена Павловна, велик. княгиня, 155.

Елисавета Петровна, императрица. Указъ ея духовнымъ властямъ, 1744 г.; 393, упом. 456 468, 587.

Еропкинъ, Петръ Дмитр., москов. главнокомандующій, 232.

Ершовъ, поручикъ 1830 г., 745.

Ершовъ, И. И., л.-гусарь 1839 г., 69.

Есиповъ, тамбов. полціймейст. 1830 г., 747.

Ефимовичъ, офицеръ 1776 г., 447—448, 449.

Ефимовская, гр. Анна Андр., въ замуж. гр. Мннихъ, р. 1751, † 1824 г., 444.

Ефимовская, гр. Екат. Андр., р. 1754, † 1780 г., 444.

Ефимовская гр. Степанида Никонов., 444, 445.

Ефимовскій, гр. Андрей Мих., генер.-аншефъ, † 1767 г., 444—445,

Ефимовскій, гр. Пав. Андр., † 1776 г., 445.

Ефремовъ, Петръ Александр. Сообщ. драму М. Ю. Лермонтова: «Маскарадъ»; 1—60. Свѣдѣнія о годѣ рожденія Рылѣева, 70—74. Упом. 323.

Ж.

Жабоверницкій, генералъ 1855 г., 561.

Жандръ, А. А., 210.

Желна, польск. капит. 1812 г., 613.

Желтухинъ, генералъ 1825 г., 644.

Жерве, пріятель Магницкаго, 643.

Жернавовъ, книгопродавецъ, 305.

Жуковскій, Вас. Андр., поэтъ. Письма къ нему Гоголя, 659, 660, 663, 670, 677. Упом. 76, 92, 100, 110, 113, 115, 119, 120, 123, 281, 299, 302, 306, 307, 311, 346, 669, 674.

Журавскій, В. И. Сообщ. статью о могилѣ кн. Таврическаго, 261.

Журиковъ, полиц. чиновникъ 1812 г., 639, 640, 641.

З.

Заборовскій, членъ кодифик. комисіи Царства Польскаго 1832 г., 693.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., министръ народн. просвѣщ. Письмо его къ Вишлавскому 1807 г., 749. Упом. 185, 195, 279, 475.

Загоскинъ, М. Н., писатель, 83, 108.

Зайцевъ, ген.-маіоръ 1830 г., 745.

Закревскій, гр. Арсеній Андр., министръ внутрен. дѣлъ, 746.

Заповичъ, братья, поддѣльватели фальшивыхъ ассигнацій 1783 г., 448.

Засѣцкій, Д. Д., л.-гусарь 1839 г., 69.

Затлеръ, ген.-интендантъ въ Крыму 1855 г., 555.

Зауервейдъ, художникъ, 282.

Захаровъ, художникъ, 68.

Зегеръ, Мартынъ, докторъ 1779 г., 440.

Зильберармъ, надзирательн. воспитат. дома 1791 г., 435.

Злобинъ, Вас. Алексѣев., откупщикъ, 396, 397.

Зиѣвъ, домовладѣлецъ 1845 г., 341.

Знаменскій, А. П., протоіерей, 737.

Зоричъ, Сем. Гавр., ген.-лейт., 448.

Зубовъ, гр. Валер. Александр., ген.-аншефъ, 231, 241, 242.

Зубовъ, гр. Никол. Александр., оберъ-штальмейстеръ, 241, 242.

Зубовъ, кн. Плат. Александр., 220, 231, 241—242, 246, 250, 252, 260.

Зуровъ, полковникъ 1854 г., 729.

И.

Ивановскій, Игнатій Яков., ценс., 139.

Ивановъ, живописецъ, 112.

Ивановъ, Николай, лекарскій помощи., 439, 440, 624.

Ивановъ, Петръ, титул. сов. 1812 г., 642.

Ивановы, помѣщичи, 59.

Ивалевичъ, Людовикъ, подпрефектъ гор. Сейны 1812 г., 616.

Ивеличъ, гр., полковникъ и флигель-адъютантъ 1830 г., 747.

Игельстромъ, гр. Осипъ Андр., посланецъ въ Швецію и Варшавѣ, 227.

Игнатовичъ, Александръ. Сообщ. статью о запискахъ Л. А. Сѣрлкова, 592.

Изабелла, испанская королева, 510.

Измайловъ, Александръ Ефим., писат. Неизданный стихотвор. его, 750—760.

Измайловъ, Павелъ Александр. Сообщ. стихи отца, 750—760.

Изовъ, художникъ, 509.

Ивскуль, чиновникъ воспитат. дома 1798 г., 621, 622, 623.

Илларионъ, переяслав. епископъ при Екатеринѣ II, 423.

Ильинъ, опека. воспит. дома 1792 г., 435.

Ильинъ, Данила, тамбов. мѣщанинъ 1830 г., 744, 747.

Ильинъ, П. В., 290.

Илья, кучеръ импер. Александра Павловича, 292, 294.

Инноцентій, архіепископъ херсонскій 1854 г., 723—724.

Иноходцевъ, ценсоръ 1797 г., 454.

Ипсиланти, князья, 673.

Истоминъ, контръ-адмир. 1855 г., 570.

Исѣвъ, П. О., дѣйстви. стат. сов., конференц.-секрет. академіи художествъ, 515.

І.

Іоаннъ III Васильевичъ, вел. князь, 377, 400.

Іоаннъ IV Грозный, царь, 370, 371.

Іовъ (Потемкинъ), архіеп. екатеринос. 1818 г. Вскрытіе имъ могилы кн. Потемкина, 263.

Іовъ, переяслав. епископъ при Екатеринѣ II, 423.

Іона, архимандритъ Соловецкаго монастыря, 419.

Іорданъ, Федоръ Ів., проф., граверъ на мѣди, 66, 282, 358, 364, 365.

Іоркъ, прус. генералъ 1812 г., 605.

Іосифъ II, импер. герман., 226, 447.

К.

Кавелина, Шарлотта, 643.
 Кавелинъ, Дмитрій, членъ главнаго управленія училищъ 1804 г., 199, 643.
 Кавелло, капитанъ 1855 г., 561.
 Калайдовичъ, Конст., писатель, 77.
 Калмыковъ, офицеръ 1855 г., 562.
 Калнишевскій, Петръ Иван., послѣдн. кошевой Запорожской Сѣчи, 406—420.
 Каламъ, живописецъ 1863 г., 514.
 Каменева, институтка. Стихи ея 1807 г., 748—749.
 Каменскій, скульпторъ, 357.
 Каменскій, гр. Мих. Ѳеодт., фельдмар. Объ убійствѣ его, 212—213. Упом. 383.
 Кампе, педагогъ, 485.
 Каннабихъ, полковникъ 1855 г., 552.
 Кантемиръ, вж. Екат. Дмитр. см. вн. Голицына.
 Капнистъ, Вас. Вас., писатель, 83.
 Каравинъ, Вас. Назар. Объ основаніи имъ Харьковского университета, 185—200, 268—279, 470—477.
 Каравяна, 94.
 Каравяинъ, Андрей Ник., полковникъ 1854 г., 392.
 Каравяинъ, Никол. Мих., исторіогр., 76, 281.
 Каралыгинъ, Петръ Анд., артистъ и писатель, 346.
 Барнѣвъ, художникъ, 509.
 Карповъ, П. А., морякъ 1855 г., 562.
 Барянинъ, ген.-маіоръ 1854 г., 721.
 Батенинъ, Пав. Александр., писатель, 76, 81, 83.
 Баховскій, Александръ Мих., генер.-аншефъ 1789 г., 218.
 Баховскій, Мих. Вас., генер.-аншефъ, 262, 263.
 Каченовскій, Мих. Трофим., профес. Москов. университета, 75, 76, 81, 89.
 Башкискій, инспект. тамбов. врачев. управы 1831 г., 743.
 Башкинъ, Николай Евген., бригадиръ 1812 г., 641.
 Бенель, архитекторъ, 509.
 Бѣна, монахъ. Письмо къ нему архим. Фотія 211.

Кипренскій, художникъ, 282.
 Бирмсъ, докторъ 1812 г., 604.
 Кирѣевскій, Ив. Вас., писат., 367—372.
 Кирѣевскій, Петръ Вас., писатель, 367, 114, 122.
 Клауберъ, граверъ, 356.
 Клейнмихель, графъ Петръ Андреев., главноуправляющій путей сообщ., 169, 183, 339, 340.
 Елеменсъ, генералъ, 519.
 Елингъ, 277.
 Елиндеръ, художникъ, авварелистъ, 1, 67, 68, 69.
 Клодтъ, бар. Конст. Карлов., граверъ, 345, 346, 354, 359.
 Елодтъ, Мих. Конст., художникъ, пейзажистъ, 356, 357, 509.
 Клодтъ, бар. М. П., художникъ, жанристъ, 357, 509.
 Клодтъ, бар. Петръ Карл., скульпторъ 354, 359, 360.
 Клопштокъ, писатель, 490.
 Ключаревъ, Андрей, губерн. секретарь 1812 г., 642.
 Кнорингъ, Богданъ Ѳеодоров., р. 1746 † 1825 г., инж. генер.-маіоръ, 223, 236.
 Книперъ, Карлъ, театр. антрепренер, 1779 г., 628, 629, 630, 631, 632.
 Книперъ, Христофоръ, штабъ-лекарь 1778 г., 433, 439, 440, 442, 620, 624.
 Кобенцель, гр. Людвигъ, австрійскій посланникъ въ Россіи, 447.
 Ковалевскій, харьковскій помѣщикъ 1803 г., 193.
 Ковалевскій, Евграфъ Петр., министръ народн. просвѣщенія 1860 г., 152, 153.
 Кованько, полтав. житель 1775 г., 416.
 Козловъ, Ив. Ив., поэтъ, 281.
 Коворевъ, Василій, вологодскій купецъ 1813 г., 643.
 Колекуръ, маршалъ Наполеона I, 611 612, 614, 615.
 Колеско, отставн. полковн. 1854 г., 721.
 Кондратьевъ, харьковскій помѣщикъ 1803 г., 193.
 Константиновъ, Осипъ Ильичъ, стат. совѣтн., р. 1813, † 1856 г. Разсказъ его: «Штурмъ Малахова кургана», 568—586.

Константиъ Павловичъ, цесаревичъ, 244, 453, 611, 613.

Корниловъ, адмиралъ 1855 г., 570, 579, 580, 582.

Корсаковъ, нилъ полковн., † 1789 г., 264, **Корфъ**, бар. Николай Иван., генералъ 1847 г., 347, 348, 349, 562.

Костенецкій, Я. И. Сообщ. Воспоминаніе о М. Ю. Лермонтовѣ, 1, 60—66.

Костеръ, Лаврентій, голландскій граверь, 511.

Котарскій, Петръ, губерн. секретарь 1812 г., 642.

Кохановскій, польскій полков. 1812 г., 609.

Коцебу, Августъ, писатель, 464, 469.

Коцебу, Павелъ Евстаф., генер.-лейт. 1854 г., 388.

Кочетова, ученица гравированія, 514.

Кочубей, гр. Викторъ Павл., министръ внутр. дѣлъ, 185, 186—193, 269, 271, 292, 294, 475, 476, 477.

Кошелевъ, Александръ Ив., писатель, 367, 378.

Кояловичъ, авторъ «Исторіи возсоединенія западно-русскихъ униатовъ» 448.

Краевскій, Андрей Александр., издатель «Голоса», 66, 344.

Крамль, Никол., аптекарь 1784 г., 442.

Красоткинъ, князь, 564.

Красинскій, Исидоръ, команд. полка 1812 г., 603, 604, 610, 612, 613.

Крашевскій, писатель, 135, 140.

Крашенинниковъ, книгопродав., 343, 353.

Кречетниковъ, Мих. Никит., генер.-аншефъ, р. 1723, † 1793 г., 217, 234, 240, 422.

Кропотовъ, Д. А., 70.

Кругицкая, актриса, 630.

Кругицкій, Антонъ Мих., актеръ, 630.

Крыжановскій, генералъ 1855 г., 553.

Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, 281, 293, 343, 353, 355.

Крюжицъ, писатель, 455.

Кудрякъ, Алексѣй, канцелар. служитель 1812 г., 642.

Кузминскій, Александръ Гавр., петербургскій помѣщикъ, 202—204.

Кузминскій, Григ. Иван. Сообщ. раз-

сказъ о митрополитѣ Гаврилѣ, 202—204. Свѣдѣнія объ отцѣ, 394—397.

Кузминскій, Ив. Гавр., стат. совѣт., † 1808 г., 202, 394—397.

Кузминскій, Левъ Александр., офицеръ 1797 г., 395.

Кузминъ, учитель рисованія, 179.

Кузьминъ, дивизион. квартирмейстеръ 1855 г., 552.

Кужольникъ, Несторъ Вас., писатель, 59, 345, 346, 347, 348, 349, 352, 353.

Кулишъ, П. А. По поводу изданія имъ писемъ Н. В. Гоголя, 99—100, 104, 108, 114, 118, 119, 120, 297, 299, 301, 306, 308, 311, 312, 322, 323, 652, 653, 654, 661—669, 674—677.

Куприяновъ, тамбов. купецъ 1830 г., 747.

Курявинъ, кп. Алексѣй Борис., генер.-прокуроръ, 202, 261, 262, 454, 455, 458, 460, 462.

Куршерева, экономъ воспитат. дома 1773 г., 624.

Кшесинскій, балетмейстеръ, 682.

Кюи, Наполеонъ, фотографъ, 354.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карлов., писатель. Дневникъ его, 75—91.

Л.

Лабандъ, ученый, 472.

Лабинцевъ, генер., корпусн. команд. 1853 г., 541, 542.

Лабинъ, Александръ Фед., вице-презид. акад. художествъ. О смыслѣ его, 291—296.

Лаверецкій, проф. скульптуры, 357.

Лаверь, авторъ исторіи Суворова. Отзывъ о кн. Потекинѣ, 260.

Лагорю, художникъ, 509.

Ладурьеръ, художникъ, 352.

де-Лавруа, геометръ, 510.

Ламбертъ, гр. I. К., л.-гусарь 1839 г., 69.

Ларичъ, братья, воен. посел. 1831 г., 173.

Ласи, ген.-майоръ 1790 г., 239, 240.

Лафалеръ, мистикъ, 79.

Лафонтежъ, Августъ, писат., 466, 468.

Лачиновъ, Дмитрій Мих., батал. ком. 1790 г., 239.

Лашваревъ, стат. сов. Переговоры его о мирѣ съ Турціей 1790 г., 226—228, 248.
 Левенсонъ, О. Я. Сообщ. о времени кончины гр. А. Д. Хвостова, 404.
 Левченко, 405.
 Левшинъ, Вас. Алексѣев., писат., 77.
 Лейхтенбергскій, герцогъ Максимилианъ, 143.
 Лелюаръ, граверъ, 511.
 Лемерсье, париж. хромолит., 1, 512, 513.
 Леопольдъ, австр. императоръ, 227.
 Лепарскій, генераль, 97.
 Ле-Пивъ, балетмейстеръ 1790 г., 244.
 Лермонтовъ, Мих. Юрьев., р. 1814, † 1841 г. Драма его «Маскарадъ», 1—56, 403. Наброски стихотвореній и письмо къ Поливанову, 57—59. Воспомин. Я. И. Костенецкаго, 60—66. О портретахъ его, 66—68. Упом. 97, 340.
 Лидерсъ, генераль 1854 г., 387, 388, 390, 729, 730.
 Лидфорсъ, содерж. типогр. въ Ревелѣ 1832 г., 480.
 Ливъ, художникъ, 354.
 де-Ливъ, принцъ Карлъ-Юаннъ, р. 1735, † 1814 г. Отз. о кн. Потемкинѣ, 258—259.
 Липранди, генераль 1854 г., 390, 392, 539, 540, 553, 723, 725, 735.
 Лисицынъ, домовладѣлецъ, 339, 341.
 Лисицынъ, Александръ, губерн. секр. 1812 г., 642.
 Листъ, композиторъ, 496.
 Литвинова, П. Сообщ. о ценсорѣ Туманскомъ, 469.
 Лов—нъ, ревел. вице-губер. 1829 г., 479.
 Ловиъ, англ. философъ, 426, 431, 432.
 Ломоносовъ, л.-гусарь 1839 г., 69.
 Ломоносовъ, Мих. Вас., 222, 325, 476.
 Лонгиновъ, Мих. Никол., 68, 454.
 Лопухина, Е. Д. Сообщ. замѣтку о «Маскарадѣ» Лермонтова, 403.
 Лопухинъ, Алексѣй Александр., 403.
 Лопухинъ, кн. Петръ Вас., ген.-прокуроръ сената, 454, 469.
 Лосенко, художникъ, 282.
 Лубенскій, графъ. Посвященіе въ епископы, 686—690.
 Лубенскій, гр. Константинъ, августов. епископъ 1860-хъ гг., 686.

Луини, учитель музыки 1783 г., 434.
 Лукинъ, крестьянинъ, 412.
 Львова, Прасъ. Никол. см. *Боровадина*.
 Львовъ, Алексѣй Фед., директ. пѣвч. капеллы, 387, 391.
 Львовъ, кн. В. В., 660.
 Львовъ, Фед. Петр., 290.
 Лысенко, генераль 1855 г., 579.
 Лѣствицынъ, В. И. Сообщ. «Вѣдомость изъ ада», 213—216.
 Людовикъ I, баварскій король, 714.
 Людовикъ XI, франц. король, 679.
 Людовикъ XIV, франц. король, 254—258, 458, 464, 683.
 Люджи-Моква, пиратъ, 557.
 Лямсъ, Петръ, раскольникъ. Разсказъ объ оскорбленіи имъ митроп. Серафима. 204—207.

М.

Мавринъ, ген.-провіантм. 1785 г., 450.
 Мавроени, Констант., капит. 1775 г., 416.
 Магницкій, Леонтій, дѣйст. ст. сов., 1812 г., 642.
 Магницкій, Мих. Леонт., полеч. Казан. университет. Ссылки и сянганія по Россіи, Ревелю, 478—491, 639—650.
 Мазюкевичъ, М. Н., полковникъ, 519, 524, 530.
 Маевскій, учитель 1812 г., 611.
 Маеровъ, инженер. полковн. 1812 г., 641.
 Макавѣевъ, костром. помѣщикъ, 162.
 Максимовичъ, генераль, 264.
 Максимовичъ, М. Л. Письма Гоголя, 105, 106, 108.
 Максимовичъ-Амбодиевъ, Н. М., докторъ, 633.
 Макуха, Петръ, полк. есаулъ 1775 г., 416.
 Малевскій, Францискъ, издатель «Тыгодника» 1830 г., 133, 689.
 Малиновскій, Николай, польск. писат., 135, 671, 672.
 Малковскій, писатель, 135.
 Мансуровъ, бригадаръ 1790 г., 228.
 Мануилъ, архимандр. новгор. Юрьева монастыря, 211—212.
 Манштейнъ, генер., составитель «Записокъ о Россіи», 404.

Марія-Антуанетта, корол. франц., 458.
Марія Николаевна, вел. княг., 323, 324.
Марія Феодоровна, импер. Прошение священ. Судинскаго 1800 г., 590—591. Упом. 209, 247, 264, 621, 622, 627, 634, 749.
Марзовъ, содержатель типографіи, 344.
Мартинау, генералъ 1855 г., 551.
Маргосъ, Ив. Петр., ректоръ академіи художествъ, 267, 282, 285.
Мартыновичъ, донской полковн., 264.
Мартыновъ, надворн. сов. 1803 г., 277.
Мартыновъ. По поводу дуэли его съ Лермонтовымъ, 60—66.
Мартыновъ, учитель 1803 г., 474.
Марциневичъ, редакторъ «Литовскаго Курьера» 1820-хъ гг., 132.
Маціевскій, штаб.-капитанъ 1855 г., 560, 561.
Марціевскій, ксендзь 1812 г., 598.
Марченко, статсъ-секрет., 1817 г., 288.
Масловъ, попечитель восп. дома 1800 г., 634.
Массонъ. Отзывъ его о кн. Потемкинѣ, 259.
Массотъ, докторъ 1791 г., 247.
Матвій, священникъ 1847 г. Письма Гоголя, 664, 666, 668, 669, 670.
Матье, Никол., карточ. мастеръ 1774 г., 436.
Мацневъ, 423.
Мацѣвичъ, Арсеній, архіепископъ ростов. Отзывъ о немъ Екатерины II, 587—588. Упом. 479.
Мейерберъ, композиторъ, 334, 335, 336, 337, 492, 493, 495, 496, 499.
Мейеръ, ревельскій пасторъ 1830 г., 488.
Мейеръ, Иванъ, лекаръ восп. дома 1772 г., 439.
Мейсеръ, писатель, 466.
Мейнсдорфъ, адъютантъ 1855 г., 551.
Меллссивно, Петръ Ив., генер.-аншефъ, 202.
Меллеръ-Важомельскій, бар. Ив. Ив., генер. отъ артил., 234, 235, 236, 264.
Мелліе, содержатель книж. магаз., 144.
Меншиковъ, кн. Александр. Серг., адмиралъ, 380, 449, 569.
Меншиковъ, кн. В. А., 67, 69.

Мерзлявовъ, Алек. Фед., профессоръ и поэтъ, 88.
Мертенсонъ, докторъ 1783 г., 441.
Мещерские, князья, 122.
Мизжо, Н. Д. Сообщ. Свѣдѣнія объ И. Я. Глобѣ, 420.
Миклашевскій, новорос. губерпаторъ, 1803 г., 190.
Микулитчъ, маріампольскій почтсодержатель 1812 г., 614—616.
Милевская, актриса, 630.
Милицынъ, Павелъ, мѣщанинъ 1830 г., 747.
Миллеръ, столаръ, 343.
Миллеръ, Орестъ Фед., профессоръ. Примѣчанія къ письмамъ Н. В. Гоголя, 297—327, 651—677.
Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., воен. министръ, † 1825 г. Переписка съ Оленинымъ о Лабзинѣ, 292—294, 644.
Милютинъ, Дмитрій Алексѣев., воен. министръ и писатель, 264.
Минаева, жена горниста 1831 г., 165.
Минихъ, гр. Анна Андр. см. гр. Ефимовская.
Минихъ, гр. Бурхардъ - Христофоръ, генер.-фельдмаршалъ, 231 383, 404.
Минихъ, гр. Иоаннъ-Эрнстъ, об.-гофмейстеръ, 404.
Минихъ, гр. Христофоръ Серг., тайн. сов., 628.
Миневичъ, генер.-адъютантъ, 601.
Мирбахъ, флиг.-адъютантъ 1854 г., 387, 388, 389.
Мироновъ, И. С., тамбовскій губернаторъ 1830 г., 742—747.
Митусовъ, тульскій губернаторъ 1792 г., 453.
Митинихъ, экономъ тамбов. кадет. корпуса 1830 г., 743.
Михайлъ Николаевичъ, велнк. князь, 579.
Михайлъ Павловичъ, великій князь, 526, 527, 649.
Михальцева, ученица гравированія, 514.
Михельсонъ, Ив. Ив., генералъ, 520.
Мицкевичъ, Адамъ, 133, 684 . 8221

Мицудевичъ, трактирщикъ въ г. Сейнѣ 1812 г., 611.

Мицудевичъ, жена ресторатора, 611, 612, 614.

Могелянскій, Евстафій, священникъ. Высоч. указъ о пожалованіи ему земли, 1744 г., 393—394.

Молчановъ, В., членъ управленія училищъ 1804 г., 199.

Монтесъ, Лолла, авантюристка, 698, 699, 714.

Моренгеймъ, Госифъ, профессоръ медицины 1784 г., 634.

Мортиновъ, Захаръ, мѣщанинъ 1830 г., 745.

Мосальскій, стат. сов. 1813 г. 643.

Мосоловъ, А. Ѳ., л.-гусарь 1839 г., 69.

Модартъ, 336, 496, 499.

Муравьевъ, 288.

Муравьевъ, Андрей Николаев. Свидѣтельство его о Лермонтовѣ, 57.

Муравьевъ, Мих. Никит., товарищъ министра народн. просв., 277.

Муренцо, саратов. житель, 67.

Мурзаевичъ, Н. Н., составитель «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи», 261, 264, 265, 479, 486, 489.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Валент. Плат., фельдмаршалъ, 223.

Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., попечит. петерб. учебн. округа, 147, 148.

Мѣдниковъ, майоръ 1855 г., 552.

Мюрать, Іоакимъ, неаполит. король, 600, 602, 603.

Н.

Надеждинъ, Ник. Ив., издатель «Телескопа», 106, 114.

Наполеонъ I. Война съ Россіей въ 1812 г., 596 — 616. Карикатура 1813 г., 617. Упом. 357, 460, 469.

Наполеонъ III, 529, 566.

Нассау-Зигенъ, принцъ Карлъ - Генрихъ, вице-адмиралъ, 257.

Нащовинъ, Пав. Воинов., 96, 122.

Невѣровский, Левъ Григ., 283, 284.

Нед—въ, Алексѣй Иван., 479.

Нед—въ, Іоаннъ Филип., священникъ г. 479—491.

Неплюевъ, Дмитр. Никол., статсъ-секретарь 1799 г., 395—396.

Негелъгорстъ, баронъ, граверъ, 345.

Нечаевъ, 86.

Нижитенко, Александр. Вас., академикъ, 124, 153, 324, 325, 326, 654.

Никитинъ, В. П., л.-гусарь 1839 г., 69.

Николай Павловичъ, императоръ. Резолюція о Петрѣ Лямъ, 207. Опредѣленіе Сѣрякова въ академію и заботы о немъ, 350, 352, 363. Письма Магницкаго, 645—648. Назначеніе пенсіи вдовѣ Магницкаго, 650. Благоклонность къ Туркулу, 681—685, 693, 701. Распоряженія въ севастопольскую войну, 383, 386—391. Письма къ генер. Шильдеру, 728, 736. Кончина, 545. Упом. 134, 161, 178, 200, 204, 245, 267, 280, 282, 323, 326, 355, 358, 480, 522, 524, 525, 544, 644, 758.

Никольскій, К. Я., протоіерей, 737.

Никонова, Степанида см. гр. Ефимовская.

Никулинъ, Иванъ, тит. сов. 1812 г., 642.

Нимейеръ, педагогъ, 485.

Новиковъ, Никол. Иван., 491.

Новосильцовъ, Никол. Ник., попечитель Вилен. университета, 196, 272, 274, 275, 276, 277, 472, 473, 476.

Новосильцовы, семейство, 483.

Норовъ, А. С., министръ народнаго просвѣщ. 147, 156, 158.

О.

Оболенскій, кн. Алексѣй Никол., 643.

Оболенскій, кн. Петръ Никол., 641.

Огаревъ, генералъ 1855 г., 563.

Одескальки, римскій князь, 684.

Одескальки, кн. Софія Владисл. см. гр. Враницкая.

Одоевскій, кн. Александр. Иван., поэтъ. Посланіе къ отцу, 97—98. Упом. 81, 82, 83, 87.

Одоевскій, кн. Влад. Ѳед., писатель, 113, 344, 345, 346, 354, 505.

Одранъ, граверъ, 356.

Озеровъ, В. А., писатель, 281.

Оленина, Варв. Алексѣев., 282, 293.

Оленика, Елис. Марьев., рожд. Полторацкая, 296.

Оленикъ, Алексѣй Никол., президентъ академіи художествъ. Биографическая замѣтка о немъ и переписка съ Аракчеевымъ, 280—296.

Оленикъ, Григ. Никанор., 282, 293.

Оленикъ, П., тамбов. помѣщикъ 1830 г., 746.

Ожеръ-паша, 1855 г., 390, 735.

Онуфриевъ, Иванъ, тамбов. мѣщанинъ 1830 г., 746.

Орлова, гр. Анна Алексѣев., † 1848 г., 210—212.

Орловскій, художникъ, 282.

Орловъ, кн. Алексѣй Ѳед., генераль-адъют., 207.

Орловъ, кн. Григ. Григ., генер.-фельд-дейхмейстеръ, 256.

Орловъ, гр. Ѳед. Григ., 255.

Орловъ-Чесменскій, гр. Алекс. Григ. генер.-аншефъ, 255.

Осинкинъ, И. Т. Воспоминаніе о священ. Е. И. Поповѣ, 737—741.

Осиповскій, ректоръ Харьков. университета, 195.

Остроуховъ, Ив. Ѳед., унтеръ-офицеръ 1831 г., 184, 165, 166.

II.

Павелъ Петровичъ, императоръ. Указы Бранту 1799 г., 394. Благоволеніе къ Кузминскому, 394—396. Упом. 195, 261, 454—468, 590.

Павлова, ученица гравированія, 514.

Павловъ, профессоръ Москов. университета, 87, 117, 664.

Пажоі, архимандритъ Соловецкаго монастыря 1812 г., 412.

Палаузовъ, Спиридонъ Никол. Письмо въ нему Инокентія 1854 г., 723—724.

Палицынъ, маіоръ, предводит. купляскаго округа 1803 г., 193.

Павинъ, гр. Викторъ Никит., министр юстиціи, 693 694, 713—714.

Павинъ, гр. Никита Иван., дѣйств. тайн. сов. воспитат. вел. кн. Павла Петровича, 256.

Панинъ, гр. Петръ Ив., ген.-аншефъ, 255.

Панмажеръ, граверъ, 510.

Панферовъ, морякъ 1855 г., 562.

Паншинъ, В. И., л.-гусаръ 1839 г., 69.

Панютинъ, генераль 1853 г., 542, 545, 546, 547.

Парвовъ, Іоаннъ, священ. 1831 г., 166.

Парфевій, архимандр. москов. Крестовоздвиж. монаст. 1812 г., 642.

Парчевскій, Александръ, издатель «Тыгодника» 1830 г., 133.

Паскевичъ-Эриванская, кн. Елис. Алексѣев., рожд. Грибоѣдова, 534.

Паскевичъ-Эриванскій, кн. Ив. Ѳед., фельдмаршалъ. Дѣйствія въ 1853—1854 гг., 380—390, 517, 522, 531, 534, 542, 545, 688, 716, 717, 723. Письмо генер. Шильдеру, 736. Упом. 146.

Пассежъ, Нат. вдова поруч. 1780-хъ гг., 452.

Пассежъ, Петръ Богд., бѣлорус. генер.-губернаторъ, 448.

Пашковъ, М. В., л.-гусаръ 1839 г., 69.

Пелисье, генераль 1855 г., 563.

Пен-скій, от. Стефанъ, священникъ 1832 г., 489, 490.

Пентевъ, польскій подполков. 1812 г., 609.

Перовскій, гр. Вас. Алексѣев., оренбургскій и самар. генер.-губернаторъ, 660.

Перовскій, гр. Левъ Алексѣев., министръ внутр. дѣлъ, потомъ удѣловъ, 691, 693.

Песталлоци, педагогъ, 485.

Пестель, генер.-лейтен. 1854 г., 549.

Пети, литографъ, 353.

Петровъ, стихотворецъ, 252.

Петръ Великій, императоръ, 143, 222, 223, 368, 394, 400, 455, 589.

Петръ III, императоръ, 194, 460.

Пименовъ, художникъ, 282.

Писаревъ, А., писатель, 84, 85.

Пицаленинъ, профессоръ, граверъ на мѣди, 362.

Пій IX, папа римскій, 156, 158.

Платовъ, гр. Матв. Ив., допской паванной атаманъ, 221.

Платонъ, москов. митрополитъ. Покровительство Степ. Глаголевскому, вполнѣд. митроп. Серафимъ, 208—209. Упом. 257.

Плетневъ, Петръ Александр., писатель. Письма Гоголя 109, 313—323, 651—654, 668. Упом. 100, 117, 119, 124, 281, 304, 306, 312, 324, 326, 660, 669, 675.

Повало-Швейковскій. А. А. Сообщ. Указы импер. Павла Бранту, 394.

Погодинъ, Мих. Петр., академикъ. Письма Гоголя, и отношенія къ нему, 105—111, 117, 127, 129, 299, 307—309, 311, 312, 322, 326, 655—660, 665, 666, 671.

Погожевъ, Александръ, канцеляр. слугитель 1812 г., 642.

Пожалостинъ, И. П., академикъ, граверъ на мѣди, 358.

Полевой, Никол. Алексѣев., издатель «Телеграфа», 82, 302.

Полевой, П. Н., 66, 67.

Поливановъ, В. Н. Сообщ. письмо М. Ю. Лермонтова, 59.

Поливановъ, Никол. Иван. Письмо къ нему М. Ю. Лермонтова, 59.

Политковскій, 216.

Ползиковъ, подполковникъ 1855 г., 570.
Полторацкая, Елис. Марк. см. **Оленина**.

Полъшко, генер.-лейт. 1832 г., 174, 175, 592.

Понговскій, командиръ франц. полка, 1812 г., 603.

Пономаревъ, л.-гусарь 1839 г., 69.

Пономаревъ, мѣщанинъ 1830 г., 747.

Понятовскій, кн. Юсифъ, генералъ 1812 г., 610.

Понятовскій, Станиславъ - Августъ, польскій король, 680.

Поповъ, полковникъ 1845 г., 341, 346, 347, 349, 560, 565.

Поповъ, д. ст. совѣт., † 1822 г., 296.

Поповъ, архитекторъ, 509.

Поповъ, Александръ, писатель, 378.

Поповъ, Вас. Степ., правитель канцеляри кн. Потемкина-Таврическаго, 248, 250, 251.

Поповъ, Евгеній Иван., протоиерей лондонской посольской церкви, † 1875 г., 737—741.

Посоховъ, купецъ 1855 г., 557.

Поталовъ, купецъ 1855 г., 557.

Поталовъ, Александръ Львовичъ, шефъ корпуса жандармовъ, 67.

Потемкинъ, Мих. Серг., генер.-поручикъ, 257.

Потемкинъ, гр. Пав. Серг., кавказ. генер.-губернаторъ. Письмо къ нему Екатерины II, 257. Упом. 238, 239, 240.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александр., фельдмаршалъ. Ссылка Калниншевскаго 1774 г., 410—411, 417—418. Письма Екатерины 1783 г., 447—449. Дѣйствія въ турецкую войну 1789—1791 г., 217—241. Последнее пребываніе въ Петербургѣ, 241—246. Смерть, 246—254. Отзвѣы о немъ современниковъ, 254—260. Могила и памятникъ, 260—267. Упом. 383, 415, 443, 589.

Потоцкій, гр. Северинъ Осип., сенаторъ, 194, 195, 196, 197, 268, 270, 273, 274, 279, 472, 475.

Прадтъ, всендѣзъ 1812 г., 614, 615.

Преждедлавскій, О. А. Записки его: Петербургская цензура 1830—1865 гг., 131—160. Министръ Туркулъ, 678—714.

Прокоповичъ, издатель сочиненій Гоголя, 115, 123—125, 299—302, 304, 312, 319—322.

Просинъ, тамбов. мѣщанинъ 1830 г., 745, 746.

Проскуряковъ, ген.-маіоръ 1854 г., 721.

Протасова, гр. Анна Степ., фрейлина, 453.

Протасовъ, гр. Николай Александр., оберъ-прокуроръ 1839 г., 204—207, 648.

Прѣсковъ, Павелъ, учитель рисованія 1782 г., 434.

Пуассонъ, нѣмец. ученый, 472.

Пузыревскій, Александръ, секундъ-маіоръ 1776 г., 415.

Пузыревскій, Пилья Алексѣев., 349, 352.

Пушаревъ, Аркадій Гавр. Сообщ. замѣтку о службѣ К. Ѳ. Рылѣва, 74.

Путятинъ, гр., министръ народн. просвѣщенія, 152.

Пушкина, Наталія Никол., жена поэта, 95, 96.

Пушкинъ, Александр. Серг., поэтъ. По-

слѣдніе дни его жизни, 92—96. Упом. 57, 58, 64, 83, 97, 281, 661.

Пушкинъ, Владиміръ, 96.

Пушкинъ, Сергій Львовичъ, отецъ поэта, 95.

Пуштинъ, 86.

Пыпинъ, А. Н., писатель, 100, 663.

Пятковскій, А. П. Сообщ. изслѣдованіе о воспитательномъ домѣ подъ управленіемъ Бецкаго, 421—443, 618—638.

Р.

Равиньянъ, авторъ соч. «Defense des Jesuites», 685.

Радзивицль, командиръ франц. полка 1812 г., 603.

Разумовскіе, братья, 590.

Разумовскій, гр. Кирилла Григ., фельдмаршалъ, 452, 453.

Раппъ, генераль франц. арміи 1812 г., 612, 613, 614.

Растопчинъ, гр. Фед. Вас., москов. генер.-губернаторъ, 605.

Рахмановъ, Сергій, 630.

Реандъ, Никол. Андр., генераль 1855 г., 551, 552.

Резановъ, художникъ, 282.

Рейнгардъ, проповѣдникъ, 88.

Рембрандтъ, художникъ, 360, 361, 363, 364, 365.

Ремп, А. Г., л.-гусарь 1839 г., 69.

Репнинъ, кп. Никол. Вас., фельдмаршалъ, 217, 220, 221, 223, 246, 247, 248, 448.

Ржевусскій, гр. Георгій, писатель, 135, 689.

Рибасъ, Осипъ Ив., вице-адмиралъ, 221, 229, 230, 238, 248.

Ридель, полковникъ 1812 г., 609.

Рижскій, профессоръ Харьков. унверситета, 195.

Римскій-Корсаковъ, 256.

Рогова, Любовь. Стихи ея на смерть кн. А. М. Голицына 1807 г., 748.

Рогульскій, дядька Туркула, 697.

Родде, составитель словаря, 472.

Рожнецкій, генераль франц. арміи 1812 г., 605.

Розень, бар., генер.-поруч. 1789 г., 218.

Розень, бар., Григ. Влад., генер.-лейт. 1836 г., 176.

Розень, бар., Д. Г., л.-гусарь 1839 г., 69.

Розетти, балетмейстеръ 1789 г., 225.

Росляковъ, коллеж. сов. 1812 г., 642.

Россетъ, Эмануилъ, молдавскій господарь, 264.

Росси, пѣвица, 329—331, 497, 498.

Росильонъ, бар. Вильгельмъ, чиновникъ 1832 г., 482.

Россини, композиторъ, 329, 330, 493, 494, 495, 496, 497.

Ростовцевъ, стат. совѣт. 1803 г., 277.

Рубановъ, поручикъ 1854 г., 533.

Руденко, казакъ 1775 г., 416.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., фельдмаршалъ, 219, 226, 231, 250, 257, 383.

Русановъ, Ив. Ив., совѣтникъ при гр. Мусинъ-Пушкинѣ 1789 г., 223.

Руссо, изобрѣтатель нов. способа фабрикаціи сахара, 142.

Руссо, Жанъ-Жакъ, писатель, 431, 458, 485.

Рустанъ, слуга Наполеона I, 614.

Рылѣва, Анастасія. Письмо къ сыну, 73—74.

Рылѣва, Паталія, жена поэта, 73, 74.

Рылѣвъ, Кондратій Федоров., поэтъ, р. 1795, † 1826 г. Письма къ нему отца и матери и замѣтки о его службѣ, 70—74.

Рылѣвъ, Федоръ. Письмо къ сыну, 71—72.

Рѣпинскій, Григорій Козмичъ, сенаторъ. Сообщ. о ценсурѣ въ царствованіе императора Павла, 454—469.

Рюдъ, художникъ, 510.

С.

Саблуковъ, опекунъ воспитател. дома 1800 г., 634.

Савваитовъ, П. И. Сообщ. стихи институтокъ 1807 г., 748—749.

Савеніусъ, лютер. паст., 1833 г., 88.

Саломирскій, П. Д., л.-гусарь 1839 г., 69.

Салтыковъ, гр. Ив. Петр., ген.-аншефъ 1789 г., 218, 223.

Салтыковъ (Щедринъ), М. Е., писатель, 151.
 Салтыковъ, кн. Никол. Иван., фельд-маршалъ, 242, 476, 477.
 Самаринъ, ген.-лейт. 1854 г., 721.
 Самаринъ, Юрій Фед., писатель, 367.
 Самойловъ, гр. Александръ Николаев., ген.-прокур., 219, 222, 235, 238, 248, 250, 261.
 Самсоновъ, крестьянинъ, 97.
 Санзовскій, штабъ-лекаръ 1791 г., 247.
 Саншесъ, докторъ, 426, 438.
 Сарти, капелм. 1789 г., 218, 225, 226.
 Сатинъ, капит.-лейт. 1831 г., 743.
 Сахаровъ, купецъ, 423.
 Свербеева, В. Д. см. Арнольди.
 Свиньянъ, П. И., издат. «Отечествен. Записокъ», 404.
 Свиткинъ, офицеръ 1831 г., 165.
 Сегюръ, гр. Отз. о кн. Потемкинъ, 259.
 Селецкий, Ив. Яковл., новорос. генер-губернаторъ 1798 г., 261—263.
 Селимъ III, турецкій султанъ, 217, 218.
 Сельванъ, генералъ 1855 г., 559, 560, 725, 734.
 Семеновъ, худож. изъ крѣпости., 283.
 Сенковский, О. И., писатель, 139.
 Сенъ-Сиръ, франц. маршалъ 1812 г., 609.
 Серафимъ (Степанъ Глаголевскій), петербург. митрополитъ, 204—209, 643—644.
 Сербиновичъ, К. С., 139, 147.
 Серве, композиторъ, 500—501.
 Серебряковъ, фабрикантъ 1804 г., 199.
 Сиверсъ, Як. Ефим., новгород. намѣст. 1779 г., 425.
 Симеонъ, архим. моск. Законодательскаго монаст. 1812 г., 642.
 Славронскій, Мартынъ Карл., генер.-аидефъ и об.-гофмейстеръ, 444, 445.
 Снальзовскій. Объ его «Исторіи Сѣчи Запорожской», 406, 407, 410, 411, 412.
 Сиварскій, засѣдатель 1855 г., 564.
 Скрипицынъ, Валерій Валер., директ. департ. иностран. исповѣданій 1830-хъ г., 686—691, 704—706, 711—713.
 Смирдинъ, Александръ Фед., княгопр., 343, 344.
 Смирнова, А. О. Переписка ея съ Гоголемъ, 312, 322—323, 324, 326—327, 656, 665, 666, 677.

Смирновъ, церемоніймейст. 1845 г., 323.
 Смирновъ, художникъ, 353.
 Смогоржевскій, униатскій митропол. 1783 г., 448.
 Снегиревъ, писатель, 77, 398, 666.
 Собиесскій, Янъ, польскій король, 680.
 Соболевскій, гр. Игнатій, министръ Царства Польскаго, 681.
 Соболевскій, гр. Іосифъ, первый секр. секретариата Царства Польск., 701, 707.
 Соймоновъ, ген. 1854 г., 727, 728, 731.
 Соколовскій, докторъ 1838 г., 210.
 Соколыницкій, польскій ген. 1812 г., 612, 614.
 Солдогоубъ, гр. Влад. Алекс., писат., 122, 345.
 Солнцева, О. Г., академикъ, худож., 514.
 Соснинъ, авторъ кн. «О величїи св. мощей», 486, 487.
 Соцъ, писатель, 75.
 Спафарьевы, семейство, 488.
 Сперанскій, гр. Мих. Мих., государ. секрет. Записка въ В. Н. Каразину, 189.
 Ссылка, 639. Упом. 475, 476, 487, 491, 641, 643.
 Стасовъ, В. В. Сообщ. письма къ нему А. Н. Стѣрова 1840—1841 гг., 328—338, 492—501.
 Стасюлевичъ, М. М., издат. «Русской Библіотеки», 67.
 Стаховичъ, г-жа, 565.
 Степановъ, П. А. Сообщ. замѣтки о Глинкѣ и Даргомыжскомъ, 502—505.
 Стефани, ученица гравированія, 514.
 Столыпина, Елис. Алексѣев. см. Арсеньева.
 Столыпинъ, А. А., л.-гусаръ 1839 г., 69.
 Столыпинъ, А. Г., л.-гусаръ 1839 г., 69.
 Стояновскій, Н. И. Сообщ. переписку А. Н. Оленина съ А. А. Аракчеевымъ, 283—296.
 Строгановъ, графъ, 504, 505.
 Строгановъ, гр. Сергѣй, 673.
 Студицкий, учитель, 344, 353, 354.
 Стюартъ, франц. капит. 1855 г., 562.
 Суворовъ-Рымникскій, кн. Александръ Вас., генерал-искусн. Дѣйствія въ турецкую кампанію 1789—1791 гг. и отношенія къ кн. Потемкину, 217, 218, 220—223,

226, 227, 228, 230, 231, 238, 239, 242, 257.
Упом. 260, 568.

Сумароковъ, Александръ Петр., писатель, 472.

Сухановъ, 452.

Суховъ, Алексѣй, писарь 1790 г., 443.

Супинскій, Яковъ Исаев., свящ. Прощеніе 1800 г., 590—591.

Стрѣвъ, Александръ Никол., композит., р. 1820, † 1871 г. Письма его къ В. В. Стасову 1840—1841 гг., 328—338, 492—501.

Стрякова, А. А., рожд., Гаврилова, 514.

Стрякова, Марѳа Емельян., 164, 165, 166, 167.

Стряковъ, Лаврентій Аксенов., акад., граверь на деревѣ. Разсказъ о его жизни и трудахъ, 161—184, 339—366, 506 515. Упом. 592.

Т.

Тарасовъ, Дмитрій Клемент., лейб-хирургъ, 701.

Тедвенъ, Фаддей, поручикъ французск. гвардіи 1812 г., 599.

Тежеллій, генераль 1775 г., 411, 415, 416, 449.

Тенгоборскій, членъ государ. совѣта. 693—694, 702—703.

Теребенева, художникъ, 282.

Тернеръ, полковникъ, херсонскій комендантъ 1798 г., 262.

Тибѣвикъ, екатериносл. вице-губернаторъ 1790 г., 228.

Тидебель, инж. поручикъ 1855 г., 537.

Тиманъ, докторъ 1791 г., 247.

Тимковскій профессоръ Харьков. университета, 195.

Тимковскій, Василій, священ., 423, 473.

Тиммъ, издатель «Русскаго Художественнаго Листка», 66, 67, 511.

Тимошея, іеромонахъ 1862 г., 513.

Тиранъ, А. Ѳ., л.-гусарь 1839 г., 69.

Тито, Елисавета, 641.

Тито, Федоръ, переводч. 1812 г., 641, 642.

Титовъ, 669.

Тихомировъ, протоіер., цензоръ 1797 г., 454.

Тихомировъ, Николай, канцеляр. служитель 1812 г., 642.

Толмачовы, тамбовск. купцы 1830 г., 747.

Толстой, гр. Л. Н., писатель, 566.

Толстой, гр. Фед. Петр., вице-президентъ академіи художествъ. Отзвъ его объ А. Н. Оленинѣ, 282. Упом. 357, 364.

—**Толстой**, Теофиль Матв., 503.

Толлебенъ, полковникъ 1853 г., 533, 540, 559, 561, 569, 572, 718, 729.

Троицкій, Иванъ, канцел. служитель 1812 г., 642.

Тройницкій, Александръ Григ., товарищъ министра внутрен. дѣлъ, 147, 153.

Троцкийскій, Дмитрій Прокоф., 187.

Трубецкая, кж. Анаст. Ивановна см. **Бецкая**.

Трушковскій, Николай, 672.

Туманскій, Федоръ Осипов., цензоръ, † 1810 г., 456—469.

Тургеневъ, Александръ Ив., писатель, 92, 96, 281.

Тургуль, Игнатій Лаврент., статсъ-секретарь, † 1857 г., 144, 146, 147, 544, 678—714.

Турчиновичъ, польск. помѣщица, 599.

Тютчевъ, Ѳ. И., 153.

У.

Уваровъ, графъ Серг. Сем., министръ народн. просвѣщ. 281, 323.

Удино, маршалъ 1812 г., 605.

Уиль, граверь, 356.

Улидовичъ, ксендзь 1812 г., 598.

Ульяновскій, л.-гусарь 1839 г., 69.

Урусовъ, генераль 1855 г., 550, 560.

Утеинъ, Никол. Ив., профессоръ, граверь, 356, 357, 358, 362, 363.

Ухтомская, кн. С. И., 66.

Ухтомскій, А. Г., чиновникъ при ак. худож., 1822 г., 295—296.

Ушаковъ, Александръ Ив., генераль. Ссылка на его записки о крымской войнѣ, 385—388, 538, 558, 559, 563, 564, 731.

Ушаковъ, Н. И., 518.

Ушаковъ, Фед. Фед., контръ-адмираль 1790 г., 227, 247.

Ф.

Фази, Жанъ, часовщикъ Екатерины II, 588—590.

Фалъевъ, бригадиръ 1791 г., 249, 250.

Фаминцынъ, Сергій Андр., генераль-майоръ, шефъ Вѣлорускаго полка 1787 г., 232.

Фейергагенъ, чиновн. воспит. дома 1789 г., 627, 628.

Фервекъ, бар., генер.-майоръ 1789 г., 218.

Филаретъ, москов. митрополитъ. Мнѣнія его: о гербѣ Россіи, 397—400; объ оперѣ по субботамъ, 401—402; о театрал. представленіяхъ на Пасхѣ, 402—403.

Философовъ, Алексѣй Иллр., генер.-адъютантъ 1854 г., 716—717, 719.

Фитинговъ, помѣщикъ 1855 г., 565.

Фитте, ученый, 472.

Фолькмутъ, нижен. капитанъ 1854 г., 533, 571.

Фонъ-Фивинъ, Денисъ Иванов., писатель, 663.

Форстеръ, художникъ, 510.

Фотій, архимандритъ Новгор. Юрьева монастыря, 190, 209—211, 643.

Францъ-Иосифъ, императоръ австрійскій, 545.

Фредро, графъ, 700—701.

Фредро, графиня, рожд. гр. Головина, 700.

Фреве, оберъ-директоръ воспит. дома 1780 г., 434, 435, 633.

Фридрихъ II Великій, 461.

Фрисъ, банкиръ 1803 г., 273.

Фроловъ, военн. писатель, 524.

Фустъ, академикъ 1803 г., 474.

Фаберъ, инспекторъ воспитател. дома 1787 г., 436.

Фази, братья, 588.

Фази, Елисавета, рожд. Эрстремъ, 588.

Х.

Хвостовъ, гр. Александр. Дмитр. Время кончины его, 404.

Херувимовъ, казанскій отстав. прок. 1825 г., 644.

Хмельницкій, писатель, 85.

Хмыровъ, Мих. Дмитр. Сообщ. прошение священ. императрицѣ Маріи Ѳеодор. 1800 г., 590—591.

Ходзько, поэтъ, 135.

Ходынский, членъ ст.-секретаріата 1853 г., 146.

Холонѣвскій, графъ, 135.

Хомутовъ, М. Г., генер., нагазной атаманъ, 67, 68, 69.

Хомяковъ, Алексѣй Степ., писатель 117, 307, 367—372, 378.

Хороманскій, католич. архіепископъ 1831 г., 687.

Храповицкій, Александр. Вас., статъ-секретарь Екатерины II, 224, 232, 241, 242, 246, 250, 255, 256, 632.

Храповицкій, С. И., л.-гусаръ 1839 г., 69.

Хрулевъ, Степ. Александр., ген.-лейт. 1854 г., Письмо его къ К. А. Шильдеру, 720—721. Упом. 549, 550, 579, 729, 732.

Хрущевъ, А. П., генералъ 1855 г., 562.

Ц.

Цвѣтковъ, писатель, 252.

Цвѣтковъ, докторъ 1855 г., 549.

Цееръ, Францъ Иван., д. ст. сов. 1813 г., 643.

Целецкій, чиновникъ 1853 г., 544.

Цихарскій, членъ кодифик. комисіи Царства Польскаго 1832 г., 693.

Циціановъ, вн. Пав. Дмитр., астрах. генер.-губернат. Сатира его: «Всѣгда трехъ росс. солдатъ въ царствѣ мертвыхъ», 231—240.

Цыкъ, профессоръ Кіевск. университ. 1833 г., 106.

Ч.

Чумяковы, А. А. и П. А. Сообщ. о пребываніи Магницкаго въ Ревелѣ, 478—491.

Чарторижскій, вн. Адамъ Адамов., 277, 471, 475.

Часовниковъ, писмоводитель казанскаго университета 1825 г., 644.

Чевякинъ, Влад. Иван., д. ст. сов., по-

дольскій гражд. губернаторъ, р. 1754, † 1831 г., Высочайшее распоряженіе о полковникѣ Виттѣ 1808 г., 201—202.

Чевкинъ, Конст. Влад., генер.-адъют., 202.

Челобаевъ, кн., батареин. командиръ 1855 г., 554.

Червинъ, писатель, 86.

Черкасскій, кн. В. А., 367, 377, 378, 595.

Чиркерь, нѣмец. проповѣдникъ, 88.

Чернышевъ, художникъ, 509.

Чернышевъ, кн. Александръ Ив., воен. министр, 348, 349, 352.

Чертковы, семейство, 673.

Чижовъ, В., литераторъ, 662, 663.

Чичаговъ, генераль 1812 г., 605.

Чубинскій, П. П., членъ географич. общества, 416.

Ш.

Шаликовъ, кн. Петръ Иван., пис- 76.

Шатиловъ, частный приставъ 1 747.

Шаховской, кн. начальникъ канцел. при арапчев. казармахъ 1843 г., 340.

Шаховской, кн. Александръ Александр., писатель, 85, 281.

Шварцъ, педагогъ, 485.

Шведе, художникъ, 66.

Шебуевъ, Вас. Козьмичъ, ректоръ академіи художествъ, 357, 358, 362.

Шевырева, Софія Борис., 117, 121, 673.

Шевыревъ, Борисъ Степ. Сообщ. письм. Гоголя, 99—130, 297—327, 656—677.

Шевыревъ, Степанъ Петр., профес. Письма Гоголя, 99—130, 297—327, 656—658, 660—662, 666—667, 669, 671—673, 676.

Шевченко, поэтъ, 405.

Шекспиръ, писатель, 495.

Шенингъ, писатель, 378.

Шеншинъ, В. Письмо его къ Поливанову, 59.

Шепелева, госпожа, 433.

Шепелевъ, генераль 1855 г., 582.

Шепелевъ, Д. Д., л.-гусарь 1839 г., 69.

Шерафъ-паша, визирь 1790 г., 226.

Шереметева, Надежда Никол., 123, 666, 669.

Шереметевъ, Вас. Серг., 235.

Шерманъ, семейство, 488.

Шешковскій, Степ. Иван., начальникъ тайн канцеляріи, 452, 453.

Шиллеръ, писатель, 82, 84, 91.

Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, баронъ, посланникъ въ Китай, † 1837 г., 522, 523.

Шильдеръ, Андр. Мих., витеб. помѣщикъ 1785 г., 520.

Шильдеръ, Ефимъ Андр., инженеръ, 520—521.

Шильдеръ, Карлъ Андр., инженер-ген., генер.-адъютантъ, р. 1785, † 1854 г., 388, 389, 517—540, 559, 716, 736.

Шильдеръ, П. К. Сообщ. статью и материалы о событіяхъ 1853—1854 гг. 380—392, 517—540, 715—736.

Ширинскій-Шихматовъ, кн. Платонъ Александр., министръ народн. просвѣщенія, 83.

Шипшинъ, 473.

Шипшинъ, коллеж. совѣт. 1803 г., 270.

Шипшовъ, Александръ Сем., министръ народн. просвѣщ., 83.

Шоберлехнеръ, пѣвица, 498.

Шольцъ, докторъ, 1837 г., 92.

Шпельсъ, майоръ 1797 г., 463.

Шпоръ, композиторъ, 333.

Шпоръ, аптекаръ 1812 г., 602.

Шрейберъ, профессоръ анатоміи 1755 г., 440.

Штюрмеръ, А. А., генераль 1853 г., 147, 689.

Штюрмеръ, Элеонора, писательница,

Шуббе, полковникъ 1855 г., 559.

Шубертъ, Францъ, композиторъ, 332, 333, 494, 500.

Шумлянскій, А. М., докторъ, 633.

Щ.

Щебальскій, П. К. Сообщ. Воспоминанія епископа Буткевича, 595—616.

Щедринъ, художникъ, 282.

Щербатовъ, кн. Д. Г., л.-гусарь 1839 г., 69.

Щербининъ, харьков. уѣздн. предвод. дворянства 1803 г., 193.

Э.

Эйлеръ, академикъ, 589.

Эйнзень, пасторъ 1775 г., 441.

Энгельгардтъ, полковникъ 1855 г., 565.

Энгельгардтъ, Александра Вас. см.

Браницкая.

Энгельгардтъ, В. В., дежурный генералъ 1790 г., 226.

Энгельгардтъ, Л. Н. Ссылка на его записки, 219, 222, 225, 240—241, 244, 448.

Энгръ, живописецъ, 510.

Эрстремъ, Елисавета см. **Фази.**

Эстергази, гр. Валентинъ-Владиславъ, дипломатическій агентъ графа д'Артуа, р. 1740, † 1815 г. Отзывъ о кн. Потемкинѣ, 258.

Ю.

Юзефовичъ, генералъ 1855 г., 563.

Юмъ, англ. философъ, 431.

Юня, капитанъ 1804 г., 199.

Юнк, Францъ, членъ управленія училищъ 1804 г., 199.

Юнгъ-Штиллингъ, писатель, 79.

Юферовъ, генералъ 1855 г., 579.

Я.

Языковъ, Н. М., поэтъ. Письмо Гоголя, 121 — 123. Упом. 100, 112, 116, 117, 128, 130, 299, 302—304, 307, 326, 654.

Якимовъ, В., скульпторъ, 267, 290.

Якобій, Валерій Ив., профессоръ живописи, 68, 525, 526, 529.

Яковлевъ, камергеръ. Заявление его, 216.

Якубовскій, батал. командиръ 1837 г., 179, 182, 183.

Якунинъ, писатель, 742.

Яковичъ, членъ комисіи училищъ 1797 г., 463.

Яковскій, батал. командиръ 1855 г., 581

Яхонтовъ, А. Н. Сообщ. письмо архимандрита Фотія къ монаху Кинѣѣ, 211.

Яцына, учитель 1812 г., 611.

Ѳ.

Ѳоровъ, регистраторъ 1812 г., 642.

Ѳоровъ, Алексій, протоіерей 1812 г..

Ѳедоровъ, Григорій, кошевой Запорожья 1750 г., 408, 409.

Ѳеодосій, москов. архимандритъ, 209.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1875 года.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

	стр.
I. Воспоминанія епископа Буткевича: вторженіе французъ въ Россію въ 1812 году. Перев. съ польской рукописи Е. И. Гилюсъ. Сообщ. П. К. Щебальскій.	595
II. Дневникъ Вильгельма Кюхельбекера, 1832—1833 гг. Сообщ. Ю. В. Косова	75
III. Воспоминанія Осипа Антоновича Пржецлавскаго:	
I. Ценсура въ Россіи въ 1830—1865 гг.	131
II. Статсъ-секретарь Туркуль, біографическій очеркъ.	684
IV. Моя трудовая жизнь, разсказъ академика гравера Л. А. Сѣрякова. 1824—1875 гг.	161, 339 и 506
Замѣтки. Сообщ. профес. Ф. И. Гурданъ и А. Игнатовичъ (стр. 592 и 594)	

Исслѣдованія, біографическіе очерки и статьи.

I. С.-Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго, 1772—1791 гг. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ. Составилъ А. П. Пятковскій. Главы V—VII. (окончаніе). 421 и 630
--

	стр.
II. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, 1739—1791 гг. Историко-біографическій очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ. Главы VIII—XIII (окончаніе)	217
III. Калнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи. Статья П. С. Ефименко	405
IV. Василій Назаровичъ Каразинъ: основаніе Харьковскаго университета, 1803—1804 гг. Историческій очеркъ. Главы III—V. (окончаніе)	185, 268 и 470
V. Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, новыя данныя къ его характеристикѣ и свтанія его въ ссылкахъ по Россіи, 1812—1844 гг. Сообщ. Ч—вы и И—въ. 473 и 640	
VI. Карлъ Андреевичъ Шильдеръ, 1785—1854 гг. Историко-біографическій очеркъ, составилъ Н. К. Шильдеръ	517 и 715
VII. На Вислѣ и Дунаѣ, въ Одессѣ и Севастополѣ, 1853—1855 гг. Запѣтки артиллериста Б....	541
VIII. Штурмъ Малахова кургана, 27-го и 28-го августа 1855 г. въ Севастополѣ. Историческій очеркъ. Составилъ О. И. Константиновъ.	568

Указы, переписка, замѣтки, рассказы и анекдоты.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

I. Указъ императрицы Елисаветы о льготахъ протопопу Евстафію Могелянскому, 1744 г. Сообщ. А. А. Повало-Швейковскій	393
--	-----

Царствованіе Екатерины II.

I. Екатерина II въ ея собственноручныхъ письмахъ, замѣткахъ и повелѣніяхъ, 1770—1792 гг.	444
II. Отзывъ Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ. Письмо къ Вольтеру, 11-го августа 1765 г. Сообщ. Акад. Я. К. Гротъ. 587	
III. Жакъ Фази, часовыхъ дѣлъ мастеръ при дворѣ Екатерины II, род. 1734, ум. 1811 г. Сообщ. Акад. Я. К. Гротъ. 588	
IV. Черта изъ жизни с.-петербургскаго митрополита Гавріила. Сообщ. Г. И. Кузминскій	202

Царствованіе императора Павла.

I. Цензура въ Россіи при императорѣ Павлѣ въ 1797—1799 гг. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	454
II. Два повелѣнія императора Павла командиру полка генераль-маіору Бранту, 1799 г. Сообщ. А. А. Повало-Швейковскій.	394
III. Прошеніе протопопа изъ гор. Пскова, Сущинскаго императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 1800 г.	590
IV. Иванъ Гавриловичъ Кузминскій, 1758—1808 гг.: рассказы изъ служебной дѣятельности его въ царствованія императоровъ Павла и Александра I. Сообщ. Г. И. Кузминскій.	394

Царствованіе Александра I.

I. Распоряженіе о полковникѣ ле-Виттѣ, 1808 г. Сообщ. К. Ч.	201
II. Убіеніе фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго въ 1811 г.	212
III. Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, 1763—1843 гг.	
I. Біографическая замѣтка. Ред.	281
II. Переписка съ графомъ Аракчеевымъ, 1817—1833 гг., и	
III. Документы о ссылкѣ вице-президента императорской академіи художествъ А. Ѳ. Лабзина. Сообщ. Н. И. Стояновскій.	283 и 291
IV. Отзывъ гр. П. В. Завадовскаго о стихахъ институтокъ на смерть кн. А. М. Голицына, 1807 г. Сообщ. П. И. Савваитовъ	750

Царствованія Николая I и Александра II.

I. Холерный бунтъ въ Тамбовѣ въ 1830 г. Сообщ. И. Дубасовъ	744
II. Петръ Лямсъ, рассказъ изъ жизни с.-петербургскаго митрополита Серафима, 1839 г.	204
III. Встрѣчи съ архимандритомъ Юрьева монастыря Ѳотіемъ. Рассказы П. И. Европеуса и П. Н. Бороздиной	209
IV. Кончина графини Анны Алексѣевны Орловой, письмо очевидца, 1848 г. Сообщ. Н. А. Виноградовъ	211
V. Князь И. Ѳ. Паскевичъ и князь М. Д. Горчаковъ на Дунаѣ въ 1853—1854 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	380
VI. Карлъ Андреевичъ Шильдеръ въ 1853—1854 гг. (см. выше)	
VII. На Вислѣ и Дунаѣ, въ Одессѣ и Севастополѣ. Замѣтки артиллериста, 1853—1855 гг. (см. выше).	

- VIII. Штурмъ Малахова кургана, 27-го и 28-го августа 1855 г. въ Севастополѣ. Разказъ О. И. Константинова (см. выше).
- IX. Мнѣнія московскаго митрополита Филарета 1856 и 1864 гг.: о государствешномъ гербѣ Россіи и о театральныхъ зрѣлищахъ. 397

Исторія русской литературы.

Русскіе писатели XIX-го вѣка.

- I. Александръ Ефимовичъ Измайловъ, 1779—1831 гг.
Сказки, пѣсни, эпиграмма и инструкция 752
- II. Кондратій Федоровичъ Рылѣевъ, 1795—1826 гг.
I. Замѣтка о годѣ его рожденія и письма къ нему родителей. Сообщ. П. А. Ефремовъ 70
II. Свидѣнія о службѣ Рылѣева, 1821 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ 74
- III. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, 1797—1846 гг.
Дневникъ, литературныя замѣтки и стихотворенія, 1832—1833 гг. Сообщ. Ю. В. Косова (см. выше).
- IV. Александръ Ивановичъ Одоевскій, 1804—1839 гг.
Посланіе къ отцу: „*Какъ недвижима волна горь...*“
Напечатано по подлинной рукописи автора, найденной въ бумагахъ Лепарскаго. Сообщ. М. Н. Кучаевъ 97
- V. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
Письмо очевидца о его кончинѣ, 1837 г. 92
- VI. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, 1814—1841 гг.
I. Маскарадъ, драма въ пяти дѣйствіяхъ. Новое изданіе по рукописи автора, окончательно имъ отдѣланной, 1837 г. Сообщ. съ предисловіемъ и примѣчаніями П. А. Ефремовъ 1
II. Замѣтка о рукописи Лермонтова: „Маскарадъ“. Сообщ. Е. Д. Лопухина 403
III. Наброски стихотвореній и письмо Лермонтова. Сообщ. П. А. Ефремовъ и В. Н. Поливановъ 57
IV. Воспоминаніе о Лермонтовѣ. Сообщ. Я. И. Костенецкій 60
V. Портреты М. Ю. Лермонтова. Замѣтка П. А. Ефремова 66
- VII. Николай Васильевичъ Гоголь.
I. Гоголь въ его письмахъ, 1820—1842 гг. Статья профес. О. Э. Миллера 99

	СТР.
II. Неизданныя письма Гоголя къ друзьямъ, 1835, 1842—1851 гг. Сообщ. Б. С. Шевыревъ, съ примѣчаніями профес. О. Ѳ. Миллера	113, 297 и 651
VIII. А. С. Хомяковъ, Аксаковы, Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій. Эпизодъ изъ исторіи славянофильства: дѣло о запрещеніи изд. „Московского Сборника“, 1852—1853 гг.	367
IX. Протоіерей Евгеній Ивановичъ Поповъ. Некрологъ. † 15-го октября 1875 г. Сообщ. И. Т. Осининъ	739

АРТИСТЫ И ХУДОЖНИКИ.

I. Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, президентъ императорской академіи художествъ. Матеріалы къ его біографіи (см. выше).	
II. Михаилъ Ивановичъ Глинка и Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій. Запѣтки. Сообщ. П. А. Степановъ.	502
III. Александръ Николаевичъ Сѣровъ, 1820—1871 гг. Письма, очерки и запѣтки о музыкѣ, 1840—1842 гг. Сообщ. съ примѣчаніями В. В. Стасовъ	328 и 492
IV. Сорокалѣтнѣтіе артистической дѣятельности Осипа Афанасьевича Петрова на Петербургской сценѣ, 1830—1875 гг. Отзывъ о первомъ его дебютѣ 10-го октября 1830 г. Сообщ. В. В. Никольскій	593
V. Лаврентій Аксеновичъ Сѣряковъ, академикъ граверъ. Разсказъ о его художнической дѣятельности (см. выше).	

ЗАПѢТКИ И ЗАЯВЛЕНІЯ.

I. Просьба о присылкѣ рукописи графа Миниха, сына фельдмаршала: „Примѣчанія на Записки генерала Манштейна о Россіи“	404
II. Заявленіе камергера Яковлева по поводу возмѣщенія растраты Политковскаго, 1853 г.	217
III. Запѣтка профессора гравированія, ректора императорской академіи художествъ Ѳ. И. Гордана	594
IV. Крестьянская газета изъ ада, народная сатира. Сообщ. В. И. Лѣствицынъ	213
V. Поправки и печатки	404 и 592

	стр.
I. Алзбушный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ XIV-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1875 г.	1—42
II. Обзоръ «Русской Старины» изд. 1875 г. Ред.	761
III. Списокъ лицъ, сообщившихъ изслѣдованія, очерки, статьи и матеріалы для печати въ «Русской Старинѣ».	782
IV. Матеріалы журнальной статистики: «Русская Старина» въ 1875 г.	785
V. Объ изданіи «Русской Старины» въ 1876 году, седьмой годъ изданія. (Прилож. при кн. X, XI и XII). I—VI	

Портреты, рисунки и снимки.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлемань, рисоваль на деревѣ К. О. Брожь, гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавный рисунокъ).
- II. Портретъ Михаила Юрьевича Лермонтова, писанный съ него красками въ сентябрѣ 1839 г. живописцемъ Клипдеромъ и отпечатанный, по заказу редакціи «Русской Старины», у Лемерсье, въ Парижѣ.
(См. объ этомъ портретѣ стр. 67—69).
- III. Рисунокъ: памятникъ кн. Потемкину-Таврическому въ г. Херсонѣ, 1836 г. Гравироваль акад. Л. А. Сѣряковъ.
(См. 267-ю стр.).
- IV. Планъ собора въ Херсонѣ съ чертежомъ могилы кн. Потемкина.
(См. 265-ю стр.).
- V. Рисунки весьма рѣдкихъ медалей: 1) Императоръ Іоаннъ Антоновичъ, и 2) Цесаревна Елисавета Петровна въ почъ восшествія своего на престолъ 25-го ноябра 1741 г.
- VI. Карриатура на Наполеона I-го, 1813 г.
(См. 617-ю стр.).
- VII. Виньетка: семейство просителя, 1800 г.
(См. стр. 592-ю).

Приложеніе.

Записки Манштейна о Россіи, 1727—1744 гг. Переводъ съ подлинника, съ французской рукописи, хранящейся въ бібліотекѣ дворца въ городѣ Павловскѣ. Напечатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Къ XIV-му тому «Русской Старины» 1875 г. приложено окончаніе первой и вся вторая часть Записокъ Манштейна и дополненія къ нимъ того же автора съ разными приложениями, стр. 155—370. При этомъ томѣ «Русской Старины» оканчивается полный переводъ Записокъ Манштейна. Записки эти должны быть переплетены въ отдѣльную книгу, которая имѣетъ особую нумерацію страницъ, азбучный указатель и оглавленіе. Такимъ образомъ «Русская Старина» 1875 г. состоитъ изъ трехъ томовъ текста (XII, XIII и XIV) и особаго тома приложенія: «Записки Манштейна».

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Восемнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра Великаго. Москва, 1872 г. и
2. Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ. Москва, 1874 г. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, изданы обществомъ любителей россійской словесности подъ редакціей и съ дополненіями П. А. Безсонова. Выпуски IX и X. Отзывъ профес. О. Θ. Миллера (на оберткѣ 9-й книги „Русской Старины“ 1875 г.).
3. Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Исслѣдованіе А. Незеленова, 1875 г. Отзывъ профес. О. Θ. Миллера. (Тамъ же).
4. „Славянскій Сборникъ“. Изданіе петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета, 1875 г. (На оберткѣ 10-й кн. „Р. С.“ 1875).
5. Россія и Англія. Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россією и Англією (1553—1593). Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Ю. В. Толстымъ, 1875 г. (Тамъ же)
6. Русская историческая бібліотека, издаваемая Археографическою комиссією, т. II-й. Спб., 1875 г. (Тамъ же).
7. Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII столѣтія. Д. Д. Сонцова. Москва, 160 стр. 1875 г. (Тамъ же).
8. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV вв.). Соч. Андрея Попова. Москва, 417 стр., 1875 г. (Тамъ же).

9. Галерея портретовъ представителей фамиліи Радзивиловъ, 1346—1758 г., сто шестьдесятъ портретовъ, отпечатаны съ досокъ XVIII-го столѣтія. Изд. г. **Иверсенъ**, въ количествѣ 100 экземпляровъ. Спб. 1875 г. въ листъ. Цѣна экз. 40 руб. (На оберткѣ 11-й кн. „Р. С.“ 1875 г.).
10. Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. **Алексѣя Накко**. Часть I. Одесса, изд. 1875 г. (Тамъ же).
11. Забѣчаніе на Слово о полку Игоревѣ. Изслѣдованіе князи **П. П. Вяземскаго**. (Тамъ же).
12. Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. Собранія графа **Э. К. Гуттенъ-Чапскаго**. Спб. 1875 г. въ 4-ю д. (Тамъ же).
13. Женское специальное образованіе въ С.-Петербургѣ. Настольная справочная книжка, составилъ **М. Л. Златковскій**. Спб., 1875 г. (Тамъ же).
14. О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Лоннахъ, архимандрита **Антонина**. Спб., 1874 г. (Тамъ же).
15. Азбука и скоропись XVII вѣка для нагляднаго изученія. Москва, 1875 г., ц. 1 руб. (12-й кн. „Р. С.“ 1875 г.).
16. Описъ высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ. Томъ II, 1725—1740. Составилъ **П. Барановъ**, 1875 г. XIV и 1002 стр. (Тамъ же).
17. Указатель статей Морскаго Сборника 1848—1872 г. Составилъ **И. И. Петровъ**. Санктпетербургъ, 1875 г., въ 8 д. больш. листа, стр. I—XLIV, 1—767 и 1—108. (Тамъ же).
18. Матеріалы къ описанію Саратовской губерніи. Изданіе губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей секретаря **Н. Я. Воскобойникова**, 1875 г., 70, 27 стр. и 19 приложеній. (Тамъ же).
19. Сборникъ солдатскихъ, казацкихъ и матроскихъ пѣсень. Выпускъ первый. 100 пѣсень. Слова собралъ **Н. Х. Вессель**. Съ голоса на ноты положилъ **Е. К. Альбрехтъ**. (Тамъ же).

ИЗДАНИЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

I. Записки императорскаго русскаго археологическаго общества: т. III—цѣна 3 руб.; т. IV—3 р.; т. V—2 р.; т. VI—2 р.; т. VII—5 р.; т. VIII—2 р.; т. IX—3 р.; т. X—3 р.; т. XI—3 р.; т. XII—3 р.; т. XIII—2 р.; т. XIV—2 р. (*Томы I и II нѣтъ въ продажѣ*).

II. Извѣстія императорскаго русскаго археологическаго общества: т. I, II, III, IV, V, VI и VII, каждый по 3 р.

III. Записки отдѣленія русской и славянской археологii: т. I—2 р.; т. II, со сборникомъ чертежей Москвы, ея окрестностей и г. Пскова XVII стол.—4 р.

IV. Труды восточнаго отдѣленія: т. I—1 р. 50 к.; т. II—2 р.; т. III—3 р.; т. IV—4 р.; т. V—1 р. 50 к.; т. VI—1 р. 50 к.; т. VII—2 р.; т. VIII—3 р.; т. IX—3 р.; т. X—2 р. 50 к.; т. XI—2 р. 50 к.; т. XIII—2 р. 50 к.; т. XIV—2 р. 50 к.; т. XVI—2 р. 50 к.; т. XVII—2 р.

V. Древности русскаго государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Вып. I—6 р.

VI. Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка (fac simile). Съ предисловіемъ и чтеніемъ П. И. Срезневскаго—6 р.

VII. Керчь и Восноръ. Замѣчанія о керченскихъ древностяхъ и опытъ хронологіи царства Воснорскаго. Сочиненіе П. И. Сабатье. Съ 8-ю хронологическими рисунками—5 р.; безъ рисунковъ—1 р. 50 к.

VIII. Памятники церковныхъ древностей въ Нижегородской губерніи. Соч. архимандрита (нынѣ епископа Орловскаго) Макарія. (Составл. X т. Записокъ общества)—3 р.

IX. Описаніе новгородскаго Софійскаго собора, составл. протоіереемъ П. И. Соловьевымъ. Съ лѣтописнымъ указателемъ П. И. Савваятова. (Изъ XI т. Записокъ общества)—1 р. 50 к.

X. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одежды, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора; съ объяснительнымъ указателемъ П. И. Савваятова, съ 12-ю листами рисунковъ. (Изъ XI т. Записокъ общества)—2 р.

XI. Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. В. В. Вельямнова-Зернова. Три части; изъ нихъ I—3 р.; II—2 р. 50 к.; III—2 р. 50 к. (Составляютъ IX, X и XI т. Трудовъ восточнаго отдѣленія).

XII. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія. Д. И. Прозоровскаго. (Изъ XII т. Записокъ общества)—2 р.

XIII. Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вѣка, найденныхъ въ Россіи. Б. Кеке. (Изъ IV т. Записокъ общества)—1 р.

XIV. Жизнь и труды П. С. Савельева. Соч. В. В. Григорьева—2 р.

XV. Каталогъ русскимъ медалямъ и монетамъ, хранящимся въ музеѣ императорскаго русскаго археологическаго общества. Д. И. Прозоровскаго. Изд. 2-е—1 р.

XVI. Опись предметовъ, хранящихся въ музеѣ императорскаго русскаго археологическаго общества. Д. И. Прозоровскаго. Съ 4-мя листами рисунковъ Смоленскаго клада. (Изъ VII т. Извѣстій общества)—1 р. 50 к.

XVII. Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ, описанныхъ академикомъ Л. Стефанн. Съ 2-мя рисунками—1 р.

XVIII. Словарь джагатайскаго-турецкаго. Издалъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ—4 р.

XIX. Записка для обозрѣнія русскихъ древностей—20 к. (Приложена въ I т. Записокъ отдѣленія русской и славянской археологii).

XX. Mémoires de la société impériale d'archéologie. Vol. II, III, IV, V и VI—по 3 р. за каждый томъ.

(Томъ I нѣтъ въ продажѣ).

Всѣ означенныя изданія можно получить въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ (на Литейной, въ д. II-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, № 46) и у комисіонеровъ общества Я. А. Псакова и Д. Е. Колчанчикова.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

(С.-Петербургъ, Невскій, д. № 30)

продаются слѣдующія книги:

Московія Джона Милльтона, съ статьею и примѣчаніями Ю. В. Толстаго. М. 1875 г. Ц. 75 к., пер. за 1 ф.

Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка, 862—1796. Порай-Копица. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева, т. 25-й. М. 1875 г. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 17-й. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Россія и Англія. Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею (1553 - 1593). Граматы, собранныя, переписанныя и издачныя Ю. Толстымъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р. перес., за 3 ф.

Гуттенъ-Чалокій, Э. К. Удѣльныя великокняжескія и царскія деньги древней Руси. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., перес. за 3 ф.

Россія и Англія въ борьбѣ за рынки. М. Терентьева. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

Сухомлиновъ, М. Исторія Россійской Академіи. Т. 2-й. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 20 к., перес. за 2 ф.

Погодинъ, М. Первые семнадцать лѣтъ изъ жизни императора Петра Великаго. М. 1875 г. Ц. 3 р., пер. за 3 ф.

Вяземскій, П. Замѣчанія на слово о Плъку Игоревѣ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., перес. за 4 ф.

Возбразовъ, В. Сборникъ государственныхъ знаній. Т. II. Спб. 1875 г. Ц. 5 руб., перес. за 4 ф.

Незеленовъ, А. Николай Ивановичъ Пониковъ, издатель журналовъ 1765—1785 гг. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Голицынъ, Н. Великіе полководцы исторіи. Спб. 1875 г. 2 т. Ц. 6 р., перес. за 5 ф.

Андреевъ, В. Въ области неразгаданнаго послѣдованія и наблюденія. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Фармаковскій, В. Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей, по способу Грубе, изданіе второе. Вятка, 1875 г. Ц. 60 к., перес. за 1 ф.

Азбука и скорописъ XVII вѣка. Для нагляднаго изученія. М. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Карамзинъ, Н. О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. М. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Терентьевъ, М. Россія и Англія въ Средней Азій. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Петровскій, С. О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Историко-юридическое изслѣдованіе. М. 1875 г. Ц. 3 р., перес. за 2 ф.

Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографическою комисіею. Т. 2. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Сонцовъ, Д. Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII столѣтія. М. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Спб. 1875 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Славянскій сборникъ. Т. 1-й. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., перес. за 2 ф.

Варановъ, П. Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ слб. сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ. Т. 2. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., пер. за 3 ф.

Поповъ, А. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. М. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Дорнъ, В. Каспій о походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ, съ дополнительными свѣдѣніями о другихъ набѣгахъ ихъ на побережья Каспійскаго моря. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Иванкинъ, М. О военномъ искусствѣ въ завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингисъ-Ханѣ и Тамерлавѣ. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Записки Гавриила Ивановича Добрынина (1752—1823).

Описаніе внутренняго быта высшаго и низшаго духовенства.—Монахи и схимники.—Бытъ чиновниковъ.—Генералъ-губернаторы.—Нашествіе французовъ на Россію и проч. Спб. 1872 г. Цѣна 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Дневникъ А. В. Храповицкаго. 1782—1793, по подлинной его рукописи съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова, члена археографической комисіи. Спб. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., пер. за 3 ф.

О старомъ зинемъ дворцѣ и палатѣ, въ коей скончался государь императоръ Петръ Великій. А. Л. Мейера, съ приложеніемъ двухъ рисунковъ. Спб. 1872 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

Записки объ императрицѣ Еватеринѣ Великой полковника, состоявшаго при ея особѣ слатсъ-секретаремъ, А. М. Грибовскаго. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.

Записки А. Т. Болотова, 1738—1795 г., четыре тома. Спб. 1870—1874 г. въ два столбца, съ рисунками въ текстѣ и съ портретомъ его, гравированными академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. 4 тома. Ц. каждаго тома по 3 р., пер. за 3 ф. Первые два тома отдѣльно не продаются.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, какъ вновь выходящими, такъ и прежде изданными.

ГРАВЮРЫ АКАДЕМИКА ПОЖАЛОСТИНА

продаются въ квартирѣ художника

С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 1-я линія, домъ № 18, вв. № 16. Цѣны слѣдующія:
«Птицеловъ» съ картины профессора Перова.

1. Avant la lettre	15 руб.
2. Съ бѣлою подписью	10 —
3. Съ черною подписью.	5 —

«Несеніе Креста» съ Барраччи.

1. Avant la lettre	10 руб.
2. Съ подписью.	5 —

Портретъ Е. П. Врюллова (профессора живописи).

1. Съ подписью.	3 руб.

Желающіе выписать отъ самаго академіка Ивана Петровича Пожалостина не приплачиваютъ за доставку по почтѣ.

О ПОДПИСКѢ НА 1876 ГОДЪ

И А

годъ 37-й

„НУВЕЛЛИСТЪ“

годъ 37-й

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

До 1875 года «Нувеллистъ» издавался въ томъ видѣ и объемѣ, какіе онъ получилъ при своемъ основаніи въ 1840 году, и уже одинъ фактъ 36-ти лѣтняго существованія «Нувеллиста» очевиднымъ образомъ доказываетъ, что цѣль этого изданія выполнялась издателемъ съ надлежащимъ успѣхомъ и пользою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же долговременный опытъ убѣдилъ насъ также и въ томъ, что, несмотря на массу нотъ разнообразнаго характера, предоставленную «Нувеллистомъ» нашимъ подписчикамъ, за сравнительно весьма умеренную подписную плату, изданіе наше не для всѣхъ любителей было доступно по цѣнѣ. Между тѣмъ потребность въ музыкѣ постоянно возрастаетъ въ массѣ нашей образованной публики, увеличивая съ каждымъ годомъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ имперіи число любителей музыки, интересующихся ея успѣхами и современными положеніемъ. Желая съ своей стороны, посредствомъ издаваемого нами журнала, содѣйствовать развитію музыкальнаго вкуса въ массѣ нашей публики и предоставить даже наименѣе достаточнымъ любителямъ пользоваться тѣми выгодами и удобствами, которыя даетъ «Нувеллистъ», составляющей къ концу каждаго года богатую коллекцію отборныхъ музыкальныхъ пьесъ, пріобрѣтеніе которыхъ въ отдѣльности обошлось бы несравненно дороже, мы съ прошлаго года *рѣшили*: допустивъ въ прежней программѣ нашего журнала нѣкоторыя измѣненія—уменьшить подписную цѣну его *на половину*. Ожиданіе наше вполнѣ оправдалось: число подписчиковъ на «Нувеллистъ» возросло въ такой степени, что мы увидѣли себя въ необходимости печатать всѣ номера текущаго года **вторымъ изданіемъ**—фактъ весьма замѣчательный для періодическаго, въ особенности, музыкальнаго изданія.

Въ наступающемъ 1876 году «Нувеллистъ» будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

«Нувеллистъ» будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца тетрадами отъ 25-ти до 30-ти страницъ большаго нотнаго формата, въ которыхъ будутъ помѣщаться:

1) Салонныя пьесы для фортепиано. 2) Новыя танцы. 3) Лучшіе русскіе романсы. 4) Въ теченіе года въ «Нувеллиствѣ» будутъ помѣщены двѣ, болѣе или менѣе трудныя, пьесы въ четыре руки. 5) Кроме огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ лучшихъ композиторовъ, которыя къ концу года составятъ обширный томъ въ 350 страницъ музыки. Гдѣ подписчики получаютъ, въ видѣ *преміи*, полную оперу въ дѣтъ руки, по ихъ выбору, изъ пятидесяти извѣстныхъ оперъ, указанныхъ редакціею.

Цѣна годовому изданію «Нувеллиста» 5 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Имперіи 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:

въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Нувеллиста», находящейся въ музыкальномъ магазинѣ М. Вернарда, поставщика двора Его Императорскаго Величества, на Невскомъ проспектѣ, домъ № 10.

Редакторъ А. Бернадъ. Издатель П. Бернадъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ
„БУДИЛЬНИКА“,
сатирическаго журнала съ хромо-литографическими рисунками
и карикатурами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	На полгода:
Безъ доставки 6 р. — к.	Безъ доставкой 3 р. 50 к.
Съ доставкою. 7 р. — к.	Съ доставкою. 4 р. — к.
Съ пересылкою въ города. 7 р. 50 к.	Съ пересылкою 4 р. 50 к.

За переѣзду адреса редакція взымаетъ 20 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ—въ редакціи (на Большой Никитской) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ Москвы, подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Курскѣ, Орлѣ, Мценскѣ и Воронежѣ.

Объявляя о продолженіи изданія «Будильника» въ 1876 году, редакція честь имѣетъ заявить, что съ 1-го января 1876 года она намѣрена увеличить число красокъ въ хромо-литографическихъ рисункахъ и вообще число карикатуръ чисто юмористическаго, а въ особенности бытоваго и политическаго содержания. Въ текстѣ журнала будутъ значительно усилены отдѣлы: 1) иногородныхъ корреспонденцій; 2) юмористическихъ телеграммъ, передающихъ событія дня, и 3) политическаго, провинціального и столичнаго фельетоновъ. Вообще задача редакціи—постоянно, не щадя никакихъ усилій, заботиться объ улучшеніи литературной и художественной стороны журнала.

Редакція покорнѣе проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы предотвратить могущую быть несвоевременную высылку нумеровъ журнала.

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ „СИБИРЬ“ НА 1876 Г.

Газета «Сибирь» въ 1876 году будетъ выходить подъ той же редакціей и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ настоящемъ году. Газета «Сибирь» выходитъ разъ въ недѣлю. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: за годъ семь руб., за полгода четыре руб., за три мѣсяца два руб. Подписка принимается: въ Иркутскѣ въ конторѣ редакціи газеты «Сибирь» (Трапезниковская, 215); въ книжномъ магазинѣ Жигаревой (Амурская, 27); въ типографіи Н. Н. Синицына (Харлампіевская, 92) и въ Городской публичной бібліотекѣ (Ивановская пл.).

Въ Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ для иногородныхъ (Невскій, 44). Въ Москвѣ—въ центральномъ книжномъ магазинѣ (Никольская, Славянскій базаръ). Въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина. Въ Владисейскѣ—въ публичной бібліотекѣ г. Скорнякова.

Иногородные адресуются исключительно въ Иркутскъ, въ редакцію газеты «Сибирь».

Издатель-редакторъ В. Вагинъ.

ДОНСКОЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1876 годъ

печатается и въ началѣ будущаго декабря мѣсяца поступитъ въ продажу.

Кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній, въ него войдутъ свѣдѣнія мѣстныя о разныхъ учрежденіяхъ и поселеніяхъ области войска Донскаго, воинскіи уставы о казачьей службѣ, о введеніи земства въ области войска Донскаго, четыре очерка изъ донской исторіи и проч.

Цѣна 30 копѣекъ.

На пересылку до 10 экз. прилаг. 30 коп.; свыше 11 экз. пересылка на счетъ издателя; а при вытискѣ 30 и болѣе экз. дѣлается, кромѣ того, уступка 10%.

Адресъ: Въ Новочеркасскѣ. Издателю Донскаго календаря Ф. К. Траиллину.

Въ книжныхъ магазинахъ **Вазунова, Вольфа и Исакова** въ С.-Петербургѣ и у **Соловьева** въ Москвѣ продается:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА ЩЕРБИНЫ.

Изд. въ С.-Петербургѣ, 1873 г., въ 8-ю д. л. 440 стр.

Это изданіе исполнено по экземпляру и рукописямъ, подготовленнымъ самимъ авторомъ незадолго до его смерти. Вошедшія въ него сочиненія раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: I. Въ первый отдѣлъ вошло шестьдесятъ семь стихотвореній 1843—1853 гг.—II. Во второмъ отдѣлѣ „Новогреческія мелодіи“.—III. „Пѣсни о природѣ“—тридцать девять стихотвореній.—IV. Ямбы и элегіи 1854—1860 гг.—тридцать стихотвореній.—V. „Русскія пѣсни на чужбинѣ“ 1861 г.—VI. Отдѣлъ—тринадцать стихотвореній.—VII. Альбомъ ипохондрика: собраніе эпиграммъ, ксеній, ямбовъ и сатиръ—всего семьдесятъ шуточныхъ и сатирическихъ произведеній 1841—1860 гг. „Доморощенныя и путевыя наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика“ 1857—1867 гг. „Сопникъ современной русской литературы“. Сатирическая лѣтопись: ямбы, ксеніи и эпиграммы (шестьдесятъ девять) 1861—1869 гг.—VIII. Приложенія.

Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ИСТОРИЯ

АМЕРИКАНСКОЙ МЕЖДУСОБНОЙ ВОЙНЫ.

СОЧИНЕНІЕ ГРАФА ПАРИЖСКАГО.

Переводъ **РИТТЕРА.**

Т. I. Съ картами и планами. Цѣна 3 р., пересылка изъ 2 фунта.

Второй томъ печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

Складъ въ типографіи В. С. Балашева. Б. Садовая, № 49—2.

При «Русской Старинѣ» кн. 12-я, разослана г. ипогороднымъ подписчикамъ объявленіе книжнаго магазина Н. И. Мамонова.

Принимается подписка на ежемѣсячный историческій журналъ,
издаваемый въ Петербургѣ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1876 г.

седьмой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1876 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя шесть лѣтъ изданія (1870—1875 гг.).

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ три тома, каждый не менѣе 44 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2,200 печатныхъ страницъ.

При изданіи прилагаются: портреты достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, снимки съ подлинныхъ ихъ писемъ, рисунки историческихъ памятниковъ, зданій, генеалогическія таблицы замѣчательныхъ русскихъ фамилій и проч.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно, непременно 1-го числа, и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1876 г.:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, прилачиваютъ къ ВОСЬМИ рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію—два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—три рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ книжномъ магазинѣ Александра Фёдоровича Базунова (Невскій проспектъ, д. № 30); въ Москвѣ—въ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, № 42, кв. № 12.

Всѣ статьи, имѣющія появиться въ „Русской Старинѣ“ 1876 года, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Истории, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ писателей, артистовъ и проч.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстнѣйшихъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, анекдоты, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи духовные и раскольничьи.—Пѣсни скопцовъ, замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ, русскихъ книгъ.

Къ первымъ книгамъ „Русской Старины“ 1876 г. будутъ, между прочимъ, приложены гравированные на мѣди портреты: императрицы **Екатерины II**, князя **Платона Зубова**, генерала **Михельсона** (побѣдителя Пугачева), **Лжедмитрія 1-го** (перваго самозванца); гравюры на деревѣ: портретъ **В. Г. Бѣлинскаго** (съ мало извѣстнаго портрета) и друг. Гравюры на мѣди исполнены академикомъ **И. П. Пожалостинымъ** и друг.; нѣкоторыя изъ нихъ отпечатаны въ Парижѣ. Портреты на деревѣ гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, неопечатанныхъ въ этомъ журналѣ, пишется, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: «**Записки князя Якова Петровича Шаховскаго**», полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-крюгсъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю л., 325 стр.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1876 г. (до 1-го января), могутъ получить книгу: «Записки

князя Я. П. Шаховскаго» выслать лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдуемыхъ за «Русскую Старину» 1876 г., семь восьминогнечныхъ почтовыхъ марокъ, или 56 коп. на пересылку означенной книги.

„Русская Старина“ изд. 1870 г. (первыя два изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первая кн. два изд.) сполна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

Отпечатано и поступило въ продажу новое, третье изданіе, „Русской Старины“ 1870 г. (годъ первый)—всѣ двѣнадцать книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетками. Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго брилліанщика Позье (1729—1764 гг.);— Записки Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;— Петербургъ въ 1781 г.— замѣтки Шикара;— Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1842 гг.);— Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;— Записки композитора Михаила Ивановича Глинки (1804—1854 гг.);— Замѣтки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);— Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г.— разсказъ Я. П. Бакланова;— Оборона Камчатки въ 1854 г.— разсказъ контръ-адмирала Арбузова и проч.— Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собранія писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи, со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.— Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. Ѳ. Карабанова.— Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированными Академикомъ Сѣряковымъ рисунками и виньетками

Въ книжныхъ магазинахъ **Базунова** (въ Петербургѣ) и
Соловьева (въ Москвѣ).

продаются слѣдующія изданія:

**I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣяте-
лей 1801—1825 гг.** (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Ө. К. Опочинина**. Спб. 1873 г., въ
листъ, 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана**; со-
брание фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ;
въ приложеніяхъ напечатаны (большею частію впервые) подлинники снимковъ,
какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей;
въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., пересылка 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Томъ I. **Цѣна** 3 р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословіи русскихъ титуло-
ванныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ,
многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разные эпохи русской
исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученномъ
или литературномъ.

[Томъ второй „Русской Родословной книги“—печатается].

III. „Русская Старина“ 1870 г. (годъ первый) изданіе **третье**,
отпечатанное въ 1875 г. въ трехъ томахъ, всего 2,700 стр.,
изданіе значительно исправленное съ портретами, снимками и
рисунками, **Цѣна** 8 руб. съ пересылкою.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА

Отпечаталась и поступила въ продажу у извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы:

ПРАКТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА ГОРОДСКИХЪ, ЗАГОРОДНЫХЪ И СЕЛЬСКИХЪ ЗДАНІЙ,

приспособленная къ простому изученію всевозможныхъ сооружений въ современномъ вкусѣ, дающая возможность при разнообразномъ выборѣ затѣйливыхъ и простыхъ *Фасадовъ* и *Плановъ* служить удовлетворительными образцами, какъ для *Архитекторовъ*, *Инженеровъ* и *Подрядчиковъ*, такъ и для каждаго, желающаго построить зданіе прочно, красиво и выгодно.

Съ приложеніемъ расчета на количество матеріаловъ и рабочихъ, потребныхъ на каждое зданіе, такъ, что каждый можетъ обойтись безъ помощи архитектора и подрядчика, какъ въ отношеніи стоимости зданія, такъ и техническихъ соображеній.

Составилъ **Н. Желтухинъ** при участіи инженеръ-архитектора **В. Залѣскаго**.

Литографированное и Хромолитографированное изданіе на 44 листахъ, на александ. бумагѣ, съ 200 рисунками, въ роскош. папкахъ. 1875 г. Цѣна 8 руб. съ пересылкой и упаковкой.

Прошу Гг. иногородныхъ чрезъ почту адресоваться въ Москву—въ складъ „Толковаго словаря“ **А. Д. Ступину** (адресъ почтамту извѣстенъ). Требования высылаются съ первой почтой.

Въ книжныхъ магазинахъ **Вазунова**, **Вольфа** и **Исакова** въ С.-Петербургѣ и у **Соловьева** въ Москвѣ продается:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА ЩЕРБИНЫ.

Изд. въ С.-Петербургѣ, 1873 г., въ 8-ю д. л. 440 стр.

Это изданіе исполнено по экземпляру и рукописямъ, подготовленнымъ самимъ авторомъ незадолго до его смерти. Вошедшія въ него сочиненія раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: I. Въ первый отдѣлъ вошло шестьдесятъ семь стихотвореній 1843—1853 гг.—II. Во второмъ отдѣлѣ „Новогреческія мелодіи“.—III. „Пѣсни о природѣ“—тридцать девять стихотвореній.—IV. Ямбы и элегіи 1854—1860 гг.—тридцать стихотвореній.—V. „Русскія пѣсни на чужбинѣ“ 1861 г.—VI. Отдѣлъ—тринадцать стихотвореній.—VII. Альбомъ ипохондрика: собраніе эпиграммъ, ксеній, ямбовъ и сатиръ—всего семьдесятъ шуточныхъ и сатирическихъ произведеній 1841—1860 гг. „Доморощенные и путевые наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика“ 1857—1867 гг. „Сонникъ современной русской литературы“. Сатирическая лѣтопись: ямбы, ксеніи и эпиграммы (шестьдесятъ девять) 1861—1869 гг.—VIII. Приложенія.

Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Въ книжныхъ магазинахъ **Базунова** (въ Петербургѣ) и
Соловьева (въ Москвѣ)

продаются слѣдующія изданія:

**I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣяте-
лей 1801—1825 гг.** (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» п **Ө. К. Опочинина**. Спб. 1873 г., въ
листъ, 152 стр.; заглавный листъ — рисунокъ академика **В. А. Гартмана**; со-
браніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ;
въ приложеніяхъ напечатаны (ббльшею частію впервые) подлинники снимковъ,
какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей,
въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., пересылка 50 коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. Томъ I. **Цѣна 3 р.** съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титуло-
ванныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ:
многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской
исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ
или литературномъ.

(Осталось немного экземпляровъ)

[Томъ второй „Русской Родословной книги“ — печатается].

III. „Русская Старина“ 1870 г. (годъ первый) изданіе **третье**,
отпечатанное въ 1875 г. въ трехъ томахъ, всего 2,700 стр.,
изданіе значительно исправленное, съ портретами, снимками и
рисунками. **Цѣна 8 руб.** съ пересылкою.

*При этой книгѣ «Русской Старины» рассылаются
для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія отъ книж-
ныхъ магазиновъ **А. Базунова** и **Э. Мелье**: каталогъ
журналовъ на 1876 г., подписки на которые принимается
въ этихъ магазинахъ.*

Продолжается подписка на ежемѣсячный историческій журналъ,
издаваемый въ Петербургѣ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1876 г.

седьмой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1876 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя шесть лѣтъ изданія (1870—1875 гг.).

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 44 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2,200 печатныхъ страницъ.

При изданіи прилагаются: **портреты** достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, **снимки** съ подлинныхъ ихъ писемъ, **рисунки** историческихъ памятниковъ, зданій, генеалогическія **таблицы** замѣчательныхъ русскихъ фамилій и проч.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно, непременно 1-го числа, и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1876 г.:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ въ **ВОСЬМИ** рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію—два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—три рубля.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ книжномъ магазинѣ Александра Ѳеодоровича Вазунова (Невскій проспектъ, д. № 30); въ Москвѣ—въ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, № 42, кв. № 12.

О ПРИЕМѢ ПОДПИСКИ НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1876 г.

Къ первымъ книгамъ „Русской Старины“ 1876 г. будутъ, между прочимъ, приложены гравированные на мѣди портреты: императрицы **Екатерины II**, князя **Платона Зубова**, генерала **Михельсона** (побѣдителя Пугачева), **Лжедмитрія 1-го** (перваго самозванца); гравюры на деревѣ: портретъ **В. Г. Бѣлинскаго** (съ мало извѣстнаго портрета), **М. Ѳ. Орлова**, и друг.

Гравюры на мѣди исполнены академикомъ **И. П. Пожалостинымъ** и друг.; нѣкоторыя изъ нихъ отпечатаны въ Парижѣ. Портреты на деревѣ гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, непечатанныхъ въ этомъ журналѣ, имѣется, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: «**Записки князя Якова Петровича Шаховскаго**» полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-крюгсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1876 г. (до 1-го января), могутъ получить книгу: «**Записки князя Я. П. Шаховскаго**» въславъ лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдующихъ за «Русскую Старину» 1876 г., семь восьмикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ или 56 коп. на пересылку означенной книги.

Отпечатано и поступило въ продажу новое, третье изданіе, „Русской Старины“ 1870 г. (годъ первый)—всѣ двѣнадцать книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетками. Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Принимается подписка на ежемѣсячный историческій журналъ,
издаваемый въ Петербургѣ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1876 г.

седьмой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1876 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя **шесть дѣтъ** изданія (1870—1875 гг.), и безъ предварительной цензуры.

Годовое изданіе изъ **двѣнадцати** книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 44 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2,200 печатныхъ страницъ.

При изданіи прилагаются: **портреты** достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, **снимки** съ подлинныхъ ихъ писемъ, **рисунки** историческихъ памятниковъ, зданій, генеалогическія **таблицы** замѣчательныхъ русскихъ фамилій, **снимки** съ рѣдкихъ медалей и проч.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно, непременно 1-го числа, и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1876 г.:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ посылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ **ВОСЬМИ** рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію—два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—три рубля.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ книжномъ магазинѣ Александра Ѳедоровича **Вазунова** (Невскій проспектъ, д. № 30); въ Москвѣ—въ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева** (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. **Иногородныхъ** просятъ обращаться **исключительно** въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Надеждинская улица, домъ № 42. кв. № 12.

Къ книгамъ „Русской Старины“ 1876 г. будутъ, между прочимъ, приложены гравированные на мѣди портреты: императрицы **Екатерины II**, княгини **Екатерины Романовны Дашковой** (въ молодости), князя **Платона Зубова**, генерала **Михельсона** (побѣдителя Пугачева), **Лжедмитрія I-го** (перваго самозванца), графа **Аракчеева**, **Алексѣя Петровича Ермолова**, **Шамиля**; гравюры на деревѣ: портретъ **В. Г. Бѣлинскаго** (съ мало извѣстнаго портрета), **Мих. Ѳед. Орлова**, кавказскаго генерала **Клюки-фонъ-Клугенау**; члена государственнаго совѣта **К. В. Чевкина** и др., а также **рисунки**.

Гравюры на мѣди исполнены академикомъ **И. П. Пожалостинымъ** и друг.; нѣкоторыя изъ гравюръ отпечатаны въ Парижѣ. Портреты на деревѣ гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, ненапечатанныхъ въ этомъ журналѣ, имѣется, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: «**Записки князя Якова Петровича Шаховскаго**, полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-крюгъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777гг. Слб., 300 стр.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1876 г. (до 1-го января), могутъ получить книгу: «**Записки князя Я. П. Шаховскаго**», вылавъ лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдующихъ за «Русскую Старину» 1876 г., **семь восьмиугольныхъ почтовыхъ марокъ** или 56 коп. на пересылку означенной книги.

Такъ какъ требованія на „Русскую Старину“ изданія 1870—1875 г. продолжаютъ поступать, то контора редакціи считаетъ необходимымъ заявить, что „Русская Старина“ 1870 г. (первыя два изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первая книга—два изданія) сполна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра; но нынѣ въ 1875 году

отпечатано и поступило въ продажу **новое, третье, изданіе „Русской Старины“ 1870 г. (голь первый)**—всѣ двѣнадцать книгъ въ **трехъ большихъ томахъ**, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетками. Цѣна 8 руб. съ пересылкою

исходное въ то время изданіе помѣтило на своихъ страницахъ множество замѣчательныхъ статей, въ которыхъ съ неизвѣстною до тѣхъ поръ въ Россіи искренностью и правдою обсуждались самыя существенныя для бытія нашего отечества вопросы. Этотъ періодъ въ существованіи «Морскаго Сборника» положительно заслуживаетъ особаго изслѣдованія, и мы къ нему, рано или поздно, обратимся. Важнымъ подспорьемъ для такового труда является почтенный и вполне добросовѣстный трудъ И. И. Петрова. Оглавленіе его книги слѣдующее: Предисловіе.—Систематическій указатель: содержаніе (стр. I—XLIV). Отдѣлы (стр. 1—767): 1) вспомогательныя знанія, 2) судостроеніе, 3) вооруженіе судовъ и кораблеуправленіе, 4) кораблевоженіе, 5) пароходство, 6) гидрографія, 7) гидротехника, 8) кораблекрушенія и спасительныя средства, 9) артиллерія, 10) военно-морская администрація и хозяйство, 11) законодательство, судостроеніе, судопроизводство, исправительныя мѣры, морское право, 12) медицина, 13) морское и военно-морское воспитаніе и образованіе, 14) морскія общества и заведенія, 15) военныя флоты и ихъ дѣйствія, 16) коммерческіе флоты и морскіе промыслы. Далѣе слѣдуютъ: дополненія, карты, чертежи, рисунки и портреты. Въ заключеніе помѣщенъ азбучный указатель: 1) авторовъ и переводчиковъ статей, а также лицъ, которыхъ оцѣнныя отчеты и донесенія помѣщены въ «М. Сб.» (стр. 1—24) и 2) лицъ, мѣстностей, судовъ и предметовъ, а также названій и словъ научныхъ и техническихъ вообще, упомянутыхъ въ систематическихъ отдѣлахъ указателя. Въ отдѣлѣ «Военныя флоты и ихъ дѣйствія» авторъ сгруппировалъ въ рубрику этого отдѣла «Исторія русскаго военнаго флота», для облегченія при справкахъ, въ особое дѣло безъ указанія, относящіяся до войны 1853—1856 гг. При этомъ г. Петровъ не довольствовался приведеніемъ заглавій статей, но указалъ на лица и факты, о которыхъ нѣтъ отдѣльныхъ статей, но о которыхъ говорится въ статьяхъ подъ совершенно другими заглавіями. Такъ напр., на стр. 576, подъ № 11,356, показанъ лейт. Дм. Ильинъ, командиръ брандера въ чесменскомъ сраженіи, о которомъ говорится въ статьѣ «Исторія русскихъ призовъ» (см. «М. Сб.» 1855 г., № 6, стр. 318—335, и въ указателѣ на стр. 542, № 10,795). Всѣхъ №№ въ указателѣ 14,925, но если прибавить указанія подъ однимъ и тѣмъ же № и дубликаты, то наберется до 18—20-ти тысячъ номеровъ.

Матеріалы къ описанію Саратовской губерніи. Изданіе губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей секретаря Н. Я. Воскобойникова, 1875 г., 70, 27 стр. и 19 приложенийъ.

Брошюра эта, изданная въ 4-ю долю и снабженная любопытными таблицами, принадлежитъ къ числу нашихъ провинціальныхъ изданій, которыми мы такъ не богаты хотя безъ нихъ немислимо ближайшее знакомство съ нашимъ отечествомъ. Свѣдѣнія, собранныя статистическимъ комитетомъ, относятся преимущественно къ 1873 году и заключаютъ въ себѣ любопытныя описанія проявленій экономической и общественной жизни губерніи. Неутѣшительныяе всего изъ нихъ, конечно, факты, относящіяся къ народному образованію, въ которомъ на 1,840,000 жителей приходится всего 56,127 учащихся въ 652-хъ школахъ, и къ пожарамъ, которыхъ было въ 1873 году 729, при чемъ сгорѣло 3,496 дворовъ на 758,000 рублей. Очень любопытны также въ приложеніи свѣдѣнія о древнихъ курганахъ въ губерніи.

Сборникъ солдатскихъ, казацкихъ и матросскихъ пѣсень. Выпускъ первый. 100 пѣсень. Слова собранъ Н. X. Вессель. Съ голоса на ноты положилъ Е. К. Альбрехтъ.

При существующемъ у насъ значительномъ количествѣ объемистыхъ сборниковъ различнаго рода народныхъ пѣсень, мы до сихъ поръ не имѣли особаго собранія пѣсень собственно солдатскихъ и т. д. Правда, солдатами поются, между прочимъ, и такія пѣсни, въ которыхъ нельзя не замѣтить происхожденія книжнаго. Это обстоятельство заставляло исключать весьма многія солдатскія пѣсни изъ отдѣла отводившагося имъ въ нѣкоторыхъ сборникахъ пѣсень народныхъ. Гг. Вессель и Альбрехтъ не исключили пѣсень и книжнаго происхожденія, и сдѣлали хорошо, при спеціальной цѣли ихъ сборника, дозволяющаго выѣстить въ себѣ все, что поется солдатами. Изданіе должно выйти весьма объемистымъ, и, судя по первому выпуску, ни одна пѣсня не будетъ въ немъ помѣщена безъ нотъ. Если эта система выдержана будетъ до конца, то это придастъ сборнику тѣмъ болѣе значенія и будетъ, конечно, содѣйствовать его распространенію, такъ какъ онъ, въ этомъ отношеніи, явленіе исключительное. Къ пѣснямъ историческаго содержанія приложены весьма добросовѣстно. Жаль только, что, при отсутствіи въ размѣщеніи пѣсень хронологическаго порядка, этими примѣчаніями не вполне достигается цѣль—учить солдата отечественной военной исторіи по пѣснямъ, которыя онъ самъ распѣваетъ. При значительномъ объемѣ выпуска (что незамѣтно съ перваго взгляда, потому что пѣсни напечатаны весьма убористо въ два столбца) и при множествѣ нотъ, цѣну его (1 р. 50 к.) нельзя не признать довольно умѣреннойю.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1876 г.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Пѣва годовому изданію,—двѣнадцать книгъ, три большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-петербургѣ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспомнанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе рассказы, преданія и анекдоты; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX-го вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовія и сатирическія вѣщи XVIII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовныя и раскольничьи.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библиографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

Семеновскій.

